UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324491 0

Mordovtsev, Daniil Lukich
...
Polnoe Sobranie istoricheskikh romanov
... pt. 19-22 in 1 v.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ
И РАЗСКАЗОВЪ Kn. 19-22
ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Kn. 19.

НИЛЬСКІЙ КРОКОДИЛЪ

494371
7. 7. 49.

ПОВѢСТЬ.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

PG
3467
M8
1914
Kn. 19-22

Mordovtsev, Daniil Lukich
... Полное собраніе историческихъ романовъ
Кн. 19-22.
(Polnoe sobranie istoricheskikh romanov...
pt. 19-22)
494371
7.7.49

НИЛЬСКІЙ КРОКОДИЛЪ.

Повѣсть.

I. У Ифигеніи въ Тавридѣ.

— Ого! Какъ храбро!

— А что?

— Вѣрно забыли того греческаго мудреца, который радовался, когда взбирался на гору, и плакалъ, когда шелъ подъ гору?

— Нѣтъ, не забылъ: такого дурака трудно забыть... А что?

— Да вотъ вы поступаете совершенно наоборотъ: радуетесь, спускаясь внизъ, а каково-то будетъ взбираться назадъ!.. Мы это испытываемъ теперь.

— Ничего-съ... Вчера только я съ Чатырдага и не плакалъ.

Этотъ странный обмѣнъ фразъ произошелъ 3-го іюля 1879 года между совершенно незнакомыми людьми въ Крыму, надъ обрывомъ у Чернаго моря.

3-го іюля 1879 года, выйдя изъ ограды Георгіевскаго монастыря, что за Севастополемъ, я спускался внизъ къ морю по лѣстницѣ, выбитой въ каменистой стремнинѣ. Кто посѣщалъ прелестную мѣстность у мыса Фіолента и сходилъ тутъ прямо къ морю, къ узкой полоскѣ подъ обрывомъ, тотъ знаетъ, что это за лѣстница, состоящая, кажется, изъ полуторы тысячи широкихъ ступеней, высѣченныхъ въ темносѣрыхъ базальтовыхъ береговыхъ скалахъ, готовыхъ, повидимому, ринуться въ голубую бездну. Мнѣ было весело и радостно спускаться съ этихъ уди-

вительно красивыхъ скалъ къ тому мѣсту, гдѣ воображеніе рисовало мнѣ храмъ Діаны таврической съ его мраморными колоннадами и жертвенникомъ, надъ которымъ священнодѣйствовала несчастная дочь Агамемнона и Клитемнестры, сестра злополучнаго Ореста. Кто не знаетъ, какъ сильно подкупаетъ воображеніе спокойную мысль, когда взоръ останавливается на предметахъ, съ которыми соединены воспоминанія глубочайшей древности. Да оно и не удивительно. Я топталъ своими ногами тотъ самый обрывистый путь, по которому не разъ скользила нога Ифигеніи, хотя, быть можетъ, этой Ифигеніи никогда не было на свѣтѣ, а жила она только въ воображеніи слѣпого старика, который и заставилъ ее жить въ воображеніи всего цивилизованнаго міра, возсоздавшаго ее въ тысячахъ образовъ и положеній, въ мраморѣ, въ бронзѣ, на полотнѣ, въ великихъ произведеніяхъ поэтовъ античнаго и новаго міра.

Море тихо съ какимъ-то жалобнымъ ропотомъ плескалось о кремнистый берегъ и о торчавшія изъ голубой бездны двѣ скалы: одну высокую, обрывистую, точно изъѣденную временемъ и подточенную вѣчными прибоями моря, другую съ менѣе рѣзкими изломами и обрывомъ, на карнизахъ которыхъ вились чайки и жалобно кричали...

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ ..

— Ого! Какъ храбро!

Это поднималась мнѣ навстрѣчу веселая компанія: молодые офицеры и молодыя барышни. Они неожиданно показались изъза уступа скалы, поросшей зеленью и также неожиданно наткнулись на меня. Лица молодежи были оживленныя, веселыя, хотя красныя отъ усталости. На мой отвѣтъ о греческомъ мудрецѣ барышни разсмѣялись.

— А вотъ мы ему подражаемъ.

Обмѣнявшись улыбками, мы разстались. Я продолжалъ спускаться внизъ. а они скрылись за верхними уступами. Спустившись къ морю, я долго бродилъ по его песчано-кремнистому берегу, на который постоянно набѣгали тихія, ласковыя волны и словно шептались съ кѣмъ-то таинственнымъ шопотомъ. Это былъ немолчный шопотъ вѣковъ и тысячелѣтій: вотъ уже тысячи лѣтъ море шепчется съ прибрежными валунами, которые каждымъ прибоемъ выбрасывались на отлогій берегъ и за ка-

ждымъ такимъ же отливомъ снова стремились вслѣдъ за убѣгающею волною. И въ самомъ дѣлѣ, сколько нужно было столѣтій, чтобы цѣлыя глыбы прибрежныхъ скалъ превратить въ мелкія гальки и отполировать ихъ до гладкости шлифованнаго мрамора! Между этими полированными гальками я искалъ остатковъ давно исчезнувшаго міра, и мнѣ казалось, что иныя изъ нихъ вышли не изъ нѣдръ этихъ базальтовыхъ скалъ, а изъ далекихъ мраморныхъ каменоломень, съ Пароса и другихъ остр овъ греческаго Архипелага, и привезены были сюда давнымъ-давно, когда здѣсь еще строили храмъ Діаны, и стройныя колонны одна за другою выходили изъ-подъ рѣзца эллинскихъ каменьщиковъ, тѣхъ, которые строили и храмъ Діаны въ Эфесѣ и Парѳенонъ въ Аѳинахъ, когда еще не было ни римскаго Колизея, ни римскаго форума, ни самого Рима, и когда на необозримыхъ равнинахъ нынѣшней Россіи бродили дикіе андрофаги, савроматы и меланхлены.

Отъ мыса Фіолента уже ложились косыя тѣни на омывающій его съ юга небольшой заливъ, когда я ломаными зигзагами гигантской лѣстницы поднимался обратно отъ моря къ монастырю, дѣлая небольшіе роздыхи на поворотахъ и невольно внимая жалобнымъ крикамъ чаекъ. Горизонтъ моря раздвигался у меня передъ глазами все шире и шире, когда я оборачивался, чтобы еще разъ взглянуть на торчавшія изъ воды скалы и безконечную водную панораму съ брошенными на ней кое-гдѣ бѣлыми парусами едва видимыхъ кораблей. Хотя солнце начинало уже клониться къ западу, однако, воздухъ продолжалъ быть знойнымъ, и я охотно отдохнулъ въ тѣни уступа, образуемаго монастырской стѣной. Отсюда мнѣ видно было море, а острый профиль вершины мыса ярко вырѣзывался на синевѣ неба. Почти у самаго края обрыва стояли видѣнные уже мною молодые офицеры и барышни и бросали въ море камешки. До меня доносился ихъ веселый смѣхъ.

Отдохнувъ немного, я также направился въ ту сторону, пробираясь по самому гребню скалъ.

— Тубо! Назадъ!—раздался вдругъ чей-то голосъ надъ самою моею головой.

Я невольно остановился. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стояла прекрасная лягавая собака и не то дружески, не то недовѣрчиво махала хвостомъ. Я узналъ ее. «А! Пріятель!» Ут-

ромъ, когда я завтракалъ въ буфетѣ гостиницы въ Севастополѣ, гдѣ наканунѣ остановился, въ залу буфета вбѣжала эта самая собака и, замѣтивъ у меня на тарелкѣ остатки бараньей котлеты, первая выразила желаніе познакомиться со мною. Я отдалъ ей котлету, и мы подружились.

— А! Пріятель, ты какъ сюда попалъ? Тоже пришелъ поклониться Ифигеніи Агамемноновнѣ?

Но я тотчасъ же замѣтилъ, что собака не одна. Выше, у самаго обрыва, который загибался къ вершинѣ мыса, виднѣлась какая-то группа.

— Такъ вы уже знакомы?—послышался оттуда старческій, но еще свѣжій голосъ.

Собака весело завиляла хвостомъ, поглядывая то на меня, то на группу.

— Я уже имѣлъ честь представиться этому господину сегодня утромъ въ Севастополѣ, въ гостиницѣ,—невольно засмѣялся я.

Голосъ говорившаго со мной незнакомца показался мнѣ симпатичнымъ, внушающимъ довѣріе.

— Такъ позвольте теперь мнѣ представиться вамъ,—продолжалъ этотъ голосъ,—идите сюда: видите, я самъ не могу.

Тутъ только я понялъ, въ чемъ дѣло. Говорившій со мною былъ старикъ съ бѣлою, ярко серебристою бородой, подрѣзанною такъ, что большіе бѣлые усы двумя прядями свѣшивались по бокамъ подбородка. На немъ была широкополая соломенная шляпа и свѣтлая лѣтняя пара. Онъ сидѣлъ въ ручной плетеной колясочкѣ, въ какихъ обыкновенно возятъ на водахъ больныхъ или безногихъ. Ноги старика была окутаны пледомъ. Колясочку осѣнялъ огромный прикрѣпленный къ ея передку подвижной парусинный зонтикъ, съ какими обыкновенно странствуютъ лѣтомъ художники-пейзажисты. Старикъ курилъ сигару, бѣлый дымокъ отъ которой относило южнымъ вѣтеркомъ въ сторону Фіолента. Около колясочки, свѣсивъ ноги съ кручи, сидѣлъ другой старикъ въ военной фуражкѣ и держалъ въ рукахъ какую-то небольшую книжку. Я поднялся на верхъ обрыва и молча раскланялся съ незнакомцами. Въ послѣднемъ я тотчасъ же призналъ стараго слугу, пользующагося правами дружбы своего господина.

— Моя собака признала въ васъ хорошаго человѣка,—

любезно заговорилъ старикъ, приподымая лѣвой рукой шляпу,— а мой Фараонъ судья строгій, и на его выборъ я вполнѣ могу положиться.

Признаюсь, эта собачья рекомендація поставила меня въ глупое положеніе; но старикъ, какъ бы торопясь загладить неумѣстную шутку, быстро вынулъ изъ бокового кармана карточку и съ самой изысканной любезностью подалъ ее мнѣ. На карточкѣ я прочелъ одну изъ очень извѣстныхъ южно-русскихъ фамилій и, доставъ свою карточку, подалъ ее новому знакомому. Послѣдовали обычныя въ подобныхъ случаяхъ привѣтствія, и мы разговорились. Старикъ оказался очень пріятнымъ собесѣдникомъ. При всемъ томъ, въ лицѣ его было что-то для меня загадочное: въ симпатичной улыбкѣ и въ задумчивыхъ, черныхъ глазахъ свѣтилась какая-то затаенная грусть, можетъ быть, какія-нибудь грустныя воспоминанія.

Впрочемъ, послѣдующія его слова служили, кажется, нѣкоторой разгадкой его затаенной грусти.

— А у васъ, я вижу, ноги хорошія, молодыя,—показалъ онъ на мои сапоги, на которыхъ видны были слѣды моего недавняго карабканья по базальтовымъ скаламъ.

— Да, не пожалуюсь, я ходокъ порядочный.

— И я былъ когда-то такимъ же,—задумчиво сказалъ онъ, глядя вдаль,—помнишь, Трофимычъ?

Тотъ, къ кому обращенъ былъ этотъ вопросъ, ничего не отвѣчалъ, сурово затягиваясь ѣдкимъ дымомъ изъ коротенькой, черной трубочки.

— А ты опять отравляешь воздухъ чортовымъ зельемъ,— дружески-сердито проворчалъ первый старикъ,—хоть уйди ты подальше, дыми тамъ позади или въ поднавѣтренной сторонѣ.

Трофимычъ медленно поднялся съ кручи, отошелъ въ сторону, выколотилъ объ камень пепелъ изъ своей трубочки, присѣлъ на этотъ камень и, развернувъ черную книжечку, повидимому, весь углубился въ чтеніе.

Я опустился на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ прежде Трофимычъ, и закурилъ папироску. Собака, поглядѣвъ попеременно въ глаза мнѣ и своему господину, смиренно улеглась между мною и колясочкой.

— Не хотите ли сигару? У меня старыя, вылежавшіяся.

— Благодарю. Я предпочитаю папиросы

Мы помолчали. Въ виду нѣкоторыхъ картинъ природы охотнѣе думается, чѣмъ говорится.

— А знаете, чѣмъ вы подкупили меня?—вдругъ обратился ко мнѣ мой, почему-то казавшійся мнѣ страннымъ, собесѣдникъ.

— Не знаю,—улыбнулся я невольно,—собачьей рекомендаціей?

— Ну, полно! Я сказалъ глупость и прошу извиненія. Нѣтъ, вы подкупили меня Ифигеніей, эхъ!

— Что же?

— Я самъ думалъ о ней, когда увидѣлъ васъ... И знаете, какое ребячество мнѣ тогда же пришло въ голову? Моей сумасбродной иллюзіи помогла ваша длинная сѣдая борода. Я такъ задумался, видя передъ собою море, да не это, а другое, далекое, еще болѣе синее, я перетряхалъ въ своей памяти такія далекія, такія давнія картины, что, очнувшись при видѣ васъ, я видѣлъ не васъ, а самого Атамемнона, который отыскиваетъ здѣсь свою дорогую дочь.

Признаюсь, меня пріятно поразили слова моего собесѣдника. Въ немъ дѣйствительно было что-то загадочное, притягательное.

— Я вижу, вы большой фантазеръ,—сочувственно посмотрѣлъ я на него.

— Да, знаете, это взамѣнъ ногъ.

— Какъ взамѣнъ ногъ? Я васъ не понимаю.

— Да, вамъ это, можетъ быть, и непонятно, у васъ прекрасныя ноги. А я вотъ, видите, потерялъ свои и потерялъ давно. Я пригвожденъ къ этому проклятому сидѣнью, какъ Шильонскій узникъ къ стѣнѣ. Разсердись на меня Трофимычъ, хотя бы изъ-за своей адской махорки, и брось меня здѣсь, я такъ и остался бы, кажется, на вѣки. Да! Такъ вотъ теперь фантазія и замѣняетъ мнѣ все, и ноги, и движеніе, однимъ словомъ, всю мою жизнь. Да что объ этомъ! Вы сами-то откуда теперь, что дѣлаете, чего ищите?

— Да такъ просто, брожу: засидѣлся въ Питерѣ, и вотъ теперь разминаю ноги, любуюсь Крымомъ.

— А вы развѣ его въ первый разъ видите?

— Въ первый. Я вѣдь мало видѣлъ...

— Какъ! А я думалъ. что вы у Агамемнона были въ гостяхъ, и вотъ теперь пришли къ его дочкѣ.

Въ глазахъ его загорѣлся какой-то особенный свѣтъ, что-то мягкое и теплое и, въ то же время, грустное, что особенно располагало къ нему.

— А вы и у Агамемнона были?—невольно спросилъ я, и самъ не радъ былъ, что спросилъ.

— Ахъ, гдѣ я не былъ!—съ тихимъ вздохомъ отвѣчалъ онъ; но въ этомъ вздохѣ было очень много горькаго. Мнѣ даже показалось, что на глазахъ его навернулись слезы.

Когда я былъ аркадскимъ принцемъ...

— Да, я былъ и у Агамемнона, еще тогда, когда

Онъ какъ-то странно засмѣялся и съ силою отбросилъ отъ себя недокуренную сигару. Что-то, повидимому, волновало его, но что именно, я рѣшительно отказывался понимать.

— Разскажите лучше что-нибудь о себѣ,—вдругъ обратился онъ ко мнѣ съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ будто то, что онъ хотѣлъ сказать и не досказалъ, особенно мучило его.

Но что я могъ сказать ему! Я даже не могъ сразу сообразить, какъ это, ни съ того, ни съ сего, я очутился передъ чѣмъ-то въ родѣ нѣмой исповѣди человѣка, котораго вижу въ первый разъ. Но я чувствовалъ, что уйти отъ него въ этотъ моментъ я рѣшительно не могъ: мнѣ казалось, что какимъ-то словомъ, какимъ-то намекомъ на что-то, чего я не зналъ, но что для него имѣло смыслъ и силу, онъ поставилъ меня въ такое положеніе, какъ будто я былъ у него уже въ долгу. Мало того, мнѣ становилось совсѣмъ неловко, и я понялъ почему. Я сознавалъ, что тутъ произошло какое-то недоразумѣніе, но только не по моей винѣ. Съ какой стати совершенно незнакомый мнѣ человѣкъ вдругъ навязался на знакомство? Мало-ли кто тутъ могъ проходить? Не всякаго же онъ сталъ бы подзывать къ себѣ и вручать ему свою карточку. Вѣдь не заговорилъ же онъ вонъ съ тѣми молодыми офицерами и барышнями. Ясно, что онъ принялъ меня за кого-то другого. И я подозрѣвалъ, за кого. Мой новый знакомый началъ представляться мнѣ болѣе чѣмъ страннымъ. Я положительно убѣждался, что наше знакомство произошло по винѣ Ифигеніи и Агамемнона. Человѣкъ, для котораго фантазія замѣнила все, не отпявъ послѣдняго досто-

нія—памяти прошлаго, воспоминаній, человѣкъ этотъ силою фантазіи перенесъ себя въ это прошлое, въ дорогой міръ воспоминаній, которыя одни только и остались у него отъ его прошлой жизни, отъ его молодости, когда онъ «могъ быть въ гостяхъ у самаго Агамемнона» и вмѣстѣ съ нимъ «отыскивать Ифигенію», и вдругъ этотъ человѣкъ неожиданно слышитъ имена, дорогія для него именно на этотъ моментъ. Что же удивительнаго, что онъ поддался иллюзіи и, какъ человѣкъ съ просонокъ, этотъ самый сонъ, въ моментъ пробужденія, принялъ за дѣйствительность!

Но теперь, когда иллюзія исчезла, и онъ очутился съ глазу на глазъ не съ Агамемнономъ, а съ совершенно незнакомымъ бродягой, онъ самъ, конечно, почувствовалъ взаимную неловкость нашего положенія и, желая поправить ее, еще болѣе путалъ.

— Разскажите лучше что-нибудь о себѣ.

Само собою разумѣется, что на такое приглашеніе я не сразу могъ отвѣтить. Онъ, кажется, понялъ это и заговорилъ, повидимому, искренно, но не безъ замѣшательства.

— Извините, пожалуйста. Я вамъ кажусь, вѣроятно, очень страннымъ человѣкомъ. Да я и въ самомъ дѣлѣ странный. Я знаю даже, что меня называютъ «чудакомъ», такъ я и слыву «чудакомъ». Смотрите и вы на меня, какъ на чудака, какъ на человѣка, у котораго, знаете, немножко того... Да вѣдь по теоріи доктора Крупова мы всѣ немножко того. Видите ли, я вамъ имѣлъ честь объяснить, что за неимѣніемъ ногъ я пользуюсь услугами фантазіи и, быть можетъ, злоупотребляю ея услугами! Впрочемъ, не скрою, когда мнѣ еще и ноги служили, то и тогда я былъ въ большой дружбѣ съ фантазіей, даже и тогда замѣтно подчинялся ей. Позвольте, позвольте, выслушайте меня: я вижу въ васъ, кажется, признаки нетерпѣнія.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Я постарался успокоить его, сказавъ, что охотно слушаю.

— Охотно!—улыбнулся онъ.—Но вѣдь не охотою же вы пошли на знакомство со мною.

— Отчего же не охотою?

— А вотъ я вамъ объясню. Я къ тому и рѣчь веду. Когда я здѣсь замечтался, и мысль моя бродила далеко отсюда, мало

того, что далеко, а унеслась за тысячелѣтія назадъ, то ваше нечаянное появленіе навело на меня какой-то столбнякъ.

— Значитъ, я испугалъ васъ?

— Нѣтъ, напротивъ, обрадовали: случайно вы произнесли то имя, воспоминаніемъ о которомъ была поглощена въ тотъ моментъ моя дикая фантазія.

— Это Ифигенія?

— Она именно. Но вотъ видите, хоть я и чудакъ, однако, иногда умѣю читать чужія мысли, да, можетъ быть, потому именно и знаю эту грамоту, что я чудакъ. Видите ли: хоть вы и удостоили меня знакомствомъ, и дали мнѣ свою карточку, однако, я по вашему лицу вижу, что вы не считаете нашего знакомства за настоящее.

— Почему же?—притворился я удивленнымъ, хоть ясно видѣлъ, что чудакъ дѣйствительно прочелъ мою мысль.

— Да я же самъ себя выдалъ,—отвѣчалъ онъ,—я признался вамъ, что при нечаянномъ вашемъ появленіи видѣлъ не васъ, а Агамемнона; а тутъ еще этотъ Фараонъ...

При послѣднихъ словахъ, красивый песъ поднялъ голову, посмотрѣлъ своими умными глазами на своего господина, а потомъ на меня и, лѣниво поколотивъ хвостомъ по землѣ, снова успокоился.

«Все, дескать, благополучно: господа могутъ спокойно разговаривать, когда возлѣ нихъ Фараонъ».

II. Борьба съ тифонами.

Такъ оригинально началось мое знакомство съ человѣкомъ, который, несмотря на то, что разсказалъ мнѣ почти всю свою жизнь (хоть я и не добивался этого), все-таки остался для меня нѣсколько загадочнымъ.

— Я люблю смотрѣть, какъ мѣняются тѣни на Чатырдагѣ, какъ онъ гримируетъ свою физіономію по мѣрѣ движенія солнца къ западу,—началъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія, поворачиваясь въ своемъ сидѣньѣ и оглядывая массивъ горы, величаво заслонявшей собой часть восточнаго горизонта.— Эта замѣна однѣхъ красокъ и тѣней другими напоминаетъ мнѣ мою собственную жизнь. Вы помните начало пятидесятыхъ годовъ?—спросилъ онъ, поворачиваясь ко мнѣ.

Я отвѣчалъ, что хорошо помню, потому что былъ въ то время уже студентомъ.

— И атмосферу того времени помните? Нравственную, то есть... барометрическій минимумъ того времени чувствовали?— снова спросилъ онъ.

— Да, насколько можетъ его чувствовать молодость.

— Ну, я былъ тогда постарше васъ лѣтъ на пятнадцать. Такъ вы говорите, что нигдѣ не были?

— Не совсѣмъ. Россію я изъѣздилъ, можно сказать, вдоль и поперекъ: знаю всю Волгу, Донъ, Днѣпръ, Вислу. А вотъ этими мѣсяцами бродяжничалъ по Кавказу и Закавказью, лазилъ на Машукъ и Бештау, проѣхалъ моремъ отъ Батума до Крыма, шлялся по южному берегу, третьяго дня сидѣлъ на вершинѣ Чатырдага; сегодня вотъ былъ въ гостяхъ у Ифигеніи Агамемноновны.

Мой собесѣдникъ посмотрѣлъ на меня съ задумчивою улыбкой и сказалъ, тихо качая своею серебряною головой и кладя шляпу на колѣни:

— А вѣдь вы бѣгаете, извините меня.

— Какъ бѣгаю? Отъ чего или отъ кого?

— Отъ себя, отъ своей тѣни или, пожалуй, отъ тѣни Банко.

— Я не убійца,—улыбнулся я.

— Я увѣренъ,—серьезно сказалъ мой странный собесѣдникъ,—но васъ преслѣдуетъ все-таки тѣнь Банко. Я вѣдь чудакъ и умѣю читать людей. Преслѣдовала и меня тѣнь Банко. Но это было очень давно, около тридцати лѣтъ. Я вамъ разскажу кое-что, и вы меня лучше поймете.

Онъ говорилъ тихо, медленно, спокойно, какъ бы весь отдавшись созерцанію кружившихся надъ моремъ чаекъ и прислушиваясь къ говору морской волны у подножія Фіолента.

— Эй, Трофимычъ!—крикнулъ онъ.—Подай огня. Фараонъ, спички!

Прелестный песъ сорвался съ мѣста, какъ ошпаренный, и черезъ нѣсколько мгновеній уже тащилъ за полу казакина стараго слугу, который отъ неожиданности уронилъ на землю свою черную книжку и отпихивалъ ногой собаку.

— Цыцъ, окаянный! Бешметъ изорвешь.

Собака не успокоилась, пока ей не дали спичечницу съ жел-

тымъ жгутомъ, и она торжественно преподнесла ее своему господину.

— Эхъ, баринъ, — укоризненно покачалъ головой старый слуга, когда господинъ закуривалъ сигару,—вы опять про эту гречанку, опять всю ночь спать не будете.

И, махнувъ рукой, онъ удалился на свой камень, а Фараонъ полюбопытствовавъ, какъ закурилась сигара его господина, и убѣдившись, что все обстоитъ благополучно, снова занялъ свой постъ у колясочки.

— Изволите видѣть,—началъ старикъ, продолжая наблюдать полетъ чайки,—да я вамъ не надоѣлъ?

— Напротивъ, вы меня все больше интересуете.

— Итакъ, вы бѣгаете отъ тѣни Банко, не отпирайтесь: по нынѣшнимъ временамъ оно иначе и быть не можетъ,—спокойно продолжалъ старикъ.—А я вамъ разскажу о нашихъ временахъ. Я долженъ вамъ пояснить, что родился и выросъ подъ благопріятными ауспиціями. Единственный сынъ у матери, наслѣдникъ богатаго родового имѣнія, я былъ баловень судьбы. Служилъ я въ гвардіи, да не просто въ качествѣ блестящаго кавалергарда, а кончивъ курсъ въ академіи генеральнаго штаба. Прослушалъ и университетскій курсъ. Помню Лермонтова, Гоголя, Сенковскаго: я много читалъ, жадность была ненасытная. Но тутъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, меня переѣхало колесомъ судьбы. На моей дорогѣ стала женщина. Вы скажете: обыкновенная исторія! Нѣтъ, въ томъ-то и бѣда, что не обыкновенная. Одно скажу вамъ, что я не могъ къ ней приблизиться, а она и подавно не могла приблизиться ко мнѣ или поднять меня до себя. Понимаете весь трагизмъ моего положенія? Можетъ быть, этому помогла и атмосфера того времени: въ воздухѣ носился байронизмъ, печоринство, всю ядовитость котораго (тутъ Лермонтовъ не виноватъ, онъ самъ былъ жертвою того яда, тѣхъ нравственныхъ бактерій, которыя носились въ воздухѣ) испытывали на себѣ всѣ развитые люди того времени. Какъ бы то ни было, но я очутился въ аду въ положеніи того царя, который стоялъ по горло въ водѣ, но лишь только нагибался, чтобъ напиться, вода отбѣгала отъ его рта. Я заболѣлъ, я дошелъ до маразма.

— Эй, Трофимычъ!—снова кликнулъ онъ слугу.

Фараонъ вскочилъ и вопросительно глядѣлъ на своего господина, не зная, куда и зачѣмъ летѣть. Но, сообразивъ, что

нуженъ Трофимычъ, стремглавъ бросился къ нему и съ радостнымъ лаемъ кинулся ему на грудь.

— Отойди ты, окаянный,—ворчалъ Трофимычъ, подходя къ барину.

— Поверни меня немножко влѣво,—сказалъ тотъ,—а то солнце въ глаза.

Слуга повернулъ колясочку передкомъ къ югу.

— Домой бы пора,—какъ бы про себя, замѣтилъ онъ ворчливо.

— Не ворчи, старина,—улыбнулся мой собесѣдникъ,—грѣчанка тутъ не причемъ.

— Знаю я, не первый годъ.

— Видите?—обратился ко мнѣ мой собесѣдникъ, указывая на Чатырдагъ.—Лицо старика мѣняется.

Дѣйствительно, тѣни и освѣщенныя солнцемъ взлобья горы нѣсколько передвинулись и измѣнили физіономію гиганта.

— Помните,—какъ бы перебивая самого себя, заговорилъ старикъ,—у Эдгара Поэ есть прелестная и страшная легенда о томъ, какъ сошелъ съ ума послѣдній изъ рода Эшеръ? Былъ замокъ, въ которомъ обитали счастіе, гармонія, свѣтъ. Замокъ—это голова; ярко освѣщенныя окна замка—глаза. Теперь, кто поглядитъ въ эти красноватыя окна, увидитъ чудовищныя формы, услышитъ хаосъ нестройныхъ звуковъ, а изъ дверей замка, изъ устъ, вырываются дикіе вопли тоски или безумный хохотъ. Почти то же было и со мной; однимъ словомъ, маразмъ. Меня отправили за границу. Вотъ онъ помнитъ это время (старикъ указалъ на слугу, снова сидѣвшаго на камнѣ съ трубочкой во рту). Это было въ пятьдесятъ первомъ году. Весь этотъ годъ таскали меня по разнымъ водамъ, по курортамъ, по бадамъ и по всѣмъ медицинскимъ знаменитостямъ. Правда, я избавился отъ маразма, но ко мнѣ не возвращалась жизнь, интересъ къ жизни. Я сталъ переѣзжать изъ Парижа въ Ниццу, изъ Ниццы въ Римъ, изъ Рима въ Неаполь. Бродилъ я, какъ автоматъ, по живописнымъ берегамъ морей и озеръ; но природа была для меня мертва, да я и не замѣчалъ ея красотъ. Отъ людей я бѣгалъ, какъ отъ назойливыхъ москитовъ. Картинныя галлереи Рима, Флоренціи, Неаполя, Мюнхена, Дрездена казались мнѣ собраніемъ испачканныхъ полотенъ. Отъ скульптурныхъ произведеній на меня вѣяло холодомъ мрамора. Все, что я видѣлъ, и природа, и люди, и произ-

ведепія искусствъ, все проходило мимо меня, какъ декораціи. Я посѣщалъ и игорные дома, которыхъ тогда было такъ много во всей Европѣ; но игра не возбуждала во мнѣ трепета жизни, ни выигрышъ, ни проигрышъ не оживляли меня. Я посѣщалъ театры, оперы, концерты; я исполнялъ все, что мнѣ предписывали врачи; въ Римѣ я часто слушалъ мессу въ базиликѣ Петра; но месса казалась мнѣ такою же оперою, какъ «Норма», и во всемъ я видѣлъ декораціи и декораціи.

— Вы не были въ Помпеѣ?—вдругъ спросилъ онъ, перебивая опять самого себя.

Я снова отвѣчалъ ему, что кромѣ Россіи, Кавказа и Крыма, ничего не видалъ и что въ Европѣ знаю только Берлинъ и Дрезденъ, дальше я не былъ.

— Ахъ, виноватъ, я и забылъ,—спохватился онъ.—Да, о Помпеѣ. Если что возбудило мой интересъ во время блужданій по Европѣ, такъ это Помпея. То, что я видѣлъ въ Помпеѣ: вырытые изъ-подъ лавы храмы, площади, улицы со слѣдами колесъ, проѣзжавшихъ по этимъ улицамъ почти за двѣ тысячи лѣтъ назадъ, всѣ эти осмотрѣнные мною останки жизни людей, которыхъ ни я и никто не видѣлъ, все это въ первый разъ послѣ моей болѣзни заставило меня задуматься, забыть на время мою тупую тоску, уйти хоть на минуту отъ тѣни того призрака, который незримо бродилъ по моимъ пятамъ. Когда я сказалъ объ этомъ своему неаполитанскому доктору, то онъ долго думалъ и потомъ сказалъ: Для врача это важное указаніе. Ни европейская жизнь, ни ея природа, ни люди, ни формы ихъ жизни не въ силахъ побѣдить въ насъ того, что удручаетъ вашу душу. Вамъ нужно на время забыть эту жизнь, бросить Европу, которая напоминаетъ вамъ на каждомъ шагу то, отъ чего вы хотите убѣжать: все, что вы здѣсь видите, это тѣнь вашего Банко. (Онъ первый примѣнилъ ко мнѣ это выраженіе,—пояснилъ мой собесѣдникъ). Вы должны ѣхать на Востокъ, сказалъ онъ: тамъ вы увидите совершенно иныя формы жизни, совершенно другихъ людей, своеобразную природу. Если вы въ Помпеѣ, хоть на минуты могли уходить отъ вашей тѣни, то какъ же должны на васъ подѣйствовать тѣ мѣста, на которыхъ Авраамъ разбивалъ свои шатры, или остатки той жизни, которая била ключемъ уже тогда, когда ни Помпея, ни Римъ еще не существовали!

Старикъ вдругъ замолчалъ. Онъ или вспомнилъ что-то, или прислушивался къ медленнымъ ударамъ монастырскаго колокола, меланхолическіе звуки котораго постепенно таяли въ воздухѣ, не заглушая тихаго ропота волнъ, плескавшихся глубоко подъ тѣмъ обрывомъ, на вершинѣ котораго мы сидѣли. Солнце все болѣе и болѣе клонилось къ западу, и тѣмъ явственнѣе массивный конусъ Чатырдага вырисовывался на синевѣ безоблачнаго неба.

— Вы не соскучились?—какъ бы очнулся отъ забытья мой собесѣдникъ.

— Да вы только начали,—отвѣтилъ я,—когда же скучать? Продолжайте.

— Благодарю васъ. Вѣдь у меня все это, что я теперь вспоминаю, такъ ярко встаетъ въ душѣ, а вы этихъ картинъ не видите. Я одинъ ихъ вижу; а кисть моя слаба. Я боюсь, что не сумѣю разсказать.

— Сумѣете,—успокоилъ я его,—до сихъ поръ вы вполнѣ владѣли моимъ вниманіемъ. Будьте увѣрены, что вы сумѣли уже сдѣлать изъ меня внимательнаго слушателя.

Хотя и въ самомъ дѣлѣ меня начиналъ интересовать странный старикъ, однако, я все-таки не могъ понять, что это была за личность. Онъ не напоминалъ обыкновенныхъ стариковъ, которые долгими годами жизни отшлифовываются въ извѣстную стереотипную форму, подобно тому, какъ морскими волнами шлифуются прибрежные валуны, теряя свои изломы и обращаясь въ обыкновенныя гальки, похожія одна на другую. Мой старикъ не походилъ на другихъ. Въ немъ, повидимому, сохранилось отъ молодости что-то свое; но что это было, я не зналъ. Можно было также догадаться, что онъ не застылъ въ идеяхъ извѣстнаго цикла, на симпатіяхъ «своего времени», какъ это часто случается со стариками и становится почти неизбѣжнымъ явленіемъ; нѣтъ, этотъ старикъ, какъ мнѣ казалось, встрѣчалъ мимоидущіе годы, вѣянія и нарожденіе новыхъ идей безъ недовѣрія и старческаго брюзжанья, вдумываясь въ нихъ и не считая себя чужакомъ въ нарождающейся жизни, что отражалось и на его живомъ, почти даже не морщинистомъ лицѣ и въ его живыхъ, нѣсколько задумчивыхъ глазахъ.

Эту бѣгло сложившуюся у меня оцѣнку онъ, кажется, прочиталъ на моемъ лицѣ и съ улыбкой замѣтилъ:

— Да я вѣдь и не загадка.

— Нѣтъ, до нѣкоторой степени загадка.

— Да, но которая не стоитъ, чтобъ ее разгадывали: разгрызете орѣхъ, а тамъ червоточина. Впрочемъ, не объ этомъ рѣчь. Я хочу взять васъ съ собою на Востокъ и показать вамъ его хоть съ птичьяго полета. А тамъ, пожалуй, познакомлю васъ и съ гречанкой, которая напрасно такъ безпокоитъ моего добраго Трофимыча.

— Помнишь, Трофимычъ, какъ мы съ тобой въ первый разъ сѣли въ Неаполѣ на пароходъ?—обратился онъ съ улыбкой къ своему слугѣ.

— Какъ, сударь, не помнить!—отвѣчалъ тотъ. — Съ самой той моменты мнѣ на море и глядѣть-то тошно, а не то что плавать по емъ.

— То-то! Укачало! — добродушно засмѣялся мой оригиналъ.—А на васъ какъ море дѣйствуетъ?—спросилъ онъ меня.

— Отъ Батума до Крыма я совершилъ переѣздъ отлично,—отвѣчалъ я,—впрочемъ, было тихо.

— А на меня море подѣйствовало хорошо,—какъ бы впадая задумчивость, началъ мой собесѣдникъ.—Помню, мы выѣхали изъ Неаполя ранней весной. Пока съ палубы парохода я видѣлъ землю, во мнѣ продолжало сидѣть что-то прежнее. Только когда миновали Мессинскій проливъ и вышли въ открытое море, во мнѣ началъ оживать человѣкъ. Мнѣ казалось грустно-отраднымъ сознаніе какой-то оторванности отъ міра. Можетъ быть, во мнѣ продолжалъ сидѣть тотъ прежній дуракъ, который раскисъ при столкновеніи съ личнымъ чувствомъ и въ своей тряпичности видѣлъ міровую скорбь. Ибо, сами согласитесь, что хорошаго въ такъ называемой «оторванности отъ міра»? А мнѣ тогда казалось это чѣмъ-то хорошимъ. Вообразите себѣ картину: кругомъ куда ни глянешь, вода и вода безъ конца; хоть бы дымокъ, хоть бы парусъ на горизонтѣ; глупому воображенію представляется, что земля, тамъ гдѣ-то далеко, утонула въ этой бездонной хляби, а съ нею потонули и люди; то тамъ, то здѣсь изъ этой хляби выныряютъ дельфины и съ какимъ-то, точно свинымъ, хрюканьемъ снова скрываются подъ водою. Какъ должно быть преподло въ этой противной хляби! Пароходъ однообразно стучитъ и вздрагиваетъ. Лопасти колесъ однообразно пѣнятъ воду, и тотъ же однообразный цвѣтъ и моря, и неба, и тоже однообразіе въ душѣ!

Но въ то же время въ этой душѣ шевелится какая-то глупая гордость: «а они этого не испытали, они не видятъ всего этого»... Я самъ сознаю, что это глупо; но оно сидѣло во мнѣ, и я говорю вамъ всю эту дребедень для того лишь, чтобы вмѣстѣ со мною вы впослѣдствіи очутились въ томъ мірѣ иллюзій, который... ну, да что объ этомъ говорить заранѣе! Можетъ быть, оно и глупо, да только... Лучше покуримъ.

Пока онъ возился съ закуриваніемъ сигары, я снова вглядывался въ выраженіе его лица и вдругъ невольно сталъ въ чемъ-то сомнѣваться, чего-то еще болѣе не понимать. Съ какой стати онъ мнѣ, какому-то встрѣчному незнакомцу, сталъ выкладывать свою душу? Я и прежде задавалъ себѣ этотъ вопросъ; но теперь вся странность того, что я видѣлъ и слышалъ, просто приводила меня втупикъ. А, можетъ быть, это просто старческая болтовня? И какъ онъ самъ не пойметъ всей странности своей исповѣди?

Но дѣлать было нечего, надо дослушать до конца, если только будетъ этотъ конецъ.

— Однако, вы мнѣ до сихъ поръ не сказали, куда же вы плыли, въ Африку?—спросилъ я.

— Ахъ, да! Я и забылъ,—отвѣчалъ старикъ,—пароходъ нашъ держалъ курсъ восточнѣе, къ берегамъ Сиріи, собственно къ Бейруту. Весь этотъ безконечный переѣздъ отъ Италіи къ Сиріи представляется мнѣ какъ-то смутно, можетъ быть, вслѣдствіе своего однообразія, а, можетъ быть, и потому, что душевное мое состояніе было все еще невполнѣ нормально. Болѣе всего удержался въ моей памяти одинъ случай. День былъ жаркій и душный. Капитанъ говорилъ, что берегъ Сиріи уже недалеко, хотя впереди, кромѣ воды, ничего не было видно. Пассажиры и свободные отъ дежурства матросы прятались въ тѣнь навѣсовъ: кто спалъ, кто слушалъ розсказни какой-то зеленой чалмы съ бронзовымъ лицомъ, какъ старый финикъ. Эта чалма взошла на нашъ пароходъ на одномъ изъ острововъ Архипелага, гдѣ мы запасались водой, и отправлялась черезъ Бейрутъ въ Дамаскъ. Мой Трофимычъ, который со всѣми матросами былъ за панибрата и даже ловко перевиралъ итальянскія слова на хохлацкій ладъ, рѣзался съ однимъ матросикомъ въ носки. Онъ научилъ этой игрѣ своихъ пріятелей, и оригинальная игра очень понравилась скучающимъ неаполитанцамъ. А

я ходилъ по высокому юту и машинально смотрѣлъ, какъ на передней платформѣ, на свернутомъ спиралью огромномъ канатѣ, играющіе въ носки пріятели казнили засаленными картами пунцовые отъ частыхъ экзекуцій носы то моего Трофимыча, то какого-нибудь Пьетро, Джузеппе или Витторе. Однако, въ тотъ моментъ, когда Трофимычъ энергически занесъ свою богатырскую руку, чтобы бить по орлиному носу своего друга Антоніо, вдругъ съ вахты раздался крикъ «tromba! tromba!». Всѣ матросы моментально вскочили съ мѣстъ. Вскочилъ и Антоніо, увертываясь отъ занесенной надъ его носомъ руки Трофимыча, вооруженной картами. Но Трофимычъ бѣшено схватилъ своего друга за шиворотъ лѣвою рукой, а правой цѣлился въ носъ.

— Tromba!—трагически кричалъ Антоніо,—tromba, per bacco!

— Нѣтъ,—кричалъ въ свою очередь Трофимычъ,—я тебѣ, подлецу, дамъ тромбу! Давай носъ! Назо свой анаѳемскій подавай! Меня, небось, билъ!

Раздалась команда. Матросы бросились къ своимъ мѣстамъ, а капитанъ съ помощниками поспѣшно стали наводить пушки, внушительно смотрѣвшія съ бортовъ парохода. Сначала я не понялъ, что вызвало всеобщую суматоху. Небо было чистое, а море тихое и спокойное. Но, глянувъ въ сторону, обращенную къ берегамъ Африки, которыхъ, конечно, не было видно, я замѣтилъ вдали словно бы какія-то живыя существа исполинскаго роста, которыя, касаясь головами облаковъ, невѣдомо откуда взявшихся на ясномъ небѣ, со страшнымъ шумомъ и гуломъ шли на насъ. Море подъ ихъ ногами кипѣло и клокотало, какъ въ котлѣ. Столпообразныя, извивающіяся въ видѣ гигантскихъ змѣй, чудовища все выше и выше тянулись къ небу. Они вертѣлись съ неимовѣрною быстротою и, увеличиваясь въ толщинѣ, гигантскою колоннадою неслись прямо на нашъ пароходъ. Я различалъ явственно, какъ летавшія невдалекѣ отъ парохода чайки быстро увлечены были вращавшимися чудовищами и исчезли въ этихъ змѣевидныхъ столбахъ. Теперь я понялъ, съ какими опасными врагами мы имѣли дѣло. Это были тифоны. Кружась съ неимовѣрною быстротою, они все приближались, производя шумъ клокочущаго моря. Вотъ-вотъ они налетятъ на

насъ. Я видѣлъ, какъ на ютъ взбѣжалъ прыжками тигра тотъ сухой пилигримъ въ зеленой чалмѣ, съ лицомъ, подобнымъ старому финику, и, обратясь къ востоку, поднялъ къ небу свои голыя жилистыя руки. Но за шумомъ моря я не могъ слышать его голоса. Я разслышалъ лишь что-то вродѣ быстрой, отрывистой команды съ праваго борта. Гряпулъ выстрѣлъ. За нимъ другой, третій. Почти разомъ два чудовища словно лопнули и цѣлыми массами воды упали на море. Еще нѣсколько выстрѣловъ, и разсыпался еще одинъ гигантъ, увлекая въ море своего сосѣда. «Bravo, bravo!» раздались голоса матросовъ, когда послѣдній, самый большой тифонъ, какъ бы испугавшись кормовой пушки, наведенной на него рукою долговязаго Витторе, повернулъ лѣвѣе и, обойдя пароходъ далеко за кормою, разсыпался самъ собою. «Bravo, Vittore, bravo» долго не умолкали голоса матросовъ.

— Хи-хи-хи!—послышался за нами неудержимый смѣхъ и старческій кашель.

Трофимычъ держался обѣими руками за животъ и заливался пискливымъ голоскомъ, точно его душили слезы.

— Ну, вонъ, посмотрите на стараго дурака, — опомнился мой собесѣдникъ.—Ты что, старый чортъ?

— Да какъ же, сударь, — силясь удержаться отъ смѣха, разводилъ руками старый слуга, отпихивая отъ себя собаку,— вѣдь главное-то вы и забыли разсказать, вѣдь какъ эти самыя тромбы прострѣлили пушками, такъ я Антошкѣ-плуту влѣпилъ въ носъ все, что по закону полагалось...

III. На развалинахъ Геліополиса.

— А что же гречанка, наконецъ?—спросилъ я, когда все пришло въ прежній порядокъ, и Трофимычъ, снова сдѣлавшись серьезнымъ, усѣлся на свой камень. — Она меня начинаетъ интересовать.

— Гречанка?—какъ бы опомнился мой собесѣдникъ.—А я было и забылъ о ней. Впрочемъ, это не та гречанка. помните?

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую гречанку я страстно любилъ...

тутъ нѣтъ ничего трагическаго. Все просто, только... Ну, да сами узнаете... Впрочемъ, было и трагическое.

Онъ глянулъ на море, на мысъ Фіолентъ, тѣнь отъ котораго перекинулась ужъ черезъ весь заливъ, на Чатырдагъ. Послѣдній, повидимому, особенно занималъ его.

— Да, вечерѣетъ,—замѣтилъ онъ, какъ бы отвѣчая на собственную мысль.—Такъ вечерѣло и тогда, когда раскаленное солнце, опускаясь за холмистыми песками Сахары, золотило верхушки пирамидъ. Да и лицо Чатырдага скоро напомнитъ застывшія черты мертвеца. Зачѣмъ все это было? Зачѣмъ? Виноватъ,—остановилъ онъ самъ себя;—я, какъ старикъ, начинаю, кажется, говоритъ самъ съ собою. Таковъ удѣлъ старости. Ее никто не слушаетъ, и поневолѣ она говоритъ сама съ собою.

— Однако, вы не должны этого думать о себѣ,—замѣтилъ я,—я васъ слушалъ съ большимъ интересомъ. Но если, я, можетъ быть, несовсѣмъ деликатно спросилъ о лицѣ, которое...

— Это о гречанкѣ? — перебилъ онъ меня. — Ничего тутъ нѣтъ неделикатнаго. Рано или поздно, я дошелъ бы и до нея. А теперь она ужъ очень близко. Вѣдь мы, выдержавъ борьбу съ тифонами, пріѣхали уже въ Бейрутъ. На другой день послѣ тифоновъ, мы кинули якорь у сирійскаго берега, на горизонтѣ котораго темнѣли своею темною зеленью Ливанскія горы. Признаюсь вамъ откровенно, до сихъ поръ я плылъ къ берегамъ невѣдомаго мнѣ дальнаго Востока почти также автоматически, какъ прозябалъ до того въ Европѣ со всѣми ея культурными, въ сущности, очень опошленными приспособленіями. Но едва передъ моими глазами вытянулся перовными изгибами желто-сѣрый берегъ Сиріи, какъ въ душѣ моей заговорило что-то, что именно, я самъ не могъ дать себѣ отчета. Меня вдругъ потянуло проникнуть въ самую глубь Востока, въ его сердцевину, въ колыбель человѣчества и его исторіи. Не правда ли, заманчивая перспектива?

— Еще бы, конечно.

— Проникнуть туда черезъ эти пустыни, гдѣ только бедуины, какъ привидѣнія, появляются на далекомъ горизонтѣ да шакалы по ночамъ воютъ при мерцаніи яркихъ звѣздъ, или при свѣтѣ блѣднаго мѣсяца, при такомъ свѣтѣ, котораго не знаетъ Европа. А я знаю этотъ заколдованный свѣтъ, льющійся съ темнаго неба на заколдованную пустыню; я видѣлъ эти таинственныя тѣни людей уже вполнѣ не отъ міра сего, которыхъ издали принимаешь за птицъ пустыни; не разъ, при этомъ вол-

шебномъ сіяніи мѣсяца, прислушивался къ вою голодныхъ шакаловъ. Въ Бейрутѣ я рѣшилъ ѣхать прежде всего въ Багдадъ, благо туда направлялся со всей свитой французскій консулъ, Анри Пужула, съ которымъ я въ Бейрутѣ же и познакомился. Выѣхали мы изъ этого города съ партіею мусульманскихъ пилигримовъ, отправлявшихся въ далекій и опасный путь, въ Мекку. Это былъ небольшой караванъ, но къ нему въ пути должны были присоединиться отдѣльные караваны изъ Алеппо, Дамаска и Багдада. Дикую, невиданную картину представлялъ этотъ караванъ мусульманскихъ пилигримовъ. Однообразное, заунывное звяканье колокольчиковъ, но не съ нашимъ знакомымъ мѣднымъ звономъ, а съ глухимъ желѣзнымъ звономъ пустыни, колокольчиковъ, подвязанныхъ къ змѣевиднымъ шеямъ верблюдовъ; дикіе крики этихъ животныхъ, повторяемые эхомъ въ горахъ Ливана; колыхающіяся на ихъ высокихъ спинахъ какія-то широкія колыбели, не то лодки, украшенныя разноцвѣтными восточными матеріями и развѣвающимися лентами пестроты необычайной; качающіяся, словно въ колыбеляхъ, на этихъ высокихъ сидѣньяхъ темныя, закутанныя по самыя глаза, фигуры женщинъ и старыхъ сгорбленныхъ чалмоносцевъ, которые везли свои старыя кости далеко-далеко, къ таинственной святынѣ Востока, чтобы тамъ сложить свое изсохшее тѣло гдѣ-нибудь въ знойной пустынѣ отъ безводья и палящаго солнца, или у какого-нибудь одинокаго пустыннаго колодца въ чумныхъ или холерныхъ корчахъ, со славословіемъ Аллаха и его пророка на коченѣющихъ устахъ, все это производитъ глубокое впечатлѣніе, и самъ себя невольно спрашиваешь: что жъ это такое, очарованіе или что другое? Гдѣ источникъ иллюзіи?

— А замѣчаете, какая тишина?—сказалъ онъ, помолчавъ.

— Да, совсѣмъ вечеретъ. Чайки на гнѣзда усѣлись.

— Но Чатырдагъ еще видитъ солнце. А я и не замѣтилъ, какъ оно окунулось въ море.

— Вы не здѣсь были, а далеко,—сказалъ я, желая навести его на продолженіе разсказа.

— Да, я въ этотъ моментъ ѣхалъ въ междугорьяхъ Ливана. Я смотрѣлъ на кедры ливанскіе, и хотя они не величественнѣе нашихъ сибирскихъ, но за нихъ говорили тысячелѣтія. Мы съ Трофимычемъ ѣхали на арабскихъ кобылицахъ (арабы и бедуины, по ихъ хищническимъ инстинктамъ, предпочитаютъ ко-

былицъ, потому что кобылицы не выдаютъ ржаніемъ ихъ присутствія, когда хищники хотятъ тайно учинить нападеніе). За нами длинной змѣей извивался каравапъ верблюдовъ. То тамъ, то здѣсь сверкало на солнцѣ копье бедуина. Караванъ нашъ, черезъ Ливанскія горы, двигался къ Бальбеку. Только на другой день къ вечеру въ широкой долинѣ, вставленной въ рамку горъ, на плоскомъ возвышеніи, показались массивныя развалины древняго Геліополиса. Уже издали на темно-голубомъ фонѣ южнаго неба, на такомъ дивно-голубомъ, о которомъ здѣшній сѣверъ...

— Это въ Крыму-то сѣверъ, у мыса Фіолента!—невольно вырвалось у меня.

— Да, для неба Сиріи и Месопотаміи небо Крыма небо глубокаго сѣвера!—съ силою воскликнулъ старикъ.—На фонѣ этого-то неба издали начали вырисовываться величественныя развалины, полуразрушенныя стѣны, башни, стройныя колонны. И все это въ дикой, мертвой пустынѣ. А когда-то тамъ кипѣла жизнь, такая яркая, могучая жизнь, возсоздать которую отказывается воображеніе. Одна площадь храма Юпитера, то есть, не площадь, place, а его основаніе, занимаетъ около шести тысячъ квадратныхъ саженъ. Вообразите же себѣ, что это было за исполинское зданіе! Вы можете судить о его размѣрахъ, когда я прибѣгну къ сравненію. Кто не знаетъ храма Петра въ Римѣ и знаменитаго собора въ Севильѣ? Я самъ видѣлъ эти зданія, и они поражали меня своей необычайной величиной: это величайшіе храмы въ мірѣ. Длина храма Петра восемьдесятъ семь саженъ. А храмъ Юпитера въ Бальбекѣ на семнадцать саженъ длиннѣе его. Поразительной величины колонны, поддерживавшія портикъ этого храма,—ихъ сохранилось до двадцати колоннъ,—издали, на голубомъ фонѣ сирійскаго неба, кажутся чѣмъ-то легкимъ, воздушнымъ; но когда копыта моего арабскаго коня застучали объ обломки нѣкоторыхъ изъ нихъ, поверженныхъ на землю и разбитыхъ въ щебень всесокрушающимъ временемъ, я увидѣлъ, что они сложены изъ монолитовъ поражающей величины. Иные камни, въ стѣнахъ этого чудовищнаго храма, длиною до тридцати пяти шаговъ. Я измѣрилъ ихъ своими жалкими ступнями. Вообразите, какими силами, какими орудіями поднимались на высоту эти страшные комни! Руками титановъ развѣ?. Да, титановъ, которыхъ въ древности называли рабами... Съ острою болью въ сердцѣ я прошелъ дальше, оставивъ своего

коня на попеченіи одного бедуина. Солнце спускалось къ горизонту. Отъ колоннъ и отъ стѣнъ храма ложились длинныя тѣни и, казалось, тянулись туда, на востокъ, къ таинственной пустынѣ. Скоро я приблизился къ развалинамъ другого храма, именемъ котораго названъ былъ и самый городъ Геліополисъ, къ храму бога Геліоса-Солнца. Но и это всемогущее божество, какъ и Юпитеръ, не спасло своего храма отъ разрушенія. Не болѣе пяти-шести колоннъ сохранилось отъ этого величественнаго зданія. Ноги постоянно спотыкались о камни, убѣжища скорпіоновъ. Мнѣ было грустно, слезы подступали къ горлу.

— Не пора ли однако въ Севастополь?—какъ бы спохватился мой собесѣдникъ.

— Если вы хотите,—отвѣчалъ я нехотя.

Мнѣ, признаюсь, не хотѣлось возвращаться въ душный и пыльный городъ. Кто бывалъ лѣтомъ въ Севастополѣ, тотъ знаетъ, что его весьма справедливо можно было бы назвать «городомъ пыли», подобно тому, какъ испанскіе мавры называли Гранаду съ Альгамброю «городомъ фонтановъ». Вечеръ же былъ такой тихій, теплый. Море тихо плескалось у береговъ и посылало намъ прохладу. И мысъ Фіолентъ, и Чатырдагъ подернуты были дымкою быстро опускавшихся на землю сумерекъ. Въ тихомъ воздухѣ, словно ласточки, рѣяли летучія мыши. Отъ Севастополя доносился неясный гулъ.

— Нѣтъ, мнѣ не хочется въ городъ,—отвѣчая на мою мысль, сказалъ интересный старикъ,—я готовъ всю ночь сидѣть здѣсь и слушать плескъ моря да вспоминать то далекое, далекое и невозвратное. Да старина будетъ ворчать.

— Что жъ мнѣ ворчать-то!—огрызнулся Трофимычъ.—Я не собака. А знамо, какъ дошли до этой пучеглазой, васъ не остановишь.

Я понялъ, кого онъ разумѣлъ подъ «пучеглазой».

— Тутъ, на развалинахъ Геліополиса, караванъ нашъ остановился на ночевку,—быстро началъ старикъ прерванный разсказъ.—Хаосъ начался страшный. Развьючили верблюдовъ, которые не то отъ радости, не то отъ нетерпѣнія ревѣли невыносимо. Слышался гортанный говоръ бедуиновъ. Мнѣ разбили палатку нѣсколько въ сторонѣ отъ храма Юпитера, гдѣ менѣе виднѣлось предательскихъ норокъ, въ каждой изъ нихъ гнѣздились скорпіоны. Другія палатки размѣстили по усмотрѣнію каравано-

вожатыхъ. Южная ночь не заставила себя долго ждать, и лагерь нашъ вмѣстѣ со всѣмъ Бальбекомъ, жалкою деревушкою, пріютившеюся на останкахъ величаваго города древности, скоро умолкъ. Я лежалъ въ своей палаткѣ и не могъ уснуть. Взволнованная мысль моя блуждала по этимъ мертвымъ развалинамъ. Припоминалось что-то давнее, въ которомъ такъ много было очарованія, то давнее, что еще съ дѣтства, въ формѣ не то волшебныхъ сказокъ, не то исторіи, запало въ душу и жило въ ней, какъ мотылекъ, застывшій въ прозрачномъ кристаллѣ... Пальмира, Вавилонъ, сады Семирамиды... Въ палатку мою откуда-то пробралась полоса луннаго свѣта. Мнѣ было душно, и я, наскоро одѣвшись и заткнувъ за поясъ кинжалъ и пистолеты, тихо вышелъ изъ палатки. Глазамъ моимъ представилась волшебная картина южной ночи, когда полная луна льетъ свой серебристый свѣтъ на таинственныя развалины. Отъ колоннъ и массивныхъ стѣнъ храма ложились темныя тѣни, какъ ножемъ отрѣзанныя отъ луннаго свѣта. Лунный свѣтъ обдавалъ молочною бѣлизной все, что обнималъ мой глазъ: и далекія вершины Ливана, и всю долину междугорья, и раскинутыя въ безпорядкѣ темныя палатки лагеря, и группы верблюдовъ, улегшихся въ сторонѣ отъ палатокъ и пережевывавшихъ жвачку. Ничего подобнаго этой ночи я не запомню, хоть помню и Колизей въ лунную ночь, и Капитолій, и кроваво-красныя стѣны Альгамбры, посеребренныя свѣтомъ мѣсяца. Я прошелъ дальше и сѣлъ подъ тѣнь одной изъ колоннъ храма, откуда видна была вся эта волшебная картина. Тутъ почему-то припомнились мнѣ далекая, оставшаяся тамъ за синими морями, Россія, припомнился Петербургъ. И особенно живо встала въ моей памяти та, которая заставила меня покинуть родину, дорогое мнѣ дѣло, и скитаться по свѣту, не находя ни мѣста, ни покоя. Какъ далеко я былъ отъ нея теперь, и какъ, казалось, близка она была моей душѣ, моему болѣзненному воображенію! Я долго сидѣлъ, думая, что хоть сюда, въ тѣнь этой колонны, придетъ мой сонъ. Я чувствовалъ потребность сна, чувствовалъ усталость. Переѣздъ отъ Бейрута до Бальбека не могъ не утомить меня, тѣмъ болѣе, что я давно не ѣздилъ верхомъ. Наконецъ, я старался прогнать отъ себя мысль о ней, о той, которая... И вдругъ я увидѣлъ ее! Сначала я думалъ, что это сонъ, что онъ навѣялъ на меня эти грезы. Но нѣтъ, ясно ощущалъ я холодъ колонны, къ которой дотро-

нулся рукой, и голова моя была совершенно свѣжа. Я не могъ ошибиться: изъ тѣни, бросаемой колоннами храма Солнца, выдвинулась бѣлая женская фигура и тихо, неслышно двигалась ко мнѣ. Я машинально одною рукою взялся за рукоятку кинжала, другою вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и, вставъ съ обломка карниза, на которомъ сидѣлъ, выступилъ изъ тѣни на лунный свѣтъ. Привидѣніе дрогнуло, остановилось, и я явственно услыхалъ тихій, сдержанный крикъ испуга, крикъ женщины. Но что меня особенно поразило, поразило такъ, что я думалъ, не сошелъ ли я съ ума, это то, что здѣсь ночью, на развалинахъ Бальбека-Геліополиса, я услыхалъ, что таинственное привидѣніе выкрикнуло слова испуга по-русски: «Ахъ, Боже мой!» Вотъ эти именно слова выкрикнула бѣлая женщина, убѣгая отъ меня въ тѣнь колоннъ. Я задрожалъ на мѣстѣ, онѣмѣлъ, понявъ, что я сумасшедшій, что меня реально преслѣдуютъ мои иллюзіи. Въ тотъ моментъ я хорошо помнилъ, что Гамлету являлась тѣнь отца и говорила съ нимъ; но я также хорошо зналъ, что это сказка, хоть и полная глубокой поэзіи. Но то, что я самъ видѣлъ и слышалъ, это была не сказка, не мечта. Я слышалъ и голосъ, и слова. Всей суммой моего разсудка я сознавалъ, что здѣсь на развалинахъ Геліополиса, могла блуждать женщина, какъ блуждалъ и я отъ безсонницы; что она могла испугаться меня и вскрикнуть. Но чтобы она крикнула по-русски, этому мой разсудокъ отказывался вѣрить. Я зналъ, что во всемъ нашемъ караванѣ только двое русскихъ, я и мой Трофимычъ. Откуда же взялась эта русская женщина? Въ нашемъ караванѣ были женщины, правда, но всѣ это были мусульманки, отправлявшіяся въ Мекку, и мнѣ не разъ удалось слышать, во время нашего переѣзда отъ Бейрута до Бальбека, ихъ восточный гортанный говоръ. Развѣ какая-нибудь русская татарка изъ Казани, отправлявшаяся на богомолье? Но въ караванѣ нашемъ я не замѣтилъ ни одного татарина: среди этихъ оливковыхъ физіономій, среди этихъ библейскихъ типовъ, казанскій татаринъ смотрѣлъ бы бѣлымъ воронomъ.

— Не правда ли, было отчего опасаться за свой разсудокъ?—внезапно обратился ко мнѣ мой собесѣдникъ, закуривая чуть не ли не пятую сигару.

— Да,—улыбнулся я,—а, вѣроятно, это было нѣчто такое, другъ Горацію, что спилось и не мудрецамъ?

— Оно такъ, по каково было мнѣ тогда, въ эту проклятую, до бѣшенства прелестную ночь, да еще гдѣ же! у колоннъ храма Юпитера. Никогда не забуду я этого «ахъ, Боже мой!» Можете себѣ представить, съ какимъ чувствомъ я воротился въ свою палатку и въ какомъ состояніи духа провелъ остатокъ ночи. Мнѣ казалось, что по мнѣ ползаютъ скорпіоны; но это бѣгали по моему тѣлу мурашки, мурашки страха за мой бѣдный разсудокъ. Ботъ тебѣ и помогъ Востокъ! А не далѣе, какъ вечеромъ, я чувствовалъ, что въ душу мою какъ-то одеревянѣвшую въ тупой апатіи, начинаетъ вливаться умиленіе, вливаться черезъ край, чтобы потомъ излиться хорошими, грустными, горькими и сладкими слезами. Я началъ было понимать всю прелесть скитанія по знойному, яркому, волшебному въ своемъ пестромъ безобразіи Востоку, съ его жгучимъ солнцемъ, съ ревомъ верблюдовъ, съ воемъ шакаловъ, съ раскаленною пустыней, покрытой бѣлѣющими костями ея жертвъ. И вдругъ! этотъ бѣлый призракъ, эти страшныя слова... Утромъ я даже Трофимычу не сказалъ, что было со мной ночью. На утро, впрочемъ,—послѣ сильной затяжки сигарой, продолжалъ мой собесѣдникъ,—меня поразила совершенно неожиданная вѣсть. Наканунѣ, какъ разъ передъ нашимъ приходомъ въ Бальбекъ или даже одновременно съ нами, прибылъ туда встрѣчный караванъ, слѣдовавшій изъ Дамаска. Караванъ этотъ привезъ страшную новость: въ Багдадѣ чума! А именно въ Багдадъ, въ сердцевину Востока, меня и тянуло главнымъ образомъ. Прибывшіе изъ тѣхъ мѣстъ пилигримы и купцы передавали, что чума въ Месопотаміи страшная, что вымираютъ цѣлыя племена бедуиновъ, и районъ ужасной эпидеміи отъ Багдада доходитъ, черезъ Аравію, до самаго Краснаго моря. Продолжать свой путь навстрѣчу явной смерти, сами согласитесь, было бы безуміемъ. Даже Анри Пужула, котораго должность призывала въ Багдадъ, и тотъ, въ виду этихъ извѣстій, принужденъ былъ остаться въ Бейрутѣ. Что же оставалось дѣлать? Не возвращаться же въ Европу. Притомъ, я уже началъ испытывать на себѣ силу неотразимыхъ обаяній Востока при всѣхъ его ужасахъ и потому рѣшился итти наперекоръ обстоятельствамъ. Востокъ вѣдь не исчерпывался одной Месопотаміей и Аравіей. У меня впереди была цѣлая Африка, Индія. Въ Палестину я не хотѣлъ ѣхать. То, что я зналъ о ней, не влекло меня туда. Все, что было писано о святыхъ мѣстахъ, и

что изъ нихъ сдѣлали люди, торгующіе религіознымъ чувствомъ, все это заглазно возмущало меня. Мнѣ хотѣлось оставить чистымъ то дѣтское вѣрованіе, которое соединялось во мнѣ съ представленіемъ о Палестинѣ, объ Іерусалимѣ. Я носилъ въ душѣ тотъ глубоко поэтическій образъ Святой земли, который начертали великіе ветхозавѣтные поэты и геніальные въ своей простотѣ галилейскіе рыбаки. Но одно случайное обстоятельство измѣнило мое рѣшеніе. Утромъ, когда караванъ пилигримовъ, съ которыми я слѣдовалъ, несмотря на страшныя вѣсти о чумѣ, съ фатализмомъ, свойственнымъ людямъ Востока, рѣшился не отступать передъ призракомъ смерти, ожидавшей его въ пустынѣ, и съ криками «Аллахъ керимъ! Аллахъ акбэръ!» сталъ собираться въ путь, и когда я пошелъ еще разъ взглянуть на пилигримовъ, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли между ними кого изъ Россіи, и тѣмъ объяснить случившееся со мной ночью приключеніе, я услыхалъ крикъ моего Трофимыча, крикъ ужаса и боли, и когда подбѣжалъ къ нему, то увидѣлъ, какъ онъ, съ перекошеннымъ отъ боли лицомъ и съ разорваннымъ воротомъ рубахи, корчился, стоя на колѣняхъ, и колотилъ камнемъ что-то желто-коричневое, извивавшееся между камней. Оказалось, что это былъ скорпіонъ довольно внушительныхъ размѣровъ. Ядовитый гадъ, неизвѣстно какимъ образомъ, забрался къ нему за пазуху и жестоко ужалилъ почти подъ самою лѣвою мышкою. Мой бѣдный Трофимычъ корчился и рычалъ, какъ раненый боровъ...

— Завизжишь свиньей, сударь! — обидѣлся Трофимычъ.— Вѣдь онъ, этотъ проклятый скорпіонъ, съ добраго рака будетъ. А тутъ эти черномазые эѳіопы еще смѣются, чтобъ они скисли!

— Да вѣдь они же тебя и вылѣчили? — пояснилъ его господинъ.

— Гдѣ, сударь, имъ вылѣчить! Что горячей-то золой прикладывали къ опухоли, эка невидаль! А меня спасъ Богъ да мое обѣщаніе.

— Да, да,—подтвердилъ мой старикъ,—онъ тогда же далъ обѣщаніе: если выздоровѣетъ, итти въ Іерусалимъ и поклониться гробу Господню. Вотъ его-то обѣщаніе и заставило меня измѣнить мой маршрутъ. Онъ такъ умолялъ меня со слезами, что

мнѣ жаль его стало, и я рѣшился, по пути въ Египетъ, посѣтить Палестину. Да, признаюсь, я потомъ и не жалѣлъ, что сдѣлалъ это.

IV. Ночное видѣніе—не видѣніе.

— Въ Бейрутѣ, по возвращеніи изъ Бальбека, я засталъ еще тотъ пароходъ, на которомъ пріѣхалъ изъ Неаполя. Онъ назывался «Fulmine» (громъ), потому что вооруженъ былъ солидными орудіями для борьбы съ пиратами, которые рыскали у африканскихъ береговъ. Трофимычъ, хотя еще не совсѣмъ оправившійся послѣ укушенія скорпіона, радъ былъ встрѣтить своихъ пріятелей, неаполитанскихъ матросовъ, и въ особенности своего друга, горбоносаго Антоніо. Новыхъ пассажировъ на пароходѣ было немало, но все это большею частью были чалмоносцы или такія рыла, при видѣ которыхъ сразу вспоминаешь, гдѣ ты находишься, и какое солнце растушевало эти бронзовыя лица и заронило свой зной въ эти сверкающіе глаза. Вышли мы въ море тихимъ утромъ, когда солнце только что выкатилось изъ-за Ливанскихъ горъ; къ полудню, при совершенно ясной погодѣ, разгулялся вѣтеръ, не такой страшный, что пароходъ нашъ претерпѣвалъ, повидимому, разомъ и килевую, и боковую качку, при которой даже у привычныхъ къ морю въ головѣ и подъ ложечкой становится неладно, а непривычные, и особенно женщины, молятъ небо скорѣе послать смерть. По счастью, я не испытывалъ никакихъ мученій отъ качки, а, напротивъ, чувствовалъ такой аппетитъ, какого у меня никогда не было на сушѣ, и ѣлъ за троихъ. Я думалъ, что хорошее питаніе и здоровый сонъ всего скорѣе укрѣпятъ мой организмъ, и меня перестанутъ преслѣдовать привидѣнія, въ родѣ той бѣлой женщины, которую я видѣлъ ночью въ Бальбекѣ, на развалинахъ храма Юпитера. Но, къ ужасу моему, и на пароходѣ повторилось со мною то же, что было ночью въ Бальбекѣ, только при иной обстановкѣ. Поздно вечеромъ, когда пароходъ нашъ, миновавъ Сидонъ, Тиръ, Акру и Кесарію, приближался уже къ Яффѣ, я сидѣлъ на ютѣ и, убаюкиваемый качкою, словно на качеляхъ, переносился мыслью то въ мое личное прошлое, то въ прошлое Тира и Сидона, въ прошлое Финикіи, берега которой весь день не сходили съ фона картины, разстилавшейся влѣво отъ насъ, какъ вдругъ слышу кто-то стонетъ за мною въ кормовой части юта. Огляды-

ваюсь и вижу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя у задпихъ перилъ юта что-то бѣлѣется. Слышу, стонъ доносится оттуда. Около бѣлой массы видпѣется какая-то темная фигура. Стонъ повторяется. И вдругъ я опять явственно различаю слова и мнѣ кажется, что это и голосъ тотъ самый, что я слышалъ ночью въ Бальбекѣ, когда отъ меня убѣжалъ бѣлый призракъ. «Господи, хоть въ море броситься!» вотъ что услыхалъ я. Теперь, мнѣ, конечно, и въ голову не могла притти мысль, что это говоритъ привидѣніе, чья-то тѣнь. Это говорила женщина, и было слишкомъ ясно, что она просто страдала отъ качки. Но откуда на берегахъ Финикіи внезапно могла явиться женщина, которая заговорила бы по-русски? Я видѣлъ всѣхъ женщинъ нашего парохода и не замѣтилъ между ними не только европейскаго типа, но и европейскаго платья: лица и одѣянія наголо восточныя, и ни одного свѣтлаго одѣянія, кромѣ нѣсколькихъ арабскихъ, но и то мужскихъ бурнусовъ. Откуда же эта русская, и кто она такая? Вслѣдъ за стономъ и женскимъ голосомъ я услыхалъ сдержанный мужской голосъ; но только онъ говорилъ не по-русски, а, какъ мнѣ послышалось, по-гречески. «Зои му!» могъ я только разслышать; но дальше ничего не понялъ. Затѣмъ женскій голосъ опять проговорилъ по-русски: «И зачѣмъ я промѣняла Россію на этотъ проклятый Востокъ! И чума тутъ, и эти ужасныя моря! Хоть бы умереть поскорѣй!» «Зои му!» снова забасилъ мужской голосъ, и снова послышалась незнакомая мнѣ рѣчь. Теперь ясно было, что это русская женщина, какимъ-то образомъ очутившаяся на Востокѣ и, повидимому, не въ качествѣ путешественницы, потому что она жаловалась, зачѣмъ «промѣняла Россію на проклятый Востокъ». Промѣняла, значитъ, добровольно. Тутъ только мнѣ пришло въ голову соображеніе, что эту самую женщину я и видѣлъ въ Бальбекѣ, у развалинъ храма Юпитера. Она, значитъ, подобно мнѣ, почью бродила среди развалинъ и наткнулась на меня. Я испугалъ ее, а она меня. Теперь мы квиты. Остается только познакомиться. Признаюсь, когда я сообразилъ все это, мнѣ такъ смѣшно стало, что я чуть громко не расхохотался. А, главное, я успокоился за свою голову и за свои нервы; никакихъ галлюцинацій у меня не было, и никакихъ бѣлыхъ привидѣній я не видѣлъ. Но хоть я потомъ и долго еще сидѣлъ на ютѣ (ходить при качкѣ было

совершенно невозможно), я ожидалъ, не пройдетъ ли мимо меня таинственная незнакомка, чтобы пройти въ каюту, однако, такъ и не дождался. Отъ времени до времени я снова слышалъ ея тихій, слабый, конечно, отъ истомленія, голосъ, но говорила она, а равно и ея собесѣдникъ, уже на незнакомомъ мнѣ языкѣ и, кажется, по-гречески. Мнѣ надоѣло ждать. Мракъ южной ночи, однообразный шумъ колесъ парохода, однообразные всплески волнъ, все это наводило скуку и сонъ, и я ушелъ въ свою каюту. Утромъ я былъ разбуженъ необыкновенной возней на палубѣ, криками команды, звяканьемъ якорной цѣпи и сигнальнымъ свисткомъ. Пароходъ остановился. «Вставайте, сударь!» колотилъ въ дверь моей каюты Трофимычъ, радостно и взволнованно говоря: «въ Святую землю пріѣхали!». Торопливо одѣвшись, я вышелъ на палубу. Довольно далеко отъ парохода, изъ моря, взволнованнаго сильною зыбью, выходилъ скалистый берегъ, а къ нему съ высокаго холма террасами спускались каменныя зданія съ бѣлыми куполообразными главами и сѣрыя зубчатыя башни. Надо всей этой группой повисшихъ надъ моремъ зданій, возможныхъ только на Востокѣ, съ характеромъ (быть можетъ) временъ евангельскихъ, то тамъ, то сямъ торчатъ тощія погнувшіяся пальмы. Это Яффа, это начало Святой земли. Я не стану передавать вамъ впечатлѣній этой минуты. Да, притомъ же, они были какія-то странныя. Точно во мнѣ, въ этотъ моментъ, было два человѣка. Я чувствовалъ какую-то раздвоенность. Казалось, будто бы не я лично созерцалъ и этотъ берегъ, съ выскакивавшими изъ моря, при его колебаніи, какими-то черными зубьями подводныхъ скалъ, и эти грустныя пальмы, стоящія тутъ, надъ этими бѣлыми куполами, со временъ евангельскихъ, еще съ того времени, когда «бысть человѣкъ посланъ отъ Бога»... Я, лично, испарился гдѣ-то въ пространствѣ и времени, а вмѣсто меня кто-то другой глядитъ на эту библейскую панораму, которую я когда-то видѣлъ въ дѣтствѣ, въ какой-то большой книгѣ въ кожаномъ переплетѣ, а теперь вотъ она здѣсь, эта библейская панорама, вышла изъ книги, изъ этой старой книги съ пожелтѣвшими листами, и вставлена въ рамку изъ голубого, какъ темная бирюза, неба и волнующагося моря. Притомъ, все это прежде казалось мнѣ чѣмъ-то далекимъ, недосягаемымъ, существующимъ только въ книгѣ,

въ воображеніи, и чарующимъ только воображеніе. И вдругъ! Вотъ оно у меня передъ глазами, и то, что я носилъ только въ воображеніи, какъ невѣдомый для меня, но видимый ночью мертвый обликъ луны, то теперь я скоро буду топтать ногами. Да оно ли это самое? Нѣтъ, не оно. То—недосягаемое, волшебное, давно прошедшее, какъ все, что говорится въ той большой старой книгѣ. Да его, можетъ быть, и совсѣмъ не было. А, между тѣмъ, это такое близкое, видимое, реальное. Развѣ вотъ подъ этими пальмами, за ихъ зонтичными вершинами, могло остановиться солнце, когда оно клонилось къ закату, какъ вотъ здѣшнее солнце сегодня клонилось къ морю за мысомъ Піолентомъ? Вѣдь то, что я видѣлъ, было реально. И въ этомъ реальномъ я увидѣлъ что-то еще болѣе реальное: смуглое, но нѣсколько блѣдное, подъ прозрачной вуалькой, женское личико, съ испугомъ глядѣвшее на волнующееся море и на жалкія лодчонки, бросаемыя сердитыми волнами моря то къ пароходу, то отъ парохода, при дикихъ крикахъ какихъ-то библейскихъ физіономій. Я сразу узналъ, узналъ какъ-то нервами, что это та, которая явилась мнѣ ночью въ Бальбекѣ. Теперь въ ней не было ничего ни страшнаго, ни таинственнаго. Она безпомощно опиралась на руку смуглаго, плотнаго мужчины, съ могучими плечами, въ индійской шляпѣ, окутанной бѣлою чардой, въ родѣ чалмы. Ея голова прикрывалась легкою соломенною шляпою панама съ большими полями. Она испуганно глянула съ борта внизъ, гдѣ у трапа, спущеннаго къ морю, трепалась въ волнахъ арабская лодка, которую библейскія фигуры силились удержать подъ самымъ трапомъ, тогда какъ одна черная рожа, взобравшись на верхъ трапа, протягивала свои голыя, жилистыя, покрытыя шерстью руки къ блѣдной женщинѣ, поддерживаемой смуглымъ мужчиною. Рожа кричала что-то по-арабски, мѣшая свои гортанныя слова съ итальянскими. Смуглый мужчина бережно взялъ на руки блѣдную женщину и, передавая ее въ жилистыя, съ верблюжьей шерстью, руки араба, тоже крикнулъ по-итальянски: «осторожнѣе, разбойникъ!». «А вонъ и наша лодка, сударь!», въ свою очередь, рявкнулъ надъ моимъ ухомъ Трофимычъ, потому что и на пароходѣ, и около парохода все орало, точно онъ горѣлъ или тонулъ. «Все это другъ Антоша съ лодкой обладилъ». Слова Трофимыча, видимо, поразили блѣдную женщину. Она вскрикнула не то радостно, не то испуганно,

быстро глянула на Трофимыча и на меня, потянулась было къ намъ; но жилистыя, шерстяныя лапы араба обхватили ее, какъ ребенка, и потащили внизъ по трапу, словно смуглорылый разбойникъ собирался тотчасъ же утопить ее въ морѣ. «Ой-ой-ой! Я упаду! О-о, спасите!» раздавался ея голосъ снизу, точно изъ моря. Трофимычъ и ротъ разинулъ отъ удивленія. «Слышите, сударь, по-русски кричитъ», изумлялся онъ: «вотъ оказія! Съ испугу, знать... Должно и эѳіопъ закричитъ по нашему, какъ топить станутъ, чтобъ ему скиснуть!». Смуглый мужчина въ индійской шляпѣ также спустился въ лодку, которую трепало, какъ щепку, и скоро она, ныряя въ волнахъ, готовыхъ, кажется, залить ее въ одно мгновеніе, быстро направилась къ берегу; но блѣдная женщина продолжала смотрѣть на пароходъ, и мнѣ казалось, что она ищетъ меня глазами. Желая узнать, кто она, я обратился съ разспросами къ капитану, и онъ мнѣ сказалъ, что она жена того смуглаго господина въ индійской шляпѣ, который былъ итальянскимъ консуломъ въ Багдадѣ, а теперь ѣдетъ въ Египетъ, тоже въ качествѣ консула неаполитанскаго короля, и что фамилія его синьоръ Негропуло. Ясно было, что онъ родомъ грекъ, по крайней мѣрѣ, фамилія была эллинская; но какой національности принадлежала его жена, капитанъ не могъ мнѣ объяснить; только, судя по типу, она скорѣе напоминала гречанку или итальянку, а, быть можетъ, и еврейку, но никакъ не великороссіянку. Скоро, однако, и мы съ Трофимычемъ, рискуя полетѣть стремглавъ въ сердитое море, сошли въ ожидавшую насъ съ двумя эѳіопами лодку. Прощаніе Трофимыча съ его пріятелями матросами, а въ особенности съ Антоніо, было трогательное. «Можетъ, еще увидимся, въ носки поиграемъ, въ назо, въ назо!» — кричалъ Трофимычъ. «Si-si, signore Trofimo!» махали шляпами матросы.

V. Была ли Ифигенія?

Собесѣдникъ мой замолчалъ. Мысли его, быть можетъ, отвлечены были отъ далекихъ воспоминаній появленіемъ полнаго диска луны. Лицо старика, на котораго теперь падалъ лунный свѣтъ, казалось блѣднѣе обыкновеннаго. Всмотрѣвшись въ него, я замѣтилъ, что оно было грустно.

— Нѣтъ, не стоитъ, — какъ бы отвѣчалъ онъ на собственную мысль.

— Что не стоитъ? — спросилъ я.

— Да вспоминать то, что видѣлось и чувствовалось тогда. Скажу только, что черезъ два дня я былъ уже въ Іерусалимѣ. Трофимычъ тотчасъ же весь отдался паломничеству и съ утра до ночи, съ выраженіемъ блаженной радости на лицѣ и какого-то страха, бродилъ по «поклоннымъ мѣстамъ», какъ онъ выражался (у него и тамъ скоро нашлись пріятели и пріятельницы-богомолки), и до того увѣровалъ во все, что ему тамъ ни говорили продувные грекосы, что рѣшился купить у какого-то шарлатана...

— Не шарлатанъ онъ, сударь! — вскочивъ со своего камня, возразилъ горячо Трофимычъ. — Онъ въ черной скуфейкѣ-съ!

— Ну, хорошо, въ скуфейкѣ. Такъ задумалъ мой Трофимычъ купить горсточку земли, той самой, якобы, изъ которой былъ созданъ первый человѣкъ: «желтенькая такая землица, совсѣмъ, какъ глина», повторялъ онъ съ умиленіемъ, качая головой; «куплю щепотку да и повѣшу на крестъ, съ нею, пущай, и похоронятъ меня».

— И похоронятъ, что-жъ!—волновался тотъ. — Вотъ она здѣсь доселева у меня на крестѣ, и по правдѣ скажу вамъ, сударь, что дороже мнѣ эта самая горсточка, дороже, сударь, тѣхъ десяти десятинъ и усадьбы, что вы изволили пожаловать мнѣ за вѣрную службу, дороже-съ! Вашей-то земли, сударь, я не возьму съ собой, какъ умру, а эту самую горсточку, возьму и къ Богу понесу.

— Ну-ну, хорошо; очень хорошо! Неси, — перебилъ его старикъ. — Тамъ меня, знаете ли, совсѣмъ отбили отъ Іерусалима эти грекосы. Именно тамъ, въ стѣнахъ города, старое дѣтское чувство, которое я почерпалъ когда-то изъ той старой книги въ кожаномъ переплетѣ, какъ бы потускнѣло отъ всего, что я увидѣлъ на мѣстѣ. Вообразите, ничего вѣдь эти варвары не оставили нетронутымъ. Даже дорогую для вѣрующихъ вершину Голгоѳы, на которой стоялъ когда-то мученическій крестъ Спасителя, и ее срѣзали и снесли внизъ горы, а стѣны въ пещерѣ, гдѣ до кроваваго пота молился Христосъ о чашѣ, католическіе монахи обрызгали какою-то, конечно, ужъ не божественною кровью, и выдаютъ за ту кровь! Понятно, что прежнее святое

чувство нисходило въ мою душу только тогда, когда я бродилъ внѣ стѣнъ Іерусалима, по этимъ горнымъ дебрямъ и тропамъ, единственнымъ евангельскимъ и библейскимъ святынямъ, которыхъ не тронули святотатственныя руки варваровъ. Однажды, подъ вечеръ, когда я сидѣлъ въ тѣни старой смоковницы, недалеко отъ того мѣста, гдѣ когда-то усохла другая «евангельская смоковница», на ближайшей тропинкѣ показались всадники, и между ними женщина въ широкополой соломенной шляпѣ, но безъ вуаля, который откинутъ былъ назадъ, на спину. Я тотчасъ же узналъ въ ней ту, которую видѣлъ первый разъ въ Бальбекѣ, въ ту дивную ночь, когда полный мѣсяцъ серебрилъ вершины Ливанскихъ горъ и молочнымъ свѣтомъ обливалъ развалины храмовъ Солнца и Юпитера. Она также, повидимому, узнала меня и остановила ослика, на которомъ ѣхала. На одно мгновеніе лицо ея выразило смущеніе и нерѣшительность, но она скоро побѣдила женскую щепетильность и первая заговорила со мной, хотя щеки ея мгновенно залила краска.

— Простите мою неделикатность, вы русскій? — спросила она.

Я всталъ и поклонился.

— Да, сударыня, вы не ошиблись, я русскій.

— Ахъ, какъ я рада! Позвольте мнѣ представить вамъ моего мужа: Леонидъ Аристидовичъ Негропуло, консулъ его величества короля неаполитанскаго при дворѣ египетскаго вице-короля.

Я снова поклонился и назвалъ свою фамилію. Смуглый мужчина отвѣчалъ на мой поклонъ по-французски, и я было заговорилъ на томъ же языкѣ; но моя новая знакомая перебила меня.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — заволновалась она. — Говорите по-русски, прошу васъ! Я хочу слышать родные звуки. Боже мой! Вѣдь я такъ давно не слыхала родной рѣчи, я слышу здѣсь, на Востокѣ, только ревъ верблюдовъ да эти горловые крики бронзовыхъ людей.

Она ловко соскочила съ ослика и погладила его шею довольно крупною рукою, обтянутою сѣрой шелковой перчаткой. Какъ теперь вижу эту руку!

— Рекомендую вамъ умнаго, необыкновенно умнаго упрямца: ни за что не хотѣлъ везти меня къ могилѣ Лазаря, въ

Виѳаніи, и только когда я заговорила съ нимъ ласково по-русски, онъ послушался. Такой умница! Только не говоритъ.

Осликъ, повидимому, понялъ, что говорили о немъ, и одобрительно похлопалъ длинными ушами. Госпожа Негропуло весело засмѣялась, сверкнувъ своими бѣлыми ровными зубами и черными глазами съ бѣлками молочной синевы. Ахъ, какъ я помню эти глаза! Видно было, что она чему-то радовалась, и ей хотѣлось болтать.

— Мужъ мой не говоритъ по-русски, вотъ я и разговаривала съ милымъ осликомъ, — взглянула она на своего мужа.

— А теперь я замѣнилъ для васъ ослика, — сказалъ я пошлую остроту и тотчасъ же спохватился; но было уже поздно: она поймала меня.

— Ахъ, какъ вамъ не стыдно! — гляпула она на меня своими большими, веселыми глазами. — Вы этимъ вызываете меня или на плоскій комплиментъ, или на фразу, подобную вашей.

Дѣлать было нечего: я почувствовалъ, что самъ пожаловалъ себя въ дураки.

— Хорошо же, — улыбнулась она, — я не выдамъ вашей фразы мужу, я великодушнѣе васъ.

Я поклонился. Смуглый мужчина, т. е., я хочу сказать, господинъ Негропуло, тоже сошелъ со своего коня. Одинъ проводникъ ихъ, сиріецъ, почему-то напоминавшій мнѣ извѣстнаго раба Малха, которому апостолъ Петръ урѣзалъ ухо, и котораго я давно когда-то видѣлъ въ той старой большой книгѣ въ кожаномъ переплетѣ, остался на своей бѣлоногой лошадкѣ, которую теперь обнюхивалъ умный осликъ.

— Сядемте здѣсь, подъ смоковницей, — снова заговорила словоохотливая барынька (мнѣ она казалась, почему-то, неискренно веселой: повидимому, что-то ее грызло);—хоть и не подъ своею смоковницей — обратилась она ко мнѣ,—отсюда такой прелестный, правда, мрачный, строгій видъ на Іерусалимъ. Боже мой! Какъ подумаешь, что и Христосъ часто глядѣлъ отсюда на эти стѣны...

— Эти ли? — улыбнулся я невольно.

— Ахъ, все равно! — капризно возразила она.—Не придирайтесь, я не археологъ... Ну, конечно, другія стѣны, не эти; но онѣ стояли тутъ же, и тутъ же былъ этотъ Кедронскій потокъ, и эта Іосафатова долина, все тутъ было, вѣдь ихъ построить

нельзя, какъ построили эти стѣны и эти церкви. А весь этотъ горизонтъ съ его причудливыми и мрачными линіями: вѣдь все это было и тогда, и Онъ на все это глядѣлъ, этого ни сдѣлать, ни сочинить нельзя. А туда поглядите,—она показала хлыстомъ къ востоку. — Эта далекая, глубокая впадина подъ Моавитскими горами, это долина Іордана и Мертваго моря. Боже мой! Вѣдь оттуда, съ вершинъ этихъ мрачныхъ горъ, глядѣлъ Моисей на эту землю, на обѣтованную, только не для него. Онъ только видѣлъ ее издали и отвернулся отъ нея съ тоской, вѣдь онъ тосковалъ, не правда ли? Вѣдь все же онъ былъ человѣкъ и не могъ не тосковать, видя приближеніе смерти на порогѣ обѣтованной земли. Чувствуете ли вы, какъ все это глубоко трогательно? Господи! Если всего этого даже не было, что мнѣ до того! Оно у меня въ душѣ... Можетъ быть, и Ифигеніи не было, а, Боже мой, какъ я надъ ней плакала!

Не знаю почему, но слова объ Ифигеніи поразили меня, и г-жа Негропуло показалась мнѣ какъ бы въ иномъ свѣтѣ. Я самъ когда-то думалъ надъ этими греческими классическими женщинами, много думалъ. Конечно, все это были идеалы, созданные геніальными поэтами древности и дивными миѳами Эллады; но, сами согласитесь, для созданія миѳовъ тоже надо было имѣть и матеріалъ, и почву, почву хотя бы въ такой головѣ, какъ голова Зевса, изъ которой Паллада вышла во всеоруженіи, или такую пѣну морскую, въ которой могла зародиться не одна селедка, но и Афродита. Развѣ васъ не чаруютъ, болѣе, чѣмъ, хотя бы, тургеневская Ася или его же Елена, или Наташа въ «Войнѣ и мирѣ», эта глубоко поэтическая Ифигенія? А Антигона, въ лицѣ которой геній Софокла воплотилъ вѣчныя идеи? Г-жа Негропуло, должно быть, на моемъ лицѣ прочла поразившую меня мысль и сама отвѣтила на нее.

— А развѣ вы знавали женщину или, даже въ твореніяхъ міровыхъ геніевъ, развѣ вычитали вы что-либо подобное Антигонѣ?—спросила она, и оживленное за минуту лицо ея какъ бы застыло.

VI. Странный романъ.

Вдругъ что-то грохнуло надъ мысомъ Фіолентомъ, такъ что казалось, будто утесистый шпицъ мыса обрушился въ море. Я невольно вздрогнулъ. Собесѣдникъ мой остановился на полуфразѣ

и, повидимому, не понималъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Собака испуганно вскочила и застыла на мѣстѣ. Трофимычъ крестился.

— Вотъ и досидѣлись до грозы! А все эта гречанка!—ворчалъ онъ.—Скорѣе въ монастырь, къ коляскѣ!

— Ахъ, Боже мой! Мнѣ казалось, что я подъ смоковницей на Елеонской горѣ, гляжу на Іерусалимъ!—точно со сна бормоталъ мой собесѣдникъ.

Оказалось, что мы и не замѣтили, какъ къ намъ подкралась гроза, и южный ливень грозилъ намъ каждую минуту. Надо было торопиться къ своимъ экипажамъ. Наскоро простившись со словоохотливымъ собесѣдникомъ, я направился къ тому мѣсту, гдѣ меня ждалъ извозчикъ съ фаэтономъ, а Трофимычъ, ворча себѣ подъ носъ, быстро покатилъ къ монастырю плетеную колясочку, въ которой сидѣлъ его баринъ. Фараонъ радостнымъ лаемъ заявлялъ о своемъ удовольствіи, точно впереди ожидала его вкусная баранья котлета.

— Я не прощаюсь съ вами,—кричалъ мнѣ вслѣдъ Элладинъ (этимъ псевдонимомъ пазову я моего случайнаго знакомца),—пріѣзжайте завтра утромъ опять сюда, къ мысу Фіоленту! Утромъ здѣсь такъ хорошо... Пріѣдете?

На бѣгу я отвѣчалъ ему, что пріѣду, и скоро юркнулъ въ свой фаэтонъ, верхъ котораго уже успѣлъ поднять мой возница. Удары грома учащались все болѣе и болѣе, и мы подъ проливнымъ дождемъ воротились въ Севастополь.

Вечеромъ, въ этотъ день, я много думалъ о моемъ оригинальномъ знакомствѣ. Я все еще не могъ разгадать этого страннаго старика, Элладина; но разсказъ его заинтересовалъ меня. Мнѣ казалось, что я прочиталъ начало, завязку какой-то повѣсти, совершенно не похожей на всѣ тѣ ходячіе разсказы, повѣсти и романы «изъ жизни», которые мнѣ приходилось читать. Мнѣ казалось даже, что я чувствую какое-то душевное успокоеніе, что-то новое, уносясь мыслью отъ этой «жизни», въ которой нечѣмъ было дышать, и изъ которой такъ хотѣлось вырваться, чтобы скитаться гдѣ-нибудь далеко-далеко, вдали отъ домашней, удушливой атмосферы.

Разсказъ чудака Элладина былъ для меня совершенно новой повѣстью. Онъ, кромѣ того, переносилъ меня въ невиданныя страны, куда всегда рвалась моя мысль, и я былъ очень радъ, когда утромъ, на другой день, кто-то постучался въ мою дверь, и

на мой отвѣтъ «войдите» явился передо мной Трофимычъ, сопровождаемый Фараономъ. Песъ бросился ко мнѣ, какъ къ старому пріятелю, а Трофимычъ привѣтствовалъ меня поклономъ съ обычнымъ добавленіемъ:

— Баринъ приказали кланяться, приказали о здоровьѣ узнать.

Я отвѣчалъ, что здоровъ и благодарю. Трофимычъ, грозя глазами Фараону, продолжалъ свою посольскую рѣчь:

— Баринъ приказали узнать, угодно ли вамъ будетъ сегодня ѣхать къ Егорьевскому монастырю?

Я отвѣчалъ, что охотно поѣду, «читать новую повѣсть», добавилъ я себѣ въ умѣ. Признаюсь, мнѣ хотѣлось бы знать характеристику стараго барина отъ его слуги, который, повидимому, не одобрялъ нѣчто въ жизни и въ поведеніи своего господина и прилагалъ къ нему свою мѣрку; но я не рѣшился на это, да, полагаю, и безполезно было бы: въ душу своего барина, въ ея тайники и побужденія едва ли проникалъ умъ вѣрнаго Трофимыча, хотя привычки старика и были ему до тонкости извѣстны.

Къ вечеру, когда жаръ началъ спадать, мы уже подъѣзжали къ Георгіевскому монастырю. Старикъ сидѣлъ со мною рядомъ и задумчиво курилъ свою ароматическую сигару. Ноги его были плотно укутаны пледомъ. Ручная колясочка висѣла позади фаэтона. Трофимычъ помѣщался на козлахъ рядомъ съ извозчикомъ, а Фараонъ постоянно обгонялъ экипажъ и радостно лаялъ то на лошадей, то на Трофимыча, который иногда грозилъ ему пальцемъ.

Послѣ вчерашняго ливня все кругомъ радовалось. Выжженная солнцемъ травка оживала. Чатырдагъ, съ его сѣрыми и темными ребрами и обрывами, съ темною внизу зеленью и глубокими по бокамъ вулканическими рытвинами, смотрѣлъ менѣе мрачно. Море было такое спокойное, тихое, что, казалось, совсѣмъ не дышало, а между тѣмъ у берега, встрѣчаясь съ землею, оно плескало бѣлой волной на подножіе скалъ и продолжало шептаться съ кѣмъ-то вѣчнымъ шепотомъ... Мы остановились у мыса Фіолента. Трофимычъ, соскочивъ съ козелъ, отвязалъ колясочку и, подставивъ свою широкую спину безногому старику, ловко вытащилъ его, словно куль овса, изъ фаэтона и такъ же ловко усадилъ въ колясочку.

Мы двинулись къ обрыву. Впереди бѣжалъ Фараонъ и лаялъ

на летавшихъ внизу чаекъ, но лаялъ, — онъ самъ это сознавалъ,—только для формы. Скорѣе онъ привѣтствовалъ морскую птицу, потому что радостно махалъ хвостомъ, желая и намъ показать, что онъ вовсе не сердится на чаекъ и лаетъ потому только, что не умѣетъ выговорить: «Здравствуйте, милыя чайки! Вотъ мы и опять къ вамъ».

— Знаете, почему я васъ звалъ именно сюда?—заговорилъ мой собесѣдникъ, когда Трофимычъ подкатилъ его колясочку къ самому обрыву и подложилъ по камню къ колесамъ,—для безопасности.—Я люблю слушать тихій говоръ моря и подъ этотъ говоръ переживать то, чего уже реально я пережить не могу, вспоминать о тѣхъ далекихъ странахъ, которыхъ видѣть мнѣ не суждено. Для такого калѣки, какъ я, возможны ли прежнія скитанія!

Я молчалъ. Да и что я могъ сказать, когда во всей этой исторіи неожиданно поставленъ былъ въ роль слушателя! Я и пріѣхалъ, чтобы слушать. Боюсь только, что записанное мною далеко не передастъ всего, что я чувствовалъ, слушая ничѣмъ не вызванныя признанія старика.

VII. Въ ней все еще сидитъ смолянка.

Вотъ его романъ, совершенно не похожій на современные романы изъ современной жизни.

«Я уже говорилъ вамъ, помнится, о моей встрѣчѣ на южномъ склонѣ Елеонской горы. Да, помню, говорилъ. Моя новая знакомая такъ обрадовалась встрѣчѣ съ русскимъ, что тотчасъ же пригласила меня къ себѣ. Они жили въ верхней части Патріаршей улицы, въ отелѣ, находившемся недалеко отъ того древняго водоема, который называется купелью пророка Іезекіиля, и откуда, можно сказать, начинается Голгоѳа, нынѣ, къ сожалѣнію, вся скрытая подъ зданіями и церквами. Солнце спускалось къ горизонту за Сіономъ. Дневной жаръ спадалъ, и мы вышли на террасу, а оттуда поднялись на плоскую крышу отеля. Длинныя тѣни ярко вырѣзывались на нижнихъ кровляхъ, и тѣни отъ южныхъ стѣнъ города и отъ мечети Омара, перекинувшись черезъ Кедронскій потокъ, достигали подножія Елеонской горы. Передъ нами была грустная картина. Бѣлыя кровли зданій, точно гробы повапленные. Кое-гдѣ изъ-за кровельныхъ куполовъ торчала

жалкая пальма. Слышались жалобные крики верблюдовъ и монотонныя позвякиванья колокольчиковъ: это въ Яффскія ворота вступалъ караванъ верблюдовъ, сдавшій въ Яффѣ на корабли грузы хлопка и кофе и возвращавшійся теперь, чрезъ Іерусалимъ и Іорданъ, въ Аравію.

— Не правда ли, грустная и умилительная картина!—заговорила г-жа Негропуло.—Конечно, не картина эта трогаетъ меня, хотя на всемъ этомъ лежитъ колоритъ какой-то грусти. Я видѣла болѣе грустные и пустынные ландшафты въ Месопотаміи, но все это не то, не такъ хватаетъ за душу. А здѣсь что-то умилительно-грустное, до слезъ грустное. Я понимаю, что умиленіе это ношу въ себѣ; я воспитала его въ дѣтствѣ, я поила его, это умиленіе, моими слезами въ Смольномъ...

— Какъ въ Смольномъ?—невольно перебилъ я ее.

— Да, въ Смольномъ! Вѣдь я смолянка... Тамъ, бывало, въ дортуарѣ, послѣ стояній, когда нашъ институтскій батюшка читалъ «страсти», я плачу-плачу о Немъ, вотъ о Томъ, Который сходилъ съ этой горы, и солнце играло Его каштановыми волосами и палило бронзовыя щеки, бронзовыя до черноты... Все это было вотъ тутъ, вотъ тамъ, гдѣ мы съ вами встрѣтились... И какъ наши художники, да и не наши, а всѣ европейскія знаменитости, не умѣютъ рисовать Его и все, что при Немъ было, ни эту природу, ни эти тѣни отъ маслинъ, ни эти камни!

— Не говорите,—возразилъ я,—есть одинъ русскій художникъ, который геніально передалъ и эту природу, и ея краски, и Его самого, Того, о Комъ вы теперь думаете.

— Кто же это?—спросила она съ любопытствомъ.

— Ивановъ, художникъ. Я видѣлъ его картину въ Римѣ, Христосъ сходитъ къ Іордану, гдѣ Іоаннъ Предтеча крститъ народъ.

— А вы были у Іордана?—спросила она.

— Нѣтъ, еще, да и не желаю туда ѣхать.

Мой отвѣтъ поразилъ мою собесѣдницу. Она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня.

— Вы не хотите видѣть Іордана, Мертваго моря?!

— Что-жъ тамъ интереснаго?

— Боже мой! Да это варварство: быть здѣсь и не быть тамъ! Какъ хотите, а мы съ мужемъ завтра же потащимъ васъ туда. Я сама не была еще дальше Виоаніи.

На другой день мы, дѣйствительно, собрались ѣхать къ Іордану и къ Мертвому морю. Я не могъ не согласиться съ доводами моей новой знакомой. Она съ такою сердечностью, съ такимъ поэтическимъ воодушевленіемъ рисовала передо мною перспективу нашего путешествія въ пустыню Іордана, въ ту мрачную пустыню, которую я видѣлъ когда-то на картинѣ. На выжженныхъ солнцемъ камняхъ, въ глубокомъ уединеніи, гдѣ не видно ни деревца, ни травки и гдѣ повсюду взоръ теряется въ мрачной горной пустынѣ, на камняхъ сидитъ изможденный, почернѣвшій отъ зноя и голода человѣкъ. Въ лицѣ Его кротость, но и глубокое страданіе. Взоръ, такой печальный, напрасно блуждаетъ по пустынѣ, какъ бы ища въ комъ-то поддержки; но Онъ ничего не видитъ, кромѣ этихъ камней... А голодъ пожираетъ Его...

— Я хочу видѣть эти камни, эту пустыню!—говорила моя восторженная собесѣдница.—Это тѣ камни, которые и Онъ видѣлъ, тѣ самые. Если здѣсь, въ Іерусалимѣ, не осталось ничего отъ прежняго, камня на камнѣ не оставлено, Голгоѳа срыта, слѣды Его ногъ затерты тысячелѣтіями, все святотатственно уничтожено, опошлено ханжами, поддѣльно, то тамъ, въ пустынѣ, ни одинъ изъ камешковъ не тронутъ; надъ ними прошли тысячелѣтія, не коснувшись ихъ.

Утро только что занималось, когда нашъ небольшой караванъ, при неистовомъ крикѣословъ, которые постоянно считаютъ себя (и весьма справедливо) обиженными и постоянно протестуютъ своими, дѣйствительно, дурацкими голосами, подъ звонъ бубенчиковъ и при дикихъ крикахъ нашихъ проводниковъ-бедуиновъ, двинулся внизъ по узкой и крутой Патріаршей улицѣ, мимо дома Захаріи. Я взмостился на верблюда, желая испытать ѣзду на этомъ животномъ, а г-жа Негропуло ѣхала на небольшомъ, но необыкновенно выносливомъ ослѣ, котораго длинноухую, хотя умную голову проводникъ-сиріецъ украсилъ двумя пальмовыми вѣтками, торчавшими наподобіе крыльевъ гигантской зеленой птицы. Въ руку г-жи Негропуло сиріецъ также вложилъ пальмовую вѣтку, которою она должна была и погонять своего мудраго, но лѣниваго ослика, и отгонять отъ него мухъ и другихъ насѣкомыхъ, которыя въ Святой землѣ еще болѣе навязчивы, чѣмъ въ нашихъ грѣшныхъ странахъ. Самъ г. Негропуло красовался на прекрасномъ бѣломъ арабскомъ конѣ, который былъ любезно предложенъ ему іерусалимскимъ муселимомъ, или губернаторомъ,

въ силу тѣхъ соображеній, что Негропуло отправляется въ Египетъ въ качествѣ консула ко двору тамошняго вице-короля, непосредственнаго повелителя іерусалимскаго муселима. Онъ же прибавилъ къ нашему каравану, для охраненія насъ отъ іорданскихъ и здѣшнихъ бедуиновъ-разбойниковъ, нѣсколько вооруженныхъ конныхъ кавасовъ.

Наше паломничество захотѣлъ раздѣлить съ нами и іеромонахъ Мисаилъ, бывшій войсковой старшина донского войска, давно поселившійся въ Іерусалимѣ и постригшійся въ монахи. Это былъ необыкновенно симпатичный человѣкъ и замѣчательный знатокъ Святой земли и всѣхъ ея библейскихъ и евангельскихъ достопримѣчательностей, незамѣнимый гидъ для странствующихъ по Палестинѣ. Несмотря на свое званіе и иноческое одѣяніе, онъ ѣхалъ на ослѣ «на жеребяти осли (какъ онъ выражался), въ подражаніе Господу нашему Іисусу Христу». Мой Трофимычъ ни за что не соглашался ѣхать на ослѣ, говоря, что на ослахъ могутъ ѣздить только бабы и монахи, и я вынужденъ былъ нанять подъ него лошадь. Нѣсколько муловъ навьючено было провизіею, водой и фуражемъ для нашего каравана. Солнце золотило уже круторогій полумѣсяцъ мечети на вершинѣ Елеонской горы, когда караванъ нашъ шумно двинулся въ путь. Затѣмъ мы поворотили влѣво, въ узкую и мрачную базарную уличку, на концѣ которой, при выходѣ на страстный путь, на via dolorosa, какъ разъ на площадкѣ, на которую выходитъ полуразрушенный домъ «богатаго Лазаря», весь проросшій, по щелямъ камней и по неровностямъ стѣнъ, жалкою зеленью развалинъ, мы нагнали другую партію паломниковъ. Это былъ небольшой караванъ всесвѣтныхъ бродягъ-англичанъ, которые въ своихъ бѣлыхъ индійскихъ шишакахъ, съ длинными бѣлыми покрывалами на затылкахъ, тоже отправлялись къ Іордану. Мрачны и жалки эти улички, по которымъ мы проѣзжали. Полуобрушившіяся стѣны, проросшія травою и плющемъ, черныя, закоптѣлыя щели вмѣсто оконъ и дверей, кое-гдѣ торчавшія жидкія пальмы, все это наводило тоску, ѣдкую горечь воспоминаній о такой глубокой старинѣ и, въ то же время, до того намъ близкой, что, казалось, вотъ-вотъ изъ какой-нибудь щели выползутъ десять прокаженныхъ и закричатъ: «Іисусе, сыне Давидовъ, помилуй насъ!» И, какъ бы въ довершеніе иллюзіи, какъ разъ противъ дома «богатаго Лазаря»

сидитъ на голыхъ камняхъ полуголый слѣпой нищій и что-то жалобно поетъ.

— Смотрите! Смотрите! — кричитъ мнѣ, оборачиваясь на своемъ широкомъ сѣдлѣ, г-жа Негропуло. — Видите этого слѣпого? Слышите, какъ онъ кричитъ: «Іисусе, сыне Давидовъ, помилуй мя!». Но Его нѣтъ, некому возвратить зрѣніе слѣпцу; некому утѣшить бѣднаго!

Какъ она угадала мою мысль? Отецъ Мисаилъ, ѣхавшій около нея, съ глубокимъ сочувствіемъ поглядѣлъ на молодую женщину и набожно перекрестился.

— Нѣтъ, Онъ съ нами, — убѣжденно замѣтилъ онъ, — я слышу Его.

Г-жа Негропуло сошла со своего ослика и положила въ чашечку слѣпца серебряную монету.

— Въ Крыму, у подножія мыса Фіолента, когда я послѣ института въ первый разъ попала туда, я слышала голосъ Ифигеніи и плачъ несчастнаго ея брата Ореста, преслѣдуемаго фуріями,—сказала она, оборачиваясь ко мнѣ.

Лицо ея дышало искренностью, и слова объ Ифигеніи глубоко запали мнѣ въ душу. И какъ я въ ту минуту понималъ ее! Я и самъ теперь, вотъ здѣсь, въ тихомъ прибоѣ волнъ, слышу иногда голосъ Ифигеніи... Едва караванъ нашъ вступилъ на «страстной путь», какъ отецъ Мисаилъ сошелъ со своего ослика, говоря, что тамъ, гдѣ Христосъ влачилъ на себѣ тяжелый крестъ, онъ никогда не осмѣлится проѣзжать. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ останавливался и цѣловалъ землю.

— Что это, отецъ Мисаилъ? — спрашивала его г-жа Негропуло.

— На этомъ мѣстѣ Христосъ упалъ подъ тяжестью креста,— отвѣчалъ старикъ.

— А это что?

Мисаилъ опять цѣловалъ камни мостовой.

— Здѣсь встрѣтилъ Спасителя Симонъ Киринейскій и помогъ ему нести крестъ,—былъ отвѣтъ.

— А здѣсь, что было?

— Здѣсь встрѣтила Его Матерь...

— Боже! Что Она должна была чувствовать! Мать такого Сына!

— А тамъ, видите, вверху, въ аркѣ, окошечко?

— Вижу... Что это?

— Съ этой арки Пилатъ показывалъ Его народу и говорилъ: «се человѣкъ!».

Я видѣлъ, какъ по лицу молодой женщины текли слезы. Нѣсколько далѣе, ближе къ Овчей купели и къ Овчимъ вратамъ, вправо, въ уличной стѣнѣ, видѣется бѣлый уступъ у самой мостовой.

— Это нижняя ступень каменнаго крыльца, по которому входилъ Іисусъ къ Пилату, и по которому спускался потомъ, когда Его вели на распятіе, — пояснилъ монахъ, цѣлуя камень выступа.—А все остальное крыльцо, всѣ двадцать восемь ступеней, крестоносцы увезли когда-то въ Римъ.

Удивительно! Все это было такъ давно, почти тридцать лѣтъ тому назадъ, а, между тѣмъ, все это такъ живо осталось въ моей памяти: всякая мелочь, этотъ сѣрый цвѣтъ стѣнъ, эта яма вправо, которая была когда-то Овчею купелью, и въ которой купали овецъ, пригоняемыхъ на закланіе въ храмъ Соломона; бѣлая вуаль, откинутая на широкія поля шляпы плачущей молодой женщины, и пальмовая вѣтка въ ея рукѣ, все это до того ярко живетъ въ моей душѣ, какъ ни одно изъ воспоминаній моей жизни. Надъ нами рѣяли въ воздухѣ ласточки; куполообразныя вершины домовъ отражали отъ себя яркіе лучи солнца, всходившаго гдѣ-то за Елеонскою горою; впереди, въ самыхъ воротахъ, бѣлѣлись индійскіе шишаки англичанъ и чарды, закрывавшія ихъ затылки и шеи. Г. Негропуло оборачивалъ иногда голову къ плачущей женѣ, но ничего не говорилъ. Я чувствовалъ, что начинаю испытывать что-то новое, небывалое въ моей жизни. Я хочу увѣрить себя, что ничего, рѣшительно таки ничего не осталось отъ того, что когда-то здѣсь было; что нѣсколько разъ разрушенный, разметанный въ прахъ, сожженный и распаханный Іерусалимъ, тотъ Іерусалимъ, гдѣ все это было, надъ чѣмъ теперь плачетъ эта женщина, исчезъ, какъ сонъ; что не осталось отъ него даже обломка прежнихъ стѣнъ, даже камешка съ мостовой, какъ остались вѣчные камни на римскомъ форумѣ; что подвергался онъ большему разрушенію и уничтоженію, чѣмъ Троя, чѣмъ Вавилонъ и Пальмира; что отъ тѣхъ городовъ хоть что-нибудь сохранилось, хоть обломки стѣнъ, камни отъ фундаментовъ, слѣды огня, пожиравшаго ихъ когда-то; я сознавалъ, что безумно было бы и искать остатковъ того города на мѣстѣ, рас-

пахапномъ и посыпанномъ солью; что видѣть эти остатки въ какой-то аркѣ съ окошечкомъ, въ этомъ выступѣ стѣны, въ этой ямѣ, называемой Овчею купелью, бредъ воображенія, хуже того, наглый обманъ; что не могли эти маслинки, что показываютъ въ Геѳсиманскомъ саду, сохраняться двѣ тысячи лѣтъ... Повторяю, я хотѣлъ заставить мою мысль отказаться отъ этихъ жгучихъ попытокъ разбить въ моемъ воображеніи картины и образы, навѣваемые видомъ всего того, надъ чѣмъ скользилъ и останавливался мой взоръ, и не могъ! Но я невольно подчинялся могучему очарованію, охватившему мою душу. Да! Это тѣ маслины, подъ которыми спали апостолы, «отягченные сномъ», онѣ это! Это тѣ самые камни, вонъ вправо отъ дорожки за Овчими вратами, камни, которыми побивали первомученика Стефана. Но тѣмъ съ большимъ негодованіемъ я вспомнилъ о тѣхъ постыдныхъ искаженіяхъ и фальсификаціяхъ, къ которымъ прибѣгали маскирующіеся благочестіемъ негодяи, подвергая святотатственнымъ фокусамъ самыя дорогія реликвіи этого дивнаго мѣста... Я не вижу больше ни бѣлой вуали плачущей женщины, ни черпаго клобука отца Мисаила, снова возсѣдающаго на своемъ осликѣ, ни статной посадки красиваго грека на бѣломъ арабскомъ конѣ, ни индійскихъ шишаковъ англичанъ. Я вижу только голову моего верблюда, а дальше старыя скорчившіяся маслинки. Я узнаю ихъ, это маслинки Геѳсиманскаго сада... Копыта моего верблюда звонко стучатъ по каменному мостику: это я переѣзжаю Кедронскій потокъ. И потокъ весь высохъ, хоть бы капля воды. Зато могильныхъ плитъ кругомъ—тысячи и милліоны. Бѣдные люди! Бѣдные мертвецы! Это они снесли свои кости сюда, въ Іосафатову долину... Затѣмъ? Въ ожиданіи чего-то далекаго, далекаго безъ конца...

— Вотъ тутъ Богородица ризочки Спасителевы стирала, когда Онъ былъ еще маленькимъ,—послышался за мною чей-то незнакомый голосъ.

Я невольно оглянулся. Это говорилъ мой Трофимычъ, только не своимъ голосомъ: въ Іерусалимѣ онъ напустилъ на себя святость и даже сталъ говорить въ носъ, съ растяжкой, нараспѣвъ. Я сразу не понялъ, что онъ говоритъ.

— Какія ризочки?—спросилъ я.

— А какъ же, сударь, пеленочки Христосиковы, когда Онъ былъ махонькимъ; а теперь тутъ и водицы нѣтъ.

— Не говори, пожалуйста, вздору!—невольно сорвалось у меня съ языка.

— Это не вздоръ, сударь!—обиженно отвѣчалъ онъ.—Это намъ сказывалъ отецъ Трифонтъ.

Голова каравана, прослѣдовавъ мимо Геѳсиманскаго садика и поворотивъ по правой каменистой тропѣ, поднималась на гору Соблазна. Издали я видѣлъ, какъ англичане сошли съ своихъ лошадей и что-то разсматривали въ сторонѣ отъ каменистой дорожки. Г. Негропуло что-то кричалъ издали своей женѣ, показывая хлыстомъ на бѣлые шишаки сыновъ Альбіона, и смѣялся. Онъ говорилъ по-гречески. Молодая женщина, которая уже не плакала, также засмѣялась и обратилась ко мнѣ.

— Мужъ говоритъ, что эти джентльмэны ищутъ пенекъ той осины, на которой Іуда удавился. Имъ во всемъ надо удостовѣриться лично.

— Да, да,—подтвердилъ серьезно отецъ Мисаилъ,—на томъ мѣстѣ, дѣйствительно, удавился Іуда-предатель, и тамъ же показываютъ мѣсто, гдѣ Соломонъ воздвигнулъ капища Астартѣ и Молоху. Оттого эта гора и именуется горою Соблазна.

— Оттого, сказываютъ, и листъ на осинѣ всегда трясется, что на ней Іуда удавился, и оттого ее называютъ горькою осиной,—вмѣшался Трофимычъ.

— Ты опять со своимъ вздоромъ!—осадилъ я его.

— Помилуйте-съ! Какой вздоръ! Самъ отецъ Трифонтъ объ осинѣ сказывалъ.

— Дуракъ! Осина здѣсь никогда не росла.

Тщетно проискавъ пень этой осины, англичане направили свои бинокли на разстилавшуюся передъ ними картину. А картина, дѣйствительно, стоила вниманія: такъ много было въ ней безотрадно-грустнаго и угрюмаго; весь Іерусалимъ раскинулся по взлобьямъ и бокамъ горъ: Моріи, Сіона и Голгоѳы, которыя, казалось, тяготились этими насѣвшими на нихъ куполообразными зданіями, стѣнами, башнями, минаретами, особенно же Голгоѳа, словно придавленная тяжестью того, что когда-то на ней совершилось, а теперь давило ее въ образѣ массивнаго храма. Зато гордо высился на первомъ планѣ картины массивный, яйцеобразный куполъ Омаровой мечети съ ея многочисленными башнями, кіосками, колоннадами. Виднѣлись даже какія-то фигуры, двигавшіяся по обширному двору бывшаго нѣкогда храма Соло-

монова... «Разрушу его, и въ три дня созижду»... Куда! Вотъ уже болѣе 60.000 дней онъ ждетъ того архитектора... На вершинѣ горы Соблазна, при поворотѣ къ Виѳаніи, мы остановились, чтобы оглянуться на разстилавшуюся за нами угрюмую и величавую картину, фономъ которой служило синее палестинское небо. Мы стояли въ глубокомъ молчаніи, какъ это бываетъ около покойника. Какъ ни былъ я раньше скептически настроенъ ко всему, что уже видѣлъ и что предстояло еще увидѣть, однако, я не могъ не чувствовать, что съ каждымъ часомъ мною овладѣвало какое-то новое чувство, чувство тоски, смѣшанной съ чѣмъ-то другимъ, съ чѣмъ-то въ родѣ сожалѣнія о комъ? о чемъ? Я этого не сознавалъ, но сознавалъ только одно, что готовъ былъ самъ превратиться въ Трофимыча.

— Боже мой! Одна смерть и смерть кругомъ!—прервала общее молчаніе г-жа Негропуло. — Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такого кладбища, какъ это.

Меня начинали раздражать ея слова, можетъ быть, потому, что я чувствовалъ ихъ силу надъ собою.

— Нѣтъ, почему же?—старался я не поддаваться невольному очарованію. — Всякій клокъ земли такое же кладбище. Только здѣсь, за тысячи лѣтъ до насъ, тлѣли кости Авраама, Іакова, Лота, Ревекки и Рахили, о которыхъ намъ твердили въ школѣ, а тамъ, гдѣ-нибудь у Конотопа, столько же тысячелѣтій тлѣли кости дикарей, нашихъ сѣверныхъ прародителей, но намъ о нихъ въ школѣ никто не повѣдалъ.

— Ахъ, не говорите! — горячо возразила молодая женщина.—Развѣ, глядя на вашъ Конотопъ, вы можете говорить такъ, какъ я говорю здѣсь и вся дрожу отъ волненія: вотъ съ этого мѣста Тотъ, Кто перестроилъ весь міръ своимъ словомъ; Кому воздвигнуты милліоны храмовъ по всему лицу земли, а именемъ Его побѣждены всѣ царства міра...

— Не всѣ! — съ безсмысленнымъ упрямствомъ противорѣчилъ я.

— Положимъ... Но я не понимаю васъ,—тихо замѣтила молодая женщина,—вспомните, вѣдь отсюда, отъ этого мѣста, гдѣ мы стоимъ, Онъ при крикахъ народа «Осанна!» вступалъ вонъ въ тѣ ворота, что теперь заложены. Развѣ есть въ мірѣ другія такія воспоминанія, какія можетъ дать только это мѣсто, только

вершины вонъ той горы, на которой когда-то высились три креста при тихомъ мерцаніи звѣздъ?

Но я имѣлъ еще въ себѣ настолько глупаго упрямства, что продолжалъ спорить, доказывая, едва ли логично, что и Аѳины, и Римъ, а въ особенности Египетъ, даютъ намъ не менѣе великія, подавляющія воспоминанія.

— Вѣдь передъ міровой исторіей воспоминанія этого мѣста, на которое мы теперь смотримъ, очень и очень маленькія, совсѣмъ ничтожныя, какъ ничтоженъ былъ и самый народецъ, создавшій событія, перешедшія для насъ въ воспоминанія. Что еврейское царство и еврейскій народъ передъ Египтомъ, передъ Римомъ? Это пигмей! Вотъ вы видите отсюда этотъ Кедронскій поточекъ безъ воды, эти жалкія могилы, да еще правда ли, что это могилы Захаріи, Іакова, Іосафата, Авессалома, того Авессалома, котораго вы помните потому, конечно, что у него были прекрасные волосы, и эти волосы погубили его вонъ на томъ мѣстѣ, гдѣ растетъ старая маслина, за которую онъ зацѣпился своими нестриженными волосами... Согласитесь, что въ васъ еще сидитъ институтка, и вы глазами и сердцемъ институтки смотрите на все то, изъ чего вы недавно сдавали экзаменъ вашему институтскому батюшкѣ.

Отецъ Мисаилъ слушалъ меня и тихо, съ грустью, качалъ головой...

— А вотъ это-то малое, другъ мой, побѣдило міръ,—сказалъ онъ съ тою же тихою грустью.

— Правда! Правда, отецъ Мисаилъ!—радостно воскликнула г-жа Негропуло.—Не Римъ побѣдилъ міръ, не Египетъ, не они до сихъ поръ держатъ наши души, наше сердце, наше воображеніе въ своей власти, а вотъ это маленькое, жалкое, этотъ «сынъ человѣческій», который не имѣлъ, гдѣ голову приклонить, эти Ревекки, Рахили, которыя сами за водой ходили.

— Да, Ревекки... А Ифигеніи и Антигоны, а Гекубы и Андромахи?—настаивалъ я въ своемъ упрямствѣ.

— Да, да, Ифигеніи и Гекубы тоже владѣютъ человѣческимъ воображеніемъ, владѣютъ міромъ,—съ тою же радостною улыбкою перебила меня молодая гречанка,—міромъ владѣетъ всегда не сила, не могущество, не богатство, а идеи, созданія духа человѣческаго.

Я чувствовалъ, что она была права, и замолчалъ.

— Видите вы эту мечеть Омара,—продолжала она, когда мы уже двинулись далѣе въ путь, къ Виѳаніи,—видите этотъ храмъ на мѣстѣ храма Соломонова? Это тоже безсмертное созданіе духа человѣческаго, хоть, можетъ быть, завтра же огонь или землетрясеніе разрушитъ его; не храмъ безсмертенъ, а его идея. Вспомните: пали цѣлыя царства, и царства могущественныя, передъ которыми трепеталъ весь міръ,—царство сельджукидовъ, могучее царство халифовъ багдадскихъ, халифатъ испанскій, передъ которымъ дрожала вся Европа; теперь падаетъ послѣдній халифатъ—константинопольскій. А что давало имъ силу когда-то? Вы думаете, войско, пушки, богатство? Нѣтъ, идея! Идея, которую бросилъ въ міръ одинъ человѣкъ, прозванный безумцемъ, фанатикомъ: онъ звалъ къ себѣ гору, и гора не пошла къ нему. Но зато пошло за нимъ полъ-міра. И вотъ его идея владѣетъ душою и мыслью половины міра, тогда какъ другою половиною владѣетъ идея, брошенная въ міръ вонъ Тѣмъ, который ходилъ здѣсь, по этой самой тропинкѣ, по которой ступаютъ теперь мой осликъ и вашъ верблюдъ, ходилъ, можетъ быть, босикомъ, потрескавшимися отъ зноя ногами, что изъ жалости и любви хотѣла обмыть одна добрая женщина и вытереть своими волосами. Тотъ, который всего разъ въ жизни проѣхалъ на осликѣ, и то на чужомъ, но покрытомъ одеждами своихъ учениковъ, проѣхалъ по этой самой тропинкѣ, устланной пальмовыми вѣтками. Онъ, сынъ этого маленькаго народца, и тогда, при Немъ еще, жалкаго и ничтожнаго, а теперь разсѣяннаго по лицу земли. Какъ я понимаю великую душу Байрона, который объ этомъ самомъ народѣ сказалъ: «Несчастный народъ! Сирота-народъ! Куда бѣжитъ онъ? Гдѣ онъ отдыхаетъ? У дикаго голубя есть гнѣздо, у лисицы нора, у человѣка родина... А онъ и могилы не имѣетъ!».

— Да вы не еврейка ли?—рѣзко перебилъ я ее.

— Жалѣю, что не еврейка!—съ силой сказала.—Хоть я и считаю себя дочерью тоже великаго народа, праправнучкой Ифигеніи, Антигоны...

— Браво! — продолжалъ я школьничать. — А если бы вы были еврейкой, то вамъ прадѣдушкой былъ бы, можетъ быть, Іуда, повѣсившійся на осинѣ вонъ тамъ, или Анна и Каіафа, или тотъ рабъ, который билъ Христа по щекамъ.

Г. Негропуло, не понимая, изъ-за чего волнуется и сердится

его жена, заговорилъ было съ нею по-гречески, но она только махнула рукой. Тогда онъ обратился ко мнѣ по-французски и, узнавъ о причинѣ нашей размолвки, замѣтилъ съ улыбкою снисхожденія:

— Она у меня такая институтка! Смолянка все еще сидитъ въ ней: tenez vous droite.

— А въ васъ, любезный супругъ, сидитъ Аяксъ, но не тотъ, что у Гомера, а тотъ, что у Шекспира,—отрѣзала супруга и надула губки.

Съ тѣхъ поръ она уже не обращалась ко мнѣ, а больше все держалась около отца Мисаила и съ нимъ дѣлилась своими впечатлѣніями. Это, повидимому, льстило старику, и онъ разсыпалъ передъ нею бисеръ своихъ познаній о всякой мелочи, какая попадалась намъ на дорогѣ.

— Я еще помню, какъ Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ были здѣсь, и мы съ нимъ ѣздили и въ Виѳанію, и въ Іерихонъ, и въ Веѳиль,—говорилъ онъ.—Онъ и книгу мнѣ свою прислалъ «Путешествіе по Святой землѣ». Безподобная книга! И скажу я вамъ, матушка Зоя Алкивіадовна, что за человѣкъ былъ этотъ Авраамъ Сергѣевичъ! Чего онъ не видѣлъ на своемъ вѣку! Гдѣ не былъ! Даже въ Египтѣ былъ и проѣхалъ оттуда тѣмъ путемъ, какимъ евреи уходили отъ работы египетской. А священное писаніе зналъ не меньше самого патріарха, коли не обстоятельнѣе.

— А давно онъ здѣсь былъ?—полюбопытствовала она.

— Въ 35-мъ году, матушка, въ годъ мо пострiженія.

VIII. Въ пустынѣ.

«Въ это время караванъ нашъ, поднявшись еще выше, огибалъ юго-восточный склонъ вершины Елеонской горы. Здѣсь развернулась передъ нами иная далекая картина, которой я до смерти не забуду. Прямо передъ глазами—угрюмая сѣрая низина, окаймленная сѣрыми, выжженными солнцемъ, горами; за ними, сколько хваталъ глазъ, все горы и горы, мрачныя, пустынныя, мертвыя. Это и есть начало той пустыни, на концѣ которой, ближе къ Іордану, сорокъ дней скрывался Іисусъ, готовясь къ своему великому подвигу. За предѣлами этой горной пустыни, далеко-далеко, синѣется какая-то полоса, не то полоса неба,

упавшая на край пустыни, не то полоса моря. Это и есть Мертвое море. Издали кажется, что оно вставлено въ раму, съ одной стороны горъ пустыни, съ другой—облаковъ. Но это не облака, это горы Аравіи, мрачныя горы Моавитскія и Аммонитскія. А за ними уже небо Аравіи. Вотъ, что обхватываетъ взоръ съ высотъ, на которыхъ пріютилась жалкая деревушка, груда развалинъ съ жалкими каменными лачужками среди этихъ развалинъ. Это Виѳанія, около которой, по склону горы, темнѣетъ зелень смоковницъ, маслинъ и гранатъ. Тутъ же жалкія нивки на камняхъ, засѣянныя пшеницей. Но я не могу оторвать глазъ отъ угрюмой и величественной дали. Я понимаю, почему Христосъ такъ любилъ это мѣсто, гдѣ жилъ его другъ Лазарь, и гдѣ такъ любили Его двѣ поэтическія женщины, такъ любили, что одна изъ нихъ, болѣе восторженная, встрѣчая Его возвращающимся изъ пустыни, мазала Его ноги драгоцѣннымъ масломъ и вытирала ихъ своею косою... Замѣчаете, и я начинаю впадать въ тонъ Зои Алкивіадовны. Да тамъ поневолѣ впадешь въ этотъ тонъ.

Не успѣли мы проѣхать отъ Виѳаніи и четверть версты, какъ отецъ Мисаилъ, остановивъ своего ослика, указалъ на какой-то плоскій камень, виднѣвшійся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашего пути.

— Это что за камень?—спросила Зоя.

— Это камень бесѣдованія,—отвѣчалъ Мисаилъ.—Помните, въ евангеліи отъ Іоанна говорится о смерти Лазаря. Когда Лазарь заболѣлъ, Христосъ находился въ это время въ той сторонѣ, въ пустынѣ, и, узнавъ о болѣзни друга, поспѣшилъ къ нему. «Марѳа убо, егда услыша, яко Іисусъ грядетъ, срѣте Его; Марія же дома сѣдяше. Рече же Марѳа ко Іисусу: Господи, аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ мой умерлъ» (Іоан., XI, 20—21). Вотъ на этомъ камнѣ Марѳа ожидала Христа и здѣсь бесѣдовала съ Нимъ.

Объ этомъ камнѣ существуетъ преданіе, что онъ вѣчный и несокрушимый. Этому вѣрятъ и христіане, и мусульмане. Что онъ, дѣйствительно, вѣчный, въ томъ и сомнѣнія быть не можетъ: въ Палестинѣ, гдѣ гористая почва вся камень и кремень все это остается вѣчнымъ, все переживаетъ тысячелѣтія. Нашъ игуменъ Даніилъ цѣловалъ этотъ камень въ XI вѣкѣ! Князь Радзивилъ-Сиротка цѣловалъ его триста лѣтъ назадъ. И я видѣлъ

этотъ камень. Что Марія, ожидая Христа изъ пустыни, должна была высматривать Его именно съ этого камня, въ этомъ убѣдится всякій: стоитъ только встать или сѣсть на камень, чтобы видѣть пустынное междугорье, по которому извивается каменистая дорожка къ Іерихону, до самаго Адомима. А только по этой дорожкѣ и могъ итти Іисусъ; другого пути нѣтъ и не было до Христа, ни послѣ Него въ этой пустынѣ. И самая дорожка, по которой двигался нашъ караванъ, вѣчная! По ней ходилъ Авраамъ со своими верблюдами, по ней убѣгалъ изъ Содома Лотъ съ дочерьми, въ моментъ огненнаго изверженія въ долинѣ Мертваго моря, пожравшаго Содомъ и Гоморру.

Солнце, между тѣмъ, уже довольно высоко поднялось надъ зубчатыми вершинами горъ, мрачной оторочкой вставшихъ по правую сторону нашего пути, извивавшагося въ междугорьѣ каменистою лощиною. Внизу, у самаго начала этой лощины, едва мы спустились въ нее послѣ Виѳаніи, передняя часть нашего каравана остановилась на водопой у источника, который называется Апостольскимъ. Онъ по праву носитъ это историческое имя. Отъ самаго Іерихона, черезъ всю эту пустыню вплоть до Апостольскаго источника, вы не встрѣтите ни капли воды, не то что ручеекъ или колодезь. Это на разстояніи почти 30-ти верстъ. Понятно, что когда Христосъ и апостолы шли изъ Іерихона къ Іерусалиму (а ходили они тутъ постоянно въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, и ходили пѣшкомъ, ибо ни у кого изъ нихъ не было не только лошади или верблюда, но даже ослика), то къ концу пути ихъ должна была томить страшная жажда, особенно подъ солнцемъ Іудеи, гдѣ созрѣваютъ финики, и имъ негдѣ было утолить своей жажды, какъ только изъ этого источника.

Ахъ, какъ я понимаю теперь одно мимолетное движеніе Зои! Но тогда странное было состояніе моего духа! Тогда я съ холодною насмѣшкою въ душѣ отнесся къ этому движенію благородной женщины. Голова нашего каравана, вмѣстѣ съ главнымъ проводникомъ, англичанами и г. Негропуло, уже двинулась отъ Апостольскаго источника дальше, въ самую добрь ложбины, когда мы только подъѣхали къ этому источнику. Онъ прикрытъ грубою каменною аркою, и вода по каменному желобку струится изъ отверстія, падая на камни и разбиваясь въ брызги.

— Вотъ и источникъ Апостоловъ,—сказалъ Мисаилъ, останавливая своего ослика,—надо изъ него напиться... О! Сколь

часто Господь нашъ Іисусъ Христосъ, томимый жаждою, прикладывался къ этому святому желобку пересохшими устами.

— Здѣсь?—торопливо спросила Зоя.

— Здѣсь, матушка, Зоя Алкивіадовна.

Не успѣлъ онъ выговорить этихъ словъ, какъ Зоя въ одно мгновеніе соскочила съ сѣдла на землю, быстро подошла къ желобку и точно впилась въ него губами... Она не пила, а страстно цѣловала холодный камень, цѣловала воду, которая обливала ея лицо и грудь.

— Онъ здѣсь пилъ! Его губы касались этого камня!—крестилась она.

Мы здѣсь напились и двинулись въ дальнѣйшій путь. Отсюда начинается необыкновенно дикое мѣсто. Сначала въ боковыхъ горахъ, на склонахъ, виднѣются пасущіяся овцы, и гдѣ-нибудь на камнѣ торчитъ разбойничья фигура пастуха «пастырь добрый, иже душу свою полагаетъ за овцы»; но у этого добраго пастыря непремѣнно винтовка въ рукахъ. Иногда со скалы поднималась какая-нибудь невѣдомая для меня птица пустыни и, прошумѣвъ въ воздухѣ крыльями, скрывалась за другою скалою или садилась гдѣ-либо высоко-высоко. Съ каждымъ шагомъ мѣстность становилась унылѣе, безотраднѣе. Вся жизнь отступила куда-то назадъ, далеко, и васъ обхватываетъ мертвая пустыня. Дебря за дебрей, скала за скалой, и только синее высокое небо надъ головами напоминаетъ, что подъ нимъ есть гдѣ-то и жизнь, и радость, только не здѣсь. И во всемъ караванѣ все какъ-то примолкло. Слѣдуя почти рядомъ съ Зоей, я украдкой наблюдалъ за выраженіемъ ея прекраснаго лица. Теперь оно было необыкновенно задумчивое, какъ бы испуганное. Казалось, что оно отражало на себѣ весь этотъ путь, а задумчивые глаза выражали и тревогу души, и какое-то робкое благоговѣніе ко всему, что она видѣла. Я угадалъ состояніе ея духа, и впослѣдствіи она сама призналась мнѣ въ этомъ. По лицу и по ея глазамъ съ расширенными зрачками я видѣлъ, что въ эти минуты она жила за тысячи лѣтъ назадъ: этими угрюмыми дебрями, среди этихъ горъ, этою мертвою пустынею она шла рядомъ съ Тѣмъ, Который когда-то проходилъ здѣсь, какъ и она, въ первый разъ, и шелъ, зная, что ожидаетъ Его впереди. Послѣ всего, что Онъ уже совершилъ въ Галилеѣ и въ Капернаумѣ, и на озерѣ Тиверіадскомъ, и въ Іерихонѣ; послѣ того, какъ слава имени Его прошла по всей Іудеѣ, Онъ рѣшилъ

нти, наконецъ, въ Іерусалимъ, говоря своимъ ученикамъ: «се восходимъ во Іерусалимъ, и сынъ человѣческій преданъ будетъ архереомъ и книжникомъ, и осудятъ Его на смерть». Этою именно дорогою Онъ шелъ тогда, въ этотъ первый разъ, и какимъ мрачнымъ долженъ былъ казаться Ему этотъ путь въ невѣдомый городъ, гдѣ ожидала Его ужасная смерть, навстрѣчу которой Онъ самъ шелъ! За Нимъ и ея мысль шла теперь слѣдомъ.

— И Е г о глаза видѣли все это, что я теперь вижу?—тихо, робко сказала она.

Приближался полдень. Впереди, около какихъ-то красныхъ, словно кровавыхъ, скалъ послышались выстрѣлы.

— Это у «Добраго самарянина» стрѣляютъ,—пояснилъ Мисаилъ.

— Зачѣмъ?

— Тамъ роздыхъ, дальше ѣхать нельзя по зною.

IX. У добраго самарянина.

Караванъ сдѣлалъ привалъ. Пустыня огласилась крикомъ ословъ, ревомъ моего верблюда, говоромъ людей. Мы совершили половину пути отъ Іерусалима къ Іерихону. Мѣсто, гдѣ мы остановились, называлось «кровавое»—Адомимъ. Кровавымъ оно называлось потому, что здѣсь когда-то, во времена евангельскія и послѣ, свирѣпствовали разбойники, которымъ такъ легко было скрываться въ горныхъ дебряхъ, въ пещерахъ и скалахъ, гдѣ рыщутъ только звѣри пустыни. Къ этому мѣсту пріурочилъ Христосъ и притчу свою о «добромъ самарянинѣ»...

Мѣсто это лежитъ на возвышеніи, какъ бы ущемленномъ между горъ. Въ правой сторонѣ отъ дороги небольшая пещера, куда можно спрятаться отъ зноя нѣсколькимъ человѣкамъ. Англичане тотчасъ же разбили для себя шатеръ нѣсколько выше, у откосовъ развалинъ нѣкогда бывшей здѣсь «Гостиницы добраго самарянина». Для насъ же разбили шатеръ какъ разъ противъ пещеры. Я видѣлъ, что Зоя удалялась отъ меня и не отходила отъ отца Мисаила. Я замѣтилъ даже, что Трофимычъ сталъ на меня дуться и тоже держался либо по близости Зои, либо около Мисаила. И здѣсь они тотчасъ же удалились въ пещеру. Отецъ Мисаилъ и Зоя сѣли рядомъ въ глубинѣ пещеры, а Трофимычъ усѣлся противъ нихъ на корточкахъ, и тоже въ тѣни. Немного

погодя, Мисаилъ вынулъ изъ-за пазухи небольшую книжку. Оказалось, что это было евангеліе.

— Теперь я нигдѣ не хожу безъ сей книжицы,—сказалъ онъ, постукивая по ней пальцами, словно по табакеркѣ.

— Евангеліе?—спросила задумчиво Зоя.

— Евангеліе, матушка. Съ тѣхъ поръ, какъ мы исходили Святую землю вмѣстѣ съ Авраамомъ Сергѣевичемъ, я безъ евангелія не выхожу изъ дому, это я у него, у Норова, перенялъ. Бывало, куда бы мы ни пришли, куда бы ни пріѣхали, онъ сейчасъ вынимаетъ изъ портфеля либо евангеліе, либо библію, смотря по мѣсту, находитъ тамъ подходящую страницу и говоритъ: «теперь мы прочитаемъ, что здѣсь говорится о семъ мѣстѣ». А то, бывало, присядетъ гдѣ-либо въ тѣни, либо на камнѣ, вынетъ свой альбомъ, карандаши и срисовываетъ то мѣсто. И знатокъ, и искусникъ былъ Авраамъ Сергѣевичъ.

Трофимычъ жадно ловилъ его слова. Зоя же сидѣла грустная и задумчивая. Мужъ какъ будто забылъ о ней: общество англичанъ вполнѣ имъ овладѣло. Скоро Мисаилъ нашелъ то мѣсто, которое искалъ, и изъ пещеры стала доноситься монотонная рѣчь, словно бы она неслась изъ алтаря: «Самарянинъ же нѣкто грядый, пріиде надъ него и, видѣвъ его, милосердова» и пр. Слушая это чтеніе, Трофимычъ глубоко вздыхалъ, какъ это онъ дѣлалъ всегда, когда молился. Зоя же слушала разсѣянно. Ее, видимо, пугали ящерицы, которыхъ всегда такое множество въ этой пещерѣ и которыя, при своей немалой величинѣ, обладаютъ еще однимъ качествомъ, отличающимъ ихъ отъ европейскихъ ящерицъ: палестинскія ящерицы поютъ или какъ-то трещатъ, и это пѣніе въ первый разъ меня очень поразило.

Но когда Мисаилъ дочиталъ до того мѣста, гдѣ Іисусъ говоритъ законнику: «иди, и ты твори такожде», Трофимычъ даже испуганные глаза сдѣлалъ, какъ будто приказаніе относилось непосредственно къ нему, и онъ долженъ былъ тотчасъ же куда-то итти и что-то творить, но что именно, онъ рѣшительно не зналъ. Въ этотъ моментъ въ горахъ послышались выстрѣлы. Все разомъ заволновалось. Кавасы, сидѣвшіе въ сторонкѣ, поджавъ ноги, и лѣниво болтавшіе, повскакали на ноги и схватились за ружья. Англичане выскочили изъ палатки съ пистолетами въ рукахъ. Я также схватился за ружье, висѣвшее на лукѣ сѣдла, которымъ осѣданъ былъ мой верблюдъ, лежавшій на самой опекѣ и флег-

матично пережевывавшій жвачку, и по какому-то несознанному инстинкту загородилъ собой пещеру, изъ которой выглядывало встревоженное личико Зои. Послѣдовали еще выстрѣлы, одинъ, два, три... Я глянулъ по направленію выстрѣловъ, однако, въ горахъ, за скалами, ничего не было видно.

Но въ эту минуту что-то мелькнуло въ ложбинѣ, отдѣлявшей нашу дорогу отъ кроваво-красныхъ пещеръ къ сѣверу. Я направилъ туда дуло моего ружья. Вдругъ вижу: ложбиной мчится прелестная серна. Мнѣ оставалось только спустить курокъ, и прелестное животное пало бы мертвымъ. У меня глазъ вѣренъ, и мое ружье не дало бы промаху, я зналъ себя. Но мнѣ стало жаль бѣднаго животнаго; я опустилъ дуло и самъ вздрогнулъ! Послѣдовалъ выстрѣлъ. Зоя вскрикнула. Я думалъ, что это я сдѣлалъ машинально ударъ. Бѣдное животное подскочило и растянулось неподвижно. Я оглянулся. Изъ группы стоявшихъ въ сторонѣ англичанъ тихо струился кверху бѣлый дымокъ и растаялъ въ воздухѣ. Кавасы бросились въ ложбину и принесли оттуда убитую серну.

— Бѣдная, бѣдная!—глядѣла на нее издали Зоя,—и за что ее убили!

Но кавасы и арабы, бывшіе въ нашемъ караванѣ, не знали этой жалости и съ торжествомъ принесли серну къ англичанамъ. Тотчасъ же съ нея снята была шкура, и бѣдное животное немедленно разрѣзано на части. Сейчасъ же разложили два костра изъ валявшагося по близости сухого верблюжьяго и овечьяго помета и растущихъ по скаламъ колючекъ и, вынувъ изъ ружейныхъ стволовъ желѣзные шомполы, живо принялись за стряпню; куски мяса насаживали на шомполы и тутъ же поджаривали на шашлыкъ. Лучшія части животнаго пошли на шашлыкъ для «инглизовъ», а похуже для самихъ кавасовъ и провожатыхъ. «Шашлыкъ! Якши шашлыкъ!» суетился одинъ арабъ, нѣсколько попатершійся по-русски среди богомолокъ; «самъ Кгриста шашлыкъ кушалъ». Другіе провожатые, арабы и турецкіе кавасы, возились около костровъ со своими маленькими кофейничками, которые у нихъ, вмѣстѣ съ сахаромъ, жаренымъ и молотымъ кофе, всегда хранятся въ переметныхъ сумахъ ихъ походныхъ сѣделъ. Одинъ же изъ нихъ, повидимому, записной гастрономъ, досталъ ручную маленькую мельничку и тутъ же смололъ для себя свѣжаго мокка. Сидя на корточкахъ, они преис-

правно съѣли свой шашлыкъ, обгрызли всѣ косточки и облизали свои пальцы, а потомъ усердно готовили себѣ вкусное питье, безъ котораго восточный человѣкъ жить не можетъ: и когда кофе былъ готовъ, розлили его въ маленькія чашечки и угощались имъ самымъ сибаритскимъ образомъ, покуривая «чибуки» или вертушки изъ табаку.

Роздыхъ нашъ продолжался до трехъ часовъ, когда солнце склонилась нѣсколько къ западнымъ горамъ, и дышать стало нѣсколько легче. За это время, мимо насъ прослѣдовало три каравана, на которыхъ бедуины везли изъ Аравіи въ Іерусалимъ и Яффу тюки съ кофе и хлопкомъ. Что-то внушительное и тоскливое наводятъ на меня всегда эти длинныя нити какъ бы съ нанизанными на нихъ верблюдами. Мѣрно, тихо переваливаясь, шагаютъ эти выносливыя библейскія животныя съ длинными, какъ у лебедя или змѣи, шеями, поводя по сторонамъ своими умными глазами. Однообразно позвякиваютъ большіе желѣзные, продолговатые, какъ гречишники, колокольчики, вложенные одинъ въ другой, и тоску и страхъ безнадежности наводятъ на душу эти звуки пустыни. А сами бедуины шагаютъ въ своихъ цвѣтныхъ бурнусахъ и головныхъ повязкахъ, рядомъ съ длинношеими животными, и у каждаго блеститъ въ рукахъ длинная, тонкая, перехваченная въ разныхъ мѣстахъ мѣдными обручами, винтовка. Да безъ нея и безъ кинжаловъ сыну пустыни и шагу сдѣлать нельзя: свой братъ бедуинъ ограбитъ и убьетъ, а еще хуже—за какимъ-нибудь камнемъ, особенно по ту сторону Іордана, притаилась красивая, полосатая гигантская кошка или рыжее чудовище съ громадною косматою гривою, и пока бедуинъ успѣетъ взвести курокъ у своей, всегда наготовѣ имѣющейся, винтовки, чудовищная кошка уже на шеѣ или на горбѣ верблюда и вонзаетъ въ него свои смертоносныя иглы. Я не подозрѣвалъ, что завтра и мнѣ придется имѣть дѣло съ одною изъ такихъ страшныхъ кошекъ. Но объ этомъ въ свое время. Не подозрѣвалъ я и того, что эта страшная кошка сблизитъ меня съ незабвенною Зоею, которая... Послѣ! Послѣ!

X. Въ Іерихонѣ.

Въ три часа мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Пустыня была все та же, мертвая, безотрадная; но только теперь подъемъ въ горы кончился, и начинался спускъ къ долинѣ Іордана, хотя

она была еще заслонена горами. Вдругъ одинъ изъ проводниковъ что-то закричалъ и указалъ на ближайшую гору. По крику его, кавасы схватились за ружья. Я также машинально взвелъ курокъ и ждалъ, отыскивая глазами, гдѣ опасность. Послѣдовалъ выстрѣлъ, за нимъ другой. Въ гору, точно хромая, быстро неслось что-то темное.

— Ахъ, опять бѣдненькая серна!—боязливо вскрикнула Зоя.

— Нѣтъ, не серна, матушка,—отозвался Мисаилъ, — это скверный звѣрь, опасный. Это шакалъ. Видите, какъ забираетъ въ горы.

Солнце уже низко спустилось за нами, надъ черными высями пустыни, когда передъ нами разомъ открылась долина Іордана и Мертваго моря. Поразительна была эта картина своею дикостью, своимъ далекимъ горизонтомъ, запертымъ мрачными, голыми горами Аравіи, Моавитскими и Аммонитскими. Внизу, ближе, золотимая косыми лучами заходящаго солнца, сверкала яркая зелень садовъ Іерихона... Іерихонъ! Это слово только иллюзія! Отъ библейскаго и евангельскаго Іерихона не осталось ничего... Виднѣются только неправильныя груды камней, поросшихъ зеленью, да кое-гдѣ каменныя лачужки, какъ лисьи норы, жилища горсти арабовъ, пріютившихся на развалинахъ великаго города... Длинная, полуразрушенная каменная линія акведуковъ временъ владычества римлянъ, когда Іерусалимъ еще не былъ разрушенъ до основанія и распаханъ плугами «Тита милосерднаго», и когда долина Іордана текла молокомъ и медомъ, а розы Іерихона и гордыя пальмы соперничали съ розами Гюлистана и египетскими пальмами. Камни да мусоръ, вотъ что осталось отъ Іерихона. Осталась еще чудная зелень сикоморъ, тамариндовъ, олеандръ, да «содомской яблони». Отъ гордыхъ пальмъ не осталось и слѣда. Дальше бѣлая песчаная равнина, упирающаяся въ Іорданъ и Мертвое море и какъ бы испятнанная темными группами «вербы іорданской», особенно темнѣющейся у самой линіи священной рѣки. Вправо—неподвижная поверхность Мертваго моря, какъ бы, дѣйствительно, чего-то отверженнаго и людьми, и природой, чего-то проклятаго: хоть бы чайка пролетѣла надъ нимъ, хоть бы лодочка показалась на его поверхности, ничего! Все мертво и безмолвно! За этой мертвой песчаной равниной, за извилистой нитью Іордана и за непривѣтливою поверхностью Мертваго моря вставали такія же непривѣтливыя горы Аравіи, заслоняя собою

горизонтъ. При видѣ этой угрюмой и печальной картины, я все забылъ, и нашъ караванъ, и отца Мисаила, который набожно крестился, и Зою, прелестные глаза которой, какъ глаза изумленнаго ребенка, глядѣли на эту картину такъ, что, казалось, вотъ-вотъ брызнутъ слезами. Память и воображеніе, эти друзья и подчасъ жестокіе мучители человѣка, перенесли меня разомъ за много-много тысячъ лѣтъ назадъ и передо мной рисовались другія картины... Я вижу: на тѣхъ горахъ разбиты черные шатры, и между ними по чернымъ склонамъ пасутся стада верблюдовъ и овецъ. Кое-гдѣ виднѣются темныя фигуры людей съ длинными, кверху загнутыми палками. Это пастухи. Снизу, отъ источника, что журчитъ межъ камней, идутъ смуглыя полунагія женщины съ высокими кувшинами на головахъ. Изъ двухъ сосѣднихъ шатровъ выходятъ два бедуина съ еврейскими чертами лица. Въ этихъ бедуинахъ я узнаю родныхъ братьевъ, такъ похожи они другъ на друга. Это Авраамъ и Лотъ. Они останавливаются и обозрѣваютъ свои стада, шатры, ближнія и дальнія горы.

«Да не будетъ раздора между мною и тобою, говоритъ Авраамъ брату, и между пастухами моими и твоими, ибо мы родственники. Не вся ли земля предъ тобою? Пожалуйста, отдѣлись отъ меня. Если ты налѣво, то я направо; а если ты направо, то я налѣво».

«И возвелъ Лотъ очи свои, и увидѣлъ равнину іорданскую, которая, прежде нежели истребилъ Іегова Содомъ и Гоморру, вся, какъ садъ Іеговы, какъ земля Египетская, орошалась водою, даже до Цоара» (кн. Быт. XIII, 8—10).

Прошло много лѣтъ. Я вижу другую картину, совсѣмъ не похожую на первую. Раннее утро, очень раннее. Черные шатры раскинуты нѣсколько южнѣе. Пасутся тѣ же стада овецъ и верблюдовъ. Тѣ же смуглыя женщины съ водоносами на головахъ. Снова изъ шатра выходитъ бедуинъ, старый, сѣдой, но бодрый; однако, узнать его можно. Это Авраамъ. Онъ останавливается на горѣ Хевронѣ и съ высоты ея любуется долиною Іордана, владѣніями своего брата Лота. Вмѣсто простыхъ черныхъ шатровъ со стадами верблюдовъ и овецъ, въ долинѣ, вдоль береговъ Іордана, раскинулись цвѣтущіе города, утопающіе въ зелени. Авраамъ видитъ ихъ, какъ на ладони. Вотъ богатый и шумный Содомъ, вотъ роскошная Гоморра, далѣе Адама, Севоимъ и Цоаръ. Это богатое и торговое іорданское пятиградіе. Въ долинѣ обитаетъ

только довольство и счастіе. И видитъ Авраамъ, какъ за цвѣтущею долиною, надъ горами каменистой Аравіи, встаетъ солнце и лучами своими золотитъ всю цвѣтущую долину. Но вдругъ онъ слышитъ громъ, громъ на безоблачномъ небѣ! Нѣтъ! Это не громъ, это подземные удары. Удары все сильнѣе и сильнѣе. И видитъ Авраамъ со своей горы: отъ Содома торопливо идутъ четыре человѣческія фигуры. Онъ узнаетъ ихъ: это его братъ Лотъ съ женою и дочерьми: прекрасны эти смуглыя дочери Лота! Но вдругъ послѣдовалъ страшный, оглушительный подземный ударъ, и Авраамъ съ ужасомъ увидѣлъ, какъ разверзлась земля въ долинѣ Іордана, и изъ разверстой земной пасти повалилъ дымъ, огонь, горящая сѣра... Было что-то ужасное... Но все это было дѣломъ одного мгновенія! Не успѣлъ Авраамъ поднять рукъ къ небу, къ Іеговѣ, какъ на мѣстѣ долины Іордана оказалось голубое море, а недалеко отъ него небольшой бѣлый холмъ... Отъ этого холма съ плачемъ удалялись въ горы только три человѣка, Лотъ и его двѣ дочери... Мать ихъ, во время самаго взрыва оглянувшись назадъ, съ испугу остановилась, и ее засыпало лавой и расплавленной солью... Горько заплакалъ Авраамъ, глядя на синюю поверхность моря, поглотившаго въ своей пучинѣ бѣдное пятиградіе...

Прошли столѣтія. Я вижу иную картину. Въ долинѣ Іордана, вмѣсто цвѣтущаго пятиградія, все то же синее море; но оно мертвое. Недалеко отъ устья Іордана, внизу горъ, раскинулся богатый городъ, обнесенный высокими каменными стѣнами съ башнями. Сколько храмовъ, куполовъ, высокихъ палатъ въ городѣ! Кругомъ раскошные сады до самыхъ горъ, съ которыхъ я теперь спускаюсь рядомъ съ Зоею. За Іорданомъ, на горахъ и у самой рѣки, развертывается величавая картина. Тысячи народу несутъ какой-то золотой жертвенникъ. Воздухъ оглашаютъ трубные звуки, да такіе могучіе, что земля и горы дрожатъ. Эти тысячи живыхъ людей съ верблюдами, на которыхъ сидятъ женщины и дѣти, двигаются сюда подъ ужасающіе трубные звуки. Они все ближе и ближе. Массы заливаютъ собою всю равнину до самыхъ стѣнъ города. А трубы гудятъ, не умолкая. Массы охватили собою весь городъ, лѣзутъ на стѣны. Трубные звуки ужасны!.. И Іерихонъ палъ. Это евреи воротились изъ Египта и вступили въ обѣтованную землю.

Прошло еще болѣе тысячи лѣтъ. Я вижу еще иную картину,

и все въ той же долинѣ Іордана, на которую теперь смотрю со спины моего верблюда. Іерихонъ все такой же обширный и цвѣтущій городъ. Тамъ, гдѣ темнѣются вербы іорданскія, на берегу Іордана стоитъ человѣкъ, худой и загорѣлый, до половины прикрытый верблюжьей шкурою. Босыя ноги его потрескались, побитыя о камни пустыни, изъ которой онъ вышелъ. Около него толпятся люди, а онъ рукою показываетъ имъ на воду. Люди входятъ въ воду и окунаются въ нее. Вдругъ въ отдаленіи, отъ горы, подъ которою раскинулся Іерихонъ, все ближе и ближе подходитъ къ человѣку въ верблюжьей шкурѣ другой человѣкъ... Худой-худой, загорѣлый... Но что за лицо, что за глаза!..

— Баринъ! Слѣзайте съ верблюда! Мы пріѣхали въ Ерихонъ!

Я очнулся. Передо мною стоялъ Трофимычъ. Зоя, сойдя съ ослика, тянулась къ какой-то красивой зелени съ яркими плодами на вѣтвяхъ.

— Матушка, Зоя Алквіадовна! Не трогайте! — испуганно закричалъ Мисаилъ. — Уколетесь... это ядовитое дерево — «содомскія яблоки».

Мы были въ Іерихонѣ.

XI. Тигръ пустыни.

Наступила ночь. Мнѣ разбили шатеръ недалеко отъ тремучаго ручья, который течетъ съ горъ. Дивная ночь въ долинѣ Іордана; но она не навѣваетъ на меня сна. Я лежу съ открытыми глазами и прислушиваюсь къ звукамъ ночи: они такіе же таинственные, какъ таинственно все въ незнакомой мѣстности, особенно въ такой, гдѣ и днемъ, наяву, не всегда отличишь дѣйствительность отъ грезы. Я слышу тихій говоръ за шатромъ.

— Вы не спите?

— Да, что-то не спится. Я такъ взволнована всѣмъ, что видѣла. Да и вы не спите?

— Мнѣ захотѣлось помолиться. Я и прошелъ туда, повыше, чтобы видно было «гору искушенія». Въ такихъ мѣстахъ сладко молиться

— И вы не скучаете здѣсь по Россіи?

— Какъ не скучать! Иногда сердце кровью обливается, какъ вспомнишь о ней. Да что дѣлать! Обрекъ себя на подвигъ, все равно, что похоронилъ себя.

— Да, въ такихъ мѣстахъ, какъ здѣсь, и горе легче сносится... Я не понимаю только, зачѣмъ шляются сюда такіе франты, какъ этотъ вотъ...

— Это вы объ офицерѣ-то?

Я понялъ, что говорятъ обо мнѣ, и почувствовалъ даже въ темнотѣ краску стыда. Дѣйствительно, я велъ себя сегодня изъ рукъ вонъ.

— Да, о немъ... И зачѣмъ его принесло сюда! Болтался бы въ Петербургѣ у Излера или въ Павловскѣ на музыкѣ...

— Это кто же Излеръ?

— Кабакъ тамъ одинъ свѣтскій. А то по водамъ бы шлялся.

— Зоя!—послышался голосъ Негропуло.

Она отозвалась по-гречески на голосъ мужа и, простившись съ отцомъ Мисаиломъ, удалилась въ свою палатку. Только къ полуночи я забылся сномъ.

— Баринъ! Вставайте! Пора ѣхать, — слышу голосъ Трофимыча и не могу сообразить, гдѣ я: мнѣ снилось, что мы въ открытомъ морѣ, и пароходъ нашъ сражается съ тифонами.

— Ты что? Зачѣмъ трогаешь? — не понималъ я.

— Всѣ собрались ѣхать къ Ердани. Ужъ и верблюдъ вашъ готовъ.

Тутъ только я опомнился и поторопился встать. Трофимычъ стоялъ уже передо мною съ жестянымъ кувшиномъ и съ полотенцемъ.

— А вы, баринъ, будете креститься? — спрашивалъ онъ меня.

— Какъ креститься? — не понялъ я его. — Каждый день крещусь.

— Нѣтъ, а какъ младенцевъ крестятъ... въ Ердани... Отецъ Трифонтъ сказывалъ, что кто въ Ердани искупается, тотъ, значитъ, второй разъ крещенъ и будетъ чистъ, какъ младенецъ отъ купели.

— Ужъ будто бы?—пошутилъ я. — Тебя хоть въ семи Іорданахъ крести, а ты все будешь вонять потомъ.

Сказалъ, да и самъ раскаялся, вспомнивъ ночной разговоръ обо мнѣ.

— Вы все шутками, баринъ, а это грѣшно. Не затѣмъ мы сюда пріѣхали.

Урокъ! Я уже больше не шутилъ и спѣшилъ готовиться въ

путь. Утро было дивное. Таинственные ночные звуки смѣнились пѣніемъ пѣтуха, гдѣ-то среди развалинъ, и крикамиословъ. Солнце еще не всходило. Зубцы Моавитскихъ горъ рѣзко очерчивались на восточномъ горизонтѣ, а нѣсколько правѣе надъ этими гигантскими зубцами вставала гора Нававъ: съ этой горы Моисей въ послѣдній разъ глядѣлъ на обѣтованную землю, на которую не суждено было ступить его усталымъ ногамъ, сорокъ лѣтъ бродившимъ по пустынямъ Аравіи съ «народомъ божіимъ».

Зоя и отецъ Мисаилъ сидѣли уже на ослахъ, когда я подошелъ къ своему верблюду. Я молча раскланялся съ ними, не смѣя взглянуть въ глаза Зоѣ. Она была блѣднѣе обыкновеннаго. «Иванъ Ивановичъ Излеръ и Іорданъ» невольно сталкивались у меня въ мозгу эти два несовмѣстимыя представленія: «Минерашки (какъ ихъ тогда называли) и Мертвое море!» Миновавъ груды камней и колючки загороди, за которыми, въ тѣни сикоморъ и бальзаминовъ, ютились жалкія каменныя норы, жилища іерихонскихъ арабовъ, нашъ караванъ потянулся бѣлою солончаковою равниною къ востоку, къ тѣмъ темнымъ кущамъ іорданской ивы, за которыми извивалась къ Мертвому морю евангельская рѣка. Я взглянулъ налѣво, гдѣ высилась, какъ голый костякъ мертвеца, гора Сорокадневная или гора Искушенія. Предшествовавшія душевныя тревоги и какая-то глухая внутренняя борьба, наконецъ, все то, что я видѣлъ и вліянію чего силился не подчиниться, до того подѣйствовали на мое воображеніе, что мнѣ казалось, будто бы вдали отъ той горы двигается къ Іордану «человѣкъ нѣкій», но не такой, какимъ я видѣлъ его на картинѣ Иванова въ Римѣ, а такой, какого никто не умѣлъ изобразить ни кистью, ни словомъ... Мы долго ѣхали. Вотъ уже и кущи іорданскаго ивняка. Слышится даже плескъ воды и журчаніе, но рѣки еще не видно за кустами. Вдругъ отецъ Мисаилъ испуганно вскрикнулъ:

Господи! Скачите съ сѣдла, скачите, ради Бога!

Я видѣлъ, какъ въ одно мгновенье онъ свалился со своего ослика, вскочилъ, подбѣжалъ къ Зоѣ и навзничь сталъ тащить ее съ сѣдла. Я моментально схватился за ружье и взвелъ курки. Въ то же мгновеніе въ воздухѣ мелькнуло что-то темное... Полосатое чудовище, въ видѣ кошки, въ одинъ прыжокъ очутилось на спинѣ того осла, на которомъ ѣхала Зоя... Меня точно обожгло что или кускомъ льда шмыгнуло по нервамъ. Я все по-

пялъ и спустилъ курокъ!.. Съ страшнымъ ревомъ чудовище сдѣлало скачокъ назадъ и повисло на шеѣ моего верблюда... Я спустилъ второй курокъ! Еще ужаснѣе ревъ, и чудовище свалилось на песокъ, обагряя его кровью... Какъ это сдѣлалось, я самъ себѣ не могъ дать отчета. Помню только, что мертвый тигръ лежалъ на землѣ. Это былъ огромный звѣрь. Около него стояли кавасы и англичане. У всѣхъ на лицахъ было изумленіе и радость. Всѣ обращались ко мнѣ, и я догадывался, что меня поздравляли съ побѣдой. Нѣсколько впереди, Негропуло, Мисаилъ и Трофимычъ хлопотали около лишившейся чувствъ Зои. Я и другіе сообразили, что все это произошло такимъ образомъ. Караванъ нашъ сильно растянулся. Въ головѣ его слѣдовали англичане со своими проводниками и вьюками. Тамъ же былъ и Негропуло. Потомъ ѣхали два каваса. За ними Зоя рядомъ съ Мисаиломъ, но такъ, что Зоя была съ правой стороны, къ сторонѣ Іордана и закрывавшихъ его кустовъ. За ними слѣдовалъ я, за мною Трофимычъ и весь остальной хвостъ каравана. Тигръ прятался справа, въ кустахъ, выжидая добычи, можетъ быть, послѣдняго ослика въ нашемъ караванѣ. Мисаилъ первый замѣтилъ хищника. Какъ человѣкъ опытный, бывавшій уже въ передѣлкѣ (нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этомъ мѣстѣ напалъ на путниковъ левъ, пробравшійся сюда за добычей изъ-за Іордана, и растерзалъ одного армянскаго монаха), онъ зналъ, что надо скорѣе броситься на землю, ибо хищникъ всегда кидается на спину намѣченной имъ жертвы, а потому, спасаясь самъ, хотѣлъ спасти и Зою. Когда онъ крикнулъ: «скачите съ сѣдла», бѣдная женщина только растерялась, и онъ насильно опрокинулъ ее навзничь. Къ несчастію, шлейфъ ея платья зацѣпился за кривую луку сѣдла, и тигръ успѣлъ впустить свои ужасные когти и въ сѣдло, и въ шлейфъ. Въ этотъ моментъ я выстрѣлилъ, и пуля попала хищнику въ правую ключицу. Разъяренное отъ боли животное въ одинъ прыжокъ повисло на шеѣ моего верблюда, чтобы растерзать меня, но вторая пуля пронизываетъ ему черепъ въ серединѣ лба, почти между глазъ. Мы были спасены. Зою, однако, скоро привели въ чувство. Раненую шею моего верблюда проводникъ тотчасъ же перевязалъ какой-то тряпкой, а съ убитаго тигра тутъ же сняли шкуру. Роскошная шкура эта и до сихъ поръ хранится у меня, какъ грустное, но дорогое воспоминаніе невозвратнаго счастія... Зоя пер-

вая подошла ко мнѣ. Я не забуду ея лица, столько въ немъ было и радости, и нѣжнаго участія.

— Вы не ранены?—спросила она.

Я сказалъ, что животное не коснулось меня.

— Но вы? На вашемъ шлейфѣ я вижу слѣды его когтей,— въ свою очередь спросилъ я.

— Это ничего... Это только шлейфъ... Я зацѣпилась... Если-бы не вы, я бы погибла... Вы мой спаситель.

— Не я, а отецъ Мисаилъ, — поклонился я старику, — вы и меня спасли.

— О, нѣтъ! — скромно отвѣчалъ онъ.—Не я, а Богъ да вы.

— Да вы! Вы!—съ силою подтвердила Зоя. — Будь вы не здѣсь...

— А у Ивана Ивановича Излера...

Это чортъ дернулъ меня за языкъ; но было уже поздно. Она взглянула на меня, вспыхнула; взглянула на отца Мисаила, на мужа... Губы ея задрожали, она закрыла лицо ладонями и заплакала, заплакала, какъ ребенокъ. Я растерялся.

— Ради Бога, Зоя Алкивіадовна! Простите меня! Это злая, подлая шутка... Такъ можетъ шутить только такой негодяй, какъ я! Я имѣлъ низость подслушать ночью вашъ разговоръ и не предупредилъ васъ... Жалкій фатъ, я заслужилъ презрѣніе... Но только не плачьте, успокойтесь! Вы и безъ того потрясены... Ради Бога, не обращайте вниманія на мои слова... Простите меня хоть въ виду этихъ святыхъ мѣстъ!

— Для васъ они не святы!—проговорила она, всхлипывая.

— О, нѣтъ! Клянусь вамъ... Я не знаю, что это было со мной... Я велъ себя недостойно этихъ святыхъ мѣстъ, всѣхъ этихъ великихъ воспоминаній! Простите меня, успокойтесь!

Съ трудомъ, общими усиліями, мы уняли ея слезы. Она просвѣтлѣла.

— Это налетѣло на меня нечаянно! — улыбалась она. — Этотъ Излеръ, и тутъ, у Іордана! Онъ, точно тигръ, наскочилъ на меня, этотъ Излеръ, я и разревѣлась... А теперь я рада, что въ вашемъ лицѣ нашла новаго вѣрующаго... да?

— Да, да! Я вѣрю, я чувствую на себѣ силу этой вѣры...

XII. Купанье въ Іорданѣ.

«Происшествіе съ тигромъ нѣсколько задержало насъ. Мы разсчитывали поспѣть къ Іордану до зноя, а между тѣмъ, промѣшкавъ на мѣстѣ приключенія около часу, дождались страшной жары. Песокъ и илъ, изъ котораго состоитъ почва, прибрежная къ Іордану, казались раскаленнымъ жерломъ. Съ другой стороны, отъ аравійскихъ каменныхъ скалъ вѣяло такимъ зноемъ, что ивовые кусты, закрывавшіе отъ насъ рѣку, казалось, корчились отъ убійственнаго дыханія юга. Надъ нами стояло солнце безъ лучей, какъ добѣла раскаленное исполинское ядро.

— Близко, близко ужъ,—успокаивалъ насъ отецъ Мисаилъ,—слышите журчаніе воды?

— Слышу,—отвѣчала слабо Зоя,—но что жъ самой воды не видно?

— Она за кустами, матушка. Немножко выше возьмемъ и будемъ у рѣки.

— Да въ ней, поди, и вода горячая,—вмѣшался въ разговоръ Трофимычъ.

Со времени нашего пребыванія въ Палестинѣ, онъ напустилъ на себя ужасную важность и постоянно вмѣшивался въ разговоръ и разсуждалъ.

— Нѣтъ, вода не горячая,—отвѣчалъ Мисаилъ,—а какъ разъ въ пору.

— А теплѣе вашей донской воды?—спросила Зоя.—Я раза два купалась въ Дону, у васъ въ Черкасскѣ.

Отецъ Мисаилъ вздохнулъ. Видно, напоминаніе о «тихомъ Донѣ» смутило его казацкое сердце подъ монашескою рясою.

— Ужъ я не помню, матушка, какая и вода-то въ Дону,—тихо отвѣчалъ онъ.

Впереди послышались возгласы. Мы ясно видѣли, что голова каравана была уже на мѣстѣ. Скоро и мы увидѣли сквозь переплетающіяся вѣтви ивъ, тамаринда и олеандровъ поверхность быстро бѣгущей рѣки.

— Вотъ онъ,—указалъ на воду Мисаилъ и перекрестился.

Мы тоже обнажили головы и стали креститься. По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ, растительность становилась гуще, и трава

достигла довольно значительной высоты. Мы разостлали ковры въ тѣни тамаринда и іорданской вербы и усѣлись группами, чтобы нѣсколько передохнуть отъ зноя. Но Трофимычъ сейчасъ же бросился къ рѣкѣ, сталъ на колѣни, положилъ нѣсколько земныхъ поклоновъ и жадно припалъ къ водѣ прямо ртомъ, растянувшись на животѣ и упираясь ладонями въ землю. Казалось, что онъ хотѣлъ напиться въ запасъ святой воды. Будучи сильно утомленъ физическими и нравственными потрясеніями и испытывая отъ жара, я чувствовалъ непреодолимое желаніе тотчасъ же погрузиться въ быстро катившіяся струи евангельской рѣки. Я зналъ, что и Трофимычу страстно хотѣлось того же, и потому самъ направился къ тому мѣсту, гдѣ онъ пилъ и потомъ обливалъ іорданской водой голову, лицо и шею.

— Хочешь креститься?—сказалъ я ему.

— Какъ же-съ! Давно объ этомъ Бога молю.

— Ну, такъ идемъ вонъ за тѣ кусты, чтобы насъ не видно было.

Изъ-за кустовъ слышно было, что тамъ уже плескались купальщики, вѣроятно, англичане и ихъ проводники.

— А гдѣ же мы кормилицу найдемъ?—спросилъ я.

— Какую, сударь, кормилицу?—недоумѣвалъ онъ.

— А тебя кормить грудью.

Онъ, предполагая, что я говорю серьезно, вопросительно глядѣлъ на меня.

— Что вы, сударь, шутите?

— Нѣтъ, не шучу; вѣдь ты же говорилъ, что, когда покупаешься въ Іорданѣ, то это все равно, что второй разъ родиться.

— Это точно, отецъ Трифонтъ говорилъ, что это какъ будто второе рожденіе и крещеніе.

— Значитъ, и кормилицу надо.

Я зналъ, что говорю пошлости; но все-таки радъ былъ этому, я чувствовалъ, что духовно оживаю. Когда въ Россіи и въ Европѣ надо мною тяготѣлъ тотъ нравственный маразмъ, о которомъ я вамъ говорилъ, я не умѣлъ даже шутить. Возвращеніе ко мнѣ потребности въ шуткѣ, въ дурачествѣ, я считалъ признакомъ возвращенія ко мнѣ жизни. Вотъ почему мои выдумки казались Зоѣ странными, неумѣстными, возмущали ее. Но если бы она знала, что творилось въ моей душѣ, она не осудила бы, вѣроятно, моего поведенія и скорѣе пожалѣла бы меня.

Когда, идя купаться, мы проходили мимо отца Мисаила, который сидѣлъ рядомъ съ Зосею, мы увидѣли, что у него на колѣняхъ развернута книга, и услышали чтеніе: «И свидѣтельства Іоаннъ, глаголя, яко видѣхъ Духа, сходяща яко голубя съ небесе, и пребысть на Немъ». Трофимычъ поклонился старику.

— Благословите, батюшка. Хочу креститься

— Съ Богомъ, другъ мой... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Съ Богомъ!

— Какъ же, батюшка, такъ и окунуться въ воду?

— Такъ и окунись, мой другъ, съ головою погрузись въ молитвѣ.

Для купанья мы выбрали самое укромное мѣстечко, гораздо выше того мѣста, гдѣ купались англичане. Я съ наслажденіемъ бросился въ воду. Она была совсѣмъ не горячая, какъ предполагалъ мой вѣрный рабъ, а какъ разъ впору: такая свѣжая, оживляющая. Быстрина ея, однако, очень значительна, сильно сноситъ. Я, во что бы то ни стало, захотѣлъ переплыть Іорданъ. Мнѣ хотѣлось побывать на аравійскомъ берегу, и хотя тамъ я могъ наткнуться на какого-нибудь четвероногаго пустынника, въ родѣ того, котораго я уже убилъ сегодня, или почище, съ косматой гривой, однако, хорошо плавая, я ринулся на перерѣзъ быстрымъ струямъ.

— Илья, догоняй меня!—крикнулъ я Трофимычу, который, казалось, священнодѣйствовалъ, сидя по горло въ водѣ и уже въ который разъ троекратно погружаясь съ головой.—Догоняй!

— А это не грѣхъ, баринъ?—нерѣшительно спросилъ онъ.

— Напротивъ! Тутъ и евреи переплывали, когда изъ Египта шли въ обѣтованную землю.

Мысль о томъ, что здѣсь, подобно мнѣ, могъ плавать Іисусъ Навинъ, что тутъ плыла Марія Египетская, когда удалялась въ пустыню, эта мысль радовала меня, какъ школьника.

Наконецъ, я на томъ берегу, въ каменистой Аравіи. Помню, прежде, когда я еще училъ священную исторію, и послѣ, когда мысль моя переносилась иногда къ библейскимъ временамъ, для меня нѣсколько темна была эта трогательная исторія бѣдной Агари, изгнанный въ пустыню вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ Измаиломъ. А тамъ, въ библейской странѣ, для меня все это стало такъ ясно. Вся эта далекая трогательная картина прошла передъ моими глазами, и когда я отдыхалъ послѣ плаванья, сидя

на томъ берегу Іордана. Я видѣлъ, какъ отъ развалинъ Іерихона шла смуглая женщина, ведя за руку прелестнаго ребенка. Но тогда еще Іерихона не было. На тѣхъ горахъ, которыя мнѣ видны съ аравійскаго берега, чернѣются только шатры кочевого народа. Кругомъ бродятъ верблюды и овцы. Кое-гдѣ виднѣются пастухи съ длинными посохами. Библейская картина! И на фонѣ этой картины я вижу прекрасную смуглую женщину, которая идетъ вонъ отъ тѣхъ черныхъ шатровъ и ведетъ за руку прелестнаго ребенка. Женщина оглядывается на шатры, въ которыхъ она родилась и выросла, на стада верблюдовъ. Все это для нея родное! И все это она должна покинуть и удалиться въ пустыню. Слезы неудержимо льются по ея щекамъ... Вотъ она, эта пустыня аравійская. Я на рубежѣ ея: здѣсь сидѣла и Агарь съ Измаиломъ, глядя въ послѣдній разъ на родныя горы, на милые шатры... Неудивительно, что потомки Агари и Измаила, агаряне и измаильтяне, до сей поры ведутъ съ нами войну...

Для меня вполнѣ понятно стало и многое другое въ библіи. Я вижу, какъ толпы еврейскаго народа, проблуждавъ, послѣ выхода изъ Египта, сорокъ лѣтъ въ пустынѣ, вотъ съ этого берега въ первый разъ увидѣли обѣтованную землю, и какое радостное движеніе охватило эти истомленныя безконечнымъ блужданіемъ массы...

— Баринъ! Посмотрите, какая ящерица.

Я невольно вздрогнулъ. Мысль моя была такъ далеко отъ всего, что меня окружало. Это говорилъ мой Илья Трофимычъ, который тоже переплылъ Іорданъ и сидѣлъ на одномъ изъ береговыхъ камней.

— Какая ящерица?

— Да вотъ, сударь, красная какая-то, головастая.

Дѣйствительно, на камнѣ, который отдавалъ цвѣтомъ запекшейся крови, покоилась большая безобразная ящерица. Шумъ заставилъ ее медленно удалиться съ камня. Она неуклюже поползла по песку, который въ этомъ мѣстѣ былъ совершенно бѣлый, точно чистая сѣянная соль.

— Ахъ, прахъ ее возьми! Смотрите, баринъ, теперь она стала бѣлая

— Какъ бѣлая?

— Совсѣмъ побѣлѣла, вотъ оказія!

Дѣйствительно, ящерица отливала уже не красноватымъ, а

бѣлесоватымъ цвѣтомъ. Я догадался: это былъ хамелеонъ. Эта ящерица водится и въ Палестинѣ, и въ Аравіи. Я видѣлъ ее потомъ и въ Египтѣ. Какъ ни возвышенно настроено было мое воображеніе библейскими образами, однако, я не могъ не чувствовать, что во мнѣ все еще гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ души, сидитъ духъ недовѣрія, критики и какая-то раздвоенность впечатлѣній. Мнѣ кажется, что все это было нѣчто ненормальное, болѣзненное, болѣзнь воли. Болѣзненность эта сказывалась и въ неровности воздѣйствія на меня тѣхъ или другихъ впечатлѣній, въ какомъ-то противорѣчіи самому себѣ, почти въ безпрестанной и, повидимому, безпричинной борьбѣ однихъ чувствъ съ другими: серьезное, иногда мрачное настроеніе безъ всякой видимой причины смѣнялось совершенно противоположнымъ. И я это самъ замѣчалъ за собою.

Вдали, по ту сторону Іордана, я замѣтилъ въ кустахъ свѣтлое платье Зои и соломенную шляпу съ затылочною вуалью ея мужа. Я догадался, что Негропуло сопровождаетъ свою жену на купанье. И мнѣ стало вдругъ смѣшно... Агарь съ Измаиломъ и Зоя съ мужемъ!

— Илья, ты ничего не видишь тамъ?—отвлекъ я вниманіе Трофимыча отъ хамелеона.—Вонъ тамъ, далеко, по ту сторону Іордана что-то бѣлѣетъ въ водѣ.

— Не разберу, баринъ.

— А я такъ разобралъ. Ай да отецъ Мисаилъ! Ай да Зоя Алкивіадовна! Вѣдь онъ ее креститъ.

— Какъ, сударь, креститъ?

— Да какъ мы съ тобой! Купаетъ ее.

Трофимычъ недовѣрчиво смотрѣлъ на меня и потомъ, поняв мою шутку, съ неудовольствіемъ отвернулся.

— Вамъ все шутки! И въ этихъ-то мѣстахъ.

Мы поплыли обратно.

Когда, одѣвшись, мы воротились въ свой лагерь, Зоя сидѣла уже въ тѣни тамариндовъ на разостланномъ коврѣ, а около нея мужъ и одинъ изъ нашихъ случайныхъ спутниковъ англичанъ. Это былъ необыкновенно загорѣлый, съ длинными руками и ногами, лордъ, съ которымъ меня и познакомили.

— Monsieur Elladine. Monsieur Canning.

Говорили по-французски. Оказалось, что лордъ Кеннингъ возвращался изъ Индіи, гдѣ онъ охотился на слоновъ и тигровъ,

а теперь завернулъ въ Палестину, чтобы лично удостовѣриться въ томъ, дѣйствительно ли воды Мертваго моря таковы, что даже не умѣющій плавать не можетъ въ нихъ утонуть. Любезный лордъ разсказалъ чрезвычайно много интереснаго о своихъ рискованныхъ охотничьихъ похожденіяхъ въ Индіи, о борьбѣ со слонами, тиграми и огромными змѣями, и мы, закусывая и запивая свой холодный завтракъ чаемъ, не замѣтили, какъ пришло время отправляться къ Мертвому морю.

XIII. На берегу Мертваго моря.

Караванъ нашъ двинулся къ югу, вдоль извилистаго теченія Іордана.

Нѣсколько времени мы ѣхали тѣмъ же путемъ, какимъ шли отъ Іерихона къ Іордану, но скоро Іерихонъ остался вправо отъ насъ, и только гора Искушенія со своими темными расщелинами долго еще глядѣла на насъ, словно голый черепъ мертвеца. Впереди, сколько хватало зрѣніе, разстилалась какая то мрачная водная равнина. Уже издали замѣчалось что-то неподвижное, точно застывшее. По мѣрѣ приближенія къ этому непостижимому морю, чувствовалось, что въ немъ таится что-то неразгаданное. На берегахъ, даже по близости, ни звука, ни признака жизни! Самый воздухъ кажется мертвымъ, ядовитымъ, ибо въ немъ не слышится ни птичьихъ голосовъ, ни даже жужжанья насѣкомыхъ. У устья Іордана мы увидѣли на поверхности этого таинственнаго моря плавающую мертвую рыбу: занесенная сюда изъ Іордана, она не могла жить въ этомъ, страшномъ даже для рыбы, водоемѣ, и умирала. Отъ этого моря улетали даже птицы, если случайно попадали сюда. По рыхлой иловатой почвѣ я приблизился къ самому берегу, къ водѣ. Вода прозрачна, какъ кристалъ, но хоть бы моллюскъ какой-нибудь, хоть бы раковина въ этомъ отверженномъ морѣ, ничего! Хоть бы волна колыхнулась, и этого нѣтъ! Буквально мертвое море, мертвая вода, и только у берега едва-едва замѣтное дыханіе, даже не прибой, а что-то похожее на застывшую улыбку мертвеца или на колебаніе волосъ у трупа при движеніи воздуха. Воображенію моему невольно представилась та ужасная катастрофа, которая совершилась здѣсь во времена Авраама, и о которой, кромѣ Моисея, говорятъ и Страбонъ, и Тацитъ, и Іосифъ Флавій. Если въ на-

стоящее время все еще зыбкая поверхность земного шара подвержена такимъ катастрофамъ, какъ землетрясеніе въ Лиссабонѣ или на Араратѣ, изверженія Везувія и Этны, то во сколько разъ ужаснѣе были эти катастрофы прежде, за тысячи лѣтъ назадъ, когда подземный огонь выдвигалъ эти горы, а въ другихъ мѣстахъ заливалъ собою и пожиралъ цѣлыя мѣстности съ ихъ населеніемъ. Кто знаетъ, что еще въ будущемъ ожидаетъ земную поверхность, все еще колеблемую подземными силами?

Стоя теперь на берегу Мертваго моря я вспомнилъ Помпею. Почему въ мозгу моемъ отразились эти далекіе рефлексы, я и тогда не могъ дать себѣ отчета. Но еще удивительнѣе для меня было то, что послѣдовало вслѣдъ за этимъ, т. е. то, что я узналъ. Машинально, тоже по какому-то непонятному для меня рефлексу, я оглянулся въ ту сторону, гдѣ находилась Зоя, и нечаянно подмѣтилъ, какъ она смахнула съ задумчиваго лица двѣ слезы, стараясь, повидимому, скрыть ихъ отъ постороннихъ глазъ. Признаюсь, меня глубоко тронули эти двѣ слезинки, предательски обнаруживавшія, что за ними,—тамъ, въ глубинѣ души, таятся ручьи невыплаканныхъ по комъ-то слезъ.

— Не правда ли, какъ все это грустно?—указалъ я на печальную картину, которую мы созерцали.

— Да, это болѣе грустно, чѣмъ все, что мы до сихъ поръ видѣли,—тихо отвѣтила она.—Знаете, о чемъ я сейчасъ думала?—сказала она, не спуская глазъ съ моря.—О Помпеѣ.

Меня поразили ея слова.

— О Помпеѣ! Да и я сейчасъ же объ ней думалъ... Странное совпаденіе!—невольно вырвалось у меня.

— Такъ и вы объ ней думали?—оборотилась она ко мнѣ.

— Да, о ней... Я готовъ утверждать даже, что и сожалѣнія наши въ этомъ случаѣ совпадаютъ.

Я сдѣлалъ удареніе на словѣ: «сожалѣнія».

— Да?—живо спросила она.—Такъ и вы считаете ее болѣе счастливой?.. Странное выраженіе, счастливой! Помпею-то...

— Да... Только я не умѣлъ подобрать слова, а вы нашли его.

— Но это возмутительное слово: счастливая Помпея! А между тѣмъ оно такъ, какъ это ни возмутительно, счастливая! А вотъ гдѣ несчастные... Тамъ, хоть черезъ двѣ тысячи лѣтъ, нашли то, что было поглощено лавою, увидѣли то, что было, что жило когда-то, и въ какихъ формахъ текла эта жизнь. А здѣсь

ничего, ровно ничего! Одна эта ужасающая вода да мертвые берега и вонъ тѣ страшныя, точно кровью обрызганныя, скалы... Тамъ, въ Помпеѣ, отъ бѣднаго мертвеца хоть остались его жилища, утварь, храмы, обугливпаяся пища и онъ самъ, превратившійся въ кусокъ лавы; но формы его остались; а здѣсь хоть бы камень, хоть бы кирпичъ, хотя бы мѣсто, гдѣ они лежали, даже мѣста не осталось! Это ужасно!

— А жена Лота? Соляной столбъ?—вырвалось у меня.

Она грустно поглядѣла на меня.

— Хоть бы она осталась, а то и столбъ одна легенда! А это не легенда: я вѣрю, что здѣсь ключемъ кипѣла жизнь, и какая жизнь!

— А знаете, на какой глубинѣ кипѣла эта жизнь?—спросилъ я.

— Какъ глубинѣ?—удивилась она.—Я васъ не понимаю.

— Я вамъ объясню, — сказалъ я, — поверхность Мертваго моря лежитъ на тысячу двѣсти футовъ ниже уровня Средиземнаго моря.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, это дознано. Значитъ, мы теперь стоимъ съ вами на глубинѣ болѣе ста семидесяти саженъ; вѣдь это ужасающая глубина, если бы какимъ-либо образомъ воды Средиземнаго моря проникли въ долину Іордана и Мертваго моря. Оттого и зной здѣсь такой.

Въ это время, недалеко отъ насъ, нѣсколько въ сторонѣ, мы услышали плескъ воды и обернулись.

Оказалось, что лордъ Кеннингъ, въ легкомъ купальномъ костюмѣ и въ индійской шляпѣ на головѣ, уже барахтался въ Мертвомъ морѣ. Картина эта до того была поразительна, что мы не вѣрили своимъ глазамъ: не вѣрилось, что неподвижная, словно свинцовая масса мертвой воды колыхалась отъ двигавшагося по ней живого тѣла. Англичанинъ отплылъ на двадцать или на тридцать саженъ отъ берега и остановился. Затѣмъ онъ снялъ съ себя шляпу и, махая намъ издали, скрылся подъ водою. На поверхности осталась только рука, держащая шляпу. Скоро онъ вынырнулъ, надѣлъ шляпу и сталъ плыть къ намъ. Въ группѣ англичанъ послышались аплодисменты. Лордъ быстро приближался къ намъ.

— Тацитъ солгалъ!—крикнулъ онъ намъ издали,—Тацита обманули!

— Въ чемъ?—спросилъ Негропуло, подъѣзжая къ намъ.

— Тацитъ пишетъ, что въ Мертвомъ морѣ вода такъ насыщена солями, что въ ней нельзя утонуть. Вздоръ! Могу хоть сейчасъ утопиться.

— А плавать легко?

— Плавать, дѣйствительно, легко, — отвѣчалъ смѣлый лордъ,—даже необыкновенно!

— И акула за ногу не схватитъ,—засмѣялся Негропуло.

— А если пошутитъ какая-нибудь содомская гетера, можетъ быть, превратившаяся въ очаровательную русалку?—пошутилъ и я.

— О! Такой я охотно поддался бы... Извините, madame, что говорю это въ вашемъ присутствіи,—поклонился онъ Зоѣ,—но я сдѣлалъ бы это только изъ археологической любознательности.

— А кстати,—отвѣчала она, улыбаясь,—вы сдѣлали бы гораздо лучше, лордъ, если бы дѣйствительно занялись археологіей на Мертвомъ морѣ.

— Какимъ образомъ, madame?—спросилъ онъ.

— Вамъ извѣстно,—отвѣчала она серьезно,—что нѣкоторые писатели утверждаютъ, будто бы до сихъ поръ въ прозрачныхъ водахъ этого моря, въ глубинѣ, виднѣются развалины несчастныхъ городовъ, которые поглощены моремъ

— Но гдѣ искать?—серьезно же отвѣчалъ лордъ, все еще держась на водѣ,—вѣдь площадь моря занимаетъ около четырехсотъ квадратныхъ верстъ. На яликѣ я могъ бы произвести эти археологическія изысканія, а такъ, къ сожалѣнію, не могу.

XIV. «Талантъ книжный».

Багровое солнце громаднымъ шаромъ спускалось къ горизонту, пронизывая своими лучами тяжелый, точно кровавый паръ, поднимавшійся надъ мертвою поверхностью таинственнаго моря, когда мы, оставивъ его за собою, двинулись въ обратный путь къ Іерусалиму. Путь нашъ лежалъ теперь по восточнымъ склонамъ іудейскихъ горъ, такъ какъ мы хотѣли по дорогѣ посѣтить знаменитый своимъ мрачнымъ и грознымъ мѣстоположе-

пісмъ монастырь Саввы Освященнаго. Нѣсколько разъ я оглядывался на долину Мертваго моря и Іордапъ, столько угрюмой и печальной красоты было во всей этой картинѣ! Казалось, вы оставляли частицу самого себя, и почему-то думалось, что эта частица вашей души вѣчно будетъ о чемъ-то тосковать тамъ, вмѣстѣ съ этими нависшими надъ моремъ скалами — нѣмыми свидѣтелями того, что совершилось здѣсь за нѣсколько тысячелѣтій—вмѣстѣ съ этимъ, какъ бы тоскующимъ, моремъ. И опять слѣдующія слова г-жи Негропуло поразили меня.

— Я тамъ,—сказала она, указывая на Мертвое море,—угадала вашу мысль. Думаю, что и теперь не ошибусь, если скажу, что угадываю нѣчто и здѣсь.

— А что же?—спросилъ я.

— Вы думаете о томъ, что вы тамъ потеряли,—отвѣчала она загадочно.—Вы потеряли частицу своей души, вы оставили ее тамъ, на берегу этого загадочнаго моря.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее: она сама казалась мнѣ загадочною.

— Да, вы правы, я самъ чувствую эту потерю,—долженъ былъ согласиться я.

Отецъ Мисаилъ, все время молчавшій, теперь нарушилъ это молчаніе.

— Сколь много правды въ вашихъ словахъ, матушка Зоя Алкивіадовна,—сказалъ онъ,—именно частицу души оставили. Оттого, говорятъ, послѣ смерти душа наша сорокъ день скитается невидимо по землѣ и посѣщаетъ своихъ ближнихъ и знакомыхъ, а равно всѣ тѣ мѣста, гдѣ покойничекъ бывалъ при жизни. Это-то и есть то самое, что вы изволили сказать: душа затѣмъ и посѣщаетъ послѣ смерти всѣ знакомыя мѣста, чтобы собрать по разнымъ уголкамъ всѣ свои частицы и уже затѣмъ всю душу представить предъ лицо Господа.

Добрый старикъ сказалъ и еще нѣчто такое, чего я никогда не забуду, хотя мысль эта была не его личная, а заброшена въ его память другимъ лицомъ.

— Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, — продолжалъ онъ, — насчетъ оныхъ частицъ души говорилъ и нѣчто другое. Всякій человѣкъ, говоритъ, получаетъ отъ Бога свой талантъ, по писанію: овому талантъ, овому два. Иному даетъ Богъ талантъ книжный, книги писать, другому—другой. И съ того, говоритъ, кому данъ

талантъ книжный, съ того взыщется больше. Аще, говоритъ, сей человѣкъ узнаетъ что-либо доброе и полезное, или увидитъ что описанія достойное, долженъ онъ сіе написать въ назиданіе и поученіе другимъ. Стало быть, все, что онъ видѣлъ и описалъ, это значитъ, что еще при жизни онъ собралъ части своея души, по разнымъ мѣстамъ разсѣянныя, и прежде чѣмъ, послѣ смерти, душа его вся предстанетъ предъ лицомъ Создателя своего, онъ отдаетъ себя на судъ всѣхъ, чтущихъ его писаніе, и сіи или осудятъ злое и неправедное, или воздадутъ ему хвалу и благодаренія за доброе и поучительное, все равно, какъ бы они помолились о его душѣ. И я такъ думаю, матушка: блаженъ тотъ смертный, кому отъ Бога данъ талантъ книжный!..

— Не правда ли, глубокая мысль! — обратилась ко мнѣ г-жа Негропуло.

Я долженъ былъ согласиться, что эта мысль поразила меня и простотою своею, и глубиною.

— Развѣ не цѣлую душу свою великіе писатели оставляютъ послѣ себя всему міру?—невольно вырвалось у меня.

— Да вспомните Ифигенію и Антигону, Гекубу и Андромаху,—улыбнулась г-жа Негропуло.

— А Рахиль и Ревекку?—добавилъ я.—А Агарь съ Измаиломъ?

— И знаете ли, матушка,—продолжалъ Мисаилъ,—когда я нынѣ читаю его, Авраама Сергѣевича, «Путешествіе по Святой землѣ», мнѣ такъ и чудится, что онъ со мною, вотъ тутъ у меня за спиною, только я его не вижу, это душа его стоитъ около меня... Когда я читаю то мѣсто евангелія, гдѣ говорится, какъ Христосъ по воскресеніи своемъ явился двумъ ученикамъ своимъ, шедшимъ въ Еммаусъ, я такъ и разумѣю, что сіе видѣніе было не плоти Его видѣніе, а духа, хотя Онъ и далъ послѣ Ѳомѣ невѣрному осязать и плоть свою, и раны. Да!—вздохнулъ онъ, наконецъ,—Блаженъ, трикраты блаженъ тотъ, кому данъ талантъ книжный: не будь сего таланта у евангелистовъ, мы бы и святаго евангелія не имѣли.

Признаюсь, и я вздохнулъ тогда вмѣстѣ съ Мисаиломъ: зачѣмъ не дано мнѣ таланта книжнаго! Между тѣмъ караванъ нашъ двигался уже въ мрачныхъ ущельяхъ іудейскихъ горъ. Мертвое море и долина Іордана давно скрылись изъ глазъ. Кругомъ дебри, скалы и пропасти, еще болѣе угрюмыя, чѣмъ тѣ,

которыя представляла верхняя пустыня съ дорогою отъ Іерусалима къ Іерихону. Здѣсь, вмѣсто дороги, одна горная тропа, такая узкая и опасная стезя, глядя съ которой внизъ, въ пропасть, чувствуешь, что голова кружится, и сердце какъ бы перестаетъ биться. Вершины горъ и скалъ голыя, мертвыя. Кругомъ ни признака жизни. Только иногда въ скалахъ перелетали какія-то черныя птички, вродѣ нашихъ скворцовъ. Иногда въ какомъ-нибудь ущельѣ блеснетъ копье или ружье бедуина, поджидающаго добычу, и исчезнетъ при стукѣ копытъ каравана. Въ одномъ мѣстѣ, по отвѣснымъ скаламъ бѣгали какія-то коричневыя птички съ длинными шеями, и намъ сказали, что это тѣ коростели, которыми евреи питались когда-то въ пустынѣ. Тутъ все библейское! На всемъ лежитъ печать тысячелѣтій... Вечерѣло, когда на одной изъ горныхъ высотъ показались бедуины съ длинными ружьями и копьями. Они, видимо, не ожидали гостей или ожидали врага послабѣе силами; но, увидѣвъ караванъ, сопровождаемый вооруженными кавасами, они дикими голосами заявили свою тревогу, и въ долинѣ показались черныя женщины и дѣти, которыя испуганно кричали что-то бродившимъ въ ущельяхъ верблюдамъ и гнали ихъ къ своимъ черными шатрамъ.

Удивительно! Меня всегда поражала на Востокѣ неизмѣняемость формъ жизни, и это во всемъ: Востокъ какъ застылъ въ своей неподвижности много тысячъ лѣтъ назадъ, такъ и остается все тѣмъ же.

— Теперь, Зоя Алкивіадовна,—обратился я къ молодой гречанкѣ,—вы не угадаете, о чемъ я думаю.

— О чемъ? Развѣ объ Агари или о Ревеккѣ? Скорѣе о Рахили... Вонъ какъ кричитъ та черная Рахиль на верблюда.

— Да, почти что о Рахили, да, въ то же время, и о васъ лично. Вотъ, смотрю на ваше бѣлое лицо и думаю, что вы были бы не во вкусѣ Соломона: вы бы ему не понравились, несмотря на вашу красоту.

— Благодарю за комплиментъ,—улыбнулась она.—Но почему бы я Соломону не понравилась?

— У васъ слишкомъ нѣжна и бѣла кожа.

— А развѣ Соломону больше нравилась грубая кожа?

— Да, грубая и черная. Въ «Пѣснѣ пѣсней» онъ, словами своей возлюбленной, изображаетъ ея женскія прелести, и кра-

савица, кокетничая съ царемъ-поэтомъ, хвалитъ свою красоту, говоритъ, какой у нея станъ, какая шея и какой прелестный цвѣтъ лица: «я, говоритъ она, черна, какъ шатры Кидара». Какова красота! Черпѣе голенища личико красавицы. Вотъ эти черные шатры и напомнили мнѣ библейскіе шатры Кидара и цвѣтъ кожи возлюбленной Соломона.

— Что жъ!—замѣтила Зоя.—Я видѣла на Востокѣ женщинъ съ черными лицами, есть между ними поразительно красивыя и съ замѣчательно нѣжной кожей, хоть кожа эта совершенно черный мраморъ.

— Во всякомъ случаѣ,—доказывалъ я,—вы, съ вашей бѣлой и нѣжной кожей, едва ли удостоились бы попасть въ число шестисотъ—семисотъ женъ царя-поэта.

— И очень рада, что не попала бы!—засмѣялась она.—Есть, впрочемъ, и теперь любители женщинъ съ черной кожей...

Сказавъ это, она почему-то вспыхнула; но я показалъ видъ, что не замѣтилъ этого.

— А кстати, матушка Зоя Алкивіадовна,—прервалъ паше невольное молчаніе Мисаилъ, — въ пустынь-то преподобнаго Саввы-вамъ нельзя взойти.

— Почему же?—спросила Зоя.—Развѣ такъ высоко?

— Оно, правда, высоконько таки,—отвѣчалъ старикъ,—да это ничего; а по уставу нельзя.

— Почему же мнѣ-то нельзя? — удивилась молодая гречанка.—Развѣ я не православная?

— Оно такъ, матушка, да только въ обитель эту, по монастырскому уставу, воспрещенъ совсѣмъ входъ женскому полу.

— Вотъ какъ! Это странно: точно женщина не человѣкъ.

— Оно такъ-съ, да ужъ установлено искони... Даже мать преподобнаго Саввы, и та не допущена была въ сію обитель.

— Странно... По моему, это недовѣріе къ монахамъ должно оскорблять, огорчать ихъ.

— Оно точно, матушка... кубыть, и въ самъ дѣлѣ обидно для братіи.

— Гдѣ жъ я почевать буду?—спросила Зоя.

— А за оградой, матушка: супротивъ самой обители, за потокомъ Кедронскимъ, есть двѣ башни, одна для стражей, другая для женска пола, на тотъ случай, ежели которая женщина пожелаетъ хоть издали взглянуть на святую обитель.

Скоро шатры бедуиновъ скрылись за поворотомъ, и намъ предстояло спускаться въ пропасть со страшной стремнины. Ни на лошадяхъ, ни на ослахъ, ни на верблюдахъ спускаться было рѣшительно невозможно, и мы принуждены были, пѣшіе, карабкаться внизъ по камнямъ. Верховой и вьючный скотъ мы пустили впередъ, изъ опасенія, чтобы какое-нибудь животное, поскользнувшись и сорвавшись съ крутизны, не увлекло насъ всѣхъ съ собою въ пропасть. Сначала Негропуло хотѣлъ было помогать своей женѣ при спускѣ, но, по своей тучности, не могъ этого сдѣлать, и потому я взялъ ее подъ руку. Спускъ былъ, дѣйствительно, ужасный. По дну ущелья, во время зимнихъ дождей, Кедронскій потокъ, начавшись у Іерусалима, съ бѣшеной быстротой стремится къ Мертвому морю. Теперь дно потока было сухо.

— Это Юдоль плача именуется,—пояснилъ Мисаилъ, съ трудомъ слѣдуя за нами.

— Дѣйствительно, ничего нѣтъ мрачнѣе и безотраднѣе этого мѣста,—замѣтила Зоя.

Прижимая ея руку къ себѣ, а иногда, въ болѣе опасныхъ мѣстахъ, обхватывая ея гибкій станъ, я чувствовалъ, какъ она дрожитъ.

— Вы боитесь? Не бойтесь, положитесь на меня.

— А если я васъ увлеку съ собой?

— Да, это возможно,—сказалъ я двусмысленно,—только я васъ удержу.

— Ахъ, Боже мой!—пыхтѣлъ за нами Мисаилъ.—Однако, я не понимаю, какъ въ день страшнаго суда Божія могутъ помѣститься въ сей Юдоли люди всей вселенной, не токмо живые, но и мертвые... Непостижимо!

— А развѣ здѣсь будетъ страшный судъ?—спросила Зоя.

— Здѣсь, матушка, по преданію здѣсь: сія Юдоль есть продолженіе Іосафатовой долины, что у стѣнъ Іерусалима. Здѣсь и должны собраться всѣ на судъ Божій, и праведные, и грѣшные.

Мы спускались все ниже и ниже. Въ глубинѣ ущелья сгущался вечерній мракъ, однако, мѣловыя скалы, по которымъ мы спускались, не были окутаны мракомъ, и нога увѣренно ступала по узкой крутой тропѣ.

— А вотъ узины Энгадди,—указалъ Мисаилъ на какую-то пещеру,—въ оной пещерѣ нѣкогда укрывался Давидъ, когда царь Саулъ искалъ погубить его, и здѣсь же впослѣдствіи Да-

видъ, найдя Саула спящимъ, пощадилъ жизнь своего врага, отрѣзавъ токмо у соннаго полу одежды.

Послѣ этого ущелья мы снова начали подниматься въ гору. Тропа шла зигзагомъ, и, при одномъ изъ поворотовъ, на отвѣсной скалѣ, вырисовывались мрачныя башни, какъ бы природное продолженіе этой скалы. Передъ нами былъ монастырь Саввы Освященнаго.

Вдругъ впереди раздался выстрѣлъ, и эхо перекатилось по скаламъ, какъ будто звуку трудно было вырваться изъ ущелья и онъ колотился объ утесы, какъ о стѣны. На выстрѣлъ съ башни отвѣчали ударомъ въ колоколъ. Это были сигналы съ нашей стороны и со стороны монаховъ. Здѣсь караванъ нашъ раздѣлился на-двое. Негропуло съ женою, а также англичане съ проводникомъ и нѣсколькими кавасами, направились къ противоположнымъ башнямъ, что за Кедронскимъ потокомъ, а передъ нами отворились главныя ворота монастыря, и едва мы вступили туда, какъ тотчасъ затворились, изъ опасенія, чтобы вслѣдъ за нами не ворвались бедуины.

XV. Портретъ Мазепы.

«Намъ съ отцомъ Мисаиломъ отвели на ночь небольшую келью, высѣченную въ скалѣ надъ ужасною пропастью, отъ которой келья отдѣлялась небольшою площадкою. Луна только что поднялась надъ зубцами скалъ, когда мы со старикомъ вышли на площадку и усѣлись, по восточному, на моемъ пледѣ, мебели въ кельяхъ не полагается. Что-то дикое и грозное представляла разстилавшаяся передъ нами полуосвѣщенная ночная картина. Хотя меланхолическій свѣтъ луны и позволялъ намъ видѣть возвышенные края ущелья, верхніе зубья скалъ и профили дальнихъ горъ, однако, тѣмъ мрачнѣе казалась вся картина, всѣ эти пропасти, трещины, пещеры. Послѣднія глядѣли, какъ глазныя впадины въ голыхъ черепахъ. Тишина могильная, и только доносившееся иногда изъ ущелій лаянье лисицъ да крикъ шакала нарушали эту леденящую душу тишину. Казалось, что тамъ, внизу, и туда дальше, во всей этой глубокой юдоли плача, толпятся во мракѣ какіе-то фантастическіе образы мертвецовъ, блуждающія здѣсь цѣлыя тысячелѣтія тѣни Саула, Давида, Аэндорской волшебницы. Воображеніе рисовало ужасы, и добровольно жить среди нихъ казалось безумiемъ.

— Вотъ оно гдѣ безмятежное-то житіе,—тихо, какъ бы про себя, прошепталъ Мисаилъ.

— Но это безуміе,—вырвалось у меня.

— Вы говорите, безуміе!—такъ же тихо проговорилъ старикъ.—А знаете ли вы, что величайшая человѣческая мудрость, безуміе передъ Господомъ.

— Знаю, а все же ужасно.

— Ужасное-то и спасительно, — возразилъ старикъ,—вы не читали въ Четьяхъ-Минеяхъ житіе Іоанна Дамаскина?

— Нѣтъ, не читалъ,—признался я.

— Жаль, очень жаль, многому бы научились... Тутъ близко и келья его, и святыя кости.

— А вы знаете его жизнь?—спросилъ я.

— Какъ не знать житія такого великаго святителя! Вотъ, можно сказать, не частицу своея души, а всю свою душу оставилъ человѣчеству. Великій книжникъ былъ святитель. Боже мой! Сколько людьми слезъ пролито хоть бы надъ сею трогательною пѣснью: «плачу и рыдаю!» Кто подъ сію пѣснь не плакалъ! А она сочинена имъ здѣсь, въ этой обители.

— Какъ! Неужели здѣсь?—невольно вырвалось у меня изъ души.

— Здѣсь, именно здѣсь.

— А развѣ Іоаннъ Дамаскинъ жилъ въ этомъ монастырѣ?

— Какъ же-съ! И жилъ, и скончался. Видите ли, онъ былъ родомъ изъ Дамаска-града, гдѣ отецъ его былъ правителемъ, вродѣ, сказать быть, губернаторомъ. По смерти же отца, самъ Іоаннъ, несмотря на младыя лѣта, тоже былъ сдѣланъ градоправителемъ. А Дамаскомъ въ то время и всею этою страною владѣли сарацины; въ Константинополѣ же царствовалъ тогда императоръ Левъ Исаврянинъ, жестокій иконоборецъ. Іоаннъ Дамаскинъ, будучи воспитанъ въ правилахъ благочестія и обладая великою ученостью и талантомъ книжнымъ, дерзнулъ обличать иконоборцевъ, за что, по проискамъ императора Льва, эмиръ дамасскій воздвигъ на Іоанна гоненіе и приказалъ отрубить правую руку. Этого-то Льву нечестивому и хотѣлось: отсѣчь ту руку, которая огненнымъ перомъ обличала неправды иконоборцевъ. Какова казнь! Ну-съ, скоро однако эмиръ понялъ, что Іоаннъ былъ напрасно оклеветанъ передъ нимъ, и тотчасъ же возвратилъ ему власть. Но руки-то онъ не могъ воз-

вратить святителю! Вотъ что! Іоаннъ же, давно чувствуя сусту міра сего, пренебрегая величіемъ своимъ и славою великаго оратора, прогремѣвшею по всѣмъ странамъ, самъ сложилъ съ себя власть, роздалъ имѣніе нищимъ и пришелъ вотъ сюда, гдѣ мы съ вами сидимъ, въ рубищѣ нищаго...

— О-охъ!—послышался стонъ.

Мы оба невольно вздрогнули. Эта ночь, это безмолвіе кругомъ и угрюмая пустыня, освѣщаемая въ верхнихъ только высяхъ мерцаніемъ блѣднаго мѣсяца, все это дѣлало душу воспріимчивою ко всему таинственному и страшному, и этотъ стонъ, гдѣ-то тутъ близко, точно въ самой скалѣ, невольно заставилъ насъ вздрогнуть.

Мы оглянулись и въ темной пасти кельи, какъ разъ за нами, увидѣли что-то бѣлое... Волосы поднялись у меня на головѣ, хотя я никогда не отличался трусостью... Но здѣсь этотъ пугающій мракъ, эта Юдоль плача, одно имя которой вызываетъ тѣни Саула, Давида, Аэндорской волшебницы, ахъ, всего этого не передать словами!..

— Да это ты, Илюша!—ранѣе меня опомнился Мисаилъ.

— Я, батюшка,—отвѣчалъ Трофимычъ,—мнѣ не спится, и слышу, вы разсказываете про святое про Іоанна Крестителя...

— Нѣтъ, голубчикъ Илюша,—перебилъ его старикъ,—я говорю объ Іоаннѣ Дамаскинѣ.

Такой дуракъ! А какъ напугалъ насъ.

— Ну-съ, на чемъ, бишь, я остановился? — продолжалъ старикъ.

— Да какъ Іоаннъ Дамаскинъ пришелъ сюда въ рубищѣ,— подсказалъ я.

— Точно, точно. Ну-съ и явился онъ въ сію обитель. Только, я вамъ скажу, когда иноки этой обители узнали, кто къ нимъ пришелъ, слава же дамасскаго витіи проникла тогда всюду, а, конечно, и въ обитель Саввы Освященнаго, тогда никто изъ иноковъ не дерзнулъ взять къ себѣ на послушаніе такого великаго мужа. Однако, нашелся одинъ старецъ, который, въ покорность игумену обители, дерзнулъ на сей трудный подвигъ—взялъ святителя къ себѣ въ послухи. Ну-съ, только не спроста онъ это сдѣлалъ, а съ такою мыслію: ужъ коли послушаніе, такъ послушаніе полное. Зная, сколь страстно святитель преданъ былъ со-

чиненію своихъ возвышенныхъ и дивно трогательныхъ пѣсенъ, онъ, старецъ, возьми да и возложи на него запретъ: перестань писать свои священныя пѣсни! И что жъ бы вы думали? Святитель смиренно покорился. Мало того, други мои, оный суровый старецъ, желая до послѣдней степени уничтожить святителя, какъ бывшаго именитаго гражданина города Дамаска и его бывшаго губернатора, подумайте только! Послалъ его въ Дамаскъ, и догадайтесь зачѣмъ? Продавать на торжищахъ града сего, попросту на базарахъ, продавать за дорогую цѣну самыя дешевыя кошницы! И что жъ? Святитель покорился, и тамъ, гдѣ его всѣ видѣли недавно въ златѣ и пурпурѣ, въ блескѣ мірского величія, тамъ увидѣли его скитающимся по улицамъ и по базарамъ въ рубищѣ, съ корзинами за плечами, и дивились величію подвига. Однако, святитель прошелъ и сей искусъ: по назначенной старцемъ высокой цѣнѣ онъ продалъ въ Дамаскѣ всѣ кошницы и съ деньгами явился въ обитель.

Глубокими вздохами выказывалъ Трофимычъ свое сочувствіе къ тому, что онъ слышалъ. Признаюсь, и я слушалъ разсказъ не безъ волненія, которое вызывалось всею совокупностью того, что я испыталъ въ послѣдніе дни. А тутъ эта ночь, эти тѣни... да и то, о чемъ говорилъ старикъ, творилось именно здѣсь, гдѣ мы сидѣли, и тотъ, о комъ разсказывали, видѣлъ все это болѣе, чѣмъ за тысячу лѣтъ до насъ.

— Ну-съ,—продолжалъ Мисаилъ,—на одномъ только искусѣ святитель изнемогъ, не устоялъ! Было это такъ. У нѣкоего подвижника скончался другъ, котораго подвижникъ очень любилъ, и не могъ ничѣмъ утѣшиться. Приходитъ онъ къ Дамаскину со слезами. Сей утѣшаетъ его, но напрасно! Подвижникъ умоляетъ святителя объ одномъ утѣшеніи: написать для умершаго друга его надгробный плачъ. Дамаскинъ говоритъ, что онъ связанъ обѣтомъ послушанія, что гимны сочинять ему воспрещено. Инокъ ничего знать не хочетъ, рыдаетъ въ отчаяніи и умоляетъ о гимнѣ. Не вытерпѣлъ святитель, самъ прослезился. Горе инока побѣдило его. И написалъ онъ пѣснь: «Плачу и рыдаю»... Кто не знаетъ сей пѣсни? Кто не проливалъ подъ пѣніе трогательнаго гимна горячихъ и сладкихъ слезъ!.. «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижу во гробѣ лежащую нашу красоту, безобразную, безславную»...

Старикъ замолчалъ, какъ бы къ чему-то прислушиваясь. Не-

вольно прислушивался и я. Казалось, въ ночной тиши, подъ это грустное сіяніе мѣсяца, что вся эта пустыня повторяла душураздирающія слова: «Плачу и рыдаю»...

— Да, плачу и рыдаю,—повторилъ, какъ бы очнувшись, и отецъ Мисаилъ.—Только и прослышалъ старецъ, что святитель нарушилъ его запретъ. Гнѣвомъ распалился старецъ и говоритъ: «вонъ изъ нашей пустыни! Чтобъ и ноги твоей здѣсь не было! Святитель ему въ ноги, и слушать не хочетъ. Вся обитель стала просить за Іоанна, который самъ умолялъ старца наложить на него самый тяжкій началъ. Тогда старецъ, желая уязвить самолюбіе бывшаго вельможи и смирить его гордость, даетъ ему на выборъ или навсегда покинуть обитель, или вычистить всѣ ея нечистоты, весь смрадъ! И что жъ бы вы думали! Святитель смиренно беретъ лопату и отправляется исполнять порученное ему. Увидавъ его съ лопатою, старецъ заплакалъ и, обнявъ смиреннаго инока, въ глубокой радости воскликнулъ: «сынъ мой! Твое послушаніе окончилось; подвигъ твой совершенъ, теперь ты возьми десятиструнныя гусли царя Давида и излей предъ нами высокія думы твои». И посвятилъ тогда Іоаннъ Дамаскинъ остатокъ жизни своей книжному дѣлу. Но трогательнѣе всего и есть и будутъ его погребальные гимны о «послѣднемъ цѣлованіи»... «Ахъ, что наша жизнь! Цвѣтъ и дымъ, роса утренняя... тайна ея на днѣ гробовъ»...

Старикъ замолчалъ. Я глубоко понималъ его: тутъ только мнѣ стало ясно, сколько было поэзіи въ его суровомъ отреченіи отъ міра.

— Хотѣлось бы и мнѣ кончить дни свои въ сей обители,— вздохнулъ онъ, заслышавъ звонъ ко всенощному бдѣнію,— пойти помолиться.

Утромъ я осмотрѣлъ монастырь. Въ немъ преобладаетъ характеръ тѣхъ первобытныхъ пещерныхъ убѣжищъ пустынножителей, которыя вы видите и здѣсь, въ Крыму, около Инкермана. Только суровая идея полнаго аскетизма или глубочайшая поэзія вѣры могутъ загнать людей въ эти лисьи норы среди мертвой и враждебной пустыни, въ эти «язвины», о которыхъ говорится въ евангеліи. Удивительная жизнь! Вѣчное одиночество, полное отчужденіе отъ всего, что живетъ, радуется и страдаетъ внѣ этого кладбища людей еще не умершихъ, но заживо похоронившихъ себя. Изрѣдка навѣщаютъ ихъ богомольцы. Все же

время монастырь запертъ, словно грозная крѣпость, съ часу на часъ ожидающая непріятеля. И этотъ непріятель приходитъ: это блуждающіе въ вертепахъ и по горамъ бедуины, отъ которыхъ монастырь откупается обыкновенно тѣмъ, что спускаетъ со стѣны на веревкахъ нѣсколько корзинъ съ хлѣбами. На случай же, если бы хищники захотѣли взобраться на стѣну, съ помощью лѣстницъ и другихъ приспособленій, то на этотъ счетъ монахами навалены, по верхнему карнизу стѣны, большіе камни, ничѣмъ не прикрѣпленные, которые и могутъ свалиться на головы разбойниковъ, еслибы они вздумали взбираться на стѣны. Болѣе мирными гостями отшельниковъ бываютъ шакалы, лисицы и скворцы. Шакалы приходятъ иногда за кормомъ и получаютъ его; лисицы также являются за пищей или напиться изъ источника, въ которомъ берутъ воду и монахи; горные скворцы залетаютъ въ самый монастырь: они большіе лакомки, и монахи балуютъ ихъ, давая своимъ маленькимъ гостямъ изюмъ; милые скворушки до того привыкли къ монахамъ, что берутъ изюмъ прямо у нихъ изъ рукъ.

— А у васъ не возьмутъ,—замѣтилъ мнѣ отецъ Мисаилъ.

— Отчего же?

— Мірянамъ они не довѣряютъ, потому что міряне ихъ ѣдятъ; а птичка эта умная, бедуина и другого мірянина не подпустить къ себѣ. Господь и птичку умудряетъ.

Я взялъ горсть изюму и сталъ звать къ себѣ самаго смѣлаго скворушку; но онъ попрыгалъ около меня, попрыгалъ, недовѣрчиво посматривая, и изюму не взялъ, а сѣлъ тутъ же на плечо къ отцу Мисаилу.

— Ахъ ты, плутишка,—улыбнулся старикъ,—давая плутишкѣ изюминку.

И знаете, кого я встрѣтилъ въ монастырѣ Саввы Освященнаго? Увѣрсиъ, что не узнаете. Въ одной кельѣ я увидѣлъ на стѣнѣ портретъ Мазепы! Хмурое лицо съ нависшими суровыми бровями, золотомъ шитый кунтушъ, красивая сѣдина, лукавые, но обаятельные глаза, такъ неотразимо дѣйствовавшіе на прекрасный полъ, начиная отъ пани Фальбовской и кончая панною Кочубеевною, все это такъ не гармонировало съ суровою обстановкою обители, пріютившейся въ угрюмой пустынѣ Мертваго моря.

XVI. Глаза мухи.

«Изъ Палестины пылкое воображеніе Зои повлекло ее въ Египетъ, и она съ восторгомъ начала говорить мнѣ о былomъ величіи «стовратныхъ Θивъ» и о сохранившихся отъ нихъ развалинахъ.

— Вотъ куда,—воскликнула она,—вамъ надо ѣхать. Тамъ ужъ не скажете: можетъ, оно тутъ было, а, можетъ, и не тутъ. Да и было ли? А тамъ-то было, и все это осталось, и само о себѣ кричитъ іероглифами. «Я—Озимандій, Рамзесъ великій, Сезострисъ, царь царей»...

— Истуканъ-то идолъ, и вдругъ царь царей!—проворчалъ Мисаилъ.

— Что жъ! И правда,—возразила Зоя,—вѣдь онъ, этотъ Сезострисъ, завоевалъ всѣ тогдашнія царства. Такъ вотъ тамъ,—обратилась ко мнѣ,—вамъ ужъ не придется пожимать плечами и говорить: можетъ быть... Тамъ какой-нибудь каменный фараонъ или сфинксъ заговоритъ съ вами: «вотъ я самъ, и такъ стою я и гляжу на востокъ четвертую, пятую тысячу лѣтъ, и время безсильно надо мною, только зыбучіе пески Сахары засыпаютъ мое подножіе»...

На другой же день мы рѣшили ѣхать въ Египетъ. По распоряженію іерусалимскаго муселима, который изо всѣхъ силъ желалъ угодить г. Негропуло, для насъ снарядили небольшой караванъ изъ лучшихъ, самыхъ выносливыхъ верблюдовъ, устроили намъ на ихъ горбатыхъ спинахъ удобныя сидѣнья, а для Зои Алкивіадовны нѣчто вродѣ кушетки подъ бѣлымъ, изукрашеннымъ лентами, балдахиномъ, остальныхъ верблюдовъ навьючили водою, съѣстными припасами и всѣмъ необходимымъ въ пустынѣ. Сами мы облачились въ костюмъ бедуиновъ: онъ очень удобенъ для ѣзды на верблюдахъ, легокъ, нигдѣ не тѣснитъ и не возбуждаетъ въ верблюдахъ непріязненнаго чувства, какое они питаютъ къ костюму европейца. Головы намъ также обмотали легкими чалмами. Со слезами провожалъ насъ добрый старикъ, отецъ Мисаилъ. Особенно привязался онъ къ Зоѣ Алкивіадовнѣ и долго крестилъ ее вслѣдъ, одиноко стоя за яффскими воротами, пока караванъ нашъ не скрылся изъ его глазъ.

Мы вступили въ пустыню за развалинами древней Рафы.

Признаюсь, сердце мое сжалось при видѣ необъятной песчаной равнины съ такими же ползучими при малѣйшемъ вѣтрѣ песчаными холмами. Кругомъ мертвая тишина. Только отъ времени до времени вожатый каравана затягивалъ монотонную, протяжную пѣсню, а ему вторило такое же однообразное, глухое позвякиванье колокольчика, подвѣшеннаго къ змѣеподобной шеѣ передового верблюда. Но и эта пѣсня, и это звяканье, казалось, выражали глубочайшую тоску, какую-то безнадежность, и сердце ныло-ныло! Я и въ себѣ чувствовалъ эту тоску, но тоску безпредметную, объективную, міровую. Едва ли, впрочемъ, это была тоска. Въ душу проникало болѣе сложное чувство и заполняло ее всю то воспоминаніями всей прожитой жизни, которыя представлялись чѣмъ-то вродѣ сновидѣній, то чувствомъ отчужденности отъ всего міра, то какимъ-то благоговѣйнымъ ужасомъ передъ этой безпредѣльностью. Иногда однообразіе пустыни нарушали чернѣющіе вдали шатры кочующихъ бедуиновъ, и при видѣ этой картины мысль отказывалась вѣрить, что и въ мертвой пустынѣ, среди этого зыбучаго песчанаго моря, люди находятъ счастіе, и эту непонятную для насъ жизнь не хотятъ промѣнять на шумную жизнь большихъ городовъ. Но чаще взоръ и душу поражали другія картины: бѣлѣющіяся изъ-подъ раскаленныхъ песковъ сухія кости погибшихъ здѣсь путниковъ и ихъ выносливыхъ верблюдовъ. Солнце вставало изъ-за песчаныхъ холмовъ и совершало свой безконечно-медленный путь по безоблачному небу, которое само казалось раскаленнымъ, какъ постоянно раскаленъ былъ этотъ песчаный океанъ. Зато тѣмъ величественнѣе и прекраснѣе было ночное небо, сверкавшее такими звѣздами, о которыхъ житель нашего сѣвера и понятія не имѣетъ. Въ мертвой тишинѣ ночи и пустыни эти яркія точки представляются живыми существами, и что же удивительнаго, что бедуинъ неразрывно связываетъ свою жизнь съ жизнью, съ мерцаніемъ этихъ далекихъ, какъ бы слѣдящихъ за нимъ, яркихъ глазъ невѣдомыхъ обитателей далекаго неба! Но съ какою любовью, въ знойный день, приникало сердце къ случайно выглядывавшему гдѣ-нибудь на горизонтѣ, изъ-за песчаныхъ валовъ пустыни, стройному букету пальмъ, осѣнявшихъ своими зонтичными вершинами счастливый оазисъ этого песчанаго моря! У такихъ оазисовъ караванъ нашъ большею частью останавливался на роздыхъ, и Негропуло тотчасъ же отправлялся съ

сопровождавшими его, въ качествѣ свиты, бедуинами охотится на дикихъ кабановъ, обитателей этихъ прекрасныхъ оазисовъ. Мы же съ Зоей усаживались на коврѣ, разстилаемомъ обыкновенно подъ широкими листьями пальмъ, бросавшихъ почти вертикально свою зонтичную тѣнь на землю, и порой читали что-либо вслухъ или бесѣдовали, любуясь элегическою картиною каравана на привалѣ. Развьюченные верблюды, вытянувъ свои длинныя змѣеобразныя шеи, лежали прямо на горячемъ пескѣ, подъ убійственными лучами солнца, или же съ радостнымъ, какимъ-то дѣтскимъ визгомъ, словно собаки, ползли къ своимъ проводникамъ, которые изъ рукъ давали этимъ степнымъ чудовищамъ по горсти бобовъ или пшеницы; и трогательно было видѣть, какъ эти громадныя чудовища ласкались къ своимъ вожакамъ и лизали у нихъ руки.

Въ это время другіе бедуины разстилали на землѣ овечью, а чаще верблюжью шкуру, кожею вверхъ, насыпали на нее муки и, поливъ водою, при помощи гладкихъ камней мѣсили тѣсто и, надѣлавъ тонкихъ лепешекъ, вродѣ кавказскихъ лавашей, пекли на разведенномъ кострѣ, на жестяныхъ листахъ, продолжая напѣвать тихія однообразныя мелодіи. Пустыня поневолѣ сближаетъ людей. Какъ ни удалялся я отъ ихъ общества, и въ особенности отъ общества женщины (Востокъ все еще не успѣлъ излечить меня отъ застарѣлой болѣзни духа), однако, мало-помалу, самъ не замѣчая того, я все менѣе и менѣе дѣлался нелюдимымъ, и если общество г-жи Негропуло и не доставляло мнѣ особеннаго удовольствія, то, во всякомъ случаѣ, не тяготило меня. Послѣ ужъ я началъ замѣчать за собою и увидѣлъ, что я меньше сталъ, что называется, огрызаться или прятаться въ себя; но что-то во мнѣ все еще сидѣло и точило меня. Женщины, особенно умныя, удивительныя существа. По отношенію къ душевнымъ движеніямъ человѣка, у умной женщины такое же зрѣніе, какъ у мухи. Замѣчали ли вы въ тихое лѣтнее утро, когда вы отворите у себя окна, какъ въ этихъ окнахъ тотчасъ появится нѣсколько мухъ, и онѣ не влетаютъ въ комнату, особенно когда въ ней нѣтъ ничего заманчиваго, сахару, варенья и т. п., а какъ бы останавливаются въ воздухѣ, въ самомъ окнѣ и почти на одномъ мѣстѣ, и только машутъ крылышками. Что бы, вы думали, дѣлать въ окнѣ каждая такая муха? Охотится. Это муха на охотѣ. Когда вы отворяете утромъ окна въ вашей спальнѣ

или въ кабинетѣ, то, само собою разумѣется, въ этотъ моментъ начинается обмѣнъ двухъ, такъ сказать, воздуховъ, внѣшняго и комнатнаго, и понятно, что въ комнатномъ воздухѣ за ночь успѣли народиться тѣ неуловимые никакимъ человѣческимъ глазомъ воздушные міазмы, которые мельче самыхъ малыхъ микрокозмовъ и которые уловимы развѣ только подъ самымъ сильнымъ микроскопомъ. А муха ихъ улавливаетъ сотнями и тысячами такихъ микроскоповъ, изъ которыхъ состоятъ ея глаза, пожираетъ эту невидимую нами, но для нея видимую, осязаемую и, притомъ, вкусную дичь. Такими микроскопами, только не физическими, обладаетъ всякая умная женщина. У нея на этотъ счетъ, насчетъ уловленія душевныхъ движеній у человѣка, особливо того, который ее почему-либо интересуетъ, у нея глаза мухи: она скоро уловитъ засѣвшіе въ его душѣ, невидимые простымъ глазомъ, нравственные микрокозмы... И Зоя открыла во мнѣ, въ моей больной душѣ, этихъ невидимыхъ паразитовъ.

— Въ васъ, я замѣчаю, мало любознательности,—сказала она мнѣ однажды, когда караванъ нашъ дѣлалъ роздыхъ у пальмовой рощи, недалеко отъ эль-Ариша, а мы сидѣли въ тѣни пальмъ и любовались идиллическою картиною пустыни.

— Любознательности? Почему вы такъ думаете?—не понималъ я.

— Да по всему.

— Можетъ быть, вѣдь я все таки гвардейскій офицеръ, а нашему мундиру любознательности не полагается, — отшучивался я.

— Напрасно. Васъ, повидимому, ничто не занимаетъ, даже этотъ переѣздъ нашъ по пустынѣ, который на меня производитъ глубокое впечатлѣніе: чувствуешь себя какъ бы подавленною, даже больше, раздавленною величіемъ всего, что видишь, а иногда душа испытываетъ какія-то гордыя, могучія ощущенія. Иногда я, кажется, рыдала бы, рыдала... Не то отъ счастія, не то отъ тоски, не то отъ какого-то желанія, желанія чего? Я сама не знаю. Только во мнѣ все клокочетъ иногда, я готова захлебнуться или отъ слезъ, или отъ восторга... А вы, извините, точно дохлый... Именно дохлый.

— Благодарю... Но, можетъ быть, я кажусь вамъ дохлымъ потому только, что не говорю такъ много, какъ вы.

Слова мои, повидимому, задѣли ее за живое.

— Что жъ! Я люблю говорить, но только не всегда,—сказала она послѣ минутнаго молчанія,—когда душу переполняютъ впечатлѣнія, мысли, ощущенія, ну, тогда слово невольно переливается черезъ край. Ну, вотъ, хоть бы теперь: вы замѣтили вонъ ту груду камней?

— Какую? Гдѣ?—искалъ я глазами предметъ, на который она указывала.

— Да вонъ вправо.

— Вижу. Что жъ это такое?

— А вотъ что. Мой проводникъ разсказалъ мнѣ, что это могила еврейскаго богатыря Бардауила. Давно, давно когда-то жила въ Египтѣ прекрасная дочь фараона. Бардауилъ плѣнился ея красотою и похитилъ ее. Вопли ея услыхалъ гроза пустыни, непобѣдимый Абу-Сеидъ, и погнался за похитителемъ на своемъ конѣ, такомъ быстромъ, что онъ не слышитъ подъ копытами песка пустыни. Настигнувъ Бардауила, онъ шесть разъ обскакалъ его на своемъ дивномъ конѣ и въ седьмой разъ пронзилъ похитителя длиннымъ копьемъ. Это и есть его могила, могила Бардауила.

Она остановилась и вопросительно посмотрѣла на меня.

— А знаете, кто этотъ Бардауилъ?—спросила она.

— Не знаю. Да вѣдь это арабская сказка.

— Нѣтъ, исторія. Это поэтическій осколокъ исторіи крестовыхъ походовъ. На этомъ мѣстѣ погибъ знаменитый рыцарь Балдуинъ, братъ іерусалимскаго короля Готфрида Бульонскаго, когда возвращался изъ Египта въ Палестину.

— Да, — согласился я, — теперь эти камни много говорятъ мнѣ.

— Видите,—улыбнулась она,—даже камни говорятъ, а вы все молчите.

— Я не прикрываю собою прахъ Балдуина,—улыбнулся я, въ свою очередь.

— Ну, это, наконецъ, несносно!—замахала она вѣеромъ.— Вѣдь эти мѣста, при видѣ которыхъ въ душу тѣснятся величавые образы прошлаго, да какого прошлаго! Какіе титаны исторіи! Вѣдь эта пустыня, а, можетъ быть, и эти пальмы видѣли Рамзеса великаго и его полчища, видѣли Камбиза и Александра Македонскаго, Балдуина и, наконецъ, Наполеона: все это тутъ проходило когда-то... Александръ Македонскій прошелъ этотъ

путь отъ Газы до Каттіэ въ семь дней, а Наполеонъ въ шесть... Я, кажется, все это вижу, одинъ видъ этого неба и этой пустыни наполняетъ мою душу смутною тревогою и трепетомъ.

Она была прелестна въ этотъ моментъ, но это-то меня и раздосадовало.

— Да вѣдь вы все это вычитали изъ книгъ,—дразнилъ я ее,—въ вашихъ словахъ чужой трепетъ, книжный.

Она даже вскочила на ноги. Щеки ея пылали. А я злился, что она была такъ хороша. Почему во мнѣ закипѣла злость, я не могъ себѣ объяснить, но тревожно ждалъ чего-то.

— А вѣдь вы правы,—сказала она какъ будто грустно,—не скажи мнѣ книга о томъ, что здѣсь было, какія историческія событія пролетѣли надъ этой пустыней, мимо этихъ пальмъ... не знай я изъ книги, что вотъ на этой безбрежной линіи горизонта останавливались когда-то взоры страшнаго Рамзеса, котораго гранитные лики вы увидите въ Египтѣ, или дикаго Камбиза; не вычитай я изъ той же книги, что здѣсь когда-то бродилъ пророкъ Іеремія и изливалъ свою душу въ глубоко вдохновенныхъ стихахъ, бичевавшихъ фараона Нехао, не знай я всего этого, я, можетъ быть, была бы такая же дохлая при видѣ всего этого, какъ и вы.

Впрочемъ, я не о томъ началъ. Я сказалъ о глазахъ мухи у умной женщины. Такіе глаза были и у моей собесѣдницы, я говорю въ переносномъ смыслѣ; а на самомъ дѣлѣ у нея были прелестные глаза, такіе дивные, что я чувствовалъ ихъ силу, хотя до сихъ поръ не могу понять, въ чемъ вообще заключается неотразимое очарованіе прекраснаго человѣческаго глаза. Что даетъ ему эту красоту, это обаяніе? Не знаю, ей Богу, не знаю! Бѣлокъ, зрачокъ, роговая и сѣтчатая оболочка, отраженіе свѣта, какъ во всякомъ стеклѣ, вѣки, рѣсницы, чортъ знаетъ что такое! А, между тѣмъ, сколько красоты, сколько неотразимой прелести! Только Зоя своими божественными глазами (я даже тогда, когда былъ «дохлый», и тогда, злясь на нее и на себя, какъ очарованный, невольно глядѣлъ въ эти ясные и дѣтски-невинные глаза) только она своими глазами скоро успѣла прочесть нѣчто такое въ моей душѣ, что навело ея женскій умъ на какое-то открытіе.

— Пожалуйста, — сказала она, мѣняя тонъ и участливо глядя на меня,—не сердитесь на мою рѣзкость. Я гречанка, я

увлекаюсь, но увлекаюсь прекраснымъ, возвышеннымъ, и когда меня не понимаютъ, я...—она остановилась.

— Вы сами отказываетесь понимать другихъ?—отвѣчалъ я.

— Правда, я не понимаю васъ,—сказала она задумчиво,— въ васъ есть что-то, чего я не могу прочесть, какіе-то іероглифы.

— Развѣ я похожъ на египетскаго сфинкса?—улыбнулся я.

— Именно на сфинкса, только наоборотъ. Сфинксъ сверху человѣкъ, а снизу звѣрь.

— А я сверху развѣ звѣрь?

— Не звѣрь, а постоянно огрызаетесь. Нѣтъ, помимо всякихъ шутокъ, я васъ не понимаю. Извините, я вамъ откровенно скажу: или вы душевно больны, или... вы человѣкъ озлобленный... Нѣтъ, нѣтъ!—перебила она себя.—Вы добры, даже очень, я это подмѣтила за вами, да и вашъ Илья души въ васъ не чаетъ; а это хорошая рекомендація. Развѣ вотъ что: вы скучаете, пресыщены жизнью, или...

— Печоринствую?

— Нѣтъ, печоринствующій франтъ этого о себѣ не скажетъ.

Я чувствовалъ, что она добирается до истины.

— Можетъ быть, вы обижены по службѣ?—продолжала она какъ бы про себя.

— Нѣтъ, я былъ баловнемъ у своего начальства.

На этомъ разговоръ нашъ прекратился. Негропуло возвращался съ охоты, а его бедуины съ торжествомъ тащили тушу убитаго имъ кабана.

XVII. На пирамидѣ Хеопса.

Послѣ девятидневнаго переѣзда по пустынѣ, на десятый день караванъ нашъ вступилъ въ Каиръ. Признаюсь вамъ, когда изъ-за сѣро-пепельныхъ холмовъ Мокатама и изъ-за стройныхъ пальмъ, какъ изъ-за тонкихъ колоннъ съ вѣеробразными капителями, за которыми сверкала гладкая поверхность Нила, на далекомъ горизонтѣ поднялись какіе-то другіе гигантскіе холмы, точно выточенные, подернутые дымкой дали,—во мнѣ что-то дрогнуло. Каюсь, такого ощущенія я не испытывалъ нигдѣ, ни у стѣнъ Іерусалима, ни на развалинахъ Іерихона.

— Пирамиды! Пирамиды!—послышался за мною не то радостный крикъ, не то вопль испуга.

Это былъ голосъ Зои.

— Видите? Это сорокъ вѣковъ глядятъ на насъ. Теперь не сомнѣваетесь, что это не поддѣлка?

Дѣйствительно, я не сомнѣвался. Но ощущенія мои какъ-то двоились: казалось, я досадовалъ на то, что мною овладѣло глубокое волненіе при видѣ того, о чемъ я думалъ съ дѣтства.

— Но вѣдь это ребячество!—съ досадой обернулся я къ г-жѣ Негропуло, качавшейся на хребтѣ верблюда уже рядомъ со мною.

— Въ чемъ ребячество?—удивилась она.

— Да вотъ въ томъ, что вы волнуетесь при видѣ пирамидъ.

— Какъ же не волноваться!

— Знаете, — сказалъ я, — смѣшно волноваться при видѣ этихъ холмовъ, потому только, что они связаны съ именемъ какого-то тамъ болвана, Хеопса или Рамзеса. Отчего же это волненіе не охватываетъ насъ при видѣ вотъ этихъ пирамидъ?—я указалъ на сѣро-пепельныя скалы Мокатама.—Вѣдь онѣ древнѣе Хеопса, можетъ быть, на сотни, на тысячи вѣковъ. Можетъ быть, съ высоты этихъ скалъ глядитъ на насъ не сорокъ вѣковъ, а сорокъ тысячъ. Отчего это?

— А оттого же, отчего васъ охватываетъ извѣстнаго рода волненіе при имени Ифигеніи или Антигоны: въ вашемъ умѣ встаетъ цѣлый рядъ представленій, образовъ, картинъ, воспоминаній.

— Положимъ. Но какія же представленія могутъ возникнуть въ моемъ умѣ при имени Хеопса? Я его вовсе не знаю.

— А Ифигенію знаете?

— Знаю.

— Да вѣдь ея никогда не было: она такой же миѳъ, какъ и Ніобея. А Хеопсъ, хоть онъ, по вашему, и болванъ, а вотъ построилъ же пирамиду, одно изъ семи чудесъ свѣта.

Признаюсь, я противорѣчилъ, кажется, только изъ болѣзненнаго каприза, и именно потому, что чувствовалъ, какъ этотъ болванъ Хеопсъ побѣдилъ меня своею пирамидою, чего не могли сдѣлать ни Авессаломъ со своею пирамидальной гробницей, ни Геѳсиманскій садъ со своими маслинками, ни даже Голгоѳа. Тамъ я усматривалъ поддѣлку, сочиненіе, а этотъ фараонъ со

своей пирамидой живьемъ стоялъ передо мною. Мнѣ казалось даже, что я вижу его бронзовое лицо, черные, какъ смоль, волосы и глаза съ длиннымъ разрѣзомъ. Я обернулся къ Трофимычу. На лицѣ его я увидѣлъ не то простую усталость, не то тупое равнодушіе. Ему, повидимому, ни Хеопсъ, ни пирамиды, ни даже Ифигенія ничего не говорили.

— Видишь?—показываю я ему на пирамиды.

— Вижу-съ, копны какія-то,—отвѣчалъ онъ равнодушно,— и къ чему оно?

Ясно, что въ умѣ Трофимыча пирамиды Фараоновъ не вызывали никакого представленія, ни воспоминаній, ни образовъ. Другое дѣло та щепоть земли, которую онъ купилъ у какого-то шарлатана въ Іерусалимѣ, и изъ которой якобы слѣпленъ былъ первый человѣкъ. Вотъ эта именно картина, какъ лѣпили изъ глины Адама, и вставала въ умѣ Трофимыча при взглядѣ на купленную имъ у шарлатана щепоть. А тутъ, при видѣ Нила, пирамидъ и сѣрой холмистой полосы Сахары, не напитанный знаніемъ мозгъ его совсѣмъ молчалъ.

— Все это щекотка мозга,—невольно проворчалъ я.

— Какая щекотка мозга? — удивленно поглядѣла на меня Зоя.

— Да вотъ это, что насъ теперь волнуетъ.

— Насъ, не меня только?

— Да, насъ! Исторія Египта, которую въ школѣ набивали наши головы, она нащекотала намъ мозги, ну, вотъ насъ и волнуетъ этотъ Хеопсъ.

— А! Такъ и васъ онъ, наконецъ, пробралъ, этотъ интересный болванъ? — улыбнулась Зоя. — Я очень рада. Значитъ, Хеопсъ совсѣмъ не болванъ, когда даже кавалергарда пробралъ. А слышите?

— Что такое?

Она указала на своего мужа, который ѣхалъ впереди насъ со своимъ драгоманомъ и о чемъ-то оживленно съ нимъ разговаривалъ. Они говорили по-французски.

— Слышите? Для него, какъ и для васъ съ Ильею, не существуетъ исторической щекотки, какъ вы изволите выражаться.. Слышите?

— Слышу,—отвѣчалъ я,—они говорятъ объ охотѣ на нильскихъ крокодиловъ. Что-жъ! Это, должно быть, интересная

охота, во всякомъ случаѣ, интереснѣе, чѣмъ лазить на пирамиды съ опасностью сломить себѣ шею ради какого-нибудь Хеопса.

А между тѣмъ я сдѣлалъ эту глупость (тогда я считалъ это или силился считать глупостью): на другой день я полѣзъ на пирамиду этого самаго Хеопса. Я рѣшился, однако, на этотъ рискованный шагъ подъ давленіемъ, какъ мнѣ казалось тогда, чужой воли. Не знаю, какое чувство руководило моимъ рѣшеніемъ, я даже до сихъ поръ не знаю этого, чувство ли тутъ примѣшалось, или же мое рѣшеніе истекало изъ побужденій разума, любознательности (историческая щекотка), этого я не могу вамъ объяснить; но полагаю, что и то, и другое, какъ я понялъ это уже послѣ. Когда у насъ зашла рѣчь о томъ, стоитъ ли всходить на этотъ міровой монументъ жизни такого удивительнаго народа, какимъ были древніе египтяне, и когда Зоя Алкивіадовна упрашивала своего мужа сопровождать ее въ этой экспедиціи, Негропуло анатично оборвалъ ее:

— Я тебѣ не мѣшаю дѣлать эту глупость, но раздѣлять ее съ тобой, слуга покорный!

— Но вѣдь, въ такомъ случаѣ, и Наполеонъ глупилъ, ребячился, когда всходилъ на Хеопсову пирамиду.

— Нѣтъ, хуже, онъ рисовался, что и дѣлалъ всю жизнь.

— Въ такомъ случаѣ, я пойду одна.

При этомъ она выразительно поглядѣла на меня. Въ ея глазахъ виднѣлась насмѣшка.

— А вы не хотите продѣлать со мной эту глупость?—съ улыбкой сказала она.

Опять таки повторяю, не знаю, что подтолкнуло мою волю; но я отвѣчалъ:

— Охотно продѣлаю.

Съ одной стороны, мнѣ, дѣйствительно, хотѣлось испытать ощущеніе чего-то невѣдомаго для меня, стать на то мѣсто, съ высоты котораго еще Геродотъ (онъ вѣдь тоже продѣлалъ эту глупость—взбирался на пирамиду Хеопса) созерцалъ величественную картину Египта съ угрюмою Сахарою назади; съ другой, меня почему-то пугало рискованное намѣреніе г-жи Негропуло, и этотъ страхъ (чего я, помнится, не сознавалъ тогда) былъ страхъ за молодую гречанку. Какъ бы то ни было, но на другой же день нашего прибытія въ Каиръ мы собрались ѣхать къ пирамидамъ. Хозяинъ отеля, въ которомъ мы остановились,

совѣтовалъ намъ ѣхать на ночь, чтобы начать восхожденіе на пирамиду утромъ, до восхода солнца, чтобы созерцать картину пробужденія египетской дельты съ высотъ Хеопса; но г-жа Негропуло такъ нетерпѣливо рвалась къ намѣченной ею цѣли, что не хотѣла ждать ни одного часа.

— Вмѣсто восхода, мы посмотримъ на закатъ египетскаго солнца,—сказала она,—а потомъ, кто намъ помѣшаетъ въ другой разъ видѣть и восходъ?—обратилась она ко мнѣ.

— Конечно,—согласился я.—Но только удобно ли будетъ намъ взбираться по отвѣснымъ почти ребрамъ пирамиды въ вашемъ костюмѣ, съ юбками?

— Я не такъ наивна, какъ обо мнѣ думаетъ господинъ Негропуло, да и вы, кажется.

Съ этими словами она вышла въ другую комнату и черезъ нѣсколько минутъ явилась совсѣмъ преображенною: вмѣсто платья и юбокъ, на ней была голубая, шитая золотомъ, распашная греческая курточка, надѣтая на бѣлую, тоже расшитую цвѣтными шелками, сорочку, а юбки замѣнены были широкими бѣлыми шальварами; на головѣ изящная греческая же фесочка, въ видѣ фригійскаго колпака съ кисточкою, и бѣлая легкая чадра. Скоро къ подъѣзду отеля черноземные нубійцы-проводники, вмѣстѣ съ миловидными мальчиками-саисами, подвели четырехъ осѣдланныхъ осликовъ: для г-жи Негропуло, для меня и для Трофимыча, который вызвался ѣхать съ нами, руководясь особыми побужденіями.

— И ты съ нами, Илья?—удивилась Зоя, увидавъ его верхомъ на ослѣ.

— Какъ же, матушка-барыня,—отвѣчалъ онъ;—и я хочу посмотрѣть на проклятаго фараона.

— А за что онъ проклятый?—засмѣялась она.

— А какъ же-съ! За Христомъ, проклятый, гнался, когда Христосъ черезъ Чермное море переходилъ.

— Да ты, Илья, смѣшалъ: фараонъ не за Христомъ гнался, а за Моисеемъ.

— Все едино, гнался, да и самъ потонулъ: туда ему и дорога.

Мы тронулись въ путь. Впереди насъ бѣжали хорошенькіе, съ личиками античной бронзы и съ перламутровыми зубами, саисы и, размахивая длинными камышевыми палками, расчищали намъ дорогу среди шумной толпы, сновавшей по всѣмъ на-

правленіямъ узкихъ улицъ Каира. Скоро мы достигли Нила и переправились на ливійскую его сторону въ помѣстительной плоскодонной дагабіи. Помню, что осликъ Трофимыча почему-то заупрямился (вѣроятно, Илья чѣмъ-нибудь обидѣлъ его, а ослы очень обидчивы) и не хотѣлъ входить въ лодку. Зоя очень смѣялась, видя напрасныя усилія Ильи заставить непокорное животное переступить черезъ бортъ дагабіи.

— Ты самъ, Илья, виноватъ, что онъ тебя не слушается,— подтрунивала надъ нимъ Зоя.

— Чѣмъ я виноватъ?—ворчалъ Трофимычъ.

— А тѣмъ, что у тебя зубъ противъ фараона, а осликъ кормится по милости пирамиды Хеопса.

Когда мы переѣзжали Нилъ, я все глядѣлъ въ его мутныя воды. Мнѣ все представлялось, что вотъ-вотъ изъ воды покажется безобразная голова крокодила, и я все время держалъ ружье наготовѣ, со взведеннымъ курком. Но крокодилы не показывались. Солнце клонилось къ закату, когда мы, сначала между пашнями, засѣянными пшеницею и мансомъ и осѣняемыми то тамъ, то здѣсь букетами пальмъ, а потомъ по зыбучимъ пескамъ, нанесеннымъ изъ Сахары, приближались къ первой и высочайшей изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ пирамидъ, къ пирамидѣ Хеопса. Не могу теперь, да и тогда не могъ вполнѣ дать себѣ отчетъ въ томъ, какія чувства волновали меня, когда я глядѣлъ на историческую громаду, все ближе и ближе вставшую передъ моими глазами. За нею высилась вторая, нѣсколько лѣвѣе, а тамъ третья, четвертая, все умаляясь и теряясь въ пескахъ Ливіи, за сѣрымъ, подернутымъ дымкою горизонтомъ. Вопреки вынитанному мною гдѣ-то увѣренію, что пирамиды никогда не бросаютъ отъ себя тѣни, вслѣдствіе особенностей ихъ построенія, отъ подножія Хеопса тянулась на востокъ, все удлиняясь, гигантская тѣнь.

— Сколько тысячъ лѣтъ солнце всходило и заходило надъ Египтомъ, когда на берегахъ Нила возникали новыя царства и падали одно за другимъ; сколько милліоновъ жизней началось и отошло къ небытію въ виду этихъ удивительныхъ твореній рукъ человѣческихъ! Все это сметено съ лица земли, а пирамиды стоятъ!—съ какою-то тоскою въ голосѣ говорила Зоя, глядя на гигантскій массивъ хеопсовой пирамиды, и хотя я зналъ, что она, противъ своей воли, говоритъ чуть ли не словами Но-

рова, однако, чувствовалъ, что и самъ поддаюсь глубокому очарованію.

У подножія первой пирамиды копошились какія-то свѣтлыя точки. То были бедуины, обитатели этой части пустыни. Замѣтивъ насъ, они бѣгомъ бросились къ намъ навстрѣчу. Я слышалъ, какъ у ружья Трофимыча щелкнулъ курокъ.

— Ты что это?—оглянулся я.

— Да вонъ бѣжатъ какіе-то черти.

— Не бойся, они тебя же будутъ подсаживать вонъ на ту вершину, на самого фараона.

— Ну, я и безъ нихъ на эту копну влѣзу, какъ пить дамъ.

— Копну!—оглянулась на него Зоя.—Для него это копна сѣна.

Ноги нашихъ осликовъ вязли въ глубокомъ пескѣ. Это Сахара заливаетъ подножіе пирамидъ своими песчаными волнами, засыпая менѣе возвышенные предметы, полногрудыхъ сфинксовъ въ высокихъ гранитныхъ шапкахъ и гробницы совсѣмъ заметеннаго песками Некрополиса. Прибѣжавшіе изъ-подъ пирамиды бедуины быстро обступили насъ и разомъ заговорили на всѣхъ европейскихъ языкахъ, исключая русскаго. Они предлагали намъ свои услуги, свою помощь; а одинъ держалъ въ рукахъ, словно своего ребенка, прекрасно сохранившуюся мумію женщины или дѣвушки, можетъ быть, ту прелестную дщерь фараона, которая въ тростникахъ Нила нашла плавающую корзинку съ маленькимъ Моисеемъ. А теперь дикій бедуинъ продавалъ намъ ее за нѣсколько франковъ.

— Боже мой!—всплеснула руками Зоя.—Это мумія!

— Oui, madame!—галантно отвѣчалъ полуголый, въ одной рубахѣ, эоіопъ, скаля собачьи зубы.—C'est une fille de Pharaôn.

— Да онъ вретъ,—замѣтилъ я.

— Voulez-vous, madame?—приставалъ дикарь.

— И затѣмъ онъ ее таскаетъ!—возмущалась Зоя.

У самой пирамиды насъ встрѣтилъ почтенной наружности старикъ. Это былъ мѣстный шейхъ, владѣлецъ пирамидъ. Онъ тоже заговорилъ съ нами по-французски, спрашивая, желаемъ ли мы прежде пройти внутрь пирамиды, или взобраться на ея вершину.

— И этотъ дикарь владѣлецъ пирамидъ!—невольно воскликнула Зоя.

Бедуины съ большимъ удивленіемъ смотрѣли на насъ, вслушиваясь въ слова, которыхъ они никогда не слыхали подъ пирамидами.

— Но всего ужаснѣе, — продолжала Зоя по-русски, — что этотъ оборвышъ продаетъ дочь фараона!

— А вспомните Гамлета, — невольно пришло мнѣ на мысль,—вспомните разговоръ на кладбищѣ о черепѣ геніальнаго Цезаря... Гдѣ онъ?

— Нѣтъ! Нѣтъ! Скорѣе на пирамиду!—волновалась она.

Мы стали взбираться. Бедуины помогали намъ. Я карабкался впереди всѣхъ, за мною Зоя; за нею, въ арьергардѣ, Трофимычъ. И онъ дѣйствительно карабкался одинъ, благоразумно снявъ съ себя сапоги, и энергично отбивался отъ бедуиновъ, которые и его хватали то за руки, то подъ-мышки. Мы начали восхожденіе у восточнаго ребра пирамиды. Съ каждымъ шагомъ вверхъ чувствовался все большій рискъ подъема. Надо было цѣпляться за скважины между рядами гигантскихъ плитъ, нагроможденныхъ, казалось, руками титановъ, искать въ этихъ скважинахъ опоры для ногъ. Малѣйшее неловкое движеніе, круженіе головы, и смерть неизбѣжна. Отъ усилія и невольнаго волненія чувствовалось, что въ груди не доставало дыханія, становилось невыносимо жарко, легкія требовали воздуха, а его не хватало. Я прицѣпился къ случайному уступу на одномъ изъ рядовъ плитъ и глянулъ назадъ. Земля, казалось, уходила изъ-подъ ногъ. Уступомъ ниже, влекомая бедуинами Зоя, блѣдная, съ расширенными зрачками, поднявъ ко мнѣ голову, не то восторженно, не то съ ужасомъ глядѣла вверхъ, силясь улыбнуться мнѣ.

— Courage, madame, courage! — болтали бедуины, втаскивая ее на исполинскую плиту.

— Еще! Еще!—ободрялъ я ее.—Сюда; здѣсь есть уступъ, передохните.

— У меня голова кружится,—слабо отвѣчала она.

— Messieurs!—крикнулъ я помогавшимъ ей бедуинамъ.—Держите ее крѣпче! Илья, держи барыню.

— Не бойтесь, у меня голова кружится отъ восторга.

Еще одно усиліе, и я подалъ ей руку. Она очутилась ря-

домъ со мной на уступѣ. Бедуины глядѣли на нее, какъ на чудо.

— Боже мой, какая картина!—задыхаясь, прошептала она.

— Но мы еще и трети пирамиды не осилили.

Внизу разстилалась долина Нила съ группами гигантскихъ пальмъ, которыя казались уже чѣмъ-то въ родѣ стройныхъ стеблей пильскаго тростника. Лѣвѣе мечети, тонкіе минареты, куполы и зубчатыя стѣны каирской цитадели. Душа невольно поддавалась могучему очарованію.

— Теперь вы не будете уже брюзжать?—съ улыбкой поглядѣла на меня Зоя.

Передохнувъ немного, мы стали карабкаться выше. Слѣдующіе два роздыха доставили намъ новое, глубокое наслажденіе. Мы стояли выше всего, что только видимо было очарованному взору. Только орлы, кружась въ воздухѣ и направляясь къ западу, какъ бы вслѣдъ за солнцемъ, уходившимъ за горизонтъ Сахары, жалобно оглашали своимъ клекотомъ мертвую пустыню. Пальмы казались еще меньше, а Нилъ сверкалъ, какъ изогнутая полоса стали. Въ глубокомъ молчаніи мы созерцали эту дивную картину. Даже Трофимычъ сидѣлъ тихо и задумчиво.

— Пора!—прервалъ общее молчаніе старый бедуинъ съ бѣльмомъ на глазу, уцѣпившійся за уголъ огромной плиты у ногъ Зои.

— Пора!— повторили другіе, — Скоро солнце уйдетъ ко львамъ Сахары.

Какой образный восточный оборотъ! Солнце дѣйствительно почти касалось уже горизонта, и весь багровый дискъ его, казалось, пылалъ, раскалившись за день. Оставалось еще побѣдить около пятидесяти рядовъ исполинскихъ плитъ (за нами или, вѣрнѣе, подъ нами считалось пройденныхъ уже болѣе ста пятидесяти рядовъ) пятьдесятъ усилій всего тѣла, пятьдесятъ подъемовъ по узенькимъ, чуть-чуть выдающимся уступамъ или скважинамъ въ плитахъ, скважинамъ, въ которыхъ не за что уцѣпиться рукою, не на что опереться ногѣ. И все это на голыхъ ребрахъ тесаныхъ камней, на страшной высотѣ: было отчего усиленно биться сердцу. Еще усиліе, еще и еще! Я на вершинѣ пирамиды, вытягиваюсь во весь ростъ, при радостныхъ крикахъ моихъ помощниковъ и мучителей-бедуиновъ. Я, казалось, забылъ все и ничего не видѣлъ. Но я видѣлъ разомъ слишкомъ

много, и ни взоръ, ни умъ мой не могли охватить и вмѣстить въ сознаніе всего, что я видѣлъ. Мнѣ послышался слабый стонъ... Я вздрогнулъ и очнулся. Рядомъ со мной стояла Зоя, и это у нея изъ груди вырвался стонъ, стонъ изумленія, радости, побѣды. Она глянула на меня широко раскрытыми глазами, и я не помню, какъ это случилось, обвилась руками вокругъ моей шеи, прижалась горячимъ лицомъ къ моему лицу, и я почувствовалъ, что по щекамъ у меня катились слезы. Зоя плакала.

— Зоя Алкивіадовна! Что съ вами?—отвелъ я заплаканное лицо ея.—О чемъ это?

— Обо всемъ! обо всемъ! О томъ, что было и чего уже нѣтъ, о той муміи, что тамъ, внизу, на рукахъ у бедуина!

— Вы устали, садитесь, вздохните.

— Нѣтъ, я не устала, только устала стоять; поддержите меня, я хочу смотрѣть, видѣть, упиваться всѣмъ этимъ, страдать отъ счастія!

Мы съ Трофимычемъ взяли ее подъ руки. Только теперь я сознательно могъ относиться къ тому, что видѣлъ, что разстилалось передъ моими глазами во всѣ стороны. Поразительная картина! Темнѣющая полоса Нила казалась застывшею, какъ и тѣ далекія скалы Мокатама, закрывшія собою Красное море и Аравію: не будь ихъ, съ Хеопсовой пирамиды можно было бы видѣть Синай. Лѣвѣе, за Ниломъ, на вершинахъ и куполахъ минаретовъ Каира, сверкали послѣдніе лучи солнца, утопавшаго въ пескахъ Сахары. Гигантскія пальмы умалились до размѣровъ нильскаго тростника. Пирамиды Хефрена и Микерина смотрѣли жалкими подобіями гиганта, на вершинѣ котораго мы, микроскопическія точки, стояли, чувствуя всѣми силами воображенія, что наши подошвы слились съ единственнымъ, уцѣлѣвшимъ въ бѣгѣ тысячелѣтій, «чудомъ свѣта». Отъ этого гиганта тянулась къ востоку, къ Нилу, къ занильскимъ скаламъ Мокатама, такая же гигантская тѣнь. Я поворотилъ свое лицо къ западу. Раскаленный дискъ солнца бросалъ изъ-за холмовъ Сахары послѣдніе лучи на высшія точки видимой глазу поразительной картины, и на одномъ изъ холмовъ ясно вырисовывался профиль какого-то животнаго съ огромною головою и гривою. Послышалось что-то въ родѣ глухихъ раскатовъ грома.

— Le lion! Le lion!—испуганно прошептали бедуины.

Рыканія повторились. Чудовище пустыни, казалось, рычало на заходящее солнце, зачѣмъ оно уходитъ.

— А сапоги-то, баринъ, всѣ въ лохмотьяхъ,—вывелъ меня изъ задумчивости Трофимычъ.

Я глянулъ на свои ноги и на плиты, на которыхъ стоялъ. Плиты пестрѣли тысячами надписей. Изъ-подъ лѣвой моей подошвы выглядывали какія-то крупныя буквы глубоко врѣзанныя въ камень. Я нагнулся. Это было имя Наполеона Бонапарта! Позорное безсмертіе! Вглядываясь въ эти крупныя буквы, безсмертныя какъ и эта пирамида съ именемъ Хеопса, я замѣтилъ подъ ними другія буквы, совсѣмъ мелкія, повидимому, не очень давно написанныя карандашомъ и еще не стертыя ногами. Къ изумленію моему, я прочелъ:

Les noms des fous
Se trouvent partout.

Это подъ именемъ Наполеона I... И подѣломъ.

XVIII. Крокодилъ.

«Въ Каирѣ мы оставались недолго, всего три дня. Негропуло торопился ѣхать въ Верхній Египетъ, потому что вице-король, вмѣстѣ со своимъ двóромъ, находился въ то время въ Ассуанѣ, по мужу Зои не столько хотѣлось скорѣе представиться повелителю народа фараоновъ, сколько предаться своему любимому занятію, охотѣ, особенно на крокодиловъ и бегемотовъ, на которыхъ онъ никогда не охотился, да никогда и не видалъ ихъ. Намъ снарядили помѣстительную дагабію съ крытымъ посерединѣ ея павильономъ и съ занавѣсками, которыя могли подниматься и опускаться по нашему желанію, то есть, смотря по тому, съ которой стороны пекло солнце.

Поѣздка по Нилу представляетъ столько очарованія, что я и передать вамъ не съумѣю. Постоянно чувствуешь, что плывешь по славнѣйшей исторической рѣкѣ и между берегами, каждая пядь которыхъ усѣяна памятниками глубочайшей древности. Синѣющіяся за ливійскимъ берегомъ пирамиды, очаровательныя пальмовыя и сикоморовыя рощи, часто выросшія среди богатѣйшихъ развалинъ, между колоннами и капителями храмовъ, надъ головами сфинксовъ, обращенныхъ большею частью на востокъ,

все это не отразимо дѣйствуетъ на воображеніе. По вечерамъ, когда стихалъ попутный вѣтеръ и наша дагабія приставала къ берегу, мы выходили изъ-подъ навѣса своего павильона и бродили то подъ пальмами, то среди развалинъ храмовъ и дворцовъ, усаживались на какую-нибудь колоссальную, поверженную на землю, статую либо Сезостриса, либо Аменофиса, тысячи лѣтъ валяющихся среди мусора и обломковъ, или на спину сфинкса, и тогда чувствовалось, что душу наполняетъ такое очарованіе или такая жгучая тоска о прошломъ, о разрушенномъ, что никакая рѣчь человѣческая выразить этого не въ состояніи. Глубокое обаяніе всего, что представляетъ эта волшебная страна со своею волшебною исторіею, съ невиданными нигдѣ памятниками архитектуры, казалось, перерождало меня, и нерѣдко слезы, о чемъ? Я самъ не могъ дать себѣ отчета, подступали къ горлу, но не горькія слезы не слезы горя, а тихія слезы какого-то умиленія. И въ такія минуты я понималъ Зою, понималъ ея душевное состояніе, когда она, при видѣ какого-нибудь полузасыпаннаго пескомъ пилона, испещреннаго іероглифами, или прелестной, задумчивой женской головки, выглядывавшей изъ-за стволовъ пальмъ, закрывши лицо ладонями, тихо плакала. Одинъ только Негропуло былъ недоволенъ нашимъ восхитительнымъ путешествіемъ по Нилу. Онъ злился, что не видалъ еще ни одного крокодила. Но, на его счастіе, пятый день плаванія доставилъ ему это удовольствіе. Мы уже проплыли Джирдже съ его стройными башнями и тонкими минаретами. Впереди виднѣлись песчаноиловатыя отмели, мимо которыхъ мы должны были проходить. Попутный вѣтерокъ надувалъ нашъ парусъ, и мы, сидя въ тѣни павильона, просматривали рисунки въ сочиненіи Шампольона объ Египтѣ. Вдругъ въ передней части дагабіи послышались голоса арабовъ:

— Тимса! Тимса!—Такъ они называютъ крокодиловъ.

Мы всѣ выскочили изъ павильона и поспѣшили къ арабамъ, показывавшимъ руками на желтоватую отмель. Дѣйствительно, на сѣро-желтомъ фонѣ отмели чернѣлись какія-то продолговатыя массы, точно колоды, почернѣвшія отъ времени и сырости. Негропуло тотчасъ же приказалъ всѣмъ спрятаться, такъ чтобы даже кормчаго не было видно изъ-за паруса. Зоя помѣстилась подъ прикрытіемъ занавѣсокъ павильона, но такъ, что все видѣла, что дѣлалось на отмели, къ которой дагабія тихо и

плавно приближалась; мы же, мужчины, съ ружьями и мушкетонами, укрывшись за бортъ судна, навели дула на чернѣвшіяся по отмели неподвижныя массы. Всѣхъ крокодиловъ было четыре: два громадныхъ, какъ стволы гигантскихъ сикоморъ, и два поменьше—молодежь. Великаны лежали въ полуоборотъ, неподвижно, какъ бревна, и, повидимому, спали; но, къ удивленію, у одного изъ нихъ, самаго большого, пасть была раскрыта, громадная, страшная пасть, словно пещера. Замѣчательно, что у крокодиловъ, при открытіи пасти, поднимается только верхняя челюсть, словно громадная дека, унизанная страшными зубами въ видѣ громадныхъ иглъ. Арабы намъ пояснили при этомъ, что крокодилы любятъ спать съ открытою пастью, обращенною въ ту сторону, откуда дуетъ вѣтеръ. Вѣроятно, они такимъ положеніемъ открытой пасти думаютъ нѣсколько охлаждать ее. Но есть тутъ и другой разсчетъ у этихъ чудовищъ, въ чемъ мы и убѣдились, приблизившись къ нимъ на ружейный выстрѣлъ. Въ отверстой пасти самаго большого крокодила мы замѣтили, что бы вы думали, маленькихъ красивенькихъ птичекъ, которыя преспокойно разгуливали между страшными зубами чудовища, словно въ лѣсу или на берегу рѣки, не боясь быть проглоченными. Оказалось, что эти птички самые закадычные друзья нильскихъ чудовищъ; крокодилы ими очень дорожатъ и не причиняютъ никого вреда, а напротивъ, рады, когда эти хорошенькія пичужки копошатся въ ихъ отвратительной пасти. Эти птички, попросту, охотятся во рту у крокодиловъ, словно кулики въ какомъ нибудь болотѣ. Въ пасти крокодила къ мякоти всегда присасываются піявки и расплажаются тамъ разные другіе паразиты, которые и безпокоятъ этихъ нильскихъ чудовищъ; а птички своими клювами очищаютъ отвратительныя пасти, питаясь піявками и другими паразитами. Приблизившись сколько возможно къ спящимъ чудовищамъ, мы раздѣлили свои боевыя силы на двое: четыре дула двустволокъ и мушкетоновъ были направлены въ открытую пасть одного чудовища, а другія шесть въ голову другого. По сигналу Негропуло, послѣдовалъ залпъ. Моментально пасть перваго крокодила закрылась, придавивъ собою и нѣсколькихъ несчастныхъ птичекъ (другія съ пискомъ упорхнули), и чудовищное бревно скатилось въ воду совершенно неслышно. А другой крокодилъ только шевельнулъ немного своей чудовищной головой, словно отъ укуса комара, но не по-

ремѣнилъ положенія. Мы думали, что онъ убитъ на мѣстѣ; сами судите, шесть пуль въ голову; а товарищъ его, которому выстрѣлы, какъ намъ казалось, попали прямо въ раскрытую пасть, исчезъ подъ водою цѣлехонекъ. Но вышло наоборотъ. Когда дагабія еще ближе подошла къ отмели, и нѣсколько пуль было послано въ меньшихъ крокодиловъ, всѣ они разомъ встрепенулись и также мгновенно, какъ и первый, скатились въ воду, произведя въ Нилѣ цѣлый бурунъ, словно свалившіяся въ рѣку громадныя глыбы земли.

— Ахъ, чортъ возьми! — выругался Негропуло по-итальянски.—Per Вассо! Они, проклятые, неуязвимы. Даже въ пасть! Въ мякоть!

— Не думаю,—возражалъ его драгоманъ.—Тотъ, первый, навѣрное сильно раненъ. А другой и не почувствовалъ нашихъ пуль, пули расплюснулись объ его чешую, какъ о стальную броню. Я знаю этихъ чудовищъ, я охотился на нихъ. А первый, пожалуй, смертельно раненъ.

— Смертельно, per Вассо! А вонъ ушелъ же отъ насъ,— горячился Негропуло.

Онъ началъ что-то ворчать по-гречески, должно быть, ругался. Его прервала жена, заговоривъ по-французски.

— Не горячитесь, господинъ Негропуло,—сказала она съ улыбкой,—я читала у Норова...

— Да что ты все съ Норовымъ носишься!

— Да онъ также выстрѣлилъ въ пасть, и крокодилъ также скрылся подъ водой, а черезъ нѣсколько минутъ всплылъ на поверхность брюхомъ кверху,—хладнокровно заговорила Зоя.

— Вонъ онъ! Вонъ онъ! — радостно закричалъ Трофимычъ.—Смотрите, выплылъ, вонъ и ноги, и брюхо видны.

Чудовище, дѣйствительно, всплыло на поверхность рѣки и тихо приближалось къ нашей дагабіи.

— Vittoria! Vittoria!—радовался Негропуло, словно ребенокъ.

Скоро арабы зацѣпили великана баграми и съ радостными восклицаніями втащили въ дагабію. Чудовище было громадной величины. Я вымѣрилъ его шагами, и отъ оконечности клиновидной верхней челюсти до конца хвоста насчиталъ девятнадцать шаговъ. Зоя не могла безъ содраганія смотрѣть на побѣд-

ный трофей своего мужа и просила его выбросить чудовище за бортъ.

— Какъ? Ни за что!—накинулся на нее торжествующій грекъ.—Напротивъ, я велю препарировать его, и онъ, какъ живой будетъ красоваться, вмѣсто швейцара, надъ входной дверью нашей квартиры въ Каирѣ и пугать прохожихъ.

Однако, налюбовавшись вдоволь на свое пріобрѣтеніе, онъ, чтобы избавить жену отъ этого зрѣлища, велѣлъ привязать чудовище къ толстой и длинной веревкѣ и спустить въ Нилъ позади кормы. Такимъ образомъ, крокодилъ плылъ за нами до самыхъ Ѳивъ, къ которымъ мы приблизились, когда уже совсѣмъ стемнѣло.

— Завтра надо встать непремѣнно до солнца,—сказала мнѣ г-жа Негропуло, желая мнѣ покойной ночи.

— Почему же до солнца?

— А какъ же! Развѣ вы забыли о колоссѣ Мемнона?

— Нѣтъ, помню, и даже очень помню,—засмѣялся я,—въ корпусѣ, гдѣ я учился, мнѣ на экзаменѣ за этого самаго Мемнона единицу поставили.

— За что же?—засмѣялась въ свою очередь Зоя.

XIX. Колоссъ Мемнона.

«Было чудное тропическое утро, когда я, на другой день, оставивъ дагабію, сошелъ на берегъ. Мы, жалкіе жители сѣвера, и понятія не имѣемъ о тропическихъ ночахъ, о тропическомъ небѣ, о тропическомъ утрѣ, о всей природѣ въ совокупности. Надо видѣть все это, надо, какъ вамъ сказать? чтобы все это, вся сумма впечатлѣній прожгла вашу душу, какъ прожигаетъ тропическое солнце все, что подъ его лучами, чтобы понять то, что я желалъ бы выразить хотя слабыми тѣнями, хоть слабымъ подобіемъ тѣхъ ощущеній, въ которыхъ перегораетъ душа въ мірѣ этихъ чудесъ и для выраженія которыхъ у меня нѣтъ ни слова, ни таланта. Я передамъ вамъ только факты.

— Скорѣй! Скорѣй!—издали кричала мнѣ г-жа Негропуло, которая уже хлопотала на берегу около осѣдланныхъ осликовъ, въ то время какъ нашъ каирскій драгоманъ (у г-на Негропуло былъ свой драгоманъ) и два араба съ копьями ожидали меня съ Трофимычемъ, чтобы пуститься въ путь.—Я боюсь опоздать,

Я успокаивалъ ее, говорилъ, что солнце еще не скоро встанетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—волновалась она.—Это не петербургское солнце; развѣ вы не видите, что лучи его уже золотятъ вершину вонъ той лѣвой горы Ливійскаго хребта?

Я глянулъ на западъ. Передъ глазами разстилалась огромная равнина, замыкавшаяся на западѣ далеко отошедшими отъ Нила строгими очертаніями Ливійскихъ горъ. Вся равнина казалась изрытою, заваленною какими-то исполинскими обломками, а впереди этихъ обломковъ и почти сохранившихся кое-гдѣ колоннадъ, портиковъ, колоссальныхъ воротъ, отодвинутыхъ на далекій второй планъ, впереди всего этого неизобразимаго хаоса высились два странныхъ гранитныхъ истукана, въ сидячемъ положеніи на исполинскихъ мраморныхъ тронахъ, съ положенными на колѣни руками, истуканы, головы которыхъ возвышались надъ вершинами самыхъ гигантскихъ пальмъ, надо всѣми этими громадными колоннадами и портиками, и даже заслоняли собою вершины Ливійскаго хребта, такова подавляющая высота этихъ гранитныхъ фараоновъ! Но лучи солнца, вставшаго за Ниломъ, еще не коснулись исполинскихъ головъ этихъ черныхъ гранитныхъ эѳіоповъ-царей, и утренняя тѣнь лежала надо всею равниною разрушенія. Скоро мы приблизились къ колоссамъ, цѣлыя тысячелѣтія изумляющимъ весь міръ. Они сидѣли на мраморныхъ тронахъ такого страшнаго объема и такой высоты, что когда я съ трудомъ вскарабкался на пьедесталъ перваго колосса, ноги котораго покоились на этомъ каменномъ подножіи, то моя голова не достигла даже щиколотки ноги истукана, согнутой въ колѣняхъ.

— Идите сюда!—кричала мнѣ г-жа Негропуло, отойдя нѣсколько въ сторону отъ колосса.—Отсюда виднѣе его высота и весь массивъ, да и солнце сейчасъ броситъ на него первые лучи.

Я соскочилъ съ пьедестала.

— Тише, тише, слушайте!—волновалась Зоя.—Смотрите, сейчасъ упадетъ первый лучъ.

Первые лучи, дѣйствительно, скользнули по гранитнымъ маковкамъ колоссовъ, ниже, ниже, ниже, и я невольно вздрогнулъ, увидѣвъ, какъ въ тотъ же моментъ двѣ исполинскія тѣни, словно живыя, потянулись отъ гигантовъ черезъ равнину, усыпанную развалинами ихъ родного города, и легли на тотъ самый

хребетъ горъ, внутри котораго спятъ, въ видѣ мумій, фараоны, создавшіе и этотъ разрушенный городъ, и этихъ, все еще сидящихъ на своихъ тронахъ, изумительныхъ истукановъ.

— Слышите? Что-то стучитъ тамъ.

— Слышу, какъ стучитъ мое сердце.

— Ахъ, не то! Не то!

— И ваше также

Зоя, дѣйствительно, такъ близко стояла около меня, что, мнѣ казалось, я слышалъ, какъ билось ея сердце.

— Ахъ, не то! Мнѣ кажется, что я слышу голосъ Мемнона.

— Воображеніе, вы слишкомъ впечатлительны; будьте мужественнѣе.

Солнце освѣщало уже головы колоссовъ и шеи; перешло на плечи, на грудь. Мы стояли, какъ очарованные. Но тѣхъ звуковъ, которые слышали древніе, мы не уловили.

Вдругъ чихнулъ Трофимычъ, да такъ неожиданно и громко, что мы вздрогнули, и очарованіе на минуту исчезло.

— Ахъ, противный Илья!—не вытерпѣла Зоя.

— Чѣмъ же я виноватъ, барыня?—оправдывался мой оруженосецъ.

Отрезвленные нѣсколько чиханьемъ Трофимыча, мы приблизились къ первому колоссу, и Зоя указала своимъ зонтикомъ на бросившіеся намъ въ глаза іероглифы. Такъ какъ съ нами были «Письма» Шампольона, то мы и развернули въ нихъ то мѣсто, гдѣ описывается этотъ колоссъ. Вотъ что мы прочли въ переводѣ на французскій языкъ: «Это есть царственный владыка верхнихъ и нижнихъ странъ, исправитель нравовъ, содержащій въ покоѣ вселенную, Горусъ, великій своею силою, поразившій варваровъ, царь-солнце, владыка истины, сынъ солнца, Аменофисъ, смиритель ясной страны, любимецъ Аммона-Ра, царя боговъ». Это и есть фараонъ Аменофисъ III, и XVIII династіи, царствовавшій за двѣ тысячи лѣтъ до Христа. Какая древность!

— Но вотъ что удивительно,—замѣтила г-жа Негропуло,—этотъ колоссъ пересталъ издавать звуки послѣ того, какъ при императорѣ Септиміѣ Северѣ онъ былъ возстановленъ.

— Какъ возстановленъ?

— Да вѣдь онъ развалился на двое во время землетрясенія, которое было здѣсь за 27 лѣтъ до рожденія Христа, и тогда упала

верхняя его половина, до самыхъ локтей, видите эту трещину подъ согнутыми локтями?

— Вижу очень ясно.

— Такъ верхняя его половина до самаго пояса и упала, и тогда онъ началъ издавать жалобные звуки, «плакать», какъ говорили древніе.

— Но вѣдь это вздоръ, сказка!—не вытерпѣлъ я.

— Нѣтъ, не вздоръ.

— Это жрецы надували народъ какимъ-нибудь фокусомъ: вѣдь они всегда были на это мастера, а вы вѣрите всякому вздору.

Г-жа Негрошуло даже обидѣлась.

— Вы говорите,—сказала она недовольнымъ тономъ,—что вамъ за Мемнона поставили единицу... Жаль, что не высѣкли.

Я невольно разсмѣялся.

— Вы, какъ я вижу, ничего не читали,—продолжала серьезно Зоя,—а еслибы читали, то знали бы, что жрецы тутъ не причемъ. Голосъ Мемнона слышали такіе люди, какъ Страбонъ и Павзаній, и фактъ этотъ подтвердили письменно.

— А когда Страбонъ былъ въ Ѳивахъ?—спросилъ я, очень заинтересованный словами Зои.

— Страбонъ былъ здѣсь черезъ двадцать лѣтъ послѣ землетрясенія, значитъ, лѣтъ за семь до Христа, и вотъ что онъ говоритъ объ этомъ колоссѣ (я помню это наизусть): «Изъ двухъ колоссовъ цѣльнаго камня, стоящихъ одинъ возлѣ другого, одинъ сохранился въ цѣлости, а другой разбитъ пополамъ. Верхняя часть упала, какъ мнѣ сказывали, отъ землетрясенія. Находясь тутъ съ Эліемъ-Галломъ, который былъ сопровождаемъ многими друзьями и военачальниками, я слышалъ звукъ въ первомъ часу дня, т. е. при восхожденіи солнца; но не могу утверждать, изъ престола ли, на которомъ сидитъ Мемнонъ, отъ самого ли колосса, или изъ его окружности произошелъ этотъ звукъ, потому что, по неизвѣстности причинъ, все другое мнѣ кажется вѣроятнѣе, чѣмъ то, чтобы звукъ этотъ могъ произойти отъ камня».

— Видите, это не шутки, какъ вы думаете,—заключила Зоя.

Признаюсь, меня поразили слова Страбона, приведенныя Зоею Алкивіадовною. Я тогда почти ничего еще не читалъ о Египтѣ, а если и читалъ прежде, то позабылъ, и потому для меня все было ново, что говорила моя спутница. Я чувствовалъ,

что болѣе и болѣе начинаю уважать ее и удивляться ей. И на стоявшаго передо мною удивительнаго великана я уже смотрѣлъ другими глазами. Казалось, что передо мною живой свидѣтель такой древности, одно представленіе о которой, кажется, подымаетъ дыбомъ волосы на головѣ. Это страшная древность, это сама она чертила вотъ эти іероглифы. А гдѣ та рука, которою водила сама древность? Непередаваемыя ощущенія!

— А Павзаній,—продолжала Зоя,—который былъ въ Ѳивахъ и стоялъ вотъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ и мы стоимъ, черезъ 120 лѣтъ послѣ Страбона, говоритъ: «Я видѣлъ въ Ѳивахъ сидящую колоссальную статую, изображающую бога-солнце. Хоть ей даютъ названіе Мемнона, но ѳивяне не признаютъ ее подъ этимъ именемъ, а называютъ именемъ своего царя Ф'Аменофисъ. Камбизъ ее разрушилъ; верхняя половина тѣла повержена на землю, а остальная половина издаетъ всякій день, при солнечномъ восходѣ, звукъ, который походитъ на звукъ лирной струны, внезапно оборвавшейся».

— Это что-то удивительное, невѣроятное!—невольно вырвалось у меня.

Но въ то же время я чувствовалъ, что все болѣе и болѣе поддаюсь какому-то почти суевѣрному обаянію. Исторія, которую я, такъ сказать, видѣлъ, осязалъ, а не читалъ только, начинала владычествовать надъ моею мыслью, надо всѣмъ существомъ моимъ, чего я не испытывалъ въ Палестинѣ. Тамъ я не видѣлъ, не осязалъ того, чему долженъ былъ вѣрить только на слово.

Мы обошли кругомъ эти удивительные памятники, а потомъ взобрались на пьедесталъ Мемнона, чтобы разсмотрѣть многочисленныя надписи—греческія и латинскія, которыми испещрена нижняя часть колосса. Здѣсь, при видѣ этихъ начертаній и именъ императора Адріана, Петронія, Веспасіана, Нервы, Траяна, языкъ не поворачивался сказать того, что сказалось при видѣ начертаній имени Бонапарта. Здѣсь подавляющая древность и начертаній и именъ.

— Вотъ эта греческая надпись,—говоритъ моя спутница, указывая на грубо вырѣзанныя, уставомъ, греческія буквы,—принадлежитъ поэту Асклепіодоту.

— А въ которомъ вѣкѣ онъ жилъ?—полюбопытствовалъ я.

— Срамъ сказать, забыла! Да, можетъ быть, и не знала,—

улыбнулась она, вся раскраснѣвшаяся отъ волненія.—А что написано тутъ, я, какъ гречанка, могу вамъ прочесть.

— Что же это такое?—все болѣе и болѣе интересовался я.

— Вотъ, что, Асклепіодотъ говоритъ: Ѳетида, обитающая въ морѣ, да будетъ тебѣ извѣстно, что Мемнонъ еще живъ, и что, согрѣваемый лучами своей матери, онъ издаетъ звучный голосъ у подошвы Ливійскихъ горъ, въ Египтѣ, тамъ, гдѣ Нилъ въ своемъ бѣгѣ раздѣляетъ стовратныя Ѳивы, между тѣмъ какъ твой Ахиллъ, ненасытный въ битвахъ, лежитъ бездыханенъ на поляхъ Трои».

— Удивительная страна!—невольно вырвалось у меня.

— А вы знаете,—обратилась ко мнѣ Зоя,—почему онъ упоминаетъ здѣсь Ахилла?

— Не знаю, вѣдь я кавалергардъ,—отшутился я.

Мнѣ становилось стыдно за свое невѣжество.

— А вотъ почему,—объяснила Зоя,—Гомеръ говоритъ, что Ахиллъ сражался съ Мемнономъ подъ стѣнами Трои.

— А вонъ тамъ, на лѣвой ногѣ, надпись еще интереснѣе,—продолжала она.

Мы передвинулись къ лѣвой ногѣ колоса. Зоя стала читать по-гречески.

— Да вѣдь я ничего не понимаю по-гречески!—прервалъ я.

— Ахъ да! Я и забыла... Тутъ написано: «Камбизъ раздробилъ меня, этотъ камень, что ты видишь, представляющій образъ царя восточнаго. Я оплакивалъ жалобнымъ голосомъ бѣдствіе Мемнона; но Камбизъ уже давно лишилъ меня этого голоса. Теперь жалобы мои состоятъ изъ глухихъ и непонятныхъ звуковъ. Вотъ все, что мнѣ осталось отъ моего жребія».

— Удивительно!—невольно вырвалось у меня восклицаніе.—Сколько трогательной поэзіи въ этихъ немногихъ словахъ, сколько исторической, не апокрифической правды! Гдѣ же Іерусалиму сравняться съ тѣмъ, что мы здѣсь видимъ? А пирамиды!

— Да, правда. А знаете, кто это писалъ?—радостно спросила Зоя.

— Не знаю, я ничего не знаю! Я невѣжда, профанъ.

— Это писала женщина, дѣвушка, дочь какой-то Тривуллы.

— Милая дѣвушка! Сколько въ ней души, поэзіи! Какая образность! Какая глубина мысли, и сколько грусти въ этихъ

словахъ: «Теперь жалобы мои состоятъ изъ глухихъ и непонятныхъ звуковъ, вотъ все, что мнѣ осталось отъ моего жребія».

— Да, прекрасныя слова. Но зато вотъ въ этой надписи, латинской (она указала на вырѣзанные тутъ же латинскіе стихи) меньше поэзіи, чѣмъ придворной лести.

Я приблизился къ надписи и прочелъ, что ее сочинили Бальбилла, извѣстная красавица и поэтесса, жившая при дворѣ императора Адріана, умнѣйшаго изъ римскихъ императоровъ, философа и поэта, почти всю жизнь проведшаго въ путешествіяхъ по своимъ обширнымъ владѣніямъ, раскинувшимся въ трехъ частяхъ извѣстнаго тогда свѣта, начиная отъ Іордана, Тигра и Евфрата, отъ стовратныхъ Ѳивъ, и кончая Альбіономъ, и тогда такимъ же туманнымъ, и Испаніею—«концомъ свѣта» (finis terrae). Стихи Бальбиллы гласятъ: «Я знала, что Мемнонъ, египтянинъ, согрѣтый лучами солнца, издаетъ гласъ, исходящій изъ ѳивскаго камня. Увидѣвъ Адріана, царя вселенной, передъ восходомъ солнечнымъ, онъ прорекъ ему, какъ могъ: ave! (здравствуй!) Но когда титанъ, влекомый по воздуху на бѣлыхъ коняхъ, достигъ второй степени часовъ, означенныхъ тѣнью квадранта, Мемнонъ вновь издалъ звонкій гласъ, подобный удару по мѣди, и полный восторга, прозвучалъ еще третій разъ. Императоръ Адріанъ привѣтствовалъ Мемнона столько же разъ, и Бальбилла начертала эти стихи, ею сочиненные, которые удостовѣряютъ въ томъ, что она ясно слышала. Итакъ, для всякаго очевидно, что боги нѣжно любятъ Адріана».

— Да, тутъ больше женской придворной лести, чѣмъ поэзіи,—сказала Зоя.

— Дѣйствительно, подкурила барышня,—не могъ не согласиться и я.

Зоя весело разсмѣялась и показала рукою на другого колосса. Тамъ, раскинувшись въ тѣни этого великана, Трофимычъ спалъ сномъ праведника.

— Блаженное невѣдѣніе!—задумчиво сказала она. — Но зато оно и не знаетъ вашихъ наслажденій.

Я не могъ не согласиться съ этимъ. Я теперь именно на себѣ испытывалъ, что, не будь около меня Зои съ ея знаніями, съ поэзіею ея прекрасной души, я недалеко ушелъ бы отъ Трофимыча.

— Но знаете, — сказала она послѣ минутной задумчи-

вости,—у Тацита есть поразительное мѣсто о томъ, какъ Германикъ посѣщалъ Ѳивы. Безсмертный историкъ говоритъ: «Германикъ посѣтилъ великіе остатки древнихъ Ѳивъ. На огромныхъ зданіяхъ еще видны были надписи, египетскими буквами, свидѣтельствующія о прошедшемъ великолѣпіи этого города. Онъ просилъ старѣйшаго изъ жрецовъ истолковать ему эти начертанія. Ему сказали: они свидѣтельствуютъ, что нѣкогда здѣсь было семьсотъ тысячъ человѣкъ, способныхъ поднять оружіе; что съ этимъ войскомъ царь Рамзесъ завоевалъ Ливію, Эѳіопію, Мидію, Персію, Бактріану и Скиѳію, и что всѣ земли, обитаемыя сиріянами, армянами и каппадокійцами, отъ моря Виоинскаго до моря Ликійскаго, принадлежали его владычеству. Тутъ же написано, какія подати были наложены на этихъ народовъ, сколько каждый изъ нихъ платилъ золотомъ, серебромъ, слоновою костью и благовоніями для храмовъ, оружіемъ, лошадьми, хлѣбомъ и другими приношеніями, и что этотъ доходъ былъ не менѣе того, который получаютъ теперь парояне или римская имперія. Потомъ Германикъ обозрѣлъ другіе дивные предметы, какъ-то: каменное изваяніе Мемнона, которое съ прикосновеніемъ къ нему солнечныхъ лучей издаетъ звукъ, подобный голосу человѣческому, пирамиды, подобно горамъ возносящіяся изъ песчаной пустыни и едва достигаемыя, памятники могущества и царскаго великолѣпія, вырытыя озера отъ наводненій Нила»...

Какъ это все глубоко запало въ мою душу, въ особенности же пирамиды и удивительныя развалины Ѳивъ съ ихъ дворцами и гигантскими колоссами! Прежде я считалъ сказкою все, что еще въ школѣ зналъ о колоссѣ Мемнона. Но впослѣдствіи ученые убѣдились, что въ тропическихъ климатахъ граниты издаютъ такіе же звуки, какъ и Мемнонъ, когда, послѣ влажной ночи, въ нихъ ударяютъ жаркіе лучи солнца. Эти звуки Гумбольдтъ слышалъ въ Америкѣ, на берегахъ Ориноко, де Розьеръ въ Пиринеяхъ и нѣкоторые путешественники въ самыхъ Ѳивахъ, въ Каранакѣ, среди гранитныхъ развалинъ. Но я, кромѣ біеній своего сердца, ничего не слыхалъ: Мемнонъ хранилъ мертвое молчаніе. Молчалъ и его сосѣдъ-исполинъ... Со священнымъ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на этихъ гранитныхъ гигантовъ, искаженныхъ временемъ, но не уничтоженныхъ, и время безсильно передъ дѣлами рукъ страшнаго Рамзесса-Озимандія, покорившаго весь свѣтъ и въ томъ числѣ насъ, скиѳовъ. Казалось,

какой-то вихрь сталкивавшихся между собою ощущеній, мыслей, воспоминаній, сожалѣній овладѣлъ моею душой, и чтобы успокоиться отъ волненія, я предложилъ Зоѣ итти дальше, къ другимъ развалинамъ. Но и тамъ я нашелъ все то же подавляющее величіе. У входа въ полуразрушенный чертогъ Сезостриса-Рамзеса съ гигантскими, въ видѣ пальмъ, колоннами и такими же каріатидами, лежалъ, поверженный въ мусоръ развалинъ съ разметанными членами, изумительной величины истуканъ самого Рамзеса, на которомъ было начертано: «Я—Озимандій, царь царей. Кто желаетъ быть такъ великъ, какъ я, пусть посмотритъ, гдѣ я покоюсь, и превзойдетъ созданное мною». Гдѣ онъ «покоится»! Въ мусорѣ развалинъ, и все «созданное» имъ мусоръ! Мы, казалось, оцепенѣли отъ изумленія. Я сталъ мѣрить шагами уцѣлѣвшіе члены этого изумительнаго колосса, и нашелъ, что отъ одного плеча до другого онъ имѣлъ три сажени, подумайте! это не въ «косую сажень», а въ три. Я сталъ измѣрять большей палецъ правой ноги, вообразите! больше сажени длины одинъ палецъ. И не временемъ, и не человѣческими руками разметенъ этотъ исполинъ, куда людямъ разметать его! а содроганіемъ самой земли, бывшимъ за 27 лѣтъ до рожденія Христа.

А вотъ дальше, въ слѣдующемъ смежномъ чертогѣ, на стѣнѣ, изображеніе того же страшнаго Рамзеса на тронѣ, и надпись, вырѣзанная самимъ богомъ Ѳотомъ: «Приди!—вырѣзываю я твое имя на долгій рядъ дней». И это имя сохранилось я его вижу осязаю... Да, долгій, очень долгій рядъ дней сужденъ этому имени. А тамъ, выше, надъ третьимъ чертогомъ, еще доселѣ замѣтно мѣсто, гдѣ помѣщался чудовищный величины кругъ изъ чистаго золота, кругъ, имѣвшій 365 футовъ въ окружности и цѣлый футъ толщины. Неудивительно, что Камбизъ, какъ низкій воръ, укралъ этотъ кругъ. Долѣе мои нервы не выносили. Я усталъ, душа устала.

XX. Охота на гиппопотама.

«Возвращаясь отъ развалинъ этого дворца Сезостриса (куда до него дворцамъ римскихъ цезарей), чтобы отдохнуть и подкрѣпиться пищей, мы замѣтили въ сторонѣ группу нубійцевъ, среди

которыхъ увидѣли г-на Негруполо съ драгоманомъ и другими лицами его свиты. Приблизившись къ этой группѣ, мы увидѣли, что нубійцы копали какую-то широкую и глубокую яму. Одни изъ нихъ находились въ ямѣ и заступами выбрасывали оттуда землю, а другіе, суетившіеся около ямы, собирали выбрасываемую изъ нея землю въ корзины изъ пальмовыхъ вѣтвей и относили ее къ Нилу, гдѣ и ссыпали въ воду.

— Что это они дѣлаютъ?—спросила мужа г-жа Негруполо.

— Дворецъ для его нильскаго величества,—отвѣчалъ консулъ, весело потирая руки.

— Для какого величества? Для вице-короля?—удивилась Зоя.

— Для самого фараона, Рамзеса великаго,—былъ отвѣтъ.

Зоя съ неудовольствіемъ пожала плечами.

— Ты все шутишь, точно я маленькая,—сказала она, и обратилась къ драгоману.

— Не вѣришь?—продолжалъ Негропуло. — Такъ приходи сюда ночью, и ты сама увидишь, какъ мы будемъ принимать его нильское фараонское величество.

Оказалось, какъ объяснилъ намъ драгоманъ, что вотъ уже нѣсколько ночей изъ Нила выходитъ необыкновенной величины гиппопотамъ или бегемотъ, и безжалостно топчетъ и поѣдаетъ маисовыя и пшеничныя поля нубійцевъ, которые ничего не могутъ подѣлать съ чудовищемъ своими жалкими копьями, потому что кожа бегемота неуязвима даже для пули. Поэтому они и рѣшились заманить страшнаго гостя въ западню. Для этого они обыкновенно вырываютъ громадную яму на самой той тропѣ, по которой бегемотъ каждую ночь проходитъ отъ Нила къ засѣяннымъ маисомъ полямъ; потомъ эту яму прикрываютъ пальмовыми и сикоморовыми жердями и замаскировываютъ все маисовыми и пшеничными снопами. Бегемотъ собственною тяжестью обломитъ жерди и упадетъ въ яму. Тогда уже легко съ нимъ справиться при помощи ружей и копій, поражая его въ мѣста уязвимыя, въ уши, въ ноздри, въ пасть. Дѣйствительно, охота должна была быть очень интересною, и не удивительно, что Негропуло, страстный охотникъ, былъ внѣ себя отъ восторга.

Для Негропуло, казалось, не существовало ни величественныхъ развалинъ стовратныхъ Ѳивъ, ни чудеснаго прошлаго колосса Мемнона, ни всего волшебства страны фараоновъ и ея

исторіи. Его занимали только крокодилы да бегемоты. Признаюсь, впрочемъ, меня интересовала въ первый разъ испытываемая мною охота на этихъ нильскихъ владыкъ; но воображеніемъ моимъ и мыслью все болѣе и болѣе начинала овладѣвать волшебная страна фараоновъ со всѣми ея чудесами. Какъ бы то ни было, но когда наступила ночь, я не могъ не поддаться волненію отъ предстоящей намъ экспедиціи на невиданную дотолѣ нильскую чудовищную амфибію. Какъ только на груды развалинъ, на Нилъ и на Ливійскій хребетъ легла тропическая ночь, мы тотчасъ, до восхода луны, отправились къ своей засадѣ и залегли не въ далекомъ разстояніи отъ ямы, кто за обломками колоннъ и капителей, кто у окраинъ маисоваго поля. Мы, т. е. Негропуло съ женой и драгоманомъ и я съ Трофимычемъ, укрылись во мракѣ ближайшихъ воротъ какого-то недоразрушеннаго дворца. Скоро изъ-за аравійскихъ горъ, за Ниломъ, выкатился ясный дискъ луны, и мертвая равнина Ѳивъ словно ожила. Гигантскіе колоссы, стоявшіе вправо отъ нашей засады, какъ стражи мертваго города, также отбросили отъ себя тѣни, черныя, какъ тропическая безлунная ночь. Картина была фантастическая, волшебная.

— Какая ночь!—вырвался вздохъ изъ груди Зои.—Представьте себѣ такую же ночь за четыре, за пять тысячъ лѣтъ назадъ, когда эта луна освѣщала спящій городъ Рамзеса съ его колоссальными дворцами, сфинксами, обелисками. Представьте картину города съ милліоннымъ населеніемъ, котораго и жизнь, и обликъ, и нарядъ ни единой чертой не напоминали нашу жизнь...

— Silence, madame!—прошипѣлъ Негропуло.

— Я тихо, я не могу; обаяніе всего этого подавляетъ и сводитъ меня.

Она замолчала. Кругомъ царила мертвая тишина. Время отъ времени, съ Нила доносились какіе-то странные звуки, словно дѣтскій плачъ.

— Это крокодилъ плачетъ,—тихо пояснилъ драгоманъ.—Говорятъ, будто онъ этимъ плачемъ заманиваетъ къ себѣ добычу.

— Ахъ, понимаю, понимаю! Такъ вотъ откуда «крокодиловы слезы»!

— Да, madame, и неопытные люди и животныя иногда попадаются на эту уловку хитраго чудовища.

— Какъ страшно!

— Слышите? — еще тише прошепталъ драгоманъ. — Это, должно быть, о н ъ, это съ него вода стекаетъ.

— Да, точно маленькій дождь.

Скоро мы увидѣли тихо, но грузно двигающуюся отъ берега черную массу. Кое-гдѣ на этой массѣ въ капляхъ воды отсвѣчивалъ мѣсяцъ. Впереди черной массы ползла по землѣ такая же черная фантастическая тѣнь. Мы притаили дыханіе. Темная масса все ближе и ближе подвигается къ засадѣ. Стонъ филина раздался надъ нашими головами, зловѣщій стонъ. А тамъ опять тихо заплакалъ ребенокъ. Слышенъ хрустъ пальцевъ. Это Негропуло отъ нетерпѣнія и волненія ломаетъ себѣ руки. Послышались глухіе раскаты грома со стороны Ливійскихъ горъ. Я догадался: это было рыканье льва. Темная масса остановилась. Неужели онъ боится льва! Но глухіе раскаты грома такъ далеко. Темная масса снова двинулась впередъ. Вотъ-вотъ она у самой засады. Нюхаетъ землю.

Вдругъ послышался страшный трескъ и какое-то шумное сопѣнье. Что-то ушло. И темная масса, и ея тѣнь исчезли. Въ ту же минуту воздухъ огласили страшные, рѣжущіе слухъ звуки, словно бы разомъ заскрипѣло множество неподмазанныхъ колесъ. На эти звуки откликнулись съ разныхъ сторонъ дикіе, неистовые крики нубійцевъ. Они выражали свою радость. Въ одно мгновеніе, со всѣхъ сторонъ быстро забѣгали подъ яркимъ лунным свѣтомъ кажія-то тѣни, стремившіяся къ одному мѣсту, откуда раздавался отчаянный скрипъ немазанныхъ телѣгъ. Это кричалъ и рычалъ страшный звѣрь, очутившійся въ ловушкѣ, а къ нему съ разныхъ сторонъ стремились нубійцы.

— Попался! Скорѣй! Какъ бы не ушелъ!—заволновался Негропуло, вскакивая на ноги и стремительно бросаясь по направленію къ ямѣ.

Скоро и я съ Зоею очутились около ямы. Еще издали слышался возбужденный голосъ Негропуло:

— Не трогать его, не трогать! Не велите этимъ чертямъ мѣшаться!—кричалъ онъ драгоману.

Я заглянулъ въ яму. Стоя на заднихъ ногахъ, подобныхъ стволамъ пальмъ, и сверкая глазами, словно раскаленными углями, бегемотъ рылъ и рвалъ земляную стѣну своими огромными клыками. Видя безполезность своихъ усилій, онъ подни-

малъ кверху свою чудовищную пасть и ревѣлъ отчаянно. Изъ обширной пасти, какъ изъ печки, несло горячимъ дыханіемъ.

— Рег Вассо! Каковъ экземпляръ!—лихорадочно воскликалъ Негропуло.

— Лучше крокодила,—соглашался драгоманъ.

Нубійцы неистово кричали и въ дикой пляскѣ кружились вокругъ ямы.

— Дьяволы!—кричалъ на нихъ Негропуло.—Еще попадутъ въ яму.

Налюбовавшись безсильной яростью чудовища, онъ приложился къ двустволкѣ и въ упоръ выстрѣлилъ въ голову страшной амфибіи. Пуля ударилась словно въ гранитную голову сфинкса, но не пробила ни черепа, ни кожи бегемота. Чудовище только яростно заскрипѣло и еще отчаяннѣе стало рвать землю. Нѣсколько нубійскихъ копій вонзилось въ пасть звѣря, но онъ ихъ моментально крошилъ клыками, точно это были сухіе стебли маисовой соломы. Негропуло снова прицѣлился и выстрѣлилъ прямо въ глазъ несчастнаго животнаго. Пуля угодила въ цѣль, и бегемотъ грузно опрокинулся навзничь. Радостные крики раздались среди нубійцевъ. Но раненое животное снова поднялось на ноги. Негропуло снова прицѣлился изъ другой двустволки. Послѣдовалъ третій выстрѣлъ, и опять въ глазъ, въ другой. Чудовище опять опрокинулось...

— Это ужасно! Безбожно! Отвратительно!

И Зоя бросилась бѣжать отъ этой гнусной картины. Я также поспѣшилъ вслѣдъ за нею.

XXI. Нильскій крокодилъ самъ охотится.

«Но кто могъ бы подумать, что слѣдующій день будетъ роковымъ для Негропуло и его жены, а равно и роковымъ днемъ въ моей жизни? Кажется, что все это было только сномъ: и волшебный Востокъ, и знойныя пустыни, и пирамиды, и Ѳивы, и все, что тамъ произошло, все это только сонъ! Ободряемый первыми успѣхами, Негропуло назначилъ въ этотъ день новую охоту на крокодиловъ. Чудовища эти часто показывались или у береговъ, или на отмеляхъ Нила; но на отмеляхъ они большею частью отдыхали или нѣжились на солнцѣ, котораго тропическіе лучи были недостаточно палящими, чтобы пронять нильскихъ

отшельниковъ сквозь ихъ сталеобразную чешую, да и доставать ихъ на отмеляхъ для охотника почти невозможно за неимѣніемъ вблизи прикрытій; тѣ же, которыхъ головы нерѣдко показывались у здѣшняго берега, видимо сторожили добычу, и ихъ легче было подкараулить и попотчивать залпомъ изъ ружей. Добычею этихъ послѣднихъ обыкновенно дѣлались или дѣти нубійцевъ, неосторожно играющія у берега священной рѣки, или же беззаботные ослики, часто приходящіе къ Нилу на водопой.

По отношенію къ этимъ длинноухимъ мудрецамъ, крокодилы употребляли особаго рода уловку. Замѣтивъ излюбленныя мѣста, къ которымъ ослы обыкновенно являлись на водопой, крокодилы съ умысломъ плескались у этихъ мѣстъ и обливали водой прибрежную иловатую почву. Берегъ становился отъ этого скользкимъ, и несообразительные ослики, приближаясь къ водѣ, нерѣдко поскользались и падали, не замѣчая, что изъ сосѣдняго тростника за ними слѣдятъ два, а то и четыре страшныхъ глаза. Едва осликъ падалъ, какъ спрятавшійся въ тростникѣ крокодилъ набрасывался на свою добычу и быстро исчезалъ съ ней подъ водою. Осла употребилъ и Негропуло, какъ приманку для нильскихъ хищниковъ. Онъ купилъ одного длинноухаго философа у какого-то стараго нубійца и привязалъ его недалеко отъ водопоя на веревку. Когда шли приготовленія, то на берегу, около этого мѣста, съ умысломъ бродили нубійцы и арабы, громко кричали и стрѣляли, чтобы заставить могущихъ находиться вблизи крокодиловъ попрятаться въ воду. Но когда оселъ былъ привязанъ, всѣ мы тотчасъ же засѣли подъ разными прикрытіями, одни въ прибрежномъ тростникѣ, другіе за камнями, подальше и повыше, но такъ, чтобы всѣмъ было видно, откуда можетъ показаться крокодилъ, особенно же тамъ, гдѣ была привязана желанная для него приманка. Въ числѣ прочихъ, Негропуло засѣлъ въ тростникѣ, недалеко отъ воды, а я съ Трофимычемъ прямо за нимъ, но гораздо выше, за камнями. Тутъ же, недалеко отъ насъ, помѣстилась и Зоя съ книгою въ рукахъ, но такъ, что и ей было видно, что дѣлалось на берегу.

Время приближалось къ вечеру, и отъ колосса Мемнона тянулись уже длинныя тѣни къ тому мѣсту, гдѣ мы засѣли съ ружьями и мушкетонами въ рукахъ. Между нами было условлено, что если крокодилъ покажетъ изъ воды свою безобразную голову даже у самаго берега, то не стрѣлять, а выжидать, когда

онъ выползетъ на берегъ, такъ какъ оселъ былъ привязанъ не у самой воды, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Стрѣлять же было положено разомъ, по свисту Негропуло, и такъ, чтобы часть стволовъ била въ глаза чудовища, а другіе мѣтили въ его пасть, въ тотъ моментъ, когда крокодилъ откроетъ ее, чтобы схватить добычу. Мы уже долго сидѣли за своими прикрытіями, но не видно было никакихъ признаковъ, чтобы крокодилы показывались гдѣ-либо изъ воды. Впрочемъ, судя по тому, что у берега и надъ водой кружились съ пискомъ тѣ птички, съ которыми крокодилы состоятъ въ дружбѣ, можно было догадываться, что нильскіе хищники находились тутъ гдѣ-то и должны были показаться. Дѣйствительно, какъ разъ противъ нашей приманки, показалась изъ воды чудовищная остроконечная голова и два блестящихъ глаза, и снова скрылась подъ водой. Мы ждали, догадываясь, что крокодилъ дѣлалъ рекогносцировку.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Что-то плеснуло за прибрежнымъ тростникомъ, у самаго водопоя. Мы всѣ превратились въ зрѣніе. Снова плеснуло. Заколыхался тростникъ. Оселъ преспокойно продолжалъ жевать колосья зеленой пшеницы, снопъ которой былъ поставленъ около него. Простодушное животное стояло задомъ къ рѣкѣ, и потому, если бы крокодилъ тихо выползъ на самый берегъ, то осликъ не сразу узналъ бы о близости страшнаго врага. Вдругъ отчаянный крикъ огласилъ воздухъ, и что-то бѣлое, словно громадная птица, пролетѣвъ мимо меня внизъ, упало въ тростникъ. Въ то же мгновеніе, безобразная темная масса, ломая тросникъ, свалилась съ шумнымъ плескомъ въ воду, увлекая съ собою что-то бѣлое, и скрылась подъ водою. Меня ожгло невыразимымъ ужасомъ. Я бросился съ кручи къ тростнику. Тамъ Зоя, съ безуміемъ ужаса на лицѣ, ломала руки, какъ бы готовая броситься въ Нилъ. Я схватилъ ее. Она вся затрепетала.

— Онъ унесъ его, унесъ!—стонала она и билась у меня въ рукахъ.

— Кого унесъ? Кто?

— Крокодилъ... мужа...

Тутъ только я все понялъ, и холодный ужасъ оледенилъ меня.

— Я видѣла... я успѣла только крикнуть... а онъ не видѣлъ.

Всѣ сбѣжались на отчаянный крикъ бѣдной женщины. Никто не видѣлъ, какъ это случилось. Каждый былъ на своемъ посту,

за прикрытіемъ, и каждый наблюдалъ только за однимъ пунктомъ, за той прогалинкой у водопоя, гдѣ всѣ ожидали увидѣть появленіе крокодила. Онъ и появился, и всѣ взоры, всѣ ружейные дула были наведены на этотъ только пунктъ. Туда же направилъ все свое вниманіе и Негропуло.

— Я увидѣла раньше, а онъ не видалъ,—словно въ бреду, бормотала несчастная женщина,—я закричала... бросилась... а онъ... О, Боже! Боже!

Всѣ стояли въ оцѣпенѣніи. Нилъ тихо катилъ свои голубыя воды, и только за нѣсколько сажень отъ берега на поверхность рѣки вскакивали пузыри и лопались. Это было послѣднее дыханіе того, кого уже не было съ нами...

— Это былъ другой крокодилъ?—тихо спросилъ драгоманъ.

— Не знаю... другой...

Далеко отъ берега, на поверхности Нила показалась шляпа-панама и тихо поплыла по теченію.

XXII. Она любитъ.

«Въ ту же ночь у г-жи Негропуло открылся бредъ. Голова ея горѣла. Въ бреду съ ея языка срывались безсвязныя фразы, въ которыхъ иногда можно было уловить смыслъ только потому, что въ нихъ, какъ въ разбитомъ зеркалѣ, неясно отражались пережитыя ею ощущенія послѣднихъ дней и въ особенности послѣдняго рокового событія.

Въ жалкихъ селеніяхъ, пріютившихся на развалинахъ Ѳивъ, въ Луксорѣ, Карнакѣ и Гурнѣ, конечно, нечего было и думать найти доктора, и потому мы съ драгоманомъ были безсильны чѣмъ-либо помочь несчастной женщинѣ и могли только прикладывать компрессы къ ея пылающей головѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, драгоманъ позаботился привести къ больной двухъ нубійскихъ женщинъ въ качествѣ сидѣлокъ: жену мѣстнаго шейха и его молоденькую дочку съ чернымъ, какъ полированный антрацитъ, личикомъ, которыя до того были поражены нѣжностью и бѣлизною тѣла Зои, бѣлизною, никогда ими невиданною, что, раздѣвая ее, боялись прикоснуться къ этому нѣжному тѣлу, какъ къ чему-то хрупкому или воздушному, что непремѣнно должно разбиться или исчезнуть, какъ дымъ, отъ грубаго прикосновенія. И надо отдать справедливость этимъ дикаркамъ: въ ихъ заботахъ о больной

было столько ласковости и любви, что невозможно выразить словами. Сидя на корточкахъ у ея постели, онѣ смотрѣли на нее, какъ на что-то неземное, на божество. Прелестная, юная нубіянка, словно собачонка, тихонько подползла къ разметавшейся отъ жару Зоѣ и неслышно цѣловала ея руку. Затѣмъ она тихонько, съ гибкостью и граціозностью молодого тигренка, выскочила изъ того отдѣленія дагабіи, гдѣ лежала больная, и черезъ нѣсколько минутъ воротилась съ двумя огромными вѣерами, одинъ изъ прелестныхъ страусовыхъ перьевъ, другой изъ пальмовыхъ вѣтвей, и обѣ черныя сидѣлки стали тихо махать вѣерами надъ Зоей. Но младшей изъ нихъ не сидѣлось спокойно. Чрезъ минуту она, какъ кошечка, подползла къ подножью гамака, на которомъ лежала Зоя, и осторожно приподнявъ кончикъ одѣяла, такъ что разутая нога больной открывалась по щиколотку, видимо, хотѣла ее поцѣловать, но отрицательный жестъ матери останавливалъ прелестную дикарку. Надо было видѣть блескъ ея глазъ, бѣлизну зубовъ, когда она улыбалась матери! Я все это видѣлъ изъ-за полога, сидя въ сосѣднемъ отдѣленіи дагабіи и наблюдая издали за брошеннымъ на бѣлую наволочку лицомъ Зои и за движеніями юной дикарки. Къ утру больная заснула, и драгоманъ привелъ къ ней двухъ новыхъ сидѣлокъ на смѣну первымъ. Но юная дочь шейха, повидимому, не желала такъ скоро разстаться съ бѣлою женщиною, совершенно очаровавшею прелестное дитя Нубіи, и только настоянія матери и драгомана заставили ее покориться необходимости; но и тутъ, уходя домой, она поцѣловала край одѣяла, свѣсившагося съ койки Зои, и все прикладывала руку къ сердцу. Я полагаю, что у Зои была первная горячка, какъ результатъ слишкомъ сильныхъ нравственныхъ потрясеній.

Увидавъ, что она спитъ, я перемѣнилъ компрессы на ея головѣ и самъ прилегъ отдохнуть въ сосѣдней каютѣ, принадлежавшей столь трагически погибшему мужу бѣдной Зои. Утромъ же мы посовѣтовались съ драгоманомъ покойнаго и отправили въ Ассуанъ гонца съ донесеніемъ вице-королю о случившемся и съ просьбою немедленно прислать опытнаго врача и довѣренное лицо для принятія бумагъ, оставшихся послѣ консула и относившихся до его политической миссіи. Зоя проснулась довольно поздно, и я замѣтилъ, что жаръ ея нѣсколько прошелъ, по крайней мѣрѣ, не такъ пылала ея голова. Она узнала меня и протянула руку.

Потомъ взглядъ ея упалъ на черныхъ женщинъ, на жену и на хорошенькую дочь шейха, уже успѣвшихъ вновь воротиться на дагабію, и въ глазахъ ея отразилось удивленіе.

— Это ваши сидѣлки,—поспѣшилъ я успокоить ее,—жена и дочь шейха.

Тутъ только больная поняла, что она въ постели, и первое, что въ ней сказалось при возвратѣ сознанія, это женская стыдливость, привитая воспитаніемъ: она лежитъ, раздѣтая, въ одной рубашкѣ, хотя и подъ одѣяломъ, кто же ее раздѣлъ? Я угадалъ ея мысль и поспѣшилъ успокоить.

— За вами ходили эти добрыя женщины; онѣ и уложили васъ въ постель.

Зоя слабо улыбнулась и спустила руку съ одѣяла. Надо было видѣть, съ какою робкою нѣжностью хорошенькая дочь шейха подползла къ этой рукѣ и, съ умилительною мольбою въ глазахъ, припала къ ней губами.

— Добрая дѣвочка!—прошептала Зоя и погладила ея курчавую головку.

Тигренокъ былъ весь восторгъ. Онъ такъ и сверкалъ счастьемъ.

На другой день, около полудня, прибыла изъ Ассуана ожидаемая помощь. Вице-король прислалъ одного изъ своихъ докторовъ и молодого пашу-адъютанта съ нѣсколькими солдатами изъ арабовъ. Докторъ былъ итальянецъ, сѣденькій, живой старичекъ съ бронзовымъ отъ египетскаго солнца лицомъ, синьоръ Піетро Біанки, или Біанки-паша, давно уже находившійся при египетскомъ дворѣ и служившій еще при Магметъ-Али. Онъ былъ въ фескѣ и ничѣмъ не отличался отъ египетскихъ чиновниковъ. Присланный вице-королемъ адъютантъ назывался Халиль-паша. Это былъ красивый смуглый мужчина, носившій малиновую феску нѣсколько на затылокъ, отчего высокій, открытый лобъ его еще болѣе выигрывалъ. Онъ хорошо говорилъ по-французски и по-итальянски. Я не буду разсказывать вамъ ни о ходѣ болѣзни Зои, ни о лѣченіи ея. Скажу только, что синьоръ Піетро не отходилъ отъ больной и говорилъ, что онъ вполнѣ увѣренъ въ скоромъ ея выздоровленіи. Въ то время, когда онъ сидѣлъ около больной или, съ часами въ рукѣ, считалъ удары ея пульса, хорошенькая Фата (такъ звали дочь шейха, которая съ матерью продолжала находиться около больной) не спускала съ него глазъ: въ этихъ пре-

лестныхъ глазахъ страхъ смѣнялся надеждою, и когда ей казалось, что Зоѣ хуже, она, спрятавшись за койку, горько плакала; когда же Зоя чувствовала себя лучше и разговаривала или со мной, или съ докторомъ, хорошенькая дикарка, не смѣя при насъ выразить свою радость, выбѣгала изъ дагабіи на берегъ Нила и тамъ, словно помѣшанная, предавалась неистовой радости, хлопала въ ладони, плясала и пѣла.

Наконецъ, недѣли черезъ двѣ, паціентка синьора Біанки настолько поправилась, что въ сидѣлкахъ уже не было надобности, и потому ихъ отпустили, одаривъ деньгами и разными блестящими бездѣлушками. Мы думали, что Фата совсѣмъ съ ума сойдетъ отъ радости, когда Зоя надѣла хорошенькое ожерелье на ея черную точеную шейку, а на руки браслетъ. Теперь предстояло рѣшить вопросъ: что дѣлать съ молоденькою женщиною, очутившеюся въ такомъ глубокомъ одиночествѣ почти на краю свѣта? Объ этомъ меня спрашивали и драгоманъ, и синьоръ Біанки, и Халиль-паша. Послѣдній особенно настаивалъ на томъ, чтобы представить ее вице-королю. По нѣкоторымъ соображеніямъ, мнѣ казалось, что Зоя произвела на молодого египтянина очень сильное впечатлѣніе, и онъ желалъ не столько пристроить эту бѣлую жемчужину въ гаремѣ своего повелителя, сколько въ своемъ собственномъ. Я, конечно, отвѣчалъ, что надо спросить самое г-жу Негропуло, что она намѣрена предпринять. Раньше же дѣлать ей какія бы то ни было предложенія, едва ли было бы умѣстно. Между тѣмъ случилось нѣчто, чего никто не ожидалъ.

Однажды я сидѣлъ около ея постели. Она спала тѣмъ ровнымъ, тихимъ и глубокимъ сномъ, какимъ спятъ выздоравливающіе послѣ тяжкой болѣзни. Незамѣтно, усѣвшись хорошо въ плетеной качалкѣ, уснулъ и я. Вдругъ во снѣ представляется мнѣ, будто я лежу въ тѣни луксорскаго обелиска,и взоръ мой съ изумленіемъ переходитъ отъ развалинъ храмовъ и безконечныхъ рядовъ сфинксовъ къ гигантскому колоссу Мемпона и къ далекимъ высотамъ Ливійскихъ горъ съ темными углубленіями царственныхъ могилъ. Я лежу долго. Надо мною изумительное тропическое небо. Я, кажется, забываюсь сномъ. Но въ это время отъ подножія луксорскаго обелиска явственно отдѣляется бѣлая фигура сфинкса и тихо идетъ ко мнѣ. Я сознаю, что это сонъ, и жду, что дальше создастъ моя сонная греза. Сфинксъ все ближе и ближе. Но лицо у сфинкса, лицо Зои. Сфинксъ останавливается

надо мною, погибается, и я явственно вижу, что онъ креститъ меня! Невольно я открываю глаза. Надо мною стоитъ Зоя и креститъ мою голову.

— Зоя Алкивіадовна! Это вы!

— Да, я... Не испугала ли я васъ?

Въ лицѣ ея было и смущеніе, и тревога. Щеки вспыхнули румянцемъ. Я вскочилъ растерянно.

— Простите,—бормотала она;—но вы были такъ добры ко мнѣ... Кромѣ благословенія, я ничѣмъ не могу выразить вамъ то, что чувствую.

Я схватилъ ея руки и горячо поцѣловалъ ихъ.

— Бѣдная вы! Я все о васъ думалъ.

— Не говорите, не напоминайте о томъ, что было... И я все думала.

— Что же придумали вы? На что рѣшились въ вашемъ грустномъ одиночествѣ?

Она потупила голову. Я взялъ ее снова за руку. Она подняла свои большіе глаза, въ нихъ были слезы.

— Пока вы со мной, я не одинока,—тихо сказала она.

— И я васъ не покину,—рѣшительно сказалъ я,—не покину до тѣхъ поръ, пока я вамъ нуженъ. Что же вы намѣрены предпринять?

— А вы?

— Я самъ не знаю. Буду бродить по этому волшебному Востоку.

— И я съ вами... Я васъ не обременю собой?

— Напротивъ, только съ вами, при вашей помощи, я узналъ, что такое Египетъ: вы точно волшебнымъ жезломъ прикасаетесь къ развалинамъ, и онѣ говорятъ, какъ живыя.

Слова мои были искренни. Дѣйствительно, мертвецы воскресали, когда она говорила. А все оттого, что она много знала, много читала.

— Я тутъ не причемъ,—потупилась она,—это не я заставляю говорить развалины, а хорошія книги.

— Которыхъ, къ сожалѣнію, я не читалъ, и мнѣ теперь стыдно передъ вами.

— Напрасно. Когда я ѣхала на Востокъ, я приготовилась; но...

Она остановилась. Я понялъ, что прошло у нея по душѣ, и поспѣшилъ отвлечь ее отъ страшнаго воспоминанія.

— Такъ мы союзники?—весело сказалъ я.

— Да,—былъ робкій отвѣтъ.

— Вы будете моей Антигопой, а я слѣпой Эдипъ: безъ васъ я ничего не вижу.

Востокъ уже алѣлъ. Наступало чудное утро».

XXIII. Окончаніе романа—безъ развязки.

Старикъ-разсказчикъ вдругъ замолчалъ и опустилъ голову. Мнѣ показалось, что я очнулся отъ какого-то сна.

Дѣйствительно, наступало чудное утро, только не африканское, не на развалинахъ стовратныхъ Ѳивъ, а наше утро, русское, у мыса Фіолента. Слышались крики чаекъ, плескъ морской волны у берега.

Послышался звонъ церковнаго колокола. Это звонили въ монастырѣ. Старикъ поднялъ голову и съ удивленіемъ поглядѣлъ кругомъ. Недалеко, около сѣраго камня, спалъ другой старикъ, свернувшись калачикомъ. Это былъ Трофимычъ. И прекрасный песъ Фараонъ, растянувшись у ногъ своего барина, тоже спалъ.

— А вотъ ужъ и утро,—задумчиво сказалъ мой странный собесѣдникъ,—до утра досидѣлись... Эй, Трофимычъ, огня! Фараонъ, спички!

Собака сорвалась съ мѣста и, опомнившись, въ одинъ скачекъ очутилась около спящаго старика и стала теребить его за полу.

— Цыцъ, проклятая!—отбивался старикъ. — Чтобъ тебѣ скиснуть.

И только получивъ спички, песъ отсталъ отъ него и съ торжествомъ, радостно визжа, бросился со спичками къ господину. Тотъ закурилъ сигару.

— Однако!—обратился онъ ко мнѣ.—Помучилъ же я васъ.

— Нисколько! Я слушалъ съ большимъ интересомъ. Готовъ и слѣдующую почь прослушать.

— Нѣтъ, ужъ будетъ, довольно, — сказалъ онъ какъ-то грустно;—пора въ городъ.

— Я согласенъ, что пора, и все-таки желаю дослушать, хоть и не сегодня, но только до конца дослушать вашъ любезный разсказъ,—настаивалъ я.

— Да я уже кончилъ,—улыбнулся онъ.

— Какъ кончили? Вы остановились на самомъ интересномъ мѣстѣ. Что же было дальше?

— Дальше ничего не было.

— А Зоя, извините, г-жа Негропуло, что съ нею сталось?

— Умерла.

— Когда? Гдѣ?

— Вотъ ужъ почти тридцать лѣтъ, какъ я похоронилъ ее здѣсь, въ Севастополѣ.

Странный старикъ! Въ эту минуту онъ казался мнѣ сумасшедшимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я такъ много ожидалъ отъ его разсказа. Мнѣ казалось, что впереди еще цѣлый романъ: его отношенія къ ней, любовь, объясненія, и вдругъ все это оборвано! Мнѣ стало садно.

— Извините,—сказалъ я, чувствуя себя какъ бы обиженнымъ (я увѣренъ, что и читатель обиженъ мною, считаетъ себя обманутымъ, ибо онъ ждалъ романа, развязки!),—вы, вѣроятно, устали говорить, такъ я подожду. А то какъ же такъ оборвать въ самомъ началѣ!

— А что вы называете началомъ?—грустно улыбнулся онъ.

— Ваши личныя отношенія, ваши и ея чувства.

— Э!—махнулъ онъ рукою.—Понятно! Я уже тогда, когда открылъ въ ней глаза мухи, догадывался, что она меня любитъ, а мужа не любила никогда и вышла замужъ не за него, а за консула, съ которымъ она, дѣвочка-смолянка, мечтала путешествовать по Востоку, вышла просто по легкомыслію. А я, я самъ не знаю, когда полюбилъ ее: кажется еще на пирамидѣ Хеопса. Оттого, можетъ быть, меня и началъ съ той минуты опьянять Востокъ, потому что я сталъ глядѣть на него ея глазами. Она же смѣялась и говорила, что нашимъ союзникомъ былъ нильскій крокодилъ: не будь его, ничего бы и не было.

— Эй, Трофимычъ, пора домой,—обратился онъ къ слугѣ, который снова уснулъ:—Фараонъ, разбуди его, пиль!

Это меня еще больше раздосадовало.

— И вы такъ-таки ничего мнѣ не скажете?—настаивалъ я.

— Да ей-Богу же нечего!—махнулъ онъ рукой.—Про любовь, объясненія, объятія... Увольте! Я бы и романистамъ не совѣтовалъ объ этомъ писать. Любовь—тайна: она не напоказъ.

Я чувствовалъ, что старикъ былъ правъ.

— А долго еще вы оставались въ Египтѣ?—спросилъ я, собираясь въ путь.

— Долго бродили... Но тутъ ужъ ко всему примѣшивался нильскій крокодилъ, и объ этомъ говорить не стоитъ... Были мы потомъ и въ Греціи, на родинѣ е я предковъ: у Агамемнона были, и у Одиссея въ гостяхъ, и у Гекубы съ Андромахой, и у Ифигеніи... И вотъ, когда вы вчера произнесли это имя, вы сразу воскресили передо мною всю трагедію моей жизни, и я, извините, надоѣлъ ею вамъ.

— Напротивъ!

— Ну, очень радъ... Вы разбудили спавшаго въ моей душѣ нильскаго крокодила.

Было чудное утро, когда мы возвращались въ Севастополь.

Странный старикъ былъ причиною того, что черезъ годъ я самъ отправился на Востокъ.

Но нильскаго крокодила мнѣ не пришлось видѣть.

КОНЕЦЪ.

РОМАНЪ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКАГО.

Историческій разсказъ.

I.

Послѣ страшнаго разгрома милліонной арміи персидскаго царя Дарія у Гаугамелы и почти легендарнаго похода въ Индію, Александръ, этотъ удивительный сынъ греко-римскихъ Зевса-Юпитера и египетскаго Аммона-Ра, возвращается съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ чрезъ земли свирѣпыхъ массагетовъ, которые, эти побѣдители Кира, питались бараниной и кумысомъ, своихъ старухъ вѣшали, а стариковъ съѣдали, черепа же ихъ хранили, какъ святыню, и никого не боялись, нападая на сосѣднія страны, эти львы пустыни не осмѣлились напасть на македонскаго героя.

И вдругъ въ ихъ необозримыхъ степяхъ, въ степяхъ Маргіани, всемірный побѣдитель встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе на своемъ пути. Побѣдное шествіе Александра встрѣчаетъ рѣка, одна изъ величайшихъ рѣкъ въ мірѣ, бурный и многоводный Оксусъ, что нынѣ Аму-Дарья.

Александръ созываетъ военный совѣтъ.

— Великій государь,—заявляетъ въ совѣтѣ Антигонъ,—черезъ эту рѣку невозможно перейти.

— Клянусь Ареемъ! — горячо возражаетъ Александръ.— Для сына Зевса и Аммона-Ра нѣтъ ничего невозможнаго.

— Но отчего, великій государь, не поворотить на Экбатану?—робко заявляетъ Птоломей.

— Но я долженъ перейти черезъ эту рѣку,—настаивалъ молодой герой.—Я могу пройти въ Гирканію, чтобы видѣть Гир-

каиское море, о которомъ мнѣ разсказывалъ мой учитель, незабвенный Аристотель, да блаженствуетъ его тѣнь въ свѣтломъ Элизіумѣ! Онъ же во второй книгѣ «Meteorologica» говоритъ, что ἡ Ὑρκανία καὶ Κασπία θάλασσα совершенно отдѣльны, и берега ихъ кругомъ заселены.

— Притомъ же,—сказалъ послѣ этого Гефестіонъ,—когда я съ своими когортами приблизился сегодня къ рѣкѣ много ниже ставки императора, то по ту сторону рѣки увидѣлъ шатры, но шатры не варваровъ, богато украшенные, и людей въ богатыхъ одеждахъ, которые дѣлали мнѣ знаки и что-то кричали, но только за шумомъ рѣки и за дальностью разстоянія словъ ихъ я не могъ услышать, хотя слухъ мой уловилъ нѣкоторыя эллинскія и римскія слова... Я полагаю, что это посольства къ великому государю.

— Тѣмъ необходимѣе намъ побѣдить непокорную рѣку, и, клянусь щитомъ Арея, я одержу побѣду!—воскликнулъ Александръ.

— Но какъ?—заявилъ Антигонъ.—Рѣка такъ стремительна и широка, что унесетъ и потопитъ и коней, и всадниковъ... А наши палатки?

Отъ входа въ палатку, въ которой происходилъ совѣтъ, отдѣлился старый воинъ, стоявшій на часахъ.

— Владыка міра!—проговорилъ онъ, глядя императору въ глаза.—Позволь рабу твоему слово молвить.

— Говори, вѣрный Главкъ,—сказалъ Александръ.

— Наши палатки, съ помощью безсмертныхъ боговъ, и помогутъ намъ побѣдить рѣку, какъ еще при твоемъ великомъ родителѣ, да славится имя его въ области Аида! мы палатками побѣдили Геллеспонтъ.

Глаза императора радостно блеснули.

— Продолжай, вѣрный Главкъ,—сказалъ онъ.

— Мы изъ палатокъ, онѣ были изъ воловьихъ и лошадиныхъ шкуръ, какъ и теперешнія, нашили огромные мѣха, набили ихъ сухою травой, и мѣха эти, словно лодки, доставили насъ на другой берегъ Геллеспонта.

— Клянусь Ареемъ! Это такъ просто!—воскликнулъ Александръ.

Арріанъ Флавій такъ говоритъ объ этомъ;

«Переправиться черезъ эту рѣку не было никакого средства: шириною она была въ шесть стадій; песчаное дно ея было еще глубже; теченіе столь быстрое, что сваи невозможно было утвердить въ рѣкѣ; не было лѣсу для сооруженія мостовъ, а подвозъ лѣсу издалека потребовалъ бы слишкомъ много времени. Тогда прибѣгли къ такому средству: наполнили соломою и сухими виноградными лозами кожи, изъ которыхъ дѣлались палатки для воиновъ, сшили ихъ крѣпко, чтобы въ нихъ не могла проникать вода, связали вмѣстѣ и потомъ стали переправлять войско, которое и перешло рѣку въ теченіе пяти дней».

Переправа была страшно трудная. Для переправы выбрали такое мѣсто Оксуса, гдѣ онъ дѣлаетъ крутой поворотъ вправо. Гигантскіе «бурдюки», цѣлая ихъ флотилія, связанные канатами, должны были переправить первый легіонъ вмѣстѣ съ императоромъ. Полководцы Александра долго отговаривали своего царственнаго вождя не рисковать своею жизнью, а предварительно отправить пробную вязку «бурдюковъ» съ воинами и ихъ лошадьми.

— Если боги благословятъ наше начинаніе, и воины достигнутъ благополучно того берега, тогда служители владыки морей и океановъ, великаго трезубцедержателя Посейдона, вознеся молитву къ безсмертнымъ богамъ и принеся жертву богу водъ, благословятъ и твою переправу, великій государь,—со слезами умолялъ Гефестіонъ не рисковать драгоцѣнною жизнью владыки полуміра.

— Нѣтъ, клянусь мечемъ Арея!—возражалъ упрямый македонецъ.—Я всегда былъ въ челѣ моихъ воиновъ и теперь хочу быть первымъ.

Между тѣмъ жрецы, сложивъ изъ камней жертвенникъ и совершая возліянія и кажденія Посейдону, громогласно оглашали воздухъ гимнами страшному владыкѣ морей, рѣкъ, повелителю океанидъ, нереидъ, дріадъ. Оттуда доносились возгласы:

„Молимъ державнаго трезубценосителя
Владыку водъ, глубинъ морскихъ...“

Гигантскіе «бурдюки», нанизанные на канаты и спущенные на воду, тянулись вдоль берега безконечною цѣпью и колыхались на водѣ, подобно громаднымъ живымъ чудовищамъ. На

нихъ всходили воины, держа коней за повода. Когда на первое пловучее чудовище вступилъ Александръ и гордо оперся на длинное копье македонской фаланги гоплитовъ, двѣнадцать отборныхъ пловцовъ, прикрѣпивъ къ бурдюку ремнями своихъ коней, погнали ихъ впередъ, а сами, держась за ихъ гривы, поплыли наперерѣзъ теченію могучей рѣки.

Гигантская вязка пловучихъ чудовищъ дрогнула...

— Смирись, бурный Оксусъ, передъ сыномъ Филиппа, побѣдителемъ Востока!—воскликнулъ Александръ, бросая въ бурныя волны рѣки боевое копье.—Принимай мой смертельный ударъ!

— Эвоэ, великій Посейдонъ!—оглашался воздухъ криками воиновъ.—Эвоэ, трезубцедержатель! Эвоэ!

А жрецы, дымя благовоніями Востока, повторяли:

„Молимъ державнаго трезубценосителя,
Владыку водъ, глубинъ морскихъ...“

Пловучее чудовище, относимое теченіемъ, мужественно боролось съ волнами. Воины, стоя и сидя на бурдюкахъ и держа въ поводу коней, которые плыли рядомъ съ своими всадниками, продолжали оглашать воздухъ своими кликами въ честь Посейдона.

— Смирись, дикое исчадіе снѣговъ Парапаниза!—воскликалъ Александръ, бросая въ воду второе метательное копье.

А Оксусъ все не смирялся. Флотилію Александра сносило все ниже и ниже.

— Хвала богамъ!—возбужденно говорилъ Гефестіонъ, стоя рядомъ съ Александромъ.—Дикій Оксусъ покоряется тебѣ, великій государь.

— Въ чемъ ты это видишь?—спросилъ послѣдній.

— Насъ несетъ къ тому, вонъ, повороту рѣки.

— Насъ прибьетъ, именно, къ лѣвому берегу Оксуса,—подтвердилъ Антигонъ.

„Молимъ державнаго владыку водъ“,

доносилось по водѣ отъ слѣдующаго бурдюка.

— Кони остановились!—крикнулъ кто-то.

— Они коснулись земли, хвала богамъ!.. Эвоэ! Эвоэ!..

— Они достигли прибрежной мели... Эвоэ!

— Воины-пловцы выходятъ изъ воды! О, великій Посейдонъ!

Дѣйствительно, бурдюки прибивало у поворота рѣки къ крутому берегу, покрытому исполинскими камышами. Оттуда послышался чудовищный ревъ.

— Это тигръ,—улыбнулся Александръ.

— Да, потревожили царя камышей въ его царствѣ,—улыбнулся и Гефестіонъ, взявъ на прицѣлъ метательное копье.—Привѣтствуй царя царей, пустынникъ!

Ревъ повторился ближе къ берегу.

— Какъ бы онъ не кинулся на воиновъ, что выходятъ изъ воды,—замѣтилъ Антигонъ.

— Нѣтъ, онъ трусъ, какъ Дарій послѣ Гафамели, — засмѣялся Александръ.

Въ это время далеко лѣвѣе, изъ-за прибрежныхъ камышей, показались всадники. Они ѣхали отъ тѣхъ цвѣтныхъ шатровъ на лѣвомъ берегу Оксуса, о которыхъ говорилъ Гефестіонъ. Всадники, видимо, слѣдили за переправой перваго македонскаго легіона и, по мѣрѣ того, какъ теченіемъ относило его внизъ, слѣдовали за нимъ. Между ними видны были и пѣшіе. По одѣяніямъ и вооруженію македонцы узнали между ними римлянъ, карѳагенянъ, галловъ и даже скиѳовъ, такъ называемыхъ «царскихъ».

— Да, это послы Рима и Карѳагена,—сказалъ Александръ.

— Но между ними я вижу двухъ женщинъ на коняхъ,—замѣтилъ Гефестіонъ, обладавшій острымъ зрѣніемъ.

— Это, должно быть, амазонки... Онѣ, онѣ, клянусь Артемидой!—проговорилъ Птоломей.

— Да, амазонки... Я вижу ихъ обнаженныя лѣвыя груди,—увѣренно сказалъ Гефестіонъ.

— О! Это, вѣроятно, привѣтствуетъ меня прекрасная Ѳалестрія, царица амазонокъ,—проговорилъ Александръ.—Ужъ не хочетъ ли она сосватать меня и женить на себѣ?—засмѣялся онъ.—Клянусь Афродитой! Эта мысль мнѣ нравится: войско Ѳалестріи увеличитъ мои боевыя силы.

— Но какъ бы вліяніе женщинъ не ослабило воинскаго духа твоихъ легіоновъ, великій государь,—замѣтилъ полководецъ Александра, угрюмый Пердикка.

— Нѣтъ, я не боюсь за мои легіоны,—увѣренно сказалъ

молодой царь.—Въ нихъ обитаетъ духъ Арея, и слоны царя Пора безсильны были противъ этого духа.

— Ихъ не прельстили и нимфы Востока,—замѣтилъ Антипатръ.

— Ихъ не увлекла и красота прелестныхъ обитательницъ Іерусалима,—подтвердилъ женолюбивый Селевкъ.

Дѣйствительно, когда Александръ и его вожди сошли на берегъ, къ молодому македонскому царю приблизились послы Рима, Карѳагена, Галліи, Арменіи, Иверіи (нынѣ Грузія), Скиѳіи и двѣ посланницы Ѳалестріи, амазонки Ипполита и Полиника.

— Великій базилевсъ!—сказалъ посолъ Рима, поднося Александру богатые дары.—До вершинъ Капитолія и далѣе достигла строустая молва о твоихъ подвигахъ, подвигахъ новаго Геркулеса-Алкида, и державный Римъ шлетъ тебѣ привѣтъ.

За посломъ Рима привѣтствовали молодого царя послы иверскаго царя. Слуги ихъ подвели къ Александру двухъ невѣроятной величины и силы псовъ, о которыхъ Плиній въ своей «Historia naturalis» говоритъ, что «когда Александръ, удивленный ихъ величиной, велѣлъ пустить на одного пса медвѣдей, кабановъ и ланей, то онъ лежалъ неподвижно, пренебрегая такими ничтожными противниками». Но когда Александръ велѣлъ выпустить на другого пса могущественнаго льва, то этотъ царь звѣрей, какъ увѣряетъ Плиній, былъ немедленно «задушенъ»... Затѣмъ,—продолжаетъ Плиній,—«царь велѣлъ привести слона, и никогда онъ ничему такъ не радовался, какъ этому зрѣлищу: собака, у которой шерсть на всемъ тѣлѣ стала дыбомъ, сперва начала ужасно лаять, потомъ съ возростающей смѣлостью и съ большою ловкостью, стала бросаться на слона, то подбѣгая, то ускользая отъ него, и очень ловко нападала на него то съ одной, то съ другой стороны, пока, наконецъ, утомивъ его постоянными поворачиваніями, не повалила на землю, такъ что земля задрожала» *).

О томъ же говоритъ и Квинтъ Курцій Руфъ **).

Опыты эти, однако, производились не на берегу Оксуса, при переправѣ черезъ него македонскихъ легіоновъ, а послѣ, въ столицѣ Гирканіи, въ городѣ Задракарта, что нынѣ Астрабадъ,

*) Plinius Sen, „Historia naturalis, VIII, 60, 7.
**) Quintus Curtius Rufus, „De rebus gestis Alexandri“, IX, 1, 31.

куда и направлялся съ своими легіонами молодой македонскій герой.

За послами царя Иверія къ нему подступили посланницы Ѳалестріи, амазонки Иполлита и Полиника.

— Великій завоеватель Востока, непобѣдимый базилевсъ, сынъ Филиппа,—проговорила первая изъ нихъ,—могущественная Ѳалестрія, царица дѣвъ-воиновъ, удивляясь твоимъ неслыханнымъ въ мірѣ подвигамъ и желая лично привѣтствовать тебя, двинулась со всѣмъ своимъ войскомъ къ границамъ дружественной ей Гирканіи и, оставивъ войско у предѣловъ этой страны, только съ тремя стами дѣвъ-воиновъ вступила къ Задракарту, столицу Гирканіи, гдѣ и ждетъ твоего прихода *).

Послѣ того привѣтствовали Александра послы Карѳагена, Галліи, Арменіи и Скиѳіи.

— Но какъ вы могли знать, что я сюда, къ многоводному Оксусу направлю свой путь изъ Индіи?—спросилъ молодой побѣдитель Дарія.

— Великій царь!—отвѣчалъ посолъ царя Арменіи.—Мы всѣ ждали прихода твоего въ Экбатану, но наши соглядатаи донесли намъ, что ты двигаешься съ своими непобѣдимыми легіонами чрезъ Маргіану и потому не могъ миновать Оксуса. Мы и поспѣшили встрѣтить и поклониться тебѣ на берегу этой безумной рѣки.

Александръ, обласкавъ всѣхъ пословъ и наградивъ ихъ богатыми подарками изъ сокровищъ Индіи, отпустилъ.

— Я желаю всѣхъ васъ видѣть и достойно принять въ Задракартѣ, а теперь займусь переправой черезъ Оксусъ остальныхъ моихъ легіоновъ,—сказалъ онъ, отпуская посольства.

И онъ, дѣйствительно, занялся переправой легіоновъ, что и продолжалось ровно пять дней, въ продолженіе которыхъ выдавались и тяжелые дни, когда свирѣпый Оксусъ уносилъ и топилъ то всадниковъ, то ихъ коней.

Вечера же и часть ночей молодой герой, возлежа въ своей палаткѣ, перечитывалъ свою любимую книгу «Иліаду» или слушалъ, какъ ее читалъ личный другъ его, Гефестіонъ.

---

*) Strabo, V, 3—Diodorus Siculus—„Bibliotheca historica», lib. XVII, 77.—Quintus Curtius Rufus—„De rebus gestis Alexandri“, VI, 5. 24.

II.

Нѣкоторые изъ читателей, а быть можетъ и многіе, усомнятся въ вѣроятности того, что здѣсь разсказывается, въ особенности же относительно амазонокъ: скажутъ, что это одни только миѳы, легенды, дѣтскія сказки античнаго міра. Но мы укажемъ здѣсь, въ спискѣ, на такую массу свѣдѣній греческихъ и римскихъ писателей объ амазонкахъ, что невѣроятное станетъ не только вѣроятнымъ, но и вполнѣ исторически вѣрнымъ *).

Когда Александръ съ своими легіонами отъ Оксуса направился къ предѣламъ Гирканіи, дни стояли знойные, томительные, и только прекрасныя лунныя ночи давали прохладу и отдохновеніе. Ночная тишина степи оглашалась неумолчнымъ стрекотаніемъ цикадъ, а въ камышахъ степныхъ рѣчекъ по временамъ глухо стонала водяная выпь, да слышались хоры лягушекъ.

— Хвала богамъ, намъ покровительствуетъ кроткая дщерь Гиперіона и Тейи,—говорилъ Гефестіонъ, мечтательно глядя на полную луну и слѣдуя рядомъ съ Александромъ.

---

*) Вотъ эти вставшіе изъ своихъ историческихъ гробовъ свидѣтели въ пользу амазонокъ: 1. Pseudo-Plutarchus (I в. по Р. Х.) „De fluviorum et montium nominibus“, XIV. 1.—2. Arrianus Nicomedensis (I в. по Р. Х.), fragm. 59.—3. Hecateus (550 до Р. Х.), fragm. 212.—4. Plinius (29—79 по Р. Х.) „Historia naturalis“, VII, 1 3.—5. Homeri „Ilias“, III, 188; VI, 186.—6. Pindar (522.—442 до Р. Х.), „Pythia“, fragm. 31.—7. Herodot (480—426 до Р. Х.), IV, 110—114.—8. Hellanicus (486—395 до Р. Х.), fragm. 84.—9. Lysius (490—390 до Р. Х.), „Orationes funebres“, 64.—10. Apollonius Abodius (250—200 до Р. Х.), „Argonautica“, II, 970—11. Sallustius (86—35 до Р. Х.), „Histor. fragment.“, lib. III. fragm. 46—12. Strabo (66 до Р. Х.—24 по Р. Х.), V, 3, 7.—13. Virgilius (70—19 до Р. Х.), „Aeneis“, I, 490.—14. Ovidius (43 до Р. Х.—17 по Р. Х.), „Epistolae ex Ponto“, IV, X. 51.—15. Diodorus Siculus, „Bibliotheca historica“, II, 43.—16. Propertius, „Elegiae“, lib. IV, eleg. XIII, 13, 14.—17. Plutarchus, „Pompejus“, XXXV.—18. C. Suctonius Tranquillus (75—160 по Р. Х.), XII. „Vitae imperatorum“, I, 22.—19. Pausanius Periaeget. (70 по Р. Х.), I, 2.—20. Dyonisius Periaeget. (90 по Р. Х.), „Orbis descriptio“, 652.—21. Quin. Cur. Rufus (54 по Р. Х.), „De rebus gestis Alexandri“, VI, 5, 24.—22. Arrianus, „Periplus“, „Anabasis“, VI, 15.—23. Appianus, „Prooemium“, V, 78.—24. Claudius Ptolaemeus, V, 8.—25. Flavius Vopiscus, „Vita Aureliani“, 158.—26. Philostrates, „Hervicus“, 215, 20; 216, 12.—27. Ammianus Marcellinus, I, 18, 22.—28. Claudius Claudianus, XI, 31; „Eutropium“, lib. I, 332: „Deruptu Prosorpinae“.—29. Vibius Sequester, „De fluminibus, fontibus, lucubus, nemvribus, pulcidibus, montibus, gentibus“, 10, 2.—30. Paradoxographigr acie, fragm. Nicol. Damas.

— Да, блѣдноликая сестра Геліоса благосклонна къ намъ,— соглашался послѣдній.

— И скромныя цикады поютъ ей тихіе гимны,—продолжалъ Гефестіонъ.

— Да, божественная ночь,—говорилъ и Селевкъ, глядя на звѣзды.—И гордый Арктуръ блѣднѣетъ предъ сіяніемъ блѣдноликой Семелы.

Объ этомъ походѣ Діодоръ Сицилійскій говоритъ:

«Александръ вступилъ въ Гирканію, и въ три дня дошелъ до города Гекатомпилоса (Ἑκατόμπολος). Этотъ городъ былъ чрезвычайно богатъ, и такъ какъ въ немъ были всѣ удобства, то Александръ остановился тутъ съ своимъ войскомъ отдохнуть нѣсколько дней. Послѣ этого, сдѣлавъ 150 стадій, онъ остановился у одной большой скалы. У подножія ея есть чудесная пещера, откуда беретъ начало рѣка Стибетесъ. Вытекая обильнымъ потокомъ, она течетъ на разстояніи трехъ стадій. Тутъ ей встрѣчается скала, имѣющая видъ груди. Скала эта дѣлитъ рѣку на два рукава, а при ея подножіи есть глубокая пропасть, въ которую рѣка низвергается съ большимъ шумомъ и пѣной отъ ударовъ о скалу, потомъ протекаетъ подъ землей 300 стадій и снова выходитъ наружу. Александръ, вступивъ съ своимъ войскомъ въ Гирканію, сталъ повелителемъ всѣхъ ея городовъ до самаго Каспійскаго моря, или, какъ другіе его называютъ, Гирканскаго. Говорятъ, что въ этомъ морѣ водится много большихъ змѣй, а также разнообразныхъ рыбъ, которыя отличаются по цвѣту кожи отъ нашихъ. Проходя по Гирканіи, Александръ встрѣчалъ мѣстности, которыя называются счастливыми и дѣйствительно таковы, потому что земля тамъ приноситъ такое обиліе плодовъ, какого не встрѣчается нигдѣ. Говорятъ, что каждая лоза даетъ большое количество вина, около 3 ведеръ, а фиговое дерево приноситъ всегда не менѣе 10, а иногда до 60 четвериковъ плодовъ, и зерна хлѣба, падающія на землю или остающіяся на землѣ послѣ жатвы, замѣняютъ посѣвъ и даютъ столь же обильную жатву, какъ и предыдущія. Тамъ растетъ дерево, похожее на дубъ. Съ листьевъ его сочится медъ, который въ большомъ употребленіи у тамошнихъ жителей. Есть тамъ крылатое насѣкомое, которое у нихъ называется «антредонъ» (ἀνθρηδών), меньше нашей пчелы, но очень полезное. Оно собираетъ на горахъ сокъ съ разныхъ цвѣтовъ, поселяется въ трещинахъ

скалъ, кладетъ туда воскъ и производитъ превосходный, сладкій медъ, не уступающій тому, который намъ извѣстенъ» *).

— Видимо, гирканамъ покровительствуетъ дщерь Зевса и Деметры,—говорилъ Гефестіонъ, сорвавъ громадную кисть винограда и утоляя жажду.

— Ну, дочь Зевса и Деметры, Персефона, едва ли печется о гирканахъ,—возразилъ Селевкъ,—эту благодать посылаетъ имъ сама Деметра.

— И Озирисъ,—какъ бы уронилъ слово Александръ, лаская своего «Буцефала», на которомъ онъ ѣхалъ.

Сынъ Аммона-Ра успѣлъ уже въ Египтѣ кое-что узнать отъ жрецовъ Аммона.

— Македонскій фараонъ правъ,—шепнулъ молодой египтянинъ изъ жреческой касты своему сосѣду, тоже египтянину,—великій Озирисъ милостивъ къ этой странѣ.

— И Озирисъ, и всеблагая матерь Изида,—согласился второй египтянинъ.

Наконецъ, войско Александра достигло моря, которое молодому македонскому царю такъ хотѣлось видѣть и о которомъ онъ читалъ въ сочиненіяхъ своего геніальнаго учителя, Аристотеля.

Море какъ-то неожиданно блеснуло своею безконечною бирюзой.

— Талясса! Талясса! (Θάλασσα! Θάλασσα!),—радостно воскликнулъ Гефестіонъ.

— Ты подражаешь воинамъ Ксенофонта,—улыбнулся Александръ.

— Да, государь... Моя мысль разомъ перенеслась къ тому, о чемъ повѣствуетъ Ксенофонтъ въ своемъ «Anabasis».

— Да, и его десять тысячъ воиновъ долго блуждали по Персіи, по горамъ и дебрямъ Арменіи, пока не глянулъ имъ въ глаза Понтъ Эвксинскій, и его воины радостно закричали: «море! море!»—задумчиво говорилъ Александръ.

— И мы такъ давно не видали моря... Привѣтъ тебѣ, могучая стихія!

— Привѣтъ и ея владыкѣ, великому Поссейдону!—воскликнулъ Гефестіонъ.

— Эвое! Эвое! Эвое!—грянуло по легіонамъ.

---

*) Diodorus Sicul., lib. XVII, 75—85.

Македонцы, какъ и греки, любили море, и очень обрадовались, когда увидѣли его.

— Прикажи разбить шатры,—сказалъ Александръ Гефестіону,—я хочу отдохнуть здѣсь и выкупаться въ морѣ. Пусть и воины купаются и купаютъ своихъ коней.

Испробовавъ вкусъ воды Гирканскаго моря, Александръ нашелъ, что она почти прѣсная.

— Въ ней значительно меньше солей, чѣмъ въ нашихъ моряхъ,—сказалъ онъ.

— Точно, государь, вода нашихъ морей гораздо солонѣе этой,—согласился и Гефестіонъ.

Великій натуралистъ Плиній утверждаетъ то же самое.

«Варронъ разсказываетъ,—говоритъ онъ,—что Помпею, когда тотъ, во время войны съ Митридатомъ, былъ въ походѣ недалеко отъ этого моря, доложили то же самое. Безъ сомнѣнія оно теряетъ вкусъ отъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ него. Тотъ же Варронъ утверждаетъ, что, благодаря походу Помпея, узнали также, что изъ Индіи въ семь дней можно доѣхать до Бактріаны къ рѣкѣ Икару, притоку Оксуса, и что индѣйскіе товары, послѣ того, какъ изъ Оксуса ихъ привезутъ Каспійскимъ моремъ къ рѣкѣ Киру (нынѣшняя Кура), можно доставить сухимъ путемъ въ 5 дней до Фазиса и Понта Эвксинскаго» *).

— Отсюда, по милости великаго Поссейдона, можно выплыть и въ Арктическій океанъ,—сказалъ Александръ, отплывъ съ Гефестіономъ далеко отъ берега.

— Какъ, государь, въ самый океанъ?—удивился другъ Александра.

— Да! Гирканское море это только заливъ Арктическаго океана.

— О, великіе боги гдѣ мы очутились послѣ Индіи! Чуть не у гипербореевъ!—дивился Гефестіонъ.

Когда они искупались и вошли въ палатку, Александръ сказалъ Гефестіону.

— Принеси сюда изъ моей библіотеки мои «табуля» (походныя карты извѣстныхъ тогда странъ).

Гефестіонъ исполнилъ приказаніе царя.

— Вотъ поднесенная мнѣ въ Египтѣ жрецами «табуля» всего міра,—сказалъ послѣдній, развертывая извѣстную, самую

*) Plinius, „Historia naturalis“. VI, 19, 2.

древнюю карту Эратосѳена *), изданную римлянами.—Видишь, вотъ mare Hyrcanum.

— Вижу, государь, да, точно: oceanus Arcticus,—развелъ руками Гефестіонъ.

— Да, сюда и хитроумный Одиссей не заглядывалъ,—улыбнулся македонскій герой.

Изъ Гирканіи Александръ направился на западъ.

«Проходя берегомъ Гирканскаго моря,—говоритъ Діодоръ Сицилійскій,—онъ вступилъ въ землю мардовъ. Этотъ народъ, отличаясь большою тѣлесною силой, не обратилъ вниманія на возросшее могущество македонскаго царя и не удостоилъ его никакой встрѣчи и никакого знака уваженія. Напротивъ того, марды размѣстили 8,000 войска въ различныхъ проходахъ горъ и спокойно ждали нападенія македонянъ. Царь же напалъ на этотъ народъ, большую часть его перебилъ, остальныхъ же преслѣдовалъ въ неприступныя мѣста. Когда онъ жегъ ихъ страну, случилось такъ, что молодые конюхи, которые вели царскихъ лошадей, нѣсколько отстали отъ царя. Варвары напали на нихъ и отняли самаго лучшаго коня.

Это былъ знаменитый «Буцефалъ», боевой конь Александра, котораго онъ лелѣялъ почти съ дѣтства.

«Александръ,—продолжаетъ Діодоръ,—огорченный этой потерей, велѣлъ срубить всѣ деревья въ этой землѣ и объявить на мѣстномъ языкѣ подъ звуки трубъ, что, если ему не возвратятъ его коня, онъ разоритъ всю страну и перерѣжетъ всѣхъ жителей. Варвары привели ему назадъ лошадь съ значительными дарами. Сверхъ того послали къ нему 50 человѣкъ, которые отъ всего народа просили у царя помилованія. Александръ самыхъ знатныхъ изъ депутатовъ оставилъ у себя въ качествѣ заложниковъ **).

Но тутъ ему докладываютъ, что явилось новое посольство.

— Отъ кого?—спрашиваетъ онъ у Гефестіона.

— Отъ Ѳалестріи, царицы амазонокъ.

— А! Клянусь мрачнымъ Тартаромъ и ладьею сына Эреба и Ночи, за красотами Гирканіи и за преслѣдованіемъ свирѣпыхъ мардовъ, я и забылъ, что меня ждутъ послы странъ всего міра и

*) Orbis terrarum secundum Eratosthenі („Atlas antiquus“ Киперта).
**) Diodorus Siculus, lib. XVII, 76.

сама царица дѣвъ-воиновъ въ столицѣ Гирканіи,—вспомнилъ македонскій герой.

— Нечего тревожить старика Харона и его ладью: послы всего міра и прекрасная Ѳалестрія могутъ и подождать,—улыбнулся Гефестіонъ.—Въ Задракартѣ же имъ не можетъ быть скучно.

Но, какъ бы то ни было, Александръ приказалъ немедленно двинуться къ столицѣ Гирканіи.

Тотъ же Діодоръ Сицилійскій говоритъ объ этомъ слѣдующее:

«Когда Александръ возвратился въ Гирканію, Ѳалестрія, царица амазонокъ, которая владѣла всей землей отъ Фазиса до Ѳермодонта (почти до нынѣшняго Синопа), постаралась встрѣтиться съ нимъ на дорогѣ. Эта царица была замѣчательная красавица и имѣла удивительную тѣлесную силу, но еще больше прославилась въ странѣ своею необыкновенной храбростью. Оставивъ свое войско на границахъ Гирканіи, она взяла съ собой только 300 амазонокъ, одѣтыхъ въ военные доспѣхи. Александръ удивился приходу и красотѣ этихъ женщинъ и спросилъ Ѳалестрію, для какой надобности она явилась сюда. Ѳалестрія не замедлила отвѣтить, что она желаетъ имѣть отъ него ребенка, такъ какъ онъ превзошелъ всѣхъ мужчинъ своими подвигами, сама же она превосходитъ всѣхъ женщинъ силою и храбростью».

Нечего сказать, откровенная барышня!.. Такъ и говоритъ смѣло: «Мужчина, возьми меня всю!..»

«Такимъ образомъ,—продолжаетъ Діодоръ,—она надѣялась, что плодъ ихъ совокупленія превзойдетъ достоинствомъ всѣхъ людей въ мірѣ. Царь, согласившись на такое предложеніе, пожертвовалъ Ѳалестріи 13 дней, послѣ чего отпустилъ ее съ богатѣйшими подарками *).

Остроумно!.. Ай да барышня!..

Почти то же, что Діодоръ Сицилійскій, говоритъ и Квинтъ Курцій Руфъ. Вотъ его слова:

«Мы упомянули, что Гирканія была сопредѣльна съ землей амазонокъ, которыя обитали въ равнинахъ Ѳемискирскихъ, на берегахъ Ѳермодонта (нынѣшнія долины рѣкъ Кулей-Гиссаръ и Этиль-Ирмакъ, много западнѣе Трапезунда и Синопа на юж-

*) Diodorus Siculus, „Bibliotheca historica“, VI, 5, 24.

номъ берегу Чернаго моря). Ѳалестрія, повелительница земель, лежащихъ между Кавказомъ и рѣкой Фазисомъ (нынѣ Ріонъ), возымѣла страстное желаніе видѣть молодого царя, и потому отправилась за предѣлы своего государства. Когда она была уже неподалеку отъ его мѣстопребыванія, то послала извѣстить его о своемъ прибытіи, съ единственнымъ намѣреніемъ увидѣться и познакомиться съ нимъ. Получивъ отъ него позволеніе прибыть, Ѳалестрія велѣла войску своему остановиться, сама же явилась къ нему лишь въ сопровожденіи 300 женщинъ. Какъ только она примѣтила царя, то тотчасъ соскочила съ лошади, и, держа въ правой рукѣ передъ собою два дротика, приблизилась къ Александру. Платье амазонокъ не совсѣмъ покрывало ихъ: лѣвая сторона у груди была у нихъ обнажена, а остальное тѣло все было прикрыто. Изгибъ одежды, которая собиралась обыкновенно въ узелъ, не опускался ниже колѣнъ. Онѣ сохраняютъ лѣвую грудь, чтобы кормить дѣтей женскаго пола, и обжигаютъ правую, чтобы она не мѣшала имъ натягивать лукъ и метать дротики. Ѳалестрія смѣло смотрѣла на Александра, безъ сомнѣнія удивляясь, что его наружность не соотвѣтствовала его громкой славѣ. Вѣдь, всѣ варвары только имѣютъ особенное уваженіе къ величественному росту и считаютъ способными на великіе подвиги только тѣхъ, которыхъ природа удостоила превосходной наружности. Впрочемъ, когда спросили царицу, не имѣетъ ли она о чемъ просить царя, то она сказала безъ всякихъ околичностей, что пріѣхала прижить отъ него дѣтей и что считаетъ себя достойной быть матерью его наслѣдниковъ, и что, ежели у нея будетъ дочь, то она оставитъ ее у себя, а сына возвратитъ отцу. Александръ спросилъ, не желаетъ ли царица сопутствовать ему на войнѣ. Она отвѣчала, что никого не оставила управлять своимъ царствомъ, и настоятельно просила, чтобы онъ не обманулъ ея надеждъ и ожиданій.

Страсть царицы была гораздо пламеннѣе, чѣмъ страсть Александра, и она добилась того, что онъ ради ея остановился здѣсь на нѣсколько дней. На удовлетворенія желанія царицы было употреблено тринадцать дней. Послѣ этого она возвратилась въ свое государство, а Александръ отправился въ земли парѳянъ *).

*) Quintus Curtius Rufus, „De rebus gestis Alexandri“, VI, 8, 35.

Гефестіонъ нечаянно подслушалъ нескромное предложеніе Ѳалестріи.

— И ты, государь, согласенъ удовлетворить ея желаніе?— спросилъ онъ.

— Да... Я видѣлъ, какъ маленькій Эротъ изъ ея прелестныхъ глазъ влетѣлъ въ мое сердце,—отвѣчалъ Александръ.— Это, должно быть, угодно дочери Зевса и Артемиды, божественной Афродитѣ.

III.

Въ настоящее время амазонки—это барышни и молодыя дамочки, возсѣдающія на лошадяхъ, на дамскихъ сѣдлахъ, чтобы прельщать господъ офицеровъ и статскихъ кавалеровъ, въ томъ числѣ даже крымскихъ татаръ-проводниковъ. Такъ и амазонка княжна Мери прельстила Печорина при переѣздѣ черезъ Подкумокъ...

Что же говоритъ о настоящихъ амазонкахъ глубокая древность?

У Гомера, въ «Иліадѣ», мы читаемъ:

III рапсодія, ст. 188: «Пріамъ говоритъ: «И я считался союзникомъ фригіянъ въ то время, когда пришли равныя по силѣ мужамъ амазонки» (ἀμαζόνες).

Рапс. VI, 186:—«Беллерофонтъ, въ подвигѣ третьемъ, разбилъ равныхъ по силѣ мужамъ амазонокъ».

У Гекатея (550 л. до Р. Х.) читаемъ: «Амазоніонъ—такъ прежде называлась Кима (городъ), въ которой жили амазонки *).

Эсхилъ (525—456 до Р. Х.) говоритъ объ амазонкахъ: «Прометея оплакиваютъ воинственныя, неустрашимыя дѣвы, живущія въ Колхидѣ»... Перейдя черезъ вершину касающейся звѣздъ горы Кавказа, спустились въ долину, къ югу, къ врагамъ мужчинъ—амазонкамъ. Со временемъ онѣ перейдутъ къ берегу Ѳермодонта, въ Ѳемискиру, гдѣ находится скалистый проливъ, противный кораблямъ и враждебный мореплавателямъ— Сальмидесосъ. Амазонки даже очень охотно укажутъ тебѣ дорогу» **).

*) Гекатей. Fragm. 212.

**) Эсхилъ. „Prometheus vinctus“, fragm. 415, 71[illegible].

У Пиндара (522—442 до Р. Х.) читаемъ: «Пелей отправился за поясомъ царицы амазонокъ и, совершивъ, вмѣстѣ съ Язономъ, славный походъ, увезъ Медею изъ колхидскихъ покоевъ *).

Скилаксъ Каріанденскій (521—485 до Р. Х.) говоритъ: «Азія начинается отъ рѣки Танаиса и первый азіатскій народъ въ Понтѣ—савроматы. Этимъ народомъ управляютъ женщины-амазонки **).

У Геродота (480—426 до Р. Х.) читаемъ: «Въ то время, когда греки воевали съ амазонками, которыхъ скиѳы называютъ «ойорпата», οἰόρπατα, что по-гречески означаетъ «убійца мужчинъ»,—амазонки были побѣждены въ сраженіи, данномъ на берегахъ Ѳермодонта и греки отправились на родину, увозя съ собой на трехъ корабляхъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ могли забрать въ плѣнъ. Въ открытомъ морѣ амазонки возмутились и убили всѣхъ мужчинъ, находившихся на этихъ корабляхъ. Но такъ какъ онѣ не знали кораблей и не умѣли править рулемъ, парусами и веслами, то, отдѣлавшись отъ всѣхъ мужчинъ, онѣ носились по морю по волѣ волнъ и вѣтровъ и, наконецъ, пристали къ той части Меотійскаго (Азовскаго) моря, гдѣ находится мѣстечко Кремни. Оно лежитъ на землѣ свободныхъ скиѳовъ. Здѣсь эти женщины сошли съ кораблей и отправились искать жилыхъ мѣстъ,—разграбили первый попавшійся имъ табунъ лошадей и, затѣмъ, сѣвъ на лошадей, начали грабить имущество скиѳовъ.

Скиѳы не знали, какъ объяснить себѣ это явленіе и, не зная ни языка, ни одежды, ни самаго народа этого, были въ большомъ недоумѣніи, откуда онѣ появились. Принявъ ихъ сперва за мужчинъ, какъ бы однолѣтокъ, они вступили съ ними въ бой, и только по окончаніи боя, когда мертвыя амазонки остались въ ихъ рукахъ, они узнали, что имѣютъ дѣло съ женщинами. Послѣ этого, посовѣтовавшись между собою, они согласились больше ихъ никоимъ образомъ не убивать и рѣшили послать къ нимъ самыхъ молодыхъ изъ своихъ воиновъ, въ томъ, приблизительно, числѣ, изъ какого, они полагали, состоитъ войско амазонокъ. Эти молодые люди получили приказаніе расположиться лагеремъ какъ можно ближе къ этимъ женщинамъ и дѣ-

*) Пиндаръ. „Pythia“, fragm. 31.
**) Скилаксъ. „Periplus“, § 70.

лать то, что и тѣ будутъ дѣлать:—если онѣ станутъ наступать, то они не должны сражаться, а отступать; если же тѣ остановятся, то имъ слѣдуетъ поближе къ нимъ расположиться. Вотъ результатъ совѣщанія скиѳовъ, которые хотѣли имѣть дѣтей отъ этихъ женщинъ.

«Молодые люди отправились, слѣдуя даннымъ приказаніямъ. Когда амазонки увидѣли, что это войско пришло не съ намѣреніемъ напасть на нихъ, то онѣ не обращали на пришедшихъ никакого вниманія, и съ каждымъ днемъ эти два лагеря все больше и больше сближались. Молодые скиѳы, какъ и амазонки, не имѣли ничего, кромѣ оружія и лошадей, и доставляли себѣ, какъ и тѣ, средства къ жизни охотою и грабежомъ.

«Къ полудню же амазонки удалялись, въ одиночку или вдвоемъ, въ сторону другъ отъ друга, удовлетворять естественнымъ потребностямъ. Когда скиѳы это замѣтили, то стали дѣлать тоже самое. Одинъ изъ нихъ рѣшился подойти къ амазонкѣ, которая была одна. Она не оттолкнула его и отдалась ему».

«Потомъ,—продолжаетъ Геродотъ,—такъ какъ она не могла съ нимъ говорить, потому что они не понимали другъ друга, то и объяснила ему жестами, что желаетъ, чтобы онъ завтра опять пришелъ на это мѣсто и привелъ съ собой еще одного изъ своихъ товарищей, пояснивъ ему также, что и она приведетъ съ собой одну изъ подругъ и что ихъ будетъ двое. Когда молодой человѣкъ возвратился, то разсказалъ другимъ свое приключеніе, и на другой день пришелъ съ однимъ изъ товарищей въ назначенное мѣсто, гдѣ онъ и нашелъ ту же самую амазонку съ ея подругой, которыя ихъ уже ждали»...

Ну, понятно...

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья...

«Остальные же юноши скиѳы,—продолжаетъ Геродотъ,—узнавъ объ этомъ, послѣдовали ихъ примѣру и привлекли къ себѣ всѣхъ амазонокъ.

«Наконецъ, оба лагеря смѣшались, и они стали жить сообща, каждый мужчина съ женщиной, съ которой онъ имѣлъ первое сношеніе. Но скиѳы никогда не могли изучить языка амазонокъ, между тѣмъ, какъ эти послѣднія живо привыкли къ

языку скиѳовъ. Скиѳы сдѣлали амазонкамъ слѣдующее предложеніе:

— У насъ есть родители и богатства,—сказали молодые скиѳы,—перестанемъ жить такъ, какъ мы теперь живемъ, и переселимся къ нашимъ согражданамъ. Мы будемъ имѣть нашими женами васъ и никого больше.

— Мы никогда не могли бы жить съ женщинами вашего племени,—отвѣтили амазонки,—наши обычаи ужъ очень различны. Мы привыкли употреблять лукъ, метать дротики, ѣздить верхомъ. Женскія занятія намъ неизвѣстны. Ваши женщины, напротивъ того, не дѣлаютъ ничего того, что мы сейчасъ сказали: онѣ занимаются исключительно женскими работами и сидятъ постоянно въ своихъ кибиткахъ-повозкахъ, не ходятъ на охоту и никуда не показываются. Итакъ, мы не можемъ жить вмѣстѣ съ вами. Но если вы желаете, чтобы мы оставались вашими женами и хотите поступить справедливо, то отправляйтесь къ вашимъ родителямъ, потребуйте вашу часть состоянія и возвращайтесь жить съ нами отдѣльно отъ нихъ.

«Молодые скиѳы поступили такъ, какъ имъ сказали амазонки и, получивъ свою долю изъ богатствъ своихъ родителей, возвратились къ амазонкамъ.

«Тогда эти послѣднія сказали имъ:

— Намъ очень страшно продолжать жить въ этой странѣ послѣ того, какъ мы, во-первыхъ, отняли васъ у вашихъ родителей и, во-вторыхъ, опустошали такъ часто ваши поля. Но, такъ какъ вы дорожите нами, какъ вашими женами, такъ вотъ что сдѣлайте вмѣстѣ съ нами: оставимъ эту страну, перейдемъ Танаисъ (нынѣ Донъ) и будемъ жить по ту сторону этой рѣки.

«Это новое предложеніе было тоже принято юными скиѳами. Перейдя Танаисъ, они шли отъ этой рѣки три дня къ востоку и три дня отъ Меотійскаго (Азовское нынѣ) моря къ сѣверу и, прійдя на то мѣсто, гдѣ теперь (при Геродотѣ, значитъ) живутъ, основали здѣсь свои поселенія.

«Съ тѣхъ поръ,—заканчиваетъ Геродотъ,—женщины савроматовъ, то есть, переселенцевъ-скиѳовъ, женившихся на амазонкахъ, сохранили свой прежній образъ жизни. Онѣ ѣздятъ верхомъ на охоту съ мужьями, даже и безъ нихъ, сопровож-

дают ихъ на войнѣ и носятъ одинаковое съ ними платье. Основной языкъ савроматовъ—скиѳскій, но испорченный съ самаго начала, такъ какъ амазонки никогда не могли вполнѣ правильно изучить скиѳскаго языка.

«На счетъ свадебъ у нихъ существуетъ обычай, воспрещающій выходъ замужъ дѣвушкѣ, пока она не убьетъ хоть одного врага. Такимъ образомъ, много дѣвушекъ старѣетъ, не имѣя мужей, потому что имъ не представился случай выполнить это условіе обычая.

«Аѳиняне говорятъ спартанцамъ:

— «Станемъ мы говорить о побѣдѣ одержанной нами надъ амазонками, которыя пришли съ береговъ Ѳермодонта, чтобы завоевать Аттику» *).

Такъ повѣствуетъ объ амазонкахъ «отецъ исторіи», великій Геродотъ.

Гелланикъ (486—395 до Р. Х.) говоритъ, что «когда замерзъ Киммерійскій Босфоръ, амазонки, перешедши его, пришли въ Аттику; оттуда онѣ, послѣ четырехмѣсячной войны, возвратились обратно домой» **).

Лизій (459—390 до Р. Х.) говоритъ: «Амазонки первыхъ временъ были дочери Арея и жили на берегахъ Ѳермодонта. Онѣ были единственныя изъ всѣхъ окружающихъ ихъ народовъ, которыя носили желѣзное оружіе, и первыя стали ѣздить верхомъ. При помощи лошадей брали онѣ въ плѣнъ бѣжавшихъ противниковъ совсѣмъ неожиданно, такъ какъ тѣ не знали еще верховой ѣзды, и оставляли далеко за собой тѣхъ, которые ихъ преслѣдовали. За свое мужество, по своему тѣлосложенію, онѣ считались скорѣе мужчинами, чѣмъ женщинами, ибо казалось, что онѣ болѣе превосходятъ мужчинъ своимъ мужествомъ, чѣмъ отличаются отъ нихъ внѣшнимъ видомъ ***).

У Платона (429—348 до Р. Х.) читаемъ: «Я узналъ изъ древнихъ миѳовъ и повѣрилъ, а что касается нынѣшняго положенія, то, къ слову сказать, даже знаю, что безчисленное множество женщинъ, называемыхъ «савроматидами» (σαυροματίδες), живетъ между народами, окружающими Понтъ. Онѣ не только ѣздятъ верхомъ, но и носятъ луки и всякое оружіе и упраж-

*) Геродотъ, IV, 110—117.
**) Hellanicus, fragm. 84.
***) Лизій, Orationes funebr. § 4.

няются въ ихъ употребленіи въ строю такъ же, какъ мужчины *).

Ферекидъ (430—400 до Р. Х.) говоритъ: «Гармонія (дочь Арея и Афродиты), невѣста Кадма, основателя города Ѳивъ, отъ котораго получила ожерелье, имѣвшее свойство приносить несчастье тому, кто владѣлъ имъ, и вмѣстѣ съ Кадмомъ превращена была въ дракона,—была нимфа воды. Отъ нея и Арея произошли амазонки **).

Аполлоній Родосскій (250—200 до Р. Х.) пишетъ въ своихъ «Argonautica»: «Рѣка Ирисъ, протекая черезъ обширную землю, впадаетъ рядомъ съ устьями Ѳермодонта въ спокойную бухту у Ѳемискирскаго мыса. Тамъ находится равнина Доіанта, и вблизи—три города амазонокъ... Тамъ царицы амазонокъ Ортрера и Антіопа, построили каменный храмъ богу Арею, когда отправлялись въ походъ.

«Въ бухтѣ Амазонскаго мыса, у устьевъ Ѳермодонта, аргонавты пристали къ берегу, такъ какъ на морѣ поднялась буря... Такъ какъ живущія на Доіантскомъ полѣ амазонки не обходительны и не уважаютъ никакихъ законовъ, а мучительное насиліе и дѣла Арея—война—доставляютъ имъ удовольствіе, ибо онѣ происходятъ отъ бога Арея и нимфы Гармоніи, которая родила Арею этихъ воинственныхъ дочерей, послѣ того, какъ сошлась съ нимъ въ скрытыхъ мѣстахъ Алкмонскихъ горъ, то аргонавты во время своего пребыванія тамъ пустились бы въ бой и сражались бы съ амазонками не безъ пролитія крови, если бы Зевсъ не послалъ опять благопріятнаго вѣтра Аргеста. Такъ они и отплыли съ помощью этого вѣтра отъ извилистаго берега, гдѣ уже вооружались ѳемискирскія амазонки. Эти послѣднія живутъ вмѣстѣ въ одномъ городѣ, но раздѣлены на три племени. Надъ ними тогда царствовала Гипполита» ***).

Скимнъ Хіосскій (90 л. до Р. Х.) говоритъ, что «савроматы соединились съ амазонками, перешедшими къ нимъ послѣ сраженія (съ греками) у рѣки Ѳермодонта, и получили названіе «управляемые женщинами» (γυναικοκρατούμενοι—подъ башмачкомъ у своихъ «безгрудыхъ»—ἀμαζόνες—женушекъ» ****).

---

*) Plato. „De legibus“, VI, p. 805.
**) Ферекидъ, fragm. 25.
***) Apollonius Rhadius, „Argonautica“, II, 370, 970.
****) Скимнъ Хіосскій, IV, 5.

У Саллюстія (86—35 до Р. Х.) читаемъ: «Ѳемискирскія равнины были населены амазонками, которыя почему-то оставили свое прежнее мѣстожительство у Танаиса» *).

У Страбона (66 л. до Р. Х.) значится: «Наносы песку и ила бываютъ при устьяхъ рѣкъ: такъ образовался у Фазиса (нынѣ Ріонъ) песчаный, низменный и мягкій берегъ Колхиды, а при устьяхъ Ѳермодонта—Ѳемискира, равнина амазонокъ».

Въ другомъ мѣстѣ Страбонъ сообщаетъ: «Говорятъ, что амазонки живутъ въ горахъ, возвышающихся надъ Албаніею. Ѳеофанъ, сопутствовавшій Помпею въ его походахъ и бывшій въ Албаніи, говоритъ только, что между амазонками и албанцами живутъ гели (γῆλαι) и леги (λῆγαι), народы скиѳскаго происхожденія, отечество которыхъ отдѣляется отъ амазонокъ рѣкой Мермадалисъ, протекающею въ этихъ мѣстахъ. Но, слѣдуя другимъ писателямъ, какъ-то: Метродору Скепсію и Гипсикрату, которымъ, повидимому, эти мѣста были также хорошо извѣстны, амазонки жили въ смежности съ гаргареями (γαργαρέες) у подошвы, по сѣверному скату той части Кавказа, которая извѣстна подъ названіемъ Керуанскихъ или Громовыхъ горъ. Тутъ, въ теченіе не менѣе мѣсяца въ году, амазонки занимались садоводствомъ, посѣвами, скотоводствомъ, но преимущественно разведеніемъ лошадей. Самыя отважныя изъ нихъ промышляли охотою, отправляясь на нее верхомъ, и занимались военными упражненіями. Всѣ онѣ съ малолѣтства выжигали себѣ правую грудь, чтобы свободнѣе дѣйствовать рукою при разныхъ эволюціяхъ, а въ особенности при метаніи копья. Кромѣ этого оружія, онѣ употребляли также лукъ, сагарисъ (σάγαρις) двойную боевую сѣкиру и щитъ и дѣлали себѣ шлемы, панцыри и пояса изъ шкуръ дикихъ звѣрей. При наступленіи весны, онѣ отправлялись на ближайшую гору, отдѣлявшую ихъ отъ гаргареевъ, и оставались тамъ два мѣсяца. Съ своей стороны и эти послѣдніе, слѣдуя древнему обычаю, поднимались туда же. Соединившись съ амазонками, они вмѣстѣ приносили богамъ жертвы, послѣ чего, въ тайнѣ ночи, соединялись безъ разбора (какъ нѣкоторые наши сектанты—«свальная любовь»). Коль скоро которая изъ нихъ оказывалась беременною, то она отдѣлялись отъ прочихъ. Происшедшія такимъ образомъ дѣти дѣлились по ихъ полу: дѣвочки оставались при матеряхъ, а мальчики возвра-

*) Sallustius, Histor. fragm., lib. III, fragm. 46.

щались отцамъ. Каждый принималъ подобнаго младенца въ домъ свой, считая его своимъ, потому что навѣрное не зналъ, можетъ быть, онъ и его сынъ.

Что касается до гаргареевъ, то если вѣрить преданію, они вмѣстѣ съ амазонками нѣкогда поднялись отъ Θемискиры въ теперешнія мѣста; потомъ, соединившись съ ѳракійцами и эвбеями, они восвали противъ амазонокъ, но война кончилась трактатомъ на вышеизложенныхъ условіяхъ. Съ этого времени всѣ взаимныя съ ними сношенія ограничивались добываніемъ себѣ дѣтей, а жили они всегда отдѣльно другъ отъ друга *).

У Вергилія (70—19 до Р. Х.) читаемъ: Яростная Пенѳесилія предводительствуетъ, при осадѣ Трои, амазонками, имѣвшими щиты въ видѣ полумѣсяца, и неистовствуетъ въ своемъ отрядѣ. Эта вонтельница, нося золотой поясъ подъ обнаженными грудями, осмѣливается сражаться съ мужчинами **).

У Овидія (43 до Р. Х.—17 по Р. Х.): рѣка Ѳермодонтъ, извѣстная женскому войску амазонокъ и фазисъ, къ которой стремились когда-то греческіе герои ***).

У Діодора Сицилійскаго читаемъ: «когда амазонки, у которыхъ управляютъ женщины, поселились у Ѳермодонта, гдѣ женщины наравнѣ съ мужчинами занимались военными дѣлами, говорятъ, что одна изъ нихъ, облеченная въ царскую власть, отличалась силой и храбростью. Она составила изъ однѣхъ женщинъ войско, обучила его и побѣдила нѣсколько сосѣднихъ народовъ. Когда ея военная способность и слава возросли, то она стала безпрестанно предпринимать походы противъ сосѣдей. Но такъ какъ счастье ей благопріятствовало, то она стала надменной и выдала себя за дочь Арея, мужчинъ же она заставляла прясть шерсть и исполнять въ домѣ женскія работы. Потомъ она издала законы, въ силу которыхъ женщины должны были состязаться на войнѣ, а мужчины исполнять черную рабскую работу. У новорожденныхъ мужского пола амазонки изувѣчивали ноги и руки и, такимъ образомъ, дѣлали ихъ негодными къ войнѣ; у дѣвушекъ же онѣ выжигали правую грудь, чтобы она, увеличиваясь при ростѣ тѣла, не мѣшала развитію полной силы. Отъ этого обычая, говорятъ, амазонки и полу-

*) Strabo, 1, 3, 7, IV, 5.
**) Vergilus—Aeneis-Энеида, 1, 490.
***) Ovidius Epistolae—ex Ponto, IV, X. 51, 52

чили свое названіе (безгрудыя). Царица эта, отличавшаяся умомъ и военными способностями, основала у устьевъ Θермодонта большой городъ, по имени Θемискира, съ славнымъ дворцомъ. Обращая большое вниманіе на военную дисциплину, она въ своихъ походахъ покорила всѣ сосѣдніе народы до Танаиса. Разсказываютъ, что, совершивъ всѣ эти военные подвиги, она, храбро сражаясь, въ одномъ сраженіи умерла геройскою смертью. Дочь ея, наслѣдовавшая ей престолъ, подражала матери въ храбрости и отчасти превзошла ее своими подвигами. Она заставляла дѣвушекъ съ самаго дѣтства упражняться въ охотѣ и заниматься ежедневно военными упражненіями. Она приносила также блестящія жертвы Арею и Артемидѣ таврополькой. Отправившись въ походъ въ землю, лежащую за Танаисомъ, она покорила всѣ тамошніе народы до Θракіи. Возвратившись домой съ богатой добычей, она построила вышеупомянутымъ богамъ великолѣпные храмы и своимъ кроткимъ правленіемъ пріобрѣла большое уваженіе. Она отправлялась въ походъ еще въ другія страны и земли, завоевала большую часть Азіи и распространила свое могущество до Сиріи. По смерти ея, ближайшія родственницы царицы все время прекрасно управляли народомъ и увеличивали могущество и славу амазонокъ. Позже, черезъ много поколѣній, когда повсюду разнеслась молва объ ихъ храбрости, говорятъ, что Геркулесъ получилъ отъ Эврисѳея, царя Микенъ, приказаніе достать ему поясъ царицы амазонокъ, Гиполиты. Поэтому онъ отправился въ походъ, разбилъ на-голову войско амазонокъ въ большомъ сраженіи, взялъ въ плѣнъ Гиполиту вмѣстѣ съ поясомъ и чуть не уничтожилъ совсѣмъ этотъ народъ. Поэтому сосѣдніе народы, презирая ихъ теперь за слабость, старались отомстить имъ за прежнія обиды и ослабили этотъ народъ постоянными войнами до того, что въ концѣ не осталось даже и имени его. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ похода Геркулеса, во время Троянской войны, Пенѳесилія, дочь Арея, царица оставшихся амазонокъ, убивъ одного изъ родственниковъ своихъ, должна была бѣжать изъ родины вслѣдствіе этого ужаснаго преступленія. Она сдѣлалась союзницей троянъ и послѣ смерти Гектора убила множество эллиновъ. Отличившись въ сраженіи, она геройски умерла, пораженная Ахиллесомъ» *).

Мелькомъ упоминаетъ амазонокъ и Проперцій (42—16 до

*) Diod. Sicul, II, 45, 46.

Р. Х.). «Толпа воинственныхъ амазонокъ съ обнаженными грудями купается въ волнахъ Ѳермодонта» *).

У Плинія мы могли найти только нѣсколько словъ объ амазонкахъ, именно: «Савроматы называются «побѣжденные женщинами», потому что амазонки принудили ихъ сойтись съ ними»

Плутархъ, описывая битву Помпея съ албанцами на Кавказѣ, прибавляетъ: «Говорятъ, что въ этомъ сраженіи со стороны непріятелей сражались также и амазонки, которыя спустились съ горъ у рѣки Ѳермодонта, потому что послѣ сраженія, когда римляне стали снимать доспѣхи съ убитыхъ непріятелей, то нашли нѣсколько маленькихъ амазонскихъ щитовъ и полусапожекъ, но труповъ женщинъ не нашли» **) (товарки, конечно, унесли).

У Светонія всего одна строка. «Амазонки занимали нѣкогда большую часть Азіи» ***).

Павзаній Періэгетъ (70 г. по Р. Х.) сообщаетъ: «У самаго входа въ городъ Аѳины стоитъ памятникъ амазонки Антіопы. Про эту Антіопу Пиндаръ разсказываетъ, что Пейріоъ и Тезей похитили ее, а тройценскій поэтъ Гегіасъ написалъ о ней поэму слѣдующаго содержанія. По его разсказу, Геркулесъ осадилъ городъ Ѳемискиру на рѣкѣ Ѳермодонтѣ и не могъ овладѣть имъ. Но Антіопа добровольно выдала городъ, такъ какъ была влюблена въ Тезея, соратника Геркулеса. Однако же, аѳиняне передаютъ, что когда амазонки предприняли экспедицію противъ Аѳинъ, Антіопа была убита стрѣлой амазонкой Молпадіей, а послѣднюю, въ свою очередь, убилъ Тезей. Оттого въ Аѳинахъ стоитъ и памятникъ Молпадіи.

«Внутри стѣнъ своего города аѳиняне и царь Тезей сражались съ амазонками. Хотя амазонки были однѣ женщины, но онѣ, несмотря на свое пораженіе, все-таки не унывали. Это видно изъ того, что онѣ, послѣ взятія Геркулесомъ города Ѳемискиры и послѣ уничтоженія своего отряда, который онѣ послали противъ Аѳинъ, все же пришли подъ стѣны Трои, чтобы сражаться съ аѳинянами и съ остальными греками.

«Близъ гимназіи (въ Аѳинахъ) находится храмъ Тезея. Въ

*) Propertius, „Elegiae“, lib. IV, eleg. XIII, 13, 14.
**) Plutarch „Pompejus“, XXXV.
***) Svetonius Tranquillus. „Vitae imperatorum“, 1, 22.

немъ имѣется картина, изображающая аѳинянъ, сражающихся съ амазонками. Изображена эта война и на щитѣ богини Аѳины, и на пьедесталѣ статуи Зевса Олимпійскаго.

«Близъ храма героини Вандиніи стоитъ памятникъ Гипполиты. Напишу о ней и то,—говоритъ Павзаній,—что разсказываютъ мегаряне. Когда амазонки воевали съ аѳинянами по поводу похищенія Антіопы и потерпѣли пораженіе, причемъ большая часть ихъ нихъ въ сраженіи была убита Тезеемъ, тогда, говорятъ, Гипполита, сестра Антіопы, которая тогда предводительствовала амазонками, убѣжала съ нѣкоторыми изъ нихъ въ Мегару. Повредивъ этимъ поступкомъ отряду и убѣжавшимъ вмѣстѣ съ ней, она стала унывать и, отчаяваясь въ возможности возвратиться домой въ Ѳемискиру, умерла отъ скорби. Ее тамъ похоронили, и ея памятникъ тамъ похожъ на щитъ амазонскій.

«Въ странѣ лакедемонянъ, въ городѣ Пиррихѣ находятся святилища богини Артемиды, называемой тамъ Артемидой «Астратіей», потому что амазонки принуждены были окончить тамъ свой походъ. Тутъ есть двѣ статуи, которыя были поставлены, по слухамъ, женщинами, пришедшими съ Ѳермодонта.

«Въ задней части храма Зевса въ Олимпіи, надъ дверью, находится изображеніе Геркулеса, отнимающаго у амазонки поясъ».

Все это, что говоритъ Павзаній, полно глубочайшаго интереса. Павзаній все это лично видѣлъ, какъ путешественникъ.

Дальше онъ пишетъ: «Подъ ногами Зевса на пьедесталѣ, который обитатели Аттики называютъ скамеечкой (θρανίον), представлены золотые львы и изображеніе борьбы Тезея съ амазонками. Это былъ первый геройскій подвигъ, который греки совершили противъ иноплеменныхъ.

«Про эфесскую богиню, кажется мнѣ,—говоритъ Павзаній,—Пиндаръ зналъ не все, если утверждалъ, что амазонки соорудили это святилище, предпринявъ экспедицію противъ Аѳинъ и Тезея. Женщины, жившія у рѣки Ѳермодонта, и тогда уже приносили жертвы эфесской богинѣ, издавна зная это святилище. Когда онѣ бѣжали отъ Геркулеса, а другія еще раньше—отъ Діониса, то опѣ явились туда, чтобы просить у нея защиты. Впрочемъ, и построили это святилище не амазонки, а туземцы Кореосъ и Эфесъ» *).

*) Pausanias, I, 2, 15, 17, 21, 41; II, 25; IV, 31; V, 11; VII, 27.

Діонисій Періэгетъ, тоже путешественникъ I вѣка по Р. Х., въ своемъ «Orbis descriptio» говоритъ: «Около Меотійскаго (Азовскаго) озера живутъ меоты и племена савроматовъ, благородное поколѣніе воинственнаго Арея. Они ведутъ свое происхожденіе отъ амазонокъ, которыя, будучи въ походѣ вдали отъ своей родины у Θермодонта, сошлись съ савроматами. Потому и родились отъ нихъ мужественные потомки, обитающіе въ необозримыхъ лѣсахъ, среди которыхъ протекаетъ рѣка Танаисъ (Донъ), впадающая въ бухту Меотійскаго озера» *).

Квинтъ Курцій Руфъ, описывая дѣянія Александра Македонскаго, въ VI книгѣ разсказываетъ: «Мы упомянули, что Гирканія была сопредѣльна съ землей амазонокъ, которыя обитали въ равнинахъ Θемискирскихъ, на берегахъ Θермодонта. Θалестрія, повелительница земель, лежащихъ между Кавказомъ и рѣкой Фазисомъ, возымѣла страстное желаніе видѣть молодого царя и потому отправилась за предѣлы своего государства».

Арріанъ, разсказывая о походахъ Александра Македонскаго, въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Фарасминъ, царь хорасміевъ, сказалъ, что его владѣнія примыкаютъ къ Колхидѣ и къ странѣ амазонокъ, и что если Александръ отправится къ колхамъ и амазонкамъ и покоритъ народы, живущіе у Понта Эвксинскаго, то онъ обѣщаетъ ему показывать дорогу въ этихъ мѣстахъ и снабжать его войско всѣмъ необходимымъ» **).

Псевдо-Плутархъ въ XIV главѣ описанія Танаиса говоритъ: «Танаисъ, рѣка въ Скиѳіи. Она прежде называлась Амазоніи (Ἀμαζόνιος), потому что въ ней купались амазонки. Настоящее же свое названіе она получила по слѣдующей причинѣ. Танаисъ, сынъ Беросса и амазонки Лисиппы, былъ очень воздержный человѣкъ и ненавидѣлъ женскій полъ. Онъ не хотѣлъ жениться и поклонялся только Марсу. Но Венера возбудила въ немъ любовь къ собственной матери. Вначалѣ онъ мужественно боролся со страстью, но, наконецъ, больше не могъ владѣть собой и, желая остаться невиннымъ, бросился въ рѣку Амазоніи, которая въ честь его и названа была Танаисомъ» ***).

Эліанъ послѣ описанія побѣды Помпея надъ Оройзомъ, царемъ албанцевъ, и Артокомъ, царемъ иберовъ, сообщаетъ: «Въ

*) Dionisius Per., „Orbis descriptio“, 652.
**) Arrianus, „Anabasis“, IV, 15.
***) Pseudo-Plutarchus, „De fluviorum et montium nominibus“, XIV „Τάναϊς“, 1

Римѣ онъ праздновалъ надъ ними тріумфъ. Въ числѣ заложниковъ и плѣнныхъ было множество женщинъ, которыя имѣли не менѣе ранъ, чѣмъ мужчины. Казалось, что это были амазонки, такъ какъ тѣ живутъ по сосѣдству и были призваны тогда на помощь царями Оройзомъ и Артокомъ» *).

У Фл. Вописка въ книгѣ: «Жизнь божественнаго Авреліана» читаемъ: «Въ тріумфальномъ шествіи Авреліана шли со связанными руками взятые въ плѣнъ иберы, персы, готы, аланы, сарматы. Вели здѣсь также 10 женщинъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ въ рядахъ готовъ, которыя сражались какъ мужчины, послѣ того, какъ многія другія были уже убиты. Надпись на тріумфальной аркѣ гласила, что онѣ изъ племени амазонокъ» **).

Филостратъ (до 250 г. по Р. Х.) очень много интереснаго объ амазонкахъ сообщаетъ въ своей книгѣ «Heroicus». Онъ говоритъ: «Въ негостепріимной странѣ у Понта, гдѣ простираются Таврическія горы, на материкѣ, ограниченномъ вытекающими изъ горъ рѣками Термодонтомъ и Фазисомъ, живутъ амазонки: ихъ родоначальникъ Арей пріучилъ ихъ заниматься военными дѣлами, управлять оружіемъ, сидѣть на боевыхъ конѣхъ и разводить въ низменностяхъ достаточное для войска количество лошадей. Онѣ не пускаютъ въ свою землю мужчинъ, но когда желаютъ имѣть дѣтей, то спускаются къ рѣкѣ Галису, входятъ въ сношенія съ мужчинами какъ попало. Затѣмъ, возвратившись во-свояси, новорожденныхъ мужского пола выносятъ на границу страны, чтобы ихъ могли взять отцы, а тѣ ихъ берутъ какъ попало и дѣлаютъ своими рабами. Зато дѣтей женскаго пола амазонки любятъ и считаютъ равными себѣ, ухаживаютъ за ними какъ матери, но только не кормятъ ихъ молокомъ своимъ вслѣдствіе воинственнаго образа жизни, чтобы не изнѣжиться и не имѣть отвисшихъ грудей. Полагаютъ, что самое названіе амазонокъ произошло оттого, что онѣ не кормятся грудью, а младенцамъ даютъ кобылье молоко и медъ молодыхъ пчелъ, которыя садятся на тростникѣ у рѣки для кладки меда... Какіе-то моряки и кораблестроители, возившіе изъ Понта въ Геллеспонтъ товары, были однажды на своихъ корабляхъ занесены къ лѣвому берегу Понта, гдѣ живутъ женщины. Тѣ взяли ихъ въ плѣнъ, привязали къ яслямъ и кормили ихъ съ тѣмъ, чтобы перевезти

*) Эліанъ, „Variae historiae“, 103.
**) Fl. Vopiscus. Vita div. Aureliani“, 158, 1.

черезъ рѣку и продать людоѣдамъ-скиѳамъ. Но одной изъ амазонокъ стало жаль, по причинѣ молодости, одного молодого человѣка, взятаго вмѣстѣ съ другими, и между ними возникла любовь. Она попросила сестру свою, царицу, чтобы иностранцевъ не продавали. Такимъ образомъ, тѣ были освобождены, смѣшались съ амазонками, стали говорить на ихъ языкѣ, разсказали имъ о бурѣ и о томъ, что испытали на морѣ, упомянули и о храмѣ, стоящемъ на островѣ, мимо котораго недавно они проплыли, и сообщили имъ о находящемся тамъ богатствѣ. Амазонки воспользовались той счастливой случайностью, что чужестранцы-мореходцы и умѣютъ строить корабли, и такъ какъ, кромѣ того, собственная страна ихъ доставляла имъ строительный матеріалъ, то и построили себѣ суда для перевозки лошадей, чтобы верхомъ овладѣть храмомъ Ахилла, ибо амазонки, сойдя съ лошадей, пѣшія—не болѣе, какъ обыкновенныя женщины. Сперва онѣ взялись за весла и стали учиться мореходному искусству. Когда онѣ уже выучились править кораблями, то весной отплыли изъ устьевъ Ѳермодонта и прибыли къ храму, проплывъ, самое большее, 2,050 стадій. Ставъ на якорь у острова, онѣ велѣли геллеспонтскимъ чужестранцамъ сперва рубить деревья, окружавшія храмъ: но топоры ихъ были отталкиваемы назадъ и попадали въ нихъ самихъ—кому въ голову, кому въ шею. Такимъ образомъ, всѣ онѣ пали у деревьевъ. Но амазонки напали на храмъ, съ крикомъ, подгоняя своихъ лошадей. Ахиллъ (конечно, его статуя) сердито и грозно смотрѣлъ на нихъ, потомъ прыгнулъ, какъ это онъ сдѣлалъ у Скамандра и передъ Троей, и навелъ такой страхъ на лошадей, что уздечки были тутъ безсильны:—лошади стали на дыбы, сбросили амазонокъ, какъ чужую и лишнюю тяжесть, разсвирѣпѣли, бросились на лежащихъ на землѣ амазонокъ и стали топтать ихъ копытами. Гривы у нихъ поднялись дыбомъ, и уши навострились; какъ дикіе львы онѣ стали ѣсть у лежащихъ женщинъ обнаженныя руки, растоптали груди и отрывали и пожирали внутренности. Наѣвшись досыта человѣческаго мяса, онѣ стали буйствовать и, взбѣсившись, запачканныя кровью, стали бѣгать по острову. Затѣмъ, увидя съ возвышенности поверхность моря и полагая, что это равнина, онѣ бросились въ море. Погибли также отъ сильнаго вѣтра и корабли амазонокъ. Такъ какъ они были пустые,

и никто не управлялъ ими, то они сдвинулись съ мѣста и поплылись по морю, ударяясь другъ о друга» *).

Господи! Какіе ужасы... А все натворилъ мраморный или бронзовый истуканъ Ахилла, а вѣдь онъ изъ «Иліады» извѣстно, какъ онъ былъ «гнѣвенъ»...

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...

Амміанъ Марцеллинъ, современникъ другъ и правдивый историкъ Юліана-Отступника, такъ свидѣтельствуетъ объ амазонкахъ: «Рѣка Ѳермодонтъ, вытекая изъ горъ Арменіи, протекаетъ черезъ ѳемискирскіе лѣса, куда нѣкогда необходимость заставила перейти амазонокъ. Дѣло было вотъ какъ. Древнія амазонки совершали кровавыя вторженія въ земли сосѣднихъ народовъ и опустошали ихъ. Когда же земли эти, вслѣдствіе постоянныхъ опустошеній, были истощены, то амазонки ужъ очень возгордились и такъ какъ видѣли, что ихъ силы превышаютъ силы сосѣдей, на которыхъ онѣ часто нападали, то, увлеченныя внезапной страстью, прорвались черезъ множество народовъ и вторглись въ землю аѳинянъ, но въ страшномъ сраженіи, разбросанныя въ безпорядкѣ, потерпѣли пораженіе, такъ какъ фланги ихъ не были защищены. Когда было узнано о гибели ихъ, то тѣ амазонки, которыя, какъ неспособныя къ войнѣ, были оставлены дома, претерпѣли большія бѣдствія; для того же, чтобы избѣгнуть страшныхъ нападеній со стороны сосѣдей, которые имъ мстили за прежнія вторженія, онѣ перешли въ болѣе спокойную страну у Ѳермодонта. Потомки ихъ стали очень размножаться и, наконецъ, въ большомъ количествѣ возвратились на прежнюю родину и впослѣдствіи сдѣлались страшными для народовъ разнаго происхожденія» **).

Клавдій Клавдіанъ въ своихъ «посланіяхъ» такъ отзывается объ амазонкахъ: «Если бы ты, красавецъ (Гонорій Августъ), преслѣдовалъ лютыхъ амазонокъ по горамъ Кавказа, покрытаго снѣгомъ, то щитоносный отрядъ ихъ, вспомнивъ о своемъ полѣ, пересталъ бы сражаться (ого!—откровенно...), и Гипполита, забывъ отца своего, при звукахъ трубъ, увлеченная, сложила бы вынутую сѣкиру и съ открытою наполовину грудью отдала бы тебѣ поясъ, который не хотѣла отдать храброму Геркулесу» **)

*) Philostrates. „Heroicus“, 216, 12.
**) Ammianus Marcellinus, XXII, 8, 17.—19.

(еще бы не отдать всего такому красавцу, какъ Гонорій Августъ!).

«Стрѣлой Геркулеса поражена Гипполита, а твоя обоюдоострая сѣкира, Пенеесилея, обратила грековъ въ бѣгство, и намъ достовѣрно передано, что женщины выстроили знаменитыя укрѣпленія Карѳагена и гордый своими 100 воротами Вавилонъ».

«Какъ часто красивыя амазонки пляшутъ, отбросивъ въ сторону свои маленькіе щиты, и какъ часто героиня Гипполита, которая опустошила сѣверныя страны, уводитъ съ битвы свои бѣлые отряды, побѣдивъ бѣлокурыхъ гетовъ или разбивъ замерзшій Танаисъ амазонскою сѣкирой!» *).

Объ амазонкахъ говоритъ и Николай Дамасскій слѣдующее: «Савроматы выдаютъ дѣвушку замужъ не раньше, какъ она убьетъ хоть одного непріятеля.

«У нихъ женщины такъ же воинственны, какъ и мужчины. Онѣ отправляются вмѣстѣ съ ними на войну, когда нужно. Говорятъ, что амазонки были до того храбры, что доходили даже до Аѳинъ и Киликіи **).

У Арріана Никомидійскаго читаемъ: «Амазонки отправлялись въ походъ на Ниневію и Вавилонъ подъ предводительствомъ Эвриппиллы.

«Амазонки занимали прежде много мѣстностей въ Азіи. Доказательствомъ этого служатъ не только нѣкоторые колодцы, называемые по имени амазонокъ, но и многіе города, какъ напримѣръ, Эфесъ, Анаія, Мирина и эолійская Кима. Недалеко отъ Никомидіи есть также мѣстность Элаія, получившая, по мнѣнію Арріана, свое названіе отъ амазонки Элаіи. У Понта лежитъ также городъ Ѳиба, получившій свое названіе отъ одной изъ убитыхъ Геркулесомъ амазонокъ» ***).

Такъ сильно и долго, много-много столѣтій, занимало умы древняго міра это необыкновенное явленіе, существованіе воинственнаго государства женщинъ, и не удивительно, что такъ много писали объ амазонкахъ. Воображеніе наше не можетъ не поражаться этимъ явленіемъ и его своеобразностью. Чѣмъ вы-

*) Claudius Claudanus, XI, 31 — XVIII. „in Eutropium“, lib I, 332—XXXV „de raptu Proserpinae“.

**) Paradoxographi graeci, ed. Westermann, frag. Nicol. Damas. 171, XXI, XXII.

***) Arrianus Nicomedensis, p. 596, fragm. 48 – 58

зывалось это необыкновенное явленіе—это едва ли можетъ быть когда-либо дознано наукою. Но мы должны считаться съ нимъ.

IV.

Мы оставили македонскаго царя въ странѣ воинственныхъ мардовъ, когда, жестоко наказавъ ихъ за нападенія на его легіоны, онъ рѣшился, наконецъ, поспѣшить направить свое шествіе къ городу Задракарта, что нынѣ Астрабадъ, гдѣ ожидали его послы изъ разныхъ странъ міра и прекрасная Ѳалестрія съ отрядомъ трехсотъ «дѣвъ—воиновъ», какъ называли себя амазонки.

Дни стояли знойные. Но воины Александра, закаленные подъ палящими лучами пламеннаго солнца Ирана, Сиріи, Палестины, Египта, Вавилона и Индіи, мужественно совершали свои міровыэ походы.

— Однако, сынъ Зевса и Геры усердно раздуваетъ свои кузнечные мѣхи,—задумчиво сказалъ Александръ, изнывая отъ зноя.

— Почему Гефестъ, государь?—спросилъ Гефестіонъ, взглянувъ на солнце.

— Какъ почему! Ему днемъ, когда по небу шествуетъ Геліосъ, виднѣе и сподручнѣе работать подъ землею своимъ тяжкимъ молотомъ,—отвѣчалъ молодой царь.

— Что ты, государь! — удивился Гефестіонъ. — Подставь лицо подъ лучи Геліоса, и онъ обожжетъ твои ланиты, какъ обжигаетъ мои.

— Геліосъ тутъ ни при чемъ съ его безсильными лучами,— пожалъ плечами Александръ,—насъ поджариваетъ теперь твой патронъ, сынъ Зевса и Геры-Гефестъ.

— Нѣтъ, государь, я не соглашусь съ этимъ,—не сдавался Гефестіонъ,—меня печетъ не сынъ Зевса и Геры, а сынъ Зевса и Леты, лучезарный Фебъ-Геліосъ.

— Нѣтъ, повторяю тебѣ: мой великій учитель, божественный Аристотель, да блаженствуетъ онъ въ свѣтломъ Элизіумѣ, говорилъ мнѣ, что чѣмъ выше отъ земли подниматься къ солнцу, тѣмъ лучи его безсильнѣе. Отчего на горахъ Индіи, на вершинѣ Арарата и на вершинахъ Кавказа вѣчные снѣга?.. Солнце—

Геліосъ безсильно растопить ихъ... Фебъ только свѣтитъ, а не грѣетъ.

Ясныя доказательства молодого царя глубоко поразили его друга. Онъ задумался.

— Твой великій учитель правъ,—сказалъ онъ.—Когда твои легіоны, возвращаясь изъ знойной Индіи, проходили горами Парапаниза, на которыхъ лежалъ снѣгъ, и морозъ сковывалъ наши члены, мы только и спасались подъ верблюжьими и овечьими шкурами.

— Да, на снѣговыхъ вершинахъ и Гефестъ безсиленъ... Жаръ изъ его горна не досягаетъ туда... Не солнце согрѣваетъ и печетъ насъ, а земля съ помощью горна Гефеста... Точно также не мѣховое одѣяніе, не шкуры верблюда и овцы согрѣваютъ, а мы, напротивъ, грѣемъ ихъ теплотомъ нашего тѣла, теплотомъ, которое изъ насъ же исходитъ, какъ изъ земли, а не отъ солнца исходитъ и тепло, и зной.

Все это было ново для Гефестіона и произвело цѣлый переворотъ въ его понятіяхъ.

Между тѣмъ вдали показались сѣрыя высокія башни и стѣна акрополя Задракарты.

— Должно быть, государь, это виднѣются башни и стѣны столицы Гирканіи,—сказалъ Гефестіонъ, приглядываясь.

— Да, проводники гиркани докладывали мнѣ, что мы увидимъ Задракарту сегодня, когда Фебъ-Геліосъ только что достигнетъ верхнихъ стадій своего теченія,—подтвердилъ Александръ.

— Прикажешь, государь, возвѣстить о твоемъ приближеніи?—спросилъ Гефестіонъ.

— Да, вели трубить,—отвѣчалъ молодой царь.

Гефестіонъ поспѣшилъ исполнить приказъ своего повелителя. Трубы голосно взвыли. Къ Александру подскакалъ будущій родоначальникъ селевкидовъ, даровитый молодой полководецъ Селевкъ, впослѣдствіи «Никаторъ»-побѣдитель.

— Прикажешь, великій государь, послать вѣстниковъ въ городъ, чтобы тамъ успѣли приготовиться къ почетной встрѣчѣ божественнаго сына Аммона-Ра?—спросилъ онъ.

— Пошли!—былъ короткій отвѣтъ.

Когда молодой герой приблизился къ городу, то на обширной равнинѣ, на которой возвышался загородный царскій дворецъ, онъ увидѣлъ съ одной стороны дворца стройный рядъ амазо-

покъ съ Ѳалестріей въ челѣ, съ другой—рядъ пословъ съ ихъ свитами и двухъ гигантскихъ псовъ съ золотыми ошейниками, украшенными рѣдкой по цѣнности бирюзой.

Амазонки звонко ударили въ щиты и преклонили свои босвыя сѣкиры.

— Эвоэ, великій сынъ Филиппа, побѣдитель народовъ, повелитель страны фараоновъ и всего Востока,—троекратно прокричали послы.—Эвоэ! Эвоэ! Эвоэ!

— Эвоэ Вакхъ Діонисъ!—воскликнулъ царь гирканов, подпося царственному гостю на золотомъ блюдѣ драгоцѣнный кубокъ, наполненный мѣстнымъ виномъ въ честь Вакха, бога веселья.

Александръ, сдѣлавъ возліяніе богу, сказалъ торжественно:

— Привѣтъ царю прекрасной мирной страны!

И затѣмъ опорожнилъ кубокъ.

— А это,—указалъ царь гирканов на желѣзныя клѣтки съ одной стороны дворца, гдѣ за рѣшетками виднѣлись громадные дикіе кабаны, медвѣди, львы и гигантской величины слонъ,—это для травли въ твоемъ присутствіи этихъ звѣрей страшными псами царя Иверіи.

Александръ сошелъ съ своего «Буцефала». Примѣру его послѣдовали старшіе военачальники.

Затѣмъ царь гирканов, приказавъ виночерпію вновь наполнить кубокъ виномъ, приблизился съ нимъ къ Ѳалестріи.

— Эвоэ, Артемида-Ѳалестрія, повелительница дѣвъ-воиновъ,—сказалъ онъ, подавая ей кубокъ,—осуши сей виноградный сокъ въ честь твоей покровительницы, великой Артемиды. Эвоэ!

— Эвоэ!—повторила Ѳалестрія, храбро осушая внушительной величины кубокъ и сошла съ коня, чтобы приблизиться къ Александру.

— Привѣтъ тебѣ, величайшій въ мірѣ изъ смертныхъ!—провозгласила она.

— Привѣтъ величайшей изъ женщинъ всего міра!—отвѣчалъ македонскій герой.

Хитрый гирканъ уже провѣдалъ, зачѣмъ пріѣхала Ѳалестрія, и потому обратился къ своимъ высокимъ гостямъ съ дипломатической рѣчью.

— Величайшій и величайшая изъ смертныхъ, — топко повелъ онъ, указывая на свой загородный дворецъ:—мой дворецъ вашъ шалашъ, освятите и прославьте его вашими взорами и вашими стопами...

Это то же, что пишущему сей разсказъ, лежавшему въ 1882 году въ лихорадочномъ бреду, на большомъ Араратѣ, въ палаткѣ персидскаго курда, извѣстнаго разбойника, говорилъ этотъ курдъ, униженно прикладывая руку къ головѣ и къ сердцу:

— Яралянъ (генералъ)! Мой сарай, — показывая на палатку,—твой сарай.

Но и этого казалось ему мало, и онъ подходитъ вторично:

— Яралянъ! Мой сарай—твоя капушня! Точно «яралянъ» лошадь.

Тутъ недоставало только, чтобъ гирканскій дипломатъ возгласилъ: «Мой дворецъ—ваша конюшня».

Пригласивъ съ собой во дворецъ Александра и Оалестрію, онъ велѣлъ виночерпію и хлѣбодару пригласить также всѣхъ начальниковъ македонскаго войска и почетнѣйшихъ изъ амазонокъ, а равно всѣхъ пословъ.

Тамъ уже ожидалъ всѣхъ богатый «достарханъ», а къ обѣду приготовленъ былъ роскошный пиръ для начальствующихъ лицъ и для войска, а равно и для пословъ.

Для этого заблаговременно были зарѣзаны стада овецъ, индѣекъ, куръ и фазановъ. Пиръ пошелъ съ обильными возліяніями въ честь Вакха-Діониса.

Послѣ обѣда всѣ гости гирканскаго царя вышли на обширную галлерею дворца, чтобы присутствовать при состязаніи чудовищныхъ псовъ царя иверовъ съ дикими звѣрями. Войско Александра и отрядъ амазонокъ уже выстроены были шпалерами, полукругомъ, на просторной равнинѣ передъ дворцомъ. Псы спокойно лежали у ногъ царскихъ псарей, нюхая изрѣдка воздухъ съ той стороны, гдѣ находились клѣтки со львами и слономъ.

По знаку гирканскаго царя открыли клѣтку, гдѣ помѣщался чудовищный кабанъ. Животное, выскочивъ изъ клѣтки, съ сердитымъ хрюканьемъ остановилось на мгновеніе.

Всѣ взглянули на собакъ. Тѣ лежали смирно, какъ будто бы передъ ними ничего не было.

— Что это?—удивился Александръ.—Псы не двигаются... Они боятся свиньи...

Вдругъ кабанъ, ощетинившись своею игольчатой шерстью, бѣшено ринулся съ пѣною у морды въ сторону амазонокъ, и не успѣли онѣ глазомъ мигнуть, какъ кабанъ своими страшными клыками, словно косой, подсѣкъ ноги у одной лошади подъ амазонкой, и та мгновенно рухнула на землю вмѣстѣ съ лошадью.

— Позоръ!—гнѣвно крикнулъ Александръ.—Смерть трусу-собакѣ! Убить ее...

Не успѣлъ онъ кончить, какъ тяжелое метательное копье ближайшаго гоплита пронзило черепъ собакѣ, а другое перебило ей хребетъ.

Собака въ судорогахъ мгновенно испустила духъ; другую же своимъ тѣломъ заслонили псари иверскаго царя, грозно поглядывая на войско.

— Позоръ! Такой мнѣ подарокъ прислалъ вашъ царь на смѣхъ!—кричалъ разъяренный Александръ на пословъ царя Иверіи.

— Не тебя, государь, поднялъ на смѣхъ нашъ повелитель, и тебя, и насъ здѣсь осмѣяли, хотя, надо думать, не съ намѣреніемъ.

— Какъ! Кто смѣлъ меня здѣсь осмѣять!—гремѣлъ голосъ молодого царя.

— Не знаю, государь, кто... Но развѣ же можно ничтожную свинью выпускать на нашихъ великановъ! Это все равно, что выпустить на нихъ мышенка... Что сказалъ бы ты, покоритель Востока, если бы вмѣсто Дарія или царя Пора на тебя съ мечомъ выступилъ трехлѣтній младенецъ?.. У насъ такихъ кабановъ легко задавитъ простая овчарка,—горячо говорилъ старшій посолъ Иверіи.

Въ этотъ моментъ, исполняя раньше данное приказаніе, выпустили изъ клѣтки стараго, матерого медвѣдя.

— Назадъ! Назадъ!—кричалъ посолъ Иверіи.—Опять мышенка выпустили.

— Назадъ!—крикнулъ и гирканскій царь, сбѣгая съ галлереи.

Но было уже поздно. Почуявъ свободу, косматое чудовище, пагнувъ страшную голову, стремительно бросилось впередъ, ничего не видя; но вдругъ, увидавъ стѣну изъ гоплитовъ, медвѣдь

поднялся на заднія лапы и съ страшнымъ ревомъ кинулся на гоплитовъ. Въ грудь ему вонзилось копье перваго гоплита; но онъ сломалъ копье ударомъ страшенной лапы, подмялъ подъ себя гоплита и вмѣстѣ съ шлемомъ когтями снялъ съ него черепъ. Но множество другихъ копій его изрѣшетили, и чудовище съ хрипомъ и предсмертными конвульсіями моментально издохло.

Иверскій песъ лежалъ неподвижно и только покосился на сцену борьбы.

— Не достаетъ, чтобъ выпустили теленка, лань, овцу!— рвалъ на себѣ волосы иверскій посолъ.

— Выпустить самаго свирѣпаго и могучаго льва!—кричалъ царь Гирканіи.

По всей галлереѣ царило необычайное волненіе.

— На медвѣдей и кабановъ и мы охотимся, даже безъ собакъ,—говорили амазонки.

— И что они могутъ сдѣлать противъ моихъ двѣнадцати копій, которыя я ношу въ копійномъ колчанѣ?

— А наши стрѣлы пронизываютъ подобно молніямъ Перуна царскихъ скиѳовъ.

— А наши сѣкиры?

Въ этотъ моментъ послышалось ужасающее рыканіе льва. Царь пустыни, выпущенный изъ темной клѣтки, гдѣ онъ много дней не видѣлъ ни неба, ни солнца, казалось, обезумѣлъ отъ неожиданности. Онъ увидѣлъ небо, солнце, то солнце своей родины, на которое онъ глядѣлъ бывало, лежа въ пустынѣ рядомъ съ матерью.

Оно, оно, солнце далекой родины, откуда его увезли дѣтенышемъ, убивъ его мать!

Онъ снова испустилъ страшный ревъ, посылая привѣтъ голубому небу и солнцу своей родины-пустыни.

При первомъ его ревѣ великанъ-песъ быстро поднялся на ноги. При вторичномъ ревѣ онъ прямо пошелъ на льва, не поднимая упругаго хвоста.

Левъ замѣтилъ собаку и, припавъ къ землѣ, поползъ къ ней, какъ бы крадучись, подобно тому, какъ кошка, крадучись, подползаетъ къ воробью или голубю. Изъ багровой пасти его исходило, какъ изъ горна, горячее дыханіе, которое, точно вѣеръ, взметало песокъ, которымъ посыпана была арена.

Вдругъ онъ сдѣлалъ страшный прыжокъ на своего огромнаго противника, прыжокъ разсчитанный. Но песъ такъ быстро отпрыгнулъ въ сторону, что левъ не успѣлъ опомниться, какъ иверское чудовище было уже на спинѣ своего противника и, схвативъ его зубами за загривокъ, перекинуло черезъ свою голову, какъ котенка.

— Habet! Habet!—не вытерпѣлъ посолъ Рима.

— Habet!—повторилъ его товарищъ.

«Habet» кричатъ въ циркѣ, въ Римѣ, когда гладіаторъ сдѣлаетъ удачный ударъ.

— Клянусь богами, я ничего подобнаго не видѣлъ!—говорилъ возбужденно македонскій герой.

Левъ, отлетѣвъ назадъ сажени на двѣ и раза два перекувырнувшись черезъ голову, на минуту какъ бы опѣшилъ. Онъ снова издалъ ревъ, но слабѣе двухъ первыхъ.

— Теперь доволенъ ты, великій базилевсъ?—радостно говорилъ посолъ Иверіи.

— О, самъ Геркулесъ былъ бы доволенъ такимъ началомъ,—сказалъ Александръ.

— Такъ точно нашъ государь швырнулъ Дарія,—сказалъ ловкій Селевкъ Антипатру, но такъ, что всѣ слышали.

— И царя слоновъ, Пора,—подтвердилъ Антипатръ.

Левъ опять готовился къ нападенію. Грива его ощетинилась и ходила ходенемъ. Онъ опять прилегъ и поползъ по-кошачьи, взметая хвостомъ песокъ арены. Собака стояла съ ощетинившеюся на спинѣ шерстью.

— Промахнется теперь или не промахнется милая кошечка?—говорила Θалестрія, улыбаясь Александру.

— Думаю, что опять промахнется: собака слишкомъ спокойна,—отвѣчалъ Александръ.

— Но остается еще слонъ, а онъ такой громадный.

— Тѣмъ больше будетъ славы для побѣдителя, этого четвероногаго и хвостатаго Ахилла,—улыбнулся молодой македонскій герой.

Новый прыжокъ льва и новое, поразительное явленіе! Никто не замѣтилъ, какъ иверскій великанъ очутился на хребтѣ льва и рвалъ его шею страшными зубами.

— О, боги! Это непостижимо!—послышались крики.

— Это Церберъ изъ ада!

Левъ былъ задушенъ. Побѣдитель, пасть котораго была наполнена хлынувшей изъ перекушенной шеи побѣжденнаго кровью, моталъ головой, выплевывая черную руду задушеннаго врага. А псарь, радостно осклаблясь, любовно гладилъ его спину.

Иверскіе послы торжествовали: побѣда была на ихъ сторонѣ.

— А то кабанъ, медвѣдь... Это для овчарокъ...

— А слона—спросилъ Селевкъ,—осилитъ?

— Осилитъ... Ему нѣтъ противника.

— Такъ выпустите слона,—сказалъ Александръ, котораго видъ кровавой борьбы необыкновенно возбуждалъ, словно бы онъ присутствовалъ при кровавомъ дѣлѣ своихъ легіоновъ и самъ велъ ихъ въ битву.

Приказаніе его было исполнено.

Изъ громадной желѣзной загороди, медленно передвигая столпообразныя ноги, выступалъ бѣлый великанъ. Спокойно поводя хоботомъ, то подбирая его въ гигантское кольцо, то вытягивая, словно пожарный рукавъ, онъ, казалось, обнюхивалъ воздухъ и маленькими глазками осматривалъ все его окружающее

Видъ бѣлаго, никогда невиданнаго чудовища съ ногами, подобными колоннамъ въ акрополѣ Аѳинъ, поразилъ великана-пса. Доселѣ спокойный, какъ бы лѣнивый, онъ сначала зарычалъ; но, видя спокойно двигающагося бѣлаго гиганта, онъ такъ грозно и могуче залаялъ, словно бы голосъ его вырывался изъ паровой трубы.

Слонъ задвигалъ ушами и двинулся къ собакѣ, поднявъ стоймя хоботъ, точно мачту.

Мачта вдругъ опустилась на собаку, но она успѣла отпрянуть и вцѣпилась зубами въ конецъ хобота. Изъ хобота ринула кровь, и бѣлый великанъ страшно заревѣлъ, стараясь затоптать врага колоннообразными ногами. Напрасно! Собака уже рвала хвостъ великана... Пока слонъ обернулся, собака была уже у него на хребтѣ и рвала зубами тѣло великана. Онъ вскинулъ хоботъ на спину... Еще хуже! Хоботъ очутился въ пасти чудовищной собаки.

Ужасающій ревъ!..

— Habet! Habet!—рукоплескали послы Рима.

— Невиданное ни смертными, ни богами зрѣлище!—гово-

рилъ Александръ, готовый, кажется, перепрыгнуть черезъ каменный парапетъ галлереи.

А собака, бросивъ хоботъ, рвала уже бока великана, когда онъ старался поразить врага клыками-бивнями, и постоянно отпрыгивала то въ ту, то въ другую сторону.

Несчастный великанъ обернулся въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Александръ, и пронзительно заревѣлъ, какъ бы прося помощи.

— О!—захлебывались отъ восторга послы Рима.

— Ave caesar, morituris te salutat!—громко проговорилъ одинъ изъ нихъ.

Александръ улыбнулся: онъ понималъ римскій языкъ.

— Что сказалъ посолъ Рима?—спросила его Ѳалестрія.

— Что меня привѣтствуетъ умирающій великанъ,—отвѣчалъ тотъ.

Слонъ, видимо, слабѣлъ все болѣе и, наконецъ, выбившись изъ силъ, истекая кровью и издавая стоны, грохнулся, «такъ что,—говоритъ Плиній,—земля задрожала».

Пораженные необычайнымъ единоборствомъ, кончившимся ужасной смертью великана-слона, всѣ вслѣдъ за Александромъ сошли съ галлереи и окружили пса-побѣдителя. Онъ стоялъ смирно, весело поглядывая на всѣхъ и дружелюбно помахивая хвостомъ.

Македонскій царь погладилъ его.

— Да онъ смиренъ, какъ теленокъ,—говорилъ Александръ, лаская удивительную собаку.

— О, великій государь,—говорилъ посолъ Иверіи,—дѣти нашего царя, мальчики и дѣвочки, постоянно ѣздятъ на немъ верхомъ, и онъ любитъ играть съ ними.

— Курицы не обидитъ,—пояснилъ другой посолъ,—а когда на столицу Иверіи разбойнически напали колхи, такъ этотъ нашъ Артокъ загрызъ множество колховъ.

— И они со страху бѣжали, и множество ихъ потонуло въ Фазисѣ,—добавилъ первый посолъ.

Ѳалестрія также ласкала удивительнаго пса.

— О, еслибъ у меня были такія собаки, какъ эта, то мой народъ былъ бы непобѣдимъ,—говорилъ царь Гирканіи.

— Я слышалъ, что вы на войну ходите съ собаками,—сказалъ Александръ.

— О, да, государь, и собаки—лучшіе наши союзники и помощники,—отвѣчалъ царь Гиркановъ *).

— Какъ же онѣ помогаютъ вамъ?—спросилъ Александръ.

— Онѣ, государь, наши развѣдчики и наша стража: онѣ издали чуютъ непріятеля, обоняніе у нихъ удивительное, и хитры онѣ, какъ лисицы, когда охотятся на дудаковъ.

— А кто эти дудаки?—спросилъ Александръ.

— Это птица дрофа или дрохва. Увидавъ дрофу, лисица и наша собака оборачиваются къ ней задомъ и поднимаютъ вверхъ хвостъ, а сами присѣдаютъ. Дрофа принимаетъ этотъ хвостъ за шею самки дрофы, приближается къ ней и попадаетъ въ зубы лисицы или собаки **).

Между тѣмъ, солнце скрылось за горизонтомъ, и наступилъ тихій, погожій вечеръ. Въ воздухѣ чуялся запахъ жаренаго мяса. То на ближайшей къ лѣсу равнинѣ готовился для воиновъ и амазонокъ ужинъ и жарились на кострахъ туши быковъ и барановъ. Для почетныхъ гостей также готовъ былъ ужинъ на воздухѣ, о чемъ виночерпій и хлѣбодаръ царя Гирканіи доложили своему повелителю.

Александръ и Ѳалестрія, распустивъ—первый своихъ воиновъ, а Ѳалестрія—амазонокъ, вмѣстѣ съ гостепріимнымъ хозяиномъ и послами, а равно съ другими почетными гостями, отправились къ накрытымъ на воздухѣ столамъ.

Послѣ ужина Александръ и Ѳалестрія вдвоемъ отправились въ отведенный имъ дворецъ.

Тамъ и совершился романъ Александра Македонскаго, длившійся ровно тринадцать дней.

Какой плодъ дало интимное сближеніе Александра съ Ѳалестріей, объ этомъ исторія умалчиваетъ.

Конецъ.

---

*) Эліанъ, „De natura animalium“, VII, 35.
**) Ibid. VI, 24.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Стр.

Нильскій крокодилъ 1

Романъ Александра Македонскаго 128

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ
И РАЗСКАЗОВЪ
ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 20
В

ЦАРЬ БЕЗЪ ЦАРСТВА

ИЗЪ ИСТОРІИ ПОСЛѢДНИХЪ
ДНЕЙ ЦАРСТВА ИМЕРЕТИНСКАГО.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ Стремянная, 12, соб. д.

Кн. 20

ЦАРЬ БЕЗЪ ЦАРСТВА.

Изъ исторіи послѣднихъ дней царства Имеретинскаго.

Милой внучкѣ
ОЛѢ АЛЕКСАНДРОВОЙ
на память о Кавказѣ.

съ любовью посвящаетъ
дѣдушка-авторъ.

I. Тревожныя вѣсти.

У подножія Крестовой горы, недалеко отъ Нарзана, раскинуто нѣсколько богатыхъ палатокъ.

Весна 1806 года на Кавказѣ выдалась ранняя.

Конецъ апрѣля блисталъ всею роскошью полнаго расцвѣта богатой южной природы.

Жаркій день смѣнялся мягкимъ, ласкающимъ тепломъ начинавшагося вечера, хотя солнце только что стало склоняться къ остроконечной макушкѣ Пикетной горы.

У открытаго входа въ одну изъ самыхъ богатыхъ и обширныхъ палатокъ, на низенькомъ турецкомъ диванѣ, сидѣла молодая, восточнаго, грузинскаго типа, женщина, довольно полная, съ большими черными глазами и большимъ мясистымъ носомъ. Она перебирала въ рукахъ дорогія четки, оканчивавшіяся небольшимъ золотымъ крестомъ съ крупными зернами бирюзы. На черныхъ, какъ воронова крыло, волосахъ ея блестѣла діадема съ вкрапленными въ нее брилліантами и изумрудами.

Противъ нея на разостланномъ персидскомъ коврѣ сидѣлъ, по-восточному поджавъ ноги, мужчина лѣтъ пятидесяти съ ярко выраженнымъ типомъ грузина, съ черными курчавыми волосами и тонкимъ орлинымъ носомъ. За поясомъ его горѣлъ

въ лучахъ вечерняго солнца кинжалъ въ серебряныхъ ножнахъ и съ рукояткою, обсыпанною бирюзой.

Около другихъ палатокъ сидѣли и ходили грузины въ своихъ цвѣтныхъ костюмахъ, а еще дальше стояли крытыя и некрытыя арбы и паслись лошади и буйволы, оберегаемые нукерами.

— Я выѣхала сюда изъ Кутаиса, когда князь Цициановъ былъ уже въ походѣ,—говорила женщина въ діадемѣ.—Потомъ уже сюда дошли вѣсти, что онъ убитъ при осадѣ крѣпости Баку; но какъ это случилось, я въ точности не слыхала.

— О, ваше величество,—почтительно сказалъ сидѣвшій противъ нея грузинъ, и тонкая усмѣшка прозмѣилась на его тонкихъ губахъ,—Гуссейнъ-Кули-ханъ ловко отмстилъ ему и за себя, и за нашу дорогую Имеретію, и за весь Кавказъ. Дѣло было такъ, свѣтлѣйшая царица. Когда Цициановъ подступилъ съ войскомъ къ Баку и потребовалъ безусловной сдачи крѣпости, то хитрый Гуссейнъ выказалъ полную покорность и назначилъ часъ и мѣсто, гдѣ должны были быть вручены русскому главнокомандующему ключи отъ крѣпости. Въ назначенный день, рано утромъ, Цициановъ, взявъ съ собой только двѣсти человѣкъ конвоя, чтобы занять караулы въ крѣпости, подъѣхалъ къ источнику, снабжавшему городъ водою, и остановился для принятія ключей. Въ это время изъ крѣпости вышли старшины города съ хлѣбомъ и солью и съ ключами, но просили только, чтобы русскій князь лично успокоилъ ихъ хана полнымъ прощеніемъ. Цициановъ согласился. Онъ же хорошо зналъ Гуссейна. Хлѣбъ-соль онъ принялъ, а ключи возвратилъ старшинамъ: пусть, говоритъ, самъ ханъ вручитъ мнѣ ихъ.

Разсказчикъ остановился и оглядѣлся кругомъ, не подслушиваетъ ли кто.

— Ну, князь Симеонъ, что же было дальше?—спросила женщина въ діадемѣ, нервно перебирая четки.

— Сейчасъ, ваше величество. Тамъ были наши приверженцы и видѣли все это. Когда князь Цициановъ возвратилъ ключи, то вскорѣ изъ крѣпости выѣхалъ самъ ханъ Гуссейнъ, окруженный знатнѣйшими лицами ханства, беками и мурзами. Но лишь только Цициановъ съ полковникомъ Эристовымъ и однимъ казакомъ приблизились къ хану, какъ одинъ бекъ, по знаку Гуссейна, выстрѣлилъ почти въ упоръ изъ пистолета въ Цициановa, а другой бекъ—въ Эристова. Въ тотъ же моментъ

конвой хана съ страшнымъ крикомъ далъ залпъ по отряду князя, и тѣ разсыпались какъ воробьи передъ стаею коршуновъ.

— А Цициановъ?—съ первой дрожью спросила женщина въ діадемѣ, и глаза ея сверкали торжествомъ.

— Онъ упалъ... Его сѣдую голову тотчасъ же отрѣзали и отправили, какъ дорогой бакшишъ, въ Персію, въ подарокъ ея повелителю могущественному Баба-хану.

Солнце нижнимъ краемъ диска уже коснулось верхушки Пикетной горы, но тѣмъ ярче пурпуровые лучи его горѣли на зеленыхъ вершинахъ Крестовой, Сѣдло-горы и далекой Елисаветинской. Надъ долиной Подкумка прозрачной пеленой клубился туманъ, сливаясь съ сѣрыми уступами скалъ, амфитеатромъ вставшихъ за Подкумкомъ. Въ воздухѣ рѣяли хищные кобчики, а выше—спиральными кругами плавали горные великаны-орлы.

— Да, это ему за Имеретію, за наше милое царство,—раздумчиво проговорила женщина въ діадемѣ.—Что жъ теперь въ Тифлисѣ?—спросила она.

— Въ Тифлисѣ, царица, всѣ потеряли головы, точно и у нихъ онѣ посрѣзаны Гуссейнъ-Кули-ханомъ,—отвѣчалъ ея собесѣдникъ.—Я былъ теперь тамъ. Никто не знаетъ, кто начальникъ. Генералъ Портнягинъ говоритъ, что онъ начальникъ, потому что Цициановъ, выступая въ походъ подъ Баку, назначилъ его командиромъ всѣхъ закавказскихъ войскъ, а генералъ Несвѣтаевъ говоритъ: «Я начальникъ, я старше чиномъ». И тотъ, и другой пишутъ приказы по войскамъ, а кого слушаться, ни полковники, ни маіоры не знаютъ. А тутъ, на линіи, третій начальникъ, генералъ Глазенапъ.

— Да, онъ здѣсь, въ Георгіевскѣ,—сказала женщина въ діадемѣ.—Когда весной я ѣхала сюда на воды, онъ въ Георгіевскѣ очень любезно меня встрѣтилъ. Онъ, кажется, большой любитель женской красоты,—продолжала она съ улыбкой;—съ моей Дареджаны и съ прекрасной Геоухеръ глазъ не сводилъ.

— Это съ дочери Ибраимъ-хана.

— Да, князь.

— А развѣ она у васъ?

— Да, отецъ ея отпустилъ свою любимицу со мной сюда на воды поразвлечься; да и моя Дареджана въ ней души не чаетъ.

— А гдѣ же царевна? Я ея не вижу.

— Они всѣ, и царевичи мои, и Дареджана, и Геоухеръ, уѣхали въ горы покататься.

— Но не опасно это здѣсь?

— Нѣтъ, съ ними я отправила большой конвой нукеровъ; а нельзя же не позволить молодежи повеселиться, особенно передъ возвращеніемъ въ Кутаисъ.

Женщина въ діадемѣ была Марія, царица Имеретіи, жена Соломона II, послѣдняго независимаго царя этой прекрасной, поэтической страны; а ея собесѣдникъ—князь Симеонъ Церетели, одинъ изъ приближенныхъ къ Соломону царедворцевъ.

Царица Марія, страдая ревматизмомъ, полученнымъ въ болотистыхъ низменностяхъ Ріона, пользовалась этой весной лѣкарственными водами Пятигорска и Желѣзноводска, а по окончаніи лѣченія проводила нѣсколько дней въ Кисловодскѣ, гдѣ ея дѣти: царевна Дареджана и юные царевичи, Ираклій и Давидъ, купались въ цѣлительномъ и укрѣпляющемъ Нарзанѣ.

Между тѣмъ солнце совсѣмъ скрылось за Пикетной горой,ославъ въ небо послѣдніе снопы золотыхъ лучей, которые продолжали окрашивать багрянцемъ вершину и зеленые изломы Сѣдло-горы и бѣловатыя ребра Елисаветинской.

Въ это время справа, по дорогѣ, ведущей къ Нарзану, показалась кавалькада всадниковъ.

— Вотъ джигиты мои,—сказала царица, глядя на приближающихся.—А красивѣе и смѣлѣе всѣхъ ѣздитъ вѣтрогонка Геоухеръ: вонъ какъ гарцуетъ.

— Неудивительно, ваше величество, она карабагская княжна,—отозвался Церетели,—а карабагцы такъ, кажется, и родятся на лошади.

— Да и карабагскія лошади лучшія въ мірѣ,—замѣтила царица Имеретіи.

Кавалькада приблизилась къ палаткамъ.

— Мама! Мама!—кричалъ издали юный женскій голосъ.— Мы и у Красныхъ скалъ были, и у пещеръ. Въ одну пещеру я пряталась. Ахъ, какъ тамъ хорошо!

Это говорила молоденькая Дареджана, царевна, четырнадцатилѣтняя красавица, соскакивая съ коня и бросая поводья подскочившему къ ней джигиту. Бѣлая, какъ снѣгъ на вершинѣ Казбека, папаха чудно оттѣняла ея смуглое личико и черные волосы, густыми прядями разсыпавшіеся по плечамъ. Голубая,

обшитая золотой тесьмой куртка и широкія голубыя шаровары, позволявшія ей ѣздить на лошади по-мужски, очень къ ней шли. Маленькій серебряный кинжалъ съ чеканкой подъ чернетью дополнялъ ея воинственный костюмъ.

Князь Церетели вскочилъ съ ковра и подбѣжалъ къ ней. Лицо его выражало скрытое волненіе. При видѣ его, Дареджана остановилась въ изумленіи.

— Князь Симеонъ!—проговорила она.

— Мой нижайшій привѣтъ вашему высочеству!—съ глубокимъ поклономъ приблизился къ ней Церетели.—Его величество, пресвѣтлый царь Соломонъ, и его высочество, царевичъ Константинъ, прислали со мной привѣтъ вашему высочеству.

Въ это время сошли съ коней и приблизились къ Дареджанѣ и къ князю Церетели прелестная Геоухеръ и юные царевичи, Праклій и Давидъ.

Геоухеръ, карабагская княжна, была поразительно хороша. Это былъ не грузинскій типъ, а тотъ, который до сихъ поръ встрѣчается въ горахъ Малаго Кавказа и среди при-араратскихъ курдовъ. Въ немъ нѣтъ крупныхъ, грубоватыхъ чертъ грузинскаго или имеретинскаго типа. Нѣтъ, это какая-то особая раса, женщины которой отличаются жгучей, но нѣжной и мягкой красотой. Такова была и красота дочери карабагскаго владѣльца. Сквозь матовую смуглость ея дѣтски округлыхъ щечекъ пробивался нѣжный румянецъ. Большіе глаза съ продолговатымъ разрѣзомъ, какіе то глубокіе и томные, съ необыкновенно густыми и длинными рѣсницами, свѣтились мягкимъ, лучистымъ, какимъ-то ласкающимъ свѣтомъ. Бѣлая чадра, обвивая темную головку красавицы, придавала еще большую миловидность очаровательному личику.

Церетели привѣтствовалъ ее, приложивъ руку къ головѣ и сердцу.

— А моихъ видѣлъ, князь Симеонъ?—спросила красавица Карабага.

— Я былъ въ Шушѣ и всѣхъ видѣлъ: они всѣ здоровы, княжна,—отвѣчалъ Церетели.

Царевичи Ираклій и Давидъ, изъ которыхъ первому было пятнадцать лѣтъ, а послѣднему тринадцать, несли убитаго орла громадной величины, держа—одинъ за правое, другой—за лѣвое крыло.

— Смотри, князь Симеонъ, какого я орла убилъ,—хвалился Ираклій.

— Противный Ираклій! — топнула ножкой Дареджана. — Смотри, мама: развѣ не грѣхъ было убивать такого красавца?

— Это русскій генералъ, его не грѣхъ подстрѣлить,—задорно сказалъ младшій царевичъ.

— Я васъ!—погрозила пальцемъ царица.—Не смѣйте ничего такого болтать. Гдѣ же вы были?—обратилась она къ красавицѣ Геоухеръ.

— Сначала на Крестовой горѣ,—начала было Геоухеръ, но Дареджана перебила ее.

— Знаешь, мама, тамъ стоитъ большой, большой каменный крестъ,—торопливо заговорила она,—а на крестѣ прибита желѣзная доска...

— Синяя,—перебилъ ее Ираклій,—а на доскѣ написано...

— Золотомъ, мама, золотомъ написано,—въ свою очередь, перебила Дареджана:—Кресту Твоему поклоняемся.

— И что жъ, вы поклонились?—спросила царица.

— Всѣ поклонились, мама, только вотъ она не хотѣла поклониться,—показала Дареджана на Геоухеръ.

— Да, вѣдь, она мусульманка, дѣвочка,—замѣтила мать

— Такъ, что же, что мусульманка?

— А знаешь, мама, мы видѣли Шатъ-Эльбрусъ,—съ восторгомъ воскликнулъ младшій царевичъ.—Какая прелесть!.. Вѣдь, ни въ Пятигорскѣ, ни въ Желѣзноводскѣ онъ намъ ни разу не показывался...

— Около него все облака были,—добавила Дареджана.—А сегодня, только мы поднялись на Елисаветину гору, какъ облачка всѣ куда-то унеслись, и онъ, такой красавецъ! весь открылся передъ нами... Ахъ, какой великанъ!

— Да, онъ красивѣе Казбека,—пояснила Геоухеръ,—бѣлый, бѣлый, точно изъ сахару.

— Бѣлѣе моей папахи,—съ своей стороны, пояснила Дареджана.—Вотъ бы взобраться на него.

— Нѣтъ, туда нельзя,—серьезно замѣтила Геоухеръ.

— Отчего же?—удивилась Дареджана.

— Тамъ престолъ Аллаха.

Въ это время по дорогѣ отъ Пятигорска показалась группа всадниковъ.

— Это не казаки,—замѣтила царица, всматриваясь.

— И не русскіе, не гусары: это наши имеретины, ваше величество,—сказалъ Церетели.—Куда это они и зачѣмъ?

— Безъ сомнѣнія, ко мнѣ,—тревожно проговорила Марія,—но съ какими вѣстями?

Не доѣзжая нѣсколько до палатокъ, всадники остановились и спѣшились. Они были всѣ въ пыли, и лошади ихъ казались заморенными быстрой ѣздой.

Отъ группы всадниковъ отдѣлился одинъ и, приблизившись къ царицѣ, почтительно поклонился и подалъ небольшой пакетъ. Марія дрожащими руками развернула бумагу и, по мѣрѣ чтенія, видимо, блѣднѣла. Всѣ смотрѣли на нее въ изумленіи и со страхомъ. Прочитавъ письмо, она молча подала его князю Церетели.

— А! Сторожевой песъ проснулся,—сказалъ онъ сквозь стиснутые зубы, пробѣжавъ записку.—Чтожъ, ваше величество, вы и безъ того хотѣли уже возвращаться въ Имеретію; только мы не заѣдемъ въ Кутаисъ, а прямо изъ Ананура или изъ Гори повернемъ къ временной резиденціи его величества, къ Вардъ-цихе.

— А какъ же бѣдненькая Геоухеръ? — тихо спросила Марія, отведя Церетели вглубь палатки.

— Я ее самъ провожу въ Тифлисъ,—сказалъ князь Симеонъ, лукаво улыбаясь.—А ужъ оттуда къ отцу въ Карабагъ проводитъ ее самъ Джафаръ-Кули-ханъ, который цѣлуетъ слѣды этой красавицы: онъ отъ нея безъ ума.

— Какъ! Эта старая развалина?—удивилась царица.

— Аллахъ не запрещаетъ и столѣтнимъ старцамъ упиваться ласками гурій даже на томъ свѣтѣ,—отвѣчалъ Церетели.

— Такъ на завтра, князь, прикажи всѣмъ собираться въ путь,—сказала Марія, немного помолчавъ.

— Все исполню, ваше величество,—былъ отвѣтъ.

II. Сонъ царевны Дареджаны.

Полная луна только что выкатилась изъ-за Крестовой горы и яркимъ молочнымъ свѣтомъ облила бѣлые шатры лагеря царицы Имеретіи и высокія зубчатыя стѣны старой крѣпости,

стоявшей по ту сторону рѣчки, за Нарзаномъ, на возвышенномъ продольномъ холмѣ.

Весь лагерь царицы и казацкая слободка, ютившаяся вблизи крѣпости, за оврагомъ, давно погружены въ сонъ. Только со стѣнъ крѣпости доносится иногда протяжный возгласъ часового—«слуша—ай», да вокругъ лагеря безмолвно бродятъ какія то фигуры, блестя на мѣсяцѣ то яркимъ стволомъ винтовки, то металлическими бляхами перевязи. Это вѣрные сторожевые нукеры, оберегающіе покой и безопасность семейства царя Имеретіи, благоговѣйно почитаемаго его подданными.

Снится царицѣ Имеретіи. Въ головѣ ея безпокойно проносятся событія послѣднихъ лѣтъ. Смутныя, тревожныя событія! Всѣ надежды, дорогія мечты, вѣра въ свѣтлое будущее своей страны, вѣра въ людей—все разбито событіями этихъ послѣднихъ лѣтъ.

А она вѣрила, всѣ вѣрили, когда въ соборѣ торжественно читали этотъ чудный, полный самыхъ великодушныхъ, самыхъ рыцарскихъ обѣщаній манифестъ. Они вмѣстѣ съ мужемъ, съ царемъ Соломономъ, были тогда на литургіи въ Сіонскомъ соборѣ. Эти дивныя, золотыя слова манифеста она помнитъ наизусть...

«Не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи пріемлемъ мы на себя бремя управленія царства грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона»...

— Святыя слова! Но что изъ нихъ сдѣлали! Что сдѣлали изъ бѣдной Грузіи!

Она приподнялась на своемъ ложѣ. Подушка жгла ей голову.

Ей вспомнилось, какъ тогда же вмѣстѣ съ манифестомъ привезли изъ Москвы чудотворный крестъ святой Нины, просвѣтительницы Грузіи, Имеретіи и Мингреліи. Крестъ, послѣ нашествія на Грузію персовъ, хранился въ Москвѣ. Въ ночномъ сумракѣ взволнованной царицѣ казалось, что она видитъ, далеко, далеко тамъ, какъ святая дѣва, одинокая, безпомощная, съ крестомъ изъ виноградныхъ лозъ, связанныхъ прядями ея роскош-

ной косы, пробирается изъ Іерусалима на далекій сѣверъ, къ горамъ Кавказа, въ дикую и незнакомую ей страну горцевъ, чтобы просвѣтить ихъ свѣтомъ божественнаго ученія.

Что за восторгъ былъ, когда народъ опять увидѣлъ свою святыню! Сколько счастья и надежды было въ душѣ каждаго, когда народы Грузіи и Имеретіи, осѣненные этимъ крестомъ, слушали дорогія слова манифеста! «Не для корысти, а для правосудія, для защиты бѣдныхъ и обиженныхъ»... Трое сутокъ ликующій Тифлисъ гремѣлъ выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ...

— Мама! Ты спишь?—послышался изъ другого отдѣленія палатки голосъ Дареджаны, которая спала тамъ вмѣстѣ съ Геоухеръ.

— А что, дитя мое?—возразила Марія.

— Я слышу, ты все вздыхаешь и что-то шепчешь.

— Мнѣ не спится, дѣвочка моя, и я молюсь. А ты спи себѣ, моя голубка.

— Я-то сплю, мама, и даже видѣла сонъ, будто я Тамара, а надо мной склонился ангелъ и поетъ такъ сладко, сладко! Какъ жаль, что я проснулась.

— Ну, усни опять съ молитвой, и ангелъ снова осѣнитъ тебя, невинное дитя.

— Ахъ, какъ хорошо, какъ сладко было въ объятіяхъ ангела,—уже засыпающимъ голосомъ пролепетала юная царевна.

— Милая дѣвочка... Господь надъ тобой!..

И смутныя воспоминанія опять толпятся въ взволнованной душѣ.

— Бѣдная, бѣдная Грузія! Это были не слуги великодушнаго монарха, а хищники, грабившіе казну, расхищавшіе богатства грузинскихъ царей, обиравшіе народъ и дворянство.

Ей вспомнилось, какъ, вмѣсто этихъ хищниковъ, вмѣсто Кнорринга и Ковалевскаго, прислали Циціанова.

— Этотъ нашъ,—радовались всѣ,—онъ родственникъ царю Георгію, онъ не дастъ Грузіи въ обиду.

— Слу-шай!—доносилось отъ крѣпости въ ночной тишинѣ.

— Ахъ, какъ надоѣло это «слушай»,—волновалась Марія,—и заснуть не дадутъ... Бѣдная царица Дарія! А сама виновата: зачѣмъ она ненавидѣла своего пасынка, царя Георгія? За то только, что онъ сынъ Ираклія-царя отъ первой его жены, а не отъ нея? Вотъ и моего мужа, своего внука, поссорила съ Гри-

горіемъ Дадіаномъ, княземъ Мингрелии, за то только, что онъ женился на царевнѣ Нинѣ, на дочери ненавистнаго ей пасынка Георгія... Эхъ, Дарія, Дарія! Недаромъ Циціановъ называлъ ее «старою гидрою».

Она вспомнила, что находилась тогда въ Тифлисѣ, когда Циціановъ приказалъ арестовать эту безпокойную и буйную старуху, вдову царя Ираклія. Весь Тифлисъ только и занятъ былъ этимъ ужаснымъ событіемъ. Когда генералъ Лазаревъ, по приказу Циціанова, вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами явился къ ней во дворецъ, чтобы убѣдить ее добровольно выѣхать въ Россію, она наотрѣзъ отказалась повиноваться. Она приготовилась бѣжать въ Персію или въ Турцію вмѣстѣ съ своими приверженцами. Но едва Лазаревъ приблизился къ ней, какъ она выхватила изъ складокъ своего платья кинжалъ и вонзила его въ лѣвый бокъ генерала, въ самое сердце. Лазаревъ не успѣлъ добѣжать до порога, какъ упалъ и тотчасъ же умеръ.

— А теперь и самого Циціанова не стало... Что-то сдѣлалъ съ его сѣдой головой Баба-ханъ? О, жестоко, навѣрное, надругался надъ нею... Фу, какъ душно!

Она встала съ постели, накинула на плечи мягкую, какъ шелкъ, и легкую, какъ кисея, длинную бурку, обвила голову чадрою и вышла изъ палатки вздохнуть ночною прохладой. У палатки, точно неподвижная статуя, стояла стройная фигура.

— А! Это ты, мой вѣрный Мамія? Бережешь меня?

— Я на часахъ, ваше величество,—былъ отвѣтъ.

— Благодарю, мой другъ... А какъ хороша ночь!

Луна стояла высоко, обливая яркимъ свѣтомъ бѣлыя палатки лагеря. Было необыкновенно тихо. Слышно было журчанье по камнямъ горной рѣчки и даже тихое клокотанье Нарзана. Окрестныя горы, освѣщаемыя луною и бросавшія черные силуэты на тѣневыя стороны, овраги и пропасти, представляли волшебную, полную таинственности картину. Вся природа, казалось, притаилась, оберегая свои тайны. Но кто ихъ разгадаетъ!

— Слу-шай!—доносилось изъ-за рѣчки, со стѣнъ крѣпости.

И притаившаяся природа казалось, прислушивалась къ этому оклику.

Царица снова воротилась въ свою палатку. На этотъ разъ сонъ къ ней былъ милостивѣе, и она, засыпая, видѣла себя на высотахъ Гудаура, а подъ нею въ неизмѣримой глубинѣ свер-

кала и перслвалась на солнцѣ Арагва, спѣша въ объятія роскошныхъ долинъ Грузіи.

— И эту роскошь промѣнять на холодныя тундры сѣвера!— колотилось у ися въ сердцѣ.

Зато Дареджану на этотъ разъ посѣтило тревожное сновидѣніе. Подъ вліяніемъ прежнихъ разсказовъ своей старой няни о грузинской княжнѣ Тамарѣ, которую искушалъ въ монастырѣ демонъ, и которую ангелъ взялъ потомъ въ небесныя обители, Дареджана опять видѣла себя Тамарой, и опять надъ ея ложемъ склонился, будто бы, ангелъ, навѣвавшій на ея душу сладкія грезы; но, вглядѣвшись въ него, она увидѣла, что это не ангелъ свѣтлый, а темный демонъ, который держалъ ее въ своихъ горячихъ объятіяхъ, и Дареджанѣ отъ этихъ объятій было и страшно, и невыразимо-мучительно сладко, и она сама льнула, прижималась къ демону, вся дрожа и пламенѣя отъ счастья и страха, боясь только потерять эти объятія, эти жгучія ласки... И вдругъ видитъ, это не демонъ, а князь Церетели: это вокругъ его шеи она обвивается, къ нему льнетъ трепетнымъ тѣломъ, ему возвращаетъ поцѣлуи и ласки...

Она проснулась вся въ огнѣ и чувствовала, что пылаетъ отъ стыда... Боже! Какъ же она теперь покажется на глаза, какъ взглянетъ на него? Безстыдница! Она обнимала его вотъ такъ, въ одной рубашкѣ, съ распущенною косой, босая, и онъ видѣлъ ее такою... Срамница! Какой позоръ!.. Но въ глубинѣ души она чувствовала, какъ сладокъ этотъ позоръ, и она желала бы, чтобы онъ воротился опять, повторился, чтобы повторился этотъ сонъ...

И слезы ручьемъ полились изъ ея глазъ. Она уткнулась лицомъ въ подушку и рыдала, рыдала, она сама не знала отчего, отъ стыда или отъ счастья.

— Милая Дареджана! Что съ тобой?—спросила ее встревоженная Геоухеръ, просыпаясь и слыша рыданія пріятельницы.—Что съ тобой, дорогая?

Она тронула ее за плечи, которыя вздрагивали и, наклоняясь надъ головой, поцѣловала ее.

— Милая! Да что же съ тобой? Ты пугаешь меня.

— Я видѣла страшный сонъ,—сквозь всхлипыванья отозвалась Дареджана.

— Только!.. Какой же сонъ? Вотъ глупенькая!—ласкала ее

Геоухеръ.—А я ужъ не знала, что и подумать. Какой же сонъ? Разскажи мнѣ, милая.

— Я ужъ не помню, забыла.

Геоухеръ разсмѣялась.

— Вотъ глупенькая дѣвочка! А ужъ ей пятнадцатый годъ: плачетъ о томъ, чего не помнитъ.

— Да мнѣ тогда было страшно,—оправдывалась, изворачиваясь, Дареджана.

Пріятельницы сидѣли уже на постели, обнявшись. Дареджана силилась припомнить всѣ подробности своего сна, всѣ ощущенія, испытанныя ею въ объятіяхъ мнимаго демона, жгучесть его ласкъ, объятій, поцѣлуевъ. И краска стыда, и еще какого-то другого, сладкаго чувства заливала ея щеки... И послѣ всего этого она неизбѣжно должна встрѣтиться съ нимъ, съ этимъ демономъ, и встрѣтиться нынче же... Господи! Что же будетъ! Онъ по лицу ея все узнаетъ, все... Но, вѣдь, это сонъ, только сонъ: онъ ничего этого не видѣлъ...

А утро уже сказывалось въ чириканьи птичекъ, въ лаѣ собакъ, въ шумѣ и движеніи лагеря.

— Такъ забыла свой страшный сонъ, дурочка?—спрашивала Геоухеръ, лаская Дареджану.

— Забыла.

Нѣтъ, она его не забыла и никогда, никогда не забудетъ. Развѣ можно забыть это? Ничего подобнаго съ ней въ жизни не случалось. Вѣдь, и прежде она видѣла много сновъ, и хорошихъ, и страшныхъ, но такого, какъ этотъ, никогда! И никогда ничего подобнаго она не чувствовала, никогда! Ей уже пятнадцатый годъ, а ничего подобнаго съ ней не случалось. Что-жъ это такое? Отчего? У кого спроситъ? Нѣтъ, ни за что, ни за что! Она никому этого не скажетъ, никому! Ей стыдно... нѣтъ, не стыдно, а жаль отдать это кому-нибудь другому, подѣлиться этимъ съ другими. А если это грѣхъ? Если въ самомъ дѣлѣ это былъ демонъ? Нѣтъ, не можетъ быть: она заснула съ молитвой, да и крестъ на ней всегда, на шеѣ, на груди, тотъ крестъ, съ которымъ ее крестили. Демонъ не посмѣетъ приблизиться къ кресту.

— А тебя ангелъ никогда не обнималъ во снѣ, милая Геоухеръ?—вдругъ спросила она.

— Какой ангелъ?—удивилась красавица Карабага.

— Да я видѣла во снѣ не теперь, а раньше,—несмѣло заго-

ворила Дареджана,—я видѣла во снѣ, будто я Тамара, вотъ та Тамара, о которой разсказываютъ, и будто я лежу въ постели, а ангелъ такъ сладко, сладко напѣваетъ мнѣ райскія пѣсни и... обнимаетъ меня. Я проснулась и сказала объ этомъ мамѣ, а мама и говоритъ: «Это хорошо, это ты съ молитвой уснула».

— Такъ это твой страшный сонъ?—удивилась Геоухеръ.—Объ этомъ ты плакала?

— Нѣтъ, о другомъ... другой я забыла,—смѣшалась Дареджана.—Такъ ты не видѣла во снѣ ангела?

— Нѣтъ, не видѣла.

— А демона?

— Шайтана видѣла.

— Какой же онъ? И что же онъ дѣлалъ?

— Обыкновенно какой: съ хвостомъ и съ рогами, а ротъ у него страшный-страшный: всѣ зубы наружу. А знаешь, отчего у него такой ротъ?

— Отчего?—спросила Дареджана, думая о своемъ демонѣ; у него не страшный ротъ, а губы жаркія-жаркія, какъ огонь, и усы, и борода такъ хорошо щекочутъ.

— А вотъ, отчего, милая,—серьезно говорила Геоухеръ.—Это мнѣ мама моя разсказывала. Когда Аллахъ сотворилъ міръ, а земли еще не было, то онъ взялъ сѣмена земли и посѣялъ. Сѣмена взошли. И видитъ Аллахъ, что выросла земля, только рѣдкая такая. Онъ и велѣлъ ангеламъ сдвинуть ее поплотнѣе. Только ангелы такъ усердно сдвигали землю, что она покоробилась и стала такою неровною. Шайтанъ видѣлъ, какъ Аллахъ сѣялъ землю, да взялъ и укралъ у Аллаха нѣсколько сѣмянъ земли и спряталъ ихъ за щеку, чтобъ никто не видѣлъ. А когда стали всходить сѣмена земли, то и у шайтана за щекой они стали расти, да такъ быстро, что нечистому духу стало трудно жевать. Тогда онъ лапой началъ выцарапывать изъ-за щеки кусочки земли и бросать направо и налѣво. Куда попалъ большой кусокъ, тамъ выросла большая гора, а куда маленькій—тамъ курганъ или пригорокъ. Но какъ шайтанъ ни торопился выцарапывать изъ-за щеки землю, она такъ быстро росла у него во рту, что онъ разорвалъ себѣ щеку. Вотъ почему у него и наружу зубы *).

---

*) Легенда о происхожденіи горъ («Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа». Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Вып. III. Тифлисъ. 1882, стр. 97—98, отд. II).

— Такъ это вашъ шайтанъ насѣялъ столько горъ: и Бештау, и Шатъ-Эльбрусъ, и Казбекъ?—проговорила Дареджана, думая совершенно о другомъ.

— Да, милая, это все онъ,—подтвердила Геоухеръ.

А Дареджана думала о своемъ демонѣ. Какъ она встрѣтится съ нимъ? Какъ глянетъ ему въ глаза? Онъ непремѣнно все узнаетъ, по лицу ея догадается, по губамъ, которыя до сихъ поръ горятъ. Боже! Какъ стыдно... И неужели этотъ сонъ не повторится! А на яву? Да она умретъ со стыда... Но со стыда-ли? А можетъ, отъ счастья? И отчего она прежде не испытывала этого?

— А ужъ совсѣмъ свѣтло,—сказала Геоухеръ.

— Да, свѣтло...—И отъ сознанія, что настанетъ утро, что она скоро увидитъ е г о, дѣвушка опять вся зардѣлась.

— А мои птички проснулись?—послышался вдругъ голосъ изъ другого отдѣленія палатки.

— Да, мама,—отвѣчала Дареджана, и сама не узнала своего голоса.

— Такъ вставайте. Велите служанкамъ одѣвать васъ. Пораньше двинемся въ путь.

— Сейчасъ, мамочка, сейчасъ.

III. «Ара иннеба! Ара иннеба»!..

Въ лагерѣ между тѣмъ шло необычайное движеніе. Все готовилось въ походъ. Палатки снимались и укладывались на арбы. Надъ кострами, на таганкахъ варилась пища, жарились на вертелахъ шашлыки изъ карачаевскихъ барашковъ, въ чугунныхъ и мѣдныхъ котлахъ готовился пловъ, на горячей золѣ пеклись тонкіе чуреки, а въ шатрѣ, замѣнявшемъ царскую поварню, главный кухарь со служанками готовилъ ранній завтракъ семейству царицы и указывалъ, какъ готовить ароматный кофе для царицы, которая его особенно любила.

Вездѣ слышался голосъ князя Церетели, который отдавалъ приказанія джигитамъ изъ имеретинскаго бѣднаго дворянства и пукеровъ. Запрягали арбы, сѣдлали коней, вьючили муловъ, тащили бурдюки съ виномъ, хранившимся въ наскоро вырытомъ погребѣ.

Въ десяткахъ и сотняхъ голосовъ, среди ржанья лошадей и

скрипа арбъ, Дареджана различала только голосъ, голосъ князя Симеона, который и ласкалъ ее, какъ музыка, и въ то же время приводилъ въ трепетъ. И отчего прежде она не различала этого голоса? Отчего теперь онъ казался такимъ музыкальнымъ?

Вдругъ этотъ голосъ раздался около самой палатки.

— Ея величество царица изволила встать? — спросилъ этотъ голосъ кого-то.

— Встали, кофе кушаютъ,—отвѣчалъ женскій голосъ.

«Это онъ съ няней говоритъ»,—сказала про себя Дареджана.

— А ея высочество царевна?—продолжали спрашивать.

— Царевна одѣвается.

При этомъ простомъ отвѣтѣ Дареджана опять вся вспыхнула.

— Ахъ, противная нянька! Что она говоритъ!—вырвалось у нея.

— Она говоритъ правду,—засмѣялась Геоухеръ,—вонъ я ужъ готова, а на тебя только шальвары надѣваютъ.

Скоро одѣвшись, обѣ дѣвушки вошли въ отдѣленіе царицы; но не успѣли онѣ поздороваться съ нею, какъ у входа въ палатку, полы которой были раскрыты, показалась мужественная фигура князя Церетели!

— Съ добрымъ утромъ, ваше величество!—привѣтствовалъ онъ царицу Имеретіи.—Какъ изволили почивать?

— Благодарю, князь, долго не могла уснуть.

— А ваше высочество? — обратился Церетели къ Дареджанѣ.

Первый разъ въ жизни дѣвушка такъ смутилась, что не могла отвѣчать; голосъ ее не слушался.

— Благодарю,—чуть слышно пробормотала она

— Надѣюсь, и ваше высочество?—обратился Церетели къ Геоухеръ.

— Я спала, какъ убитая,—весело отвѣчала дочь хана Карабага.—Только меня Дареджана напугала.

— Чѣмъ?—спросила царица.

— Слышу сквозь сонъ, кто-то плачетъ. Я прислушиваюсь, встаю, что такое? Дареджана уткнулась въ подушку и плачетъ, плачетъ. Я къ ней, спрашиваю: о чемъ? Сонъ, говоритъ, страшный видѣла. Какой, спрашиваю. Забыла, говоритъ, а сама плачетъ.

Всѣ невольно разсмѣялись; а Дареджана опять въ слезы.

— Что съ тобой, дурочка?—смѣясь, но ласково спросила мать.—То говорила, что ангела видѣла, а потомъ чего-то испугалась, глупая.

Дареджана, закрывъ лицо руками, убѣжала въ свое отдѣленіе, а за нею и Геоухеръ.

— Совсѣмъ ребенокъ!—покачала головой царица.—Сама не помнитъ, чего испугалась, и плачетъ. А вѣдь ужъ ей пятнадцатый годъ, пора и замужъ.

Она не замѣтила, какъ при этихъ словахъ Церетели поблѣднѣлъ; но онъ скрылъ свое волненіе.

— Что, князь Симсонъ, какъ идутъ приготовленія къ нашему выступленію?—спросила Марія.

— Караванъ готовъ, ваше величество, и всѣ палатки убраны,—отвѣчалъ князь.

— Кромѣ моей? А что мальчики?

— Царевичи все около своего орла возятся: они приказали сдѣлать изъ него чучело.

— Такъ черезъ часъ выступаемъ?

— Выступаемъ, ваше величество.

Дѣйствительно, часа черезъ два караванъ царицы выступилъ въ походъ. Это было довольно внушительное шествіе. Впереди, на значительномъ разстояніи, двигался передовой конный отрядъ джигитовъ, вооруженныхъ, сверхъ сабель и кинжаловъ, винтовками и пистолетами. За ними — нѣсколько конныхъ дворянъ, среди которыхъ ѣхали также и юные царевичи, гарцуя, ради удальства, на прекрасныхъ карабагскихъ коняхъ. За царевичами двигалась огромная крытая арба съ навѣсами изъ тисненаго золотомъ сафьяна и бѣлыми, шитыми золотомъ и шемаханскими шелками пологами отъ пыли и солнца. Въ этой арбѣ помѣщалась сама царица съ Дареджаною и Геоухеръ. Слѣдующія арбы заняты были придворнымъ женскимъ штатомъ царицы, посудою, легкою походною мебелью и другимъ хозяйствомъ, безъ котораго въ то время, за неимѣніемъ въ пути ни отелей, ни постоялыхъ дворовъ, путешествіе было невозможно, особенно же для такихъ высокихъ путешественниковъ, какъ семейство царя Имеретіи. Громоздкая и тяжелая арба царицы была влекома четырьмя парами буйволовъ, цугомъ; въ прочія арбы запряжено было по парѣ буйволовъ. Еще далѣе—арбы съ клѣтками и плетенками, наполненными живностью, курами, цыплятами, фаза-

нами и горными куропатками. Тутъ—козьи, баранья и бычачья бурдюки съ винами и водой. За арбами—вьючные мулы съ палатками и коврами, съ таганами и котлами. Шествіе замыкалъ небольшой гуртъ барановъ съ погонщиками и собаками. Арбы издавали невообразимый скрипъ, напоминающій нашествіе нѣкогда на Русь половцевъ, о караванахъ которыхъ такъ образно выражался лѣтописецъ: «кричатъ телѣги (арбы) о полупощи, рцы лебеди роспущени». Лошади всадниковъ, ноги буйволовъ и барановъ, копыта муловъ и колеса арбъ поднимали цѣлыя облака пыли. Среди этихъ облаковъ мелькали черныя и бѣлыя папахи, такія же бурки, сверкали на солнцѣ стволы винтовокъ.

Скоро шествіе, миновавъ нагорную равнину, спустилось въ глубокую ложбину, по которой, среди крутыхъ известковыхъ обрывовъ и голыхъ песчанниковъ, съ одной стороны, и крутыхъ, поросшихъ лѣсомъ горныхъ кряжей—съ другой, бурно шумѣлъ по кампямъ Подкумомъ, питаемый водами отъ таявшихъ снѣговъ Эльбруса. Прелестная ложбина причудливо извивалась то вправо, то влѣво; въ руслѣ ея сверкали и извивались, подобно гигантской змѣѣ, переливчатыя струи кипучей горной рѣчки. Роскошная зелень долины, вся испещренная пышными цвѣтами, представляла чарующее зрѣлище.

Князь Церетели, ѣхавшій вмѣстѣ съ юными царевичами впереди арбы царицы, иногда подъѣзжалъ къ ней и разговаривалъ то о красотахъ окружающей природы, то о томъ, что жарко, и т. п.; но сколько онъ ни заговаривалъ съ Дареджаной, царевна отвѣчала односложными «да» или «нѣтъ» и, видимо, затруднялась разговоромъ, мѣшалась какъ-то, краснѣла. Церетели никакъ не могъ понять, что съ нею. Прежде она, бывало, сама заговаривала съ нимъ, смѣялась, шалила, какъ дѣвочка, называла его даже «старой няней», потому что онъ часто носилъ ее на рукахъ, когда она была маленькою.

— На меня!—это была обычная фраза, съ которою, бывало, маленькая царевна подбѣгала къ своему баловнику, къ «бородатой нянѣ», и Церетели бралъ дѣвочку на руки и носился, и игралъ съ нею, какъ съ куклой. Потомъ, подростая, Дареджана продолжала называть его то «старою няней», то «бородатою няней». Даже вчера вечеромъ она назвала его такъ, когда онъ,

уходя въ свою палатку, пожелалъ ей спокойной ночи и «золотыхъ» сновидѣній.

И вдругъ! Что съ нею? Развѣ ей все еще совѣстно, что и онъ вмѣстѣ съ ея матерью и Геоухеръ засмѣялся надъ тѣмъ, что она плакала о забытомъ снѣ? Или этотъ невинный смѣхъ ее обидѣлъ? Церетели терялся въ догадкахъ, тѣмъ болѣе, что онъ давно втайнѣ любилъ этого прелестнаго ребенка, любилъ, когда ей было еще не болѣе 12—13 лѣтъ. Впрочемъ, она такъ рано развилась, такъ рано, какъ это возможно только для южной женщины, выростающей подъ пальмами.

— А вонъ и Бештау показался, и Машука!—кричали издали юные царевичи.

Дѣйствительно, изъ сизой дымки дали вырѣзывались синеватые силуэты горъ, о которыхъ, ровно черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ описываемаго нами здѣсь шествія царицы Имеретіи, Пушкинъ, въ посвященіи своего «Кавказскаго плѣнника» Раевскому, такими поэтическими строфами упоминалъ и сожалѣлъ:

Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешту, пустынникъ величавый,
Ауловъ и полей властитель пятиглавый,
Былъ новый для меня Парнасъ.
Забуду-ли кремнистыя вершины
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлилъ души младыя впечатлѣнья;
Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой.
И дикій геній вдохновенья
Таится въ тишинѣ глухой!

Круглая, пологая вершина Машуки, поросшей по бокамъ и у подножія лѣсомъ, издали казавшимся мелкимъ кустарникомъ, напоминала степной курганъ; зато кремнистые шпицы пятиглавія Бештау гордо тянулись къ голубому небу и какъ бы подпирали его.

— Ахъ, оглянись, милая!—заторопилась Геоухеръ.—Посмотри, весь снѣжный Шатъ-Эльбрусъ виденъ... Даже страшно смотрѣть, такъ далеко онъ ушелъ въ небо... Да, тамъ престолъ Аллаха.

— Какъ Аллаха?—улыбнулась Дареджана.—Ты же сама сегодня говорила, что всѣ горы посѣяны шайтаномъ.

— Да, мнѣ такъ говорили.

— Значитъ, и Шатъ-Эльбрусъ, и Араратъ, на которомъ остановился ковчегъ Ноя?.. И это все шайтанъ насѣялъ?

— Шайтанъ, а не Аллахъ.

— Какъ же Аллахъ поставитъ свой тронъ на шайтановой горѣ?

— Не знаю.

— Что это вы, дѣвочки, такой вздоръ болтаете?—вмѣшалась въ разговоръ царица.

— Да вотъ она, мама, говоритъ, что всѣ горы шайтанъ сдѣлалъ,—оправдывалась Дареджана.

— Ну, что жъ! Мнѣ моя мама такъ говорила,—оправдывалась, въ свою очередь, Геоухеръ.

— Да это народная сказка: все Богъ создалъ, а шайтанъ ничего,—объяснила царица.

Чѣмъ далѣе двигался караванъ нашихъ путешественниковъ, тѣмъ явственнѣе и грандіознѣе выступали силуэты пятиглаваго Бештау и зеленой Машуки. Быстрый Подкумокъ отклонился далеко вправо, и сердитый шумъ его уже не доносился до каравана. Зато тѣмъ оглушительнѣе раздавался скрипъ арбъ, адская музыка, которую въ состояніи выносить только ухо восточнаго человѣка.

Скоро, къ вечеру, показались и жалкія хижины Пятигорска, ютившіяся у подножія Машуки, изъ нѣдръ которой изливались и пѣнились сѣрные цѣлительные ручьи.

Здѣсь караванъ остановился на почевку. Снова развьючивались мулы, распрягались арбы, разбивались палатки, и скоро задымились и засверкали костры для приготовленія шашлыковъ, пилавовъ и прочей восточной снѣди.

А далекій Эльборусъ такъ и сверкалъ алмазами въ лучахъ заходящаго солнца. Бѣлизна его вѣчныхъ снѣговъ была поразительна, и ни одно облачко не заслоняло собою величаваго образа этого исполина горъ.

— А сколько, мама, будетъ лѣтъ князю Симеону?—спросила Дареджана, смотря, какъ Церетели, ходя между палатками, отдавалъ приказанія пукерамъ.

— Да ему ужъ за пятьдесятъ,—отвѣчала Марія.

— Что-жъ, онъ старый, мама?—снова спросила дѣвушка.

— Вотъ вопросъ!—засмѣялась мать.—Какъ кому, я его со-

всѣмъ не считаю старымъ: мужчина только тотъ старъ, который дряхлъ. А князь Симеонъ молодецъ молодцомъ.

— А мой отецъ, Ибраимъ-ханъ: ему ужъ семьдесятъ, а я его не перегоню на своемъ скакунѣ,—сказала Геоухеръ.—Онъ просто красавецъ.

— Правда, правда,—согласилась Марія.

— А какъ его краситъ бѣлая борода, просто прелесть!

Дареджана задумалась, спрашивая сама себя, зачѣмъ ей понадобилось знать лѣта Церетели? И ей вдругъ стало стыдно своихъ мыслей, въ которыхъ она сама себѣ не могла дать отчета. «Все это сонъ... А если онъ и нынѣшнюю ночь повторится?..» И сердце ея тревожно забилось. «Нѣтъ, ужъ, теперь я плакать не стану, какъ дура».

Солнце зашло, но вершина Эльборуса все еще горѣла огнями заката.

— Точно мой отецъ,—засмѣялась Геоухеръ.

— Ибраимъ-ханъ?—удивился Церетели.

— Да, онъ такой же сѣдой, какъ этотъ Шатъ, и такой же красавецъ,—отвѣчала дѣвушка.

Дареджана между тѣмъ украдкой поглядывала на Церетели и теперь въ первый разъ замѣтила, что онъ красивъ, что широкія плечи, стройный станъ, черная съ просѣдью борода и загорѣлое лицо придавали всей его фигурѣ что-то мужественное и обаятельное.

«Какъ же я этого прежде не замѣчала?—думалось ей.—Неужели это все сонъ надѣлалъ?.. Но какъ онъ смѣлъ цѣловать меня даже во снѣ?.. А я сама... Но онъ этого ничего не знаетъ»...

«А видѣлъ-ли онъ меня во снѣ?» — пришелъ ей въ голову вопросъ.

Пришли царевичи, оба взволнованные. Глаза ихъ блестѣли воодушевленіемъ, отвагой.

— А! Каково!—горячо заговорилъ Ираклій.—Русскіе хотятъ изъ нашей Имеретіи сдѣлать вторую Грузію. Этому не бывать!

— Ара икнеба! Не бывать! — повторилъ за нимъ младшій царевичъ Давидъ.

— Что вы, дѣти, выдумываете!—остановила ихъ мать, быстро переглянувшись съ Церетели.

— Мы не выдумываемъ, мама, — горячо возразилъ Ираклій,—это всѣ говорятъ.

— Кто же всѣ?

— Тѣ дворяне и джигиты, что привезли тебѣ вчера письмо,— продолжалъ Ираклій.—Русскіе солдаты и казаки уже заняли нашъ Кутаисъ и Чечгумъ. Мы должны ихъ выгнать!

— Да, мы ихъ выгонимъ!—подтвердилъ тринадцатилѣтній Давидъ.

— Мы скорѣе соединимся съ персами и съ турками, чѣмъ покоримся русскимъ!—горячился Ираклій.

Мальчики говорили такъ быстро, перебивая другъ друга, что ихъ трудно было остановить. Мать ихъ только пожимала плечами, а Церетели любовался ихъ юношескимъ задоромъ, и глаза его радостно свѣтились.

— Да, да, мы ихъ выгонимъ,—улыбаясь, сказалъ онъ.—Они поступаютъ противъ трактата, утвержденнаго императоромъ Александромъ. Довольно съ нихъ и одной Мингреліи, которою правитъ баба.

— Но княгиня Нина тетка моего мужа, царя Соломона!— гордо сказала царица.

— Простите, ваше величество! Я погорячился, забылся,— извинялся Церетели, низко кланяясь.

— Ара икнеба! Ара икнеба!—повторялъ Ираклій, никого не слушая.—Не бывать этому! Я первый стану въ ряды воиновъ моего отца.

— И я также! Ара икнеба!—повторялъ за нимъ Давидъ.

— Говорятъ, что солдаты и казаки уже заняли нашъ дворецъ и превратили его въ казармы,—продолжалъ Ираклій.—Мы напишемъ объ этомъ самому императору Александру.

— Да, да! Онъ, говорятъ, милостивый и справедливый: это говорилъ самъ князь Зурабъ, который былъ въ Петербургѣ и представлялся императору.

Вкусный запахъ шашлыка, принесеннаго слугами, прекратилъ этотъ горячій патріотическій разговоръ.

IV. Тяжелое время.

Послѣ измѣннического убійства князя Циціанова подъ стѣнами Баку положеніе нашихъ дѣлъ на Кавказѣ было далеко не изъ блестящихъ.

За смертью Цицианова, начальство надъ отрядомъ, блокировавшимъ крѣпость, по старшинству, принялъ генералъ Завалишинъ, осаждавшій городъ съ моря во главѣ небольшой флотиліи. Крѣпость, за нѣсколько минутъ готовая было сдаться, теперь громила осаждавшихъ по всей линіи крѣпостныхъ батарей. Русскіе отступили, но не покинули осажденнаго города. Болѣе полумѣсяца Завалишинъ стоялъ въ виду крѣпости, испытывая всевозможныя лишенія. А уйти совсѣмъ отъ Баку не позволяла воинская честь, слава русскаго оружія. Люди довольствовались половинною дачею; это значило, воевать «впроголодь и вполколоть». Люди спали на снѣгу, безъ хлѣба, безъ дровъ, подъ однѣми рваными шинелями. У многихъ солдатъ совсѣмъ не было бѣлья. Нельзя было ни костра развести, ни каши сварить для больныхъ, валявшихся то подъ дождемъ, то на снѣгу. Сырость, стужи, метели и морозы, и больные валомъ валили. Въ отрядѣ не оставалось и тысячи здоровыхъ, все лежало покотомъ на мокромъ снѣгу. Несмотря на сырость и слякоть, отряду недоставало воды: источникъ, изъ котораго можно было брать воду для питья и для приготовленія пищи, находился подъ выстрѣлами крѣпостныхъ батарей. Приходилось добывать воду изъ снѣгу. За неимѣніемъ дровъ для варки пищи, по крайней мѣрѣ, для больныхъ, здоровые могли довольствоваться и сухарями, размоченными въ снѣгу, Завалишинъ приказалъ употребить на дрова двѣ казенныя фуры. Чтобы достать дровъ и нефти, нужно было посылать особые отряды, и за каждое полѣно, каждый прутъ приходилось драться съ возставшимъ населеніемъ. Сколько было при войскѣ лошадей, почти всѣ пали отъ безкормицы. Положеніе было ужасное!

— Однимъ словомъ, всемилостивѣйшій государь,—всеподданнѣйше доносилъ Завалишинъ,—мы заведены въ такую западню, изъ которой развѣ единая только десница Божія вывесть насъ можетъ.

Оставалось единственное спасеніе, это посадить остатки отряда на суда и отплыть на островъ Сару.

Покидая негостепріимный берегъ, Завалишинъ отправилъ наудачу курьера въ Георгіевскъ, прося Глазенапа, засматривавшагося въ хорошенькіе глазки Дареджаны и Геоухеръ, прислать на островъ Сару хоть какой-нибудь шквоутъ съ сухарями и напечь еще таковыхъ въ Сладкосричной пристани, куда Завалишинъ надѣялся попасть, чтобы потомъ пробраться къ Кизляру.

Между тѣмъ и во всемъ Закавказьѣ было не отраднѣе.

Какъ передавалъ князь Церетели царицѣ Имеретіи, оставшіеся послѣ Циціанова генералы спорили изъ-за чечевичной похлебки, кому считаться старшимъ. Портнягинъ не хотѣлъ слушаться Несвѣтаева, а Несвѣтаевъ знать не хотѣлъ Портнягина. Оба считали себя главными и давали подчиненнымъ противорѣчивыя приказанія. Кого же слушаться?—въ отчаяніи спрашивали другъ друга подкомандные.

— Въ разсужденіе сего,—писалъ полковникъ Корягинъ Несвѣтаеву,—испрашиваю съ обѣихъ сторонъ согласнаго одного предписанія, къ кому именно относиться, ибо въ службѣ его императорскаго величества долженъ быть одинъ главный начальникъ отдѣленнымъ войскамъ. А какъ я служу его величеству и любезному отечеству, какъ сынъ онаго, притомъ желаю общественной пользы, посему за нужное считаю извѣстить ваше превосходительство, что, по теперешнимъ смутнымъ обстоятельствамъ и по причинѣ смерти князя П. Д. Циціанова, нужно единое согласіе и исполненіе всѣхъ его благихъ намѣреній и заведеній. А какъ уже непріятельскія партіи появляются въ границахъ нашихъ и буде узнаютъ разстройство въ начальствѣ нашемъ, то конечно, причтутъ совершенно слабостямъ нашимъ и потщатся съ большимъ усиліемъ дѣлать грабежи и опустошенія.

На самомъ дѣлѣ оно такъ и было. Всѣ горскія племена, уже покорившіяся намъ, увидѣли себя разнузданными. Не стало Циціанова, нѣтъ, значитъ, болѣе узды, нѣтъ карающей руки. Айда впередъ!

Дѣйствительно, подобно всѣмъ восточнымъ народамъ, горцы признавали высшую власть только въ одномъ лицѣ, въ Циціановѣ. Ханы ихъ не знали, что такое русская правительственная власть, которая находилась гдѣ-то очень, очень далеко, дальше даже, чѣмъ падишахъ въ Стамбулѣ или Баба-ханъ въ Тегеранѣ, гдѣ-то тамъ на полночь, гдѣ и солнца нѣтъ. Близко же была одна власть, Циціанова. Но его грозной сѣдой головы уже нѣтъ тутъ: она гдѣ-то тамъ въ Тегеранѣ, на колу, а то и въ бочкѣ съ разсоломъ. Такъ думалъ и Гуссейнъ-Кули-ханъ бакинскій: отрубить эту голову, и нѣтъ больше власти. Онъ и отрубилъ ее и послалъ въ Тегеранъ. Чего онъ ожидалъ, то и случилось: ненавистные гяуры отплыли отъ Баку, не солоно хлебавши.

Увидѣли это другіе ханы и также подняли свои бритыя головы. Поднялъ голову и отецъ прелестной Геоухеръ, которая теперь сладко покоится въ палаткѣ имеретинской царицы у подножія Машуки, Ибраимъ-ханъ, повелитель Шуши и всего Карабага. Поднялъ голову и отецъ хорошенькой Дареджаны, которая сладко также покоится у подножія Машуки, обнимая во снѣ своего «демона», поднялъ голову Соломонъ II, коварный царь Имеретіи, достойный внучекъ царицы-«гидры», зарѣзавшей Лазарева.

Узнавъ, что грозная голова Циціанова послана въ бакшишъ Баба-хану и сыну его Аббасъ-Мирзѣ, Соломонъ тотчасъ же прекратилъ всякія сношенія съ русскими, не отвѣчалъ на ихъ требованія и тотчасъ же сталъ приводить Имеретію въ оборонительное положеніе: приказалъ испортить дороги, ведущія въ его царство, и завалилъ ихъ засѣками.

Тогда генералъ Рыкгофъ, отрядъ котораго находился въ Имеретіи, однимъ батальономъ занялъ столицу строптиваго царя, Кутаисъ.

Это послужило сигналомъ къ открытому возстанію Имеретіи. Соломонъ заставилъ присягнуть на вѣрность своей династіи многихъ князей своего царства и вооружить подвластное имъ населеніе, чтобы выгнать русскихъ не только изъ своей столицы, но и изъ всей Имеретіи.

Въ это время въ Персіи проживалъ грузинскій царевичъ Александръ, бѣжавшій изъ Грузіи, когда въ ней заводились русскіе порядки, и всѣхъ лицъ царскаго рода арестовали и выслали въ Россію. Видя замѣшательство по всему Закавказью, послѣдовавшее за смертью Циціанова, этотъ претендентъ на престолъ своихъ предковъ возымѣлъ надежду выгнать русскихъ изъ своего царства и воспользовался удобнымъ случаемъ. Онъ отправилъ къ Соломону посланца, который, поддерживая притязанія имеретинцевъ на независимость, увѣрялъ отъ имени Александра, что ахалцыхскій паша пришлетъ лезгинъ на помощь Соломону противъ русскихъ. Это придало еще болѣе рѣшимости царю Имеретіи: онъ энергично собиралъ войско, заготовлялъ запасы продовольствія и вездѣ разсылалъ агентовъ, которые должны были волновать населеніе и угрожать безпощадною местью тѣмъ изъ имеретинцевъ, которые не станутъ подъ его знамена для очищенія страны отъ русскихъ. Имеретія заволновалась. Никто не

хотѣлъ давать продовольствія русскимъ отрядамъ, находившимся въ Имеретіи.

— Выведите войска изъ Кутаиса и поставьте ихъ въ другое мѣсто, тогда я доставлю вамъ необходимое,—отвѣчалъ Соломонъ генералу Рыкгофу, когда тотъ просилъ его о продовольствіи.

А на границахъ съ Персіею дѣла принимали еще болѣе угрожающій характеръ. Тамъ со всѣхъ сторонъ стягивались войска. Баба-ханъ, будущій шахъ Персіи, и энергическій наслѣдникъ, «шахъ-задэ», Аббасъ-Мирза, постоянно волновали подвластныхъ намъ хановъ и дагестанцевъ, готовившихся завладѣть всею Ганжею, областью Елисаветполя.

— Пусть жители Ганжи, — говорили они нашему посланнику,—готовятся быть нашими рабами.

И опустошеніе подвластныхъ намъ областей было послѣдствіемъ этихъ первыхъ угрозъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Закавказьѣ, когда Соломонъ, въ ожиданіи неизбѣжнаго начала военныхъ дѣйствій со стороны Россіи и Персіи, отправилъ за своимъ семействомъ, находившимся на минеральныхъ водахъ, сначала князя Симеона Церетели, а потомъ и особый отрядъ для сопровожденія царицы и дѣтей въ Имеретію.

Мы оставили ихъ на ночлегѣ подъ Пятигорскомъ. Дареджана, прощаясь съ матерью, чтобы итти спать, присѣла у нея на кровати.

— Скажи, мама, что это значитъ, когда кого-нибудь видишь во снѣ?—спросила она, ласкаясь къ матери.

— А это значитъ, что ты раньше думала о томъ, кто тебѣ приснился,—отвѣчала Марія, гладя головку дочери.

— Отчего же это, мама?—вся встрепенулась дѣвушка.

— Не знаю, милая... Мнѣ такъ кажется... Развѣ это оттого, можетъ быть, случается, что когда чья-либо мысль витаетъ надъ нами, то не только душа его, но и тѣло бываетъ съ нами, хоть тѣло далеко отъ насъ.

— Правда, мамочка! — вся зардѣлась радостью Дареджана.—Вѣдь, говорятъ, что тѣло и душа неразлучны въ человѣкѣ, и когда душа улетаетъ, то тѣло умираетъ.

— Такъ, такъ, умница... Да что это сегодня на тебя нашли такія мысли?

— Не знаю, мама; можетъ быть, оттого, что папу видѣла и опять хочу видѣть.

Но она очень хорошо знала, что не отца хотѣла видѣть; но даже и отъ себя желала скрыть это.

— Лучше, дитя, хорошенько помолись за отца,—со вздохомъ сказала Марія,—видишь, какія времена теперь настали.

— Помолюсь, мама. Но вѣдь мы побѣдимъ?

— Будемъ надѣяться на Бога и на святую Нину.—Царица перекрестилась.

— Да зачѣмъ, мама, русскіе хотятъ взять нашу Имеретію милую?

— Да говорятъ, у насъ неспокойно, у нихъ спокойнѣе будетъ.

— А я думаю, что они просто жадные, имъ все мало.

— Ну, перестань, дурочка, болтать вздоръ.

— Это не вздоръ мама, это и папа говорилъ, и князь Зурабъ; а онъ, говорятъ, самый умный человѣкъ во всей Имеретіи.

— Ну, будетъ тебѣ, заболталась что-то сегодня. Иди спать,— сказала Марія, крестя болтунью.

Геоухеръ уже спала, когда Дареджана воротилась отъ матери. Дѣвушка, прислуживавшая Дареджанѣ и Геоухеръ и спавшая въ углу палатки за занавѣской, проснулась и вышла, чтобы раздѣть свою молодую госпожу.

— Ты спала, Марико?—спросила Дареджана заспанную дѣвушку.

— Вздремнула немножко, милая царевна, — отвѣчала Марико.

— А что видѣла во снѣ?

— Не помню, милая царевна.

— Ахъ, глупая!

— Ахъ, да! Кишмишъ и рахатъ-лукумъ ѣла во снѣ

— Глупая! А никого изъ людей не видѣла?

— Да, помню: видѣла русскаго солдата. такой большой.

— Что-жъ онъ?

— Онъ у меня отнялъ кишмишъ.

— Ну, глупый сонъ, — сказала Дареджана недовольнымъ тономъ.—Я спать хочу.

Она долго потомъ молилась, молилась объ отцѣ, о матери, объ Имеретіи; но мысли ея отъ молитвы уносились въ сторону и

не могли ни на чемъ сосредоточиться... «Чаще видишь во снѣ того, кто о тебѣ думаетъ... Неужели и сегодня увижу?»...

На слѣдующій день путешественники наши, миновавъ горы Желѣзную и Змѣиную, которыя остались влѣво, послѣ полудня достигли Георгіевска, главной, въ то время, штабъ-квартиры нашихъ войскъ, расположенныхъ на линіи. Здѣсь же находилось и постоянное мѣстопребываніе генерала Глазенапа.

Глазенапъ, получивъ отъ Завалишина извѣстіе о нашихъ неудачахъ подъ стѣнами Баку и о волненіяхъ по всему Дагестану, готовился къ походу на помощь Завалишину. Онъ и теперь любезно встрѣтилъ имеретинскую царицу, поздравилъ ее съ выздоровленіемъ и нашелъ, что и Дареджана, и Геоухеръ еще похорошѣли за это время; но ни слова не сказалъ о томъ, что дѣлалось въ Имеретіи. Напротивъ, просилъ царицу передать его неизмѣнное почтеніе царю Соломону и царевичу Константину.

— Въ скоромъ времени мы ожидаемъ новаго начальника Кавказскаго края на мѣсто покойнаго князя Циціанова,—сказалъ онъ какъ бы вскользь.—Бѣдный Павелъ Дмитріевичъ! Палъ жертвою своего благородства.

— А развѣ вмѣсто него думаютъ назначить кого-нибудь?—спросила царица.

— Какъ же! Безъ этого нельзя, намъ нуженъ хозяинъ, и крупный.

— Кого же думаютъ назначить?

— Всего вѣроятнѣе графа Гудовича: онъ старый вояка, уже прославившійся побѣдами надъ турками, да и въ здѣшнихъ краяхъ онъ не новичекъ,—сказалъ Глазенапъ.

Потомъ онъ любезно обратился къ Геоухеръ, которая собиралась было уйти вмѣстѣ съ Дареджаной.

— Прошу передать отъ меня поклонъ вашему батюшкѣ,—сказалъ онъ.—Я съ почтеннымъ Ибраимъ-ханомъ встрѣчался когда-то въ Тифлисѣ.

Геоухеръ поклонилась, пробормотавъ что-то. Юные царевичи стояли въ сторонѣ и словно волчата поглядывали исподлобья. Глазенапъ ихъ замѣтилъ.

— Какіе молодцы выросли,—сказалъ онъ,—пора посылать въ Петербургъ, въ шляхетскій корпусъ... Изъ нихъ выйдутъ

отличные боевые генералы... Хотите въ корпусъ, юные друзья?— спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—угрюмо отвѣчалъ Ираклій, сверкнувъ глазами.

— Что такъ?—засмѣялся Глазенапъ и отвернулся.—Когда же, ваше высочество *), вы намѣрены продолжать путь?—обратился онъ къ царицѣ.

— Сегодня же, генералъ, послѣ роздыха,—отвѣчала Марія.

— Въ такомъ случаѣ къ вашему конвою я прибавлю еще пушку съ нѣсколькими артиллеристами.

— Благодарю васъ, генералъ. А развѣ это необходимо? Развѣ въ горахъ небезопасно?

— Не думаю; но я и почту въ Тифлисъ всегда отправляю при орудіи,—сказалъ Глазенапъ.

— Въ такомъ случаѣ, ваше превосходительство, еще разъ примите мою благодарность,—поклонилась царица.

Глазенапъ откланялся и ушелъ.

V. Два спутника.

Что же дѣлалось въ это время въ Имеретіи?

Въ тотъ день, когда караванъ царицы Маріи, предшествуемый орудіемъ съ курящимся фитилемъ, выступилъ изъ Георгіевска, къ границѣ Имеретіи со стороны Турціи, по ахалцыхской дорогѣ, слѣдовали два всадника. Одинъ изъ нихъ походилъ на католическаго монаха, хотя сверхъ монашеской рясы на плечи его накинута была бурка, а голову прикрывалъ башлыкъ изъ верблюжьей шерсти. Другой представлялъ изъ себя типъ лезгина. Оба они были вооружены винтовками и саблями, а изъ кобуръ при сѣдлахъ виднѣлись ручки пистолетовъ.

— Великій, непобѣдимый императоръ французовъ, Наполеонъ, такъ и порѣшилъ сдѣлать,—говорилъ монахъ по-турецки.

— Какъ же такъ?—спросилъ лезгинъ.

— Такъ, какъ они согласились съ падишахомъ и съ Бабаханомъ: Турція беретъ Имеретію и Мингрелію, а Персія—Грузію и Кахетію.

— А Московъ какъ же, Россія?

*) Русскія власти, въ сношеніяхъ на бумагѣ и въ разговорахъ съ царями Имеретіи, употребляли выраженія — «ваше высочество» вмѣсто «ваше величество».

— О! Да у Россіи земли хоть отбавляй: у русскаго царя такъ много земли, что у него никогда не заходитъ солнце.

Для лезгина послѣднія слова оказались непонятными.

— Какъ же это такъ, чтобы солнце не заходило? Что же, оно стоитъ у нихъ на одномъ мѣстѣ?—спросилъ озадаченный лезгинъ.

— Нѣтъ, не стоитъ, а ходитъ: когда оно заходитъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ, то въ Камчаткѣ оно уже взошло.

— Ай-ай-ай! Такъ, значитъ, у московъ никогда не бываетъ ночи?

— Нѣтъ, бываетъ; а только у нихъ такъ: у половины русскихъ—ночь, и они спятъ, а у другой половины—день, и они воюютъ.

— Такъ они только и знаютъ, что воюютъ? Вотъ шайтаны!

— Да, все воюютъ... Но императоръ французовъ обрѣжетъ имъ крылья...

— Давно пора! Ахъ, шайтаны! Солнце не заходитъ!

Изумленіе восточнаго человѣка не знало границъ. Онъ только головой качалъ, повторяя: «ахъ, шайтаны!»

Но вотъ и граница Имеретіи. Виднѣется шпиль минарета.

— Вотъ и Тавли-викъ,—сказалъ лезгинъ, показывая нагайкой на минаретъ.—А дальше ужъ Имеретія.

— А что же не видно кордонныхъ?—спросилъ монахъ.

— Они въ Тавли-викѣ: мимо нихъ никто не проѣдетъ.

Скоро показались домики и мазанки Тавли-вика. Это было небольшое турецкое мѣстечко ахалцыхскаго пашалыка.

У въѣзда въ мѣстечко и стоялъ турецкій пикетъ. Солдаты, сидя въ тѣни мазанки, курили, а лошади стояли у коновязей, отмахиваясь отъ мухъ.

— Кто ѣдетъ?—спросилъ, вставая съ земли, одинъ солдатъ и подходя къ нашимъ путникамъ.

— Посланцы отъ его высокостепенства Селимъ-паши,—отвѣчалъ лезгинъ.

— А гдѣ пропускъ?

— Вотъ пропускъ отъ его высокостепенства,—отвѣчалъ монахъ, протягивая къ носу солдата правую руку, на указательномъ пальцѣ которой красовался перстень съ бирюзами.

— Я не понимаю,—сказалъ солдатъ, разсматривая перстень,—идемте къ начальнику.

Путники наши, въ сопровожденіи двухъ кордонныхъ, направились къ духану, который былъ тутъ же. Изъ духана вышелъ старый солдатъ низама съ отличками на курткѣ. Монахъ молча подалъ ему перстень съ бирюзами. Солдатъ, разсмотрѣвъ надлись на перстнѣ и вензель, почтительно поцѣловалъ его.

— Пропустить!—сказалъ онъ, прикладывая лѣвую руку ко лбу, а правою подавая монаху перстень.—Да хранитъ тебя Аллахъ на пути твоемъ.

Путники наши двинулись дальше, оставляя за собою Тавливикъ.

— Аллахъ керимъ!—философски разсуждалъ лезгинъ, помахивая нагайкой.—Вотъ и языка нѣтъ у перстня, а говоритъ, да еще какъ говоритъ! Ты только показалъ его старому низаму, а ужъ онъ и говоритъ: «пропусти ихъ». Это перстень говоритъ языкомъ Селимъ-паши: «пропусти ихъ», и низамъ пропустилъ. Керимъ Аллахъ! Акберъ Аллахъ! А московъ то, вотъ шайтанъ! Однимъ глазомъ спитъ, а другимъ смотритъ; лѣвой рукой спитъ, а правой воюетъ. Ну, шайтанъ и есть. И солнце у него никогда не заходитъ, чудеса! А ты самъ былъ въ землѣ московъ?—спросилъ онъ монаха.

— Былъ и родился тамъ,—отвѣчалъ монахъ.

— И родился!—удивился лезгинъ.—Да самъ ты развѣ московъ?

— Нѣтъ, я полякъ.

— Полякъ! И родился въ землѣ московъ?

— Нѣтъ, я родился въ Польшѣ.

— А чтожъ эта Польша? Пашалыкъ такой или городъ?

— Да почти что пашалыкъ... А далеко еще до Мухакруа?—спросилъ монахъ.

— Теперь недалеко. Проѣдемъ только Ачары, тамъ у меня знакомый духанщикъ, армянинъ Карапетъ: мы у него закусимъ и отдохнемъ, а тамъ и въ Мухакруа.

Они ѣхали теперь лѣсною тропою, извивавшеюся по ущелью. Солнце ярко свѣтило, бросая темныя тѣни отъ вѣковыхъ деревьевъ. Птицы веселыми пѣснями справляли свой весенній праздникъ, праздникъ любви. Въ расщелинахъ камней раздавался задорный крикъ горнаго дрозда. Удодъ неумолкаемо тянулъ свою однообразную пѣсню. Между вѣтвями чинаръ и дикой

акаціи перекликались звонкимъ свистомъ иволги, блестя на солнцѣ, словно летающіе листы сусальнаго золота.

Вдругъ изъ кустовъ, съ той и другой стороны лѣсной тропы, выскакиваютъ какія-то фигуры и съ крикомъ «стой!» хватаютъ подъ уздцы лошадей нашихъ путниковъ. Окликъ «стой» былъ произнесенъ по-русски.

Лезгинъ хватился было за пистолетъ, но сильныя руки нападавшихъ удержали его.

— Сдавайтесь, а то мы васъ приколемъ!—сказалъ одинъ изъ нападавшихъ.

Это были русскіе солдаты, пикетами разъѣзжавшіе по Имеретіи со стороны ахалцыхскаго пашалыка.

— Кто вы такіе и куда ѣдете?—спросилъ старый солдатъ съ Георгіемъ на груди.

— Я посланецъ ахалцыхскаго паши къ генералу Рыкгофу,—отвѣчалъ довольно правильно по-русски монахъ,—а это мой проводникъ, знающій дорогу до Кутаиса.

— А покажи квитокъ,—сказалъ солдатъ.

— Какой квитокъ?

— А пропускъ, бумагу: безъ бумаги никого не велѣно пропущать.

— Вотъ мой пропускъ,—сказалъ монахъ, показывая перстень.

— Э! Да этого намъ мало,—возразилъ солдатъ,—мы васъ будемъ обыскивать, такъ велѣно; а тамъ поведемъ на бекетъ, къ начальству: оно пущай разбираетъ васъ. Слѣзайте же съ лошадей.

Плѣнники, видя превосходство на сторонѣ солдатъ, повиновались.

— Сымайте съ себя и кладите къ сторонкѣ сабли и кинжалы,—командовалъ старый солдатъ.

Плѣнники исполнили, что имъ велѣно. Другіе солдаты держали лошадей.

— Ну, теперича не погнѣвайтесь, пощупаемъ, значитъ, васъ: такъ велѣно, братцы.

И солдатъ сталъ ихъ обыскивать. У лезгина ничего не нашли, кромѣ нѣсколькихъ турецкихъ монетъ.

— Ну, эта птица летаетъ вездѣ безъ пропуска,—улыбнулся солдатъ,—ее и безъ квитка въ духанѣ примутъ.

— Духанъ,—заговорилъ вдругъ лезгинъ,—хады, купакъ, въ духанъ, я буду платилъ.

— Ладно, кунакъ, намъ это не полагается,—отвѣчалъ солдатъ,—коли начальство тебя обѣлитъ, тогда и угощай которыхъ, а намъ это не рука.

И онъ сталъ обыскивать монаха.

— Ба! Вотъ и квитки,—сказалъ онъ, вытаскивая изъ кармана сутаны какой-то пакетъ.—Тутъ что-то писано... Ну, это снесемъ къ начальству, пущай читаетъ, которое ежели тово...

Монахъ тревожно потянулъ руку за пакетомъ.

— Отдай пакетъ, кавалеръ,—сказалъ монахъ,—я его долженъ лично вручить генералу въ собственныя руки.

— Ладно, и вручишь, ежели которое начальство позволитъ,—не соглашался солдатъ.

Монахъ, впрочемъ, не настаивалъ, это было въ его видахъ, какъ мы узнаемъ впослѣдствіи, и тревога его была не изъ-за пакета, а изъ-за чего-то другого.

— А теперича, которые, отведите ихъ на бекетъ, къ начальству,—продолжалъ распоряжаться старый солдатъ,—ты, Юхименко, поведешь лошадей, а которые, Петровъ, Сидоровъ съ ими, значитъ, какъ бы атютанты, честь честью посламъ, которые, поняли?

— Поняли, — разомъ отвѣчали Петровъ, Сидоровъ и Юхименко.

— А которые мы, братцы, пойдемъ дальше, значитъ, дозоромъ,—объяснилъ старый солдатъ.—Ну, съ Богомъ, господа атютанты, кланяйтесь нашимъ, которые.

— Ладно, счастливо оставаться,—сказалъ Петровъ, пряча за голенище пакетъ, взятый у монаха.

Юхименко взялъ подъ уздцы плѣнныхъ лошадей, а Петровъ и Сидоровъ, забравъ оружіе плѣнниковъ и перекинувъ на плечи ружья, двинулись къ Ачарамъ, конвоируя посланцевъ Селима-паши. Плѣнники шли безропотно и скоро вышли изъ лѣсной тропы на открытое мѣсто. Невдалекѣ виднѣлось селеніе. Это и были Ачары. При видѣ селенія, лезгинъ многозначительно переглянулся съ монахомъ.

— Кунакъ, а кунакъ!—обратился онъ къ Петрову.

— А что, кунакъ?—спросилъ этотъ послѣдній.

— Въ Ачури духанъ есть, у! Якши духанъ!—продолжалъ лезгинъ.

— Точно, есть духанъ,—отвѣчалъ Петровъ.

— Ходы, кунакъ, духанъ: я ѣсть хатѣлъ, онъ ѣсть хатѣлъ (лезгинъ указалъ на монаха), ты ѣсть и водка пить хатѣлъ, и всѣ пить и ѣсть будимъ, га?—И онъ позвякалъ деньгами.—Айда духанъ!

— Правда, и я отощалъ: съ утра ничего не ѣлъ,—сказалъ монахъ,—пойдемте, господа кавалеры, закусимте въ духанѣ, выпьемъ за ваше здоровье и отдохнемъ.

— Ладно, отчего не выпить и закусить,—согласился Петровъ,—насъ съ эфтаво не убудетъ, братцы.

— Вѣстимо, не убудетъ,—согласился и Сидоровъ.

— А я до сего торгу и пишки,—улыбнулся Юхименко,—на то мы витютянты.

— Эхъ, ты, хохолъ! Самъ витютень! — засмѣялся Сидоровъ.—Что за лубяной языкъ у этихъ хохловъ! Витютянты!

— А какъ же по-твоему, москва суконная? — огрызнулся Юхименко.

— Атютанты, а не витютянты; витютень птица,—отвѣчалъ Сидоровъ.

— Да такой и птицы нѣтъ,—не соглашался Юхименко.

— Какъ нѣтъ! А слышишь, кричитъ вонъ на осинѣ? Слышишь?

— Слышу. Да это кричитъ припутень,—утверждалъ Юхименко.

— Припутень! Самъ ты припутень!

Однако, и Юхименко, и Сидоровъ оказались оба правы: что въ Великороссіи называется «витютень»—лѣсной дикій голубь, то въ Малороссіи—«припутень».

Но вотъ и Ачары, а при въѣздѣ въ Ачары—духанъ. Наши путники подвернули къ этой кавказской корчмѣ. Въ дверяхъ ея показался армянинъ, съ удивленіемъ и не безъ тревоги смотрѣвшій на прибывшихъ. Но лезгинъ бросилъ на него такой многозначительный взглядъ, что духанщикъ тотчасъ кое-что понялъ и засуетился.

— Давай баранъ, давай шашлыкъ, давай чихиртма, давай ча-хохъ-били, усо давай, намъ давай, кунакъ давай,—заго-

рилъ лезгинъ, въ то время когда солдатики привязывали плѣнныхъ лошадей и вносили въ духанъ оружіе;—бурдукъ давай, раки давай.

— Что есть въ печи, все на столъ мечи,—пояснилъ Петровъ, самодовольно осклабляясь.—Мы проголодались, какъ собаки.

— Сичасъ, кавалеръ, сичасъ все будетъ готово,—засуетился духанщикъ.

— А лошадямъ подвѣсь торбы съ овсомъ,—сказалъ монахъ, входя въ духанъ.

— Сичасъ, сичасъ, святой отецъ,—отвѣчалъ духанщикъ.

Онъ перекинулся нѣсколькими словами съ выглянувшей изъ другой комнаты армянкой, обмѣнявшись съ нею многозначительнымъ взглядомъ, какимъ онъ раньше обмѣнялся съ лезгиномъ. Та скрылась за дверью, и вскорѣ на большомъ коврѣ, разостланномъ на полу и покрытомъ тонкою цыновкою, появились стаканы, блюда съ бараниной, сыромъ изъ козьяго и овечьяго молока, лаваши, глиняный кувшинъ съ водкой и бурдюкъ съ виномъ.

Глядя на всѣ эти роскоши, солдатики радостно облизывались.

— Ну, кавалеры, садимтесь и выпьемте за здоровье генерала Рыкгофа, — сказалъ монахъ, наливая изъ кувшина въ стаканы.

— «Ура»!—воскликнулъ Петровъ, а за нимъ и его товарищи, которые, присутствуя на полковыхъ праздникахъ, знали, какъ должно встрѣчать такіе тосты.—«Урра!»—повторили они, выпивъ по стакану.

— У! Да и добрая же водка! — замѣтилъ Петровъ, крякнувъ и сплюнувъ.—Ужъ и водка!

— Одно слово, спотыкачъ, спотыкай-водка, — согласился Юхименко,—настоящій запридухъ.

Послѣ выпивки всѣ принялись за баранину и за сыры, между тѣмъ какъ изъ смежной комнаты доносился раздражительный запахъ приготовляемаго на пылающемъ очагѣ шашлыка.

Кувшинъ уже безъ всякаго предложенія переходилъ изъ рукъ въ руки.

— Выпьемъ за нашего ротнаго!—возгласилъ вдругъ Юхименко.

И этотъ тостъ былъ принятъ дружно. Побѣдители начали уже цѣловаться съ побѣжденными, съ своими плѣнниками.

— Братуха! Купакъ! Поцѣлуй меня,—лѣзъ Сидоровъ цѣловаться съ лезгиномъ.—А съ этой свиньей не цѣлуйся, онъ хохолъ, витютень.

А Юхименко уже прямо припалъ къ задней пожкѣ бурдюка и тянулъ чихирь, какъ воду. Петровъ о чемъ-то дружески разговаривалъ съ монахомъ, повторяя: «а ты не сердись, что я отнялъ у тебя бумагу, мое дѣло сполнять, что велитъ начальство».

Скоро Петровъ, и Юхименко, и Сидоровъ заснули мертвецкимъ сномъ.

— Теперь айда!—сказалъ лезгинъ, подмигивая монаху и духанщику Карапету.—Лошади готовы?

— Готовы,—отвѣчалъ Карапетъ.

VI. Наполеонъ I и капитанъ Парфеновъ.

Невеселое пробужденіе ожидало нашихъ загулявшихъ героевъ. Первымъ проснулся Петровъ и сразу не могъ сообразить, что съ нимъ и гдѣ онъ. Занималось уже утро. На полу валялись Сидоровъ и Юхименко, послѣдній головою на недопитомъ бурдюкѣ вмѣсто подушки.

Петровъ съ трудомъ приподнялся. Голова его, казалось, была налита свинцомъ. Онъ все вспомнилъ. Гдѣ же тѣ, ихъ плѣнные?

— Эй, купакъ! Гдѣ ты?

Никто не откликался. Онъ сталъ толкать товарищей.—«Вставайте, черти! Бѣда случилась!»

Тѣ только мычали. Онъ отворилъ дверь изъ духана. Утро было ясное, вотъ, вотъ и солнышко взойдетъ. Около духана ни души, и лошадей нѣтъ. Онъ опять въ духанъ. Стучитъ въ хозяйскую дверь «хозяинъ!» Выходитъ заспанный духанщикъ.

— А гдѣ они?—спрашиваетъ Петровъ.

— Хто ани? Твой купакъ, два купакъ?

— Кой чортъ купаки. Они наши плѣнные, мы ихъ поймали и вели на бекетъ... Гдѣ они?

— Ани вчера уѣхалъ, — хладнокровно отвѣчалъ духанщикъ.

— Какъ уѣхали!

— Ани сказалъ, што твой купакъ, расплатилъ и айда.

Тутъ только догадался Петровъ, что онъ и его товарищи сдѣлались жертвою обмана. Онъ оглянулся, всѣ ихъ три ружья

стояли въ углу духана въ цѣлости... «Слава Богу, хоть казенное добро не унесли»,—мелькнуло у него въ головѣ. Онъ за голенище, и тамъ все благополучно: пакетъ цѣлъ. Придется изворачиваться передъ начальствомъ.

Духанщикъ полѣзъ въ карманъ и вынулъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ.

— А эта ани далъ тебе опохмѣляй,—сказалъ онъ, передавая деньги Петрову.

— Ишь черти, какіе добрые!—смущенно бормоталъ Петровъ, почесывая затылокъ.—Еще и на похмѣлье оставили. Ну, давай!—сказалъ онъ рѣшительно.—Будемъ опохмѣляться. Эй, черти! Вставайте! Чтобы васъ задавило!—кричалъ онъ на товарищей, расталкивая ногою то того, то другого.—Бѣда стряслась!

— Что? Что такое! — вскочилъ Сидоровъ, безсмысленно озираясь.

— Бѣжали наши плѣнные, вотъ что!

— Какъ бѣжали Куда бѣжали?

— Бѣжали, и все... Къ чорту на-кулички.

Сидоровъ схватился за голову... «Батюшки! Подъ разстрѣлъ подвели!»

На немъ лица не было, такой безсмысленный испугъ овладѣлъ имъ. Онъ вскочилъ.

— Что же съ нами будетъ? Что мы скажемъ? Какъ явимся?—растерянно бормоталъ онъ.

— Погоди, я придумалъ кой-что,—болѣе спокойно проговорилъ Петровъ,—дай только опохмѣлиться.

Въ это время духанщикъ внесъ кувшинъ, но уже болѣе скромныхъ размѣровъ.

— Слушай, знакомъ!—рѣшительно сказалъ ему Петровъ.— Ты насъ не знаешь, никогда не видалъ, и мы у тебя никогда не были въ духанѣ; и тѣ подлецы, что бѣжали, не были у тебя, и ты ихъ никогда не видалъ. Понимаешь, знакомъ?

— Понимай,—отвѣчалъ армянинъ.

— А проболтаешься, висѣть тебѣ на осинѣ, либо на чинарѣ! Понялъ?

— Понимай,—повторилъ армянинъ.

Въ это время проснулся и Юхименко. Онъ напряженно вслушивался въ слова Петрова, стараясь вникнуть въ ихъ смыслъ.

— Бѣжали.—тихо сказалъ ему Сидоровъ.

— Слушать, ребята, въ оба!—обратился къ нимъ Петровъ, залпомъ выпивая стаканъ ракіи.—Квитокъ у меня цѣлъ, не унесли, подлецы эдакіе!—пояснилъ онъ, ударяя себя по голенищу.—Слушай: мы вели ихъ, и вдругъ, откуда ни возьмись, татары, видимо ихъ невидимо, да на насъ! Мы въ штыки, и стрѣляли по нимъ, по чертямъ, и все же ихъ сила взяла: отняли у насъ плѣнныхъ, и только потому насъ не прирѣзали, что боятся нашихъ товарищей: «порѣжутъ-де за васъ нашихъ женъ и дѣтей, а эфти-де плѣнные—наши купаки, слуги нашего царя Соломона». Ну, и отпустили насъ. Поняли, братцы?

— Поняли,—отвѣчали разомъ Сидоровъ и Кхименко.

— Помни же: видимо-невидимо татаръ.

— Знамо. А теперича опохмѣлимся и мы, да и въ дорогу, къ бекету,—сказалъ Сидоровъ.

Но прежде вышли изъ духана, облили изъ бассейна головы холодною водой, помолились на востокъ и, воротившись въ духанъ, опохмѣлились и закусили.

Хитрый армянинъ проводилъ ихъ съ поклонами.

До пикета было недалеко, и потому не далѣе какъ черезъ часъ солдатики заявились къ начальству. Они разсказали, какъ вчера поймали двухъ лазутчиковъ, которые пробирались отъ ахалцыхскаго паши, какъ нашли у нихъ письмо къ кому-то, будто бы къ генералу Рыкгофу, какъ они потомъ, оставивъ товарищей, вели втроемъ лазутчиковъ къ пикету, какъ на нихъ напали татары—«видимо-невидимо» и т. д.

Петровъ подалъ пакетъ офицеру, добродушному толстяку, съ серьгой въ ухѣ.

— Не при мнѣ писано,—сказалъ офицеръ, взглянувъ на адресъ, и подалъ стоявшему тутъ же грузину нераспечатанный пакетъ.

— Это писано царю Соломону,—объяснилъ грузинъ, прочитавъ адресъ.

— А что тамъ внутри?—спросилъ офицеръ.

Грузинъ вскрылъ пакетъ и сталъ читать про себя.

— Разбираешь?—спросилъ офицеръ.

— Разбираю, ваше благородіе: это Селимъ-паша пишетъ царю Соломону.

— Ну, что же?

— «Селимъ-паша ахалцыхскій,—медленно и запинаясь пере-

водилъ грузинъ,—его величеству Соломону II, Божью милостію царю Имеретіи, здоровья и безчисленныхъ дней у Бога просить. Да будетъ вѣдомо вашему величеству, что его всевеличество, а мой милостивый повелитель, царь царей, тѣнь Аллаха на землѣ, великій падишахъ, да гремитъ во вселенной слава его во вѣки! Даровалъ миръ и прощеніе русскому императору»...

— Ахъ, ракалья! — не вытерпѣлъ толстякъ-офицеръ.— Онъ, видишь ли, даровалъ прощеніе нашему государю... Ахъ, онъ, свиное ухо! Тѣнь сатаны на землѣ!.. Ну, читай дальше.

— «Даровалъ миръ и прощеніе русскому императору Александру, французскому императору Наполеону и англійскому царю,—продолжалъ переводить грузинъ,—и что Имеретія и Мингрелія милостиво приняты подъ высокую руку падишаха, моего повелителя, а Грузію и Кахетію онъ милостиво уступилъ Персіи»...

— Ахъ, онъ, ракалья!—снова не выдержалъ толстякъ.— Уступилъ.. А! Каково!.. Милостиво уступилъ!

Толстякъ такъ и прыгалъ на мѣстѣ. Но, несмотря на все его возбужденіе, покраснѣвшее лицо его выражало не злобу, а добродушіе.

— Ну, что дальше? Дорѣзывай, — сказалъ онъ грузину, сверкая круглыми глазками.

— «А равно и Крымъ его всевеличество падишахъ отобралъ обратно, и въ Крымъ уже назначенъ особый ханъ»...

— А! Вретъ какъ сивый меринъ,—уже спокойно замѣтилъ офицеръ.—Ну!

— «Послы же русскаго императора, французскаго императора и англійскаго царя,—продолжалъ грузинъ-толмачъ,— прибыли къ сераскиру Юсуфъ-пашѣ съ тѣмъ, чтобы, какія русскія войска находятся въ Ганжѣ или въ Шушѣ, или въ Тифлисѣ, въ Имеретіи, или въ Кулеви, всѣ собрать вмѣстѣ и изъ Дербента отправить въ Россію».

— А! Ракальи!—снова вспылилъ толстякъ.—Это меня то выгнать изъ Имеретіи! Меня изъ Дербента отправить въ Россію, меня! Да меня развѣ за ноги выволокутъ отсюда мертвымъ, а живымъ я не пойду! Нѣтъ! Не затѣмъ мы дрались, чтобы насъ отсюда выгонять, какъ овецъ! Нѣтъ! На, выкуси!

Онъ бѣгалъ изъ стороны въ сторону и ерошилъ на себѣ волосы.

— Ну, и квитокъ же мы поднесли его благородію,—улыбнулся Петровъ и подмигнулъ Сидорову.

— Слава Богу,—шепнулъ на это послѣдній,—все на квиткѣ стряслось, а то бы намъ не сдобровать.

— Ну!—вдругъ остановился офицеръ передъ толмачомъ.— Что жъ ты не читаешь дальше?.. Что тамъ еще онъ плететъ.

— Онъ пишетъ дальше, — продолжалъ толмачъ: — «При семъ прилагаю вашему величеству выписку изъ договора, заключеннаго императоромъ французовъ съ его всевеличествомъ падишахомъ и съ повелителемъ Персіи, Баба-ханомъ»...

Толмачъ остановился и вертѣлъ въ рукахъ отдѣльный листокъ бумаги.

— Ну, читай эту выписку,—сказалъ офицеръ, раскуривая трубку которую подалъ ему денщикъ, хорошо знавшій, чѣмъ успокоить расходившееся «его благородіе». — Гмъ-гмъ-трубка, это хорошо... ну!

— Да этого, ваше благородіе, я не прочту,—отвѣчалъ толмачъ.—Это, должно быть, по-французски.

— А ну!..—И офицеръ выхватилъ листокъ изъ рукъ толмача.

— Ахъ, чортъ возьми! Вѣдь, и я этого не прочту, не маракую,—теръ онъ рукою лобъ и переносицу.—Параграфъ третій— это я понимаю, а дальше, чортъ побери! А ну, попробую: литеры-то есть знакомыя... «За таіезте» ахъ, ты, дьяволъ! «За таіезте»... Не понимаю ничего!

Въ это время за палаткою, на опушкѣ лѣса, показались два юныхъ офицера.

— А! Гриша! Вася!—обрадовался толстякъ.—Идите скорѣй! Къ вамъ есть дѣло, да прелюбопытнѣйшее.

Молодые офицеры приблизились. По всему видно было, что они недавно выпущены изъ корпуса: южное солнце и боевая жизнь еще не успѣли наложить на ихъ свѣжія лица ни загару, ни походной гримировки.

— Что такое, Петръ Иваповичъ?—спросилъ, подходя къ толстяку, первый изъ нихъ, бѣлобрысый, безусый офицерикъ золотушнаго вида.

— Да вотъ, душечка, перехватили письмо отъ Селима-паши

къ Соломону-премудрому,—сказалъ толстякъ.—Да только тутъ есть точка съ запятой, черезъ которую я не перескочу.

И онъ вкратцѣ разсказалъ прибывшимъ то, что намъ уже извѣстно.

— А вотъ эта чортова запятая, черезъ которую я не могу перескочить,—сказалъ онъ, передавая бѣлобрысому листокъ.

Послѣдній пробѣжалъ листокъ глазами.

— Ого!—воскликнулъ онъ.—Слышишь, Ждановъ, что тутъ прописано? Параграфъ третій: «Sa majesté l'empereur des français reconnait l'Iméréthie comme appartenant lègitimement à sa majesté l'empereur de Turquie, et la Géorgie—à sa majesté l'empereur de Perse».—А! Каково!

— Да ты что, Гришка подлецъ, бормочешь по-собачьи!—схватилъ его за руку толстякъ.—Ты прочти мнѣ толкомъ, русскимъ языкомъ, а не собачьимъ.

— Да тутъ говорится,—добродушно улыбнулся бѣлобрысый офицерикъ,—что «его величество императоръ французовъ уступаетъ Имеретію, какъ законно принадлежащую, его величеству султану турецкому, а Грузію—шаху персидскому».

— Ахъ онъ корсиканецъ!—снова вскипѣлъ толстякъ.—Онъ уступаетъ! Да я не уступлю, я, капитанъ Парфеновъ, не уступлю!

Оба молодые офицера разсмѣялись.

— Конечно, мы не уступимъ,—подтвердилъ и тотъ, котораго называли Васей, небольшой брюнетикъ.

— Ни за что!—горячился Парфеновъ. — Ну, а что тамъ дальше?—спросилъ онъ.

Гриша читалъ: «Онъ обязывается»...

— Кто онъ?—перебилъ Парфеновъ, неистово дымя трубкой.

— Да все Наполеонъ,—отвѣчалъ Гриша.

— Ха, ха! Онъ обязывается! Ну!

— Онъ обязывается,—продолжалъ Гриша, — употребить всѣ усилія, чтобы принудить Россію... Слышишь, Ждановъ?.. «Il s'engage à faire tous les efforts pour contraindre la Russie»...Каково! Принудить!

— Это меня-то принудить! Меня!—не вытерпѣлъ толстякъ.

— Да, васъ,—подзадоривалъ его Ждановъ:—такъ и говоритъ:—«pour contraindre monsieur le capitaine Parfenoff»...

— Ну, тебя, пустомеля,—отмахнулся чубукомъ толстякъ.— Читай дальше, Гриша.

— Да, да, именно принудить Россію,—продолжалъ послѣдній:—«à l'évacuation de l'Iméréthie et de la Géorgie et du territoire persan»...

— Да ты переводи, чортъ возьми, а не стрекочи сорокой,— остановилъ его Парфеновъ.

— Виноватъ, Петръ Ивановичъ,—спохватился Гриша. — Онъ пишетъ, что принудитъ Россію «эвакуировать, то есть очистить Имеретію, Грузію и персидскія провинціи».

— Ну, это мы еще будемъ посмотрѣть, — уже болѣе спокойно замѣтилъ Парфеновъ, принимая изъ рукъ денщика свѣжо закуренную трубку.

— Но это еще не все,—сказалъ Ждановъ, заглядывая въ бумагу.

— Не все? — воззрился на него толстякъ, раскуривая трубку.

— Да, Петръ Ивановичъ,—отвѣтилъ Ждановъ съ едва замѣтною коварною улыбкой. — Дальше Наполеонъ говоритъ: «cette évacuation sera constamment l'objet de sa politique et de toute sa sollicitude»...

— Да ты что, нарочно застрекоталъ? — перебилъ чтеца Парфеновъ.

— Pardon, Петръ Ивановичъ,—съ хитрою улыбкой извинился Ждановъ.—Но я не умѣю переводить, если не прочту вслухъ всей фразы.

— Ну, и не брался бы: безъ тебя бы Гриша перевелъ.

— Ну, еще разъ извините... Наполеонъ пишетъ, что это очищеніе отъ русскихъ Имеретіи, Грузіи и персидскихъ провинцій «постоянно будетъ предметомъ его политики и всѣхъ его заботъ». Теперь все!

— Пусть себѣ заботится,—небрежно махнулъ рукою Парфеновъ.—Мы также позаботимся, и мы не лѣвой ногой сморкаемся... Подожди, корсиканецъ: не хвались, идучи на рать...

При послѣднихъ словахъ Юхименко фыркнулъ и зажалъ носъ рукою.

— Можете итти,—махнулъ въ ихъ сторону Парфеновъ, — спасибо за квитокъ... Молодцы!

— Рады стараться, ваше благородіе!—отвѣчали всѣ трое...
— Вывезла кривая,—шепнулъ Петровъ, удаляясь.

VII. Странное письмо.

Соломонъ II, послѣдній царь Имеретіи, представлялъ собою рѣдкое явленіе среди владѣтельныхъ особъ Кавказа и Закавказья: онъ, выражаясь иносказательно, оставался единственнымъ и непоколебимымъ кормчимъ своего родного корабля, «руль котораго», какъ онъ самъ говорилъ, «вложенъ въ его державную руку Божіею милостью», и руль этотъ онъ не считалъ себя вправѣ уступать кому бы то ни было.

— Посмотрите,—говорилъ онъ приближеннымъ князьямъ,—весь флотъ священной Иверіи разметали бури и ураганы, нагрянувшіе на нашу страну изъ-за горъ, съ далекаго и холоднаго сѣвера. Гдѣ нѣкогда мощный корабль Грузіи? Куда занесли сѣверные ураганы государственную ладью Мингреліи? Оглянитесь, мачты ихъ сломаны, снасти порваны, паруса унесены въ негостепріимное море, и нѣтъ спасительныхъ якорей. Остался невредимымъ только мой корабль, корабль дорогой намъ Имеретіи, и я съ вашей помощью спасу его: только мертвая рука моя выпуститъ руль, вложенный въ эту руку десницею великаго Бога.

Мечтатель и энтузіастъ, онъ считалъ грѣхомъ и преступленіемъ противъ страны поступиться хотя бы на іоту своими правами и вольностями. Но ему это только казалось: въ сущности же онъ дрожалъ лишь за себя и за свою корону, хотя она и была... игрушечною коронкою.

— Мы ни у кого не отнимали ни земли, ни воды, ни неба,—говорилъ онъ въ собраніи князей,—это наше небо, распростертое надъ нами десницею Всевышняго; это наши горы, наши холмы и долины, среди которыхъ покоятся вѣчнымъ сномъ наши предки, завѣщавшіе намъ нашу землю.

Въ наружности Соломона было много привлекательнаго. Высокій ростъ, широкія плечи при удивительно тонкомъ и гибкомъ станѣ, цѣлый лѣсъ волосъ, посеребренныхъ сѣдиною, красивое первное лицо съ необыкновенно мягкимъ и теплымъ выраженіемъ глазъ, все это съ перваго взгляда располагало въ его пользу.

Трагическая смерть Цициánова еще болѣе укрѣпила Соломона въ правотѣ своего дѣла.

— Онъ забылъ родную мать, священную Иверію, и мать наказала своего недостойнаго сына,—говорилъ онъ по поводу этой смерти.

Но Соломонъ не выходилъ изъ роли добраго сосѣда и друга единовѣрной Россіи. Онъ это хотѣлъ даже выразить особымъ посольствомъ, которое намѣревался послать въ Петербургъ съ увѣреніями въ вѣчной братской дружбѣ.

Вышло, однако, наоборотъ.

Генералъ Рыкгофъ, стоявшій съ своимъ полкомъ въ Имеретіи, богатой продовольственными средствами, по полученіи извѣстія о смерти князя Цициánова, вдругъ, не предупредивъ даже Соломона, занялъ войскомъ его столицу Кутаисъ. Это показалось Соломону незаслуженной и тяжкой обидой: это былъ уже не постой войскъ братскаго народа, а нѣмое завоеваніе независимаго государства. Мало того, Рыкгофъ занялъ своевольно мѣстечко Марани и Лечгумъ, которымъ особенно дорожили Соломонъ и вся Имеретія.

Соломонъ, въ сопровожденіи небольшой свиты придворныхъ, выходилъ изъ собора въ то самое время, когда посланный генераломъ Рыкгофомъ для занятія Кутаиса баталіонъ бѣлевскаго полка вступалъ въ городъ при звукахъ военной музыки.

— Что это, русская военная музыка?—остановился царь Имеретіи въ глубокомъ изумленіи.

Въ это время показался всадникъ въ богатомъ имеретинскомъ одѣяніи и, бросивъ поводъ на шею коня, почтительно приблизился къ Соломону.

— Что это за музыка?—спросилъ послѣдній.

— Это русскіе вступаютъ въ городъ, ваше величество,—отвѣчалъ прибывшій.

Прибывшій былъ старшій сынъ Соломона, царевичъ Константинъ, необыкновенно напоминавшій свою младшую сестру, красавицу Дареджану, ту самую, которую во снѣ обнималъ не то демонъ, не то князь Симеонъ Церетели.

— Русскіе вступаютъ въ городъ!—еще въ большемъ смятеніи воскликнулъ Соломонъ.—По какому праву?

— По праву друзей и покровителей,—горько улыбнулся царевичъ.

Баталіонъ приближался. Музыканты, по командѣ старшаго офицера, перемѣнивъ обыкновенный походный маршъ на парадный имеретинскій, поровнялись съ Соломономъ и смолкли.

Баталіонъ, по командѣ, остановился и отдалъ честь царю Имеретіи. Старшій офицеръ приблизился къ Соломону, который стоялъ безмолвный и блѣдный.

— Честь имѣю рапортовать вашему величеству, что, по распоряженію его превосходительства, генералъ-маіора Рыкгофа, моего непосредственнаго начальника, я съ ввѣреннымъ мнѣ баталіономъ вступаю въ Кутаисъ, — молодцовато отрапортовалъ офицеръ.

— А для какой надобности?—глухо спросилъ Соломонъ.

— Для охраненія особы вашего величества и столицы Имеретіи,—былъ отвѣтъ.

Соломонъ круто повернулся и, не говоря ни слова, удалился со своей свитой.

Воротившись во дворецъ, онъ тотчасъ же созвалъ военный совѣтъ. Въ совѣтѣ находились: старѣйшій и почетнѣйшій изъ князей Имеретіи, князь Зурабъ Церетели, его сынъ князь Григорій, князь Кайхосро Церетели, князь Сехнія Церетели, князь Кайхосро Абашидзе съ красавцами сыновьями-гигаптами, князь Сехнія Цулукидзе, князь Соломонъ Леонидзе и др.

— Ваше величество!—возвысилъ голосъ князь Кайхосро Абашидзе, котораго въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени называли «главнымъ возмутителемъ» Имеретіи.—Ваша прозорливость оправдывается на дѣлѣ. Послѣдній свободный державный корабль священной Иверіи находится въ опасности. Пираты пробрались уже на палубу...

— Но руль еще въ моихъ рукахъ!—страстно перебилъ его Соломонъ.—Мои вѣрные помощники всѣ налицо: привѣтствую васъ!

Бурныя восклицанія были отвѣтомъ на эти слова.

— Умремъ на палубѣ нашего священнаго корабля.

— Нѣтъ! О смерти еще рано говорить: впереди побѣда!

— Да здравствуетъ нашъ обожаемый кормчій!

Только Зурабъ Церетели не поддавался этому безумному увлеченію. Хитрый старикъ сидѣлъ въ тѣни и ехидно улыбался.

«Дуракъ и въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что онъ кормчій державнаго корабля», говорили его лукавые глаза: «кукла, ко-

торою всякій помыкаетъ, дергаетъ, которымъ дѣти потѣшаются, дергая за чесголюбивыя ниточки его маленькой душонки»...

Коварный и честолюбивый старикъ лучше всѣхъ понималъ положеніе дѣлъ и, втягивая довѣрчиваго Соломона въ петлю, имъ же самимъ разставленную, тайно преслѣдовалъ свои личныя цѣли. Изъ всѣхъ здѣсь бушующихъ патріотовъ маленькаго царства онъ одинъ зналъ, съ какимъ колоссомъ этому игрушечному царству приходится имѣть дѣло. Ни Соломонъ, ни окружающіе его князья, никто изъ нихъ не видалъ Россіи, никто не переваливалъ туда, за хребетъ, гдѣ къ самому Ледовитому океану раскинулась неизмѣримая страна, прикрывъ своимъ громаднымъ тѣломъ и берега Тихаго океана, о которомъ наивные имеретины даже не слыхали. А князь Зурабъ Церетели видѣлъ Россію, онъ былъ въ Петербургѣ. Князь Зурабъ понялъ, что ни Персіи, ни Турціи не опрокинуть этого колосса, закованнаго въ стальную броню. И вдругъ маленькій Соломонъ, злѣйшая пародія на настоящаго «царя Соломона», идетъ противъ этого колосса!

Передъ старымъ Зурабомъ проносились грандіозныя и страшныя картины, какія развертывались передъ нимъ по мѣрѣ переѣзда его черезъ кавказскій хребетъ и по мѣрѣ движенія вглубь необозримой Россіи. Безконечныя кубанскія степи, подобнаго чему онъ никогда не видывалъ, не подозрѣвалъ даже о существованіи на землѣ такихъ пространствъ; безчисленные и многолюдные города, передъ которыми не только Кутаисъ, но и Тифлисъ, гордость всей Иверіи, казались небольшими деревеньками; огромныя рѣки, катившія свои воды на пространствѣ тысячи верстъ; а Москва, которая ужаснула его своей величиной, своимъ шумомъ и гамомъ, своими безчисленными, какъ ему казалось, церквами, башнями Кремля, стѣнами; а Петербургъ съ его войсками, дворцами... А эта великолѣпная и грозная гвардія... И противъ всего этого выступаетъ игрушечный король со своимъ игрушечнымъ царствомъ!

— Ну, и пусть его..: тѣмъ лучше, скорѣе свернетъ себѣ шею, а я сяду на его мѣсто,—чуть не вслухъ думалъ старый Зурабъ.

Когда шумъ нѣсколько стихъ, въ залу собранія вошелъ одинъ изъ царскихъ нукеровъ и что-то таинственно шепнулъ царевичу Константину.

Царевичъ вышелъ въ сѣни. Тамъ стоялъ какой-то монахъ.

— Ты кто такой?—спросилъ его царевичъ.

— Мои слова и мое имя могутъ слышать только твои уши, царевичъ,—уклончиво отвѣчалъ таинственный монахъ, давая этимъ понять, что они должны остаться вдвоемъ.

Царевичъ знакомъ приказалъ стоявшимъ въ сѣняхъ пукерамъ удалиться на крыльцо.

— Кто же ты?—снова спросилъ онъ.

— Я—глаза и языкъ грузинскихъ царевичей Александра и Теймураза,—вычурно отвѣчалъ незнакомецъ. — Они послали меня къ царю Имеретіи.

— Зачѣмъ?

— Чтобы стереть пыль, покрывающую прозрачное зеркало родства и дружбы Грузіи и Имеретіи.

— Гдѣ же теперь царевичи?

— Тамъ, гдѣ господствуютъ непобѣдимый левъ и все освѣщающее и оживляющее солнце.

Царевичъ понялъ это восточное цвѣтистое иносказаніе.

— Какъ же ты пробрался черезъ русскіе пикеты?—спросилъ онъ.

— Меня охраняла моя одежда и чужіе волосы,—туманно отвѣчалъ незнакомецъ.

— Чѣмъ же ты докажешь, что ты посланецъ царевичей Александра и Теймураза? Есть у тебя письмо отъ нихъ?

Незнакомецъ улыбнулся.

— Письмо?.. Но письма такихъ, какъ я, приводятъ прямо въ пасть шакаловъ; а шакалы теперь рыщутъ по всѣмъ тропамъ, ведущимъ къ стопу льва и солнца,—отвѣчалъ онъ попрежнему фигурально и туманно.—И шакалы ощупывали каждый шовъ моей одежды и подошвы моихъ чевяковъ.

— Чѣмъ же ты докажешь, что ты не шпіонъ нашихъ враговъ?—уже съ нетерпѣніемъ спросилъ царевичъ.

— Это докажетъ моя голова,—былъ невозмутимый отвѣтъ.

— Какъ голова!

— Кожа моей головы: ее шакалы не тронули.

— Но и это для меня не ясно!—волновался царевичъ.—Говори толкомъ, а то я самъ трону твою голову.

И царевичъ положилъ руку на рукоять кинжала, блестѣвшаго у него за поясомъ.

— Царевичъ!—сказалъ незнакомецъ твердо.—Веди меня въ свою комнату.

— Зачѣмъ?

— Тамъ узнаешь... Веди, не бойся: видишь, со мною нѣтъ оружія, однѣ четки—я монахъ.

— Я не боюсь твоего оружія,—гордо сказалъ царевичъ.—Иди за мной.

Они прошли во внутреннія покои, въ комнату царевича Константина. Черезъ балконную дверь этой комнаты открывался великолѣпный видъ на Ріонъ и на окрестныя горы.

Какъ дороги были эти родныя картины сердцу царевича Имеретіи! Его душа съ дѣтства срослась съ этою дивною панорамой. Эти изломы горъ, эта роскошная зелень, это голубое небо... И вдругъ! Гдѣ-то вблизи онъ услышалъ глухіе раскаты русскаго барабана... Острая боль заставила сжаться его сердце... Ему вспомнилась милая Дареджана, которая на этомъ балконѣ проводила съ нимъ и съ Геоухеръ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ ихъ за хребетъ, въ далекій Пятигорскъ... Геоухеръ... тайное пожатіе ея маленькой ручки...

Онъ опомнился.

— Ну, что же?—обратился онъ къ незнакомцу.—Долго ты будешь испытывать своими загадками мое терпѣніе.

— Нѣтъ, царевичъ, — все также невозмутимо отвѣчалъ странный незнакомецъ.—Есть у тебя вѣрный нукеръ, уста котораго никому не выдавали бы того, что видятъ его глаза?

— Есть. Ну, что жъ дальше?

— И умѣетъ онъ брить?—послѣдовалъ вопросъ на вопросъ.

— Брить? Да ты смѣешься надо мной!

— Не сердись, царевичъ, и позови сейчасъ вѣрнаго нукера который умѣетъ брить: сейчасъ все узнаешь.

Царевичъ невольно засмѣялся. Его уже начиналъ занимать этотъ странный болтунъ, напустившій на себя таинственность Онъ хлопнулъ три раза въ ладоши.

На порогѣ показался старый имеретинъ, нѣчто вродѣ дядьки и пестуна царевича.

— Ты умѣешь брить?—обратился къ нему незнакомецъ.

Старый нукеръ удивился и вопросительно посмотрѣлъ на царевича. Тотъ улыбался: его уже забавляла эта комедія.

— Отвѣчай же ему,—сказалъ онъ,—умѣешь брить?

— Да какъ же не умѣть!—развелъ старикъ руками.—Я и его величество, царя Соломона, всегда брѣю, и его высочество, царевича, началъ брить, какъ только у него показался пушокъ на подбородкѣ.

— Такъ принеси все для бритья: бритвы, мыло, теплой воды,—распоряжался странный незнакомецъ.

Нукеръ принесъ все, что требовалось.

Тогда незнакомецъ взялся за голову, и длинные курчавые волосы очутились въ его рукахъ. Это былъ парикъ. Освобожденная отъ парика круглая голова незнакомца оказалась покрытою черными, гладко остриженными волосами.

— Теперь брѣй мою голову,—сказалъ онъ, садясь на полъ по-восточному.

Нукеръ густо намылилъ ему голову и сталъ брить. Царевичъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на эту операцію. По мѣрѣ очищенія головы отъ мыла и сбритыхъ волосъ, на ней ясно обозначались черныя буквы: голова исписана была по-грузински.

— Вотъ тебѣ письмо, царевичъ,—сказалъ странный посолъ, ткнувъ пальцемъ въ свою бритую башку.

Царевичъ нагнулся и съ любопытствомъ всматривался въ странное посланіе.

«Мы, скитающіеся на чужбинѣ, царевичи Александръ и Теймуразъ»,—читалъ онъ отдѣльныя фразы,—«Мы, которыхъ пріютила гостепріимная страна льва и солнца... Баба-ханъ, всемогущій повелитель Ирана, царь-царей... непобѣдимый Аббасъ-Мирза и его львамъ подобные воины... головы непокорныхъ будутъ потоптаны конскими копытами»...

— Теперь вѣришь, царевичъ? — спросилъ бритый посланецъ.

— Теперь вѣрю,—былъ отвѣтъ.—Гдѣ же ты оставилъ царевичей Александра и Теймураза.

— Они въ Эриванѣ, при войскахъ Аббасъ-Мирзы.

Въ это время опять послышался глухой гулъ барабановъ. Царевичъ вздрогнулъ.

— Знакомая музыка,—сказалъ мнимый монахъ, вытирая мокрымъ полотенцемъ бритую голову.—Подъ эту музыку хоронили нашу милую Грузію.

— Но мы не дадимъ себя заживо похоронить,—съ силой сказалъ царевичъ.

— Да, и мы воскресимъ своего Лазаря,—добавилъ мнимый монахъ.—Ибраимъ-ханъ на нашей уже сторонѣ.

— Владѣтель Карабага?—спросилъ царевичъ, и сердце его учащенно забилось.

Ибраимъ-ханъ—это отецъ красавицы Геоухеръ, и при имени ея отца въ памяти царевича мгновенно воскресло ея милое личико. На этомъ балконѣ, въ тотъ памятный вечеръ, передъ отъѣздомъ съ его матерью, царицею Маріею и съ сестрою Даредженой въ Пятигорскъ, она, прелестная Геоухеръ, такъ весело болтала о красотахъ своей родины, о живописномъ ущельѣ Делижана, о поѣздкѣ съ братьями къ озеру Гокча... А это пожатіе маленькой ручки... Что можетъ быть проще и невиннѣе этого; но для него это было откровеніе... преддверіе рая... Помнитъ ли она его? Помнитъ ли этотъ вечеръ, темное небо, усыпанное звѣздами, тихій плескъ Ріона, взаимное тайное пожатіе рукъ?..

— Что же, царевичъ?—вывелъ его изъ сладкой задумчивости мнимый монахъ.

— А что?—опомнился молодой влюбленный горецъ.

— Веди меня къ царю, я къ нему посланъ.

— Хорошо. Подожди здѣсь. Я сейчасъ доложу отцу.

И царевичъ направился въ покои, гдѣ шелъ военный совѣтъ, невольно твердя въ умѣ: «Странное письмо, невиданное письмо».

VIII. «Долой филистимлянъ!»

Вскорѣ посолъ царевичей Александра и Теймураза былъ введенъ въ покои, гдѣ происходило совѣщаніе военнаго совѣта. Всѣ съ любопытствомъ посмотрѣли на его бритую и расписанную іероглифами голову—оригинальную депешу бѣглыхъ царевичей. Объ этой восточно-остроумной депешѣ ихъ предувѣдомилъ уже царевичъ Константинъ.

Первымъ подошелъ къ посланцу царь Соломонъ, а за нимъ и прочіе князья.

— Кто это придумалъ такую ловкую штуку?—спросилъ Соломонъ, наклоняясь къ головѣ посланца и разбирая написанное на ней.

— Царевичъ Александръ, ваше величество,—отвѣчалъ посланецъ.

— Ай да умница!—воскликнулъ старый князь Абашидзе, Кайхосро.

— Ну, вовсе не надо много ума, чтобы чужую выдумку выдать за свою,—замѣтилъ князь Зурабъ Церетели.

— Какъ чужую, князь?—удивился Абашидзе.

— Да такъ, чужую: я читалъ гдѣ-то, что такую же шутку продѣлалъ давно, очень давно когда-то древній царь или полководецъ,—отвѣчалъ князь Зурабъ.

— Правда, правда, князь,—подтвердилъ и князь Леонидзе.—Не далѣе, какъ на праздникъ Нины ко мнѣ пріѣзжалъ изъ Тифлиса мой сынъ, который учится въ тамошнемъ училищѣ, гдѣ обучаютъ и исторіи; такъ онъ вотъ точно такой же анекдотъ разсказывалъ мнѣ изъ своей исторіи.

— Что жъ и то хорошо, что царевичъ Александръ вспомнилъ объ этомъ случаѣ, если зналъ о немъ прежде, и воспользовался имъ: благодаря этому, мы имѣемъ отъ него важное посланіе,—авторитетно заявилъ царь Соломонъ.

Всѣ согласились съ этимъ.

— Что же еще наказали тебѣ царевичи на словахъ передать намъ?—спросилъ Соломонъ.

— Они приказали доложить, что скоро Баба-ханъ, повелитель всего Ирана, и его наслѣдникъ, шахъ-задэ Аббасъ-Мирза отберутъ отъ русскихъ весь Кавказъ, и что уже пристали къ нимъ и отложились отъ Россіи и Ибрагимъ-ханъ, владѣлецъ Карабага, и Сурхай-ханъ казикумухскій, и Селимъ-ханъ шекинскій изъ Нухи, и бакинскій владѣлецъ со всѣмъ Дагестаномъ, все это поднялось на ноги, когда прошла вѣсть, что голову стараго Циціана послали въ подарокъ Баба-хану.

— А ее тамъ, вѣроятно, уже набили соломой,—замѣтилъ молодой Абашидзе, красавецъ Димитрій.

— Да,—подтвердилъ князь Леонидзе.—у персовъ и у турокъ существуетъ этотъ обычай набивать голову убитыхъ врагомъ соломой и за каждую такую голову выплачивать двѣсти гурушей, немного болѣе десяти рублей тому, кто отрубилъ эту голову.

— Ну, за стараго Циціана, я думаю, не гурушами заплатятъ, а чѣмъ-нибудь подороже,—двусмысленно улыбнулся старый Зурабъ.

— Такъ и Ибраимъ-ханъ, ты говоришь, отложился отъ Россіи?—спросилъ посланца Соломонъ, обдумывая что-то.

— Отложился, ваше величество.

Соломонъ обратился къ сыну. Этотъ послѣдній поблѣднѣлъ.

— А, вѣдь, дочка Ибраима хана, красавица Геоухеръ, находится теперь въ русскихъ предѣлахъ, въ Пятигорскѣ, вмѣстѣ съ царицею и моими дѣтьми,—сказалъ Соломонъ, не замѣчая блѣдности сына.—Какъ бы ее не захватили въ плѣнъ русскіе, когда узнаютъ о возстаніи ея отца.

— Да, отецъ, это можетъ быть, — проговорилъ царевичъ Константинъ дрожащимъ голосомъ.—Тогда гибель дочери Ибраимъ-хана падетъ позоромъ на наши головы: она наша гостья... Ее надо спасать... Позволь, отецъ, я поѣду въ Пятигорскъ къ матушкѣ... я постараюсь спасти княжну.

— Нѣтъ,—сказалъ Соломонъ, — ты мнѣ нуженъ. Мы пошлемъ туда кого-нибудь другого.

— Но, батюшка,—возразилъ было царевичъ, но старый Зурабъ Церетели перебилъ его.

— Не безпокойся, царевичъ,—сказалъ онъ, давно замѣтивъ блѣдность молодого человѣка,—тамъ теперь князь Симеонъ, онъ давно поѣхалъ туда.

— Но онъ не знаетъ объ опасности, угрожающей княжнѣ,—возразилъ влюбленный царевичъ.

— Узнаетъ, мы предупредимъ его объ этомъ... Намъ кое-что извѣстно,—съ улыбкой продолжалъ старый Зурабъ,—почтенный Джафаръ-Кули-ханъ, этотъ милый старичекъ, хотя уже и мышей не давитъ, но онъ большая сила въ Тифлисѣ...

— Что жъ изъ этого, почтеннѣйшій князь?—начиналъ горячиться царевичъ.

— А то, что старецъ Джафаръ, мнѣ это извѣстно, молится на красавицу Геоухеръ и надѣется...

— На что надѣется?—продолжалъ горячиться влюбленный.

— Надѣется спасти ее... въ своихъ старческихъ объятіяхъ...

Но Соломонъ прервалъ ихъ неумѣстный споръ.

— Довольно объ томъ, Константинъ,—сказалъ онъ строго.—Я прикажу князю Симеону проводить княжну до Тифлиса, а оттуда Джафаръ-Кули-ханъ найдетъ возможнымъ въ безопасности доставить ее къ отцу, въ крѣпость Шушу: подъ защитой Джафаръ-хана ея не тронутъ русскіе. А царицѣ и дѣтямъ я велю

прослѣдовать изъ Пятигорска въ Вардъ-цихе, минуя Кутаисъ. Я пошлю за ними особый конвой.

— Но, батюшка,—снова заговорилъ было царевичъ.

— Что еще?—сердито спросилъ Соломонъ.

— Не лучше ли и княжнѣ Геоухеръ укрыться у насъ; въ Вардъ-цихе... это было бы безопаснѣе... А то, если тамъ откроются военныя дѣствія, Джафаръ-ханъ не защититъ ея.

— Нѣтъ и нѣтъ,—горячо сказалъ Соломонъ,—пусть будетъ такъ, какъ я рѣшилъ.

Затѣмъ, въ виду занятія Кутаиса русскими и въ виду принесенныхъ мнимымъ монахомъ вѣстей, рѣшено было, что Соломонъ и нѣкоторые изъ ближайшихъ его совѣтниковъ тотчасъ же оставляютъ Кутаисъ и переселяются въ укрѣпленный и неприступный замокъ Вардъ-цихе, лежащій въ горахъ, не вдалекѣ отъ границъ ахалцыхскаго пашалыка, въ которомъ Соломонъ имѣлъ тайнаго союзника въ лицѣ могущественнаго Селимъ-паши, полновластнаго владыки Ахалцыха и непримиримаго врага русскихъ. Прочіе князья, оставаясь въ Имеретіи, должны немедленно заняться, въ глубочайшей тайнѣ, сформированіемъ поголовнаго ополченія, заготовленіемъ запасовъ продовольствія, порчею дорогъ во всей странѣ, въ особенности же въ пограничныхъ мѣстахъ, чтобы тѣмъ препятствовать вступленію въ Имеретію русскихъ отрядовъ. Затѣмъ, объявить во всей странѣ, чтобы жители ни подъ какимъ видомъ, ни за какія деньги не давали расположеннымъ въ Имеретіи русскимъ командамъ продовольственныхъ запасовъ и фуража, и обѣщать имеретинцамъ всевозможныя вольности и льготы.

Царевичъ Константинъ, въ другое время горячо принимавшій къ сердцу все, что касалось интересовъ его родины, ревностный совѣтникъ отца и его помощникъ въ управленіи страною, теперь, въ такую горячую и критическую минуту, переживаемую его отечествомъ, сидѣлъ въ сторонѣ въ глубокомъ унынiи. Съ одной стороны, прозрачные намеки князя Зураба относительно дряхлаго и безобразнаго Джафаръ-Кули-хана и юной Геоухеръ, съ другой стороны—опасеніе, что эта дѣвушка можетъ сдѣлаться плѣнницею русскихъ,—въ первый разъ представились ему во всей ужасающей возможности. Вѣдь, Джафаръ-Кули-ханъ—мусульманинъ, и религія не запрещаетъ ему имѣть нѣсколько женъ, даже цѣлый гаремъ. А несмѣтныя богатства

его могутъ оказать неотразимое вліяніе на отца Геоухеръ... И вспомнилось ему первое знакомство съ этой очаровательной дѣвочкой. Это было въ Тифлисѣ, куда царица Марія вмѣстѣ съ нимъ и Дареджаной ѣздила на поклоненіе чудотворному кресту просвѣтительницы Грузіи, св. Нины. Дареджана и Геоухеръ встрѣтились и познакомились въ домѣ князя Циціанова, который оказывалъ особенное вниманіе прелестной карабагской княжнѣ въ виду могущественнаго вліянія ея отца, Ибраимъ-хана, на все мусульманское населеніе, пограничное съ Персіею. Дареджана и Геоухеръ такъ скоро сблизились и подружились, что не могли разстаться, и когда Дареджана сообщила своей подругѣ, что имъ пора возвращаться въ Кутаисъ, Геоухеръ, со всею силою восточной страсти привязавшаяся къ имеретинской царевнѣ, безутѣшно плакала, плакала до того, что ея прелестное личико даже распухло отъ слезъ. Тогда Дареджана предложила ей ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Кутаисъ погостить, на что Ибраимъ-ханъ охотно согласился, не смѣя ни въ чемъ отказать своей любимицѣ. И что это была за очаровательная поѣздка! Всю дорогу царевичъ Константинъ гарцовалъ на своемъ бѣломъ «Лебедѣ» около богатой арбы, изъ-за расшитаго шемахинскими шелками полога которой, посреди лицъ царицы Маріи и царевны Дареджаны, выглядывало очаровательное улыбающееся личико карабагской татарки.

А въ Кутаисѣ, сколько они бродили по горамъ, перескакивали черезъ горные ручьи, забирались въ темныя пещеры, карабкались по скаламъ! Геоухеръ умѣла лазить по горамъ и опаснымъ обрывамъ съ легкостью серны. Къ этому пріучила ее гористая природа ея родины, стремнины и скалы Малаго Кавказа. Однажды, когда всѣ они, царевичъ Константинъ, Дареджана и Геоухеръ, а также царевичи Ираклій и Давидъ, бродили по лѣсу, Геоухеръ вдругъ исчезла. На всѣ оклики, обращенные къ ней, никто въ лѣсу не отзывался. Тогда начали искать ее, и всѣ разбрелись въ разныя стороны. Вдругъ царевичъ Константинъ слышитъ, что гдѣ-то недалеко кукуетъ кукушка. Онъ и пошелъ на голосъ этой весенней птицы, догадываясь, что это не кукушка, а шалунья Геоухеръ. И, дѣйствительно, онъ увидѣлъ ее на одной развѣсистой чинарѣ. Юная проказница сидѣла на одной вѣткѣ и качалась. Константинъ видѣлъ, что вѣтка непрочная и можетъ обломиться, и потому сталъ подъ самой вѣткой, разста-

вивъ руки. Шалунья еще сильнѣе стала раскачивать вѣтку и вдругъ полетѣла съ хохотомъ прямо въ объятія молодого человѣка. Съ невыразимой нѣжностью онъ прижалъ къ себѣ этого ребенка и осторожно поставилъ на ноги. Но юная татарочка была еще слишкомъ ребенокъ и не понимала, какія чувства она будила въ пылкой душѣ молодого имеретинца.

И только наканунѣ отъѣзда въ Пятигорскъ, тамъ, на балконѣ, вечеромъ случилось то, что показало царевичу, что юная дикарка уже не ребенокъ. Когда они втроемъ сидѣли на балконѣ и Дареджана вслухъ мечтала о предстоявшей имъ поѣздкѣ за хребетъ, маленькая ручка Геоухеръ въ темнотѣ пробралась къ рукѣ царевича.

Вотъ и все...

— Константинъ!

Царевичъ такъ далеко унесенъ былъ отсюда своими думами, что не разслышалъ возгласа отца.

— Константинъ!—повторилъ тотъ свой окликъ. — Ты уснулъ, что ли?

Царевичъ точно очнулся отъ сна и вскочилъ встревоженный.

— Что, батюшка?—спросилъ онъ.

— Поди и пригласи сюда митрополита.

— Котораго, батюшка? Генатели?

— Нѣтъ, нѣтъ! Не этого...

— Этотъ не надеженъ, этотъ норовитъ туда, — пояснилъ князь Леонидзе.

— Пригласи митрополита Софронія, немедленно же,—сказалъ Соломонъ.

— Слушаю, батюшка.

— Да скажи ему, чтобы онъ взялъ съ собою крестъ и евангеліе.

Царевичъ вышелъ. Если бы его спросили, какія рѣшенія принялъ военный совѣтъ въ его присутствіи, онъ не сумѣлъ бы отвѣтить. Онъ помнилъ только, что говорилъ князь Зурабъ о Джафаръ-Кули-ханѣ, о Геоухеръ, о томъ, какъ на чинарѣ кукушка куковала и какъ въ темнотѣ къ его рукѣ протягивалась другая ручка. Вмѣсто митрополита Софронія онъ чуть не попалъ къ митрополиту Генатели, да и то отъ этой ошибки спасъ протопопъ Габаони, попавшійся ему навстрѣчу и спросившій, куда спѣшитъ его высочество. Протопопъ Габаони, какъ и ми-

трополитъ Софроній, пользовались довѣріемъ и расположеніемъ царя Имеретіи.

Вскорѣ явился и Софроній. Это былъ средняго роста плотный и бодрый старикъ, хорошій наѣздникъ (ему часто приходилось разъѣзжать верхомъ по горамъ своей метрополіи) и до того обросшій черною курчавою бородой, что лицо его почти все, чуть не до глазъ, было покрыто волосами, и изъ этого лѣса волосъ огромный восточный носъ его торчалъ небольшою скалою съ сизымъ оттѣнкомъ. Несмотря на свой свирѣпый видъ, старикъ былъ очень добръ и страстно любилъ дѣтей, которыя называли его «святой дѣдушка».

Соломонъ объяснилъ ему, зачѣмъ пригласилъ въ собраніе военнаго совѣта.

— Охъ, знаю, знаю, ваше величество,—покачалъ головою митрополитъ;—эти барабаны да трубы до того напугали всѣхъ кутаисскихъ ребятишекъ, что они и отъ меня бѣгаютъ: боятся, какъ бы я не отдалъ ихъ этимъ барабанщикамъ. Этого еще недоставало!

— Да, ваше высокопреосвященство, — улыбнулся старый Зурабъ Церетели,—теперь тютю ваши курочки!

— А что, князь?—встрепенулся Софроній, который былъ страстный охотникъ до куръ и гордился своими «курочками» всевозможныхъ породъ и ни за что не рѣшался ихъ ѣсть.—Что курочки?

— Да, тютю,—продолжалъ улыбаться ехидный Зурабъ,— они извѣстные куроѣды, и вашимъ курочкамъ не сдобровать, всѣхъ переѣдятъ.

Но Соломонъ напомнилъ о дѣлѣ.

— Вамъ извѣстно, ваше высокопреосвященство,—сказалъ онъ,—что по договору, заключенному мною съ русскими властями, военныя команды ихъ должны быть размѣщаемы тамъ, гдѣ я, царь Имеретіи, пожелаю и укажу, а они самовольно, точно побѣдители, вступили въ нашу столицу; по тому же договору, русскаго войска должно быть въ Имеретіи только сто двадцать человѣкъ; а они теперь запрудили солдатами всю нашу страну.

— Да, это прямое нарушеніе святости договора, — какъ бы разсуждая самъ съ собой, проговорилъ митрополитъ и потупился.

— Да, святость договора нарушена, — продолжалъ Соломонъ,—что же мы должны дѣлать?

— То, что ваше величество уже и сдѣлали,—отвѣчалъ митрополитъ, поднявъ голову.

— Что именно, владыко?

— А то, что вы обратились къ служителю Всемогущаго Бога, которому дана власть вязать и разрѣшать.

— Но и служитель Бога ничего не можетъ сдѣлать противъ силы,—замѣтилъ Соломонъ.

— Можетъ!—съ силой воскликнулъ митрополитъ.—Онъ призоветъ на помощь вамъ силы небесныя, передъ которыми силы земли—ничто! Имеретія наша обѣтованная земля; она отдана нашимъ предкамъ Богомъ. А теперь ею хотятъ завладѣть филистимляне...

— Правда, правда!—раздались голоса.—Изгонимъ изъ нашей обѣтованной земли филистимлянъ!

— А нашъ царь Соломонъ пусть будетъ Іисусомъ Навиномъ,—съ злою иронією добавилъ старый Зурабъ, но этой иронiи въ пылу страстнаго увлеченія никто не понялъ.

— Правда! Правда!.. Да здравствуетъ нашъ Іисусъ Навинъ!—гремѣли быстро воспламеняющіеся восточные человѣки.

— А изгнавъ филистимлянъ, онъ будетъ управлять нами такъ же мудро, какъ и библейскій царь Соломонъ,—еще съ болѣе ядовитою иронією пояснилъ ехидный Зурабъ, но и тутъ никто его не понялъ.

— Присягнемъ же теперь на крестѣ и евангеліи защищать нашу обѣтованную землю до послѣдней капли крови!—заключилъ Соломонъ, уже вообразившій себя Іисусомъ Навиномъ.

— Присягнемъ! Долой филистимлянъ!—заревѣло собраніе.

И присяга, дѣйствительно, совершилась.

Но старый Зурабъ, этотъ Мефистофель Имеретіи, не утерпѣлъ и тутъ. Едва окончилась присяга, какъ онъ подошелъ къ митрополиту и шепнулъ ему на ухо: — «А курочки все-таки тютю!»

IX. Разсказъ іезуита.

Было очаровательное весеннее утро, когда царь Имеретіи, окруженный своею свитой и сопровождаемый сильнымъ конвоемъ изъ джигитовъ и нукеровъ, покидалъ свою столицу. Солнце

только начало золотить вершины горъ, окружавшихъ Кутаисъ, а надъ бурными струями Ріона еще колебался туманъ и таялъ въ воздухѣ, не заволакивая собою очаровательной, утонувшей въ зелени садовъ, столицы Имеретіи. Высоко въ небѣ слышенъ былъ клекотъ орловъ, вылетавшихъ со своихъ горныхъ гнѣздъ на добычу, да въ воздухѣ рѣяли ласточки, гармоническимъ щебетаньемъ привѣтствуя утро. Со стороны Кутаиса доносился протяжный звонъ колоколовъ, который не одному изъ спутниковъ Соломона казался погребальнымъ перезвономъ.

Когда прелестный городъ началъ скрываться изъ глазъ путниковъ, Соломонъ обернулся и остановилъ свою лошадь. Онъ долго смотрѣлъ на покидаемое родное пепелище.

— Прощай, моя дорогая столица, колыбель моего дѣтства, орлиное гнѣздо моихъ милыхъ птенцовъ!—тихо сказалъ онъ.— Прощайте, священныя могилы моихъ предковъ! Прощай, Кутаисъ! Я не возвращусь въ тебя до тѣхъ поръ, пока нога иноземца не перестанетъ топтать священные стогны города моихъ предковъ. Въ моемъ добровольномъ изгнаніи я буду думать только о тебѣ и объ избавленіи тебя отъ иноземцевъ.

По щекамъ его тихо катились слезы.

Взглянувъ въ послѣдній разъ на покидаемую столицу и поворотивъ коня, злополучный царь продолжалъ свой путь. Видя печальную задумчивость Соломона, никто не говорилъ ни слова. Слышны были только стукъ лошадиныхъ копытъ о камни, лязгъ оружія да фырканье коней. Отрядъ медленно двигался горною тропой, растянувшись на значительное протяженіе. Чаще и чаще слышался крикъ лѣсныхъ соекъ и дроздовъ, да выкрикивали и высвистывали задорныя иволги, сверкая на солнцѣ, между зеленью деревьевъ, золотомъ своихъ крыльевъ. Заслышавъ топотъ лошадиныхъ копытъ, одинокая сова срывалась съ темнаго уступа какой-либо скалы и неслышно совсѣмъ безшумно махая крыльями исчезала въ темномъ ущельѣ.

Царевичъ Константинъ, ѣхавшій вслѣдъ за отцомъ, видимо, переживалъ грустныя, тяжелыя минуты. Каждый шагъ его коня уносилъ его все дальше и дальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ былъ счастливъ, хотя счастье это было такъ мимолетно, такъ ненадолго. Повторится ли оно когда-нибудь?..

Въ это время впереди, за уступомъ небольшой скалы, по-

слышались голоса джигитовъ, составлявшихъ авангардъ отряда царя Соломона.

— Стой! Кто ѣдетъ?

— Доброжелатели его величества, царя Соломона,—было отвѣтомъ на окликъ.

— А откуда и зачѣмъ?

— Изъ Ахалцыха, отъ его высокостепенства Селимъ-паши къ его величеству царю Имеретіи.

— А имѣете пропускъ?

— Имѣемъ, вотъ онъ: перстень съ руки Селимъ-паши.

Оказалось, что это были наши два путника, на границѣ Имеретіи со стороны ахалцыхскаго пашалыка задержанные русскими солдатами Петровымъ, Сидоровымъ и Юхименкомъ, а потомъ напоившіе ихъ до-пьяна въ духанѣ и бѣжавшіе отъ нихъ.

Соломонъ тотчасъ же узналъ того, который называлъ себя полякомъ. Это было довѣренное лицо не только Селимъ-паши и Соломона, но и самого сераскира Юсуфъ-паши. Лично зналъ его и довѣрялъ ему самъ Наполеонъ, громившій въ то время Европу, низвергавшій троны и на мѣстѣ ихъ воздвигавшій новые.

Это былъ католическій ксендзъ, воспитанникъ іезуитовъ и ихъ тайный агентъ.

— А! Добро пожаловать, святой отецъ!—радостно сказалъ Соломонъ.—Какъ давно я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть. Откуда вы теперь?

— О, ваше царское величество!—отвѣчалъ іезуитъ, низко кланяясь.—Трудно даже перечислить мѣстности и города, гдѣ я мыкался за послѣдніе два года, съ тѣхъ поръ какъ я покинулъ очаровательную Имеретію. Могу только сказать, что я къ вамъ изъ-подъ Аустерлица, изъ-подъ Ульма, изъ Вѣны, изъ Рима, изъ Петербурга, изъ Парижа, изъ Константинополя, а теперь изъ Ахалцыха.

Соломонъ даже руками развелъ. Всѣ князья обступили интереснаго іезуита, жадно вслушиваясь въ его слова.

— Даже въ Петербургѣ были, святой отецъ?—изумился повелитель Имеретіи.

— Былъ, ваше величество.

Солнце уже поднималось къ полудню, и потому Соломонъ приказалъ отряду своему сдѣлать роздыхъ, тѣмъ болѣе, что ему хотѣлось скорѣе узнать, какія вѣсти привезъ таинственный іезуитъ.

Выбрана была лѣсная поляна, упиравшаяся одною стороной въ горный ручей, быстро стремившійся къ пѣнистымъ волнамъ Квириллы, которая протекла на пути къ замку Вардъ-цихе.

Нукеры, развязавъ вьюки и переметныя сумы, которыми навьючены были лошади и мулы конвоя, прежде всего достали ковры и розостлали ихъ на полянѣ въ тѣни чинаръ и столѣтнихъ дубовъ, принесли подъ тѣнь этихъ деревьевъ бурдюки съ виномъ, золотые и серебряные кубки, табакъ и кальяны. Джигиты между тѣмъ раскладывали костры на берегу звонкаго ручья, зарѣзали нѣсколько барашковъ и быка, слѣдовавшихъ за отрядомъ царя Имеретіи, разрубали туши на куски, мыли кровавое мясо въ ручьѣ и на вертелахъ готовили на скорую руку шашлыки, пилавъ, чихиртму, ча-хохъ-били изъ горныхъ курочекъ, которыя тутъ же были застрѣлены ловкими джигитами, и другія восточныя кушанья.

Соломонъ усѣлся на коврѣ у ствола толстой чинары, пригласивъ и іезуита сѣсть съ собою рядомъ. Свита же царя, князья Церетели, Абашидзе, Леонидзе, Андроники и другіе расположились на коврѣ полукругомъ, образовавъ живописную группу яркихъ цвѣтовъ.

Соломонъ приказалъ приближеннымъ нукерамъ наполнить кубки кахетинскимъ виномъ и, пока готовилась роскошная трапеза, предложилъ выпить за счастливое возвращеніе дорогого гостя, одно присутствіе котораго оживило его и подняло упавшую было энергію.

— Разскажите же, святой отецъ, что дѣлается на свѣтѣ,— оживленно заговорилъ онъ,—вѣдь мы здѣсь точно въ котлѣ заперты среди непроходимыхъ горъ и дебрей, со всѣхъ сторонъ окруженные врагами. Мы ничего не знаемъ, что происходитъ за этими горами, съ тѣхъ поръ какъ вы оставили нашу несчастную Имеретію. Можемъ ли надѣяться на лучшую долю въ будущемъ?

— О, ваше величество, на свѣтѣ совершаются непостижимыя дѣла!—отвѣчалъ іезуитъ тихо и медленно.—Тотъ, котораго невѣжды считаютъ антихристомъ, апокалипсическимъ звѣремъ...

— Это Наполеонъ?—торопливо спросилъ Соломонъ.

— Да, ваше величество, императоръ Наполеонъ,—отвѣчалъ іезуитъ съ почтительной торжественностью,—этотъ величайшій геній, какіе только являлись на землѣ, человѣкъ, который не

былъ рожденъ въ порфирѣ, подобно Александру Македонскому, и не вышелъ изъ родовитой знати, подобно Цезарю, а увидѣвшій свѣтъ чуть ли не въ хижинѣ на небольшомъ островѣ, этотъ непостижимый человѣкъ заставляетъ содрагаться весь міръ. Кажется, топнетъ онъ ногою, и поколеблется шаръ земной, расплещутся океаны...

Надо было видѣть, какимъ дикимъ огнемъ горѣли глаза слушателей, какъ нервно сжимали они рукоятки своихъ кинжаловъ, какъ порывисто они дышали! Такъ обаятельно было для нихъ величіе силы, хотя бы просто физической.

— И вы его видѣли, святой отецъ?—весь блѣдный отъ волненія, спросилъ царевичъ Константинъ.

Іезуитъ улыбнулся и отпилъ немного изъ своего кубка.

— Видѣлъ? Я не отходилъ отъ него ни на шагъ. Слушайте же, чему я былъ очевидцемъ и свидѣтелемъ. Я, разставшись съ вами въ Кутаисѣ, черезъ Константинополь и Вѣну поспѣшилъ во Францію и явился въ ставкѣ Наполеона въ тотъ день, когда онъ во главѣ двухсоттысячной арміи, той арміи, боевыя силы которой закалялись и подъ знойнымъ солнцемъ страны фараоновъ и пирамидъ, и среди ужасовъ смерти сирійской чумы, и подъ голубымъ небомъ Италіи, во главѣ этой изумительной арміи двинулся отъ Рейна прямо на Вѣну. Когда я былъ въ Вѣнѣ, то тамошніе маститые стратеги математически разсчитали, что Наполеонъ до Дуная долженъ итти не менѣе 64 дней. Но они не знали, какъ быстро летаютъ наполеоновскіе орлы!

Хитрый іезуитъ остановился. Онъ видѣлъ, какими лихорадочными глазами пожирали его дикіе питомцы горъ, для которыхъ война—начало и конецъ всего сущаго, высшая цѣль, ради которой люди живутъ.

— Ну, святой отецъ, мы умираемъ отъ нетерпѣнія,—сказалъ Соломонъ.

— Надо вамъ сказать, ваше вѣличество,—продолжалъ іезуитъ, слѣдя за полетомъ орла привлеченнаго видомъ крови убитыхъ барановъ и быка,—что главныя силы австрійцевъ оставались въ сѣверной Италіи: они думали, что Наполеонъ обрушится на эти области. Этою арміею командовалъ эрцгерцогъ Карлъ. Восьмитысячная ихъ армія, подъ начальствомъ брата австрійскаго императора, юнаго эрцгерцога Фердинанда, стояла на Дунаѣ: она ожидала союзной русской арміи, которая двига-

лась къ Баваріи, подъ начальствомъ маститаго полководца, Кутузова. Союзники не рѣшались, кого назначить главнокомандующимъ обѣихъ союзныхъ армій, и австрійцы, не желая видѣть чужого полководца, Кутузова, во главѣ обѣихъ союзныхъ армій и боясь въ то же время обидѣть русскаго маститаго старца, возложили званіе главнокомандующаго на юнаго брата своего императора. Но это было только номинально. Его именемъ командовалъ генералъ Маакъ, бездарная тупица. Не даромъ тамошніе евреи, а у этого народа самъ чортъ ума не отниметъ, заранѣе предсказывали пораженіе Маака, говоря, что по-еврейски Mackah именно и значитъ «пораженіе».

— Орелъ! Орелъ!—вдругъ воскликнулъ іезуитъ, такъ что всѣ слушатели вздрогнули отъ неожиданности.

Дѣйствительно, дерзкій крылатый хищникъ, несмотря на шумъ и движеніе въ станѣ Соломона, не боясь ни людей, ни пылающихъ костровъ, стрѣлою упалъ съ высоты на брошенныя у ручья внутренности зарѣзаннаго быка и, схвативъ ихъ острыми и цѣпкими когтями, медленными размахами громадныхъ крыльевъ поплылъ къ ниже лежавшимъ скаламъ.

— Унесъ! Унесъ!—послышался чей-то возгласъ.

Грянулъ выстрѣлъ. Въ рукахъ у одного джигита дымился стволъ винтовки. Орелъ шарахнулся въ сторону, торопливо махая крыльями.

— Промахнулся, Ростомъ! Послалъ пулю въ подарокъ шайтану!—засмѣялись джигиты.

Въ это время придворные пукеры притащили отъ костровъ огромныя серебряныя блюда, наполненныя дымившимися шашлыками, кусками жареной съ чеснокомъ или лукомъ баранины и другими вкусными яствами, и вмѣсто хлѣба передъ каждымъ изъ гостей положили тонкіе листы «лаваша»—нѣчто вродѣ гигантскихъ блиновъ, которые служили для пирующихъ вмѣсто хлѣба и въ то же время замѣняли собою... салфетки! У восточныхъ людей, даже при царскомъ столѣ, въ то время (да отчасти и теперь у простого народа), за столомъ ни салфетокъ, ни даже вилокъ и ножей не полагалось, такъ какъ блиноподобные лаваши замѣняли собой и хлѣбъ, и салфетки, а вмѣсто вилокъ служила собственная пятерня; ножи же имѣлись у каждаго за поясомъ, а если не имѣлось ножа, то его замѣнялъ кинжалъ.

Аппетитный запахъ жаренаго мяса, вкусные поджареные

куски баранины и бычачины на первое время заставили было забыть Наполеона и его походъ на Вѣну; но скоро желаніе знать, что совершилъ военный геній Франціи, восторжествовало надъ требованіями желудка, на половину удовлетвореннаго.

— Ну, и что же, святой отецъ, Наполеонъ разбилъ Маака?—спросилъ Соломонъ, обгладывая и обсасывая вкусное ребро отъ шашлыка.

— Вообразите,—началъ снова іезуитъ,—я вамъ говорилъ, что въ Вѣнѣ разсчитывали, что отъ Рейна до Дуная Наполеонъ долженъ будетъ итти шестьдесятъ четыре дня, а онъ явился передъ оторопѣвшими австрійцами черезъ сорокъ дней!

— О!—чуть не подавился своимъ кускомъ Леонидзе.—Въ сорокъ дней!

— Да, въ сорокъ дней... Онъ не далъ времени русскимъ соединиться съ австрійцами, отрѣзалъ армію Маака отъ остальныхъ войскъ, заперъ его въ Ульмѣ, и пятидесятитысячная армія Маака положила оружіе.

— Пятидесятитысячная армія положила оружіе! О! Да это величайшій позоръ!—воскликнулъ въ негодованіи Соломонъ.—Пятьдесятъ тысячъ: и они не умерли отъ стыда!

Всѣ были поражены. На минуту забыты были и шашлыки, и раздражающее обоняніе вкусное ча-хохъ-били изъ горныхъ курочекъ, и кубки съ кахетинскимъ. Изумленіе оковало всѣхъ. Даже нукеры безмолвно, со страхомъ переглядывались.

— Я былъ въ это время недалеко отъ Наполеона,—продолжалъ іезуитъ,—онъ мнѣ казался богомъ войны: безстрастное, спокойное лицо было точно мраморное, въ стоячихъ глазахъ—ни искры огня, такъ они были холодны.

— А русскіе?—спросилъ царевичъ Константинъ весь блѣдный отъ волненія.

— Разбивъ австрійцевъ, Наполеонъ пошелъ противъ нихъ,—продолжалъ іезуитъ послѣ небольшой паузы. — Кутузовъ, эта старая медвѣдица, сталъ отступать къ Вѣнѣ, чтобы прикрыть ее собою. Всѣ мосты и переправы, лежавшіе на пути Наполеона, онъ велѣлъ уничтожить, а прикрывать отступленіе русской и остатковъ австрійской армій онъ приказалъ генераламъ Ермолову, Милорадовичу, Витгенштейну и Багратіону...

— Это нашъ, грузинъ!—не вытерпѣлъ Абашидзе.—Онъ измѣнилъ родинѣ.

— Ну!—остановилъ его Соломонъ жестомъ.

— Но Наполеонъ паститъ русскихъ, — продолжалъ іезуитъ,—онъ пасѣлъ на нихъ у Дюрнштейна...

— Насѣлъ таки!—ударилъ кулакомъ по ковру Соломонъ, и глаза его злобно засверкали.

— Насѣлъ. Я не забуду этой бойни... Это былъ какой-то адъ: громъ орудій, отъ котораго дрожали и земля, и небо, крики и стоны раненыхъ и умирающихъ, груды тѣлъ, разбитыхъ повозокъ, ржаніе коней... А онъ, холодный, безстрастный, съ его мраморнымъ лицомъ... «Victoire!» пронеслось по смѣшаннымъ рядамъ... и русскіе были разбиты

Безумно радостный крикъ пирующихъ огласилъ поляну и сосѣднія скалы и лѣсъ. Всѣ вскочили на ноги, поднявъ высоко, вслѣдъ за Соломономъ, свои массивные кубки. Джигиты и нукеры, побросавъ свои мѣста у костровъ и шашлыки, стѣной окружили главную группу.

— Да здравствуетъ величайшій геній войны!—дико, хрипло прокричалъ Соломонъ.

— Да здравствуетъ Наполеонъ!—заревѣли сотни голосовъ.

Раздался залпъ изъ винтовокъ и ружей: это джигиты, какъ бы сговорившись, заставили дрогнуть отъ выстрѣловъ и скалы, и лѣсъ. Испуганные орлы снялись съ гнѣздъ и кружились въ воздухѣ.

Соломонъ обнималъ и цѣловалъ вѣстника наполеонскихъ побѣдъ. Обнимали его наперерывъ и обезумѣвшіе отъ радости князья.

— Но это еще не все,—сказалъ іезуитъ, весь красный, садясь снова на коверъ и принимаясь за шашлыкъ и вино.

X. Наполеонъ за Имеретію.

Въ слѣпой и безсильной враждѣ противъ Россіи Соломонъ, казалось, забылъ, что нѣсколько часовъ тому назадъ онъ, съ смертельной болью въ сердцѣ, покидалъ свою столицу и плакалъ, а теперь слушалъ разсказъ іезуита-поляка, такого же, какъ самъ онъ, врага Россіи, о ея неудачахъ въ первыхъ столкновеніяхъ съ Наполеономъ, какъ нѣкую райскую музыку.

— Такъ это еще не все, святой отецъ—спросилъ онъ, усаживаясь на коверъ и знакомъ отпуская отъ себя джигитовъ.

— Не все, ваше величество,—отвѣчалъ іезуитъ.—О! Впереди еще много. Въ бюллетенѣ о битвѣ у Дюрнштейна Наполеонъ выразился: «этотъ день былъ днемъ рѣзни». Да, это дѣйствительно была не битва, а рѣзня. Отсюда Наполеонъ двинулся къ Вѣнѣ, которой уже никто не защищалъ. Но ему мало было Вѣны, онъ хотѣлъ большаго: демонъ войны требовалъ новыхъ жертвъ. Захвативъ въ Вѣнѣ все оружіе, какое тамъ оставалось, а также запасы аммуниціи и пороху, онъ выступилъ изъ Вѣны и послалъ Мюрата на перерѣзъ Кутузову. Ему хотѣлось доконать русскихъ.

— Молодецъ! Джигитъ Наполеонъ!—пьянѣющимъ языкомъ пробормоталъ князь Леонидзе; но Соломонъ и на этотъ разъ остановилъ его жестомъ.

— Старая медвѣдица, Кутузовъ,—продолжалъ іезуитъ,—понявъ намѣреніе Наполеона, оставилъ у себя въ арріергардѣ, во главѣ семи тысячъ человѣкъ, князя Багратіона.

— А! Опять Багратіонъ!—не вытерпѣлъ Абашидзе.—Измѣнникъ, предатель!

— Зато храбрецъ, настоящій грузинъ,—добавилъ Кайхосро Церетели.

— А вы слушайте лучше!—нетерпѣливо остановилъ ихъ Соломонъ.—Простите, святой отецъ.

— Помилуйте, ваше величество, князья мнѣ не мѣшаютъ,—съ іезуитской любезностью сказалъ ксендзъ.—Такъ я сказалъ, что Кутузовъ оставилъ въ арріергардѣ Багратіона. Наши лазутчики говорили послѣ, что Кутузовъ при этомъ выразился: «я оставляю Багратіона на неминуемую гибель, только бы спасти остальную армію». Но Багратіонъ не погибъ: со своимъ семитысячнымъ отрядомъ онъ задержалъ у Шенграбена сорокатысячную армію Мюрата, выдержалъ ея натискъ, потерялъ всѣ орудія по тѣснинамъ и по топкимъ болотамъ и двѣ тысячи убитыми, и все таки задержалъ французовъ, а ночью съ остатками своего отряда, словно бѣшеный, пробился черезъ французовъ. Наши лазутчики видѣли потомъ встрѣчу Кутузова съ Багратіономъ. Еще издали, увидавъ отчаяннаго грузина цѣлымъ, онъ радостно разставилъ руки и, прижимая къ своей груди закоптѣлое отъ порохового дыму лицо храбреца, сказалъ со слезами: «ты живъ, этого довольно! О потерѣ не спрашиваю»...

— О, грузины, грузины!—съ горечью воскликнулъ Соло-

монъ.—Что бы было, если бы всѣ вы остались вѣрны своей родинѣ, священной Иверіи!

У царевича Константина на глазахъ стояли слезы, а опьянѣвшій князь Леонидзе прямо плакалъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—бормоталъ онъ косноѣющимъ языкомъ.— Мы не измѣнимъ священной Иверіи и нашей дорогой Имеретіи... О, нѣтъ! Нѣтъ! Никогда!

Между тѣмъ трапеза кончилась, и нукеры стали убирать съ ковра посуду съ остатками яствъ. Другіе набирали въ ручьѣ воды въ серебряные, мѣдные и глиняные кувшины для омовенія рукъ пирующихъ по окончаніи трапезы. Когда же омовеніе было окончено, и руки были вытерты о подаваемыя нукерами полотенца, подали кофе въ миніатюрныхъ чашечкахъ и бесѣда возобновилась.

— Я помню Багратіона, — сказалъ Соломонъ. — Впрочемъ, весь ихъ родъ перешелъ на сторону русскихъ. Теперь племянникъ этого генерала и героя Петра Ивановича, князь Константинъ, служитъ здѣсь въ русскомъ войскѣ, а родной братъ героя, князь Романъ, поручикъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, пріѣзжалъ изъ Петербурга недавно въ Тифлисъ и очень порицалъ дѣйствія князя Циціана.

— О! Этотъ не измѣнникъ, хотя и служитъ въ Петербургѣ,—прибавилъ Кайхосро Церетели,—я его знаю хорошо.

— А о томъ, генералѣ Багратіонѣ, даже Наполеонъ высказывалъ много лестнаго въ своихъ бюллетеняхъ, — поясняялъ іезуитъ.

— Разскажите же, святой отецъ, что было съ Наполеономъ дальше?—обратился къ нему Соломонъ.—Это точно разсказы изъ «Шехеразады» или изъ «Барсовой шкуры».

— Да, это удивительная, непостижимая личность,—согласился іезуитъ.—Онъ нагналъ такой трепетъ на Австрію и даже на Россію, что оба императора, и Францъ, и Александръ, поспѣшили къ своимъ арміямъ, и послѣдній изъ нихъ во главѣ своей петербургской гвардіи. Но и это не устрашило великаго Наполеона! До сихъ поръ и австрійскія, и русскія войска только защищались; теперь же, съ прибытіемъ петербургской гвардіи, они сами рѣшились дать битву маленькому императору.

— А развѣ онъ маленькій?—съ удивленіемъ спросилъ великанъ Абашидзе.

— Да онъ вамъ и по плечо далеко не хватитъ,—съ улыбкой отвѣчалъ іезуитъ.

— Какъ! Такой маленькій и такой храбрый!

— Да; передъ гигантами своей старой гвардіи онъ—просто ребенокъ.

— Ну, и что же, была битва?—съ нетерпѣніемъ спросилъ Соломонъ.

— О! Какая битва!—отвѣчалъ іезуитъ восторженно.—Это было подъ Аустерлицомъ. Наполеонъ, съ свойственнымъ ему геніемъ, занялъ превосходную позицію. Она была превосходна и для атаки, и для обороны. Желѣзные полки его упирались въ цитадель Брюнна; съ праваго фланга французовъ прикрывали непроходимые холмы, покрытые густымъ лѣсомъ, а передъ фронтомъ протекалъ глубокій ручей съ нѣсколькими озерами по близости; за ручьемъ, противъ центра арміи, подымались высоты, занятыя арміями противниковъ. Наканунѣ битвы, передъ вечеромъ, Наполеонъ велѣлъ прочесть по арміи такое энергическое воззваніе: «Позиціи, занимаемыя нами—страшны. Въ то время, какъ русскіе будутъ итти въ обходъ моего праваго фланга, они мнѣ подставятъ свой флангъ. Солдаты! Я самъ буду направлять ваши батальоны. Я буду держаться вдали отъ огня, но знайте, если побѣда будетъ хоть съ минуту нерѣшительна, то вы увидите, что вашъ императоръ подвергнется первымъ ударамъ!..»

Слушатели, казалось, оцѣпенѣли отъ удивленія и восторга. Даже у Леонидзе прошелъ хмѣль, онъ нервно вертѣлъ рукоятку кинжала, точно собираясь на кого-то кинуться.

— Наступила ночь,—продолжалъ разсказчикъ.—Наполеонъ, пѣшкомъ и безъ свиты, совершенно одинъ (я издали слѣдилъ за нимъ въ темнотѣ,—добавилъ іезуитъ), направился вдоль бивуаковъ... Восторгъ солдатъ былъ выше всякаго описанія! Они устроили ему иллюминацію, огромные пуки соломы ярко пылали на его пути, далеко бросая отъ себя багровое зарево. Это и погубило русскихъ...

— Какъ! Погубило?—лихорадочно сверкая глазами, схватилъ за руку разсказчика Соломонъ.

— Да, погубило! Соломенную иллюминацію они приняли за

пылающіе огни и, полагая, что французы хотятъ отступать, пользуясь мракомъ ночи, рѣшились вступить въ битву: они рвались помѣряться съ врагомъ, отплатить ему за свои неудачи. Въ полночь австрійскій главнокомандующій, генералъ Вейротеръ, такая же бездарность, какъ и Маакъ, явился на военный совѣтъ вмѣстѣ со всѣми воспачальниками (наши соглядатаи-поляки тоже были тамъ) въ ставку Кутузова. Вейротеръ развернувъ планъ мѣстности, сталъ читать и объяснять сочиненную имъ диспозицію и объяснялъ ее такъ долго и запутанно, что Кутузовъ подъ конецъ заснулъ, и его принуждены были разбудить.

При этихъ словахъ Леонидзе такъ и покатился со смѣху.

— Дальше! Дальше!—волновался Соломонъ, сердито глянувъ на Леонидзе.

— Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, ваше величество,—успокаивалъ его іезуитъ.—Когда тутъ же ночью, диспозицію Вейротера роздали начальникамъ колоннъ, Багратіонъ, прочитавъ ее, воскликнулъ: «Сраженіе проиграно!».

— Опять Багратіонъ!—съ гордостью сказалъ Абашидзе.—И онъ потерянъ для насъ!

Іезуитъ не обратилъ вниманія на этотъ возгласъ слишкомъ запятый своимъ разсказомъ.

— Союзныя арміи были растянуты на огромномъ пространствѣ, полукругомъ—продолжалъ онъ,—и въ центрѣ этого полукруга стояли французы. Наполеонъ, подозрѣвая намѣреніе противниковъ ударить на правое его крыло и обойти его незамѣтно, пользуясь мракомъ ночи, перевелъ корпусъ Сульта черезъ ручей и въ семь часовъ утра, когда туманъ скрывалъ и его армію, и армію союзниковъ, отдалъ послѣднія приказанія своимъ маршаламъ Онъ и тутъ казался такимъ же спокойнымъ и мраморно-холоднымъ, какъ и передъ «рѣзнею» у Дюрнштейна. Я думалъ, что насъ задавятъ... Но геній войны побѣдилъ и на этотъ разъ... Русскіе и австрійцы, ничего не зная о перемѣнѣ расположенія французской арміи, начали движеніе по диспозиціи Вейротера. Наполеонъ стоялъ на высокомъ курганѣ и съ сѣдла своего боевого коня наблюдалъ въ зрительную трубу за движеніями союзныхъ армій. Я сидѣлъ въ сторонѣ на камнѣ, держа въ поводу своего коня, съ трепетомъ думая о будущей судьбѣ Европы... Что если Наполеонъ будетъ разбитъ? Но я услыхалъ, что Наполеонъ дастъ приказаніе разрѣзать русскую армію въ центрѣ,

но не раньше, какъ ихъ войска двинутся. Въ 10 часовъ утра оба императора, и русскій и австрійскій, прибыли въ лагерь съ огромной свитой. Подъѣхавъ къ центру высотъ, императоръ Александръ удивился, увидѣвъ отдыхающихъ солдатъ съ ружьями въ козлахъ. «Михаилъ Илларіоновичъ! Почему вы не идете впередъ?» спросилъ онъ Кутузова. «Поджидаю, чтобы собрались всѣ войска колонны», отвѣчалъ Кутузовъ. «Да, вѣдь, мы не на Царицыномъ лугу, гдѣ не начинаютъ парада, пока не придутъ всѣ полки», вспылилъ императоръ. «Государь! отвѣчалъ Кутузовъ, потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыномъ лугу»... Но Александръ велѣлъ вести войска въ бой. Они подошли такъ близко, что я видѣлъ лица солдатъ: что за ужасная была для меня минута! Меня била лихорадка, но не за себя, о, не за себя! Но передовой отрядъ Милорадовича былъ отброшенъ словно ураганомъ, и мы были на высотахъ! Какъ это случилось, я не помню: въ моей памяти и въ моей головѣ остался только ужасъ звуковъ, адскій грохотъ. Высоты обагрились кровью, устлались трупами... «Koutousoff est mort» прошло по нашимъ рядамъ; но онъ былъ только раненъ въ щеку; зато многіе его генералы полегли тутъ же... Наполеонъ побѣдилъ! Битва еще шла по частямъ, но это была агонія битвы... Русскихъ полегло болѣе двадцати тысячъ; они потеряли 133 орудія и тридцать знаменъ... «Польша спасена!» колотилось у меня въ сердцѣ, и я, припавъ лицомъ къ гривѣ своего коня, плакалъ, молитвенно повторяя: «Te, Deum, laudamus»...

Онъ замолчалъ, подавленный воспоминаніями. Какъ ни сурова была школа, черезъ которую онъ прошелъ въ коллегіи іезуитовъ, въ Римѣ, гдѣ изъ него вырабатывали послушное орудіе строжайшаго изъ орденовъ, гдѣ, готовясь къ суровой профессіи миссіонера, онъ долженъ былъ убить въ себѣ и личныя чувства, и личную волю, чтобы сдѣлаться слѣпымъ, мертвымъ орудіемъ ордена, стать въ его рукахъ «трупомъ», «cadaver»; какъ ни закалилось потомъ его горячее сердце въ подвигахъ самоотверженія для цѣлей ордена, все же въ немъ жилъ полякъ, мечтательный, поэтическій, беззавѣтно любившій свою «отчизну». Въ Римѣ, гдѣ онъ готовился быть «воиномъ Христа», подъ египетскими пирамидами, куда его посылалъ орденъ вслѣдъ за войсками Наполеона Бонапарте, тогда еще перваго консула, и гдѣ онъ изъ устъ этого удивительнаго человѣка услыхалъ изумі-

тельную команду: «солдаты! сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ»; въ Сиріи, въ Яффѣ, среди ужасовъ чумы, пощадившихъ гепія войны и его самого, «воина Христова», нигдѣ и никогда онъ не забывалъ своей милой Польши и того бѣлаго домика среди пирамидальныхъ тополей, смотрѣвшагося въ чистыя, прозрачныя струи его роднаго Нарева, на берегахъ котораго онъ игралъ когда-то беззаботнымъ ребенкомъ...

И вотъ теперь суровый долгъ миссіонера бросилъ его, этотъ живой «трупъ», этотъ страстно дѣятельный «cadaver» ордена, въ эти горныя ущелья, къ этимъ наивнымъ, но такимъ же, какъ и онъ, мечтательнымъ дѣтямъ природы, чтобы и въ ихъ сердца влить каплю надежды на будущее, на то свѣтлое будущее, какое сулилъ будто бы всему міру тотъ удивительный человѣкъ, о которомъ онъ теперь съ такимъ пламеннымъ жаромъ разсказывалъ.

Неутомонная иволга высвистывала и сверкала золотомъ своихъ перьевъ среди темныхъ вѣтвей чинары, сквозь которыя прорѣзывались яркіе лучи солнца; черныя съ красными ожерельями лѣсныя сойки весело перекликались въ зелени; звонкій горный ручей пѣлъ свою вѣчную пѣсню.

— Te, Deum, laudamus,—тихо благоговѣйно бормоталъ про себя іезуитъ, а окружавшія его дѣти горъ, очарованныя его разсказомъ, старались вслушаться въ непонятныя для нихъ слова и уловить ихъ тайный смыслъ.

— Вы сказали, святой отецъ, что «Польша спасена»; что же вы скажете нашей Имеретіи?—прервалъ общее молчаніе Соломонъ.

Іезуитъ какъ бы опомнился отъ забытья.

— Имеретіи?—спросилъ онъ, поднимая голову.—Я принесъ нѣчто и для Имеретіи, а иначе зачѣмъ мнѣ было бы возвращаться въ ваши горы? То, что я принесъ для Имеретіи, вотъ здѣсь (онъ похлопалъ пальцами по подошвѣ своего сапога); но это—послѣ.

Всѣ съ недоумѣніемъ посмотрѣли на его сапогъ; но онъ не торопился удовлетворить ихъ любопытство. Образъ Наполеона и его подвиги заслонили на время передъ его умственнымъ взоромъ маленькую Имеретію.

— О! Я и теперь вижу его передъ собой!—заговорилъ онъ восторженно.—Униженная, посрамленная, разбитая подъ Ау-

стерлицомъ Австрія должна была смириться: она просила мира. Императоръ Францъ прислалъ къ намъ для переговоровъ князя Лихтенштейна. Наполеонъ принялъ его холодно, высокомѣрно. Онъ требовалъ, чтобы для переговоровъ прибылъ къ нему въ ставку самъ императоръ. Доведенный до отчаянія, повелитель Австріи долженъ былъ повиноваться этому суровому требованію. Онъ явился къ намъ на бивуаки. Какъ онъ былъ жалокъ, растерянъ! Но Наполеонъ принялъ его любезно. Онъ далъ ему миръ, но тяжелый миръ! Онъ отобралъ у Австріи весь Тироль, Венецію и чуть не половину Германіи, да еще двѣсти милліоновъ франковъ деньгами. Мало того, онъ тотчасъ же создалъ новыя королевства и сдѣлалъ королями ихъ своихъ братьевъ: Іосифа объявилъ королемъ неаполитанскимъ, Людовика—голландскимъ, а маршаламъ своимъ роздалъ княжества, графства, баронства, отмежевавъ для этого цѣлыя области изъ завоеванныхъ земель. Изъ Виртемберга, Баваріи, Бадена, Гессенъ-Дармштадта онъ образовалъ одно государство—«Рейнскій союзъ», а себя именовалъ протекторомъ этого новаго государства—«Protecteur de la confédération du Rhin». Наконецъ, онъ объявилъ, что германской римской имперіи болѣе не существуетъ, и въ довершеніе позора и униженія Европы заставилъ императора австрійскаго сложить съ себя титулъ «императора священной римской имперіи».

— А что жъ Имеретіи отъ этого?—уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ спросилъ Соломонъ.

— Повторяю, ваше величество, Имеретія не забыта Наполеономъ,—отвѣчалъ іезуитъ.—Я понимаю ваше нетерпѣніе и сейчасъ же все объясню. Я привезъ отъ Наполеона и Селимъ-пашѣ ахалцыхскому, и вашему величеству копіи съ договора, заключаемаго имъ съ Оттоманскою Портою и съ Персіею. На пути изъ Ахалцыха въ Вардъ-цихе, гдѣ я надѣялся найти ваше величество, меня съ проводникомъ схватили русскіе солдаты. Предвидя подобную возможность, я имѣлъ съ собою дубликаты копіи съ договора Наполеона и дубликатъ, нѣсколько измѣненный, письма къ вашему величеству Селимъ-паши. Эти-то бумаги и отобрали у насъ солдаты. Я и хотѣлъ этого: пусть русскіе узнаютъ, что Наполеонъ и здѣсь ихъ найдетъ.

При этихъ словахъ имеретины, видимо, оживились.

— Такъ настоящее письмо Селимъ-паши и копію съ обяза-

тельства Наполеона солдаты не отняли у васъ?—спросилъ Соломонъ.

— Не отняли, ваше величество,—отвѣчалъ іезуитъ.

— Гдѣ жъ они? Покажите.

— Сейчасъ, если ужъ вы того требуете.

— Я прошу.

Іезуитъ снялъ съ себя сапогъ и попросилъ дать ему кинжалъ. Нѣсколько рукъ потянулось къ нему съ кинжалами. Онъ взялъ у царевича Константина и, осторожно распоровъ остріемъ клинка двойную подошву сапога, вынулъ оттуда небольшой пакетъ.

— Вотъ письмо Селимъ-паши,—сказалъ онъ, подавая одинъ листокъ Соломону,—и вотъ обязательство Наполеона.

Онъ бережливо развернулъ другой листокъ и сказалъ, показывая его Соломону:

— Въ § 4-мъ своего обязательства Наполеонъ говоритъ: «Sa majesté l'empereur des français s'engage à faire tous les efforts pour contraindre la Russie à l'evacuation de la Géorgie, de l'Iméréthie et du territoire persan: cette évacuation sera constamment l'objet de sa politique et de toute sa sollicitude» *).

Но слушатели, видимо, ничего не поняли.

— Я сейчасъ вамъ все это переведу,—успокоилъ ихъ іезуитъ.—Но не лучше ли сдѣлать это въ замкѣ Вардъ-цихе?

— Нѣтъ, переводи сейчасъ,—послышались голоса князей,—сейчасъ же переводи.

XI. Знакомство въ пути.

Мы оставили царицу Имеретіи вмѣстѣ съ ея дѣтьми и принцессою Геоухеръ передъ ихъ отъѣздомъ изъ Георгіевска.

Глазенапъ сдержалъ свое слово. Опасаясь болѣе всего за участь молоденькихъ дѣвушекъ, Дареджаны и Геоухеръ, онъ отрядилъ съ конвоемъ царицы двѣ пушки съ небольшой партіей

*) «Его величество императоръ французовъ обязывается употребить всѣ усилія, дабы понудить Россію къ отозванію ея войскъ изъ Грузіи, Имеретіи и изъ персидскихъ владѣній: эта эвакуація постоянно будетъ предметомъ его политики и всѣхъ его настояній».

пѣхотинцевъ, которыхъ особенно боялись и ненавидѣли хищные горцы, извѣдавъ всю безпощадность и губительность русскаго штыка.

Внушительный караванъ выступилъ въ девять часовъ подъ звуки барабана. Впереди громыхали пушки, окруженныя артиллеристами. Рядомъ съ каждымъ орудіемъ шагалъ канониръ съ курившимся фитилемъ.

Глазенапъ, на прощанье, подъѣхалъ къ богатой арбѣ царицы и любезно раскланялся съ дамами.

— Добраго пути!—крикнулъ онъ, поворачивая назадъ своего коня.

— Собака!—проворчалъ ему вслѣдъ царевичъ Ираклій, подбодряя своего карабагскаго скакуна.

Теперь караванъ представлялъ еще болѣе внушительное зрѣлище, чѣмъ по пути отъ Кисловодска къ Георгіевску. Къ нему примкнуло нѣсколько телѣгъ и крытыхъ кибитокъ съ солдатками и казачками, отправлявшимися къ своимъ мужьямъ: кто въ Екатериноградъ, кто въ Моздокъ. Въ числѣ увеличившихъ караванъ царицы былъ также одинъ молоденькій офицеръ, ѣхавшій въ Тифлисъ изъ Петербурга вмѣстѣ со своимъ дядькой и денщикомъ. По всему видно было, что это былъ баричъ изъ богатой и знатной семьи. Внѣшность и пріемы его были изящны и деликатны. Онъ ѣхалъ на кровномъ арабскомъ конѣ, а за нимъ, въ обозѣ, слѣдовалъ прекрасный дормезъ такой величины, что въ немъ помѣщалось цѣлое хозяйство: всевозможные консервы и другіе съѣстные припасы, дорогія вина, всякое оружіе, книги, самоваръ, посуда и сундуки бѣлья и платья. Онъ большею частью держался около солдатъ, разговаривалъ съ ними, шутилъ, смѣялся, и солдаты относились къ нему почтительно, но вполнѣ, повидимому, довѣрчиво, какъ къ доброму барину и новичку. Онъ одарилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ табакомъ, нѣсколько картузовъ котораго онъ приказалъ своему дядькѣ вынуть изъ одного изъ ящиковъ дормеза, и добродушно смѣялся, когда солдатики, набивъ «барскимъ табакомъ» свои трубки-носогрѣйки, закуривали ихъ прямо отъ дымившихся фитилей канониров.

Сначала дорога была очень однообразна: безконечная равнина съ болѣе или менѣе высокими холмами по сторонамъ. Но зато, чѣмъ дальше двигался караванъ, тѣмъ явственнѣе обозначалась на юго-западномъ горизонтѣ ломаная линія Кавказскаго

хребта, которая болѣе походила на далекія бѣловатыя облачка на краю неба, чѣмъ на снѣжныя вершины горъ. По пути попадались небольшія крѣпостцы, обнесенныя рвами и невысокими валами, изъ-за которыхъ выглядывали темныя жерла пушекъ.

Скоро караванъ достигъ крѣпости Минарета среди прелестныхъ чинаръ и липъ, а еще дальше путешественники увидѣли Татартубъ, главный аулъ Большой Кабарды, отъ котораго остались теперь только однѣ развалины на мѣстѣ бывшихъ саклей и стройнаго минарета, съ высоты котораго муэззины призывали правовѣрныхъ на молитву.

Дорога дѣлалась все живописнѣе и разнообразнѣе. Горы значительно приблизились, и видно было, какъ на вершинахъ ихъ бродили едва замѣтныя глазу стада, точно мошки, обсѣвшія горныя выси.

— А вонъ и пастухъ тамотка,—замѣтилъ одинъ солдатикъ.

— Да, метлешитъ, словно муха на курганѣ: поди, черкесъ.

— А, може, и нашъ братъ, что въ полону вѣкъ свой доживаетъ; можетъ, и видитъ насъ, да только слезы глотаетъ.

— Да, близокъ локоть, а не укусишь.

Этотъ простой разговоръ солдатиковъ грустью и болью отозвался въ сердцѣ молодого офицера. А если и его ожидаетъ плѣнъ? Если и его молодая жизнь скоротается въ плѣну, среди этихъ неприступныхъ горъ? И онъ такъ же, какъ и этотъ пастухъ, будетъ смотрѣть на родные, далекіе караваны, безъ надежды когда-либо присоединиться къ нимъ... И онъ вспомнилъ о далекомъ Петербургѣ: проводы и слезы родныхъ, пожеланія знакомыхъ... Но впереди, можетъ быть, слава, геройскіе подвиги. О, молодость, молодость!..

По сторонамъ курганы, надгробные памятники съ изображеніемъ шашекъ: это тлѣютъ здѣсь кости славныхъ наѣздниковъ, для которыхъ также цѣлью жизни была... слава—эти буквы на пескѣ, сдуваемыя вѣтромъ...

Такъ прошло нѣсколько скучныхъ, однообразныхъ дней, которые тянулись безконечно. Гряда горъ съ снѣжными вершинами съ правой стороны и имъ нѣтъ конца: казалось, за ними тамъ былъ другой міръ, чуждый всему тому, что было здѣсь.

Семейство царицы Имеретіи да и всѣ ея конвойные, видимо, держались въ сторонѣ отъ русскихъ. Молодой офицеръ видѣлъ иногда, какъ изъ-за полога царицыной арбы мелькали, словно

свѣтлыя видѣнія, личики Дареджаны и Геоухеръ; иногда молодыя дѣвушки оставляли арбу и рвали по сторонамъ дороги цвѣты, плели изъ нихъ вѣнки и гирлянды, которыми украшали свою арбу и даже головы буйволовъ и гривы лошадей; но... все смотрѣли дикарками...

А вотъ и Терекъ. Но это еще мирный Терекъ, не бурный, не грохочущій. Воды его быстры и мутны, но это еще не тотъ бѣшеный звѣрь, который реветъ и мечется тамъ, впереди, въ горахъ.

За Терекомъ снова потянулись однообразные дни; но горы уже не удаляются къ горизонту; напротивъ, громады ихъ надвигаются все ближе и ближе; видны снѣжные, острые зубья, глубокія расщелины, темныя массы лѣсовъ, причудливые изломы скалъ и темныя зіяющія пропасти.

Караванъ уперся въ горы. Больше, кажется, нѣтъ ходу къ тому загадочному міру, который лежитъ тамъ, за этими громадами. Это Канъ-кай, нынѣ Владикавказъ. Здѣсь уже Терекъ, выбившись изъ горныхъ тѣснинъ, реветъ и скачетъ, словно вырвавшаяся изъ желѣзной клѣтки львица.

Караванъ, къ которому присоединились еще одна партія солдатъ и отрядъ казаковъ, вступилъ въ самое ущелье Терека. Что за подавляющія громады встали съ обѣихъ сторонъ. И въ довершеніе всего—ревъ Терека, который съ пѣной скачетъ черезъ каменныя преграды и съ ужасающей быстротой несется къ новымъ преградамъ, точно кто за нимъ гонится.

На половинѣ пути къ Ларсу караванъ остановился на роздыхъ. Солдаты и казаки, потрапезовавъ сухарями, размоченными въ Терекѣ, предались отдохновенію: кто лежалъ, кто сидѣлъ и курилъ, а въ нужныхъ мѣстахъ разставлены были часовые съ ружьями. Имеретины занялись приготовленіемъ шашлыковъ и варкою кофе. Молодой офицеръ сидѣлъ въ сторонѣ, на камнѣ, а дядька угощалъ его холодными закусками. Дареджана и Геоухеръ, украдкой поглядывая на красиваго гвардейца, собирали недалеко цвѣты и весело болтали. Князь Церетели и царевичи съ пукерами и джигитами хлопотали около лошадей.

— Ахъ, милая Дареджана, посмотри, какіе цвѣты! — радостно воскликнула Геоухеръ.

— Гдѣ, милочка?—заинтересовалась юная царевна.

— А вонъ, на скалѣ.

— Ахъ! Что за прелесть! Точно огонь горятъ: я никогда такихъ не видала.

— Но ихъ достать нельзя, какая жалость!

Молодой офицеръ слышалъ ихъ разговоръ (дѣвушки говорили по-русски) и взглянулъ въ ту сторону, куда смотрѣли юныя красавицы. И онъ увидѣлъ: надъ страшной стремниной, высоко-высоко, надъ узенькимъ выступомъ скалы, словно изъ отвѣсной стѣны смотрѣли прелестныя, ярко-пунцовыя головки невѣдомыхъ ему цвѣтовъ. Взглядомъ онъ смѣрилъ высоту до цвѣтовъ, высота недоступная. Но выше цвѣтовъ разросся кустъ боярышника, и сучковатыя вѣтви его спускались почти до самыхъ этихъ предательскихъ пунцовыхъ чашечекъ.

Офицеръ всталъ съ камня и, быстро обогнувъ уголъ скалы, съ легкостью кошки сталъ взбираться вверхъ по боковымъ ея ребрамъ.

— Смотри, милая, — съ испугомъ прошептала Геоухеръ,— онъ, кажется, хочетъ взобраться на скалу.

— Да, да, какъ страшно!—съ замираніемъ въ голосѣ прошептала, въ свою очередь Дареджана.

— Неужели онъ за цвѣтами?

Офицеръ былъ уже высоко и скрылся за боковымъ выступомъ скалы.

— Нѣтъ, онъ такъ полѣзъ.

— Нѣтъ-нѣтъ! Смотри, смотри!

Бѣлая фуражка офицера мелькнула посреди куста боярышника. И Дареджана, и Геоухеръ замерли на мѣстѣ. Кустъ раздвинулся, и у самаго обрыва показалась высокая, мужественная фигура смѣльчака. Онъ глянулъ внизъ на оцѣпенѣвшихъ отъ испуга дѣвушекъ... Страшная высота!.. Онъ сталъ пробовать прочность куста. Кустъ, повидимому, выдержалъ испытаніе, выдержалъ тяжесть человѣческаго тѣла. Смѣльчакъ, ухватившись обѣими руками за спускавшіеся со скалы, въ видѣ извивающихся змѣй, корни боярышника, повисъ надъ пропастью. Цвѣты глянули на него съ лѣвой стороны почти въ уровень съ его плечомъ. Онъ крѣпче, со всѣхъ силъ, уцѣпился правой рукой за корень, а лѣвой потянулся къ цвѣтамъ. Это былъ страшный моментъ... Рука дотянулась до предательскихъ пунцовыхъ чашечекъ, и сорвала ихъ нѣсколько... Изъ-подъ корня боярышника посыпались, потревоженные движеніемъ смѣльчака, камни... Да-

лѣс рука не выдержитъ или не выдержитъ корень... Онъ успѣлъ сунуть въ ротъ стебельки цвѣтовъ и схватился лѣвою рукою за другой корень... Но корень этотъ не выдержалъ...

Внизу послышался крикъ ужаса... Всѣ бросились къ этому мѣсту...

— О, Боже! О, Владычица! Что со мною теперь будетъ!

Это дядька метался въ ужасѣ и отчаяніи...

Но крѣпость мускуловъ молодого гвардейца выдержала роковое испытаніе... Лѣвая рука его успѣла схватить еще одинъ корень, тѣло его нѣсколько поднялось вверхъ, и скоро другая рука нащупала стволъ боярышника. Молодой человѣкъ былъ спасенъ.

Когда онъ спустился со скалы боковымъ ходомъ, которымъ взбирался на нее, около Дареджаны и Геоухеръ находились уже оба царевича, князь Церетели и нѣсколько джигитовъ.

Офицеръ, нѣсколько блѣдный и взволнованный, подошелъ къ этой группѣ, держа въ рукѣ сорванные съ такимъ рискомъ цвѣты, и снялъ фуражку.

— Извините, ваше высочество и ваша свѣтлость, что я невольно напугалъ васъ,—сказалъ онъ, съ глубокимъ поклономъ обращаясь къ Дареджанѣ и Геоухеръ. — Позвольте представиться: баронъ Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ, и позвольте преподнести вамъ эти цвѣты, которые такъ вамъ хотѣлось имѣть.

И онъ подалъ по нѣсколько цвѣтковъ Дареджанѣ и Геоухеръ. Дѣвушки, которыя едва успѣли прійти въ себя отъ испуга, съ большимъ смущеніемъ, краснѣя и не поднимая глазъ, приняли цвѣты.

— Простите за дерзость,—продолжалъ офицеръ,—но я желалъ бы имѣть счастье быть представленнымъ ея величеству, если только я не нарушу этимъ правилъ этикета вашего двора.

И Дареджана, и Геоухеръ не знали, что отвѣчать, но князь Церетели поспѣшилъ къ нимъ на выручку.

— Я не сомнѣваюсь, что ея царскому величеству пріятно будетъ выразить свою благодарность человѣку, выказавшему такую рыцарскую любезность ея высочеству, царевнѣ Дареджанѣ, и ея свѣтлости, принцессѣ Геоухеръ,—сказалъ онъ, вѣжливо раскланиваясь.

Дѣйствительно, когда Маріи представили молодого человѣка, она приняла его очень любезно, хотя и пожурила за рискованный поступокъ для удовлетворенія минутнаго каприза глупыхъ

дѣвочекъ. Царевичи Праклій и Давидъ, хотя, вообще, недружелюбно относились къ русскимъ, но въ данномъ случаѣ «геройство» офицера, какъ они назвали его ребяческую выходку, расположило ихъ имеретинскія сердца въ его пользу, тѣмъ болѣе, что фамилія его, баронъ Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ, не напоминала ничего русскаго. Церетели же, видя, съ какою нѣжною признательностью Дареджана и Геоухеръ посматривали иногда на красиваго бѣлокураго офицера, почувствовалъ какую-то ссадину въ своемъ ревнивомъ восточномъ сердцѣ. Но онъ нѣсколько утѣшалъ себя тѣмъ, что его воображаемый соперникъ не долго будетъ стоять у него на дорогѣ, потому что отправлялся въ Тифлисъ для поступленія въ дѣйствующую армію. Впрочемъ, если бы онъ былъ болѣе наблюдателенъ, то замѣтилъ бы, что молодой офицеръ произвелъ на Гесухеръ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на Дареджану, которая все еще находилась подъ могущественнымъ вліяніемъ чарующаго сна, не выходившаго изъ ея памяти.

Когда послѣ роздыха наши путешественники двинулись далѣе, то баронъ Клодтъ, несмотря на тѣсноту идущей между каменными стѣпами дороги, все-таки нерѣдко ухитрялся ѣхать рядомъ съ арбою царицы, и голубые глаза его охотнѣе встрѣчались съ мягкими, лучистыми, минутами знойными, глазами Геоухеръ, чѣмъ съ дѣтски-невинными и довѣрчивыми глазками Дареджаны.

Въ Ларсѣ наши путешественники ночевали. Здѣсь уже не Дареджанѣ, а Геоухеръ пришлось видѣть сонъ, который заставилъ сильно биться ея пылкое карабагское сердце. Она видѣла во снѣ не демона и не ангела, а очаровательнаго бѣлокураго офицера съ голубыми глазами. Онъ стоялъ на скалѣ и держалъ въ рукѣ огненной яркости цвѣты, показывая знакомъ, что хочетъ бросить ихъ къ ногамъ Геоухеръ. Вдругъ камни подъ нимъ обрушились, и онъ стремительно полетѣлъ внизъ.

— Онъ упалъ Онъ упалъ!—отчаянно закричала Геоухеръ, и въ ужасѣ проснулась.

Крикъ ея разбудилъ и Дареджану, и ея няню.

— Что съ тобой, милая?—встревожилась Дареджана.

— Онъ упалъ со скалы!—испуганно говорила Геоухеръ, поднимаясь съ постели.

— Что ты! Что ты! Опомнись...

— Ахъ, это сонъ... хвала Аллаху,—шептала Геоухеръ, приходя въ себя.

Старая няня поспѣшила дать ей воды и слегка намочила голову.

— Ахъ, какъ я испугалась! Онъ такъ страшно упалъ,—говорила Геоухеръ, понемногу успокоиваясь.

— Кто, милая?

— Онъ, этотъ офицеръ, баронъ... Онъ стоялъ на той скалѣ съ цвѣтами въ рукѣ, и вдругъ упалъ.

— Это нехорошій сонъ,—покачала головой опытная няня,— только не для тебя, милая княжна, а для него: съ нимъ случится несчастье.

Геоухеръ вдругъ стало жаль его, и она начала тихонько читать молитвы изъ корана. Пламенный темпераментъ этой юной дочери Востока и видѣнный ею сонъ быстро ускорили работу ея сердца, и оно почувствовало вдругъ что-то неизвѣданное: и мучительно сладостное, и мучительно-тревожное. Она, казалось, видѣла теперь его нѣжные, голубые, какъ бирюза ея родины, и ласково добрые глаза. Эти глаза говорили ей что-то, и теперь она начала догадываться, что они говорили. Неужели это правда?

— А уже и утро,—сказала Дареджана, лѣниво потягиваясь,—и мнѣ спать совсѣмъ не хочется... Ахъ, какъ шумитъ Терекъ! Хочешь, станемъ одѣваться и пойдемъ посмотримъ на Терекъ.

— Хорошо, милая Дареджана,—мечтательно проговорила Геоухеръ,—одѣнемся и пойдемъ къ Тереку.

Но ей не Терекъ хотѣлось видѣть.

Скоро пріятельницы были готовы и вышли изъ палатки. Надъ Терскомъ клубился паръ. Хотя солнце уже и взошло, но лучи его не проникали въ ущелье, сдавленное горными великанами. Надъ ущельемъ уже плавали орлы, спиралями возносясь все выше и выше и совсѣмъ, повидимому, не махая крыльями, словно бы ихъ поднимала невидимая сила. Караванъ уже былъ въ движеніи, готовясь къ дальнѣйшему пути. Кое-гдѣ тлѣли костры, на которыхъ готовился ранній завтракъ. Было свѣжо и влажно въ воздухѣ.

Дареджана глянула вверхъ, на синѣвшее надъ вершинами горъ небо.

— А орлы уже видятъ солнце,—сказала она,—а мы еще не видимъ.

Но Геоухеръ увидѣла то, что съ нынѣшней ночи стало ея солнцемъ. Онъ сидѣлъ на обрывѣ, завернувшись въ бурку, и читалъ какую-то книгу. Онъ такъ, повидимому, углубился въ чтеніе, что не слышалъ ни грохота Терека, ни шумной суеты готовящагося въ путь каравана. Не замѣтилъ онъ и Геоухеръ съ Дареджаной.

Дѣвушки воротились въ палатку, гдѣ уже ожидала ихъ царица и куда служанки тотчасъ же внесли легкую утреннюю закуску и кофе. Дареджана поздоровалась съ матерью.

— Ты не слыхала, мама, какъ сегодня трусиха-Геоухеръ кричала утромъ?—спросила она.

— Нѣтъ, дѣвочка, я ничего не слыхала: подъ шумъ Терека такъ сладко спится,—отвѣчала Марія.—Ты отчего же кричала, милая?—обратилась она къ Геоухеръ.

— Я видѣла страшный сонъ, — отвѣчала та, краснѣя и пряча свои лучистые глаза.

— И тоже, вѣроятно, сама забыла, чего испугалась, какъ и моя дурочка?—засмѣялась царица.

— Нѣтъ, я не забыла,—потупилась Геоухеръ.

— Она, мама, видѣла, что тотъ офицеръ, баронъ, упалъ со скалы,—объяснила Дареджана.

— Это онъ вчера напугалъ васъ, дѣточки,—сказала Марія.

За пологомъ палатки послышался голосъ князя Церетели:—«Можно войти?»—Дареджана слегка вздрогнула.

— Можно,—сказала Марія.

Церетели вошелъ и поздоровался, объявляя, что караванъ скоро выступитъ въ путь.

— А гдѣ мальчики?—спросила Марія.

— Они тамъ съ офицеромъ, ваше величество. Онъ имъ что-то разсказываетъ про Дарьялъ, про какія-то ворота.

Черезъ полчаса караванъ снова двинулся въ путь и скоро достигъ Дарьяльскаго ущелья. Видъ его поразилъ новичка, молодого офицера, который не видалъ на своемъ вѣку горъ выше горъ Парголова и ущелій мрачнѣе Прачешнаго переулка. Съ обѣихъ сторонъ высились вертикальныя стѣны, надъ которыми, гдѣ-то тамъ, высоко-высоко, синѣлась полоса голубого неба, на которое приходилось смотрѣть точно изъ глубокаго колодца. Въ

своемъ «Путешествіи въ Эрзерумъ» Пушкинъ говоритъ: «Здѣсь такъ узко,—пишетъ одинъ путешественникъ,—что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсноту».

Терекъ, стиснутый этими стѣнами и преграждаемый камнями, ревѣлъ здѣсь невообразимо. Караванъ, вслѣдствіе тѣсноты пути, растянулся почти на версту.

Баронъ Клодтъ, какъ ни старался приблизиться къ арбѣ царицы, однако, не могъ этого сдѣлать: было такъ узко, что можно было ѣхать только гуськомъ. Царевичи старались держаться около молодого офицера, который заинтересовалъ ихъ своими разсказами.

— Говорятъ, что Дарьялъ получилъ свое названіе отъ царицы Даріи, которая будто бы жила здѣсь когда-то въ своемъ замкѣ,—говорилъ Клодтъ.—Но это неправда, это легенда, сказочное преданіе. «Даріалъ» на древнемъ персидскомъ языкѣ означаетъ «ворота». Здѣсь въ древности и были ворота. Римскій ученый Плиній, который жилъ еще во времена Христа, говоритъ въ своихъ книгахъ: «Кавказскія ворота—это удивительное твореніе природы, происшедшее отъ внезапнаго разрыва горъ. Самыя ворота огорожены бревнами, окованными желѣзомъ; внизу течетъ рѣка Діріодорисъ (Терекъ), т. е. вонючая рѣка, а на одной скалѣ, лежащей по сю сторону, находится небольшое укрѣпленіе Куманія, устроенное съ цѣлью воспрепятствовать проходу за Кавказскія горы безчисленныхъ народовъ *), конечно, дикихъ скиѳовъ и другихъ обитателей нынѣшней Россіи.

— А теперь они свободно здѣсь проходятъ,—ядовито замѣтилъ князь Церетели.

Вдругъ далеко впереди послышался ужасный грохотъ, точно рухнули скалы.

— Обвалъ! Обвалъ!—раздались испуганные голоса.

XII. Обвалъ.

При крикахъ «обвалъ», пронесшихся по всему ущелью Дарьяла, караванъ моментально остановился.

— Кого завалило?—послышались голоса сзади.

— Не видно, это далеко впереди.

*) Plinii Historia naturalis. L. VI. 12.

Князь Церетели, баронъ Клодтъ и оба царевича бросились впередъ. Съ трудомъ ихъ кони протиснулись мимо громоздкой арбы царицы, которая была очень перепугана, хотя и старалась успокоить растерявшихся Дареджану и Геоухеръ. Клодтъ поклонился дамамъ, и глаза его встрѣтились съ глазами Геоухеръ.

— Мальчики! Куда же вы?—остановила Марія сыновей

— Мы туда, съ княземъ и барономъ, посмотримъ только,— отвѣчали царевичи, пробираясь впередъ.

Къ счастью, оказалось, что громадная лавина вмѣстѣ съ грудою камней и снѣгу обрушилась на нѣсколько саженъ впереди головы каравана, гдѣ находились казаки и солдаты; а выступи караванъ изъ Ларса хотя бы пятью минутами раньше, часть его была бы заживо погребена подъ грудами камней и снѣгу.

Ошеломленные солдатики стояли въ смущеніи.

— Ну, спасъ Богъ, а то бы...

— А Ѳедосью-то задавило: пропала бѣдная.

— Какъ задавило?

— Да она впереди все бѣжала, должно, зайца чуяла.

Одинъ солдатикъ утиралъ слезы.

— Да что она, родная тебѣ была, что ли?

— Еще бы... она у меня за пазухой и выросла... махонькой поднялъ въ канавѣ.

Это была «ротная собачка», которую потому солдатики назвали Ѳедосьей, что тотъ изъ нихъ, который поднялъ этого заброшеннаго щенка и выкормилъ, выносивъ у себя за пазухой, признался какъ-то товарищамъ, что у него на родинѣ была возлюбленная, дѣвчонка Ѳедосья. Теперь не стало у него и этой Ѳедосьи, и онъ кулакомъ утиралъ слезы, катившіяся по его загорѣлымъ щекамъ.

Обваломъ загатило Терекъ, и путешественники увидали, что вода въ немъ почти моментально исчезла.

— Запрудило совсѣмъ рѣчку... Теперь надо откапываться.

— А чѣмъ откопаешься? Лопатъ-то у насъ нѣтъ.

Но Церетели помогъ имъ. Онъ велѣлъ своимъ нукерамъ выпуть нѣсколько досокъ, которыми обиты были обозныя арбы, и изъ досокъ этихъ тотчасъ же сдѣланы были на скорую руку лопаты.

Солдаты, казаки и нукеры стали работать дружно, поочерс-

дно смѣняя другъ друга. Работа быстро подвигалась впередъ, и уже прорыта была довольно широкая траншея, какъ вдругъ...

Терекъ не стерпѣлъ неволи. Страшнымъ напоромъ своихъ, быстро скоплявшихся, водъ онъ разорвалъ запруду изъ камней и снѣгу, и съ ужасающимъ ревомъ ринулся по обмелѣвшему было руслу. Это было что-то величественное и страшное. Всѣ бросились къ сторонѣ, къ скаламъ, опасаясь быть унесенными бѣшенымъ потокомъ. Позади, въ караванѣ, послышались крики. Оказалось, что нѣсколько барановъ, спустившихся къ обмелѣвшему руслу, чтобы напиться остатками воды, удержавшейся во впадинахъ, были моментально подхвачены налетѣвшими бурунами и унесены, исчезнувъ подъ водою.

Разсерженный препятствіемъ, Терекъ былъ ужасенъ. Но скоро бѣшенство его улеглось, и онъ продолжалъ мчаться мимо каравана уже значительно стихшій, вошедшій въ свое обычное русло.

Теперь расчищать завалъ стало удобнѣе, и черезъ нѣкоторое время караванъ могъ двинуться дальше.

— А Ѳедосью, должно быть, унесло со снѣгомъ.

— Знамо, унесло бѣдную.

Такъ вспоминали солдатики «ротную собачку».

Путь каравану лежалъ черезъ Бѣшеную Балку къ Казбеку, гдѣ путешественники наши должны были сдѣлать роздыхъ. Здѣсь ущелье уже значительно расширилось, и можно было свободно созерцать и чудное голубое небо, и суровую природу гигантскихъ гребней, изрытыхъ горными ручьями.

Но Клодтъ все еще не могъ почти ни однимъ словомъ перекинуться съ дамами, особенно съ той, которая околдовала его своими восточными чарами. Да и Дареджана почти не видѣла того, о комъ теперь постоянно думала. Мало того, въ ея сердце забралась тревога. Князь Церетели сказалъ, что онъ проводитъ Геоухеръ до Тифлиса, а можетъ быть, даже и въ самый Карабагъ, въ крѣпость Шушу, къ ея отцу, что это его нравственный долгъ быть проводникомъ и защитникомъ одинокой молодой дѣвушки. Вотъ откуда тревога, тревога не за безопасность своей пріятельницы, а за что-то другое... Какъ же о н ъ постоянно будетъ съ н е ю, сопровождать е е, говорить съ н е й?.. У Дареджаны сердце сжималось при одной этой мысли... Что это такое? Отчего прежде ничего подобнаго съ ней не было? И ей ка-

залось, что, какъ прежде она страстно любила Геоухеръ, такъ теперь, кажется, сразу ее возненавидѣла... Нѣтъ, не можетъ быть! Геоухеръ ни въ чемъ не виновата, ничего ей не сдѣлала...

Но вотъ и аулъ Казбекъ, владѣнія и резиденція молодого князя Казбека. Здѣсь караванъ долженъ былъ имѣть роздыхъ. Арба царицы остановилась недалеко отъ духана, изъ котораго въ то время какъ разъ выходилъ молодой горецъ необыкновеннаго роста. Онъ былъ одѣтъ богато и имѣлъ на себѣ блестящее вооруженіе. Это и былъ двадцатидвухлѣтній владѣтель этой мѣстности, князь Казбекъ. Пушкинъ видѣлъ этого гиганта черезъ двадцать три года послѣ описываемыхъ нами событій, именно: въ 1829 году, когда совершалъ свое знаменитое «Путешествіе въ Эрзерумъ». Поэтъ такъ обрисовываетъ владѣтеля Казбека: «Князь, мужчина лѣтъ сорока пяти, ростомъ выше преображенскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ (такъ называются грузинскія харчевни, которыя гораздо бѣднѣе и не чище русскихъ). Въ дверяхъ лежалъ пузастый бурдюкъ (воловій мѣхъ), растопыря свои четыре ноги. Великанъ тянулъ изъ него чихирь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые я отвѣчалъ съ почтеніемъ, подобаемымъ его званію и росту. Мы разстались большими пріятелями».

Князь тотчасъ же подошелъ къ арбѣ царицы и привѣтствовалъ августѣйшую путешественницу самымъ отборнымъ краснорѣчіемъ восточнаго человѣка. Это любезное краснорѣчіе молодого князя, видимо, было подогрѣто недавно выпитою, сообразною его росту, порціею чихиря и двумя парами устремленныхъ на него хорошенькихъ глазокъ. Но великанъ затруднился бы, которой парѣ отдать предпочтеніе: такъ обѣ красавицы казались ему обаятельны! И онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ обѣихъ этихъ Пери помѣстить въ свое великое сердце.

Аулъ Казбека расположенъ какъ разъ насупротивъ исполина кавказскихъ горъ того же наименованія. Въ это время облака, окутывавшія вершину Казбека, вдругъ разступились, и исполинъ, сверкая алмазами вѣчныхъ снѣговъ, явился во всемъ своемъ царственномъ величіи отъ массива подножія до самой вершины, которая, казалось, подпирала бирюзовое небо.

— Мама, мама!—радостно воскликнула Дареджана:—Смотри, весь Казбекъ показался... Какая прелесть! У какой страшный, какой большой!

— Это онъ привѣтствуетъ повелительницу Имеретіи и ея прелестныхъ спутницъ,—любезно сказалъ князь Казбекъ.

— Нѣтъ, это онъ снялъ свою облачную папаху съ сѣдой головы передъ своимъ молодымъ владыкой и тезкой,—засмѣялся князь Церетели, подходя и здороваясь съ Казбекомъ.

Дареджана замѣтно покраснѣла. Она вспомнила, что когда они проѣзжали это мѣсто по пути отъ Имеретіи къ Пятигорску, то Казбекъ весь былъ закутанъ тучами, и она сожалѣла, что ей не удалось видѣть этого царя горъ; теперь же, когда караванъ ихъ приближался къ этому мѣсту, дѣвушка загадала въ душѣ своей, что если Казбекъ покажется ей, то значитъ, о н ъ любитъ ее... И вдругъ Казбекъ показался! Глубокая радость охватила всю ея юную, суевѣрную душу...

«Онъ любитъ... онъ любитъ!» колотилось у нея въ сердцѣ.

Зато Геоухеръ казалась задумчивою и грустною: другой о н ъ не подходилъ къ ней...

Но вотъ подошелъ и баронъ Клодтъ. Его познакомили съ княземъ Казбекомъ.

— Не родственникъ ли вамъ генералъ-маіоръ Клодтъ?— спросилъ послѣдній.

— Это мой отецъ,—отвѣчалъ молодой офицеръ.

— О! Я очень радъ! Я знакомъ съ вашимъ батюшкой... имѣлъ эту честь.

Но молодой офицеръ казался разсѣяннымъ. Глаза его украдкой искали е я глазъ... и нашли! Точно огнемъ обожгли его эти глаза.

А изъ открытыхъ дверей духана доносится заунывное пѣніе:

Охъ, ты матушка родима,
На что на горе родила?

— Это онъ по Ѳедосьѣ, и чудной же,—слышится говоръ между солдатиками.

— Послѣднюю гривну просадилъ на чихирь.

Между тѣмъ нукеры князя Казбека, въ силу восточнаго гостепріимства, уже жарили на вертелахъ жирныхъ барашковъ, разстилали ковры и подушки и тащили бурдюки съ кахетинскимъ и съ чихиремъ. Угощеніе предложено было не только семейству царицы, но и ея свитѣ, благороднымъ джигитамъ.

Начался пиръ, сопровождаемый здравицами и стрѣльбою изъ

пистолетовъ и ружей. Явилась и зурна съ другими восточными музыкальными инструментами. Музыка была адская. Откуда-то взялись и пѣсенники. Что-то невообразимое и въ ихъ пѣніи, и въ музыкѣ. Въ музыкѣ, казалось, слышались и шумъ горныхъ потоковъ, и дикій вой Терека, и свистъ горнаго вѣтра. Въ пѣніи же было еще болѣе чего-то дикаго и страшнаго: гортанныя завыванія пѣвцовъ заставляли иногда думать, что кого-то давятъ, душатъ или жилы изъ него вытягиваютъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось непривычному слуху барона Клодта.

Затѣмъ слѣдовала лезгинка, пляска среди кинжаловъ, воткнутыхъ въ землю остріемъ кверху. Все это носило на себѣ характеръ дикой жизни, полной кровавыхъ сценъ. Танцующіе въ бѣшеномъ вихрѣ приставляли себѣ остріе кинжаловъ прямо къ сердцу, къ горлу, вотъ-вотъ, кажется, танцующій въ изступленіи дикарь повалится на землю съ перерѣзаннымъ горломъ или съ пропоротымъ бокомъ. А между тѣмъ глаза зрителей горѣли дикимъ восторгомъ, и руки ихъ съ такою судорожною страстностью хватались за рукоятки кинжаловъ, что, казалось, сейчасъ начнется общая, совершенно безпричинная рѣзня.

Клодтъ украдкой посматривалъ то на Геоухеръ, то на Дареджану, и, къ крайнему изумленію, видѣлъ, что и у этихъ юныхъ дикарокъ хорошенькіе глазки сверкали восторгомъ.

«Вотъ она, Азія-то», думалъ онъ и удивлялся, что его сердце все болѣе и болѣе пламенѣло страстью къ очаровательному дикому существу: «такая же она, вѣроятно, бурно-неудержимая и въ проявленіи чувства любви и ненависти, это любовь и ненависть тигрицы»...

Раздались бурныя одобренія и по адресу музыкантовъ и пѣвцовъ, и по адресу танцующихъ.

Несмотря на шумное оживленіе всего каравана, пришлось, однако, прекратить веселье. До ночлега, который долженъ былъ имѣть мѣсто у поста Коби, хотя оставалось немного верстъ, но дорога предстояла трудная, все въ гору, и потому нужно было торопиться.

Черезъ полчаса караванъ былъ готовъ, и царица, поблагодаривъ молодого хозяина за радушный пріемъ, усѣлась въ арбу съ своими «дѣвочками», которыхъ горный великанъ продолжалъ пожирать глазами, точно это былъ вкусный кишмишъ или рахатъ-лукумъ.

— Какой онъ смѣшной,—сказала Дареджана, когда арба ихъ двинулась.

— Чего же отъ него и требовать, милая, — замѣтила ея мать,—живетъ въ горахъ, какъ дикарь, никого не видитъ, кромѣ проѣзжающихъ, и знаетъ только своихъ лошадей да барановъ.

Геоухеръ молчала. Она думала, что скоро—завтра, можетъ быть, въ Мцхетѣ, она должна будетъ разстаться съ Дареджаной. Но странно! Когда въ Тифлисѣ она должна была, раньше этого, разстаться съ нею, то она не могла даже допустить мысли, что вотъ скоро больше не будетъ ее видѣть, и рыдала безутѣшно. Теперь же предстоявшая разлука не пугала ея, не огорчала совсѣмъ. Отчего это? Не разлюбила же она ее. И она стала припоминать все, что было въ эти послѣдніе дни, о чемъ она думала, что чувствовала. Еще въ Пятигорскѣ, какъ и въ Кисловодскѣ ей казалось немыслимымъ разстаться съ своей любимицей. Ей хотѣлось воротиться съ нею въ Кутаисъ. Съ этимъ городомъ, кромѣ того, у нея были соединены нѣкоторыя воспоминанія. И она помнила тотъ чудный вечеръ на балконѣ, передъ ихъ отъѣздомъ въ Пятигорскъ, вечеръ, когда они сидѣли втроемъ, и въ темнотѣ ея рука слилась съ рукою царевича Константина. Она этого не забыла и не забудетъ. Поэтому ей грустно было думать, что она должна будетъ воротиться къ отцу, въ Карабагъ. Даже въ Георгіевскѣ, когда князь Церетели сказалъ, что самъ лично проводитъ ее въ Тифлисъ, ей стало грустно:—точно ее прогоняютъ. Но она знала, что только необходимость заставляетъ царицу Марію отправить ее къ отцу, такъ какъ Кутаисъ теперь занятъ русскими, и царь Соломонъ покинулъ свою столицу. Но теперь ей почему-то уже не жаль разстаться съ Дареджаной. Почему же? И давно ли она такъ легко помирилась съ этой мыслью, съ мыслью о необходимости скорой разлуки? Давно ли? Только сегодня... И густая краска залила ея смуглое личико... Она догадалась, почему...

«Какая я гадкая, нехорошая», подумала она про себя. Но въ то же время податливая совѣсть подсказывала ей оправданія: «я не виновата, я не хотѣла этого... все это само собой приходитъ»...

И она украдкой оглядывалась назадъ, гдѣ красиво выступалъ арабскій скакунъ Клодта и мелькала его бѣлая фуражка. Пылкое воображеніе восточной дѣвушки было поражено вчераш-

нимъ, какъ ей казалось, «геройскимъ подвигомъ» молодого русскаго офицера. Ради ихъ каприза онъ рисковалъ своей жизнью. Развѣ сдѣлалъ бы что-либо подобное хотя кто-нибудь изъ мужчинъ Карабага? Нѣтъ, тамъ на женщину смотрятъ какъ на забаву, на игрушку: восточная женщина это рабыня, вещь, принадлежность гарема. А этотъ въ бѣлой фуражкѣ? Да онъ и не похожъ ни на кого. Всѣ мужчины, какихъ она видѣла прежде, и у себя въ Карабагѣ, и въ Грузіи, и въ Имеретіи, всѣ черные, черноглазые, всѣ какъ будто, похожи другъ на друга. А этотъ нѣтъ: лицо бѣлое, хоть и загорѣло въ дорогѣ, волосы такіе свѣтлые, нѣжные; а глаза, точно небо ея родины, точно лучшая бирюза Прана.

— Что ты такая молчаливая сегодня, птичка Карабага?— спросила ее царица, замѣтивъ задумчивость дѣвушки.

— Молчаливая?—встрепенулась послѣдняя.—Можетъ быть это оттого, что я завтра уже должна буду разстаться съ вами,— отвѣчала она, хотя очень хорошо знала, что не это было причиной ея задумчивости.

— Что жъ, мы не навѣки разлучаемся, милая,—успокоивала ее Марія.—Правда, Дара?—обратилась она къ дочери.

— Правда, мама,—отвѣчала та неохотно, стараясь, хотя тщетно, вслушаться въ то, что говорилъ ея братьямъ князь Церетели.

Вечерѣло. Солнце уже скрылось за гребнемъ горъ, хотя далеко не вечерніе лучи его ярко освѣщали гигантскіе конусы хребта слѣва.

Подъѣзжая къ посту Коби, наши путешественники встрѣтили группу всадниковъ, конвоировавшихъ богатую арбу. Это не были грузины.

Геоухеръ сразу узнала, кто были эти всадники, и сильно поблѣднѣла. Это были послы ея отца, Ибраима-хана, а во главѣ ихъ молодой карабагскій ага, Мирза-Али. Ибраимъ-ханъ выслалъ ихъ за дочерью, потому что въ Карабагѣ готовилось что-то нехорошее.

XIII. «Семь четвертей во лбу».

Мирза-Али, сойдя съ коня и выполнивъ весь церемоніалъ восточныхъ цвѣтистыхъ привѣтствій, подалъ царицѣ Имеретіи письмо Ибраимъ-хана.

Письмо было слѣдующаго содержанія *):

«До тѣхъ поръ, пока весною сады облекаются въ одежду листьевъ и цвѣтовъ, а безчисленные голоса утреннихъ соловьевъ оживляютъ сидящихъ за завѣсою бесѣды въ паркѣ розъ, до тѣхъ самыхъ поръ, о, цвѣтникъ счастія знаменитой Имеретіи, Билкалсъ **) величія, Марія, колыбель совершенства, очаровательное ожерелье царства Имеретіи, счастливый рудникъ жемчуга славы, драгоцѣнная коробка перловъ государства, блестящая звѣзда на высокомъ небосклонѣ, полная луна совершенства и сіяніе неба благополучія—да благоухаетъ розами вѣчности и да пребудетъ отраднымъ пиршествомъ къ утоленію жажды питьсмъ вожделѣнія!..

«По изъясненіи пріязни высокому уму, подобному лунѣ, представляется, что упитанный амброю запахъ виноградника постоянства и мускусное благоуханіе сада дружбы, то есть ваше дружеское письмо или высокая записка счастливымъ прибытіемъ распространила благовоніе въ бесѣдѣ сердца и умножила пріятнымъ содержаніемъ радость души дружбы. Она была преисполнена отъ конца до начала (!) постоянною дружбою и отъ начала до конца отличалась остроуміемъ; цвѣтникъ ея выраженій былъ украшенъ розами единодушія и согласія, а съ розы содержанія снята пыль непріязни. Очаровательныя доказательства твердой дружбы отражаются въ ней, какъ въ зеркалѣ, а зеркало сердца неизмѣнныхъ друзей рукою пріязни очистилось отъ всякой вражды; содержимыя въ ней мысли породили славу, благополучіе и веселіе, а обнаруженіе желаннаго согласія, вытекающее изъ ея изреченій, доставило великую радость. Мы благодаримъ Аллаха, покровителя дружбы, что онъ связалъ оба семейства наши и державы узами того согласія, которое даетъ намъ возможность развлекаться дружескою перепискою, и соединилъ обѣ страны тѣмъ согласіемъ, котораго нить всегда въ рукахъ нашихъ. Хотя любезное лицо свиданія и скрыто за занавѣсью пространства, но она не препятствуетъ проявленію искренности сердецъ; дальность же разстоянія хотя устраняетъ возможность взаимнаго соединенія, но, стремясь по пути дружбы,

*) Письмо это—не измышленіе автора, а только приспособленіе дѣйствительно существующаго въ русскомъ переводѣ восточнаго посланія.

**) Одна изъ женъ царя Соломона—любезный намекъ на жену Соломона имеретинскаго.

мы не знаемъ препонъ. Есть надежда, что основаніе этого соединенія прочно и что способы къ нашему сближенію будутъ постоянно увеличиваться. Правила дружбы требуютъ, чтобы единодушіе вяще украшалось разноцвѣтными розами переписки, а радость пріязненнаго сердца усугублялась пріятельскими услугами.

«При семъ случаѣ розу садовъ Карабага, нѣжную почку будущихъ розъ моей страны, милую Геоухеръ, жемчужину дома моего и перлъ моего сердца, прошу отпустить въ мои объятія, жаждущія ея, какъ пересохшая земля небеснаго дождя.

«Да текутъ ваши дни вѣчно.—Ибраимъ-ханъ своею рукою».

— Что пишетъ вамъ отецъ?—спросила Геоухеръ, когда Марія прочитала это курьезное посланіе.

— Онъ отвѣчаетъ, милая, на мое письмо къ нему, гдѣ я писала изъ Пятигорска, что ты здорова и веселишься, что мы тебя всѣ очень полюбили и что скоро думаемъ возвращаться въ Имеретію,—отвѣчала Марія.

Въ это время къ ней подошла вышедшая изъ прибывшей съ посольствомъ Ибраимъ-хана старая няня Геоухеръ и прикоснулась губами къ краю одежды Маріи и Дареджаны.

— Здравствуй, няня—ласково обратилась къ старухѣ Геоухеръ.

— О, бегюмъ, бегюмъ (госпожа)!—съ невыразимой нѣжностью и со слезами на глазахъ бормотала старуха.—О, бегюмъ! Да хранитъ тебя Аллахъ въ своемъ сердцѣ.

— Что соскучилось по мнѣ?—продолжала Геоухеръ.

Въ это время послышалось радостное ржаніе, и красавецъ конь, бѣлый, какъ снѣгъ на вершинѣ Казбека, появился за спиной старой няни.

— А, мой Рустемъ!—весело захлопала въ ладоши Геоухеръ.—И ты обо мнѣ соскучился?

Радостное ржаніе было отвѣтомъ на эти слова. Въ Геоухеръ проснулась дикарка. Глаза ея загорѣлись. Она выскочила изъ арбы и мигомъ очутилась на сѣдлѣ красавца Рустема. Не успѣла она гикнуть и пригнуться къ лукѣ, какъ дикій конь взвился и полетѣлъ вихремъ по дорогѣ, въ гору. Отъ неожиданности всѣ растерялись и съ изумленіемъ смотрѣли вслѣдъ уносившемуся видѣнію.

Но въ этотъ моментъ послышался еще топотъ, и за исчезавшимъ вдали видѣніемъ стрѣлой помчался другой всадникъ. Это былъ баронъ Клодтъ. Арабскій скакунъ его летѣлъ быстрѣе вѣтра. Огненныя искры сверкали подъ его копытами. Онъ настигалъ дикарку...

Геоухеръ замѣтила это и снова пронзительно гикнула. Рустемъ рванулся впередъ съ новой силой. Онъ, казалось, земли не касался своими тонкими, стальными ногами. Скакунъ Клодта не отставалъ. Это была безумная, бѣшеная скачка.

— Принцесса! Ваша свѣтлость!—кричалъ Клодтъ.—Не подвергайте себя опасности, остановитесь!

Но Геоухеръ снова гикала и снова мчалась и мчалась. Клодтъ не отставалъ. Разстояніе между ними постоянно уменьшалось.

Геоухеръ оглядывалась и съ хохотомъ опять гикала.

— Принцесса! Ваша свѣтлость! Геоухеръ! — умолялъ Клодтъ, равняясь съ нею.

Дикая дѣвочка продолжала хохотать. Она была поразительно хороша въ этотъ моментъ, раскраснѣвшаяся, возбужденная, она вся пылала.

— Божество мое! Я люблю тебя, — уже шепталъ, охваченный страстью, молодой человѣкъ.

А дикая дѣвочка продолжала хохотать.

Въ это время позади ихъ послышался топотъ уже нѣсколькихъ коней. Это мчались къ нимъ князь Церетели, оба царевича и нѣсколько джигитовъ и карабагскихъ наѣздниковъ.

— Ускачемъ отъ нихъ!—шептала обезумѣвшая отъ страстнаго возбужденія дикарка.

— Ускачемъ!—какъ эхо повторялъ за нею Клодтъ.—Ускачемъ на край свѣта!.. Я люблю, люблю тебя!

Онъ уже протягивалъ къ ней руки, чтобы выхватить ее изъ сѣдла въ свои объятія; но дикая шалунья снова гикнула и очутилась впереди.

— Да это чертенокъ!—бормоталъ про себя молодой баронъ по-нѣмецки.—Я готовъ застрѣлить ее...

И, дѣйствительно, раздался выстрѣлъ. Клодтъ почувствовалъ, что его точно кто кнутомъ хлестнулъ по лѣвой рукѣ, выше локтя. Онъ глянулъ по направленію раздавшагося выстрѣла: влѣво, на отвѣсной почти скалѣ, изъ-за камня подымался бѣ-

лый дымокъ, и тотчасъ же растаялъ въ воздухѣ. Невидимый врагъ чуть-чуть не положилъ его на мѣстѣ; возьми пуля на четверть правѣе, и она угодила бы прямо въ сердце молодого барона.

Онъ остановился и схватилъ пистолетъ, висѣвшій въ чехлѣ у сѣдла. Но въ этотъ самый моментъ послышалось позади его нѣсколько выстрѣловъ, и со скалы, откуда послѣдовалъ первый предательскій выстрѣлъ, свалилось что-то черное, но, зацѣпившись буркой за остріе камня, торчавшаго изъ скалы, повисло. Это былъ черкесъ, а выстрѣлившіе въ него и положившіе на мѣстѣ, были джигиты и наѣздники, что прискакали вмѣстѣ съ княземъ Церетели и царевичами.

Геоухеръ воротилась. Увидѣвъ Клодта, она испуганно вскрикнула: весь лѣвый рукавъ и лѣвая сторона кителя барона была въ крови.

— Вы ранены, баронъ?—блѣднѣя, спросила она почти шопотомъ.

— Пустяки... это царапина...

Подскакалъ князь Церетели и царевичи.

— Вы ранены?.. Въ руку?.. Скорѣе скидайте китель... надо перевязать рану,—торопливо говорилъ Церетели.

— Пустяки, царапина,—продолжалъ баронъ,—ее и такъ можно перевязать носовымъ платкомъ.

Онъ сошелъ съ лошади. Геоухеръ также соскочила съ своего «Рустема», и, сорвавъ съ головы бѣлую чадру, подала ее князю Церетели.

— Перевяжите ею рану, князь,—сказала она.

Церетели настаивалъ, чтобы Клодтъ снялъ китель.

— Вѣдь такъ не видно раны... Задѣта кость?

— Не знаю,—отвѣчалъ баронъ, съ нѣжностью глядя на поблѣднѣвшее личико Геоухеръ.

— Ну, значитъ, надо снять китель,—настаивалъ князь, — надо найти пулю... Чувствуете вы ее?

— Не знаю,—былъ отвѣтъ.

— Снимите китель,—тихо сказала Геоухеръ, ласково глядя въ глаза раненому,—съ лѣвой руки только.

Клодтъ повиновался, и правой рукой растегнулъ китель. Церетели осторожно стащилъ рукавъ кителя съ раненой руки и разорвалъ на ней сорочку, всю пропитанную кровью.

— Можете двигать рукой и пальцами?

— Кажется, могу... вотъ, видите?

— Да... на-вылетъ... кость, должно быть, не пробита... пули не должно быть.

И Церетели, перевязавъ раненое мѣсто посовымъ платкомъ, туго обмоталъ перевязку чадрою Геоухеръ.

— Теперь больше не будете дѣлать глупостей? — сказалъ онъ.

— Буду,—отвѣчалъ раненый, съ любовью взглянувъ на Геоухеръ.

Дѣвушка звонко разсмѣялась.

— Это я надѣлала все,—сказала она.

— Не вы, принцесса, а вашъ красавецъ конь,—возразилъ Клодтъ,—съ этого дня я полюбилъ его, какъ отца родного.

— Это за то, что васъ чуть не застрѣлили?—засмѣялся царевичъ Ираклій.

— Да... Зато вотъ онъ какъ поплатился,—сказалъ Клодтъ указывая правою рукой на чернѣвшую на скалѣ массу.

— Теперь уже онъ больше не будетъ стрѣлять,—замѣтилъ царевичъ Давидъ.—А чья пуля угодила въ него?

— Вѣроятно, князя Симеона,—отвѣчалъ Ираклій,—вѣдь на лету попадаетъ въ ласточку.

— Однако, пора намъ и къ каравану, — замѣтилъ Церетели,—а то царица будетъ безпокоиться.

Всѣ снова сѣли на лошадей и отправились въ обратный путь. Клодтъ ѣхалъ рядомъ съ Геоухеръ и царевичемъ Иракліемъ.

— Вы когда же, принцесса, думаете выѣхать отсюда домой?—спросилъ Клодтъ.

— Завтра же, конечно,—задумчиво отвѣчала Геоухеръ.— До Мцхета я попрежнему ѣду съ царицей, а тамъ ужъ одна.

— А вы гдѣ постоянно живете?—продолжалъ спрашивать Клодтъ.

— Въ Шушѣ... Я тамъ и родилась.

— Большой онъ городъ? Красивый?

— Меньше Тифлиса, но онъ мнѣ нравится.

— А Петербургъ больше Тифлиса?—спросилъ Ираклій.

— Пять или больше Тифлисовъ помѣстятся въ одномъ Петербургѣ,—улыбнулся Клодтъ.

— Не можетъ быть! Пять Тифлисовъ!—вскричалъ озадаченный царевичъ.

— Да, пять; а вашъ Кутаисъ весь помѣстится въ одномъ Зимнемъ Дворцѣ,—продолжалъ улыбаться Клодтъ

— Въ одномъ дворцѣ цѣлый городъ Что же это за дворецъ?

— Дворецъ, въ которомъ живетъ нашъ императоръ, государь Александръ Павловичъ.

— И онъ одинъ занимаетъ весь дворецъ?

— Одинъ съ семействомъ; но у него и еще есть дворцы, много дворцовъ: въ Москвѣ, въ Царскомъ Селѣ, въ Петергофѣ, въ Гатчинѣ.

Слушатели были поражены тѣмъ, что имъ пришлось услышать въ первый разъ въ жизни.

Уже костры зажигались, когда наши бѣглецы воротились къ каравану. Царица Марія и старая няня карабагской княжны, узнавъ о приключеніи съ Клодтомъ, стали журить Геоухеръ за ея выходку, говорили, что могли и въ нее выстрѣлить.

— Нѣтъ, онъ стрѣлялъ не въ меня, а въ русскаго,—оправдывалась шалунья, гладя шею своего коня.—Стыдно, стыдно, мой Рустемъ: тебя догналъ русскій,—говорила она.

Дареджана, видимо, дулась на свою пріятельницу. Она не могла ей простить, что князь Церетели поскакалъ за нею. Ревность незамѣтно начала прокрадываться въ ея юное сердце.

Досталось и Клодту отъ его стараго дядьки.

— Буду жаловаться барину и попрошу, чтобы меня отпустили въ Питеръ,—ворчалъ онъ, подавая ему бурку.—За вами не углядишь, а за все я отвѣчай передъ ихъ превосходительствомъ, госпожей генеральшей.

— Ну, полно, старина,—успокаивалъ его молодой баринъ,—ты ни въ чемъ не виноватъ, я уже не маленькій.

— А хуже маленькаго... Хорошо еще, что только ручку прострѣлилъ проклятый, а кабы въ головку...

— Ну, ну! Будетъ тебѣ ныть; готовь-ка мнѣ лучше ужинъ, да вели денщику получше выводить «Бонапарта», да потомъ, чтобы попоной укрылъ его.

Между тѣмъ старая няня Геоухеръ таинственно сообщала своей питомицѣ о томъ, что дѣлается у нихъ въ Карабагѣ.

— О, бегюмъ, бегюмъ!—шептала старуха.—Намъ надо спѣшить домой... Тамъ у насъ большое дѣло затѣяно, большое!

— Что же такое, няня?—спрашивала встревоженная Геоухеръ.

— О, Аллахъ керимъ! Аллахъ акберъ! Наши не хотятъ быть подъ русскими... О, большое дѣло!

— Какъ не хотятъ быть подъ русскими?

— Не хотятъ, бегюмъ... Урусъ одной вѣры, а мы другой вѣры... Такъ наши всѣ сговорились: и Сурхай-ханъ, и Селимъ-ханъ, и Шихъ-Али-ханъ, и Мустафа-ханъ.

— Это шемахинскій?

— Да, да, бегюмъ... Вся паша вѣра заодно, и шахъ персидскій заодно, и Аббасъ-Мирза заодно. Гонцы такъ и летаютъ къ намъ въ Шушу и изъ казыкумыхскаго ханства, и изъ шекинскаго, и изъ дербентскаго, и изъ шемахинскаго.

— А русскіе, няня? Они что?

— А русскіе ничего не знаютъ: Аллахъ наслалъ слѣпоту на уруса, урусъ ѣстъ баранину и спитъ... Онъ теперь не страшный: у уруса голову отрѣзали и послали къ Баба-хану.

— Это у Цицiана отрѣзали голову? Да, мнѣ говорили объ этомъ.

— Да, бегюмъ... Это большой урусъ, сильный, а теперь остались все маленькіе: наши и прогоняютъ ихъ домой, въ снѣжное ихъ царство.

— Нѣтъ, няня, намъ говорили, что къ нимъ, къ русскимъ, ѣдетъ другой большой генералъ, еще больше Цицiана.

— Не можетъ быть! Больше того, что голову отрѣзали, нѣтъ другого на свѣтѣ, золотая моя бегюмъ... У него, говорятъ, такая была большая голова, что во лбу было семь четвертей.

— Что ты вздоръ говоришь, няня!—засмѣялась Геоухеръ

— Не вздоръ, бегюмъ, жемчужина Востока! Не вздоръ! Мнѣ одинъ старый солдатъ говорилъ, а старые люди не лгутъ; такъ и сказалъ: «У него,—говоритъ,—семь четвертей во лбу!»

XIV. «Бѣдная Лейла!..»

Старая няня карабагской княжны говорила правду. Ибраимъ-ханъ и его приближенные ничего не скрывали отъ вѣрной, преданной старухи, хорошо зная, что ей можно довѣрить всякую тайну.

Какъ только разнеслось по Закавказью вѣсть о трагической

смерти князя Цициапова, о которомъ полудикіе горцы въ самомъ дѣлѣ думали, что у него «семь пядей во лбу», а голова его цѣнилась на вѣсъ золота, то Соломонъ II тотчасъ же подослалъ къ Ибраимъ-хану вѣрнаго человѣка вывѣдать, что онъ теперь думаетъ предпринять.

— У гяуровъ пѣтъ теперь головы, а остались однѣ только ноги, — сказалъ владѣлецъ Карабага посланцу Соломона.—А ноги мы перешибемъ, то-то будетъ кормъ нашимъ орламъ! Орлята уже летаютъ ко мнѣ изъ Нухи, изъ гнѣзда хана текинскаго, Селимъ-хана, изъ Шемахи, изъ высокаго гнѣзда Мустафы-хана, изъ Дербента—изъ гнѣзда Шихъ-Али-хана и изъ гнѣзда Сурхай-хана казы-кумухскаго. Скажи царю, что мы своими крыльями заслонимъ свѣтъ солнца, отъ полета нашего вихри встанутъ, а клекотъ нашихъ орловъ уподобится громамъ Аллаха. Только пусть царь скорѣе возвратитъ мнѣ благоухающую розу Карабага.

— Какую розу, ваше высокостепенство? — спросилъ посланецъ.

— Зѣницу моего ока, дочь мою Геоухеръ

Всѣ эти союзники, признавшіе надъ собою власть Россіи, теперь условились сбросить эту власть и коварно истребить всѣ русскія войска, размѣщенныя въ разныхъ мѣстахъ ихъ владѣній.

— Левъ Ирана уже рычитъ на гяуровъ,—прибавилъ Ибраимъ-ханъ,—за насъ средоточіе вселенной и убѣжище мира (такъ высокомѣрно называлъ себя Баба-ханъ, повелитель Персіи).—Иди и скажи это твоему царю,—заключилъ самоувѣренно отецъ Геоухеръ.

Противъ русскихъ долженъ былъ начать свои предательскія операціи Сурхай-ханъ казыкумухскій, къ которому изъ Дагестана лезгины перебирались толпами.

— А моя правая рука, Селимъ-ханъ, закроетъ глаза и уши гяурамъ, — продолжалъ развивать условный планъ Ибраимъ-ханъ.—У него теперь кормятся семьсотъ лезгинъ, а сто изъ нихъ—его цѣпныя собаки; онѣ рычатъ въ воротахъ его крѣпости. Гяуры не любятъ этихъ собакъ, и Селимъ-ханъ, чтобы закрыть глаза гяурамъ, спустилъ съ цѣпи собакъ, а вмѣсто собакъ поставилъ у воротъ крѣпости зайцевъ... Ихъ гяуры не боятся.

— Кто же эти зайцы, ваше высокостепенство?—спросилъ послапецъ.

— Армяне, такіе же гяуры.

Разговоръ этотъ происходилъ въ Шушѣ, во дворцѣ хана. Отпустивъ посланца царя Соломона, Ибраимъ-ханъ пошелъ на половину своей жены, Роксанда-бегюмъ. Это была женщина лѣтъ сорока пяти, сухая, морщинистая, но съ глазами, пламенный блескъ которыхъ показывалъ, что только отъ такихъ глазъ и могла получить въ наслѣдство свои чудные глаза Геоухеръ. Роксанда-бегюмъ была окружена рабынями, которыя были заняты разнообразными женскими работами; пряли шерсть, вязали, вышивали золотомъ и шемахинскими шелками. По знаку хана, всѣ рабыни удалились, не смѣя взглянуть въ глаза повелителя.

— Я пришелъ къ тебѣ съ такими вѣстями, которыя Аллахъ посылаетъ на землю съ своими ангелами,—сказалъ онъ, садясь на низенькомъ оттоманѣ съ такою легкостью, какъ если бы ему было двадцать лѣтъ, между тѣмъ какъ ему уже исполнилось восемьдесятъ.

— Какія вѣсти? — спросила Роксанда-бегюмъ, радостно сверкнувъ глазами.

— У насъ въ Карабагѣ встаютъ разомъ два солнца,—туманно и вычурно, по-восточному, отвѣчалъ ханъ.

— Я не знаю другого солнца, — возразила на это Роксанда, — мое солнце, солнце Карабага, это мой повелитель, Ибраимъ-ханъ, звѣзды это мои сыновья и дочери.

— Такъ,—улыбнулся ханъ;—но встаютъ два солнца ярче твоего солнца.

— Мои уши слышатъ твои слова, но не передаютъ ихъ моему слабому разуму,—смущенно сказала Роксанда

— Новыя солнца, которыя будутъ свѣтить дальше Карабага, на весь Иранъ, на всѣ владѣнія льва и солнца, это Геоухеръ и Лейла.

— Геоухеръ и Лейла, моя маленькая Лейла!—проговорила она въ смущеніи.—Я не понимаю моего господина.

— Открой же уши твои и сердце твое и внимай, — торжественно проговорилъ ханъ,—средоточіе вселенной и убѣжище мира, царь царей, всемогущій повелитель Ирана, милостивый Баба-ханъ беретъ Геоухеръ и Лейлу въ жены своимъ сыновьямъ!

Роксанда-бегюмъ выпрямилась, словно бы по ней прошелъ электрическій токъ. Материнская гордость освѣтила все ея лицо и изъ глазъ извлекла молніи.

— Моя маленькая Лейла! Моя Геоухеръ! О, Аллахъ-керимъ!

Она больше не могла говорить, такъ поразила ее эта вѣсть.

— Да, наша прелестная ласточка Геоухеръ и моя горная козочка, маленькая Лейла, вознесутъ нашъ Карабагъ на вершину славы, — гордо воскликнулъ Ибрамъ-ханъ, поглаживая свою серебряную бороду.

— Но какъ же это такъ сдѣлалось? — недоумѣвала Роксанда-бегюмъ.—Мой господинъ ничего не говорилъ объ этомъ раньше.

— Пока лучи солнца не освѣщаютъ вершины горъ, тогда не говорятъ, что солнце встаетъ,—отвѣчалъ ханъ;—но когда лицо его глянетъ въ лицо человѣка, тогда говорятъ: солнце встало. Наши два солнца глянули въ лицо мое только нынѣшнею ночью, когда ты спала.

— Какъ? Ночью?

— Да. Подъ покровомъ этой ночи воротился изъ Тавриза Нукъ-Магометъ.

— Нукъ-Магометъ? А я думала, что мой господинъ послалъ его въ Тифлисъ, къ русскимъ.

— Да, онъ и поѣхалъ по той дорогѣ, чтобы отвести глаза гяурамъ, и очутился въ странѣ льва и солнца.

— Я теперь догадываюсь,—въ раздумьѣ проговорила Роксанда.—Ну, и что же?

— Нукъ-Магометъ привезъ нынче ночью ярлыкъ отъ непобѣдимаго Баба-хана: повелитель Ирана высылаетъ къ намъ свое войско съ Аббасъ-Мирзою, сто двадцать тысячъ рублей тегеранской монетой и проситъ въ замужество...

— Проситъ!.. Повелитель Ирана проситъ своихъ рабовъ!..

— Да, проситъ нашу ласточку и нашу козочку въ свой пресвѣтлый дворецъ.

— Да откуда онъ узналъ, что онѣ у насъ такія красавицы?—удивилась Роксанда.

— Да, хвала Аллаху!—сказалъ въ раздумьи ханъ.—Мудрый говоритъ: смертный не знаетъ, гдѣ найдетъ, гдѣ потеряетъ.

Одинъ Аллахъ все вѣдаетъ... Я и самъ сначала удивился: откуда, думаю, повелитель Ирана могъ узнать о красотѣ нашихъ дочерей; такъ Нукъ-Магометъ объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Въ чемъ же, мой господинъ?

— А вотъ въ чемъ, звѣзда моей молодости, теперь, увы! утѣха моей старости... Ты помнишь того святого мужа, который былъ въ Меккѣ и гостилъ у насъ въ прошломъ году?

— Это дервишъ? Какъ не помнить! Онъ еще говорилъ, что видѣлъ ту гору, которая не хотѣла подойти къ Магомету, и пророкъ самъ подошелъ къ ней.

— Да, тотъ самый, хаджа Эйюбъ.

— Какъ же!—заторопилась Роксанда.—Онъ еще говорилъ, что даже въ садахъ Гюлистана не видалъ такихъ розъ, какія цвѣтутъ въ нашемъ саду.

— Это о Геоухеръ и Лейлѣ?

— Да... Онъ ихъ назвалъ жемчужинами Востока.

— Ну, такъ этотъ самый мудрецъ, хаджа Эйюбъ, правый глазъ повелителя Ирана: онъ по всему свѣту высматриваетъ красавицъ для гарема Баба-хана. Онъ и сказалъ царю царей: въ раю Магомета ждутъ тебя и твоихъ сыновей прекраснѣйшій изъ всѣхъ гурій. Но хочешь ли ты имѣть гурій на землѣ?—Хочу,—отвѣчалъ ему царь царей.—Такъ ты найдешь ихъ въ Карабагѣ,—говоритъ хаджа Эйюбъ.—У кого?—У Ибраимъ-хана: я, говоритъ, исходилъ всю вселенную, былъ и въ Меккѣ, и въ Мединѣ, видѣлъ священную Каабу, былъ и въ Іерусалимѣ, молился въ мечети Омара у того самаго камня, съ котораго Магометъ вознесся на небо и на которомъ, прежде, Авраамъ хотѣлъ принести въ жертву Аллаху своего сына Исаака; былъ я,—говоритъ,—и въ Египтѣ, въ Каирѣ, молился въ священномъ храмѣ Эль-Азхеръ, и въ мечети Гассана; былъ, — говоритъ, — и въ Стамбулѣ, молился въ Ай-Софіи; я видѣлъ,—говоритъ,—всѣхъ красавицъ земли, но нѣтъ другихъ красавицъ подъ лунною, подобныхъ юнымъ гуріямъ Ибраимъ-хана... И повелитель Ирана теперь спитъ и видитъ нашу Геоухеръ и нашу маленькую Лейлу. Это самъ хаджа-Эйюбъ говорилъ Нукъ-Магомету *).

---

*) Это историческій фактъ, что Баба-ханъ намѣревался женить двухъ сыновей на дочеряхъ Ибраимъ-хана. Третья его дочь, старшая, въ то время была уже въ замужествѣ за Селимъ-ханомъ шушинскимъ.

Роксанда, казалось, не могла прійти въ себя отъ изумленія и подавляющей радости. Какъ! Породниться съ самимъ шахомъ! Да это неслыханная честь!

— Что жъ ея такъ долго нѣтъ!—произнесла она тономъ досады и нетерпѣнія.

— Кого нѣтъ?

— Геоухеръ... Она все у царицы Имеретіи.

— Она скоро должна быть здѣсь: Я давно послалъ за нею въ Пятигорскъ.

— А если она проѣдетъ опять въ Имеретію?

— Все равно: я сейчасъ сказалъ посланцу царя Соломона, что жду ее, чтобы ея не задерживали.

Въ это время къ нимъ вихремъ влетѣла дѣвочка лѣтъ тринадцати, прелестное смугленькое созданіе. Малиновая бархатная курточка вся была расшита золотою битью; широкія блѣдно-розовыя шальвары красивыми складками спускались къ ея маленькимъ ножкамъ, обутымъ въ желтые съ тисненымъ золотомъ ичиги; за золотистымъ, съ серебрянымъ подъ чернетью наборомъ, поясомъ торчалъ маленькій изящной работы кинжалъ; на черной головкѣ ея надѣта была шапочка, усыпанная бирюзой, а изъ-подъ нея спадали на плечи и спину нѣсколько мелко заплетенныхъ косъ.

Влетѣвъ вихремъ, дѣвочка на секунду было остановилась.

— А! Вотъ онъ гдѣ! А я его ищу!—запыхавшимся голосомъ проговорила дѣвочка.

Это и была «козочка» Лейла. Она бросилась къ отцу, который глядѣлъ на нее съ восторгомъ.

— Иди, иди сейчасъ за мной!—капризно говорила дѣвочка, хватая отца за руку.

— Куда это, ураганъ?—спросила Роксанда, невольно улыбаясь и любуясь рѣзвушкой.

— Это не твое, не женское дѣло,—отрѣзала шалунья.

— Какъ не женское! А ты сама развѣ не женщина?

— Нѣтъ, я дѣвочка!

— Но тебѣ ужъ пора замужъ,—улыбнулся Ибраимъ-ханъ.

— Замужъ?.. Да я мужу глаза выцарапаю!

— Вотъ тебѣ на!—разсмѣялся ханъ.

— О, Аллахъ!—всплеснула руками Роксанда.

Лейла вскочила отцу на колѣни, одною рукой обхватила его воловью шею, а другою теребила за бороду.

— Да иди же, мой старичокъ, иди скорѣй!—говорила она, подобно змѣенышу извиваясь въ объятіяхъ стараго хана.—Иди, моя серебряная куколка!

— Да куда? Зачѣмъ?

— Я велѣла осѣдлать себѣ «Молнію», а «Тигра» свнуху, чтобы онъ ѣхалъ со мной, а онъ не хочетъ,—говорила баловпая дочь хана.

— Что такъ? Почему не хочетъ свнухъ?—улыбался старикъ.

— Да я, говоритъ, съ такой сорви-головой ни за что не поѣду.

И мать, и отецъ расхохотались.

— О, Аллахъ!—проговорила Роксанда. — Истинно сорви-голова.

А сама думала: «И какъ такое ртутное существо удержать въ гаремѣ? Какъ усмиритъ этого тигренка даже самъ Баба-ханъ?»

— Ну, иди же, иди!—не унималась Лейла.

— Да куда ты, дурочка, задумала ѣхать?—спросилъ Ибраимъ-ханъ, играя косами дочери.

— Какъ куда? Встрѣчать Геоухеръ.

— Какъ Геоухеръ?—воскликнули разомъ и Ибраимъ-ханъ, и Роксанда.

Ханъ даже вскочилъ съ оттомана и выпрямился во весь свой громадный ростъ, а Лейла продолжала висѣть у него на шеѣ, почти на аршинъ не доставая своими желтыми ножками до полу.

— Что ты говоришь?.. Гдѣ Геоухеръ? — спрашиваетъ ханъ.

Лейла звонко расхохоталась.

— Ахъ ты, мой старичокъ! Мой сѣденькій Араратъ!—смѣялась она.—Геоухеръ прислала гонца, что она скоро будетъ, а онъ тутъ сидитъ и не знаетъ, что у него дѣлается подъ носомъ... А еще ханъ!

Ибраимъ сдѣлалъ усиліе, и точно стряхнулъ съ себя шалунью дочь, которая съ него, точно съ колокольни, спрыгнула на полъ.

— Ну, иди же! Бѣги скорѣй! — не унималась Лейла.—Бѣги со мной.

— Да не могу же я бѣгать, какъ ты, коза!—отбивался отъ нея ханъ.

А между тѣмъ самъ спѣшилъ за дочерью.

«И что за огонь дѣвочка! Сущій ураганъ»,—шептала Роксанда, глядя вслѣдъ убѣгавшей Лейлы.—«И такую-то ртуть, да въ гаремъ, подъ десять замковъ!»

На дворѣ конюхи-нукеры уже держали подъ уздцы двухъ осѣдланныхъ красавцевъ, рыжую съ золотымъ отливомъ «Молнію» и караковаго «Тигра». Тутъ же стояла взмыленная лошадь гонца, который прискакалъ впередъ, чтобы извѣстить о скоромъ прибытіи Гсоухеръ.

— Далеко ты оставилъ бегюмъ?—спросилъ гонца Ибраимъ-ханъ.

— Въ двухъ агачахъ *) отъ Шуши, господинъ,—отвѣчалъ гонецъ.

— А здорова она?

— Благодареніе Аллаху, здорова и весела, какъ рыбка въ Араксѣ.

Ханъ обратился къ стоявшему тутъ же старому евнуху его гарема.

— Такъ ты не ѣдешь съ бегюмъ?—съ улыбкой спросилъ ханъ, зная упрямство своего вѣрнаго пса, берегущаго его красавицъ.

— Не ѣду, господинъ,—угрюмо отвѣчалъ евнухъ,—Аллахъ ошибкой вложилъ душу делибаша въ женское тѣло бегюмъ, и горе тому евнуху, которому суждено будетъ смотрѣть за гаремомъ мужа бегюмъ.

— У меня не будетъ мужа!—топнула ножкой Лейла.—Ни одинъ мужъ не догонитъ меня на моей «Молніи», я отъ всѣхъ ускачу.

Ханъ разсмѣялся.

— Ну, такъ я ѣду съ тобой,—сказалъ онъ.

Лейла была уже на сѣдлѣ. За нею вскочилъ на «Тигра» и старый ханъ, и оба весело пустились въ путь.

Но никто не зналъ, какая ждетъ ихъ трагическая участь... Бѣдная Лейла!..

---

*) Агачъ—это почти семь верстъ.

XV. Передъ катастрофой.

Возвращеніе Геоухеръ въ Шушу отпраздновано было шумнымъ торжествомъ. Отецъ и мать видѣли въ ней уже невѣсту, быть можетъ, будущаго повелителя Персіи и относились къ ней, какъ и къ неугомонной Лейлѣ, съ особенною нѣжностью. Однако, дѣвушкамъ не говорили, какое высокое назначеніе ждетъ ихъ. Сама же Геоухеръ тайно вспоминала и переживала свое романтическое знакомство съ бѣлокурымъ русскимъ офицеромъ, бѣшеную скачку въ горахъ Кавказа, у поста Коби, когда этотъ бѣлокурый демонъ нашептывалъ ей такія упоительныя слова, отъ которыхъ она готова была упасть въ обморокъ, но которыхъ, къ сожалѣнію, послѣ онъ уже не смѣлъ повторить, хотя она и ждала ихъ страстно, но съ боязнью и трепетомъ. Она съ любовью вспоминала, какъ онъ, когда его раненая рука нѣсколько зажила, постоянно носилъ на своей фуражкѣ ея чадру, служившую прежде перевязью для раненой руки, и иногда украдкой подмѣчала, что онъ цѣлуетъ эту чадру и прижимаетъ къ своему сердцу. Она вспоминала, съ какою болью въ сердцѣ она оставляла Тифлисъ, гдѣ остался ея бѣлокурый демонъ, хотя онъ и говорилъ, что непремѣнно выхлопочетъ себѣ позволеніе перейти на службу въ тотъ отрядъ, который расположенъ въ Шушѣ. О Дареджанѣ и ея братѣ Константинѣ она теперь—увы!—почти совсѣмъ уже не вспоминала, вѣрная своимъ мимолетнымъ, непрочнымъ увлеченіямъ: что послѣднее на нее воздѣйствовало, тому она и отдавалась со всею страстностью своего азіатскаго темперамента.

Ни матери, ни сестрѣ она не сказала о своемъ знакомствѣ съ русскимъ офицеромъ, хотя и представлялся къ тому случай.

Вскорѣ послѣ ея пріѣзда въ Шушу, Лейла, копаясь въ шкатулкѣ сестры, въ которой Геоухеръ держала свои драгоцѣнности и украшенія, нашла въ одномъ футлярѣ вмѣстѣ съ жемчужнымъ ожерельемъ какой-то засохшій красный цвѣтокъ.

— Что это за цвѣтокъ, Геоухеръ?—спросила неугомонная сорви-голова.

— Это на память о Дареджанѣ,—отвѣчала Геоухеръ, вся вспыхнувъ.

— Отчего-жъ ты такъ покраснѣла?—поймала ее Лейла.

— Такъ... Ну, вспомнила Дареджану... Мнѣ жарко... Оттого и покраснѣла,—путалась и заикалась красавица.

Но Лейлу не такъ-то легко было сбить съ позиціи.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, гдѣ достала этотъ цвѣтокъ?—приставала она.

— Гдѣ достала... Ну, тамъ, на скалѣ...

— На какой скалѣ?

— Тамъ... У Терека... За Дарьяломъ...

— Ты сама достала его или Дареджана?

— Нѣтъ... Цвѣты очень высоко росли... Мы съ Дареджаной не могли достать ихъ...

— Кто-же досталъ?

— Ну... одинъ, тамъ, человѣкъ...

— Какой человѣкъ?

— Ну, одинъ русскій офицеръ...

Лейла сдѣлала большіе глаза: «Русскій офицеръ!»

— Да... онъ сорвалъ цвѣты для Дареджаны, а она и мнѣ дала на память.

— А какъ зовутъ этого офицера?

— Не помню.

Но нѣтъ шпіоновъ, болѣе ловкихъ, какъ двѣнадцати-тринадцатилѣтнія дѣвчонки. Лейла долго и пытливо вглядывалась въ сестру, особенно когда та задумывалась и не замѣчала ея шпіонства. А потомъ она нашла болѣе вѣрный путь къ раскрытію тайны старшей сестры. Она стала увиваться, точно котенокъ, около старой няни, ѣздившей за Геоухеръ, разспрашивала ее о дорогѣ, о томъ, что онѣ дорогой дѣлали, что видѣли, кто съ ними ѣхалъ и какія приключенія были съ нимъ въ дорогѣ. Старуха растаяла и все выложила передъ шпіономъ въ блѣдно-розовыхъ шальварахъ, и о томъ, какъ Геоухеръ обрадовалась Рустему, какъ скакала на немъ по дорогѣ въ горы, какъ поскакалъ за нею урусъ-офицеръ, какъ за ними погнались князь Церетели и царевичи, и о томъ, какъ кто-то выстрѣлилъ въ урусъ-офицера и ранилъ его, какъ ему перевязывали рану чадрою Геоухеръ, потому что тамъ, въ горахъ, не случилось другой перевязки.

Только этого и нужно было юному шпіону.

Съ самымъ скромнымъ видомъ плутовка явилась къ сестрѣ.

— А скажи, милая Геоухеръ, — ласково заговорила она, играя съ кошкой,—гдѣ у тебя та хорошенькая чадра, на которой вышито изреченіе изъ Корана?

— Не знаю, милая Лейла,—отвѣчала Геоухеръ, опять вспы-

хивая,—должно быть, или забыла въ Кисловодскѣ, когда укладывались въ дорогу, или въ пути потеряла.

— А тебѣ, вѣрно, опять жарко? — лукаво спросилъ маленькій шпіонъ.

— А что, милая?

— Ты опять покраснѣла.

И плутовка бросилась обнимать и цѣловать сестру.

— Ахъ, ты, хитрая! Хитрая! А я все знаю, все, все!.. А скажи, какъ ранили въ горахъ этого офицера, какъ ты своей чадрой перевязывала его рану, какъ онъ цѣловалъ тебя...

— Цѣловалъ!—вскрикнула Геоухеръ, отталкивая сестру.— Неправда! Неправда!.. Ты гадкая дѣвочка!

Но сестры скоро помирились. Занятыя своими личными, маленькими интересами, онѣ не замѣчали, что вокругъ совершалось что-то очень серьезное.

По случаю наступившихъ знойныхъ дней, дворъ хана оставилъ душный городъ и перебрался на лѣтнее помѣщеніе, въ окружавшіе крѣпость ханскіе сады. Тамъ разбито было нѣсколько палатокъ, въ которыхъ и размѣстились семья хана и весь его дворъ съ вооруженною стражей. Климатическія условія Карабага таковы, что, по случаю лѣтнихъ жаровъ, все населеніе его вело почти кочевую жизнь: на лѣтніе мѣсяцы иные изъ обитателей Карабага, болѣе зажиточные, перебирались въ свои сады, гдѣ и жили въ палаткахъ, а прочіе уходили со своимъ скотомъ въ горы, въ возвышенныя и прохладныя мѣста, гдѣ также разбивали свои шатры около горныхъ ручьевъ и рѣчекъ и вели совершенно первобытную, чисто-райскую жизнь среди роскошной природы.

Ибраимъ-ханъ былъ правъ, сказавъ своей женѣ, что Баба-ханъ высылаетъ въ помощь ему свои войска. Дѣйствительно, наслѣдникъ персидскаго престола или «шахъ-задэ», Аббасъ-Мирза, давно уже выступилъ съ двадцатитысячною арміею и расположился временно между Эриванью и озеромъ Гокчею. Одинъ отрядъ онъ выслалъ впередъ, приказавъ ему расположиться въ шести агачахъ отъ Шуши, и извѣстилъ о томъ своего будущаго тестя, Ибраимъ-хана. Тогда ханъ, расположившись, какъ сказано выше, въ своихъ садахъ, приказалъ своему конвою, состоявшему изъ пятисотъ воиновъ, укрѣпить свой лагерь самымъ тщательнымъ образомъ.

Провѣдавъ объ этомъ, маіоръ Лисаневичъ, командовавшій расположеннымъ около Шуши и въ самой ея крѣпости русскимъ отрядомъ, отправилъ къ хану офицера съ требованіемъ, чтобы онъ возвратился въ Шушу.

Тутъ только старый ханъ открылъ свои карты.

— Какъ смѣетъ маіоръ присылать ко мнѣ съ такими требованіями!—крикнулъ онъ на офицера.

— Но я только исполняю приказаніе своего начальника,— отвѣчалъ офицеръ, почтительно кланяясь.

— А ты знаешь, кто я?—гордо спросилъ ханъ.

— Вы Ибраимъ-ханъ,—былъ скромный отвѣтъ.

— Я генералъ-лейтенантъ русской службы, а какой-нибудь маіоръ смѣетъ присылать ко мнѣ съ приказаніями!—загремѣлъ во весь голосъ старый ханъ.

— Но я только исполняю приказаніе своего начальника,— оправдывался офицеръ.

— Своего начальника! Я твой начальникъ! Я начальникъ твоего начальника! Я здѣсь одинъ начальникъ, начальникъ надъ всѣмъ, и нѣтъ надо мною начальника! Я ханъ и повелитель Карабага!

Офицеръ молчалъ, видя негодующаго старика.

— Поди и скажи твоему маіору, что я не признаю надъ собой никакой другой власти, кромѣ власти персидскаго шаха!— закончилъ свою рѣчь Ибраимъ-ханъ.

Офицеръ вѣжливо откланялся, вышелъ изъ палатки и сѣлъ на своего коня, котораго держалъ въ поводу донской казакъ, пріѣзжавшій вмѣстѣ съ офицеромъ въ ставку хана.

Проѣзжая садомъ къ выходу изъ ханской ставки, онъ увидѣлъ, недалеко отъ богатаго пестраго шатра, подъ огромнымъ развѣсистымъ дубомъ качели, и на нихъ двухъ дѣвушекъ въ восточномъ одѣяніи. Это были Геоухеръ и Лейла, сидѣвшія на качеляхъ спиною къ офицеру, который зорко въ нихъ вглядывался... Вдругъ краска залила его бѣлое, хотя загорѣлое лицо.

Топотъ лошадей заставилъ Лейлу оглянуться.

— Смотри, милочка, русскіе ѣдутъ,—тихо сказала она.

Геоухеръ оглянулась, и крикъ не то испуга, не то радости вырвался изъ ея груди.

— Ты чего испугалась, милочка?—схватила Лейла сестру за руку.

— Я такъ... я ничего...—неожиданно бормотала растерявшаяся дѣвушка.

Офицеръ почтительно снялъ фуражку и хотѣлъ, повидимому, остановиться и сойти съ лошади, но въ это время изъ пестраго шатра показалась Роксанда.

— Дѣти! Что вы тамъ дѣлаете?—спросила она.

— Ничего, мама, мы качались на качеляхъ,—отозвалась Лейла.

Офицеръ поѣхалъ дальше, но долго оглядывался. Хитрая Лейла поняла все.

— У него на фуражкѣ твоя чадра, — шепотомъ сказала она,—я ее узнала... Такъ это онъ?

— Онъ,—также шепотомъ отвѣчала Геоухеръ.

— Какъ же онъ попалъ сюда?

— Не знаю,—отвѣчала автоматически Геоухеръ.

— Онъ къ отцу пріѣзжалъ, зачѣмъ?—не унималась Лейла.

— Я ничего не знаю!—чуть не со слезами отвѣчала Геоухеръ.

Пріѣзжавшій въ ставку Ибраимъ-хана офицеръ былъ, дѣйствительно, нашъ знакомый, баронъ Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ, который, по усиленной его просьбѣ, былъ прикомандированъ къ отряду Лисаневича. Онъ прибылъ въ отрядъ нѣсколько дней тому назадъ, и сегодня выпросилъ себѣ у Лисаневича порученіе, съ которымъ и являлся къ хану такъ неудачно. Тайнымъ желаніемъ его было увидѣть свое божество, и онъ его увидѣлъ.

Возвратившись къ Лисаневичу, Клодтъ доложилъ о неудачѣ своей миссіи. Лисаневичъ видѣлъ, что дѣла принимаютъ опасное положеніе. Его отрядъ былъ ничтоженъ, а Аббасъ-Мирза съ персидскимъ войскомъ могъ въ два перехода очутиться подъ стѣнами Шуши. Приходилось дѣйствовать энергичнѣе.

Въ Шушѣ въ это время находились подъ командою Лисаневича одинъ изъ сыновей Ибраимъ-хана, Мехти-ага, и внукъ Джафаръ-Кули-бекъ, сынъ умершаго наслѣдника карабагскаго ханства. Лисаневичъ рѣшилъ ихъ отправить уговаривать хана прекратить сношенія съ персіянами, возвратиться съ семействомъ въ городъ и призвать всѣхъ своихъ подданныхъ къ оружію для отраженія непріятеля.

Посланные прибыли въ ставку Ибраимъ-хана въ то время, когда онъ диктовалъ Нукъ-Магомету, наиболѣе довѣренному ему

лицу, приказъ своимъ подданнымъ, чтобы они уходили въ горы для соединенія тамъ съ персидскими войсками.

— Это не дѣло ты затѣялъ, дѣдъ,—почтительно замѣтилъ ему Джафаръ-Кули-бекъ.

— Стрѣла выпущена изъ лука, теперь ея не поймаешь,—спокойно отвѣчалъ ханъ,—будетъ ужъ гяурамъ помыкать нами.

— Одумайся, дѣдъ! Пусть стрѣла улетѣла, а у тебя остался лукъ и колчанъ со стрѣлами,—иносказательно же возразилъ Джафаръ-Кули-бекъ.—Отецъ моего отца! Не становись на мозоль нукерамъ Бѣлаго царя: у него, говорятъ, столько войска, сколько рыбы въ морѣ. Онъ одною рукой поражаетъ падишаха, а другою шаха; тебя же онъ раздавитъ, какъ давитъ твой палецъ комара.

— Что ты мнѣ говоришь!—съ сердцемъ воскликнулъ ханъ.—Бѣлый царь сто лѣтъ воюетъ и съ шахомъ, и съ падишахомъ, а до сихъ поръ они сидятъ на своемъ тронѣ.

— Но, дѣдъ...

— Молчи!—перебилъ его Ибраимъ.—Ты еще мальчишка, тебѣ только восемнадцать лѣтъ, и волосъ мужа еще не пробивался на твоемъ подбородкѣ. Ты сынъ моего сына-первенца, да блаженствуетъ онъ въ раю пророка и да усладятъ свѣтлоокія гуріи его пребываніе тамъ! Ты, по закону отцовъ нашихъ, наслѣдуешь Карабагъ послѣ моей смерти. И какъ же ты хочешь быть рабомъ гяуровъ, когда даже вотъ онъ (ханъ указалъ на своего сына Мехти-агу) твой будущій подданный, какъ я вижу по его глазамъ, не хочетъ подставлять свою шею подъ ярмо пришельцевъ!

Мехти-ага, хитрый азіятъ, все время молчалъ, когда горячился его племянникъ, Джафаръ-Кули-бекъ, съ юношескимъ пыломъ отстаивая права русскихъ, сила которыхъ, видимо, обаятельно дѣйствовала на юнаго дикаря. Мехти-ага такъ же дорожилъ словами, какъ и звонкими туманами и русскими червонцами, до которыхъ онъ былъ большой «любовникъ», какъ онъ самъ выражался, не всегда правильно употребляя русскія слова.

— Лучше, дѣдъ, ѣсть горячій шашлыкъ съ вилки, какъ это дѣлаютъ русскіе, чѣмъ обжигать себѣ пальцы,—скромно замѣтилъ юноша.

— Ты на что это намекаешь, сынъ моего сына?—спросилъ ханъ, пытливо взглянувъ въ глаза внука.

— Я говорю о персіянахъ, что ѣдятъ шашлыкъ безъ вилки, какъ и мы, и только обжигаютъ себѣ пальцы, какъ обжигаемся и мы,—отвѣчалъ Джафаръ-Кули-бекъ.

— Мои уши слышатъ твои слова, но голова ихъ не понимаетъ,—сказалъ старикъ.

— Я говорю о томъ, отецъ моего отца, да веселится онъ въ раю пророка! Что персіяне каждый годъ топчутъ своими набѣгами наши посѣвы и угоняютъ скотъ, и только русскіе не позволяютъ имъ совершенно насъ ограбить,—продолжалъ возражать юноша.

— Русскіе!—снова вспылилъ старикъ.—А сколько они поѣдаютъ у насъ барановъ съ своими вилками! А пятьсотъ халваровъ хлѣба, въ десять пудъ каждый халваръ *), что они истребляютъ ежегодно, развѣ это не грабежъ! А повелитель Ирана обѣщаетъ мнѣ прислать, кромѣ войскъ, сто двадцать тысячъ рублей тегеранскою монетой да еще сдѣлать и меня, и тебя, и всѣхъ насъ своими родственниками.

— Какъ такъ?—изумились разомъ Джафаръ-Кули-бекъ и Мехти-ага.

— А вотъ, читайте!—И Ибраимъ-ханъ развернулъ передъ ними бумагу, привезенную Нукъ-Магометомъ изъ Тавриза отъ Баба-хана.

Молодые люди такъ и впились въ нее глазами. Ханъ смотрѣлъ на нихъ съ улыбкою.

— Какъ! Геоухеръ и Лейлу въ жены повелителей Ирана!—воскликнули они.

Они стояли въ какомъ-то оцѣпенѣніи...

XVI. Катастрофа.

Посольство Джафаръ-Кули-бека и Мехти-ага не привело ни къ чему. Ибраимъ-ханъ остался непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи отдаться подъ покровительство Персіи.

Лисаневичъ первно кусалъ губы, когда Джафаръ-Кули-бекъ и Мехти-ага сообщали ему объ упорствѣ стараго хана. Но они ни словомъ не промолвились о секретномъ ярлыкѣ Баба-хана.

— Хорошо... Спасибо вамъ, князья, за вашу службу: о

*) Извѣстная хлѣбная мѣра.

вашемъ вѣрноподданническомъ усердіи доведено будетъ до свѣдѣнія Государя Императора,—сказалъ онъ, наконецъ,—а мы еще подумаемъ: утро вечера мудренѣе... Теперь же вечеръ, вамъ пора спать... Прощайте, князья.

Джафаръ-Кули-бекъ и Мехти-ага удалились, ничего не подозрѣвая.

— Утро вечера мудренѣе, какъ бы не такъ!—сказалъ Лисаневичъ вошедшему къ нему барону Клодту...—Ждать утра, такъ мы сами можемъ остаться безъ головъ.

— Да, господинъ маіоръ, ханъ что-то затѣваетъ,—замѣтилъ Клодтъ,—я сейчасъ проходилъ садами по направленію къ его ставкѣ, не высмотрю ли чего, такъ отъ самой крѣпости до ханскихъ палатокъ замѣтилъ разставленную въ секретѣ цѣпь часовыхъ изъ ханскихъ татаръ.

«Высматривать» онъ, собственно, ходилъ не часовыхъ, не служба тянула его туда, а онъ мечталъ, не «высмотритъ» ли въ полумракѣ сумерекъ тѣ блѣдно-розовыя шальвары и желтенькія ножки, что мелькали утромъ на качеляхъ... но онъ объяснилъ это служебнымъ усердіемъ.

— Да, намъ ждать нельзя,—рѣшилъ Лисаневичъ,— вотъ что, баронъ: вы велите людямъ зорко присматривать за Джафаръ-Кули-бекомъ и Мехти-агой, чтобы они ночью какъ-нибудь не выскользнули изъ крѣпости, а я отберу сотню наиболѣе ловкихъ егерей, выведу ихъ изъ крѣпости задними воротами, и мы, подъ покровомъ ночи, застукаемъ стараго медвѣдя въ его берлогѣ.

— Какъ, господинъ маіоръ?—удивился и втайнѣ испугался Клодтъ.

— Нечего дѣлать, баронъ, я хочу прибѣгнуть къ послѣдней мѣрѣ...

— Какъ! Къ насилію!

— Да... немножко... чтобы сберечь свои головы, я его просто арестую,—сказалъ Лисаневичъ.

— Надѣюсь, безъ кровопролитія?—съ дрожью въ голосѣ спросилъ Клодтъ.

— Безъ непужнаго кровопролитія; безъ крайней нужды я не выпущу ни одной пули.

— А если?..—Юный баронъ трепеталъ за блѣдно-розовыя

шальвары и за желтенькія ножки.—Вѣдь, тамъ у него жена, дѣти, двѣ невинныя дѣвочки и сынъ юноша.

— Не бойтесь,—успокоилъ его Лисаневичъ,—мы никого не тронемъ; а его возьмемъ сонпаго. Распорядитесь же.

Клодтъ вышелъ съ глухою болью въ сердцѣ. Онъ тотчасъ же направился къ крѣпостнымъ воротамъ и именемъ Лисаневича приказалъ часовымъ никого ни выпускать изъ крѣпости, ни впускать въ нее. Послѣ того онъ взошелъ на крѣпостную стѣну, чтобы взглянуть туда, гдѣ были теперь всѣ его мысли, вся его душа. Съ смутной тревогой онъ посмотрѣлъ туда, на югъ. Кругомъ ночной мракъ, и только тамъ, среди темной зелени ханскихъ садовъ, свѣтились огни въ ставкѣ Ибраима. Надъ нею, въ небѣ, ярко блистала какая-то звѣзда среди безчисленнаго множества другихъ, менѣе яркихъ звѣздъ. Клодтъ не зналъ звѣзднаго неба, въ корпусѣ его «не проходили». Онъ зналъ только нѣкоторыя сѣверныя созвѣздія; но этой звѣзды онъ не зналъ...

— Это ея звѣздочка, такая же яркая, какъ ея глаза, — шепталъ онъ беззвучно.

Гдѣ-то за крѣпостными стѣнами гукала ночная птица, да подчасъ лягушки выкрикивали въ садахъ, около водоемовъ. Въ ставкѣ хана еще не спали: не спала, конечно, и она...

По огнямъ онъ обстоятельно уяснилъ для себя расположеніе ставки, и съ тревогой въ душѣ возвратился къ Лисаневичу. Онъ засталъ его за сборомъ егерей.

— Я съ вами, господинъ маіоръ?—спросилъ онъ.

— Если желаете, я ничего не имѣю противъ.

— Благодарю... Я достаточно ознакомился съ расположеніемъ ставки и могу быть вамъ полезнымъ.

— Тѣмъ лучше, баронъ.

Вскорѣ все было готово, и сотня егерей съ Лисаневичемъ и Клодтомъ тихо выступала изъ крѣпости задними воротами, чтобы обходнымъ движеніемъ, миновавъ ханскихъ часовыхъ, окружить ставку Ибраима.

Отрядъ двигался такъ осторожно, что даже не слышно было людскихъ шаговъ.

Попрежнему гдѣ-то гукала ночная птица, и ей вторила другая, съ крѣпостныхъ стѣнъ. Лягушки заводили свой хоръ и умолкали. Въ воздухѣ неслышно рѣяли летучія мыши. Тамъ, къ

югу, горѣла все та же звѣзда, по временамъ заслоняемая деревьями ханскаго сада. Клодтъ взглядывалъ на нее и продолжалъ двигаться съ отрядомъ, пристально вматриваясь въ огни, мелькавшіе изъ-за кустовъ въ ставкѣ хана. По небу прокатилась падучая звѣздочка и сгасла.

«Чья-то душа отлетѣла»,—подумалъ Клодтъ: онъ еще вѣрилъ этому.

Ставка уже недалеко. Можно издали, при свѣтѣ костровъ, различить силуэты нѣкоторыхъ палатокъ. Тамъ долженъ быть пестрый шатеръ, а около него качели... Клодтъ слышитъ чьи-то шаги и останавливается... Нѣтъ, это стучитъ его собственное сердце... Въ пестромъ шатрѣ нѣтъ огня. Гдѣ же она? Спитъ уже развѣ?

Клодтъ отошелъ нѣсколько отъ отряда и поползъ по направленію къ центральному огню, мигавшему изъ-за кустовъ.

Ближе и ближе. Подъ ногой слабо хрустнула вѣтка сушняка, и онъ остановился. Сердце колотится усиленно. Онъ осторожно поползъ дальше. Кусты закрыли огонь, и только по сторонамъ виднѣются золотистые блики отражающагося на темной зелени костра. Онъ поползъ еще дальше. Слышны уже голоса, гортанные звуки чуть ли не самого хана. Шагъ за шагомъ, все ближе и ближе. Раздвинувъ нѣсколько кусты, онъ, казалось, оцѣпенѣлъ на мѣстѣ.

Да и было отъ чего. Передъ нимъ открылась чарующей прелести картина, картина, которой онъ потомъ не могъ забыть всю жизнь. Небольшая площадка среди освѣщенныхъ отнемъ костра бѣлыхъ и цвѣтныхъ палатокъ. У костра, на громадномъ персидскомъ коврѣ съ подушками, озаряемая костромъ, чудная живая группа. Въ центрѣ группы Ибраимъ-ханъ въ бѣлоснѣжной папахѣ и въ бѣломъ, расшитомъ золотомъ, доломанѣ, сидитъ, по-восточному, на коврѣ, а къ колѣнямъ его приникли головками, лежа и глядя на костеръ, Геоухеръ и Лейла. Нѣсколько въ сторонѣ, Роксанда съ какимъ-то вязаньемъ въ рукахъ, а около нея молодой горецъ, любующійся лезвіемъ своего кинжала при блескѣ костра. Это младшій сынъ хана.

Ханъ что-то разсказывалъ, а дѣти, повидимому, слушали его. Между палатками мелькали люди, вѣроятно, слуги и рабыни.

Клодтъ замеръ въ нѣмомъ восторгѣ. Онъ, кажется, вѣчно любовался бы этой восточной идилліей. Что-то сказочное, вол-

шебпос видѣлось ему въ этой чудной картинѣ подъ куполомъ темнаго неба, среди бѣлыхъ шатровъ и темной зелени, освѣщаемыхъ тлѣющимъ костромъ...

Болью, вмѣстѣ съ жгучимъ стыдомъ, сжалось сердце Клодта, когда онъ вспомнилъ, зачѣмъ они пришли сюда.

Лейла потянулась, глянула вверхъ, на отца, и стала одной рукой перебирать его длинную бороду. Она въ это время напоминала нѣжащагося котенка...

Вдругъ раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій!..

Всѣ вскочили съ ковра.

— Дѣти! Спасайтесь въ кусты, въ темноту! — торопливо проговорилъ ханъ.—Нападеніе! Измѣна!

Лейла съ братомъ бросились въ одну сторону, Роксанда и Геоухеръ въ другую, къ тому кусту, гдѣ находился Клодтъ.

Раздались залпы, крики... Вдругъ мелькнула бѣлая массивная фигура хана, и онъ грохнулся у костра, пораженный нѣсколькими пулями.

Клодтъ выскочилъ навстрѣчу Роксандѣ и Геоухеръ, стараясь заслонить ихъ собою.

— Ребята! Сюда не стрѣляйте! Здѣсь я! — кричалъ онъ, выступая на свѣтъ и махая саблей.

Снова раздались выстрѣлы съ другой стороны и смолкли. На свѣтъ костра выскочилъ Лисаневичъ.

— Убитъ!—проговорилъ онъ, увидѣвъ массивную фигуру Ибраимъ-хана, навзничь опрокинувшуюся на коврѣ.

Выстрѣлы слышались все дальше и дальше: это защитники хана, спасаясь бѣгствомъ, отстрѣливались въ темнотѣ.

Клодтъ, подбѣжавъ къ костру и схвативъ горящую головешку, бросился въ кусты, куда скрылась Геоухеръ съ матерью. Скоро онъ услышалъ стоны. Бросившись въ этомъ направленіи, онъ увидѣлъ лежавшую безъ чувствъ Роксанду и припавшую къ ней съ плачемъ Геоухеръ.

— Ради Бога, что съ княгиней! Она ранена, убита!—вскричалъ Клодтъ.—О, варвары!

Дѣвушка, услыхавъ его голосъ, вся затрепетала. Отбросивъ въ сторону головешку, Клодтъ опустился на колѣни передъ женою хана и, при свѣтѣ вспыхнувшей головни, увидѣлъ, что Роксанда открыла глаза.

— Слава Богу! Княгиня жива и, кажется, не ранена,—ра-

достно заговорилъ молодой человѣкъ.—Это несчастное недоразумѣніе...

Роксанда снова закрыла глаза. Выстрѣлы между тѣмъ совсѣмъ прекратились.

— Позвольте, я снесу княгиню въ палатку... Ей нужно подать помощь... съ нами докторъ,—торопливо говорилъ Клодтъ.

— О, мама! Мама!—чуть слышно прошептала Геоухеръ, ломая руки.

Клодтъ бережно поднялъ несчастную женщину и понесъ къ костру. Но, увидѣвъ распростертый на коврѣ трупъ хана, съ ужасомъ остановился. Геоухеръ шла слѣдомъ и поддерживала голову матери.

— О, Боже!—невольно вырвалось у молодого офицера.

Пламя отъ костра освѣтило мертвое лицо хана, и Геоухеръ съ раздирающимъ душу воплемъ бросилась на трупъ отца.

— Докторъ! Докторъ!—отчаянно звалъ на помощь Клодтъ.

— Оставить преслѣдованіе!—раздавалась команда Лисаневича во мракѣ.

Изъ кустовъ выбѣжалъ на свѣтъ докторъ, маленькій человѣкъ въ очкахъ.

— Что здѣсь? Я тамъ, у другого костра, дѣлалъ перевязки раненымъ.

— Помогите, докторъ, княгиня, кажется, только въ обморокѣ; но ее надо унести отсюда, чтобы она не увидѣла вонъ того... Что онъ?—И Клодтъ показалъ на хана, надъ трупомъ котораго вздрагивала отъ рыданій Геоухеръ.—Что ханъ?—тихо спросилъ онъ.

Докторъ махнулъ рукой:

— Двѣ прямо въ сердце, рядышкомъ...

Онъ, такой маленькій, одинъ поднялъ Роксанду и понесъ къ другому костру. Клодтъ бросился къ Геоухеръ.

— Княжна! Принцесса! Ради всего святого... вы убьете себя,—наклонился онъ къ ней.

Дѣвушка не поднимала головы.

— Нѣтъ! Вы не должны убивать себя!—съ силою сказалъ молодой офицеръ, и, точно малаго ребенка, взялъ дѣвушку на руки.

— Мама! Мама!—простонала она.

— У княгини докторъ, она въ безопасности... не тревожьтесь,—говорилъ онъ.

Люди окружили площадку, на которой все это происходило. Лисаневичъ тотчасъ же приказалъ накрыть буркой тѣло хана.

— Куда вы, баронъ?—спросилъ онъ, увидѣвъ Клодта съ пошею на рукахъ.

— Хочу передать княжну женской прислугѣ хана, она въ безсознательномъ состоянiи, ей нуженъ докторъ, — торопливо отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Докторъ около княгини, она пришла въ себя, но еще ничего не знаетъ,—тихо сказалъ Лисаневичъ.

Въ это время среди столпившихся егерей показалась старая ханская няня.

— О!—тихо стонала она.—Гдѣ мои дѣти? Гдѣ мои жемчужины?

— Вотъ княжна Геоухеръ, — сказалъ Клодтъ, передавая дѣвушку на руки появившимся служанкамъ хана.

— А гдѣ Лейла? Гдѣ свѣтъ очей моихъ, ожерелье матери пророка, краса Карабага и всего Востока?—металась и причитала старая няня.

Тутъ только вспомнили маленькую Лейлу.

— Берите головни, зажигайте пучки соломы, ищите младшую дочь хана,—командовалъ Клодтъ, тогда какъ Лисаневичъ съ смолянымъ факеломъ въ рукѣ, откуда-то добытымъ егерями, вошелъ въ палатку хана, чтобы взять бумаги и переписку отошедшаго въ вѣчность повелителя Карабага, если только таковыя бумаги отыщутся, и велѣлъ у всѣхъ ханскихъ палатокъ поставить караулъ.

Клодтъ съ нѣкоторыми егерями, вооруженными пучками горящей соломы и пылающими головнями, бросился на поиски за Лейлой.

Зловѣщимъ свѣтомъ мелькали по кустамъ и между деревьями импровизованные факелы. Слышались иногда голоса: «вотъ еще убитый татаринъ»...

Страшной болью въ сердцѣ отдавались тѣ слова для такого новичка, какъ Клодтъ.

— Кто первый открылъ огонь?—спросилъ онъ одного егеря.

— Они, ваше благородіе, татары; а мы, ни Боже мой! Мы хотѣли голыми руками взять яво, хана, значитъ, какъ намъ и

ихъ благородіе, то бишь, выскоблагородіе наказывали... Ну, какъ они, этта, начали лущить, татары, мы, не сутерпѣвши, вдарили тоже которыхъ... Ну, мы и...

— Ишшо татаринъ мертвый, а княжны нѣту.

— Може, убѣгла по младости своей...

— Знамо, дите ишшо, ножки прыткія...

Вдругъ Клодтъ съ ужасомъ остановился. Пламя пылавшаго жгута соломы, который онъ держалъ въ рукѣ, освѣтило страшную и трогательную картину. Откинувъ правую руку, лежалъ, навзничъ, мертвый Искандеръ-ага, младшій сынъ хана, съ едва пробивающимся пушкомъ на подбородкѣ, а на лѣвой рукѣ его, почти на плечѣ, покоилась прелестная головка Лейлы, блѣдное личико которой было словно живое и открытыми глазами смотрѣло въ темную глубь неба. Обѣ ручки ея были разметаны, и только на блѣдно-розовыхъ шальварахъ темнѣло небольшое пятно крови. Видно, и братъ, и сестренка бѣжали навстрѣчу пулямъ.

Клодтъ сталъ передъ ней на колѣни, нѣсколько разъ перекрестилъ, поцѣловалъ въ мраморный холодный лобикъ и, взявъ на руки, съ плачемъ, точно по своемъ собственномъ ребенкѣ, понесъ ее къ палаткамъ.

XVII. На охотѣ—дурныя вѣсти.

Благопріятныя извѣстія, полученныя Соломономъ отъ своего тайнаго союзника, Ибраимъ-хана, и увѣренія Селимъ-паши ахалцыхскаго въ покровительствѣ Наполеона заставили легковѣрнаго царя Имеретіи воспрянуть духомъ, тѣмъ болѣе что со всѣхъ сторонъ получались извѣстія о патріотическомъ настроеніи всѣхъ его подданныхъ и о подготовленіи ко всеобщему возстанію въ пользу законнаго и наслѣдственнаго владыки Имеретіи.

Вслѣдствіе этого, по случаю благополучнаго возвращенія жены и дѣтей изъ далекаго путешествія, Соломонъ приказалъ устроить блестящую охоту на медвѣдей и кабановъ въ окрестныхъ съ замкомъ Вардъ-цихе лѣсахъ.

— Надо же и намъ, старикамъ, и молодежи упражнять свои руки и зрѣніе,—говорилъ при этомъ старый князь Кай-

хосро Абашидзе,—скоро намъ придется имѣть дѣло и съ двуногими медвѣдями, и кабанами.

— То-то окороковъ накоптимъ,—ядовито замѣчалъ хитрый Зурабъ Церетели.

Разговоръ этотъ происходилъ въ началѣ іюня 1806 года, утромъ, на террасѣ замка Вардъ-цихе.

— Я тоже, отецъ, поѣду на охоту,—раздался вдругъ голосъ Дареджаны.

— Вотъ какъ!—улыбнулся Соломонъ.

— Что же тутъ смѣшного, отецъ?—задорно спросила юная царевна.

— Ничего смѣшного, дѣвочка, — снова улыбнулся Соломонъ,—моя Тамара (она видѣла себя во снѣ Тамарой,—пояснилъ онъ, обращаясь къ князьямъ) съ тѣхъ поръ, какъ побывала за хребтомъ, стала очень храброй.

— Чтожъ, отецъ, и царица Тамара любила охотиться,—возразила Дареджана.

— Чтожъ, и царевна видѣла во снѣ демона?—лукаво спросилъ старый Зурабъ.

Дареджана вспыхнула и убѣжала.

— Я велю осѣдлать своего Барса,—закричала она уже издали.

— Но, пожалуй, Рустемъ, что у Геоухеръ, будетъ побыстрѣе твоего Барса,—послышался голосъ царевича Праклія.

— Какъ бы не такъ! Вонъ Рустема догналъ конь того русскаго офицера, барона, а моего Барса онъ бы не догналъ.

— Ну, это еще бабушка на-двое сказала.

Дареджана, дѣйствительно, выѣхала на охоту вмѣстѣ съ прочими. Она граціозно сидѣла на мужскомъ сѣдлѣ, потому что голубыя широкія шальвары, въ которыя она была одѣта, позволяли ей такую посадку. За поясомъ ея блестѣлъ кинжалъ въ серебряныхъ съ чернетью ножнахъ и съ ручкою, усыпанною бирюзой. Черная персидская шапочка ея была красиво задрапирована бѣлою чадрой. Рядомъ съ нею ѣхалъ князь Симеонъ Церетели, а за ними два джигита. Царевичи, младшіе, держались больше около отца и его почетной свиты.

Царевичъ Константинъ ѣхалъ отдѣльно. Онъ былъ, повидимому, не въ праздничномъ настроеніи духа. Съ тѣхъ поръ какъ воротилась изъ путешествія Дареджана, и онъ, изъ разсказовъ

ея, могъ замѣтить или, скорѣе, почуять своимъ влюбленнымъ сердцемъ, что Геоухеръ оказывала въ дорогѣ вниманіе какому-то русскому бѣлокурому барону, его душу стала точить глухая ревность. Его мучила мысль, что этотъ «бѣлокурый шайтанъ» имѣлъ счастье сопровождать карабагскую красавицу до самаго Тифлиса, и, быть можетъ, и до самой Шуши.

Утро выдалось тихое, но нѣсколько пасмурное. По горамъ ползали облака, точно прозрачными чадрами заволакивая ихъ вершины.

— Такой день какъ разъ для охоты,—сказалъ князь Симеонъ своей спутницѣ.

— Почему же?—спросила Дареджана.

— Сѣренькій... Солнце не будетъ отсвѣчивать на стволахъ винтовокъ, а это главное условіе вѣрнаго прицѣла.

Дареджана, которая, послѣ кисловодскаго сна съ Тамарой и демономъ, начала-было чувствовать себя неловко въ присутствіи князя Симеона, теперь снова нѣсколько привыкла къ нему и снова стала обращаться съ нимъ почти съ прежнею довѣрчивостью. Однако, по отношенію къ Геоухеръ въ душѣ ея оставалось еще что-то невыясненное, и она въ чемъ-то какъ бы подозрѣвала своего спутника. Ей теперь очень бы хотѣлось поговорить о своей карабагской пріятельницѣ, но она, хитрая, какъ всѣ женщины, ждала, не заговоритъ ли о ней первымъ князь Симеонъ, и тогда обвиненіе его въ любви къ этой горной газели окончательно сложилось бы въ ея убѣжденіи. Но князь Симеонъ не заговаривалъ о ней. Такъ не значитъ ли именно это, что онъ ее любитъ? Вѣдь, всего труднѣе говорить о томъ, о комъ постоянно думаешь, какъ и сама она, послѣ кисловодскаго сна, ни за то не рѣшилась бы заговорить о князѣ Симеонѣ, развѣ только кстати. Почему же онъ не заговоритъ о Геоухеръ? Значитъ, онъ о ней постоянно думаетъ? Значитъ, онъ ее любитъ?

Дольше она не могла выносить его молчанія.

— Гдѣ то теперь Геоухеръ?—заговорила она, невинно, но инквизиторски бросивъ взглядъ на своего спутника, не пойметъ ли его этой неожиданностью на мѣстѣ преступленія.

Поймала! Лицо князя Церетели выразило какъ бы тревогу... Онъ самъ пытливо посмотрѣлъ на свою спутницу... Не о Геоухеръ она вспомнила, а о томъ пряничномъ офицерикѣ,—мелькнуло у него въ умѣ. Но онъ переси лилъ себя.

— Вѣроятно, она уже въ Шушѣ, если только не попала въ золотую клѣтку стараго Джафаръ-Кули-хана,—сказалъ онъ, силясь побороть свой голосъ.

Дареджана чутко прислушивалась къ этому голосу, и ей показалось, что въ голосѣ этомъ была тревога.

«Онъ ревнуетъ ее къ этому старику, онъ ее любитъ» таковъ получился у Дареджаны логическій выводъ.

— А развѣ она пойдетъ за старика?—съ ангельской невинностью, но и съ лукавствомъ кошки спросила она.

Теперь у него сложился свой логическій выводъ: она боится, что Геоухеръ увлечется пряничнымъ офицерикомъ, какъ она сама увлечена имъ, и что на сторонѣ Геоухеръ больше шансовъ завлечь его.

— Ее отдадутъ, если того захочетъ этотъ старый богачъ: въ Карабагѣ не справляются о чувствахъ дѣвушки, а просто отдаютъ, какъ вещь, продаютъ охотнику,—отвѣчалъ онъ не безъ горечи.

«А! Значитъ, онъ боится за нее, она ему дорога», рѣшила Дареджана.

— А я ее въ послѣднее время какъ будто стала меньше любить,—сказала она.

«А! Значитъ, приревновала къ пряничному офицерику» рѣшилъ князь Симеонъ.

Эта глухая перестрѣлка двухъ взаимно влюбленныхъ продолжалась бы, вѣроятно, еще долго, если бы не послышался голосъ Соломона:

— Князь Симеонъ! Пора распредѣлять мѣста: охота сейчасъ начнется... Ты будешь рыцаремъ царевны? Я поручаю ее твоей охранѣ.

— Считаю священнымъ долгомъ охранять ея высочество,—поспѣшилъ отвѣтить князь Симеонъ.

— Овечку поручили охранять волку,—пробурчалъ про себя старый Зурабъ.

Всѣ стали сходить съ лошадей и отдавать ихъ нукерамъ.

— Развѣ и я должна оставить Барса?—спросила Дареджана грустнымъ голосомъ, окончательно убѣдившись, что князь Симеонъ любитъ Геоухеръ.

— А какъ же, ваше высочество, на лошадяхъ никогда не охотятся на медвѣдей, потому что никакая лошадь не выноситъ

вида этого косматаго животнаго,—упавшимъ голосомъ отвѣчалъ князь Симеонъ съ горькимъ сознаніемъ, что Дареджана любитъ проклятаго офицеришку.

Старый Абашидзе Кайхосро, какъ наиболѣе опытный охотникъ, не разъ ходившій на тигра въ шемахинскомъ ханствѣ, за Араксомъ, сталъ указывать мѣста для охотниковъ. Само собою разумѣется, что лучшее мѣсто отведено было самому царю Соломону, которому въ резервъ придали нѣсколько лучшихъ имерстинскихъ стрѣлковъ и кинжальщиковъ. Юные царевичи помѣщены были недалеко отъ отца подъ охраною нѣсколькихъ джигитовъ.

— А вашему высочеству, я отведу возвышенное мѣсто,— обратился князь Абашидзе къ Дареджанѣ,—вы будете царицей предстоящаго турнира и будете награждать счастливыхъ побѣдителей.

— Гдѣ же я должна стать, князь?—спросила Дареджана.

— А вотъ здѣсь, ваше высочество, выше, у этого дуба: если медвѣдь или кабанъ будетъ уходить отъ собакъ и отъ выстрѣловъ, то онъ пойдетъ этой тропою, ниже, прямо въ чащу.

Издали раздался звукъ рожка, которымъ князь Леонидзе извѣщалъ, какъ помощникъ распорядителя, что и тамъ охотники заняли назначенныя имъ мѣста.

— Готово, турниръ начинается,—сказалъ Абашидзе и три раза протрубилъ въ свой рогъ.

Это означало, что загонщики должны были начать свое дѣло. Послышались неистовые крики, улюлюканье и стукъ топорами и дубьемъ о стволы деревьевъ. Имъ начали вторить собаки.

— По голосамъ собакъ я узнаю, что звѣрь уже поднятъ,— сказалъ князь Симеонъ, зорко оглядываясь по сторонамъ и взводя курки своей двустволки.

Крики и лай собакъ все усиливались. Послышался выстрѣлъ, за нимъ другой.

— По выстрѣламъ я догадываюсь, что звѣрь шелъ сюда, но убитъ ли?—сказалъ князь Церетели, прислушиваясь.

Послышался трескъ сухихъ сучьевъ.

— Онъ идетъ сюда,—шопотомъ произнесъ Церетели.

Вдругъ на тропу выбѣжалъ громадный кабанъ и съ глухимъ хрюканьемъ несся прямо къ пункту Дареджаны.

Дѣвушка храбро направила на чудовищную свинью дуло

своего пистолета и выстрѣла; но она сама увидѣла, что промахнулась, и пуля ея влѣпилась въ стволъ противоположнаго дерева. Услыхавъ неожиданно выстрѣлъ, раненый, повидимому раньше, разъяренный звѣрь поднялъ свою морду съ клыками на подобіе кривыхъ стилетовъ и, увидѣвъ Дареджану, повернулъ прямо на нее. Одна секунда, и царевна была бы распорота страшными клыками, съ которыхъ падала бѣлая пѣна; но въ это мгновеніе раздались разомъ два выстрѣла: пуля одного джигита-стрѣлка угодила въ лѣвую лопатку звѣря, не задѣвъ его сердца, зато пуля князя Симеона пробила черепъ страшнаго чудовища, и оно скатилось на тропу въ предсмертныхъ судорогахъ.

— Чудовище у ногъ вашего высочества, — сказалъ Церетели, силясь улыбнуться и съ трудомъ переводя дыханіе.

Онъ былъ блѣденъ. Обожаемая имъ дѣвушка была на волосъ отъ смерти.

— Не я, а вы, князь, побѣдили его,—сказала Дареджана, съ нѣжностью взглянувъ на своего спасителя.

— Но вы открыли огонь.

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ на той же тропѣ показался медвѣдь, преслѣдуемый собаками. Лѣсной царь, сердито сопя, останавливался и лапами отбрасывалъ отъ себя собакъ, которыя съ визгомъ отлетали отъ него съ разодранными боками или съ развороченнымъ черепомъ.

— Не шевелитесь и не стрѣляйте, — шепнулъ Церетели Дареджанѣ.

Отбрасывая собакъ, медвѣдь все приближался къ пункту царевны.

— Теперь я не промахнусь,—шепнула эта послѣдняя, наводя дуло второго пистолета на медвѣдя.

— Нѣтъ, ради Бога!

— Но я хочу!—задорно говорила дѣвушка.

— Но вы привлечете его вниманіе...

— Ничего... я не одна... помоги, святая Нина!

И Дареджана выстрѣлила. Теперь выстрѣлъ ея былъ удачнѣе, пуля угодила медвѣдю въ кончикъ уха. Но этого достаточно было, чтобъ звѣрь разсвирѣпѣлъ. Подпявъ свою острую морду съ маленькими, налитыми кровью, глазами и, увидавъ своего врага, онъ всталъ на заднія лапы и, грузно переваливаясь и

раскрывъ передніе лапы, словно для объятій, пошелъ прямо на Дареджану.

— Ради Бога, за дерево!—крикнулъ Церетели.

Дѣвушка повиновалась, но все же обнажила свой кинжалъ.

Медвѣдь приближался, не обращая вниманія на собакъ, налетавшихъ и щипавшихъ его сзади. Онъ шелъ прямо на дерево, за которымъ укрылась Дареджана. Медлить было нельзя. Цѣлясь въ лобъ, какъ и кабану, Церетели выстрѣлилъ, но пуля его прорѣзала только ноздрю чудовища, и оно, замотавъ головой, съ страшнымъ ревомъ ринулось впередъ, прямо къ Церетели, которому уже нечѣмъ было стрѣлять: оба его ствола были разряжены. Оставался только кинжалъ... Вотъ-вотъ смерть...

Но джигиты не дремали. Они дали залпъ, но поздно!.. Хвативъ лапой по головѣ Церетели и сбивъ съ него его бѣлую папаху, медвѣдь поджалъ его подъ свою чудовищную тушу.

Но онъ этимъ именно и спасъ своего врага. Церетели успѣлъ вонзить свой кинжалъ подъ лѣвую лопатку звѣря, поразивъ его прямо въ сердце. Чудовище захрипѣло и въ смертныхъ судорогахъ придавило своимъ огромнымъ туловищемъ противника...

Дареджана отчаянно вскрикнула.

Но джигиты были уже на мѣстѣ катастрофы и съ трудомъ стащили мертвое тѣло медвѣдя съ Церетели.

— Ай да, князь! Доканалъ-таки шайтана!—радостно проговорили джигиты.

Князь былъ весь въ крови. Дареджана со слезами бросилась къ нему.

— О, мой князь! Мой спаситель!

— Пустяки... царапины... это его кровь, а не моя.

— А на лбу! На лицѣ! О, мой князь, мой добрый, милый князь!

Дѣвушка старалась концами своей бѣлой чадры стереть кровь съ его лица. Церетели поднялся.

— Я не раненъ,—силился онъ улыбнуться,—это онъ дуракъ, припялъ мою папаху за голову и ударилъ по папахѣ, а ударь онъ по головѣ, тогда...

Съ трудомъ отогнали собакъ отъ труповъ кабана и медвѣдя.

Вдругъ сзади послышался свистокъ. Всѣ оглянулись. По тропѣ, отъ замка Вардъ-цихе, торопливо шелъ знакомый уже намъ лезгинъ, тотъ самый, что служилъ проводникомъ польскому

іезуиту, приносившему отъ Селимъ-паши ахалцыхскаго Соломону вѣсти о Наполеонѣ.

— А, это ты, Касимъ,—сказалъ Церетели, прикрывая платкомъ царапины, причиненныя на его лбу лапою медвѣдя

— Я, князь, — отвѣчалъ лезгинъ. — Гдѣ его величество? Я къ нему съ вѣстями отъ Селимъ-паши.

— Съ какими вѣстями?

— О! Нехорошія вѣсти, нехорошія! Въ Карабагѣ великое несчастіе.

— Что такое?—разомъ спросили и Дареджана, и Церетели.

— Ибраимъ-хана не стало.

— Какъ! Умеръ старикъ!

— Нѣтъ, русскіе убили: въ ночь съ 1-го на 2-ое іюня они напали на его ставку, многихъ его бековъ застрѣлили, и самъ ханъ палъ на мѣстѣ. Мало того, застрѣлили его младшаго сына Искандеръ-агу и его дочь, бегюмъ...

— Которую? Геоухеръ? Лейлу? — съ тревогой спросила Дареджана.

— Не знаю, какъ ее зовутъ, царевна,—отвѣчалъ лезгинъ.

— Старшую или младшую?—спросилъ Церетели.

Дареджана взглянула на него вопросительно. Сердце ея дрогнуло... «Онъ жалѣетъ Геоухеръ»...

— Старшую или младшую?—повторила она вопросъ князя Церетели.

— Не знаю, все равно,—отвѣчалъ Касимъ.—Гдѣ же царь?

XVIII. **Братъ продаетъ сестру.**

Вѣсти, привезенныя Касимомъ о событіяхъ въ Карабагѣ, не могли не поразить царя Имеретіи. Вся прелесть охоты, столь удачной и столь романтической для нѣкоторыхъ изъ ея участниковъ, была испорчена. Кабаны и медвѣди, которыхъ было убито достаточное количество, почти никого уже не занимали.

«Эта участь и меня можетъ постигнуть»,—мучительно думалъ Соломонъ.—«Гдѣ искать защиты? И Баба-ханъ, и падишахъ, и Наполеонъ далеко. Всѣхъ ихъ страшнѣе какой-нибудь маіоръ Лисаневичъ или капитанъ Парфеновъ».

Но всѣхъ болѣе потрясла эта вѣсть царевича Константина.

«Которая изъ дочерей хана убита?.. Неужели Геоухеръ?»

Кровь, казалось, застывала у него въ жилахъ; но вопросъ оставался неразрѣшеннымъ. Касимъ повторялъ: «все равно»; для него всѣ женщины были бабы, самый дешевый товаръ на рынкахъ Востока. Но для влюбленнаго царевича это было не все равно.

Но болѣе всѣхъ роковою смерть Ибраимъ-хана была для Геоухеръ, и вотъ почему.

На вакантный престолъ хана Карабага явились два претендента: законный наслѣдникъ Джафаръ-Кули-бекъ, внукъ убитаго Ибраима, наслѣдовавшій ему по прямой старшей линіи, и родной сынъ Ибраима, хитрый и двоедушный Мехти-ага. Джафаръ-Кули-бекъ былъ неопытный, увлекающійся юноша, благоговѣвшій передъ величіемъ русскихъ; изъ него можно было сдѣлать послушнаго исполнителя всѣхъ предначертаній свыше. Напротивъ, въ Мехти-ага сидѣла властолюбивая душа азіятскаго деспота, для котораго языкъ былъ созданъ, чтобы лгать и обманывать. Онъ зналъ, что закоснымъ путемъ ему не достигнуть престола своихъ предковъ, что на дорогѣ къ трону стоитъ мальчишка, безбородый племянникъ. Оставалось проползти на тронъ ужомъ, и Мехти-ага сталъ извиваться ужомъ. Хитростью, лестью и щедрыми обѣщаніями онъ успѣлъ склонить на свою сторону наиболѣе вліятельныхъ бековъ Карабага. Оставалось отвести глаза русскимъ, ослѣпить эти глаза покорностью и исполнительностью. И онъ это сдѣлалъ: русскимъ войскамъ полилось рѣкою продовольствіе отъ щедрой руки Мехти-ага.

— Будышъ баранъ рѣзалъ, будышъ шашлыкъ жарилъ, будышъ усо кушалъ, уто тебэ будытъ давалъ Мехти-ага,—говорилъ русскимъ Нукъ-Магометъ, ставшій теперь правою рукою Мехти-ага.—А Джафаръ-Кули-бекъ—у!—скупая.

Но этого мало. Мехти-ага махнулъ въ Тифлисъ. Онъ давно замѣтилъ, что его красавица сестра, Геоухеръ, жестоко уязвила любвеобильное сердце старца Джафаръ-Кули-хана, бывшаго повелителя и владыки ханства Хой, въ Адербиджанѣ, давно перешедшаго на сторону Россіи и жившаго въ Тифлисѣ съ своими несмѣтными богатствами. Этотъ старецъ въ высшихъ сферахъ Тифлиса пользовался большимъ авторитетомъ, потому что еще при началѣ управленія краемъ князя Циціанова оказалъ Россіи большія услуги, и русскія власти ему ни въ чемъ не отказывали.

Къ этой-то почетной развалинѣ, нетощившей свой азіятскій

организмъ азіятской невоздержностью, и подсыпался мелкимъ бѣсомъ Мехти-ага. Онъ завѣрилъ старика, что за него, Мехти, стоитъ весь Карабагъ, что мальчишкѣ Джафаръ-Кули-беку, его племяннику, никто не хочетъ повиноваться.

— Но законъ на его сторонѣ, — возразилъ осторожно старецъ.

— Законъ!.. Что законъ?.. Законъ это негодный кишмишъ: его ѣстъ только тотъ, кому лучшаго не даютъ.

Старецъ разсмѣялся беззубымъ ртомъ.

— Хе-хе... Законъ—кишмишъ!.. Ишь, что выдумалъ!..

— Не я это выдумалъ, а такъ говорилъ мой отецъ, да блаженствуетъ онъ въ раю пророка!—возразилъ Мехти-ага.—Ты видѣлъ въ лѣсу паутину?

— А что?—удивился старикъ.—На что тебѣ паутина?

— Да видѣлъ-ли, говорю, какъ паукъ въ лѣсу растягиваетъ свою паутину?

— Ну, конечно, видѣлъ.

— Такъ вотъ эта паутина и есть законъ: маленькая мошка всегда запутается въ паутинѣ, а шмель или шершень всегда пробьетъ ее.

— Такъ, такъ, точно, пробьетъ,—согласился старикъ.

— А какъ здоровье ея свѣтлости Султанетъ-бегюмъ?—спросилъ Мехти-ага, перемѣняя разговоръ.

— Да что Султанетъ-бегюмъ? Стара стала,—отвѣчалъ Джафаръ-Кули-ханъ.

— А вотъ твоя свѣтлость, молодцомъ смотришь,—льстиво замѣтилъ лукавый гость.

— Да я, благодареніе Аллаху, еще тово, могу,—подбочениваясь, самодовольно прошамкалъ старикъ своимъ беззубымъ ртомъ.

— Гдѣ тамъ тово!—подмигнулъ карабагскій бѣсъ.—Всѣ тифлисскія красавицы, я думаю, заглядываются на статную фигуру Джафаръ-Кули-хана.

— Хе-хе... И точно, засматриваются,—плутовски-блаженно улыбался старый сатиръ.

— Да мнѣ это и сестренка моя, Геоухеръ, говорила,—подъѣзжалъ карабагскій бѣсъ.

— Геоухеръ!—встрепенулся старецъ.—Ахъ, какая она у тебя красавица! А что она?

— Да что! Все плачетъ.

— Плачетъ? О чемъ же она, бѣдненькая крошка?

— Да не хочется ей въ Персію...

— Какъ въ Персію! Зачѣмъ въ Персію?—удивился старикъ.

— Да все это воля покойнаго отца, пошли ему, Аллахъ, красивѣйшихъ гурій въ раю Магомета! Отецъ такъ хотѣлъ: онъ не задолго до смерти заключилъ союзъ съ повелителемъ Ирана, и въ условія этого союза, между прочимъ, включено, что отецъ мой обязывается выдать дочерей своихъ, Геоухеръ и Лейлу, за сыновей Баба-хана,—объяснилъ Мехти-ага.

— За сыновей Баба-хана!—встрепенулся Джафаръ-Кули-ханъ.

— Да за сыновей... такой высокій почетъ... Только бѣдненькая Лейла убита русской пулей, а Геоухеръ плачетъ: я, говоритъ, хочу остаться въ Карабагѣ, а если ужъ и выходить замужъ, то только за хорошаго человѣка въ Тифлисѣ.

— Такъ, такъ... Это она умно говоритъ,—какъ бы про себя говорилъ старикъ:—Геоухеръ умная дѣвочка... Зачѣмъ ей въ Персію? Да этимъ ты только русскихъ обидишь.

— Я и самъ такъ думаю, да боюсь не исполнить послѣдней воли отца, да веселится онъ въ раю пророка!—продолжалъ лукавить Мехти-ага.—И сестренку жаль.

— А сколько ей лѣтъ?—спросилъ Джафаръ, что-то обдумывая.

— Да ужъ ей пятнадцать.

— Пятнадцать... совсѣмъ невѣста, совсѣмъ, — шамкалъ старикъ.

— Вотъ я и думалъ бы, — продолжалъ бѣсъ-искуситель, зорко наблюдая за своимъ собесѣдникомъ,—что Геоухеръ была бы какъ разъ подъ пару твоей свѣтлости.

Въ слезящихся глазахъ старца блеснула искорка. Онъ еще болѣе пріосанился, а ввалившіяся губы его, казалось, жевали что-то сладкое.

— И ты думаешь, что она пойдетъ за меня? — спросилъ онъ, потлаживая жиденькую крашеную бороденку.

— Еще бы! За такого большого человѣка!

— А если не захочетъ?

— Да, вѣдь, и овечка не хочетъ, чтобы изъ нея дѣлали

шашлыкъ, а шашлыкъ все-таки выходитъ вкуснымъ,—лукаво отразилъ вопросъ Мехти-ага.

— Хе-хе-хе!—схватился за бока старый сатиръ.—Правда, правда... Глупая овечка никогда не хочетъ, чтобы изъ нея дѣлали шашлыкъ, а шашлыкъ все-таки выходитъ вкуснымъ... Вотъ придумалъ!

— Не я придумалъ, а такъ дѣлается,—скромно замѣтилъ бѣсъ-искуситель.

— И то правда... Хе-хе-хе! И чѣмъ моложе овечка, тѣмъ вкуснѣе шашлыкъ... хе-хе-хе!

Старикъ всталъ и съ отеческой нѣжностью обнялъ своего искусителя.

— Умная, умная дѣвочка, что не хочетъ въ Персію!—говорилъ онъ радостно.—Что ей въ Персіи! Я самъ бѣжалъ оттуда. Умная дѣвочка! Я видѣлъ ее съ царевной Дареджаной у князя Циціанова. И та милая дѣвочка, красавица, только куда же ей до твоей сестры! Геоухеръ—настоящая гурія.

— Такъ ее и Баба-ханъ назвалъ въ своемъ ярлыкѣ къ покойному отцу, да веселится онъ въ раю пророка!

— Именно гурія,—повторялъ про себя старикъ.—Хе-хе! Овечка и шашлыкъ: вкусный шашлыкъ... Вотъ придумалъ.

Джафаръ хлопнулъ въ ладоши. На этотъ зовъ явился молоденькій арабченокъ.

— Подай наргиле (родъ кальяна),—сказалъ Джафаръ.—Овечка не любитъ шашлыка, потому что никогда его не пробовала... Хе-хе! А шашлыкъ вкусный, очень вкусный.

Арабченокъ подалъ наргиле, и старикъ, усѣвшись на мягкомъ оттоманѣ, забурчалъ водою наргиле черезъ длинный витой чубукъ, выпуская клубы ароматнаго дыму.

— Да, да, шашлыкъ, овечка... Хочешь, не хочешь, а иди, все равно будетъ вкусно,—бормоталъ онъ, бурча кальяномъ.—Ну, если это дѣло уладится благополучно, я тебѣ такого жеребца подарю, что будетъ стоить Геоухеръ... Да, хочешь, не хочешь, а иди...

— Такъ какъ же, твоя свѣтлость? — вдругъ неожиданно спросилъ Мехти-ага.

— А что?—встрепенулся Джафаръ.

— Да насчетъ моего ханства.

— Да, да,—бормоталъ старикъ,—ты правду сказалъ, что

законъ—гнилой кишмишъ: его ѣстъ только тотъ, кому свѣжаго не даютъ...

— А паутина?—ехидно спросилъ Мехти-ага.

— Да, да, и паутина... точно... паутина.

— А твоя свѣтлость такой шершень, что всякую паутину прорвешь,—подзадоривалъ старика искуситель.

— Нѣтъ, нѣтъ, не я шершень, а главнокомандующій, его надо просить, графа Гудовича,—шамкалъ Джафаръ, сося партиле.—Это не шершень, а цѣлый воробей... А жаль, что Соломонъ бунтуетъ противъ Россіи,—вдругъ заговорилъ онъ, откидываясь на спинку оттомана.

Мехти-ага съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, не понимая причины такого крутого поворота мыслей своего собесѣдника.

— Жаль, жаль, очень жаль!

— Почему же?—спросилъ Мехти-ага.

— А тогда я и царевну Дареджану взялъ бы себѣ въ жены... Она тоже красавица. И съ нею Геоухеръ было бы веселѣй, обѣ молоденькія... Да и мнѣ, хе-хе-хе, лучше бы было: то кишмишъ, а то рахатъ-лукумъ... хе-хе!

«Ну, разлакомился старый шайтанъ»,—улыбнулся въ душѣ Мехти-ага:— мало ему одной».

— Да, Соломонъ ни за что не хочетъ покориться русскимъ,— сказалъ онъ, желая отнять у стараго сластолюбца всякую надежду обладать Дареджаной и направить его мысли на одну Геоухеръ.—Говорятъ, что онъ постоянно сносится съ Селимъ-пашею ахалцыхскимъ и надѣется на покровительство падишаха и Наполеона.

— Да, да... Мнѣ это и князь Зурабъ-Церетели говорилъ,— подтвердилъ Джафаръ-Кули-ханъ. — Этотъ князь Зурабъ изъ всѣхъ имеретинскихъ князей одинъ приверженъ къ Россіи, потому—умный человѣкъ, а у царя Соломона, кажется, Аллахъ въ головѣ пальцемъ помѣшалъ.

«Да и у тебя, у стараго шайтана, давно въ головѣ не мозги, а чихиртма»,—подумалъ Мехти-ага.—Удивительно, какъ такого дурака русскіе слушаютъ: онъ, по моему, и трехъ барановъ не сумѣетъ накормить».

— Одного я боюсь,—сказалъ Мехти-ага,—какъ бы персіяне, пользуясь тѣмъ, что у насъ въ Карабагѣ нѣтъ теперь хана, не

напали на Шушу и не увезли мою сестру... А это очень можетъ быть.

Старикъ не на шутку испугался и даже уронилъ на полъ чубукъ наргиле.

— Какъ же такъ?—тревожно спросилъ онъ.

— Да очень просто: въ Шушѣ теперь всего небольшой отрядъ маіора Лисаневича, а всѣ наши беки и все населеніе Карабага не знаютъ, кому повиноваться, и всѣ потеряли голову; придетъ Аббасъ-Мирза и увезетъ Геоухеръ.

Джафаръ съ испуту даже вскочилъ съ оттомана и захлопалъ въ ладоши. На зовъ опять появился арабченокъ.

— Скорѣй мнѣ одѣваться! Да парадный халатъ и лучшее оружіе... Да вели сѣдлать коня, и чтобъ нукеры сейчасъ готовы были сопровождать меня къ графу Гудовичу... Живо!

Арабченокъ исчезъ. Мехти-ага всталъ съ сверкающими торжествомъ глазами.

— Надо поторопиться,—бормоталъ старикъ,—а то въ самомъ дѣлѣ Аббасъ-Мирза... Онъ же сердитъ на меня... Ахъ, бѣдная, бѣдная дѣвочка! И какъ же ты не догадался взять ее сюда съ собою!

— Да я не ожидалъ благосклоннаго пріема твоей свѣтлости,—лукаво оправдывался Мехти-ага.

— Не ожидалъ! А дѣвочка пропадай... Эхъ, Мехти, Мехти.

— Что-жъ, еще не все потеряно,—продолжалъ оправдывать себя послѣдній,—если графъ Гудовичъ сегодня дастъ мнѣ ярлыкъ, что назначаетъ меня ханомъ Карабага, я сегодня же поскачу туда.

— Да, да, сегодня, непремѣнно сегодня!—И старикъ опять захлопалъ въ ладоши.

И опять появился арабченокъ.

— Что жъ мнѣ одѣваться! Что мой конь, моя сабля, мои пистолеты, мои нукеры!—топтался на мѣстѣ въ большой тревогѣ старый ханъ.

— Сейчасъ! Сейчасъ!—И арабченокъ исчезъ.

XIX. «Грустное посланіе».

Прошло около четырехъ лѣтъ послѣ описанныхъ нами событій.

Красавица Геоухеръ давно была замужемъ за совсѣмъ уже развалившимся Джафаръ-Кули-ханомъ и пережила трагическую, кровавую исторію своего горячаго сердца; но объ этомъ послѣ.

Джафаръ-Кули-ханъ, сдѣлавшись, юридически, обладателемъ карабагской красавицы, съ каждымъ годомъ превращался не только въ развалины, но просто въ щебень.

Мехти-ага, послѣ продажи своей сестренки, превратившись въ Мехти-Кули-хана и повелителя Карабага продолжалъ обманывать русскихъ и набивать свои карманы.

Царевна Дареджана изъ четырнадцатилѣтней дѣвочки превратилась въ восемнадцатилѣтнюю красавицу и все чаще и чаще видѣла во снѣ демона...

У князя Симеона Церетели давно зажили на лбу и на головѣ царапины отъ медвѣжьей лапы, а въ бородѣ и на вискахъ пробивалось много сѣдины, но... все оставалось попрежнему.

Баронъ Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ продолжалъ вспоминать о «красномъ цвѣткѣ», о скачкѣ за Геоухеръ въ горахъ Кавказа, о трагической ночи подъ Шушею и проклиналъ эту ночь.

Митрополитъ Софроній не досчитывался многихъ изъ своихъ курочекъ и не могъ молиться за враговъ.

Генералъ Рыкгофъ давно умеръ. Капитанъ Парфеновъ давно произведенъ въ маіоры и продолжалъ злиться на «ракалью». Наполеона. Юные Вася и Гриша давно загорѣли и превратились въ боевыхъ офицеровъ перваго сорта. Хохолъ Юхименко такъ и прослылъ «витютянтомъ».

Изъ Ріона много, много воды утекло въ Черное море, а царь Соломонъ продолжалъ оставаться безъ царства и безъ столицы и продолжалъ, вмѣстѣ съ семьею и своими приверженцами, скитаться въ горахъ и по непроходимымъ лѣсамъ своей родины...

Но все болѣе и болѣе сдавливаемый со всѣхъ сторонъ русскими отрядами, онъ впалъ, наконецъ, въ глубокое отчаяніе. У кого искать помощи? У ахалцыхскаго паши? Но и отъ него Соломонъ былъ уже отрѣзанъ летучими русскими отрядами. У На-

полеона? Но гдѣ онъ? Что съ нимъ? Къ чему привели обѣщанія поляка-іезуита, и гдѣ онъ самъ запропастился? На эти вопросы никто не могъ дать ему отвѣта. А время шло; сѣдина все болѣе и болѣе заполняла его курчавую бороду и голову. Его милая Дареджана, видимо, таяла, какъ свѣчечка. Его первенецъ, Константинъ, постарѣлъ на десятки лѣтъ. Его дворецъ въ Кутаисѣ разрушенъ почти до основанія. Вся Имеретія внѣ его власти.

Наконецъ, онъ рѣшается на послѣднее средство, на свиданіе съ русскими! Онъ пишетъ главнокомандующему, которымъ былъ тогда уже не графъ Гудовичъ, а генералъ Тормасовъ, и проситъ прислать довѣренное лицо. Тормасовъ отправляетъ Могилевскаго, правителя своей канцеляріи, человѣка опытнаго въ канцелярской казуистикѣ, и вручаетъ ему для Соломона письмо-ультиматумъ.

Могилевскій, пріѣхавъ въ Кутаисъ, отправляетъ гонца въ замокъ Вардъ-цихе и проситъ Соломона въ его столицу на свиданіе. Соломонъ, опасаясь, что его тамъ схватятъ, не ѣдетъ въ Кутаисъ, а посылаетъ князя Леонидзе пригласить самого Могилевскаго въ Вардъ-цихе. Могилевскій согласился: они поѣхали въ горы.

Это было въ началѣ февраля 1810 года. Ранняя южная весна уже вступила въ свои права. Горные ручьи бѣшено пѣнились и гремѣли. Деревья выкидывали свѣжую, благоухающую зелень. Сады бѣлѣли сплошнымъ цвѣтомъ плодовыхъ деревьевъ. Кругомъ красота, хватающая за душу.

Могилевскій, чиновникъ, выросшій подъ другимъ холоднымъ небомъ, зачерствѣвшій въ канцелярской атмосферѣ, не могъ не чувствовать всего обаянія этой красоты... И какъ не любить такой родины, такого неба!.. Какъ горько, должно быть, разставаться съ этимъ раемъ, съ привольемъ этой жизни.

Въ глубинѣ души онъ это чувствовалъ; но... суровый долгъ!

— И какъ вы хотите, чтобы горный орелъ своею волею пошелъ въ клѣтку, хотя бы она была и золотая!—говорилъ Леонидзе, видя задумчивость Могилевскаго.

Они ѣхали верхами, а за ними слѣдовало нѣсколько нукеровъ.

Могилевскій ничего не отвѣчалъ на слова Леонидзе.

— А неволей вы не принудите царя ни къ чему,—продолжалъ послѣдній,—войска у него достаточно, народъ его любитъ, а посмотрите на горы, на лѣса!

Могилевскій глядѣлъ именно на эти неприступныя горы, на дикія скалы и стремнины, на дѣвственные, дремучіе лѣса.

— Поймайте же вы теперь орла среди его скалъ, напрасный трудъ.

Могилевскій все молчалъ. Вотъ они переѣхали рѣку Квириллу.

На неприступныхъ скалахъ чернѣется замокъ Вардъ-цихе, дѣйствительно, орлиное гнѣздо.

Но вотъ они и въ замкѣ. Могилевскаго вводятъ въ комнату, стѣны которой всѣ унизаны оружіемъ и трофеями охоты.

Соломонъ, окруженный князьями, ждалъ посла. Могилевскій съ поклономъ подалъ ему пакетъ.

— Отъ генерала Тормасова?—спросилъ Соломонъ съ нервнымъ подергиваніемъ лица, принимая дрожащею рукою пакетъ, словно бы это было раскаленное желѣзо.

— Да, ваше высочество, отъ господина главнокомандующаго,—отвѣчалъ Могилевскій.

— Благодарю. Я бы попросилъ васъ отдохнуть съ дороги, а по прочтеніи письма я приму васъ,—сказалъ Соломонъ, знакомъ отпуская посла.

Могилевскаго увели въ отведенную для него комнату.

Оставшись съ приближенными, Соломонъ вскрылъ пакетъ; но руки его такъ дрожали, что онъ не могъ читать, и словно въ изнеможеніи откинулся на спинку кресла.

— Батюшка, позволь, я прочту вслухъ, — тихо сказалъ царевичъ Константинъ.

— На, читай... Они меня совсѣмъ истерзали...—И Соломонъ подалъ сыну бумагу.

Голосъ царевича дрожалъ, когда онъ началъ читать:

«На письмо вашего высочества имѣю честь отвѣтствовать съ полною откровенностью, что я крайне былъ удивленъ»...

Соломонъ, который при началѣ чтенія закрылъ было глаза, чтобы внимательнѣе слушать, вдругъ круто повернулся въ креслѣ.

— Удивленъ!.. Ну, читай дальше,—махнулъ онъ рукой.

...«крайне былъ удивленъ,—продолжалъ царевичъ,—получивъ отъ васъ пункты, на которыхъ вы желаете снова обязаться быть вѣрнымъ подданнымъ его императорскаго величества»...

— Подданнымъ! — прошепталъ Леонидзе. — Царь — подданный!

Но его никто не поддержалъ, только Соломонъ горько улыбнулся.

...«отказываясь формально отъ обязанностей, предлежащихъ вамъ къ исполненію по силѣ прежде заключеннаго трактата, вашимъ высочествомъ подписаннаго, по совершеніи присяги передъ лицомъ всевѣдущаго Бога на святомъ Его евангеліи, въ томъ, что вы свято и ненарушимо соблюдете всѣ пункты сего трактата, утвержденнаго самимъ Государемъ Императоромъ. Почему, не смѣя даже и помыслить, чтобы приступить безъ особой Высочайшей воли къ перемѣнѣ трактата, я единственно изъ усердія моего къ вамъ и желая вамъ добра, возвращаю при семъ подлинные пункты, отъ васъ присланные, и не представляю оныхъ на усмотрѣніе его императорскаго величества, дабы не умножить того праведнаго противу васъ гнѣва, на который и безъ того ваше высочество подвинули всемилостивѣйшаго государя императора черезъ неисполненіе священной его воли впродолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ».

Царевичъ остановился, заслышавъ чьи-то всхлипыванья. Всѣ оглянулись. Въ слабо освѣщенномъ углу, за занавѣсью, стояла Дареджана, неслышно пробравшаяся въ кабинетъ отца и, уткнувшись лицомъ въ ладони, тихо плакала.

— Это ты, моя дѣвочка?—со слезами въ голосѣ проговорилъ Соломонъ.—Подойди ко мнѣ, мое дорогое дитя.

Дареджана тихо приблизилась къ отцу. Она много измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ мы ее видѣли въ послѣдній разъ, на медвѣжьей охотѣ. Она возмужала; красота ея стала еще обаятельнѣе; но это было обаяніе затаенной грусти, невыплаканныхъ слезъ, обаяніе покорной кротости.

Отецъ съ невыразимой нѣжностью сталъ гладить ея наклоненную головку.

— Вотъ для кого я борюсь и страдаю,—говорилъ онъ, глотая слезы,—для нихъ, чтобы они не сказали, что отецъ лишилъ ихъ царскаго наслѣдія, горькаго наслѣдія славныхъ предковъ... Я не хочу, чтобы эти чистые глазки смотрѣли на меня съ нѣмымъ укоромъ...

— Отецъ, милый отецъ!—рыдала дѣвушка, припавъ къ груди отца.—Не говори этого.

Всѣхъ эта сцена глубоко потрясла. Въ темномъ углу сидѣлъ

князь Церетели, блѣдный, съ дрожащими губами. Даже суровый князь Зурабъ былъ тронутъ.

— Ну, читай до конца это посланіе, нашу похоронную пѣсню,—сказалъ Соломонъ, съ трудомъ пересиливъ себя, когда дѣвушка, опустившись на полъ, припала головой къ колѣнямъ отца.—Да, истинно похоронная пѣснь.

Царевичъ продолжалъ:

«Между тѣмъ, слѣдуя побужденіямъ искренняго моего расположенія»...

— Расположенія!—не вытерпѣлъ князь Леонидзе, стукнувъ кулакомъ.

...«расположенія стараться о пользахъ вашихъ,—продолжалъ Константинъ,—я не скрою передъ вашимъ высочествомъ, что мысль, вами принятая, въ разсужденіи перемѣны трактата, можетъ быть для вашего высочества весьма вредна, тѣмъ болѣе, что сіе причтется со стороны вашей единственно къ оскорбленію столь сильнаго и могущественнѣйшаго монарха, какъ нашъ всемилостивѣйшій государь императоръ. А потому я предварительно считаю долгомъ увѣдомить васъ, что, по обязанности главнокомандующаго, долженъ будучи хранить законъ Его Императорскаго Величества, отнюдь не отступая отъ онаго, я и въ семъ разѣ принужденнымъ себя найду, какъ блюститель закона, принять другія мѣры, хотя бы оныя и были непріятны для вашего высочества, дабы обратить васъ къ исполненію вашихъ обязанностей, ибо я не вправѣ ни перемѣнять, ни дѣлать новыхъ трактатовъ безъ соизволенія его императорскаго величества, но обязанъ почитать священными тѣ, которые удостоены высочайшаго его утвержденія, и надзирать, дабы сила оныхъ была во всей точности исполнена, наказывая вѣроломство и непокорность законной власти» *).

— Вѣроломство!.. Это они считаютъ вѣроломствомъ, что я не хочу сдѣлать нищими моихъ дѣтей,—грустно говорилъ Соломонъ, гладя какъ бы машинально лежащую на его колѣняхъ головку дочери.

Дареджана встала. Глаза ея горѣли.

— Нѣтъ, насъ не разлучатъ съ тобой!—сказала она твердо.—Вотъ они тебя не выдадутъ,—указала она на окружающихъ.

---

*) Подлинный документъ (Н. Дубровинъ «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ». Т. V. Спб. 1887, 293—294).

— Царевна правду сказала: мы не выдадимъ своего царя!—страстно воскликнулъ Леонидзе.

— Умремъ за царя!—повторили остальные князья.

— А если со мною такъ поступятъ, какъ съ Ибраимъ-ханомъ?—нерѣшительно проговорилъ Соломонъ.

— Никогда!—горячо возразилъ Леонидзе.—Государь императоръ никогда этого не позволитъ... Ибраимъ-ханъ мусульманинъ, а ты одной вѣры съ императоромъ.

— О, если бы государь все зналъ, онъ, навѣрное, защитилъ бы меня!—горестно воскликнулъ Соломонъ.—Но какъ увидѣть государя Россіи?

— Пошлите меня, ваше величество, какъ вашего слугу, и я найду государя,—сказалъ князь Симеонъ,—я тайно отъ здѣшнихъ властей проберусь черезъ хребетъ, я преодолѣю всѣ препятствія, всѣ опасности, и повергну къ священнымъ стопамъ рыданія и мольбы бѣдствующей вдовицы Имеретіи. Государь великодушенъ, и онъ внемлетъ нашимъ воплямъ.

Соломонъ горячо обнялъ энтузіаста.

— Если ты это исполнишь, то у меня не найдется достойной награды для тебя,—произнесъ онъ растроганнымъ голосомъ

Князь Симеонъ взглянулъ на Дареджану: прелестные счастливые глаза ея сказали ему, гдѣ онъ найдетъ награду.

XX. Ультиматумъ.

Долго еще Соломонъ и его приближенные совѣщались между собою, и только передъ вечеромъ, когда уже начинало темнѣть, Могилевскій былъ приглашенъ къ царю.

Онъ засталъ въ кабинетѣ Соломона самого царя и еще какія-то двѣ личности, которыхъ, за темнотою, онъ не могъ разсмотрѣть, такъ какъ почему-то огни въ кабинетѣ не были зажжены. Но въ одномъ изъ находившихся въ кабинетѣ онъ заподозрилъ князя Леонидзе, что впослѣдствіи и подтвердилось.

— Извините, что я принимаю васъ почти въ темнотѣ,—сказалъ Соломонъ при входѣ Могилевскаго,—слабость моихъ глазъ не позволяетъ мнѣ пользоваться вечернимъ освѣщеніемъ, оно вредно для моихъ глазъ.

Пригласивъ Могилевскаго сѣсть, онъ немного помолчалъ.

— Я прочелъ письмо его превосходительства, генерала Тор-

масова, и очень благодаренъ ему за доброе расположеніе ко мнѣ, — проговорилъ онъ медленно, видимо, обдумывая каждое слово.

— Я, со своей стороны, могу засвидѣтельствовать передъ вашимъ высочествомъ о добромъ расположеніи къ вамъ главнокомандующаго, но и еще болѣе, государя императора,—сказалъ Могилевскій.—Я бы желалъ теперь услышать отъ вашего высочества лично ваши желанія.

Соломонъ не сразу отвѣчалъ. Письмо Тормасова не могло придать ему ни мужества, ни надежды.

— Я уже многократно писалъ о своихъ желаніяхъ и покойному генералу Рыкгофу, и графу Гудовичу, и генералу Тормасову,—сказалъ онъ, наконецъ, — теперь повторю ихъ вамъ: я прошу о передачѣ вновь въ мое владѣніе Лечгума, незаконно отнятаго у меня; я заявляю, что мои подданные переносятъ много обидъ, что мой дворецъ въ Кутаисѣ разрушенъ до основанія. Я постоянно прошу, чтобы войска были выведены изъ Имеретіи, и все напрасно!

— Ваше высочество! — отвѣчалъ на это Могилевскій. — Отправленіемъ вашихъ депутатовъ въ Петербургъ вы скорѣе всего достигнете исполненія вашихъ желаній; вы поручите имъ лично принести жалобу государю императору, и его величество, я увѣренъ, удовлетворитъ справедливыя ваши претензіи

Соломона поразило это предложеніе. Смѣлый проектъ князя Симеона Церетели, оказывается, не шелъ вразрѣзъ съ видами русскихъ властей.

— А выводъ войскъ изъ моихъ владѣній?—спросилъ царь.

— Что касается войскъ, ваше высочество, то они необходимы для защиты Имеретіи отъ вторженія турокъ, съ которыми Россія ведетъ теперь войну и обязана оберегать свои владѣнія,— отвѣчалъ Могилевскій.—Когда же война окончится, и край совершенно успокоится, тогда главнокомандующій выведетъ войска изъ Имеретіи и оставитъ лишь незначительную часть ихъ, для охраненія вашей особы и отданія приличныхъ почестей

«Для охраненія моей особы»,—мысленно повторялъ Соломонъ:—«отъ кого меня охранять? Отъ моего народа, который меня боготворитъ? Отъ моихъ князей, которые готовы умереть за меня?.. Для отданія мнѣ приличныхъ почестей... Это ли почесть, держать меня подъ карауломъ, какъ арестанта?.. О, судьба!

Я самъ прошу, чтобы меня не охраняли, нѣтъ, насильно охраняютъ! Я прошу, чтобы мнѣ не отдавали почестей, я въ нихъ не нуждаюсь, нѣтъ, насильно чествуютъ: ѣшь почести, когда онѣ тебѣ въ глотку не идутъ! О, Господи! За что же это?»

Онъ не вытерпѣлъ и высказалъ это вслухъ, только въ мягкой формѣ, хотя съ дрожью въ голосѣ.

— Я самъ настолько силенъ,—сказалъ онъ,—что не боюсь ни турокъ, ни другихъ сосѣдей, съ которыми всегда въ состояніи справиться и безъ помощи русскихъ войскъ. Если же мое желаніе относительно вывода войскъ будетъ исполнено, и мнѣ будетъ возвращенъ Лечгумъ, то я пребуду покорнымъ вѣрноподданнымъ его величества и всегда буду исполнять свои обязанности.

Но это не убѣдило Могилевскаго: напрасныя надежды!

— Выражая недовѣріе къ русскимъ войскамъ, вы тѣмъ самымъ обнаруживаете всю неискренность вашего поведенія, — отрѣзалъ казуистъ-канцеляристъ.

Неискренность! Боже великій! А они искренни, они правдивы!»—колотилось въ душѣ злополучнаго царя.

Онъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ и молчалъ. Онъ не видѣлъ, въ темнотѣ, лица своего хладнокровнаго собесѣдника. Ему видѣлось во мракѣ, въ его возбужденномъ воображеніи, милое, заплаканное лицо Дареджаны... «Они меня хотятъ взять, оторвать отъ нея, отъ моей плоти, отъ моего утѣшенія»...

Нелегко было и Могилевскому... Но онъ былъ рабъ своего долга.

Молчаніе было слишкомъ тягостно, и князь Леонидзе, до сихъ поръ ничѣмъ не обнаруживший своего присутствія при аудіенціи, рѣшился поддержать своего царя, не находившаго, повидимому, словъ для возраженія, и тутъ только Могилевскій убѣдился въ присутствіи въ комнатѣ этого, какъ онъ писалъ потомъ Тормасову, «царя бѣсовъ».

— Я знаю мысли его величества Соломона и могу отвѣтить за него,—послышался изъ темноты голосъ «царя бѣсовъ».

Но Могилевскому не хотѣлось этого. Онъ зналъ, что безъ поддержки князей Соломонъ не устоитъ противъ его подьяческой казуистики, и не желалъ вмѣшательства въ ихъ разговоръ третьяго лица, тѣмъ болѣе такого, которое, какъ выражался самъ же Могилевскій, особенно было опытно и искусно «по адскимъ дѣламъ».

— Извините, я имѣю исключительно и конфиденціально говорить съ его высочествомъ, и потому прошу оставить насъ однихъ,—сказалъ онъ рѣшительно.

Соломонъ издалъ какой то гортанный звукъ, и Леонидзе, а равно и другой кто-то, молча и невидимо присутствовавшій при аудіенціи (князь Кайхосро Церетели, какъ оказалось впослѣдствіи), молча удалились изъ кабинета.

Соломонъ и Могилевскій остались вдвоемъ, по прежнему не видя другъ друга. Царь продолжалъ молчать: отъ него не отходило плачущее личико Дареджаны. Молчаніе прервалъ Могилевскій.

— Ваше высочество находитесь подъ гнѣвомъ государя императора,—сказалъ онъ,—и потому вамъ предстоитъ одинъ путь къ спасенію, исполнить требованіе главнокомандующаго.

- Но чѣмъ же я навлекъ на себя гнѣвъ государя?—спросилъ Соломонъ подавленнымъ голосомъ.

- Поступками, враждебными Россіи, — отвѣчалъ Могилевскій.

-Я не признаю себя виновнымъ,—горячо возразилъ Соломонъ,—все происходитъ отъ клеветы злыхъ людей и несправедливыхъ доносовъ.

— А разграбленіе вашими людьми казачьяго поста, а нападеніе ихъ на транспортъ съ боевыми снарядами, слѣдовавшій изъ Тифлиса къ князю Орбеліани, осаждавшему Поти?

Обвиненіе это поразило Соломона: все, на что указывалъ теперь Могилевскій, было сдѣлано съ его вѣдома... Онъ чувствовалъ, что погибаетъ... «О, моя Имеретія, мои дѣти, моя Дареджана»!.. Онъ весь дрожалъ, сознавая всю свою виновность.

— Разберите по совѣсти, — дорѣзывалъ его между тѣмъ Могилевскій, — и судите сами, виновны вы или нѣтъ противъ данныхъ обязательствъ.

«Совѣсть... совѣсть!.. Да, я виновенъ, виновенъ (сознавался онъ въ душѣ): но меня вынудили къ этому»...

Слышно было, какъ за окномъ, въ ближайшихъ скалахъ, кричала ночная птица, кричала такъ зловѣще. Соломонъ прислушивался къ этому крику, и суевѣрный страхъ заставлялъ подниматься волосы на его головѣ.

— Что же мнѣ дѣлать, чтобы умилостивить императора?— въ отчаяньи произнесъ онъ.

— Исполнить не позже трехъ дней требованія главнокомандующаго,—былъ отвѣтъ,—отправить въ Тифлисъ депутатовъ, выдать аманатовъ, въ томъ числѣ царевича Константина, дать письменное обязательство сохранять впредь во всей святости трактатъ, вами подписанный, и, наконецъ, переѣхать на жительство въ Кутаисъ.

А ночная птица все кричитъ... Стоны ея душу надрываютъ.

— Въ Кутаисъ!—въ свою очередь какъ бы простоналъ Соломонъ.—Зачѣмъ въ Кутаисъ?.. Тамъ у меня и дворца уже нѣтъ... тамъ однѣ развалины... Зачѣмъ же мнѣ въ Кутаисъ?

Онъ всталъ, ломая руки и невольно прислушиваясь къ стонамъ филина.

— Нѣтъ! Это невозможно... это невозможно! — шепталъ онъ, совсѣмъ подавленный.—И зачѣмъ требуютъ отъ меня невозможнаго?

— Это необходимо,—добивалъ его Могилевскій,—необходимо въ доказательство довѣрія вашего къ войскамъ, и я клянусь, что вы будете тамъ безопасны.

«Клянусь... Онъ клянется... Боже! Вразуми меня, научи меня!.. Въ Кутаисъ... нѣтъ, ни за что!.. Тамъ меня схватятъ»...

Могилевскій ждалъ отвѣта, но отвѣта не было; слышно было только прерывистое дыханіе человѣка, окончательно потерявшаго голову, и, къ его же собственному несчастью, никогда не жившаго своимъ умомъ.

Могилевскій прервалъ молчаніе, слишкомъ долго длившееся.

— Теперь я вынужденъ говорить прямо и откровенно,—отчеканивалъ онъ слово за словомъ,—мѣра нашего терпѣнія кончилась... Государь императоръ, желая возстановить разрушенное благоустройство Имеретіи и доставить благоденствіе единовѣрному народу имеретинскому, повелѣлъ лишить васъ царства. Для этой цѣли собрано уже на границѣ до двухъ тысячъ человѣкъ русскихъ войскъ, готовыхъ, по первому приказанію, вступить въ предѣлы Имеретіи, а для совокупнаго дѣйствія съ ними приглашены владѣтели Мингреліи и Гуріи съ ихъ ополченіями.

Громомъ поразили эти слова Соломона. Изъ всего сказаннаго молніей прошло по его душѣ сознаніе, что онъ «лишенъ царства»...

«Лишенъ царства... лишенъ всего... нищій безъ приста-

нища... а дѣти?.. А жена?.. Дареджана?.. Всего лишенъ... За что же такая кара, Господи»!

— Впрочемъ,—помолчавъ немного, чтобы слова его произвели наиболѣе неотразимое дѣйствіе, продолжалъ Могилевскій,—если вы безъ промедленія исполните требованіе главнокомандующаго, то можете быть увѣрены, что до конца дней своихъ останетесь самовластнымъ обладателемъ Имеретіи, при всѣхъ своихъ правахъ и преимуществахъ. Вамъ будутъ доставлены царскія регаліи, жалованье и возобновленъ будетъ на счетъ казны дворецъ въ Кутаисѣ. Согласіе или несогласіе на рѣшительныя предложенія главнокомандующаго, изъ коихъ ни одно не можетъ быть отмѣнено, поведетъ къ вашему счастью или погибели.

Что было сказать на это? «Счастіе или... погибель, окончательная погибель... онъ самъ это сказалъ... А счастье? Боже! Гдѣ же оно?.. Сколько лѣтъ, какъ оно оставило меня!.. О, мое счастье, мое погибшее спокойствіе?».

— Счастье или погибель,—бормоталъ онъ, понемногу приходя въ себя,—да, да, я не хочу погибели.

— Какое же окончательное ваше рѣшеніе? — спросилъ Могилевскій.

— Я еще не знаю... подождите... я посовѣтуюсь съ первѣйшими князьями... тогда дамъ рѣшительный отвѣтъ,—все еще растерянно, почти задыхаясь, говорилъ Соломонъ.

— Такъ я ухожу,—сказалъ Могилевскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, подождите... Я желаю остаться царемъ Имеретіи.

— Это будетъ зависѣть отъ васъ.

— Но... пусть русскія войска выйдутъ изъ моихъ владѣній

— Это невозможно.

— Невозможно...

На дворѣ бушевалъ вѣтеръ; столѣтнія сосны, окружавшія замокъ, глухо шумѣли, и сквозь этотъ шумъ все еще доносились зловѣщіе стоны ночной птицы.

Могилевскій опять собрался уходить.

Новая мысль мелькнула въ растерявшейся головѣ Соломона: «Государь ничего этого не знаетъ... Онъ далеко... но онъ милостивъ, великодушенъ... Его довѣріемъ злоупотребляютъ... У него тоже есть дѣти, онъ пожалѣетъ моихъ дѣтей, мою Дареджану, мою бѣдную дѣвочку...

— Вотъ что,—сказалъ онъ, собравшись съ мыслями,—если государь императоръ, противъ котораго я, конечно, сопротивляться не могу, не желаетъ, чтобы я управлялъ царствомъ имеретинскимъ, то пусть въ удостовѣреніе своей воли напишетъ мнѣ собственноручно хоть нѣсколько строкъ, и тогда я самъ добровольно и тотчасъ же удалюсь отъ управленія.

Могилевскій улыбнулся, подумавъ: «Станетъ съ такимъ кукольнымъ царькомъ государь переписываться?.. Онъ и Наполеона-то знать не хочетъ, а то на, царь шашлыковъ!».

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не могу обнадежить, что послѣднее ваше желаніе будетъ исполнено; я только прошу, чтобы рѣшительный отвѣтъ данъ былъ мнѣ не позже утра слѣдующаго дня, такъ какъ болѣе одной ночи оставаться въ Вардъ-цихе я не могу.

И Могилевскій въ темнотѣ откланялся, самъ прервавъ безполезную, повидимому, аудіенцію.

«Хоть колъ ему на головѣ теши, онъ все свое, головотяпый черкесъ!»

XXI. Овца, коза и солдатъ.

Могилевскій, возвратившись въ свою комнату, прилегъ на низенькій оттоманъ. Онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Это завыванье вѣтра, шумъ лѣса и глухіе стоны филипа наводили на него тоску и страхъ. Ему казалось, что онъ попалъ въ разбойничій вертепъ. Всѣ смотрѣли на него косо, враждебно.

Въ комнату его вошелъ Наркизъ, нукеръ изъ армянъ, пріѣхавшій съ нимъ изъ Тифлиса. Могилевскій довѣрялъ ему и держалъ его при себѣ въ качествѣ шпіона и сыщика.

— Подай мнѣ трубку, Наркизъ, — сказалъ Могилевскій, зѣвая отъ нервной головной боли.

Наркизъ, набивъ трубку и подавая ее, лукаво улыбался.

— Ты что улыбаешься?—спросилъ его Могилевскій.

— Ой, ой, ой, гаспадинъ, этотъ князь Зурабъ,—отвѣчалъ армянинъ, качая головой.—У! Старый лисицъ! За нимъ сабакъ, за нимъ сабакъ, а онъ имъ хвастомъ къ посу... Сабакъ вотъ-вотъ схватилъ хвостъ, а лисицъ какъ махнетъ хвастомъ въ сторону, подъ гору, всѣ сабакъ за хвастомъ такъ и свалился подъ гору, и старый лисицъ на горѣ, и только смѣйся надъ сабакъ.

— Я самъ его довольно знаю,—сказалъ Могилевскій.—А что онъ теперь?

— Сказалъ мнѣ: скажи твоему господину, что я не пойду къ нему, меня царь за это кеснмъ башка.

И армянинъ вдругъ схватился за животъ и сталъ качаться изъ стороны въ сторону, словно отъ нестерпимой боли.

— Что съ тобой, Наркизъ?—спросилъ Могилевскій.

— Ой, ой! Умру отъ смѣхъ, убей тебя Богъ, умру!

— Спасибо за пожеланіе... Чего же тебѣ смѣшно, дуракъ?

— Ого! Не я дуракъ, а аны всѣ дуракъ, ой, какой балшой дуракъ, какой свинскій дуракъ! Князь Зурабъ, старый лисицъ, всѣхъ ихъ напугивалъ... О, какой дуракъ эти имеретинъ! Князь Зурабъ, старый лисицъ, имъ сказалъ: русская земля такой балшой земля, что въ немъ солнце никогда не захадилъ: съ лѣвой старапа солнце еще не сѣлъ, а съ правой ужъ всталъ, у Москва ночь, а у Сиберу день... И дуракъ имеретинъ повѣрилъ, вотъ дуракъ! Развѣ я повѣрилъ, когда бы онъ мнѣ сказалъ: въ Кутаисъ солнце сѣлъ, а въ Тифлисъ всталъ?

Могилевскій не счелъ нужнымъ просвѣщать его на этотъ счетъ; напротивъ, ему было на руку, что имеретины напуганы разсказами о неизмѣримости Россіи.

— Еще князь Зурабъ напугивалъ глупыхъ имеретинъ царемъ-пушкамъ и царемъ-колоколамъ,—продолжалъ удивляться армянинъ имеретинской глупости. — Онъ сказалъ: у русскаго царя есть такой пушка, что если царь выстрѣлитъ изъ этого пушка въ Москва, такъ ядро упадетъ на Тифлисъ, и Тифлисъ капутъ... И дуракъ имеретинъ повѣрилъ и испугалъ себя... А царь-колоколъ, говоритъ, такой балшой, какъ домъ и, когда зазвонитъ на Москва, въ Сиберу слышно, и тамъ люди началъ крестить себя.

Въ это время въ комнату вошелъ князь Леонидзе съ самымъ привѣтливымъ выраженіемъ на лукавомъ и заискивающемъ лицѣ.

— А я къ вамъ, я велѣлъ подавать вамъ сюда ужинъ,—сказалъ онъ,—вѣроятно, вы очень устали.

— Благодарю васъ, князь, — сказалъ Могилевскій. — А устать я, дѣйствительно, усталъ.

— Да, да, неудивительно... А царь такъ огорчелъ, что даже заболѣлъ и отъ пищи отказался.

Въ это время слуги внесли подносы, уставленные восточными кушаньями, а равно кувшинами съ виномъ. Князь Леонидзе самъ налилъ два кубка кахетинскимъ, и одинъ кубокъ подалъ Могилевскому.

— Пью за здравіе его императорскаго величества, государя императора!—сказалъ онъ, чокаясь съ гостемъ.

Они отпили изъ кубковъ.

— Теперь выпьемъ за здравіе его превосходительства, господина главнокомандующаго.

Снова выпили. Потомъ пилъ князь Леонидзе за самого Могилевскаго.

— Вы имѣете большое вліяніе на царя,—говорилъ за ужиномъ этотъ послѣдній,—убѣдите его исполнить требованія генерала Тормасова.

— О! Я всѣ силы употреблю для этого, повѣрьте мнѣ,—увѣрялъ Леонидзе.

— Не забудьте,—напомнилъ ему Могилевскій,—что я жду рѣшительнаго отвѣта завтра утромъ.

— Будьте покойны, все сдѣлаю.

И онъ вскорѣ ушелъ въ совѣтъ. Когда слуги унесли принадлежности ужина, и Могилевскій остался одинъ, онъ велѣлъ своему армянину сходить секретно къ князю Зурабу Церетели и позвать его къ себѣ.

— Да чтобъ никто объ этомъ не узналъ,—прибавилъ Могилевскій.

— О, не бойся, гаспадинъ: нѣтъ такого имеретинъ, котораго Наркизъ не провелъ бы,—самодовольно проговорилъ армянинъ,—я и стараго лисицъ за хвостъ поймалъ.

Но скоро Наркизъ воротился ни съ чѣмъ.

— Старый лисицъ у царя,—сказалъ онъ,—а мнѣ мой кунакъ тутъ сейчасъ сказалъ, что къ тебѣ придетъ старый волкъ въ овечья шкура.

— Кто такой?

— Самъ старый князь Кайхосро Церетели... Кунакъ мой самъ одѣвалъ его овцомъ.

— Какъ одѣвалъ? Переодѣвалъ?

— Да, господинъ, въ чужой бешметъ, чтобъ ты его не узналъ.

«Что за чепуха!»—подумалъ Могилевскій. — «Они точно дѣти».

Дѣйствительно, вскорѣ явился переодѣтый въ чужое платье князь Кайхосро Церетели. Но Могилевскій сразу озадачилъ его.

— Что съ вами, князь Кайхосро?—спросилъ онъ.—Вы не въ своемъ видѣ.

— Да, точно,—смѣшался старый хитрецъ,—видите ли, на дворѣ дождь, и меня всего промочило, такъ я и переодѣлся... Я пришелъ поговорить съ вами.

— Я очень радъ, — сказалъ Могилевскій, — вы, князь, сколько мнѣ извѣстно, самое уважаемое лицо въ Имеретіи и всѣхъ болѣе любимы вашимъ государемъ... Помогите мнѣ, на васъ только надѣюсь.

— Охотно, въ чемъ могу,—отвѣчалъ польщенный хитрецъ.

— Вспомните, какія бѣдствія ожидаютъ Имеретію, ея царя и всѣхъ васъ, если вы не исполните справедливыхъ требованій главнокомандующаго, — говорилъ Могилевскій и досталъ изъ своего портфеля какую-то бумагу.—Вотъ копія съ письма главнокомандующаго къ царю, которое долженъ вручить ему полковникъ Симоновичъ, имѣющій занять войсками Имеретію. Генералъ Тормасовъ пишетъ: «Имѣя мечъ, уже подъятый для каранія преслушныхъ священной волѣ его императорскаго величества, я долженъ буду удалить ваше высочество отъ управленія царствомъ Имеретинскимъ».

— Мечъ подъятый,—повторялъ про себя князь Кайхосро,—это ужасно, ужасно!—качалъ онъ головою.

— Но вы слушайте дальше,—продолжалъ Могилевскій.—«Между же тѣмъ,—пишетъ главнокомандующій,—по искреннему моему къ вамъ усердію, коего опытъ можете видѣть изъ того чистосердечія, съ каковымъ я объясняюсь съ вами, давая вамъ черезъ то время обратиться на путь истинный, я молю благость Всемогущаго Бога, чтобы Онъ святою силою Своею вселилъ въ васъ спасительныя мысли и даровалъ вамъ черезъ то спокойствіе и ненарушимое благоденствіе, коего лишаютъ васъ злые ваши совѣщатели»...

При этомъ Могилевскій такъ неожиданно глянулъ прямо въ глаза князя Кайхосро, что тотъ невольно вздрогнулъ и потупился.

...«злые ваши совѣщатели, желающіе гибели вамъ и соб-

ственному своему отечеству»,—закончилъ Могилевскій и положилъ бумагу въ портфель.

— Не знаю, о какихъ это злыхъ совѣщателяхъ говоритъ главнокомандующій,—смиренно замѣтилъ князь Кайхосро.

— Есть такіе,—уклончиво отвѣчалъ Могилевскій, — даже такіе есть, которые обпадеживаютъ царя помощью Наполеона.

— Ктожъ это такіе?—съ дѣланною наивностью спросилъ Церетели.

— А тѣ, которые сносятся съ польскимъ іезуитомъ и шпіономъ... «Sa majesté l'empereur des français s'engage»...— съ улыбкой проговорилъ Могилевскій.

Церетели догадался, что это онъ намекаетъ на ту бумагу, которая перехвачена была солдатами на границѣ Имеретіи... «Ну, да она не подлинная, мы отъ нея всегда можемъ отпереться»,—успокаивалъ себя князь Кайхосро.

— Мало ли что на насъ клевещутъ!—смиренно произнесъ онъ.—Наполеонъ... Наполеонъ далеко отъ насъ.

— Да,—согласился Могилевскій,—отъ Наполеона до Имеретіи дальше, чѣмъ отъ Кутаиса до луны.

Время перевалило уже за полночь. Дождь пересталъ, и изъ-за разорванныхъ облаковъ показалась полная луна, прямо глядѣвшая въ окна комнаты Могилевскаго. Оттого онъ и упомянулъ о лунѣ... «Свѣтитъ, да не грѣетъ,—подумалъ онъ,—такъ и Наполеонъ для Имеретіи»...

Князь Церетели посидѣлъ, помолчалъ и сталъ прощаться.

— Такъ завтра утромъ я жду рѣшительнаго отвѣта,— сказалъ Могилевскій, провожая своего гостя.

— Будетъ рѣшительный отвѣтъ,—сказалъ князь Кайхосро, удаляясь.

Вошелъ армянинъ Наркизъ. На лицѣ его играла многозначительная улыбка. Могилевскій достаточно изучилъ его и зналъ, что подъ улыбкой оно скрываетъ или какую-нибудь сплетню, или же серьезное извѣстіе, и стоило обозвать его дуракомъ, чтобы онъ его выложилъ.

— Ты что, дуракъ, улыбаешься?—прибѣгнулъ Могилевскій къ обычной своей уловкѣ.

— Нѣтъ, я не дуракъ, таспадинъ,—возразилъ горячо Наркизъ,—армянинъ не дуракъ, никогда никакой армянинъ не былъ дуракъ... Армяшка машенникъ! — Никогда армяшка не былъ

машенникъ! Имеретинъ—всѣ дуракъ и машенникъ, грузинъ—дуракъ и машенникъ, а армянинъ—всѣ умный!

— Ну, хорошо, хорошо, вѣрю,—улыбнулся Могилевскій.

— Имеретинъ—вотъ дубовый дуракъ! Мой кунакъ имеретинъ сичасъ гаваритъ: болши вада, болши русскимъ бѣда, болши зелоны листъ, болши имеретинъ въ гора свистъ.

— Что? Что? Ты что болтаешь?

— Не я балтай, а имеретинъ: болши вада, болши русскимъ бѣда, болши зелони листъ, болши имеретинъ въ гора свистъ.

— Что же это означаетъ?

— Эта азначаитъ слѣдующи: кунакъ гаваритъ: рѣка въ Имерети всѣ разольютъ, русскимъ бѣда, хадить нельзя; а деревья болшомъ листомъ накроютъ, имеретинъ въ гара ни адинъ шайтанъ не найдетъ.

— Теперь понялъ,—соображалъ Могилевскій,—значитъ, они ждутъ, чтобы всѣ рѣки разлились, да деревья покрылись бы погуще листомъ, тогда русскіе ничего съ ними не подѣлаютъ?

— Да, такъ гаваритъ мой кунакъ. Онъ дуракъ, а я не дуракъ.

Могилевскій все понялъ. «Такъ они потому оттягиваютъ съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, что ждутъ таянія снѣговъ въ горахъ и разлитія рѣкъ, чтобы русскимъ отрядамъ нельзя было шагу сдѣлать? Они выжидаютъ, чтобы лѣса, сплошными борами покрывающіе горы Имеретіи, вполнѣ одѣлись листомъ?.. Вполнѣ восточная дипломатія!.. Тогда лови ихъ въ горахъ да въ дремучихъ лѣсахъ... Ловко придумано... Такъ я же не дамся на эту удочку»,—соображалъ онъ, выкуривая послѣднюю передъ сномъ трубку.

— Ты умный человѣкъ, Наркизъ,—сказалъ онъ,—и спасибо тебѣ за усердіе... Вотъ тебѣ лобанчикъ.—И Могилевскій сунулъ армянину въ руку червонецъ.

— Хитра, хитра имеретинъ, а дуракъ,—бормоталъ Наркизъ, пряча червонецъ въ карманъ, — ишь ты! Болши вода—болши бѣда... Толко вы, гаспадинъ, мой кунакъ не трогай.

— Какой твой кунакъ?—спросилъ Могилевскій.

— А тутъ есть мой кунакъ имеретинъ: онъ все мнѣ гаваритъ и будетъ все гаварить, а я тебѣ.

— Хорошо, мы его не тронемъ.

Вдругъ Наркизъ опять схватился за животъ, стараясь не разсмѣяться громко и не шумѣть ночью.

— Ты что еще?—спросилъ Могилевскій, ожидая новой выходки своего Лепорелло.

— Ой, ой, ой, гаспадинъ! Мой кунакъ гаварилъ мнѣ еще объ каза и объ овца, и имъ всѣмъ гаварилъ старый лисицъ, князь Зурабъ.

— Что это еще за коза и овца?—полюбопытствовалъ Могилевскій.

— А вотъ: жилъ себѣ, гаваритъ князь Зурабъ, каза и авца, и паслись на луга; вотъ каза и ну пырять авца рагамъ: не ѣшь мою траву. Авца заплакала и пошла къ русскому салдату: не вели казѣ меня пырять рагамъ и гнать съ луга. А ты что мнѣ дашь, авца, если я праганю казу? гаваритъ салдатъ.—Дамъ тебѣ шерсть, гаворитъ авца.—Харашо.—Прогналъ салдатъ казу и сталъ авцу стричь, а дѣтей ея, молодыхъ барашка, сталъ рѣзать себѣ на шашлыкъ.

И Наркизъ снова схватился за животъ.

— Ну, что же, только-то?—спросилъ Могилевскій.

— Нѣтъ, не все, гаспадинъ... Князь Зурабъ гаваритъ: авца—эта Грузія, каза Персія, а салдатъ—салдатъ и есть.

Могилевскій понялъ все ехидство басни, проповѣдуемой имеретинамъ коварнымъ Зурабомъ.

— Гнусная змѣя!—прошепталъ онъ.

Могилевскаго тѣмъ болѣе возмущало поведеніе князя Зураба Церетели, что государь отличалъ его особенными милостями, пожаловалъ ему чинъ полковника при самомъ лестномъ рескриптѣ и положилъ содержаніе по 1,200 руб. въ годъ... «И вдругъ такая низкая измѣна!»...

XXII. Чистилище и видѣніе.

Могилевскій проснулся, когда утреннее солнце, прорѣзавъ своими лучами боръ, окружающій замокъ Вардъ-цихе, залило свѣтомъ всю его комнату.

Вставъ съ постели и надѣвъ на ноги кавказскіе ичиги изъ желтаго сафьяна, онъ подошелъ къ окну. Лѣсъ, дѣйствительно,

весьма замѣтнымъ образомъ одѣвался пышнымъ зеленымъ листомъ.

«Да, скоро густота его будетъ непроницаема, — подумалъ онъ,—Наркизовъ кунакъ правъ... Дикари и ихъ дикій царь разбредутся по горамъ и лѣснымъ ущельямъ, какъ горныя козы, и тогда ищи ихъ... Но что за красота кругомъ!.. Дикари, какъ и птицы, умѣютъ выбирать для своего жилья такія чудныя мѣста»...

— Наркизъ!—позвалъ онъ своего слугу.—Давай умываться и одѣваться.

Замковые служители принесли утреннюю холодную закуску съ виномъ и кофе.

Подавая Могилевскому одѣваться, Наркизъ все что-то качалъ головой.

— Ты что?—спросилъ Могилевскій.

— Да вотъ, кунакъ мой смѣется: гаваритъ, не Грузія авца, а Имеретія, и не Персія каза рагатая-бадатая, а князья имеретинскіе; все это, гаваритъ, казолъ на казлѣ, и своихъ бѣдныхъ имеретинъ и стригутъ, и доютъ, и масла съ нихъ пахтаютъ, и барашка ихъ на шашлыкъ рѣжутъ, а царь ихъ ничево этаво не видитъ.

Могилевскій самъ очень хорошо зналъ, что князья потому такъ стоятъ за своего безвольнаго и безхарактернаго царя, что боятся за свою шкуру, боятся, что русскіе не позволятъ имъ грабить свой народъ, живущій въ полудикомъ состояніи и питающійся крохами, падающими со стола князей. Не Имеретія имъ дорога, а даровой шашлыкъ...

Въ это время къ нему вошелъ князь Симеонъ Церетели и, поздоровавшись, пригласилъ въ царскій совѣтъ.

— Всѣ уже собрались и готовы дать окончательный отвѣтъ,—пояснилъ онъ.

Могилевскій всталъ, и они направились въ залу совѣта. Отворивъ дверь въ залу, князь Симеонъ пропустилъ мимо себя Могилевскаго, поклонился, но въ залу не вошелъ, потому что не принадлежалъ къ составу царскаго совѣта.

Въ залѣ совѣщанія Могилевскій увидѣлъ волосатаго митрополита Софронія, любителя куръ, протоіерея Николоза, князя Соломона Леонидзе «царя бѣсовъ», какъ его назвалъ Могилевскій, князя Цехнію Цулукидзе и князя Кайхосро Церетели. Но было въ совѣтѣ ни самого царя, ни князя Зураба Церетели.

Вошедшаго пригласили сѣсть.

— Я не вижу здѣсь князя Зураба Церетели,—замѣтилъ Могилевскій, которому очень хотѣлось бы теперь взглянуть въ лицо этой старой лисѣ, распускавшей аллегоріи объ овцѣ, козѣ и солдатѣ.

— Князь Зурабъ боленъ,—отвѣчалъ Леонидзе.

— Теперь я желаю услышать,—началъ Могилевскій, немного помолчавъ,—на чемъ остановилось рѣшеніе его высочества царя Соломона и его совѣта по предъявленнымъ вчера мною требованіямъ главнокомандующаго.

Всѣ потупились, и только съ волосатаго лица митрополита Софронія смотрѣли на вопрошающаго два сердитыхъ глаза, которые какъ бы говорили: «и ты ѣлъ монхъ хохлатыхъ курочекъ».

— Его величество, царь Соломонъ II, Божіею милостію государь и повелитель Имеретіи, приказалъ объявить вамъ, посланцу генерала Тормасова, что онъ, самовластный владыка Богомъ врученной ему страны, изъ всѣхъ требованій генерала можетъ согласиться только на одно, на отправленіе къ государю императору депутатовъ отъ царства имеретинскаго; прочія же требованія генерала исполнены быть не могутъ,—однимъ духомъ, словно ектенью, проговорилъ сердитый митрополитъ.

«А,—мелькнуло въ головѣ Могилевскаго,—вы ждете разлива рѣкъ, да покрытія деревьевъ листомъ: не будетъ же вамъ этого!».

— Это рѣшительный отвѣтъ царя?—спросилъ онъ, обращаясь къ Леонидзе и думая поймать на лицѣ его хоть тѣнь замѣшательства послѣ ночныхъ переговоровъ.

Ничуть не бывало! Лицо это было нахально невозмутимо, словно у профессіональнаго вора, пойманнаго на мѣстѣ и глубоко убѣжденнаго, что воровать—святое, законное дѣло.

— Рѣшительный!—отвѣчалъ онъ невозмутимо.

Возмущенный этимъ нахальствомъ Могилевскій не нашелся сразу что сказать. Зачѣмъ же его пытали вчера цѣлый день? Зачѣмъ мучили ночью? Для чего оставили ночевать въ этомъ разбойничьемъ гнѣздѣ? А? Вамъ нужна полая вода и зеленые листья... Хорошо же!»... Онъ порывисто всталъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ нечего дѣлать здѣсь,—сказалъ

онъ съ дрожью въ голосѣ, — и я прошу доложить царю, что желаю ему откланяться и уѣхать съ этимъ отвѣтомъ.

Всѣ переглянулись.—«Ара икнеба» (этого нельзя),—пробурчалъ сквозь бороду Софроній и, перекинувшись нѣсколькими гортанными звуками, всѣ вышли изъ залы, оставивъ Могилевскаго одного.

«Ну, желалъ бы я, чтобы на моемъ мѣстѣ былъ самъ генералъ,—проговорилъ онъ про себя,—тогда узналъ бы онъ, что значитъ быть посломъ у имеретинъ».

Онъ всталъ, подошелъ къ окну и снова залюбовался разстилавшейся передъ нимъ картиной. Болѣе, чѣмъ когда-либо, ему понятно стало, какъ дорога должна быть свобода для этихъ дѣтей горъ и лѣсовъ. Живутъ на одной высотѣ съ орлами, такіе же, какъ орлы, хищники, ничего, кромѣ своихъ горъ, не видали, никакихъ законовъ, кромѣ прадѣдовскихъ обычаевъ, не знаютъ и знать не хотятъ, и вдругъ!.. Его взоръ приковало какое-то видѣніе: на боковой замковой террасѣ мелькнуло что-то бѣлое... Это—женщина, закутанная чадрой... Съ карниза башни слетѣлъ бѣлый голубь и сѣлъ ей на плечо. Головка голубя потянулась къ лицу этой женщины, къ губамъ, точно птица хотѣла поцѣловать это прелестное видѣніе... Видѣніе тихо отстранило головку маленькою ручкой.

«Неужели это Дареджана, о красотѣ которой такъ много говорили въ Тифлисѣ?»

Дѣвушка казалась печальною.—«И не удивительно».—подумалъ Могилевскій и отошелъ отъ окна: онъ догадался, что невольною причиной печали этой прелестной дѣвушки былъ онъ, Могилевскій, и ему не хотѣлось, чтобы она его увидѣла... «Еще назоветъ мучителемъ своего отца»...

Долго не возвращались совѣтники царя. Наконецъ, дверь отворилась, и они начали входить одинъ за другимъ. Могилевскій ждалъ ихъ стоя, какъ бы намѣреваясь сейчасъ уйти. Онъ молчалъ. Впередъ выступилъ князь Леонидзе.

— Его величество соглашается,—заговорилъ онъ,—вмѣсто аманатовъ послать къ главнокомандующему преосвященныхъ Кутатели и Гепатели и первѣйшихъ имеретинскихъ князей, которые, отъ имени его величества, дадутъ обязательство и присягнутъ, что впредь ни они, ни самъ царь не отступятъ отъ своихъ обязанностей и будутъ свято сохранять всѣ пункты трак-

тата. Аманатовъ же его величество дать не соглашается, точно также и новаго письменнаго обязательства: однажды принявъ присягу и подписавъ трактатъ, онъ считаетъ достаточнымъ, если новыя обязательства будутъ подписаны князьями и духовенствомъ. Выдача же царевича Константина и пріѣздъ его величества въ Кутаисъ есть дѣло невозможное и не можетъ быть исполнено царемъ.

Леонидзе кончилъ и взглянулъ на Софронія. Митрополитъ сердито перебиралъ чотки, точно считалъ, сколько у него осталось въ живыхъ его любимыхъ курочекъ.

У Могилевскаго глаза сверкнули досадой; но, какъ дипломатъ и парламентеръ, онъ сдержался.

— И въ семъ случаѣ я повторяю,—твердо произнесъ онъ,—что долженъ проститься съ царемъ и уѣхать.

— Подождите немного, мы еще поговоримъ съ его величествомъ,—сказалъ Кайхосро Церетели.

Онъ зналъ, что безхарактерный и безвольный Соломонъ, перепуганный чуть не до обморока, былъ бы сговорчивѣе и податливѣе всѣхъ ихъ, почему они и не пускали ни его къ Могилевскому, ни Могилевскаго на глаза къ царю; а потому и рѣшилъ, по безмолвному соглашенію съ другими, еще поторговаться съ упрямымъ чиновникомъ.

Совѣтники снова ушли къ царю.

Могилевскій выглянулъ въ окно, принявъ предосторожность, чтобы его не замѣтили; но милое видѣніе уже исчезло съ террасы; вмѣсто него, тамъ стояли двое юношей и что-то говорили, показывая на лѣсъ. То были царевичи Ираклій и Давидъ.

«И они ждутъ отъ лѣса чуда,—подумалъ Могилевскій и усмѣхнулся.—Ну, имеретины не похожи на овецъ: это скорѣе волки».

Опять воротились совѣтники.

— Его величество рѣшился,—объявилъ Леонидзе,—послать къ главнокомандующему какъ можно скорѣе митрополитовъ и князей съ просьбою о помилованіи и просить васъ остаться при немъ, пока не будутъ собраны депутаты, чтобы вы, отправляясь вмѣстѣ съ ними, могли ходатайствовать у главнокомандующаго въ пользу Имеретіи.

Могилевскій все болѣе и болѣе терялъ терпѣніе.

— Оставаться я здѣсь не могу,—возможно сдержанно от-

вѣчалъ онъ,—и тѣмъ болѣе, что, зная рѣшительную волю государя императора, считаю излишнимъ ѣхать съ предполагаемымъ посольствомъ, и потому больше, нежели напрасно, тратить время... Въ послѣдній разъ объявляю: требованія главнокомандующаго должны быть непремѣнно исполнены.

Помявшись на мѣстѣ и нѣсколько разъ перекинувшись своими гортанными «ара икнеба», совѣтники снова пошли къ своей царственной куклѣ, точно къ таинственной и невидимой Пиоіи.

— Это адъ! Чистилище!—невольно вырвалось у Могилевскаго.

Ему пришлось ждать недолго. Не успѣлъ онъ выглянуть въ окно, не явится ли ему опять милое видѣніе, какъ въ комнату вошли совѣтники.

— Нѣтъ, нѣтъ!—еще на порогѣ горячился Леонидзе.—Мы не выдадимъ царевича Константина! Онъ наслѣдникъ престола, онъ надежда Имеретіи, наша надежда!

— Требуйте, кого хотите, только не царевича,—говорилъ и Кайхосро Церетели.

— Онъ правая рука царя,—добавилъ и молчаливый Цехнія Цулукидзе.

— Мы за царевича, какъ и за царя, у престола Всевышняго предстоимъ!—кричали и Софроній, и протопопъ Николозъ.

Это была самая чувствительная струна въ сердцѣ Имеретіи, за которую нельзя было дотрагиваться.

Сдержанность покинула, наконецъ, и Могилевскаго. «Я ѣду сейчасъ!» И онъ направился было къ двери, но его удержали, умоляя остаться.

— Мы идемъ въ послѣдній разъ къ царю,—торопливо говорили они,—мы скоро вернемся...

Опять Могилевскій остался одинъ. «Господи! Да это чистилище!» хватался онъ за голову *).

Вдругъ ему послышалось, что кто-то тихонько вошелъ. Онъ оглянулся и остолбенѣлъ... Предъ нимъ предстало... видѣніе... Бѣлая чадра, прозрачной фатой ниспадавшая на плечи, не скрывала прелестныхъ чертъ милаго видѣнія... Оно робко при-

*) Въ письмѣ къ Тормасову отъ 24-го февраля Могилевскій говоритъ: «Если живой грѣшникъ можетъ на землѣ мучиться адскими муками, то пусть заведетъ дѣло съ имеретинами для очищенія своей души».

ближалось и остановилось въ нерѣшительности съ потупленными глазами.

— Вы кто?—тихо, словно испуганно, спросилъ Могилевскій.

— Я несчастная дочь несчастнаго отца, — чуть слышно проговорило видѣніе.

Могилевскій не зналъ, что сказать. Воля его, казалось, была парализована.

— Я царевна Дареджана,—проговорило видѣніе, и въ голосѣ его слышались слезы.

— Ваше высочество!—могъ только сказать посолъ главнокомандующаго.

— О! Зачѣмъ вы мучите моего несчастнаго отца!—подняла она на него свои лучистые, умоляющіе глаза.

— Ваше высочество! Это не моя воля...

— Знаю... Но мой отецъ страдаетъ, это пытка! За что же?

— Повторяю, ваше высочество, это не моя воля.

— Знаю... Но государь добрѣе, чѣмъ вы его хотите намъ представить.

— Ваше высочество... я...

— О! Да, государь, говорятъ, ангельской доброты, это всѣ говорятъ... Нѣтъ государя великодушнѣе его... У него и на портретѣ ангельское выраженіе. Сжальтесь же надъ нами!

И она взяла его за руку. Могилевскій совсѣмъ растерялся. Онъ почувствовалъ, что это видѣніе сильнѣе всѣхъ совѣтниковъ Соломона, всѣхъ его князей и митрополитовъ. Онъ былъ побѣжденъ...

— Богомъ клянусь вамъ, что я постараюсь сдѣлать все, что отъ меня будетъ зависить,—сказалъ онъ растроганно, цѣлуя маленькую ручку царевны.

Она съ нѣжною благодарностью взглянула ему въ глаза, въ самую душу, казалось.

— Благодарю васъ, — прошептала она, — я буду за васъ молиться.

И видѣніе исчезло. Могилевскому показалось, что онъ видѣлъ сонъ, и онъ стоялъ потрясенный, очарованный.

Когда вслѣдъ затѣмъ, въ комнату вошли совѣтники царя, онъ, подъ вліяніемъ непонятныхъ для него чаръ, первый заговорилъ съ ними, и голосъ его былъ мягче, задушевнѣе.

— Вѣрьте мнѣ, я искренно желаю добра его высочеству,—

сказалъ онъ.—Я рѣшаюсь на крайнюю мѣру, на которую я не уполномоченъ: я буду ходатайствовать передъ главнокомандующимъ и просить его, чтобы онъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки согласно желаніямъ царя. Я тотчасъ же изъ Кутаиса отправлю къ генералу курьера съ изложеніемъ мыслей его высочества и, надѣюсь, онъ уважитъ мое ходатайство.

Лица совѣтниковъ нѣсколько просвѣтлѣли. Они видѣли, что роковой часъ откладывается, а тамъ, что будетъ, то и будетъ. Главное для нихъ было выиграть время. А въ нѣсколько дней и природа, и они сами сдѣлаютъ много.

Когда затѣмъ Могилевскаго допустили къ Соломону, послѣдній встрѣтилъ его съ радостнымъ лицомъ и горячо жалъ ему руку.

— Я бы просилъ васъ только остаться у меня здѣсь гостемъ до тѣхъ поръ, пока вашъ курьеръ не возвратится изъ Тифлиса,—сказалъ онъ, не выпуская его руки.

— Глубоко благодаренъ вашему высочеству за милостивое приглашеніе погостить у васъ, но, къ сожалѣнію, я не могу воспользоваться вашей милостью: по инструкціи, я сегодня же долженъ быть въ Кутаисѣ,—отвѣчалъ Могилевскій, а самъ думалъ, если я хоть день останусь здѣсь, то лѣсная фея окончательно сведетъ меня съ ума, и я не ручаюсь, что не поступлю противно моему долгу и присягѣ.

И онъ откланялся. Въ комнатѣ своей онъ засталъ князя Симеона Церетели, по распоряженію котораго замковые слуги сервировали богатый обѣдъ отъѣзжавшему послу.

Пока Могилевскій наскоро обѣдалъ вмѣстѣ съ княземъ Симеономъ и княземъ Леонидзе, лошади были осѣданы, и все было готово къ отъѣзду.

Выѣхавъ изъ замка въ сопровожденіи своего вѣрнаго Наркиза и особаго конвоя изъ имеретинцевъ, онъ невольно оглянулся и, какъ ему показалось, вздрогнулъ и покраснѣлъ.

На внѣшней террасѣ замка стояло видѣніе и кивало ему головкой, закутанной бѣлою чадрою.

XXIII. Любовь и предательство.

Хотя, какъ мы видѣли выше, совѣтники царя Соломона болѣе всего сопротивлялись отправкѣ царевича Константина въ Тифлисъ въ качествѣ аманата, однако, теперь царевичъ самъ рвался туда всѣми силами своей пылкой души. Ему не мила стала Имеретія; для него потеряла обаяніе будущая корона его предковъ.

Что же случилось?

Около четырехъ лѣтъ тому назадъ мы оставили красавицу Карабага, прелестную Геоухеръ, женою старой развалины, бывшаго хойскаго владѣтеля Джафаръ-Кули-хана, купившаго ее, какъ свой будущій шашлыкъ изъ молоденькой овечки, у ея брата, лукаваго Мехти-ага, исходатайствованіемъ ему, помимо прямого наслѣдника, владѣніе карабагскимъ ханствомъ. Геоухеръ, какъ восточная женщина, покорилась горькой необходимости. Въ силу вѣкового восточнаго афоризма, что «овечка не знаетъ, какой изъ нея выйдетъ вкусный шашлыкъ», она, сколько ни плакала, а должна была пойти на шашлыкъ сластолюбивому Джафаръ-Кули-хану, хотя шашлыкъ этотъ и оказался только... иллюзіею старца... Геоухеръ такъ и осталась овечкой...

Само собою разумѣется, что она заскучала въ гаремѣ постылаго супруга, между тѣмъ какъ ея огненный темпераментъ и молодость требовали жизни, любви, всего, къ чему неотразимо влекла ее всесильная природа.

Милый братецъ, продавая сестрицу за тронъ Карабага, не желалъ, однако, терять изъ виду ни свой товаръ, ни его всесильнаго покупщика, который, пользуясь расположеніемъ русскихъ властей, могъ ему и впредь пригодиться при его политической блудливости. Для этого онъ оставилъ при сестрѣ своей, женѣ Джафаръ-Кули-хана, своего соглядатая или министра-резидента, въ лицѣ ловкаго и красиваго карабагскаго аги, Мирза-Али, любимца покойнаго Ибраимъ-хана.

Первый разъ мы мелькомъ видѣли этого красавца въ то время, когда Геоухеръ вмѣстѣ съ царицею Маріею и Дареджаной возвращалась изъ Кисловодска и Пятигорска и когда на половинѣ Кавказскаго хребта, у поста Коби, ее встрѣтилъ конвой, посланный ей навстрѣчу отцомъ, Ибраимъ-ханомъ. Во главѣ

этого почетнаго конвоя и находился Мирза-Али и онъ же со своимъ конвоемъ сопровождалъ Геоухеръ до самой Шуши.

Этотъ красавецъ, какъ и всѣ мужчины Карабага, Грузіи и Имеретіи, давно былъ неравнодушенъ къ кружившей всѣмъ головы дочери карабагскаго хана.

Теперь, очутившись при особѣ стараго Джафаръ-Кули-хана, въ качествѣ его личнаго секретаря, Мирза-Али только и мечталъ о предметѣ своей тайной страсти. Но теперь Геоухеръ была для него невидима и недосягаема, какъ звѣзда небесная. Отъ юнаго арабченка Юсуфки, подававшаго Джафаръ-Кули-хану наргиле и трубки и бѣгавшаго впереди его коня въ роли «саиса *), Мирза-Али зналъ, что молодая бегюмъ Геоухеръ очень скучаетъ въ своемъ гаремѣ и часто плачетъ. Юсуфка, какъ подростокъ, былъ вхожъ въ гаремъ и ему была извѣстна вся закулисная сторона женской половины дома Джафаръ-Кули-хана. Мирза-Али сталъ ласкать Юсуфку и усердно пичкать лакомку-арабченка кишмишомъ и рахатъ-лукумами, воспитывая въ немъ себѣ союзника и соглядатая. Юсуфка поѣдалъ кишмишъ и рахатъ-лукумъ и превозносилъ въ гаремѣ «добраго господина» до такой степени, что и черномазая, но все-таки очень миленькая дочь Джафаръ-Кули-хана отъ первой его жены, Султанетъ бегюмъ, Фатима, заочно влюбилась въ Мирзу-Али. Охотно слушала болтовню Юсуфки и Геоухеръ, тѣмъ болѣе, что она давно знала Мирзу-Али и еще дорогой изъ Пятигорска, когда онъ былъ въ ея конвоѣ, и въ Шушѣ, въ домѣ отца, не могла не замѣтить его страстныхъ взглядовъ, украдкой бросаемыхъ имъ на нее, и взглядовъ ненависти, которыми онъ дарилъ барона Клодта фонъ-Юргенсбургъ.

Исподволь приручивъ къ себѣ арабченка, Мирза-Али сталъ осторожно посвящать его въ свое довѣріе. Тактика его была слѣдующая:

— Былъ ты сегодня въ гаремѣ? — спроситъ онъ Юсуфку, насыпая въ его карманъ кишмишу.

— Былъ,—отвѣчаетъ Юсуфка, глотая рахатъ-лукумъ.

— Здорова ли Султанетъ-бегюмъ?

— Здорова, пила кофе.

---

*) «Саисы» — маленькіе скороходы, длинной тростью расчищающіе путь отъ прохожихъ, когда по улицѣ ѣдетъ знатный вельможа.

— Благодареніе Аллаху, что добрая бегюмъ здорова. А маленькая Фатима (ей было двѣнадцать лѣтъ) здорова?

— Здорова... Она тихонько велѣла тебя поцѣловать,—лукаво улыбается Юсуфка.

— Да? Такъ ты ей скажи тихонько, что я цѣлую ея ручки и ножки, да чтобы никто не слыхалъ.

— Ого! Какъ бы не такъ! Я шепну ей, что добрый господинъ цѣлуетъ ея ручки и ножки, губки и глазки, она будетъ очень рада.

— А Геоухеръ-бегюмъ здорова?

— У нея сегодня глаза красные.

— Отчего? Развѣ плакала?

— Плакала... Она часто плачетъ.

Мирза-Али задумался. Отворивъ дверцу ящика у письменнаго стола, онъ взялъ оттуда еще горсть кишмишу и всыпалъ въ широкій карманъ шальваръ Юсуфки.

— Мнѣ жаль бѣдненькую Геоухеръ-бегюмъ, — сказалъ Миза-Али печально.—Я зналъ ее маленькой дѣвочкой... Скажи ей тихонько, милый Юсуфикъ, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который плачетъ вмѣстѣ съ нею, горько плачетъ.

— Кто онъ?—спросилъ Юсуфка.

— Одинъ человѣкъ... Такъ и скажи ей просто: одинъ человѣкъ.

Юсуфка лукаво улыбнулся и съ тои поры сталъ посредникомъ между Мирзою-Али и Геоухеръ и также юной Фатимою, въ силу своего южнаго темперамента уже въ двѣнадцать лѣтъ чувствовавшею потребность любить и быть любимой. Когда на другой день Юсуфка очутился въ гаремѣ, гдѣ его, вообще, баловали, онъ тотчасъ же шепнулъ Фатимѣ: «добрый господинъ сказалъ, что цѣлуетъ твои ручки и ножки, губки и глазки», и Фатима такъ обрадовалась, что даже ущипнула Юсуфку и велѣла сказать «доброму господину», что она цѣлуетъ его глаза, губы и бороду. Хитрый Юсуфка успѣлъ исполнить порученіе Мирзы-Али и по отношеніе къ Геоухеръ.—«Кто же плачетъ вмѣстѣ со мной»—спросила она.—«Добрый господинъ, Мирза-Али»,—отвѣчалъ лукавый арабченокъ.

Для Геоухеръ это былъ лучъ свѣта, проникшій въ непроглядную тьму ея подневольной жизни. Эта жизнь была тѣмъ печальнѣе для нея. что новую, юную и прекрасную жену Джафаръ-

Кули-хана не взлюбила сразу его главная супруга, старая Султанетъ-бегюмъ, мать Фатимы, не взлюбила, какъ свою соперницу. Геоухеръ помнила Мирзу-Али. Она не забыла его страстныхъ, хотя почтительныхъ взглядовъ, когда она, безъзаботная и счастливая жила еще въ домѣ отца, въ Шушѣ, на своемъ Рустемѣ перегоняясь съ вѣтромъ въ долинахъ и горахъ Карабага или качаясь на качеляхъ въ садахъ своего отца съ милою Лейлою, такъ рано погибшею. Правда, она не забыла и барона Клодта, его шелковистыхъ свѣтлыхъ волосъ, его ясныхъ бирюзовыхъ глазъ. Но когда, въ ту ужасную ночь, съ 1-го на 2-е іюня 1806 года, въ ставкѣ отца, трупъ котораго валялся у костра, прикрытый буркою, а мать лежала въ обморокѣ, когда она увидѣла мертвую Лейлу на рукахъ у Клодта, ей показалось, что этотъ русскій офицеръ убійца ея отца, брата и сестры, что онъ внесъ смерть въ ея семейство. И съ той поры свѣтлый образъ русскаго офицера затуманился въ ея воображеніи, онъ сталъ ей чужимъ. Она не забыла и царевича Константина. Она часто вспоминала тотъ чудный вечеръ въ Кутаисѣ, наканунѣ ихъ отъѣзда на минеральныя воды Пятигорска, когда, на балконѣ, вся охваченная невѣдомымъ волненіемъ и сладкою истомою, она безсознательно, въ темнотѣ, вложила свою руку въ руку царевича да такъ и застыла въ невыразимо-блаженномъ томленіи... Но это было такъ давно, а царевичъ—такъ далеко, скитается съ отцомъ гдѣ-то въ горахъ и, быть можетъ, уже позабылъ о томъ чудномъ вечерѣ, о рукѣ Геоухеръ, о ней самой... А Мирза-Али такъ близко, въ одномъ домѣ...

И теперь, каждый день, сидя въ гаремѣ, въ своей хорошенькой опочивальнѣ, окно которой выходило въ небольшой гаремный садикъ, обнесенный высокими каменными стѣнами съ острыми гвоздями наверху, и весь утонувшій въ зелени гранатъ и олеандровъ и, вышивая золотомъ дорогой чепракъ подъ сѣдло своего постылаго мужа или прогуливаясь въ этомъ гаремномъ садикѣ съ вязаньемъ въ рукахъ, она съ волненіемъ влюбленной поджидала, когда покажется глуповатая черная мордочка арабченка «сансика», который всегда приносилъ ей тайный привѣтъ и поцѣлуй отъ «добраго господина». Плутишка часто присочинялъ то, чего и не было, передавалъ ей такія ласки, которыя ему и не поручались вовсе, но тѣмъ болѣе вѣрила ему скучающая затворница и тѣмъ съ большею страстью ласкала его, предна-

значая эти ласки для «добраго господина». Эти ласки все болѣе и болѣе нравились Юсуфкѣ, и арабченокъ самъ не сознавалъ, что полюбилъ прелестную затворницу. Тамъ его до-отвалу пичкали кишмишемъ да рахатъ-лукумомъ, а здѣсь осыпали его ласками и поцѣлуями, и онъ какъ сыръ въ маслѣ катался.

Скоро Мирза-Али, увѣрившись въ скромности и ловкости своего маленькаго Меркурія, осмѣлился болѣе, и послалъ съ арабченкомъ страстную записку Геоухеръ. На другой день на записочку отвѣтили записочкой же съ нѣжнымъ признаніемъ, и между влюбленными началась постоянная переписка. И пошли въ ходъ: «жемчужина Востока», «звѣзда души моей», «роза благоуханія», источникъ блаженства», а тамъ—«покровъ ночи», «безмолвные свидѣтели взаимнаго блаженства — кроткія очи звѣздъ», «скромная луна, покровительница влюбленныхъ» и т. д.

Немного погодя, добыта была и веревочная лѣстница, и Мирза-Али очутился въ гаремномъ саду.

Начались ночныя свиданія подъ покровомъ гранатовыхъ вѣтвей, повтореніе вѣчной, безсмертной исторіи Ромео и Джульетты.

И гранатовыя вѣтви, и «безмолвные свидѣтели взаимнаго блаженства, кроткія очи звѣздъ», и «скромная луна, покровительница влюбленныхъ», и теплыя, волшебныя южныя ночи, все молчало и хранило тайну... Не молчала и не засыпала только ревность.

Юная Фатима, также любившая Мирзу-Али и поручавшая Юсуфкѣ цѣловать его глаза, губы, бороду и голову, стала замѣчать, что хитрый арабченокъ также шушукается и съ Геоухеръ и даже остается съ нею дольше, чѣмъ съ Фатимою, и стала за ними слѣдить глазами ревниваго тигренка. Потомъ она уловила, какъ Геоухеръ цѣлуетъ и ласкаетъ арабченка, и удвоила свое шпіонство. Наконецъ, она подмѣтила, что Юсуфка передалъ Геоухеръ записку. Послѣ многихъ тщетныхъ усилій Фатима открыла, что Геоухеръ прячетъ эти записки въ хорошенькую серебряную шкатулочку, подаренную ей еще отцомъ и вмѣщавшую въ себѣ драгоцѣнныя украшенія Геоухеръ вмѣстѣ съ засохшимъ краснымъ цвѣтомъ (она таки сохранила его!).

И маленькая предательница, обезумѣвшая отъ ревности, выкрала эту шкатулку и вручила матери!

Какою злобною радостью загорѣлись глаза старой мегеры,

когда она вскрыла чужую шкатулку и нашла тамъ письма Мирзы-Али къ ненавистной ей Геоухеръ съ объясненіями въ страстной любви и съ назначеніемъ по ночамъ свиданій въ гаремномъ саду!.. Съ дикимъ шипѣньемъ вмѣсто злораднаго хохота она перечитывала эти, сотни разъ покрытыя поцѣлуями Геоухеръ, письма и безумно торжествовала побѣду надъ своей соперницей. Юную измѣнницу ждетъ позоръ! На нее должно обрушиться жестокое наказаніе со стороны обманутаго и опозореннаго мужа!.. «Не женись на старости лѣтъ на молоденькихъ! Не клади красивую змѣю за пазуху! Не отдавай на поруганіе свою сѣдую бороду!»—шипѣла торжествующая Султанетъ-бегюмъ.

Насладившись вдоволь своимъ торжествомъ, она передала роковыя письма мужу.

. . . . . .

Свѣтлая лунная ночь. Серебристо-голубоватый свѣтъ полнаго мѣсяца обдаетъ ослѣпительной яркостью крыши и стѣны, площади и улицы Тифлиса. Холодной сталью сверкаютъ подъ луннымъ блескомъ бурныя струи мутной Куры, которымъ и ночью нѣтъ ни сна, ни угомону.

Спитъ подъ серебристо-голубоватымъ блескомъ мѣсяца и домъ Джафаръ-Кули-хана, и его гаремный садъ. Зато тѣмъ гуще тѣни, падающія отъ дома, отъ высокихъ стѣнъ сада и отъ густыхъ, только что одѣвшихся первою весеннею зеленью, кустовъ гранатника и пирамидальныхъ тополей гаремнаго сада.

Все спитъ. Не спитъ только любовь и ея шпіонъ, ревность

Полночь. За высокою стѣной гаремнаго сада глухо прокричала ночная птица. Въ то же время что-то мгновенно выросло на стѣнѣ сада, бросило отъ себя темную тѣнь и само исчезло, покрывшись тѣнью стѣны. Неслышно отворилась низенькая дверка въ стѣнѣ гарема, что-то скользнуло вдоль стѣны и пропало въ тѣни кустовъ гранатника.

— Жизнь моя!—слышится шопотъ.

— Душа души моей!—отвѣчаетъ шопоту звукъ поцѣлуя.

— Твоимъ ножкамъ холодно...

— Нѣтъ... твои ласки жарче огня...

Мирза-Али стоялъ передъ Геоухеръ на колѣняхъ, пряча ея маленькія ножки въ свою высокую и глубокую барашковую папаху, бѣлую какъ снѣгъ на вершинѣ Арарата.

Вдругъ Геоухеръ испуганно вскрикнула:

— Спасайся! Спасайся!

Передъ ними стоялъ самъ Джафаръ-Кули-ханъ съ исказившимся лицомъ и занесеннымъ надъ головою Мирзы-Али кинжаломъ.

— Спасайся! — и въ одно мгновеніе Геоухеръ сильнымъ толчкомъ выбила кинжалъ изъ слабой руки дряхлаго мужа, который опрокинулся навзничь.

— Ловите злодѣя! Стрѣляйте въ злодѣя!—хрипѣлъ онъ, съ трудомъ поднимаясь съ земли.

Мирза-Али съ быстротою кошки вскочилъ было на стѣну; но въ то же мгновеніе послѣдовало нѣсколько выстрѣловъ, и онъ опрокинулся со стѣны назадъ.

— Убита наповалъ собака, — сказали нукеры Джафаръ-Кули-хана, толкая ногами бездыханное тѣло Мирзы-Али.

— А жаль, что не взяли живьемъ.

Къ убитому подошелъ поднявшись съ земли и самъ Джафаръ-Кули-ханъ и, нагнувшись, съ старческой злобой плюнулъ ему въ лицо.

— Собака... воръ... змѣя,—хрипѣлъ онъ, становясь ногою на лицо убитаго врага.

Когда старикъ воротился къ Геоухеръ, то нашелъ ее лежащею подъ кустомъ въ глубокомъ обморокѣ. Надъ нею стояла въ позѣ торжествующей злобы старая Султанетъ-бегюмъ.

— Вотъ тебѣ и шашлыкъ изъ молоденькой овечки, не по твоимъ зубамъ, видно: такъ другой его скушалъ,—съ злорадствомъ прошипѣла мегера.

Старикъ только рукой махнулъ.

Зато маленькая предательница Фатима горько и безутѣшно плакала, когда утромъ узнала, что жертвою ея предательства погибъ тотъ, кого она полюбила первою не-дѣтскою любовью.

XXIV. Низложеніе

О печальномъ приключеніи съ Геоухеръ и о насильственной смерти ея возлюбленнаго, Мирзы-Али, царевичъ Константинъ узналъ въ то время, когда въ замкѣ Вардъ-цихе находился Могилевскій. Извѣстіе это привезъ изъ Тифлиса одинъ курьеръ, пріѣзжавшій къ Могилевскому съ письмомъ Тормасова и передавшій

разсказъ о происшествіи въ домѣ Джафаръ-Кули-хана одному изъ знакомыхъ джигитовъ царевича, сопровождавшихъ въ 1806 году Геоухеръ вмѣстѣ съ царицею Маріею и ея дѣтьми въ Пятигорскъ и Кисловодскъ.

Царевичъ, все еще любившій Геоухеръ, былъ страшно пораженъ тѣмъ, что узналъ. Мысль, что теперь станется съ предметомъ его страсти, не давала ему покоя. Сознаніе, что она измѣнила мужу, за котораго отдана была силою, и отдалась другому; мысль о томъ, что она его забыла и, быть можетъ, никогда не чувствовала къ нему привязанности, ничто не могло ни уничтожить, ни ослабить того чувства, которое, разъ зародившись въ душѣ его къ прелестной дочери Ибраимъ-хана, продолжало жить и крѣпнуть.

Вотъ почему онъ былъ бы радъ теперь летѣть въ Тифлисъ не только въ качествѣ аманата Имеретіи, но даже въ качествѣ простого плѣннаго.

А между тѣмъ дѣло Имеретіи близилось къ трагической развязкѣ.

Могилевскій, возвращаясь изъ Вардъ-цихе въ Кутаисъ, какъ ни силился вытѣснить изъ своей канцелярской души то «видѣніе», которое очаровало и смутило его въ замкѣ, однако, не могъ этого сдѣлать: милое, умоляющее личико такъ и стояло передъ нимъ, и онъ, казалось, слышалъ нѣжный, ласкающій голосокъ: «я буду молиться за васъ». А тамъ, на террасѣ, послѣднее нѣмое прощальное привѣтствіе...

Поэтому у него было очень тяжело на душѣ, когда, воротившись въ Кутаисъ, онъ долженъ былъ сдѣлать распоряженіе объ окончательномъ занятіи Имеретіи войсками и о движеніи съ тою же цѣлью ополченій Мингреліи и Гуріи съ ихъ владѣтелями.

Между тѣмъ около этого времени и самъ Тормасовъ прибылъ въ Сурамъ, чтобъ находиться ближе къ мѣсту ожидаемой имъ трагической развязки дѣла царя безъ царства и царства безъ царя.

Соломонъ видѣлъ, что войска все ближе и ближе стягиваются къ его неприступному орлиному гнѣзду. Мало того, онъ съ ужасомъ узналъ, что маіору Лисаневичу, теперь уже полковнику, тому старшему Лисаневичу, который около четырехъ лѣтъ тому назадъ разгромилъ Карабагъ, приготовивъ ужасную смерть

Ибраимъ-хану, его сыну Искандеръ-агѣ и юной дочери Лейлѣ; что этому самому Лисаневичу спеціально поручено «поймать Соломона». Въ отчаяніи онъ отправляетъ въ Кутаисъ всѣхъ своихъ митрополитовъ съ тѣмъ, чтобы они умолили отдалить отъ его головы неминуемую грозу.

Девять дней безполезно тянулись тягостныя для Могилевскаго совѣщанія съ митрополитами. Ему мучительно хотѣлось хоть немного облегчить участь горемычнаго семейства Соломона. Убѣждая митрополитовъ принять то или другое рѣшеніе, онъ постоянно припоминалъ слова милаго видѣнія: «я буду молиться за васъ»... Что же можетъ онъ сдѣлать для нея, для ея отца! Послѣ каждаго совѣщанія митрополиты тотчасъ же отправлялись въ Вардъ-цихе доложить царю о результатахъ совѣщаній. И Могилевскій невольно поддавался мысли: «о н а ждетъ ихъ... о н а ихъ спроситъ: что же о н ъ сдѣлалъ для е я отца?...»

И митрополиты снова возвращались въ Кутаисъ для безполезныхъ переговоровъ съ Могилевскимъ и полковникомъ Симоновичемъ, и снова все безъ толку.

Не добившись ничего, Могилевскій писалъ Тормасову: «Надобно думать, что, въ продолженіе переговоровъ нашихъ съ митрополитами, сей соборъ или не хотѣлъ понимать нашихъ внушеній, которыя черезъ нихъ были дѣлаемы царю, или рѣка Квирилла, за которою лежитъ Вардъ-цихе и черезъ которую сіи святые отцы, не взирая на свою тяжесть, переправлялись болѣе двадцати разъ во время своихъ переѣздовъ, есть древняя баснословная Л е т а или рѣка забвенія, которая, при переправѣ ихъ, уносила всегда наши внушенія, только никогда они не привозили намъ отъ царя отвѣта, согласнаго съ нашими представленіями, и всякій разъ, когда отъѣзжали отъ насъ, просили, чтобы мы яснѣе объявили имъ, въ чемъ состоятъ настоящія отъ царя требованія. Посему, чтобы избавиться сихъ хлопотъ, мы принуждены были съ ними послать на письмѣ сіи предложенія, дабы царь внятнѣе могъ оныя разобрать». «Весьма замѣчательно было то, поясняетъ онъ, что когда, при повтореніи нашихъ требованій духовнымъ особамъ, доходило дѣло до переѣзда въ Кутаисъ и выдачи царевича или требованнаго обязательства, то всякій разъ получали мы единогласный отвѣтъ отъ всего собора: а р а и к н е б а, т. е. не бывать сему, и многіе изъ нихъ повторяли сіи слова и тогда, когда, бывъ заняты между

собою посторонними разговорами, не внимали совершенно нашимъ представленіямъ и резонамъ, дѣлаемымъ одному кому-либо изъ нихъ. Это похоже на польское не позволямъ».

Между тѣмъ пока митрополиты разъѣзжали изъ Вардъ-цихе въ Кутаисъ и изъ Кутаиса въ Вардъ-цихе и упорно повторяли свое «ара икнеба», Соломонъ и его приближенные лихорадочно готовились къ защитѣ. Въ Вардъ-цихе и въ окружающихъ его лѣсахъ сосредоточено было до 4-хъ тысячъ вооруженныхъ имеретинъ, преимущественно изъ княжескихъ родовъ, изъ дворянства и джигитовъ. Митрополиты и попы едва успѣвали приводить ихъ къ присягѣ. Въ то же время Соломонъ приказалъ укладывать и упаковывать всѣ свои сокровища, драгоцѣнную посуду, утварь, все золото и серебро и другія богатства, которыми располагалъ царскій домъ Имеретіи. Съ этими сокровищами должны были отправиться въ неприступныя горы царица Марія, царевна Дареджана и всѣ вообще женщины дома Соломона вмѣстѣ съ юными царевичами Иракліемъ и Давидомъ, въ сопровожденіи сильнаго конвоя.

Но противъ этого распоряженія возстали юные царевичи и храбрая Дареджана.

— Мы съ дѣтства привыкли носить оружіе, — съ сверкающими глазами говорилъ Ираклій,—мы уже не мальчики, мы сыны Имеретіи и должны защищать ее.

— Мы не женщины,—говорилъ, въ свою очередь, Давидъ,—мы умѣемъ постоять за себя и за свою родину.

Отецъ съ грустью обнималъ ихъ, а мать плакала, плакала, боясь оставлять своихъ «мальчиковъ».

— Мы не мальчики!—протестовалъ Давидъ.

— Пуля и въ рукахъ богатыря, и въ рукахъ ребенка все та же пуля,—говорилъ Ираклій.

Растроганный отецъ обнималъ юношей, но тѣмъ безутѣшнѣе плакала мать.

— Не плачь, мама,—говорила Дареджана,—и я съ ними останусь: я не покину отца!

— Что ты! Что ты, моя дѣвочка!—испугалась царица.

Дареджана знала силу обаянія своей красоты и наивно воображала, что и здѣсь она ей поможетъ. Русскіе офицеры казались ей совсѣмъ не страшными. Она помнила, какъ они любезничали съ ней и въ Пятигорскѣ, и въ Кисловодскѣ, какъ они

заглядывали ей въ глаза, ловили ея взглядъ, подносили ей букеты. Даже старый генералъ Глазенапъ, въ Георгіевскѣ, увивался около нея и Геоухеръ. А баронъ Клодтъ? Онъ чуть не погибъ, доставая со скалы для нея и для Геоухеръ красные цвѣты. Онъ такой ласковый, любезный. Она увидитъ его въ рядахъ русскихъ войскъ, и онъ сдѣлаетъ для нея все. Наконецъ, самъ Могилевскій: онъ чуть не онѣмѣлъ отъ изумленія, какъ только она явилась къ нему. И онъ обѣщалъ ей... А если на то пошло, то и у нея есть кинжалъ! Она дочь этихъ горъ, дочь Имеретіи. Ее поддержитъ святая Нина. Вѣдь царица Тамара дѣйствовала же оружіемъ... «Тамара»... И она вспомнила свой первый сонъ въ Кисловодскѣ и всѣ послѣдующіе сны съ демономъ...

И ее посѣтила счастливая мысль: въ случаѣ крайности, она сумѣетъ быть имеретинскою Юдиѳью... Только Олоферномъ для нея будетъ Лисаневичъ: она отмститъ ему за Геоухеръ, за смерть ея отца, сестры и брата...

— И я не хуже Ираклія и Давида умѣю владѣть оружіемъ,—говорила она.—Вспомни, отецъ, библейскую Юдиѳь.

— И что же, моя дѣвочка?—удивился Соломонъ.

— Я также могу быть Юдиѳью!—гордо сказала Дареджана.

— О, моя маленькая Юдиѳь!—обнималъ и гладилъ ея голову отецъ.—Нѣтъ, останься лучше Дареджаной!—съ любовью говорилъ онъ.—Поѣзжай лучше съ мамой да молись хорошенько: твою чистую молитву услышитъ Богъ... А мальчики пусть остаются со мной: они мужчины, они воины.

Давидъ гордо посмотрѣлъ на сестру.

— Какая ты Юдиѳь! Ты и кабана испугалась.

— Нѣтъ, я не испугалась! Я въ него выстрѣлила!—съ краской въ лицѣ возражала Дареджана.

— А потомъ спряталась за дерево, и если бы не князь Симеонъ...

— Полно вамъ, дѣти!—остановила ихъ мать.—Теперь не до споровъ.

Въ это время въ дверяхъ показался князь Симеонъ Церетели. Онъ былъ одѣтъ въ платье простого пукера. На блѣдномъ, забрызганномъ грязью лицѣ его выражалось глубокое уныніе. Всѣ глядѣли на него съ изумленіемъ и испугомъ.

— Что съ тобою, князь Симеонъ?—спросилъ взволнованно Соломонъ.

— Простите, ваше величество! Вчера я переодѣлся въ одежду своего пукера, чтобы тайно пробраться въ Кутаисъ и вывѣдать, что тамъ дѣлается,—отвѣчалъ упавшимъ голосомъ князь Симеонъ. — Имеретію постигло величайшее несчастіе, мы погибли... Сегодня во всѣхъ церквахъ Кутаиса обнародована прокламація главнокомандующаго, что ваше величество навсегда устраняетесь отъ управленія царствомъ имеретинскимъ...

— Какъ! Въ церквахъ? — съ негодованіемъ воскликнулъ Соломонъ.—И митрополиты допустили это насиліе!

— Они ничего не могли сдѣлать, ваше величество,—отвѣчалъ Церетели,—у входа въ церкви поставлены караулы, и митрополитовъ не впустили туда... Прокламаціи прочитаны простыми попами.

— Что же въ этихъ прокламаціяхъ?—спросилъ Соломонъ, какъ бы не вѣря тому, что онъ слышитъ.

— Вотъ, ваше величество, я тихонько сорвалъ одну изъ нихъ,—отвѣчалъ Церетели, вынимая изъ-за пазухи бумагу и подавая ее царю.

У Соломона руки дрожали, когда онъ развертывалъ бумагу.

— У меня въ глазахъ темнѣетъ,—какъ-то подавленно сказалъ онъ.

— Дайте, батюшка, я прочту,—потянулся за бумагой царевичъ Константинъ и взялъ ее.—Да тутъ начало оторвано,—сказалъ онъ, взглянувъ на бумагу.

— Да, прокламація была приклеена, и я не могъ отлѣпить начала,—объяснилъ князь Церетели.—Но я помню начало: въ немъ его величество обвиняютъ въ томъ, что онъ сносился съ лицами, враждебными Россіи, что будто бы, по приказанію его величества, разграбленъ казачій постъ, и сдѣлано нападеніе на пороховой транспортъ, что это якобы поступки, обличающіе измѣну его величества и нарушеніе присяги...

— Мы присягали императору Александру Павловичу, а не Тормасову,—перебилъ его царевичъ Константинъ.

— Ну, все равно,—безнадежно махнулъ рукою Соломонъ.

— За это, будто бы, ваше величество и отстраняетесь отъ царства,—закончилъ князь Церетели.

— Читай,—слабымъ голосомъ сказалъ царь безъ царства.

— Сейчасъ, батюшка.—И царевичъ началъ. Исполняя симъ священную волю всеавгустѣйшаго нашего монарха, яко право-

судный его законъ, я обращаюсь къ вамъ, благороднѣйшее сословіе имеретинскаго духовенства, князей и дворянъ, призывая васъ обще со всѣмъ народомъ, именемъ Всемилостивѣйшаго Государя императора, не обинуясь, принять присягу на вѣчную вѣрность подданства, признать и покориться единой и непремѣнной верховной власти могущественнѣйшаго и сильнѣйшаго россійскаго императора, отвергнувъ отнынѣ навсегда всякую зависимость вашу отъ бывшаго царя Соломона»...

— Отъ бывшаго царя,—точно въ полуснѣ проговорилъ послѣдній,—отъ бывшаго...

...«отъ бывшаго царя Соломона,—продолжалъ царевичъ со слезами въ голосѣ,—правосудіемъ Его Императорскаго Величества отчужденнаго отъ управленія вами, и навсегда прекратить съ нимъ всякія явныя и тайныя связи, сношенія или даже переговоры черезъ постороннихъ людей, опасаясь навлечь на себя неминуемыя бѣдствія, когда сіе будетъ открыто».

Въ сторонѣ царица Марія и царевна Дареджана, обнявшись, тихо плакали... Вотъ тебѣ и Юдиѳь!.. У юныхъ царевичей Ираклія и Давида глаза сверкали, точно у затравленныхъ волчатъ.

— Все?—слабо, какъ бы безучастно, спросилъ Соломонъ.

— Нѣтъ, батюшка,—отвѣчалъ Константинъ,—вотъ еще: «Нынѣ учредится для благоденствія вашего временное имеретинское правленіе, составленное изъ членовъ, избранныхъ изъ среды почетнѣйшаго имеретинскаго дворянства, съ предсѣдательствованіемъ россійскаго военнаго чиновника, кои, сообразуясь умоначертанію и народнымъ обычаямъ, будутъ управлять съ кротостью и милосердіемъ».

— А я управлялъ съ жестокостью!—прошепталъ Соломонъ съ горькою улыбкою.

...«милосердіемъ, повелѣннымъ отъ Всемилостивѣйшаго и Великаго нашего Государя Императора,—продолжалось чтеніе.—займутся единственно благоустройствомъ и счастіемъ народнымъ. Симъ же священнымъ именемъ Его Императорскаго Величества обѣщается всему благороднѣйшему имеретинскому сословію духовенства, дворянъ и народу свободное отправленіе каждому своей вѣры, предоставленіе всѣхъ правъ и преимуществъ, безпрепятственное пребываніе въ жилищахъ, тдѣ родились ваши предки, и никѣмъ неотъемлемое владѣніе каждаго своею собственностью, если, безпрекословно совершивъ присягу на вѣч-

ную вѣрность подданства, пребудете вѣрны Россіи и покорны во всемъ Высочайшей волѣ. Тогда истинное счастіе и благоденствіе водворятся между вами и благопопеченіе Всесильнаго и Милосердѣйшаго Государя Императора пребудетъ неразлучно съ вѣрнымъ народомъ имеретинскимъ».

Царевичъ остановился, чтобы передохнуть послѣ длинныхъ, тяжелыхъ и непривычныхъ для имеретинца періодовъ оффиціальной русской рѣчи.

— Кончилъ?—спросилъ Соломонъ.

— Нѣтъ еще, батюшка, но сейчасъ конецъ. Вотъ: «Для непокорныхъ же непобѣдимыя россійскія войска уже собраны въ большомъ числѣ, и мечъ готовъ наказать преступниковъ священной волѣ Могущественнѣйшаго Государя государей. Я надѣюсь, однако же, что ни одинъ изъ обитателей Имеретіи не уклонится отъ пути истины и, не желая себѣ погибели, изберетъ стезю прямую, ведущую къ благополучію и истинному счастію».

— Все!—съ облегченіемъ вздохнулъ царевичъ.

Казалось, можно было бы ожидать, что Соломонъ долженъ былъ быть подавленъ тѣмъ, что ему сейчасъ прочитали. Если простыя угрозы Тормасова чуть не повергали его въ обморокъ, то вѣсти, привезенныя княземъ Церетели изъ Кутаиса, и эта прокламація, объявляющая его лишеннымъ престола, должны бы были, казалось, поразить его, какъ громомъ. И, однако, совершилось нѣчто обратное. Этотъ послѣдній ударъ судьбы, какъ ударъ хлыста по нервамъ или какъ гальваническій токъ, пущенный въ тѣло умирающаго, заставилъ его очнуться.

— Мы еще поборемся,—сказалъ онъ, выпрямляясь и сверкая глазами.—Не плачьте,—подошелъ онъ къ женѣ и дочери,—что Тормасовъ отнимаетъ, то можетъ возвратить сераскиръ Шерифъ-паша.

Дареджана бросилась къ нему на шею.

— Такъ это правда? Ты еще царь?—плача и смѣясь, говорила она.

— Царь, дѣвочка моя,—отвѣчалъ онъ нѣжно,—царь, всегда и вездѣ царь: и на тронѣ, и въ гробѣ... А я еще не въ гробѣ.

Юные царевичи также бросились цѣловать его.

— Князь Симеонъ!—сказалъ Соломонъ, обращаясь къ Церетели.—Готовься въ путь: сегодня же князь Кайхосро, князь Беро и ты отправляетесь въ Ахалцыхъ къ сераскиру Шерифъ-

пашѣ съ подарками отъ меня... Онъ пришлетъ мнѣ своихъ лезгинъ... Пусть же крестъ вступитъ въ союзъ съ полумѣсяцемъ, они этого хотѣли!

XXV. Нежданная и нежеланная встрѣча.

Среди недоступныхъ горъ и непроходимыхъ лѣсовъ, на небольшой зеленой лужайкѣ, разбито нѣсколько палатокъ. Тутъ же, въ сторонѣ, пасутся лошади, эшаки и буйволы. Кое-гдѣ мелькаютъ женскія чадры или черныя бурки имеретинъ.

Это лагерь царицы Маріи, вмѣстѣ съ Дареджаною, сокровищами дома Соломона и женщинами, принадлежащими этому дому, перекочевавшій въ горы.

Дареджана ходитъ у опушки лѣса и собираетъ цвѣты. Случайно она подняла глаза вверхъ и въ изумленіи остановилась. По небу кружили такія стаи орловъ, какихъ она еще никогда не видывала. Огромныя птицы плавали въ воздухѣ спиральными линіями, точно это была какая-то условленная, имъ однимъ понятная, игра. Едва замѣтно шевельнетъ широко распластанными крыльями громадная птица, и долго-долго потомъ, не двинувъ ни однимъ крыломъ, плыветъ все выше и выше по спирали, пока снова чуть замѣтно не шевельнетъ крыльями, и снова плыветъ, плыветъ. Другая также, не шевеля крыльями, плыветъ по наклонной спирали, и всѣ эти черныя точки переплетаются въ небѣ, то сходятся, то расходятся.

Дареджанѣ даже страшно стало, и, постоявъ съ широко раскрытыми глазами, прослѣдивъ удивленнымъ взоромъ за этою непонятною игрою птицъ, она подошла къ самой большой палаткѣ и окликнула мать.

— Мама! Иди сюда, посмотри, что это такое въ небѣ?

Царица вышла изъ шатра.

— Что такое, моя дѣвочка?—спросила она.

— Посмотри, мама, на небо, видишь?—сказала дѣвушка.

— Вижу, орлы. Да какое ихъ множество!

— Что это съ ними, мама? Я никогда ничего подобнаго не видѣла.

— Сама не знаю, дѣвочка, что съ ними. Весна, вотъ они и играютъ.

— Нѣтъ, мама, что-то странно: вѣдь весна бываетъ каждый годъ, а ничего подобнаго прежде не было.

Въ это время къ нимъ подошла Дадія, старая няня Дареджаны. Старуха многозначительно качала головой.

— О! Это не къ добру, не къ добру,—говорила она, осѣняя рукою глаза и всматриваясь въ небо,—эта птица далеко видитъ, чего люди не видятъ.

— Что же она видитъ, няня?—спросила Дареджана.

— Охъ, золото мое! Когда при покойномъ царѣ Арчилѣ, твоемъ дѣдѣ, царство ему свѣтлое! мы были въ Осетіи, такія же стаи орловъ кружились надъ горами Чечни, и что потомъ крови пролилось въ этихъ горахъ!

Царица испуганно перекрестилась. Она также предвидѣла нѣчто подобное.

— Такъ неужели же птица знаетъ будущее? — спросила Дареджана.

— Знаетъ,мое золото, знаетъ, — утверждала старуха,—а какъ же птица погоду предсказываетъ? Птица знаетъ много такого, чего люди не знаютъ... Вотъ ласточка, которая каждую весну вьетъ гнѣздо у тебя надъ балкономъ, въ Кутаисѣ, знаешь, куда она на зиму улетаетъ?

— А куда, няня?

— Въ святой городъ Іерусалимъ, и тамъ тоже вьетъ себѣ гнѣздо. А кто ей показываетъ туда дорогу? Туда и люди доходятъ только спросомъ: куда идти? Какою дорогой? Черезъ какіе города и моря? А она никого не спрашиваетъ, сама знаетъ дорогу: Богъ ее этому научилъ. Такъ и орлы, мое золото, знаютъ то, чего мы не знаемъ... Они кровь чуютъ, добычу чуютъ.

Но орлы не пророки; только глаза ихъ видятъ дальше людскихъ глазъ. Если бы Дареджана могла теперь подняться на высоту, на которой парили орлы, то она увидѣла бы слѣдующую картину:

Вонъ, далеко внизу, темнѣютъ стѣны замка Вардъ-цихе, а вокругъ него, по всему лѣсу и по скаламъ, точно муравейникъ. То тысячи защитниковъ ея отца и ихъ ускользающаго изъ рукъ царства.

А вонъ тамъ, къ Ухари, принадлежащему ея старшему брату, царевичу Константину, двигаются темныя массы, извиваясь змѣею и блестя на солнцѣ сталью штыковъ и стволами ружей.

Другая темная масса движется къ Опишквити, все ближе и ближе насовываясь къ Вардъ-цихе. А третья темная масса насовывается со стороны Саджавахо. Это русскія войска и ополченія Мингреліи и Гуріи. Ихъ-то видятъ орлы и знаютъ, по историческому опыту, унаслѣдованному отъ орловъ-предковъ, отъ орловъ временъ фараоновъ, временъ Кира и Камбиза, отъ орловъ временъ грековъ и римлянъ, знаютъ, что бываетъ, когда двигаются такія массы людей, убивающихъ себѣ подобныхъ съ такою свирѣпостью, какая не вѣдома ни звѣрямъ, ни птицамъ. Хорошо это знаютъ орлы и радуются теперь и играютъ высоко въ небѣ, въ полной увѣренности, что ихъ ожидаетъ роскошный пиръ.

Съ тревогой слѣдили за полетомъ орловъ Дареджана и ея мать.

— А что, мама, какъ ты думаешь: князь Симеонъ, Кайхосро и Беро уже въ Ахалцыхѣ?—спросила первая.

— Давно должны быть тамъ, милая,—отвѣчала царица.

— Значитъ, скоро и войско прибудетъ къ намъ на помощь отъ сераскира?

— Надо думать, что Шерифъ-паша не замедлитъ его выслать: онъ намъ другъ, хотя и поклоняется своему Богу, не нашему.

Но имъ пришлось недолго оставаться въ неизвѣстности. Изъ лѣсу, по тропѣ, ведущей на лужайку, показались всадники, и впереди ихъ князь Симеонъ Церетели. Дареджана и обрадовалась ему, и испугалась. Какія-то вѣсти привезъ онъ? По выраженію лица князя нельзя было ожидать ничего утѣшительнаго.

Церетели соскочилъ съ лошади, которая вся была въ мылѣ отъ скорой и трудной ѣзды по горамъ.

— Что, князь, сераскиръ прислалъ войско?—поспѣшила къ нему Дареджана.

— Увы! Я нерадостныя вѣсти привезъ вамъ, — печально отвѣчалъ Церетели.

— Что случилось?—испуганно спросили и мать, и дочь.

— Мы отрѣзаны отъ войскъ сераскира: ахалцыхская дорога занята уже отрядомъ полковника Лисаневича.

— Лисаневича!—съ ужасомъ вскричала Дареджана.

Она вспомнила, что это тотъ самый Лисаневичъ, который осиротилъ бѣдную Геоухеръ, отнявъ у нея отца, сестру и брата.

— Вотъ они, орлы-то,—какъ бы про себя проговорила старая Дадія.

— Что же намъ теперь дѣлать?—упавшимъ голосомъ спросила царица.

— Я за тѣмъ и присланъ сюда его величествомъ,—отвѣчалъ князь Церетели,—надо сниматься съ этого мѣста.

— Куда же? Въ Вардъ-цихе возвращаться?

— Нѣтъ, ваше величество, мы должны слѣдовать къ мѣстечку Хани, куда выступаетъ и все наше ополченіе вмѣстѣ съ его величествомъ.

— Какъ! Развѣ Вардъ-цихе покидаютъ?

— Да, ваше величество. Мы думали остановить движеніе русскихъ войскъ къ Вардъ-цихе и потому изрубили и уничтожили всѣ лодки на Ріонѣ, въ которыхъ русскіе могли бы переправиться черезъ рѣку, но они отыскали-таки семнадцать лодокъ въ разныхъ мѣстахъ и 6-го марта, несмотря на жестокую бурю и проливной дождь, переправились черезъ Ріонъ. Въ ущельѣ же близъ Хани никакая человѣческая сила насъ не достанетъ.

— А дальше что? Не оставаться же намъ вѣчно въ ущельѣ!—съ отчаяніемъ въ голосѣ проговорила царица.

— Дальше что, ваше величество?—проговорилъ князь Церетели.—Мы съ часу на часъ ожидаемъ извѣстій изъ Франціи.

— Отъ Наполеона?

— Отъ нашего довѣреннаго, отъ ксендза-іезуита: Наполеонъ скоро двинется на Россію, а, можетъ быть, уже и двинулся, тогда Россіи будетъ не до Имеретіи, и всѣ войска ея будутъ отозваны или за хребетъ, или на защиту своихъ границъ здѣсь: грузинскіе царевичи извѣщаютъ насъ...

— Это которые?—спросила царица, ибо сама она мало входила въ дѣла политики.

— Царевичи Александръ и Теймуразъ, ваше величество; они выступили уже съ шахъ-задэ Аббасъ-Мирзою во главѣ несмѣтнаго войска, чтобы отнять у русскихъ Тифлисъ и все Закавказье, и пограничные ханы, признавшіе было власть Россіи, явились къ нимъ съ повинною, съ повѣшенными на шеяхъ саблями.

Онъ говорилъ это, повидимому, увѣренно, хотя въ душѣ самъ началъ уже сомнѣваться въ скорой помощи Наполеона. То, что имъ, имеретинамъ, равно и своимъ соотечественникамъ, по-

лякамъ, обѣщалъ на родинѣ знакомый нашъ полякъ-іезуитъ, горячій мечтатель, всё еще продолжало оставаться мечтою и для Имеретіи, и для Польши. Но князю Церетели жаль было разочаровывать Дареджану: она смотрѣла теперь такою убитою, жалкою. Оба они, и Дареджана, и князь Симеонъ чувствовали, что та «награда», которую обѣщалъ ему царь Соломонъ, теперь также отходитъ въ область мечтаній... Не до ихъ взаимнаго чувства теперь... Кто станетъ думать о свадьбѣ, когда, быть можетъ, придется скоро хоронить Имеретію!..

«Неужели и Могилевскій ничего для насъ не сдѣлаетъ?»— думала между тѣмъ Дареджана.

Но надо было наскоро укладываться и двигаться въ путь. И думала ли она, безпечно веселясь въ Пятигорскѣ и въ Кисловодскѣ, что ихъ ожидаетъ такая горькая участь?

Вдругъ въ лѣсу, окружавшемъ лужайку, на которой находился лагерь царицы, послышался трескъ валежника, и въ одно мгновеніе, съ криками «ура!», вся лужайка окружена была русскими солдатами. Это былъ развѣдочный отрядъ 9-го егерскаго полка, которымъ командовалъ полковникъ Лисаневичъ. Отрядомъ же этимъ командовалъ знакомый намъ толстякъ, маіоръ Парфеновъ.

— Сдавайтесь! Ни съ мѣста! — грозно закричалъ этотъ добрякъ.

Два офицера, также знакомые наши, Гриша Поливановъ и Вася Ждановъ, также выступили было грозно впередъ; но ихъ остановилъ сзади чей-то торопливый голосъ.

— Господа! Что вы дѣлаете?.. Это ея величество, царица Имеретіи!

И изъ лѣсу съ обнаженной саблей выбѣжалъ баронъ Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ.

И Парфеновъ, и оба его младшіе помощники, Гриша и Вася, остановились въ недоумѣніи.

— Меня послалъ къ вамъ полковникъ съ предупрежденіемъ, чтобы царица Имеретіи, Марія, и царевна Дареджана, со свитою ихъ, не были подвергнуты никакой, даже самомалѣйшей непріятности, — торопливо проговорилъ баронъ Клодтъ и поспѣшно направился къ перепуганнымъ дамамъ, около которыхъ стоялъ князь Церетели съ обнаженнымъ мечемъ и сурово нахмуренными бровями.

И офицеры, и егеря переглядывались въ недоумѣніи, видя, какъ баронъ Клодтъ почтительно снялъ съ головы свою бѣлую фуражку, все еще обвязанную чадрою Геоухеръ, порядочно истрепанною.

— Извините, ради Бога, ваше величество, за причиненное вамъ безпокойство,—говорилъ между тѣмъ Клодтъ, почтительно стоя передъ царицей:—это просто недоразумѣніе нашихъ егерей... Они припяли вашъ обозъ за непріятельскій лагерь, поторопились и ввели въ ошибку офицеровъ, моихъ товарищей... Ваша особа, какъ и особа царевны (Клодтъ при этомъ поклонился Дареджанѣ) неприкосновенны... Позвольте же представить вашему величеству моихъ товарищей.

И баронъ Клодтъ обратился къ офицерамъ.

— Петръ Ивановичъ! Господинъ Поливановъ! Господинъ Ждановъ!—позвалъ онъ товарищей, стоявшихъ въ сторонѣ.— Пожалуйте, позвольте васъ представить ся величеству, царицѣ Имеретіи, и царевнѣ.

Офицеры приблизились. Маіоръ Парфеновъ, «имѣвшій зубъ противъ Наполеона», какъ надъ нимъ втихомолку подсмѣивались молодые повѣсы, Гриша и Вася, въ сущности былъ премилый добрякъ, и теперь красный, какъ кумачъ, молодцовато приблизился къ дамамъ.

— Извините, ваше величество... маіоръ Парфеновъ... недоразумѣніе... усердіе моихъ людей къ службѣ Его Императорскому Величеству... ошибка, такъ сказать, недоразумѣніе,— бормоталъ онъ,—мы не разбойники... неприкосновенность женщины и царицы...

— Поручикъ Поливановъ, поручикъ Ждановъ,—поспѣшилъ перебить его краснорѣчіе баронъ Клодтъ, представляя царицѣ младшихъ офицеровъ.

Тѣ расклапялись смущенно, пораженные красотою Дареджаны.

— Здравствуйте, князь,—обратился Клодтъ къ Церетели,— вы, кажется, не узнали меня.

— Здравствуйте, баронъ,—неохотно отвѣчалъ Церетели,— я узналъ васъ.

Эта встрѣча поразила его. Успокоившееся было сердце ревниваго имеретина относительно чувствъ Дареджаны къ барону Клодту теперь снова забило тревогу, и встрѣча эта показалась

ему не случайною. Какъ очутился здѣсь этотъ голубоглазый нѣмецъ, когда онъ самъ говорилъ, по дорогѣ отъ Георгіевска до границъ Грузіи, что настаивать будетъ на прикомандированіи его къ русскимъ отрядамъ, расположеннымъ въ Карабагѣ? И вдругъ, онъ въ Имеретіи, да еще привезъ отъ своего полковника приказъ охранять царицу... Ясно, что онъ искалъ Дареджану. Взглянувъ на нее подозрительно, Церетели увидѣлъ, что она разговариваетъ съ Клодтомъ о Геоухеръ.

— Да, она очень плакала, когда за нею пріѣхалъ въ Шушу старый Джафаръ-Кули-ханъ, чтобы взять ее себѣ въ жены,— отвѣчалъ Клодтъ на вопросъ Дареджаны.

— А развѣ вы были тогда въ Шушѣ?—спросила послѣдняя.

— Да, ваше высочество: я имѣлъ несчастіе присутствовать и при той ужасной катастрофѣ, когда былъ убитъ Ибраимъ-ханъ, а равно прелестная Лейла и ея братъ... Я хотѣлъ отвратить это несчастіе, но приверженцы хана первые открыли огонь по нашимъ егерямъ, и солдаты отвѣтили тѣмъ же, не получивъ приказа убивать хана.

— А что она теперь, примирилась съ своею участью?—спросила Дареджана.

Изъ этого вопроса Клодтъ заключилъ, что дѣвушка не знала о несчастномъ увлеченіи Геоухеръ Мирзою-Али, объ увлеченіи, кончившемся смертью послѣдняго.

— Я давно ея не видѣлъ,—уклончиво отвѣчалъ Клодтъ.

Царица въ это время разговаривала съ Парфеновымъ и его молодыми субалтернами.

Егерямъ было сказано «вольно», и они, собравшись кучками, толковали между собою о нападеніи, кончившемся такъ неожиданно.

— А все это безмозглый хохолъ «витютантъ»,—саркастически поглядывалъ на Юхименка Сидоровъ,—говорю ему—бабы, а онъ претъ.

— Бабы!—огрызался Юхименко. — А хиба ты не видѣлъ этихъ чертей купаковъ?—указывалъ онъ на джигитовъ царицы, навьючивавшихъ лошадей и эшаковъ.

— Хиба! Хиба!—передразнивалъ Сидоровъ противника. — Ужъ и языкъ у этихъ хохловъ! Ево и съ масломъ не проглотишь: топоръ по ихнему сакира, Божій хлѣбъ у ихъ паленица, тьфу!

Все было готово въ обозѣ царицы къ выступленію, и она стала прощаться съ офицерами.

— Вы куда же теперь, ваше величество?—любезно спросилъ Парфеновъ.

— Въ Кутаисъ,—отвѣчала Марія, многозначительно переглянувшись съ Дареджаной и княземъ Церетели.

— И отлично, ваше величество: тамъ гораздо покойнѣе, чѣмъ здѣсь, въ этихъ дебряхъ... Счастливаго пути!

И Парфеновъ скомандовалъ своимъ егерямъ: «налѣво кругомъ... маршъ!..» И молодцовато поклонился дамамъ.

XXVI. Подъ чарами взоровъ имеретинки.

Отчаяніе Соломона не знало границъ, когда онъ увидѣлъ, что всѣ, казавшіяся ему неприступными, мѣста заняты русскими, и ему отрѣзаны всѣ пути отступленія: бѣжать въ Турцію, къ Ахалцыху, подъ защиту сераскира Шерифъ-паши; но тамъ стоялъ страшный Лисаневичъ со своими егерями; скрыться въ горахъ Большого Кавказа также нельзя было, потому что и тамъ протянута была непрерывная цѣпь отрядовъ. Оставался одинъ выходъ—пробраться въ ущелье Хани.

Принимая это послѣднее рѣшеніе, Соломонъ былъ словно помѣшанный. Въ отчаяніи онъ бросался на полъ, царапалъ себѣ лицо, рыдалъ истерически, какъ женщина. Онъ тѣмъ болѣе терзался, что со всѣхъ сторонъ слышалъ одно и то же: русскія войска никому изъ жителей не дѣлаютъ обидъ и притѣсненій; офицеры и солдаты со всѣми обращаются не какъ съ врагами, а какъ съ друзьями; жители, со страху бѣжавшіе было въ горы со скотомъ и имуществомъ, безбоязненно возвращаются въ свои жилища; крѣпость Чхери, удѣлъ царевича Константина, присягнула русскому знамени; царевичъ Ростомъ, побочный сынъ покойнаго царя Давида, также присягнулъ во главѣ своихъ подданныхъ.

— О! Они только моей души хотятъ! — метался «дуракъ», какъ его уже открыто называлъ князь Зурабъ, и рвалъ на себѣ волосы.—Я долженъ одинъ пострадать за всѣхъ. Мою душу они уже прободали копіемъ, остается истерзать мое тѣло.

Отправляясь съ войскомъ въ ханійское ущелье и вызвавъ туда жену и дочь, Соломонъ отправилъ гонца къ Могилевскому и къ полковнику Симоновичу умолять ихъ: пріѣхать къ нему, безъ

войска, въ ущелье и поклясться, что личность его будетъ обезпечена.

— Пора, наконецъ, прекратить эту глупую погоню за трусливымъ зайцемъ,—сказалъ Симоновичъ, отпустивъ гонца съ обѣщаніемъ пріѣхать.—Надо отправиться въ эти трущобы.

— Да; но онъ проситъ пріѣхать «безъ войска»,—замѣтилъ Могилевскій.

— Конечно, мы поѣдемъ одни: надо же и пожалѣть бѣдныхъ солдатиковъ, которымъ ужъ, я думаю, надоѣло лазить по этимъ адскимъ дебрямъ. Возьмемъ по парѣ казаковъ, и айда!

— Отлично... Я же въ долгу у красавицы,—улыбнулся Могилевскій.

— У какой красавицы?

— У царевны Дареджаны, у дочери этого царя Гороха... Что за милая дѣвочка!

— Ого!—лукаво подмигнулъ Симоновичъ.—Кажется, нашъ Талейранъ, господинъ надворный совѣтникъ и кавалеръ, тово... И у него не одни дипломатическія чернила въ сердцѣ...

— Не смѣйтесь, полковникъ,—серьезно сказалъ Могилевскій,—эта дѣвочка съ такой нѣжной вѣрой говорила мнѣ объ ангельской добротѣ и кротости нашего боготворимаго государя, что и мое дипломатическое сердце не могло не растаять.

— А хороша?—заинтересовался полковникъ.

— Чудо что за красота! Это какое-то волшебное видѣніе, мечта!..

— Ого-го-го! И въ чернильницѣ, я вижу, забушевали страсти,—улыбнулся Симоновичъ.

Призвавъ казака-ординарца, Симоновичъ приказалъ ему сѣдлать лошадей.

— А бурки и башлыки, ваше выскородіе, прикажете захватить въ дорогу?—спросилъ ординарецъ.

— А что? День, кажется, погожій будетъ,—сказалъ Симоновичъ.

— Нѣтъ-съ, ваше выскородіе, быть грозѣ.

— Да почему ты знаешь?—удивился полковникъ.

— Да какъ же, ваше выскородіе, не знать? Вонъ имеретинскія свиньи все сѣно у нашихъ лошадей перетаскали къ себѣ въ хлѣвъ.

— Свиньи!—засмѣялся полковникъ.—Что жъ изъ этого?

— Да свинья, ваше высокородіе, знаетъ, когда быть грозѣ: она лучше человѣка это понимаетъ.

— Ну, захвати ужъ и бурки, и башлыки, когда свинья приказываетъ,—окончательно разсмѣялся Симоновичъ.

— Слушаю-съ, захватимъ.

— А вы развѣ еще не всѣхъ свиней переѣли у царя Соломона?—съ улыбкою спросилъ полковникъ.—Вонъ митрополитъ Софроній жалуется, что вы у него куръ ворусте.

— Помилуйте, ваше высокородіе, мы ихнихъ свиней не трогаемъ,—оправдывался казакъ,—ничево ихняво не беремъ, ни синь-пороху... А што куръ митрополичьихъ станишники, кубыть, нѣсколько скрали, это точно што...

— Ну, чтобъ впередъ этого не было.

— Слушаю-съ.

Дѣйствительно, Симоновичъ и Могилевскій, въ сопровожденіи четырехъ казаковъ, выѣхали изъ Кутаиса при отличной весенней погодѣ. Небо было ясное, глубокое, синее. Весенняя зелень сверкала изумрудами. Но едва путники переправились черезъ Рioнъ, какъ на вершинѣ одной изъ высшихъ горъ Имеретіи сталъ клубиться бѣловатый дымокъ, который все болѣе и болѣе затягивалъ прозрачной пеленой гору и медленно тянулся по сосѣднимъ возвышеніямъ. Вдругъ что-то глухо загрохотало въ горахъ.

— Да свинья-то правы,—сталъ оглядываться во всѣ стороны Симоновичъ.—Вотъ метеорологи прорицатели!

— А что, полковникъ, какія свиньи?—недоумѣвающе спросилъ Могилевскій.

— Да вотъ Щербовъ мнѣ давеча говорилъ, что свиньи таскали у ихъ коней сѣно для своихъ берлогъ, и что мудрые четвероногіе натуралисты дѣлали это, предвидя грозу,—отвѣчалъ полковникъ.—А вонъ гроза-то и собирается.

Загрохотало еще ближе и явственнѣе. Глухое эхо отвѣчало въ дальнихъ горахъ и небо стало почти моментально заволакивать. Заволоклось и солнце.

— Нечего дѣлать, надо прибѣгать къ буркамъ и къ башлыкамъ,—сказалъ Симоновичъ.—Ай, да свиньи! Вотъ бы съ ними чаще было совѣтоваться Соломону, мудрѣе бы правилъ царствомъ.

— И то правда,—согласился Могилевскій,—ужъ лучше совѣтоваться съ свиньями, чѣмъ съ Церетели и Леонидзе, для которыхъ висѣлицы мало *).

— Эй, Щербовъ! Подавай бурки и башлыки!—закричалъ Симоновичъ.

Едва всѣ они успѣли облечься въ эти, ничѣмъ незамѣнимыя, горскія аптука, какъ крупныя капли дождя, словно горохъ, застучали по деревьямъ, по камнямъ и по башлыкамъ. Скоро дождь превратился въ ливень, и почти моментально горные ручьи зашумѣли и понесли мутныя, пѣнистыя и стремительныя, какъ ураганъ, волны въ Ріонъ и въ Квириллу. Громъ грохоталъ ударъ за ударомъ, точно Прометей, сорвавшись съ своей вѣковѣчной цѣпи, мстилъ теперь своему палачу, Зевсу, бросая въ его огненныя молніи цѣлыми скалами, а Океаниды, его союзницы, плеснули на Олимпъ всѣми водами океана. Ручьи вздулись, какъ бѣшеные, и конямъ нашихъ путниковъ пришлось уже брести по колѣна, а то и по брюхо въ водѣ.

Но какъ быстро налетаетъ гроза въ горахъ, такъ она быстро и уносится.

Достаточно было нѣсколькихъ минутъ, чтобы гроза перекинулась за Сурамскій перевалъ, и громъ грохоталъ уже тамъ, словно кого преслѣдуя, а здѣсь выглянуло солнце, какъ бы привѣтствуя природу послѣ первой весенней грозы. Она прошла полосою, не захвативъ всей Имеретіи. Горные ручьи еще продолжали бурлить и пѣниться, словно со злобы, но и для ихъ злобы матеріалъ постоянно изсякалъ, и они скоро присмирѣли.

— Ну, и мудрыя же у Соломона свиньи!—заговорилъ Симоновичъ, освобождаясь отъ намокшихъ и отяжелѣвшихъ бурки и башлыка.—Не будь этихъ мудрецовъ, что бы съ нами сталось въ эту бѣшеную грозу?

— Да,—согласился Могилевскій,—мы бы ловко схватили по лихорадкѣ.

— Ну, спасибо тебѣ, братецъ, что послушался соломоновыхъ свиней,—говорилъ Симоновичъ, вручая Щербову бурку и башлыкъ.—Спасибо за совѣтъ.

— Рады стараться, ваше высокородіе, — осклабился казакъ.

---

*) Документальное выраженіе Могилевскаго.

Теперь дорога пошла совершенно сухая, и признаковъ грозы какъ ни бывало. Птицы запѣли еще радостнѣе. Орлы повылетѣли изъ своихъ горныхъ прикрытій и плавно кружились въ голубой, словно бирюза, выси.

Скоро стали показываться иногда вдали одинокіе всадники и, завидѣвъ нашихъ путниковъ, быстро исчезали.

— Это царскіе лазутчики,—говорилъ Щербовъ, у котораго привычные глаза видѣли лучше всякой зрительной трубы.

— Значитъ, близко Хаши и самъ царь: это они насъ высматриваютъ,—замѣтилъ Симоновичъ.

— Все еще боятся, не «съ войскомъ ли» мы,—улыбнулся Могилевскій.

Скоро они въѣхали въ такое ущелье, въ которомъ четырехтысячному войску Соломона можно было бы долго оставаться передъ стотысячною арміею, если бы у войска были запасы и если бы... Но не судьба!

Показались группы имеретинъ. Впереди, навстрѣчу нашимъ путникамъ, ѣхалъ на ворономъ конѣ одинокій всадникъ въ бѣлой, какъ снѣгъ, папахѣ и въ богатомъ вооруженіи. Это былъ царевичъ Константинъ, наслѣдникъ имеретинскаго престола. Не доѣзжая нѣсколько шаговъ до Симоновича и Могилевскаго, царевичъ остановился и сошелъ съ коня. Затѣмъ онъ приблизился къ нашимъ путникамъ и остановился. Остановился и его умный конь, который, словно собака, слѣдовалъ по пятамъ своего господина, и умная морда котораго, казалось, говорила: «мой господинъ въ горѣ, и горе его я раздѣляю»... Остановились и наши путники.

— Приношу повинную Его Императорскому Величеству, моему господину и повелителю,—прерывающимся голосомъ проговорилъ царевичъ,—отдаюсь на Его милостивую волю... Вотъ мое оружіе...

И царевичъ снималъ съ себя вооруженіе и передавалъ Симоновичу... Слезы медленно текли по щекамъ несчастнаго... Умный конь его заржалъ жалобно, словно покинутый матерью жеребенокъ, и изъ глазъ его также текли слезы... Симоновичъ не выдержалъ этой грустной, трогательной сцены.

— Нѣтъ! Нѣтъ, царевичъ!—проговорилъ онъ растроганно,— Оставьте при себѣ оружіе... вы его заслужили чистосердечнымъ

раскаяніемъ... Ваша воинская честь должна быть соблюдена... Я самъ блюду воинскую честь...

И онъ возвратилъ царевичу его оружіе, которое этотъ послѣдній принималъ изъ рукъ Симоновича и съ нѣжностью цѣловалъ, какъ самое дорогое для горца сокровище.

— Теперь садитесь на своего милаго коня, видите, онъ плачетъ,—продолжалъ Симоновичъ,—и поѣдемте къ вашему батюшкѣ.

Царевичъ ловко вскочилъ на своего умнаго товарища, который радостно заржалъ и заплясалъ подъ всадникомъ, и всѣ поѣхали дальше. Великодушіе Симоновича привело въ такой восторгъ царевича, что онъ рѣшительно ликовалъ, бодря своего лихого скакуна: горцу показаться передъ людьми безъ оружія, все равно что явиться въ многолюдное собраніе голымъ и обезчещеннымъ. А онъ былъ не простой горецъ, а царевичъ среди своихъ воиновъ и подданныхъ.

Скоро показался и царь, окруженный митрополитами и князьями, а въ углубленіи расширявшагося ущелья войско, разставленное шпалерами.

Не доѣзжая немного до Соломона, Могилевскій и царевичъ Константинъ сошли съ коней. Послѣдній подошелъ къ отцу и радостно обнялъ его.

— Мужайся, батюшка,—тихо сказалъ онъ,—мнѣ возвращено мое оружіе.

Послѣ обычныхъ привѣтствій Симоновичъ сказалъ:—«Хотя, ваше высочество, намъ и не слѣдовало бы являться къ вамъ безъ особаго разрѣшенія на то главнокомандующаго, но чтобы доказать вамъ наше искреннее расположеніе, равно и то, что, кромѣ добра, могущественная Россія ничего иного не желаетъ для единовѣрной ей Имеретіи, мы прибыли по вашему желанію»...

Тутъ рѣчь его мгновенно оборвалась, и самъ онъ какъ будто застылъ, не покончивъ того, что хотѣлъ сказать. Ему показалось, будто молнія блеснула у него передъ глазами, и онъ съ трудомъ сообразилъ, что съ нимъ... Съ прелестнаго, почти дѣтскаго личика на него смотрѣли такіе ясные, такіе чудные глаза, какихъ онъ въ жизни не видывалъ, и они-то произвели на не впечатлѣніе молніи, блеснувшей среди яснаго неба... То были глаза Дареджаны... «Такъ вотъ она, чаровница... Вотъ какіе глаза-молніи произвели бурю въ чернильной душѣ дипломата»...

Полковникъ былъ побѣжденъ!

— Я пріѣхалъ завѣрить ваше вытсочество честнымъ словомъ,—бормоталъ онъ уже далеко не съ прежней самоувѣренностью,—что... что я... что вы не будете арестованы.

Тѣ же дивные глаза съ мольбою глядѣли и на Могилевскаго... «Видѣніе, видѣніе... мечта наяву», колотилось у него въ душѣ.

— Вы завѣряете честнымъ словомъ,—говорилъ между тѣмъ Соломонъ,—вы поклянетесь?

— Клянусь!.. — У Симоновича чуть не вырвались слова: «клянусь этими божественными глазами!..»

— Вы поклянетесь на крестѣ и Евангеліи?

— Поклянусь, присягну...

Впередъ выступилъ митрополитъ Софроній съ крестомъ, а рядомъ съ нимъ протопопъ Николозъ съ Евангеліемъ.

По знаку, поданному княземъ Леонидзе, войско Соломона взяло на караулъ.

— Говорите присягу, полковникъ Симоновичъ! — громко произнесъ Софроній.

— Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его Евангеліемъ,—торжественно произнесъ Симоновичъ,—что царь Имеретіи Соломонъ Второй не будетъ арестованъ, а царица Марія будетъ оставлена на жительствѣ въ Кутаисѣ, во исполненіе чего цѣлую слова Распятаго за ны и животворящій крестъ Его.

— Аминь!—словно пригвоздилъ Софроній.

Симоновичъ приложился къ кресту и къ Евангелію, и въ это время, по знаку же князя Леонидзе, послѣдовалъ залпъ изъ ружей и винтовокъ: то былъ салютъ войска, обрадованнаго присягой.

Могилевскій чувствовалъ на себѣ взглядъ Дареджаны. Онъ, казалось, говорилъ: «что же ты молчишь?.. А я за тебя молилась»...

Могилевскій выступилъ впередъ.—«И я клянусь»,—проговорилъ онъ.

— Въ чемъ?—спросилъ Соломонъ.

Могилевскій, сложивъ пальцы правой руки на молитву и высоко поднявъ ее, торжественно произнесъ:

— Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его Евангеліемъ, что въ проѣздъ царя Имеретіи, Соломона Вто-

рого, въ Грузію, ему будутъ отдаваемы царскія почести и что со стороны русскаго правительства не будетъ сдѣлано царю Соломону никакого насилія, во исполненіе чего цѣлую животворящій крестъ на немъ Распятаго за ны и божественныя слова Его.

— Аминь! Аминь! Аминь!—гвоздилъ Софроній.

Могилевскій прикладывался ко кресту и Евангелію, а войско Соломона снова оглашало ханійское ущелье залпомъ и радостными криками.

Соломонъ со слезами обнималъ превысившихъ свою власть, подъ чарами взоровъ имеретинки, русскихъ чиновниковъ, а та, въ чью пользу они превысили свои полномочія, припавъ на грудь матери, плакала радостными слезами.

XXVII. «Сорвалось»!

Разсказанное въ предыдущей главѣ происходило 12-го марта 1810 года.

Какъ ни былъ очарованъ Симоновичъ красотою Дареджаны, и какъ ни хотѣлось ему подольше остаться около этого очаровательнаго существа, однако, онъ въ тотъ же день долженъ былъ возвратиться къ своему отряду. Впрочемъ, прощаясь съ Соломономъ и Маріей, онъ услышалъ отъ послѣдней, что она, проводивши мужа, тотчасъ же съ дочерью воротится въ Кутаисъ.

«Значитъ, я еще буду видѣть ее въ Кутаисѣ», — подумалъ онъ, ловя послѣдній благодарный взглядъ Дареджаны.

Могилевскій же остался при Соломонѣ. Съ одной стороны его также побуждало остаться здѣсь обаяніе красоты дѣвушки, съ другой—онъ рѣшился лично сопровождать царя, чтобы сдать его съ рукъ на руки главнокомандующему. Онъ все продолжалъ бояться, какъ бы Соломонъ не ускользнулъ изъ его рукъ, и тогда бѣгство царя неизбѣжно было бы приписано его небрежности и непредусмотрительности.

Что Соломонъ, несмотря на данную при всѣхъ присягу, покориться своей участи и уѣхать въ Тифлисъ, лелѣялъ въ душѣ мысль о побѣгѣ, это впослѣдствіи и обнаружилось. Мало того, и князь Леонидзе, также принесшій вмѣстѣ съ царемъ и князьями его присягу на вѣрность Россіи, своимъ неожиданнымъ поступкомъ укрѣпилъ Могилевскаго въ его опасеніяхъ: въ тотъ же день, 12-го марта, какъ писалъ онъ Тормасову, «царь бѣсовъ Леонидзе

измѣнивши, наконецъ, и царю, бѣжалъ въ Ахалцыхъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ по адскимъ дѣламъ, патеромъ Николаемъ».

Могилевскаго тревожили, вообще, подозрительныя колебанія Соломона. Этотъ, повидимому, безвольный, но въ то же время изворотливый и двуличный азіатъ вдругъ отказаться ѣхать прямо въ Тифлисъ.

— А клятва?—спросилъ его Могилевскій.

— Я клятвѣ не измѣняю: я ѣду, покоряюсь вамъ, но только въ Карталинію, и тамъ, не доѣзжая до Гори, буду просить Тормасова, чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ на свиданіе, — отвѣчалъ увертливый азіатъ.

Нечего было дѣлать, Могилевскій долженъ былъ согласиться, тѣмъ болѣе что на него умоляюще глядѣли глаза «видѣнія», глаза, которымъ онъ ни въ чемъ не могъ отказать.

Наконецъ, 15-го марта назначенъ былъ выѣздъ Соломона изъ ущелья Хани. Дареджана очень плакала, прощаясь съ отцомъ. Съ трудомъ онъ могъ оторвать отъ своей шеи ея цѣпкія руки.

— Не плачь, моя дѣвочка, мы скоро увидимся, — утѣшалъ онъ ее.

— Когда же? Когда?—допрашивала Дареджана.

— Еще розы не зацвѣтутъ, какъ ты будешь въ монхъ объятіяхъ.

Благославляя и цѣлуя ее въ глаза и въ голову, Соломонъ что-то шепнулъ дочери. Могилевскій наблюдалъ за ними, и отъ его зоркихъ глазъ не ускользнулъ блескъ, загорѣвшійся въ глазахъ дѣвушки. Предательскій блескъ этотъ замѣтилъ и Соломонъ и поспѣшилъ затушить его новыми поцѣлуями.

— Отъ васъ, царевна, и отъ вашей матушки, царицы, будетъ зависѣть, когда угодно соединиться съ его высочествомъ,— вмѣшался Могилевскій, желая показать, что онъ не замѣтилъ того, что произошло между отцомъ и дочерью.—Вы хоть сейчасъ можете ѣхать съ нами.

— Мы этого не можемъ сдѣлать теперь,—отвѣчала за дочь царица,—у меня на рукахъ хозяйство, и, чтобы ѣхать въ Тифлисъ, намъ нужно все привести въ порядокъ, а этого скоро сдѣлать нельзя.

— О, да, хозяйство,—улыбнулся Могилевскій.—А знаете,

ваше высочество,—продолжалъ онъ, — ваши кутаисскія свиньи спасли насъ съ полковникомъ Симоновичемъ отъ большой бѣды.

— Какъ? Мои свиньи спасли васъ? Какимъ образомъ?— удивилась царица.

— Онѣ предсказали намъ грозу и ливень, когда мы собирались съ полковникомъ ѣхать сюда.

— О, да, онѣ чуютъ погоду и передъ грозой бываютъ не спокойны,—тономъ сельской хозяйки пояснила царица.

— А у насъ онѣ все сѣно отъ нашихъ коновязей перегаскали себѣ въ берлоги и тѣмъ спасли насъ отъ простуды, давъ намъ понять, что мы въ дорогу должны были запастись бурками... Поэтому я заочно шлю вашимъ умнымъ свиньямъ свой привѣтъ,—улыбнулся Могилевскій по адресу Дареджаны.

Та засмѣялась, у молодости слезы такъ же скоро высыхаютъ, какъ роса на солнцѣ.

Выѣзжая изъ ханійскаго ущелья, въ сопровожденіи своей свиты, численностью доходившей до четырехсотъ всадниковъ, Соломонъ долго оглядывался назадъ, пока за поворотомъ и за выступами скалъ не скрылись его семейство и весь многочисленный штатъ царицы.

За версту и болѣе впереди кортежа Соломона ѣхали его развѣдчики, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы наблюдать за русскими войсками и направлять шествіе своего царя и его свиты подальше отъ русскихъ штыковъ. Даже отрядъ Симоновича кортежъ Соломона объѣхалъ въ полуверстѣ, хотя для этого нужно было пробираться по крутой, головоломной скалѣ въ мѣстечко Сазано, родовое имѣніе царицы. Могилевскій не понималъ, какъ можно было проѣзжать по такимъ адскимъ стремнинамъ и дебрямъ, надъ такими зіяющими пропастями, гдѣ мыслимо было только пребываніе орловъ да горныхъ козъ. А имеретинамъ, этой горной дичи, все это было ни по чемъ, да и лошади ихъ своей ловкостью и цѣпкостью не уступали кошкамъ.

Но едва проѣхали верстъ пять по этому адскому бездорожью, какъ Соломонъ вдругъ остановился.

— Я дальше не поѣду,—мрачно сказалъ онъ.

— Почему же?—удивился Могилевскій.

— Меня тамъ арестуютъ,—отвѣчалъ царь, пытливо глядя въ глаза Могилевскому.

— Но вѣдь мы клялись съ Симоновичемъ, что вы не будете арестованы,—возразилъ послѣдній.

— Поклянитесь еще разъ, поклянитесь прахомъ вашихъ предковъ,—настаивалъ несчастный.

— Клянусь, хотя думаю, что клятва на крестѣ и Евангеліи должна бы быть для васъ успокоительнѣе всѣхъ другихъ клятвъ,—снова возразилъ Могилевскій и тѣмъ нѣсколько успокоилъ своего подозрительнаго плѣнника.

Они продолжали путь. Могилевскій слѣдовалъ за царемъ шагъ за шагомъ, стараясь не выпускать его изъ виду. Онъ былъ убѣжденъ, что Соломонъ думаетъ о побѣгѣ. Но въ то же время его удивляло слѣдующее: съ Могилевскимъ было всего два казака; свита же Соломона состояла изъ четырехсотъ всадниковъ. Что имъ стоило бросить беззащитнаго русскаго чиновника на произволъ судьбы въ этихъ ужасныхъ дебряхъ, а казаковъ его связать или даже убить? Что стоило имъ прикончить и съ самимъ Могилевскимъ и потомъ пробраться въ разсыпную къ предѣламъ Турціи? Но они этого не дѣлали. А между тѣмъ снова, черезъ пять шесть верстъ, Соломонъ требовалъ отъ своего провожатаго новой клятвы. Это было что-то несообразное, дикое и въ то же время ребяческое.

Цѣлыхъ пять сутокъ продолжались эти мытарства по невообразимымъ дебрямъ, и только 21-го марта, къ вечеру, кортежъ прибылъ въ Карталинію и остановился близъ Сураж, въ селеніи Бекамъ, въ имѣніи родственника Соломона, князя Кайхосро Абашидзе.

Старый князь Кайхосро, который также находился въ свитѣ царя и мужественно переносилъ всѣ трудности похода, еще съ дороги послалъ гонца въ Бекамъ съ извѣстіемъ о приближеніи злополучнаго владыки Имеретіи, и потому царя и его свиту ожидалъ тамъ богатый ужинъ, а для прочихъ спутниковъ разведены были на воздухѣ костры, на которыхъ и жарились десятки баранихъ тушъ.

За ужиномъ сынъ хозяина, красавецъ и великанъ князь Димитрій Абашидзе, самый дѣльный и самый храбрый въ семьѣ богатырей, особенно усердно угощалъ Могилевскаго. Хитрый имеретинъ думалъ напоить своего незваннаго и нежеланнаго гостя до-пьяна, чтобы у него подъ носомъ выкрасть своего царя и родственника, но ловкій канцелярист и дипломатъ или «кур-

ной Талейранъ», какъ называли русскіе въ Тифлисѣ Могилевскаго, любившаго купаться въ Курѣ, въ мутной «курной» водѣ, былъ себѣ на умѣ и тотчасъ же проникъ въ замыслы хитраго имеретина.

— Гдѣ мнѣ съ вами, князь, тягаться на «кахетинскомъ полѣ»,—съ лукавою улыбкой замѣтилъ онъ угощавшему его Димитрію Абашидзе,—вы почти вдвое выше меня и вдесятеро храбрѣе... Моя стихія—чернила, а не вино.

Въ разговоръ вмѣшался Соломонъ, почти ничего не ѣвшій.

— Отчего бы главнокомандующему не пріѣхать сюда?—сказалъ онъ.—Вѣдь я ѣхалъ къ нему пять дней: отчего бы ему не проѣхать ко мнѣ пять часовъ? Только пять часовъ!

— Но онъ ѣхалъ навстрѣчу вашему высочеству изъ самаго Тифлиса,—возразилъ Могилевскій.

— Да... Но мой титулъ и мои лѣта?

— Согласенъ, ваше высочество; но главнокомандующій являетъ собою здѣсь зерцало священной воли Его Императорскаго Величества... А согласитесь, сей титулъ—титулъ Царя царей; Царь казанскій, Царь астраханскій, Царь сибирскій, Царь польскій... При одномъ перечисленіи именъ царствъ, земель и народовъ, подвластныхъ Государю Императору, священный трепетъ проникаетъ въ душу...

Слова Могилевскаго, дѣйствительно, вселили трепетъ въ души присутствовавшихъ; но тѣмъ страшнѣе казалось имъ то, что ожидало ихъ маленькую Имеретію.

Не присутствовалъ за ужиномъ только князь Симеонъ Церетели. По порученію царя и по личному желанію, онъ въ это время въ особой комнатѣ писалъ въ Кутаисъ письмо къ царицѣ о томъ, что они благополучно прибыли въ Бекамъ, и часто, сидя съ перомъ въ рукѣ, задумывался, забывая, гдѣ онъ и что съ нимъ. Думы его были въ Кутаисѣ, и полны тоской были эти думы. Тоску эту увеличивала еще давно засѣвшая въ его память и нервы какая-то плачущая мелодія, какой-то мотивъ, который онъ никакъ не могъ припомнить. Эта мелодія грызла его душу всю дорогу, съ того самаго момента, когда, оставляя вмѣстѣ съ прочими ханійское ущелье, онъ оглянулся назадъ въ послѣдній разъ и въ послѣдній разъ увидѣлъ исчезавшую за уступомъ ущелья бѣлую чадру Дареджаны... Что это за проклятая мелодія! Гдѣ онъ ее слышалъ? Гдѣ она отравила собою его слухъ,

его память?.. Это мелодія не имеретинская.—Но она хватаетъ его за душу, она заставляетъ слезы подступать къ горлу. Это мелодія плачущая, безнадежная, какъ безнадежно его собственное положеніе... Когда же и гдѣ она вползла ему въ душу? Да, да... Онъ вспоминаетъ, онъ вспомнилъ... Онъ слышалъ ее въ горахъ Кавказа и слышалъ, помнится, вскорѣ послѣ обвала, недалеко отъ Дарьяльскаго ущелья, чуть ли не около Казбека... Да, именно тамъ!.. Тогда въ душѣ его распускался робкій цвѣтокъ надежды... Обращеніе Дареджаны съ нимъ измѣнилось... Онъ сердцемъ понялъ тогда зарожденіе ея чувства... И вдругъ тамъ же эта проклятая мелодія! Тамъ она въ первый разъ прозвучала въ его ушахъ и отравила его память... Теперь онъ все вспомнилъ. Эту заунывную, жалующуюся на что-то пѣсню пѣлъ тамъ русскій солдатикъ... Да, это онъ... Теперь князь Симеонъ вспомнилъ даже слова этой проклятой мелодіи... Да, да, въ пѣснѣ пѣлось:

Охъ, ты, матушка родима,
На что на горе родила?

Это было тогда, когда снѣжнымъ обваломъ унесло ротную собачку, и потерявшій ее солдатикъ плакалъ о своей любимицѣ и пѣлъ... О! Какъ къ нему самому теперь шли слова этой пѣсни! Да, «на горе», на потерю любимой дѣвушки и своей родины, Имеретіи, родила его несчастная имеретинка... Зачѣмъ онъ не турокъ, не персіянинъ, а имеретинъ, сынъ имеретинки, сынъ осужденной неизбѣжнымъ рокомъ Имеретіи? Зачѣмъ мать-имеретинка родила его подданнымъ этого злополучнаго царя безъ царства, подданнымъ отца той, которая была для него дороже жизни?.. Зачѣмъ, зачѣмъ! Безсмысленные вопросы! Они такъ же безсмысленны, какъ безсмысленны первыя строфы пѣсни, мелодія которой продолжала терзать его душу...

«Нѣтъ, не безсмысленны они, эти вопросы, протестовалъ его разсудокъ: это вопросы отчаянія, крики изболѣвшей души»...

Церетели снова начиналъ писать, стараясь отогнать мучившую его мелодію. Онъ не хотѣлъ огорчить царицу, а тѣмъ болѣе Дареджану печальными извѣстіями, но при всемъ томъ письмо его выходило полнымъ затаенной тоски.

Между тѣмъ къ Тормасову уже скакалъ гонецъ съ донесеніемъ, что Соломонъ прибылъ въ Бекамъ и здѣсь почуетъ.

На утро воротился гонецъ съ приказомъ главнокомандую-

щаго ѣхать съ царемъ въ селеніе Варіани, куда долженъ былъ прибыть и Тормасовъ. Соломонъ смутился, когда Могилевскій сообщилъ ему приказъ генерала.

— Я не могу ѣхать въ Варіани,—сказалъ онъ, незамѣтно переглянувшись съ великаномъ Димитріемъ Абашидзе.

— Почему же?—спросилъ Могилевскій.

— Я боюсь, что съ удаленіемъ отъ границъ Имеретіи и съ выходомъ изъ лѣсовъ меня арестуютъ,—отвѣчалъ царь.

— А мое клятвенное обѣщаніе?—возразилъ Могилевскій.

— Я ему вѣрю... но вы не полновластны тамъ, гдѣ воля Тормасова законъ... Я лучше переѣду завтра въ селеніе Дирби, оно на половинѣ пути между Сурамомъ и Гори, и оттуда отправлю письмо съ просьбою, чтобы главнокомандующій назначилъ мнѣ мѣсто свиданія. Я совершенно теперь въ рукахъ русскихъ, и меня могутъ везти, куда захотятъ.

Для Могилевскаго въ этихъ словахъ слышалось скорѣе отчаяніе, чѣмъ искренность и покорность... Все-таки онъ согласился ѣхать съ царемъ въ Дирби, тѣмъ болѣе что гонецъ, возвратившійся отъ Тормасова, тайно сообщилъ ему, что около Дирби, въ лѣсу, поставлены, въ скрытыхъ мѣстахъ, пять ротъ пѣхоты, эскадронъ драгунъ и сотня казаковъ.

Еще изъ Бекама Соломонъ отправилъ къ Тормасову митрополита Генатели и князя Сехнію Цулукидзе, они должны были просить генерала пріѣхать въ Дирби на свиданіе съ царемъ. Но это былъ только отводъ глазъ. У Соломона былъ другой умыселъ: не даромъ, при разговорѣ съ Могилевскимъ, онъ многозначительно переглянулся съ Димитріемъ Абашидзе.

Замыселъ ихъ, однако, былъ обнаруженъ въ слѣдующую же ночь.

Пріѣхавъ въ Дирби, Соломонъ объявилъ, что здѣсь онъ намѣренъ выждать возвращенія отъ Тормасова митрополита Генатели и князя Цулукидзе.

— А развѣ ваше высочество не располагаете ѣхать въ Варіани?—спросилъ Могилевскій.

— Конечно, я принужденъ буду туда ѣхать,—отвѣчалъ Соломонъ,—но я надѣюсь, что главнокомандующій, изъ уваженія къ моему несчастію, окажетъ мнѣ должную почесть и пріѣдетъ въ Дирби.

— А я полагаю, что ваше высочество сами должны искать

своего счастья, а не требовать, чтобы главнокомандующій заискивалъ въ васъ,—съ скрытою иронією замѣтилъ Могилевскій.

— Да, вы правы, сила всегда права,—съ горечью проговорилъ Соломонъ,—но я во всякомъ случаѣ долженъ дождаться здѣсь возврата митрополита Гепатели и князя Цулукидзе.

Къ вечеру безпокойство царя перешло въ тревогу, чего не могъ не замѣтить такой психологъ и физіономистъ, какъ Могилевскій, хорошо изучившій психологію и физіономику въ своей канцеляріи. Соломонъ видѣлъ, что Могилевскій о чемъ-то догадывается, и желая отвести ему глаза, не въ мѣру переложилъ въ приготовленное для своего аргуса блюдо азіятской хитрости.

— Жители Дирби, говорятъ, разглашаютъ, будто я намѣренъ нынѣшнею ночью бѣжать,—сказалъ онъ съ напускнымъ пренебреженіемъ,—это совершенная клевета. Имѣя въ Имеретіи и на пути въ Карталинію тысячи способовъ къ побѣгу, я не исполнилъ этого, а тѣмъ болѣе теперь, когда я предалъ себя во власть русскихъ, конечно, не рѣшусь бѣжать. Впрочемъ, если угодно, поставьте караулъ,—пренебрежительно закончилъ онъ.

Едва наступили сумерки, Соломонъ объявилъ, что ему нездоровится, и онъ идетъ спать.

Настала ночь, но Соломонъ не ложился, напротивъ, онъ былъ одѣтъ по-дорожному и вооруженъ.

Вдругъ къ нему входитъ Димитрій Абашидзе съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ.

— Мы погибли!—сказалъ онъ, задыхаясь.—Дирби окруженъ войсками... Этотъ шайтанъ открылъ наше намѣреніе, и осѣдланные для нашего бѣгства лошади арестованы имъ... Сорвалось!

Утромъ, чуть свѣтъ, Могилевскій вошелъ къ Соломону.— «Вы мой плѣнникъ! Вы сами сняли съ меня мою клятву».

Соломонъ со стономъ закрылъ лицо руками.

XXVIII. Тронъ и монастырь.

Прошло мѣсяца полтора послѣ описаннаго въ предыдущей главѣ приключенія съ царемъ Соломономъ.

Теперь уже болѣе мѣсяца, какъ онъ находился въ Тифлисѣ подъ стражей. Домъ, въ который его заключили, день и ночь былъ охраняемъ особымъ карауломъ.

Наступилъ вечеръ 10-го мая 1810 года. Ночи на югѣ, какъ и вечера, очень темны, и темнота эта наступаетъ быстро, почти безъ сумерекъ.

Въ этотъ вечеръ, довольно поздно, изъ дома, въ которомъ заключенъ былъ Соломонъ, кто-то спускался по ступенькамъ лѣстницы на дворъ. Судя по одеждѣ, это былъ простой комнатный служитель, но въ темнотѣ лица его нельзя было разсмотрѣть.

— Кто идетъ?—окликнулъ его часовой, ходившій съ ружьемъ около крыльца.

— Свой,—былъ отвѣтъ,—служитель.

— А что у тебя въ рукахъ?

— Кувшинъ для воды.

Часовой пропустилъ. У воротъ, выходившихъ на улицу, стоялъ другой часовой. Вышедшій изъ дому направился къ воротамъ.

— Кто идетъ?—окликнулъ и этотъ часовой.

— Свой, служитель,—отвѣчалъ окликнутый.

— А куда идешь?

— Къ Курѣ.

— Зачѣмъ?

— Развѣ не видишь? За водой.

— Экое дурье эти черкесы! Раньше не подумалъ сходить за водой... Народецъ! Ну, проходи, дурова голова!

«Дурова голова» очутилась на улицѣ. Не прошла «дурова голова» и двадцати шаговъ, какъ къ ней осторожно приблизился полицейскій.

— Это ты, Мамія?—шепотомъ спросила «дурова голова».

— Я, ваш...

— Тсъ...—перебила «дурова голова»—зови меня Бежаномъ.

— Слушаю.

— Ну, что тамъ? Готово, мой вѣрный Мамія?

— Все готово, ва... Бежанъ.

— А кто именно?

— Оба царевича, Ираклій и Давидъ, четверо князей Церетели, князья Эристовы.

— А князь Симеонъ Церетели съ ними?

— Съ ними ваш... Бежанъ.

— А гдѣ остановились?

— Сейчасъ за-городомъ, въ Саганъ-балкѣ.

— По ахалцыхской дорогѣ?

— Какъ разъ около дороги, ваш...

Тихонько разговаривая, они все болѣе и болѣе удалялись отъ дома, въ которомъ заключенъ былъ Соломонъ.

— О, если бы Тормасовъ зналъ, что готовится ему въ Саганъ-балкѣ!—съ злорадствомъ въ голосѣ проговорилъ тотъ, кого часовой обозвалъ «дуровой головой».

Что же готовилось въ Саганъ-балкѣ? Въ эту самую минуту на обрывѣ, у расщелины, въ которой находилось гнѣздо филина, сидѣла эта ночная птица на ловлѣ летучихъ мышей и отъ времени до времени глухо стонала... Если бы главнокомандующій Кавказа и Закавказья, генералъ Тормасовъ, могъ хотя на одинъ часъ превратиться въ филина и очутиться на обрывѣ надъ Саганъ-балкою, то онъ увидѣлъ бы и услышалъ бы то, чего ни онъ, ни прозорливый его Талейранъ—Могилевскій, никакъ не могли ожидать.

Онъ увидѣлъ бы въ Саганъ-балкѣ группу всадниковъ, болѣе двадцати человѣкъ, которые, сойдя съ коней и усѣвшись на камни, о чемъ-то тихо и таинственно разговаривали. Всѣ они были въ черныхъ буркахъ и солидно вооружены.

— Какъ же ты это все устроилъ, князь Симеонъ?—спросилъ кто-то, кого по голосу можно было тотчасъ признать за царевича Ираклія.—Вѣдь мы были въ Кутаисѣ и ничего не знали.

— И хорошо, что не знали,—отвѣчалъ голосъ, сразу обличавшій гортанный теноръ князя Симеона Церетели,—чѣмъ меньшему числу такое дѣло извѣстно, тѣмъ безопаснѣе.

— Ты самъ это устроилъ?—снова спросилъ царевичъ.

— Нѣтъ, при помощи вѣрнаго Мамія... Развѣ я могъ проникнуть даже во дворъ тюрьмы?

— Да, Мамія хорошій нукеръ, совсѣмъ джигитъ; я помню его еще изъ Пятигорска и Кисловодска, онъ туда сопровождалъ насъ. Каждую ночь онъ бережетъ насъ, не отходилъ отъ палатокъ,—говорилъ царевичъ.

— Ну, вотъ онъ все и сдѣлалъ,—продолжалъ Симеонъ Церетели. — Когда царя увезли въ Тифлисъ, Мамія притворился рьянымъ приверженцемъ русскихъ и явился въ Тифлисъ, гдѣ и поступилъ въ полицейскіе. Ему дали постъ почти около самой

тюрьмы царя. Вотъ онъ все и уладилъ. Онъ, какъ полицейскій, безпрепятственно входилъ во дворъ царскаго заключенія и подговорилъ одного водоноса, также изъ имеретинъ, въ кувшинѣ—у нихъ огромные глиняные кувшины—пронести къ царю платье слуги: въ этомъ платьѣ онъ теперь, съ кувшиномъ въ рукахъ, и долженъ выйти изъ своей тюрьмы, будто бы за водой къ Курѣ, а Мамія долженъ дождаться его на улицѣ и привести сюда.

— Ну, ужъ теперь на свой постъ Мамія не воротится,— весело замѣтилъ царевичъ Давидъ.

— Еще бы! Съ нами, конечно, поѣдетъ, — сказалъ Ираклій.

— А я не успѣлъ васъ спросить, все ли благополучно въ Кутаисѣ?—перемѣнилъ разговоръ Симеонъ Церетели.—Какъ здоровье царицы и царевны?

— Мать и сестра здоровы, только Дареджана часто плачетъ,—отвѣчалъ Давидъ.

— Ну, теперь перестанетъ плакать, благодаря молодцу Маміи,—замѣтилъ Ираклій,—зато другой Мамія оказался бабабабой.

— Какой другой Мамія? — спросилъ князь Эристовъ,— Элизбаръ.

— А Мамія, владѣтель Гуріи: онъ совсѣмъ переходитъ въ русское подданство, хочетъ даже строить казармы для русскихъ солдатъ... Такая баба!

Въ это время въ темнотѣ послышался шорохъ приближавшихся шаговъ. Всѣ притихли. Мало ли кто могъ набрести на нихъ ночью? А если это облава со стороны русскихъ? Если все открыто, и за ними тайно выслана погоня?

Но въ мертвой тишинѣ вдругъ явственно послышался крикъ перепела.

«Хававъ-хававъ-хававъ», отвѣчалъ ему крикъ самки. Это былъ условный сигналъ.

— Они! Они!—радостно проговорилъ младшій сынъ Соломона.

Дѣйствительно, это были—бѣжавшій изъ заключенія послѣдній царь Имеретіи и его вѣрный слуга Мамія.

Соломонъ бросился обнимать своихъ спасителей. Всѣ обнимали и благодарили Мамію.

— На коней! Въ путь, друзья! — воскликнулъ Соломонъ задыхающимся отъ счастья голосомъ.

Всѣ вскочили на коней. Въ виду быстраго и безостановочнаго бѣгства, каждый всадникъ имѣлъ двѣ лошади, одну запасную, свѣжую, чтобы на всемъ бѣгу облегчить усталую, перескакивая на свѣжую, что имеретины, врожденные наѣздники, дѣлали необыкновенно быстро, на всемъ скаку, подобно птицѣ, перелетая съ лошади на лошадь.

Бѣглецы скоро скрылись во мракѣ. Если бы кто въ это время увидѣлъ ихъ, драпированныхъ черными бурками и, подобно вихрю, несущихся въ темнотѣ, то принялъ бы за демоновъ.

Скоро отъ общей группы бѣглецовъ отдѣлились три всадника. Это былъ князь Симеонъ Церетели съ двумя джигитами. Онъ направился въ Кутаисъ, чтобы извѣстить царицу и Дареджану, что Соломонъ спасенъ.

. . . . . .

— Я не знаю и не помню, когда полюбила васъ; но это было давно. Вѣроятно, я любила васъ еще маленькою, когда, при встрѣчѣ съ вами, бросалась вамъ на шею и говорила вамъ: «моя милая бородатая няня!». Но я тогда не сознавала еще, что люблю васъ не какъ няню. А объ истинномъ моемъ чувствѣ къ вамъ я догадалась только въ Кисловодскѣ, въ день нашего отъѣзда оттуда. Въ ту ночь я видѣла сонъ и васъ въ этомъ снѣ, какъ, это все равно для васъ: тутъ только я поняла, что люблю васъ. Если помните, то Геоухеръ еще смѣялась тогда надо мной, что я плакала, будто испугалась во снѣ, а когда Геоухеръ спросила,—что же я видѣла, я сказала, что забыла. А я совсѣмъ не забыла; мнѣ только никому не хотѣлось сказать, что именно я видѣла: мнѣ было и жаль разсказать это кому-нибудь, и совѣстно... Слишкомъ дорого было для меня то, что я видѣла. Оттого, когда мама и вы засмѣялись надъ тѣмъ, что я плакала во сна, который забыла, то мнѣ стало еще совѣстнѣе, и я снова расплакалась, какъ дурочка. Но съ того самаго утра что-то такое во мнѣ произошло, что я не могла уже относиться къ вамъ попрежнему, по-дѣтски, и я стала избѣгать васъ, хотя вы стали мнѣ еще дороже, дороже всего на свѣтѣ, хоть я вижу, что вы этому не вѣрите... Ну, Богъ съ вами! А я все-таки доскажу вамъ до конца исторію моего сердца. Я не хочу, чтобы вы страдали,

не хочу, чтобы вы уѣхали, не узнавъ ничего о моихъ страданіяхъ... Какъ святыню, я заключила въ своей душѣ мое чувство къ вамъ... Повѣрите ли, съ того самаго утра я только и жила мыслью о васъ; вашъ голосъ, который до того дня звучалъ для меня, какъ всѣ другіе знакомые голоса, съ того утра заставлялъ биться мое сердце, онъ сталъ музыкой для меня. Въ толпѣ сопровождавшихъ насъ джигитовъ, нукеровъ, мои глаза искали только васъ... Это была не любовь, а поклоненіе... А вы все не вѣрите, о, Боже!

Такъ говорила Дареджана, сидя въ своемъ кутаисскомъ саду, на берегу Ріона, подъ тѣнью густолистой чинары. Въ сторонѣ отъ нея сидѣлъ князь Симеонъ Церетели и угрюмо смотрѣлъ куда-то въ неопредѣленное пространство. Лицо его передергивалось судорогой, а рука нервно сжимала рукоятку кинжала.

— Я вѣрю вамъ,—глухо произнесъ онъ.

— Да! Да!—страстно продолжала Дареджана.—Вѣрьте мнѣ, мнѣ будетъ легче... Знаете ли,—продолжала она, стыдливо потупивъ глаза,—когда въ Кисловодскѣ вы сказали, что вы проводите Геоухеръ до Тифлиса, и, быть можетъ, и въ самый Карабагъ, что это нравственный долгъ мужчины охранять безопасность одинокой дѣвушки, я ощутила боль въ моемъ сердцѣ... Я любила Геоухеръ; но тутъ въ моей душѣ проснулось нехорошее чувство по отношенію къ ней и тревога... такая тревога, какъ будто я теряла васъ... Я, казалось, возненавидѣла Геоухеръ... Это было такое скверное чувство... Видите, я говорю вамъ все, все, точно на исповѣди... этого я никому никогда въ жизни не сказала бы... И съ той минуты я ревниво наблюдала за вами, ловила каждый взглядъ, брошенный вами на Геоухеръ...

Князь Симеонъ, слушая ее, вспомнилъ, что и онъ точно такъ же ревниво слѣдилъ тогда за Дареджаной, особенно съ того момента, когда въ ихъ караванѣ появился этотъ бѣлокурый русскій офицеръ съ своими красными цвѣтами.

— Мнѣ было стыдно за себя, досадно, противно, но я не могла избавиться отъ этого гадкаго чувства, — продолжала между тѣмъ дѣвушка.—Это чувство не покидало меня все время, какъ мы ѣхали по военно-грузинской дорогѣ, пока въ нашемъ караванѣ оставалась Геоухеръ. Во весь нашъ переѣздъ черезъ хребетъ я была счастлива только нѣсколько минутъ. Это было

тогда, когда мы остановились у подножія Казбека. Когда нашъ караванъ, послѣ того страшнаго обвала, приближался къ Казбеку, я, глупая дѣвчонка, загадала: если на вершинѣ этой горы не будетъ облаковъ, если Казбекъ покажется намъ во всей своей красѣ и величіи, то значитъ, что вы меня любите... И Казбекъ какъ бы нарочно разогналъ кучившіяся у его вершины облака и весь глянулъ, на меня своими вѣчными снѣгами, какъ бы говоря мнѣ: смотри—онъ любитъ тебя. И я повѣрила, но не надолго: Геоухеръ все еще была съ нами... Видите, я все говорю вамъ... Когда Геоухеръ въ Мцхетѣ оставила нашъ караванъ и отправилась дальше съ своимъ конвоемъ, я свободно вздохнула... Я была тогда хуже, чѣмъ обо мнѣ могли думать: я, гадкая, показывала видъ, что съ горемъ разстаюсь съ Геоухеръ, между тѣмъ какъ на душѣ у меня была радость: она больше не будетъ торчать у него на глазахъ, думала я съ торжествомъ. Но когда и послѣ того я видѣла васъ иногда задумчивымъ, мою душу грызло подозрѣніе: онъ думаетъ о Геоухеръ, ее вспоминаетъ, о ней груститъ... Даже въ тѣ, самые счастливые часы въ моей жизни, когда мы охотились на медвѣдя и кабана, мнѣ все казалось, что вы о Геоухеръ думаете... Я нарочно и заговорила о ней...

«А мнѣ казалось тогда, что она потому заговорила о Геоухеръ, что у нея въ мысляхъ былъ тотъ бѣлокурый русскій офицерикъ»—думалъ, въ свою очередь, князь Церетели.

— Но когда на васъ бросился медвѣдь, я думала, что умру съ горя... Лучше бы онъ меня растерзалъ... Потомъ эта кровь у васъ на лицѣ, о! Это были ужасныя минуты, но затѣмъ,—и самыя блаженныя... Я сама отирала кровь съ мужественнаго чела моего героя и спасителя... А тутъ сейчасъ этотъ Касимъ съ извѣстіемъ, что русскіе убили Ибраимъ-хана, одного изъ его сыновей и дочь... которую? Геоухеръ? Лейлу? Мнѣ показалось, что вы испугались за Геоухеръ... Потомъ я убѣдилась, что вы меня любите, одну меня... О, сладкое, блаженное сознаніе, незабвенные часы, дни и годы моей несчастной жизни!.. Память о нихъ я унесу съ собою въ монастырскую келью... Да!—какъ бы спохватилась дѣвушка.—А тамъ въ Вардъ-цихе, когда вы рѣшились пробраться въ Петербургъ и обо всемъ сказать русскому императору, обо всѣхъ обидахъ, которыя терпитъ мой дорогой отецъ,—когда онъ сказалъ, что у него не найдется достой-

ной награды, чтобы заплатить вамъ за вашъ подвигъ, вы взглянули на меня... Я поняла вашъ взглядъ и затрепетала отъ счастья.

Дареджана смахнула слезу, повисшую на рѣсницѣ: она оплакивала память этихъ дорогихъ мгновеній.

— Но затѣмъ эти горькіе, горькіе дни,—продолжала она, силою воли подавляя рыданія,—когда отца схватили, какъ разбойника, какъ арестанта, силою вырвали изъ его царства, лишили престола, разлучили съ семьей,—о! Что должна была чувствовать я, царевна Имеретіи, его дочь, его любимое дитя! Что могла я сдѣлать, чтобы спасти его, воротить ему семью, родину, престолъ? Я, слабая дѣвушка, имѣла въ себѣ одну силу—любовь и вѣру... Я повергласъ передъ Богородицей, я говорила Ей, неудержимо рыдая: Ты, Превысшая отъ человѣкъ, ты узнала когда то скорбь матери, когда видѣла твоего возлюбленнаго и божественнаго Сына на крестѣ! Спаси моего отца, Всеблагая, и я посвящу мою жизнь на служеніе тебѣ...

Дареджана встала. Глаза ея были сухи и горѣли огнемъ вдохновенія. Она подошла къ Церетели и положила руки къ нему на плечи.

— О, мой дорогой, мой любимый, моя гордость!—страстно заговорила она.—Теперь вы принесли извѣстіе, что мой отецъ спасенъ. Благодарю васъ, мое сокровище, моя любовь! А теперь я должна исполнить обѣтъ, данный Богородицѣ: за тронъ отца я беру себѣ монастырскую келью...

— Дѣвочка! Ты тамъ съ своею бородатой няней?—послышался голосъ царицы.

XXIX.

Прошла недѣля послѣ бѣгства Соломона, а извѣстій отъ него пока еще не доходило до Кутаиса. Предполагалось только, что онъ теперь въ Ахалцыхѣ, у трапезондскаго сераскира Шерифъ-паши, заступившаго мѣсто Селима-паши.

Благополучно ли онъ доѣхалъ туда? Здоровъ ли послѣ всѣхъ перенесенныхъ имъ потрясеній?

Такъ, сидя у себя на балконѣ, тихонько разговаривали царица Марія и Дареджана.

— А вонъ, мама, идутъ митрополиты Софроній и Гена-

тели,—проговорила послѣдняя, приглядываясь къ двумъ чернымъ тучнымъ фигурамъ, двигавшимся къ наскоро ремонтированному дворцу Соломона.

— Я не разберу,—замѣтила царица;—у тебя глаза молоденькіе, зоркіе.

— Да, мама, они, кажется, сюда идутъ, къ намъ.

— Зачѣмъ бы имъ? Нѣтъ ли вѣстей отъ отца?

Митрополиты, дѣйствительно, шли ко дворцу. Поровнявшись съ балкономъ, они поклонились.

— А мы къ вамъ, матушка царица, — сказалъ Софроній, многозначительно улыбаясь.

— Милости просимъ, святые отцы, я всегда вамъ рада,— отвѣчала Марія.

Она встала и пошла имъ навстрѣчу во внутренніе покои. Святые отцы вошли.

— Миръ и благословеніе дому цареву!—возгласили оба святителя, крестясь и кланяясь.—Здравія и долгоденствія царицѣ!

Марія и Дареджана подошли подъ благословеніе.

— Богъ милости прислалъ,—сказалъ Софроній, крестя наклоненную головку Дареджаны. — Его величество Соломонъ, Божіею милостію царь Имеретіи, здравъ и невредимъ и обрѣтается нынѣ въ благополучномъ мѣстѣ.

Обрадованная царица и Дареджана не знали, что сказать. Онѣ только крестились.

— Изъ Ахалцыха пишетъ царь,—пояснилъ Генатели.

— Слава Тебѣ, Создателю!—радостно крестилась царица.— Садитесь, святые отцы.

— Кому пишетъ батюшка?—спросила Дареджана, вся охваченная волненьемъ и счастьемъ, насколько она могла быть счастлива вслѣдствіе принятаго ею суроваго рѣшенія.

— Намъ обоимъ пишетъ царь,—отвѣчалъ Софроній, садясь и отдуваясь отъ жары.

Во второй половинѣ мая дни въ Кутаисѣ стояли знойные, несмотря на умѣряющую зной температуру сосѣднихъ горъ и лѣсовъ.

— Пишетъ царь,—сказалъ Генатели,—что, провѣдавъ о намѣреніи Тормасова отправить его внутрь Россіи на вѣчное тамъ пребываніе и будучи не въ силахъ разставаться съ подвласт-

нымъ ему народомъ, онъ тайно бѣжалъ изъ Тифлиса, изъ своего заточенія.

— И вотъ еще что онъ пишетъ, — добавилъ Софроній вынимая изъ-за пазухи письмо;—«Всякой поднебесной славѣ я предпочелъ быть съ вами, съ вами радоваться, жить и умереть»,—читалъ владыка.—«Прошу, сообразно вашей ко мнѣ отеческой любви, оказать въ моемъ дѣлѣ участіе и постараться, чтобы предоставили мнѣ мою землю и тѣмъ обязали меня и мое царство пролить кровь за вѣрность имъ»...

— То-есть русскимъ,—пояснилъ Генатели,—но это такъ, на всякій случай, щель для сквознаго вѣтру, если наше не выгоритъ,—лукаво добавилъ онъ.—А вотъ здѣсь уже не щель, а цѣлая дверь настежъ.

И Генатели, снявъ клобукъ, вынулъ изъ-за подкладки его свернутую бумагу.

— Вотъ для этихъ ласточекъ дверь открыта настежъ,—сказалъ онъ.

— Что же это такое?—спросила царица.

— Воззванія царя къ народу имеретинскому: эти ласточки летаютъ теперь по всей странѣ и предвѣщаютъ Имеретіи весну,—сказалъ лукавый митрополитъ.—Вотъ что царь пишетъ: «Я ожидаю отъ вашей вѣрности ко мнѣ, что положите за меня ваши головы, да и родственные вамъ дома и сосѣдей вашихъ ободрите, чтобы не погибнуть вамъ, подобно Грузіи, жители которой, подъ властью русскихъ, духовно ѣдятъ мясо въ великую пятницу, а тѣлесно въ горькихъ мученіяхъ вздыхаютъ о смерти».

— Правда, правда,—качала головою царица, — плачутся тамъ, да поздно спохватились... Простите, святой отецъ, я васъ перебила.

— Ничего, успѣю дочитать,—сказалъ Генатели. — Дальше царь пишетъ о грузинахъ: «Сперва и ихъ обманули клятвою и золотомъ, а нынѣ грузины не рады ни богатству, ни домамъ своимъ: теперь съ бѣдныхъ даже за каждаго мертвеца по три рубля взыскиваютъ, а безчестіе домовъ и семей заставляетъ ихъ горько вздыхать и стонать, и дома ихъ день-ото-дня приходятъ въ униженіе. Когда русскіе успѣютъ поработить и васъ, тогда ваше положеніе будетъ еще горше и труднѣе, и тѣ, которые сегодня сулятъ вамъ золото, завтра лишатъ васъ насущнаго; сегодня съ честью обходятся»...

— Съ честью!—не вытерпѣла Дареджана.— Царя запирали какъ арестанта!

И Генатели, и Софроній съ любовной улыбкой посмотрѣли на дѣвушку.

— Такъ, такъ, дочь моя,—сказалъ послѣдній; а Генатели продолжалъ читать:

...«Сегодня съ честью обходятся съ вами, а завтра, знайте, они уронятъ достоинство и честь вашихъ семей качества, коими они отличаются противу всѣхъ другихъ земель»*).

— Что жъ святой отецъ, народъ сочувственно принимаетъ эти воззванія?—спросила царица.

— О! Это искры огня, брошенныя въ пороховой погребъ!— съ дикой энергіей поспѣшилъ отвѣтить фанатикъ Софроній.— Имеретія это пороховой погребъ... Въ нѣсколько дней возстала вся страна. Руководятъ возстаніемъ всѣ Абашидзе съ Дмитріемъ Абашидзе во главѣ, князь Симеонъ Церетели...

При послѣднемъ имени Дареджана вздрогнула, и слезы показались у нея на глазахъ. Она вспомнила свое послѣднее объясненіе съ нимъ, его отчаяніе и свои страданія. Когда она на прощанье его поцѣловала, онъ сказалъ: «этотъ поцѣлуй я возвращу смерти, я иду въ ея объятія»... Но дѣвушка силою воли подавила свое волненіе, свою боязнь за любимаго человѣка, она должна была остаться вѣрной своему суровому обѣту для спасенія родины... Другіе жертвуютъ для нея жизнью, она же пожертвовала только личнымъ счастьемъ... только!.. Сердце ея готово было разорваться.

— Полковникъ Симоновичъ спрашивалъ насъ въ совѣтѣ управленія, чего ищетъ Имеретія?—продолжалъ Софроній.—Мы отвѣчали ему: зачѣмъ вы взяли у насъ царя? Вы лучше бы сдѣлали, если бы умертвили его...

Царица при этомъ испуганно перекрестилась.

— Да лучше бы умертвили, — продолжалъ фанатикъ, — тогда бы у насъ не было царя, которому мы и вся страна присягали. Но теперь, когда нашъ повелитель, безъ нашего согласія и силою отъ насъ удаленный, опять пришелъ...

— Развѣ онъ пришелъ?—встрепенулась Дареджана.

— Да, пришелъ... Онъ уже вступилъ въ Имеретію со сто-

*) Документъ историческій (Н. Дубровинъ: Истор. войн. и влад. рус. на Кавказѣ. V, 323—324).

роны Ахалцыха,—отвѣчалъ Софроній—Мы и говоримъ Симоновичу: когда онъ опять пришелъ и требуетъ нашей помощи, мы священнымъ себѣ вмѣняемъ долгомъ оказать ему всѣ опыты нашего усердія, и не перестанемъ до тѣхъ поръ проливать кровь, пока не будетъ Соломонъ по прежнему возстановленъ на царство, и что другого царя мы никакъ имѣть не согласны.

Слѣпцы! Они не знали Россіи. Они воображали, что имѣютъ дѣло съ чѣмъ-то, похожимъ на Абхазію, Карталинію, Мингрелію, тоже царства! Россія представлялась имъ въ лицѣ Симоновича, Лисаневича, Могилевскаго, Тормасова, несчастные! и они шли на вѣрную смерть и увлекали за собой довѣрчивыхъ дикарей.... И сколько невинной крови пролито было изъ-за ихъ слѣпоты, сколько слезъ!

— И уже началась война?—спросила царица.

— Началась,—отвѣчалъ Софроній.

— Въ какихъ мѣстахъ?

— Около Аргустъ, гдѣ засѣло въ лѣсахъ ополченіе князей Абашидзе.

«А гдѣ-то теперь моя бородатая няня?»—съ горькой усмѣшкой подумала Дареджана.

Онъ былъ тамъ, гдѣ пролилась первая кровь и ея соотечественниковъ, и русскихъ. Князь Симеонъ Церетели, собравъ свое ополченіе, примкнулъ съ нимъ къ соединенному ополченію братьевъ Абашидзе, у селенія Аргустъ. На нихъ шли гренадеры подъ начальствомъ маіора Колотузова.

— Онъ идетъ на вѣрную смерть,—прошепталъ Церетели, вмѣстѣ съ княземъ Ростомомъ Абашидзе прячась за деревьями.

— Кто?—спросилъ Абашидзе.

— Маіоръ Колотузовъ, вонъ съ саблей впереди.

— А ты его развѣ знаешь?

— Знаю... Еще въ Пятигорскѣ онъ всѣ глаза проглядѣлъ на царевну Дареджану... Вотъ же тебѣ отъ нея поцѣлуй, нна!

Грянулъ выстрѣлъ, Колотузовъ схватился за грудь и грохнулся на камень.

— Братцы! Нашихъ бьютъ!—закричали гренадеры, пораженные неожиданностью.

— Ребята! въ штыки! Ура!—раздалась команда капитана Титова, заступившаго мѣсто убитаго Колотузова,—за мной!

— Урра!—прогремѣлс по рядамъ, и гренадеры пошли въ штыки.

Завязался отчаянный бой. Выстрѣлы трещали изъ-за каждаго дерева. Слышались крики и стоны раненыхъ.

Схватка продолжалась не долго. Имеретины не выдержали штыковаго натиска, и отступили, оставивъ на мѣстѣ около ста труповъ. Среди убитыхъ найдены были и три великана-красавца: это были три брата Абашидзе, сыновья стараго князя Кайхосро Абашидзе. Въ числѣ убитыхъ былъ и Ростомъ Абашидзе, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ разговаривавшій съ своимъ другомъ княземъ Симеономъ Церетели. Послѣдній, какъ и князь Димитрій Абашдизе, остались въ живыхъ, и вывели изъ боя свои ополченія, чтобы подкрѣпить собою отрядъ самого царя.

Между тѣмъ русскія войска съ каждымъ днемъ наводняли Имеретію все болѣе и болѣе. Одинъ значительный отрядъ ихъ настигъ ополченіе князей Абашидзе и Симеона Церетели недалеко отъ крѣпости Чхери. Имеретины рѣшились удержать свою позицію.

— Умремъ на мѣстѣ, — мрачно сказалъ князь Симеонъ, вспоминая послѣднія слова, сказанныя имъ Дареджанѣ:—«вашъ поцѣлуй я возвращу смерти, я иду въ ея объятія»...

— Нѣтъ, я еще не хочу умирать,—съ отчаянной энергіей отвѣчалъ Димитрій Абашидзе,—я еще долженъ отмстить за трехъ братьевъ, тѣла которыхъ теперь, вѣроятно, клюютъ орлы и вороны.

Они находились во главѣ семитысячнаго ополченія, которое и расположили за рѣкою Чхерители, на возвышенностяхъ, прикрывъ его завалами и засѣками, и такимъ образомъ прикрыли собою путь къ Кутаису. Русскимъ приходилось брать дорогу съ бою.

Двинулись они въ такомъ порядкѣ. Пятьдесятъ егерей и сто человѣкъ рабочихъ кабардинскаго мушкатерскаго полка, съ трехфунтовымъ единорогомъ, шли въ авангардѣ, имѣя по обѣимъ сторонамъ фланкеровъ—двѣ роты егерей и сотню казаковъ линейнаго казачьяго полка. За авангардомъ шелъ батальонъ кабардинскаго полка, а за нимъ вьюки, подъ прикрытіемъ двухсотъ человѣкъ. Рота егерей и остальные нижніе чины кабардинскаго полка составляли арріергардъ.

Обстрѣливаемые съ высотъ непріятелемъ, русскіе перепра-

вились черезъ Чхерители вбродъ. Между тѣмъ флапкеры, прикрываясь то кустарниками, то возвышеніями, незамѣтно подползли подъ самыя засѣки. Минута была рѣшительная.

— Ура!—точно вылетѣлъ изъ-подъ земли этотъ, электризующій русскаго солдата, крикъ, и выросшіе изъ-за прикрытій молодцы бросились въ штыки.

Между тѣмъ единорогъ брызнулъ картечью въ самую гущину непріятельскаго скопища, и началась свалка.

Въ числѣ первыхъ упалъ красавецъ-великанъ Абашидзе, сраженный картечью.

— Умираю,—успѣлъ онъ еще сказать,—выведи остальныхъ изъ бою, другъ Симонъ, и скажи царю...

Онъ не окончилъ и опрокинулся навзничъ. Что хотѣлъ онъ, умирая, сказать своему царю, осталось неизвѣстнымъ.

Гдѣ же былъ и что дѣлалъ въ это время царь безъ царства?

Онъ находился въ эти отчаянные дни, когда крѣпчайшіе столпы его царства валились, какъ подгнившія подпорки, въ Сазано, въ имѣніи царицы, оберегаемый отрядомъ турокъ и имеретинскимъ ополченіемъ. Онъ ожидалъ прихода ополченій князей Абашидзе и князей Церетели, чтобы двинуться въ свою столицу, какъ лазутчики его принесли ему письмо отъ Тормасова къ Симоновичу, взятое у убитаго ими грузина-шпіона.

Ему подали это письмо въ тотъ самый моментъ, когда онъ отправлялъ гонца въ Кутаисъ съ успокоительнымъ извѣстіемъ, что онъ скоро съ торжествомъ вступитъ въ свою столицу, чтобы обнять дорогую супругу и нѣжно любимую дочь. Руки его дрогнули и лицо исказилось яростью съ первыхъ же прочитанныхъ строкъ письма главнокомандующаго.

— Да, да,—бормоталъ онъ,—они твердо рѣшились погубить меня... Я это зналъ... Они меня обманывали... Тормасовъ прямо пишетъ: «или поймать, или убить Соломона»... прямо-таки убить... Вотъ, вотъ тутъ, убить какъ собаку!—стучалъ онъ пальцами по письму, показывая его старику Кайхосро Абашидзе... «Если же только выгнать его изъ границъ,—продолжалъ онъ читать,—то дѣло будетъ не только не кончено, но можетъ быть еще вреднѣе для насъ»... А! Каково! Убить!.. Даже назначаетъ премію за мою голову двѣ тысячи червонцевъ, а! каково! только двѣ тысячи! за голову царя и двѣ тысячи мало, очень мало...

Ахъ, да, нѣтъ! «и обѣщать награжденіе чиномъ и недвижимымъ имѣніемъ»... А! это моему убійцѣ, чинъ.

Онъ задыхался. Опасаясь, чтобы съ нимъ не приключился ударъ, царевичъ Ираклій поспѣшилъ подать ему воды.

— Выпейте, батюшка,—говорилъ онъ,—успокойтесь... Богъ разрушитъ козни нашихъ враговъ.

— Богъ, который извелъ царя Имеретіи изъ темницы, снова возведетъ его и на престолъ,—наставительно произнесъ старый Кайхосро.

Соломонъ нѣсколько успокоился и снова взялся за письмо.

— Да, да... «Необходимо—пишетъ—принудить премудраго и хитраго покориться сильнѣйшимъ или противъ хитрости употребить такую же хирость»... Да, просто убить, не велика хитрость, да еще за двадцать тысячъ рублей... Да, отлично... «хитрость,—читалъ онъ,—какого бы рода она ни была, такъ какъ противъ извивающейся съ улыбкою злости»... Я и улыбаться-то давно разучился... «противъ извивающейся съ улыбкою злости ничего не должно быть священнаго, и коварству умышленному всегда позволительно мѣрить тою же мѣрою, особливо для спасенія человѣчества, которое будетъ страдать впослѣдствіи, если улыбка въ коварномъ человѣкѣ не изгладится смертнымъ сномъ»...

Онъ схватился за голову... «Улыбка... смертный сонъ... Да, я, дѣйствительно, кажется, во снѣ все это вижу»...

Онъ снова отпилъ воды.—«Надо однако дочитать»,—Онъ тяжело вздохнулъ, словно поднималъ въ гору непомѣрную ношу.

— Что-то онъ еще скажетъ въ заключеніе?... «Ваше превосходительство теперь знаете, въ чемъ состоитъ дѣло. Итакъ, дѣйствуйте неослабно, не жалѣя никакихъ орудій къ уничтоженію зла: желѣзо, золото, силу и всякіе обороты употребляйте на окончаніе дѣла!.. *). Желѣзо, золото. И это христіане!.. Зачѣмъ же Ты, Господи, взошелъ на крестъ! Для кого!..

XXX. Послѣдній день Имеретіи.

Князь Симеонъ Церетели съ остатками своего ополченія настигъ Соломона уже не далеко отъ Ханійскаго ущелья, куда зло-

*) Документальныя выраженія (см. у Дубровина, т. V, 333).

получный царь, тѣснимый со всѣхъ сторонъ русскими отрядами, направилъ свой бѣгъ, надѣясь на неприступность этой позиціи.

— А гдѣ князь Димитрій Абашидзе?—спросилъ Соломонъ, увидѣвъ князя Симеона во главѣ небольшого отряда.

— Князь Димитрій убитъ.

И Соломонъ, и князь Кайхосро Абашидзе, отецъ убитаго, безмолвно перекрестились.

— А другой мой сынъ, Ростомъ?—спросилъ этотъ послѣдній.

— Убитъ.

— Третій мой сынъ, Георгій?

— Убитъ.

— А четвертый, Симонъ?

— Убитъ!

Несчастный старикъ поднялъ глаза къ небу.—«Дѣти мои! Гордость моя!.. Что же я безъ васъ?.. О, Господи!».

Но медлить было некогда. Надо было укрѣплять ущелье. Путь къ нему пролегалъ надъ ужасающею бездной и былъ до того узокъ, что на немъ двое едва могли разминуться. Его пересѣкли страшные обрывы, куда, по выраженію оффиціальнаго документа, можно было спускаться только «съ трепетомъ». Надъ этой стремниной нависли горныя глыбы, поросшія густымъ лѣсомъ, откуда можно было сбрасывать на нападающаго груды камней и раздавить его.

Въ этомъ-то адскомъ мѣстѣ и засѣли послѣдніе защитники своего царя.

Но едва они успѣли укрѣпиться, какъ показались русскіе. Ихъ велъ Симоновичъ. Изучивъ страшное мѣсто въ первое свое пребываніе въ этомъ ущельѣ, Симоновичъ раздѣлилъ свой отрядъ на три части: двѣ изъ нихъ онъ послалъ въ обходъ, по горамъ, чтобы зайти въ оба фланга непріятеля; третью двинулъ прямо по ущелью.

Здѣсь-то, именно, въ самомъ горлѣ ущелья, и засѣлъ князь Симеонъ Церетели, прямо искавшій смерти, но рѣшившійся продать свою, теперь постылую для него безъ Дареджаны, жизнь возможно дорогою цѣной. Ему въ разстроенномъ воображеніи казалось, что милый образъ любимой дѣвушки витаетъ надъ страшнымъ ущельемъ его могилой. Въ ушахъ его еще звучали ея слова: «о, мой дорогой, мой любимый, моя гордость!» Ея

дѣвственный поцѣлуй онъ обѣщалъ возвратить только смерти, и возвратитъ.

Впереди своего ополченія онъ засѣлъ за огромный камень, заграждавшій ходъ въ самое́ горло ущелья. За нимъ, по линіи, залегли другіе его сподвижники съ винтовками и кинжалами. Они должны были передавать ему заряженныя винтовки, по мѣрѣ того какъ онъ будетъ разряжать ихъ въ наступающихъ на него русскихъ, подобно тому, какъ въ деревняхъ, на пожарѣ, передаютъ наполненыя водою ведра отъ рѣки до самаго пожарища.

Едва голова наступающей колонны показалась въ ущельѣ, какъ послѣдовалъ выстрѣлъ, и фланговый упалъ, успѣвъ только крикнуть: «братцы! въ штыки!».

— Первый!—съ бѣшеною злобой прохрипѣлъ Церетели.

Съ крикомъ «ура»! черезъ трупъ товарища перескочилъ слѣдующій, и, пораженный пулею, опрокинулся въ пропасть.

— Второй! — съ тою же злобною радостью прохрипѣлъ Церетели.

Но смерть первыхъ не остановила остальныхъ. Снова перескочивъ черезъ тѣло товарища, бросился впередъ слѣдующій, и также палъ.

— Третій!—продолжалъ свой ужасный счетъ Церетели.

Но вдругъ въ дальнемъ концѣ ущелья послышались крики.

— Обошли! Обошли! Спасайте царя!

Руки у Церетели отъ неожиданности дрогнули, онъ промахнулся на четвертомъ выстрѣлѣ, и въ тотъ же моментъ штыкъ намѣченной имъ четвертой жертвы пронзилъ его насквозь.

— О, Дареджана!—лепеталъ онъ коснѣющимъ языкомъ, и въ предсмертныхъ конвульсіяхъ свалился въ пропасть.

Паника охватила все ополченіе, обойденное съ обоихъ фланговъ. Турки, бывшіе съ Соломономъ, первые обратились въ бѣгство, но, сжатые въ узкомъ ущельѣ, почти всѣ были переколоты штыками. Иные съ крикомъ «Алла!» бросались со стремнинъ, думая спастись этимъ путемъ, но и тамъ гибли, разбиваясь о камни и объ острые зубья скалъ.

Имеретины, охваченные ужасомъ, помнили одно, что надо спасать царя, и слились въ сплошную стѣну, чтобы прикрыть этою живою стѣной Соломона. Ихъ кололи штыками, они падали, заграждая тѣлами путь, а на ихъ мѣсто вставали другіе

и также падали, дѣлая изъ своихъ труповъ брустверъ, гать, чтобы черезъ нее не могли пробиться русскіе и захватить ихъ царственнаго вождя.

— Послѣдній день Имеретіи!—ломалъ руки старый Кайхосро Абашидзе.

— Нѣтъ, не послѣдній!—твердилъ упрямый фанатикъ, царь безъ царства, посылая въ бой остатки ополченія.—Не послѣдній!.. Съ Запада взойдетъ солнце Имеретіи...

Онъ все еще надѣялся на Наполеона и на обѣщанія полякаіезуита.

Но его отчаянные защитники продолжали падать, запружая тѣлами ущелье Хани и кровью своею дополняя бурливній внизу стремнины горный ручей.

Наконецъ, безумный фанатикъ самъ увидѣлъ, что около него осталась небольшая горсть князей и что послѣднія отчаянныя попытки его и надежды разбиты въ прахъ.

— О, Наполеонъ!—стиснулъ зубы, простоналъ онъ, и, поворотивъ коня, ускакалъ по ахалцыхской дорогѣ съ оставшимися въ цѣлости князьями.

Больше онъ уже не видалъ своей Имеретіи, скитаясь по чужбинѣ.

Больше уже и Имеретія не видала у себя царей...

Что же сталось съ другими лицами этой печальной исторіи: съ царицей Маріей, лишенной мужа, съ Дареджаной, потерявшей отца и человѣка, котораго она любила, съ Геоухеръ?—спроситъ, можетъ быть, читатель, если эти лица заинтересовали его болѣе, чѣмъ трагическій конецъ царства Имеретинскаго.

Думаю, что едва ли это будетъ занимательно. Впрочемъ я полагаю, что съ нѣкоторыми лицами, вплетенными мною въ ткань настоящаго повѣствованія, мы еще встрѣтимся, но только въ другое время и въ другомъ мѣстѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Тревожныя вѣсти	1
II.	Сонъ царевны Дареджаны	7
III.	«Ара икнеба! Ара икнеба»	14
IV.	Тяжелое время	21
V.	Два спутника	28
VI.	Наполеонъ I и капитанъ Парфеновъ	35
VII.	Странное письмо	42
VIII.	«Долой филистимлянъ!»	49
IX.	Разсказъ іезуита	58
X.	Наполеонъ за Имеретію	63
XI.	Знакомство въ пути	71
XII.	Обвалъ	80
XIII.	«Семь четвертей во лбу»	87
XIV.	«Бѣдная Лейла!»	94
XV.	Передъ катастрофой	102
XVI.	Катастрофа	108
XVII.	На охотѣ—дурныя вѣсти	115
XVIII.	Братъ продаетъ сестру	122
XIX.	Грустное посланіе	129
XX.	Ультиматумъ	134
XXI.	Овца, коза и солдатъ	140
XXII.	Чистилище и видѣніе	146
XXIII.	Любовь и предательство	154
XXIV.	Низложеніе	160
XXV.	Неожиданная и нежеланная встрѣча	168
XXVI.	Подъ чарами взоровъ имеретинки	175
XXVII.	Сорвалось!	182
XXVIII.	Тронъ и монастырь	189
XXIX.		196
XXX.	Послѣдній день Имеретіи	203

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ
И РАЗСКАЗОВЪ
ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кп. 21/22

НАНОСНАЯ БѢДА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ВРЕМЕНИ
ЧУМЫ НА МОСКВѢ ВЪ 2-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

Кн. 21.

НАНОСНАЯ БѢДА.

(Историческая повѣсть времени чумы на Москвѣ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Кагульская цыганка.

Весною 1770 года, отряды русскихъ войскъ, послѣ жаркихъ побѣдныхъ схватокъ, подъ начальствомъ генерала фонъ-Штофельна, съ передовыми турецкими отрядами въ окрестностяхъ Кагула и Галаца, двигались, по распоряженію главнокомандующаго, графа Румянцева-Задунайскаго, вдоль праваго берега Прута къ Яссамъ.

Несмотря на то, что это было еще въ началѣ моя, дни стояли знойные. Отъ утра до ночи, раскаленное солнце, утомительно-медленно двигаясь по голубому, такому же, повидимому, знойному небу, ни разу, вотъ уже нѣсколько дней, не встрѣчало на немъ ни одного облачка, которое могло бы заслонить собою хоть на часъ это безжалостное, раскаленное Богомъ до-бѣла и брошенное надъ томящеюся отъ зноя землею неотразимое ядро. Степь — голая, сѣрая, выжженная солнцемъ, словно проклятая Богомъ пустыня, не даетъ ни тѣни для освѣженія наболѣвшей отъ жару головы, ни влаги, чтобы промочить пересохшее, какъ и эта безжалостная степь, горло. Прутъ отошелъ далеко въ сторону, словно бы и ему опостылѣла эта сѣрая, мертвая пустыня, и не надъ чѣмъ отдохнуть утомленному однообразіемъ глазу, не на чемъ остановиться притупленному вниманію. Медленно и нестройно, словно послѣ пораженія, плетутся от-

ряды въ этомъ пеклѣ, въ «вавилонской пещи огненной», какъ обозвалъ съ досады эту знойную степь отецъ Сила, полковой священникъ азовскаго полка.

Отецъ іерей лежитъ въ фургонѣ, вмѣстѣ съ обозомъ, слѣдующимъ за отрядами, и отъ времени до времени высовываетъ изъ своего колеснаго шалаша всклокоченную бороду и заспанные глаза, чтобы въ сотый разъ удостовѣриться, что нѣтъ впереди ни воды, ни лѣсу.

— И впрямь пустыня Аравійская, — ворчитъ онъ, пряча голову подъ навѣсъ кибитки.

Солдаты, большею частью босикомъ, съ казенными башмаками и ранцами за спиной, медленно идутъ, тамъ кучками, словно овцы, тамъ вразсыпную, какъ дудаки въ степи, и рѣдко рѣдко перекидываются то остротами, то крѣпкимъ словомъ, то руганью на жарынь и другими замѣчаніями критическаго свойства. Обозныя лошади немилосердно фыркаютъ, отбиваясь отъ мухъ, слѣпней и оводовъ. Едва влекомыя усталыми артиллерійскими конями мѣдныя пушки до того накалены, что къ нимъ боятся дотрагиваться утомленные солдатики. И пѣхота и конница, животныя и люди, даже полковая косматая собачка Малашка, все это чувствуетъ на себѣ тягость знойнаго перехода.

— Что, хохли, всѣ подохли, тепло? — спрашиваетъ загорѣлый, веснущатый, съ красными бровями и рыжими рѣсницами юркій солдатикъ своего мѣшковатаго товарища съ чернымъ какъ голенище лицомъ. — Не холодно, поди, хохли?

— Э! До чортова батька тепло.

— А пить, небось, хочешь?

— Ще-бъ не хотить! Ажъ шкура болить.

— Квасу бы, поди? А?

Товарищъ молчитъ, насупился, сопитъ и шагаетъ.

— Съ ледкомъ бы кваску? А, хохли, ладно бы чу?

Молчитъ «хохли» на такую неумѣстную шутку. Напоминать о квасѣ со льдомъ въ этомъ пеклѣ, да это ножъ вострый!

— А ты языкъ высунь, хохли, полегшаетъ.

— Да замовчи ты, собачій сынъ! — сердится хохолъ.

— Я толкомъ тебѣ говорю, высунь... Вонъ видишь, Малашка поумнѣй тебя, высунула, небось.

Собака, услыхавъ свое имя, подбѣжала къ солдатамъ, мах-

нула хвостомъ въ знакъ вниманія и спрятала свой длинный языкъ.

— Видишь, — продолжалъ рыжій, указывая на собаку,— она высунетъ языкъ, слюни у нея текутъ... Ну, ей и квасу не надо...

Мѣшковатый хохолъ хотѣлъ сплюнуть съ досады, но во рту не оказалось даже слюны.

— Тьфу ты чортъ! Отъ бисова туречина!

— А ты пулю въ ротъ положь, это помогаетъ.

— Яку пулю?

— Да вотъ яку.

И рыжій, вынувъ изо рта пулю, показалъ ее хохлу. Собака тоже любопытствовала узнать, что тамъ такое, не съѣдобное ли...

— Что, Маланья, и тебѣ пулю дать? — продолжалъ рыжій.—Да ты, сучья дочь, проглотишь ее, а пуля-то казенная... А ты вотъ что, хохли, всѣ до единаго подохли (обратился онъ къ товарищу), слушай меня: положь пулю въ ротъ, она сокъ дастъ.

— Что ты брешешь?

— Песъ брешетъ, а не я... Эдакъ старые солдаты завсегда дѣлаютъ: коли пересохло во рту, бери пулю... Въ ей, братецъ ты мой, вода есть; вотъ она штука-то какая...

Гдѣ-то назади, въ обозѣ, поетъ чья-то протяжная пѣсня:

Вылетала голубина на долину,
Выроняла сизы перья на травину....

Въ это время въ переднихъ отрядахъ послышались радостные возгласы. Они переходили отъ группы къ группѣ.

— Что тамъ? Ужъ не турки ли?

— Вода! Вода! — слышались возгласы.

Дѣйствительно, передніе отряды завидѣли вдали воду и привѣтствовали ее радостными криками, подобно тѣмъ греческимъ войскамъ, блуждавшимъ по пустынѣ и томившимся жаждою, о которыхъ говоритъ Ксенофонтъ въ своемъ безсмертномъ «Анабасисѣ»... «Таласса! Таласса!» кричали греки, издали увидавъ море — свою родную стихію.

— Вода! Вода-матушка, братцы! — ликовали истомленные солдаты.

— Видро выпью, — сурово пробормоталъ оживившійся хохолъ.

Маланья, видя общую радость, визжала отъ счастья, перебѣгая отъ одного солдата къ другому. Лошади ржали. Отецъ Сила торопливо рылся въ фургонѣ, ища дорожный баклажекъ.

— Яко елень на источники водные стремится, радуяся,— бормоталъ онъ.

Скоро сдѣлали привалъ на берегу Прута. Вездѣ стоялъ гулъ невообразимый. Солдаты и лошади торопились къ водѣ, послѣднія бились, рвались изъ упряжи. Маланья чуть ли не первою забралась въ воду и, налакавшись всласть и выкупавшись, неистово лаяла, цѣпляясь за морду лошади, которая торопилась къ водѣ. Походная жизнь научила умную собаку нѣкоторымъ кавалерійскимъ пріемамъ: она знала, что солдаты не позволяютъ лошадямъ пить воду тотчасъ послѣ похода, пока онѣ не остыли, и продувная собаченка не пускала лошадь къ водѣ...

— Держи ее, держи, Маланья! — подзадоривалъ рыжій, стоя на карачкахъ и смачивая водой свою рудую голову.

Хохолъ исполнилъ обѣщаніе, выпилъ чуть ли не цѣлое ведро воды и мылъ свои усталыя ноги. Другіе солдаты купались. Отецъ Сила, стоя на берегу въ одномъ подрясникѣ, разсуждалъ самъ съ собою:

— Се вода, что возбраняетъ мнѣ купаться?

Мѣсто для привала было великолѣпное. Ровный, нѣсколько обрывистый къ рѣкѣ берегъ Прута мѣстами покрытъ былъ прошлогоднимъ пересохшимъ камышемъ, сквозь который проросли стебли новаго, зеленаго и заглушали эту отжившую старость. Кое-гдѣ торчали словно горбатыя и неуклюжія старухи, толстые, дуплястые стволы ивняка-тополя, съ тонкими, словно не имъ принадлежащими и врозь раскинутыми вѣтвями, на которыхъ уже висѣли солдатскіе ранцы, наскоро вымытыя рубахи, плохо вымытыя портянки и запыленные башмаки. Тамъ и сямъ уже курился дымокъ, то солдаты развели огни, чтобы сварить себѣ каши, у кого была крупа, или смастерить сухарныя щи съ дикимъ щавелемъ, росшимъ по берегу. По временамъ, въ общемъ гулѣ голосовъ и лошадинаго ржанья слышался звонкій голосъ полковой Маланьи, которая гонялась уже въ камышахъ за молодыми утиными и куличными выводками...

Полковому начальству успѣли разбить палатки, и тамъ

между офицерами шли оживленные толки о войнѣ, объ удачныхъ поискахъ за турецкими отрядами и не менѣе удачныхъ схваткахъ съ ними. Упоминались имена Румянцева, Суворова, Орлова...

— Помогли бы намъ черногорцы съ той стороны, да сербы, такъ мы бы и до Константинополя дошли, — говорилъ полковникъ фонъ-Шталь, сухопарый нѣмецъ съ холодными глазами.

— Матушка императрица писала графу: «подожгла-де я турецкую имперію съ четырехъ концовъ, загорится ли только?— замѣтилъ генералъ фонъ-Штофельнъ.

— Какъ солома вспыхнетъ, ваше превосходительство, — бойко отвѣчалъ молодой бѣлокурый офицеръ. — У нашей государыни рука легкая... Да и чума намъ поможетъ...

— Такъ-то такъ, молодой человѣкъ, — задумчиво возразилъ фонъ-Штофельнъ, — только чума, государь мой, опасный союзникъ...

— Къ намъ она не пристанетъ-съ... Она больше любитъ азіятовъ...

— Дай-то Богъ...

Недалеко отъ генеральской палатки, у самаго берега рѣки, на небольшомъ коврикѣ, разостланномъ подъ тѣнью стараго тополя, сидѣли три молоденькихъ сержанта. Одинъ изъ нихъ, прислонившись спиной къ стволу дерева и подпершись головою руками, сидѣлъ молча, а двое другихъ, покуривая трубки, изрѣдка перекидывались замѣчаніями, видимо наслаждаясь отдыхомъ.

— Да что ты, Саша, такой скучный? — спросилъ одинъ изъ нихъ, сильный брюнетъ съ сѣрыми глазами, обращаясь къ тому, который молчалъ, склонивъ голову на руки. — Все объ невѣстѣ тоскуешь?

— Не знаю, такъ тоска какая-то, — отвѣчалъ тотъ, не поднимая своей бѣлокурой курчавой головы.

— Ну, вотъ еще! Тоска да тоска... Такъ напустилъ на себя...

— Нѣтъ, не напустилъ... а мнѣ что-то страшно...

— Да что съ тобой? — и брюнетъ приподнялъ голову своего задумчиваго товарища. — И глядишь-то мокрой курицей...

Тотъ молчалъ, тоскливо глядя на воду.

— Чего же страшно? Турокъ здѣсь нѣтъ, да ты и не изъ трусливаго десятка...

— Я и самъ не знаю... Но такая тоска, такая смертная тоска, что хоть утопиться такъ въ пору...

А въ обозѣ, позади артиллеріи, опять поетъ заунывная, тоскливая пѣсня:

Запой, запой, сердечушко—эхъ, ретивенькое!
Кормилъ поилъ красну дѣвку—эхъ, и прочилъ за себя!
Досталася моя любушка—эхъ, иному не мнѣ,
Эхъ что иному, не мнѣ—лакею свиньѣ...

Молодые люди засмѣялись. Не смѣялся только тотъ, который говорилъ, что его сосетъ тоска.

— Еще бы! Кормилъ-поилъ, а она досталась свиньѣ холую, — замѣтилъ другой сержантъ съ непомѣрно широкими плечами. — Ну, а твоя Лариса тебѣ и достанется... О чемъ же тосковать?

— Я самъ не знаю, но это вотъ ужъ нѣсколько дней... Съ той самой ночи, какъ мы языка добывали подъ Кагуломъ... У меня изъ ума нейдетъ старая цыганка...

— Какая цыганка?

Тотъ, къ которому относился этотъ вопросъ, сначала какъ бы что-то припоминалъ, безмолвно глядя въ далекое пространство, открывавшееся за Прутомъ, а потомъ, приложивъ ладони къ вискамъ и крѣпко сжавъ голову, со вздохомъ заговорилъ:

— Я ужъ думаю, что она испортила меня... Я вамъ не говорилъ объ этомъ... А вотъ какъ было дѣло: казаки выслѣдили цыгана, который ночью пробирался черезъ нашу цѣпь, и донесли объ этомъ полковнику. Полковникъ тотчасъ же послалъ меня съ тремя казаками достать этого цыгана. Ночь была темная, зги не видать... Тихо кругомъ, такъ тихо, что слышно какъ сердце у тебя стучитъ подъ кафтаномъ... Ползкомъ мы пробрались къ цыганскому табору — тамъ все спало... Одинъ шалашъ стоялъ далеко на отшибѣ, у овражка, и тамъ свѣтился огонекъ... Въ овражкѣ лежалъ нашъ сторожевой казакъ... Изъ овражка мы и подобрались къ шалашу... Цыганъ только что собирался уходить, должно быть, къ туркамъ, къ Кагулу, какъ мы повалили его, связали и заклепали ему ротъ... Въ этотъ моментъ изъ шалаша выползла цыганка, схватила было меня за руку, но я наставилъ ей кинжалъ прямо въ грудь... Я зажалъ ей ротъ и втащилъ въ шалашъ... Тамъ и ее связали... А она, проклятая вѣльма, припала къ моей рукѣ, и ну цѣловать ее... Я отдернулъ

руку... А она ощерила свой страшный беззубый ротъ, и говоритъ: «Помни кагульскую цыганку Маріулу, помни... Я поцѣловала твою руку... Помни поцѣлуй Маріулы, я посылаю его всей вашей проклятой землѣ... Я»... Только ей не дали договорить заклинанья, казакъ отрубилъ ей голову шашкой... кровь брызнула мнѣ въ лицо... ужасная сѣдая голова, скатившись на землю, хлопала глазами, какіе страшные бѣлки!.. и языкъ высунула, длинный, бѣлый, страшный... О! Я не могу забыть этой ужасной, хлопающей глазами головы, мертвой головы... Она закляла меня, испортила...

А изъ обоза опять доносится ноющая пѣсня:

Подуй, подуй, погодушка—эхъ, не маленькая!
Раздуй, развей рябинушку—эхъ, кудрявенькую!

— Съ той поры я мѣста себѣ не найду: такая тоска!

— Полно! Это отъ думъ...

— Отъ думъ... а какъ ихъ изъ головы выгонишь?

И говорившій это снова стиснулъ ладонями виски, какъ бы желая выдавить изъ головы неотвязчивыя думы...

А пѣсня опять ноетъ:

Запой, запой, сердечушко—эхъ, и ретиво—о—о—е!

— Проклятая пѣсня!..

— Зачѣмъ проклятая! Наша родная, рязанская...

— Душу всю вымотала...

Настали прохладныя сумерки. Костры все ярче и ярче разгорались. Знойный день забытъ, забыты всѣ трудности и опасности войны, тяжелые переходы, беззводье, безхлѣбье, безсухарье...

Въ обозѣ тренькаетъ балалайка, а подъ это треньканье бойкій голосъ выгаркиваетъ:

Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ,
У Макарья въ ярмонкѣ,
У Софонова купца,
У гостинова двора,
Случилася бѣда—
Что бѣда—бѣда—бѣда,
Эхъ не маленькая!..

Къ утру молодой сержантъ метался въ палаткѣ на маленькомъ коврикѣ.

— Что, Саша, голова болитъ? — спрашиваютъ товарищи.

— Охъ, какъ болитъ! Она, цыганка, испортила меня. Я не встану ужъ.

— Полно! Что ты! Простая лихорадка...

— Нѣтъ, я умру... Тутъ огонь...

Больной силился разстегнуть воротъ рубашки... На голой, покрывшейся красными пятнами груди, блеснулъ маленькій образокъ-складни...

— Какой онъ горячій, образокъ... Тутъ ея волосы... Ахъ. Лариса... милая... не видать ужъ мнѣ тебя...

— Перестань, Саша... Сейчасъ докторъ придетъ...

Больной прижалъ образокъ къ пересохшимъ губамъ... Двѣ слезы выкатились изъ-подъ отяжелѣвшихъ ресницъ и скатились съ горячаго лица на коверъ.

— Когда я умру, положите со мной ея волосы... а образокъ отвезите ей, и мои волосы къ ней отвезите... она проспла...

— Ахъ, Саша, Саша!

— Маріула... это она, проклятая... Помни Маріулу кагульскую... мертвые глаза хлопаютъ... бѣлки страшные... Мертвымъ языкомъ она прокляла меня... Охъ, душно... горитъ... дайте воды... льду... бросьте меня на ледъ... утопите въ проруби...

Изъ-за приподнятаго полога палатки показалось круглое, веселое лоснящееся лицо.

— А! Докторъ!

Докторъ шарикомъ вкатился въ палатку.

— Что, батенька, лихорадочку стяпали, молдаваночку? А? Стяпали-таки? — улыбаясь и потирая круглыя, пухлыя руки, тараторилъ кругленькій, словно на ватѣ, докторъ. — Лихорадушки-трясунюшки, въ жаръ метанюшки... а?

— Нѣтъ, докторъ, хуже...

— Те-те-те... ужъ и хуже... Пустячки, батенька... А покажь-те язычекъ.

Больной съ трудомъ открылъ пересохшій ротъ съ запекшимися и растрескавшимися губами и показалъ кончикъ языка.

— Те-те-те... бѣленькой-желтенькой-сухенькой... Ну, и глазки не веселенькіе... Такъ, такъ... лихорадушку, батенька, стяпали... А мы ей, шельмѣ, хинушки-матушки, да бузиноваго чайку, да ликворцу эдакого какого-нибудь, да господина Кастора Проносихина, да еще тамъ тово-сево сладенькаго, ну, и ее шельму, какъ рукой сниметъ.

Смѣясь и каламбуря, докторъ, однако, зорко всматривался въ его горящее лицо, въ мутные глаза, въ багровыя пятна на груди.

— Ишь ты, шельма... Нѣтъ, батенька, мы ее въ шею... Вотъ придутъ солдатики съ носилочками, да понесутъ васъ, дружка милаго, въ лазаретный фургончикъ, тамъ помягче, подушевнѣе будетъ...

— И я не умру, докторъ?

— Ай-ай-ай! Ужъ и умру... Пустяки, батенька... Еще на свадьбѣ попируемъ...

— Охъ, горитъ тамъ... Лариса... милая... Матушка...

— То-то, Лариса... Занозила, знать... Ну, съ Богомъ...

И докторъ выюркнулъ изъ палатки. За нимъ вышелъ его черномазый товарищъ съ сѣрыми глазами.

— Ну что, докторъ, онъ опасенъ?

— Ничего, пустяки... Только вы, батенька, подальше отъ него: у него, шельмовство, гнилая горячечка... прилипчивая, сука, у! Прилипчивая!

— Такъ нѣтъ надежды?

— Пустяки! Какъ нѣтъ? Денька два поваляется...

— И встанетъ?

— Ну, ужъ встать тдѣ же!

— Какъ! Отчего же такъ долго?

— Да оно, батенька, не долго... Можетъ, и сегодня Богу душу отдастъ...

Черномазый сержантъ отскочилъ въ ужасѣ...

— Что вы!

— Ничего... все пустяки... Тутъ отвертѣться нельзя, вся кровь заражена... Завтра же похоронимъ... Все же лучше умретъ тихо, на постелькѣ, а не подъ ножемъ у нашего старшаго мясника, гдѣ-нибудь на перевязочномъ пунктѣ... Тамъ умирать неспокойно... А у насъ... Вѣдь, подумайте, батенька, какое блаженство умереть на чистенькой подушечкѣ съ руками и ногами цѣлехонькими, безъ крику, безъ гаму... Малина, а не смерть! Прощайте! Сейчасъ придутъ носильщики... А вы рукитто себѣ уксусцемъ помойте, да и вообще, однимъ словомъ, подальше отъ этой шельмы молдаванки...

И докторъ исчезъ за палаткой. А больной, лежа на своемъ жесткомъ коврѣ, безсмысленно глядитъ на синѣющее изъ-за по-

лога яркое небо, которое обѣщаетъ и сегодня быть такимъ же знойнымъ, какимъ было вчера... Входъ въ палатку обращенъ на сѣверъ, туда, далеко-далеко, къ родному краю... Тамъ не такъ жарко, не такъ душно... никогда душа не горѣла тамъ такимъ адскимъ огнемъ...

Охъ, тяжко... Сѣдая голова качается... нѣтъ, это голова старой матери грезится наяву, а не страшная отрубленная голова цыганки... Кротко смотрятъ материнскіе глаза, такъ кротко, что, глядя въ нихъ, плакать хочется...

Изъ-за полога показывается недоумѣвающая морда собаченки и махающій въ воздухѣ косматый, весь въ репейникахъ, хвостъ...

— А! Это ты, Малаша...

Малаша вбѣгаетъ въ палатку и радостно, но съ прежнимъ недоумѣніемъ въ умныхъ глазахъ вертится около больного, стараясь лизнуть его руки, лицо.

И та страшная цыганка кагульская хотѣла лизнуть... Какой языкъ... какіе бѣлки!..

Входятъ носильщики... Что это у нихъ на рукахъ? Что-то черное... Смоляныя рукавицы...

Вмѣстѣ съ коврикомъ его поднимаютъ съ земли и кладутъ на носилки...

«Такъ носятъ убитыхъ... Развѣ я убитъ?» — думается смутно.

Несутъ... голова кружится... небо голубое-голубое, а словно оно опрокинулось... вертится... тополи куда-то бѣгутъ... Птица какая-то низко-низко проносится въ воздухѣ и заглядываетъ въ глаза... Чего ей нужно?..

«Заной, заной, сердечушко—эхъ, ретивенькое!».

«Что это, поютъ? Нѣтъ, это кто-то плачетъ... О комъ?»

Прошелъ и этотъ знойный день. Раннимъ утромъ, у берега, на пригоркѣ, рыжій съ красными бровями солдатъ и мѣшковатый хохолъ копаютъ могилу. Глубоко ужъ выкопали, такъ глубоко, что рыжей головы копальщика уже не видать оттуда. Изъ ямы вылетаютъ только комья желтой сырой земли. Тутъ же и собаченка, которая любопытствуетъ заглянуть въ яму...

— Въ холодкѣ будетъ лежать молодой сержантъ,—говоритъ рыжій солдатъ, отирая потъ со лба. — Знатно тутъ будетъ спать ему...

Мѣшковатый хохолъ молчитъ. Не хотѣлось бы ему спать въ этомъ холодкѣ... Дома лучше...

— Ну, будетъ, ладно... Подай руку, хохли, а то самъ-отъ я не выкарабкаюсь.

Хохолъ молча подаетъ руку и вытаскиваетъ товарища изъ могилы. Собака радостно ластится къ нему: она боялась, что рыжаго зароютъ тамъ. Нѣтъ, не его зароютъ...

А вонъ и *его* несутъ, того, котораго зароютъ... Отецъ Сила съ крестомъ впереди, многихъ онъ проводилъ съ этимъ крестомъ... А *онъ*, не *онъ* ужъ: это что-то завернутое въ бѣлый холстъ — ни лица не видать, ни рукъ, ни ногъ — просто бѣлый мѣшокъ, несомый на носилкахъ привычными руками въ смоляныхъ руковицахъ... Э! Мало ли ихъ переношено!..

Ставятъ носилки у самой могилы... Батюшка что-то читаетъ... «Земля еси и въ землю отыдеши»...

А небо такое голубое, такое высокое... «Земля еси»...

Бѣлый мѣшокъ съ «землею» опускаютъ въ яму и засыпаютъ тоже «землею»... «Земля еси»... нѣтъ, хуже земли...

А собачонка все старается заглянуть въ яму...

II. «Она, анаѳемская, летаетъ»...

Холодное осеннее утро. Чуть брежжутъ на небѣ медленно потухающія звѣзды. Въ морозномъ воздухѣ далеко разносится какое-то, словно бы усталое, бряканье колокольчика. Привычное ухо отличаетъ въ этомъ бряканьѣ голоса почтовыхъ колокольцовъ.

Тамъ, откуда несутся эту усталыя позвякиванья, темно еще, ночныя тѣни не сходятъ еще съ земли. Да и вездѣ кругомъ темень, ночныя тѣни. Только вдоль одного воскрайка неба, къ сѣверу, тянется неровная линія какихъ-то зловѣщихъ огней: не то горятъ разложенные костры, не-то полоса пожаровъ растянулась отъ одного края горизонта до другого—то ярко вспыхнутъ и трепыхаются страшныя огненныя пасмы, то мигаютъ во мракѣ отдѣльныя огненныя пятна и точки, словно глаза волка, въ глухую ночь пробирающагося къ овечьему загону.

Что это такое?.. Что за зарево?

Звяканье колокольцовъ все ближе и ближе. Изъ тьмы неясно вырисовываются очертанія дугъ, лошадиныхъ головъ, какихъ-

то повозокъ... Ближе и ближе, яснѣе и яснѣе выступаютъ изъ мрака кони, повозки, очертанія возницъ, людей.

Проѣзжающіе въ двухъ повозкахъ: одной, крытой къ задку, кузовомъ, другой простой ямской телѣгѣ. Они-то и звякаютъ сонными колокольцами.

Жутко, страшно смотрѣть издали на эту невѣдомую линію огней и дыма съ куревомъ... Да, виднѣется и дымъ по мѣрѣ приближенія къ линіи огней... Словно земля вспыхиваетъ и горитъ— и страшенъ видъ этой горящей земли... Кто же жжетъ землю?..

Зонъ бродятъ какія-то тѣни около огней. Виднѣются шесты, колья, дубье и еще что-то длинное въ рукахъ этихъ зловѣщихъ человѣческихъ тѣней.

— Что это за зарево? — тихо спрашиваетъ молодой, въ дубленомъ полушубкѣ съ военными наплечниками, проѣзжій, что въ первой повозкѣ.—Развѣ подъ Москвой, у Коломны, палили когда степи, какъ палятъ ихъ по Дону, на низахъ, да по Пруту въ Бессарабіи?

— Не степи палятъ, а это, поди, бекеты,—такъ же тихо отвѣчаетъ другой, рядомъ съ первымъ сидящій проѣзжій, одѣтый въ волчью шубу.

— Зачѣмъ бекеты? Какіе?

— Сторожевые... карантенные... Вотъ влопались!

— Что ты, Игнатій! Ужли карантенъ? Вотъ бѣда!—испуганно воскликнулъ первый.

— Что? Что такое?—удивленно спрашиваетъ третій путникъ въ медвѣжьей шубѣ, проснувшійся отъ восклицанія перваго.

— Бѣда, полковникъ... На карантенъ наткнулись, кажись... Бекеты...

— Да ихъ къ Москвѣ не было...

— Вонъ огни... курево... народъ.

А огни все ближе, ярче, зловѣщѣе... И зловѣщія человѣческія фигуры съ дубьемъ, длинными шестами и баграми тоже надвигаются ближе...

— Стой! Кто ѣдетъ?—раздается голосъ изъ кучки, загородившей дорогу.

— Остановь лошадей! Ни шагу!

Окрики грозные, рѣшительные. Такъ даромъ кричать не станутъ... Дѣло нешуточное, окрикъ ставятъ ребромъ...

Повозки останавливаются... Дубье, шесты, багры, кулаки

въ чудовищныхъ рукавицахъ, энергичные жесты этихъ чудовищъ-рукавицъ въ воздухѣ, да передъ всѣмъ этимъ кто не остановится!

— Кто ѣдетъ?—раздается повторительный угрожающій голосъ.

— Ея императорскаго величества войскъ полковникъ и кавалеръ фонъ-Шталь!—отзывается смѣлый голосъ изъ медвѣжьей шубы.

Дубье, вилы, шесты, багры надвигаются гуще, но не ближе... Зипуны и кафтаны скучиваются, выростаютъ въ стѣну, а за ними гулъ, трескъ, новые голоса...

— А откелева путь держите? — допрашиваютъ люди съ дубьемъ?

— Изъ благополучнаго мѣста,—отвѣчаютъ изъ повозки.

— А изъ каково-таково? Сказывай!

— Изъ города Хотина...

— У!.. Гу!.. У!—начинается ропотъ.—Нѣту таково города...

— Нѣту, не слыхивали. У!.. Гу!..

— Прочь съ дороги! Пропустите!—повелительно кричитъ полковникъ фонъ-Шталь, тотъ сухой нѣмецъ съ холодными глазами, котораго во время привала русскихъ отрядовъ при Прутѣ, въ Бессарабіи, мы видѣли въ палаткѣ генерала фонъ-Штофельна.—Разступись! Я по казенной, отъ его сіятельства графа Румянцева-Задунайскаго.

— Не пропущай, братцы! Въ загонъ ихъ! — угрожающе выкрикиваютъ десятки глотокъ.

— Въ досмотръ ихъ! Въ карантей! Гони въ карантей!

— Заворачивай назадъ откуль пріѣхали...

— Что вы! Взбѣсились!..

Да, взбѣсилась... Страшно волнующееся море сѣрыхъ зипуновъ, когда оно взбѣсится, ошалѣетъ...

Нечего дѣлать, надо повиноваться внушительному виду этой стѣны съ дубьемъ... Ни съ мѣста... То же и со второй телѣгой... Она поотстала; но и она наткнулась на дубье...

— Стой! Кто ѣдетъ? Откелева?

На этотъ откликъ изъ телѣги залаяла собака.

— Стой, черти! Кто ѣдетъ?—повторяется окликъ.

— Ординарцы полковника Шталова! — бойко отвѣчаетъ

знакомый голосъ, голосъ рыжаго солдата съ красными бровями, того, что рылъ могилу молодому сержанту на берегу Прута.

— Откелева?

— Изъ благополучнаго мѣста.

— Каково-таково?

— Та изъ благополучнаго-жъ, чортовы москали! — раздается сердитый окликъ изъ телѣги, и тоже знакомый голосъ: это голосъ того мѣшковатаго хохла, что тамъ же, вмѣстѣ съ рыжимъ солдатомъ, у Прута, рылъ могилу молодому сержанту.

— Не пущай! Гони и этихъ въ карантей! Въ загонъ ихъ.

— А, бисова Москва!—ворчитъ хохолъ, чувствуя, что что-то неладно, «непереливки»...

А Маланья полковая, высунувъ свою незлобивую морду изъ-подъ соломы, заливается, ластъ на страшныхъ людей, лавой обступившихъ телѣги...

Прибываютъ новыя толпы, словно изъ земли выростаютъ. Зарево огней зловѣще отражается на ихъ длинныхъ баграхъ, на верхахъ нахлобученныхъ на глаза шапокъ. Толпы густѣютъ и надвигаются, виднѣются уже страшныя, озвѣрѣлыя лица ожесточенныхъ страхомъ и несчастіями людей.

— Стой, робя! Не подходь близко!

— Не подходи! О н а́ на два-сорока сажонъ берстъ...

— У-у-у! Бей ихъ! Что глядѣть!

— Бей, братцы! Язвенные...

— Изъ язвенныхъ мѣстъ, изъ мору самово. Бей ихъ!

— Въ огонь ихъ! Баграми бери!

— Не подпущай ихъ, братцы, не подпущай!

— Баграми тащи!

— Не трошь!

— Чаво, не трошь! Куда лѣзешь?

— Не трошь, говорятъ тебѣ, багромъ! Она по багру дойдетъ...

— Знамо, дойдетъ... О н а хуже птицы, летаетъ о н а...

— О н а одново огня боится... Мышь словно летуча, нетопырь...

— Не подходи, православные! Бога вы не боитесь!—раздается новый голосъ.—О н а летаетъ... о н а въ Кеивъ изъ турочины на сорочьемъ хвостѣ прилетѣла.

Толпа замираетъ на мѣстѣ отъ этихъ словъ... О н а летаетъ,

что жъ еще можетъ быть ужаснѣе!.. Замерли и проѣзжающіе... Безжалостная, безпощадная, «наглая» смерть глядѣла имъ прямо въ очи... Храбрый по долгу службы, аккуратный по воспитанію, немножко педантическій по темпераменту, немножко вороватый по крови, нѣмецъ фонъ-Шталь мысленно прощается съ своею доброю супругою Амаліею, съ своимъ сыномъ Карлушею, который весь въ папашу, съ своей дочкою Вильгельминушкою, которая вся въ мамашу, и съ своимъ генеральскимъ чиномъ, къ которому онъ уже представленъ его сіятельствомъ, графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ-Задунайскимъ... Сидящій противъ него въ повозкѣ молодой сержантъ Рожновъ Игнаша тоже мысленно прощается съ своею молодостью, съ бѣлобрысенькою, курносенькою, прехорошенькою Настею, которую онъ надѣялся сегодня же обнять въ Москвѣ послѣ долгой разлуки, обнять тамъ въ сѣнцахъ, гдѣ когда-то въ первый разъ они... Эхъ!..

«Заной, заной, сердечушко...
«Подуй, подуй...

«За что же, Господи!.. Да откуда это! За что! Ужли и насъ всѣхъ прокляла эта кагульская цыганка, какъ прокляла е г о, бѣднаго Сашу?..»

Все замерло, застыло въ недоумѣніи, въ страхѣ, въ нерѣшительности... Но недолга эта нерѣшительность въ обезумѣвшей толпѣ: ожиданіе бѣды, острый страхъ опьяняетъ какъ вино, страхъ за свои дома, за своихъ женъ и дѣтей, за свою жизнь... Тутъ одинъ неосторожный крикъ доводитъ толпу до умоизступленія, осатаняетъ... И этотъ крикъ, этотъ вопль раздается...

— Дядя Сысой, стрѣляй въ ихъ!

— Пали изъ поганаго ружья! О н а боится пороху, огня... Лущи ихъ.

— О, мейнъ Готтъ! Дастъ истъ шрекклихеръ альсъ бей Кагуль,—шепчетъ растерявшійся храбрый нѣмецъ.

— Господи! Прими душу... Настя... Настенька...

Но въ этотъ моментъ позади толпы раздается конскій топотъ... Толпа колыхнулась... Это скачетъ конный разъѣздъ, пики, сабли блестятъ...

— Прочь съ дороги, разбойники! Кого грабите? — рѣзко кричитъ передовой всадникъ.

— Что кричишь! Эвона! Мы не разбойники, не грабимъ-ста...

— Мы язвенныхъ ныимали, моровыхъ...

— Чумные, слышь... Крадучись ѣдутъ, — галдитъ толпа вперебой другъ другу.

— Прочь, мерзавцы! Стрѣлять велю, колоть, рубить...

— Колоть! За что колоть?

— За что стрѣлять? Мы-ста не турки...

— Хуже турокъ, сволочь!

Всадники напираютъ конями, топчутъ, колотятъ взашей палашами... Толпа раздается... Смирѣетъ за минуту грозная толпа, руки невольно подымаются къ шапкамъ, рыжія и русыя всклокоченныя головы обнажаются... Видны и свирѣпыя лица, но нерѣшительныя... некому крикнуть «братцы!», а то бы...

Передовой всадникъ, въ конно-гвардейской формѣ, приближается къ пріѣзжимъ, не подъѣзжая, однако, къ самымъ повозкамъ.

— Кто ѣдетъ и откуда?—повторяется прежній допросъ.

— Войскъ ея императорскаго величества полковникъ и кавалеръ фонъ-Шталь, комендантъ города Хотина, съ двумя сержантами и ординарцами. Ѣду въ столичные города Москву и Санктпетербургъ по дѣламъ службы...

— А! Имѣю честь рекомендоваться, господинъ полковникъ: я—конной гвардіи полковой обозной Хомутовъ, по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію командированный подъ главное смотрѣніе и распоряженіе его сіятельства, господина генерала фельдмаршала и московскаго главнаго начальника, графа Петра Семеновича Салтыкова, для наблюденія за проѣзжающими изъ арміи и Малороссіи и для выдержанія таковыхъ въ карантенѣ... Какъ же вы, господинъ полковникъ, попали сюда?—спросилъ начальникъ коннаго разъѣзда, отрапортовавъ казеннымъ штилемъ и съ должнымъ респектомъ о своемъ званіи.

— Да я, господинъ офицеръ, ѣду на Коломну.

— Но вы, господинъ полковникъ, съѣхали съ почтоваго тракта...

— Это не спроста... они язвенные... чуму везутъ,—послышалось въ толпѣ.

— Молчать! А то нагайками...

Многіе въ толпѣ почесали спины, по рефлексамъ ручныхъ мускуловъ, по воспоминаніямъ, вспоминались ощущенія нагаекъ... «А хлестко бьются, канальи, у! хлестко...»

— Какъ съѣхали, господинъ офицеръ? — недоумѣвастъ фонъ-Шталь.

— Съѣхали, господинъ полковникъ... Почтовый трактъ лѣвѣе...

— Точно, вашеско-родіе, съѣхамши маленько... нечистый попуталъ,—чешутся ямщики.—Темень это ночью, вздремнули, поди, маленько, попуталъ лукавый, ну, и тово, не въ ту, значитъ... не угодили малость...

— То-то!—засмѣялся начальникъ коннаго разъѣзда,—васъ было за это и приняли въ дубье...

— Это точно, вашеско-родіе, приняли было... опасно...

— Язвенны, думаемъ, чуму везутъ...

— А о н а, анаѳемская, чу, летатъ, какъ птица... ну мы е ѳ и надумали въ огонь...

Толпа галдѣла уже въ болѣе мирномъ духѣ, отъ сердца отходило...

— Ну, господинъ полковникъ, вы и ваши служащіе подлежите карантенному осмотру: я долженъ препроводить васъ въ карантенъ, для осмотра,—сказалъ Хомутовъ.

— Что дѣлать, господинъ офицеръ!—со вздохомъ сказалъ фонъ-Шталь.—Я не смѣю ослушаться закона... Я всегда былъ вѣрнымъ слугою ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни моей.

Свѣтало совсѣмъ... Линія кордонныхъ огней, тянувшаяся вдоль всего нагорнаго берега Оки, блѣднѣла по мѣрѣ исчезновенія сумерекъ. Предразсвѣтнымъ вѣтеркомъ дымъ гнало вдоль рѣки, и картина была все еще внушительная, зловѣщая... Лица народныхъ стражниковъ, сошедшихся и согнанныхъ изо всѣхъ окрестныхъ правобережныхъ селъ, при утреннемъ свѣтѣ казались блѣдными, истомленными... Да и какъ не истомиться въ голодѣ и холодѣ, въ ежеминутномъ ожиданіи, что вотъ «о н а», анаѳемская, невидимая, неслышимая, на птичьихъ крыльяхъ летающая, за багры и шесты, какъ бѣшеная собака, цѣпляющаяся, за зипуны хватающая—о н а, страшная, которой никто не видалъ и которой походки и лету никто не слыхалъ, о н а

вдругъ придетъ... можетъ быть уже пришла, сидитъ вонъ на томъ камнѣ, вонъ тамъ за кустомъ на этомъ колесѣ, можетъ, она на этой дугѣ сидитъ, въ ямской, въ валдайской колокольцъ звонитъ, въ очи каждому смотритъ, за плечи хватаетъ, по тѣлу мурашками ползаетъ, какъ тутъ не исхудать, не поблѣднѣть? «Одного огня, слышь, боится, ну, и жарь ее, анаѳемскую... А все за грѣхи да за нечистоту, сказываютъ господа... А гдѣ ее чистоты-то этой взять?.. До чистоты ли тутъ, коли на камнѣ, въ канавкѣ, въ кустъ головой съ ногами въ лаптяхъ безъ онучь, а гдѣ взять онучь? коли такъ-ту, по скотьи, по-собачьи спать-жить приходится? Гдѣ ее, чистоту-ту, взять, коли въ избѣ ребяткамъ малымъ да бабамъ съ телкой сутельной да со свиньей супоросой спать приходится вмѣстѣ? И то слава тѣ Господи, коли есть телка... А то и на печь бы ее положилъ, за столъ въ передній уголъ посадилъ бы ее, коли бы была... а то нѣту-ти и ее, продана, а денежки за подушно дадены... А то, чистота! Гдѣ ее, чистоту-ту, взять, коли нечего жрать? Ну, и язва, ну и чума приходитъ, потому ни хлѣба, ни чистоты нѣтути, начисто!..»

Толпа рѣдѣла. Понурыя головы расходились къ своимъ сторожевымъ кострамъ...

— Ямщики, трогай! — скомандовалъ Хомутовъ, молодой видный мужчина, съ простымъ добродушнымъ выраженіемъ на кругломъ лицѣ.

Повозки своротили влѣво и поѣхали узкимъ проселкомъ. Разъѣздная команда, по наряду Хомутова, раздѣлилась на двое, и одна половина ея поѣхала берегомъ Оки внизъ по теченію, вправо, другая взяла влѣво, по направленію къ Коломнѣ, высокія колокольни которой красиво вырѣзывались, по ту сторону рѣки, на синевѣ чистаго утренняго неба... Доносился звонъ колоколовъ, не то утрени, не то раннія обѣдни шли... Должно быть, горячо молятся люди, видя эти зловѣщіе огни и курева за рѣкой... Какъ не молиться!.. Вонъ и колокола звонятъ какъ-то молитвенно, въ душу звонятъ, къ самому небу кричатъ, къ Богу, и въ душѣ растопляется въ елей этотъ мѣдный, молитвенный звонъ... Молись, бѣдный русскій народъ, не на кого тебѣ надѣяться, кромѣ Бога... Вонъ идетъ она поражать за твою нечистоту и бѣдность...

— А что у васъ въ арміи новенькаго, господинъ полков-

никъ?—спрашиваетъ Хомутовъ, слѣдуя рядомъ съ повозками, но въ почтительномъ отъ нихъ отдаленіи.

— Ничего, господинъ офицеръ, кромѣ благополучія,—отвѣчаетъ все еще плохо оправившійся отъ переполоха храбрый нѣмецъ.—Побѣды нашему храброму воинству Богъ даруетъ.

— Да, точно... Кагулъ и Чесму не забудутъ турки.

— Не забудутъ (а въ душѣ все еще грозныя лица, дубье, багры, страшные возгласы толпы, не забудетъ и онъ своего Кагула и своей Чесмы въ виду Коломны).

— И удивительно, точно сговорились наши полководцы: тутъ у Кагула поражаютъ непріятеля 21 іюня, въ день святого мученика Іуліана, а тамъ при Чесмѣ—24 іюня, въ день рожденства Іоанна Предтечи.

«Настенька... милая... красавица... Эхъ задержутъ въ проклятомъ карантинѣ... Что-то она, похорошѣла?»—невольно, послѣ бѣды, мечтается Рожнову, при видѣ колоколенъ Коломны.—«Въ сѣняхъ бы опять...»

«Заной, заной, сердечушко—эхъ, ретивенькое»!..

— А вы изъ Петербурга сюда командированы?

— Изъ Петербурга... Скучно здѣсь...

— А давно?

— Недавно, только что учредили карантинъ.

— И долго насъ, государь мой, продержите вы?

— Не знаю, господинъ полковникъ, какъ докторъ за нужное признаетъ... А вонъ и монастырь вашъ.

— Карантинъ?

— Да, онъ самый.

Всѣ со страхомъ взглянули на длинные, деревянные, наскоро сколоченные сараи, раскинувшіеся по нагорному берегу Оки, противъ самой Коломны... Бойни какія-то, съ часовыми по концамъ и у воротъ—настоящіе загоны, куда скотъ передъ боемъ запираютъ... Даже полковая Маланья, высунувъ изъ соломы свою умную мордашку, съ удивленіемъ посматривала то на эти сараи, то на хмурое лицо хохла, которому, въ проѣздъ черезъ Малороссію, не удалось повидаться съ своею «дивчиною» съ «чорнявенькою» и «кирпатенькою» Горпинею... Ужъ и «дивчина» же эта Горпина! «чорна коса, якъ... Горпина йде, по ягодицамъ бье»... «били щоки мовъ вишнею намазани»... «чорны

брови на пипурочку»... «а за пазухою таке, що и не вщипнешь, и въ величезну шапку не влизуть»...

Надъ всѣмъ зданіемъ и вокругъ него клубами ходитъ дымъ. Своеобразный смолистый запахъ этого дыма слышится издали. Страхъ невольно забирается въ душу... Это жертвенный дымъ, исходящій изъ великой скинiи для умилостивленія гнѣвнаго божества...

Мычанье скота, запертаго въ загоны и окуриваемаго, тоску наводитъ... Повозки проѣзжаютъ мимо свѣже-вырытаго рва, который тоже дымится. По сю и по ту сторону рва рогатки; это запоры для нея, для смерти, которая носится въ воздухѣ вмѣстѣ съ дымомъ...

Изъ-за тогобочныхъ рогатокъ какой-то всадникъ машетъ шапкой. Хомутовъ осаживаетъ своего копя. Это вѣстовой казакъ изъ города прискакалъ, шапкой знаки подаетъ...

— Откуда, Гаврилычъ, и съ чѣмъ? — кричитъ Хомутовъ вѣстовому.

— Изъ моровой комиссiи, ваше благородіе! — приложивъ ладони ко рту, выкрикиваетъ тщедушный «Гаврилычъ».

— Съ чѣмъ?

— Съ вѣстями... Лепорты привезъ.

— Давай!

Казакъ достаетъ изъ подсумка, висящаго черезъ плечо, пакетъ съ «лепортами». За плечами у казака лукъ и въ кожаномъ, потертомъ до нельзя колчанѣ вязанка самодѣльныхъ стрѣлъ съ грубыми наконечниками. Вѣстовой вынимаетъ изъ колчана одну стрѣлу и къ перовому концу ея привязываетъ пакетъ. Затѣмъ снимаетъ съ плеча лукъ, накладываетъ на него стрѣлу и натягиваетъ тетиву.

— Ловите, ваше благородіе!—кричитъ онъ.

Стрѣла взвизгиваетъ, перелетаетъ черезъ ровъ и рогатки и падаетъ у самыхъ копытъ копя Хомутова.

— Ловко, молодецъ, какъ разъ угодилъ,—одобряетъ Хомутовъ вѣстового.—Вотъ какова у насъ почта, на стрѣлахъ любовныя цидулочки изъ моровой комиссiи получаемъ,—улыбаясь, обращается онъ къ пріѣзжимъ.

— О! Дасъ истъ ну шрекклихъ!—не вытерпливаетъ нѣмецъ.

— Ну, прекклихъ не прекклихъ, господинъ полковникъ, а скучно.

Одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Хомутова, соскакиваетъ съ коня и, поднявъ стрѣлу съ привязаннымъ къ ней пакетомъ, подалъ ее офицеру...

— По секрету, ого! — читаетъ Хомутовъ надпись на пакетѣ.

Вѣстовой, что привезъ пакетъ, снова машетъ шапкой изъ-за рогатокъ.

— Ваше благородіе! Ваше благородіе!—кричитъ онъ въ рупоръ изъ своихъ ладонь.

— Что тебѣ, Гаврилычъ?

— Квитокъ, ваше благородіе!

— Какой тамъ квитокъ?

— Квитокъ... росписочку, значитъ, что получили репортъ.

— Ладно, подожди!—потомъ, обратясь къ фонъ-Шталю, прибавилъ. — Вѣдь у насъ и росписку ему выдать не иначе можно, какъ черезъ карантенъ. Сначала ее напиши, да высуши, да въ уксусъ омочи, да тамъ ее черезъ огонь окурятъ, тогда и бросай на стрѣлѣ на тотъ бокъ... Бѣда! А то она, проклятая, можетъ на клочкѣ бумаги сидѣть, либо въ чернильницу забралась, либо на концѣ пера улѣздилась, ну, безъ карантену да безъ окуриванья огнемъ и нельзя ничего посылать на тотъ бокъ... перекинешь и ее анаѳемскую на стрѣлѣ... Вотъ дожили.

Повозки остановились у воротъ карантина. Ухъ, это точно кладбище для живыхъ...

III. Карантинъ. Бѣгство Заброди.

Карантинныя зданія состояли изъ трехъ рядовъ низенькихъ, длинныхъ, отгороженныхъ одна отъ другой деревянныхъ казармъ, при одномъ взглядѣ на которыя у пріѣхавшихъ сжалось сердце.

Собственно карантинные лазареты расположены были по краямъ этого живого кладбища. Это были длинные, очень длинные параллелограмы, съ своей стороны разбитые на маленькіе, въ нѣсколько саженъ параллелограмики, въ которыхъ вмѣщались маленькіе дворики съ крохотными на одной сторонѣ крытыми навѣсками и такими же крохотными въ два крохотныхъ

окошечка домиками, находившимися въ общей связи и подъ одною тесовою крышею со всѣми прочими крохотными домиками общаго, большого, сильно удлиненнаго лазаретнаго параллелограмма. Достаточно вообразить длинную, очень длинную, коломенку, разбитую на соотвѣтственное число стойлъ: каждое стойло вмѣщаетъ въ себѣ и крохотный домикъ съ свѣтлою комнаткою, кухнею и печкою; и свой длиненькій, открытый, но отгороженный отъ другого, дворикъ; и свой длиненькій, крытый тесомъ навѣсикъ параллелограмикъ въ большенькомъ параллелограмикѣ; и свои отдѣльныя воротца, запертыя на замокъ, ключъ отъ котораго у карантиннаго доктора; и свое единственное отверстіе, въ которое по маленькому жолобику вливаютъ воду въ чанъ для заключенныхъ въ этомъ параллелограмикѣ...

По длинной крышѣ карантинныхъ лазаретовъ лѣпятся трубы по числу карантинныхъ покоевъ.

Между карантинными лазаретами тянутся карантинныя службы, заключенныя въ особую деревянную ограду: на первомъ планѣ караульня, вмѣщающая въ себѣ покои офицерскіе, писарскіе, унтеръ-офицерскіе и жилья для часовыхъ и конвойныхъ. Далѣе покои для доктора, аптекаря и фельдшеровъ, покои комиссарскіе, служительскіе для могильщиковъ, «мортусовъ» въ смоляномъ платьѣ, работниковъ; особо для поваровъ, прачекъ. Тутъ и амбары для съѣстныхъ припасовъ, и амбары курительные, и сараи для карантиннаго имущества, для скота...

Все чувствуетъ себя заживо погребеннымъ, вступая въ это чумное чистилище... Никто не смѣетъ приблизиться другъ къ другу, прикоснуться, каждый боится всѣхъ и всѣ каждаго...

По знаку Хомутова, привратникъ растворилъ карантинныя ворота, и повозки въѣхали во дворъ...

На дворѣ было пусто: въ тотъ моментъ, когда во дворъ вступали вновь прибывшія жертвы чистилища, никто, кромѣ доктора и его помощниковъ, а ровно страшныхъ «мортусовъ», одѣтыхъ во все смоляное, въ смоляныхъ рукавицахъ и въ смоляныхъ маскахъ на лицахъ, никто не смѣлъ показываться на дворѣ.

Выходитъ докторъ, молодой, плечистый, полнолицый мужчина, котораго жизнь, повидимому, еще не истрепала и который еще ищетъ на жизненной аренѣ борьбы, подвиговъ, опасностей ищетъ пробовать свои силы и силы невѣдомаго, страшнаго, но тѣмъ болѣе обаятельнаго врага... . . . . .

Начинается, пока опять-таки издали, обстоятельный допросъ: кто, откуда, съ чѣмъ, зачѣмъ... Въ отвѣтъ слышатся слова, названія, звучащія особенно внушительно: «Хотинъ», «Бессарабія», «Кагулъ», «турки», «армія», «Малороссія», «заставы»...

— Вы подлежите тщательному осмотру,—говоритъ докторъ послѣ предварительнаго допроса.

Пріѣзжіе непосредственно изъ чумныхъ мѣстъ, да это такіе интересные, драгоцѣнные субъекты для молодого, любознательнаго врача, который жаждетъ помѣряться силами съ невѣдомымъ чудовищемъ.

— Пожалуйте въ визитную камеру,—говоритъ онъ любезно,—я имѣю съ вами короче познакомиться, и лично, и... тѣлесно,—шутитъ молодой врачъ. — Эй вы! — махаетъ онъ страшнымъ мортусамъ, стоящимъ въ сторонѣ и ждущимъ своихъ жертвъ.—Отберите всѣ вещи, которыя принадлежатъ пріѣзжимъ... Лошадей съ ямщиками и повозками, господинъ полковникъ, вы отсылаете обратно?—обращается онъ къ фонъ-Штало.

— Да, государь мой... Отберите всѣ наши вещи и расплатитесь съ ямщиками,—приказываетъ онъ своимъ ординарцамъ.

Бѣдная Маланья забилась въ солому и со страхомъ лаетъ оттуда на страшныхъ мортусовъ, она никогда еще не видала такихъ чудовищъ.

— А эта собачка ваша?—спрашиваетъ докторъ.

— Наша, господинъ докторъ.

— Казенная, полковая собственность, — улыбается сержантъ Грачевъ, широкоплечій другъ Рожнова Игнаши. хотя у самого кошки скребутъ на сердцѣ.

— А... Эй, мортусы!

Мортусы, взятые изъ тюрьмы каторжники, которымъ все равно не житье на вольномъ свѣтѣ, и засмоленные отъ смерти, подходятъ къ доктору.

— Возьмите эту собачку и привяжите особо... Она также подлежитъ карантинной выдержкѣ...

— Воно, ваше благородіе, не дастся,—пасмурно замѣчаетъ мѣшковатый хохолъ.

— Какъ не дастся?

— Ни, не дастся, воно зле...

— Вотъ тебѣ на!—смѣется докторъ.

— Воно имъ, этимъ чортамъ, руки покусае...

— Ничего, не покусаетъ...

Пріѣзжихъ вводятъ въ визиторскую камеру. Тутъ тоже торчатъ черномазые, въ образѣ эѳіоповъ, мортусы.

— Прошу, господинъ полковникъ, раздѣться донага,—обращается докторъ къ фонъ Шталю.

Нѣмецъ повинуется, ворча себѣ подъ носъ: «Систъ абшейлихъ»... Рыжій помогаетъ ему раздѣться, снимаетъ съ него рейтузы, сапоги, чулки и обнажаетъ сухія щепки, обтянутыя сухою кожею... Нѣмецъ ежится...

— Ничего, прекрасно... тѣло чистое... язвенныхъ знаковъ нѣтъ,—бормочетъ докторъ, внимательно всматриваясь въ сухую, пергаментную кожу нѣмца.—А это что за синій знакъ подъ лѣвымъ сосцомъ?

Нѣмецъ конфузится...

— Это ничего, такъ себѣ, пустяки, господинъ докторъ...

— Однако же? Я все долженъ знать...

— Пустяки... глупость молодости... это имя Амалія, моей супруги... выжжено... порохомъ натерто...

— О! Понимаю, понимаю... Довольно... Обмыть господина полковника и одѣть въ карантинное платье,—приказываетъ онъ приставнику съ мортусами.

Раздѣваютъ и осматриваютъ молодыхъ сержантовъ, сначала широкоплечаго атлета Грачева.

— О! Завидное, богатырское сложеніе... дыхательный ящикъ безподобный, есть гдѣ помѣститься легкимъ и всему рабочему аппарату тѣла,—удивляется словоохотливый докторъ.—А это что у васъ на шеѣ.

— Образокъ... память умершаго друга...

— Умершаго?.. Давно?

— Въ маѣ, господинъ докторъ.

— А гдѣ?

— Въ Бессарабіи, у Прута, недалеко отъ Яссъ, на привалѣ...

— Гмъ... А какой болѣзнью?

— Гнилою горячкой, господинъ докторъ...

— Гмъ-гмъ... Гнилою горячкой... съ пятнами?

— Да, съ пятнами...

— Быстро? Да?

— Да... скоро... очень... въ два дня...

— Гмъ... И этотъ образокъ былъ у него на тѣлѣ?

— Да, господинъ докторъ... Я везу его къ невѣстѣ покойнаго и къ матери.

— Такъ-какъ... прекрасно... Это вы знаете, что везете у себя на груди? Чуму!.. Только благодаря вашему богатырскому здоровью вы еще ходите по землѣ съ этимъ страшнымъ талисманомъ на тѣлѣ... Взять его и особенно рачительно окурить и вывѣтрить (это къ фельдшеру).

Грачевъ снимаетъ съ себя образокъ и отдаетъ фельдшеру.

Упрямѣе всѣхъ оказался мѣшковатый хохолъ: уперся, какъ волъ, и не хочетъ раздѣваться...

— Раздѣвайся! Я тебѣ приказываю!—горячился докторъ.

— Ни, ваше благородіе, не треба...

— Какъ не треба! Что ты!

— Не треба-бо... не гоже вопо... соромно...

— Вотъ чудакъ! Соромно ему... Какъ же всѣ раздѣвались, и господинъ полковникъ, и офицеры?

— Та не гоже жъ!.. В о н и тутъ. (Хохолъ указалъ на полковника).

— Я тебѣ приказываю... Слушай команду: долой платье!—скомандовалъ нѣмецъ, на голомъ тѣлѣ котораго не оставалось никакихъ знаковъ полковничьяго званія, и остался только командирскій голосъ.

«Слушай команду» было магическимъ словомъ для упрямаго хохла: онъ тотчасъ же сбросилъ съ себя одежду и, вытянувшись въ струнку, руки по швамъ (швовъ, правда, уже не было на голомъ тѣлѣ), стоялъ колоссъ колоссомъ... Эка тѣлище! Эка мускулы стальные: что за грудь и плечи! Не даромъ такъ млѣла и трепетала на этой каменной груди «чорнявенькая» и «кирпатенькая», тоже съ богатырскими, только въ своемъ родѣ, грудями, дивчина Горпина...

— Что за молодчина!—вырывается невольное восклицаніе доктора.—Да этого бронзоваго тѣла никакая чума не возьметъ... Ну, молодецъ, братецъ!

— Ради стараться, ваше благородіе!

Чего тутъ стараться! Сама природа постаралась сколотить такую грудь, такіе мускулы, вырастить такую косую сажень... Хорошая была матушка, спородившая такое чадушко, да и

природа, знать, была не мачиха, что выростила, вылелѣяла, выходила такое тѣло, славное молодецкое... Укрина-матушка, хатка бѣленькая, чистенькая, садочекъ вишневый, вербы шумливыя, «гаи зелененьки», поля цвѣтливыя, солнышко жаркое да привѣтливое, рѣки съ берегами густолозыми, почи чудныя, пѣсни дивныя, вотъ что выростило, выхолило этого дѣтину бронзоваго... Это не то, что вотъ москали съ дубьемъ, что живутъ какъ козы голодныя, какъ «коза-дереза».

Якъ бигли черезъ лисочокъ,
Ухватили кленовый листочокъ,
Якъ бигли черезъ гребельку
Ухватили воды капельку—
Тилько пили й или...

А онъ и ѣлъ вдоволь, и пилъ воду изъ чистой «криницы»...

— Ну, молодецъ! Въ гвардію бы такого...

— Я и везу представить его свѣтлѣйшему,—самодовольно замѣтилъ нѣмецъ.

— Отлично! А какъ тебя зовутъ?

— Василіемъ... Василій Забродя, ваше благородіе.

Начался процессъ обмыванія водой съ уксусомъ. Послѣ обмыванья на пріѣзжихъ надѣли казенное карантинное платье, на офицеровъ потоньше, а на солдатъ потолще; а снятое съ нихъ платье обозначили особыми померными ярлыками и сдали для окуриванья и провѣриванья въ особыхъ курительныхъ сараяхъ.

На дворѣ слышится хохотъ и собачій лай. Это мортусы хотятъ лишить свободы полковую Маланью, которая такъ же упряма, какъ и ея любимецъ Василь Забродя...

— Отъ бидне цуциня... щобъ воно имъ, гаспидамъ, руки покусало!—ворчитъ добрый хохолъ.

Изъ визиторской камеры пріѣзжихъ повели черезъ дворъ въ самый карантинъ, въ тотъ огромный параллелограмъ, который разбитъ былъ на маленькіе параллелограмики.

Полковника съ сержантами докторъ ввелъ въ крайній дворикъ и объяснилъ имъ его расположеніе и все, что нужно имъ было знать.

— Вотъ здѣсь, господа, на дворѣ, вы будете гулять въ ясную погоду...

— Есть гдѣ разгуляться!—невольно замѣтилъ Грачевъ.

— По двѣ квадратныхъ сажени на персону приходится, конечно, немного!..

— Это гробъ...

— Ну, ужъ и гробъ... Помилуйте... Гробъ тѣснѣе... А вотъ у васъ крытая галлерейка, тамъ сидѣть въ непастье... А вотъ милости просимъ въ покои, добро пожаловать, господинъ полковникъ.

Нѣмецъ слѣдовалъ за докторомъ молча, насупившись... Въ карантинномъ платьѣ онъ смотрѣлъ совсѣмъ не храбрымъ полковникомъ, который еще недавно дрался на Дунаѣ съ турками.

Они вошли въ домикъ въ два окошечка.

— Вотъ ваши койки жестковаты, правда, но чисты... Вотъ скамеечка, тутъ и вся кухня ваша... Только ужъ извините, господа, вы сами должны быть и поварами для себя.

— Какъ? Почему такъ?

— Съ этого момента, какъ я ввелъ васъ въ это помѣщеніе, вы разобщаетесь со всѣмъ міромъ. Къ вамъ ни одная живая душа не смѣетъ входить, кромѣ меня и фельдшера. Провизію вамъ будутъ вносить въ ту вонъ калиточку, ключъ отъ которой у меня, и ставить на землю, а ужъ готовить извольте вы сами. Вода проведена къ вамъ въ особый чанъ. Порціи я вамъ пропишу хорошія, провизію питательную, вы заживете припѣваючи...

— Что жъ мы будемъ тутъ дѣлать?—съ досадою спросилъ полковникъ.

— Все, что угодно...

— То-есть, какъ же? И читать?

— О, нѣтъ! Да и читать у насъ нечего... Во всей Коломнѣ я видѣлъ одинъ истрепанный нумеръ «Трудолюбивой Пчелы», но и тотъ сюда не дадутъ, побоятся заразы... Мы, господинъ полковникъ, отъ міра отведенные...

— Но это ужасно! Я привыкъ къ смотрамъ, къ ученью...

— Ну, этого у насъ здѣсь нѣтъ... Развлекайтесь, какъ умѣете: спите, гуляйте, кушайте, пойте...

— Мы будемъ сказки сказывать другъ другу,—засмѣялся Рожновъ.

— Да, сказки... Но вотъ кстати: у васъ тутъ и развлеченье... Пожалуйте къ этому окну...

Подошли къ окну, выходившему не во дворъ, а въ поле. Дѣйствительно, внизу синѣлась Ока, по которой кое-гдѣ колыхались облачка карантиннаго дыма. У того берега виднѣлись запоздалыя суда. Рѣдко-рѣдко темнѣлась на водѣ лодочка... Да и кого понесетъ оттуда на эту чумную, обреченную смерти сторону?.. Коломна смотритъ какъ-то пугливо, словно прячется... Высокія колокольни высятся по небу, словно воздѣтыя горѣ руки, просящія у Бога пощады, помилованья... Спаси, Господи, люди Твоя!.. Не отврати лице Твое...

— Здѣсь и видъ прелестный, и людей живыхъ и свободныхъ вы видите,—сказалъ докторъ.

Да, тамъ люди, много людей. Это карантинный рынокъ на берегу Оки... Но, Боже мой! Что-то страшное, пугающее воображеніе видится и въ этой картинѣ...

Вдоль берега тянется двойной рядъ рогатныхъ загражденій. Рогатки отъ рогатокъ стоятъ болѣе чѣмъ на сажень. Среди этого интервала нѣтъ ни одного живого существа въ человѣческомъ образѣ, снуютъ только засмоленные съ головы до ногъ мортусы. Вдоль рогатокъ часовые, строго слѣдящіе, чтобы толпы, стоящія по сю сторону рогатокъ, не имѣли никакого соприкосновенія съ тѣми, которые по ту сторону.

— Господи! Да о н а, проклятая, всѣхъ сдѣлала арестантами... Вся Россія подъ конвоемъ!—невольно воскликнулъ Грачевъ, понявъ, что изображала собою картина карантиннаго рынка

Да, дѣйствительно, этотъ бичъ божій все человѣчество превращаетъ въ арестанта... Каждый подъ стражею, каждый боится всѣхъ и всѣ каждаго... Вездѣ часовые, рогатки, дозоръ, конвой, только кандаловъ не видать... Люди, съѣхавшіеся на рынокъ по крайней, буквально по голодной нуждѣ, не смѣютъ, ужасаются приблизиться другъ къ другу. Продавецъ боится покупателя, покупатель съ ужасомъ смотритъ на продавца... А можетъ быть, у него зараженный товаръ, зараженная мука, крупа, яйца... А у покупателя, быть можетъ, зараженныя деньги... Да это ужасъ! А ѣсть и тому, и другому хочется... Господи! Да за что же этотъ бичъ! За грѣхи, за бѣдность да нечистоту.

По ту сторону рогатокъ это тѣ, которые живутъ по ту сторону карантинной линіи, за Окой... Это самые бѣдные изъ коломнянъ, которымъ тамъ, въ Коломнѣ, ѣсть нечего, все вздорожало, и они съ голоду, съ рискомъ за свою жизнь (все равно

помирать отъ голоду придется), перебираются сюда, на чумную сторону, чтобы купить чего-либо съѣстного по-дешевле... А можетъ, оно заражено... ну, все равно пропадать!

Какъ по ту сторону карантиннаго загражденія толкаются только самые бѣдные и самые голодные изъ нечумной мѣстности, такъ и по сторону загражденія бродятъ только самые бѣдные и самые голодные изъ чумной полосы... Тамъ голодные покупатели, здѣсь голодные продавцы... Курочку ли продать, барашка, коли у кого ѣсть, овсеца, мучки сбыть туда да заплатить подушныя, а тамъ купить бы чего подешевле да утолить голодъ... И все это подъ арестомъ.

И вотъ идетъ страшный торгъ между арестантами. Люди торгуются черезъ рогатки, при посредствѣ комми-мортусовъ. Здѣшніе: чумные продавцы кладутъ свой товаръ на землю, за рогатку, и ожидаютъ получки денегъ; а тамошніе, тогобочные, коломняне, показавъ издали деньги (тогда еще не было бумажныхъ денегъ въ такомъ изобиліи, какъ теперь, а ходила больше звонкая монета), опускаютъ ихъ въ длинные чаны и корыта, наполненные водою съ уксусомъ. Одинъ мортусъ подходитъ и беретъ товаръ и переноситъ черезъ разложенные вдоль всего загражденія горящіе костры, если товаръ—мясо... товаръ окуривается... Если товаръ — птицы или овцы, то ихъ тотчасъ моютъ въ чанахъ, тоже наполненныхъ водою съ уксусомъ... Другой мортусъ вылавливаетъ изъ чана или корыта деньги и вручаетъ ихъ продавцу...

Огонь и дымъ костровъ, крикъ купаемой въ чанахъ птицы, блеянье овецъ, принимающихъ невольную ванну, возгласы часовыхъ: «стой! не ходи! берегись!» и покрикиванья мортусовъ на продавцевъ и на покупателей «бери алтынъ! тащи поросенка!» визготня адская этихъ самыхъ поросятъ, окупаемыхъ въ чанъ съ уксусной водой—и надъ всѣмъ этимъ какъ бы невидимый перстъ гнѣвнаго Бога: на кого онъ направится? кого назначаетъ знаменіемъ смерти, кого перваго выхватитъ изъ этой робкой, растерявшейся толпы, кого второго, третьяго?..

И вотъ потянулись безконечные дни и ночи для нашихъ заключенныхъ... Тоска неисповѣдимая! Каждое утро невидимая рука оставляла у калитки карантиннаго дворика дневную порцію съѣстныхъ припасовъ и дровъ. Каждый день заходилъ словоохотливый докторъ, который для заключенныхъ казался

вѣстникомъ жизни, посланникомъ Бога милующаго и спасающаго... По цѣлымъ часамъ они стояли у окна, выходившаго на Оку, смотрѣли на карантинный рынокъ, на Коломну, высокія колокольни которой продолжали тянуться съ мольбою къ безжалостному небу...

Сначала фонъ-Шталь завелъ было у себя на дворикѣ маневры, смотры, ротное ученье, немилосердно муштровалъ бѣдныхъ сержантовъ, попеременно муча своими командирскими затѣями то широкоплечаго Грачева, у котораго изъ головы не выходилъ образокъ-медальонъ покойнаго друга, талисманъ, несущій будто бы чуму въ Москву, то черномазаго Рожнова, у котораго, напротивъ, не выходила изъ головы Настенька и какія-то «сѣнцы, гдѣ въ первый разъ»... и т. д. Голосъ фонъ-Шталя, выкрики «направо» и «налѣво», «стой-равняйся» и «маршъ» раздавались отъ ранняго утра до обѣда; но потомъ и это надоѣло, и насталъ періодъ сказокъ: нѣмецъ такъ полюбилъ русскія сказки, особенно искусно разсказываемыя Грачевымъ, что и по ночамъ не давалъ ему спать, заставляя разсказывать то о «трехъ-сынъ-добромъ молодцѣ», то о «моложеватыхъ яблокахъ», то о «семи Семіонахъ».

Забродя и его рыжій товарищъ, котораго, кстати замѣтимъ, звали въ полку «Рудожелтымъ Кочетомъ», помѣщались рядомъ съ своимъ начальствомъ, заборъ къ забору. Въ ихъ же дворикъ помѣстили и «полковую Маланью», которая этому была очень рада и служила источникомъ нескончаемыхъ утѣхъ для заключенныхъ. По цѣлымъ часамъ они учили ее прыгать черезъ палку, носить имъ шапки, стоять на заднихъ лапкахъ и, наконецъ, ухитрились возстановить ее даже противъ чумы: для этого Рудожелтый Кочетъ нарисовалъ на заборѣ углемъ какую-то страшную фигуру, вродѣ богатыря Полконя или Полкана, и назвалъ ее «чумой». Сдѣлавъ страшные глаза и ставъ на четвереньки, рыжій обыкновенно съ рычаньемъ бросался къ нарисованному на заборѣ чудовищу, бормоча: «чума! чума! чума!» Маланья по природѣ довѣрчивая, видя въ такомъ азартѣ своего господина, тоже съ неистовымъ лаемъ бросалась на мнимое чудовище, и торжество скучающихъ заключенныхъ выходило полное, такъ что имъ даже завидовалъ самъ фонъ-Шталь.

— Что это у васъ тамъ за травля?—спроситъ онъ бывало черезъ заборъ своихъ ординарцевъ.

— Чуму, вашеско-родіе, травимъ, — отвѣчаютъ тѣ почтительно.

— Какую чуму?

— На заборѣ, вашеско-родіе, написапа...

Несмотря, однако, на эти забавы, Забродя тосковалъ. Имъ все больше и больше овладѣвала тоска по родинѣ. Особенно по ночамъ онъ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста... Онъ уже и счетъ потерялъ этимъ проклятымъ ночамъ!..

И вотъ опять тянется эта скучная, томительно-длинная, безконечная ночь. Тихо кругомъ, только рыжій товарищъ, растянувшись на своей жесткой койкѣ, ровно, однообразно посапываетъ. Все спитъ, не спится одному лишь Забродѣ, не спится, но много думается. Вспоминается родная Украйна, бѣлая хатка въ тѣни густолистыхъ вербъ, зеленая левада и вишневый садочекъ... Ужъ эти вишневые садочки! Изъ-за нихъ украинецъ на чужбинѣ сохнетъ и на кушакѣ вѣшается... Вспоминается Забродѣ послѣднее свиданіе съ Горпиною въ этомъ садочкѣ наканунѣ рекрутчины... Забродю берутъ въ «москали», завтра ведутъ въ городъ «сдавать» какъ товаръ... А они съ Горпиною думали до «пилипивокъ» подъ вѣнецъ стать, своею хаткою съ вишневымъ садочкомъ обзавестись... Такъ нѣтъ, взяли-таки въ «москали», не пожалѣли ни Горпининыхъ горячихъ дѣвичьихъ слезъ, ни материныхъ вдовьихъ, самыхъ горячихъ на свѣтѣ слезъ... Да, все это припоминается въ эту долгую осеннюю ночь въ московской тюрьмѣ проклятой...

Вотъ изъ-за бузиноваго куста тихо выходитъ заплаканная Горпина... А соловейко-то щелкаетъ, соловейко заливается—жалю завдаетъ этому раставапью, словно «дякъ» почью читаетъ надъ покойникомъ... Горпина такъ и повисла на воловьей шеѣ парубка—захлебывается-плачетъ, обнимаючи да цѣлуючи черноусаго... И онъ всплакнулъ «парубоцькими» жгучими слезами, цѣлуючи свою, кароокую, полногрудую дивчину... А дѣвичьи груди разорваться хотятъ подъ безутѣшное всхлипыванье, такъ и колотятся объ богатырскую грудь парубка... «Серденько мое!..» «Яблучко мое червопее!»—«Василечку мій, барвиночку зеленый, охъ, ненько-жъ моя, матинько!»—«Я вернусь до тебе, моя ясочко»...

— Э! Вернусь... Какъ тутъ вернешься!.. А вона вже, може, съ другимъ спарувалася»... Хоть повѣситься, такъ въ пору!

А за окномъ, подъ сарайчикомъ, такъ жалобно воетъ бѣдная собака. И она тоскуетъ по ночамъ: съ тѣхъ поръ, какъ замѣтили, что по утрамъ она всегда пробовала провизію приносимую заключеннымъ, раньше, чѣмъ они просыпались, и кушала съ большимъ аппетитомъ, ее на ночь стали привязывать, и вотъ она скучаетъ. Жаль бѣднаго «цуцинятка», и себя Забродѣ жаль, и «малаго цуцинятка» жалко, и Горпины жаль...

«Хиба утикти!» словно обухомъ поражаетъ его внезапная мысль... Бѣжать? Отсюда, изъ этой тюрьмы, отъ безконечной каторги. Но какъ бѣжать? Куда? Туда, на Украину, въ зеленый гай, въ вишневый садочекъ... Хоть по ночамъ подходить къ родной хатѣ и бродить около вишневаго садочка Горпины...

Страшная мысль все болѣе и болѣе овладѣваетъ душой и волей. Находитъ какое-то безуміе... На подмогу является податливая совѣсть, у которой, какъ у Горпины, такое доброе сердце... Вѣдь, отсюда бѣжать, не изъ полка бѣжать: за это не разстрѣляютъ, а если сквозь строй прогонятъ, то у Забродн такая спинная доска, вскормленная матушкою Украиною, что десять тысячъ шпицрутеновъ выдержитъ и заживетъ... Повидаться только съ своими, взглянуть на Горпину, какъ она тамъ съ другимъ чарубкомъ женихается... О, не дай Богъ! «Вона не женихается, вона мене выглядатиме»...

Гвоздемъ винтитъ голову эта безумная мысль, въ жаръ и холодъ бросаетъ... А собачка все скулитъ и воетъ, да такъ тихо-тихо, да жалостливо, словно Богу на людей плачется...

Не выдерживаетъ этого невиннаго плаканья жалкаго «цуцинятки» доброе, большое и на доброту, и на злобу, порою восковое, порою каменное сердце украинца. Онъ теряетъ разсудокъ, онъ рѣшается на побѣгъ.

Торопливо, лихорадочно закутываетъ онъ ноги онучами, захвативъ при этомъ и ощупью найденныя опучи безпечно спящаго товарища; надѣваетъ казенныя коты; на халатъ вздѣваетъ казенный сѣрый чапанъ, туго подтягивается, ощупью отыскиваетъ шапку, судорожно крестится, «Мати Божа! Мати Божа!» и неслышными шагами выходитъ въ сѣнцы, а оттуда подъ сарайчикъ.

Собака разомъ замолчала, угадавъ, кто къ ней идетъ. За-

бродя, припавъ на корточки и тихонько отбиваясь отъ собаки, которая радостно лизала ему руки и лицо, зубами перегрызъ веревку.

Собачья головка уже торчитъ у Заброди изъ-за пазухи. Онъ и ее беретъ съ собою на Украину... «Не хай и воно, бидне цуцинятко, по воли побигае»... Тихо карабкается бѣглецъ на заборчикъ. Вотъ онъ уже видитъ открытое поле... онъ на волѣ почти, а тамъ гдѣ-то Украина, «хатка биленька»... «мати роднепька»... «чорнявенька Горпина»... «вишневый садочекъ».

— Хто тамъ?—раздается окрикъ часового.

Забродя молчитъ, онъ уже на заборѣ.

— Стой! Хто тамъ? Стрѣлять буду!—повторяется окликъ.

— «Не попаде, москаль», — думаетъ Забродя, — «далеко дуже... и оруже погане, не попаде»... И спускается на волю...

«Разъ-два-три».

Раздается выстрѣлъ, и Забродя пластомъ падаетъ на землю... Вотъ тебѣ и воля, вишневый садочекъ... Украина... Только собака воетъ, да часовой глядитъ въ красивое мертвое лицо, не смѣя нагнуться къ чумному...

IV. «Моровой манифестъ».

Въ морозное январьское утро 1771 года въ Москвѣ у Варварскихъ воротъ, то тамъ, то здѣсь народъ кучится около какого-нибудь говоруна, и толкамъ нѣтъ конца. Черезъ пятое-десятое слово слышатся то «моровая язва», то «перевалка», то «на Москву идетъ», то «до Москвы не дойдетъ», то ужъ «пришла на Москву».

Болѣе всего скучивается народъ, фабричные и дворовые люди, да сидѣльцы изъ Охотнаго, Обжорнаго и Голичнаго рядовъ около одного старенькаго, обдерганнаго священника, который держитъ въ рукахъ раскрытую книгу и корявымъ, посинѣвшимъ отъ холода пальцемъ тычетъ въ одну изъ ея страницъ...

— Вотъ тутъ оно и есть написано,—говоритъ онъ, стараясь, повидимому, убѣдить одного краснощекаго дѣтину въ старой лисьей шубѣ и огромнѣйшей мѣховой шапкѣ, постоянно ссовывающейся ему на сѣрые, плутоватые глаза.

— Написано, помеломъ въ трубѣ, поди,—возражаетъ дѣтина.

— Анъ нѣтъ, не помеломъ въ трубѣ,—горячится старенькій, затасканный попикъ.

— Ну, инъ вилами на водѣ, коли не помеломъ въ трубѣ,—остритъ дѣтина.

— Анъ не вилами, а духомъ Божіимъ... Вотъ слушайте, православные, что глаголетъ Господь Моисею въ книгѣ Левитъ, глава третья-надесять...

— Ну-ну катай-катай, батька!—слышатся одобрительные возгласы въ толпѣ.

Попикъ откашливается, сморкается «Адамовымъ платкомъ», какъ онъ называетъ свою пригоршню, и дрожащимъ голосомъ читаетъ:

— «Вся душ, въ няже будетъ на немъ язва, нечистъ будетъ, отлученъ да сѣдитъ, внѣ полка да будетъ ему пребываніе...»

— Ну, что жъ ты мелешь!—перебиваетъ его дѣтина.—Это не про насъ писано, а про солдатъ... Внѣ полка, слышь... А онъ на-ко что выдумалъ!

— А ты не перебивай!—горячится попикъ.—Полкъ. это по нашему приходъ, а то и домъ...

— Толкуй!

— А ты ну, читай инъ!—подстрекаютъ други

— «Аще же разсыпася язва по ризѣ, или по пряденѣ, или по крокахъ»...

— «По ризѣ!» — снова возражаетъ дѣтина. — Да это, братцы, только про попова писано... «По ризѣ!» Ишь что выдумалъ! Али у меня риза лисья! А порки, поди, тоже риза по твоему!

Попикъ нетерпѣливо машетъ рукой на такое невѣжество...

— «Аще же,—упрямо продолжаетъ онъ,—разсыпася язва по ризѣ, или по пряденѣ, или по крокахъ, да сожжетъ риза, пряденія и кроки и да отлучитъ жрецъ язву на седмь дней...»

— Жрецъ! Вонъ куда хватилъ! Жрецъ, чу... А гдѣ ты на Москвѣ-то жреца найдешь?—настаиваетъ пессимистъ-дѣтина.

— А ты знаешь ли, братъ, что такое этотъ жрецъ самый?

— Какъ не знать! Только у насъ на Москвѣ жрецовъ не бывало...

— Аль есть жрецы! Я самъ жрецъ, вотъ и поди на:—горячится попикъ.

— Ишь ты, жрецъ какой!.. Фу ты, ну ты! Жрецъ! А самому, поди, жрать нечего...

Толпа хохочетъ. Попикъ смотритъ растерянно: краспощекій дѣтина попалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Попикъ оказывается заштатнымъ, которыхъ тогда по Москвѣ толкалось видимо-невидимо.

Въ Москвѣ въ то время еще живъ былъ старый обычай, начало котораго восходило ко временамъ вѣчевой жизни «господина Великаго Новгорода» и Пскова: всѣ свободные, безмѣстные и заштатные священники каждое утро бывало толкаются у «вѣча», на вѣчевой площади, какъ на рынкѣ, и торгуютъ своимъ священствомъ: кому подешевле акаѳистъ снѣть, кому дешевенькую обѣденку слитургисать, по комъ за осьмину овсеца сорокоустъ справить, кому за яичко молитву въ шапку дать, либо за поросеночка и соборованье, и литейшку отмахать, «гулящій попъ» тутъ какъ тутъ. Обычай наемнаго священства, съ утратою вѣчевой жизни, перешелъ въ Москву съ вѣча прямо на базаръ, на рынокъ, къ Спасскимъ да Варварскимъ воротамъ. Настанетъ утро, и Москва валитъ на «толкунъ». «Толкунъ», это старое вѣче: кто панимаетъ себѣ дровокола, кто ледокола, кто стряпку ищетъ, а кто «попика гулящаго» на часы, на панихидку, на литургейку махоньку, на алтынную...

Отъ такихъ «гулящихъ попиковъ» богомольная Москва каждое утро стономъ-стонала: то Голичный рядъ задумаетъ устроить «ходы съ водосвятіемъ» да съ акаѳистцемъ, чтобы товарецъ ихъ милостей, купчинъ Голичнаго ряда, голицы да рукавицы шибче въ ходъ шли да барыши несли; то Охотный рядъ надумается утереть носъ своимъ благочестіемъ и Голичному и Обжорному ряду съ Ножовою линіей, и затѣетъ крестный ходъ на славу, и вотъ тутъ-то «гулящіе попики» всегда на руку... Звонъ такой бывало идетъ по Москвѣ, такое славословіе да ангельское кричаніе веліе, что голуби пугаются, вороны и галки какъ бѣшеныя по небу да надъ Ивапомъ Великимъ метутся и оглашаютъ воздухъ неистовымъ карканьемъ.

Тогдашній архіепископъ московскій Амвросій Зертышъ-Каменскій, дѣдъ извѣстнаго историка Бантышъ-Каменскаго, по воспитанію и по привычкамъ болѣе украинецъ, чѣмъ велико-

россіянинъ, человѣкъ получившій широкое духовно-богословское образованіе, недоступное въ то время для великорусскаго духовенства, вспоенный притомъ далеко не въ древле-московскомъ духѣ, который царилъ въ Москвѣ въ XVIII вѣкѣ столь же крѣпко, какъ и въ XVI и какъ продолжаетъ царить до нѣкоторой степени и въ XIX столѣтіи, преосвященный Амвросій давно обратилъ вниманіе на это московское древле-вѣчевое, рыночно-уличное благочестіе, изъ Охотнаго и Голичнаго ряда, назойливо кричащее до самаго неба, и увидѣлъ, что главные виновники этого благочестиваго гама, вѣчевые «гулящіе попики» съ ихъ площаднымъ литургисаніемъ по найму.

— Это не іереи, а дервиши,—говаривалъ онъ часто, видя, какъ толпы народа то и дѣло валма-валятъ за импровизованными крестными ходами, устраиваемыми то Ножовою линіею, то Голичнымъ рядомъ для того, чтобы шибче шли въ ходъ голицы и рукавицы,—подобаетъ взять вервіе и изгнать изъ храма сихъ торгашей благодати.

— Не ломайте старины, владыка,—предупреждалъ его протоіерей Левшиновъ, человѣкъ замѣчательно умный, но вполнѣ знакомый съ московскимъ складомъ ума и съ московскимъ міровоззрѣніемъ,—сила Охотнаго ряда, ваше высокопреосвященство, великая сила въ Россіи. Россійское государство само есть подобіе Охотнаго ряда...

— А я, отецъ Александръ, сломаю выю Охотному ряду,— настойчиво твердилъ владыка,—это не крестные ходы, а кулачные бои.

Но Охотный рядъ оказался сильнѣе, онъ сломалъ выю преосвященному Амвросію... Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ...

Какъ бы то ни было, Амвросій преслѣдовалъ заштатныхъ «гулящихъ поповъ». Вотъ почему замѣчаніе краснощекаго дѣгины (онъ былъ сидѣльцемъ въ Голичномъ ряду) было очень жестокимъ бичомъ для попика, читающаго книгу Левитъ: онъ, дѣйствительно, съ голоду искалъ себѣ работки у Варварскихъ воротъ, гдѣ всегда толкались благочестивые.

Чума для этого голоднаго попика-поденщика была находкою, она должна была кормить его: народъ, изъ страха смерти, будетъ непремѣнно толкаться по церквамъ, площадямъ и у всякихъ воротъ и искать себѣ дешеваго душеспасенья... Церков-

ные попы дорого берутъ за все, не жалѣютъ православныхъ, а «гулящій попикъ» и за алтынъ спасетъ душу.

Для краснощекаго же дѣтины изъ Голичнаго ряда чума была нежеланная гостья, какъ и для всѣхъ торговыхъ людей: она подрывала торговлю голишами и рукавицами.

— Вонъ хозяинъ сказывалъ, что коли-де запрутъ Москву этими проклятыми карантеями, дакъ тады и носу не показывай съ голичнымъ да кожевеннымъ товаромъ: черезъ заставу не пустятъ. А мы ужъ было наладили партію голицъ да рукавицъ на весь Питеръ,—пояснилъ онъ ближайшимъ сосѣдямъ.—А то на! Язва, слышь, да жрецъ, а товаръ лежи...

— А поди изъ чумнаго скота голицы-то ваши?—спрашиваетъ обиженный попикъ.

— Знамо, изъ чумнаго, изъ падали, за то и цѣны божескія...

— То-то!

— То-то! Что-жъ, ежели, и чумные, не бѣда! Не ѣсть ихъ, а на рукахъ носить...

Въ это время сквозь толпу протискивался человѣкъ невзрачной наружности, въ ветхомъ кафтанишкѣ приказнаго съ сизымъ, какъ лиссабонскій виноградъ, носомъ, и весь посинѣвшій отъ холоду.

— Православные! Прислушайте!—кричалъ онъ, проталкиваясь къ серединѣ.

— Фролка, приказная строка!—оповѣщали голоса.

— Православные! Что я принесъ!

— Фролка, кропильное сѣмя!—кричали другіе.

— Фролка, чернильная душа! За гусиное перо отца продалъ, гусинымъ перомъ всю воду изъ Москвы-рѣки вымокалъ.—издѣвается дѣтина изъ Голичнаго ряда.

Но Фролка не унываетъ: онъ самъ хорошо знаетъ свою популярность и принимаетъ возгласы толпы, какъ должную дань народнаго вниманія.

Въ то время гласность была не въ большомъ ходу, телеграммъ не существовало, и ихъ замѣняли рыночные слухи. «Достовѣрные источники», изъ которыхъ толпа могла черпать государственныя и политическія новости, были, впрочемъ, и тогда тѣ же самые, изъ коихъ и нынѣ наши газеты черпаютъ то, что онѣ сообщаютъ съ припѣвомъ «мы слышали»: источники эти, сенатскіе и иные копіисты...

Фролка — чернильная душа служилъ помощникомъ подкопінста въ сенатѣ и потому узнавалъ нѣкоторыя новости раньше другихъ и сообщалъ ихъ своимъ «благодѣтелямъ» изъ Охотнаго и иныхъ рядовъ, за что и получалъ то фунтикъ осетринки съ душкомъ, то поросеночка съ запашкомъ...

Протолкавшись въ середину, на самую трибуну, онъ вытащилъ изъ-за пазухи листъ бумаги и, развертывая его дрожащими «отъ невоздержанія» руками, говорилъ торопливо и таинственно.

— Внемлите, православные! Всемилостивѣйшій манифестъ объ е й самой припесъ я вамъ... манифестъ...

Всѣ вытянулись, недоумѣвая, о комъ рѣчь...

— Вотъ тутъ сама матушка, всемилостивѣйшая государыня, пишетъ объ е й.

— Да о комъ?—огрызается дѣтина изъ Голичнаго ряда, догадываясь, въ чемъ дѣло. — Объ твоей чернильной душѣ что ли?

— Нѣту, Спиря, объ е й, объ моровой язвѣ...

— Что ты врешь, строка эдакая! И дадутъ тебѣ экую бумагу-то въ пьяныя лапы...

— Самъ, Спирюшка, взялъ отай... Ихъ много изъ Питера наслали, гору наслали, вотъ!

— А ты читай вслухъ!—заволновалась толпа.—не связывайся съ имъ...

— Съ нимъ не спорь, у него голицы на умѣ...

«Гулящій попикъ», пораженный было дѣтиною изъ Голичнаго ряда, теперь опрагился, выросъ... Значитъ онъ правъ: о н а будетъ на Москвѣ... можетъ быть ужъ пришла... Будетъ кормъ у «гулящаго попика», о н а накормитъ.

— Ну, инъ съ Богомъ чти!—понукалъ опъ Фролку.—Во имя Отца...

— Слушай, православные! Долой шапки!

Головы обнажились. Толпа присмирѣла. Слышно было только треніе и шарканье зипуновъ другъ о друга да воркованье голубей наверху воротъ, за старой иконой Боголюбской Богородицы. Приказный откашлялся и началъ: «Божіею милостію мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ чрезъ сіе во всенародное извѣстіе».

Фролка остановился, чтобы, повидимому, перевести духъ, но больше для того, чтобы видѣть, какой эффектъ производитъ на толпу его чтеніе. Фролка былъ когда-то не то, чѣмъ онъ сталъ теперь. Лирикъ въ душѣ, мягкій по природѣ, съ искрой дарованія, онъ залилъ эту искру сначала слезами, а потомъ... водкой... Ему не повезло въ жизни потому, что жизнь его началась не съ фундамента, а съ воздуха—онъ не получилъ никакого образованія... Фролка пропалъ—шаръ земной весь вымощенъ подобными Фролками, которые были бы гордостью этой земли, если бы не... да что объ этомъ толковать! У Фролки когда-то и честолюбіе было — теперь оно на днѣ косушки сидитъ... У Фролки были замашки народнаго трибуна, онъ любилъ, чтобы его слушали... И его слушаютъ теперь, во царевомъ кабакѣ, гдѣ и бьютъ притомъ... Фролка погибъ отъ себя, онъ не умѣлъ подлаживаться.

Фролка оглядѣлся, онъ былъ доволенъ произведеннымъ имъ эффектомъ. За этотъ эффектъ онъ охотно пойдетъ въ кутузку, въ съѣзжій «клоповникъ», въ тюрьму...

«Война, — продолжалъ онъ торжественно, — столь неправедно и вѣроломно со стороны Порты оттоманской постороннею завистію, коварствомъ и происками противъ имперіи нашей возженная, коея конецъ да увѣнчаетъ скорымъ, прочнымъ и славнымъ миромъ десница Всевышняго, толь явно оружію нашему допынѣ поборствующая, влечетъ за собой, по свойственному туркамъ звѣрскому и закоренѣлому о собственной своей цѣлости небреженію, опасность заразительной моровой язвы, въ разсужденіи сосѣдственныхъ областей и тѣхъ гражданъ, кои по долгу званія своего и изъ любви къ отечеству ополчаются противу ихъ въ военномъ подвигѣ».

Чтецъ особенно ударилъ на слова «опасность заразительной моровой язвы». Онъ чувствовалъ, что многіе вздрогнули отъ этихъ словъ. Да и было отчего вздрогнуть! Но ни слова, ни звука кругомъ; только когда на карнизѣ Варварскихъ воротъ сильно задрались голуби, изъ толпы поднялся кулакъ и погрозилъ глупой, не кстати разшумѣвшейся птицѣ. Всѣ жадно ждали, что будетъ дальше...

«Отъ нѣкотораго уже времени прилегшія къ непріятельскимъ землямъ польскія провинціи опустошаютъ бѣдственныя дѣйствія сего для нихъ погубнаго сосѣдства, кои въ распространеніи

своемъ чрезъ оныя начали было прорываться и въ границы наши; но скорыми вопреки предосторожностями всздѣ уже благостію Господнею таково же скоро и пресѣкаются: ибо по тому матерьнему попеченію о покоѣ, тишинѣ, благоденствіи и безопасности нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, которые мы съ самаго начала государствованія нашего положили за главное и непремѣнное правило всѣхъ нашихъ дѣяній, не оставили мы распорядить благовременно чрезъ правительства наши всѣ нужныя и въ человѣческомъ предусмотрѣніи возможныя мѣры и осторожности вдоль всѣхъ нашихъ границъ, отъ Малороссіи до Лифляндіи, къ совершенному и надежному ихъ огражденію. Мы съ несумнѣнною вѣрою ожидаемъ затѣмъ отъ благости всещедраго Бога, что Онъ сіи наши учрежденія учинитъ достаточными и отвратитъ отъ нашего отечества бичъ гнѣва Своего».

— Ну, что взялъ, мышиный жеребчикъ, а!—тихо, но ядовито просипѣлъ дѣтина изъ Голичнаго ряда прямо на ухо «гулящему попику».—На, съѣшь!

— Что, съѣшь?

— Кукишъ съ масломъ!.. Слышалъ, Богъ-де отвратилъ ее отъ нашего отечествія...

Фролка грозно глянулъ на дѣтину; онъ теперь чувствовалъ за собою силу, зная, что опирается на вниманіе толпы, которая еще не сказала своего слова, а слушаетъ, тяжело дыша и едва переводя духъ.

— Погоди, еще не ѣлъ, а ужъ и штаны спускаешь. Жди конца,—наставительно пояснилъ онъ.

Всѣ недружелюбно взглянули на дѣтину. Тотъ присмирѣлъ. Чтеніе продолжалось.

«Но такимъ образомъ исполняя съ нашей стороны во всемъ пространствѣ долгъ царскаго и матерьняго престереженія, къ полному успокоенію нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, дабы каждый изъ оныхъ безпечно могъ оставаться при своемъ домостроительствѣ и промыслѣ, взаимно требуемъ и желаемъ мы, чтобы и они всѣ и каждый изъ нихъ, по состоянію чина и званія своего, воспособствовали оному всѣми своими силами и всѣмъ отъ нихъ зависящимъ по обязательствамъ должной и присяжной намъ и отечеству вѣрности»...

Кругомъ мертвое молчаніе. Тяжело дышутъ напряженныя груди слушателей. Гдѣ то баба всхлипываетъ... И у чтеца на

глазахъ слезы... въ пьяныхъ глазахъ свѣтится что-то человѣческое... прежнее, чистое...

Но пьяный голосъ крѣпнетъ: «Опытами извѣстно, что заразительныя болѣзни могутъ весьма легко и непримѣтно переноситься быть черезъ платье и къ тому служащія всякія шелковыя, бумажныя, шерстяныя вещи и уборы»...

— Что, слышалъ!—не безъ яду шепчетъ «гулящій попикъ» врагу своему, дѣтинѣ изъ Голичнаго ряда.

— Молчи, муховъ объѣдокъ!—грозится дѣтина.

— Кожаныя, чу, вещіи...

— Замолкни ты, тараканій окорокъ!—рычитъ дѣтина.

— А голица кожаная вещія,—доѣзжаетъ попикъ.

...«а особливо когда опыя изъ зараженныхъ мѣстъ безъ вывѣтриванія и вседневнаго между рукъ человѣческихъ употребленія провозятся свернутыми и увязанными со времени полученія въ свои руки (продолжается чтеніе). Мы потому, въ удовлетвореніе нужной осторожности до послѣднихъ ея предѣловъ, именно и точно симъ манифестомъ повелѣваемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ безъ всякаго изъятія, какъ знатнымъ такъ и разночинцамъ, какого бы кто состоянія, званія и промысла ни былъ, а особливо ѣдущимъ въ Россію отъ войскъ нашихъ, внѣ границъ въ военныхъ дѣйствіяхъ обращающихся, дабы отнюдь никто не привозилъ съ собою, ниже подчиненнымъ своимъ позволялъ въ сундукахъ, баулахъ связкахъ и возахъ спрятанными всякія отъ непріятеля въ добычу полученныя или же въ земляхъ его и зараженныхъ въ Польшѣ, за деньги купленныя вещи шелковыя, бумажныя, шерстяныя, нитяныя, желѣзныя, мѣдныя, кожаныя и другія тому подобныя, кои въ одежды и убранство у турковъ или въ другихъ зараженныхъ мѣстахъ употреблены были, а по крайней мѣрѣ за употребленныя признаны быть могутъ; и дабы еще отнюдь никто не въѣзжалъ въ границы мимо городовъ и учрежденныхъ по отверстымъ большимъ дорогамъ заставъ и карантенныхъ домовъ: ибо въ противномъ случаѣ не только везомое при первой заставѣ и внутри имперіи огню предано, но и виноватый въ томъ за оскорбителя божіихъ и государственныхъ законовъ почтенъ и какъ таковый примѣрно наказанъ будетъ. Съ другой стороны симъ же поручаемъ мы сенату нашему независимо отъ предписанныхъ уже правилъ и наставленій, опредѣленнымъ повсюду кордоннымъ,

карантеннымъ и по другимъ заставамъ командирамъ, какъ имъ вообще поступать въ пропускѣ людей и вещей, распорядить и такія мѣры, чтобы, подъ предлогомъ исполненія по точной силѣ сего нашего манифеста, не могло гдѣ произрасти злоупотребленія, напрасныхъ прицѣпокъ и утѣсненій проѣзжающихъ»...

Между тѣмъ толпа слушателей росла. Отдѣльныя вдали толкавшіяся кучи, влекомыя какъ бы инстинктомъ, примыкали къ средней толпѣ, напирали сзади, жали и тѣснили переднихъ. Начинался глухой шумъ въ заднихъ рядахъ. Всѣмъ хотѣлось узнать, въ чемъ дѣло, и вставала сумятица, разноголосица толковъ, вопросовъ, торопливыхъ и наивныхъ, и отвѣтовъ, еще болѣе наивныхъ...

— Али наборъ, паря, вычитываютъ?

— Наборъ... турка, слышь, идетъ на Москву на самую, моръ несетъ...

— Что ты?!

— Пра... Голицы, чу, нельзя носить, въ голицу, чу, турка язву посадилъ...

— Жрецы на насъ идутъ, сказывали, касатики,—убивается баба,—страшные такіе, въ ризахъ, толицы на рукахъ, сама слышала...

— Жрецы?! Каки жрецы? Гдѣ?

— Въ Голичномъ, слышь, ряду... жрецъ на жрецѣ!

— Батюшки свѣты! Что жъ это будетъ!

Гвалтъ усиливался, мѣшалъ слушать читаемое. Задніе ряды напирали, передніе сжимали чтеца, онъ весь посинѣлъ отъ натуги.

— Легче, православные! Не дави! Ой!

— Вычитывай до конца! Рѣжь, коли началъ! Ой! Легче!

— Задавили!.. Батюшки, задавили!..

— Подымай Фролку на плечи! Катай! Вычитывай, вымативай душу до конца!

Фролка на плечахъ у толпы, завидная участь оратора! Онъ выкрикиваетъ всей глоткой, всѣми нутрами:

«Впрочемъ, какъ все намѣреніе сего нашего повелѣнія идетъ единственно къ пользѣ и обезпеченію имперіи, то и увѣряемся мы, что никто изъ находящихся въ службѣ или же для промысла своего при армеяхъ нашихъ и въ Польшѣ не захочетъ изъ побужденія подлой корысти сдѣлаться предателемъ отечества, но

что паче всѣ и каждый будутъ какъ истинные граждане усердно стараться и за другими, а паипаче за подчиненными своими подъ собственнымъ за нихъ отвѣтомъ строжайше наблюдать, дабы кто и если не изъ лакомства, по меньшей мѣрѣ изъ простоты и невѣжества преступникомъ, а, сохрани отъ того Боже, и виновникомъ общаго злоключенія учиниться не могъ. Вслѣдствіе сего и повелѣваемъ мы сей нашъ манифестъ во всей имперіи надлежащимъ образомъ немедленно обнародовать. Данъ...»

Толпа шарахнулась въ сторону, и Фролка полетѣлъ внизъ головой съ своей живой каѳедры.

— Данъ!.. Ой, разбойники! Православные!

— Батюшки! Казаки бьютъ!

— А! Лови паршивыхъ лапотниковъ!.. Нагайками ихъ!.. Скопы на улицѣ! А!

— Народъ бунтуютъ! Кто бунтуетъ?..

— Фролка приказный... Моровой манифестъ вычитывалъ,— доноситъ дѣтина изъ Голичнаго ряда.

— А! Лови Фролку!.. Лупи ихъ, спиночесовъ!

— Жрецы!.. Матыньки мои, жрецы!

— Ай-ай-ай! Беременную бабу задавили... Охъ, матыньки! Ребенокъ трепыхается...

— Держи Фролку! Лови ихъ! Вяжи бунтовщика... Ишь ты, моровой манифестъ... Бунтовщикъ!

А «бунтовщикъ» Фролка стоялъ, покинутый народомъ, и горько плакалъ... Такое торжество всенародное и такой позоръ! Онъ, Фролка, «бунтовщикъ!..» «Господи! О! Просвѣти ты ихъ... научи... наставь... О-о!..»

Фролка безутѣшно плакалъ...

V. Локонъ мертвеца.

Манифестъ о чумѣ подписанъ былъ императрицею 31-го декабря, въ послѣдніе моменты отходившаго въ вѣчность 1770 г.

Вечеромъ этого дня государыня лихорадочно торопила князя Вяземскаго: ей казалось, что манифестъ слишкомъ медленно переписываютъ набѣло съ чернового отпуска, лично исправленнаго Екатериною. Ей хотѣлось до новаго года подписать эту роковую бумагу, свалить съ сердца этотъ камень вмѣстѣ съ умирающимъ старымъ годомъ... Она постоянно звонила, ожидая этой

бумаги... Наконецъ, Вяземскій принесъ манифестъ! Императрица еще разъ внимательно прочитала его съ перомъ въ рукѣ, перевернула страницу назадъ и задумалась. Она остановилась надъ одной фразой...

И князь Вяземскій, и графъ Григорій Орловъ, стоя почтительно у стола, молча ждали. Императрица задумчиво поправила кружевцо на пухлой кисти лѣвой руки, слегка ударила по бумагѣ и опять задумалась надъ фразой.

— «Учинить достаточными...» гмъ... — сказала она какъ бы про себя.—А точно ли они достаточны? А?

И императрица перевела свои вопросительные и задумчивые глаза на Орлова и Вяземскаго.

— Въ чемъ изволите сомнѣваться, ваше величество?— спросилъ послѣдній нерѣшительно.

— Вотъ тутъ мы говоримъ (и императрица провела пальцемъ по занимающей ее фразѣ манифеста); «Мы съ несумнѣнною вѣрою ожидаемъ затѣмъ отъ благости всещедраго Бога, что Онъ сіи наши учрежденія учинитъ достаточными и отвратитъ отъ нашего отечества бичъ гнѣва Своего...» Какъ они всегда крупно пишутъ м ы, н а ш и, крупнѣе в с е щ е д р а г о Б о г а (добавила она вскользь)...—А достаточны ли, полно, сіи наши учрежденія?

— Мы уповаемъ, государыня, что всемогущій Богъ учинитъ ихъ достаточными,—смѣло отвѣчалъ Орловъ.

— О! Вы всѣ, Орловы, бойки,—улыбнулась императрица.

— На словахъ, ваше императорское величество?—какъ-то странно спросилъ Орловъ.

— Нѣтъ, я этого не сказала, графъ, и не думаю: Орловы доказали неоднократно, что они бойки на дѣлѣ... Вонъ и теперь, давно ли графъ Алексѣй Григорьевичъ возвеселилъ всю Европу чесменскимъ фейерверкомъ? А я думаю вотъ объ этой, какъ ее величать не вѣдаю, «перевалка» ли, «язва» ли, «чума» ли... сожжемъ мы и ее, какъ сожгли турецкій флотъ? Не придется ли и противъ нея послать Орловыхъ?

— Какъ будетъ угодно вашему величеству?

— А увѣрены ли вы въ расторопности тѣхъ лицъ, коимъ ввѣрено сіе дѣло нынѣ?

— Я ихъ всѣхъ знаю, государыня, да нѣкоторыхъ и вы изволите помнить: нашу китайскую карантинную стѣну огра-

ждаютъ съ командами генералы Шиповъ, Восйковъ и Щербининъ, князь Мещерской—со стороны Польши и Малороссіи, а Москва и Петербургъ, какъ изволите знать, ограждены отъ язвы двойными смоленными рубашками и изрядным количествомъ чеснoку...

Государыня засмѣялась и, взглянувъ на Вяземскаго, который еще ни разу не улыбнулся, сказала весело:

— Четыре поименованные генерала напоминаютъ мнѣ письмо Вольтера: онъ пишетъ, что уксусъ, называемый «четырехъ разбойниковъ», самое есть дѣйствительное средство отъ заразы. Какъ вы думаете, князь, похожи наши генералы на этотъ уксусъ?

— Похожи, ваше величество, только на разбавленный водою,—отвѣчалъ Вяземскій, не улыбаясь.

— То есть, какъ?

— Слабъ оказался нашъ уксусъ, государыня... Чеснокъ понадобился...

— Вы разумѣется вторую карантенную линію за Москвою?

— Такъ точно, ваше величество.

Императрица опять задумалась и опять машинально поправляла кружевцо рукава...

— Крупно, крупно пишутъ. Меня крупнѣе Бога на бумагѣ ставятъ,—какъ бы про себя говорила она.—Его одною заглавною буквою, а меня всѣми литерами...

— Для черни сіе дѣлается, ваше величество, для подлаго народа,—подсказалъ Вяземскій.

— Пона знаютъ и въ рогожѣ... А какіе офицеры охраняютъ вторую карантенную линію?—обратилась императрица къ Орлову.

— Въ Боровскѣ — Булгаковъ, ваше величество, въ Серпуховѣ—Свѣчинъ, въ Калугѣ—Ергольскій, въ Алексинѣ—Сенденгорсъ, въ Каширѣ — Толстой, въ Коломнѣ—Хомутовъ...

— Шесть изрядныхъ головокъ чеснoку, — снова улыбнулась императрица. — А московскій главный начальникъ графъ Петръ Семеновичъ, смоленая рубашка?

— Смоленый сарафанъ, ваше величество, — отвѣчалъ Орловъ.

— Да, почти саванъ... старъ ужъ онъ... кашкой пора кормить...

Императрица опять перенесла глаза на манифестъ, перевернула его и, перекрестясь, обмакнула перо въ чернильницу, крупно вывела «Екатерина» и подала бумагу Вяземскому. И Вяземскій, и Орловъ тоже перекрестились набожно... Каждый думалъ о томъ, что-то принесетъ новый 1771 годъ...

— Это послѣдняя дань старому году, — сказала Екатерина, — онъ принесъ моровую язву, она съ нимъ и умретъ, если Богъ благословитъ наши начинанія. Указъ же сената и наставленія о мѣрахъ предосторожности отъ заразы я прочту послѣзавтра. Я ожидаю мѣръ дѣйствительныхъ.

Мѣры, точно, казались дѣйствительными. Черезъ нѣсколько дней императрица имѣла удовольствіе читать указъ сената объ этихъ «мѣрахъ». Въ этомъ императорскомъ указѣ всенародно объявлялось, что «хотя принятыя противу заразительной болѣзни мѣры и осторожности, а паче твердое упованіе на милость Божію подаютъ несумнѣнную надежду, что сія опасность, начиная вездѣ пресѣкаться, вскорѣ совершенно утушена и истреблена будетъ, но какъ при всемъ томъ благоразуміе требуетъ, чтобъ предохранивъ лифляндскіе рубежи и прочія къ Польшѣ прилежащія губерніи отъ зараженныхъ тою опасною болѣзнью польскихъ мѣстъ, не оставлять въ тожъ время и всей предосторожности и радѣнія неусыпнаго къ тому, дабы, отъ чего Боже сохрани, оное зло не вперлось какимъ-либо образомъ въ нѣдра самыя Россіи и ея столичныхъ городовъ», то правительствующій сенатъ «за нужно разсудилъ».

Публиковать во всемъ государствѣ, что ѣдущіе изъ Кіевской, Малороссійской, Новороссійской и прочихъ пограничныхъ губерній, водою или сухимъ путемъ, съ русскими товарами купцы, хотя въ рубежи лифляндскіе для соблюденія торга и будутъ впускаемы, но съ выдерживаніемъ карантиновъ, смотря по тому, «кто въ какой близости находился отъ сумнительныхъ мѣстъ», ѣдущіе же изъ зараженныхъ мѣстъ вовсе черезъ заставы не пропускаются; «чего ради никто бы не дерзалъ, минуя учреждаемые тамъ карантенные проѣзжать домы, не явясь опредѣленнымъ въ оныхъ начальникамъ; а естли кто отважится противно сему учинить, тотъ не только всего своего товара лишится, но и вящшаго еще по законамъ наказанія не избѣгнетъ».

Привозъ въ Россію чрезъ пограничныя съ Польшею таможни иностраныхъ товаровъ, полотенъ, льна, нитокъ, хлопча-

той бумаги въ дѣлѣ и простой, шелку и шелковыхъ товаровъ, мѣховъ, пеньки и невыдѣланныхъ кожъ; а также шерсти и всякихъ шерстяныхъ товаровъ «на сіе опасное время вовсе запретить, и никого ни подъ какимъ видомъ съ оными не пропускать; а кто изъ купцовъ за симъ запрещеніемъ отважится чрезъ проселочныя дороги или какимъ-нибудь скрытнымъ образомъ проѣхать и товары провезть, то его товары на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они откроются, какъ для сохраненія предосторожности, такъ и въ наказаніе ослушнику, того же часу, сколько бъ и какіе они ни были, сжечь».

Читая этотъ пунктъ, императрица замѣтила князю Вяземскому:

— О, купцы! Купцы! Великое они зло въ мірѣ, хотя доселѣ неизбѣжное... Ради адской корысти и своей ненасытной алчности они готовы бы были весь міръ выморить, такъ что послѣ и продавать товаръ было-бъ некому.

По всей польской границѣ, гдѣ есть только заставы, а нѣтъ ни карантиновъ, ни лѣкарей поставить отъ каждой губерніи по двѣ таможни и устроить карантинные дома, а всѣ прочіе проѣзды и заставы закрыть.

Никто изъ проѣзжающихъ изъ сомнительныхъ мѣстъ не долженъ слѣдовать по проселочнымъ дорогамъ, а непремѣнно всѣ должны направляться на одну изъ карантинныхъ заставъ, расположенныхъ непрерывною цѣпью въ городахъ: Серпуховѣ, Коломнѣ, Каширѣ, Боровскѣ, Алексинѣ, Калугѣ, Маломъ-Ярославцѣ, Можайскѣ, Крапивнѣ, Лихвинѣ, Дорогобужѣ и на пристани въ Гжацкѣ.

Для пресѣченія потаенныхъ проѣздовъ и провоза товаровъ не только отъ заставы къ заставѣ, но всей карантинной линіи, дѣлать частые разъѣзды, но дозволить жителямъ тѣхъ мѣстъ ловить такихъ проѣзжающихъ и доносить: «и естьли кто пойманъ будетъ, а товаръ у него не сумнительный, то доносителю давать изъ того награжденіе, а сумнительный жечь и съ преступниками поступать по законамъ, давая въ семъ послѣднемъ случаѣ доносителю пристойное награжденіе изъ казны».

— Такъ мы доносчиковъ у себя, пожалуй, разведемъ, — замѣтила императрица при чтеніи этого пункта.

— На доносителяхъ, ваше величество, государство держится, — отвѣчалъ Вяземскій.

— Это говоритъ генералъ-прокуроръ, а не человѣкъ, — улыбнулась Екатерина.

— Гражданинъ, ваше величество, и вѣрноподданный.

— Такъ... но доносы не должны существовать... не должны бы...

— Зато, государыня, съ доносителями у насъ птица черезъ кордонъ не пролетитъ.

— Дай Богъ... Но я разумѣю тайные доносы... Для общаго блага доносы должны быть явные и имена доносителей слѣдовало бы публиковать во всеобщее свѣдѣніе.

— Тогда, ваше величество, доносителей не будетъ.

— Зато останутся честные граждане...

Вяземскій спряталъ свои хитрые глаза и ничего не отвѣчалъ. Въ глазахъ императрицы тоже блеснулъ какой-то свѣтъ, если можно такъ выразиться, двойной, какъ гарнитуровая матерія, и тотчасъ же потухъ...

Какъ бы то ни было, императрица одобрила проектъ указа сената.

— А наставленіе готово? — спросила она, немного помолчавъ.

— Готово, ваше величество, — отвѣчалъ Вяземскій. — Угодно будетъ самимъ прочесть?

— Нѣтъ, я послушаю.

Вяземскій взялъ слѣдующую за указомъ бумагу и сталъ читать:

«Въ мѣстахъ, гдѣ находится моровая язва, не надобно дозволять имѣть сообщеніе жителямъ одного города съ жителями другого, ниже въ города ходить деревенскимъ обывателямъ ниже городскимъ жителямъ удаляться въ деревни. Для сего ставятъ городской караулъ при всѣхъ проходахъ въ городъ, учреждаютъ при однихъ воротахъ рынокъ. На семъ рынкѣ городскіе жители отъ сельскихъ раздѣлены двойной преградою»...

— Помню, помню, — перебила чтеніе Екатерина, — я черничокъ пробѣгала... Товары проносятся чрезъ огонь, окуриваются, моются въ уксусѣ, а деньги опускаются въ чанъ... Помню...

Вяземскій молча перелистывалъ бумагу и ждалъ.

Неслышными шагами въ кабинетъ вошелъ Григорій Орловъ.

— Что новаго? — спросила императрица съ тѣмъ же двойнымъ свѣтомъ въ глазахъ, который очень былъ знакомъ Орлову.

— Я получилъ письмо отъ брата Алексѣя, ваше величество.

— И я получила... А кстати, князь Александръ Алексѣичъ, — обратилась она къ Вяземскому, продолжавшему перелистывать бумаги молча и искоса поглядывавшему на Орлова,— что въ наставленіи сказано о письмахъ, получаемыхъ изъ зараженныхъ областей? Это для насъ, бумажныхъ людей, наиважнѣйшая статья.

Вяземскій нашелъ это мѣсто и началъ читать:

«Въ разсужденіи писемъ, приходящихъ изъ зараженныхъ мѣстъ, надобно имѣть великое вниманіе для многихъ причинъ. А притомъ во всемъ свѣтѣ бумагу почитаютъ за вещь самую способнѣйшую къ принятію заразы, и посему можно уже чувствовать, что не довольно употребляемый нынѣ предосторожности, обливая въ уксусѣ только поверхность обертокъ писемъ и оставляя безъ всего внутренность оныхъ, гдѣ буде есть зараза, остается скрытою. И такъ, что касается до писемъ, приходящихъ изъ зараженныхъ мѣстъ, то съ оными поступать должно такимъ образомъ: особа, опредѣленная къ распечатыванію такового пакета, должна надѣть перчатки, сдѣланныя изъ вощанки, и имѣть двои маленькіе желѣзныя щипцы, ножницами разрѣзываетъ и раздираетъ желѣзными щипцами обвертку, которую и сожигаетъ, распечатываетъ письма и окуриваетъ въ густомъ дыму. Надобно примѣчать, что столъ, на которомъ все сіе происходитъ, долженъ быть мраморный или деревянный безъ покрышки. Ежели въ письмахъ сыщется тетрадь, сшитая ниткою или связанная лентою, то надобно таковую нитку или ленту разрѣзать ножницами и сжечь такъ равно, какъ и всѣ вещи, какого бы онѣ качества не были, кои будутъ въ письмахъ, къ частнымъ людямъ писанныхъ»...

— Къ частнымъ людямъ... такъ... а къ казеннымъ и къ намъ?.. Да это особо, — говорила какъ бы про себя императрица.

— Это особо, ваше величество, — повторилъ докладчикъ.— Далѣе говорится о томъ, чтобы носить на груди кусокъ камфоры въ кожанномъ мѣшечкѣ...

— Помню... читала...

— А потомъ, что лѣкари должны прикасаться къ пульсу

больного сквозь развернутый листъ табаку и тотчасъ бросалъ этотъ листъ.

— Такъ... и это помню... Будемъ надѣяться, что Богъ оградитъ насъ... Я такъ и Вольтеру писала, который опасается за мое спокойствіе и безопасность: я говорю, что у меня есть уксусъ не только «четырехъ разбойниковъ», но «сорока-сороковъ разбойниковъ»...

— Это въ Москвѣ то, ваше величество, трафъ Салтыковъ? — лукаво спросилъ Орловъ.

— Нѣтъ, есть помоложе... Я за Москву не боюсь... Она богомольная старушка, хоть и не опрятная...

А чума между тѣмъ уже ходитъ по Москвѣ, но только никто ея не видитъ, а если-бъ и увидалъ, то не повѣрилъ бы, что это чума, что тутъ именно, въ этомъ миловидномъ существѣ съ черненькими глазками и бровками, напоминающими что-то цыганское, съ вздернутымъ кверху, нѣсколько курносенькимъ, курносенькимъ по-дѣтски, носикомъ, что въ этой живенькой, трепетной, какъ брошенная на стекло горсть ртути, фигуркѣ, источникъ ужасовъ, страданій, десятковъ тысячъ смертей, цѣлыхъ рѣкъ слезъ и стенаній, которыя, если бы можно было ихъ собрать въ одинъ, огромный, съ гору, эоловъ мѣхъ и выпустить изъ него на волю, то стенанія эти поколебали бы моря, потопили бы корабли и цѣлые флоты...

Чума — эта безобразная смерть десятковъ тысячъ народу пріютилась въ Москвѣ на груди дѣвушки лѣтъ семнадцати-восемнадцати, сидитъ подъ ея лифомъ, оправленная въ золото и финифть, прикрытая святымъ ликомъ Спасителя...

Вонъ недалеко отъ церкви Николы, «что словетъ въ Кобыльскомъ», въ переулочекъ выглядываетъ чистенькій домикъ съ зелеными ставнями, уже закрытыми на ночь, а на мезонинѣ въ крайнемъ окошкѣ свѣтится огонекъ. Войдемъ туда, намъ вездѣ можно входить, какъ всюду входитъ и темная ночь съ своими тѣнями и сонными грезами, какъ всюду приходитъ и свѣтлый день своими неслышными шагами...

Мы входимъ въ скромную спаленку молодой дѣвушки. Справа у стѣны бѣлѣется небольшая постелька: она еще не смята, не помяты ни подушки въ бѣлыхъ наволочкахъ, ни бѣлая простыня, свѣсившаяся до полу, и только отогнутъ одинъ

край байковаго одѣяла, вѣроятно, тою заботливою рукой, которая стлала на ночь эту дѣвическую постель.

У другой стѣны стоитъ ломберный столъ, покрытый филейною скатертью и прислоненный къ нижней рамѣ небольшого зеркала въ темной старинной оправѣ съ тонкою мѣдною каймой. Тутъ же брошены шпильки и гребень, которымъ не задолго предъ этимъ, какъ видно, дѣвушка расчесывала свою черную косу, спадающую ровною сѣтью на смугловатыя, круглыя плечи и на бѣлую ночную сорочку. У зеркала стоятъ двѣ свѣчи, расположенныя такъ, что при помощи другого зеркала отражаясь на поверхности перваго, онѣ какъ бы тянутся безконечнымъ рядомъ огоньковъ въ далекую темную глубь, едва-едва освѣщаемую этими свѣтлыми, отраженными точками.

Дѣвушка сидитъ неподвижно, положивъ руки на столъ, и пристально вглядывается въ глубокую даль зеркала, отражающаго безконечную аллею свѣчей и какую-то невѣдомую, таинственную темень.

Дѣвушка гадаетъ... На дворѣ святки стоятъ.

О чемъ же гадать молодой дѣвушкѣ, какъ не о своемъ суженомъ? А суженый ея далеко-далеко... Вотъ ужъ другой годъ, какъ онъ въ походѣ, гдѣ-то у Дуная, воюетъ съ турками... Изъподъ Кагула писалъ онъ, что живъ и здоровъ, впредь уповаетъ на Бога, сражался съ турками три раза, видѣлъ смерть въ очи и не получилъ ни одной царапинки; а въ послѣднюю ночь ходилъ съ казаками добывать языка подъ Кагуломъ и добылъ. Еще шутитъ въ письмѣ, пишетъ, что его поцѣловала кагульская красавица Маріула и сказала, что онъ никогда не забудетъ ея поцѣлуя. А въ концѣ письма прибавилъ, такой милый шутникъ! что цыганка эта, Маріула, сѣдая и страшная старуха, которую казаки и зарубили... Ухъ, какъ страшно должно быть... А онъ суженый, пишетъ, что цѣлуетъ Ларисины ручки пухленькія съ красными ноготочками, каждый пальчикъ и ладонки Ларисины цѣлуетъ... Такъ и горятъ ладони отъ этихъ словъ! А съ тѣхъ поръ не писалъ. Да можетъ быть потому, что тамъ вездѣ стоятъ карантины отъ этой моровой язвы и письма пропускаютъ оттуда съ трудомъ. И послѣднее письмо было все истыкано чѣмъ-то и пахло, не то уксусомъ, не то камфорой...

Что-то съ нимъ теперь? Думаетъ ли онъ о своей суженой, о своей Ларинькѣ? Или ужъ спитъ?

И дѣвушка все пристальнѣе и пристальнѣе всматривается въ непроглядную даль, выступающую позади зеркала. Даже глазамъ больно становится... И жутко, и страшно гадать, а все тянетъ...

А изъ темени зеркала точно въ самомъ дѣлѣ выглядываетъ что-то знакомое, милое, такъ тускло, тускло, тускло видится, но такъ явственно говоритъ сердцу... Это онъ глядитъ, суженый, въ красивомъ новомъ военномъ камзолѣ, въ своей треугольной шляпѣ, изъ-подъ которой виднѣются свѣтлорусые кудрявые волосы, оканчивающіеся небольшою косою, по тогдашнему, по военному... Суженый смотритъ такими любящими глазами, какъ тогда, когда... ухъ! чуть сердце не выпрыгнуло...

Скоро онъ самъ пріѣдетъ, и тогда свадьба, можно свадьбу сыграть тотчасъ послѣ святокъ... Вотъ его товарищи, говорятъ, ужъ воротились. Слышно, что пріѣхали Рожновъ и Грачевъ, только захворали, простудились что ли въ дорогѣ и лежатъ въ военной гошпитали, никуда еще не ходятъ... А вотъ няня Пахомовна обѣщала сегодня вечеромъ сходить къ нимъ и узнать о Сашѣ, скоро ли онъ пріѣдетъ...

На улицѣ шумятъ «святошники», ряженые, ходятъ до поздней ночи, хохотъ пѣсни, имъ весело...

Какъ у мѣсяца золотые рога—
Таусень!

И Ларисѣ скоро будетъ весело... Скоро придетъ няня и скажетъ, что онъ къ Крещенію пріѣдетъ, а до Срѣтенія можно будетъ и свадьбу сыграть... Жарко становится. Горитъ лицо, глаза горятъ ожиданьемъ и счастьемъ, теперь счастье берется взаймы, а тамъ отдастся долгъ... Даже уши горятъ... А грудь-то, грудь какъ колотится подъ сорочкой... подожди, не колотись даромъ, не на е г о груди... А сердце-то замираетъ, Господи!.. Сколько счастья у человѣка, непочатой край счастья, пока онъ... не знаетъ...

Дѣвушка прислушивается. Кто-то тихонько поднимается по деревянной лѣстницѣ въ мезонинъ, къ комнатѣ гадающей невѣсты. Невѣста узнаетъ знакомые шаги старой няни. Это Пахомовна идетъ, «Пахонина», какъ ее Лариса называла маленькою... Боже! Пахонина несетъ радостную вѣсточку! Она видѣла глаза тѣхъ, которые еще недавно смотрѣли въ ясные голубые глаза е г о, Саши, въ глаза суженаго... Счастливая няня!

Но и гадающая невѣста предвкушаетъ такое же счастье, и она сейчасъ увидитъ добрые старые глаза Пахомины, которые только что сейчасъ смотрѣли въ другіе глаза, а эти другіе глаза смотрѣли недавно въ е г о глаза, въ глаза суженаго, котораго и конемъ не объѣдешь, зачѣмъ объѣзжать! И дѣвушка сейчасъ-сейчасъ, вотъ сію минуту увидитъ глаза самого суженаго, Саши ненагляднаго...

Но какъ она долго ковается тамъ на лѣстницѣ, старая! Не знаетъ, что ее тутъ дрожжма ждутъ, всю душеньку расхлебенили, ждутъ-недождутся... А она тамъ, старая, шаркаетъ своими старыми ногами, шамкаетъ, охаетъ... За ручку двери берется... Вотъ она, наконецъ!..

Но что съ ней? Она на ногахъ не стоитъ... Пьяная, что ли?

— Охъ! Гадаетъ голубушка... объ е м ъ...

— Няпюшка! Что-жъ ты!.. Была?

— Охъ!.. Была.

— Что-жъ, видѣла?

— Охъ, ластушка моя...

— Да что съ тобой?

Дѣвушка вскакиваетъ и подбѣгаетъ къ старухѣ, отстраняя руками растрепавшіяся косы... На старухѣ лица нѣтъ, глаза заплаканы, подбородокъ трясется, руки къ чему-то судорожно прижимаются на груди...

— Что ты, няпюшка, Богъ съ тобой! Больна что-ли? Устала?

— Охъ, ластушка барышня... и сказать-то не умѣю... и рѣчей-то у меня никакихъ нѣтъ...

И старуха со слезами припала къ похолодѣвшимъ рукамъ своей вскормленницы...

Тутъ только дѣвушка почувствовала, что ее ожгло что-то, и огнемъ, и льдомъ ожгло... Кусокъ льду къ сердцу подкатился... Изъ-за зеркала вышла темень и упала завѣсой передъ глазами, потемнѣло въ глазахъ, а изъ души искры брызнули, освѣтили что-то страшное, невѣдомое, невыговоримое словомъ...

— Говори!.. Охъ, говори!

— Матушка барышня, не вымолвлю... отсохни языкъ...

— Убили его, въ полонъ взяли?

Говоря это, дѣвушка машинально опустилась на колѣни,

какъ бы умоляя о пощадѣ... Старуха дрожащими руками вынула изъ-за пазухи роковой образокъ-медальонъ...

— Вонъ... прислалъ голубчикъ... волоски тутъ...

Дѣвушка, схвативъ образокъ, видимо, не понимала, что же такое дѣлается вокругъ... Старуха качалась на мѣстѣ, словно бы безмолвно причитая по комъ... Дѣвушка все поняла...

— Не въ полону... не убили... самъ прислалъ... Такъ умеръ?

— Переставился...

Дѣвушка ничего больше не сказала. Она, шатаясь, подошла къ столу, на которомъ за минуту передъ тѣмъ гадала о своемъ суженомъ и даже видѣла его, тихо опустилась на стулъ, безсмысленно глядя на медальонъ, и молчала...

— Волоски-то какіе, шелковые... цѣлая прядочка,—шептала старуха, попрежнему качая головой.

Дѣвушка спокойно открыла медальонъ, спокойно! тихое спокойствіе бываетъ или передъ безумiемъ, или передъ смертью... Она знала, какъ открывать финифтяную крышечку... Открыла... увидала...

— И ленточкой синенькой перевиты волоски,—продолжала торзать старуха.

Да, подъ финифтью лежала прядь волосъ, свитая кольцомъ и перехваченная голубой ленточкой... длинные, бѣлокурые волосы, словно отъ дѣвичьей косы... А старуха причитала!

— Я всю дорогу цѣловала ихъ, плачучи... Голубчикъ мой!.. Какъ и кстили его, я мамкой была, такъ и тогда, какъ попъ въ купель волоски-то его съ вощечкомъ бросилъ, я выняла ихъ, спрятала... Бѣленьки, какъ вотъ и эти... А твои-то, сердешная моя, волоски черненьки... Я и тебя кормила, отъ ихъ отошла тогда къ вамъ... три годочка тогда ему было, какъ тебя-то кстили... Я и твои волоски въ ту пору спрятала, вмѣстѣ лежатъ у меня. Думала я тогда, глупая, что невѣсту ему, бѣдному вскормлю... Вотъ и вскормила на горе, на слезы горькія... Обѣихъ-то я васъ, горемычная, вскормила, да только счастья-доли у Бога не вымолила...

Дѣвушка, наконецъ, зарыдала, упавъ головой на столъ...

— Плачь, дитятко, плачь, бѣдное... Слезы льются—горько, а не льются — горше того... Выкатится слеза, высохнетъ, а не выкатится, камнемъ на сердце падетъ...

И дѣвушка плакала, выкатывала слезы-камни, которые къ

сердцу прижимали... «О! зачѣмъ я родилась! зачѣмъ не умерла раньше его!»

Изъ боковой двери, ведущей въ сосѣднюю комнату мезонина, выглянуло испуганное лицо юноши, почти мальчика. Это былъ братъ плачущей дѣвушки, который спалъ въ другой комнатѣ.

— Что случилось, нянюшка? Объ чемъ сестра плачетъ?

— Охъ, горе у насъ, батюшка баринъ... и-и-хи-хи какое горе!

— А что же такое? Говори... Лара! Что случилось?

Дѣвушка еще горше заплакала, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и не поднимая головы отъ стола. Юноша растерялся...

— Да что же, развѣ въ домѣ что случилось?

— Нѣтъ, батюшка... Александръ Андреичъ померъ...

— Какъ? Гдѣ? Когда?

— Тамъ, батюшка, на войнѣ... Пріѣхалъ оттуда Грачевскій молодой баринъ, вѣсти эти горькія привезъ, да и волоски отъ его на память мертвые отрѣзалъ...

— А чѣмъ онъ умеръ?

— Да вотъ этой самой, сказываютъ, хворобой, что и въ Кіевѣ лѣтось люди мерли...

— Моровой язвой? Что ты?

— Моровой, батюшка, моровой, точно... солдатикъ ихній сказывалъ...

— И это волосы отъ мертваго? — съ ужасомъ спросилъ юноша.

— Точно, батюшка, отъ покойничка...

Юноша взглянулъ на столъ и, увидавъ раскрытый медальонъ съ прядью волосъ, лежавшій недалеко отъ головы дѣвушки, которая судорожно плакала, бросился къ сестрѣ, схватилъ ее за голову и силою поднялъ отъ стола...

— Лара! Ларочка!.. И ты трогала эти волосы? — спрашивалъ онъ задыхающимъ голосомъ.

Дѣвушка упала было ему на грудь своей бѣдной головой, но юноша съ ужасомъ отскочилъ отъ нея...

— Она трогала волосы? Говори, нянька! — отчаянно допрашивалъ онъ.

— Нѣту... нѣту, батюшка, барышня не трогала ихъ... Я только ихъ цѣловала всю дороженьку...

— Да ты съ ума сошла! Ты насъ всѣхъ погубишь!

— Чѣмъ же, батюшка баринъ, я васъ погублю? — наивно спрашивала старуха.

— Да ты заразилась ужъ...

— Что ты, баринъ, пустое говоришь! Отъ мертвыхъ-то волосиковъ... да и скончался-то онъ, батюшка, еще лѣтось, за тридевять земель. Отчего тутъ заразѣ быть?

Юноша отчаянно махнулъ рукой и подошелъ къ сестрѣ.

— Ларочка! Няня говоритъ, что ты не дотрагивалась до этихъ волосъ,—(и онъ со страхомъ указалъ на медальонъ)... — Ради Бога, заклинаю тебя! не прикасайся къ нимъ... Дай, я ихъ тотчасъ же сожгу...

Эти слова заставили опомниться дѣвушку.

Она схватила брата за руку.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не трогай ихъ.. Я хочу съ ними въ гробъ лечь, — плакалась несчастная.

— Да въ нихъ зараза, смерть...

— Смерть... о! А зачѣмъ мнѣ жизнь?

— Глупости, Ларочка! Да если и хочется тебѣ умереть, такъ зачѣмъ же насъ всѣхъ со свѣту гнать? А, вѣдь, отъ тебя мы заразимся всѣ. Намъ Шафонскій читалъ объ этой болѣзни. Это такая проклятая зараза, что она пристаетъ къ здоровому не только отъ больного, когда къ нему дотронуться, но отъ его и платья и отъ всѣхъ вещей, которыя у него были. Оттого послѣ умершаго всю одежду сожигаютъ, а золотыя и серебряныя вещи или моютъ въ растворѣ такомъ особомъ, либо окуриваютъ особымъ порошкомъ... Дай же, Ларочка, я хоть окурю эту мерзость, у меня есть порошокъ... А къ нянькѣ ты не смѣй и дотрогиваться... — Потомъ, обратясь къ старухѣ, юноша сердито сказалъ: — А ты старая дура, убирайся сію же минуту изъ нашего дома... Вонъ! Чтобъ и нога твоя не была тутъ, пока не пройдетъ мѣсяцъ-два, и пока тебя не продержутъ въ опасной больницѣ... Уходи сейчасъ же, а то я кочергой вытолкаю и кочергу въ огонь брошу... Уходи прочь, прочь!

— Уйду... уйду, батюшка, — обидчиво сказала старуха, утирая слезы. — Вотъ за всю-то мою службу награда, словно собаку бѣшеную гонятъ... Уйду... Прощай, барышня голубушка...

Дѣвушка ничего не слыхала... Она, припавъ головой къ

столу, тихо плакала. А за окномъ, на улицѣ выкрикивали женскіе голоса:

Что у мѣсяца рога...
Та—а—а—авсень... та—а—а—усень.

Москва не предчувствовала еще ничего и веселилась. Не веселились только тѣ, у кого было личное горе.

VI. «Чума по Москвѣ ходитъ».

Спитъ Москва богатырскимъ сномъ, не знаетъ, не видитъ, что въ ней творится. Не видятъ люди, такъ видятъ птицы.

Вонъ на Пречистенкѣ, у церкви священномученика Власія, ранымъ-ранехонько, вокругъ чего-то распростертаго среди улицы попрыгиваютъ голодные воробышки, чирикая съ холоду и напрасно ища на промерзлой землѣ какого-нибудь зерна, оброненнаго человѣкомъ... Но скупъ человѣкъ не роняетъ ни одного зерна даромъ, хоть и тратитъ милліоны и тьмами темъ... Ничего не остается маленькому воробышку...

А это что-то большое распростертое на землѣ, лежитъ, не двигается. Должно быть пьяный человѣкъ, кому же другому придетъ въ голову лежать посреди улицы на мерзлой землѣ въ такую раннюю пору?

Да человѣкъ. Московскимъ воробьямъ это очень хорошо вѣдомо. Вонъ на масляницу сколько, бывало, пьяныхъ валяется по улицамъ, и никто ихъ не убираетъ, потому широкая масляница...

И воробьи попрыгиваютъ около пьянаго, боясь, однако, близко подойти къ нему. А какъ проснется да схватитъ? Нѣтъ, надо осторожнѣе къ нему подбираться...

Вонъ и ворона съ крыши священномученика Власія зорко глядитъ на это что-то распростертое на землѣ. У вороны зрѣніе лучше воробьинаго, должно быть: а и то сказать, ворона птица наметаная, понаметаннѣе воробья. Она мастеръ распознавать пьянаго человѣка отъ мертваго. Не такъ лежитъ это что-то распростертое на землѣ, чтобы признать его за пьяницу; не такъ смотрятъ въ морозное небо открытые, остеклѣлые глаза; не живымъ смотритъ это синее съ багрово-черными пятнами лицо, безмолвно посылающее къ безотвѣтному небу свою мертвую

укоризну; не шевелятся отъ дыханія заиндевѣвшіе на усахъ, на бородѣ и на открытой головѣ посѣдѣвшіе морозною сѣдиною волосы...

Да, не пьяный это человѣкъ мертвецки спитъ, а мертвый спитъ сномъ вѣчнымъ.

Ворона слетаетъ съ крыши и садится около этого чего-то распростертаго на землѣ. Воробьи съ испугомъ отскакиваютъ отъ этой большой черной птицы, отъ этого крылатаго чудовища. Для маленькаго воробья и ворона кажется чудовищемъ, великаномъ, все на свѣтѣ относительно...

Ворона осторожно и пытливо попрыгиваетъ около этого чего-то распростертаго на землѣ. Воробьи тоже робко, одинъ за другимъ, подскакиваютъ къ занимающему ихъ предмету, а тамъ все смѣлѣе и смѣлѣе, — и вотъ уже подергиваютъ своими маленькими носиками лежащаго на землѣ человѣка то за полу кафтана, то за рукава... И ворона становится смѣлѣе: она вскакиваетъ на грудь мертвому и заглядываетъ ему въ остеклѣлые глаза... У! какъ любопытно и страшно!.. Для птицы, какъ и для всякаго животнаго, нѣтъ ничего страшнѣе человѣческихъ глазъ—страшны они иногда и для самого человѣка — ухъ, какъ страшны.

И воронѣ страшно этихъ глазъ—хоть и мертвые они, но все же смотрятъ... Надо заставить, чтобъ они не смотрѣли, надо ихъ выклевать... Оттого птицы раньше всего выклевываютъ у мертвецовъ очи — такъ и «орлы сизокрыльцы» у казаковъ прежде всего «очи изъ лба выдирали»...

И ворона робко пробирается по груди человѣка къ его лицу, къ его страшнымъ, обращеннымъ къ небу глазамъ... Вотъ она ужъ у самаго лица... ноги ея путаются въ заиндевѣвшей бородѣ...

И ворона разомъ долбонула въ мертвый, замерзшій глазъ и тотчасъ же слетѣла съ трупа. Разсыпались и воробьи: страшно, у вороны такія большія крылья. Ворона опять на груди мертвеца. Съ груди перескакиваетъ на голову, на лобъ... Опять долбанула, разъ-два-три... долбитъ усердно, жадно...

Изъ переулка выбѣгаетъ собака и, увидавъ лежащаго человѣка, останавливается въ нерѣшительности. Ворона улетаетъ на крышу, воробьи отскакиваютъ далеко... Собака начинаетъ лаять нерѣшительнымъ лаемъ, громче, рѣшительнѣе, тотъ по

шевелится... Собака начинаетъ обходить пьянаго кругами... А если вдругъ проснется да камнемъ или комомъ мерзлаго снѣгу хватитъ?.. Собака труситъ...

Изъ-за угла показывается старуха съ корзинкой. Старость плохо спитъ, не спалось ночь и этой старухѣ. И вотъ она ни свѣтъ, ни заря плетется на рынокъ, хоть на рынкѣ еще и собаки-то рѣдкія проснулись послѣ ночного служебнаго лаянья на воздухъ да на луну.

Видитъ старуха, лежитъ человѣкъ на улицѣ... Пьяный, должно полагать... Кому же другому быть, какъ не горькому пьяницѣ?

— О-о-хо-хо! Грѣхи-то какіе! — печалуется старуха. — Для великаго-то поста эдакое-то дѣло. Владычица Матушка!

Останавливается старуха и укоризненно качаетъ головой... Что качаешь! На свою могилу качаешь... Собака около старухи увивается.

— Да ужъ не замерзъ ли пьяненькой-то, матушки мои!— пугается старуха. — Лежитъ, не шелохнется...

Подходитъ старуха, всматривается, и собака подбѣгаетъ, лаетъ смѣло, рѣшительно...

— Такъ и есть замерзъ... Охъ, матушки!

Еще бредетъ старуха. А тамъ старикъ, бабьимъ платкомъ повязанный, костыляетъ... Нѣту сна жалкой старости, гуляетъ сонъ съ молодыми, а старость мается, не спитъ, охаетъ, бродитъ, свою жизнь молодую вспоминая да въ свою могилу заглядывая...

Собирается старость около мертваго. А онъ лежитъ безъ шапки, въ распахнутомъ кафтанѣ, безъ сапогъ, въ однѣхъ шерстяныхъ вязанкахъ... Подходятъ ближе...

— Да никакъ это Кузьма Ивличъ, спаси Господи! — пугливо говоритъ первая старуха.—Да онъ человѣкъ непьющій... Матушки! Что съ нимъ сподѣялось! Ужъ не убитъ ли?

— Убитъ, поди, ограбленъ,—отвѣчаютъ другіе.

— Вонъ и сапоги-то сняты, и шапка скрадена.

Все больше собирается народу. Живые люди увидали мертваго человѣка и глядятъ, ахаютъ!.. Каждый день мрутъ люди, и люди все не могутъ привыкнуть къ этому, все это кажется для нихъ страшною, неожиданною новостью... Да, это старая исторія и вѣчно новая... Старая пьеса, не сходящая съ

подмостокъ жизни вотъ уже тысячелѣтія, и все-таки потрясающая человѣчество.

— Да это никакъ, язвенный, братцы!—заявляетъ кто-то изъ собравшихся.—У насъ на Суконномъ дворѣ эдакихъ ужъ много померло, сказываютъ, отъ моровой язвы...

Толпа при этихъ неожиданныхъ словахъ пятится назадъ отъ страшнаго трупа.

— Язвенный, это точно—подтверждаетъ другой суконщикъ...

Суматоха увеличивается, являются, наконецъ, и уличные полицейскіе, которые въ Москвѣ всегда тяжелы на подъемъ, а сто лѣтъ назадъ, и Господи! это были какіе-то ходячіе Морфеи, которые, подходя и постоя, спали, если не грызли сѣмячекъ или орѣховъ, безденежно получаемыхъ ими со всякаго лотка, со всякой лавочки.

— Стой! Не подходь къ мертвому тѣлу! — кричитъ полицейскій, размахивая варежкой.

— Подымать мертвое тѣло долженъ лѣкарь съ поручикомъ,—подтверждаетъ другой въ деревянныхъ кеньгахъ на валенкахъ.

— Такъ бѣги живой рукой, оповѣсти начальству,—приказываетъ варежка...

Кеньги бѣгутъ «живой рукой», пряча въ карманъ горсть сѣмячекъ, которыя они не успѣли сгрызть до открытія мертваго тѣла. Варежка остается около трупа, важно глядя на народъ и съ укоризной на мертваго.

— Ишь облопался для великаго-то поста—ворчитъ варежка.

— Не облопался... ишь, облопался! — огрызается суконщикъ.—Онъ, чу ли, язвенный.

— Что ты врешь, дурова голова! Гдѣ у насъ быть язвеннымъ!—защищаетъ чистоту своей Москвы полицейская варежка.

— Гдѣ быть! У насъ на Суконномъ дворѣ... Вонъ намедни и гошпиталь спалили на Веденскихъ горахъ, гдѣ язвенные померли.

— Такъ-такъ, родимый, сама я своими глазыньками видѣла,—подтверждаетъ старуха съ корзинкой.—Подпалили это ее, шпиталь-ту эту, начальнички сами, лѣкаря да солдатушки—ну, и взялось полымемъ... такъ свѣчкою и сгорѣла... А изъ

полымя-то изъ самово, мать моя, о н а, язва-то это моровая, совой птицей вылетѣла...

— Что ты, бабушка!—ахала баба въ мужниной шапкѣ,—совой птицей?

— Совой, касатая дѣвынька... Да эдакъ крыльями-то махъ, махъ, махъ... Да тэкъ съ дымомъ и улетѣла на Воробьевы горы.

— Охъ, страхи каки!

— Ужъ таки-то страхи, касатая, таки страхи!.. А у совы-то глазищи, у этой язвы-то самой, у-и каки! во!

— Такъ какъ же, бабунька, сова, значитъ, опять въ Москву прилетѣла съ Воробьевыхъ горъ? — любопытствутъ баба въ мужниной шапкѣ.

— А поди и прилетѣла, проклятая...

— Ахъ, батюшки! Свѣты мои!

— Да ты что, дѣвынька, въ шапкѣ-то?—въ свою очередь, любопытствуетъ старуха.

— Да мой-отъ загулялъ, баунька, боюсь, пропьетъ.... Я и вздѣла на себя.

Въ толпѣ говоръ необычайный. Слышутся то «горячка», то «перевалка»; но чаще и чаще звучитъ «моровая язва». Слышны голоса, отрицающіе язву, слышны голоса и за язву.

— Аще же разсыпася язва по ризѣ, или по пряденѣ, или по крокахъ, да сожжетъ ризу,—ораторствуетъ знакомый голосъ «гулящаго попика»,—и да отлучитъ жрецъ язву на седмь дней, глаголетъ Господь.

— А ты толкуй, муховъ окорокъ!—слышится ревъ дѣтины изъ Голичнаго ряда.

— Да толкуй! Вонъ намедни, на святкахъ еще померла у святово Миколы Чудотворца, что словетъ въ Кобыльскомъ, нянюшка господъ Атюшевыхъ, лѣкаря Атюшева дочки Ларисы бывая кормилка, я и хоронилъ ее съ отпускомъ... А помре она раба Божія тако: привезли изъ полку, изъ турецкой земли ладонку послѣ скончавшагося тамо моровою язвою сержанта Перекурова, привезли оную ладонку Атюшевой Ларисѣ, съ коею былъ помолвленъ оный, скончавшійся моровою язвою сержантъ Перекуровъ. А въ ладонкѣ той были волосы отъ того Перекурова... И тѣ власы та нянюшка господъ Атюшевыхъ, рекомая Пахомовна, по простотѣ своей и невѣдѣнію лобызала, понеже тотъ Перекуровъ, что отъ язвы въ турецкой землѣ скончался,

тако же какъ и Лариса Атюшева, былъ вскормленъ опою приспоминаемою рабою Божіею Пахомовною. А та Пахомовна, какъ занемогла, лежала у сторожа церкви Миколы Чудотворца въ Кобыльскомъ и отъ онаго, по родству съ нѣкіимъ суконщикомъ, была привезена имъ на Сукопный дворъ, гдѣ язвою той и скончалася... И отсюда она язва по Москвѣ пошла: первымъ дѣломъ скончалася вся семья церковнаго сторожа святого Миколы Чудотворца въ Кобыльскомъ, я и напутствовалъ ихъ, а за ними язва пошла и по Суконному двору, а съ Суконнаго двора и на Москву перешла...

Разглагольствованія «гулящаго попика» были прерваны пріѣздомъ лѣкаря и полицейскаго поручика. Завидя сани съ начальствомъ, толпа разступилась. Изъ саней первымъ выскочилъ небольшой кругленькій человѣкъ въ ергакѣ и въ мѣховой шапкѣ съ ушами. Это былъ лѣкарь. За нимъ вывалился полицейскій поручикъ. Пріѣзжіе подошли къ трупу...

— Те-те-те! Старая знакомая... молдаваночка... Она, она, узнаю голубушку. Ишь, шельма, куда затесалася. Мы отъ нея, а она за нами,—говорилъ лѣкарь, разводя руками.—Это, батенька, она, сучья дочь, незванная гостья къ вамъ пожаловала; рады не рады, принимайте,—обратился онъ къ полицейскому поручику.

— Не можетъ быть, господинъ докторъ!—испуганно не соглашался тотъ.—У насъ все, кажись, чисто... Да и карантены охраняютъ Москву...

— Такъ-то они, батенька государь мой, охраняютъ... Да за нею, шельмою, и не углядишь... Вонъ въ Кіевѣ нѣкій Васькакотъ, большой ферлакуръ и петиметръ, махался, государь мой, съ нѣкоею прекрасною кошечкой... Василій-то Васильевичъ, государь мой, жилъ на Горахъ, его прекрасная матреса на Подолѣ. А па Подолѣ-то, государь мой, была моровая язва, а па Горахъ-то ее не было, черезъ рогатки не пущали... Такъ Васенька-то махаючись съ своею матресою по крышамъ, да по чардакамъ чумныхъ домовъ, гдѣ развѣшивалось язвенное бѣлье, и занесъ заразу на Горы... Какъ донесли, государь мой, о семъ ея императорскому величеству, такъ они изволили и ручками развести...

Толпа попадвинулась. Веселый лѣкарь ее поободрилъ. Но лѣкарь обратился къ толпѣ:

— А вы, голубчики, подальше отъ этого покойничка... Онъ изъ такихъ, что вскочитъ и погонится за вами.

Толпа шарахнулась назадъ. Бабы заахали.

— А вы, батенька,—обратился лѣкарь снова къ полицейскому, — прикажите берегчи, у! наибережнѣе, сего новопреставленнаго раба Божія, имя рекъ, баграми стащить на съѣзжій дворъ пока, да произвести дознаніе, что и какъ... да ни-ни-ни! волоса его не троньте, подальше отъ него... А тамъ мы распорядимся. Я же повиненъ, государь мой, неупустительно доложить о семъ, какъ его сіятельству, господину московскому главному начальнику, генералъ-фельдмаршалу графу Петру Семеновичу Салтыкову, такъ и матушкѣ государственной медицинской коллегіи конторѣ самолично... А вамъ, батенька, совѣтую непомедлительно заѣхать въ первую аптеку да спросить тамъ нѣкоего иру, такой корешокъ есть, иромъ называется, ирный корень, да и держать его всегда во рту, когда вамъ придется возиться съ сумнительными больными, да и полицейскимъ служителямъ, кои около сего почтеннаго мужа (онъ указалъ на распростертый на землѣ трупъ) обхожденіе по службѣ имѣть будутъ, дайте въ зубы, государь мой, по ирному корешку и посовѣтуйте имъ замѣнить подсолнуховыя сѣмена, до коихъ ваши полицейскіе чины большіе охотники, ирнымъ корешкомъ... Корешокъ преполезный, вкуса и запаха преотмѣннаго... А засимъ, государь мой, счастливо оставаться и съ прекрасною молдаваночкою не встрѣчаться...

И взявъ перваго попавшагося извозчика, веселый докторъ велѣлъ везти себя прямо къ московскому главному начальнику, къ графу Салтыкову. Въ веселомъ докторѣ читатель, вѣроятно, узналъ того милаго человѣка на ватѣ, который пользовалъ, на привалѣ у Прута, нашего чумного сержанта Сашу и увѣрилъ, что смерть на чистенькой подушечкѣ въ лазаретѣ, а не на перевязочномъ пунктѣ, малина, а не смерть. Это былъ штабъ-лѣкарь Крестьянъ Крестьяновичъ Граве, русскій нѣмецъ, совсѣмъ обрусѣвшій милый человѣкъ, вѣчно бодрый и неутомимый, всегда веселый, несказанно любимый солдатами и офицерами, но самъ не любившій только перевязочныхъ пунктовъ и «главнаго мясника», какъ онъ называлъ полкового хирурга, за то что хирургъ отнималъ у его любимыхъ солдатиковъ «ручки и ножки», и все равно потомъ зарывалъ ихъ въ землю, только «калѣ-

ками»... Это заставило его выйти въ отставку и разстаться съ своими милыми солдатиками, которые за доброту, ласковость и геройское самопожертвованіе любимаго лѣкарька своего переименовали его изъ Крестьяна Крестьяновича въ «Христосъ Христосыча»... На его рукахъ солдатъ всегда умиралъ съ улыбкою на устахъ, съ облегченнымъ сердцемъ, съ вѣрою въ людскую доброту...

— Ишь веселый какой баринъ!—галдѣла толпа вслѣдъ удалявшемуся доктору.

— А доберъ, кажись, пра, доберъ...

— Котъ, слышь, въ Кеивъ язву занесъ... Отъ кота этого, бестіи, моръ и по свѣту пошелъ. Эко, Господи...

Салтыковъ, крупная историческая личность, доживалъ свой вѣкъ на почетѣ, въ званіи главнокомандующаго Москвы. А когда-то, очень-очень давно, онъ былъ дѣйствительнымъ главнокомандующимъ — командовалъ войсками въ кровопролитныхъ битвахъ съ страшнымъ Фридрихомъ Великимъ и побѣждалъ страшнаго Фрица... Но это было такъ давно, такъ далеко, что и самому Салтыкову стало уже казаться, что этого не было вовсе, что это о немъ такъ только разсказываютъ льстецы и искатели. Да и было ли оно въ самомъ дѣлѣ это золотое, за тридевять земель улетѣвшее время? Не былъ ли это сонъ, мечтаніе сладкое? Была ли когда-нибудь эта молодость дивная, которая только во снѣ теперь пригрезиться можетъ? Было ли, полно, это голубое небо, какимъ оно представляется въ сояніяхъ старческихъ? И если было все это, то зачѣмъ прошло, падучею звѣздою по небу прокатилося? Зачѣмъ отъ всего, отъ славы и молодости, осталось только подагра, да почечуй, да глухота, да слѣпота? Куда дѣвались арміи, которыми онъ когда-то командовалъ? Перемерли, перебиты, превратились въ инвалидовъ, гніютъ по кладбищамъ, да по гошпиталямъ, кто безъ руки, кто безъ ноги, кто безъ головы... А когда-то, кажись, и головы были... И самому ему, славному побѣдителю непобѣдимаго Фридриха, кажется иногда, что и у него головы ужъ нѣтъ, пропала, пропала, осталась тамъ гдѣ-то на поляхъ славныхъ битвъ.... То была голова въ лаврахъ... Охъ, молодость, молодость! Куда все это дѣвалось? Куда все это закатилось?..

Такъ думается иногда старому графу въ долгія безсонныя ночи... И куда сонъ дѣвался? На поляхъ битвъ что ли остался

опъ, съ запахомъ ли пересохшихъ лавровъ отлетѣлъ, испарился?.. Проклятое время!..

А теперь графъ занятъ дѣлами по управленію первопрестольнымъ градомъ Москвою. Его сіятельство елико возможно бодрится, принимая съ докладомъ господина бригадира и московскаго оберъ-полицмейстера Николая Ивановича Бахметева, который, вытянувшись въ струнку, рапортуетъ, что на Москвѣ все обстоитъ благополучно: на Пречистенкѣ двухъ армянъ зарѣзали, на Стрѣтенкѣ купца убили, въ Голичномъ ряду семнадцать лавокъ подломали, у Андронья пьяный пономарь колоколъ разбилъ, у Николы въ Кобыльскомъ икона плакала, у генерала Ѳедора Иваныча Мамонтова борзая сука тремя щенками ощенилась и всѣ съ глазами. Его сіятельство, благосклонно улыбаясь и посыпая мимо носа бѣлый пикейный жилетъ табакомъ изъ массивной жалованной табакерки, ласково выслушиваетъ донесеніе господина оберъ-полицмейстера, при каждомъ свѣдѣніи киваетъ головой въ знакъ одобренія и только при послѣднемъ извѣстіи оживляется.

— Какъ, государь мой, и всѣ съ глазами!

— Съ глазами, ваше сіятельство!

— Такъ съѣзди тотчасъ къ Ѳедору Ивановичу, попроси для меня одного.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство.

— Да, смотри, не простуди его, подъ камзоломъ укрой...

Оберъ-полицмейстеръ клапяется... Тутъ же въ кабинетѣ около графа возится нѣсколько собакъ, которыя со всѣхъ сторонъ обнюхиваютъ господина оберъ-полицмейстера, а оберъ-полицмейстеръ имъ дружески улыбается. У камина передъ развалившейся на коврѣ ожирѣвшей сукой почтительно стоитъ лакей въ графской ливреѣ и предлагаетъ сукѣ на серебряномъ подносѣ сухари въ сливкахъ. Сука лѣниво отворачивается.

— Такъ вы, государь мой, утверждаетесь на томъ, что у меня на Москвѣ моровой язвы не будетъ?—обращается графъ къ почтенному, въ богатомъ камзолѣ гостю съ краснымъ лицомъ и жирнымъ подбородкомъ, сидящему поодаль и слѣдящему глазами за ухаживаніями лакея передъ капризной сукой.

— Утверждаюсь, ваше сіятельство, — увѣренно отвѣчаетъ господинъ съ жирнымъ подбородкомъ.

— А я ужъ было за собачекъ моихъ испугался,—говоритъ графъ, посыпая себя табакомъ.—Да и по сей часъ, государь мой, я не покоенъ за нихъ... Вотъ у бѣдной Флоры совсѣмъ аппетитъ пропалъ, ничего не кушаетъ, боюсь, не занемогла бы (графъ указываетъ глазами на капризную суку)... А все эти холопы не берегутъ ихъ...

— Да помилуйте, ваше сіятельство, Флора нынче изволили на поварнѣ двухъ рябчиковъ скушать,—защищается лакей.— Онѣ не голодны.

— То-то, не голодны! Коли что случится, запорю, въ Сибирь сошлю, въ кандалахъ сгною... Такъ не бояться мнѣ за моихъ собачекъ, господинъ докторъ? (это къ господину съ жирнымъ подбородкомъ).

— Не извольте опасаться, ваше сіятельство.

— Моровой язвы нѣту?

— Завѣрительно могу свидѣтельствовать предъ вашимъ сіятельствомъ, что таковой нѣтъ.

Графъ жуетъ губами, посыпаетъ табакомъ жилетъ и что-то припоминаетъ.

— Вспомнилъ... А въ гофшпиталѣ, государь мой, что на Веденскихъ горахъ, гдѣ вмѣстѣ съ язвенными былъ запертъ докторъ Шафонскій?

— Тамъ, ваше сіятельство, болѣзнь прекратилась, и гошпиталь сожжена.

— Какъ сожжена, государь мой? Кѣмъ? Кто поджигатель?

— Гошпиталь сожжена по приказанію вашего сіятельства.

Графъ въ состояніи столбняка... Табакъ сыплется на полъ... Руки дрожатъ...

— Какъ? Кто смѣлъ?

— Гошпиталь сожжена по высочайшему повелѣнію, ваше сіятельство.

— По высочайшему повелѣнію?.. А-а! Забылъ, забылъ, государь мой... старъ становлюсь... Такъ сгорѣла?

— Сгорѣла, ваше сіятельство.

— А поджигателя поймали?

Всѣ молчатъ... Тяжко видѣть развалину... А Флорка все капризничаетъ, лакей въ отчаяніи...

— Такъ моимъ собачкамъ безопасно можно бѣгать по городу, господинъ докторъ?

— Безопасно, ваше сіятельство.

— Благодарю... А поджигатель гофшпиталя чтобъ былъ пойманъ (это къ оберъ-полицмейстеру).

Оберъ-полицмейстеръ низко кланяется, чтобы скрыть предательскіе глаза.

— Бѣдная бѣдная Флора... аппетитъ совсѣмъ потеряла...

— Обожралась,—ворчитъ лакей себѣ подъ носъ.

— Такъ моей Москвѣ не грозитъ опасность, господинъ докторъ?

— Ни съ которой стороны, ваше сіятельство.

— Благодарю, благодарю... А то я все за своихъ собачекъ боялся... Вонъ пишутъ, яко бы въ Кіевѣ котъ перенесъ заразу въ незараженные кварталы, такъ я и боялся, что и мои собачки могутъ заразиться отъ городскихъ собакъ.

— Не извольте безпокоиться, ваше сіятельство,—успокаиваетъ докторъ, — на сей счетъ будутъ приняты надлежащія мѣры...

— Такъ, такъ, я увѣренъ...

— Извольте сами согласиться, ваше сіятельство, что если мы допустимъ заразу въ Москву, и сіе несчастіе свѣдано будетъ въ другихъ мѣстахъ государства, то изъ того великій ущербъ торговлѣ и всему казенному интересу произойти можетъ, и вы, ваше сіятельство, сего не допустите.

— Не допущу... не допущу! Я стою на стражѣ.

— Такъ, ваше сіятельство, и именитое московское купечество думаетъ: «насъ, говорятъ, батюшка графъ не захочетъ разорить этими карантенами да заставами, онъ добрый»...

— Но я строгъ... очень строгъ... Чтобъ поджигатель былъ пойманъ!..

—Оберъ-полицмейстеръ кланяется еще ниже. Докторъ что-то юлитъ.

— Да притомъ, ваше сіятельство, если застой въ торговлѣ произойдетъ, то сіе ихъ императорскому величеству государынѣ императрицѣ огорченіе причинить можетъ.

— О, да, да, любезный докторъ! Я этого-то и боюсь огорчить всемилостивѣйшую государыню... Чтобъ у меня въ Москвѣ заразы не было,—неожиданно грозно, но какъ-то хрипло, сиповато кричитъ одряхлѣвшій герой къ оберъ-полицмейстеру, ста-

раясь выпрямиться и путаясь въ полахъ своего шелковаго халата.—Чтобъ ни одна собака въ Москвѣ не захворала...

— Слушаю-съ, ваше сіятельство.

— И поджигателя гофшпиталя изловить!

— Слушаю-съ...

— То-то... А щенка-то отъ Мамонова привези мнѣ...

Въ эту минуту графу докладываютъ, что штабъ-лѣкарь Граве испрашиваетъ у его сіятельства аудіенцію по самонужнѣйшему государственному дѣлу. Доктора съ жирнымъ подбородкомъ при этомъ извѣстіи сильно передергиваетъ.

— Просить... просить...—шамкаетъ графъ.—Охъ, не легко управлять Москвой...

Веселый докторъ шарикомъ вкатывается въ кабинетъ графа и останавливается въ изумленіи. Собаки стаей обступаютъ его и, радостно виляя хвостами, бросаются къ ошеломленному добряку. Даже капризная Флора встаетъ и милостиво виляетъ хвостомъ...

— Хе-хе-хе! Сейчасъ видно добраго человѣка,—радостно шамкаетъ графъ.—Сразу собачки мои почуяли честнаго человѣка... Очень радъ... Что прикажете, государь мой?

— Я уже имѣлъ честь представляться вашему сіятельству... Штабъ-лѣкарь Граге, изъ арміи...

— Забылъ... забылъ, государь мой... Дѣла много у меня... Что прикажете?

— Сейчасъ, ваше сіятельство, на улицѣ, у церкви священномученика Власія, найдено мертвое тѣло съ явными знаками моровой язвы, и я счелъ священнымъ долгомъ немедленно довести о томъ до свѣдѣнія вашего сіятельства на предметъ принятія неотлагательныхъ энергическихъ мѣръ.

Графъ пораженъ. Онъ вопрошающе смотритъ то на оберъ-полицмейстера, то на доктора съ жирнымъ подбородкомъ, то на веселаго доктора...

— Что вы! На улицѣ?

— Такъ точно, ваше сіятельство.

Графъ совсѣмъ теряетъ голову и только разводитъ руками. Докторъ съ жирнымъ подбородкомъ смотритъ на веселаго доктора и недовѣрчиво и не совсѣмъ дружелюбно.

Потомъ графъ какъ бы опомнился. Голова его затряслась.

— Какъ же вы докладываете мнѣ, государь мой, что все обстоитъ благополучно! А это что?

Оберъ-полицмейстеръ молчитъ. Докторъ съ жирнымъ подбородкомъ безпокойно переминается съ ноги на ногу.

— Сейчасъ же запереть всѣхъ моихъ собакъ! Принять неупустительно мѣры... А!.. Въ городѣ... на улицѣ... у меня, можно сказать, подъ носомъ, и я не знаю...

Графъ топчется на мѣстѣ. Собаки окружаютъ его, не даютъ двигаться. Флора милостиво подходитъ къ лакею и протягиваетъ морду, чтобы взять сухарь... Она кушаетъ...

— Вотъ вотъ... очень радъ, очень радъ... къ ней аппетитъ возвращается,—радуется графъ.—Ну, такъ что же, государь мой? — обращается онъ съ веселымъ лицомъ къ веселому доктору.

— Чума по Москвѣ ходитъ, ваше сіятельство.

— Очень радъ, очень радъ... къ ней аппетитъ возвращается...

Лакей фыркаетъ. Оберъ-полицмейстеръ прячетъ глаза... Веселый докторъ дѣлаетъ безнадежный жестъ...

— Ты что?—спрашиваетъ графъ лакея.

— Флора, ваше сіятельство, изволили разомъ два куска сглотнуть.

— Очень радъ... очень радъ... Такъ принять мѣры и донести мнѣ... Отпускаю васъ, государи мои... Я усталъ...

Старикъ, дѣйствительно, усталъ... жить... Всѣ отклоняются... Побѣдитель Фридриха Великаго опускается въ кресло... Усталая голова сѣшивается на грудь, нижняя губа падаетъ...

А когда-то голова эта бодро держалась на воловьей шеѣ. Когда-то вокругъ этой шеи обвивались прелестныя ручки, отъ которыхъ осталась горсть, щепоть могильной пыли, щепоть не больше графской понюшки!

Что-то грезится этой поникшей головѣ? Что шепчутъ эти жидкія, отпадающія губы? Вспоминается ли чудная, невозвратная молодость, пора любви, дѣятельности, славы? Проходятъ ли передъ усталыми глазами тѣни товарищей битвъ, молодыхъ друзей, милые образы дорогихъ сердцу, которые давно отошли куда-то и не возвращаются? Не тоскуетъ ли усталый духъ о томъ, что эти ноги не ходятъ, эти глаза не видятъ, это сердце не грѣетъ холодѣющаго тѣла?.. Нѣтъ! Улыбающіяся губы

шепчутъ: «Очень очень радъ... у Флоры опять аппетитъ есть»...

О, безжалостное время! О, проклятая страсть.

VII. Еропкинъ и Амвросій.

До сихъ поръ Москва все еще не подозрѣвала, что чума гнѣздится въ ея стѣнахъ, что страшныя гнѣзда эти, въ формѣ невидимыхъ, неосязаемыхъ, даже необоняемыхъ атомистическихъ міазмъ, она разбросала во всѣ концы города, пересылая ихъ изъ дома въ домъ, изъ квартала въ кварталъ, изъ церкви въ церковь, отъ одной площади до другой, то на немытой рубахѣ фабричнаго, то на грязномъ, истоптанномъ лаптѣ чернорабочаго, то на чапанѣ больничнаго сторожа, то на лопатѣ гробокопателя, копавшаго яму для язвеннаго, то на церковномъ покровѣ, прикасавшемся къ савану покойника, то на животворящемъ крестѣ Господнемъ, къ которому прикасались коснѣющія губы напутствуемаго... Невидимая рука смерти черезъ водосточныя трубы и водоронны пускала эти губительныя гнѣзда заразы на воду, и зараза черезъ питье входила въ живые организмы и въ жизнь вносила смерть. Дружеское пожатіе руки, горячія объятія, поцѣлуй, прощаніе съ дорогимъ покойникомъ—все передавало заразу отъ человѣка къ человѣку, отъ семьи къ семьѣ...

Наступала весна, изъ земли выползала зеленая травка, и травка уже была заражена, въ каждомъ ея нѣжномъ стеблѣ сидѣла ужасающая смерть, потому что на травку эту брызнула капля, одна единственная капля воды изъ сосуда, къ которому прикасались губы язвеннаго...

Солнце начинало грѣть и оживлять землю, природа просыпалась; но каждый лучъ солнца несъ съ собою заразу, потому что подъ живительной теплотой его оживала страшная міазма, придавленная было морозомъ, и цѣплялась за все живое и неодушевленное, что только нечаянно прикасалось къ ней—къ невидимой, неосязаемой, необоняемой...

«Язва разсыпалася», какъ гласила книга Левитъ, разсыпалася по «ризамъ», по «пряденіямъ», по «крокамъ», по всей землѣ, по людямъ, по всей природѣ. Это была та страшная язва, которую ветхозавѣтный Богъ, въ гнѣвѣ своемъ, насылалъ когда-то на Египетъ за угнетеніе народа Божія...

А Москва все еще не могла уразумѣть этого...

— Богъ наслалъ на насъ язву за грѣхи наши,—задумчиво говорилъ Амвросій собесѣднику своему, красивому въ военномъ камзолѣ мужчинѣ, сидѣвшему въ кабинетѣ архіепископа, въ покояхъ Чудова монастыря.

— Такъ, ваше преосвященство, — отвѣчалъ собесѣдникъ Амвросія, нетерпѣливо постукивая пальцами по своей расшитой золотомъ треуголкѣ,—но извините, владыко, ссылаться на «грѣхи наши» это, какъ говаривалъ мой наставникъ въ риторикѣ, общее мѣсто... Намъ нужно дѣло, а не общее мѣсто.

— Я и докладываю вашему превосходительству дѣло, а не общее мѣсто,—строго сказалъ архіепископъ.

— Въ вашемъ санѣ, конечно, оно такъ...

— Не въ санѣ архіепископа, государь мой, а въ санѣ человѣка я докладываю вамъ.

— Передъ вами, владыко, не просто человѣкъ, а лицо, не по заслугамъ снисканное высочайшимъ довѣріемъ всемилостивѣйшей государыни моей на трудное дѣло прекращенія сей язвы.

— Я и докладываю вашему превосходительству, какъ представителю высочайшей персоны и воли ея императорскаго величества,—настаивалъ Амвросій, нетерпѣливо звякая чотками.

Собесѣдникъ его не отвѣчалъ, но этотъ отвѣтъ можно было прочитать на его открытомъ лицѣ: «попъ вездѣ попомъ останется»...

— Вотъ вы теперь мѣры изыскиваете, какъ бы помочь горю,—продолжалъ Амвросій,—хорошія мѣры—дѣло хорошее. Но не въ мѣрахъ спасеніе наше, государь мой, а въ сердечномъ покаяніи о грѣхахъ нашихъ...

Собесѣдникъ даже пожалъ плечами отъ нетерпѣнія... «Вотъ попина паладилъ!.. Тутъ надо биться, чтобъ проклятая язва изъ Москвы не вышла да до Петербурга не добралась, а онъ о грѣхахъ долбитъ»...

— Ваши мѣры уподобятся врачеваніямъ болѣющаго,—продолжалъ архіепископъ,—и то хорошо, врачуйте недугующаго брата... Болитъ ли кто въ васъ, ну, и прочая, и прочая... Кто недуженъ горячкою, врачуй отъ горячки, у кого рука поражена гангреною, урѣжь руку. Врачуйте, государь мой, урѣзывайте, урѣжьте всю Москву, яко пораженный членъ Россіи... Но это не все, надо покаяться... Припомните, государь мой, Египетъ, Индію. Изъ какихъ гнѣздилищъ сей благословенной страны во

всѣ вѣка исходила на міръ Божій язва? Изъ гнѣздилищъ, въ коихъ жили паріи...

Собесѣдникъ Амвросія выпрямился. Рѣчь архіепископа, видимо, производила на него дѣйствіе. На лицѣ его уже не было написано: «попъ—вездѣ попъ, все о грѣхахъ долбитъ»...

— Гдѣ, государь мой, въ наши времена зарождается моровая язва? Въ Персіи и Турціи. А отчего? Полагаю, отъ бѣдности, отъ грязи, отъ невѣжества. Вотъ что лѣчить надо.

Собесѣдникъ Амвросія всталъ и безпокойно заходилъ по комнатѣ. Въ живыхъ глазахъ его блеснула энергія.

— Вы правы, ваше преосвященство,—сказалъ онъ, останавливаясь передъ Амвросіемъ,—много, много надо сдѣлать. Мы точно грѣшны.

Амвросій улыбнулся. Лицо его приняло ласковое выраженіе.

— Виноватъ, ваше преосвященство, — продолжалъ Еропкинъ,—теперь я совершенно васъ понимаю... Такъ вы полагаете не менѣе десяти кладбищъ отвести за городомъ?

— Не менѣе: городъ великъ.

— И никого при городскихъ церквахъ не погребать?

— Ни-ни... ни единаго покойника.

— А благородныхъ и чиновныхъ людей? У насъ, ваше преосвященство, знаете, обычай древній...

— Не все то хорошо, ваше превосходительство, что древне: и грѣхъ имѣетъ свое родословное древо, и бѣдность славится своею древностью, токмо...

— Согласенъ, согласенъ... Такъ и чиновныхъ?

— Ну, для чиновныхъ покойниковъ можно будетъ отвести кладбища при загородныхъ монастыряхъ...

— Да, это хорошо, и почетъ...

— Въ Донскомъ можно хоронить, въ Новодѣвичьемъ, въ Спасоандроніевомъ.

— Преотмѣнно. Такъ мы посему и распорядимся.

Это говорилъ Еропкинъ. Когда, послѣ отысканія на улицѣ, близъ церкви священномученика Власія, мертваго тѣла съ явными признаками чумы на тѣлѣ, веселый докторъ, въ присутствіи доктора съ жирнымъ подбородкомъ, который былъ не кто иной, какъ московскій штабъ-физикъ и медицинской конторы членъ, докторъ Риндеръ, главный медицинскій тузъ въ Москвѣ,

по невѣжеству ли или по какимъ-либо политическимъ и экономическимъ соображеніямъ отрицавшій существованіе въ Москвѣ настоящей моровой язвы или индійской чумы,—когда веселый докторъ напугалъ графа Салтыкова положительнымъ завѣреніемъ, что «чума по Москвѣ ходитъ» уже на собственныхъ ногахъ и хватетъ людей за плечи и за икры, какъ бѣшеная собака, и когда Салтыковъ донесъ о томъ императрицѣ, Екатерина, зная дряхлость графа и неспособность управиться съ такою страшною гостьею, какъ чума, сказала докладывавшему ей о томъ князю Вяземскому:

— Нѣтъ, это не Фридрихъ Великій и не графу Салтыкову съ нею бороться... Если мой милый старичокъ могъ побѣдить Фридриха тамъ, то тутъ его Фридрихъ побѣдитъ. Я пошлю въ Москву Еропкина, онъ уменъ, расторопенъ и находчивъ. А чтобъ не обижать старичка графа и не отвлекать отъ собачекъ, я командирую къ нему Еропкина яко бы «подъ главное надзираніе его сіятельства».

И именнымъ указомъ, 25-го марта, генералъ-поручикъ и сенаторъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ былъ назначенъ полнымъ хозяиномъ Москвы, хотя въ указѣ и сказано было, что государыня «всѣ предосторожности и попеченія о храненіи отъ опасной болѣзни столичнаго ея города Москвы гораздо усугубить и все оное распоряженіе и сохраненіе помянутому господину генералъ-поручику, по извѣстной ея императорскому величеству его усердности, подъ главнымъ надзираніемъ господина генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова, высочайше препоручить соизволила».

Въ то время, когда Еропкинъ, вскорѣ послѣ принятія въ свое вѣдѣніе Москвы, пріѣхалъ въ Чудовъ монастырь къ Амвросію, чтобы посовѣтоваться насчетъ перевода кладбища за городъ, и когда они толковали объ этомъ и немножко даже поспорили, Амвросій печально выглянулъ въ окно и увидалъ противъ своихъ келій огромную толпу народа. Толпа переминалась на мѣстѣ, толкаясь и объ чемъ-то горячо споря. Иныя лица прямо обращены были къ окнамъ архіепископскихъ келій... Ясно, народъ ждетъ кого-то, ищетъ...

— Что бы сіе означало, не понимаю,—сказалъ Амвросій нѣсколько встревоженно.

— А что тамъ?—спросилъ Еропкинъ, подходя къ окну.

— Народъ собрался... чего бы имъ нужно было?

— А не о кладбищахъ ли прослушали? Такъ просить, можетъ, думаютъ...

Амвросій позвонилъ. На колокольчикъ явился служка, молодой, съ добродушнымъ лицомъ, малый, съ толстою черною косою, выползавшею на широкую спину изъ-подъ черной скуфейки, малый, скорѣе смахивавшій на запорожца, чѣмъ на монастырскаго служку.

— Что за люди тамъ подъ окнами?—спросилъ архіерей.

— А громада собралась, ваше преосвященство, — добродушно отвѣтилъ запорожецъ въ рясѣ.

— Какая громада, дурный?

— Та отъ до ихъ.

И запорожецъ въ рясѣ лѣниво ткнулъ широкою ладонью по направленію къ Еропкину. И Еропкинъ, и архіерей улыбнулись.

— Чего же имъ отъ меня нужно, хлопче?—весело спросилъ Еропкинъ.

— Та просить, мабуть, де-що...

Толпа, однако, прибывала, а единственный полицейскій, стоя у ограды, преусердно чесалъ себѣ спину по-свиному, терся спиной объ ограду.

Еропкинъ, наскоро простившись съ архіепископомъ и сказавъ, что онъ навѣдается къ нему по дѣламъ, вышелъ къ толпѣ. За нимъ вышелъ и архіерейскій служка.

При видѣ генерала толпа обнажила головы. Заколыхался цѣлый лѣсъ волосъ всевозможныхъ мастей, но съ сильнымъ преобладаніемъ русоватости и нечесаности.

— Чего вамъ нужно, ребята? — по-солдатски спросилъ Еропкинъ.

— Мы къ вашей милости,—загалдѣли и замотались головы, кланяясь и встряхиваясь, какъ въ церкви передъ иконой.

— Въ чемъ ваша просьба?

— Будь отцемъ! Заступись! Дай за себя Бога молить!

— Вели распечатать! Голодомъ помираемъ!

— Въ разоръ разорили насъ, батюшка! Защити! Укроть ихъ алчобу несытую!

— Сдѣлай божескую милость! Не пусти по-міру.

Разверстыя глотки распустились, и удержу имъ нѣтъ. Понять эту стадную рѣчь, эту коллективную народную петицію,

нѣтъ никакой возможности. И Еропкинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ знакомой русскому человѣку рѣчи, къ сильному ораторскому пріему.

— Молчать!—закричалъ онъ, какъ на ученьи.

Разверстыя глотки остались разверстыми, рты такъ и замерли открытыми, но безмолвными. Еропкинъ понялъ, что вступленіе къ его рѣчи оказалось удачнымъ, и потому онъ продолжалъ въ томъ же русскомъ стилѣ, съ прибавленіемъ въ скобкахъ крѣпкихъ, любезныхъ русскому уху словъ или крѣпостей словесныхъ, вродѣ трахъ-тарарахъ и тому подобныхъ трехпредложныхъ междометій и глаголовъ.

— Вы, сякіе-такіе, ворвались сюда безъ спросу! Кто позволилъ вамъ ломиться въ монастырь, нарушать тишину святого мѣста? Я васъ, трахъ-тарарахъ, перепорю всѣхъ до единаго! Чего вамъ нужно? Говори одинъ кто-нибудь, да потолковей да покороче... Вотъ ты, старикъ, говори въ чемъ ваша просьба?..

Еропкинъ указалъ на старенькаго-старенькаго старичка съ слезящимися отъ ветхости глазами и съ бородой грязно-желтою, словно закоптѣлою или залежавшеюся въ могилѣ. Старикъ мялъ шапку фасона временъ Ивана Васильевича Грознаго, шапку, чудомъ уцѣлѣвшую отъ опричины.

— Говори, старикъ!

— Государь-батюшка, смилуйся, пожалуй!—зашамкалъ старикъ языкомъ челобитныхъ временъ царя Алексѣя Михайловича.—Мы, холопи ваши, московскіе банщики, челобитную приносимъ тебѣ, вашему сіятельству, на твоихъ слугъ государевыхъ, на полицейскихъ воровскихъ людей...

— Что ты вздоръ городишь, старый дуракъ!—осадилъ оратора Еропкинъ.—Говори дѣло, какіе воровскіе люди?

— А печатальщики, батюшка князь, что запечатали добро наше, и намъ съ женишками и дѣтишками помереть пришло голодною смертію... Государь-батюшка, смилуйся, пожалуй!

— Какія печатальщики? Какое добро запечатали?.. Говори ты!—накинулся Еропкинъ на дѣтину изъ Голичнаго ряда, который любилъ толкаться, гдѣ много народу.—Сказывай ты, а то отъ безтолковаго старика ничего не добьешься... Ну!

— Мы, ваше сіятельство, изъ Голичнаго ряда, голицами торговали,—началъ дѣтина, который былъ не робкаго десятка,—а намедни, значитъ, бани запечатали...

— Ну, запечатали, такъ что жъ?

— А намъ мыться негдѣ...

— Вотъ претензія! Да тебѣ, быку эдакому, зимой въ проруби купаться, такъ за честь,—засмѣялся Ерошкинъ. Дѣтина осклабилъ свой ротъ до ушей.

— А мы, ваше сіятельство, банщики, намъ дѣтей кормить-поить надо,—осмѣлился другой парень, видя, что страшный генералъ не сердится.—Мы безъ работы съ голоду помираемъ...

— Государь-батюшка, смилуйся, пожалуй! Не вели казнить!—снова завопилъ старикъ языкомъ челобитныхъ.—Мы твои холопи государевы... смилуйся, пожалуй!

— «Вели бани распечатать!..» «Защити!..» «Не пусти по-міру!..» «Сдѣлай божескую такую милость!»—прорвалась плотина, снова разверзлись глотки всего соборища банщиковъ и не банщиковъ.—«Распечатай»... «Заступись!».

Ерошкинъ опять долженъ прибѣгать къ испытанному средству, къ ораторскимъ пріемамъ въ русскомъ стилѣ.

— Молчать, канальи!..

Рты опять закрылись. Передніе ряды попятились, навалили на заднихъ, тѣ дрогнули, шарахнулись...

— Ишь, сволочь, чего захотѣла! Отпечатай имъ торговыя бани... Да вы всѣ тамъ перезаразитесь и заразите весь городъ. Вонъ и такъ язва ужъ въ городѣ...

— Гдѣ язва въ городѣ, батюшка! Никакой у насъ язвы нѣтути,—заговорилъ другой старикъ. — Коли суконщики мрутъ, такъ это ихъ рукомесло такое... Фабричому какъ не мереть!

— Шерсть, чу, заразную къ имъ изъ Серпухова отай привезли...

— Не шерсть, а голицы, чу, отъ морной скотины шкуру...

— Какъ голицы? Что ты врешь!

— Не вру... за грошъ купилъ, за грошъ и продаю...

— То-то, грошъ...

— Не голицы, а котъ, слышь изъ Кеива чумный прибегъ...

— Гдѣ коту изъ Кеива до Москвы добѣжать! Не котъ...

— Знамо, не котъ... А изъ полку, изъ турецкой земли, сказываютъ, отъ мертвой цыганки волосы привезли, цѣлу косу, бають...

— Не косу, а образокъ, чу, съ волосами, отъ офицера къ

его невѣстѣ, Алюшевой прозывается, Лариса... Отъ ее моръ пошелъ...

— А вонъ люди баютъ, не отъ ее, а отъ собачки махонькой, полковой, Маланьей зовутъ, солдатъ сказывалъ.

Ерошкинъ чувствовалъ, что у него голова начинаетъ кружиться отъ этого невообразимаго гама и отъ этой ужасающей чепухи, въ которую превращался народный говоръ. Онъ видѣлъ, что, покажи онъ малѣйшую слабость и нерѣшительность, ему этого народнаго моря ужъ не унять безъ потоковъ крови... Этотъ котъ, что «прибегъ изъ Кенва», «голица отъ чумной шкуры», «коса какой-то цыганки», «махонькая полковая собачка», да это ужъ народныя легенды, вѣрованья, которыя изъ нихъ пушками не вышибешь...

Ерошкинъ все это сразу сообразилъ и понялъ, что Москва стоитъ надъ пороховымъ погребомъ, что достаточно одной искры, чепухи вродѣ кота, что «прибегъ изъ Кенва», и Москву взнесетъ на воздухъ.

— Молчать!—въ третій разъ прибѣгъ онъ къ вѣрному, ошпаривающему средству, къ крѣпкому слову, которое для русскаго народа сильнѣе всякихъ заклинаній.—Бани запечатаны для того, чтобъ народъ въ нихъ другъ другу заразу не передавалъ...

— Какъ же, батюшка, отъ мытья-то зараза быть можетъ?

— Она, сказываютъ, отъ нечисти, такъ надо мыться...

— И мертвыхъ, чу, обмываютъ, а живыхъ и подавно...

Ерошкинъ поднялъ кверху толстую, съ золотымъ массивнымъ набалдашникомъ трость и сдѣлалъ два шага впередъ съ угрожающимъ жестомъ.

— Если кто изъ васъ пикнетъ хоть, такъ того сейчасъ же въ колодки, и въ Сибирь! — рѣзкимъ, надтреснутымъ голосомъ крикнулъ онъ.—Торговыя бани, слышите, мерзавцы! торговыя бани запечатаны по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію... Слышите! По высочайшему повелѣнію. Такъ ни я, ни кто въ мірѣ ихъ, безъ указа ея величества, распечатать не можетъ. Я передаю вамъ высочайшую волю... А теперь по домамъ! Маршъ! А то я прикажу васъ всѣхъ нагайками загонять въ ваши стойла... Вонъ отсюда!

Оторопѣвшее стадо шарахнулось назадъ. Передніе ряды смяли задніе... Вмѣсто оторопѣлыхъ лицъ виднѣлись только

спины и нечесаные затылки, все бросилось къ выходу, и черезъ минуту изъ оконъ Чудова монастыря виднѣнъ былъ одинъ лишь прежній часовой, отъ страха и изумленія прикипѣвшій къ землѣ.

— Чтобъ впередъ народъ не собирался кучами, а то я тебя пугну!—крикнулъ ему Еропкинъ, садясь въ коляску.

Архіерейскій служка, напоминавшій запорожца въ рясѣ, даже свистнулъ отъ удивленія.

— Отъ сердитый, такъ сердитый! Ой-ой-ой...

При выѣздѣ изъ Спасскихъ воротъ, Еропкинъ встрѣтилъ веселаго доктора, который скакалъ куда-то на парѣ ямскихъ. Докторъ остановился.

— А! Это вы, докторъ,—ласково сказалъ Еропкинъ, приказавъ своей коляскѣ остановиться.—Куда мчитесь?

— Къ вашему превосходительству.

— Съ дурными вѣстями?

— Ни съ дурными, ни съ хорошими, а съ докладомъ... По приказанію вашего превосходительства.

Еропкинъ перебилъ его торопливо.

— Намъ время дорого, докторъ, и мы не должны воровать его у государства... Не удлиняйте вашу рѣчь пустыми словами, «ваше превосходительство»... Для краткости и для пользы службы называйте меня просто «генералъ»: это короче, а то и никакъ, это еще короче...

— Слушаю-съ.

— Ну?

— Я сейчасъ былъ въ Симоновомъ и Даниловомъ монастырѣ, куда переведены фабричные съ Суконнаго двора. Подойдя съ надлежащею осторожностью къ воротамъ, я, съ вѣдома караульнаго офицера, приказалъ вызвать къ калиткѣ запертаго въ томъ монастырѣ вмѣстѣ съ фабричными подлѣкаря и чрезъ огонь разспросилъ его обстоятельно, были ли вновь изъ фабричниковъ заболѣвшіе и умершіе, и оба сіи приключенія какимъ порядкомъ происходили... Изъ отвѣтовъ подлѣкарей я узналъ, что и умершіе, и вновь заболѣвшіе были, и что по признакамъ болѣзнь та, несомнѣнно, моровая язва, съ какою я въ Бессарабіи познакомился...

Еропкинъ сурово задумался.

— Благодарю, — сказалъ онъ, тотчасъ опомнившись...—А

изъ тѣхъ тысячи семисотъ семидесяти фабричниковъ, что разбѣжались по городу, много полиціею розыскано и въ монастыри доставлено?

— Мало, почти никто не поймапъ.

Еропкинъ насупился. Онъ чувствовалъ, что чума гуляетъ по Москвѣ, не поймать ужъ ея... Предстоитъ страшное дѣло и страшная борьба...

— Въ послѣдующіе разы, докторъ, — началъ онъ торопливо,—я вижу, что вы добрый и честный человѣкъ, такъ въ послѣдующіе разы, когда вы будете освѣдомляться о ходѣ болѣзни въ Симоновомъ и Даниловомъ монастыряхъ, я вамъ поручаю, какъ у подлѣкарей, что заперты въ монастыряхъ съ фабричниками, такъ и у ихъ старостъ доподлинно узнавайте о томъ, получаютъ ли всѣ фабричные опредѣленную имъ порцію, и какова она качествомъ и довольно-ль всѣ одѣты и обуты, и не имѣютъ ли въ чемъ какого недостатка, и не притѣсняетъ ли кто ихъ... Такъ я ужъ на васъ надѣюсь...

— Все исполню, генералъ... Я знавалъ нужду народную...

— А въ городѣ какъ?

— Не смѣю скрыть; зрѣетъ бѣда, тѣмъ болѣе, что народъ все еще не вѣритъ страшной истинѣ и разноситъ заразу, утаивая больныхъ изъ боязни карантена и пряча лохмотья послѣ умершихъ.

— А все это Риндеръ да Скіаданъ, да Кульманъ... за торговлю испугались... купцовскихъ мошонъ жаль стало... На осину бы ихъ!

Коляска тронулась, и Еропкинъ ускакалъ. Толпы банщиковъ, понуривъ головы и въ сотый разъ толкуя о котѣ, что «прибегъ изъ Кенва», да о сказочной косѣ цыганки, медленно расходились по домамъ. Веселый докторъ, сообразивъ что-то съ минуту, приказалъ своему возницѣ заворотить отъ Спасскихъ воротъ и ѣхать мимо церкви Василія Блаженнаго.

Въ это время онъ увидѣлъ, что къ церкви подходитъ какая-дѣвушка, совсѣмъ молодепькая, но вся въ черномъ, съ траурными, непріятно рѣжущими глазъ бѣлыми каймами на платьѣ, глубоко задумчивая и глубоко печальная... Подойдя къ церкви, она остановилась, повидимому, въ тяжкой нерѣшительности, снова рванулась къ церкви, какъ бы переломивъ боязнь, потомъ опять.

Вглядѣвшись въ дѣвушку, докторъ, казалось, узналъ ее. Доброе круглое, лоснящееся отъ усталости лицо его сразу побагровѣло, потомъ поблѣднѣло, приняло горькое, тоскующее выраженіе... Онъ торопливо велѣлъ своему возницѣ остановиться и стремительно, шарикомъ покатился къ дѣвушкѣ... Это была та дѣвушка, которая гадала о суженомъ и получила отъ него...

— Лариса Владиміровна! — грустно, нерѣшительно, не своимъ голосомъ окликнулъ веселый докторъ дѣвушку въ черномъ.

Та съ удивленіемъ и испугомъ остановилась. Она, казалось, не помнила, гдѣ она и что съ ней.

— Вы не узнаете меня?—робко спросилъ докторъ.

Дѣвушка опомнилась. Глаза ея, большіе, черные, съ длиннымъ разрѣзомъ и какъ бы усталые, блеснули страннымъ свѣтомъ. Но какъ она измѣнилась съ того вечера, когда гадала о суженомъ! Матовое, нѣсколько смуглое, словно выточенное, лицо ея поблѣднѣло, успѣло изъ дѣтскаго превратиться въ лицо большой дѣвушки. Цыганеночку она напоминала теперь только очертаніями лба и изгибами длинныхъ бровей, но ужъ не глазами, въ глазахъ было что-то слишкомъ грустное, даже что-то большее, чѣмъ грусть...

— Нѣтъ, я узнала васъ, докторъ, — тихо сказала дѣвушка.—А вы давно воротились оттуда?

Въ глазахъ ея, сквозь дѣтское выраженіе, промелькнуло что-то такое, отъ чего веселый докторъ готовъ былъ заплакать, разрыдаться. Но онъ персилилъ себя и отвѣчалъ:

— Недавно, Лариса Владиміровна... О! Тяжело вспоминать... э т о...

Дѣвушка понимала это недосказанное «это». Они думали объ одномъ...

— Вѣдь, о н ъ умеръ на моихъ рукахъ, — продолжалъ докторъ свою тяжелую исповѣдь.

— Да знаю... мнѣ говорилъ Грачевъ...

Дѣвушка вздохнула и задумалась. Она говорила такъ, какъ будто то, о чемъ говорилось, еще тутъ вблизи гдѣ-то да не откликается и не откликнется никогда, а все будешь о немъ думать... И у того и у другого на душѣ это вѣчное и ужасное «что же дѣлать!»...

— Онъ былъ первый въ нашей арміи, на которомъ я увидалъ знаки этой... проклятой болѣзни... Меня поздно увѣдомили, что онъ занемогъ...

— Да... да, — какъ бы думая о чемъ-то своемъ, повторяла дѣвушка.

— Умирая, въ бреду, въ агоніи, онъ шепталъ ваше имя и имя какой-то цыганки...

— Да... да... — повторяла дѣвушка.

— Я догадываюсь, она передала ему заразу.

— Да... да...

Веселому доктору становится невыносимо тяжело. Въ первый разъ въ жизни онъ видѣлъ такое безмолвное горе и у такого молодого существа.

— Я очень жалѣю, что за недосугомъ не успѣлъ быть еще у васъ... Батюшка здоровъ? — снова заговариваетъ докторъ.

— Да, здоровъ,—все тѣмъ же упавшимъ голосомъ отвѣчала дѣвушка: но потомъ съ какой-то особой силой прибавила: — но няня, Пахомовна умерла...

Докторъ замѣтилъ это что-то особенное въ отвѣтѣ и спросилъ:

— Чѣмъ она умерла?

— Вотъ... этой... — дѣвушка не договорила.

— Отъ кого же она могла заразиться?

Докторъ самъ испугался своего вопроса, когда взглянулъ на дѣвушку, о н а, казалось, должна была упасть.

— Вамъ дурно?.. Ради Бога, что съ вами?

— Ничего... я вамъ все скажу, — какъ-то торопливо отвѣчала дѣвушка. — Я заразила няню... я заразила всю Москву... отъ меня пошла эта страшная болѣзнь...

Докторъ испугался. Онъ думалъ, что передъ нимъ несчастная, помѣшавшаяся отъ горя. Онъ сразу не нашелся, что сказать.

— Грачевъ привезъ медальонъ, образокъ отъ него, — все также торопливо продолжала дѣвушка. — Въ образкѣ его волосы... Грачевъ отъ больного отрѣзалъ локонъ... Няня цѣловала ихъ... Отъ няни заразилась семья сторожа у Николы въ Кобыльскомъ и тотъ купецъ, что нашли на улицѣ у Власія... Боль-

пую пяхю племянникъ ся, суконщикъ, свезъ на Сукопный дворъ... Оттуда и пошла зараза отъ меня... Меня надо сжечь...

Докторъ схватилъ дѣвушку за руку. Рука была холодна, какъ у мертвеца.

— Ради Бога, успокойтесь, — едва выговаривалъ отъ волненія докторъ. — Какъ же вы сами? Гдѣ же эти несчастные волосы?

— У меня на груди...

— И вы прикасались къ нимъ?

— Нѣтъ... Я поклялась отцу и брату не дотрагиваться до нихъ и видѣть ихъ до смерти... Образокъ закрыли... его окуривали, обмывали...

Докторъ задумался, продолжая держать дѣвушку за руку, какъ бы стараясь отогрѣть ее въ своей рукѣ.

— Я буду у васъ, я поговорю съ вашимъ батюшкой объ этомъ дѣлѣ, — говорилъ онъ, сильно пожимая маленькую холодную ручку. — А теперь вы шли въ церковь?

— Да... я хотѣла... я... — дѣвушка замялась и вспыхнула: дѣтскій румянецъ на блѣдныхъ щекахъ и дѣтское выраженіе стыдливыхъ глазъ выдали какую-то тайну, что-то недосказанное... Дѣвушка, видимо, рѣшалась на что-то серьезное, не дѣтское, но еще не рѣшилась, не осилила себя... Докторъ понялъ это...

— Я скоро буду у васъ, — сказалъ онъ. — А вы, дѣвочка милая (онъ взглянулъ ей въ глаза своими добрыми глазками), вы забудьте вашу «Пахонину» (у дѣвушки задрожали губы при этомъ напоминаніи) — ей пора было на погостъ... А пока держите клятву, данную отцу, не заглядывайте въ медальончикъ... а главное, не рѣшайтесь пока ни на что (докторъ сдѣлалъ удареніе), не поговоривъ съ батюшкой или со мной... Вѣдь, я васъ, милая дѣвочка, когда-то на рукахъ носилъ... Бывало кричите мнѣ навстрѣчу: «На меня, дядя Кистякъ, на, на ручки»... Такъ-то, милая дѣвочка... А теперь прощайте...

Онъ крѣпко пожалъ ей руку и направился къ своему возницѣ. Дѣвушка вошла въ церковь.

VIII. «Дѣвочка забрала себѣ въ голову».

— А дѣвочка-то забрала себѣ что-то въ головенку,—бормоталъ самъ съ собой веселый докторъ, торопя своего возницу

скорѣе везти его въ контору государственной медицинской коллегіи.

Дѣйствительно, дѣвочка забрала себѣ въ голову...

Когда, послѣ напрасныхъ увѣщаній брата сжечь роковой бѣлокурый локонъ умершаго жениха, Лариса продолжала упорно отстаивать права свои на это ужасное наслѣдство и, дозволивъ лишь брату окурить опасный образокъ, надѣла его на себя въ ту же ночь, она не думала о возможности смерти, да и смерть, въ пылу молодого отчаянія, представлялась ей даже желанною гостьею...

— Скорѣй бы къ нему! — шептала она, томясь въ горячей отъ ея пылающаго тѣла постели въ продолженіе всей длинной, мучительной зимней ночи...

Скорѣй бы! Только молодость способна на такія энергически-скорыя и безповоротныя рѣшенія... «Скорѣй къ нему!» Другими словами: скорѣе перестать чувствовать эту жгучую ссадину на сердцѣ, забыть все, что было, не сознавать того, что случилось, что потеряно, что придется потомъ испытывать, переживать, перебаливать, выстанывать стономъ въ теченіе всей долгой жизни, скорѣй развязаться съ этой проклятой, разбитой ьдребезги, какъ фарфоровая чашка, жизнью.

Всю ночь она порывалась открыть ужасный образокъ и поцѣловать убійственный локонъ милаго, чтобъ сейчасъ и умереть тутъ, задохнуться, захлебнуться отчаяніемъ и горемъ. Нѣсколько разъ она даже вскакивала съ постели съ этимъ безумнымъ рѣшеніемъ, но тотчасъ же, какъ босыя ноги ея касались холоднаго пола, приходила въ себя, вспоминала, что на этомъ самомъ образкѣ поклялась она брату именемъ того, для кого она хочетъ умереть, хотѣла бы сейчасъ! поклялась въ томъ смыслѣ, что если она измѣнитъ этой клятвѣ, то это будетъ измѣна е м у самому, его памяти, его чувству, и, вспомнивъ все это, она со стономъ прикладывала образокъ къ горячей груди и плакала, плакала...

Эти молодыя слезы и спасли ее. Утомленная ими, наплакавшись до истомы, до потери возможности стройныхъ представленій, она къ утру уснула такимъ крѣпкимъ, мертвецкимъ сномъ, который скорѣе можно назвать не мертвецкимъ, а сномъ жизни, здоровья, какимъ можетъ только спать чистая и здоровая тѣломъ и духомъ молодость.

Но когда черезъ нѣсколько дней она неожиданно узнала, что няня, дѣйствительно, умерла гдѣ-то, когда по осмотру тѣла умершей отцомъ и братомъ Ларисы, которые оба были медики, оказалось, что старушка умерла точно отъ моровой язвы, отъ чумы, когда потомъ до дѣвушки стали доходить слухи о томъ, что эта ужасная болѣзнь поселилась на Суконномъ дворѣ, именно тамъ, гдѣ умерла Пахомовна, а затѣмъ стала хватать жертвы по городу, опять-таки по прикосновенности къ Суконному двору и его рабочимъ, дѣвушка пришла къ страшному убѣжденію, что она явилась тутъ невинно тою ужасающею міръ десницею гнѣвнаго Бога, которая налегла теперь на ея родной городъ, спустившись съ неба моровою тучею...

Къ личному горю ея присоединилось теперь это ужасное сознаніе, отъ котораго нельзя было не содрогаться. Она увидѣла себя въ центрѣ какого-то страшнаго кладбища, гдѣ изъ всѣхъ гробовъ вставали мертвецы и указывали на нее, на ея трудъ, на которой хранилось что-то ужасающее, но ей все же дорогое. Казалось, вся жизнь превращалась для нея въ одно кладбище, кругомъ мертвецы, а она одна только живетъ, хотя чувствуетъ, что не должна жить, что не можетъ такъ жить дальше и не можетъ ни умереть, ни забыться, ни забыть своего маленькаго личнаго горя, которое для нея, однако, было острѣе, жгучѣе горя общаго...

И братъ, и отецъ, котораго она очень любила, но котораго, вѣчно занятаго больными въ своемъ госпиталѣ, она рѣдко видѣла, повидимому, избѣгали съ нею разговоровъ о томъ, что дѣлается въ городѣ. Отецъ, впрочемъ, когда братъ, послѣ смерти няни, разсказалъ ему исторію съ образкомъ и волосами, хотя и успокоилъ ее, что, быть можетъ, образокъ тутъ не при чемъ, однако, осмотрѣлъ его и окурилъ; но, не имѣя силъ ни въ чемъ отказать своей любимицѣ, хотя и не уничтожилъ его, тѣмъ не менѣе заперъ въ ея шкатулку и ключъ спряталъ у себя: онъ самъ очень любилъ жениха своей дочери, котораго такъ неожиданно похитила у нихъ эта поистинѣ «наглая смерть», и глубоко сочувствовалъ горю своей любимицы.

Съ каждымъ днемъ дѣвушка все болѣе и болѣе убѣждалась, что въ городѣ очень не ладно. Все это еще болѣе сгущало тотъ мракъ, который налегъ ей на душу. Она буквально не находила себѣ мѣста. Она стала было молиться, но и молитва не припо-

сила ей ни утѣшенія, ни облегченія: на душѣ оставался все тотъ же мракъ... Да и о чемъ могла она молиться? Какъ? Просить? Но о чемъ? Ей не о чемъ было просить... Жаловаться? Но на кого, на что, а главное, кому? Плакать передъ образами, до утомленія биться объ церковный полъ, объ полъ своей маленькой спальной? Она плакала, не чувствуя облегченія, и колотилась объ холодный, каменный помостъ церквей; но и въ сердцѣ и въ головѣ оставалось все то же...

Если бы можно было уйти отъ себя... Но какъ, куда? На это всегда у людей былъ одинъ отвѣтъ: отъ себя можно уйти только въ могилу... Но къ этимъ острымъ рѣшеніямъ люди приходятъ только въ порывѣ, такъ сказать, подъ ножомъ чьей-то невидимой руки; но отъ нея этотъ ножъ отклонилъ кто-то въ ту ночь, когда грудь ея жегъ тотъ роковой образокъ, и она все еще ч е г о - т о ждала тогда... Теперь ужъ и ждать нечего; но она живетъ... нѣтъ ужъ того ножа, его кто-то отклонилъ...

Одно она чувствовала, что она, какъ бы вопреки своему желанію, живетъ еще, что она брошена въ пасть этой жизни, и ни вырваться изъ нея не можетъ, ни перестать чувствовать, думать... быть... быть какимъ-то страдающимъ и воспоминающимъ бревномъ...

Разъ отецъ, видя ее тоскующею, молчаливою, не вытерпѣлъ, заговорилъ съ нею за утреннимъ часомъ.

— Бѣдный мой ребенокъ!.. Все о немъ думаешь?

— Нѣтъ, папа... не думаю...

— Какъ же не думаешь? Али я не вижу?

— Я сама не знаю, папа...

— Ну, тоскуешь, въ душѣ сохнешь, это еще хуже... Я понимаю это, моя бѣдненькая: я самъ то же испытывалъ, когда умерла твоя мать. Вѣдь мы съ нею только два года жили. Тебѣ пошелъ второй годокъ, какъ она скончалась, а Саля только родился. Ну, я и обезумѣлъ было отъ горя, забылъ даже про васъ... Только покойница Пахомовна напоминала мнѣ о васъ... Тебѣ и «Пахопину» жаль, дружокъ?

— Да, папа, жаль.

— Ну, вотъ что, «Пахопина», иди-ка лучше ко мнѣ на руки, я кой-что скажу тебѣ, — ласково привлекъ онъ къ себѣ свою любимицу.

Дѣвушка повиновалась и, обхвативъ руками шею отца, за-

плакала. Ей даже показалось, что эти слезы какъ будто въ первый разъ облегчаютъ ее...

— Ну, ничего, ничего, моя «Пахонина» бѣдненькая,—шепталъ отецъ, гладя черную головку дочери.—Поплачь немножко... А я тебѣ доскажу, что началъ... Какъ «Пахонина»-то напомнила мнѣ о васъ, да какъ увидалъ я, какими вы бѣдненькими сироточками остались, тутъ я и понялъ, что у меня не одна забота на свѣтѣ горевать о покойницѣ, да думать о своемъ горѣ... Я и сталъ думать о васъ, убиваться около васъ, ну, и начало мнѣ становиться какъ будто бы полегче... Такъ-то, мой дружочекъ... А ты давно видѣла свою «курносенькую бѣляночку»?

— Какую, папа? — спросила дѣвушка, продолжая сидѣть на колѣняхъ у отца и смутно чувствуя, что это первое единственное кресло, сидя на которомъ она въ первый разъ почувствовала что-то похожее на облегченіе.

— А «бѣлая березанька?» — отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— А, Настя... Я давно не видѣла ея... забыла...

— Какъ забыла, дурочка?

— Я все, папа, забыла. — И дѣвушка снова заплакала.

— То-то, вижу... вижу... И папку даже забыла...

— Нѣтъ, папочка, не забыла...

— Ну, немножечко... А когда-то «папаверъ» былъ мастеръ ублажать тебя сказками да «страшными исторіями»... Помнишь? Усядешься, бывало, у меня на колѣняхъ и передохнуть не дашь: «ясказывай, папа, ясказывай»... Помнишь, Ларецъ, мой дорогой?

— Помню, папочка.

— Ну, ладно... А все бы сходила къ своей «бѣлой березынькѣ», поразмыкалась бы... Да?

— Да, схожу, папа.

— Ну, и ладно...

«Курносенькая бѣляночка» тоже ждала к о г о-то изъ арміи... Она не знала только, что этотъ к т о-т о тоже рвался увидѣть к о г о-т о... да опять бы въ «сѣнцахъ» встрѣтиться, какъ и тогда...

А что такое эти «сѣнцы»? Въ сущности, пустяки; но въ чьей-то памяти они являются не пустяками, а чѣмъ-то до того отраднымъ, что, при одномъ воспоминаніи объ этихъ темныхъ

«сѣнцахъ», у этихъ, вспоминающихъ о нихъ, какъ-то свѣтлѣетъ на душѣ и жизнь не кажется пустынней...

А въ сущности, опять-таки все это пустяки...

Какъ-то разъ гости засидѣлись поздно вечеромъ въ палисадникѣ за домикомъ, въ которомъ обитала «курносенькая бѣляночка», пріятельница и совоспитанница Ларисы. Гости состояли изъ старухи матери «бѣляночкиной», изъ самой «бѣляночки», Ларисы, ея брата Сани и трехъ молодыхъ сержантиковъ. Ночь была лѣтняя, свѣтлая. Сирень такъ хорошо пахла. Въ сосѣднемъ саду такъ безъ толку неугомонно почему-то щелкалъ соловей—вѣрно просто по глупости щелкалъ и вовсе не хорошо щелкалъ, какъ и всѣ соловьи; но всѣмъ почему-то казалось, что онъ хорошо щелкаетъ, по душѣ и по нервамъ щелкаетъ, и всѣ слушали его, украдкой поглядывая, молодые сержантики на молодыхъ барышень, молодыя барышни, съ величайшей осторожностью, на молодыхъ сержантиковъ... Ну, однимъ словомъ, пустяки: молодая глупость и молодое счастье, счастье невѣдѣнія, но такое хорошее это глупое молодое счастье... И соловей глупо щелкаетъ, и сирень глупо пахнетъ, а хорошо всѣмъ. Говорили молодые сержантики о томъ, что скоро война съ турками будетъ, что ихъ, вѣроятно, пошлютъ на войну... Молодые сержантики говорили, а у молодыхъ барышень сердца немножко сжимались, ну, понятно, по глупости...

Потомъ молодые сержантики стали прощаться съ молодыми барышнями, уходя изъ палисадника. Всѣмъ нужно было проходить темными «сѣнцами», вотъ тутъ-то и являются эти «сѣнцы»... Охъ, ужъ эти темныя сѣнцы! Выходя изъ палисадника и вступая въ сѣнцы, одинъ молодой сержантикъ почему-то, конечно, по глупости, все держался около «курносенькой бѣляночки», а «бѣляночка», почему-то, опять тоже по глупости, незамѣтно, будто бы незамѣтно! держалась около этого черномазаго сержантика... Въ сѣнцахъ они нечаянно еще болѣе приблизились другъ къ другу, потому темно, ничего не видать, и ахъ! Нечаянно, конечно, нечаянно, непарокомъ, руки ихъ встрѣтились въ темнотѣ и нечаянно да такъ-то быстро, судорожно пожали одна другую, и только... Вѣдь, глупость это, пустяки ужасные; анъ нѣтъ, для нихъ не пустяки... Между ними не было ни одно еще слово сказано такое, которое показало бы, что... и такъ далѣе... Были только взгляды, метанье искръ—но

что такое это метанье издали! Вздоръ!.. А тутъ не издали, тутъ руки нечаянно встрѣтились въ темнотѣ, и лапища молодого, но здороваго сержантика по-медвѣжьи сцапала пухленькую ручку «бѣляночки», которая, въ свою очередь, словно лапочкой котенка, пожала сухую, жилистую лапищу сержантика... Вотъ и все! А поди ты: эти «сѣнцы» гвоздемъ засѣли въ памяти глупыхъ дѣтей... Подъ рокотъ и гулъ ядеръ, подъ свистъ пуль, подъ стоны раненыхъ, тамъ, въ Турціи, молодому сержантику вспоминались эти «сѣнцы» и это глупое щелканье соловья... да и «бѣляночкѣ» тоже... Глупыя дѣти!

А тамъ война... И всѣ три сержантика ушли туда... куда? Барышни «не знаютъ», а «только плачутъ и вздыхаютъ»: «О, горе намъ! О горе намъ!» А тамъ пошли въ ходъ имена: Румянцевы да Орловы, Кагулъ да Чесма, стономъ стонутъ эти имена на Руси... А о сержантикахъ ни слуху, ни духу...

Проходитъ лѣто. Проходитъ зима. Наступаетъ весна. Опять «бѣляночка» съ Ларисой и ея братомъ Саней сидятъ чуднымъ лѣтнимъ вечеромъ въ палисадникѣ, все попрежнему кругомъ, только нѣтъ молодыхъ сержантиковъ. Такъ же, какъ и тогда, хорошо пахнетъ цвѣтущая сирень. Такъ же въ сосѣднемъ саду безъ толку щелкаетъ глупый соловей. А все не то... И «сѣнцы» тѣ же остались, и такъ же, какъ тогда «бѣляночка» съ Ларисой проходили черезъ «сѣнцы». Но уже ничья рука не приблизилась къ рукѣ «бѣляночки», не пожала въ темнотѣ, и щемитъ, щемитъ сердце «бѣляночки». И у Ларисы оно щемитъ...

Опять проходитъ лѣто. Опять проходитъ зима. Опять наступаетъ весна. И снова сирень пахнетъ, снова несносный соловей щелкаетъ, а на душѣ, Господи! какая тоска, какая смертная тощища! А все почему? По глупости: сержантиковъ нѣтъ... Они тамъ... гдѣ тамъ? О, проклятая война!..

И еще лѣто проходитъ, это ужъ третье...

Но вотъ, наконецъ, возвращаются два сержантика—только два... А гдѣ же третій? Вмѣсто третьяго эти два привозятъ образокъ, а въ образкѣ волосы этого третьяго сержантика... Самъ же онъ остался далеко-далеко, на берегу Прута, вѣроятно, слушать щелканье тамошняго турецкаго соловья... Да, надъ нимъ вѣчно будетъ пѣть этотъ соловей, вѣчно будутъ качаться вѣтви тополя-явняка, вѣчно голубѣть голубое небо...

Говорятъ, этихъ двухъ воротившихся сержантиковъ долго

держали гдѣ-то въ карантинѣ за Коломной. Въ Москвѣ ихъ тоже помѣстили въ какомъ-то госпиталѣ. Потомъ ихъ увезли куда-то изъ Москвы...

А барышни все ждутъ ихъ. «Бѣляночка» все вспоминаетъ вечеръ съ запахомъ сирени и темныя «сѣницы». А сержантиковъ все нѣтъ... Скоро настанетъ и четвертое лѣто... Господи! Да когда же война кончится!..

А тутъ новое что-то, страшное виситъ надъ Москвой. Чаще и чаще раздаются въ московскихъ церквахъ звоны «на отходъ души». Каждое утро по всѣмъ церквамъ слышатся душу надрывающіе перезвоны «на выносъ», «на погребеніе»...

Лариса исполнила совѣтъ отца. Напоивъ его и брата часомъ, она проводила ихъ за ворота: отецъ отправился въ свой госпиталь, къ своимъ обычнымъ занятіямъ, а братъ ея Саня въ лѣкарскую школу, гдѣ онъ учился, избравъ по своей собственной склонности ремесло отца, медицину.

Проводивъ ихъ, Лариса заказала кухаркѣ обѣдъ, съ тѣмъ, чтобы на жаркое была телячья печенка, «папочка ее любитъ», сдѣлала необходимыя распоряженія по хозяйству и велѣла, кромѣ того, Клюквѣ (такъ звали дѣвочку, прислуживавшую Ларисѣ, за ея необыкновенно красныя щеки) сбѣгать къ обѣду за грушевымъ квасомъ, до котораго папочка тоже былъ большой охотникъ.

— Въ Сундушный рядъ, барышня?—весело спросила дѣвочка.

— Зачѣмъ въ Сундучный?

— А за квасомъ грушевымъ, барышня.

— Что ты, Клюковка! Сундучный рядъ далеко.

— Ничего, барышня, я сбѣгаю.

Лариса одѣлась и вышла на улицу. Апрѣльское солнце начинало уже пригрѣвать. У заборовъ, на проталинахъ, изъ земли уже выглядывала зелень, не то новые стебельки молодой травки выползали на свѣтъ Божій, не то прошлогодняя зелень, спавшая всю зиму подъ снѣгомъ, просыпалась теперь и поглядывала на солнышко: такъ ли-де оно свѣтитъ теперь, какъ въ прошломъ году свѣтило? Да, такъ-то такъ, только горя людского оно освѣщаетъ теперь больше, чѣмъ тогда освѣщало...

Вотъ и глаза Ларисы упали на что-то горькое, безотрадное. Серединою улицы ѣдетъ телѣга, везомая водовозною клячею.

На телѣгѣ бѣлѣется новый сосновый гробъ, прикрытый ветхою-приветхою черною пеленою съ нѣкогда бѣлыми, а теперь совершенно захватанными и загрязненными, нашитыми по угламъ пелены крестами, символомъ нечеловѣческаго терпѣнія. Впереди телѣги, видимо, усталыми ногами бредетъ знакомый уже намъ «гулящій попикъ» въ черной, донельзя ветхой ризѣ, тоже съ бѣлыми, отъ времени и частаго употребленія потерявшими всякую мишурную блесткость крестами, символомъ божественнаго милосердія. Въ рукахъ у попика мѣдный, какъ и самый попикъ потертый временемъ и отшлифованный лобызающими устами вѣрующихъ благословенный крестъ, великій и горькій символъ спасенія. Попикъ отъ времени до времени возглашаетъ что-то слабымъ, дребежжащимъ, какъ слабо натянутая на мѣдной декѣ старыхъ гуслей металлическая струна, голосомъ. Слышится по временамъ: «житейское море»... «къ тихому пристанищу»... «многомилостивое»... Да, житейское море, о! Какое оно бурное подъ часъ и какое мертвенно тихое, но страшное, какъ вотъ и теперь... И «тихое пристанище» — такое тихое, какимъ только можетъ быть глубокая могила...

На телѣгѣ сидитъ вощаной человѣкъ, весь въ вощаной одеждѣ «мортусъ», у котораго только клокъ рыжей бородки торчитъ какъ-то вкось изъ-за вощаного башлыка-наличника. Въ рукахъ у этого страшнаго возницы, вмѣсто бича, кнута, или хворостины, длинный багоръ... Эко какое знатное весло Хароново! Тотъ своимъ весломъ отпихивался отъ берега жизни и причаливался къ берегу смерти, къ вратамъ аида. Этотъ своимъ багромъ зацѣпляетъ то, къ чему боятся уже прикоснуться руки человѣческія, и спихиваетъ въ глубокую яму... Багоръ торчитъ вверхъ своимъ крючкомъ, словно громадный коготь громадной хищной птицы... Да, это знакомая птица: та, что сердце Прометеево терзала. И эта терзаетъ тѣло Москвы, выхватывая, словно куски сердца, несчастныя жертвы, еще вчера жившія и думавшія, но выхватываетъ не за похищеніе божественнаго огня съ неба, а за недостаткомъ въ людяхъ этого огня за пренебреженіемъ имъ, за ихъ невѣжество, за нечистоту, за бѣдность, безъ конца бѣдность... Торчитъ хищный коготь, вотъ-вотъ кого-нибудь снова зацѣпитъ.

Да вонъ кого онъ хочетъ зацѣпить: за телѣгой, за гробомъ

бѣжитъ дѣвочка лѣтъ семи-восьми и горько плачетъ-надрывается...

— Пустите меня къ мамкѣ, я къ мамкѣ хочу... Я съ ней хочу лечь...

— Нишкни, не подходи близко!—ворчитъ Харонъ съ багромъ.—Зацѣплю...

И багоръ направляется къ заду телѣги, грозитъ плачущей дѣвочкѣ.

Поодаль отъ гроба идутъ двѣ бабы и, прислушиваясь къ тому, что возглашаетъ попикъ, стараются про себя повторять слышанное, но страшно перевираютъ... «Житецкое море»... «Зря напасти»... «Ужъ и впрямь зря эта напасть пришла... и-и-хи-хи»...

— Ой-ой! Ой-ой! Мамка! Мамка моя!

— Не цапайся! Багромъ хвачу!

Лариса подходитъ къ бабамъ.

— Сиротка, бабушка, плачетъ?

— Сиротка, барышня, круглая сиротка, — отвѣчаетъ одна баба, кривая и съ лицомъ, изрытымъ оспой.

— А чѣмъ померла покойница?

— Да это лихой болѣстью, сказывали, матушка... Только пустое это...

— Како пустое, мать моя!—возражаетъ другая баба съ мужиной шапкой подъ мышкой (чтобъ мужъ не пропилъ).

— Знамо пустое... Вонъ и какъ я оспой окривѣла, такъ этакъ же сказывали: коли-де кто въ шпитали не лѣчится отъ этой воспы самой, такъ умретъ. А я вонъ живехонька...

— Да то воспа... а эта, на, поди! Ѳедотъ да не тотъ...

— Пустое, голубь мой! Коли бы моръ, у нее бы голова не болѣла. А то спервоначалъ у нее головушку расшибло, рукиноги отнялись, чирьи черные вскочили въ пахахъ да за ушами, а тамъ кровью харкала, на томъ Богу и душеньку отдала... А ты говоришь—моръ! Это приказные моръ выдумали, чтобы бѣдныхъ людей тѣснить, — энергически отстаивала свое мнѣніе кривая баба.

— А какъ же, мать моя, сказывали, кошка бытта изъ Кеива принесла ее...

— Пустое, голубь! И какъ это кошка изъ Кеива до Москвы дойдетъ? Ее собаки разорвутъ...

— И то правда... А то, мать моя, болтаютъ люди, бытта ее, болѣсть-ту эту, солдатъ съ собакой привелъ... А собака-то турецка, слышь...

— И то пустое, голубь! — настаивала на своемъ кривая баба-скептикъ.

— А суконщики мнѣ сказывали, бытта ее въ образкѣ съ волосами привезли, господа привезли...

— Пустое! Ишь чево натородили! Пойдетъ она, анаѳемская, въ образокъ, въ экое святое мѣсто! Наплюй тому въ глаза, кто это говоритъ... Ишь «житецкое море» батюшка-то какъ знатно наладилъ... Хорошо такъ помирать, пошли Богъ всякому такой конецъ.

Лариса не имѣла силъ слушать дальше бабью болтовню... «Образокъ съ волосами», это ея образокъ... Словно ожгло ее отъ этихъ словъ... Молва о ея образкѣ ходитъ по городу... Мысли дѣвушки путались...

Телѣга съ гробомъ повернула за уголъ и скрылась. Дѣвушка ускорила шаги. Позади ея что-то катилось съ грохотомъ и слышались возгласы: «гись! гись!» Это мчалась коляска съ двумя верховыми казаками назади. Въ колескѣ сидѣло что-то важное, зорко посматривая по сторонамъ. Лариса гдѣ-то видѣла это строгое лицо... Ахъ, да! Тогда, когда она ходила къ Василію Блаженному и встрѣтила доктора Крестьяна Крестьяныча, тогда этотъ важный баринъ ѣхалъ изъ Кремля.

— Ероѳкинъ енаралъ самъ,—торопясь снять картузъ, пробормоталъ какой-то купчина, стоя на порогѣ своей лавки.— Ишь, язву ищетъ... Сунься, пымай ее,—скептически ворчалъ купчиха;—не чиста Москва, слышь... самъ чистъ...

Ероѳкинъ промчался молніей. Лариса шла, не подымая головы и думая горькую думу... Но странное сердце человѣческое; дѣвушка въ то же время думала и о телячьей печенкѣ, которую «папочка любитъ», и о грушевомъ квасѣ изъ Сундучнаго ряда...

— Здравствуйте, милая дѣвочка!—раздался вдругъ ласковый знакомый голосъ.

Дѣвушка вздрогнула и оглянулась. Это былъ веселый докторъ, ѣхавшій на парѣ ямскихъ.

— Куда порхаете, птичечка Божія? — продолжалъ докторъ.

— Къ Настѣ иду...

— А! Бѣляночка-то... Кланяйтесь ей... А я все къ вамъ никакъ не попаду, вотъ все за чадушкомъ своимъ гоняюсь,—и докторъ указалъ рукой по тому направленію, куда ускакалъ Ерошкинъ.—Все ловимъ незванную гостью, пусто-бъ ей было! А папочка?

— Здоровъ, Крестьянъ Крестьянычъ.

— И все также печенку любитъ?

Дѣвушка улыбнулась.

— А! Это хорошо... Прощайте, дѣвочка хорошая... Мнѣ некогда, мнѣ дѣла и умереть не дадутъ...

Онъ гикнулъ на ямщика и помчался... Опять гробъ тащится по улицѣ; но уже безъ попа, безъ крестовъ... но съ мортусомъ и багромъ... Какая, должно быть, бѣдность страшная! Да это и видно по тому рубищу, которое надѣто на человѣка, идущаго за гробомъ, но не плачущаго... глаза сухіе, но какіе! Что въ этихъ глазахъ сидитъ! Ужъ лучше бы они плакали... легче бы было видѣть...

Прохожіе снимаютъ шапки и крестятся, качая головами... Нѣтъ-нѣтъ да и опустится у иного прохожаго рука въ карманъ, пошаритъ тамъ, и на мостовую, у ногъ идущаго за гробомъ и не плачущаго человѣка звякнетъ то копѣйка, то грошъ, то пятакъ, звякнетъ вмѣсто колокола, который и не звонилъ по умершемъ бѣднякѣ. Опять крестится. Идущій за гробомъ тоже крестится, нагибается и подбираетъ даяніе «на поминъ души». Надо брать!..

— Эхъ, жисть!—слышится въ сторонѣ.

И дѣвушка бросаетъ свою монетку; но такъ неловко... Тихо звякаетъ объ камушекъ что-то серебряное, тотъ, однако, замѣчаетъ, крестится и нагибается...

А изъ растворенной двери кабака какой-то пьяный запорожецъ, и какъ его занесло въ Москву! длинной хворостиной гонитъ какую-то бабу, вѣрно гулящую, и, притопывая, выговариваетъ:

— Гей, жинко, до дому!

Какая страшная мѣшанина жизни и смерти!.. Лариса бѣгомъ убѣгаетъ отъ этого зрѣлища...

Настю она застала дома. И Настя похудѣла за это время. Это было одно изъ тѣхъ бѣлокуренькихъ прозрачныхъ существъ, которыя такъ нравятся черномазымъ мужчинамъ. Ростомъ она была ниже Ларисы, которая смотрѣла довольно высокенькою. И

характеромъ онѣ рознились одна отъ другой, какъ и лицами: на прозрачномъ, еще дѣтски-кругленькомъ, не удлинившемся до длинноты возмужалости личикѣ Насти, и въ ея голубыхъ, такихъ же прозрачныхъ и свѣтлыхъ глазахъ отражалась ея, если можно такъ выразиться, прозрачно-чистая душа, ея откровенность быстрая воспріимчивая и такая же впечатлительность; болтливый розовый ротикъ постоянно обнаруживалъ частые, бѣлые и мелкіе какъ у мышонка зубы; у Ларисы же на смугломъ, матовомъ лицѣ и въ большихъ черныхъ, съ бо́льшущими бѣлками, по какъ будто усталыхъ глазахъ не все отражалось, что шевелилось подъ черною, обвитою въ два жгута вокругъ головы косою и подъ лифомъ чернаго платья, она была сдержаннѣе своей пучеглазой подруги, молчаливѣе, замкнутѣе и поглубже по самому содержанію. Изъ первой всякій кремень сейчасъ высѣкалъ искры; со второй никакой кремень иногда не могъ ничего сдѣлать... Объ темныхъ «сѣнцахъ», въ которыхъ совершилось нѣчто, тогда же наблюдательному глазу можно было догадаться по глазамъ Насти... Когда же у Ларисы были первыя темныя «сѣнцы» съ ея Александромъ, который лежитъ теперь у Прута въ вѣчныхъ «сѣнцахъ», въ сѣни смертной—объ этомъ никто никогда не догадывался... А «сѣнцы» были, оттого и волосы Ларисы очутились на груди у Александра во время болѣзни... но въ могилу его положили безъ чернаго локона на груди... Куда онъ дѣвался?

Настя очень обрадовалась своей подругѣ, и тотчасъ повѣдала ей свое горе. Два молодые сержантика были зимой въ Москвѣ; но она ихъ не видала, они лежали въ госпиталѣ, и ихъ оттуда не выпускали въ городъ... Но онъ, понятно, кто онъ: черномазый и сѣроглазый Рожновъ Игнаша, онъ прислалъ ей поклонъ. Отъ него приходилъ какой-то рыжій солдатъ съ красными бровями и съ черной косматой собаченкой, которую онъ называлъ Малашей, и которая, какъ онъ говорилъ, «на турка ходила» и подъ Кагуломъ «на самаго везиря лаяла»... Потомъ Настя съ матерью ѣздила на святки къ роднымъ въ Кусково и тамъ прожила до апрѣля. А когда воротилась въ Москву, то сержантовъ уже не было въ городѣ, и гдѣ они, она не знаетъ...

— Вѣрно опять на этой войнѣ; Господи! Когда она кончится!—заключила она со вздохомъ.—А скоро опять весна начнется, скоро сирень зацвѣтетъ... (Въ прозрачныхъ глазахъ ея

ясно отразились темныя «сѣпцы»).—А ты, Ларочка, давно получала отъ Александра?

Лариса сидѣла, какъ мраморная, опустивъ глаза и о чемъ-то думая. Какою дѣтскою наивностью звучали для нея слова ея подруги! Какъ она сама выросла за эти мѣсяцы, охъ, какъ выросла! До могилы доросла...

— Давно, Лара?

— На святки,—чуть слышно отвѣчала Лариса.

— Что-жъ онъ пишетъ? Скоро пріѣдетъ?

— Нѣтъ... онъ никогда уже не пріѣдетъ...

— Какъ! Отчего, Ларочка?

— Вмѣсто себя онъ прислалъ локонъ своихъ волосъ...

— Вотъ какой! Но и это, душечка, хорошо... А у меня и локона его нѣтъ... Хоть я знаю, что онъ любитъ меня, но онъ еще ни слова не сказалъ мнѣ объ этомъ... Онъ такой застѣнчивый... А твой отчего же не ѣдетъ? Не пускаютъ?

— Онъ умеръ, Настя.

Сначала Настя какъ будто не поняла своей подруги. Она думала, что ослышалась, что та шутитъ. Но когда увидѣла, что Лариса сидитъ блѣдная, какъ потемнѣвшій мраморъ и изъ-подъ опущенныхъ ея рѣсницъ выкатились двѣ слезы, тутъ только разсмотрѣла она перемѣну, происшедшую въ ея другѣ съ тѣхъ поръ, какъ дѣвушки не видались. Настя сама поблѣднѣла, ея живое личико отразило на себѣ и страшный испугъ, и глубокое горе... Она подошла къ склоненной головѣ Ларисы, тихо взяла ее въ свои руки и, припавъ къ этой черной, скорбной головкѣ, горько заплакала, не находя словъ для утѣшенія. Да и какое тутъ утѣшеніе въ то время, когда больше чѣмъ руку отшиливаютъ!..

Молча онѣ плакали обѣ. Наплакались вдоволь.

— Что жъ? Какъ же теперь?—не знала что спросить распухшая отъ слезъ Настя, когда слезы были выплаканы.

— Не воротишь ужъ,—тихо отвѣчала Лариса покорнымъ голосомъ.

— Да... не воротишь... Боже, Боже!

— Но я... надумала,—еще тише сказала Лариса.

— Что, душечка?—встрепенулась Настя.

— Я хочу видѣть его могилу.

— А гдѣ она?

— Не знаю... въ Турціи гдѣ-то...

— Да какъ же ты найдешь ее, милая?

— Я разузнаю отъ Крестьяна Крестьяныча, онъ хоронилъ его.

— Онъ! А онъ здѣсь?

— Здѣсь... кланяется тебѣ.

Лариса замолчала. Подруга не узнавала ея. И прежде Лара была много серьезнѣе ея, характерная такая, а теперь въ ея словахъ, въ ея голосѣ слышалась какая-то упрямая увѣренность и твердость.

— Какъ же ты, душечка, попадешь въ Турцію?—спросила Настя, хотя и вѣровавшая всегда въ Лару, что та даромъ словъ не говоритъ, но тутъ и она не знала, что думать. Турція далеко...

— Меня повезутъ туда!—спокойно отвѣчала Лариса.

— Кто же, милая, повезетъ-то? Твой папаша?

— Нѣтъ, вотъ что, Настя... При арміи, за больными и ранеными ходятъ иногда монахини и другія женщины... Я сдѣлаюсь сидѣлкой... Я ужъ объ этомъ думала... Туда принимаютъ только тѣхъ, которыя ужъ сиживали въ гошпиталяхъ... Я поступлю здѣсь въ главную сухопутную гошпиталь, гдѣ Саня учится, и тамъ научусь ходить за больными. Теперь же у насъ нужны сидѣлки: вонъ что начинается въ Москвѣ! Меня примутъ. А тамъ я попрошусь въ армію. А тутъ я теперь не жилица на бѣломъ свѣтѣ!

Послѣднія слова были сказаны съ горечью и силой. Настя сидѣла не шевелясь, вся пунцовая, она тоже забирала себѣ что-то въ голову...

— Такъ и я съ тобой, Ларочка, пойду,—сказала она нерѣшительно.—Возьмешь меня?

Лариса молча и серьезно посмотрѣла на нее.

— Ты не шутишь? Обдумала?

— Не шучу... Я... (она еще больше покраснѣла).

— Подумай... Это не шутка...

— Я... я не могу жить безъ него,—сказала она порывисто, и свѣтлые глаза ея потемнѣли.—А тамъ, въ Турціи, съ тобой я найду его... можетъ быть раненымъ...

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. «Маменька

идетъ»,—шепнула Настя, блѣднѣя. Дѣвушки прекратили разговоръ. Да оно и кстати: на улицѣ пьяные голоса отхватывали:

Полоса-ль моя, полосынька,
Полоса-ль моя не паханая...

Пѣсни... рыданья... смѣхъ... слезы... похоронный перезвонъ... сѣницы... могила... моръ, все это разомъ валится изъ мѣшка жизни... только расхлебывай!

IX. Сказаніе о «пикникѣ». Встрѣча.

На другой день утромъ, сойдя съ своего мезонинчика внизъ, къ чаю, Лариса застала тамъ веселаго доктора. Крестьянъ Крестьянычъ разговаривалъ о чемъ-то съ отцомъ и братомъ. При входѣ Ларисы они, видимо, замяли разговоръ и переглянулись. Дѣвушка со всѣми поздоровалась. Она смотрѣла какъ будто бодрѣе, спокойнѣе.

— Ну, Ларивонъ Ларивонычъ, напой-ка насъ часомъ, да хорошенько,—сказалъ отецъ, ласково цѣлуя ее въ голову.

— Да саечку свѣженькую, милая хозяюшка, нельзя ли?— прибавилъ веселый докторъ, потирая пухлыя свои ручки.

— А какую, Крестьянъ Крестьянычъ? — спросила дѣвушка.—Заварную или съ изюмомъ?

— Заварную... заварную-съ... А можно и съ изюмомъ эдакъ, не претитъ и это.

У дверей стояла краснощекая дѣвочка и во весь ротъ улыбалась, глядя на веселаго доктора.

— Что, Клюковка, тебя еще воробьи не склевали?—обратился къ ней веселый докторъ.

Дѣвочка прыснула со смѣху.

Братъ Ларисы, Саня, юный лѣкарскій школьникъ, замѣтилъ:

— Вашимъ больнымъ, Крестьянъ Крестьянычъ, должно быть всегда очень весело.

— Очень... очень! Такъ всегда и заливаются со смѣху; а теперь и удержу имъ нѣтъ.

Лариса командировала Клюкву за сайками и сѣла разливать чай.

— А какъ «бѣлянчка» поживаетъ, хозяюшка? Не замужемъ еще?—спросилъ докторъ.

— Нѣтъ,—тихо сказала Лариса, не глядя на доктора.

— Ну, ничего, подождетъ...

— Не до женитьбы теперь,—замѣтилъ отецъ Ларисы.

— Отчего-жъ, коллега? Самое какъ есть время... Вы про болѣзнь-то эту? Э! Пустое! Она веселья боится, такая погань, я вамъ доложу... А знаете, что, коллегушка?—спросилъ веселый докторъ серьезно.—Раскусили вы эту шельму, а?

— Какую, язву, что ли?

— Ее каналью... Вѣдь она у насъ доморощенная: ну, вотъ точь-въ-точь какъ всегда на Москвѣ были сайки, да грушевый квасъ, да царь-пушка, такъ всегда была у насъ и чума...

— Вы шутите, товарищъ?

— Нѣтъ, порази меня царь-пушка, коли я шучу... Мы ее какъ сайку дѣлаемъ... Я докладывалъ объ этомъ и своему генералу.

— Еропкину?

— Еропкину, и онъ согласился со мной... Мало того: его превосходительство изволилъ замѣтить, что почти то же говоритъ и преосвященный Амвросій, только языкомъ ветхозавѣтнымъ, а я говорю языкомъ этой шельмы медицины... Пестисъ у насъ, батенька, на Москвѣ растетъ цѣлыми бакчами, какъ дыня въ Астрахани. Я вчера и его превосходительство Петра Дмитрича возилъ на наши чумные баштаны, такъ диву дался: дынь-ки-то ужъ зрѣютъ, батенька... Генералъ такъ и объ полы: «И какъ-де только мы и живы поднесь!»

Атюшевы, отецъ и сынъ и Лариса, съ удивленіемъ и улыбкою смотрѣли на веселаго доктора.

— Васъ товарищъ, никогда не разберешь, шутите вы или матерію говорите,—улыбаясь, замѣтилъ Атюшевъ-отецъ.

— Я, батенька, всегда матерію говорю, въ сурьезъ, — отвѣчалъ веселый докторъ и при этомъ сдѣлалъ такое лицо, что молодой Атюшевъ невольно разсмѣялся, а Клюква, воротившаяся съ сайками, прыснула со смѣху и уронила корзинку на полъ.

— Ну, такъ гдѣ-жъ это вы изволили видѣть у насъ чумную бакчу, товарищъ? — спросилъ Атюшевъ-отецъ, принимая изъ рукъ дочери чашку чаю.—Ахъ ты, мой Ларивоновичъ!—ласково улыбался онъ дочери.

Веселый докторъ сдѣлалъ серьезное лицо и держа ломоть сайки передъ молодымъ Атюшевымъ, сказалъ:

— Ну, младой эскулапъ, позвольте васъ маленько пощупать, проэкзаменовать-съ эдакъ малость, ась?

— Извольте, Крестьянъ Крестьянычъ, я повинуюсь вамъ,—отвѣчалъ съ улыбкой молодой Атюшевъ.

Веселый докторъ скорчилъ мину экзаменатора.

— Что есть, государь мой, моровая язва?

— Моровая язва—пестисъ, есть особаго рода болѣзнь, всѣхъ другихъ опаснѣе, сильно прилипчивая контагіоза, и производя наружные знаки на тѣлѣ, какъ-то: бобоны, карбункулы, апоракъ-сесъ и малыя черныя пятна, петехіи, скоро и по большей части предаетъ смерти,—отвѣчалъ молодой Атюшевъ по заученному.

— Изрядно, государь мой... Опредѣлите источникъ болѣзни.

— Источникъ сея болѣзни, по примѣчанію разныхъ писателей, находится въ самыхъ жаркихъ мѣстахъ, въ Индіи, въ Африкѣ, а особенно въ Египтѣ. Ядъ моровой язвы не только прилипаетъ къ тѣламъ человѣческимъ, но и ко всякимъ вещамъ. Сія прилипчивость причиною, что моровая язва въ отдаленнѣйшія и холоднѣйшія страны переходитъ и, разсѣвая чрезъ прикосновеніе ядовитое сѣмя, бѣдственныя производитъ дѣйствія.

— А мы откуда сію болѣзнь получаемъ?

— Изъ Цареграда: Царьградъ и прочія въ турецкихъ областяхъ торговыя мѣста, по превратному у турковъ правилу, по которому они все приписываютъ правленію слѣпого рока, почти всякій годъ претерпѣваютъ отъ язвы немалый въ людяхъ уронъ.

— Изрядно, изрядно... Итакъ, мы и существо сея шельмы, и источникъ знаемъ... А гдѣ сея шельма пестисъ зарождается и отчего? Кто ее сѣетъ? Кто пахарь? А плесните мнѣ, барышня, еще (это ужъ къ Ларисѣ)... Ну-съ, гдѣ оная рождается?

— Доселѣ извѣстны были медицинѣ три главныхъ гнѣздилища сей язвы и по оныхъ гнѣздилищамъ оная и именуется: пестисъ индика имѣетъ своимъ гнѣздилищемъ Индію, пестисъ левантана имѣетъ гнѣздилище въ Малой Азіи и Леванте, и пестисъ египта — въ Египтѣ, въ Каирѣ. Тамъ она и выростаетъ.

— Изрядно, сударь мой. А гдѣ вотъ эта сайка выросла?.. А?.. Откуда она?

— Изъ Обжорнаго ряду, баринъ, — поторопилась Клюква.

Всѣ разсмѣялись. Сконфуженная дѣвочка спряталась за дверь.

— Изрядно, изрядно, Клюковка... Обжорный рядъ — это своего рода Каиръ... А гдѣ финикъ растетъ?

— Въ Африкѣ, кажется?

— Изрядно, въ Африкѣ, гдѣ и чума же... а на Таганкѣ вырастетъ финикъ?

— Нѣтъ, не по климату.

— Изрядно-съ. А слонъ гдѣ родится, государь мой?

— Въ Индіи, Крестьянъ Крестьянычъ.

— Преизрядно. А на Кузнецкомъ Мосту слонъ водится?

— Не видалъ,—юноша разсмѣялся.

— Ну, дѣло. Теперь опять къ шельмѣ п е с т и с ъ перейдемъ... Говорятъ, что ее къ намъ занесли изъ Турціи. Ладно! А занесите-ка на Дѣвичье поле финикъ, примется онъ?

— Извѣстно, засохнетъ и не примется.

— Тоже, думаю, тутъ ему не мѣсто.

— Ладно. Пойдемъ далѣе. Значитъ, все можно занести въ Москву, и слона, и финикъ, да жить-то они здѣсь не могутъ, вымрутъ... Ну-съ, еще далѣе пойдемъ. Говорятъ, п е с т и с ъ занесена къ намъ изъ Турціи вмѣстѣ съ финиками, изюмомъ да еще тамъ кое-чѣмъ... Ну, тутъ бы ей и капутъ. Такъ нѣтъ! Она, шельма эдакая преспокойно ростетъ и множится. Ясно, что попала на родную почву: для нея подлой, что Индія, что Египетъ, что Левантъ, что Москва, все едино... А отчего вотъ она, бестія, не растетъ въ Лондонѣ, али бы въ Парижѣ?

— Когда ее занесутъ, Крестьянъ Крестьянычъ, такъ она и тамъ будетъ расти, — горячо отвѣчалъ юноша, — вонъ въ XIV вѣкѣ, читалъ намъ Шафонскій, она всю Италію и Францію прошла, а въ Марсели такъ ни единаго человѣка въ живыхъ не оставила.

— Изрядно, государь мой. Это оттого, что тогда Парижъ былъ то же, что наша Москва-матушка, а Марсель—все едино, что нашъ Суконный дворъ... Для этой шельмы п е с т и с ъ, значитъ, тогда почва была благопріятна во всей Европѣ. А нынѣ ее оттуда помеломъ гонятъ, вотъ что. А къ намъ она, вонъ,

пришла какъ въ свой домъ, полной хозяйкой, какъ вотъ барышня милая здѣсь. А отчего? Оттого что мы — Индія государи мои: Москва-рѣка сей священный Гангъ, а Яуза съ Неглинной—это такіе Тигръ и Евфратъ, что въ нихъ рыба дохнетъ... Вотъ что, милая дѣвочка!—обратился онъ вдругъ къ Ларисѣ.

Дѣвочка невольно вспыхнула. Атюшевъ смотрѣлъ на веселаго доктора серьезно.

— Да, въ вашихъ словахъ есть доля правды,—задумчиво сказалъ онъ.

— Не доля, коллегушка, а полна шапка правды. Я такъ и Еропкину докладывалъ, когда мы навѣщали нашихъ суконщиковъ да прочихъ фабричниковъ... Поняли вы эту сказку, милая дѣвочка?—вдругъ обратился онъ опять къ Ларисѣ.

У Ларисы на глазахъ блестѣли слезы.

— Поняла, Крестьянъ Крестьянычъ.

— То-то же... А то какая-то сорока на хвостѣ принесла, яко бы изъ Турціи нѣкіи младые сержанты привезли къ нѣкоей отроковицѣ образокъ съ волосами умершаго ихъ друга, и отъ этихъ яко бы волосъ п е с т и с ъ по Москвѣ пошла, слоны по Кузнецкому Мосту забѣгали, у Власья цѣлыя финиковыя рощи разцвѣли...

— А какъ же, Крестьянъ Крестьянычъ, няня-то умерла?—робко спросила дѣвушка.

— Няня-то, «Пахонина», милая дѣвочка? А гдѣ захворала «Пахонина». У сторожа церкви священномученика Власья? А кто въ семьѣ у сторожа-то былъ? Суконщики, фабричники, паріи наши... Не няня заразила ихъ, а они огорченной старушкѣ на шею п е с т и с ъ повѣсили, да и сами перемерли... Вотъ, что дѣвочка хорошая...

Веселый докторъ замолчалъ. Всѣ сидѣли такіе задумчивые. Мѣрно щелкалъ только маятникъ часовъ да изрѣдка съ улицы доносились роковые коноры: «Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею»...

— Эхъ, кабы я былъ богатъ,—со вздохомъ сказалъ веселый докторъ.

— А что—спросилъ Атюшевъ-отецъ.

— Я бы еще чашечку чайку испилъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Такъ я вамъ палью,—поторопилась дѣвушка.

— Плесните, милая барышня...

Лариса, вся пунцовая, несмотря на свою смуглоту, задумчиво наливала чай и недоумѣвающе посматривала то на отца, то на брата...

«Житейское м-о-о-ре!»...

— Эхъ, кабы я былъ богатъ!—снова вздохнулъ весельчакъ.

— А что?—улыбаясь спросилъ Атюшевъ.

— Уснулъ бы, ухъ, какъ уснулъ бы! Всю ночь не спалъ, съ Еропкинымъ да съ больными возился... А тамъ, къ утру, его сіятельство, графъ Салтыковъ, оберъ-полицеймейстера присылаетъ за мной, «по самонужнѣйшему дѣлу», говорятъ... Испугался я; «что такое! говорю: что случилось!» Флора, говорятъ, занемогла: не ѣстъ ничего...

— А кто эта Флора, Крестьянъ Крестьянычъ?—участливо спросила Лариса.

— Собака любимая у графа...

А на улицѣ опять: «житейское море!..». Веселый докторъ посмотрѣлъ на часы и быстро всталъ.

— Ну, прощайтесь со мной,—сказалъ онъ, подавая руку хозяйкѣ и цѣлуя ее въ руку.—Прощайте, друзья... Въ Индію ѣду, въ Симоновъ монастырь...

И веселый докторъ торопливо вышелъ. Заѣхавъ на минуту къ Еропкину, у котораго онъ состоялъ въ личномъ распоряженіи, веселый докторъ поскакалъ въ Симоновъ монастырь. Проѣзжая мимо Варварскихъ воротъ, онъ съ видимымъ неудовольствіемъ хмурился. Съ каждымъ днемъ толпы чернаго народа, мастеровыхъ и сидѣльцевъ кучились въ разныхъ пунктахъ города все болѣе и болѣе. У разныхъ часовенъ, у воротъ городскихъ, у всѣхъ почти иконъ, которыхъ такъ много выставлено на всѣхъ улицахъ Москвы ради лобызанья и ставленья воскояровыхъ свѣчечекъ съ грошовыми кружечными и тарелочными сборами, на всѣхъ площадяхъ шло непрестанное всемоленіе либо благочестивое разглагольствованіе... Словно рыба во время метанья икры, народъ терся другъ о дружку на всевозможныхъ мѣстахъ... До слуха веселаго доктора долетали отдѣльныя слова, фразы, одна другой нелѣпѣе, но тѣмъ болѣе зловѣщія: «табашники»... «перстное сложеніе»... «церков-

ники»... «люторская ересь»... «моръ»... «божье насланіе»... «пи-фикъ»...—«Что такое пификъ?»—думалось ему.

— Вотъ и приходитъ къ нему, къ попу Мардарью, что у Троицы въ Сыромятникахъ, пификъ...

— А кто-жъ онъ, этотъ фификъ, батюшка?

— Не фификъ, а пификъ.

— Пи-фи-фи-фификъ... Ишь мудреное слово какое!

— Приходитъ этотъ пификъ къ попу Мардарью въ образѣ старца и говоритъ: «О горе! горе! горе великому граду Москвѣ!..»

— Охъ, Господи! Что-жъ это будетъ!

— А ты слушай... Горе, говоритъ, Москвѣ... Пошлетъ на нее Богъ каменный дождь, и избіетъ тотъ дождь всяку живу душу, и скотъ, и птицу, и всѣхъ людей даже до сущихъ младенцевъ...

— Охъ, Святители! За что-же, отецъ родной?

— А ты не перебивай... И пошлетъ Богъ,—говоритъ онъ пификъ отцу Мардарью,—огненную рѣку на Москву, и потечетъ оная рѣка отъ Чудова монастыря Спасскими воротами до Лобнаго мѣста, а отъ Лобнаго мѣста потечетъ внизъ подъ гору мимо Свѣчного ряду да по Яблошный рядъ, а отъ Яблошнаго потечетъ та рѣка чрезъ ряды Травяный и Сѣменный, и Рыбный, а изъ Никольскихъ воротъ потечетъ та рѣка мимо рядовъ Ножовово и Сайдачнаго, Шорнаго и Колокольнаго, Желѣзнаго и Монатейнаго, Кружевново и Ветошнаго, а Иконный рядъ не захватитъ, потому иконы тамъ... Да потечетъ та рѣка мимо рядовъ Игольнаго, Кушачнаго, Овощново, да черезъ ряды Суровской и Сапожной, Зеркальной да Панскій, Охотный да Голичный...

— Батюшка! Всѣ ряды переберетъ! За что же, родной?

— А за грѣхи, за немоленье...

— Мы ли, батюшка не молимся! Кажись, денно и нощно...

— Мало, безъ усердія, не съ чистымъ сердцемъ...

— Да я тебѣ, отецъ родной, ладану четверикъ поставлю росново, жги, кури темьяномъ-то Божьимъ до неба...

— Такъ-то, такъ, да все не то...

— Свѣчъ тебѣ надобно? Да я тебѣ свѣчъ поставлю лѣсъ цѣлый, боръ боромъ...

— Оно точно...

— А колоколъ хошь? Въ тыщу пудовъ вгоню...

— А можетъ Богъ и смилуется... Только этотъ самый пификъ говоритъ отцу Мардарью: за чужіе-де грѣхи Москва понести должна. Еретикъ-де сидитъ у васъ въ Чудовомъ...

— Кто жъ онъ, отецъ родной?

— Амвросій, слышь, архіепископъ...

— То-то мы слышали, не русской онъ вѣры, слышь, а малороссійской, изъ волохъ родомъ...

— Это точно... Не архіерей онъ Божій, а Оброська-еретикъ...

— Охъ, грѣхи, грѣхи!

— Вотъ намъ, церковнымъ попамъ, служить не велитъ, народъ отъ вѣры отгоняетъ... Вотъ, что пификъ сказывалъ.

— Да растолкуй-ты мнѣ, Христа ради, батька, кто жъ этотъ фификъ-то самый? Святой мужъ, что-ли? Не пойму я что-то...

— Все это отъ темноты...

— Знамо, отъ темноты... Да гдѣ-жъ намъ свѣту-то взять? Только отъ васъ, поповъ, и свѣтимся...

— А онъ насъ гонитъ, Оброснмъ-то архіепископъ.

— За что же гонитъ-то?

— А ради своей корысти, чтобъ его церковникамъ жирнѣе было... Оттого Богъ и моръ наслалъ на насъ.

Такъ «гулящій попикъ», недалеко отъ Варварскихъ воротъ, стоя у одной лавки Юхотнаго ряда, проповѣдывалъ невообразимыя нелѣпости толстому купчинѣ съ мочальной бородой и этими нелѣпостями ужасалъ своего довѣрчиваго слушателя такъ, что того бросало и въ жаръ, и въ холодъ. Не было басни, самой невозможной, но только приправленной непонятными словами вродѣ «пификъ» или «чудо», или «знаменіе», или «во образѣ старца» и т. п., которой бы не повѣрилъ народъ и та изъ его интеллигенціи, которая сидѣла по Юхотнымъ да Суконнымъ рядамъ. А теперь эти росказни вертѣлись или около «мору», или около будущаго «каменнаго дождя», или же ожидаемой «огненной рѣки»—и все напряженно слушало ораторовъ вродѣ «гулящаго попика». А «гулящій попикъ» представлялъ собою олицетвореніе того неудовольствія, которое съ каждымъ днемъ росло все болѣе и болѣе среди бѣднаго и заштатнаго духовенства на архіепископа Амвросія, рѣшившагося изгнать изъ Москвы «паемное священство». Пресвященный

тѣмъ энергичнѣе приступалъ къ этому дѣлу, что видѣлъ, какъ народныя скопища, руководимыя гуляющими попами, способствовали распространенію заразы: больные и зараженные выползали на площади, чтобы присутствовать на молебствіяхъ, терлись около здоровыхъ, заражали своимъ иконоприкладствомъ и лобызаніемъ крестовъ, и эти иконы и кресты, къ которымъ прикладывались послѣ нихъ здоровые, и разносили по домамъ и по всему городу смерть...

Пресѣчь это исторически окрѣпшее на московской почвѣ зло не было никакой возможности: скорѣй Москва-рѣка потечетъ вспять, чѣмъ Москва — городъ пойдетъ впередъ, поступится своими историческими привычками. Да и какъ искоренить это зло, когда и народъ, и сидѣльцы, и купчины всевозможныхъ родовъ, и сами попы, все это воспиталось на одномъ молокѣ, все это одинаково вѣрить и «пифику» какому-то, котораго никто не видалъ, и «каменному дождю», и «огненной рѣкѣ», и «жупелу», и «старцамъ въ соніяхъ»!.. Амвросій, не понимая московскаго человѣка, для котораго кричаніе молитвенное и кажденіе ладономъ до неба и оглушительное колокольное словословіе, та же «широкая масляница», старается, вмѣстѣ съ Еропкинымъ, вытѣснить съ улицъ и площадей «гуляющихъ попиковъ» съ ихъ блеющею до неба паствою, а вмѣсто этихъ попиковъ выползаютъ на торжища настоящіе попы, ставленные, хиротонисованные, и литургисаютъ во всю ивановскую... «Мерзкіе козлы, и попами ихъ грѣхъ назвать!»—кричитъ съ негодованіемъ самовидецъ московскихъ оргій, Бантышъ-Каменскій, племянникъ Амвросія и отецъ историка; — мерзкіе козлы, оставивъ свои приходы и церковныя требы, собирались тутъ же на площадяхъ, съ налоями, дѣлая торжища, а не богомолье...

А между тѣмъ, Амвросій, ратуя противъ всесильнаго Охотнаго ряда, не видѣлъ, что этимъ онъ скопляетъ надъ собою и надъ всей Москвой страшный горючій матеріалъ... Онъ не видѣлъ, что сѣра уже клокотала подъ землей... По улицамъ уже ходили разсказы о «соніяхъ», о «пификахъ», о плачущей иконѣ... Имя «не-русскаго» архіерея начало повторяться чаще и чаще... А тутъ моръ! Тутъ война съ турками, съ волохами, а архіерей самъ волохъ!.. Взвыли бабы, московская сила...

— У него, матыньки, келейникъ, запорожецъ во какой! Сама видѣла...

— Съ косой, мать моя, и табачище жретъ...

— Да и родня-то у него все волохи, черномазые такіе...

— Вонъ у него въ Воскресенскомъ братъ архимандритомъ, Никономъ называется, настоящій Никошишко-табашникъ...

— А тамъ, мать моя, къ нону Мардарью пификъ, сказываютъ, приходилъ...

— Какой пификъ, родимушка?

— А страшный, колѣнками назадъ.

— Владычица матушка! Укрой отъ глада и мора...

И стономъ стонетъ Москва отъ своей глупости... А, между тѣмъ, моръ не унимается... Народъ начинаетъ озорничать, пѣтъ-пѣтъ да придерется къ чему-нибудь или къ кому-нибудь, да въ салазки, да за волосы, и пошла потасовка на улицѣ... А ужъ «чужой» и не подвертывайся: свои собаки грызутся, чужая не мѣшайся, разорвутъ...

Вонъ отъ Гройцы-на-рву, мимо Винныхъ рядовъ, мастеровые несутъ покойника... Хмурыя такія лица... «Гулящій попикъ» уже впереди, вытащилъ изъ-подъ монатейки крестикъ, забылъ о «пификѣ» и ужъ козло-гласуетъ: «житейское м-о-о-ре!..».

У кизлярскаго погреба, пригрѣвшись на солнышкѣ, сидитъ армянинъ-погребщикъ и, вѣроятно, вспоминая о своей далекой родинѣ, монотонно повторяетъ сочиненную имъ на національный мотивъ пѣсенку:

Адынъ Сунджа, адна Терыкъ,
Адынъ Сунджа, адна Терыкъ...

— А! Нехристь постъ!.. Не видитъ рази покойника!..

Бацъ въ ухо! Ошеломленный армянинъ хватается за ухо за щеку...

— За што били! За какой винъ!

— Вотъ за какой, некрещеная рожа! Не видишь...

— Лупи армяшку!

И еще въ щеку! Бѣдный армянинъ кубыремъ скатывается въ свой погребокъ... А процессія продолжаетъ двигаться дальше, какъ ни въ чемъ не бывало... А «житейское море» тянетъ за душу, тоску наводитъ...

Въ тотъ же день, возвращаясь изъ своихъ разъѣздовъ снова

Варварскими воротами, веселый докторъ вдругъ велѣлъ своему возницѣ остановиться. Что-то на площади привлекло его вниманіе...

По площади шелъ солдатъ, лицо котораго особенно рѣзко бросилось въ глаза своими густыми бровями. Рядомъ съ нимъ бѣжала собаченка, постоянно забѣгавшая впередъ и заглядывавшая въ глаза своему спутнику. Солдатъ, видимо, разсуждалъ о чемъ-то, обращаясь къ собаченкѣ, а собаченка, казалось, понимала его.

— Ба-ба!—пробормоталъ докторъ. — Да это, кажись, старый знакомый... Да и собаченка наша.

Солдатъ поровнялся съ докторомъ, продолжая разговаривать съ собакой.

— Эй служба! Здорово!—закричалъ докторъ.

Солдатъ остановился, а собаченка разомъ весело залаяла и привѣтливо замотала хвостомъ.

— Али не узнаешь азовца, Рудожелтый Кочетъ? — улыбался докторъ.

— Ахъ, ваше благородіе! Какъ не узнать васъ!—радовался солдатъ.

— А! Узналъ, рыжій!

— Васъ-то не узнать! Да будь вы иголка, такъ я васъ въ стогѣ сѣна сыскалъ бы...

— Такъ-такъ... Вонъ и Малапья узнала... Ахъ ты, псина глупая!

Собаченка, казалось, одурѣла отъ радости, она такъ и лѣзла на дроги.

— Какими судьбами сюда попалъ съ Прута, рыжій? — спрашивалъ докторъ.

— Да съ полковникомъ Шталовымъ, ваше благородіе, изъ Хотинъ-города.

— Давно? И какъ пробрались въ Москву?

— Еще лѣтось... Ну, и въ карантеѣ проклятомъ высидѣли... И Маланья съ нами, тоже службу несетъ...

— А пріятель твой, «хохли-всѣ подохли?» а? гдѣ?

— Забродя-то, ваше благородіе?

— Да. Въ Турціи остался? Живъ?

Собаченка при словѣ «хохолъ» даже завыла... — «Ишь, шельма, какъ любитъ ево»,—проворчалъ солдатъ.

— Такъ гдѣ онъ?—приставалъ докторъ.—Живъ?

— Да въ карантеѣ съ нами былъ...

Рыжій замолчалъ.

— Ну, и что жъ?

— Тосковалъ шибко... Заговариваться сталъ, все Горпину какую-то вспоминалъ, да вишневый садочикъ, да леваду какую-то тамъ, Богъ его знаетъ. Совсѣмъ рехнулся человѣкъ... Горпина да Горпина... Нашего брата, ваше благородіе, эти Горпинки до добра не доведутъ... Эхъ! Кусай се мухи!...—и рыжій отчаянно махнулъ рукой и замолчалъ...

X. Смерть грѣшниковъ люта!

Время между тѣмъ шло, и чудовище разросталось все болѣе и болѣе въ формѣ какого-то гигантскаго тысяченога, безчисленныя лапы котораго съ каждымъ днемъ все крѣпче обхватывали Москву, словно паукъ муху... Муха билась въ цѣпкой паутинѣ чудовища и еще болѣе запутывалась...

По глазамъ веселаго доктора, по озабоченности всѣхъ врачей медицинской коллегіи, Шафонскаго, Эразмуса, Ягельскаго Лерхе и другихъ, Еропкинъ видѣлъ, что Москва погибаетъ въ лапахъ чудовища... Надо отрѣзать этотъ страшный корбункулъ Россіи отъ всего остальнаго государственнаго тѣла...

И вотъ, московскія медицинскія власти къ концу апрѣля приходятъ къ неизбѣжному убѣжденію, какъ слѣпые къ стѣнѣ, что «предосторожность о сбереженіи цѣлаго государства требуетъ: городъ Москву, какъ неминуемое и повсемѣстное во всѣхъ дѣлахъ съ прочими мѣстами имѣющей сообщеніе — запереть»...

И Москву запираютъ, заколачиваютъ гробовую крышку, оставивъ нѣсколько продушинъ: изъ всѣхъ четырнадцати заставъ, которыми Москва, какъ зараженное сердце артеріями, могла выбрасывать заразу во всѣ концы государственнаго организма, оставляютъ открытыми семь, Калужскую, Серпуховскую, Рогожскую, Преображенскую, Троицкую, Тверскую и Дорогомиловскую; а всѣ остальныя запираютъ... Далѣе, въ извѣстномъ разстояніи отъ Москвы устраиваютъ особую цѣпь съ заставами: эти заставы должны перехватывать всякаго, кто ѣдетъ

къ Москвѣ, откуда бы то ни было... Дальше-де ни шагу: тамъ адъ и смерть!

Но всего болѣе боялись, чтобы чудовище не вырвалось изъ Москвы по направленію къ сѣверу и не помчалось по питерской дорогѣ... А тамъ, тамъ уже нѣтъ никому спасенія... И вотъ, со стороны Питера протягивается вдоль зараженнаго сердца Россіи новая цѣпь: бейся, сердце Россіи, объ свои ребра, бейся, глупое, и не посылай свою зараженную кровь къ головѣ, къ мозгу, голова еще не тронута у Россіи...

Но сердце и тутъ бы поднакостило, еслибъ голова заблаговременно не подумала объ этомъ. Изъ Петербурга пришло повелѣніе: всѣхъ, кто бы ни ѣхалъ въ Петербургъ или другія мѣста мимо Москвы, въ Москву не пускать, а направлять, черезъ заставы, окольными путями...

— А, вѣдь, укуситъ себя до смерти,—качалъ головой веселый докторъ, встрѣтившись съ отцемъ Ларисы въ госпиталѣ.

— Кто укуситъ?—спрашивалъ тотъ.

— Москва бѣлокаменная...

— Какъ укуситъ?

— Да какъ же! Ее обложили теперь кругомъ огнями да заставами, словно скорпіона... А, вѣдь, когда скорпіона окружатъ огнемъ, то онъ себя убиваетъ своимъ хвостомъ... Охъ! Убьетъ себя и Москва своимъ хвостомъ...

Но объ этомъ еще никто не думалъ тогда...

Чтобы воздвигнуть между Москвою и Петербургомъ непристуиную живую стѣну, непроѣзжаемую и неперелетаемую, императрица отрядила изъ Петербурга особые оберегательные кордоны въ Тверь, Вышній-Волочекъ и Броницы, подъ главнымъ распоряженіемъ генералъ-адъютанта Брюса...

— Я васъ, графъ, за то посылаю туда,—говорила императрица, давая Брюсу это не особенно пріятное порученіе,—что вашъ славный дѣдушка не предувѣдомилъ насъ въ своемъ «календарѣ» о постигшемъ насъ нынѣ несчастіи... А сіе онъ долженъ былъ сдѣлать по долгу службы,—добавила она, улыбаясь.

Прошелъ и май, а Москва все звонила въ колокола, ожидая каменнаго дождя да огненной рѣки... Чудовище то тамъ, то сямъ выхватывало жертву за жертвой, а москвичи, слушая разсказы «гулящихъ попиковъ» о «пификѣ» да о «соніяхъ», все прятали одежду послѣ чумныхъ больныхъ, потомъ несли ее на

рынокъ, а затѣмъ умирали сами и морили покупателей, не дождавшись каменнаго дождя...

Прошелъ іюнь, нѣтъ каменнаго дождя. Прошелъ іюль, нѣтъ огненной рѣки... Страшныя пророчества «пифика» еще впереди...

Наступилъ августъ... Мертвыя тѣла уже валяются по улицамъ и гніютъ подъ лучами знойнаго солнца...

— Что пишутъ эти коллежскія бабы?—пасмурно спрашиваетъ Еропкинъ веселаго доктора послѣ объѣзда города.—Мои лошади и то видятъ, что Москва пропадаетъ: то и дѣло коляска моя наѣзжаетъ на трупы.

Подъ «коллежскими бабами» Еропкинъ разумѣетъ членовъ медицинской коллегіи.

Веселый докторъ, стоя у стола, развертываетъ бумагу и читаетъ:

«Моровая язва, называемая еще все въ народѣ прилипчивая горячка, такъ нынѣ со всѣми своими знаками, яко-то черными пятнами, а болѣе уже бубонами и карбункулами свирѣпствовать зачала, что не только въ домахъ многое число мертвыхъ ежедневно умножаться, но и по улицамъ показываться стало»...

— То-то теперь только замѣтили бабы!—какъ бы про себя процѣдилъ Еропкинъ.—Ну!

— «Причина таковому идущимъ по улицамъ скорому смертному пораженію не та была»,—продолжалъ веселый докторъ, пряча глаза въ бумагу,—«чтобы такій умершій, не имѣвъ никакой прежде болѣзни, вдругъ яко бы отъ зараженнаго воздуха умеръ, но такая смерть оттого происходитъ, что всякъ, особливо изъ простого народа, старается утаивать свою болѣзнь и всячески, будучи уже дѣйствительно зараженъ, до тѣхъ поръ перемогается, пока она по своему лютому качеству скоропостижно не умертвитъ... Таковые по улицамъ умершіе чрезъ долговремянное непогребеніе отъ теплаго нынѣшняго воздуха, дабы не могли портиться и отъ того бы здоровымъ не могло вреда приключиться, велѣно ихъ отнынѣ впредь безъ всякаго врачей осмотра и какъ можно скорѣе погребать. Для скорѣйшаго же въ томъ производства, опредѣлены особые офицеры, которые, разъѣзжая часто по городу и усматривая по улицамъ умершихъ, тотъ же часъ частнымъ смотрителямъ тѣхъ частей, гдѣ тѣ тѣла лежатъ, даютъ знать, дабы они ихъ велѣли погребать...»

— Да погребать ужъ некому,—мрачно сказалъ Еропкинъ.— Полицейскіе десятскіе всѣ перемерли.

— Оставимъ мертвецовъ погребать мертвыхъ, ваше превосходительство,—загадочно сказалъ веселый докторъ.

— Какъ?—вскинулъ на него глаза Еропкинъ.

— У насъ, ваше превосходительство, есть много живыхъ мертвецовъ: ими полна розыскная экспедиція, а равно тюрьмы .. Пусть преступники, осужденные на смерть или на каторгу, погребаютъ мертвыхъ... Ихъ слѣдуетъ выпустить изъ остроговъ, одѣть въ одежду мортусовъ и опредѣлить въ погребателей!..

— Прекрасная мысль, господинъ докторъ! — обрадовался Еропкинъ.—Они будутъ рады...

— И не убѣгутъ никуда, нельзя теперь изъ Москвы безъ виду пробраться.

И цѣлыя роты арестантовъ превращаются въ мортусовъ...

Москва начинаетъ представлять ужасающую картину. Съ утра до ночи скрипятъ по городу немазанныя телѣги, управляемыя мортусами въ ихъ страшныхъ костюмахъ и съ длинными баграми въ рукахъ... Они ищутъ труповъ—да чего искать!— они валяются по улицамъ, по площадямъ, по перекресткамъ, около аналоевъ, надъ которыми духовенство возноситъ тщетныя моленія вмѣстѣ съ обезумѣвшимъ отъ страха народомъ...

«Ежедневно, отъ утра до ночи,—говоритъ очевидецъ,—тысячами фурманщики въ маскахъ и вощаныхъ плащахъ—воплощенные дьяволы! — длинными крючьями таскаютъ трупы изъ вымороченныхъ домовъ, другіе подымаютъ ихъ на улицахъ, кладутъ на телѣги и везутъ за городъ, а не къ церквамъ, гдѣ они прежде похоронились. У кого рука въ колесѣ, у кого нога, у кого голова черезъ край виситъ и обезображенная безобразно мотается. Человѣкъ по двадцати разомъ взваливаютъ на телѣгу. Трупы умершихъ выбрасываются на улицы, тайно зарываются въ садахъ, огородахъ и подвалахъ...»

Вонъ черезъ Красную площадь, мимо Лобнаго мѣста, скрипя немазанными колесами, проѣзжаетъ огромная фура, на которой виднѣется цѣлая гора труповъ... Мертвецы, накиданные на фуру, лежатъ въ потрясающихъ позахъ: иному страшную позу дала сама смерть, скорчивъ и перегнувъ въ три-погибели; кого неловко зацѣпилъ багоръ мортуса и въ картинномъ до ужаса положеніи помѣстилъ среди другихъ мертвецовъ; кого, повидимому,

переѣхала тяжелая фура мортуса и раздавила ему лицо; изъ другого голодныя собаки повырвали кусками почернѣвшее тѣло... Головы... ноги... руки... бороды... молодое и старое... полунагое и нагое совсѣмъ тѣло... тутъ же и тотъ несчастный нищій, который, снявъ съ мертвеца его губительныя ризы, прикрылъ ими свои лохмотья—и тутъ же недалеко умеръ въ чужихъ, смертоносныхъ ризахъ, все это свалено въ кучу, какъ комья грязи, болтается, бьется и трется объ колеса, издавая ужасающій смрадъ... И надъ всей этой горой труповъ высится гигантская фигура страшнаго мортуса въ маскѣ и съ багромъ въ рукѣ вмѣсто кнута... Силачъ долженъ быть мортусъ-каторжникъ! Экую гору навалилъ труповъ... Можетъ, и самъ онъ на своемъ вѣку перерѣзалъ и перегубилъ душъ столько же, сколько везетъ теперь...

— Не-не, бисова шкапа! — понукаетъ онъ истомившуюся подъ тяжестью труповъ ломовую лошадь.

Скучившійся близъ аналоя, стоящаго около церкви на площади, молящійся, колѣнопреклоненный народъ, при видѣ колесницы смерти съ ужасомъ разступается. Около аналоя остается одинъ, знакомый уже намъ, «гулящій попикъ» въ своей затасканой епитрахилькѣ...

— Услыши ны, Боже! — возглашаетъ онъ, воздѣвъ руки горѣ,—услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ морѣ далече, и милостивъ-милостивъ буди, Владыко, о грѣсѣхъ нашихъ и помилуй ны!

Какимъ-то стономъ отчаянія вздыхаютъ усталыя отъ вздоховъ груди толпы вслѣдъ за этою горькою молитвою... А страшная телѣга все скрипитъ, приближаясь къ аналою...

Толпа не хочетъ глядѣть на нее, усиленно молится, глядя на церковь и на аналой... Тутъ же, въ сторонкѣ, стоитъ и горячо молится рыжій солдатикъ съ красными бровями, и собачка его тутъ же...

А телѣга все ближе и ближе скрипитъ, по сердцу скрипитъ проклятая ось!

— Не-не, гаспидська шкура!—понукаетъ мортусъ.

Собаченка съ какимъ-то страннымъ, не-то перепуганнымъ, не-то радостнымъ, лаемъ бросается къ страшной телѣгѣ. Мортусъ медленно поворачиваетъ къ ней свое замаскированное лицо и откидывается назадъ. Собаченка такъ и цѣпляется за телѣгу... Мортусъ грозитъ ей шестомъ.

— Цыць! Цыць! Бисово цуценя! — кричитъ мортусъ. — Не пидходь близько, сдохнешь...

Собаченка начинаетъ визжать отъ радости и прыгать около ужасной телѣги.

— А! Дурна Меланька... пизнала мене... — радостно говоритъ мортусъ.

Бѣжитъ съ испугомъ и рыжій къ телѣгѣ съ трупами и крестится.

— Забродя! Хохолъ!.. Это ты? — нерѣшительно кричитъ онъ издали.

— Та я-жь, бачишь.

— Да ты рази живъ, братецъ!

— Та живъ же-жъ, хиба тоби повылазило!..

— Господи! Съ нами крестная сила!—И рыжій опять крестится.—Свягъ-свягъ... Да какими судьбами? Вѣдь, тебя братецъ, убили, застрѣлили тамъ...

— Ни, не вбили...

— Какъ не вбили! Что ты, перекрестись.

Мортусъ крестится, набожно поднимая свое страшное, черное подобіе лица къ куполу Василія Блаженнаго.

— Ахъ ты Господи! Да это не нечистая сила... Онъ крестится... Ахъ ты Господи!—диву дается рыжій.

А собаченка, такъ та совсѣмъ съ ума сошла отъ радости: скачетъ впереди страшной колесницы, лаетъ на лошадь, чуть за морду не хватаетъ, лаетъ на птицу, еле не очумѣвшую вмѣстѣ съ Москвою, на воздухъ, скачетъ на колеса...

— Та возьми-жъ дурне цуценя, возьми Меланьку, не пускай, а то, дурне, сдохне... Эчъ воно яке! Цюцю, продова дытина!—радуется страшный мортусъ.

— Да какъ же, братецъ ты мой, живъ ты остался?—допытывался рыжій, слѣдуя за телѣгой и боясь подойти къ ней.—Вѣдь тебя застрѣлили...

— Та ни-жъ! Москаль погано стриля, не въ голову, а въ бикъ попавъ...

— Ну, да ты-жъ, чортовъ сынъ, умиралъ, какъ насъ изъ карантея выпущали... Сказывали, что умрешь.

— Такъ бачъ же-жъ, не вмеръ, выкрутився... Не-не-не!—понукалъ онъ лошадь, махая багромъ.

— Ну, а какъ же ты, братецъ, попалъ въ черти? Ишь, какая образина!—дивился рыжій, глядя на своего бывшаго товарища.—Чортъ чортомъ, только хвоста не достаетъ...

— Не-не-не!—слышится монотонное понуканіе.

А тутъ новая, еще большая толпа молящихся... У аналоя, поставленнаго среди улицы, стоитъ старый сгорбленный священникъ съ воздѣтыми къ небу руками... Руки такъ и падаютъ отъ усталости и всенароднаго моленія отъ зари до зари... Изъ старыхъ очей священника текутъ слезы и падаютъ на пересохшую, чумную, Богомъ забытую землю... Народъ держитъ въ рукахъ зажженныя свѣчи, точно себя самого отпѣваетъ... Эти теплящіяся среди бѣла дня свѣчи—это такъ страшно!

А священникъ безпомощно взываетъ къ небу:

— О еже сохранитися граду сему, и всякому граду, и странѣ, отъ глада, губительства, труса, потопа, огня, меча, нашествія иноплеменниковъ, и междуусобныя брани и о т ъ м о р а с е г о в с е г у б и т е л ь н а г о, Всемилостиве!.. О ежемилостиву и благоувѣтливу быти благому и человѣколюбивому Богу нашему, отвратити всякій гнѣвъ, на ны движимый, и избавити ны отъ надлежащаго и праведнаго сего прещенія, помиловати ны...

— «Господи, помилуй!» «Господи, прости!» «Господи, отврати!»—стонетъ безпомощная толпа.

— «О-о-охъ!» Страшенъ этотъ «о х ъ», вырывающійся изъ груди народа, о, какъ страшенъ!

— Батюшки!.. Охъ!.. Умираю! — выкрикиваетъ кто-то въ толпѣ.

— Не-не-не!—скрипитъ телѣга, распугивая молящихся.

— Ну, инъ сказывай, братецъ, какъ тебя въ черти произвели,—допытывается рыжій.

— А якъ!.. Ото якъ москаль въ мене стриливъ, я и впавъ... А винъ, бисивъ москаль, погано стриля, не въ голову, а въ бикъ... Я и ожывъ... А коли вставъ, васъ уже не було тамъ, и куцинятко пропало... А меня въ Москву якъ злодія отправили, та въ колодку. А теперь, бачъ, выпустили насъ усихъ изъ колодокъ... Отъ я й ставъ чертомъ... Э! Де-то моя бидна Вкраина!

Мортусъ безнадежно махнулъ своей смоленой руковицей.

— А тыжъ?—обратился онъ къ рыжему.

— Да меня, братъ, не пущаютъ изъ Москвы, заперли ее всю.

— А я втику...

— Ну, смотри, братъ, пропадешь ты съ своей Гарпинкой да Украинкой.

— А луче пропасти на воли, нижъ оце такъ..

И онъ указалъ на свою телѣгу съ трупами, на другія такія же телѣги, то тамъ, то здѣсь скрипѣвшія по улицамъ, на мортусовъ, волокшихъ къ возамъ свои жертвы, на молящійся въ ужасѣ народъ...

— А онъ бачъ!—показалъ мортусъ по направленію къ небольшому каменному дому съ закрытыми ставнями.

У воротъ этого дома стояли ямскія дроги, запряженныя парою взмыленныхъ лошадокъ. Въ круглой фигуркѣ, на красномъ, лоснящемся отъ жиру и утомленія лицѣ, рыжій тотчасъ узналъ, что это ихъ веселый докторъ толчется у воротъ. Тутъ же, верхомъ на копѣ, какой-то офицеръ и суетившаяся, охающая баба съ огромнымъ, словно отъ дверей ада ключемъ.

— Не попаду, батюшки, рученьки дрожатъ... охъ!—охала баба, стараясь попасть огромнымъ ключомъ-рычагомъ въ висячій у воротъ замокъ, такой величины, что голова бабы казалась меньше его.

— Ну-ну, живѣй, тетка; можетъ, еще и захватимъ,—торопитъ веселый докторъ.

— Охъ, гдѣ захватить!.. Не стоналъ ужъ...

— Ну, инъ дай я отомкну!—отозвался стоявшій тутъ же у вороть среднихъ лѣтъ мужчина, не то купецъ, не то сидѣлецъ.— Все добро мое и ключъ мой...

Баба покорно передала ему ключъ. Ключъ-рычагъ вложенъ въ огромное отверстіе замка. Замокъ-гигантъ завизжалъ, щелкнулъ разъ-два-три—замокъ распался... Ворота, скрипя на старыхъ ржавыхъ петляхъ, распахнулись, открылся темный съ навѣсами небольшой дворъ, словно зіяющая пасть, изъ которой пахнуло смрадомъ, всякой плѣсенью и переквашенными, гніющими кожами и овчинами, догнивавшими подъ душною тѣнью навѣса... Офицеръ сошелъ съ копя и отдалъ его докторскому вознице.

— Вотъ гдѣ наша Индія! — поднося къ носу кусокъ камфоры и обращаясь къ молодому офицеру, замѣтилъ веселый докторъ.

Офицеръ съ ужасомъ всплеснулъ руками.

— И это милліонеръ!.. Изъ этой норы онъ ворочалъ всею Россіею!

— Мало того онъ своими милліонами держалъ въ рукахъ,— что въ рукахъ, въ ежовыхъ рукавицахъ,—Казань и Нижній, Киргизскую орду и всю Сибирь... Онъ всю Европу завалилъ своими кожами и русской кожей прославилъ Россію...

— Такъ это его кожей гордятся парижане?

— Его... и запахъ этотъ же...

Собака, съ цѣпью на шеѣ, худая какъ скелетъ, при входѣ чужихъ людей слабо залаяла, силясь подняться съ земли, но отъ слабости и отъ тяжести цѣпи снова падала...

— Инъ, и ее голодомъ заморилъ!—покачала головой баба.

— А тебѣ бы ее сайками да медомъ кормить,—огрызнулся тотъ, что отперъ ворота.

— Не медомъ...

Пришедшіе подошли къ крыльцу. Дверь оказалась запертою изнутри. Приходилось выламывать ее.

— Эй, таранъ! Молодцы, сюда,—закричалъ офицеръ, хлопая въ ладоши.

Въ воротахъ показались четыре дюжихъ солдата. Они втащили во дворъ ручной таранъ, на четырехъ толстыхъ ногахъ и на цѣпи дубовое бревно съ желѣзною головою... Этимъ орудіемъ каждый день приходилось вышибать ворота и двери у вымороченыхъ домовъ... Уставили таранъ у двери... Баба со страхомъ отошла въ сторону, крестя свое толстое рябое лицо и свою полную, словно у двухъ холмогорскихъ коровъ вымя, грудь...

— Сади!—скомандовалъ офицеръ.

— Стой, ваше благородіе! Дверь испортятъ, — останавливалъ тотъ, что отперъ ворота.

— А тебѣ что до того?

— Какъ что! Я—наслѣдникъ ихній буду, Сыромятовъ...

— А-а!.. Такъ что-жъ! Дверь ломать надо...

— А кто заплатитъ за поломъ?—настаивалъ Сыромятовъ.

— Ты же, — съ презрѣніемъ отвѣчалъ офицеръ и отвернулся.—Сади, ребята!

Послѣдовалъ ударъ, разъ... два... три! Трещитъ дверь...

— Я буду жаловаться!—протестуетъ Сыромятовъ, топчась на мѣстѣ.—Это разбой...

— Хорошо, хорошо, любезный,—успокаиваетъ скрягу во-

селый докторъ.—Тебѣ заплатитъ... онъ же,—и докторъ указалъ на дверь, которая съ трескомъ грохнулась въ сѣни.

Вошли въ сѣни, перешагнувъ черезъ разбитую дверь. Въ сѣняхъ запахъ затхлости и гнили. Тронули внутреннюю дверь, заперта. Надо и ее ломать... «Эй, таранъ!»—командуетъ офицеръ. «Стой! Что-жъ это такое будетъ! Весь домъ разобьютъ»...—протестуетъ Сыромятовъ.—«Сади!» — кричитъ офицеръ. «Разъ... два... три!» — и эта дверь грохнулась на полъ Темно въ домѣ, хоть глазъ выколи... И тутъ запахъ гнили и затхлости.

— Фуй, какъ воняютъ милліоны... ну! — гадливо говоритъ докторъ.

— Отворяй ставни, баба!—командуетъ офицеръ.

Баба дрожма-дрожитъ, но повинуется... Взвизгнула задвижка, заскрипѣлъ болтъ, звякнулъ обо что-то, и желѣзная ставня открылась. За нею другая! Третья... Мрачный домъ милліонера освѣтился, рѣдкое торжество для мрачнаго дома! Чинно кругомъ и строго, какъ въ монастырѣ: старая мебель въ чехлахъ, словно покойники въ саванахъ, и ничего лишняго, даже удобства...

Идутъ дальше, въ слѣдующую комнату: впереди веселый докторъ, за нимъ офицеръ съ камфорой у носа, словно барышня на балѣ съ букетомъ; за нимъ Сыромятовъ, жадно обозрѣвающій мебель, стѣны, окна, даже желѣзныя, тронутыя ржавчиной задвижки отъ болтовъ; за Сыромятовымъ баба, ступающая по полу такъ, точно она боится провалиться сквозь полъ своимъ грузнымъ тѣломъ; за бабою, поджарый, рѣдковолосый и скорченный, какъ старый, негодный ключъ, слесарь, весь пропитанный желѣзною ржавчиной и обсыпанный опилками; въ сухой и темной, словно луженой рукѣ его погромыхиваетъ связка всевозможныхъ ключей.

Подходятъ къ послѣдней двери въ угловую комнату, въ контору, кассу и спальню, заперта путреннымъ двернымъ замкомъ, и не видать бородки ключа въ отверстіи, не торчитъ ключъ, значитъ, вынутъ...

Чуется уже запахъ мертвечины... Это не кожи, не затхлость...

— Фу! Тутъ мертвечина!—говоритъ офицеръ, содрогаясь.

— Да... это кровь и потъ русскаго народа, превращенные

въ милліоны... Они смердятъ, — нагибаясь къ замочной скважинѣ, замѣчаетъ веселый докторъ.

Лихорадка начинаетъ бить Сыромятова-наслѣдника... А что какъ о н ъ живъ да погонитъ всѣхъ, и е г о, наслѣдника...

— Отпирай, чего стоишь!—судорожно обращается онъ къ слесарю.

— А что пожалуете за трудъ?—ежится тотъ.

— Это не мое дѣло, а вонъ ихъ (и скряга показываетъ на доктора и офицера).

— Али пятака жалко?

— Жалко! Мнѣ и полушки жалко, потому не мое дѣло, не я запиралъ дверь, не я и плачу.

— Ну, отпирай!—приказалъ офицеръ.

— Только не на мой счетъ, ваше благородіе, — торопится протестовать скряга,—пущай на счетъ казны отмыкаетъ...

У этой даже страшной двери веселый докторъ не выдерживаетъ и хохочетъ... Баба вздрагиваетъ...

— Вотъ какъ наживаютъ милліоны, п-ну! — удивляется докторъ.

— Полушка копейку родитъ, а копейка рубь, а рубь милліоны,—ворчитъ наслѣдникъ.

— Фу! Это адъ!—не выдерживаетъ молодой офицеръ.

Ключъ щелкнулъ. Дверь подалась, отворяется. Темно тамъ, но оттуда такъ и пахнуло трупомъ! «Отворяй ставни». Баба крестится, дрожитъ и не идетъ. Докторъ самъ входитъ въ полутемную комнату и отворяетъ ставню. Солнце снопомъ лучей ворвалось въ этотъ мрачный уголъ и, кажется, само задрожало, отразившись на чемъ-то блестящемъ... И всѣ стоявшіе въ дверяхъ содрогнулись...

Да и нельзя было не содрогнуться. У стѣны, у огромнаго желѣзнаго сундука, раскрытаго настежь, стоялъ на корточкахъ человѣкъ въ одной ситцевой рубахѣ, запустивъ по локоть почти синія руки въ груды золота, которымъ наполненъ былъ громадный сундукъ... Голова же этого человѣка опрокинулась назадъ, такъ что только глаза, тусклые, остеклѣлые, смотрѣли черезъ лобъ и брови, да торчала мочальная борода...

Это былъ мертвецъ, засунувшій руки по локоть въ золото, милліонеръ Сыромятовъ, подъ желѣзною рукою котораго гнулась, какъ олово, кожевенная торговля цѣлой Россіи и Европы...

Колѣнками и босыми ногами, онъ, окостенѣлый уже, упирался въ ветхій матрацъ, брошенный у сундука съ золотомъ... Умирая, онъ, какъ видно, приподнялся съ своего мертваго ложа, отперъ свои сокровища, залѣзъ въ нихъ руками, да такъ и околѣлъ.

Всматриваясь въ мертвое лицо, веселый докторъ, несмотря на искаженіе ужаснаго лика, узналъ покойника. Онъ видѣлъ его недавно у лавки, близъ Варварскихъ воротъ и еще заинтересованъ былъ его разспросами у «гулящаго попика» о какомъ-то «пификѣ». Это, дѣйствительно, былъ тотъ купчина, который, опасаясь каменнаго дождя и огненной рѣки, грозившей всѣмъ рядамъ, въ томъ числѣ Голичному и Юхотному, гдѣ въ подвалахъ хранились его милліоны въ кожахъ и юфти, большею частью отъ чумной скотины, обѣщалъ, отвращенія для огненной рѣки, подарить Богу цѣлый четверикъ роснаго ладону, чтобы курево отъ него дошло до самаго неба, выставить и зажечь цѣлый боръ свѣчей въ косую сажень, чтобы небу было жарко, повѣсить колоколъ на церкви, «вогнать колоколище въ тыщу пудъ, чтобы звонилъ до самаго Бога и переглушилъ бы птицу въ небѣ, звѣря въ лѣсу, рыбу въ Москвѣ-рѣкѣ и въ самомъ Кіянѣ-морѣ»... И этотъ богачъ теперь былъ мертвъ, не успѣлъ ни насытиться, ни насладиться своими сокровищами...

Всѣ въ ужасѣ смотрѣли на страшнаго покойника. Закинутое навзничь лицо, раздувшееся и почернѣвшее, съ разинутымъ въ предсмертныхъ мукахъ ртомъ и ощеренными какъ у собаки зубами, казалось, грозило смертью всякому, кто рѣшился бы подойти къ сундуку, къ этой разверстой, тлетворно дышащей пасти богатства. Одинъ наслѣдникъ жадно впился глазами въ кучи золота и словно окаменѣлъ.

Докторъ приблизился къ мертвецу. Наслѣдникъ слѣдилъ за его движеніемъ, какъ бы боясь, вотъ-вотъ засунетъ руку въ золото; вотъ-вотъ червонцы сами поскачутъ ему въ карманъ!

Докторъ покачалъ головой.

— Да, язвенные знаки, смерть очевидна... А давно, тетка, занемогъ онъ?

— Да третьеводни, батюшка... Померъ это кумъ своный, Гурьянъ Дѣичъ, перевалкою помре, такъ нашъ-то выпросилъ у хозяюшки его, у кумы, на память жилетку послѣ покойничка, чтобы, значитъ, новой не покупать, скупъ былъ добре... Да съ

той-то поры и перемогаться сталъ... А тамъ какъ заперся, чтобъ, значитъ, никто къ нему не взошелъ и добра бы сво не взялъ корыстью, съ тою минутою я и не видала его...

— То-то... не видала, а поди чай...—огрызнулся наслѣдникъ.—Ее бы, ваше благородіе, обыскать надоть, да и пору ейную перешарить... Она, поди, тыщи перетаскала, она жила съ покойничкомъ-то...

Докторъ и офицеръ посмотрѣли на нее...

— Жила, жила, кормильцы... Я ему, покойничку-ту, за жену законную была, а болѣе за стряпку, хоша онъ, по скупости, и не велѣлъ ничего стряпать, а съ лотка кормился больше да у парней у своихъ, у сидѣльцевъ, отымывалъ, бывало, чтобы невипору не ѣли, и самъ, покойникъ, съѣдалъ...

— Такъ ты его законная жена?—спросилъ офицеръ.

— Законная, батюшка, законная, только не церковная, въ церкви не вѣнчана, а гулящій батюшка насъ съ нимъ, съ покойничкомъ, вокругъ святово платка обвелъ и благословилъ жить вмѣстѣ... Оно такъ-то дешевле обходилось для покойничка...

А покойничекъ страшно глядѣлъ и щерился на всѣхъ, какъ бы продолжая копаться въ золотѣ...

— Да, жила и, поди, тыщи перетаскала,—настаивалъ на своемъ наслѣдникъ.

— Гдѣ, батюшка, перетаскать! Я не съ нимъ жила, а въ стрепецкой избѣ... А коли и на ночь къ себѣ меня покойничекъ бывало бралъ, такъ запиралъ съ собой на ключъ, а утромъ всю до-нага обыскивалъ, чтобы-де чего не утащила...

Докторъ приказалъ позвать мортусовъ, чтобы вытащить мертвеца, а домъ запечатать и поставить къ нему караулъ.

— Какъ же, ваше благородіе,—протестовалъ наслѣдникъ,—надоть и сундукъ запереть да запечатать да и опись всему составить... У нево еще...

Наслѣдникъ потупился и замолчалъ. Рысьи глаза его упали на полъ, на какую-то желѣзную скобу. Докторъ тоже посмотрѣлъ на полъ: желѣзная скоба обнаруживала, что въ этомъ мѣстѣ полъ подымается.

— А это что, тетка?—спросилъ онъ.

— Творило, батюшка, творило...

— Для чего оно?

— Кладовыя тамъ, подъ поломъ.

— И тоже, видно, сундуки?.. Деньжищи?

— Сундуки, батюшка... Я ихъ къ свѣтлому Христову воскресенью всегда мывывала...

Докторъ только развелъ руками. Офицеръ нетерпѣливо стучалъ саблей объ полъ. Слесарь стоялъ у двери и ожидалъ заработаннаго пятака... Напрасно ждалъ! Пятака ему никто не отдастъ.

Вошелъ мортусъ съ багромъ.—«Тащи его», распорядился офицеръ. Мортусъ зацѣпилъ мертвеца крючкомъ за рубаху, гнилая старая тряпка изорвалась... «Стареньки добре рубахи-то». поясняла баба. Зацѣпили крючкомъ за тѣло, вонзился крюкъ въ мертвеца, дернули... Нейдетъ, только страшно откачнулся отъ сундука, руки не лѣзутъ изъ тяжелаго золота... Еще дернули, трупъ повалился на полъ, стукнулся головой, что-то зазвенѣло, словно кандалы на ногахъ колодника...

— Что это за цѣпи на немъ?—съ ужасомъ спросилъ офицеръ.

— Цѣпь, батюшка, цѣпь,—подтвердила баба, пригорюнившись.

— Цѣпь!.. Зачѣмъ?

— Приковывалъ себя цѣпью, батюшка, покойничекъ къ сундуку-ту этому... Любимый, сказать бы такъ, сундукъ евоный былъ.

— Зачѣмъ же приковывалъ?

— А все боялся, батюшка, чтобы не украли... Молодымъ-то онъ, сказывалъ, боленъ былъ, что вотъ по ночамъ другіе ходютъ, въ снѣ, полунатики что ли называются... Такъ и онъ, покойничекъ, все какъ бы де ночью отъ добра своно не ушелъ полунатикомъ...

— Н-ну! Чадушко!—не вытерпѣлъ докторъ.—И себя, и собаку къ своему добру приковывалъ... н-ну...

— Самъ боялся, что убѣжитъ отъ своего золота—пояснилъ офицеръ.—Вотъ каналья!

Докторъ вынулъ изъ висѣвшаго у него черезъ плечо вощаного мѣшка вощаныя перчатки, надѣлъ ихъ на руки, нагнулся къ мертвецу и ощупалъ у его пояса замокъ. Потомъ, взявъ у слесаря разныя отвертки, отперъ ими закованнаго мертвеца и далъ знать мортусу.—«Тащи».

Зацѣпили. Тащутъ. Голова колотится объ полъ. Баба закрыла глаза и крестится...

— Ушелъ отъ своихъ богатствъ... Утащили-таки! — съ страшною горечью и силой сказалъ молодой офицеръ.—О, проклятое золото!

— А это что! Часъ отъ часу не легче!

Докторъ указалъ на столъ, на который никто прежде не обратилъ вниманія. Столъ покрытъ былъ старой клеенкой. На немъ лежали счеты, счетныя книги, клочки бумагъ, заплѣсневѣлыя просфоры и куски чернаго хлѣба. Но болѣе всего поразила доктора оловянная тарелка. На ней лежалъ объѣдокъ сайки, голова жареной рыбы и кусокъ какого-то мяса... Какого-то! Трудно было узнать, потому что... да потому, что и по мясу, и по рыбьей головѣ, и по тарелкѣ ползали и копошились бѣлые черви...

— Что это!—всплеснулъ руками докторъ.

— А это, батюшка, третьеводни покойничекъ въ трактирѣ былъ,—отвѣчала баба.—Ево, сказать бы, угошали тамъ казански купцы, продали нашему-то партію юхты, такъ могарычемъ запивали... А нашъ-отъ не доѣлъ въ трактирѣ угошшенія, такъ, чтобъ не пропадало даромъ, и принесъ ево домой... Онъ, батюшка, всегда бывало такъ дѣлывалъ: коли чево не доѣстъ въ трактирѣ, не допьетъ, домой ташшитъ, мясцо ли то, рыбка ли, хлѣбца ломоточекъ, сахарцу огрызочекъ, все домой несетъ... А вотъ и не доѣлъ этой снѣди-то... Ужасная снѣдь! Черви такъ и ходятъ по ней...

Докторъ крикнулъ къ мортусу, велѣлъ багромъ захлопнуть крышку ужаснаго сундука и приказалъ слесарю запирать это страшное логовище алчнаго звѣря...

— А я. Я не позволю!—упирался паслѣдникъ.

— Я тебя велю арестовать!—крикнулъ на него офицеръ.— Арестую именнымъ повелѣніемъ, какъ ослушника высочайшей воли... Запирай.

Заперли логовище. Приложили печати. Поставили часовыхъ у дверей и у воротъ и вышли изъ ужасной трущобы милліонера.

А милліонеръ, лежа ничкомъ на телѣгѣ мортуса, грозно глядѣлъ на небо, не озираясь уже ни на свой домъ, ни на свои богатства... Смерть грѣшниковъ люта! Не помогли ни четверики ладону, ни боры свѣчей, ни колокола...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Гроза надвигается.

Москва, наконецъ, выбилась изъ силъ. Выбились изъ силъ московскія власти, выбился изъ силъ и несокрушимый ничѣмъ народъ... А грозное чудовище все болѣе и болѣе забирало силу, росло, ширилось и крѣпло, питаясь въ день тысячами труповъ, запивая свою страшную трапезу рѣкою слезъ, съ каждымъ часомъ все пуще и пуще обезумѣвая въ смрадѣ гніющихъ тѣлъ, въ чаду курящагося по церквамъ и по площадямъ цѣлыми ворохами ладону и цѣлыми лѣсами горящихъ для умилостивленія гнѣвнаго Бога свѣчей...

Не унимается моръ! Не унимается, а все свирѣпѣетъ...

Сбился съ ногъ и Еропкинъ. Одинъ веселый докторъ катается шарикомъ въ этомъ аду, благодаря своей непостижимой живучести, которую вымолили у Бога своему любимому лѣкарьку солдатики въ пылу жаркихъ битвъ съ проклятыми турками и подъ стопы своихъ товарищей на перевязочныхъ пунктахъ...

— Ваше превосходительство, вамъ поберечься надо,—тихо говоритъ онъ Еропкину, безмолвно склонившему свою, давно не пудренную, давно усталую и давно не спавшую голову на руки. — Поберегите себя...

— Что мнѣ беречь себя, когда Москва пропадаетъ! — упавшимъ голосомъ отвѣчаетъ Еропкинъ.

— Для Москвы, для всей Россіи надо поберечься...

— Охъ! Пропало все...

— Нѣтъ, еще не все, ваше превосходительство...

А чума уже въ самомъ домѣ Еропкина. Да и какъ не быть ей тамъ! Толпы просителей запружаютъ его дворъ, переднія, улицы: кто кричитъ, что гробовъ не хватаетъ въ городѣ, что заборы ломаютъ на гроба, лѣсъ весь перевели; кто проситъ могилу, весь домъ вымеръ, а могилъ копать некому...

Въ домѣ Еропкина мрутъ уже писаря отъ корпѣнья надъ чумными рапортами да доношеніями... Мрутъ вѣстовые солдаты отъ безпрестаннаго рысканья въ чумной атмосферѣ города съ приказами своего генерала...

Императрица сжаливается надъ нимъ и назначаетъ ему помощникомъ сенатора Собакина. Но какая тутъ помощь, когда Богъ отвернулъ Свое лицо отъ Москвы!

Чума забирается къ преосвященному Амвросію, она уже въ Кремлѣ, въ Чудовомъ монастырѣ...

Въ легкомъ подрясникѣ съ черными распущенными по плечамъ густыми волосами, безпокойно ходитъ по своей обширной кельѣ Амвросій, погромыхивая чотками. Утро августовское, раннее еще, а на дворѣ зной и духота невыносимые. Душно и въ кельѣ у преосвященнаго. На столѣ лежитъ раскрытою толстая книга латинскаго письма. Книга раскрыта на томъ мѣстѣ, гдѣ въ заголовкѣ статьи крупно напечатано: Pestis indica. Рядомъ съ книгой стоитъ архіерейскій клобукъ.

Архіерей подходитъ иногда къ книгѣ и заглядываетъ въ нее, перелистываетъ страницы.

— Carbunculi... угольки... pestechiae bubones... — говоритъ онъ самъ съ собою. — Хороши угольки!

Бѣлое, чистое, съ южной смуглотой лицо Амвросія подергивается улыбкою; но глаза смотрятъ грустно. То онъ подойдетъ къ окну, заглянетъ на бродящихъ по двору голубей, то опять заглянетъ въ книгу.

— А жары все не спадаютъ... И птицѣ жарко... Contagium — эта прилипчивость язвы хуже всего... Здѣшнее духовенство не понимаетъ этого: оно думаетъ, что дары отгоняютъ заразу... Да, отгоняютъ только отъ души язвенной, а не отъ тѣла, язвою пораженнаго... Бѣдные невѣгласи!

Амвросій задумывается, откидываетъ назадъ волосы и останавливается передъ висящимъ на стѣнѣ портретомъ въ митрополичьемъ одѣяніи. Строгое и въ то же время грустное лицо, какъ живое, смотритъ со стѣны.

— Ты счастливѣе меня былъ, великій человѣкъ, — шепчетъ Амвросій,—тебѣ не приходилось тосковать о Кіевѣ, о любезной матери Украинѣ... Охъ, тяжко такъ... научи меня, великій святитель!

Но Петръ Могила ничего не отвѣчаетъ со стѣны, онъ все сказалъ при жизни...

Стуча огромными сапожищами на желѣзныхъ подковахъ, въ келью входитъ запорожецъ съ косою и въ послушнической рясѣ. Амвросій вздрагиваетъ отъ неожиданности.

— Ты точно жеребецъ въ конюшню вламываешься, — кротко, улыбаясь доброю улыбкою, замѣчаетъ Амвросій.

И запорожецъ въ рясѣ улыбается.

— Чего тебѣ, небого? — спрашиваетъ архіерей.

— Тамъ прійшли до васъ, владыко.

— Кто такой? (Запорожецъ переминается и молчитъ). Кто пришелъ?.. А?

— Та щось воно таке трудне... (Опять переминается).

— Да ну же, говори, рохля...

— Таке воно трудне, владыко, що й не вымолвлю, — и запорожецъ даже каблучищемъ топнулъ отъ трудности.

— Ну, зови ужъ, добро.

Саножищи опять затопали по пустымъ кельямъ... «А добра дитина... съ нимъ я не такъ одинокъ тутъ, да и рѣчь родная звучитъ въ простыхъ устахъ его... Чоботищи его Украину напоминаютъ...» — думается архіепископу.

— А! Отецъ катехизаторъ! — радушно улыбается Амвросій входящему въ келью священнику въ темно-малиновой рясѣ. — Такъ вотъ кого трудно вымолвить моему дѣтинѣ...

— Что изволите говорить, ваше преосвященство? — недоумѣвающе спрашиваетъ священникъ, подходя подъ архіерейское благословеніе.

— Да вотъ когда я своего малаго спросилъ, кто пришелъ, такъ онъ отвѣчалъ: «щось воно таке трудне». Теперь понимаю, «катехизаторъ» для него зѣло «трудне», — продолжалъ улыбаться Амвросій. — Ну, что въ городѣ, отецъ катехизаторъ?

— О! Въ городѣ страхъ и трепетъ, владыко... Не приведи Богъ видѣть, неизглаголанное нѣчто творится, ужаса преисполненное...

— Спаси, Господи, люди Твоя... спаси, — какъ бы машинально повторялъ Амвросій.

— Отвратилъ Господь лицо отъ людей своихъ...

— Не говори этого, отецъ протоіерей... Теперь именно, можетъ быть, сердце Господне яко воскъ отъ огня таяй... Теперь только молятся люди, стучатся въ сердце Господне... — тихо сказалъ Амвросій.

— Молиться, владыко, некому, некому въ сердце Господне стучаться...

— Какъ некому?

— Іерейство погибаетъ, почти всѣ попы повымерли или болѣютъ.

— Развѣ не исполняется мое «наставленіе»? — озабоченно спросилъ Амвросій!

— Исполняется, ваше преосвященство.

— У всѣхъ ли церквей оно вывѣшено при входахъ?

— Надо полагать, владыко, у всѣхъ... Самъ я видѣлъ, проѣзжая сюда, какъ народъ толпится около нихъ, слушая чтеніе грамотныхъ.

Амвросій безпокойно заходилъ по кельѣ. Опять глаза его съ какой-то тоской упали на портретъ Петра Могилы, потомъ перенеслись на кроткій ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, какъ бы слѣдившаго за нимъ изъ глубины кіоты.

— Онъ смотритъ на насъ, — указалъ Амвросій на кіоту. — Ему, молившемуся ночью о чашѣ, понятны наши скорби... Прискорбна, прискорбна, душа наша до смерти.

Отецъ катехизаторъ перенесъ глаза на кіоту... Да, смотритъ, кротко смотритъ божественный ликъ... Онъ все видитъ...

— Да, — какъ бы отвѣчая на мысль отца катехизатора, сказалъ Амвросій, — Онъ видитъ, что чаша еще не переполнена...

— Переполнена, владыко, черезъ край изливается! — съ силой выкрикнулъ катехизаторъ.

Да, катехизаторъ правъ, «переполнена»! У него до сихъ поръ изъ головы не выходитъ потрясающая душу картина, которой онъ былъ свидѣтелемъ... Сегодня утромъ приходитъ къ нему студентъ университета, одинъ изъ любимѣйшихъ слушателей, только что возвратившійся, послѣ вакацій, изъ деревни къ началу лекцій... Какія тутъ лекціи... Всѣ профессора разбѣжались, университетъ запертъ, а сторожа мрутъ, скоро некому будетъ и университетъ стеречь, однѣ собаки остаются, да и тѣ вонъ сегодня забрались въ библіотеку и выволокли оттуда трупъ библіотечнаго сторожа на дворъ и съ голоду пожирали его... Приходитъ къ отцу катехизатору студентъ и умоляетъ его поспѣшить къ нему на квартиру съ Святыми Дарами напутствовать хозяевъ квартиры, гдѣ онъ жилъ, больны-де всѣ опасно... Идетъ отецъ катехизаторъ за студентомъ, торопятся, приходятъ на дворъ, торопятся къ флигельку, гдѣ жилъ студентъ, флигелекъ такой деревянный, въ три окошка... Окна открыты, потому

душно въ городѣ, дышать нечѣмъ, и мостовыя, и желѣзныя крыши домовъ накалены, да еще смрадъ такой стоитъ надъ городомъ, дымъ отъ кадилъ и свѣчей и курева... Входятъ въ сѣнцы, на полу, ничкомъ, крыжомъ какимъ-то распростертъ трупъ, это хозяинъ: не дождался напутствованія, отошелъ амо... камо? О, Господи!.. Перешагнули черезъ покойника... покойникъ покойно лежалъ ничкомъ, а то хоть и кверху носомъ, до страшнаго суда... А за что судить!.. Перешагнули черезъ покойника, торопятся въ горницу, тамъ, слышно, ребенокъ плачетъ... Входятъ... На полу, разметавшись крестомъ, съ откинутой назадъ головою и растянувшеюся по полу на аршинъ расплетенною косою, лежитъ молодая женщина, не лежитъ, а какъ-то брошена съ размаху кѣмъ-то, хлобыснулась объ полъ и лежитъ, сорочка разорвана на груди вѣрно, въ мукахъ, въ жару смерти... Голыя груди торчатъ, словно вздулись, и къ подмышкамъ посинѣли... А къ этимъ мертвымъ грудямъ льнетъ ребенокъ, карабкается, цѣпляется ручонками, припадаетъ ртомъ къ окоченѣвшимъ сосцамъ, сосетъ ихъ, а молока нѣтъ, какое тамъ молоко? И ребенокъ съ отчаянья закидывается назадъ головенкой, плачетъ, ничего не понимая... И тутъ же, тоже ничего не понимая, на столъ взобрался пѣтухъ, балованный пѣтухъ, кормили его изъ рукъ, вскочилъ въ домикъ черезъ открытое окно, взобрался на столъ и оретъ во все горло: «кикареку!»

Да, переполнена чаша, черезъ края льется...

Амвросій все ходилъ по кельѣ, все поглядываетъ на Петра Могилу да на ликъ Спасителя.

— А что у васъ въ университетѣ, отецъ протоіерей?—спрашиваетъ онъ, какъ бы думая о чемъ-то другомъ.

— Мерзость запустѣнія, владыко... И тамъ смерть царствуетъ, въ царствѣ науки.

— Нѣтъ лекцій?

— Нѣту, владыко. И кураторъ бѣгу ися... Одни студенты. О! Богомъ благословенная младость!

— Что, отецъ протоіерей?—и глаза Амвросія блеснули отблескомъ молодости, вспомнилась академія, лавра, Днѣпръ, вечернія пѣсни «улицы», откуда-то доносившіяся до лавры... И этотъ дорогой, не умирающій голосъ за лаврскою оградою:

На що мени хубядонька—
Буде за мени трошки:
Дадутъ мени сажень земли

Ты чотыре дошки.
Священники, діаконы
Повелять звонити—
Тоди объ насъ перестануть
Люди говорити...

Перестали говорить, да, правда... Люди не говорятъ, такъ память горькая не переставала...

Амвросій опомнился.

— Что молодость, отецъ протоіерей?

— Да, я, владыко, говорю о нашихъ студентахъ... Теперь вотъ университетъ закрытъ, начальство разбѣжалось, а они сойдутся-сойдутся утромъ на дворѣ, толкуютъ тамъ себѣ, галдятъ; объ его превосходительствѣ Петрѣ Дмитріевичѣ Еропкинѣ съ похвалою отзываются да о штабъ-лѣкарѣ Граве... Да и то сказать, ваше преосвященство, чего требовать отъ графа, встхъ онъ вельми, батюшка, въ гробу обѣими подагрическими ногами стоитъ... Такъ вотъ эта молодежь, говорю; погалдятъ-погалдятъ на дворѣ, а смотришь, и пошли по городу отыскивать больныхъ да голодныхъ, да ухаживаютъ за ними, пекутся о нихъ истинно съ христіанскою любовію... Да ко мнѣ и бѣгутъ, веселые такіе иногда: «отецъ катехизаторъ! говорятъ: поставьте такому-то optime на экзаменѣ, онъ-де пятерыхъ у смерти отнялъ...» Ну, и на сердцѣ легше станетъ, взираючи на нихъ...

Опять стучатъ сапожищи по передней кельѣ, опять входитъ запорожецъ-служка.

— Ты что, хлопче?

— Отецъ протоіерей пріихали.

— Какой протоіерей?

— Не выговорю, владыко.

— Изъ Архангельскаго собора?

— Не скажу.

— Такъ какой же?—И Амвросій, и отецъ катехизаторъ не могутъ удержаться отъ улыбки.—А? Какой?

— Русявенькій такій...

— А! Протоіерей Левшиновъ... проси...

Запорожецъ снова загромыхалъ чоботищами. Входитъ протоіерей Успенскаго собора и святѣйшаго правительствующаго синода конторы членъ, отецъ Александръ, по фамиліи Левшиновъ. Невысокая фигурка отдаетъ ловкостью, юркостью. Сѣрые глазки очень умны, очень кротки, когда смотрятъ въ другіе глаза,

и немножко лукавы, когда смотрятъ кому въ спину или читаютъ евангеліе о мытарѣ...

— Всѣ мои распоряженія, отецъ протоіерей, исполнены по конторѣ святѣйшаго синода?—спрашиваетъ Амвросій, благословляя гладко причесанную головку протоіерея. — Я ждалъ репорта.

— Исполнены, ваше преосвященство.

— А «наставленія» мои къ пользѣ послужили?

— Къ пользѣ, владыко, несумнительно (глаза протоіерея убѣжали, куда-то убѣжали, должно быть къ Петру Могилѣ на портретъ)... Только не всѣ тотъ бисеръ цѣнятъ по цѣнѣ его...

— Да?.. Кто же?

— Свиніи, владыко, попираютъ бисеръ...

— Какъ же такъ, отецъ протоіерей?—съ удивленіемъ спросилъ архіепископъ.

— Молва въ народѣ бываетъ,—сказалъ протоіерей какъ-то загадочно.—Читаютъ наставленія у церквей, а невѣгласи, подлая чернь, толкуютъ: «попамъ-де не велятъ причащать насъ Святыми Дарами», «не велятъ-де младенцевъ крестить попамъ», «вмѣсто-де поповъ повитухи крестятъ и погружаютъ въ святую воду, а власовъ-де совсѣмъ не остригаютъ и миромъ не мажутъ»...

Слушая отца Левшинова, Амвросій глубоко задумался... Онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ это спасительное распоряженіе, ожидалъ отъ него пользы, спасенія всего молодого поколѣнія да и духовенства отъ заразы... И что же изъ этого вышло! Ропотъ въ народѣ, младенцевъ-де перестали крестить, къ язычеству возвращаются... О! Какое страшное зло невѣдѣніе народа!—горько думалось опечаленному архіепископу.

Въ самомъ дѣлѣ спасительное «наставленіе» Амвросія, «данное священникамъ, какимъ образомъ около зараженныхъ, больныхъ и умершихъ поступать», и вывѣшенное при входахъ церковныхъ, породило въ народѣ нелѣпые толки и послужило завязкой къ страшной кровавой драмѣ, которой никто не могъ предвидѣть, никто, кромѣ развѣ протоіерея Левшинова, который такъ хорошо зналъ старую Москву, Москву купеческую, сидѣльческую и народную, зналъ всю изнанку этой старой московской гущи, какъ только могла знать грудь да подоплека... Не трогайте

Охотнаго ряда, это гнѣздилище духовной чумы рускаго народа, которая разнесена по всѣмъ концамъ Россіи, брошена въ народъ, въ купечество, въ чиновничество, въ дворянство, даже въ типографскія чернила...

— Эй, паря! Что тамотка вычитываютъ? Али про моръ?

— Нѣту, про поповъ, архиреевъ...

— Ой! Что такъ?

— Дѣтей, слышь, чтоба напредки не кстили...

— Что ты! Видано ли!

— Повитухъ, чу, попами дѣлаютъ...

— Да что жъ, братцы! Конецъ свѣту-переставленье, что ли! Тутъ моръ, а тутъ на поди!

— Да ты не ори! Гашникъ лопнетъ...

— Да я не ору! Дьяволъ!

— Лапти въ ротъ суешь... А ты слухай! Эй, Микиташка братенокъ! Катай сызначала, вычитывай все дочиста, до нутровъ... Ну! Ежели-де случится, звони по-верхамъ! Лупи, чтобы всѣмъ слышно было...

И Микиташка, приподнявшись на цыпочки на церковномъ крыльцѣ и водя закорузлымъ пальцемъ съ навозомъ подъ ногтемъ по строкамъ, «звонитъ по-верхамъ», «лупитъ», читаетъ «наставленіе» Амвросіево:

— «Ежели случится быть въ опасномъ домѣ больной и будетъ требовать для исповѣди отца духовнаго, то онаго и живущихъ съ нимъ людей исповѣдовать съ такою предосторожностію, чтобы не только до больного, но и до платья и прочаго при немъ находящатося не прикасаться, а ежели крайне будетъ опасно для священника, то оному сквозь двери или чрезъ окошко больного исповѣдовать, стоя одаль, а причащать Святыми Дарами таковыхъ сумнительныхъ и опасныхъ людей, убѣгая прикосновенія, чтобы не заразить себя, удержаться»...

— Удержатца!.. Слышь ты, не причащать-де!

— Что ты; али и впрямь, паря?

— Вѣрно, бумага не вретъ, напечатано...

— А исповѣдовать, слышь, черезъ окно али бо черезъ дверь...

— Да это конецъ свѣта, роопятушки!

— Охъ, горюшко наше, матыньки! И па духу-то не быть передъ свѣта-переставленьемъ...

Бабы въ голосъ воютъ... Парни въ волосы другъ другу вцѣпились изъ-за диспута о томъ, какъ исповѣдовать велятъ, въ дверь или черезъ окно... «Въ дверь!» «Въ окно!» «Врешь!» Бацъ: трахъ-тарарахъ, и пошелъ ученый диспутъ на волосахъ...

— А ты инъ вычитывай, Микиташа, о повитухахъ-то что пишутъ...

— Читай, отецъ родной... А вы, бабы, ближе, тутъ про васъ писано...

— Охъ, матушки! Умру со страху, коли обо мнѣ... Ой-ой!

— А ты не вой, тетка, загодя... Сади далѣй, Микиташа!

И Микиташа садитъ далѣе, ковыряя бумагу навознымъ когтемъ: — «Ежели случится въ опасномъ домѣ новорожденный быть младенецъ, онаго велѣть повивальницѣ изъ опасной горницы вынесть въ другую и при крещеніи велѣть оной же погруженіе учинить, а и самому священнику, проговоря форму крещенія, окончить по требнику положенное чинопослѣдованіе; остриженіемъ же власовъ и святымъ миропомазаніемъ, за явною опасностію, удержаться»...

— Слышь ты! Опять, чу, «удержатца»... Не кстн робятъ!

— Повитуха, чу, окунаетъ въ купель... Слышь, тетка?

— Охъ, батюшки: какъ же это!

— А власы—ни-ни! Не замай, робенка не стриги, и миромъ не мажь,—поясняетъ толкователь изъ раскольниковъ.— Сущіе языцы! Ишь до чего дожили православные! А кто виной!

— Кто, батюшка?

— Лжеархирей еретикъ, новый Никонишка...

— А ты чти, Микита, чти до конца, на-нѣтъ!

— «Ежели случится въ такомъ опасномъ или сумнительномъ же домѣ мертвое тѣло, то падъ онымъ, не отпѣвая»...

— Кормилицы, не отпѣвать! Касатики!

— Цыцъ! Не вой!—Баба умолкаетъ...

— «... не отпѣвая и не внося въ церковь...

— «Охъ, смерть моя!»—«Не вой, сказано тебѣ! ушибу!»— Баба молча хлюпаетъ...

— «... и не внося въ церковь,—продолжаетъ Микита,—велѣть отвезти для погребенія въ опредѣленное мѣсто того-жъ самаго дня...»

— Ни отпѣвать, чу, ни въ церковь не вносить, слышишь!

— Да что жъ мы собаки, что ли, что насъ и въ церковь не пущать, братцы?

— Али церковь кабакъ? Вонъ и кабаки запечатали, и бани запечатывали, а теперь на! Ужъ и храмы Божьи печатать! Да что жъ это будетъ, православные?

— Али впрямь они шутятъ! Али на нихъ и суда нѣту!

Обезумѣвшій, растерявшійся народъ начинаетъ обозлѣваться, поголовно, стихійно, на кого, на что, за что, онъ еще самъ не знаетъ, не разглядѣлъ, на кого бы ему накинуться.

Гдѣ то слышится барабанный бой, глухо такъ стучитъ барабанъ, зловѣще... Это не маршъ, это что-то худшее...

— Чу, братцы! Барабанъ!

— Али набатъ? Гдѣ жъ пожаръ, православные!

— Али сполохъ? Что жъ не звонятъ! Братцы! На колокольню!

— Стой! Надыть узнать, какой сполохъ...

Толпа отхлынываетъ къ церкви... Вонъ ѣдетъ мортусъ съ возомъ труповъ, толпа ужъ и не глядитъ на него, приглядѣлась, она ужъ начинаетъ жаждать крови живыхъ людей...

А барабанъ все ближе къ церкви, къ толпѣ... Виднѣется конный, машетъ бѣлымъ платкомъ, вздѣтымъ на обнаженную саблю...

Толпа обступаетъ офицера и барабанщика. Офицеръ дѣлаетъ знакъ, барабанъ умолкаетъ. Толпа ждетъ; это уже не прежняя овцеводная толпа... У этой толпы злые глаза...

— Долой шапки!—кричитъ офицеръ.

— Что шапки! Намъ не жарко-ста! Не пили...

— Долой, мерзавцы! Царскій указъ читать буду...

— Указъ! Указъ!.. Долой, братцы, шапки!

Шапки снимаются.

Офицеръ развернулъ бумагу и сталъ читать громко, медленно:

«Указъ ея императорскаго величества, самодержицы всероссійской, изъ правительствующаго сената, объявляется всѣмъ въ Москвѣ жительствующимъ. Извѣстно ея императорскому величеству стало, что нѣкоторые обыватели въ Москвѣ, избѣгая докторскихъ осмотровъ, не только утаиваютъ больныхъ въ своихъ жительствахъ, но и умершихъ потомъ выкидываютъ въ публичныя мѣста. А понеже такое злостное неповиновеніе навлекаетъ на все общество наибѣдственнѣйшія опасности: того для ея

императорское величество повелѣваетъ отчески, по именному своему указу, строжайшимъ образомъ обнародовать во всемъ городѣ, чтобъ отнынѣ никто больше не дерзалъ на такое злостное и вредное ея императорскаго величества законовъ и уставленій похищеніе. А есть ли, не взирая на сіе строгое подтвержденіе, кто въ такомъ преступленіи будетъ открытъ и изобличенъ, или же хотя и въ свѣдѣніи объ ономъ доказанъ, таковой безъ всякаго монаршаго ея императорскаго величества милосердія отдается вѣчно въ каторжную работу».

Толпа какъ-то разомъ вздохнула, широко, глубоко, всею наболѣвшею грудью, какъ-то всенародно вздохнула...

— Мертвыхъ, чу, утайкомъ держутъ! Кто ихъ держитъ!.. Вонъ мертвый крыжомъ лежитъ, суди ево! Вонъ ево судья!..

И сотни рукъ указали на приближавшуюся фуру съ мертвецами и на багоръ мортуса, который зацѣплялъ этого лежавшаго крыжомъ... Мертвый корчился на багрѣ, онъ былъ еще живъ... Корчится словно рыба на удочкѣ...

Офицеръ молча поворотилъ коня.

II. «Богородицу грабятъ!»

Какъ ни ужасна была картина, которую представляла чумная Москва въ теченіе послѣднихъ двухъ моровыхъ мѣсяцевъ, августа и начала сентября, но никогда еще не глядѣла она такъ зловѣще, никогда еще лица наполовину прибранной смертью, но все еще кишма-кишѣвшей по улицамъ и площадямъ толпы, у которой, казалось, совсѣмъ лопнуло терпѣнье, одеревянѣло съ отчаянія сердце, помутился отъ горя и страха разсудокъ, раззудѣлась на какого-то невидимаго врага изнывшая, изболѣвшая душа и руки, никогда лица эти, похудѣлыя, осунувшіяся, словно обросшія чѣмъ-то мрачнымъ, не носили еще на себѣ печати той страшной рѣшимости на что-то еще небывалое и ужасное, съ какою лица эти, 15 сентября 1771 года, прислушивались къ какому-то глухому, какъ волны, рокочущему говору и гаму, стономъ-стонавшему надъ всею, запруженною народомъ, площадью у Варварскихъ воротъ. Это море какое-то колыхалось и бурлило, и все больше и больше прибывали его волны, все выше и выше поднимало бурный приливъ...

На ногахъ вся уцѣлѣвшая отъ мора Москва—много еще уцѣ-

лѣло, хоть и много померло... Москву не скоро всю передушишь... Вонъ она вся высыпала... Да и какъ ей не высыпать! Церкви пусты, дома пусты, одни развѣ умирающіе да мертвые въ нихъ валяются; всѣ лавки, амбары, погреба, кабаки, трактиры, бани, присутственныя мѣста, рынки заперты; всѣ дѣла остановились, торги стали, вся машина развалилась...

Тутъ и фабричные, и мастеровые, и дворовые,—господа раньше разбѣжались по деревнямъ,—и солдаты, и разночинцы, и приказные изъ запертыхъ присутственныхъ мѣстъ, и купцы, и мѣщане, и сидѣльцы, гулящіе и не гулящіе попы и дьячки, чернецы и черный народъ... А бабы, а дѣти!..

Всѣ валятъ къ Варварскимъ воротамъ. Надъ воротами тускло поблескиваетъ старая-престарая икона Боголюбской Богородицы. Къ воротамъ, подъ самую икону подставлена пожарная лѣстница. На лѣстницу взбирается народъ съ зажженными свѣчами и лѣпитъ эти свѣчи къ иконѣ... Цѣлый лѣсъ свѣчей налѣпленъ; некуда больше лѣпить, такъ лѣпятъ къ карнизамъ, къ стѣнѣ, къ кирпичамъ...

А подъ лѣстницей, на опрокинутомъ ларѣ, поднявъ руки кверху, кто-то громко причитываетъ:

— Порадѣйте, православные, Богородицѣ на всемірную свѣчу! Порадѣйте! Каменный дождь на Москву идетъ! Огненная рѣка течи будетъ! Порадѣйте, порадѣйте на всемірную свѣчу! Порадѣйте, православные!

А тутъ же у ларя неутомимый «гулящій попикъ», котораго и чума не брала, разсказываетъ православнымъ о «чудѣ».

— Слушайте, православные! Чудо бысть нѣкое, знаменіе преужасное. Въ сію нощь рабу Божію Ильѣ (и попикъ указалъ рукою на того, который сидѣлъ на ларѣ и кричалъ «порадѣйте!») въ тонцѣ снѣ явися Боголюбская Богородица, вотъ эта самая Матушка (и попикъ показалъ на верхъ воротъ, на икону, облѣпленную свѣчами), явилась и глаголетъ: приходилъ-де ко мнѣ Сынъ мой, Господь Исусъ Христосъ и повѣдалъ Мнѣ, яко матери Своей, тако: поелику-де Тебѣ, Боголюбская Богоматерь, вотъ уже тридцать лѣтъ никто въ Москвѣ ни молебна не пѣлъ, ни свѣчи не поставилъ, то за сіе-де пошлю Я на Москву каменный дождь. И Матушка Богородица, жалѣючи насъ православныхъ, умолила Сына Своего Христа и Бога нашего, не посылать на Москву каменный дождь, а нагнать на насъ трехмѣсячный

моръ... Вотъ, православные, сія просьба Богородицы и исполняется—великій моръ посѣтилъ Москву... Помолимся же, православные, Владычицѣ нашей Богородицѣ Боголюбской, пущай Она, Матушка, замолитъ за насъ у Сына Своего Христа и Бога нашего! Порадѣемте Ей, Матушкѣ, на всемірную свѣчу!

— Порадѣйте, православные!—взываетъ тутъ же стоящій огромный солдатина съ сѣдою головою и длинною сѣдою косою.—Порадѣйте! Мнѣ нонѣ и попъ въ церкви Всѣхъ Святыхъ на Куличкахъ *) сказывалъ про это чудо... Порадѣйте, православные!

— Порадѣйте!—подхватываютъ сотни голосовъ.—Не дайте всѣмъ помереть лютою смертію!

Народъ неудержимо претъ къ воротамъ, къ лѣстницѣ, цѣпляется за нее, карабкается вверхъ. Иные обрываются и падаютъ. Тотъ охаетъ отъ паденія, иной оретъ благимъ матомъ, потому что у него волосы вспыхнули отъ упавшей съ карниза свѣчи, голова горитъ, борода вспыхиваетъ, рубаха загорается. Другой стонетъ отъ боли, больной, чумной притащился къ воротамъ, чая спасенья отъ чудотворной иконы... Адъ сущій кругомъ!

Попы, побросавшіе сорокъ-сороковъ московскихъ церквей, забывшіе о своихъ требахъ, покинувшіе свои приходы, тоже высыпали на это страшное всемоленіе, разставили вездѣ свои аналои, позажгли свѣчи, напустили облака ладону, такъ что солнце помрачили, и всенародно молятся, оглашаютъ воздухъ невообразимою, но ужасомъ за душу хватающею разноголосицею!..

— Порадѣйте, православные, на всемірную свѣчу!—стонутъ тысячи голосовъ во всѣхъ концахъ.

— О всякой душѣ христіанстѣй, скорбящей же и озлобленнѣй, милости Божіи и помощи требующей!.. О исцѣленіи въ немощахъ лежащихъ!—взываетъ надъ аналоемъ усталый голосъ соборнаго дьякона, который прежде никогда не уставалъ.

А тутъ священникъ, у котораго вымерла вся семья, дѣти, жена, родные, рветъ на себѣ волосы у другого аналоя и вопитъ въ истошный голосъ:

— Проклятъ буди день, въ онь же родихся азъ, проклятый, ночь, въ нюже породи мя мати моя! Проклятъ буди мужъ, иже

*) Историческій фактъ (см. Описаніе моровой язвы въ Москвѣ 1770—1772 г., изд. по высочайшему повелѣнію въ 1775 г.).

возвѣсти отцу моему, рекій: родися тебѣ отрокъ мужескъ, и яко радостію возвѣсти его. Да будетъ человѣкъ той, яко же гради, яже преврати Господь яростію Своею, да слышитъ вопль заутра и рыданіе во время полуденное, яко не уби мене въ ложеснахъ матере моея, и бысть бы ми мати моя гробъ мой! О!

— Батюшка! Подь домой, кормилецъ!—тащитъ за рукавъ этого безумца какая-то старуха; но безумецъ нейдетъ, проклинаетъ и себя, и день своего рожденія, и ночь своего зачатія...

— Порадѣйте, порадѣйте на всемірную свѣчу, православные!—стонетъ площадь, стонетъ вся Москва.

Да такъ съ ума сойти можно. И Москва сошла съ ума...

Вонъ тащутъ чумнаго къ воротамъ, встаскиваютъ по лѣстницѣ къ иконѣ, «чтобъ приложился, касатикъ», а у касатика голова съ плечъ валится...

Еропкинъ, узнавъ объ этомъ обезумленіи всей Москвы, поскакалъ было съ веселымъ докторомъ и съ оберъ-полицеймейстеромъ къ Варварскимъ воротамъ; но скоро увидѣлъ, что море вышло изъ береговъ, и не остановить ему этого моря своими силами, нечеловѣческія тутъ нужны силы...

И онъ велѣлъ везти себя въ Чудовъ монастырь, къ Амвросію. Онъ чувствовалъ, что у него не только руки и ноги холодѣютъ, но въ сердцѣ холодъ, въ душѣ холодъ и страхъ...

— Постойте... постойте, пане!—удерживалъ его въ передней кельѣ монастыря запорожецъ-служка.

— Чего тебѣ надо!—удивлялся Еропкинъ, отстраняя рукою плечистаго запорожца.

— Вони, пане, молются... вони плачуть...

Дѣйствительно, когда Еропкинъ вошелъ въ келью Амвросія, архіепископъ стоялъ на колѣняхъ передъ ликомъ Спасителя и плакалъ.

— Простите, ваше преосвященство!

Амвросій всталъ съ колѣнъ и обратилъ къ Еропкину свое заплаканное лицо. Судя по глазамъ, Еропкинъ попялъ, архіепископъ много и горько плакалъ... Ему чего-то страшно стало.

— Простите... У Варварскихъ воротъ...

— Знаю, знаю, ваше превосходительство, — подавленнымъ голосомъ перебилъ его Амвросій.—Мракъ и страхъ распудиша овцы моя... А я, пастырь, не соберу ихъ.

И архіепископъ, упавъ головой на столъ, заплакалъ... Ни-

когда не видалъ Еропкинъ, какъ плачутъ, особенно такими горькими слезами, архіереи, и стоялъ въ изумленіи... Наконецъ, Амвросій приподнялъ отъ стола свое блѣдное лицо и широко перекрестился, обратясь къ образу Спасителя.

— За нихъ я плачу, за овецъ моихъ!—сказалъ онъ.—Это панургово стадо.

— Чье стадо, ваше преосвященство?—спросилъ Еропкинъ.

— Панургово, ваше превосходительство, которое вослѣдъ единой овцѣ бросается въ море и погибаетъ въ немъ... Но что намъ дѣлать?

— Я именно за симъ и пріѣхалъ къ вашему преосвященству... Тутъ является обстоятельство, касающееся не одного города, но и церкви...

— Вижу, вижу,—говорилъ Амвросій задумчиво.—Мнѣ, пастырю, приходится надѣть тогу трибуна.

— Да, ваше преосвященство, власть трибуна выскользнула изъ моихъ рукъ...

— Да... да... Тутъ икона, тутъ сама Богородица. Ей же народы и власти царіе всесильніи поклоняются съ трепетомъ... Она старше всѣхъ, старше ея ужъ никого нѣтъ на землѣ...

— Истину изволите говорить, владыко: точно, Богородица старше самой государыни, ея императорскаго величества.

— Старше, старше... Тутъ и государыня ничего не можетъ...

— Не можетъ!—Еропкинъ развелъ руками.

— Тутъ власть должна быть не отъ міра сего, да, да, не отъ міра,—обдумывалъ архіепископъ страшную дилемму, которую задалъ ему народъ.—А мы всѣ отъ міра...

— Да, ваше преосвященство, вотъ задача!—разводилъ руками начальникъ Москвы.—Я—лицо государыни здѣсь, я глава Москвы, а тамъ я безсильнѣе всякаго послѣдняго нищаго, юродиваго... Тамъ я не смѣю приказывать именемъ всемилостивѣйшей государыни моей: тамъ мнѣ могутъ сказать «твоя-де государыня нашей Богородицѣ не указъ!»

— Не указъ, точно не указъ...

Амвросій всталъ и въ волненіи подошелъ сначала къ портрету Петра Могилы, потомъ къ кіотѣ, какъ-то машинально... Изъ кіоты смотрѣлъ на него все тотъ же кроткій ликъ и, казалось, смотрѣлъ такъ грустно-грустно...

— Вотъ кто одинъ выше Богородицы: вотъ Онъ! Ессе

Ecce homo!—съ какой-то страстностью и тоскою сказалъ взволнованный архіепископъ.

Еропкинъ оглянулся. Его поразило лицо Амвросія, который стоялъ, съ мольбою протянувъ руки къ Спасителю.

— Се Онъ... Се человѣкъ... Ессе homo!

— Да, ваше превосходительство, — тихо произнесъ Еропкинъ.—Но Его нѣтъ съ нами...

— Нѣтъ, Онъ здѣсь! Онъ съ нами! Я въ себѣ Его чувствую...

— Но какъ намъ успокоить Москву?

— Надо взять оттуда Богородицу...

— Помилуйте, ваше преосвященство! Этого сдѣлать пельзя!

— Для чего нельзя?

— Народъ не дастъ Ея... Онъ взбунтуется... онъ Москву разнесетъ по клочкамъ...

— Не разнесетъ... Онъ покорно пойдетъ за Богородицей... самъ понесетъ Ее... будетъ падать ницъ передъ Нею, только бы по немъ прошли ноги тѣхъ, кои удостоятся нести святый ликъ...

— Но куда же Ее, владыко, унесемъ мы, гдѣ спрячемъ?

— Не спрячемъ, зачѣмъ прятать! Мы поставимъ ее въ новопостроенной богатой церкви Киръ Іоанна...

— Нѣтъ, ваше преосвященство, я боюсь этого... Ее теперь нельзя трогать. А одно развѣ я могу посовѣтовать: взять оттуда и перенести въ безопасное мѣсто казну Богородицы, чтобъ оную не расхитили...

— Это скриню желѣзную

— Да, тамъ огромный сундукъ, желѣзный ларь вмѣсто кружки, съ отверстіемъ сверху для денегъ... Говорятъ, ларь ужъ полонъ...

— А если народъ скажетъ, что Богородицу грабятъ?—въ раздумьѣ спросилъ Амвросій...

— Не скажетъ, ваше преосвященство: я вмѣстѣ съ вашими консисторскими чинами пошлю для взятія ларя и своихъ солдатъ...

— О-о-охо-хо! Что-то изъ сего произойдетъ? — нерѣшительно сказалъ Амвросій и снова подошелъ къ кіотѣ, какъ бы въ ликѣ Спасителя ища вдохновенія и поддержки...

Да, ему нужна была эта божественная поддержка... Почему-то въ эти дни образъ мучимаго Христа не отходилъ отъ него ни

днемъ, ни ночью, и почему-то въ эти самые дни такъ назойливо врывались въ его душу воспоминанія дѣтства, молодости, студенческіе годы въ Кіевѣ, печерская лавра и тотъ тихій вечеръ, когда, передъ посвященіемъ своимъ, передъ отреченіемъ отъ міра, наканунѣ постриженія своего въ монахи, онъ въ послѣдній разъ слушалъ тоскливую пѣсню дѣвушки, которую онъ... которая не могла быть... его женою, подругою... которая, однимъ словомъ, пѣла:

Священники, діаконы
Повелять звонити—
Тоди объ насъ перестануть
Люди говорити...

— Ну, дѣлайте какъ знаете, а я распоряжусь по консисторіи,—сказалъ онъ, наконецъ, силясь отогнать отъ себя рой тяжелыхъ и дорогихъ воспоминаній...

Ерошкинъ уѣхалъ. Амвросій остался одинъ съ своими думами.

А бѣсноватая Москва вплоть до ночи продолжала корчиться и тысячеустой кликушей выкликать: «порадѣйте, порадѣйте, православные, Богородицѣ на всемірную свѣчу!»

Наступалъ вечеръ. Народъ все не расходился, бѣсноватая Москва, повидимому, собиралась ночь провести у Богородицы. Литіи, моленія, возглашенія, крики не переставали оглашать воздухъ. только голоса стали хриповатѣе и еще страшнѣе...

— Порадѣйте, православные, Богородицѣ, порадѣйте!

— Услыши ны Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концовъ земли и сущихъ въ море далече!..

— Проклятъ буди день!.. Проклята буди ночь... Проклята буди мать моя!..

Изъ-за этихъ криковъ раздаются то и дѣло стоны другого рода, еще ужаснѣе... Нѣтъ-нѣтъ да и волокутъ изъ толпы умирающаго въ корчахъ старика, молодого дѣтину или рожающую въ мукахъ бабу, или выволокутъ трупъ уже посинѣлый, и къ нему съ погребецкой фуры протягивается крючковатый багоръ мортуса и тутъ же въ виду другихъ смертей, на глазахъ у обезумѣвшей толпы, вскидываетъ его на свою смертную колесницу...

Но вотъ сквозь толпу протискивается команда солдатъ, куда! Это капля падаетъ въ море и исчезаетъ... Съ солдатами и

консисторскіе чины, канцеляристы, подъячіе. Незамѣтно дотискиваются они до самыхъ воротъ, до лѣстницы, подставленной къ иконѣ, къ ларю, на которомъ продолжаетъ сидѣть все тотъ же чудовидецъ Илья фабричный и кричать въ истошный, но уже осипшій голосъ: «Порадѣйте, православные!..» Онъ весь день тутъ сидѣлъ и кричалъ, ему ѣсть сюда приносили, но онъ и отъ пищи отказался, а все кричалъ...

Дотискивается команда съ чинами и до Ильи, и до ларя. Чинъ держитъ въ рукахъ бумагу и консисторскую печать, съ кускомъ воску для печатанья... Протягиваетъ чинъ руку къ ларю, къ казнѣ Богородицы, печатать хочетъ... Дрожма дрожитъ рука у чина, не отъ пьянства, а отъ страха... Дотрогивается до ларя, до замка...

— Богородицу грабятъ, православные!—раздается вдругъ страшный, нечеловѣческій голосъ.

Это Илья кричитъ, чудовидецъ... Страшно вздрогнула толпа, зашаталась лѣстница... «Охъ, ворота падаютъ! Богородица падаетъ!..»

— Богородицу грабятъ!—подхватываетъ толпа.—Батюшки, грабятъ!

— Православные! Братцы! Не давай Богородицу!

— Не давай въ обиду Матушку!

— Сюда, кто въ Бога вѣруетъ: Богородицу грабятъ! Звони сполохъ! Бей набатъ! Эй, православные, не выдайте, голубчики!

Какъ изъ земли, выростаютъ кузнецы съ желѣзными клещами, рогатинами, кузницы тутъ недалеко... «Бей ихъ! Вяжи! Не давай Богородицу!..»

— Звони во всѣ! Звони сполохъ!

Команда смята, раздавлена, перетерта ногами; куски солдатскаго и подъяческаго тѣла разнесены на сапогахъ, на лаптяхъ и на онучкахъ.

Кровь пролита, первая кровь! Бѣсноватая Москва понюхала крови, и теперь нѣтъ ей удержу...

Безтолково, испуганно, но какъ-то страшно, набатно заколотили колокола у церкви Всѣхъ Святыхъ на Куличкахъ. Звонящіе рвутъ за всѣ веревки, дергаютъ туда и сюда, обрываютъ ихъ, цѣпляются руками за колокольные языки, и бьютъ въ края колоколовъ. Имъ отвѣчаютъ такимъ же набатомъ у Спасскихъ воротъ... Отвѣчаютъ еще и еще, во всѣхъ концахъ города...

Наконецъ, заговорила Москва, запѣли всѣ сорокъ-сороковъ московскій народный гимнъ. Испуганная, уже было успувшая на ночь птица снялась съ мѣстъ, повылетала изъ гнѣздъ—и безумно, тучами, носится и каркаетъ надъ Москвою. Завыли перепуганныя собаки—завыла вся Москва:

— Богородицу грабятъ! Боголюбскую Богородицу грабятъ!

А колокола-то заливаются, стонуть, захлебываются во всѣ сорокъ-сороковъ! Это рычитъ невиданное и неслыханное чудовище, главная пасть котораго въ Кремлѣ, на Иванѣ Великомъ, а сорокъ-сороковъ другихъ пастей ревутъ ревма, бѣшено-радостно ревутъ во всѣхъ концахъ города, отъ центра до окраинъ, до камеръ-коллежскаго вала, до заставъ, до кладбищъ, по всѣмъ городскимъ и загороднымъ монастырямъ... Какъ не распадутся церкви, стѣны Кремля и башни отъ этого звона, такого звона и гласа металлическаго, котораго и Іерихонъ, падая въ прахъ, не слыхалъ!

Кто еще оставался по домамъ, и тѣ бѣгутъ на набатный звонъ. Въ рукахъ топоры, вилы, багры, дубье, запоры отъ воротъ, желѣзные болты отъ ставенъ.

Ночь опустилась на Москву. Тьма кромѣшная. А Москва мечется, ищетъ еще кого-то: той крови мало; та вся осталась на лаптяхъ да на опучахъ—и не попахло. Надо новой крови.

— Богородицу грабятъ!—не умолкаютъ возгласы.

— Въ Кремль, православные! Грабителей сыскивать!

— Въ Чудовъ, братцы! По архирея! Онъ грабитель, онъ Богородицу велѣлъ грабить! По архирея!—кричитъ Савелій Бяковъ, солдатина саженный съ сѣдою, какъ у бабы, косою.

— Въ Чудовъ! Въ Чудовъ! По грабителя Матушкина!

Толпы повалили въ Кремль, къ Чудову... «Долой шапки!»—это въ Спасскихъ воротахъ. Впереди всѣхъ саженный солдатина Бяковъ съ сѣдою косою. На плечѣ у него цѣлая рогатка отъ плацъ-парада. Лица у толпы безумныя, еще страшнѣе, чѣмъ были... Бѣгутъ спотыкаются, падаютъ...

Тутъ же и собаченка, знакомая, маленькая, кудластая, Маланья... Ты куда, несчастная! Да какъ же ей-то не бѣжать, коли вся Москва бѣжитъ. Вонъ и ея краснобровый пріятель тутъ же: тоже спѣшитъ Богородицу защищать—онъ тоже русскій человѣкъ, православный, ему также Богородицы жалко... онъ изъ усердія...

Налегли на Чудовъ, высадили желѣзныя ворота и на себѣ ихъ, какъ щитъ, какъ трофей, внесли въ ограду.

«Куда напирать теперь? Гдѣ искать. Вездѣ, братцы, шарь! По всѣмъ закоулкамъ, по всѣмъ мышинымъ норкамъ—не уйдетъ!»

Высадили разомъ нѣсколько дверей и окопъ съ желѣзными рѣшетками. Все повалилось внутрь, и люди валятся другъ на дружку, встаютъ, а черезъ нихъ другіе шагаютъ, другъ по дружкѣ лѣзутъ...

Видѣлъ ли ты, читатель, какъ идетъ на хлѣба «пѣшая саранча» или червякъ-гусеница на сады въ нашихъ юго-восточныхъ окраинахъ, хоть бы по Дону и по Поволожью? Не видѣлъ?

«Пѣшая саранча» не летитъ тучами, какъ крылатая, а идетъ тьмами по землѣ, подскакивая и производя страшный шумъ, словно шумъ моря или шумъ приближающейся бури съ градомъ. Такъ же идетъ и червь-гусеница только безшумно—онъ ползетъ по землѣ. Чтобы спасти хлѣба и сады отъ этого бича Божія, народъ окапываетъ нивы и сады канавами, раскладываетъ въ нихъ огонь и внутреннія края канавъ обставляетъ густо намазанными дегтемъ досками, это для червя... Но вотъ приближается страшная пѣхота—съ шумомъ или тихо, смотря по тому, какія арміи идутъ: саранча или червь. Первые легіоны безстрашно идутъ на приступъ и тутъ же ложатся костьми всѣ: погибаютъ во рву и огнѣ. За ними валятъ другіе легіоны, и эти погибаютъ. За этими третьи, четвертые, пятые, тоже гибнутъ. Но за ними еще тьмы-темъ легіоновъ... Трупы падшихъ героевъ брюха заполняютъ рвы, огонь все слабѣе и слабѣе дѣйствуетъ, не можетъ спалить кучи труповъ и гаснетъ, наконецъ! По заполненнымъ рвамъ, по трупамъ своихъ братьевъ, словно солдаты, тьма-темъ саранчи и червя переходятъ на ту сторону, и горе всему растущему: земля превращается въ черную пустыню, покрытую испражненіями насѣкомыхъ, которыя тутъ же, поѣвши, и погибаютъ, закапывая въ землю свои яички, будущія молодыя поколѣнія саранчи и червя.

Вотъ такъ вошли въ Чудовъ и москвичи, ища грабителя Богородицы, обреченнаго на смерть Амвросія.

— По кельямъ, братцы, по всѣмъ ищи!—гудятъ голоса, толкаясь лбами въ темнотѣ.

— Ищи, шарь по всѣмъ норкамъ!—командуетъ сѣдая солдатская коса.

— Не видать ничего, братцы! Огня давай! Зажигай свѣчи! Ищи! Норы перерывай!

И пошли перерывать норы: опрокидываютъ и въ дребезги разбиваютъ столы, мебель, конторки, аналои... Нѣту грабителя! Книги летятъ вмѣстѣ съ шкапами, книги рвутся, топчутся ногами, летятъ въ окна... «Катай все книжное! Катай еретическое!» Нѣту грабителя! Печи еще вездѣ цѣлы. «Ломи, братцы, сади въ печи, може тамъ!» И печи всѣ разбиты, развалены, растрощены, самые кирпичи и изразцы перетираются въ порошокъ лаптями да сапогами... Въ крестовую ввалились: утварь церковная загремѣла, сосуды, кресты, евангелія, антиминсъ, все на полу, по всему топчутся окровавленныя онучи... «Еретицкое все топчи!» Одинъ домъ со всѣми кельями разнесли, другой разнесли, еще какой-то разносятъ... «Это казенна палата, братцы! Тамъ гербова бумага, съ орломъ, не трошь!» «Катай и ее! Катай бумагу! По бумагѣ Богородицу грабили». И катаютъ казенную палату, разносятъ и ее, разносятъ на лаптяхъ да въ корявыхъ лапищахъ дѣла, книги, перья топчутъ: «ишь, дьяволы, пишутъ ими приговоры!», и топчутъ, трощатъ все... «Рви орлину бумагу, гербову, рви ее! Богородицу грабятъ!»

Врываются въ келью Амвросія, нѣтъ его! Только ладономъ пахнетъ... На столѣ развернутая книга: Pestis indica такъ и чернѣется на заголовкѣ... Тутъ и крестъ, и евангеліе...

Раньше всѣхъ сюда ворвался нашъ знакомый краснобровый солдатъ съ своей собаченкой, и оба обомлѣли... У кіоты горятъ восковыя свѣчи, а изъ кіоты к т о-т о смотритъ, да такой добрый-добрый... Смотритъ прямо въ глаза солдату, кротко-кротко смотритъ—и у солдата сердце упало! О н ъ смотритъ и... качаетъ головой!..

Окаменѣлъ солдатъ, дрожитъ; и собачка хвостъ поджала, жмется къ ногамъ солдата...

Топотъ ногъ, сапогъ, шмыганье лаптей, онучъ... Врываются...

— Стой! — кричитъ не своимъ голосомъ солдатъ краснобровый.

—Чего стой! Эко дьяволъ! Катай!

— Стой! Говорятъ вамъ, стой! Ни-ни! Не трошь! (Солдатъ дрожитъ)

— Что ты? Али очумѣлъ!

— Нѣту, братцы... Онъ... Онъ смотритъ... головой качаетъ,—говоритъ рыжій, протягивая трепетную руку къ кіотѣ.

Толпа притаила дыханіе онѣмѣла, слышенъ только ревъ извнѣ, это тамъ идетъ работа защитниковъ Богородицы... А эти онѣмѣли...

— Смотритъ... Онъ смотритъ...

— Глядитъ и впрямь, братцы! Охъ! Глядитъ...

— Батюшка! Это самъ Богъ глядитъ...

— Назадъ, братцы! Назадъ! Тутъ Богъ глазами смотритъ...

— Назадъ! Назадъ, православные! Богъ тамъ!

Толпа съ ужасомъ отвалила отъ кроткаго лика Спасителя и скоро забыла о немъ...

Одна часть толпы, опустошивъ кельи экономическія, консисторскія и монашескія, изъ которыхъ монахи успѣли бѣжать, не оставивъ доски на доскѣ въ нижнихъ архіерейскихъ, кромѣ той, гдѣ безумцевъ напугалъ кроткій ликъ Спасителя, ринулись въ верхнія кельи, гдѣ свѣтился огонекъ въ крайнемъ окошкѣ. Звѣри бросились на огонь, ворвались въ келью и остановились въ нѣмомъ изумленіи: въ углу у иконы Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ теплилась лампада, а на полу кто-то лежалъ распростертый и молился...

Молящійся всталъ и оборотилъ лицо къ толпѣ, безмолвно остановившейся у дверей.

— Онъ, братцы! Нашли грабителя! Нашли!—дико закричалъ стоявшій впереди всѣхъ гигантъ съ сѣдою косою.—Вотъ кто грабитъ Богородицу!

— Архирея нашли! Сюда, братцы! Сюда, православные!—подхватила толпа.

Да, это былъ онъ... Черные вьющіеся волосы, разсыпавшіеся по плечамъ, черная окладистая борода, смѣло вскинутыя надъ черными, мягкими глазами брови, южный орлиный носъ...

Гигантъ съ косой выступилъ впередъ, держа въ рукахъ огромную рогатку.

— Говори, архирей, для чего ты велѣлъ ограбить Богородицу?—спросилъ онъ хрипло, угрожающе.

— Я не архіерей,—тихо отвѣчалъ тотъ.

— Какъ не архіерей! Сказывай! Кайся!—и страшная рогатка поднялась надъ головою несчастнаго.

— Я не архіерей,—отвѣчалъ тотъ во второй разъ...

— А! Онъ запирается!.. Такъ молись же Богу! Молись въ послѣдній разъ!.. Вотъ тебѣ за Богородицу!—и рогатина поднялась еще страшнѣе: вотъ-вотъ громомъ упадетъ на голову.—Молись! Исповѣдовайся!

Тотъ упалъ на колѣни и безпомощно поднялъ руки къ небу...

— Господи! Ты видишь...

Вотъ вотъ ринется на голову ужасная рогатка... Ручные мускулы гиганта напряглись, какъ стальныя веревки...

— Господи! Ты вѣси...

— Капутъ!.. Разъ... два...

— Стой! Стой! Разбойникъ! Что ты дѣлаешь?—неистово раздался крикъ въ толпѣ.

Руки гиганта дрогнули. Рогатина замерла въ воздухѣ. Изъ толпы выскочилъ Фролка приказная строка.

— Что ты дѣлаешь, душегубъ?—хрипитъ Фролка.

— А тебѣ какое дѣло, приказная строка? Архирея учу, чтобъ не грабилъ Богородицу...

— Да это не архирей! Это братъ его, Никанъ, архимандритъ Воскресенскій...

— Это Никонъ, точно Никонъ!—раздался голосъ въ толпѣ...

Гигантъ отступилъ въ смущеніи... «Промахнулись братцы», бормоталъ онъ... Никонъ съ тѣми же поднятыми къ потолку руками продолжалъ стоять на колѣняхъ и тоже бормоталъ что-то...

— Ваше высокопреподобіе! Благословите меня!— подошелъ къ нему Фролка.

Несчастный архимандритъ безсвязно бормоталъ:—Ты вѣси, Господи... Я умираю... умру я...

Ой умру, я умру, та й буду дивиться,
Ой, чи буде моя мати за мною журиться...
Ой, умру я, умру...

Фролка взглянулъ въ глаза несчастнаго и съ ужасомъ отступилъ: архимандритъ Никонъ пересталъ быть человѣкомъ, онъ потерялъ разсудокъ навсегда... впрочемъ, не надолго: черезъ четырнадцать дней онъ умеръ...

III. Убіеніе Амвросія.

Гдѣ же былъ тотъ, котораго искала московская бѣсноватая чернь?

Когда раздался первый набатный сполохъ у церкви Всѣхъ Святыхъ на Куличкахъ, Амвросій вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ къ нему въ тотъ вечеръ племянникомъ, Бантышъ-Каменскимъ, отцомъ извѣстнаго историка, просматривалъ то мѣсто Фукидида, гдѣ онъ описываетъ свирѣпствовавшую въ Аттикѣ, во время персидскихъ войнъ, страшную моровую язву, занесенную въ Грецію съ Востока, и обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что бичъ этотъ, повидимому, поражалъ преимущественно илотовъ, и рабовъ...

— Такъ и у насъ,—замѣтилъ Бантышъ

— Да... но илоты потомъ поразили метиковъ, метики дальше.

Въ это время набатъ раздался у Спасскихъ воротъ. Затѣмъ еще гдѣ-то, а тамъ еще, еще...

— Боже! Что это значитъ!

— Пожаръ, должно быть, дядюшка.

Подошли къ окнамъ; но зарева нигдѣ не видать—вездѣ мракъ. Послали служку къ Спасскимъ воротамъ узнать отъ звонаря...

А набатъ усиливается.

— Не доброе, не доброе что-то,—шепчетъ Амвросій, невольно бросая взоръ на ликъ Спасителя...— Илоты, илоты,—какъ бы само шепчетъ сердце.

Вбѣгаетъ запорожецъ-служка, такой веселый, стучитъ чоботищами, и слышно было даже, какъ на дворѣ еще онъ что-то хохоталъ самъ съ собою... Стоитъ, прехитро улыбается...

— Ну, что тамъ?—безпокойно спрашиваетъ Амвросій.

Молчитъ запорожецъ, зажимаетъ носъ кулачищемъ, чтобы не фыркнуть.

— Да говори же, дурный! Что ты!—прикрикиваетъ на него Бантышъ, но и самъ улыбается.—Чего тебѣ весело?

— Та соромъ и сказати!

— Ну? Да ну же, дуракъ!

— Ото-жъ Москва!.. Отъ дурный москаль такій дурный, що Мати Божа!

— Да что же такое? Говори, наконецъ.

— Отъ теперь тамъ, вона сказилась, Москва каже, що Богородицу граблять...

И запорожецъ добродушно и укоризненно засмѣялся... Амвросій и Бантышъ переглянулись... Послѣднему показалось, что у архіепископа волосы на бровяхъ и на головѣ дыбомъ становились...

— Отъ дурни москали! Богородицю, бачъ граблять... А хиба Ii можно грабити, коли вона на неби!—мудрствовалъ запорожецъ.—Вона на неби—Богородицю не можно грабити...

А набатъ уже ревѣлъ по всей Москвѣ... Нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ кругомъ залито было звономъ страшнаго сполоха, земля и весь Кремль, и стѣны Чудова дрожали отъ ужасныхъ звуковыхъ волнъ...

Амвросій, казалось, раздумывалъ... Глаза его съ невыразимой мольбой ушли на ликъ Спасителя, освѣщенный лампадою и большими восковыми свѣчами... «Садъ Геѳсиманскій... моленіе о чашѣ... Какой тогда у Него былъ ликъ?»—невольно вопрошалось гдѣ-то глубоко въ душѣ...

— Ты въ каретѣ пріѣхалъ?—быстро спросилъ Амвросій племянника.

— Въ каретѣ, дядюшка.

— Такъ я ѣду съ тобою...

— И я, владыко?—поторопился запорожецъ-служка...

Амвросій задумался было немного... «Да, да... и ты... теперь темно... ты, у тебя сердце лучше головы»,—торопливо сказалъ архіепископъ своему служкѣ.

А набатъ ревѣтъ... Уже слышенъ издали рокотъ голосовъ, но такой глухой, стонущій, какъ споръ моря съ вѣтромъ...

Амвросій надѣлъ клобукъ, взялъ въ руку посохъ и упалъ передъ ликомъ Спасителя...

— Благослови странника, распятый за ны!—сказалъ онъ громко.—Камо иду, не вѣмъ, Ты единъ вѣси... А призовешь къ Себѣ... иду... готовъ есмь, готово сердце мое...

И онъ бодро вышелъ изъ кельи, громко стуча посохомъ, и невольно еще разъ оглянулся на Спасителя.

Карета стояла у крыльца. Амвросій, осѣнивъ ее и монастырь крестнымъ знаменіемъ, помѣстился внутри ея вмѣстѣ съ племянникомъ, а служкѣ велѣлъ сѣсть рядомъ съ кучеромъ. Кучеръ

тронулъ. Когда карета выѣзжала изъ воротъ монастыря, архіепископу почему-то вспомнился тотъ моментъ изъ его дѣтства, когда мать, благословляя его передъ проводами въ бурсу, сказала: «не забувай, сынку, коли й попомъ будешь, а може й архиреемъ, якъ тебѣ мати провожала и головоньку тоби чесала...» И почему это теперь именно вспомнилось, какъ мать курчавую головку расчесывала? А сколько прошло потомъ черезъ эту голову думъ, сколько въ ней накопилось воспоминаній, которыхъ не вмѣстити въ себѣ никакимъ «пишемымъ книгамъ...» И не легче отъ этого стало многодумной головѣ, не стало архіепископское сердце счастливѣе того, которое билось когда-то въ груди ребенка...

Карета проѣхала Спасскими воротами, а тамъ, на Красной площади, валили уже народныя волны съ ревомъ, заглушавшимъ набатный гулъ колоколовъ... Въ темнотѣ двигавшіяся нестройныя массы казались какимъ-то разорваннымъ на огромные куски тысяченогимъ и тысячеголовымъ чудовищемъ.

— Богородицу грабятъ!—выдѣлялись изъ этого рева страшныя слова, какъ выдѣляется изъ рева морской бури отчаянный выстрѣлъ потопающаго корабля.

Амвросій невольно вздрогнулъ и прижался въ уголъ кареты.

— Боголюбскую Богородицу грабятъ!—ближе и явственнѣе зѣвнула чья-то широкая глотка.

— Тю-тю, дурни,—огрызнулся неугомонный служка, сидя на козлахъ.

— Давай грабителя! Давай еретика!

— Давай имъ! Кого тамъ?.. Овеча порода! — ворчалъ служка.

— «Разнесемъ!» «Мы ему покажемъ, какъ козамъ рога правятъ». «Мы ему дадимъ Кузькину мать!» «Стой, братцы, за Богородицу!»

Въ окнѣ кареты показалась бѣлая, нѣжная рука и крестила толпу...

— Ишь матушка игуменья изъ кареты намъ ручкой дѣлаетъ,—закричалъ кто-то, завидѣвъ въ темнотѣ каретнаго окна блѣдную руку архіепископа.

— Благослови, матушка!—кричалъ другой голосъ.—За Богородушку стоять идемъ...

Толпы ринулись дальше, и карета продолжала свой путь.

Страшенъ былъ этотъ путь по мрачнымъ улицамъ бѣснующейся Москвы. Кругомъ тьма кромѣшная, и въ этой тьмѣ еще диче раздавался крикъ людей, звонъ колоколовъ и отчаянный вой собакъ. Къ этому присоединялось каркапье птицы, которая металась по темному небу, боясь опуститься на Москву, сѣсть на крыши домовъ и на городскія стѣны, которыя тоже, казалось, взбѣсились и кричали.

Карета мчалась къ Донскому монастырю. И въ дальнихъ кварталахъ слышались тѣ же крики, отворялись и затворялись ворота, гремѣли запоры, стучали ставни, кричали и плакали люди...

— Богородицу грабятъ!—раздавались женскіе и дѣтскіе голоса по глухимъ переулкамъ.—Турка грабитъ!

— Матушки! Страшный судъ пришелъ!.. Звѣзды померкли, солнышко потухло... Турка идетъ на Москву.

— Помогите, православные, помогите! Умираю... охъ, смертушка моя...

Это была, дѣйствительно, ночь смерти, какъ бы завершавшая собою тотъ страшный чумный циклъ, чрезъ который, какъ чрезъ трисорокадневныя мытарства, прошла Москва, чтобы вступить съ плачемъ и скрежетомъ зубовъ въ самый адъ. И она вступала теперь въ эту адскую область.

Амвросій ѣхалъ молча. Въ ушахъ его стоялъ набатный звонъ, и словно разрывались въ мозгу и въ сердцѣ страшные людскіе крики, возвращавшіе его сюда, въ эту адскую область, въ эту кромѣшную тьму, между тѣмъ какъ передъ глазами его проносились какіе-то яркіе, разорванные и разметанные въ пространствѣ и во времени обрывки, клочки изъ всей его жизни: то стѣны бурсы, облитыя яркимъ свѣтомъ мѣсяца въ тихую лунную ночь; то массивная греческая книга, изъ-за которой выступали строгія лица подвижниковъ; то лицо матери, стоящей у воротъ и махающей бѣлою хусткою во слѣдъ фуры, которая увозила куда-то далеко черноголоваго мальчика; то моментъ постриженія въ монашество, когда откуда-то, словно съ купола лавры, неслось пѣніе—«аксіосъ аксіосъ-аксіосъ!» и когда чья-то рука холодными ножницами прикасалась къ его головѣ, а потомъ эти ножницы звякали объ полъ, и раздавался голосъ «подаждь ми ножницы сія...» И ножницы опять прикасаются къ

головѣ, съ визгомъ отрѣзаютъ прядь волосъ, и холодно-холодно становится головѣ и сердцу...

И теперь холодно головѣ... Что-то какъ будто ходитъ подъ волосами, поднимаетъ ихъ, шевелитъ ими, и дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу... Да, шевелятся волосы, они ожили, они ходятъ по головѣ... Клобукъ поднимаютъ ожившіе волосы...

Амвросій снимаетъ съ головы клобукъ.

— Далеко еще до монастыря?—спрашиваетъ онъ.—Я ничего не вижу.

— Нѣтъ, дядюшка, недалеко ужъ,—отвѣчаетъ Бантышъ-Каменскій.

— А мы точно цѣлую вѣчность проѣхали...

— Да, долго... Вы правы, плоты пошли на Аѳины,—задумчиво поясняетъ Бантышъ.

Наконецъ, карета подъѣхала къ Донскому монастырю. Тамъ, повидимому, никто еще не спалъ, вездѣ виднѣлись огни. У воротъ стоялъ привратникъ. Карету окликнули: «кто ѣдетъ?»

— Я, архіерейскій племянникъ,—поспѣшилъ отвѣтить Бантышъ, высунувшись изъ окна кареты.

Карету впустили въ ворота. Незамѣченный никѣмъ, Амвросій быстро прошелъ, вмѣстѣ съ племянникомъ, въ настоятельскія кельи, неся клобукъ въ рукѣ. Въ образной они увидѣли, что кто-то стоитъ у аналоя и читаетъ: «Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и дадися въ снѣдь вѣрнымъ. Предходятъ же сему лица ангельстіи со всякимъ началомъ и властію, многоочитіи херувимы и шестокрылатіи серафимы, лица закрывающе и вопіюще пѣснь: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа».

— Миръ тп!—раздался вдругъ тихій голосъ.

Тотъ, что стоялъ у аналоя и читалъ, высокій бѣлокурый монахъ съ наперснымъ крестомъ, съ удивленіемъ поднялъ голову и отступилъ отъ аналоя.

— Миръ тп!—повторилъ тотъ же голосъ.

— И духови твоему,—отвѣчалъ читавшій нерѣшительно.

— Епифаній, другъ мой и искренній, ты не узнаешь меня?—продолжалъ Амвросій (это говорилъ онъ).

— Владыко!.. Боже мой!

И тотъ, кого Амвросій назвалъ другомъ своимъ, Епифаніемъ,

съ ужасомъ попятился назадъ. Отъ изумленія ли отъ страха онъ, повидимому, онѣмѣлъ.

— Епифаній!

— Владыко! Что съ тобою! Что случилось?

— Въ Москвѣ чернью овладѣло безуміе... Моръ и страхъ лишили народъ послѣдняго разсудка... Теперь они кричатъ, яко бы я велѣлъ ограбить Богоматерь Боголюбскую, и ищутъ главы моей.

Онъ тихо опустился на складное сидѣнье, поставилъ клобукъ на столъ и перекрестился... Высокій монахъ упалъ на колѣни и со слезами припалъ къ рукамъ архіепископа...

— Не сѣтуй, другъ мой! Судьбы Господни неисповѣдимы...

— Но, Боже мой! Ты взгляни на себя, владыко!—вскричалъ монахъ, всплеснувъ руками.

— Что жъ, друже мой! Страхъ смерти пройде сквозѣ душу мою.—тихо отвѣчалъ Амвросій.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я боюсь сказать тебѣ!—съ прежнимъ отчаяніемъ повторялъ Епифаній.

— Да что же? Я ко всему готовъ...

— Ты не видѣлъ себя... ты...—Епифаній остановился.

— Что же я, другъ мой?

— Взгляни на свои волосы, владыко... Еще утромъ они были черны, какъ крила ворона... а теперь они сѣды, какъ у ветхаго старца!

Амвросій, закинувъ руку за плечо, взялъ прядь своихъ густыхъ волосъ и поднесъ къ глазамъ; они дѣйствительно посѣдѣли.

Какъ-то странно дрогнула при этомъ блѣдная рука архіепископа, которая за часъ до этого благословляла безумную толпу, жаждавшую его крови... Но кроткая улыбка освѣтила его лицо.

— Да... они сѣды стали... скоро въ часъ единъ... да, да...

И онъ задумчиво и грустно перебиралъ рукой эти сѣдые волосы чужіе, не его... его волосы еще днемъ сегодня отливали на солнцѣ, какъ вороново крыло... а теперь они бѣлые, незнакомые какіе-то волосы...

— Да... да... бѣлы, аки снѣгъ... чище стали, очистились... Окропилъ ихъ Господь иссопомъ страха смертнаго, и паче снѣга убѣлились они...—тихо, качая головой, говорилъ онъ.

А Епифаній, безмолвно стоя на колѣняхъ передъ нимъ, беззвучно плакалъ, закрывъ лицо руками.

— Да... да... да... Скоро убѣлилъ Господь... Тысящи лѣтъ предъ очима Его яко день единъ...

Набатный звонъ, однако, доносился все слабѣе и слабѣе.

Вошелъ и племянникъ Амвросія и также съ ужасомъ отступилъ, увидѣвъ, что несчастный спутникъ его посѣдѣлъ на пути отъ Чудова монастыря къ Донскому, вотъ почему такъ дологъ казался имъ этотъ роковой путь! Да онъ очень дологъ: въ продолженіе его человѣкъ прожилъ лѣтъ двадцать, дожилъ до сѣдыхъ волосъ, которыхъ у него еще не было...

— Господи! Что жъ это такое!—съ отчаяніемъ вскричалъ Баптыщъ.

— Ничего, другъ мой, это Богъ,—спокойно отвѣчалъ архіепископъ.—Тысящи лѣтъ предъ очима Его яко день единъ... Что жъ стоило Ему превратить для меня часъ единъ въ тридцать лѣтъ!

А время между тѣмъ шло своимъ чередомъ, и ночь эта страшная шла своимъ чередомъ; для счастливыхъ пролетала какъ одинъ сладкій мигъ, какъ вздохъ переполненной блаженствомъ души, какъ опьяняющій поцѣлуй; для несчастныхъ и страдающихъ, какъ вѣчность, какъ тысящи лѣтъ и тьмы-темъ мучительныхъ часовъ...

Пропустимъ же эту страшную ночь, вычеркнемъ ее изъ нашего повѣствованія, потому что она была слишкомъ долга для несчастнаго...

Онъ молился почти всю ночь, и Епифаній не отходилъ отъ него, Епифаній Могилеанскій, кіевскій архимандритъ, его школьный товарищъ и другъ. Онъ пріѣхалъ въ Москву навѣстить этого друга и дать ходъ нѣкоторымъ дѣламъ своего монастыря; но чума захватила его тутъ, и онъ не могъ выѣхать во-время.

Когда Амвросій на минуту переставалъ молиться, Епифаній старался навести его на лучшія, менѣе мрачныя мысли, и они вспоминали свою молодость, академическіе годы, Украину, Кіевъ...

— И по сей часъ растетъ та верба, которую ты посадилъ, помнишь, въ лаврѣ,—вспоминалъ Епифаній.

— Помню... Я тогда переходилъ на курсъ элоквенціи... Какъ это давно и въ то же время какъ это, сдается, недавно было,—грустно качая головой, уже сѣдой теперь, говорилъ Авросій.

— Да, и какъ зелено и пышно растетъ...

— Такъ... такъ... и перекрестъ насъ...

— А на передней партѣ, въ филосовскомъ классѣ, все еще цѣла надпись, что ты вырѣзалъ, помнишь?

— Какая? Много я ихъ рѣзывалъ когда-то...

— А твой девизъ: aut omnia, aut nihil.

— Да... Да... Мое omnia уже проходитъ, а идетъ nihil.

— Для чего же такъ думать? Ты еще не старъ...

— А Господь на что? Сегодня Онъ состарилъ меня на тридцать лѣтъ, а заутра... Э! Заутра, друже, можетъ быть, помнишь?

Священники, діаконы
Повелять звонити—
Тоди про насъ перестануть
Люди говорити...

И архіепископъ горько улыбнулся.

— Да, помню, только зачѣмъ же такъ думать?—успокаивалъ Епифаній.

— Я и не думаю, другъ; а душа моя слышитъ, что т а м ъ ищутъ моей смерти...

— Э! Помилуй... теперь тамъ тихо... О н и спятъ... давно...

Нѣтъ, о н и не спали... Уставъ безполезно ломать, разбивать, трощить въ щепки и въ мусоръ печи, полы, двери, окна, мебель, посуду, самыя стѣны и не находя того, кого искали, о н и бросились въ монастырскіе подвалы и погреба, вышибли въ нихъ желѣзныя двери и добрались до бочекъ съ водками, винами, спиртомъ, разными питіями и маслами... И тогда потекло пьяное море: черпали изъ бочекъ пригоршнями, шапками, сапогами, лаптями и пили, до осатанѣнія пили... Кто выкатывалъ сорокоуши на дворъ, кто вышибалъ изъ нихъ днища, кто лѣзъ головой прямо туда, въ источникъ опьянѣнія, и опять все пило и кричало, что «Богородицу грабятъ»... Слышались крики, что «турка идетъ на Москву», что самъ «моръ ходитъ по Кремлю въ видѣ бабы простоволосой»...

— Ходитъ, робятушки, и по-турецки разговариваетъ.

— А ты что жъ ее не за косы?

— Э! Поди-тко, суньсь, не велѣно...

— Кто не велѣлъ! Бей ее, суку!

Все, что желало пить, забыться, все пило съ отчаянія, пило съ проклятіями, съ криками, что-де все равно, завтра умирать,

не видать больше красна солнышка, пить-де умереть, не пить умереть, такъ пей, душа, пьяною и на тотъ свѣтъ пойдешь...

Иной завалился головой въ бочку, и только оттуда окровавленныя онучи торчатъ, а онъ знай кричитъ: «Богородицу грабятъ!»

Отдѣльныя толпы хлынули къ окраинамъ города «карантеи разбивать», «несчастненькихъ выпущать», и все это само лѣзло на заразу, на смерть... Карантины разбиты...

Гдѣ же Еропкинъ? Куда онъ дѣвался? Гдѣ его энергія, неустрашимость, увѣренность?

То же спрашивали и современники. «Гдѣ же полицейскіе офицеры съ командами ихъ? Гдѣ полкъ Великолуцкой, для защищенія Москвы назначенный?

Гдѣ, напослѣдокъ, градодержатели?.. Городъ оставленъ и брошенъ безъ всякаго призрѣнія!» — восклицаетъ очевидецъ этихъ ужасовъ въ письмѣ къ своему другу.

Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, были въ эту страшную, по-истинѣ, «воробьиную» ночь, когда даже ни воробьи, ни галки на Москвѣ не могли сомкнуть глазъ во всю эту ночь отъ того, что они видѣли вокругъ себя, гдѣ были градодержатели первопрестольной столицы?

А вонъ, главнѣйшій градодержатель господинъ генералъ-фельдмаршалъ, ея императорскаго величества дѣйствительный камергеръ, сенаторъ и московскій главнокомандующій, славный побѣдитель Фридриха Великаго, сіятельный графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, въ виду грозившей его собачкамъ отъ моровой язвы опасности перевезшій весь свой многочисленный собачій штабъ въ свое подмосковное имѣніе, а вмѣстѣ со штабомъ перетащившій туда и свои старыя кости, вонъ, онъ, мучимый безсонницею, тихо бродитъ по обширнымъ пустымъ заламъ своего роскошнаго дворца, слабо освѣщеннаго восковыми свѣчами, и то и дѣло останавливается самъ передъ собою, не узнавая себя въ огромныхъ бемскихъ зеркалахъ, останавливается и съ удивленіемъ спрашиваетъ: «Кто вы, государь мой? Чего вамъ отъ меня надобно?» Потомъ узнаетъ себя, махаетъ съ досады рукою и опять бродитъ. За пазухой его шелковаго халата копошится что-то живое, къ которому онъ то и дѣло пагибаетъ свою старую голову и тютюшкаетъ. Это щенокъ, котораго привезъ ему оберъ-полиціймейстеръ отъ генерала Мамонова и который, по

свидѣтельству оберъ-полиціймейстера, родился съ глазами. Графъ сильно привязался къ малюткѣ и постоянно носитъ его за пазухой и постоянно тютюшкаетъ... «Ахъ, бѣдненькій мой сироточка!.. Нѣту у тебя ни отца, ни матери... постой, постой, я велю моему оберъ-полиціймейстеру, а то и Петру Дмитріевичу Еропкину, онъ разбитной молодой человѣкъ, велю сыскать твою суку-матушку... Ишь, шельма убѣжала!» Потомъ подноситъ своего любимца къ столу, наливаетъ изъ серебрянаго молочника молочка въ фарфоровую чашечку и кормитъ его... То подойдетъ къ широкому турецкому дивану, на которомъ спитъ и во снѣ капризничаетъ любимая сука Флора, которой представляется лакей, пристающій къ ней съ серебрянымъ подносомъ и съ лежащими на немъ опротивѣвшими ей французскими сухарями въ сливкахъ, и вотъ она капризничаетъ... «Ахъ, Флорушка моя, какъ бы я желалъ быть на твоемъ мѣстѣ»,—качая старой головой, шепчетъ побѣдитель Фридриха Великаго:—«я бы спалъ, какъ ты»... И опять бродитъ, бродитъ, и опять натыкается на себя самого въ зеркалѣ и съ удивленіемъ въ сотый разъ спрашиваетъ: «кто вы, государь мой?»—и опять съ досадой машетъ рукой, узнавая въ этой развалинѣ себя, славнаго побѣдителя Фридриха Великаго.

Вотъ что дѣлаетъ главный градодержатель!

А вонъ и Еропкинъ... Услыхавъ набатъ и свирѣпые крики въ Кремлѣ, онъ велитъ подать себѣ коня-аргамака и вмѣстѣ съ веселымъ докторомъ скачетъ на мѣсто криковъ.

— Негодяи! Мерзавцы! Я васъ! — неистово вскрикиваетъ онъ, подскакивая къ толпѣ.

— Тише, тише, генералъ!—унимаетъ его веселый докторъ.

— Что такое! Я ихъ!..

— Тише, вы не Богъ, Его же и вѣтры послушаютъ, вѣдь, это стихіи грозныя...

— И я ввасъ!

— А! Енералъ!—спитъ великанъ съ сивой косой. и массивный шестъ, свистнувъ въ воздухѣ, ударяется о красивое, молодое тѣло генерала.

— Ой, негодяи!—стонетъ генералъ.

— А!.. Вотъ тебѣ ишшо!.. Нна!.. И мы тоже не лѣвой ногой еморкаемся!—и булыжникъ, въ голову величиной, прошумѣвъ въ воздухѣ, бьетъ генерала по ногѣ, но такъ, что прекрасный

арабской породы аргамакъ вмѣстѣ съ генераломъ становится окарачъ...

— Бей ево! Лови!

И конь, и всадникъ скрываются... «Улю-лю-лю! Улю-лю-лю!» слышится имъ вслѣдъ. Остается одинъ веселый докторъ... Къ нему радостно бросается какая-то собаченка...

— А! Маланья!.. И ты тутъ...

— Тутъ, тутъ, ваше благородіе,—выростаетъ изъ земли краснобровый солдатъ;—только вы-то, Христа-радушки, уходите отселева... Жаль мнѣ васъ.. Тутъ у насъ хуже Турціи, такіе везиря позавелись! И не приведи Богъ... Уходите, батюшка Крестьянъ Крестьянычъ!

И веселый докторъ тоже исчезъ.

Такъ прошла ужасная ночь. На утро, главная партія защитниковъ Богородицы, подъ предводительствомъ великана съ сивой косой и по науськиваніямъ «гулящаго попика», направляется къ Донскому монастырю.

Тамъ уже шла ранняя литургія. Амвросій собирался въ церковь, какъ услыхалъ у стѣнъ монастыря говоръ, неистовые крики и ружейную пальбу. Онъ понялъ, что это пришла его смерть, и, какъ бы прощаясь, взглянулъ на своего друга. Тотъ стоялъ безмолвный, блѣдный... Изъ-за стѣнъ доносилось что-то очень грозное...

Вдругъ въ келью вбѣгаетъ запорожецъ-служка. Мужественное лицо его блѣдно, руки дрожатъ...

— Ваше преосвященство!—вскричалъ онъ, падая на колѣни,—Нехай мене вбьютъ, а не васъ...

— Спасибо тебѣ, доброе дитя!—со слезами отвѣчалъ архіепископъ.—Не тебя ищутъ, а меня.

— Ни, ваше преосвященство! Вы надиньте мій кожухъ, а я вашу рясу и клобикъ, та и посохъ озьму, то воны не пизнаютъ мене и вбьютъ.

Архіепископъ грустно покачалъ головой, взглянулъ на образъ Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, перекрестился и направился въ церковь... Запорожецъ, обхвативъ его ноги и обливая ихъ слезами, стоналъ: «ни-ни, я васъ не дамъ имъ... не ходить до ихъ, не ходить, не ходить!»—И онъ волокся за ногами архіепископа, ловя его рясу и рыдая какъ ребенокъ.

На дворѣ слышнѣе было, что творилось за воротами мона-

стыря. Амвросій на мгновеніе остановился, взглянулъ на небо, которое начинало голубѣть и розовѣть съ востока, и, поднявъ руку, широко благословилъ своихъ невидимыхъ враговъ, голоса которыхъ звучали какъ-то глухо, набатно...

Войдя въ церковь и поклонившись мѣстнымъ образамъ, онъ обратился къ стоявшимъ въ церкви и сдѣлалъ три глубокихъ поклона на три стороны. Когда изъ-подъ чернаго клобука блеснуло, буквально блеснуло, его блѣдное лицо, когда бывшіе въ церкви увидѣли, откуда исходитъ этотъ странный блескъ, когда понятно стало, что это кланяется страдалецъ, которому одна ночь посеребрила волосы, всѣ упали на колѣни и поклонились до земли съ какимъ-то стономъ ужаса и отчаянія. И онъ, троекратко благословивъ эти припавшіе къ церковному полу черные клобуки, тихо вошелъ въ алтарь.

Началось богослуженіе. Похоронно какъ-то звучали молитвы служащихъ, что-то похоронное слышалось и въ пѣніи клировъ, многіе рыдали...

А глухіе раскаты все ближе и ближе... Слышно было, какъ грохнули, выдавленныя напоромъ толпы, монастырскія ворота, какъ ревущая волна, ворвалась въ монастырь, какъ разлилась она по немъ и все залила собою...

Скоро изъ-за черныхъ клобуковъ показались зловѣщія лица. Надъ всѣми высилась сѣдая голова съ длинною косою и рогаткою въ рукѣ. Показались дреколья, шесты, рогатины, ружья... Это облава, это бѣшенаго волка ловятъ въ лѣсу... Нѣтъ, это вошли въ церковь защитники Богородицы... Вошли, и ни съ мѣста: служба идетъ, службу нельзя прерывать, грѣшно...

Амвросій видитъ все это и не можетъ отвести глазъ отъ сѣдой головы великана съ косою... Это Голіаѳъ, только сѣдой, вставшій изъ своей могилы... И Голіаѳъ смотритъ на Амвросія, глаза ихъ встрѣчаются...

Служба не можетъ итти дальше: и священникъ, и дьяконъ, и клиръ захлебываются слезами...

Амвросій подходитъ къ жертвеннику, падаетъ передъ нимъ и, поднявъ руки, громко молится:

— Господи! Остави имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ... Боже правый! Не введи ихъ въ напасть, но отврати стремленіе ихъ, и яко же смертію Іоны укротися волненіе моря, тако смертію

моею да укротится нынѣ волненіе сего свирѣпствующаго народа... Боже! Боже!

Потомъ онъ беретъ сосудъ и пріобщается. А тѣ ждутъ, пущай-де кончитъ... Вся церковь тихо рыдаетъ...

Кончилъ, уходитъ куда-то... скрывается... Охъ, уйдетъ... ускользнетъ изъ рукъ...

— Нѣтъ, не ушелъ!..—Сапоги, лапти! Босыя ноги! Дреколья, рогатины, все повалило въ алтарь, все ищетъ его...

Нашли.

— Сюда! Сюда, братцы! Здѣсь о н ъ!

— А! Ты Богородицу велѣлъ грабить,—сипло говоритъ великанъ съ сивой косою и ударомъ кулака сшибаетъ съ несчастнаго клубокъ; блеснули сѣдые волосы...

— Да это не онъ!—кричитъ кто-то.—У него черные волосы, а этотъ сѣдой...

— Я, дѣти мои, я, Амвросій архіепископъ.

— А-а! Такъ это ты! Иди же на судъ!

И огромная рука великана вцѣпляется въ сѣдые волосы мученика, валитъ его на полъ и волочетъ изъ церкви... Голова стучитъ объ полъ, объ ступеньки амвона, ни стона, ни звука жалобы... Волокутъ мимо образа Донской Богородицы...

— Дѣти мои! Подождите...

— Чего тебѣ?

— Дайте приложиться къ образу Богоматери...

Страшная рука выпускаетъ волосы. Мученикъ встаетъ и цѣлуетъ икону... Волосы прядями падаютъ ему на лицо, онъ ихъ откидываетъ назадъ...

— Я заплету тебѣ ихъ!—и сѣдые волосы опять въ безжалостной рукѣ, опять голова колотится объ полъ, объ церковный порогъ, объ чугунную плиту, и опять ни стона, ни звука жалобы...

— А! Молчитъ!—и надъ колотящеюся объ полъ сѣдою головою поднимается чья-то дубина.

— Не бей здѣсь! Не мѣсто, храмъ вишь...

Выволокли на паперть...

— Здѣсь можно!—и чей-то кулакъ бьетъ по виску несчастнаго.

— Не трошь! Въ оградѣ нельзя, негоже...

— За ограду! За ограду тащи!—ревутъ голоса.—За ограду долгогриваго!

А въ оградѣ дѣлается что-то страшное. Келейникъ архіепископа, тотъ добродушный запорожецъ-служка, который предлагалъ Амвросію переодѣться, увидавъ, что по двору волокутъ его, волокутъ его владыку, дикимъ туромъ ринулся на толпу, сбилъ съ ногъ и искалѣчилъ десятка два москалей, но далѣе не могъ пробиться сквозь сплошную массу тѣлъ съ дубьемъ и рогатинами... Онъ заплакалъ... Толпа кинулась было на него, науськиваемая «гулящимъ попикомъ», но запорожецъ, схвативъ попика за косицу и поднявъ его на воздухъ, сталъ отмахиваться имъ какъ дубиною, колотя направо и налѣво поповскими ногами въ стоптанныхъ сапожишкахъ...

— Ай-ай! Мотри, братцы, хохолъ-отъ, хохолъ-отъ—ай-ай!

— Это онъ батюшкой-то, отцомъ Акинфіемъ!

— Ай-ай! Вотъ дьяволъ! Вотъ помахиваетъ!

А Амвросій уже за оградой. Та рука, которая волокла его за волосы, подняла страдальца съ земли и поставила передъ собой... Лицо было избито, исцарапано, въ волосы набилась земля, солома, щепки...

— Стой! Держи отвѣтъ! Ты архирей?

— Я, дѣти...—Да, трудно теперь было узнать въ немъ того, кѣмъ онъ называлъ себя.—Я вашъ епископъ, дѣти...

— Какой ты намъ отецъ!

— Молчи! Одного слушать!—пригрозилъ великанъ.—Сказывай: ты велѣлъ грабить Богородицу?

— Я велѣлъ запечатывать...

— А! Кается! Сказывай, ты не велѣлъ хоронить покойниковъ у церквей?

— Я, дѣти, по высочайшему...

— Кается! Кается!.. Сказывай далѣ: для чего ты не ходилъ съ попами въ ходахъ?

Амвросій молчалъ... «Іисусъ же отвѣта не даде»,—звучало у него въ сердцѣ... Изъ-за толпы показалась высокая фигура Епифанія, друга его: онъ, стоя въ сторонѣ, плакалъ... «Истедъ вонъ, плакася горько»,—колотилось въ сердцѣ у страдальца, и ему стало легко...

— Сказывай: ты присудилъ запечатать бани? Ты велѣлъ брать насъ въ карантенъ?

Нѣтъ отвѣта... тихо кругомъ... все присмирѣло... Слышно только, какъ ворона гдѣ-то каркаетъ, да изъ кабака, на радостяхъ распечатаннаго молодцами, поется пѣсня:

Подували буйны вѣтры со горы,
Сорывали чорну шляпу съ головы.

Сквозь толпу, съ коломъ на плечѣ, протискивается Васька Раевскій, тотъ, что армянина билъ.

— Чего вы глядите на него?—кричитъ Васька.—Али не знаете, что онъ колдунъ, морочитъ васъ! Вотъ я его!

И колъ свистнулъ въ воздухѣ, скулы хрястнули на лицѣ у страдальца отъ страшной дубины, и онъ упалъ на землю.. Начало было положено: толпа навалилась на упавшаго, пошли въ ходъ кулаки, пинки, лапти, каблуки съ желѣзными гвоздями, лѣзли другъ на дружку, колотили одинъ другого, въ воздухѣ мелькали рукавицы, дубье, брошенныя шапки, клочья волосъ... Страшная работа!

«Убивши же до смерти архіерея Божія,—говоритъ самовидецъ,—отступили мало, скверня языками своими воздухъ. Присмотря же, что единая рука, правая, отмашкою двинулася, припялися паки бить кольями по головѣ. Отступивши же нѣсколько, увидѣли, что пожался тотъ священный страдалецъ раменами, то и третично били, дондеже церковникъ нѣкій, попъ гулящій, діаволъской церкви слуга, послѣднимъ довершилъ ударомъ, отрубя нѣсколько отъ главы коя часть надъ глазомъ, и осталася та часть висящею даже доднесь, лѣта отъ рождества Господа и Спаса нашего Іисуса Христа 1771-го, отъ страданія же и распятія заны 1738, мѣсяца септемврія съ 16-го по 18-е число, ни пси лютіи, трупы язвенные по граду поядающіе, ни врани хищніи, оныхъ язвенныхъ клюющіе, не дерзаша оныхъ честныхъ мощей святителя касатися, и токмо врабіи невиннїи, сирѣчь воробушки маліи, надъ архіереемъ Божіимъ горестно чиракахуть».

IV. Усмиреніе «Богородицыныхъ ратничковъ».

По убіеніи Амвросія, дикіе защитники Богородицы или «Богородицыны ратнички», какъ ихъ назвалъ «гулящій попикъ», тутъ же около Донского монастыря сотворили военный совѣтъ, что предпринять дальше для упроченія своей власти въ повозавоеванномъ городѣ и для приведенія его въ порядокъ.

(Кн. 22)

Власть диктатора Москвы сама собою попала въ руки громадному солдатинѣ съ сивой косой, дядѣ Савелью, по прозванію Бякову. Диктатуру эту раздѣлялъ съ нимъ Васька, дворовый человѣкъ Раевскихъ, что первый ударилъ коломъ Амвросія. Къ нимъ присоединился еще и чудовидецъ Ильюша фабричный, къ которому во снѣ приходила Боголюбская Богородица и сказала о каменномъ дождѣ.

Москва такимъ образомъ очутилась въ рукахъ этого тріумвирата. Власть первосвященниковъ Москвы изъ первыхъ рукъ Амвросія перешла въ запачканныя кровью руки «гулящаго попика».

Старый нашъ знакомый, рыжій краснобровый солдатъ съ собачкою, изображалъ изъ себя нѣчто вродѣ московскаго оберъ-полиціймейстера, который постоянно требовалъ тишины и порядка и настаивалъ на немедленномъ упраздненіи карантиновъ, на распечатаніи торговыхъ бань и на открытіи всѣхъ кабаковъ, «чтоба всѣмъ было слободно».

Краснощекій дѣтина изъ голичнаго ряда, Спиря, остался все тѣмъ же антагонистомъ новаго московскаго первосвященника «гулящаго попика».

На военномъ совѣтѣ первымъ держалъ рѣчь нашъ краснобровый солдатъ.

— Напрасно, братцы, старичка-то убили, владыку,—говорилъ онъ.

— Какъ напрасно!—возражалъ ему «гулящій попикъ».— Отъ ево распоряженіевъ да указовъ и моръ пошелъ по городу... Шутка ли! Не велѣть хоронить при церквахъ, не велѣть исповѣдывать и младенцевъ окунать въ воду! А въ ходы ходить, опъ же запретилъ...

— Такъ! Такъ! — соглашались тріумвиры. — Батюшка правъ... по дѣломъ вору...

— Ну, инъ, будь по вашему,—уступалъ краснобровый солдатъ,—только чтобы впередъ, братцы, рукъ не марать, душегубствомъ не заниматься, потому мы не турки, а православные...

— Знамо православные!—одобряли оратора.

— Богородицыны ратнички!—подсказывалъ попикъ.

— Потому рукъ не марать, братцы ни-ни! Ни, Боже мой!

Чтобъ все было въ порядкѣ, тихо, въ акуратѣ, потому моръ въ городѣ.

— Ладно! Ладно! Солдатъ дѣло говоритъ... Моръ, во! Измором мремъ!

— А ты, Малаша, не мѣшай, чево лѣзешь!—обратился ораторъ къ собаченкѣ, которая стояла передъ нимъ на заднихъ лапкахъ и желала привлечь его вниманіе.—Не мѣшай, Малаша, я дѣло говорю.

Въ толпѣ смѣхъ; иныя уже хлебнули вольнаго винца, веселые-развеселые.

— Ай да собачка, занятная! Въ наукѣ была турецка штучка...

— Молчи! Не мѣшай! Солдатъ дѣло сказываетъ.

— Ну, ладно,—продолжалъ солдатъ,—такъ перво-наперво, братцы, мы всѣ эти карантеи по боку, чтобы невольникамъ было свободно...

— Разнесемъ карантеи! Ко псу ихъ!.. Чтобы слободно...

— Перво-наперво,—кричитъ «гулящій попикъ»:—Боголюбской Богородицѣ молебенъ благодарственный справимъ соборнѣ... Вотъ что, православные!

— Ладно! Ладно! Отдеремъ молебенъ, знатный, чтобъ небу жарко было! Къ Богородицѣ! Къ Богородицѣ!—раздались пьяные голоса.—Ей, Матушкѣ, челомъ ударимъ...

— И къ Иверской, братцы! Ее-то, старушку, какъ же нельзя! Она старше...

— «Къ Иверской! Къ Иверской!» «Къ Боголюбской!» «Карантеи къ чорту!» «Бани распечатать!» «Кабаки... кабаки, братцы тоже!» Встаетъ гвалтъ, разноголосица. Никто никого не слушаетъ. Тотъ кричитъ: «кабаки!» тотъ—«карантеи!» тотъ зоветъ—«къ Иверской, къ старушкѣ!» Адъ да и только... совѣщаніе кончилось.

И толпа двинулась, какъ лавина. Впереди тріумвиры—Бяковъ Савелій, Васька дворовый, Илья-чудовидецъ, «гулящій попикъ», дѣтина изъ толичнаго ряда, рыжій съ красными бровями, а за ними цѣлое море головъ, зипуновъ, рубахъ, чапановъ, щекъ... Впереди радостно бѣжитъ Маланья хвостъ крендслемъ; на небо лаетъ.

А въ Кремлѣ опять заговариваетъ набатный колоколъ. Ему отвѣчаютъ по всему городу, снова адскій звонъ!

— Сполохъ, братцы! Живѣе въ карантеи!

— Въ Даниловъ идемъ! Тамъ сукопщики невольнички, пхъ выпустимъ!

— Къ сукопщикамъ, ребята, въ Даниловъ!..

Толпа осаждаетъ Даниловъ монастырь. Ворота заперты. Ихъ защищаетъ караульный офицеръ съ нѣсколькими солдатами. Осаждающіе надвигаются лавой, держа въ рукахъ дреколья, шесты и камни.

— Стой, разбойники! Чего вамъ надо! Прочь! Стрѣлять буду,—кричитъ молодой офицеръ, обнажая саблю.

Толпа осыпаетъ несчастнаго каменнымъ градомъ, это тотъ каменный дождь, о которомъ пророчествовалъ Илья-чудовидецъ... Офицеръ хватается за голову и падаетъ съ крикомъ: «Убили! Умираю!.. Боже!»

Какъ бѣшеная, бросается на упавшаго собаченка, лижетъ его въ мертвенно-блѣдное лицо, по которому отъ праваго виска сочится кровь, и начинаетъ жалобно выть...

Подбѣгаетъ краснобровый солдатъ да такъ и всплеснулъ руками...

— Эхъ, ваше благородіе, ваше благородіе!

Солдатъ становится на колѣни, поднимаетъ голову убитаго, голова валится, свѣшивается... Острымъ камнемъ просаженъ високъ, выше проломленъ черепъ... Собачка жалостно воетъ, она узнала своего...

— Эхъ, дьявола, дьявола!—не выдерживаетъ рыжій и плачетъ.—Кого убили!.. Да эдакихъ и нѣту больше... Дьяволы, душегубцы! Эхъ, ваше благородіе... ваше благородіе, не удалось мнѣ отслужить вамъ...

Онъ кладетъ голову несчастнаго къ себѣ на колѣни, отводитъ отъ лба окровавленные волосы, заглядываетъ въ глаза, которые еще такъ недавно искрились огнемъ молодости... Нѣтъ, не глядятъ! Передъ глазами рыжаго встаетъ знойное утро на берегу Прута: они съ хохломъ Забродею копаютъ могилу молодому другу вотъ этого, убитаго, на смуглое лицо котораго уже спустилось спокойствіе смерти, что-то глубоко-задумчивое... И этому приходится копать могилу...

— Эхъ, ваше благородіе, ваше благородіе!—шепчетъ грубый солдатикъ, у котораго доброе сердце такъ памятливо на добро.—Эхъ, ваше благородіе!

— Али знакомый?—спрашиваютъ, подходя, убійцы.

Солдатикъ не отвѣчаетъ... Толпа напираетъ на ворота и выламываетъ ихъ... Внутри шумъ, возгласы... «Офицера караульнаго убили»,—слышатся голоса внутри.—«По дѣломъ, не суйся не въ свое дѣло».—«Не нарокомъ убили...» «А теперь вы всѣ, братцы, вольные, иди, куда глаза глядятъ...»

Внутри ограды раздастся отчаянный женскій крикъ... «Пустите меня къ нему! Пустите!» И въ ту же минуту изъ-за разбитыхъ монастырскихъ воротъ выбѣгаетъ молоденькая бѣлокурая дѣвушка, въ вощаномъ платьѣ и нарукавникахъ съ бѣлой пелеринкой и передникомъ—это карантинная сидѣлка... Она хочетъ броситься на мертваго и съ ужасомъ останавливается; она вспоминаетъ, что она карантинная, что она не должна прикасаться къ другимъ, къ некарантиннымъ, къ здоровымъ... Напрасно! Къ этому некарантинному можно прикасаться сколько угодно: его уже нельзя заразить...

Дѣвушка упала на колѣни и протянула къ трупу руки съ плачемъ... «Боже... О-о! За что жъ это!..»

Рыжій узналъ дѣвушку это была Настенька: объ ней и объ «сѣнцахъ» мечталъ и въ Турціи, и въ Москвѣ тотъ, что теперь лежитъ здѣсь мертвымъ; и она, Настенька, три года мечтала о немъ, что теперь лежитъ головою на солдатскихъ колѣняхъ, и объ «сѣнцахъ» тоже...

— Эхъ, барышня, барышня!—шепчетъ солдатъ, а слезы съ загрубѣлыхъ щекъ да на грудь мертвецу капъ-капъ-капъ...

— Живъ онъ?.. Дышитъ еще?—отчаянно спрашиваетъ дѣвушка.

— Нѣтъ, барышня, холоднехонекъ,—отвѣчаетъ рыжій, прикладывая корявые пальцы къ кровавому лбу.

Новый крикъ и стонъ!.. Но она все еще боится упасть на его грудь, она, несчастная, все еще надѣется... Нѣтъ животнаго живучѣе надежды!

Изъ воротъ, затираемые толпою, торопливо выходятъ мужчина и женщина. Это Лариса съ отцомъ своимъ, докторомъ. Лариса также въ платьѣ карантинной сидѣлки: отъ бѣлой пелеринки смуглое лицо ея кажется еще болѣе смуглымъ, настоящій цыганенокъ.

Лариса молча становится на колѣни рядомъ съ плачущей

подругой и закрываетъ глаза... Плечи ея судорожно вздрагиваютъ...

Отецъ нагибается къ трупу, трогаетъ его голову, руку, упавшую на окровавленную землю, прислушивается, не бьется ли сердце... Нѣтъ, не бьется!

— Бѣдный молодой человѣкъ!.. Только бы жить...

— Папа! Что онъ?

— Отошелъ... Успокоился навѣки... Царство ему небесное!

Тутъ только бросилась со стономъ несчастная «бѣляночка» на грудь того, отъ котораго она все ждала, вотъ-вотъ скажетъ: «я люблю тебя». Нѣтъ, не сказалъ, такъ и умеръ, не сказалъ... И дѣвушка даетъ своему милому первый поцѣлуй тогда, когда милый уже не можетъ отвѣчать поцѣлуемъ на поцѣлуй: губы его холодны... Слѣдуя за носилками, на которыхъ вносили дорогого ей мертвеца въ монастырскія ворота, она съ какимъ-то воплемъ въ душѣ повторяла:

— Господи! Да что же это!..

Подойду, подойду,
Во Царь-городъ подойду,
Вышибу, вышибу,
Копьемъ стѣну вышибу,
Вынесу, вынесу—
Золотъ вѣнецъ вынесу...

А «Богородицыны ратнички», сдѣлавъ свое дѣло въ Даниловомъ монастырѣ, убивъ ни въ чемъ неповиннаго юношу, Рожнова Игнашу, и распустивъ карантинныхъ, многихъ съ несомнѣнными знаками чумы на тѣлѣ, подъ неумолкаемый набатный звонъ двинулись къ Кремлю, распечатывая на пути торговыя бани, снимая печати съ запечатанныхъ кабаковъ и раскрывая настежъ ихъ двери. По мѣрѣ открытія кабаковъ росло смятеніе и дикое воодушевленіе. Одинъ изъ тріумвировъ, Васька-дворовый, идя впереди съ коломъ, которымъ онъ «ушибъ» Амвросія, то и дѣло отхватывалъ вприсядку, а дѣтина изъ Голичнаго ряда подпѣвалъ:

— Врешь!—перебиваетъ его «гулящій попикъ».—Не такъ поешь... «Лисью шубу вынесу, вынесу!» Вотъ какъ.

— Эхъ ты, муховъ окорокъ! Лисью шубу, не тебѣ ли, оборванцу?

Съ прежнимъ шумомъ и гамомъ толпа ввалилась на Крас-

ную площадь. Тамъ уже ждалъ ихъ Еропкинъ на своемъ красивомъ аргамакѣ. На лицѣ его далеко не было той увѣренности, какою онъ поразилъ когда-то банщиковъ, приходившихъ къ нему съ челобитьемъ въ Чудовъ монастырь. Онъ не спалъ всю ночь. Слѣды удара шестомъ и камнемъ булыжнымъ хотя не были видимы на тѣлѣ, но давали себя чувствовать и боку, и ногѣ, опиравшейся на красивое стремя. Лицо его какъ-то осунулось, постарѣло, почернѣло, потеряло цвѣтность внутренней силы. Около него, тоже верхомъ на конѣ, нюхая воздухъ своимъ горбоватымъ восточнымъ носомъ, топтался царевичъ Грузинскій, московскій оберъ-комендантъ. Тутъ же, впереди небольшого строя пѣшихъ солдатъ, стоялъ третій всадникъ, знакомый намъ конный офицеръ, который вмѣстѣ съ веселымъ докторомъ, когда то отбивалъ двери у дома милліонера Сыромятова, умершаго съ руками по локти въ золотѣ. Это былъ Саблуковъ.

— А! Вонъ и его превосходительство, господинъ енаралъ Еропкинъ, мой крестничекъ,—сиповато прорычалъ Бяковъ, потрясая въ воздухѣ шестомъ.—Я ево ночью вотъ этой купелью кстилъ,—и онъ тряхнулъ своимъ огромнымъ шестомъ.

— А моего муропомазанія онъ еще не пробовалъ,—засмѣялся Васька-дворовый,—я его помажу!

Еропкинъ уже не рискнулъ приблизиться къ пасти звѣря, а отрядилъ парламентеромъ царевича. «Да помягче съ этими канальями, не сердите ихъ», предостерегалъ онъ царевича: «мы послѣ свое возьмемъ съ лихвой».

Царевичъ нерѣшительно тронулся съ мѣста, но, видимо, старался бодриться. На довольно почтительномъ еще разстояніи онъ остановился и махнулъ платкомъ.

— Послушайте, братцы! Я хочу говорить съ вами,—закричалъ онъ.

— Говори, говори, царевичъ! Ишь ты, «братцы» говоритъ... То-то!—слышится въ толпѣ.

— Говори да не проговаривайся,—сипитъ Бяковъ.

— Для чего вы бунтъ учинили? Что вы дѣлаете!—кричитъ царевичъ.

— А тебѣ какое дѣло! Мы дѣлаемъ божеское, по-божески! За Богородицу мы!

— Замолчите, разбойники! Дайте говорить!—проговаривается царевичъ, плохой дипломатъ.

— А! «Разбойники!..» Бей его, армянскую образину! Бей, братцы!

И камни засвистѣли въ воздухѣ, достается и коню, и всаднику... Оторопѣлый парламентеръ скачетъ назадъ... Толпа за нимъ: ревъ поднимается такой, что передъ нимъ армія дрогнула бы кажется...

И Еропкинъ второй разъ чувствуетъ, что онъ солома, а что сила тамъ, и притомъ страшная, хотя спящая сила, и не дай Богъ разбудить ее.

Еропкинъ удаляется, чтобы запастись силою противъ силы. Онъ скачетъ къ Боровицкому мосту, гдѣ ожидали его солдаты съ артиллеріею: приходилось прибѣгать къ пушкѣ и къ ружью, которыя, къ сожалѣнію, доселѣ являются послѣднимъ словомъ глупаго человѣчества, ни на вершокъ еще не переросшаго людоѣдовъ съ одной стороны, когда съ другой оно переросло боговъ...

Съ Боровицкаго моста солдаты тихо вошли въ Кремль и очутились лицомъ къ лицу съ той толпой «Богородицыныхъ ратничковъ», которые пьянствовали, буйствовали тамъ съ ночи, разбивая не только винные погреба, ведра, штофы, но и дома, словно бы это были шкалики и рюмки. Въ то время, когда въ пьяномъ озорствѣ они разносили по кирпичу домъ одного нѣмцалѣкаря, который яко бы здоровыхъ людей бралъ въ «проклятую карантею», послышалось что-то странное...

— Слушать команду! Разъ-два-три—пли! — прозвучалъ чей-то рѣзкій голосъ, и въ спины толпы зашлепало что-то невидимое со свистомъ и визгомъ.

Послышались еще неслыханные вскрики, оханья, стоны... Заметалась обезумѣвшая толпа... А тутъ новый, звонкій окрикъ: «Ребята! Въ штыки!»—И острыя, аршинныя, трехгранныя иглы стали безпощадно прокалывать рваные чапаны, дырявыя рубахи, полушубки и тѣла «Богородицыныхъ ратничковъ».

— Ой, братцы, смерть! Караулъ!

Много повалилось свѣжихъ труповъ подъ пулями и подъ ударами штыковъ изъ тѣхъ, кого еще не успѣла унести въ могилу чума. Много было стоповъ и проклятій...

Опомнившіяся толпы ринулись изъ Кремля Спасскими воротами, бросая мертвыхъ и раненыхъ. На Красной площади они носъ къ носу столкнулись съ главными силами «Богородицыныхъ

ратничковъ», которые, по совѣту «гулящаго попика», отодравъ наскоро, на почтовыхъ, потому, некогда, время горячее, такъ наскоро отодравъ «махоньку литеишку съ молебишкомъ» у Варварскихъ воротъ да завернувъ къ Иверской, чтобъ и Ей, Матушкѣ, поклониться, теперь шли отнимать Кремль у Еропкина и посадить тамъ дядю Савелья.

— Куда вы, тараканы?—кричалъ имъ дядя Савелій.— Али кипяткомъ ошпарили?

— Тамъ, братцы, бьютъ... всмертную... ружьемъ бьетъ солдатъ,—отвѣчали бѣгущіе.

— А! Солдатъ бьетъ... Нашъ братъ крупожоръ... Такъ и мы солдаты-ста: мы сами съ усами... За мной, братцы!

И дядя Савелій, сверкая сивою косою своей, повелъ рати на приступъ. Передніе толпы ринулись въ Спасскія ворота. Все пространство разомъ запружено было массою тѣлъ, двигавшихся живою стѣною въ жерлѣ длинныхъ воротъ, словно въ тунелѣ, только торчали кверху приподнятыя на рукахъ да на кольяхъ шапки, «потому въ воротахъ Богородица—шапки долой надоть...»

Вотъ уже выползаетъ изъ Спасскихъ воротъ въ Кремль стотоловая главизна этого чудовища безъ шапокъ. Сзади прутъ тысячами, нога въ ногу, сапогъ къ сапогу, лапоть къ лаптю, онуча къ онучѣ, такъ вотъ и жмутъ животами... А въ Кремлѣ, противъ самыхъ воротъ, стоятъ «крупожоры», выстроились въ струнку, ждутъ, не стрѣляютъ: должно быть, нечѣмъ стрѣлять, али испужались Богородицыныхъ ратничковъ...

— Катай крупожоровъ!—кричитъ дядя Савелій съ этой стороны отъ воротъ.

— Сомкнись!—Кто-то съ другой стороны, отъ Кремля, со стороны «крупожоровъ».

— Луши ихъ, измѣнщиковъ! — это отъ дяди Савелья команда.

— Направо-налѣво раздайся! — это команда оттуда, отъ Кремля.

Солдаты по командѣ раздвинулись, ряды ихъ разомкнулись, разорвались, и изъ этой прорвы выглянуло черное жерло огромной пушки... «Богородицыны ратнички» съ удивленіемъ глянули въ это жерло, и глазомъ не мигнули, потому не страшно: «дыра какая-то тамъ пустая, братецъ, черная, а рядомъ друга дыра,

третья, все дыры пустыя... пушачки... эко невидаль!.. Мы-де и кнутья видывали»...

А тамъ, у этихъ «пушачекъ», кто-то пищитъ, куда до дяди Савелья! У дяди во какой голосина!

— Разъ-два-три... жги!

И жигануло же! Изъ пустыхъ дыръ съ громомъ и дымомъ, мѣшками сыпанули чугунные орѣхи прямо въ толпу... Картечь сдѣлала свое дѣло: Боже мой! Сколько шапокъ валяется у воротъ и въ воротахъ, сколько головъ, прошибленныхъ насквозь, съ выпущенными на мостовую мозгами! Сколько лаптей, сапоговъ, мертвыхъ и изувѣченныхъ тѣлъ, тѣло на тѣлѣ, лапоть на лаптѣ! А иная онуча такъ картечью къ стѣнѣ, словно гвоздемъ, пришита, мотается...

Не видать ни дяди Савелья, ни Васьки-дворового, ни Илюши-чудовидца, исчезли тріумвиры. Одинъ первосвященникъ остался на мѣстѣ: «гулящій попикъ» уткнулся прошибленною насквозь сѣдою головенкою въ чью-то чужую онучу, и ручки врозь... Въ сторону торчитъ и косенка его, не вся выдранная амвросіевымъ служкою-запорожцемъ... Палъ «гулящій попикъ» среди своихъ дѣтокъ духовныхъ: не литургисать уже ему больше, не пѣть ни акаѳистовъ, ни литейшекъ махонькихъ у Варварскихъ воротъ, не возглашать болѣе надъ своими дѣтками: «житейское море!» Вонъ какое море крови кругомъ!

Нѣту больше ни проходу, ни проѣзду къ Спасскимъ воротамъ ни со стороны Красной площади, ни со стороны Кремля, всѣ эти священныя московскіе дефилеи завалены мертвыми тѣлами. А вонъ одно, и не мертвое, шевелится, поднимаетъ курчавую русую голову, смотритъ вверхъ на голубое небо, на кремлевскія стѣны, на воронъ, сидящихъ на стѣнахъ и смотрящихъ съ карнизовъ на то, что тутъ валяется кучами въ крови... Какъ далеко это голубое небо и какъ оно кружится... все кружится... и кремлевскія стѣны кружатся, и куполы церквей, и вороны на стѣнахъ, и Иванъ Великій кружится, такъ ходенемъ и ходитъ по голубому небу... А со стѣны кто-то смотритъ—такое темное, пасмурное лицо, такія большія всевидящія очи смотрятъ со стѣны, изъ потемнѣвшаго, бьющаго въ глаза золотомъ оклада... Кто это смотритъ со стѣны?.. Охъ, это Она смотритъ, Она, Сама Богородица, да такъ сурово, немилостиво!.. За что же?.. Ахъ, да, да!

Помнится... Помнится что-то... Припоминаетъ курчавая голова и шепчетъ:

— Мы за нее же, Матушку, стояли... а Она сердится... За что же?.. Охъ, тяжко... голова кружится... воронье кружится... Иванъ Великій ходитъ... идетъ сюда... ахъ, упадетъ... упадетъ его колокольня на меня»...

Бѣдный! Это краснощекій, недавно краснощекій, а теперь блѣдный, дѣтина изъ Голичнаго ряда. Это онъ валяется, силится поднять свою русую буйную головушку, поводитъ кругомъ глазами—все мертвецы! Вонъ и онъ лежитъ, то же мертвецъ, «пошикъ гулящій», лежитъ, и ручки врозь... А давно-ли еще говорилъ онъ: «Лисью шубу вынесу, вынесу»... Вотъ и вынесъ!.. Только косенка торчитъ.

А небо все кружится... вороны закружились, Иванъ Великій зашагалъ, близко, близко наклоняется его колокольня, клонится и курчавая голова, валится... валится... повалилась...

Теперь кругомъ всѣ мертвецы, одна икона жива: она смотритъ со стѣны неподвижно, столѣтія смотритъ и все видитъ!

Но нѣтъ, не всѣ мертвецы тутъ: курчавая голова опять подымается, смотритъ крутомъ, въ ворота смотритъ и видитъ: отъ Красной площади тянутся черныя, смоляныя телѣги, телѣга за телѣгой, а на нихъ люди въ черномъ съ баграми и крючьями—цѣлый караванъ телѣгъ... Протягиваются багры съ крючьями, то тамъ, то тутъ зацѣпятъ кого изъ тѣхъ, что лежатъ въ Спасскихъ воротахъ... трупъ за трупомъ вскидываютъ на телѣги... полны ужъ телѣги... Эко сколько мяса!

А вотъ крюкъ тянется и къ курчавой головѣ, близко, близко, задѣваетъ за штанину, тащитъ...

— Охъ! Не трошь меня... я живъ... ой!

— Мовчи, москаль!—лѣниво отвѣчаетъ тотъ, что багромъ цѣпляется за штанину курчавой головы.

— Ой, батюшки!

— Та мовчи жъ, таспидс!.. Отъ бисова московщина! Тай обридло-жъ мени тутъ, Господи!.. Сегодни-жъ утику до дому.

. . . . . .

Только къ утру очнулись уцѣлѣвшіе отъ погрома въ Спасскихъ воротахъ «Богородицыны ратнички». За то еще свирѣпѣе пошли они добывать Кремль и Ерошкина. Съ небывалою свирѣпостью зазвонили опять и всѣ сорокъ-сороковъ московскихъ

храмовъ Божіихъ. На каждой колокольнѣ засѣло по десяти-двадцати звонарей. Теперь уже шли на приступъ всѣ силы Москвы, шли и некарантинные, и карантинные, которыхъ повыпускали вчера «изъ неволи»... Неязвенное смѣшалось съ язвеннымъ, дреколья смѣшались съ ружьями и топорами; надо было ждать страшнаго дѣла...

Но и Еропкинъ не спалъ. Онъ успѣлъ вытребовать въ городъ весь Великолуцкій полкъ, который, изъ боязни чумы, стоялъ за тридцать верстъ отъ Москвы. Самого графа-развалину оторвали отъ его собачекъ и привезли въ Москву въ полномъ безпамятствѣ; его привезли, конечно, не для распоряженій, а какъ аттрибутъ власти, какъ аргументъ...

За звономъ колоколовъ не слышно было команды, и Еропкинъ долженъ былъ передавать свои приказанія сигналами, маханьемъ платкомъ, поднятіемъ рукъ и маханіемъ сабли... Онъ встрѣтилъ толпу у Голичнаго ряда... Толпа была ужасна, и въ первомъ же натискѣ солдаты дрогнули, несмотря на огонь ружей и на картечные залпы, брошенные въ кучу живыхъ тѣлъ... Эти тѣла осилили, артиллерійскія орудія, защищаемыя примкнутыми штыками, оказались безсильны: страшная саранча завалила ихъ своими тѣлами...

Въ это время за Голичными рядами раздался новый крикъ: то Великолуцкій полкъ, зашедшій въ тылъ толпы, открылъ огонь въ спины «Богородицыныхъ ратничковъ». Залпъ слѣдовалъ за залпомъ, и пока весь полкъ разрядилъ свои ружья, за трупами уже не было ходу, живые шагали черезъ головы мертвыхъ, и остервенѣніе первыхъ росло при видѣ послѣднихъ... Но живыхъ все еще оставалось больше, чѣмъ мертвыхъ, и Еропкинъ видѣлъ это, и его живое лицо подергивалось судорогами: онъ терялся...

Пока толпа приходила въ себя, полкъ успѣлъ во второй разъ зарядить ружья, а артиллеристы снова всыпать мѣшки картечи въ пушечныя жерла...

А адскій звонъ не унимается. На этотъ звонъ слетается новая саранча, словно всѣ чумные мертвецы вышли изъ своихъ могилъ и явились требовать отвѣта: зачѣмъ ихъ хоронятъ не при церквахъ...

Кто-то подскакиваетъ къ Еропкину и дѣлаетъ ему знакъ рукой, потому что за звономъ все равно ничего не слыхать.

— Что, докторъ?—спрашиваетъ Еропкинъ во весь голосъ.

— Звонариковъ бы, ваше превосходительство, тово,—отвѣчаетъ веселый докторъ, указывая на колокольни,—пока они звонятъ, Москву всѣ арміи россійскія съ Румянцевымъ и Суворовымъ не осилятъ...

Докторъ былъ правъ, и Еропкинъ приказалъ «снять звонарей съ колоколенъ живыми или мертвыми»...

Сдѣланы были еще залпы цѣлымъ полкомъ и всею артилеріею: на этотъ разъ пули и картечь, пробивъ въ рядахъ толпы цѣлые переулки, заставили массу дрогнуть, тѣмъ болѣе, что и ближайшія колокольни сразу умолкли...

Звонари оказались до того люты, что руками и зубами впились въ колокольныя веревки, и освирѣпѣвшіе солдаты, насаживая ихъ на штыки, какъ козявокъ, сбрасывали съ колоколенъ на головы толпы. Тогда только послѣдняя поняла, что дѣло ея проиграно...

— Да, вы хорошій стратегъ, докторъ,—сказалъ Еропкинъ веселому доктору, видя, какъ толпы частью бросились бѣжать вразсыпную, частью же, побросавъ колья и топоры, безмолвно сдавались солдатамъ,—кто хочетъ овладѣть Москвою, тотъ долженъ прежде взять колокольни.

А докторъ уже бѣгалъ по этому аду, стараясь найти живыхъ между тысячами мертвыхъ...

Да, покойный «гулящій попикъ» былъ правъ: то, о чемъ повѣдалъ попу Мардарію невѣдомый «пификъ», сбылось: по Москвѣ прошелъ и моръ, и каменный дождь; протекла также, вмѣсто огненной и кровавая рѣка, по которой и бродилъ теперь веселый докторъ.

V. Небывалый манифестъ.

Раннимъ утромъ, 21-го сентября, памятнаго для Россіи 1771 года, императрица Екатерина II Алексѣевна, съ небольшою книжкою въ рукахъ, сойдя въ садъ, по внутренней садовой терасѣ царскосельскаго дворца, направилась, предшествуемая своей собачкой Муфти, въ глубину парка, на богатую зелень котораго осень уже налагала свою безжалостную руку. Императрица одѣта была въ сѣрый просторный капотъ, подпоясанный у таліи шелковымъ сиреневымъ, съ кистями такого же цвѣта, шну-

ромъ, и въ высокомъ утреннемъ со сборками чепцѣ. Она шла задумчиво, по временамъ дѣлая движенія указательнымъ пальцемъ опущенной книзу правой руки, какъ бы мысленно на что-то указывая или отмѣчая и подчеркивая. Видно было, что эти подчеркиванія мысли дѣлались въ ея озабоченномъ мозгу невольно и отражались на спокойномъ, сосредоточенномъ лицѣ и въ свѣтлыхъ, съ двойнымъ какимъ-то свѣтомъ глазахъ.

Тонконогая и тонкомордая собачка, забѣгая впередъ, часто возвращалась къ своей госпожѣ, заглядывала ей въ глаза, виляла хвостомъ, какъ бы желая сказать, что, «вѣдь, и я, матушка, тоже озабочена за тебя, тоже, дескать, вижу, что ты подчеркиваешь что-то въ умѣ, и я вотъ подчеркиваю хвостомъ, да только не вѣдаю, что оно такое»; но, видя, что императрица не обращаетъ на нее вниманія, она опять убѣгала впередъ, желая показать свою ревность по службѣ, обнюхивала каждый кустикъ, накидывалась на каждаго воробья, который осмѣливался прыгать по царской дорожкѣ,—и снова, съ чувствомъ исполненнаго долга, возвращалась къ императрицѣ. Но та опять не обращала на нее вниманія...

«Что за пропасть! О чемъ она думаетъ, и понять не могу»,— такъ и свѣтится этотъ вопросъ въ умныхъ глазахъ собаченки, и она опять стремительно летитъ впередъ.

Вдругъ въ одномъ густомъ кустѣ акацій замяукала кошка, да такъ рѣзко, что собачка даже припрыгнула отъ изумленія.

Вотъ сюрпризъ! Кошка въ царскомъ паркѣ! Собаченка и ушамъ своимъ не вѣритъ.

Кошка опять замяукала... Собачка неистово бросилась на кустъ и начала лаять, что есть мочи: «нашла! нашла врага!»— слышалось въ ея усердномъ лаяньѣ. И собачка счастлива: она обратила на себя вниманіе императрицы. Мало того, даже часовой, вытянувшійся тамъ гдѣ-то въ струнку и издали сдѣлавшій ружьемъ на-караулъ, и онъ добродушно улыбался, поглядывая почтительно то на императрицу, то на собачку, то на предательскій кустъ.

— Не трогай ее, Муфти!—сказала императрица, приближаясь.—Она тебя оцарапаетъ.

Собаченка залаяла еще неистовѣе, да такъ и уткнула морду въ кустъ... Но вдругъ она завиляла хвостомъ, запрыгала, да

такъ радостно, что самое императрицу занялъ этотъ восторженно виляющій хвостъ.

— Что, Муфти, кошка тамъ?

Кошка снова замяукала и фыркнула. Собаченка закувыркалась отъ радости и бросилась къ императрицѣ.

— Чему рада, глупая собака?

Собачка восторженно залаяла, желая что-то объяснить, но, не имѣя другого органа гласности, кромѣ хвоста и безтолковаго языка, она только закувыркалась.

— Вѣрно, знакомая кошка...

Но изъ куста вдругъ показалась голова въ напудренномъ парикѣ и снова замяукала... Часовой невольно фыркнулъ, сцѣпивъ зубы.

— А! Это ты, повѣса,—весело сказала императрица.—Вотъ надѣлалъ тревоги Муфти.

Изъ куста во весь ростъ всталъ мужчина въ одеждѣ придворнаго сановника.

— Опять за старое, принялся, проказникъ?—продолжала императрица, ласково улыбаясь.

— Какъ за старое, матушка государыня?—отвѣчалъ царедворецъ, кланяясь.

— За мяуканье...

— Помилуй, матушка государыня, это самое новое, самое новое дѣло мяуканье, даже можно сказать, государственное дѣло,—отвѣчалъ вельможа.

— Какъ государственное, повѣса?

— Да какъ же, матушка, не государственное: нынѣ коты **во времени**...

Императрица бросила на него лучи двойного свѣта изъ своихъ немножко расширенныхъ зрачковъ и, улыбаясь, ждала объясненія шуткѣ.

— Да какъ же, матушка! Вонъ кіевскій котъ сколько тревоги надѣлалъ тамошнему генералъ-губернатору Ѳедору Матвѣичу Воейкову...

— Да, да, тумульту надѣлалъ изряднаго.

— Какъ же-съ! А султанъ турецкой, сказываютъ, этому Васькѣ кіевскому, за учиненіе имъ зла врагу султанову—великой царицѣ сѣверной Пальмиры, обѣщалъ прислать орденъ шнурка, коли Васька останется цѣлъ.

Императрица задумчиво улыбалась.

— Ахъ, Левушка, Левушка, ты все такой же повѣса остался, какъ тогда, помнишь, еще въ молодости...

«Повѣса» или «шпынь», какъ его называлъ Фонвизинъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, или вѣрнѣе, «Левушка», какъ-то комически махнулъ рукой, конечно, на молодость.

Въ это время по аллеѣ показались двѣ фигуры, торопливо шедшія по направленію къ императрицѣ. Въ рукахъ одного изъ нихъ была папка съ бумагами, у другого—небольшая чернильница, утыканная перьями и карандашами.

— А! Кровопійцы идутъ, мухи государственныя, что вамъ, матушка, и дохнуть не дадутъ, все на ухо жужжатъ,—замѣтилъ Левушка, гримасничая.

— Да, Лева, много намъ дѣла, теперь не до мяуканья,— грустно сказала императрица.

Пришедшіе были неизмѣнные докладчики наиболѣе важныхъ дѣлъ по внутреннему государственному управленію; генералъ-прокуроръ князь Вяземскій и генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Григорій Орловъ.

Они издали почтительно поклонились императрицѣ и остановились.

— Съ добрымъ утромъ,—ласково сказала государыня,—что же вы не идете?

— Не смѣемъ, ваше величество приблизиться,—съ тономъ пасмурнаго сожалѣнія отвѣчалъ Вяземскій.

— Почему же такъ? — нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ спросила Екатерина.

— Бумаги съ нами, государыня, изъ неблагополучнаго мѣста, изъ Москвы,—отвѣчалъ Орловъ.

— Что же такое? Что тамъ? — еще тревожнѣе спросила императрица.

— Простите, ваше величество, — перѣшительно заговорилъ Вяземскій,—курьеры прискакали изъ Москвы съ эстафетами экстренными...

— Давайте же ихъ мнѣ,—рванулась императрица.

И Вяземскій, и Орловъ нѣсколько отступили назадъ. Они казались смущенными. Императрица замѣтно поблѣднѣла...

— Что же, наконецъ, тамъ? Давайте бумаги!..

— Выслушайте, государыня, и не извольте тревожиться,—

попрежнему, не торопясь, началъ Вяземскій,—зная ваши матерніи попеченія о своихъ подданныхъ, для блага коихъ вы готовы жертвовать вашимъ драгоцѣннымъ здоровьемъ, мы осмѣлились не допустить этихъ эстафетъ до вашихъ рукъ, трепеща за вашу жизнь, и сами вскрыли ихъ, принявъ должныя предосторожности... По тому же самому мы и не осмѣливаемся приблизиться къ особѣ вашего величества...

— Благодарю, благодарю васъ, но я желаю знать, что же тамъ,—нѣсколько покойнѣе сказала Екатерина.

— Въ Москвѣ неблагополучно, ваше величество... Вотъ что доноситъ Ерошкинъ...

Императрица вошла въ ближайшій павильонъ, а за нею и докладчики. Князь Вяземскій развернулъ бумагу и погрозилъ собачкѣ, которая хотѣла было къ нему подойти. Тогда Левушка взялъ собачку за ошейникъ и уложилъ на ближайшую скамейку...

— Кушъ-кушъ... не подходи къ нимъ, они бука...

Вяземскій откашлялся и началъ читать: «Къ безпримѣрному сожалѣнію, ожиданіе превосходящей бѣдства и ужаса наполненный случай необходимо обязываетъ меня, всемилостивѣйшая государыня, и сверхъ моего рапорта генералъ-фельдмаршалу графу Петру Семеновичу Салтыкову, какъ своему собственному командиру, все нижайше представить и отъ себя о томъ происшествіи, которое подвергало столичный вашего императорскаго величества городъ нанесовершенному бѣдствію, состоящій въ томъ, что народъ, негодуя доднесь на всѣ въ пользу ихъ повелѣнныя отъ вашего императорскаго величества мнѣ учрежденія о карантенахъ и другихъ осторожностяхъ, озлились какъ звѣри, и сего мѣсяца 15 дня сдѣлали настоящій бунтъ, вбѣжавъ въ Кремль и разоряя архіерейскій домъ, искали убить онаго. Но какъ съѣхалъ сей бѣдный агнецъ скрытно въ монастырь Донской, то, выбѣжавъ и туда въ безмѣрномъ пьянствѣ, злодѣи до трехсотъ, 16-го поутру, убили онаго мучительски до смерти»...

Екатерина въ ужасѣ всплеснула руками... «Боже мой!» Она была блѣдна. Зрачки глазъ расширились...

Всѣ молчали...

— Ну, что же еще?.. Прошу... продолжайте...—въ голосѣ ея слышались слезы.

Вяземскій продолжалъ, но такъ тихо, что едва слышно было:

«карантены учрежденные разорили, вышустя изъ Данилова монастыря и изъ другого двора, состоящаго на серпуховской дорогѣ, разбивъ дубьемъ и каменьями стоявшаго на караулѣ офицера, сопротивлявшагося имъ, какъ и подлѣкаря, въ одномъ изъ тѣхъ карантеновъ находившагося; а другіе изъ злодѣевъ, вбѣжавъ въ Кремль, пробыли тамъ всю ночь и до половины дня, бивъ въ набатъ вездѣ, разоряя и домъ доктора Меркенса. Въ злодѣйствѣ семъ находились боярскіе люди, купцы...

— И купцы,—задумчиво повторила императрица.

«... подъячіе и фабришники (не останавливался Вяземскій), а особливо раскольщики, разсѣвая плевелы, что они стоятъ за Богородицу, нашедъ образъ на Варварскихъ воротахъ, сказывая, что онъ явленный, которому толпами ходятъ молиться. Архіерей несчастливой, видя, что отъ такой молитвы заражаются опасною болѣзнію, послалъ своего эконома и секретаря запечатать ящики денежнаго сбора: и произвело, всемилостивѣйшая государыня, вышеупомянутое смятеніе»...

— Что же онъ самъ, Еропкинъ, дѣлалъ, я не вижу,—хмуря брови, говорила императрица.

— Онъ далѣе доноситъ о семъ, государыня,—успокаивалъ ее Орловъ.

— Ну... вотъ и счастливой семьдесятъ первой годъ!—качала головой Екатерина.—Счастливой!

— Еропкинъ, государыня, пишетъ: «Я, видя злоключительное состояніе города, послалъ тотчасъ ко всѣмъ здѣсь находящимся гвардіи офицерамъ съ командами, объявя имъ высочайшій вашего императорскаго величества указъ, чтобы они мнѣ повиновались, отправя въ то же самое время нарочнаго къ генералъ-фельдмаршалу въ подмосковную»...

— Я такъ и знала, что онъ съ собачками тамъ...

Ея собственная собачка, услыхавъ о собакахъ, запрыгала около нея.

— Пошла, Муфти, не до тебя теперь... Плохое дѣло, ввѣрять государство выжившимъ изъ ума старикамъ... Ну, прости, князь, я тебя все перебиваю (это къ Вяземскому).

Вяземскій поклонился и продолжалъ: «...въ подмосковную, который ужъ и пріѣхалъ, и Великолуцкій полкъ ввелъ въ городъ, давъ свою диспозицію оберъ-полицеймейстеру, въ какихъ мѣ-

стахъ занять постъ для истребленія злодѣевъ, потому что я въ эту ночь, въ которую выгнаны были мною разоряющіе Чудовъ монастырь возмутители, спѣша истреблять оныхъ, отъ одного изъ сихъ дерзостныхъ, брошеннымъ въ меня шестомъ, а отъ другого камнемъ въ ногу вытерпѣлъ удары»...

— Бѣдной... ну...

— «...и бывъ двои сутки безвыходно на лошади, объѣзжая разныя мѣста города, совсѣмъ ослабѣлъ, и не имѣя чрезъ все то время ни сна, ни пищи, въ крайнее пришелъ безсиліе, получа отъ того и пароксизмъ лихорадочный и, наконецъ, теперь принужденъ ужъ слечь въ постелю, бывъ здѣсь въ то время одинъ только съ губернаторомъ московскимъ, потому что всѣ другіе господа сенаторы разъѣхались»...

Екатерина покачала головой, но ничего не сказала; а Левушка какъ бы про себя прибавилъ: «и я бы удралъ навѣрное»...

— «Соединя къ командамъ гвардіи за раскомандированіемъ оставшихъ пятьдесятъ человѣкъ Великолуцкаго полка и набравъ не больше ста тридцати человѣкъ, при чемъ были нѣкоторые и изъ статскихъ для смотрѣнія, что съ корпусомъ, мною предводительствуемымъ, случится, пошелъ гдѣ не одна тысяча была пьяныхъ, разорявшихъ архіерейскій домъ и погреба купеческіе, подъ монастыремъ Чудовымъ состоящіе, производя такую наглость, что въ Кремль и проѣхать никому было невозможно. И хотя увѣщевалъ я изувѣрствующихъ, посылая къ нимъ здѣшняго оберъ-коменданта, генералъ-поручика Грузинскаго царевича, но они встрѣтили его каменьемъ, какъ равномѣрно и бригадира Мамонова, который, для того же увѣщанія пріѣзжалъ, чрезвычайно разбили голову и лицо. И такъ сія дерзость заставила меня, всемилостивѣйшая государыня, дѣйствовать ружьемъ и сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ и истреблять злодѣевъ мелкимъ ружьемъ и палашами. Въ Кремлѣ ихъ пало человѣкъ не меньше ста, да взято подъ караулъ двѣсти сорокъ девять человѣкъ, изъ которыхъ нѣсколько находится со стрѣленными и рубленными руками, и хотя они, отъ того устрашась, разбѣжались, но и вчерашній день на Варварской улицѣ»...

— А котораго числа пишетъ Еропкинъ?—спросила императрица.

— Осьмнадцатаго, государыня,—отвѣчалъ Орловъ, до того молчавшій.

Екатерина кивнула головой и начала что-то считать по пальцамъ.

— Я слушаю,—сказала она.

— «...на Варварской улицѣ и противъ Красной площади нѣсколько шаекъ народу было, однакожъ, на бросаніе каменьевъ и шестовъ уже отважиться не смѣли и только требовали у стоявшаго на Спасскомъ мосту подлѣ учрежденнаго тамъ пикета здѣшняго губернатора, чтобъ отдали имъ взятыхъ подъ караулъ ихъ товарищей, а притомъ, чтобы безъ билетовъ хоронить и не вывозить въ карантены».

Вяземскій остановился, онъ кончилъ.

— Чего они такъ не любятъ билетовъ?—спросила императрица.

— Они, матушка, хапанцевъ не любятъ, а не билетовъ,— улыбнулся Левушка.

— Какихъ хапанцевъ?

— Хапенъ зи гевезенъ...

И Левушка сдѣлалъ такой жестъ, какъ это «хапенъ» дѣлаютъ, что даже серьезный Вяземскій улыбнулся.

— Хапенъ зи гевезенъ: барашка въ бумажкѣ,—пояснилъ Левушка.

— Ну, будетъ дурачиться, не до того теперь...

— Ерошкинъ еще пишетъ, государыня,—подсказалъ Орловъ, котораго, повидимому, безпокоила какая-то мысль.—Онъ проситъ отставки...

— Отставки! Теперь именно!—воскликнула императрица, вставая съ мѣста и вопросительно глядя на присутствующихъ.— Значитъ тамъ хуже, чѣмъ какъ пишутъ...

— Хуже, государыня!—тихо сказалъ Орловъ.

— Что же еще пишутъ! Докладывайте все разомъ: не бойтесь, не упаду въ обморокъ... Я уже десять лѣтъ царствую... Благодарю Бога, все вынесла на своихъ плечахъ... Богъ поможетъ, вынесу и это...

Она ходила, ломая руки, то подходя къ докладчикамъ, которые пятились отъ нея, то дѣлая круги по павильону... Свѣтлые глаза ея какъ-то полиняли, «сбѣжали», какъ говорится о линючемъ ситцѣ...

— Девятнадцатаго числа, ваше величество, Ерошкинъ доноситъ,—снова началъ Вяземскій,—«сколь злоключительны ны-

нѣшнія обстоятельства Москвы, о томъ вчерашній день по эстафетѣ...»

— Когда же эта пришла? — обратилась императрица къ Орлову.

— Черезъ полчаса или менѣе послѣ той, ваше величество... Этотъ курьеръ загналъ лошадей...

— А!.. Узнать его имя... Дальше...

— «...я всеподданнѣйше доносилъ уже вашему императорскому величеству, а симъ то еще всенижайше представить не пропускаю, что хотя дерзость явно произведенная въ злодѣйскомъ убійствѣ московскаго архіерея отчасти возмутившагося здѣшняго города мною и истреблена, и три дня прошло здѣсь въ желанномъ спокойствѣ, но слухи, однакожъ, съ разныхъ сторонъ доходящіе до меня, всемилостивѣйшая государыня, одно мнѣ приносятъ увѣдомленіе, что оставшее отъ злочестивыхъ совѣщателей устремленіе свое во всей силѣ имѣютъ всю звѣрскую ихъ жестокость обратить на меня, обнадеживая себя, что они убивствомъ меня и всѣхъ докторовъ скорѣй получатъ свободу отъ осмотровъ больныхъ, отъ выводу въ карантенъ, а притомъ и хоронить будутъ умершихъ внутри города, считая, что будто и тому я причиною, смущаясь притомъ и недозволеніемъ въ бани ходить, грозятъ тѣмъ и подполковнику Макалову, у котораго карантенные домы состоятъ въ смотреніи. Ожесточеніе предписанныхъ злодѣевъ такъ было чрезвычайно, что они не только кельи архіерейскія, но и его домовую церковь, какъ иконостасъ, такъ и всю утварь совсѣмъ разграбили. Вышеобъясненныя неудовольствія и угрозы злочестивыхъ людей, какъ лютыхъ тигровъ, отъ безразсудства ихъ на меня пламенѣющія за то одно, что я здѣсь въ сенатѣ и во всемъ городѣ одинъ рачительнымъ исполнителемъ всѣхъ тѣхъ учрежденій, о которыхъ вашему императорскому величеству высочайшими своими повелѣніями о карантенахъ предписать мнѣ благоугодно было. Но вся жестокость злонравныхъ людей, каковую по совѣщанію вкоренили они въ свои грубыя сердца, не имѣла силы ни умолить моей прилежности къ порученному мнѣ отъ вашего императорскаго величества дѣлу, ни ужасъ»...

— Ну, ну, это слова... Я ихъ давно знаю... прочтите мнѣ дѣло,—нетерпѣливо сказала Екатерина.

Вяземскій пробѣжалъ бумагу глазами.

— Онъ смущается, государыня, чтобы злодѣи въ теперешней его разслабленности не навлекли на него участи покойнаго архіерея,—проговорилъ Вяземскій.

Императрица слегка нахмурила брови и бросила взглядъ на Орлова.

— Онъ проситъ увольненія на время, — поторопился Орловъ:—онъ говоритъ, что одно отрѣшеніе его отъ дѣла въ состояніи будетъ успокоить безумную чернь.

— А! Понимаю...—и глаза ея сверкнули пренебрежнему,—значитъ, м ы должны уступить черни...

Всѣ молчали, чего то тревожно ожидая...

— Да? Такъ? — обратилась она къ Вяземскому.—Уступить п а м ъ?

— Ни за что, ваше величество!—съ силой сказали оба докладчика.

Императрица улыбнулась какъ-то странно...

— А я полагаю, что м ы должны уступить,—сказала она твердо.

Всѣ переглянулись: никто не находилъ, что сказать. Нашелся одинъ Нарышкинъ.

— Тягучее золото, матушка, всегда уступаетъ въ трубости и неподатливости мерзкому чугуну, — играя съ собачкой, вставилъ невинную лесть хитрый Левушка.

— Правда, правда, Левушка!—и императрица одобрительно кивнула головой своему «шпыню».—Но кого же мы пошлемъ на мѣсто Еропкина?—спросила она, ни къ кому не обращаясь.

Всѣ молчали.

— Меня, матушка,—сошкольничалъ Нарышкинъ.

Но Екатерина даже не взглянула на него.

— Я себя пошлю!—сказала она рѣшительно.

Орловъ встрепенулся. Вяземскій спряталъ свои лукавые глаза, которые какъ бы говорили: «хитрить изволите, матушка... Вы очень, очень умны; но и мы вѣдь не мимо носа нюхаемъ»...

— Государыня!—возвысилъ голосъ Орловъ.—При подписаніи перваго манифеста о моровой язвѣ вы изволили вспомнить Орловыхъ...

Государыня милостиво взглянула на него, и глаза ея выразили ожиданіе.

— И я, матушка, желаю имѣть свою Чесму,—продолжалъ Орловъ,—мнѣ завидно брату Алексѣю...

Говоря это, онъ смотрѣлъ въ землю, ожидая отвѣта императрицы, и по мѣрѣ того, какъ она медлила отвѣтомъ, онъ блѣднѣлъ. Нарышкинъ же между тѣмъ шалилъ съ Муфти, повязывая ей голову шелковымъ фуляромъ, что дѣлало собаченку похожею на старушку.

— Быть по сему!—сказала, наконецъ, императрица послѣ томительнаго молчанья.—Но я сама должна говорить съ Москвою.

— Манифестецъ, матушка, я живо настрочу,—снова заговорилъ Нарышкинъ.

— Нѣтъ, Левушка, ты мастеръ въ комедіяхъ, да въ сатирахъ, а манифестъ мы и безъ тебя напишемъ,—сказала императрица.

Она встала и послѣдовала ко дворцу, сопровождаемая докладчиками и Нарышкинымъ съ собачкою.

Войдя въ кабинетъ, она тотчасъ же приказала Вяземскому сѣсть за сочиненіе манифеста.

— Да поискуснѣе: смотри, батюшка князь, а главное, покороче, для черни,—добавила она.—Дѣло щекотливое.

Когда Вяземскій усѣлся писать, императрица позвонила. Вошелъ угрюмый лакей, очень любимый Екатериною за его честность и даже ворчливость.

— Здорово, Захаръ! Позови Марью Савишну...

Захаръ поклонился и началъ укоризненно качать головой.

— Что, Захаръ, чѣмъ я передъ тобой провинилась?—спросила, улыбаясь, императрица.

— Да какъ же тебѣ, матушка, не стыдно! Точно у русской царицы слугъ нѣтъ... Встала нынче ни свѣтъ, ни заря, когда еще дѣвки дрыхнули, да сама и ну шарить, одѣваться, чтобъ только не тревожить этихъ сорокъ, прости Господи! Да и надѣла капотишка-то во какой! Вѣтромъ подбитый, а на дворѣ-то холодно... Эхъ! А тоже русская царица!

— Ну, виновата, Захарушка, никогда не буду...

Захаръ махнулъ рукой и угрюмо удалился. За нимъ вошла среднихъ лѣтъ женщина, съ полнымъ и, повидимому, добродушнымъ лицомъ, лицомъ совершенно простой русской бабы, но тоже съ двойнымъ, гарнитуроваго цвѣта блескомъ въ сѣрыхъ глазахъ.

— Вотъ что, Марья Савишна,—сказала императрица вошедшей женщинѣ,—вели мнѣ голову сейчасъ же чесать, да только безъ пудры... А то вчера просматривала я счеты и нашла, что на мою голову въ годъ выходитъ пудры 365 пудовъ: по пуду на день... А я все не догадаюсь, отчего это у меня голова такъ тяжела, а это отъ пудры...

Марья Савишна добродушно засмѣялась; но этотъ добродушный смѣхъ долженъ былъ ножомъ пройти по сердцу того, кто подалъ императрицѣ счетъ о пудрѣ.

— Что же, матушка государыня, твоя головка не простая, оттого и пудры на нее столько идетъ, — болталъ Нарышкинъ, продолжая играть съ собакой.—Вотъ блаженной памяти царю Петру Алексѣичу тоже разъ подали счетецъ... Однажды, просматривая работы на рейдѣ, онъ изволилъ промочить себѣ ножки.

— Ужъ и ножки,—улыбнулась Екатерина.

— Точно такъ, матушка, ножки, — продолжалъ Нарышкинъ,—и сдѣлался у его величества насморкъ. Государь тутъ же приказалъ подать ему сальную свѣчу и помазалъ носъ... Ну, съ тѣхъ поръ по счетамъ адмиралтействъ-ревизіонъ-цухтъ-конторы и показывали по пуду свѣчей въ сутки на насморкъ государя...

— Ну, Левушка, ужъ это ты самъ сочинилъ,—замѣтила императрица, поглядывая на Вяземскаго, который усердно писалъ, часто потирая себѣ то лобъ, то переносицу, какъ бы выдавливая изо лба самыя энергическія выраженія.

Наконецъ, онъ положилъ перо.

— Готово?—нетерпѣливо спросила императрица.

— Готово, ваше величество, — отвѣчалъ Вяземскій, дѣлая на бумагѣ поправки,—не знаю только какъ изволите найти мое сочиненіе...

— Послушаемъ... Ну, начинай, сегодня манифестъ долженъ быть напечатанъ и отправленъ.

Вяземскій началъ: «Божіею милостію»...

— Хорошо, хорошо. Текстъ-то какъ начинается?—нетерпѣливо перебила его императрица.

— «Взирая съ материнымъ прискорбіемъ и негодованіемъ»...

— Будетъ! Будетъ!—остановила чтеца Екатерина, вставая съ распущенными волосами и подходя къ столу, за которымъ сидѣли Вяземскій и Орловъ (послѣдній просматривалъ папку

своихъ докладовъ).—Ты не понялъ меня, князь... Ты прямо съ чугуна начинаешь...

Вяземскій всталъ и хладнокровно ждалъ разъясненія словъ государыни: онъ зналъ, что она принимала иногда совершенно неожиданныя рѣшенія, когда забирала себѣ въ голову, и рѣшенія эти были умны.

— «Негодованіе»!.. Да тутъ о «негодованіи» и помину не должно быть!—говорила императрица, тревожно ходя по кабинету.—Ты ихъ, чего добраго, и бунтовщиками назвалъ...

— Да какъ же, государыня, вѣдь они бунтуютъ?—настаивалъ Вяземскій.

— Мои дѣти не бунтуютъ!.. Они могутъ ошибаться, огорчать меня, но никогда не бунтуютъ... Еще неизвѣстно, какъ дѣло было, а мы ужъ и бунтовщикамъ въ манифестѣ мѣсто отводимъ... Можетъ, еще и Ропкинъ что по горячности и изъ усердія напуталъ, а то и покойный Амвросій, а мы все на народъ... Не забудьте, онъ стоялъ за Богородицу!..

Императрица говорила горячо, постоянно откидывая назадъ волосы и засучивая рукава капота... Лицо ея покрылось краской... А Вяземскій стоялъ попрежнему и пряталъ глаза, потому что они говорили: «охъ, умна, умна!.. Умно хитритъ... У! Умница»...

— Садись, Алексѣичъ, и пиши, я сама продиктую,—сказала, наконецъ, Екатерина, отдавая свою голову въ распоряженіе камеристокъ.—Пиши: «Всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, наше монаршее благоволеніе»...

— Благоволеніе!—не утерпѣлъ Вяземскій.—Это бунтовщикамъ-то и злодѣямъ!..

— Ну, добро. Кто не былъ въ царской шкурѣ...

— Въ порфирѣ, матушка,—подсказалъ Нарышкинъ.

— Въ шкурѣ, Левушка, кто не былъ въ ней, тотъ и не пойметъ царя... Не строгость побѣждаетъ, а милость... Такъ пиши, знай: «Видя прежалостное состояніе нашего города Москвы, и что великое число народа мретъ отъ прилипчивыхъ болѣзней, мы бы сами поспѣшно туда прибыть за долгъ званія нашего почли, есть ли бы сей нашъ походъ по теперешнимъ воспымъ обстоятельствамъ самымъ дѣломъ за собою не повлекъ знатное разстройство и помѣшательство въ важныхъ дѣлахъ имперіи нашей. И тако не могши дѣлить опасности обывателей и

сами подняться отселѣ, заблагоразсудили мы туда отправить особу отъ насъ повѣренную, съ властію такою, чтобы, по усмотрѣнію на мѣстѣ нужды и надобности, могъ дѣлать онъ всѣ тѣ распоряженія, кои ко спасенію жизни и къ достаточному прокормленію жителей потребны. Къ сему избрали мы (императрица ласково, но зорко взглянула на Орлова), по нашей къ нему отмѣнной довѣренности и по довольно извѣстной его ревности, усердію и вѣрности къ намъ и отечеству, нашего генерала-фельдцейхмейстера и генерала-адъютанта графа Григорія Орлова, уполномачивая его поступать во всемъ такъ, какъ общее благо того во всякомъ случаѣ требовать будетъ, и отмѣнять (на этомъ словѣ императрица сдѣлала особенное удареніе), отмѣнять ему тамо то изъ сдѣланныхъ учрежденій, что ему казаться будетъ или не вмѣстно, или не полезно, и вновь установлять все то, что онъ найдетъ поспѣшествующимъ общему благу. Въ чемъ во всемъ повелѣваемъ не токмо всѣмъ и каждому его слушать и ему помогать, но и точно всѣмъ начальникамъ быть подъ его повелѣніемъ, и ему по сему дѣлу присутствовать въ сенатѣ московскихъ департаментовъ; прочія же присутственныя и казенныя мѣста имѣютъ исполнять по его требованію. Запрещаемъ же всѣмъ и каждому дѣлать какое-либо препятствіе и помѣшательство какъ ему, такъ и тому, что отъ него повелѣно будетъ; ибо онъ, зная нашу волю, которая въ томъ состоитъ, чтобъ прекратить, колико смертныхъ сила достаетъ, погибель рода человѣческаго, имѣетъ въ томъ поступать съ полною властію и безъ преποны».

Императрица остановилась. Вяземскій продолжалъ держать перо надъ бумагою. Орловъ былъ блѣденъ и, видимо, думалъ о чемъ-то трудномъ... «Кто же?.. Кто же?»—иногда невольно и неслышно шептали его губы.—«Развѣ Потемкинъ»...

— Все!—сказала императрица, вставая.

— Все... и не слова о бунтѣ,—изумленно бормоталъ Вяземскій,—и еще имъ же, негодяямъ, монаршее благоволеніе... Да такого манифеста съ роду не было ни къ кому, а тѣмъ паче къ бунтовщикамъ...

Одинъ Нарышкинъ, все время возившійся съ собакой, понялъ Екатерину. Онъ упалъ передъ нею на колѣни и цѣловалъ подолъ ея капота.

— Матушка! Матушка!—говорилъ онъ съ восторгомъ.—Ты

мудрѣйшая изъ всѣхъ царей земныхъ, ты великая сердцевѣдица... Такъ и меня спасли когда-то, какъ ты спасаешь нынѣ Москву... Когда мнѣ было лѣтъ пятнадцать, я изъ отроческаго молодечества сталъ пить, и пилъ по ночамъ, тайно отъ отца, котораго я трепеталъ... Сія пагубная страсть чуть не погубила меня совсѣмъ: я доходилъ до тременса... Отцу и донесли о семъ холопы... Отецъ и виду не показалъ, что знаетъ мою преступную тайну; но за первымъ же обѣдомъ говоритъ мнѣ: «Лева! Ты уже большой мальчикъ, чокнемся съ тобой... Привыкай къ жизни, привыкай и къ вину... Пей, какъ всѣ мы, взрослые...» Признаюсь, я заплакалъ и бросился батюшкѣ на шею... Никогда я не любилъ его такъ, какъ въ сей моментъ... И повѣришь ли, матушка, я сталъ человѣкомъ, какимъ ты и знаешь меня давно...

— Ты хорошій человѣкъ, Левушка,—ласково сказала императрица.

— А ты—величайшая женщина и мудрѣйшая монархиня!

— О! Левушка! Ты всегда меня баловалъ...

И, погрозивъ Левушкѣ пальцемъ, императрица удалилась.

VI. Конецъ чумѣ.

Снова звонъ колоколовъ по всей Москвѣ, но уже не набатный, а унылый, похоронный. И въ какомъ-то особенномъ, глубоко-потрясающемъ душу порядкѣ идетъ мрачно торжественный перезвонъ, словно стонетъ безконечно великая мѣдная, но живая человѣческая грудь. Сначала застонетъ Иванъ Великій, и тоскливо пронесется съ высоты Кремля по всей Москвѣ это страшное металлическое стенаніе; а за нимъ застонутъ ближайшія церкви, потомъ дальнѣйшія, и стонъ этотъ идетъ отъ центра города къ окраинамъ, а потомъ снова возвращается къ центру, и снова тотъ же кругловой стонъ. Можно подумать, что вся Москва, наконецъ, вымерла, и это Москву хоронитъ кто-то невидимый.

Нѣтъ, это Москва хоронитъ своего архіепископа, новоубіеннаго Амвросія.

На кладбищѣ Донского монастыря, на краю двухъ свѣжевырытыхъ глубокихъ могилъ, стоятъ на «марахъ» два гроба. Въ одномъ гробѣ лежитъ ч т о-т о въ архіепископскомъ облаченіи со всѣми принадлежностями святительскаго сана... Ч т о-т о ле-

житъ, потому что лицо лежащаго въ гробѣ закрыто пеленою. Въ другомъ гробу лежитъ что-то въ полномъ архимандричьемъ облаченіи, и тоже съ закрытымъ пеленою лицомъ.

Въ первомъ гробу лежитъ Амвросій, во второмъ—его братъ Никонъ.

Около могилъ съ одной стороны стоитъ цѣлый сонмъ духовенства въ черныхъ ризахъ, съ другой—власти и зрители. Тутъ же, у перваго гроба, и графъ Орловъ, такой глубоко задумчивый, задумчивый въ себѣ, словно бы думы его были далеко отъ этого гроба, отъ этой могилы... Да, онѣ далеко: онѣ носятся гдѣ-то надъ Дунаемъ, около красивой, гордой головы того, которому вотъ этотъ лежащій въ гробѣ мертвецъ помогалъ когда-то «рублями» и «полтинами», и который теперь, какъ «князь тьмы», начинаетъ затмевать славу Орловыхъ и вытѣснять ихъ изъ сердца, носящаго въ себѣ всю Россію...

Немножко поодаль стоятъ и безмолвно, но съ какою-то невыразимою нѣжностью въ глазахъ, смотрятъ въ разверстыя могилы двѣ молодыя дѣвушки въ траурной одеждѣ больничныхъ сидѣлокъ. Это—Лариса и Настя, мысли которыхъ тоже не здѣсь: одной—гдѣ-то у невѣдомаго Прута, другой—на кладбищѣ Данилова монастыря; и обѣ что-то вспоминаютъ: одна—свѣтлорусую голову, отъ которой локонъ вотъ тутъ, на груди: другая вспоминаетъ «сѣнцы» и безтолково щелкающаго соловья...

За ними виднѣется кругленькая фигурка и живое съ добрыми глазами лицо веселаго доктора. И на его добромъ лицѣ легкая дума и еще что-то новое. Онъ тоже о чемъ-то вспоминаетъ. Но о чемъ ему? А вотъ о чемъ: и у него, какъ у Ларисы, глупость какая для пожилого доктора! есть тоже на груди локонъ, но только черный, словно отъ головы молодой цыганеночки, локонъ, снятый имъ съ груди одного мертвеца на берегу Прута, проклятый локонъ, о которомъ и не догадывается Лариса, да никогда и не догадается...

Обрядъ отпѣванія конченъ, и слышится только подъ стонъ всѣхъ московскихъ церквей надгробное слово, которое не всѣ слушаютъ, занятые своими мыслями, можетъ быть своими надгробными словами...

«Видя васъ, печальные слушатели,—возглашаетъ ораторъ,—съ особеннымъ сердецъ соболѣзнованіемъ гробу сему предстоящихъ, и самъ сострадая, что къ утѣшенію вашему сказать теперь

могу я, несчастный проповѣдникъ! О, времена! О, правы! О, жизнь человѣческая, океанъ перемѣнъ неизмѣримый!..»

А слушатели то слушаютъ и сострадаютъ, то задумываются о себѣ...

Но вниманіе слушателей неожиданно привлекаетъ звонъ кандаловъ гдѣ-то тутъ вблизи. Это ведутъ кого-то сюда. Толпы раздвигаются, а кандалы звякаютъ все ближе и ближе, да звякаютъ такъ отчетливо по душѣ и по сердцу, что этого звяканья не можетъ заглушить протяжный, стонущій звонъ всѣхъ московскихъ колоколовъ...

Это ведутъ колодниковъ въ цѣпяхъ, проститься съ тѣмъ, кого они убили въ своемъ темномъ невѣдѣніи. Но какъ они всѣ измѣнились! Вонъ впереди всѣхъ гремитъ лошадиными желѣзными путами Савелій Бяковъ. Куда дѣвалась его длинная сѣдая коса? Вмѣсто нея—бѣлая, какъ лунь, гладко обстриженная голова. Остался одинъ его гигантскій ростъ, да и то видна уже старческая сгорбленность. За нимъ въ кандалахъ Васька-дворовый, что еще не такъ, казалось бы, давно вприсядку плясалъ, идя на приступъ къ Кремлю, и онъ постарѣлъ. И Илюша-чудовидецъ сгорбился, погромыхивая желѣзомъ.

Тутъ же гремитъ кандалами и рыжій съ красными бровями солдатъ. Какъ мало теперь напоминаетъ онъ того, который, подсмѣиваясь надъ хохломъ Забродею, копалъ могилу молодому сержантику на берегу Прута!

Увидѣли его и веселый докторъ, и Лариса съ Настей, и у каждаго на лицѣ выразилась тоска и за него, и за себя, и по сердцу каждаго прошло острое что-то: это воспоминанія...

И онъ увидѣлъ ихъ, увидѣлъ добраго «Христосъ Христосыча», да такъ и хотѣлъ бы вскрикнуть: «ваше благородіе! Я не убивалъ его... никого не убивалъ!.» Но онъ молчитъ, только губы его судорожно дрожатъ, тѣмъ болѣе, что онъ слышитъ что-то очень для него горькое: онъ слышитъ, какъ за оградой воетъ собаченка, это Маланья воетъ, неутѣшно воетъ, и такъ и надрываетъ свое глупое, но доброе собачье сердце...

Приводятъ и другихъ колодниковъ, становятъ у могилъ, въ виду обоихъ тробовъ.

И проповѣдникъ обращается къ нимъ съ своимъ глубоко-правдивымъ по чувству, но не по существу укоромъ.

— О, безчеловѣчныя души!—продолжалъ проповѣдникъ свое

слово, протягивая руки къ колодникамъ.—Послушайте гласа вашего пастыря, изъ гроба со умиленіемъ къ вамъ вопіющаго...

И онъ указалъ рукою на первый гробъ. Арестанты невольно взглянули на него. Гигантъ-солдатъ глянулъ и въ ближнюю могилу и потупилъ глаза, а рыжій перекрестился, звонко звеня ручными кандалами. Глаза веселаго доктора тоскливо глянули на него.

— Людіе паствы моея!—взываетъ сей во гробѣ лежащій.— Людіе паствы моея! Что сотворихъ вамъ, яко тако ожесточиста на мя сердца ваша? Сего ли я отъ васъ ожидалъ воздаянія?

Изъ-подъ красныхъ бровей текли слезы и разбивались въ мелкія брызги о желѣзныя кольца наручней.

— Людіе паствы моея! Что сотворихъ вамъ? Я васъ любилъ, а вы мнѣ отвѣтствовали ненавистію и злобою. Я полагалъ за васъ душу свою, и вы дреколіемъ выбили ее изъ моего бреннаго тѣла... Людіе паствы моея! Что сотворихъ вамъ?..

Не изъ-подъ однѣхъ красныхъ бровей льются слезы, а уже много рукъ поднимается къ глазамъ, чтобы закрыться и плакать. И веселый докторъ смахиваетъ слезу съ круглой, уже не лоснящейся щеки.

— Людіе паствы моея! Что сотворихъ вамъ? Я старался освобождать васъ отъ оковъ заблужденій, а вы низринули меня въ оковы смертныя. Я созидалъ для васъ храмы, а вы мнѣ сей тѣсный храмъ сколотили, гробъ мой темный... Людіе паствы моея! Что сотворихъ вамъ?..

— О!—стонетъ краснобровый солдатъ, закрывая лицо скованными руками.

— О, Боже! Прости ихъ!—слышатся рыданья въ толпѣ.

А неумолимый проповѣдникъ продолжаетъ:

— Людіе паствы моея! Что сотворихъ вамъ? Я прилагалъ заботы о сохраненіи отъ бича Божія жизни вашей, а вы у меня мою старческую жизнь отняли мучительски... Или вы не слышите доселѣ въ глубинѣ сердецъ вашихъ, какъ влекомая за власы сѣдая голова моя колотится о помостъ церковный, который былъ, ради вашего спасенія, весь облитъ моими слезами? Али не слышится вамъ, какъ старыя кости мои, ломимыя дреколіемъ вашимъ, хрустятъ въ смертныхъ мученіяхъ? За что же? Что сотворилъ я вамъ, людіе паствы моея?..

— О... будетъ!—рыдаетъ кто-то позади толпы.

Даже гигантъ сѣдой не выдерживаетъ: падаетъ на колѣни...

А тамъ еще за оградой эта собаченка воетъ... Чего ей нужно! Да какъ же, она остается сиротою, и у нея никого и ничего больше нѣту, кромѣ воспоминаній.

Наконецъ, нагробное слово кончено... Всѣ вздохнули: такъ мучительно долго раздавался этотъ возгласъ, словно бы въ самомъ дѣлѣ изъ гроба: «Людіе паствы моея! Что сотворихъ вамъ?»

Стоящій рядомъ съ проповѣдникомъ протодіаконъ возглашаетъ:

— Блаженныя и вѣчно достойныя памяти преосвященному Амвросію, новоубіенному архіепископу московскому и калужскому вѣчная память!

— Вѣчная память!—повторяютъ всѣ вмѣстѣ съ клиромъ.

— Блаженныя памяти преосвященнаго Амвросія, архіепископа московскаго и калужскаго злочестивымъ убійцамъ анаѳема!—вновь возглашаетъ протодіаконъ.

— Анаѳема-анаѳема-а-на-ѳе-ма!—повторяетъ клиръ.

А тѣ, которыхъ анаѳематствуютъ, стоятъ, безпомощно опустивъ головы... Даже Васька-дворовый, малый не особенно податливый, и тотъ тоскливо думалъ: «ужъ лучше бы кнутомъ выпороли на кобылѣ, али бы повѣсили, какъ собаку на осинѣ, чѣмъ экую муку терпѣть».

Преступниковъ уводятъ. Сивоголовый великанъ, уходя, еще разъ заглянулъ въ глубь могилы... любопытно!

Гробы опустили въ могилы. Застучали комья земли о крышки, уже заколоченныя... А слышутъ ли тѣ, что тамъ лежатъ подъ гробовыми крышками, этотъ стукъ земли?..

Когда преступниковъ вывели за ограду, къ одному изъ нихъ, къ краснобровому, съ безумною радостью бросилась собаченка. Несчастный взялъ ее на руки и цѣловалъ, а она, тихо визжа, лизала наручники кандаловъ...

Орловъ, все время стоявшій задумчиво, бросилъ и свою горсть земли въ могилу, а потомъ, увидавъ веселаго доктора, подозвалъ его къ себѣ.

— Ну, что, господинъ докторъ, какъ стоятъ дѣла въ городѣ? Что моръ?

— Моръ издыхаетъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ докторъ, думая о чемъ-то.

— Это вѣрно?

— Вѣрно-съ... Пуля уже на излетѣ, она не смертельна.

— Что же намъ остается еще сдѣлать?—спросилъ Орловъ послѣ небольшого раздумья.

— Вашимъ сіятельствомъ сдѣлано уже многое, но все еще главное не сдѣлано,—спокойно отвѣчалъ докторъ.

— Что же такое?—торопливо спросилъ Орловъ.

— Надо накормить всѣхъ голодныхъ: это труднѣе всего.

Орловъ задумался. Толпы стали расходиться. У ограды и у воротъ стояли тысячи оборванныхъ, полунагихъ, съ худыми лицами и протягивали руки...

— Видите, ваше сіятельство? — докторъ указалъ на эти толпы голодныхъ.

— А что же?—озабоченно спросилъ графъ.

— Это моръ протягиваетъ руку за кускомъ... Если онъ не получитъ куска, то возьметъ самого человѣка, и того, который проситъ, и того, который не даетъ...

— Спасибо, господинъ докторъ... Мы еще съ вами поговоримъ.

И Орловъ оставилъ кладбище.

Пробираясь къ выходу, веселый докторъ столкнулся съ Ларисой и Настей.

— Что же, Крестьянъ Крестьянычъ, когда же?—спросила первая.

— Что, милая дѣвочка?

— Да туда... въ Турцію...

— Погодите, погодите, милыя барышни... Еще здѣсь дѣло есть... А тамъ и въ дорогу.

Прошли сорочины послѣ похоронъ Амвросія.

Всю ночь на 21-е ноября 1771 года жившіе около Донского монастыря москвичи и обитатели самаго монастыря слышали стукъ топоровъ гдѣ-то вблизи монастырской ограды и покрикиванья рабочихъ.

— Эй, паря! Крѣпи больше эту верею-то верешюшку.

— Крѣплю! Что орешь! Самъ знаю, что дядя Савелій крѣпенекъ-таки, того и гляди, обломитъ люльку-ту свою.

— Ишь ты п о к о и какіе написали знатные! Два столба съ перекладиной, вотъ и п о к о й...

— А тебѣ бы а р ц ы, аспиду, самому поставить!

— За што такъ?

— За то, аспидъ!

— Что-жъ! Сказывали ребята, въ Питерѣ, слышь, арцами теперь висѣлицы-то ставить учали; одинъ, слышь, столбъ, а отъ ево лапа идетъ, бревно, значитъ, на лапу-то и вѣшаютъ.

— Такъ не а р ц ы это, а г л а г о л ь.

— Ну, г л а г о л ь, все едино висѣлица... А рази только троихъ вѣшать будутъ?

— Троихъ, чу.

— А ты кобылу-ту крѣпче ладь: на ей пороть будутъ.

— Знаю... Страивали и кобылъ не мало: Москва-то матушка на ихъ ѣзжала довольно.

— А веревки-то крѣпки къ висѣлицамъ?

— Крѣпки, не сорвутся, а и сорвутся, такъ на земь же упадутъ, не на небо.

— То-то... а то въ шею накладутъ...

— Что-жъ! Побьютъ, не возъ навьютъ...

А на утро оказалось, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ Амвросій, возвышаются три огромныя висѣлицы съ эшафотомъ, а кругомъ нихъ нѣсколько «кобылъ», эдакія оригинальныя и удобныя приспособленія для сѣченія кнутомъ: осѣдлаетъ эту деревянную кобылку осужденный, привяжутъ его ремнями къ этой лошадкѣ спиною кверху, да и стегаютъ до мяса да до самой кости становой... Ишь какъ ловко выдумали! А допрежъ было проще, на-чистоту: выведутъ это человѣка на базаръ, гдѣ народу больше, да опрокинутъ это сани какія ни на есть кверху полозьями, вотъ-те и готова кобыла! И пишутъ спины.

Москвичей навалило на это позорище видимо-невидимо: не всѣхъ, стало быть, взяла чума на тотъ свѣтъ, есть кому посмотрѣть на тѣхъ, кого вѣшать да кнутовать будутъ. Эко торжище!

Скоро заслышали и стукъ барабановъ и бряцанье кандаловъ, такое бряцанье, словно бы гнали табунъ скованныхъ коней. Да и былъ ихъ, точно, цѣлый табунъ: не одну сотню нагнали скованныхъ.

Въ числѣ первыхъ старые наши знакомые: дядя Савелій съ сѣдою головою и уже съ сѣдою бородою, Васька-дворовый, Плюша-чудовидецъ, да краснобровый солдатъ, да только уже не рыжій, а тоже сѣдой... А другихъ и перечесть нельзя, кажется.

Тутъ и собаченка, Малашья, веселая такая, рѣзвая... Она

увидала своего любимца красноброваго и знаетъ, что онъ и сегодня возьметъ ее послѣ на руки и поцѣлуетъ...

Конвойные солдаты съ сухимъ подъячимъ во главѣ поставили подъ висѣлицы четырехъ арестантовъ, въ томъ числѣ и красноброваго солдата.

Собачкѣ и видно его хорошо впереди всѣхъ, она и хочетъ броситься къ нему, но конвойные солдаты не пускаютъ ее, а только улыбаются ей: они тоже полюбили ее, Маланью. Маланья цѣлыхъ два мѣсяца не отходила отъ острога, гдѣ сидѣлъ ея любимецъ, какъ ни старались отгонять ее часовые... Сначала она выла, ее били да швыряли въ нее; а она все тутъ торчитъ. Потомъ имъ стало ее жаль, и они посвистывали ей издали, заигрывали съ нею. А она тоже ничего. Дальше-больше—и совсѣмъ полюбили ее, какъ свою родную: дѣлились съ нею и порціонами, и ласками, а когда холода настали, то и прятали ее въ свои тулупы, потому: псица-де махонькая, безобидная. Ну, и совсѣмъ друзьями зажили солдатики съ доброю Маланьею.

— Какъ же это, паря, ихъ четыре, а висѣлицъ всего три?

— А какъ! Начальство ужъ само знаетъ какъ: двухъ на одну вздернутъ.

— То-то и я мекаю себѣ: какъ же это?

Бьютъ барабаны, читаютъ приговоръ, приводятъ статьи законовъ.

«...разбойниковъ, которые учинили смертное убивство, наказывать смертію»...

— Ишь ты, смертію...

— А ты какъ бы думалъ, животомъ!

«...всякое возмущеніе и упрямство безо всякой милости имѣетъ быть висѣлицею наказано»...

«...кто на людей на пути и на улицахъ вооруженной рукою нападетъ и оныхъ силою пограбитъ или побьетъ, поранитъ и умертвитъ, онаго колесовать и на колесо тѣло положить»...

Прочитали приговоръ. Завязываютъ глаза четыремъ главнымъ, въ томъ числѣ и краснобровому, не видать больше красныхъ бровей! Собачка такъ и запрыгала отъ радости, когда увидала, что ея любимцу завязываютъ глаза: играютъ, значитъ, съ нимъ въ жмурки, какъ вонъ, она видала, солдаты, бывало, въ полку игрывали... Одному это завяжутъ глаза, а другіе бѣгаютъ

отъ него, а онъ ихъ ловитъ, растопыривъ руки, а Малапья за нимъ бѣгаетъ, лаетъ, хватаетъ его за штаны, весело такъ! А онъ хвать! И поймалъ Малапью... Веселье на всю роту!.. «И теперь онъ меня поймаетъ»,—думаетъ глупая собаченка:—«я нарочно ему дамся»...

Но что-жъ это съ ними дѣлаютъ?—удивляется собаченка.— Они, тѣ, что съ завязанными глазами, не бѣгаютъ за солдатами, растопыривъ руки, не ловятъ ихъ, а стоятъ... Имъ на шею надѣваютъ веревки и ждутъ чего-то... Что-жъ это такое! Когда же жмурки начнутся?

А вонъ сухой подъячій подходитъ къ Васькѣ и къ краснобровому и подноситъ къ нимъ шапку... Вотъ смѣшно!

— Вымай жребій!—кричитъ онъ Васькѣ.

Васька суетъ руку мимо шапки, глаза-то завязаны, такъ не видать, а потомъ и въ шапку и вынимаетъ изъ шапки какую-то маленькую бумажку. Подъячій беретъ ее.

— Пустой!—громко кричитъ подъячій и подноситъ краснобровому... Тотъ тоже суетъ руку въ шапку... дрожитъ рука и чего она дрожитъ? Вѣдь, сейчасъ жмурки начнутся, весело будетъ...

И краснобровый вынимаетъ бумажку.

— Пустой!—опять кричитъ подъячій.

Что за прорва! Что они дѣлаютъ? Вотъ выдумали игру!— думается собаченкѣ, и она глазъ не сводитъ съ этой новой игры, и такъ бойко, весело мелетъ ея хвостъ въ воздухѣ.

— По второму жеребью! — кричитъ другой подъячій толстый.

Опять подносятъ шапку къ Васькѣ .Опять Васька вынимаетъ бумажку.

— Повѣсить!—кричитъ подъячій.

Собаченка вздрагиваетъ. Ужъ не ее ли повѣсить? Вѣдь, она слышала, что вѣшаютъ только собакъ...

Но вздрагиваетъ и Васька и опускаетъ руки и голову. Ему на шею тоже надѣваютъ веревку. Что жъ дальше будетъ? Вотъ смѣшная игра!

Подъячій опять подноситъ шапку къ краснобровому. Тотъ опять вынимаетъ бумажку.

— Въ Рогервикъ сослать!—кричитъ подъячій и развязываетъ краснобровому глаза.

«Что-жъ это такое? Онъ не будетъ бѣгать въ жмурки? Н поймаетъ меня?»—печалуется собаченка.

А вотъ что-то опять кричатъ, и, вмѣсто жмурокъ, тѣ, что съ завязанными глазами, уже висятъ на воздухѣ и болтаютъ ногами, только арестантскіе коты стучатъ другъ о дружку... «Что же это такое?»—недоумѣваетъ собаченка.

А тамъ другихъ начали класть на какіе-то подмостки и сѣчь большими, толстыми, трехвостными ремнями; тѣ кричатъ:

— Охъ, батюшки! Православные, простите! Ой, охъ, ой!

А тутъ этимъ ноздри рвутъ щипцами... кровь... крики...

Весна 1772 года. По дорогѣ къ Рогервику плетется партія арестантовъ, погромыхивая кандалами. Всѣ, и арестанты съ вырванными ноздрями, и конвойные, идутъ вперемежду, разговариваютъ, шутятъ, смѣются...

Чего-жъ не смѣяться! Все равно всѣмъ жить скверно да и недолго...

Впереди партіи бѣжитъ собаченка, веселая такая, довольная, хвостъ бубликомъ...

— Маланья, да Маланья, такъ за Маланью и пошла.

— И въ Турціи, баишь, была?

— Была... Подъ Кагуломъ на штурму съ нами ходила, на самово турецкаго везиря лаяла.

— Ишь ты, занятная... А давно у васъ?

— Съ самой турецкой земли... такъ подъ заборомъ солдатики подняли щенка... жалко стало, все же оно твореніе...

— Знамо, твореніе, жалко... И въ Москвѣ была?

— И въ Москвѣ, и въ карантеяхъ бывывала, и моръ мы съ ей на Москвѣ перебыли... Ужъ и времечко же было—и-и! И не приведи Богъ, а особливо, какъ мы за Богородицу шли... А вонъ, что вышло!

— Что-жъ! Таперь на Бога поработаете—зачтется вамъ...

— Такъ-то такъ, а все бы семью повидать хотѣлось...

— Оно не што, да и намъ не лучше...

Одной Маланьѣ весело: радостно поглядываетъ она на своего краснобровато любимца, и тому на сердцѣ легче дѣлается... Скоро Рогервикъ, говорятъ... Маланья и Рогервикъ увидитъ, видала она и Кагулъ, и Яссы, и Хотинъ, и Кіевъ, и Москву, а тутъ и Рогервикъ... Вотъ веселье... Только изрѣдка она вспоминаетъ

высокаго, добраго хохла, что иногда носилъ ее за пазухой. Куда онъ сгинулъ?..

Въ тотъ же день, далеко, очень далеко отъ Рогервика, именно въ Кіевѣ, по Крещатику, звеня валдайскимъ колоколомъ подъ дугою, бѣжала ямская тройка, впряженная въ крытую дорожную брику. По пыли, густымъ слоемъ насѣвшей на кузовѣ брики, можно было видѣть, что не одну сотню верстъ проколесила она по неизмѣримымъ и неисходимымъ трактамъ матушки Россіи.

У одного изъ перекрестковъ тройка должна была нѣсколько пріостановиться, потому что самою серединою улицы проходила, непріятно звякая кандалами, партія арестантовъ...

Арестанты препровождались тогда сворами, навязанные на длинные канаты. Въ передней сворѣ выдавалась атлетическая фигура одного арестанта, смуглаго, красиваго, съ выбритою до половины головою.

Изъ дорожной брики выглядывали два женскихъ лица. Это были Лариса и Настя. Въ той же брикѣ, противъ нихъ, помѣщалась кругленькая фигурка мужчины. Это былъ веселый докторъ.

При видѣ атлета-арестанта у веселаго доктора невольно вырвался крикъ сожалѣнія. Наскоро порывшись въ карманѣ, онъ ловко бросилъ червонецъ прямо къ ногамъ атлета... Атлетъ глянулъ на брику, узналъ того, кто ему бросилъ червонецъ, перекрестился, еще взглянулъ на доброе лицо добраго человѣка и безнадежно махнулъ рукой... Вотъ тебѣ и «хатка», вотъ тебѣ и «вишневый садочекъ!»

Партія прошла далѣе... Но докторъ не могъ не замѣтить, что рядомъ съ первою сворою арестантовъ шла высокая, красивая, съ огромною черною косою дѣвушка и плакала...

— Бѣдная Горпина!—сказалъ какъ бы про себя докторъ; а потомъ, обращаясь къ конвойному солдату, спросилъ:—Куда, служба, гонятъ ихъ?

— У Сибирь,—былъ отвѣтъ.

— Бѣдная, бѣдная Горпина!—повторилъ докторъ.

— Кто это, Крестьянъ Крестьянычъ?—спросила Лариса съ горестнымъ участіемъ.

— Да все невинныя дѣти, какъ и вы, милыя дѣвочки,—съ горькою улыбкою отвѣчалъ веселый докторъ, — не тамъ, такъ

здѣсь, не такъ, такъ эдакъ—придетъ наносная бѣда, перемелетъ въ муку человѣка—и пѣту его... Гдѣ?—спросишь:—куда пропалъ человѣкъ?—«У Сибирь»... И у всякаго-то, милыя дѣвочки, есть своя проклятая «Сибирь».

— И своя Турція, — тихо, многознаменательно добавила Лариса.

— А когда ихъ не будетъ?—спросила Настя, которая думала въ это время о «сѣницахъ».

— Когда? Эхъ, бѣляночка! Не скоро... когда люди поумнѣютъ...

КОНЕЦЪ.

АВАНТЮРИСТЫ.

Историческая повѣсть времени царствованія Екатерины II

I. Донось.

Лѣтомъ 1783 года князь Потемкинъ, слѣдуя изъ Петербурга въ только что пріобрѣтенный отъ Турціи Крымъ, заѣхалъ въ гости къ Зоричу, бывшему фавориту «Семирамиды Сѣвера», въ знаменитый Шкловъ, подаренный ему императрицею.

Зоричъ съ величайшими почестями принялъ могущественнаго временщика въ своемъ роскошномъ дворцѣ, въ которомъ три года тому назадъ онъ принималъ коронованныхъ гостей, императрицу Екатерину Алексѣевну и австрійскаго императора Іосифа II. Потемкинъ, для котораго Зоричъ уже перестадъ быть соперникомъ, своею любезностью старался показать, что все прошлое забыто.

Высокому гостю отведены были тѣ именно комнаты, въ которыхъ останавливалась Екатерина, и онъ скоро отправился на свою половину, чтобы отдохнуть съ дороги послѣ представленія мѣстныхъ властей. Видъ изъ отведенныхъ ему аппартаментовъ былъ великолѣпный: подъ горою, на которой стоялъ дворецъ, протекалъ Днѣпръ, широкою лентою разстилавшійся вправо и влѣво и исчезавшій за далекими гористыми берегами; за Днѣпромъ темнѣлъ зеленый боръ, и дымчатая даль терялась въ безконечности. Во всемъ ландшафтѣ было что-то тихое, успокаивающее.

— Нѣтъ, мнѣ бы этого не довольно было послѣ всего того, что было,—какъ бы про себя сказалъ князь, задумчиво стоя у окна.—А можетъ, онъ ждетъ еще, надѣется... Напрасно! Я знаю ее: вонъ съ глазъ, вонъ изъ сердца... Орловъ, Понятовскій, Зоричъ и другіе давно забыты... Одинъ я держусь.

Онъ отошелъ отъ окна и хотѣлъ позвонить, какъ въ комнату вошелъ дежурный адъютантъ.

— Ты что?—спросилъ князь.

— Какой-то еврей проситъ аудіенціи у вашей свѣтлости,— отвѣчалъ адъютантъ.

— Что ему нужно?

— Не говоритъ, ваша свѣтлость.

— Такъ прогнать его, если не хочетъ сказать.

— Онъ говоритъ, что имѣетъ сообщить, и только лично вашей свѣтлости, величайшую тайну государственной важности, говоритъ.

— Какую-нибудь кляузу.

— Не могу знать, ваша свѣтлость... Клапяется и дрожитъ весь.

— Ну, пусть войдетъ.

Адъютантъ вышелъ, а черезъ минуту въ дверяхъ показался старый еврей съ длинными пейсами. Онъ робко поклонился чуть не до земли и, словно по горячимъ угольямъ, сдѣлалъ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ.

— Ты что хотѣлъ сообщить мнѣ?—спросилъ князь.

Еврей вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ, торопливо пошарилъ въ немъ и дрожащими руками подалъ князю сторублевую ассигнацію.

— Что это?—спросилъ Потемкинъ, брезгливо отстраняясь отъ бумажки.

— Ассигнація, ваша пресвѣтлость.

— Что жъ изъ того, что ассигнація?

— А узнаетъ ваша свѣтлость, настоящая она или фальшивая?

Потемкинъ взялъ бумажку и сталъ ее внимательно разсматривать.

— Это настоящая,—сказалъ онъ, наконецъ,—вотъ и подписи сенаторовъ, и знаки.

Еврей болѣе смѣлыми шагами подошелъ къ князю.

— Ну, что же тутъ?—спросилъ послѣдній.—Покажи, гдѣ фальшь?

— Изволь, ваша пресвѣтлость, прочесть слово «ассигнація».

Потемкинъ поднесъ бумажку къ глазамъ.

— Ну, что жъ! Ясно напечатано: «ассигнація».

Еврей лукаво улыбнулся и смѣло посмотрѣлъ въ глаза всесильному вельможѣ: онъ понялъ, что заинтересовалъ его таинственностью.

— И мнѣ казалось, что ясно, ваша пресвѣтлость,—улыбнулся еврей,—а вотъ на тысячу серебряныхъ карбованцевъ меня и раззорили на этихъ бумажкахъ.

— Гдѣ же фальшь?—уже нетерпѣливо спросилъ Потемкинъ.

— А въ томъ фальшь, ваша пресвѣтлость, что здѣсь напечатано не а с с и г н а ц і я, а а с с и г и а ц і я.

— Какъ, а с с и г н а ц і я?

— Такъ точно, ваша пресвѣтлость, замѣсто н а ш ъ напечатано и ж е.

Князь снова сталъ разсматривать бумажку.

— И точно, я самъ теперь вижу,—сказалъ онъ, разсматривая бумажку на свѣтъ.

Онъ подошелъ къ столу, раскрылъ лежащій на немъ портфель и досталъ оттуда другую сторублевую бумажку. Сравнивъ ее съ принесенною евреемъ, онъ сказалъ:

— Да, теперь я все вижу: моя настоящая, а твоя фальшивая: на моей не и ж е, а н а ш ъ... Гдѣ ты ее взялъ?

— А здѣсь, ваша пресвѣтлость, въ замкѣ.

— Какъ? У Зорича?—и по лицу Потемкина скользнулъ не то свѣтъ, не то тѣнь.

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, не у господина генерала Семена Гавриловича, а у его карлы... Если вашей свѣтлости вгодно, я вамъ черезъ полчаса принесу нѣсколько тысячъ.

Потемкинъ быстро заходилъ по комнатѣ.

— Кто же ихъ дѣлаетъ?—спросилъ онъ, остановившись передъ евреемъ.

— Еслибъ бѣдный еврей зналъ кто, онъ бы сейчасъ доложилъ вашей пресвѣтлости.

— Такъ кто же ихъ пускаетъ въ обращеніе?

— А пускаетъ ихъ, ваша свѣтлость, камердинеръ его сіятельства, графа Заповича, и карлы его превосходительства, генерала Зорича.

Потемкинъ опять заходилъ по комнатѣ. Еврей не спускалъ глазъ съ его мужественной фигуры.

— Хорошо, посмотримъ,—сказалъ какъ бы про себя князь.

Онъ подошелъ къ столу, открылъ стоявшую на немъ шкатулку и вынулъ изъ нея горсть золота. Затѣмъ онъ сложилъ изъ него на столѣ нѣсколько колонокъ.

— Возьми это. Тутъ ровно тысяча,—сказалъ онъ еврею, внимательно слѣдившему за складываніемъ золотыхъ колонокъ.—Промѣняй ихъ на фальшивыя ассигнаціи и завтра же привези ихъ ко мнѣ въ Дубровну. Знаешь?

— Знаю, ваша пресвѣтлость.

— Бери же.

Къ еврею снова воротилась робость. Онъ, словно бы крадучись, боязливо подошелъ къ столу, нагнулся къ золотымъ колоннкамъ, точно хотѣлъ ихъ понюхать или полизать, опытнымъ глазомъ пересчиталъ червонцы, досталъ изъ кармана кожаную сумку, и колонку за колонкой, осторожно, безъ всякаго звону, переложилъ золото въ свою мошну.

— Ступай же. Завтра я жду тебя въ Дубровнѣ,—сказалъ Потемкинъ, когда еврей бережно положилъ мошну въ карманъ.— Смотри же, никому ни слова!

— Слушаю, ваша пресвѣтлость.

— Иди же.

Еврей хотѣлъ поцѣловать край княжескаго кафтана, но Потемкинъ быстро отошелъ.

— Не надо.

Еврей низко поклонился и подвинулся къ двери, не оборачиваясь къ ней лицомъ.

— Постой! Какъ тебя зовутъ?

— Берхомъ Изаксономъ, ваша пресвѣтлость.

— Хорошо. Ступай.

Еврей беззвучно выскользнулъ за дверь, точно воръ, и такъ же беззвучно притворилъ ее. Потемкинъ остался одинъ. Открытіе, сдѣланное евреемъ, поразило его.

— Такъ вотъ откуда эти новые дворцы, эта царственная роскошь! Со всего свѣта стекаются сюда ласкатели и прихлебатели, да еще какіе! Графы, князья, дѣти султановъ... Графы Зановичи, друзья и пріятели Казановы, Вольтера и Даламбера... А этотъ князь Изанъ-бей? Онъ султановъ племянникъ, а живетъ на хлѣбахъ у Зорича, какъ и эти же Зановичи...

— Вотъ порадую матушку императрицу!.. Бывшій ея фаворитъ и мой совмѣстникъ—фальшивый монетчикъ!.. Да полно,

опъ ли? Надо это дѣло хорошенько разслѣдовать... Ужъ не Заповичи ли это? Они теплые ребята: недаромъ, говорятъ, въ Венеціи за ихъ жульничество публично, черезъ палача, повѣшены были ихъ портреты, когда они сами поторопились улизнуть изъ рукъ правосудія... То-то обрадую матушку императрицу... Хорошъ паренекъ!..

Потемкинъ нетерпѣливо грызъ ногти, что было признакомъ волненія.

— Но какъ же это сдѣлать? Подумаютъ, что я изъ ревности хочу упечь своего совмѣстника... Нѣтъ, надо это осторожно обдѣлать, да по горячимъ слѣдамъ ловить звѣря... Нуженъ обыскъ, а при мнѣ это дѣлать неудобно: за гостепріимство да обыскъ!.. Надо уѣхать осторожнѣе отсюда, но какъ? Какую причину показать? А уѣхать безпричинно, подозрѣніе возбудишь, тогда и концы въ воду спрячутъ...

Онъ заходилъ по комнатѣ. Невозможность найти причину немедленнаго отъѣзда бѣсила его. Наконецъ, онъ рѣшился и позвонилъ. Вошелъ адъютантъ.

— Я сейчасъ долженъ оставить Шкловъ,—сказалъ Потемкинъ, продолжая ходить по комнатѣ,—распорядись насчетъ лошадей.

— Слушаю, ваша свѣтлость,—былъ отвѣтъ.

— Только не на могилевскій трактъ, а на смоленскій,—пояснилъ святѣйшій.

Адъютантъ выразилъ безмолвное удивленіе.

— Я ѣду на нѣсколько дней къ себѣ, въ Дубровну,—отвѣчалъ князь на безмолвный вопросъ адъютанта,—мнѣ сегодня нездоровится, и я бы былъ плохимъ гостемъ у нашего хлѣбосольнаго хозяина... Пойди, поблагодари его за гостепріимство и извинись за меня.

— Слушаю-съ.

— Да скажи генералу, что, какъ только я получу облегченіе отъ болѣзни, я пріѣду къ нему тотчасъ, а ужъ отъ него проѣду въ Крымъ.

Черезъ полчаса шестерка лучшихъ коней Зорича мчала всесильнаго временщика по дорогѣ къ Дубровнѣ, по тракту на Смоленскъ. За нимъ скакалъ губернаторъ и другія власти, не понимая въ чемъ дѣло, но вполнѣ увѣренные, что любимцу

императрицы пришла какая-нибудь блажь въ голову... Но какая, это никто не зналъ, хотя каждый трепсталъ за свою шкуру.

II. Фальшивыя ассигнаціи.

На другой день въ пріемной залѣ потемкинскаго дома въ Дубровнѣ мѣстныя власти ожидали выхода князя. Былъ тутъ и могилевскій губернаторъ, Николай Богдановичъ Энгельгардтъ, и предводитель дворянства, и нѣкоторые изъ помѣщиковъ.

Въ это время къ крыльцу подъѣхала почтовая телѣга тройкой, и изъ нея вышелъ знакомый уже намъ еврей, Берко Изаксонъ, весь въ пыли. Торопливо отряхнувъ въ себя пыль, онъ взошелъ на крыльцо мимо стоявшихъ тамъ часовыхъ и смѣло вступилъ въ пріемную. Адъютантъ узналъ его.

— А! Берко! И ты къ его свѣтлости?—обратился къ нему губернаторъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— А отчего не ко мнѣ? Вѣдь, я твой губернаторъ

Еврей нѣсколько замялся.

— Извините, ваше превосходительство... Я до самихъ, до свѣтлѣйшаго... У меня государственной важности дѣло... Сами ихъ пресвѣтлость знаютъ...

— А-а!—протянулъ губернаторъ.

— Онъ и вчера былъ у свѣтлѣйшаго,—пояснилъ адъютантъ.—Доложить?—спросилъ онъ еврея.

— Прошу пана... Прошу, ваше превосходительство...

Адъютантъ прошелъ въ кабинетъ и черезъ минуту воротился.

— Его свѣтлость ждетъ,—обратился онъ къ еврею.

Когда Изаксонъ вошелъ въ кабинетъ, то увидѣлъ, что Потемкинъ лежитъ на диванѣ и разсматриваетъ большую карту, растянутую у дивана на полу. То была карта Крыма и Чернаго моря.

Еврей низко поклонился.

— Ну, что, досталъ?—спросилъ Потемкинъ.

— Досталъ, ваша свѣтлость.

— А сколько?

— О, много, очень много.

И еврей, вынувъ изъ-за пазухи толстую пачку, обернутую бумагой, досталъ изъ нея свертокъ сторублевыхъ ассигнацій и робко поднесъ ихъ къ князю.

— А! Все новенькія...

— Прямо съ завода, ваша пресвѣтлость.

— Хорошо, положи на столъ.

Еврей исполнилъ приказаніе и остановился въ нерѣшительности.

— А дозволитъ мнѣ свѣтлѣйшій князь еще доложить?— заговорилъ онъ робко, замѣтивъ, что Потемкинъ какъ бы забылъ про деньги и весь сосредоточился на лежащей передъ нимъ на полу картѣ.

— Что?—спросилъ онъ разсѣянно.—По этому же дѣлу?

— По этому, ваша свѣтлость.

— Ну?

— Изволитъ видѣть свѣтлѣйшій князь... Сегодня ночью младшій графъ Зановичъ и учитель Салморанъ куда-то тайно уѣхали...

— Какъ? Куда?—удивился князь.

— Должно быть, въ Москву, а то и за границу... Я догадываюсь, не провѣдали ли они чего...

— Можетъ быть, ты былъ неосторожень?

— О, нѣтъ, ваша свѣтлость! Я осторожнѣе кошки. А ихъ, кажется, напугалъ отъѣздъ вашей свѣтлости.

— Такъ ты говоришь, что уѣхалъ младшій Зановичъ?

— Такъ точно, ваша пресвѣтлость, и съ нимъ Салморанъ.

— Этотъ кто жъ?

— Онъ же въ Шкловѣ учителемъ, ваша пресвѣтлость, и графамъ пріятель.

— А самъ Зоричъ въ Шкловѣ остался?

— Онъ въ Шкловѣ, ваша свѣтлость, онъ всегда въ Шкловѣ.

— Такъ ты думаешь, они въ Москву поѣхали?

— Наши такъ говорятъ, ваша свѣтлость.

— Хорошо, — сказалъ Потемкинъ, подумавъ немного, — если твой извѣтъ подтвердится, я тебя не забуду, да и всемилостивѣйшей государынѣ о твоемъ усердіи доложено будетъ. А теперь можешь итти и дожидаться особыхъ распоряженій въ Шкловѣ.

— Слушаю, ваша пресвѣтлость.

Когда еврей ушелъ, Потемкинъ велѣлъ позвать къ себѣ губернатора, который приходился ему сродни.

— Какъ же это, любезный Николай Богдановичъ, въ твоей губерніи существуетъ экспедиція государственныхъ бумагъ, а ты доселѣ не донесъ о томъ государынѣ?—спросилъ князь, приподнимаясь съ дивана.

Энгельгардтъ смотрѣлъ на него и не зналъ, что отвѣчать.

— Экспедиція, ваша свѣтлость?.. Какая экспедиція?

— Говорю какая: заготовленія государственныхъ бумагъ.

— Не понимаю, ваша свѣтлость, простите.

— У тебя въ губерніи дѣлаются ассигнаціи.

Энгельгардтъ растерялся было, но скоро оправился.

— Не можетъ быть, ваша свѣтлость!

— А вонъ, посмотри самъ,—и Потемкинъ указалъ на кипу ассигнацій, что принесъ еврей.

Энгельгардтъ взялъ ихъ въ руки и сталъ разсматривать. Лицо его прояснилось.

— Вы изволите шутить, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ весело,—это настоящія банковыя.

— Нѣтъ, не настоящія, государь мой... Есть съ тобой сторублевая?

— Помнится, есть.

— А достань да сравни.

Энгельгардтъ вынулъ бумажникъ и досталъ изъ него сторублевый билетъ.

— Вотъ такая же точно.

— А покажи, какая?—спросилъ Потемкинъ.

Энгельгардтъ подалъ.

— Э! Да и у тебя фальшивая,—засмѣялся князь,—ужъ не принадлежишь ли и ты, государь мой, къ числу фабрикантовъ?

Энгельгардтъ совсѣмъ смѣшался.

— Помилуйте, ваша свѣтлость, я всегда служилъ вѣрой и правдой ея императорскому величеству и за ея интересы готовъ голову сложить,—сказалъ онъ обиженнымъ тономъ.

— Такъ-то такъ, государь мой, а все жъ у тебя ассигнація фальшивая, такая же, какъ и всѣ эти.

— Я не знаю,—оправдывался растерявшійся губернаторъ,—это не фальшивая.

Потемкинъ досталъ изъ стола еще одну бумажку и подалъ ее губернатору.

— Вотъ настоящая,—сказалъ онъ.

Энгельгардтъ сталъ сличать.

— Какъ хотите, ваша свѣтлость, а я никакой между ними разности не нахожу,—говорилъ онъ, возвращая бумажку.

— А вотъ: на моей напечатано а с с и г н а ц і я, а на твоей а с с и г н а ц і я... Вотъ что, государь мой.

Тутъ только Энгельгардтъ понялъ, въ чемъ дѣло, и остолбенѣлъ: страшное открытіе поразило его. Онъ смекнулъ, что фальшивыми билетами наводнена вся губернія, если ужъ и у него, у губернатора, фальшивые въ карманѣ. А тутъ на столѣ цѣлая кипа. Между тѣмъ онъ, хозяинъ губерніи, ничего не знаетъ... Это позоръ. А все этотъ пархатый жидъ: не донесъ ему, а полѣзъ прямо къ свѣтлѣйшему... Это его штуки!

Въ нѣмомъ смущеніи онъ стоялъ и не зналъ, куда дѣвать глаза. Лицо его покрылось багровыми пятнами, которыя затѣмъ замѣнились мертвенною блѣдностью.

— Успокойся,—сказалъ ему Потемкинъ дружески,—еще не все потеряно... Надо только накрыть птицу въ гнѣздѣ.

— Да я не знаю, гдѣ гнѣздо, ваша свѣтлость!—смущенно проговорилъ Энгельгардтъ.

— А я знаю: въ Шкловѣ, и гнѣздо очень высоко свито,—замѣтилъ Потемкинъ.

— Ужели въ замкѣ!

— Можетъ, въ замкѣ, можетъ, около замка, только птицы эти и въ замокъ летаютъ.

— И Зоричъ знаетъ объ этомъ гнѣздѣ?

— Знаетъ, не знаетъ, а яйца изъ гнѣзда таскаетъ.

Энгельгардтъ чуть не вскрикнулъ.

— Такъ вотъ откуда у нихъ милліоны!

Потемкинъ остановилъ его.

— Вотъ что, государь мой, надо тотчасъ же разставлять силокъ и ловить птицу на гнѣздѣ,—говорилъ онъ медленно.— Лишь только я проѣду Могилевъ, то въ ту же минуту поручи уголовной палаты предсѣдателю... Кто у васъ предсѣдатель?

— Малѣевъ, ваша свѣтлость.

— Надежный человѣкъ?

— Вполнѣ надежный.

— А уменъ? Расторопенъ? Это главное.

— Человѣкъ умный... Но отчего бы не мнѣ самому?

— А оттого, государь мой, чтобъ не подумали, что въ изысканіи вины Зорича и его друзей-плутовъ я велѣлъ якобы слѣдовать Энгельгардту, моему родственнику, по моей якобы къ Зоричу непріязни.

— Понимаю... Такъ оно, дѣйствительно лучше будетъ.

— Все кончено. Только ты хорошенько внуши этому Малѣеву, чтобъ онъ въ своемъ слѣдствіи не смотрѣлъ ни на лица, ни на чины, ни на титулы.

— Понимаю... А ежели, паче чаянія, до самаго Зорича что касаться будетъ?

— Не щади и Зорича, если окажется въ подозрѣніи.

— Слушаю.

— Да отряди съ нимъ приличную команду, чтобы оцѣпить замокъ... Ты карловъ Зоричевыхъ видывалъ.

— Какъ же: кто ихъ не знаетъ!

— Они мѣняли ассигнаціи, черезъ нихъ дѣйствовала экспедиція, а еще показываютъ на камердинера Заповичева. Знаешь его?

— Знаю и его,—отвѣчалъ Энгельгардтъ,—черненькій изъ итальянцевъ, съ нимъ изъ-за границы пріѣхалъ.

— Да вотъ еще что: сегодня ночью младшій Заповичъ и какой-то тамъ учитель...

— Салморанъ?

— Да, онъ... И его знаешь?

— Знаю, ловко въ банкъ играетъ, правая рука Зорича въ сей игрѣ.

— Такъ видишь ли, государь мой, этотъ Санморталь, что ли..

— Салморанъ...

— Ну, ладно... Салморанъ и младшій Заповичъ ночью ускакали по московской дорогѣ...

— Ахъ, плуты!

— То-то, я догадываюсь, не пронюхали ли они.

— Возможно, очень возможно... Не заподозрѣли ли они чего въ вашемъ внезапномъ изъ Шклова отъѣздѣ?

— Признаюсь, и меня это безпокоитъ... Можетъ, они всѣ слѣды увезли съ собой.

— Такъ ихъ, ваша свѣтлость, можно еще настигнуть въ дорогѣ.

— И я такъ думаю... Такъ вотъ что, государь мой: пошли тотчасъ же курьера въ Москву къ главнокомандующему и проси задержать ихъ.

— Слушаю... Только я двухъ пошлю: одного, чтобъ упредилъ ихъ и донесъ главнокомандующему, а другого для надзиранія за бѣглецами.

— Ладно... Ступай же... А то они, плуты, можетъ, и инструменты для дѣланія ассигнацій захватили съ собой, а здѣсь пустое гнѣздо покинули, хоть и тепленькое, да ни пташекъ, ни яичекъ въ немъ уже нѣтъ.

— Возможно... Такъ ужъ я постараюсь... Моя оплошность, я и поправить ее долженъ, чтобы заслужить помилованіе всемилостивѣйшей государыни.

И Энгельгардтъ, раскланявшись, торопливо вышелъ.

III. Зоричъ въ Шкловѣ.

Зоричъ о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, былъ одною изъ тѣхъ падучихъ звѣздъ, какія въ царствованіе Екатерины II часто появлялись на придворномъ горизонтѣ и, пронесшись яркимъ метеоромъ, исчезали за горизонтомъ безслѣдно, оставляя лишь слѣды въ государственномъ казначействѣ да въ инвентарѣ государственныхъ имуществъ.

Симеонъ Гавриловичъ Зоричъ былъ родомъ сербъ, слѣдовательно, «братъ славянинъ», поступившій въ русскую службу изъ ненависти къ туркамъ. Турки его и вывели въ люди: онъ отличился въ первую турецкую войну, представленъ былъ ко двору и здѣсь нашелъ свое счастье... Статный, живой, съ смуглымъ лицомъ, жгучими южными глазами, онъ былъ замѣченъ... И вотъ, онъ—флигель-адъютантъ императрицы съ 8-го іюня 1777 года... Яркая звѣзда показалась; но и это была падучая звѣзда, какъ и всѣ предыдущія... Симеонъ былъ глуповатъ, а Потемкинъ хитеръ, и падучая звѣзда серба скоро скатилась съ горизонта... Ему пожаловали, при увольненіи, мѣстечко на Днѣпрѣ, Шкловъ, съ тринадцатью тысячами душъ.

И зажилъ себѣ сербъ въ своемъ Шкловѣ по-царски: тринад-

цать тысячъ душъ родимичей и кривичей кормятъ его единственную сербскую душу, есть на что пожить! Но сербской душѣ скучно быть одной. И вотъ, на зовъ его, словно бабочки на огонь, полетѣли съ разныхъ концовъ Россіи и Европы искатели приключеній, рыцари наживы и всякая темная сила.

Прежде всѣхъ пожаловалъ къ нему братецъ его по матери, такой же черномазый сербъ, по фамиліи Неранчичъ. Прежде шлялся онъ по Европѣ, прожигалъ свою молодость въ Парижѣ, сорилъ деньгами и хвастался тѣмъ, что его братецъ обрѣтается у русской императрицы «въ случаѣ». Понятно, что черезъ «случай» братца къ нему льнули такія свѣтила, какъ Даламберъ и Мармонтель, въ чаяніи щедрыхъ подачекъ отъ «Семирамиды сѣвера», которая своими подарками да лестью впрягла въ свою тріумфальную колесницу такихъ даже брыкливыхъ коней, какъ Вольтеръ и Дидро. И вотъ, протеревъ глаза своимъ денежкамъ, Неранчичъ является къ братцу въ Шкловъ. Съ нимъ являются и еще два братца, тоже «братья славяне», далматинскіе графы, Марко и Аннибалъ Зановичи. Эти молодцы также прожигали свою молодость и сорили славянскими деньгами во всѣхъ столицахъ и въ игорныхъ домахъ Европы, а когда разсорили все, то стали шулерничать и бродить отъ одного казино къ другому и добродились, наконецъ, до того, что въ Венеціи ихъ накрыли на мошенничествѣ, и при томъ очень крупномъ, но они успѣли улизнуть изъ тюрьмы, а вмѣсто нихъ венеціанская прокуратура велѣла палачу публично, на площади Марка, повѣсить ихъ портреты, подобно тому, какъ царь Петръ Алексѣевичъ приказалъ повѣсить портретъ гетмана Ивана Степановича Мазепы, да еще съ андреевской лентой черезъ плечо. Младшій Зановичъ былъ іезуитомъ раньше, оттого и вышелъ изъ него геніальный мазурикъ. Они знали множество языковъ, много читали, отлично танцовали и еще лучше владѣли шпагами и родными ятаганами. Мало того: и они, подобно Неранчичу, были въ дружбѣ съ Вольтеромъ и Даламберомъ и переписывались съ этими міровыми свѣтилами ума человѣческаго. Они были въ дружбѣ и съ такимъ же, какъ они, пройдохой и землепроходомъ—съ знаменитымъ Казановой и попали въ его «Записки». Бѣжавъ изъ Венеціи, милые братцы на время разстались. Марко скоро появился въ Потсдамѣ, называясь Стефаномъ, господаремъ албанскимъ, а Аннибалъ, подъ именемъ Придислава, началъ продол-

жать свои подвиги во Флоренціи. Въ Потсдамѣ Марко опілъ своимъ титуломъ и своимъ мнимымъ богатствомъ принца прусскаго и его супругу, которымъ онъ наговорилъ, что у него триста тысячъ червонцевъ годового дохода, и что въ его распоряженіи находится постоянная тридцатитысячная армія. Впрочемъ, слава его прежнихъ подвиговъ проникла въ газеты, и мнимаго албанскаго господаря не только изгнали изъ Потсдама, но выпроводили и изъ Берлина. Но Марко не унывалъ даже и тогда, когда прусскій король, провѣдавъ объ его продѣлкахъ почти при всѣхъ европейскихъ дворахъ, велѣлъ задержать опаснаго бродягу. Марко успѣлъ скрыться въ Голландіи. Тамъ онъ предъявилъ рекомендательное письмо венеціанскаго посланника въ Неаполѣ, и передъ нимъ открылись и салоны аристократіи, и конторы банкировъ. Послѣднія особенно были для него заманчивы. Выманивъ въ нѣсколько мѣсяцевъ у довѣрчивыхъ банкировъ болѣе 300,000 гульденовъ, онъ исчезъ съ этими деньгами, подобно сновидѣнію. Банкиры спохватились, да поздно: лови вѣтеръ въ полѣ, щуку въ морѣ. Банкиры предъявили свои претензіи къ рекомендовавшему его венеціанскому посланнику, но тотъ имъ отвѣчалъ, что рекомендательныя письма—не кредитивы, и онъ не намѣренъ платить за рекомендованнаго имъ, оказавшагося мазурикомъ. За банкировъ вступилось голландское правительство: оно предъявило искъ къ венеціанскому правительству. Венеція отвѣчала, что она платить не намѣрена за того, кого она—in effigie—публично повѣсила. Голландія усматриваетъ въ этомъ отвѣтѣ обиду и объявляетъ войну Венеціи! И только посредничество австрійскаго императора Іосифа II помирило противниковъ. А виновникъ всей этой бури, Марко, точно въ воду канулъ...

Нѣтъ, не канулъ въ воду: онъ очутился въ Шкловѣ!

Бѣжавъ изъ Голландіи съ банкирскими гульденами, онъ, разумѣется, пробрался туда, гдѣ всего легче живется всякой темной силѣ, въ Парижъ... Тамъ судьба столкнула его съ такимъ же молодцомъ, съ Неранчичемъ, и они махнули въ Шкловъ. Въ Шкловѣ же очутился и младшій Заповичъ, постыдно изгнанный изъ Флоренціи.

Вотъ кто были друзья и собутыльники Зорича.

Но этого мало. У Зорича проживала еще одна темная личность: родной племянникъ турецкаго султана!

Въ тотъ вѣкъ, въ эпоху всевозможныхъ самозванствъ, когда на всероссійскій престолъ претендовали и крестьянинъ Богомоловъ, и каторжникъ Ханинъ, и какой-то «братъ славянинъ» Степанъ Малый, когда Пугачевъ отнялъ у Екатерины почти половину царства, а разныя невѣдомыя дѣвки, въ родѣ княженъ Таракановыхъ и принцессъ Владимірскихъ, лѣзли въ сестрицы къ Пугачеву, когда кавалеры, въ родѣ Д'Эона, оказывались дѣвками, а дѣвки кавалерами, въ это время трудно было разобраться, кто самозванецъ и кто не самозванецъ.

Такой таинственный бродяга гостилъ и у Зорича, въ Шкловѣ, подъ именемъ князя Изанъ-бея, племянника падишаха.

Зоричъ познакомился съ нимъ еще въ Турціи, когда находился тамъ въ плѣну. Вся жизнь этого Изанъ-бея представлялась какою-то таинственною интригою. Говорили, что онъ—второй сынъ сестры царствовавшаго тогда султана. Онъ будто бы воспитанъ былъ тайно, подъ чужимъ именемъ, ибо, по турецкимъ якобы законамъ, сестра султана можетъ имѣть въ живыхъ только одного сына, а второго, третьяго и всѣхъ послѣдующихъ должна душить, какъ щенятъ. Но мать Изанъ-бея будто бы не задушила его, а скрыла. Когда же стали догадываться объ его происхожденіи, то мать, боясь, чтобы ея тайна не дошла до султана, тихонько отправила его въ чужіе края, гдѣ онъ и прожилъ нѣсколько лѣтъ. Но скоро деньги, которыя онъ вывезъ изъ Турціи, были прожиты, а новыхъ не присылали; тогда онъ вспомнилъ о Зоричѣ и явился къ нему въ Шкловъ.

Современникъ Зорича, Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ, сынъ упомянутаго выше губернатора Энгельгардта, въ своихъ «Запискахъ» оставилъ намъ интересныя замѣтки о самомъ Зоричѣ, о его характерѣ и жизни въ Шкловѣ.

Когда Зоричъ,—какъ выражался Энгельгардтъ,—«выбылъ изъ случая», то ему пожалованъ былъ Шкловъ съ тринадцатью тысячами душъ. «Первое употребленіе монаршей милости было то, что онъ завелъ въ Шкловѣ училище, выписалъ хорошихъ учителей: въ ономъ и я учился одинъ годъ. Впослѣдствіи сіе училище названо кадетскимъ корпусомъ, и въ немъ было до трехсотъ кадетовъ». Корпусу этому императрица дала привилегію: кончившіе въ немъ кадеты поступали въ армію офицерами.

Когда, въ 1780 году, Екатерина предприняла путешествіе въ новоприобрѣтенный отъ Польши Бѣлорусскій край, она заѣзжала къ Зоричу въ Шкловъ, гдѣ и ночевала. Бывшій фаворитъ на славу угощалъ свою коронованную гостью. Но еще торжественнѣе былъ пріемъ государыни, когда она на возвратномъ пути посѣтила своего бывшаго фаворита вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II. «Зоричъ,—говоритъ Энгельгардтъ,—къ пріѣзду ея построилъ преогромный домъ, богато убранный, выписалъ изъ Саксоніи фарфоровый сервизъ, стоившій болѣе шестидесяти тысячъ рублей. Благородные представили пантомиму на театрѣ, бывшемъ въ томъ же домѣ, съ чрезвычайными декораціями, которыхъ было до семидесяти. Сочинилъ оную, а также и музыку, костюмы и декораціи баронъ Ванжура, оставной ротмистръ австрійской службы. Императоръ его тотчасъ узналъ и объявилъ сожалѣніе, что онъ оставилъ его службу. Послѣ ужина былъ сожженъ фейерверкъ, дѣланный нѣсколько мѣсяцевъ артиллеріи генералъ-маіоромъ Петромъ Ивановичемъ Мелиссино: павильонъ изъ 50,000 ракетъ былъ достоинъ своего мастера и стоилъ чрезвычайно дорого».

«Ни одного не было барина изъ Россіи,—говоритъ Энгельгардтъ въ другомъ мѣстѣ,—который бы такъ жилъ, какъ Зоричъ. Шкловъ былъ наполненъ живущими людьми всякаго рода, званія и націй; многіе были родственники и прежніе сослуживцы Зорича, когда онъ служилъ майоромъ въ гусарскомъ полку, и жили на его совершенномъ иждивеніи; затѣмъ отставные штабъ и оберъ-офицеры, не имѣющіе пріюта, игроки, авантюристы всякаго рода, иностранцы: французы, итальянцы, нѣмцы, сербы, греки, молдаване, турки, словомъ, всякій сбродъ и побродяги. Всѣхъ онъ ласково принималъ, столъ былъ для всѣхъ открытъ. Единственно для веселья съѣзжалось изъ Петербурга, Москвы и разныхъ губерній лучшее дворянство къ 1-му сентября, дню его именинъ, на ярмарки два раза въ годъ, и тогда праздновали недѣли по двѣ и болѣе. Въ одинъ разъ было три рода благородныхъ спектакля; между прочимъ, французскія оперы играли княгиня К. А. Долгорукая, генералъ-поручица графиня Мелина и прочія соотвѣтствующія симъ двумъ особамъ дамы и кавалеры; по-русски трагедіи и комедіи—князь П. Б. Мещерскій съ женою и прочіе; балетъ танцовалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами и другими; польская труппа была у него соб-

ственная. Тутъ бывали балы, маскарады, карусели, фейерверки; иногда его кадеты дѣлали военныя эволюціи, предпринимали катанія въ шлюпкахъ на водѣ. Словомъ, нѣтъ забавъ, которыми бы къ себѣ хозяинъ не приманивалъ гостей, и много отъ него наживались игрою»...

Вотъ какъ бывшему фавориту жилось въ Шкловѣ на счетъ дреговичей, сѣверянъ и кривичей!

Понятно, что въ Шкловъ валила всякая темная сила—самозванцы, бѣглецы, рыцари темной наживы, все промотавшееся, тунеядствующее, паразитное.

Такая репутація Шклова слишкомъ хорошо была извѣстна при дворѣ, и въ кабинетѣ императрицы, когда докладывалъ генералъ-прокуроръ Вяземскій по уголовнымъ и секретнымъ дѣламъ, часто можно было слышать такой разговоръ между Вяземскимъ и Екатериной:

— Ну, что, Александръ Алексѣевичъ, нашелъ сорванца, что казначейство обокралъ?

— Нѣту, матушка государыня, доселѣ не сыскали.

— Плохо ищете.

— Помилуй, матушка, всѣ мышиныя, кажись, норки перерыли.

— И въ Москвѣ искали?

— Искали, государыня, какъ въ воду канулъ: ужъ думаю, не за границу ли бѣжалъ.

— Гдѣ за границу! А ты вели Шешковскому поискать его въ Шкловѣ.

— И то правда, матушка, велю.

И сорванца, дѣйствительно, находили въ Шкловѣ...

IV. Накрыли.

Темная, душная лѣтняя ночь. Шкловъ давно спитъ. Спятъ даже темныя деревья въ тѣнистомъ паркѣ шкловскаго зоричевскаго замка, раскинувшемся по крутому берегу Днѣпра. Не слышно ни лая собакъ, ни пѣнія пѣтуховъ. Слышно только тихое журчанье фонтана, что выбрасываетъ воду изъ открытой пасти тритона въ мраморный водоемъ, изъ котораго струи, переливаясь черезъ края, съ тихимъ шопотомъ скатываются въ канавки парка, да гдѣ-то за паркомъ, надъ обрывомъ, спу-

скающимся къ рѣкѣ, выкрикиваетъ иногда ночная птица. И Шкловъ, и замокъ съ его флигелями и башнями погружены въ сонъ. Нигдѣ не видно огонька, только на террасѣ замка, выходящей въ паркъ и обвитой гирляндами дикаго винограда, мерцаетъ свѣтъ, бросая яркіе блики на темную зелень винограда, на бѣлую голову мраморнаго тритона и на опустившіяся тяжелыя вѣтви липы, осѣняющей фонтанъ; но свѣтъ этотъ еще болѣе усиливаетъ мракъ, господствующій вокругъ террасы.

На террасѣ слышны голоса.

— А помнишь, князь,—говоритъ мягкій, пріятный баритонъ,—такую же вотъ ночь въ Скутари?

— Какую ночь? — спрашиваетъ гортанный голосъ.—Я много ночей помню, и въ Скутари, и въ Стамбулѣ... Аллахъ не далъ мнѣ забвенья...

— Ну, полно, ты опять тосковать... Подожди, еще поживешь въ своей Туретчинѣ... Нѣтъ, я говорю, помнишь, когда вотъ въ такую же темную ночь мы съ тобой изъ Стамбула тихонько перебрались въ твоемъ каикѣ въ Скутари и тамъ подъ балкономъ караулили гречаночку?

— А! Зою, помню... Давно это было... Не воротится...

— Да, хорошо тогда было, хоть я и въ плѣну у васъ обрѣтался.

— А чѣмъ теперь худо?—спросилъ третій голосъ.

— Все не то...

— Да, правда, это Шкловъ, а не Венеція, когда, бывало, въ гондолѣ, подъ «Мостомъ Вздоховъ», вздыхаешь по итальяночкѣ...

— Ну, что въ ней хорошаго, въ этой Венеціи! Вода да вода...

Голоса смолкли. Опять слышался только шопотъ фонтана да монотонные, тоскливые выкрики ночной птицы.

— А что-то нашъ графъ рано завалился спать,—опять слышится мягкій баритонъ.

— Голова, говоритъ, разболѣлась.

— То-то! Некому и банчишко метать.

— Какъ некому? А Неранчичъ на что? Онъ и въ Парижѣ считался лучшимъ банкометомъ. Эй Неранчичъ, ты спишь?

— Нѣтъ.

— Али вспоминаешь свою дѣвойку Мару прекосу?

Собесѣдующіе разсмѣялись. Но еслибъ они пристально

вглядѣлись въ одну густую гирлянду винограда, опутавшаго перилы террасы, то увидѣли бы, какъ изъ-за темной зелени смотрятъ на нихъ сквозь золотую оправу очковъ два черныхъ глаза.

Глазамъ этимъ представляется такая картина. Посреди террасы большой круглый столъ покрытъ дорогимъ персидскимъ ковромъ съ шелковой бахромой и кистями. На столѣ въ безпорядкѣ разметаны карты, кучки золотыхъ монетъ и пачки ассигнацій. Тутъ же на серебряномъ подносѣ нѣсколько бутылокъ и недопитые стаканы съ виномъ. Вокругъ стола сидятъ четверо мужчинъ. Старшій изъ нихъ, плотный, широкоплечій, съ черными курчавыми волосами, закинутыми на широкій затылокъ и оканчивающимися небольшою косою, въ темномъ съ широкими рукавами и золотыми пуговицами камзолѣ, обшитомъ кружевами, съ манжетами, былъ очень красивъ собою, хотя и въ черныхъ блестящихъ глазахъ, и въ толстыхъ губахъ проглядывала чувственность здороваго южнаго организма. Широкія ноздри его, раздувшіяся словно у норовистой лошади, изобличали, что могучія легкія его работали исправно, какъ кузнечные мѣха. Добрая улыбка толстыхъ губъ смягчала нѣкоторую животность, вѣрнѣе, плотоядность, этого красиваго лица, извѣстнаго тогда всей Россіи.

Это былъ Зоричъ, случайный баловень судьбы. Положивъ одну руку, украшенную алмазными перстнями, на столъ, другою онъ придерживалъ длинный чубукъ, съ огромнымъ янтарнымъ мунштукомъ, и лѣниво пускалъ въ воздухъ мелкія колечки бѣлаго дыму.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ блѣдный, съ бронзированнымъ лицомъ, молодой человѣкъ, въ темно-малиновой турецкой фескѣ и въ албанской зеленой, шитой золотомъ куркѣ. Худое лицо его выражало какую-то внутреннюю усталость, которая какъ будто теплилась въ его черныхъ, задумчивыхъ глазахъ. Около него, на особомъ столикѣ, курился кальянъ, но молодой человѣкъ какъ бы забылъ о немъ, грустнымъ взглядомъ и мыслью потонувъ не то во мракѣ разстилавшагося передъ нимъ парка, не то въ своемъ прошломъ, которое было такъ загадочно. Зоричъ, говоря съ нимъ, называлъ его княземъ.

Это и былъ таинственный князь Иванъ-бей, сынъ сестры

турецкаго султана. Онъ жилъ у Зорича уже нѣсколько лѣтъ и хорошо выучился говорить по-русски.

По другую сторону Зорича, облокотясь обѣими руками на столъ и запустивъ пальцы въ черные вьющіеся на вискахъ волосы, сидѣлъ среднихъ лѣтъ мужчина въ голубой шелковой блузѣ, съ алмазными на груди застежками, перетянутой черкесскимъ, съ серебромъ подъ чернетью, поясомъ, за которымъ торчалъ въ такой же оправѣ кинжалъ. Лицомъ онъ напоминалъ Зорича, но только цвѣтъ кожи у него былъ смуглѣе, а глаза сѣрые, съ большими, какъ у негра, бѣлками. Онъ былъ и худѣе Зорича, которому приходился роднымъ братомъ по матери. Его звали Неранчичемъ.

Глаза, тайно наблюдавшіе изъ-за зелени винограда за тѣмъ, что происходило на террасѣ, пытливо остановились теперь на четвертомъ лицѣ, присутствовавшемъ на террасѣ. Тотъ, кому принадлежали эти подсматривавшіе изъ-за зелени глаза, зналъ въ лицо и Зорича, и его брата, и Изанъ-бея; но четвертаго, сидѣвшаго съ ними, онъ ни разу не видалъ. Это былъ молодой человѣкъ, повидимому, высокій и стройный, съ свѣтлыми прямыми волосами, и бѣлымъ нѣжнымъ, какъ у дѣвушки, лицомъ; съ свѣтло-голубыми глазами, которые смотрѣли насмѣшливо и дерзко. На груди у него блестѣлъ какой-то орденъ, только не русскій. Въ говорѣ его слышалось, и даже очень, иностранное произношеніе. Онъ сидѣлъ и машинально тасовалъ въ рукахъ нѣсколько картъ.

У внутреннихъ дверей террасы, которыя вели въ домъ, у каждаго косяка стояло по маленькому карлику, которые одѣты были, повидимому, арабчатами и, стоя у притолокъ, дремали.

Въ ночномъ воздухѣ было такъ тихо, что горѣвшія на столѣ въ большомъ канделябрѣ восковыя свѣчи даже не оплывали.

— Что жъ! Метать, такъ метать, — сказалъ Неранчичъ, сроша волосы,—эй, Черноморъ, подай новую колоду картъ!— крикнулъ онъ на дремавшихъ карликовъ.

Карлы встрепенулись, и одинъ изъ нихъ, доставъ изъ кармана куртки нераспечатанную колоду картъ, подалъ ее Неранчичу.

Въ этотъ моментъ глаза таинственно наблюдавшіе изъ-за зелени винограда за тѣмъ, что дѣлалось на террасѣ, скрылись, и вдоль стѣны замка тихо проскользнула темная фигура и

вскорѣ появилась замковомъ дворѣ. Тамъ, въ темнотѣ, безмолвно стояли и двигались человѣческія фигуры. Одна изъ нихъ тотчасъ подошла къ тому, кто сейчасъ наблюдалъ за происходившимъ на террасѣ и теперь вышелъ изъ парка на дворъ.

— Ну, что, видѣли?—спросили шопотомъ.

— Видѣлъ: сидятъ на балконѣ и мечутъ банкъ,—отвѣчали шепотомъ же.

— А кто?

— Самъ Зоричъ, его братъ и этотъ турецкій князекъ, а четвертаго, кто онъ, не знаю, только сдается мнѣ, не русскій.

— А Зановича развѣ нѣтъ тамъ?

— Нѣтъ... Изъ разговора ихъ я узналъ, что онъ раньше ушелъ спать, на голову будто жаловался.

— Такъ, значитъ, правда: и караульный говоритъ то же...

— Какой караульный?

— Да когда фельдфебель разводилъ часовыхъ, такъ они взяли у крыльца караульнаго: заснулъ, его накрыли... Такъ и онъ сказывалъ, что Зановичъ къ себѣ ушелъ...

— А онъ гдѣ живетъ?

— Вонъ въ томъ флигелѣ, гдѣ тополи темнѣются.

— А часовыхъ вездѣ разставили?

— Вездѣ, скрозь по драгуну.

— И въ паркѣ?

— И тамъ: и за балкономъ смотрятъ... А гдѣ жъ карлы?

— Карлы тамъ же... служатъ тамъ.

— Значитъ всѣ въ сборѣ, потому подозрительный камердинчикъ, изъ итальянцевъ, тотъ пошелъ спать съ Зановичемъ—караульный говоритъ.

— Ну, такъ къ дѣлу: главное, этого надо накрыть.

— Да, да, и камердинчика также, а карлы не уйдутъ.

— Потайной фонарь съ вами?

— Со мной.

— Идемте же... Только захватите парочку драгунъ.

Черезъ нѣсколько минутъ четыре темныя фигуры приблизились къ флигелю, гдѣ жилъ Зановичъ. Онѣ тихо взошли на крыльцо. Дверь оказалась незапертою, и таинственные посѣтители безъ шуму пробрались въ домъ.

— Освѣтите, а то мы можемъ на что-нибудь наткнуться,—сказали шепотомъ.

Комната мгновенно освѣтилась. Освѣтились и дѣйствующія лица, таинственные посѣтители графа Зановича. Одинъ изъ нихъ былъ тотъ, въ золотыхъ очкахъ, что изъ-за зелени наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлалось въ паркѣ на террасѣ. Это былъ средняго роста пожилой мужчина, плотный, на тоненькихъ и жидкихъ ножкахъ, которыя не шли къ его плотному корпусу, и въ большомъ рыжемъ парикѣ, который не шелъ къ его красному, гладко выбритому лоснящемуся лицу. Другой былъ жиденькій, поджарый старичокъ, въ сѣдомъ паричкѣ и съ сѣденькой, въ родѣ крысинаго хвоста, косичкой. Подъ мышкой у него былъ потертый портфель. Сѣренькіе, моргающіе глазки его смотрѣли пытливо и лукаво. За ними, тараща сонные глаза, стояли два драгуна, одинъ съ рыжими бровями, другой съ черными.

Таинственные посѣтители, пытливо оглядывая комнату съ барскою обстановкою и дорогими коврами, устилавшими полъ, съ тою же осторожностью двинулись дальше. Прошли вторую комнату, третью. Вмѣсто дверей были тяжелыя портьеры, малиновыя, зеленыя. Наконецъ, они остановились передъ запертою дверью и стали прислушиваться. За дверью слышался тихій, ровный храпъ спящаго человѣка.

— Это онъ тутъ,—шепнули золотыя очки.

— Должно полагать,—шопотомъ же отвѣчалъ старичекъ.

Золотыя очки взялись за ручку двери. Заперто изнутри. Постучали, еще и еще. Храпъ за дверью прекратился. Еще постучали.

— Кто тамъ?—послышался за дверью сонный мужской голосъ.

— Отоприте, графъ,—отвѣчали золотыя очки.

— Я спрашиваю: кто тамъ? Какой чортъ?—сердито переспросили за дверью.

— По указу ея императорскаго величества, отоприте!—торжественно выкрикнули золотыя очки.

— Скажи, кто и зачѣмъ?—повторили за дверью.

— Могилевской уголовной палаты предсѣдатель Малѣевъ и стряпчій Небосклоновъ,—былъ отвѣтъ.

— По какому праву?

— По высочайшему указу... Отпирайте немедленно, графъ! Не чините противности указу ея императорскаго величества и

не думайте скрываться: вашъ домъ и весь замокъ оцѣпленъ стражею... Отоприте!

— Да дайте же мнѣ и моему слугѣ одѣться—отвѣчали изнутри.

Дѣйствительно, немного погодя щелкнулъ замокъ у двери, и дверь отворилась. Слѣдователи вошли въ спальню графа. Это была просторная, хорошо меблированная комната, съ пунцовыми занавѣсками на окнахъ, съ каминомъ и стоящими на немъ массивными бронзовыми часами въ видѣ рыцаря въ шлемѣ и латахъ. Одинъ простѣнокъ занимало большое венеціанское зеркало, въ которомъ во весь ростъ отражались вытянутыя фигуры застывшихъ отъ удивленія драгунъ. По отраженію въ зеркалѣ имъ казалось, что въ комнату набралось человѣкъ двадцать.

Но что особенно бросалось въ глаза въ спальной графа, это богатая двухспальная кровать, стоявшая изголовьемъ къ стѣнѣ, съ блѣдно-розовымъ кисейнымъ пологомъ, закинутымъ на позолоченный балдахинъ. По обѣ стороны кровати, у изголовья, стояло по темному, отороченному бронзою, шкафику, а на коврѣ, у кровати, съ одной стороны брошены были голубыя мужскія туфли, а съ другой, повидимому, женскія, крошечныя, розовыя. Но еще болѣе останавливала на себѣ вниманіе самая постель: по формѣ вдавленности широкаго матраца а равно по измятости подушекъ, положенныхъ рядомъ въ изголовьѣ, можно было видѣть, что на постели этой спали рядомъ два человѣка...

Стряпчему Небосклонову это первому бросилось въ глаза. Онъ такъ и впился въ постель своими рысьими глазками... Неужели слуга спалъ вмѣстѣ съ графомъ?..

Онъ разомъ обѣжалъ всю комнату моргающими глазками. Графъ, красивый, южнаго типа мужчина, въ малиновомъ шлафрокѣ, стоялъ у камина, гордо поднявъ голову и играя кистями чернаго шелковаго пояса. За кроватью же у стѣны стоялъ блѣдный, какъ полотно, миловидный юноша, съ черными роскошными кудрями, въ костюмѣ турка, албанца или грека, въ красивой фустанелѣ.

— Извините, графъ, что въ такое время...—началъ было Малѣевъ.

— Что вамъ угодно?—вызывающе перебилъ его графъ.

— Вотъ указъ... До свѣдѣнія его свѣтлости, князя Григорія Александровича Потемкина, доведено...

— О чемъ же указъ, государь мой?—снова перебилъ его графъ.

— Объ учиненіи обыска.

— Въ чемъ меня подозрѣваютъ?

— Въ выпускѣ фальшивыхъ сторублеваго достоинства ассигнацій.

— А!—презрительно замѣтилъ Заповичъ.—Его свѣтлость опоздалъ... не ту ноту взялъ, это не его дѣло... Я давно уже послалъ брата въ Петербургъ заявить высшему правительству, что за границей жиды въ огромныхъ размѣрахъ занимаются выдѣлкою...

— Поддѣлкою,—поправилъ его Малѣевъ.

— Да поддѣлкою россійскихъ ассигнацій и распространеніемъ оныхъ, и братъ мой, въ намѣреніи обнаружить сіе злоупотребленіе въ глазахъ россійскаго правительства, пріобрѣлъ таковыхъ ассигнацій болѣе семисотъ тысячъ и нынѣ повезъ оныя въ Петербургъ, дабы явить верховной власти и тѣмъ избавить отъ ущерба казенный интересъ... Вотъ все, что я счелъ за нужное сказать вамъ.

— Такъ-съ... А этотъ малый кто же будетъ?—спросилъ Малѣевъ, глянувъ на хорошенькаго юношу, трепетно стоявшаго за кроватью.

— Это Антоніо, мой камердинеръ... Я его ребенкомъ привезъ изъ Италіи и очень привыкъ къ нему, какъ къ родному,—отвѣчалъ графъ, не глядя на юношу.

— Такъ-съ, хорошо-съ... Только ужъ извините, ваше сіятельство,—затрудняясь въ словахъ, заговорилъ Малѣевъ,—я не сомнѣваюсь въ правдивости изложеннаго вами... но, по силѣ указа, исполняя святость долга и присяги, я обязуюсь литерально исполнить высочайшій указъ.

— То есть, какъ же, государь мой, литерально?

— Насчетъ, то есть, обыска.

— Кого?.. Меня?

— Такъ точно, и вашего сіятельства, и слуги вашего, и занимаемаго вами помѣщенія... Хотя мнѣ и тяжко, по питаемому мною къ его превосходительству Симеону Гавриловичу Зоричу, и къ вашему сіятельству глубочайшему уваженію, чинить обыскъ въ жилищѣ Симеона Гавриловича, тѣмъ паче, что обиталище сіе, такъ сказать, освящено временнымъ милостивымъ пребы-

ваніемъ здѣсь священной особы ея императорскаго величества, однако, свято исполняя...

— Что жъ, господинъ! — нетерпѣливо перебилъ графъ.— Ищите, домъ въ вашемъ распоряженіи.

— Такъ-съ, извините... государь мой... долгъ, служба... Эй, драгуны!

— Что прикажете, ваше благородіе?

— Обыщите вонъ того малаго.

— Слушаемъ-ста.

Драгуны двинулись съ своихъ мѣстъ, гремя палашами. Юноша съ крикомъ забился въ уголъ.

— Зачѣмъ же его?—вступился-было графъ.

— Какъ же-съ... по указу.

Драгуны между тѣмъ ощупывали карманы юноши, который заливался слезами...

— Пустите! Пустите меня! У меня ничего нѣтъ! О, Езусъ, Маріа!.. О-ой!

— Ваше благородіе! Да это дѣвка,—заявилъ рыжебровый.

— Что ты! Пьянъ что ли!—осадилъ его Малѣевъ.

— Пьянъ! Али я бабьяго тѣла не отличу? У меня чай руки,—обидѣлся рыжебровый.

— Что ты врешь спьяна!

— Спьяна! Да у меня маковой росинки во рту не было... съ самаго Могилева не ѣмши, ни пимши... ни синь пороху... а то спьяна!.. Вотъ сами пощупайте... чай руки тоже...

— Ой-ой, Езусъ, Маріа!

Хорошенькій Антоніо, дѣйствительно, оказался дѣвушкой. Закрывъ лицо руками, она горько плакала.

V. Теплые ребята.

Между тѣмъ весь замокъ поднялся на ноги. На дворѣ слышались разные голоса, оклики, мелькали огни. Конюхи, повара, лакеи, все высыпало на дворъ и галдѣло; никто ничего не понималъ. Собаки, до этого момента покойно спавшія, отчаянно лаяли, такъ что всполошили собакъ во всемъ Шкловѣ.

Малѣевъ, оставивъ стряпчаго и драгунъ около графа и плачущей дѣвушки, поспѣшилъ на шумъ. Люди, кричавшіе на дворѣ и размахивавшіе кто фонаремъ, кто вилами, увидѣвъ по-

знакомаго господина въ казенной формѣ, при шпагѣ и въ треугольной шляпѣ съ перьями, съ удивленіемъ и страхомъ давали ему дорогу, догадываясь, что у ихъ барина или у его гостей что-то неладно.

На крыльцѣ главнаго дома, освѣщенный горящими факелами, которые держали карлики, стоялъ Зоричъ и громко кричалъ на кого-то...

— Я васъ въ острогѣ сгною! Я вами Сибирь заселю! Повѣшаю, какъ собакъ!

Въ это время къ крыльцу, на которомъ вмѣстѣ съ Зоричемъ стояли и видѣнные уже нами его гости, торопливо приблизился Малѣевъ и почтительно приподнялъ шляпу.

— Прошу извиненія у вашего превосходительства,—началъ онъ, видимо, заученную роль,—хотя мнѣ и весьма прискорбно, по питаемому мною къ особѣ вашей глубочайшему почтенію, въ столь необычный часъ нарушать спокойствіе вашего превосходительства въ семъ жилищѣ вашемъ, тѣмъ паче, что обиталище сіе, такъ сказать, освящено временнымъ милостивымъ здѣсь пребываніемъ священной особы ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни нашей, однако, свято исполняя долгъ службы и присягу...

— Да въ чемъ дѣло, государь мой?—нетерпѣливо перебилъ его Зоричъ.

— Я явился сюда по указу ея императорскаго величества.

— Зачѣмъ? По какому дѣлу?—голосъ Зорича дрогнулъ.

«Сибирь... Енисейскъ... Березовъ»,—мелькнуло у него въ умѣ:—«это Потемкинъ... Недаромъ, онъ, какъ угорѣлый, ускакалъ отъ меня»...

— Извините, ваше превосходительство,—прервалъ его мрачныя мысли Малѣевъ,—я затрудняюсь... здѣсь ваши люди... сгласка... Позвольте мнѣ войти въ вашъ домъ.

— Войдите... Милости прошу... Посвѣтите господину предсѣдателю.

— Нижайше благодарю... Я уже коликратъ пользовался гостепріимствомъ вашимъ.

Всѣ вошли въ домъ, предшествуемые карлами съ факелами. Прислуга осталась на дворѣ и продолжала галдѣть, но уже тише. Удивлялись только, какъ никто ничего не слыхалъ, когда драгуны оцѣпляли дворъ и замокъ.

— Больше бы пьянствовали,—порѣшила за всѣхъ старшая ключница,—диви, какъ у васъ еще самого барина-то не выкрали.

— У тебя, у старой карги, выкрадешь,—проворчала судомойка,—ты и подохнешь на ключахъ.

— И подохну, а тебѣ, неумытой рожѣ, не дамъ: умойся прежде.

— Что ей мыться-то!—сострилъ кривой конюхъ Кирюшка.— Знамо, чернаго кобеля не вымоешь до бѣла.

— У! Ты! Кобылья ладонница, огурешна плѣснеть! Зналъ бы кобыльи хвосты, а то на! Туда же...

Малѣевъ, войдя въ домъ, снова извинился, что безпокоитъ генерала въ неурочный часъ.

— Говорите, сударь мой, въ чемъ же дѣло?—спросилъ Зоричъ, приглашая гостя сѣсть.

— Симъ указомъ (Малѣевъ подалъ Зоричу бумагу) повелѣвается мнѣ учинить у проживающаго у вашего превосходительства графа Заповича обыскъ по дошедшимъ до его свѣтлости, князя Григорія Александровича Потемкина, свѣдѣніямъ въ выпускѣ якобы графомъ Заповичемъ фальшивыхъ сторублевыхъ ассигнацій.

— Такъ, государь мой. А при чемъ же тутъ я?—спросилъ Зоричъ.

— А въ указѣ ваше превосходительство изволили усмотрѣть, что подлежатъ допросу находящіеся у васъ въ услуженіи карлы.

Присутствовавшіе при этомъ карлики переглянулись, и Черноморъ сильно поблѣднѣлъ; другой же, постарше, котораго звали Мухоморомъ, лукаво улыбнулся и оперся о притолку.

— Въ чемъ же они подозрѣваются?—спросилъ Зоричъ.

— Въ сбытѣ фальшивыхъ ассигнацій.

— Но эти ассигнаціи они получали отъ насъ, отъ играющихъ въ карты.

— Точно такъ-съ.

— Такъ вы насъ считаете фальшивыми монетчиками?— спросилъ Зоричъ, гордо обводя глазами комнату, гдѣ, кромѣ его и Малѣева, находились князь Изанъ-бей, Нерапчичъ и неизвѣстный блондинъ съ иностраннымъ орденомъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство,—возразилъ Малѣевъ,—не вы, а васъ могли ввести въ обманъ другіе.

— А! Это другое дѣло,—протянулъ Зоричъ.—Такъ вамъ угодно будетъ теперь же приступить къ допросу карловъ моихъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я только обязуюсь произвести дознаніе: такъ и въ указѣ значится.

— Хорошо. А потомъ что?

— А потомъ по обстоятельствамъ дѣла, выяснеппымъ путемъ дознанія, подозрѣваемыхъ будутъ допрашивать чины губернскаго правленія.

— А развѣ и чины губернскаго правленія прибыли съ вами?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, а я обязуюсь представить карловъ и другихъ, кои по дознаніи окажутся прикосновенными къ дѣлу, въ губернское правленіе, въ Могилевъ, подъ арестомъ.

Услыхавъ слово арестъ, Черноморъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, шарикомъ подкатился къ Зоричу и повалился ему въ ноги.

— Ваше превосходительство! Заступитесь!—молилъ онъ.—Вы знаете, что я тутъ не причемъ.

— Хорошо, хорошо, встань!—строго замѣтилъ Зоричъ.—Если ты не виноватъ, то тебя и не тронутъ.

— Я не виноватъ, видитъ Богъ,—плакался карликъ, стоя на колѣняхъ—почемъ мнѣ знать, какія бумажки фальшивыя и какія не фальшивыя? Я не грамотный...

— Хорошо, говорятъ тебѣ! Устай, Богъ т'убіо, момче!—не утерпѣлъ Зоричъ и заговорилъ на родномъ языкѣ.—Устай, вуци те заколью!

Мухоморъ продолжалъ улыбаться. Изанъ-бея, видимо, мучила эта сцена, и онъ хмурился. Нерапчичъ же, сидя въ сторонѣ, беззаботно игралъ своимъ кинжаломъ: то вынималъ его изъ ноженъ, то вновь вкладывалъ, а при послѣднихъ словахъ брата засмѣялся и проговорилъ:

— Что жъ ты, братку, все кричишь, устай, устай! Ужъ ты лучше запой по-сербски, какъ поютъ юнаки:

Устай, устай, србине,
Устай на оруже!

— А то еще лучше:

Устай, устай, Черноморе,
Ходи до острога!

— Полно тебѣ паясничать, братъ!—разсердился Зоричъ и хотѣлъ было еще о чемъ-то спросить Малѣева.

Но въ это время походкою крадущейся кошки вошелъ въ комнату стряпчій Небосклоновъ, держа въ рукѣ треуголку, а подъ мышкой портфель и почтительно кланяясь присутствующимъ.

— Имѣю честь рекомендовать: губернскій стряпчій, господинъ Небосклоновъ,—сказалъ Малѣевъ.

Стряпчій еще разъ поклонился и таинственно сказалъ, обращаясь къ послѣднему:

— На пару словъ, Иванъ Ивановичъ.

Малѣевъ подошелъ къ нему, сказавъ остальнымъ: «извините, господа».

— Вамъ что угодно?—спросилъ онъ.

— Нашелъ-съ,—шепнулъ стряпчій, лукаво улыбаясь,—еврика-съ.

Они отошли за драпировку.

— Что нашли?—спросилъ Малѣевъ.

— И товаръ-съ, и фабрику-съ.

— Какъ! У Зановича?

— У него-съ: товарцу немного, нѣсколько сотенокъ сторублевыхъ-съ... Зато фабрика-съ...

— Инструменты.

— Инструментики-съ и бумажечки съ иголочки-съ, только не доконченныя-съ.

— А гдѣ нашли?

— Подъ поломъ-съ, въ ванной комнатѣ, подъ ковромъ-съ.

Малѣевъ задумался-было, но тотчасъ сказалъ:

— Значитъ, въ силу секретной инструкціи, мы должны и съ генерала, и съ его гостей взять подписку о невыѣздѣ.

— Такъ точно-съ, обязуемся-съ, а графчика съ метрессой и карловъ въ Могилевъ подъ конвоемъ.

Малѣевъ воротился къ Зоричу и къ его гостямъ.

— Я долженъ сообщить вамъ, господа, прискорбное извѣстіе,—началъ онъ.

— Что такое?—тревожно спросилъ Зоричъ.

— По произведенному въ помѣщеніи графа Марка Зано-

вича обыску. оказалось, что онъ занимался поддѣлкою россійскихъ ассигнацій,—отвѣчалъ Малѣевъ.

— Быть не можетъ!—воскликнулъ Зоричъ, съ трудомъ скрывая волненіе.—Не повѣрю.

— Инструменты найдены...

— Доски и краски-съ,—добавилъ стряпчій.

— И не додѣланныя еще ассигнаціи.

Изанъ-бей вскочилъ и съ блестящими глазами подошелъ къ Зоричу.

— Хвала Аллаху!—радостно сказалъ онъ.—Я радъ, что онъ попался... Помнишь, я тебѣ всегда говорилъ, что Зановичи нехорошіе люди... Хвала Аллаху и его пророку!

Зоричъ ничего не отвѣтилъ. Онъ былъ очень взволнованъ. Прочіе всѣ молчали.

— Извините, господа,—прервалъ молчаніе Малѣевъ,—въ силу данной мнѣ инструкціи, я обязуюсь взять со всѣхъ васъ подписки о невыѣздѣ изъ Шклова впредь до рѣшенія дѣла.

— Какъ? И съ меня?—вспылилъ-было Зоричъ.

— И съ васъ, ваше превосходительство, и съ вашихъ гостей,—твердо произнесъ Малѣевъ.

— Ни за что!—закричалъ бывшій фаворитъ.

Но вдругъ въ умѣ шевельнулось опять: «Березовъ... Пелымъ... Березовъ... можетъ быть, совсѣмъ хотятъ отдѣлаться отъ меня... сгноить въ Сибири»...

— Впрочемъ, что же!—сказалъ онъ, опомнившись. — Все равно, я никуда не выѣзжаю изъ Шклова, развѣ только на охоту... Дайте бумаги и чернилъ!

Черноморъ, утирая слезы, принесъ и то, и другое. Ему стало легче, когда онъ узналъ, что и господинъ его «въ отвѣтѣ».

— Вотъ вамъ!—размахнувшись подъ подписью, сказалъ Зоричъ.—На, братъ, пиши и ты.

— Изволь, нацарапаю.

Подписавшись, онъ подалъ бумагу Изанъ-бею.

— На, князюшка, катай по-бусурмански, что хочешь: никто не разберетъ,—засмѣялся онъ,—напиши: Аллахъ керимъ! и баста.

— Я не знаю, что писать,—серьезно отвѣчалъ Изанъ-бей, обращаясь къ Малѣеву.

— Подпишите только ваше званіе, титулъ и имя подъ ихъ

роспискою,—отвѣчалъ послѣдній,—можете подписаться и по-турецки.

Изанъ-бей присѣлъ къ столу и вывелъ на бумагѣ нѣсколько каракуль отъ правой руки къ лѣвой.

Малѣевъ обратился къ молчавшему дотолѣ блондину съ иностраннымъ орденомъ.

— Съ кѣмъ имѣю честь?—началъ-было онъ.

— J'ai l'honneur... Я баронъ Фридрихъ Іоганъ фонъ-Вульфъ...

— Баронъ фонъ-Вульфъ,—перебилъ его Зоричъ,—капитанъ по службѣ его цесарскаго величества и маіоръ по службѣ прусскаго королевскаго величества, кавалеръ ордена д е-л а-П р о в и д а н с ъ, вояжируетъ нынѣ по Россіи съ намѣреніемъ вступить въ службу ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государыни.

Фонъ-Вульфъ и Малѣевъ поклонились другъ другу.

— Не угодно ли и вамъ, господинъ баронъ, приложить руку подъ подпиской его превосходительства,—сказалъ послѣдній.

— Avec plaisir, monsieur... съ удовольствіемъ... mais je ne sais pas...

— Ничего, баронъ, подпишите вашъ титулъ и фамилію,—пояснилъ ему Зоричъ,—votre nom avec votre titre et décoration... «de la Providance».

Баронъ фонъ-Вульфъ также присѣлъ къ столу и расписался.

— А теперь выпьемъ за здравіе государыни императрицы... Эй, Черноморъ и Мухоморъ!—скомандовалъ Зоричъ.—Шампанскаго!

VI. «Муха въ паутинѣ».

— Ну что, Александръ Васильевичъ, готова?

— Готова, ваше величество, свѣженькая, мокренькая еще, сейчасъ изъ печати, изъ-подъ станка.

— Самъ въ типографіи былъ?

— Самъ, ваше величество, и съ княгиней Екатериной Романовной Дашковой.

— Спасибо... А покажи.

Такими словами, утромъ 7-го августа того же года, императрица Екатерина Алексѣевна встрѣтила Храповицкаго, во-

шедшаго въ ея кабинетъ съ портфелемъ въ рукахъ. Въ кабинетѣ уже находились Александръ Дмитріевичъ Ланской, генералъ-адъютантъ и фаворитъ императрицы, и другой ея любимецъ, «Левушка», оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Первый со словъ императрицы писалъ письмо Потемкину о томъ, что было раскрыто слѣдствіемъ по дѣлу графовъ Зановичей и Зорича, а «Левушка» противъ своего обыкновенія не дурачился, но серьезно сидѣлъ за особымъ столомъ и исполнялъ обязанность Храповицкаго: занимался «перлюстраціей» чужихъ секретныхъ писемъ.

Храповицкій вынулъ изъ портфеля небольшую книжку и подалъ ее государынѣ. То была только что отпечатанная одна изъ книжекъ издававшагося тогда подъ наблюденіемъ княгини Дашковой журнала «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова». Стоя у стола, Храповицкій, весь красный, вытиралъ фуляромъ вспотѣвшій лобъ.

Екатерина стала перелистывать книгу; и потомъ, какъ бы вспомнивъ что, обратилась къ Ланскому, который сидѣлъ противъ нея съ перомъ въ рукѣ.

— Спасибо, мой другъ, — сказала она ласково, — положи перо, а мнѣ передай разрѣзной ножикъ... Письмо ужъ мы послѣ допишемъ князю; оно и лучше: сегодня дѣло Зановичей князь Вяземскій будетъ докладывать съ мнѣніемъ сената.

Ланской подалъ черезъ столъ разрѣзной ножъ и, вставъ съ своего мѣста, обошелъ вокругъ письменнаго стола императрицы и сталъ у ея кресла, чтобы ближе видѣть принесенную Храповицкимъ новую книжку журнала.

— Вотъ та ода, — сказала она, вскинувъ глаза на Ланского,—о которой говорила мнѣ княгиня Дашкова.

Ланской пригнулся ближе къ книгѣ.

— Ода великому боярину и воеводѣ Рѣшемыслу, писанная подраженіемъ одѣ къ Фелицѣ 1783 году,—прочелъ онъ вслухъ.

— Рѣшемыслъ, это князь Потемкинъ,—пояснила императрица.

— Ну, признаюсь, удружилъ!—кинулъ словцо изъ-за своего стола «Левушка».

— Кто удружилъ, Левушка?—спросила Екатерина.

— Да Державинъ, матушка, Потемкину.

— Чѣмъ же, мой другъ?

— Да Рѣшемысломъ, матушка... Я бъ на мѣстѣ князя Григорія Александровича обидѣлся.

— Да что же тутъ обиднаго, Левушка? Вѣдь, я не обидѣлась, когда Державинъ назвалъ меня Фелицею, киргизъ-кайсацкою царевною.

— То Фелица, государыня, значитъ—счастливая или счастливящая подданныхъ; а воевода Рѣшемыслъ—это воевода, который рѣшился смыслу.

Екатерина улыбнулась.

— Ну, ты всегда что-нибудь вздумаешь,—сказала она и стала читать оду вслухъ.

Всѣ внимательно слушали. Екатерина читала эффектно, красиво, съ декламаторскимъ умѣньемъ, но слишкомъ отчетливо выговаривала слова, каждый слогъ, каждую букву, такъ что привычный слухъ сразу могъ уловить, что русскій языкъ—не ея родной, не материнскій языкъ, не Muttersprache, что дѣтскій слухъ ея воспитывался на иныхъ звукахъ, на чуждой фонетикѣ.

Кончивъ оду, она положила книгу на столъ и сказала:

— Хорошо, очень хорошо... только далеко до Фелицы.

— Понятно: гдѣ же Рѣшемыслу тягаться съ самой Фелицей!—замѣтилъ Левушка, лукаво подмигнувъ Ланскому.

Ланской взялъ книгу и прочелъ:

— Сочинялъ З..... Земля съ точками, а не сказано Державинъ. Что же означаетъ земля съ точками?

— А сколько точекъ?—спросилъ Нарышкинъ.

— Пять—отвѣчалъ Ланской.

— Ну, такъ и есть: это онъ въ пику Потемкину написалъ за то, что Потемкинъ потемнилъ его славу: Державинъ побѣдилъ Пугачева, а Потемкинъ побѣдилъ самого султана и завоевалъ у него цѣлый Крымъ... Вотъ онъ и настрочилъ на него оду, да и подписался: «Сочинялъ З.....», сирѣчь Злючка.

Всѣ разсмѣялись.

— А вѣдь, Державинъ, въ самомъ дѣлѣ презлой, очень строптивъ и самолюбивъ,—серьезно замѣтила Екатерина,—теперь все ссорится съ княземъ Вяземскимъ. Онъ вездѣ и со всѣми перессорится. Вонъ еще, когда онъ, какъ ты, Левушка, говоришь, завоевалъ у Пугачева Саратовъ, такъ и тамъ съ Бошнякомъ поссорился, а самъ, все-таки, бѣжалъ отъ Пугачева. Теперь съ Вяземскимъ не уживется никакъ.

— А знаешь, государыня, за что онъ на Вяземскаго-то адомъ дышетъ?—спросилъ Нарышкинъ.

— Не знаю.

— А за то, что Вяземскій якобы сказалъ, что стихотворцы неспособны ни къ какому дѣлу. А все якобы изъ-за Фелицы.

— Какъ изъ-за Фелицы?

— А вотъ какъ, матушка, дѣло было: когда была напечатана ода къ Фелицѣ, ты послала ему подарокъ.

— Какъ же, послала, да еще и надписала на пакетѣ: «Изъ Оренбурга отъ Киргизъ-кайсацкой царевны Фелицы мурзѣ Державину.

— Такъ, помню, матушка... Такъ вотъ, когда курьеръ привезъ ему эту посылку, онъ въ это время обѣдалъ у Вяземскаго. Онъ и показываетъ ее князю. А тотъ, будто бы, взглянувъ гнѣвно на надпись, проворчалъ: «что-де за подарки отъ киргизовъ!» Но когда потомъ увидалъ, что въ пакетѣ золотая, осыпанная бриллiантами табакерка, а въ ней пятьсотъ червонныхъ, да когда узналъ, какіе это киргизцы прислали подарокъ такой, и вспылилъ якобы на него гнѣвомъ изъ зависти, что ты такъ высоко почтила стихотворца *).

— Что жъ, онъ заслужилъ это,—сказала императрица.—А теперь вотъ, сердясь на Вяземскаго, просится въ отставку.

— И хорошо дѣлаетъ, матушка.

— Почему?

— Да потому, что какъ началъ онъ служить въ ассигнаціонномъ банкѣ, у насъ и завелись ассигнаціонные сочинители.

— Какіе ассигнаціонные сочинители?—удивилась императрица.

— А графы Зановичи, матушка, что сочиняютъ свои ассигнаціи.

Императрица улыбнулась.

— Да, такихъ сочинителей я не жалую,—сказала она.

— А еще и то, государыня,—продолжалъ Нарышкинъ,—ты сама видишь, что когда Державинъ сталъ чиновникомъ, онъ потерялъ даръ стихотворства: сама ты находишь, что его ода Рѣшемыслу плоховата. А перестань онъ быть чиновникомъ, муза-то и воротится къ нему. Помнишь, что говоритъ онъ въ

*) «Записки Державина», изд. Бертенева, стр. 242.

своемъ послѣднемъ стихотвореніи—Благодарность Фелицѣ—за табакерку-то:

Когда отъ должности случится
И мнѣ свободный часъ имѣть,
Я праздности оставлю узы,
Игры, бесѣды, суеты,—
Тогда, ко мнѣ пріидутъ музы,
И лирой возгласишься Ты!

— Видишь, матушка, онъ тебѣ тогда другую Фелицу настрочитъ.

— И то правда.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ видный, лѣтъ подъ шестьдесятъ, но очень бодрый мужчина, съ сановитою наружностью, съ строгими глазами и матово-блѣднымъ лицомъ. За нимъ курьеры внесли нѣсколько полновѣсныхъ портфелей.

— Ну, этотъ задавитъ матушку своими докладами,—комично проворчалъ подъ носъ Нарышкинъ.

Вошедшій поклонился. Это былъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій.

— Здравствуй, князь, — отвѣчала на поклонъ императрица.—Здоровъ ли?

— Здравствую, матушка-государыня,—поклонился еще разъ Вяземскій.

— Что такую гору приволокъ?—улыбнулась Екатерина.

—Все дѣла, государыня, и законы: ты холостыхъ докладовъ не любишь, тебѣ на все подавай законы.

— Такъ, такъ, — продолжала улыбаться императрица,— люблю, чтобъ все было заряжено хорошо, не по воробьямъ, самъ знаешь, стрѣляемъ, а по государственнымъ нуждамъ. О чемъ же сегодня?

— По дѣлу Зановичей, государыня, и Зорича.

По лицу императрицы скользнула не-то тѣнь, не-то полоса свѣта и исчезла. Оно опять стало мраморное, словно застывшее.

Вяземскій сталъ доставать бумаги, а Екатерина вскинула глаза на Ланского, ея глаза скользнули по его стройной фигурѣ и скрылись подъ опущенныя вѣки.

Въ кабинетъ вошелъ Захаръ, любимый камердинеръ императрицы, съ полотенцемъ подъ мышкой и метелкой въ рукѣ.

Онъ былъ мраченъ какъ туча. Екатерина сразу замѣтила это и постаралась скрыть невольную улыбку.

— Что, Захаръ?—спросила она, какъ бы не замѣчая его угрюмости.

— Увольте меня, государыня, — глядя на свои штиблеты, мрачно отвѣчалъ онъ.

— Какъ уволить?

— Совсѣмъ увольте, государыня, отъ службы.

— Что такъ?

— Неугоденъ я сталъ вашему величеству... Увольте-съ.

— Помилуй, Захаръ! Чѣмъ я провинилась передъ тобой?— она лукаво взглянула на Ланского и Нарышкина.

Вяземскій съ бумагами въ рукахъ приблизился къ столу. Захаръ быстро поворачивается къ нему и съ дрожью въ голосѣ говоритъ:

— Помилуйте, ваше сіятельство! Разсудите вы насъ сами... Уволилъ я вчера истопника Илюшку: курицу хохлатую въ государственномъ птичникѣ укралъ, я его, негодяя, и прогналъ, чтобъ и духу его во дворцѣ не было... А теперь вотъ узнаю стороной: нынче чуть-свѣтъ онъ поймалъ государыню на прогулкѣ, да въ ноги ей, прикинулся казанской сиротой: семья-де большая, дѣти, слышь, малъ-мала меньше, такъ онъ де-дѣткамъ и взялъ курочку, чтобъ яички несла... А! Каковъ плутъ!.. А она (Захаръ презрительно покосился въ сторону императрицы), нѣтъ, чтобы примѣрно наказать плута, она же не токмо подлеца помиловала, взяла опять въ истопники, да еще и пѣтуха ему дала!

— Ну, прости, Захарушка,—упрашивала Екатерина,—впередъ никогда не буду.

Захаръ угрюмо повернулся къ выходу.

Въ это время къ нему робко, на цыпочкахъ, подошелъ Нарышкинъ.

— Захаръ Константиновичъ! — заискивающимъ шопотомъ просилъ онъ.—Будь отецъ родной!

— Что изволите, сударь?—все съ тою же угрюмостью спросилъ Захаръ, останавливаясь въ дверяхъ.

— Захарушка! Будь другъ!—умолялъ Левушка.—Достань мнѣ живую муху въ паутинѣ.

— Какую, сударь, муху?—спросилъ тотъ.

— Да, простую муху, голубчикъ: знаешь, которая попадетъ въ паутину и бьется, жужжитъ, а паукъ ее все больше запутываетъ.

— На что вамъ, сударь?

— Да нужно, дружокъ, вотъ сюда въ кабинетъ; а то я искалъ и тутъ, и вездѣ, хоть бы тебѣ паутинка! А мнѣ до зарѣзу нужно.

— У насъ, сударь, паутины нѣтъ, развѣ на чердакѣ.

— Такъ не достанешь?

— Не достану, сударь... Вамъ бы все шутить, а мнѣ не до шутокъ.

И не проронивъ больше ни слова, Захаръ сердито удалился.

— Матушка! — трагически воскликнулъ Левушка такъ, чтобы и Захаръ слышалъ.—Прогони ты этого варвара Захарку! Ни одной мухи и ни одного паука у тебя во дворцѣ не оставилъ: все какъ помеломъ вывелъ.

— А на что тебѣ муха?—спросила императрица.

— Да нужно, матушка; не нужно было бы, не просилъ бы.

Екатерина съ ласковой улыбкой обратилась къ Ланскому, а потомъ къ Вяземскому:

— А вѣрно Левушка какую-нибудь проказу затѣваетъ: его проказы и дурачества часто бываютъ умнѣе многихъ умныхъ затѣй другихъ умниковъ.

Но видя, что Вяземскій ждетъ, а Храповицкій потѣетъ надъ грудой «перлюстрованныхъ» писемъ и депешъ, сдѣлала видъ, что ждетъ доклада.

— Я слушаю тебя, князь Александръ Алексѣичъ,—сказала она Вяземскому, превративъ за минуту веселое лицо въ холодный мраморъ.

VII. Спасеніе мухи.

Императрица пригласила Вяземскаго знакомъ сѣсть противъ нея, а сама откинулась на спинку кресла, чтобы внимательнѣе слушать. Ланскосокъ отъ нея усѣлся Ланской. Нарышкинъ же, усѣвшись за особымъ столикомъ, рядомъ съ Храповицкимъ, взялъ листъ бумаги и карандашъ и сталъ что-то прилежно чертить, повидимому, не слушая доклада, какъ это дѣлаютъ дѣти, но, въ сущности, не пропуская ни одного слова изъ того, что говорилось въ кабинетѣ.

Вяземскій сжато, но обстоятельно изложилъ сущность дѣла о графахъ Зановичахъ, Зоричѣ, Неранчичѣ, Изанъ-бекѣ и баронѣ фонъ-Вульфѣ.

— Такъ младшій Зановичъ тотчасъ ускакалъ въ Москву, какъ Потемкинъ изъ Шклова выѣхалъ въ Дубровну?—спросила императрица, что-то соображая.

— Въ ту же ночь, государыня,—отвѣчалъ Вяземскій.

— Такъ... Я полагаю, что они догадались, зачѣмъ уѣхалъ Потемкинъ,—сказала она, какъ бы размышляя вслухъ.

— Да и еврея, вѣрно, видѣли, какъ онъ приходилъ къ его свѣтлости,—добавилъ Вяземскій.

— Да, точно... Особливо же, когда еврей, побывавъ у Григорія Александровича, тотчасъ же сталъ покупать фальшивыя ассигнаціи. Теперь это для меня ясно: поняви опасность, братья стакнулись, и вотъ меньшой поскакалъ въ Петербургъ, якобы объявить... Но разумнымъ распоряженіемъ Энгельгардта онъ, младшій Зановичъ, былъ схваченъ?

— Точно такъ, государыня, у самой заставы, и съ нимъ найдено болѣе семисотъ тысячъ сторублевыхъ фальшивыхъ ассигнацій.

— Шутка сказать! На семьдесятъ слишкомъ милліоновъ! Да у меня и въ казнѣ столько нѣтъ въ наличности,—глядя въ красивые глаза Ланского, говорила императрица.—Такъ онъ сказалъ Шешковскому, что везъ эти ассигнаціи предъявить?

— Такъ точно, государыня.

— Ахъ, плутъ! А когда онъ воротился изъ за границы.

— Еще зимой, государыня.

— Что жъ онъ тогда же не предъявилъ? А вотъ догадался, что еврей... какъ его?

— Берко Изаксонъ.

— Такъ вотъ, когда Изаксонъ донесъ на нихъ, предъявилъ Потемкину ихъ плутни, такъ тогда и они вздумали предъявлять.

— Да вѣдь станокъ, государыня, печатный нашли у нихъ по обыску и доски.

— А ты видѣлъ станокъ?

— Видѣлъ, государыня; онъ у насъ при дѣлѣ.

— Искусно сдѣланъ?

— Съ такимъ, государыня, мастерствомъ сдѣланъ, что превосходитъ наши казенные станки. Видно, что искусный рѣз-

чикъ за границей дѣлалъ. Только видно, что не русскій: смѣшалъ литеру н а ш ъ съ литерою и ж е, и вышло а с с и г н а ц і я.

Вяземскій досталъ изъ папки одну фальшивую ассигнацію и подалъ императрицѣ.

— Вотъ, государыня, изволь сама видѣть.

— Вижу, вижу,—приглядывалась она къ бумажкѣ,—искусная поддѣлка... Да, точно, а с с и г н а ц і я.

Она черезъ столъ подала ее Ланскому.

— Посмотри, какіе мастера.

Подошли взглянуть на бумажку и Нарышкинъ съ Храповицкимъ.

— Матушка, отдай мнѣ эту бумажку,—сказалъ первый изъ нихъ, разсматривая ассигнацію.

— А зачѣмъ тебѣ?—спросила Екатерина.

— Державинской тещѣ подарю: она все беретъ, ничѣмъ не брезгуетъ *).

Императрица погрозила ему пальцемъ, а по строгимъ глазамъ Вяземскаго скользнула усмѣшка.

— Говорятъ, князь, будто ты тѣснишь Державина?—взглянула на него императрица.

— Помилуй, государыня! Мнѣ ли его тѣснить? Онъ всѣхъ тѣснитъ,—лукаво отвѣтилъ генералъ-прокуроръ,—я бы посадилъ его на мѣсто Шешковскаго, всему бы Парнассу досталось.

Екатерина только улыбнулась.

— Ну, а этотъ, что съ Зановичемъ въ Москвѣ накрыли при ассигнаціяхъ? — спросила она. — Какъ его?.. Сапмораль кажется?.. Monsieur Sans-moral!?

— Салморанъ, государыня.

— Ну, Салморанъ, Sans-moral, все равно. Это что за птица?

— Онъ, государыня, состоитъ учителемъ въ Зоричевомъ кадетскомъ корпусѣ.

— И былъ соучастникомъ этихъ плутовъ Зановичей.

— Такъ точно, государыня. Онъ Шешковскому во всемъ признался. Какъ извѣстно тебѣ, государыня, Зоричъ замотался,

*) «Дневникъ Храповицкаго», стр. 389, 392 и 395.

вошелъ въ неоплатные долги, при его-то богатствѣ. Вотъ Зановичи и обѣщались выплатить за него всѣ долги.

— Вотъ такими-то денежками,—замѣтила императрица, указавъ на фальшивую ассигнацію.

— Именно. Такъ Зановичи и обѣщались расплатиться съ кредиторами Зорича съ тѣмъ, чтобы онъ отдалъ имъ Шкловъ съ принадлежащимъ къ нему имѣніемъ въ ихъ управленіе на столько лѣтъ, пока они не получатъ своей суммы съ процентами; Зоричу же обязывались давать въ годъ по сту тысячъ на прожитіе.

— Каковы молодцы! Именно все messieurs Sans-morals...

— Такъ точно, государыня. Такъ вотъ этотъ Салморанъ и открылъ Шешковскому, что Зановичи просиживали съ Зоричемъ, запершись, цѣлыя ночи, уговаривая его по сему предмету.

— Значитъ, онъ не поддавался, что его должно было уговаривать?—живо спросила императрица.

— Должно полагать, государыня... Такъ вотъ этотъ Салморанъ и употребленъ былъ въ посредство, ибо Зоричъ ему довѣрялъ.

— Что же Зоричъ?—съ тою же живостью допрашивала Екатерина.

— А Салморанъ, государыня, Зорича оправляетъ, якобы онъ не зналъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ.

У Екатерины точно камень съ сердца свалился.

— Не зналъ?.. Я такъ и думала... Зоричъ, можно сказать, двѣ души имѣетъ: любитъ доброе, но дѣлаетъ худое, храбръ въ дѣлѣ съ непріятелемъ, но лично трусъ *).

Вяземскій поклонился.

— Но съ другой стороны, ваше величество,—продолжалъ онъ докладывать,—въ дѣлѣ имѣются указанія, будто Зоричъ неоднократно говаривалъ, что скоро заплатитъ свои долги и будетъ опять богатъ, что и подало сенату подозрѣніе, что самъ Зоричъ участвовалъ въ дѣланіи ассигнацій или же былъ о томъ свѣдомъ **).

— Подозрѣніе, это однако,—возразила императрица,—пи-

---

*) Подлинныя слова императрицы («Дневникъ Храповицкаго», 125).
**) «Записки Энгельгардта», 31.

чѣмъ не подтверждается, какъ я вижу изъ доклада: Салморанъ, самъ же ты говоришь, оправилъ его.

— Точно, государыня, оправилъ.

— А Зановичи?

— И они, государыня, оправили.

— Значитъ, Зоричъ могъ и на самомъ дѣлѣ говорить, что онъ скоро расплатится съ долгами и снова будетъ богатъ отъ Зановичей, положимъ; но все же онъ могъ не знать, что его и вызволятъ изъ долговъ, и обогатятъ фальшивыми ассигнаціями.

— Точно, ваше величество, могъ и не знать.

— Зналъ, значитъ, только Салморанъ, яко посредникъ, и братья Зановичи, яко совершители и затѣйщики всего сего гнуснаго замысла. А Неранчичъ?—спросила она.

— Неранчичъ, ваше величество, тоже могъ ничего не знать,—отвѣчалъ Вяземскій.

— Я то же думаю,—сказала Екатерина,—онъ не смотритъ плутомъ: онъ простота.

— И игрокъ, ваше величество. Это всѣ скажутъ, государыня. Еще когда онъ болтался по Парижу, лѣтъ пять-шесть тому назадъ, то Фонвизинъ встрѣчался съ нимъ тамъ и писалъ о немъ, что Неранчичъ-де «никогда не бралъ книгъ въ руки и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ» *).

Императрица улыбнулась.

— Это на него похоже... А этотъ князь Изань-бей? Точно ли онъ племянникъ султана? Не изъ авантуровъ ли, какихъ нынѣ развелось немало: и Пугачевы, и Богомолевы... Можетъ, онъ такой же родня султана, какъ мнѣ княжка Тараканова?

— Не могу сказать, государыня; но Зоричъ зналъ его еще въ Константинополѣ и пользовался его благодѣяніями. Да и изъ дѣла значится, что когда Зановича накрыли съ инструментами, бей радостно выкликнулъ при всѣхъ и при слѣдователяхъ: «хвала Аллаху! что его поймали». А потомъ, обратясь къ Зоричу, сказалъ: «помнишь, я тебѣ всегда говорилъ, что Зановичи нехорошіе люди».

— Я рада за него,—сказала императрица.—А что этотъ, четвертый, какъ его?

— Баронъ фонъ-Вульфъ, государыня.

---

*) Подлинныя слова Фонвизина о Неранчичѣ (Сочин. Фонвизина, 1866 г., стр. 343).

— Да онъ.

— Изъ дѣла видно, государыня, что онъ тутъ не при чемъ.

— А откуда онъ?

— Изъ его словъ и изъ документовъ видно, что родился онъ въ Голландіи, въ городѣ Амстердамѣ. Отецъ его экипажъ-мейстеръ и вице-адмиралъ въ голландской службѣ, баронъ Іоганнъ фонъ-Вульфъ, и нынѣ живъ. Этотъ же фонъ-Вульфъ, что прикосновенъ къ настоящему дѣлу, въ малолѣтствѣ посланъ былъ отцомъ въ Цесарію для наукъ и жилъ въ Вѣнѣ, и записанъ былъ кадетомъ, гдѣ и дослужился до капитана; а въ 1777 году отставленъ былъ отъ службы..

— А за что?

— По своей волѣ, государыня: а въ 1778 году, поѣхалъ онъ въ Пруссію и записанъ былъ тамъ въ службу, а черезъ годъ отставленъ маіоромъ, и отъ владѣтельнаго графа резиденціи Нассау-Саарбрюкъ, Мондфорта, пожалованъ орденъ «de la Providence». По отставкѣ изъ прусской службы онъ много вояжировалъ по разнымъ странамъ, а въ 1782 году пріѣхалъ въ Россію, чтобъ опредѣлиться въ службу.

— И попалъ къ Зоричу зачѣмъ?—спросила Екатерина.

— Я полагаю, государыня, для протекціи: ему, видно, наговорили, что Зоричъ въ силѣ.

Императрица торопливо, словно украдкой, глянула на Ланского, а потомъ на Нарышкина и замѣтила, что они съ Храповицкимъ что-то разсматриваютъ тамъ на письменномъ столѣ и смѣются, желая это скрыть.

— Ты чему тамъ, повѣса, радуешься?—спросила она Нарышкина.

— Я не радуюсь, матушка, а плачу,—отвѣчалъ тотъ, скорчивъ плаксивую рожу.

— Надъ чѣмъ?—улыбнулась Екатерина.

— Надъ мухой, государыня.

— Надъ какой мухой?

— А вотъ, матушка, въ тенета къ паукамъ попалась.

— А покажи, повѣса.

Онъ всталъ и подалъ императрицѣ листъ, на которомъ было что-то нарисовано карандашомъ.

— Это что такое?—спросила Екатерина.

— А это, государыня, вонъ Александръ Васильевичъ (онъ

указалъ на Храповицкаго, который сидѣлъ красный какъ ракъ),—онъ это, при перлюстраціи, нашелъ въ одномъ пакетѣ.

Императрица невольно разсмѣялась.

— Ахъ ты шпынь! И точно: муха въ паутинѣ... Посмотри-ка (она подозвала къ себѣ Ланского): и муха, и пауки, что запутали ее, видишь?

— Вижу, государыня—отвѣчалъ Ланской,—а у мухи лицо человѣческое.

— А на кого похожъ, узнаешь?

— Ахъ, государыня, да это самъ Зоричъ... Двѣ капли воды.

— А пауки?

— Это, должно быть, Зановичи, государыня.

— Они и есть... Посмотри-ка князь, это твои подсудимые,— подозвала она Вяземскаго.

Вяземскій подошелъ и долго вглядывался въ рисунокъ. Серьезное лицо его кривилось улыбкой.

— Искусно, искусно,—шепталъ онъ, — Захаръ съ метлой тутъ же.

— Гдѣ Захаръ?—спросила императрица.—Я и не замѣтила.

— А вотъ, государыня, изъ двери показывается.

Вяземскій показалъ на нарисованную фигуру Захара съ полотенцемъ подъ мышкой и съ метлой въ рукѣ. Вглядѣвшись поближе въ рисунокъ, императрица громко расхохоталась.

— Ахъ, разбойникъ! Ахъ ты шпынь! Да вѣдь это не Захаръ, это онъ меня нарисовалъ, только нарядилъ Захаромъ... Мое лицо, вылитая...

Рисунокъ произвелъ положительный эффектъ. Всѣ смѣялись. Храповицкій плакалъ отъ слезъ, сморкался и утирался фуляромъ. Императрица блестящими отъ слезъ глазами смотрѣла то на Вяземскаго, то на Ланского.

— А! Меня то—Захаромъ, съ метлой... Ну, Левушка! Буду жъ я Захаромъ: убью пауковъ метлой, а муху выручу изъ бѣды.

Она обернулась къ Нарышкину. Слезы радости сверкали на ея повеселѣвшихъ глазахъ.

— Иди ко мнѣ, Левушка, мой старый, мой лучшій другъ! Я говорила, что твои дурачества несравненно умнѣе многихъ умныхъ затѣй другихъ умниковъ... Дурачествомъ ты часто спасалъ меня отъ неправды отъ жестокихъ приговоровъ... Ты

лучше другихъ знаешь мое сердце... Спасибо же тебѣ, мой другъ!.. Вѣдь я чуть не погубила человѣка невиннаго.

Левушка обнималъ ея колѣни, цѣловалъ край платья...

— Матушка! Ты—великая, ты—премудрая!..

Она выпрямилась и подошла къ столу.

— Князь! Подай опредѣленіе сената.

Вяземскій почтительно подалъ требуемое. Екатерина взяла перо, обмакнула въ чернила и нагнулась къ столу.

— Графовъ Зановичей заключить въ Нейшлотскую крѣпость безъ сроку,—сказала она и написала это.

Вяземскій молча поклонился.

— Учителя Салморана сослать въ Сибирь на вѣчныя времена.

Вяземскій еще разъ поклонился.

— Зорича освободить отъ всякихъ подозрѣній.

Снова Вяземскій кланяется.

— Что касается Изанъ-бея, Неранчича и барона фонъ-Вульфа,—сказала Екатерина, передавая сенатскій журналъ Вяземскому,—то я совѣтовала бы имъ бросить совсѣмъ карты.

VIII. На мѣстѣ храма Ифигеніи въ Тавридѣ.

Прошло около четырехъ лѣтъ.

Зоричъ продолжалъ праздно жить въ своемъ Шкловѣ и съ грустью вспоминать о томъ времени, когда онъ былъ наверху славы и могущества, когда Милліонная, противъ его дворца, была запружена каретами его хвалителей и льстецовъ, съ утра до ночи толпившихся въ его пріемной и ждавшихъ его милостиваго взгляда... Давно все прошло...

И вотъ онъ тоскуетъ въ своемъ Шкловѣ. Зановичи продолжаютъ сидѣть въ нейшлотскихъ казематахъ. Салморанъ—изпывать въ далекой, холодной Сибири. Неранчичъ нашелъ себѣ дѣло—молодечествуетъ въ гусарахъ, шибко идетъ въ гору и попрежнему не выпускаетъ изо рта трубки, а изъ рукъ картъ. У Изанъ-бея умеръ старшій братъ, и султанъ, узнавъ о существованіи Изанъ-бея, повелѣлъ ему возвратиться въ Константинополь и даже приблизилъ его къ своей особѣ: Изанъ-бею по-

ручена была одна изъ высшихъ и почетнѣйшихъ придворныхъ должностей—подавать султану умываться.

Гдѣ же баронъ фонъ-Вульфъ?..

Перенесемся мыслепно на югъ, подъ ясное, бирюзовое небо только что пріобрѣтеннаго отъ Турціи Крыма, къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ Севастополь, Георгіевскій монастырь и Херсонесъ, бывшій Корсунь.

Роскошный майскій вечеръ. Жаркое солнце, которое немилосердно жгло днемъ, съ самаго утра, подбившись далеко къ западу, уже не палитъ, а только нѣжитъ теплотою юга. Спокойное, какъ зеркало, бирюзовое море дышитъ только у берега, неустанно набѣгая на острые зубья прибрежныхъ скалъ и на отшлифованные вѣчнымъ треніемъ приливовъ и отливовъ валуны и гальки. Отъ этого спокойнаго дыханія великана вѣетъ на берегъ тихимъ, ласкающимъ вѣтеркомъ. Надъ моремъ вьются чайки, оглашая тихій воздухъ жалобнымъ крикомъ. Дальше, изъ бирюзы моря бѣлѣются кое-гдѣ небольшіе паруса, словно поднятыя крылья тѣхъ же бѣлыхъ чаекъ. На небѣ хоть бы облачко. На дальнемъ востокѣ высится гигантскою спиною, какъ бы подпирающею небо, исполинскихъ размѣровъ продолговатая скала: это Чатырдагъ, земной тронъ Аллаха.

На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ надъ исполинскимъ обрывомъ къ морю ютится Георгіевскій монастырь, въ концѣ XVIII столѣтія еще ничего не было. Валялись кое-гдѣ обломки каменныхъ плитъ, проросшихъ колючею травою, да кусочки мрамора, какъ бы осколки отъ какихъ-либо зданій, невѣдомо когда здѣсь стоявшихъ и невѣдомо когда разрушившихся и сравнявшихся съ землею. Нѣкоторые русскіе академики, посѣтившіе тогда въ первый разъ Крымъ, утверждали, что на этомъ самомъ мѣстѣ, когда еще Крымъ населяли полудикіе листригоны-разбойники, о которыхъ говоритъ Гомеръ въ одной изъ рапсодій своей «Одиссеи» и тавроскиѳы,—на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ храмъ Діаны, тотъ именно храмъ, главною жрицею въ которомъ была Ифигенія.

Въ описываемый нами вечеръ, 22-го мая 1787 года, на мѣстѣ развалинъ этого храма, надъ глубочайшимъ обрывомъ, на скалистое подножіе котораго тихо, гармонически набѣгали волны бирюзоваго моря и также тихо, гармонически, съ шопотомъ трущихся одна о другую галекъ и съ бѣлоснѣжною пѣною

снова уходили въ это спокойное бирюзовое море, сидѣли какіе-то двое мужчинъ, повидимому, военные, и, казалось, предавались мечтательному созерцанію разстилавшейся передъ ними картины, прислушиваясь къ тихому плеску моря у подножія обрыва и къ жалобнымъ крикамъ чаекъ.

— Такъ бы, кажись, и не сошелъ съ этого мѣста, вѣкъ бы глядѣлъ на это синее море, на скалы, на эти лиловыя горы, вѣкъ бы слушалъ, какъ шепчется о чемъ-то море у берега, никому не повѣдая своихъ тайнъ, и все думалъ бы, думалъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ, задумчиво глядя въ даль.

— А о чемъ думалъ бы?—спросилъ другой, чертя палкой по обломкамъ камней.

— О чемъ? Я и самъ, братъ, не знаю: о томъ, что шепчетъ это море, о чемъ плачутъ эти чайки.

— Эка выдумалъ! Да море ничего не шепчетъ, такъ зря плещется. А о чемъ плачутъ чайки, да просто рыбы захотѣли: онѣ вѣдь жадныя, все имъ жратвы мало.

— А все же думается,—возражалъ первый.

— Чудакъ ты, посмотрю я на тебя,—качалъ головой его собесѣдникъ,—мечтатель ты!

— А развѣ тебѣ ни о чемъ не думается?

— Ни о чемъ... ну, конечно, поѣсть это хорошенько, выпить, переглянуться съ пригоженькой.

— Ну, да я не о томъ... Я вотъ сижу тутъ съ тобой, а мнѣ и думается многое, многое: какъ когда-то смотрѣла на это же синее море Ифигенія, какъ присталъ къ берегу ея братъ, какъ Одиссея прибило къ этимъ берегамъ.

— Да, можетъ, этого никогда и не было, а ты свои мозги бередишь.

— Нѣтъ, было... Вотъ и чайки всегда такъ кричали... Да и чего не видѣлъ этотъ берегъ! И генуэзскіе, и венеціанскіе корабли, что пріѣзжали въ Крымъ за невольниками, и чубатыхъ казаковъ на ихъ лодочкахъ, и Одиссея...

— А ты все со своимъ Одиссеемъ! Ты скажи лучше, что теперь эти татарскіе берега видятъ: великую русскую царицу, цесарскаго императора, разныхъ посланниковъ, весь генералитетъ! Вонъ посмотри, какъ въ Севастопольской бухтѣ расцвѣчены всякими флагами корабли... А то Одиссей, Ифигенія! Да эти полуголые грекосы ничего подобнаго и не видывали.

Вдругъ внизу, значительно правѣе того мѣста, гдѣ сидѣли собесѣдники, за обрывомъ крутой скалы послышался отчаянный женскій крикъ.

— Спасите! Спасите!—доносились откуда-то вопли невидимой женщины.

Собесѣдники вскочили на ноги и стремительно бросились къ тому мѣсту обрыва, откуда неслись крики. Когда они обогнули одинъ выступъ скалы, то за нимъ, у края бездны, неровными зубьями и отвѣсною потомъ стѣною, спускавшейся прямо въ море, увидѣли мечущагося въ отчаяніи пожилого толстаго мужчину, который заглядывалъ внизъ, въ бездну, и въ ужасѣ кричалъ невѣдомо кому:

— Батюшки, помогите! Батюшки, погибла! Кто въ Бога вѣруетъ, спасите!

— Что, гдѣ? Кто упалъ?—спрашивали прибѣжавшіе на помощь.

— Голубчики! Родимые! Жена моя оборвалась, Маша моя!—вопилъ толстякъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и падая на колѣни передъ прибѣжавшими.—Спасите, спасите!

Тотъ изъ прибѣжавшихъ, котораго собесѣдникъ его называлъ «чудакомъ» и «фантазеромъ», высокій, стройный и плечистый блондинъ, съ смѣлымъ, даже дерзкимъ взглядомъ голубыхъ глазъ, схватилъ толстяка за плечи и сталъ трясти.

— Гдѣ, гдѣ она? Куда упала?

— Спасите! Спасите!—вновь послышался женскій, но уже болѣе слабый крикъ, и, казалось, очень близко, почти подъ ногами.

«Чудакъ», бросивъ толстяка, повернулся на крикъ и глянулъ съ крутизны внизъ; но за торчащими надъ обрывомъ камнями ничего не увидѣлъ. Тогда онъ легъ на землю и поползъ къ краю обрыва.

— Милашевичъ!—крикнулъ онъ.—Держи меня за ноги, оба держите!

Тотъ, кого онъ называлъ Милашевичемъ, и толстякъ исполнили его приказаніе: они уперлись колѣнями въ землю и стали держать того, который ползъ къ обрыву.

— Отпустите немного!.. Такъ... будетъ... держите крѣпче!

Онъ вытянулся во весь ростъ, придерживаясь за край обрыва, и глянулъ въ бездну.

— Вижу, вижу,—проговорилъ онъ радостно,—сударыня, держитесь! Подождите нѣсколько секундъ, только не отглядывайтесь въ пропасть и не шевелитесь.

Ему представилось страшное зрѣлище, отъ котораго леденѣла кровь. Молодая красивая женщина, смертельно блѣдная, упершись ногами въ край отвѣснаго обрыва, нависшаго надъ моремъ, и прижавшись къ такой же отвѣсной стѣнѣ, отчаянно держалась руками за выдающійся изъ скалы камень. И надъ нею, и подъ нею изрытыя бороздами стѣны скалъ. Малѣйшее движеніе, слабость въ рукахъ или ногахъ, головокруженіе, и она неминуемо должна была низринуться въ бездну съ страшной высоты. Изъ-подъ ногъ ея выскользали камни и скатывались въ море. Но ей подняться на скалу не было никакой возможности, хотя до уступа, съ котораго она упала, скорѣе сползла, на этотъ ужасный карнизъ, руки ея не доставали на нѣсколько вершковъ. Но и тамъ уцѣпиться было не за что, кромѣ скатывающихся внизъ камней.

Бѣлокурый смѣльчакъ во мгновеніе ока сообразилъ, какъ ему начать дѣйствовать.

— Держитесь!—крикнулъ онъ снова.—Я сейчасъ къ вамъ... Потяните меня!

Его потянули за ноги. Съ вздувшимися на лбу жилами, съ налившимися кровью глазами поднялся онъ на ноги и торопливо пошелъ вправо въ обходъ остраго выступа. Тамъ вела влѣво внизъ узенькая покатость въ родѣ карниза. Онъ пошелъ по этому карнизу, обрушивая камни, которые скатывались съ кручи, прыгали по острымъ выступамъ скалъ и съ гуломъ низвергались въ море. Нѣсколько ниже онъ уже долженъ былъ ползти, чтобы приблизиться къ краю обрыва, къ тому самому мѣсту, гдѣ нѣсколькими четвертями ниже онъ уже видѣлъ оцѣпенѣвшіе на камнѣ пальцы молодой женщины, а еще ниже ея мертвенно-блѣдное лицо и глаза, въ которыхъ виднѣлся невыразимый ужасъ. Черные волосы ея въ безпорядкѣ падали на бѣлое платье, а соломенная шляпа, съ голубыми лентами, глубоко-глубоко внизу, колыхалась на гладкой синевѣ моря.

Смѣльчакъ былъ у цѣли. Онъ опустился на колѣни, уперся этими колѣнями въ выдавшійся передъ нимъ камень и нагнулся.

Въ одно мгновеніе жилистыя руки его вцѣпились въ прики-

пѣвшія къ камню руки молодой женщины, словно тисками сжали кисти ихъ и потянули...

Но опора для смѣльчака, колѣни, была слишкомъ слаба въ наклонномъ положеніи, а тяжесть повисшаго въ его рукахъ тѣла слишкомъ велика... Онъ собралъ всѣ свои силы; лицо его побагровѣло отъ натуги... Еще мгновеніе, и двѣ жертвы разомъ стремглавъ полетятъ въ море...

Но онъ осилилъ! Женщина была поднята на уступъ; только она была уже безъ сознанія.

— Она спасена! Молитесь Богу!—огласилъ скалы и море радостный крикъ.

— Маша моя! Маша моя!—рыдалъ отъ счастья мужъ; но выступъ скалы мѣшалъ ему видѣть, что дѣлалось внизу.— Маша! Голубка! Иди скорѣй!

— Она въ обморокѣ! Погодите!—отвѣчали снизу.

Обморокъ продолжался, впрочемъ, недолго. Она открыла глаза. Надъ нею, стоя на колѣняхъ, склонился кто-то незнакомый и держалъ ее за руку. Надъ нею, выше, нависли скалы, а тамъ, глубоко внизу, синѣло ужасное море. Сознаніе вернулось къ ней, она все поняла и все вспомнила. Она вспомнила эти голубые глаза, которые глядѣли на нее въ самую страшную минуту жизни.

— Вы спасли меня... Кто вы, добрый ангелъ?—слабо спросила она.

— Я, сударыня, странствующій воинъ-иностранецъ.

— Ваше имя, государь мой?

— Баронъ фонъ-Вульфъ, къ вашимъ услугамъ.

Она притянула его руку къ губамъ и поцѣловала.

— Что вы, сударыня!—вырвалъ онъ руку.

— Я должна ноги ваши цѣловать... Я такъ хочу жить

Поддерживаемая своимъ спасителемъ, она поднялась.

— Да, я здѣсь было погибла... Тутъ камни осунулись...

— Дайте руку, вотъ такъ... держитесь... сюда ступайте... не глядите внизъ...

— Съ вами я не боюсь.

— Ступите ногой вотъ сюда такъ... Придержитесь за этотъ уступъ...

— Благодарю, вы мой спаситель!

— Вотъ мы и выбрались!—радостно сказалъ, наконецъ, фонъ-Вульфъ.—Вотъ ваша супруга, государь мой! Берегите ее...

Толстякъ бросился на колѣни, плакалъ и не зналъ, чьи ноги обнимать, женщины ли отъ радости, или ея спасителя...

— Машурочка моя! Голубушка!.. Государь мой! Спаситель! Милостивецъ!

— Поздравляю!—обнималъ своего друга Милашевичъ.— Ты герой!

Толстякъ не скоро пришелъ въ себя. Онъ порывисто обнималъ и жену, и ея спасителя.

— Государь мой! Кому я обязанъ спасеніемъ моего сокровища?—бормоталъ онъ.—Кого я долженъ благодарить, за кого молиться?

— Имѣю честь рекомендоваться: маіоръ прусской службы, баронъ фонъ-Вульфъ, а это мой другъ корнетъ Милашевичъ,— отвѣчалъ блондинъ.

— Очень радъ, очень радъ! Службы ея императорскаго величества генералъ-маіоръ Ляпуновъ, Ляпуновъ-съ... сочту за честь... жена моя, Марія Дмитріевна-съ... Ахъ ты ласточка моя!.. Да какъ ты туда угодила? Я и опомниться не могу... вдругъ, слышу, крикъ... Ахъ ты, Господи!.. Ахъ вы, благодѣтели мои!

— У меня до сихъ поръ руки и ноги дрожатъ,—сказала молодая генеральша,—я сяду.

— Садись, садись, Маша! Ишь бѣдная!.. И какъ это тебя угораздило?

— Въ самомъ дѣлѣ, сударыня,—вѣжливо обратился къ ней фонъ-Вульфъ,—разскажите, какъ вы тамъ очутились?

— Стыдно и признаться,—отвѣчала молодая женщина, краснѣя,—просто по глупости, по капризу... Въ Крыму я первый разъ теперь: къ мужу вотъ изъ Москвы пріѣхала.

— А я, государи мои,—пояснилъ генералъ,—командированъ былъ сюда по подводной части, насчетъ поставки лошадей подъ государынинъ вояжъ, а жена въ Москвѣ оставалась.

— Такъ вотъ я и пріѣхала сюда на-дняхъ, а сегодня мы съ мужемъ променадъ учинили сюда, хотѣлось мнѣ всѣ эти мѣста видѣть. Мы и пріѣхали сюда, вышли изъ коляски и подошли вотъ къ этому мѣсту. Мы и сѣли здѣсь полюбоваться моремъ и этой бездной. Все это мнѣ такъ понравилось, такъ понравилось, что я, кажется, не ушла бы отсюда.

Милашевичъ украдкой, но многозначительно взглянулъ на своего друга.

— Сижу я и любуюсь,—продолжала генеральша,—а онъ и вздремнулъ.

— Да, государи мои, согрѣшилъ,—перебилъ ее мужъ,—задумался это, заглядѣлся на сіи красоты и заснулъ грѣшнымъ дѣломъ.

— А я сижу и слушаю, какъ чайки кричатъ,—снова продолжала генеральша,—и вижу я, что вонъ тамъ, у того обрыва, одна чайка все садится: я и догадалась, что тамъ у нея гнѣздо и дѣти, я видѣла, какъ она ихъ кормила. А я молодыхъ чаекъ никогда не видала, и захотѣлось мнѣ взглянуть на гнѣздо. Я же въ дѣвушкахъ ужасная была шалунья, въ деревнѣ у себя и по горамъ, и по оврагамъ, и по деревьямъ лазила, и вообще лазить мастерица. Вотъ я и спустилась туда вонъ, откуда вы меня втаскивали наверхъ,—обратилась она къ фонъ-Вульфу, вся вспыхнувъ,—хотѣла я шагнуть туда дальше, на ту сторону, чтобъ добраться до чайкина гнѣзда, а подо мной камни и обсыпались, я и покатилась внизъ, да, слава Богу, зацѣпилась за выступъ, гдѣ вы меня и спасли... Замедли вы минуту, и меня не стало бы въ живыхъ: я ужъ и такъ отдавала душу свою Богу.

— А я-то, представьте себѣ, вдругъ слышу, крикъ! Просыпаюсь— нѣтъ Маши!.. Это она кричитъ, а гдѣ, не вижу! Я чуть съ ума не сошелъ, хотѣлъ съ кручи броситься прямо въ море: думалъ, она тамъ... А тутъ вы прибѣжали... А я-то съ моей тучностью... да гдѣ бы мнѣ!

Генералъ только руками развелъ.

Между тѣмъ вечерѣло. Солнце все ниже и ниже опускалось къ бирюзовому морю, которое принимало теперь другую окраску, лиловую. Тѣнь отъ небольшого скалистаго островка, торчавшаго изъ моря въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ берега, становилась гигантскою и широкою полосой вползала на обрывистые утесы. Чайки, отлетая на ночлегъ, какъ бы прощались съ заходящимъ солнцемъ жалобными криками. Скалистая вершина Чатырдага ярко горѣла отраженнымъ свѣтомъ опускавшагося въ море огненнаго шара. Вотъ уже часть его диска погрузилась въ воду. Остальная его часть, постоянно утопая въ далекой безднѣ, все болѣе и болѣе багровѣла. Вотъ-вотъ остается только небольшой окраскъ багроваго шара, изъ котораго, казалось, брызгали

огненные лучи, зажигавшіе цѣлую треть опрокинувшагося надъ моремъ голубого, все болѣе и болѣе темнѣвшаго неба. Вотъ и послѣдній окраекъ багроваго диска все таетъ, таетъ, все глубже утопаетъ въ далекой пучинѣ, свѣтится лишь одна огненная точка, брызжащая огненными лучами. Накопецъ, и она утонула, брызнувъ въ послѣдній разъ золотыми питями.

— Что же мы?—какъ бы спохватилась генеральша.— Что мы не просимъ нашихъ дорогихъ... знакомыхъ... къ намъ на чашку чаю?

Генералъ встрепенулся.

— Да, да, душа моя! Милости просимъ, осчастливьте, господинъ баронъ...

— Благодарю... я...

— Нѣтъ, нѣтъ! И вы, молодой человѣкъ.

— Mercі... Я очень радъ...

— Да, да!—суетился генералъ.—Мы ваши вѣчные должники и не отпустимъ васъ...

— Но мы въ такомъ костюмѣ...

— Въ охотничьемъ? Что жъ! Не на балъ ѣдемъ.

— Мы и ружья тамъ оставили въ суматохѣ.

— Что жъ! И ружья заберемъ.

— Только ужъ мнѣ не взять своей шляпки,—слабо улыбнулась генеральша,—бѣдненькая!

— Да, ужъ шляпочка твоя тю-тю!.. Поминай, какъ звали... Слава Богу, что уцѣлѣло то, на что шляпочку надѣваютъ,— сострилъ генералъ.—Ну, съ Богомъ, господа, коляска недалеко: кстати же она четверомѣстная, хватитъ на всѣхъ.

Стали собираться. Милашевичъ побѣжалъ за ружьями.

— А вы меня, баронъ, ужъ и до коляски доведите,—обратилась генеральша къ фонъ-Вульфу.

— Съ удовольствіемъ,—и онъ подалъ ей руку.

— У меня и теперь руки и ноги дрожатъ... Вонъ я какая... Вамъ тяжело?

— Нисколько, увѣряю васъ.

— Ужъ если господинъ баронъ вытащилъ тебя изъ могилы,—радостно болталъ генералъ,—такъ до коляски довести плевое дѣло.

IX. Роковая минута.

Черезъ нѣсколько дней изъ Севастополя по направленію къ тому мѣсту, гдѣ были развалины храма, въ которомъ жрицей была Ифигенія, ѣхалъ всадникъ рядомъ съ амазонкой.

Въ высокомъ, бѣлокуромъ всадникѣ можно было узнать барона фонъ-Вульфа. Красивая посадка, умѣнье обращаться съ лошадью и безпечный видъ, съ которымъ онъ управлялъ горячимъ скакуномъ, сразу изобличали въ немъ хорошаго кавалериста. Въ амазонкѣ, красиво перетянутой чернымъ кушакомъ, и съ розою на пышной груди, также нетрудно было узнать молоденькую генеральшу Ляпунову.

Она весело болтала о послѣднихъ событіяхъ, которыми былъ взволнованъ весь полуостровъ и весь югъ Россіи, о посѣщеніи Крыма и Севастополя императрицею въ сопровожденіи австрійскаго императора Іосифа II, скрывавшаго, ради этикетныхъ мелочей, свой императорскій санъ подъ инкогнито графа Фалькенштейна, и съ блестящею свитою, состоявшею изъ посланниковъ, министровъ и придворной знати.

Ляпунова была полненькая брюнетка, съ большими черными глазами и смуглою, немножко цыгановатаго цвѣта кожею кругленькаго личика, съ крупными какъ у египетскихъ сфинксовъ губами и нѣсколько вздернутымъ носикомъ. Черная коса, полуприкрытая полями шляпки, отливала вороновымъ крыломъ.

— Мамонова, говорятъ, она не отпускаетъ отъ себя ни на шагъ,—болтала молоденькая генеральша, играя хлыстикомъ.

— Да, къ одному Потемкину, кажется, неизмѣнны, потому что онъ нуженъ и умнѣй ихъ всѣхъ... А вотъ мы и пріѣхали къ тому мѣсту, гдѣ вы...

— Не я, а вы!—засмѣялась генеральша.

— Что я?—улыбнулся фонъ-Вульфъ.

— Гдѣ вы показали себя героемъ.

— Помилуйте! Какое это геройство! А хотите, сударыня, удовлетворить ваше любопытство?—спросилъ фонъ-Вульфъ.

— Какое любопытство?—спросила амазонка.

— Да взглянуть на молоденькихъ чаекъ? Слышите, какъ онѣ опять кричатъ? Хотите?

— Ай, нѣтъ! Нѣтъ! Будетъ и одного разу.

— Я ихъ покажу вамъ!

— Какъ покажете, баронъ?

— Достану изъ гнѣзда.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Ни за что! Я умру со страху.

— Помилуйте, Марья Дмитріевна, это совсѣмъ не опасно.

Они остановились поодаль отъ обрыва. Фонъ-Вульфъ сошелъ съ сѣдла и помогъ спрыгнуть на землю своей хорошенькой спутницѣ.

— Ахъ, какъ я рада! Мы здѣсь посидимъ, поглядимъ на море, помечтаемъ... Я такъ люблю мечтать,—болтала она.

— О чемъ же вы мечтаете?

— Ахъ, да развѣ можно все припомнить!.. Вы говорили, что здѣсь когда-то былъ храмъ Діаны: гдѣ же это мѣсто?

— Да вотъ тутъ, гдѣ мы стоимъ.

— Такъ тутъ была жрицей Ифигенія?

— Да, ученые утверждаютъ, что тутъ именно.

Амазонка разсмѣялась.

— Чему вы смѣетесь?—спросилъ фонъ-Вульфъ.

— Такъ... Мнѣ пришло въ голову... Вѣдь Ифигенія любила купаться въ морѣ.

— Полагаю, что любила: вѣдь она была гречанка, а для грека море его стихія.

— Какъ же она тутъ сходила къ морю, съ такой крутизны, развѣ это можно?

— Значитъ, она была только храбрѣе васъ,—улыбнулся фонъ-Вульфъ.

— А можетъ быть у нея былъ свой баронъ, какой-нибудь Ахиллесъ, который помогалъ ей взбираться сюда по скаламъ,— засмѣялась амазонка.

Вульфъ отвелъ лошадей въ сторону, и такъ какъ привязать ихъ было не къ чему, то онъ къ концамъ поводьевъ привалилъ по тяжелому камню и, возвратившись къ своей спутницѣ, сказалъ:

— Ну, теперь я готовъ удовлетворить ваше любопытство,— и смѣло сталъ спускаться по обрыву.

— Ай-ай! Куда вы, баронъ?—испуганно воскликнула Лапунова.

— Къ Ифигеніи, сударыня,—отвѣчалъ тотъ, продолжая спускаться.

— Ахъ, Боже мой! Что вы дѣлаете? Вернитесь, вернитесь!

Но фонъ-Вульфъ спускался все ниже. У одного выступа онъ повернулъ нѣсколько вправо и сталъ взбираться на отдѣльно выдавшійся утесъ съ уступами. Ляпунова съ испугомъ слѣдила за его движеніями; она даже поблѣднѣла.

— Ради Бога, баронъ!—умоляла она.—Не рискуйте вашей жизнью!

— Моя жизнь пустая, не стоитъ о ней жалѣть,—отвѣчалъ тотъ, продолжая карабкаться.

— Но ваша жизнь... понимаете... я...

Она не договорила. Фонъ-Вульфъ былъ уже на верхушкѣ скалы. Съ отчаяннымъ крикомъ чайки кружились надъ нимъ, чуть-чуть не задѣвая крыльями его головы.

— Нашелъ! Нашелъ!—кричалъ онъ оттуда.

— Что нашли?

— Гнѣздо молодыхъ чаекъ... Ахъ, какія онѣ смѣшныя!

Онъ вынулъ изъ кармана платокъ, положилъ въ него одного птенца, привязалъ концы платка къ пуговицѣ камзола и сталъ спускаться съ утеса. Чайки продолжали метаться надъ нимъ и кричать. Сойдя съ отдѣльнаго утеса, онъ сталъ подниматься вверхъ, къ тому мѣсту, гдѣ все еще въ страхѣ ожидала его Ляпунова.

— Какъ вамъ не стыдно! Какъ вамъ не грѣхъ пугать меня!—укоряла она.

Но онъ скоро взобрался на вершину.

— Вотъ она, извольте любоваться Ифигеніей.

И, отцѣпивъ отъ камзола платокъ, онъ положилъ его около Ляпуновой и расправилъ. Испуганная чайка, еще не оперившаяся, сидѣла неподвижно, сжавшись въ комочекъ.

— Ахъ, бѣдненькая! Да какая она жалкая... И зачѣмъ вы ее отняли у матери?

— Чтобъ вамъ показать.

— Но мнѣ ее жаль, баронъ.

— Я ее опять отнесу въ гнѣздо.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ страшно за васъ.

— Да вы же видѣли, какъ я легко взобрался туда.

— А все же мнѣ страшно.

Она была взволнована. Лицо горѣло. Вульфъ, ничего не за-

мѣчая, снова свернулъ платокъ вмѣстѣ съ чайкой, привѣсилъ его къ пуговицѣ и сталъ спускаться.

Онъ скоро опять воротился наверхъ. Утомленный двукратнымъ подъемомъ, онъ тяжело дышалъ и опустился на землю около своей спутницы, которая полулежала и любовалась разстилавшеюся передъ нею морскою далью.

— Какъ хорошо здѣсь,—тихо сказала она.

— Да... жаль будетъ уѣзжать отсюда.

— Но вѣдь вы еще пожывете здѣсь.

— Нѣтъ, добрая Марья Дмитріевна, я завтра ѣду.

— Какъ завтра?—испуганно спросила она.

— Къ сожалѣнію, да.

— Кто же васъ гонитъ отсюда?

Фонъ-Вульфъ, глядя вдаль, не замѣтилъ, какъ она поблѣднѣла, и продолжалъ тѣмъ же равнодушнымъ тономъ, нѣсколько задумчиво:

— Я, вѣдь, бродяга, Марья Дмитріевна, мнѣ не сидится на мѣстѣ. Я говорилъ вамъ, что родился въ Голландіи, но меня не тянетъ туда, можетъ быть, потому, что дѣтство и раннюю молодость я провелъ въ Цесаріи. Потомъ служилъ въ Пруссіи. Служба надоѣла, и я сталъ скитаться, какъ цыганъ. Вояжировалъ я по Франціи, Гишпаніи, по Италіи. Соскучился и тамъ. Дай, думаю, проберусь въ Россію—страна невѣдомая, обычаи мнѣ незнакомые. И вотъ я уже пять лѣтъ въ Россіи. Русскій языкъ, хоть и труденъ онъ, но мнѣ дался скоро, и видите, что я говорю, какъ русскій. Много за это время я успѣлъ перечитать по-русски, многое изъ Державина наизусть знаю... Но сталъ я и въ Россіи скучать... Не знаю, гдѣ и дѣваться. И надумалъ я закатиться въ Турцію, только не знаю, какимъ путемъ. Хотѣлось бы вотъ такъ, по этому синему морю, да боюсь, что опять Россія начнетъ войну съ Турціей, и тогда я не знаю какъ и быть.

Онъ замолчалъ. Далеко въ морѣ бѣлѣлись паруса.

— Вонъ подъ тѣми бы парусами и улетѣлъ далеко далеко,—продолжалъ онъ задумчиво, — недаромъ Милашевичъ называетъ меня мечтателемъ... Можетъ быть, это и правда... Но меня всегда тянетъ къ чему-то невѣдомому...

— И вамъ никогда не жаль разставаться?—тихо спросила молодая женщина.

— Съ кѣмъ?

— Ну... съ знакомыми... съ родными...

— У меня нѣтъ родныхъ, одинъ отецъ, да и съ тѣмъ я чуть ли не съ дѣтства не видался.

— А друзья?—спросила еще тише.

— Какіе у бродяги друзья!

— Ну... хоть бы Милашевичъ.

— Милашевичъ добрый малый, только... да что объ этомъ говорить! Я вѣдь отпѣтый.

Занятый своими собственными думами, онъ ничего не замѣчалъ. Между тѣмъ, Ляпунова, нервно теребя свой платокъ, съ трудомъ удерживалась, чтобъ не заплакать.

— А развѣ вы никого не любили?—спросила она чуть слышно.

— Э! Добрая Марья Дмитріевна, эта роскошь не для бродягъ.

Онъ машинально поднималъ съ земли камни и сбрасывалъ ихъ съ обрыва. Брошенные камни, стремительно низвергаясь по отвѣсу, срывали на пути другіе камни, и все это съ грохотомъ падало въ море.

Вдругъ ему показалось, что около него кто-то тихо всхлипываетъ. Поднявъ голову, онъ увидѣлъ, что Ляпунова, припавъ лицомъ къ платку, беззвучно рыдала.

— Марья Дмитріевна, что съ вами?—испуганно спросилъ онъ.

Молодая женщина не отвѣчала. Только голова ея и плечи вздрагивали.

— Ради Бога! Марья Дмитріевна! Вамъ нездоровится?

Онъ хотѣлъ было отнять ея руки отъ лица, но она еще съ большей силой припала къ нимъ и продолжала плакать.

— Дорогая! Марья Дмитріевна!

— Оставьте меня! Вамъ никого не жаль...

— Милая! Добрая моя, я не зналъ, я не смѣлъ...

— Поѣзжайте въ Турцію!.. Тамъ найдете себѣ турчанку...

Блѣдный, съ дрожащими губами, онъ вскочилъ на ноги, въ одно мгновеніе поднялъ съ земли рыдающую женщину и понесъ ее, самъ не зная куда, осыпая поцѣлуями ея плечи и щеки...

— Милый! Милый!.. Развѣ ты не видѣлъ...

Море продолжало съ ровнымъ, гармоническимъ рокотомъ набѣгать на скалистый берегъ, чайки кричали, бѣлые паруса убѣгали все дальше-дальше...

X. «Я червь, я рабъ»...

Фонъ-Вульфъ не уѣхалъ въ Турцію.

Напротивъ... Ровно черезъ годъ послѣ описанной нами сцены на мѣстѣ бывшаго храма Ифигеніи въ Тавридѣ мы встрѣчаемъ этого барона въ странной, неожиданной обстановкѣ, и при томъ въ странномъ видѣ... Баронъ въ Москвѣ, подъ арестомъ...

Онъ пьянъ и бушуетъ въ арестантскомъ помѣщеніи московскаго нижняго надворнаго суда. Одѣтъ онъ въ гусарскую форму. Вмѣстѣ съ нимъ бушуетъ другой офицеръ.

— Какова сторонка!—кричитъ фонъ-Вульфъ, шагая изъ угла въ уголъ довольно просторной комнаты, «офицерской», и ероша свои пепельные волосы.—Меня, барона фонъ-Вульфа, капитана австрійской, маіора прусской службы, ротмистра русскаго венгерскаго гусарскаго полка, кавалера ордена «de la Providence», меня ни за что, ни про что схватить и держать пять дней подъ арестомъ!

— Какъ ни за что, ни про что!—приступилъ къ нему товарищъ по заключенію.—А просрочилъ отпускъ?

— Плевалъ я, братъ Алеша, на просрочку,—отстранялъ его Вульфъ, продолжая шагать.

— Ну, нѣтъ, Ѳедя, не плюй! Это, можетъ, у васъ, въ Цесаріи, либо въ Голландіи наплевать; а у насъ, братъ, шалишь!

— Толкуй!

— Да, толкую... У насъ на этотъ счетъ, братъ, строго: у насъ ежели бы вашъ цесарскій императоръ просрочилъ, такъ и его, раба Божія, въ кутузку.

— Хороша сторонка! И чортъ меня дернулъ остаться въ ней... А все баба...

— Какая, Ѳедя, баба?—заинтересовался Алеша, подпоручикъ Дорожинскій.

— Генеральша одна.

— Тьфу!.. Старуха?

— Врешь, подлецъ, молодая.

— Постой, Ѳедя, я поиграю на гусляхъ, а ты попляши.

— Убирайся ты къ чорту съ твоими гуслями!

Но пьяненькій Алеша не унывалъ. Онъ подсѣлъ къ стоявшимъ въ комнатѣ гуслямъ и сталъ играть. Гусли поставлены были въ офицерской для развлеченія арестованныхъ господъ офицеровъ.

— Ѳедя! А Ѳедя—переставъ играть, заговорилъ онъ.

— Что? Какого тебѣ еще чорта?—сердито спросилъ фонъ-Вульфъ.

— Какъ зовутъ твою генеральшу? Не Катенькой?

— Отвяжись! Машенькой.

Дорожинскій заигралъ модный тогда гусарскій романсъ на стихи Державина «Пѣсенка», которая напечатана была въ августовской книжкѣ «Санктъ-Петербургскаго Вѣстника» за 1780 годъ, и запѣлъ довольно пріятнымъ теноромъ:

Цари! вы свѣтомъ обладайте,
Мнѣ не завидна ваша часть,
Стократъ, мнѣ лестнѣе, вы знайте,
Надъ нѣжнымъ сердцемъ сладка власть;
Деритесь, славьтесь, устрашайте,
А я подъ тѣнью миртъ стою
И—Машеньку мою пою.

Пѣніе вызвало въ фонъ-Вульфѣ нѣжныя чувства, и онъ бросился обнимать своего друга.

— Алеша! Голубчикъ! Вотъ удружилъ! Никогда не забуду! Знаешь что?

— А что?

— Поѣдемъ ко мнѣ.

— Куда?

— Да въ мой домъ... Вѣдь, у меня, въ Москвѣ, братъ, свой домъ, барскій.

— Да насъ, Ѳедя, отсюда не выпустятъ.

— Кто смѣетъ не пустить!—закричалъ фонъ-Вульфъ.— Эй, вахмистръ!—крикнулъ онъ, отворивъ дверь.

На зовъ явился старикъ солдатъ и остановился у притолки.

— Чего изволите, ваше благородіе?—спросилъ онъ.

— Кликнуть ссйчасъ карету!

— Какую карету, ваше благородіе?

— Мы вотъ съ Алешей поѣдемъ ко мнѣ.

— Этого, ваше благородіе, нельзя-съ.

— Какъ нельзя? Пошелъ вонъ! Покликать карсту!

— Я вамъ съ учтивствомъ, ваше благородіе, докладываю: я васъ не пущу, не приказано.

— А! Не пустишь! Не пустишь, гарнизонная крыса!

Фонъ-Вульфъ схватилъ старика за шиворотъ и «трясъ, какъ грушу». На выручку старика вбѣжалъ капралъ.

— Что здѣсь за шумство! — крикнулъ онъ. — Я солдатъ чозову.

— А! Солдатъ позовешь!—накинулся на него Алеша.

— Безпремѣнно позову, здѣсь не кабакъ.

— Вонъ! Видишь, гнилая крупа!

И Алеша вынулъ изъ-за пояса пистолетъ. Другой торчалъ у него тамъ же.

— Вонъ! А не то... Ты знаешь, капалья, что мы офицеры?— кричалъ онъ.

— Вонъ! — повторилъ и Вульфъ, бросивъ трепать вахмистра.—Налѣво кругомъ, маршъ!

И вахмистръ, и капралъ должны были удалиться, потому что они справедливо опасались, какъ бы арестованные офицеры не пустили въ дѣло пистолетовъ.

Оставшись вдвоемъ, буяны успокоились. Дорожинскій опять присѣлъ къ гуслямъ и запѣлъ:

Цари! вы свѣтомъ обладайте...

А фонъ-Вульфъ опять сталъ шагать изъ угла въ уголъ и разговаривать самъ съ собою.

— Это онъ изъ ревности, старый башмакъ... Онъ давно догадывался, что Маша ему рога приставила... Еще бы, старый тюфякъ! Ein plumter Kerl!.. А холуямъ его отъ меня еще достанется, не доноси!.. Нѣтъ, уѣду опять въ Цесарію, а оттуда въ Турцію... Въ этой варварской странѣ жить нельзя, за всякій пустякъ арестуютъ, Donner-Wetter!.. И Маша уѣдетъ со мной, теперь онъ ее, plumte Kerl, поѣдомъ ѣстъ, à belles dents... Домъ продамъ и уѣдемъ...

— Эй, господинъ баронъ! Вы что меня не слушаете?—перестанъ играть, заговорилъ Дорожинскій.

— А ты что пѣлъ?—спросилъ фонъ-Вульфъ.

— Что? А развѣ ты не слыхалъ?

— Не слыхалъ, Алеша.

— Я... я Машеньку твою пою.

Въ это время въ комнату вошелъ дежурный офицеръ съ секретаремъ надворнаго суда и съ шестью стоявшими на караулѣ солдатами.

— Здравствуйте, господа,—сказалъ офицеръ.

— Здравствуйте, — отвѣчалъ фонъ-Вульфъ. — Что вамъ угодно?

— Мнѣ приказано отобрать у васъ оружіе.

— Со мной нѣтъ оружія.

— Но у господина Дорожинскаго за поясомъ пистолеты.

— Да-съ, — отвѣчалъ Дорожинскій запальчиво, — есть, только я ихъ не отдамъ вамъ, господинъ офицеръ. Они мнѣ нужны для защиты.

— На васъ никто не нападаетъ.

— Сейчасъ нападали.

— Кто же?

— Нахалъ капралъ и вахмистръ.

Не успѣлъ онъ это выговорить, какъ солдаты бросились на него и схватили за руки. Началась борьба. Дорожинскій успѣлъ повалить двухъ солдатъ, но другіе держали его за руки.

— Баронъ! Ѳедя! Другъ! На выручку! — кричалъ арестуемый.

— Пустите его,—вмѣшался было фонъ-Вульфъ; но офицеръ съ секретаремъ и двумя солдатами заступили ему дорогу.

— Подлецы! Канальи! Разбойники!—кричалъ Дорожинскій.

Но его повалали на полъ и отняли пистолеты. Пистолеты оказались заряженными. Дорожинскій продолжалъ наступать на солдатъ.

— Перестаньте буйствовать! — закричалъ на него секретарь.—А то я велю васъ обоихъ связать.

— Связать! Меня?—подступилъ къ нему фонъ-Вульфъ.

— Да, и тебя, не посмотрю, что ты баронъ, можетъ быть, ты бродяга!

— Я бродяга!

— Да, праздношатающійся, можетъ быть, самозванецъ.

— Такъ вотъ же тебѣ, н-на!

Звонкая пощечина огласила комнату, и секретарь, схватив-

шись за щеку, стремительно убѣжалъ въ «судейскую камеру».

Офицеръ старался успокоить расходившагося барона, говорилъ, что секретарь самъ виноватъ въ полученіи удара по щекѣ, что онъ не смѣлъ говорить такъ дерзко офицеру, и что онъ за это будетъ наказанъ; но что и господину барону не слѣдовало прибѣгать къ самоуправству. Пистолеты же ни въ какомъ случаѣ нельзя было оставить у господина подпоручика, что это строго воспрещено закономъ.

Буяны опять успокоились, и офицеръ увелъ съ собою солдатъ.

— А чортъ съ ними!—махнулъ рукой Дорожинскій.—Давай лучше пѣть, Ѳедя.

— Я не хочу пѣть, мнѣ не до пѣнія, — отвѣчалъ фонъ-Вульфъ.

— Что такъ? Ты все по своей Машенькѣ убиваешься, Ѳедя? Эхъ, плюнь на все! Вѣдь когда-нибудь помремъ... Помнишь?

Глаголъ временъ! металла звонъ!

— Такъ-то, Ѳедя... И не такіе были, какъ мы, да помирали...

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?..
Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ должно намъ, конечно...

— Вотъ что, Ѳедя, голубчикъ... Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ, а я что? Я подпоручикъ... Ты вотъ баронъ и маіоръ, и ротмистръ, и кавалеръ ордена «de la Providence»; а я что? Подпоручикъ! Вонъ говорятъ: курица—не птица, подпоручикъ—не офицеръ, а ты птица, орелъ!

— А опъ смѣлъ меня бродягой назвать!

— Плюнь на это, Ѳедя... Помни это, голубчикъ:

Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ и къ гробу приближаетъ.

Но фонъ-Вульфъ не могъ успокоиться. Онъ быстро всталъ и направился въ судейскую камеру. Тамъ, кромѣ секретаря, никого не было. Смирновъ сидѣлъ, пригнувшись къ столу, и что-то писалъ, не оборачивая головы. Фонъ-Вульфъ подошелъ къ нему и, схвативъ за воротъ, приподнялъ со стула.

— Что ты! Что ты!—испуганно вскрикнулъ тотъ.

— А! Знаешь, кто я?—трясъ его Вульфъ.

— Какъ же... ой! Знаю, Ѳедоръ Ивановичъ Вульфъ...

— А! Теперь Ѳедоръ Ивановичъ!

— Ой, пустите!

— То-то, пустите... У меня чины, баронскій титулъ, а ты назвалъ меня бродягой!

— Караулъ!

— Меня императоръ Іосифъ II лично зналъ...

— Батюшка! Ѳедоръ Ивановичъ! Простите!

Фонъ-Вульфъ выпустилъ свою жертву изъ рукъ и ушелъ въ свою комнату.

— Вотъ что, Ѳедя,—обратился къ нему Дорожинскій,—ты тамъ, я слышалъ, тово? Нѣтъ, Ѳедя, ты помягче будь къ народу-то... Вить они, приказные, что! чернь народъ... А Державинъ что говоритъ?

Пускай въ подсолнечную трубитъ
Тиранъ своимъ богатствомъ страхъ:
Когда кого народъ не любитъ,
Полки его и деньги—прахъ!

— Вотъ что, братъ Ѳедя... Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ... А мы что!

Я червь, я рабъ...

— А я!—ударилъ себя въ грудь фонъ-Вульфъ:

Я царь! я Богъ!

— И вдругъ какой-нибудь секретаришка нижняго надворнаго суда! Да я его, тррръ! Donner-Wetter!

XI. Въ тайной экспедиціи.

Утромъ слѣдующаго дня передъ крыльцомъ нижняго надворнаго суда стояла страннаго вида карета, въ видѣ глухой звѣриной клѣтки. По бокамъ у нея оконъ не было, равно не было и дверецъ, и только позади кузова чернѣло небольшое квадратное окошечко съ желѣзною рѣшеткою. Карета была запряжена въ одну лошадь, а на козлахъ сидѣла черная фигура, какія ходятъ только рядомъ съ катафалками.

Въ церквахъ звонили медленно, глухо, какъ звонятъ обыкновенно въ великій постъ, потому что эта была пятница вербной недѣли.

Прохожіе, завидя странную карету, останавливались, но ходившій у крыльца съ алебардою часовой отгонялъ ихъ, сурово приговаривая:

— Проходите, проходите, не ваше дѣло.

Вскорѣ на крыльцѣ показался солдатъ съ ружьемъ и съ кожаной сумкой черезъ плечо. За нимъ шелъ Вульфъ. За Вульфомъ еще солдатъ съ ружьемъ, но безъ сумки. Сойдя съ крыльца, первый солдатъ отворилъ дверцу въ задней части короба мрачной кареты, пропустилъ въ нее фонъ-Вульфа, захлопнулъ и засунулъ наружнымъ засовомъ.

— Въ тайную!—скомандовалъ онъ, и карета двинулась.

Солдаты шли за каретою. Въ рѣшетчатое окошечко виднѣлось блѣдное лицо Вульфа. Онъ глядѣлъ задумчиво, сосредоточенно, какъ бы не видя того, что дѣлалось на улицахъ, по которымъ его провозили. А на улицахъ было большое оживленіе. Москва готовилась встрѣчать Лазареву субботу. Одни шли къ часамъ, другіе на рынки. Бабы и мальчишки тащили вороха вербъ съ бумажными цвѣтами и херувимами. Сбитенщики выкрикивали сбитень горячій. Какой-то старикъ тащился за каретой, позади солдатъ, и протяжно нараспѣвъ выкрикивалъ:

Макъ медовый,
Для сна бѣдовый.

Вульфъ, казалось, внимательно прислушивался къ тому, что кричалъ старикъ, но мысль его была далеко отсюда... Думалъ ли онъ, загадывая о Россіи, что его съ такимъ позоромъ повезутъ по улицамъ Москвы? И того ли онъ ожидалъ, когда тамъ, на далекомъ югѣ, на мѣстѣ храма Ифигеніи, онъ, охваченный порывомъ неудержимой страсти, рѣшился остаться въ Россіи?

— Въ тайную экспедицію, — тихо шепталъ онъ себѣ, — за что? Въ чемъ мое преступленіе?

Нѣкоторые изъ прохожихъ съ любопытствомъ и со страхомъ заглядывали къ нему въ окошечко и долго провожали глазами; но никто, повидимому, не осмѣливался спросить, кого везутъ, хотя многіе догадывались, что везутъ «въ тайную», «въ бѣдность».

Колокола продолжали звонить медленно, протяжно, и Вульфу представлялось, что это звонятъ по мертвому... Кто же мертвый?

Иногда онъ взглядывалъ на лица конвоировавшихъ его солдатъ, желая прочитать, что написано на этихъ лицахъ, и не могъ... Думаютъ ли они о немъ и что думаютъ?

При поворотѣ черной кареты съ улицы въ переулокъ, онъ видѣлъ, какъ по улицѣ проѣхала коляска, въ которой сидѣла дама съ дѣвочкой. Дама была въ траурѣ и очень грустная. Онъ зналъ ее: это была Ляпунова съ Дуней Бубновой, ея воспитанницей. Онъ хотѣлъ крикнуть имъ, но у него не достало голосу, горло сдавило... Коляска остановилась около церкви...

— Молиться пріѣхала... обо мнѣ... А знаетъ ли она, что со мной?

Черная карета снова поворотила въ людную улицу и остановилась.

— Тайна́я... пріѣхали...

Онъ хорошо помнилъ ощущеніе тоскливой боли передъ боемъ, когда ожидается атака или когда просвистятъ первыя пули. Но здѣсь не то, здѣсь больше мучительной неизвѣстности, чѣмъ тамъ.

Заскрипѣлъ ржавый засовъ, дверца отворилась, и солдаты вытянулись. Онъ вышелъ. Казалось, онъ ничего не видѣлъ вокругъ себя. Только по странному капризу памяти онъ хорошо запомнилъ, что, когда онъ выходилъ изъ кареты, то глаза его упали на бѣдненькую вывѣску на углу переулка, на которой бѣлымъ по синему было написано: «кислощейное»; но что, онъ дальше не могъ разобрать.

Солдатъ, что былъ съ кожаной сумкой черезъ плечо, сдѣлавъ палѣво кругомъ, сталъ подниматься на крыльцо. Фонъ-Вульфъ послѣдовалъ за нимъ... Разъ-два, разъ-два, даже по лѣстницѣ солдаты отбивали тактъ.

Вотъ они на площадкѣ лѣстницы, передъ дверью. Дверь отворяется, и они вступаютъ въ прихожую, въ которой тоже сидятъ солдаты на конникѣ. Дверь въ слѣдующую комнату растворена, и тамъ виднѣются столы, за которыми сидятъ приказные и пишутъ.

Конвойные ввели фонъ-Вульфа въ эту комнату. Тотъ солдатъ, что былъ съ сумкой, снялъ съ себя эту сумку, досталъ изъ нея засаленную книжку и подалъ сидѣвшему за первымъ сто-

ломъ приказному. Приказный, взявъ со стола табакерку, стукнулъ пальцемъ по ея крышкѣ, досталъ щепоть табаку и, медленно втягивая эту канцелярскую амвросію въ обѣ поздри, пристально посмотрѣлъ на Вульфа, а потомъ уже развернулъ книжку, досталъ изъ нея пакетъ, вскрылъ его, медленно пробѣжалъ бумагу, снова взглянулъ на Вульфа и вѣжливо сказалъ:

— Не угодно ли, государь мой, присѣсть вонъ тамъ.

И показалъ на стулъ, стоявшій у стѣны. Вульфъ сѣлъ. Приказные перестали писать и взглядывали на него, какъ бы желая угадать, что онъ за человѣкъ.

— Квитокъ, ваше благородіе, пожалуйте,—выпалилъ вдругъ солдатъ, что былъ съ сумкой.

— Квитокъ? — спросилъ приказный, вынимая перо изъза уха.

— Такъ точно-съ, ваше благородіе.

— Сейчасъ, братецъ.

И, расписавшись въ книжкѣ, подалъ ее солдату.

— Вотъ тебѣ и квитокъ.

— Счастливо оставаться, ваше благородіе.

Оба солдата сдѣлали налѣво кругомъ и, стуча въ тактъ сапогами, вышли.

Приказный, росписавшійся въ полученіи пакета отъ солдата, взялъ вынутую изъ пакета бумагу, всталъ изъ-за стола и, оправивъ фалды камзола, на цыпочкахъ подошелъ къ двери, которая вела въ судейскую и предсѣдательскую камеры. У этой двери стояли часовые съ ружьями. Часовые пропустили приказнаго, и онъ скрылся за дверью.

— Тамъ, — съ тревогой думалъ про себя Вульфъ,— тамъ оно...

Но онъ самъ себѣ не могъ представить, что такое это оно... Приказный снова появился, но уже безъ бумаги.

— Пожалуйте, господинъ баронъ.

Фонъ-Вульфъ машинально всталъ со стула и, какъ автоматъ, пошелъ туда, куда ему указывали. Вступивъ въ большую свѣтлую комнату, онъ увидѣлъ длинный столъ, покрытый чернымъ сукномъ, и нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ за этимъ столомъ. На стѣнѣ два большихъ портрета во весь ростъ: Екатерины II и Петра I.

На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ мужчина лѣтъ за пять-

десять, съ живыми, блестящими, нѣсколько холодными глазами. Нѣсколько взбитый, сильно напудренный парикъ придавалъ его свѣжему лицу почти юношескую моложавость.

Это былъ московскій главнокомандующій, Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, усмиритель московскаго мятежа во время чумы.

Онъ окинулъ Вульфа бѣглымъ взглядомъ и спросилъ:

— Кто вы такой?

— Ротмистръ венгерскаго гусарскаго полка, баронъ фонъ-Вульфъ, ваше превосходительство.

— Господинъ секретарь! Снимите съ подсудимаго допросъ по пунктамъ, по содержанію рапорта московскаго губернатора и согласно показаніямъ доносителя,—сказалъ Еропкинъ черезъ столъ господину, сидѣвшему на другомъ концѣ этого стола передъ кипами бумагъ.

Секретарь, сухой старикъ, словно сова глядѣвшій черезъ огромныя круглыя очки, поклонился и вскинулъ свои совиные глаза на Вульфа.

— Гдѣ и когда вы родились?—спросилъ онъ.

— Родился я въ Голландіи, въ городѣ Амстердамѣ, въ 1753 году,—отвѣчалъ допрашиваемый.

— Скажите, кто былъ вашъ родитель, и когда и какія обстоятельства привели васъ въ Россію?

— Отецъ мой экипажъ-мейстеръ и вице-адмиралъ голландской службы, баронъ Іоганъ фонъ-Вульфъ, и нынѣ живъ. Въ малолѣтствѣ моемъ онъ послалъ меня въ Цесарію для наукъ, и жилъ я въ Вѣнѣ, и записанъ былъ кадетомъ, гдѣ и дослужился до капитана. Въ 1777 году я, по прошенію, отставленъ былъ отъ службы, а въ 1778 году поѣхалъ въ Пруссію и записался въ службу. Черезъ годъ, по прошенію же, отставленъ отъ службы, съ чиномъ маіора.

— А патенты на эти чины имѣете?

— Имѣю; они находятся при дѣлѣ въ нижнемъ надворномъ судѣ.

— Чѣмъ вы занимались послѣ отставки?

— Вояжировалъ по разнымъ странамъ.

— А потомъ?

— А потомъ пріѣхалъ въ Россію.

— Въ которомъ году?

— Въ 1782 году.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Россію?

— Чтобъ опредѣлиться въ военную службу.

— И опредѣлились? Когда?

— Сперва я жилъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, чтобъ поучиться русскому языку. Жилъ и въ другихъ городахъ. Въ Херсонѣ, потомъ чрезъ двухъ знакомыхъ венгерскаго гусарскаго полка офицеровъ, Данилова и Милашевича, опредѣлился въ тотъ венгерскій полкъ ротмистромъ. Спустя же двѣ недѣли, командиръ полка, князь Любомирскій, отпустилъ меня, для моихъ нуждъ, въ Москву на шесть мѣсяцевъ. За неокончаніемъ своихъ дѣлъ въ срокъ, я отпускъ просрочилъ, а въ это время на меня подалъ жалобу генералъ-маіоръ Ляпуновъ въ томъ, что я побилъ его людей. Губернаторъ, генералъ-маіоръ Архаровъ, потребовалъ мой паспортъ и, найдя оный просроченнымъ, приказалъ задержать меня и, какъ праздношатающагося, отослалъ подъ карауломъ въ военную контору, въ которой я числился подъ стражею четыре мѣсяца, и въ это время производилось обо мнѣ слѣдствіе, а жилъ я дома подъ присмотромъ. Потомъ изъ-подъ присмотра уѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ получить изъ военной коллегіи отставку. Въ Петербургѣ навѣдался я въ канцеляріи князя Потемкина, что по спискамъ я, невѣдомо почему, въ службѣ не числюсь. Поживя въ Петербургѣ нѣсколько недѣль, пріѣхалъ обратно въ Москву, явился въ военную контору, изъ которой меня отослали въ губернское правленіе къ слѣдствію, что я будто бы самозванно именую себя ротмистромъ венгерскаго гусарскаго полка. Слѣдствіе это и нынѣ производится въ нижнемъ надворномъ судѣ, который меня тогда же освободилъ на росписку, и я жилъ все время въ Москвѣ.

— А какой это на васъ орденъ? — заинтересовался Еропкинъ.

— Орденъ «de la Providence», ваше высокопревосходительство.

— А кто его вамъ пожаловалъ?

— Владѣтельный графъ резиденціи Нассау-Саарбрикъ, Мондфортъ, съ которымъ я былъ лично знакомъ. Орденъ мнѣ былъ присланъ уже сюда съ нарочнымъ курьеромъ.

— А дипломъ на оный имѣете?

— Имѣю, ваше высокопревосходительство; онъ находится при дѣлѣ въ надворномъ судѣ.

— Хорошо, государь мой... Господинъ секретарь! Продолжайте вашъ допросъ по пунктамъ.

Совиные глаза секретаря перенеслись съ Еропкина опять на Вульфа.

— На какія средства вы проживали въ Россіи? — спросилъ онъ.

— На собственныя: я привезъ съ собой до ста восьмидесяти тысячъ рублей; но большую часть изъ нихъ прожилъ раздачею разнымъ людямъ на векселя за указные проценты и неполученіемъ обратно; нѣкоторую сумму проигралъ въ карты, при томъ купилъ себѣ домъ здѣсь, въ Москвѣ. Нынѣ же осталось у меня тысячъ съ пятнадцать, изъ коихъ долженъ мнѣ иностранный купецъ Карлъ Штремъ тринадцать тысячъ, а прочіе по мелочамъ.

— А какой это 5-го апрѣля былъ у васъ случай въ надворномъ судѣ?

Вульфъ подумалъ нѣсколько, посмотрѣлъ на Еропкина и отвѣчалъ:

— Назадъ тому дней съ пять пріѣхалъ я въ надворный судъ за своимъ дѣломъ и въ ономъ судѣ былъ задержанъ...

Онъ остановился, какъ бы не рѣшаясь продолжать, но потомъ вдругъ сказалъ:

— Я полагаю, что меня задержали затѣмъ, чтобъ вышудить съ меня взятку...

— Ну!—не то съ удивленіемъ, не то съ угрозой спросилъ Еропкинъ.—Взятку?

— Да, ваше высокопревосходительство... Дѣло было такъ: по выходѣ изъ суда 5 числа, присутствующіе пришли ко мнѣ, по знакомству, для навѣщанія; пришелъ ассесоръ уголовной палаты Стоговъ, второго департамента судьи—Писаревъ, Дубовицкой, Есиповъ и секретарь перваго департамента Смирновъ. Были также иностранцы Штремъ, Штаадъ и мой управляющій, поручикъ Нѣтокъ.

— Управляющій чего?—спросилъ Еропкинъ.

— Моего дома, ваше высокопревосходительство... И принесли они съ собою три штофа полпива для угощенія и закуски. Всѣ мы пили, и я нѣсколько опьянѣлъ и въ разговрѣ говорилъ о своей службѣ, когда былъ въ Цесаріи и въ Пруссіи, какъ я въ бывшую у прусскаго короля съ цесаремъ войну на баталіи былъ раненъ, и говорилъ, что ежели меня здѣсь не примутъ на службу,

то я пойду служить къ императору Іосифу Второму. Потомъ они всѣ ушли, а меня оставили подъ карауломъ: я сталъ шумѣть и побилъ секретаря Смирнова за то, что онъ назвалъ меня бродягой. Вотъ и все.

— А не называли вы себя не принадлежащимъ вамъ именемъ?

— Какимъ?

— Императоромъ Іосифомъ.

Вульфъ съ изумленіемъ смотрѣлъ то на секретаря, то на Еропкина, то на остальныхъ безгласныхъ членовъ судилища.

— Какъ! Императоромъ? Я?

— Да, вы.

— Никогда! Я и въ помышленіи не имѣлъ, чтобъ такія рѣчи говорить, я не безумецъ: только такой дуракъ, какъ Пугачевъ, могъ думать или показывать, что онъ императоръ.

Судьи переглянулись.

— Привести на очную ставку доносителя,—сказалъ Еропкинъ секретарю.

Тотъ всталъ и вышелъ. Фонъ-Вульфъ стоялъ блѣдный и злой... «Вотъ, до чего дошло... Это ужъ моей головы ищутъ за то только, что мало далъ... О, чумная, постыдная страна!..»

Черезъ нѣсколько минутъ ввели «доносителя». Это и былъ Смирновъ. Вся фигура его, весь обликъ, бѣгающіе глазки, все обличало въ немъ самую низменную, подлую и трусливую продажность. На Вульфа, однако, онъ взглянулъ съ тупымъ нахальствомъ.

— Разскажи, какъ было дѣло,—съ нескрываемымъ презрѣніемъ глянулъ на него Еропкинъ.

«Доноситель» кашлянулъ куда-то въ сторону, заерзалъ на мѣстѣ и началъ:

— Дѣло было такъ, ваше высокопревосходительство: когда ушли господа судьи отъ Вульфа, а я сидѣлъ въ судейской камерѣ на своемъ мѣстѣ, въ это время въ камеру взошелъ Вульфъ и схватилъ меня за воротъ.—Что ты это дѣлаешь?—говорю я.—«А знаешь ли, кто я?»—отвѣчаетъ онъ.—А я говорю: знаю, что ты Ѳедоръ Ивановичъ Вульфъ.—«Нѣтъ,—говоритъ,—я Іосифъ Второй императоръ и царской крови! Я великій человѣкъ!» — Что вы,—я говорю,—говорите? Въ своемъ ли вы умѣ?—«Право, такъ», говоритъ...

— Онъ лжетъ!—не вытерпѣлъ подсудимый.

— Не перебивайте,—остановилъ его Еропкинъ,—продолжай ты!

— «Право такъ», говоритъ, и, вынувъ изъ-за пазухи свернутую ассигнацію, предлагалъ ее мнѣ.—На что это?—говорю я:—не возьму, а скажу. Одначе, Вульфъ положилъ мнѣ ассигнапію, а я вышелъ изъ судейской камеры въ сѣни, показалъ ассигнацію случившемуся тамъ канцеляристу и объявилъ обо всемъ члену, князю Енгалычеву.

«Доноситель» замолчалъ и опять заерзалъ на мѣстѣ, какъ бы желая забиться въ щель.

— Что вы на это скажете? — повернулся Еропкинъ къ Вульфу.

— Повторяю, ваше высокопревосходительство, — сказалъ тотъ съ силой,—во всемъ этомъ наглая ложь! Кто свидѣтель?

«Доноситель» заметался, но ничего не сказалъ.

— Я одно долженъ добавить,—заключилъ Вульфъ,—что въ ту же ночь у меня тамъ украли золотые часы, ассигнацію въ двадцать пять рублей... Не ее ли вы показывали въ сѣняхъ господину канцеляристу?—съ злою иронією обратился онъ къ «доносителю».—и не показывали ли ему моихъ часовъ да тогда же пропавшій полуимперіалъ?

«Доноситель» молчалъ, какъ убитый.

— Вы кончили?—спросилъ Еропкинъ, вставая.

— Кончилъ, ваше высокопревосходительство.

— А вы, господинъ секретарь, все записали?

— Все-съ, ваше высокопревосходительство.

— Такъ пускай господинъ Вульфъ подпишетъ допросъ, а вы (онъ глянулъ на одного изъ членовъ) объявите ему о тайности сего мѣста и изготовьте донесеніе государынѣ императрицѣ.

И, не взглянувъ ни на кого, московскій главнокомандующій вышелъ.

— Можете итти,—сказалъ секретарь Смирнову, и тотъ на цыпочкахъ вышелъ.—А вы,—сказалъ онъ Вульфу,—садитесь здѣсь и подпишите допросъ.

Вульфъ сѣлъ, внимательно прочелъ свои показанія и хорошимъ, крупнымъ почеркомъ, по-русски подписалъ допросъ по листамъ.

Онъ всталъ. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ.

Встали и члены тайнаго судилища, и старшій изъ нихъ, указывая на зерцало, торжественно произнесъ:

— Обвиняемый! Въ присутствіи сего священнаго символа высочайшей ея императорскаго величества особы, въ священномъ семъ мѣстѣ милостиваго и праваго суда ея, клянитесь, что, о чемъ вы здѣсь спрашиваны были и что въ допросѣ показали, того вы во всю свою жизнь никому никогда и ни подъ какимъ видомъ не объявите и не разгласите подъ опасеніемъ, ежели кому объявите, не только тягчайшаго по законамъ наказанія, но и лишенія живота. Клянитесь!

— Клянусь!—былъ глухой отвѣтъ.

— Отвести его подъ стражу впредь до полученія высочайшаго повелѣнія *).

XII. Красное яичко.

Пасха въ 1788 году приходилась 16-го апрѣля. Это подтверждаетъ и Храповицкій. Въ его «Дневникѣ» подъ 16-мъ апрѣля записано:

«День свѣтлаго Христова Воскресенія. Подносилъ, вмѣсто генералъ-прокурора, вазы съ фарфоровыми яйцами» **).

Фарфоровыя яйца, которыя поднесъ Храповицкій императрицѣ, это для христосованья ея съ придворными.

Государынѣ съ вечера нѣсколько нездоровилось, и потому большой выходъ въ Свѣтлое Воскресенье назначенъ былъ попозже, въ 12 часовъ. До выхода же государыня оставалась въ кабинетѣ и занималась дѣлами.

— Это мое лѣкарство,—сказала она Храповицкому, съ помощью Захара разставлявшему вазы съ яйцами, указывая на кипу пакетовъ, лежавшихъ на ея письменномъ столѣ.

— Хорошо лѣкарство,—проворчалъ про себя Захаръ.

— Ты что, старый воркунъ?—улыбнулась императрица.

— Не бережете вы себя, вотъ что!

— Какъ не берегу?

— А такъ, все бумаги да бумаги: и день, и ночь читаете и

*) Весь этотъ допросъ, какъ и вся послѣдующая исторія злоключеній Вульфа и генеральши Ляпуновой, протокольно взяты мною изъ сообщенныхъ мнѣ редакторомъ «Историческаго Вѣстника», С. Н. Шубинскимъ, выписокъ изъ подлиннаго дѣла тайной канцеляріи архива министерства юстиціи (связка 389). *Авт.*

**) «Дневникъ Храповицкаго», стр. 75.

пишете... Иной бы хоть для свѣтлаго Христова Воскресенья постыдился съ бумагами-то возжаться, а у тебя вонъ, что наложено на столѣ!

Императрица улыбнулась: она знала привычки стараго слуги постоянно ворчать для ея же пользы.

— А какъ же быть-то, Захарушка?—оправдывалась она.— Всякій хозяинъ долженъ свое хозяйство блюсти. А у меня хозяйство, самъ знаешь, не маленькое.

— А слуги на что? Слугъ у тебя немало: вонъ князь Григорій Александровичъ, Вяземскій князь, Александръ Алексѣевичъ, Безбородко графъ, Александръ Андреевичъ, вотъ ихъ милость, Александръ Васильевичъ (онъ указалъ на Храповицкаго),—слуги все хорошіе.

— Такъ-то такъ, Захаръ,—отвѣтила императрица,—да у каждаго изъ нихъ свое дѣло есть.

— Что жъ, и пущай, только бы не тебѣ самой все писать да читать.

— А что?

— Тяжелое это дѣло, читать: у меня заразъ голова заболитъ.

— У меня не болитъ.

— Сказывай! Пущай бы они, министры, читали да писали, а вы бы, матушка, только приказывали: на то вы и царица. Вонъ блаженныя памяти государыня Елисавета Петровна, та ничего не читала и не писала, а вонъ же царствовала.

Императрица не нашлась, что отвѣчать на это, и постаралась перемѣнить разговоръ.

— Что это Марья Савишна долго нейдетъ?—сказала она, о чемъ-то задумавшись.

— У нея, матушка государыня, дѣло есть, — отвѣчалъ Захаръ.

— Какое дѣло?

— Она тамъ Александру Матвѣичу голову мылитъ.

— За что?

— Не знаю... Слышалъ только, проходя мимо, что бранитъ его за плащаницу.

— Какъ за плащаницу?

— Да, говоритъ, что, стоя вчера у плащаницы, въ церкви, съ кѣмъ-то перемигивался, да и къ плащаницѣ, говоритъ, вмѣстѣ

прикладывались: это, говоритъ, только безстыдники дѣлаютъ такъ во храмѣ Божьемъ.

Слова Захара, видимо, произвели на императрицу тяжелое впечатлѣніе. Ей самой вчера въ церкви показалось, что Мамоновъ часто переглядывался съ молоденькой фрейлиною, съ княжной Дарьей Щербатовой, и, дѣйствительно, они вмѣстѣ прикладывались къ плащаницѣ и очень близко другъ къ дружкѣ, а когда они, приложившись къ плащаницѣ, поднялись, то онъ былъ очень блѣденъ и взволнованъ, избѣгалъ взглядовъ императрицы, а княжна поднялась вся пунцовая: молодое, хорошенькое личико пожаромъ пылало. Вечеромъ же онъ сказался больнымъ и совсѣмъ не приходилъ.

Такъ не отъ дѣлъ нездоровилось государынѣ, какъ думалъ Захаръ, а отъ чего-то другого.

«Можетъ, это и неправда... такъ, пошутилъ... Впрочемъ, молодость... Лучше примусь за свои лѣкарства, вонъ ихъ сколько на столѣ»...

И императрица взяла верхній пакетъ.

— Въ собственныя руки,—тихо прочла она,—отъ московскаго главнокомандующаго.

Она торопливо вскрыла пакетъ и пробѣжала бумагу. На лицѣ ея показалась улыбка.

— Въ Москвѣ австрійскій императоръ,—сказала она Храповицкому.

У того на лицѣ выразилось почтительное изумленіе, почти столбнякъ.

— Іосифъ Второй въ Москвѣ,—съ улыбкой повторила императрица.

То же тупое изумленіе на лицѣ Храповицкаго. Однако, Захара это не удивило.

— Понравилось, значитъ, матушка, у насъ,—сказалъ онъ, еще разъ обтирая полотенцемъ вазы съ яйцами.

— Ну, теперь ужъ не понравится больше.

— Отчего, государыня?

— Тамъ его Еропкинъ подъ арестъ засадилъ.

Теперь пришла очередь и Захару удивляться.

— Какъ же такъ, государыня? Онъ намъ за это войну объявитъ.

— Не бойся, Захарушка, это такой же императоръ, какъ у насъ былъ Емелька Пугачевъ.

— Такъ, стало, самозванецъ, матушка?

— Самозванецъ, какой-то баронъ фонъ-Вульфъ спьяну назвалъ себя австрійскимъ императоромъ, и его за это и заарестовали.

— И подѣломъ.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, въ полной парадной формѣ, а за нимъ четыре камеръ-лакея несли на носилкахъ исполинское красное яйцо, аршина въ два длиною и полтора въ округлости.

— Что это, Левушка?—улыбнулась императрица.

— Красное яичко вамъ, матушка государыня,—отвѣчалъ серьезно Нарышкинъ,—пришелъ похристосоваться съ вами.

— Очень рада... Только и яйцо ужъ у тебя...

— Большое яйцо, великое, какъ и сама ты, матушка, великая.

— Охъ, льстишь ты мнѣ разбойникъ,—смѣялась Екатерина.

— Не льщу, матушка, а правду говорю.

Камеръ-лакеи бережно положили яйцо на столъ и удалились.

— Ну, похристосуемся же, — сказала Екатерина, — Христосъ воскресе!

— Воистину воскресе!

— А вотъ тебѣ яичко.

— А вотъ тебѣ, матушка.

Всѣ подошли къ чудовищному яйцу. Вдругъ верхняя половина его сама собой открылась, и оттуда выглянуло прелестное розовое личико бѣлокураго мальчика, лѣтъ десяти.

— Баба!—радостно закричалъ мальчикъ, выскакивая изъ яйца и бросаясь со стола прямо на шею императрицѣ.—Баба милая!

— Саша! Голубчикъ мой!—воскликнула со слезами государыня.

Это былъ великій князь Александръ Павловичъ, любимый внучекъ Екатерины. Ему шелъ теперь одиннадцатый годъ, и онъ былъ очень живой, очаровательный ребенокъ. Сама императрица говорила однажды Храповицкому:

— Александръ сколько ростомъ, столько же душевными ка-

чествами и остротою превосходитъ Константина, который и въ ростѣ, и въ ученіи отъ него отстаетъ *).

Повиснувъ у бабушки на шеѣ, онъ твердилъ:

— Ахъ, баба милая, какъ я радъ, какъ радъ, что раньше всѣхъ похристосовался съ тобой.

Императрица гладила и цѣловала его.

— И точно, ужъ лучшаго яичка мнѣ никто не дастъ, — говорила она.—Спасибо, Левъ Александровичъ.

— Не за что, государыня: я зналъ, что порадую васъ этимъ.

Захаръ стоялъ и только головою качалъ.

— Ужъ и затѣйникъ же у насъ Левъ Александровичъ,—разсуждалъ онъ,—коли бы не Левъ Александровичъ, у насъ во дворцѣ помирать надо отъ скуки да отъ дѣловъ: одинъ Левъ Александровичъ, спасибо ему, развлекаетъ государыню.

— Правда, правда, Захаръ,—подтвердила императрица.—А какъ это ты, Левъ Александровичъ, надумалъ этотъ сюрпризъ?

— Да сами его высочество подали мысль; хвалятся какъ-то на-дняхъ: я, говорятъ, раньше всѣхъ поздравилъ бабу съ принятіемъ святыхъ таинъ, потому что въ церкви близко стоялъ, да и говорятъ: ахъ, еслибъ мнѣ и похристосоваться удалось съ бабушкой раньше всѣхъ! Мнѣ и приди въ голову заказать яйцо.

Въ кабинетъ является еще одно лицо, высокій мужчина съ крупными чертами лица южнаго типа, съ нѣсколько угловатыми, бурсацкими манерами и очень умными, подкупающими глазами. Это—вице-канцлеръ, графъ Безбородко, бывшій, дѣйствительно, когда-то бурсакомъ кіевской академіи. Въ рукахъ у него папка съ бумагами. Находу онъ неловко кланяется.

— А! Александръ Андреевичъ! Съ праздникомъ,—привѣтствуетъ его императрица.—Что у тебя тамъ? Вѣрно, депеши?

— Депеши, государыня, французскія, сейчасъ курьеръ пригналъ.

— Ну, что пишутъ?

— Франція ожидаетъ отъ насъ обстоятельнаго изъясненія о связи съ нею...

— Какого еще ей обстоятельства!—вспылила императрица.

— Она, государыня, недовольна...

---

*) «Дневникъ Храповицкаго», стр. 355.

— Недовольна! Я знаю, это все продѣлки прусскаго двора.

Она встала и подошла къ самому лицу докладчика.

— Ну, чѣмъ она недовольна?

— Она недовольна, ваше величество, краткимъ отзывомъ на ея предложеніе и требуетъ...

— Она требуетъ!.. Ну?

— Она проситъ, для медіаціи съ Портою, на чемъ рѣшимся мы остановиться въ войнѣ турецкой, подозрѣвая des vues d'agandissements, по случаю отправленія флота нашего въ Архипелагъ.

Екатерина задумалась. Великій князь, воспользовавшись дѣловымъ разговоромъ бабушки, ускользнулъ вмѣстѣ съ Нарышкинымъ и Захаромъ въ другіе аппартаменты.

Екатерина прошлась по кабинету и опять остановилась противъ вице-канцлера.

— Я увѣрена,—сказала она,—такія мысли вперятъ ей прусскій дворъ, который желаетъ взять кусокъ изъ Польши *).

Безбородко молчалъ. Онъ боялся перебивать размышленія своей повелительницы, хорошо изучивъ ея женскую находчивость.

— Только же не удастся прусскому двору поймать окуня въ мутной водѣ, — сказала, наконецъ, Екатерина весело. — Кстати, — улыбаясь, продолжала она, — тебѣ, какъ вице-канцлеру, предстоитъ немало хлопотъ съ Австріею.

Безбордко опять молчалъ; какъ истый хохолъ, онъ не былъ разговорчивъ, онъ охотнѣе слушалъ другихъ.

— Императоръ Іосифъ въ плѣну,—сказала она весело.

— У кого, государыня?—спросилъ ошеломленный хохолъ.

— У Еропкина... На, прочти бумагу.

И она подала ему рапортъ Еропкина о нашемъ злополучномъ героѣ, о баронѣ фонъ-Вульфѣ. Затѣмъ подошла къ своему столу, взглянула на исполинское яйцо, справилась тутъ же, который часъ, и сказала, обращаясь къ Храповицкому, котрый давно сидѣлъ за своимъ столикомъ и усердно перлюстрировалъ почту.

— Что, ничего не нашелъ?

— Ничего, ваше величество.

— Такъ возьми перо и бумагу, а я тебѣ продиктую объ этомъ

---

*) «Дневникъ Храповицкаго», стр. 75—76.

Вульфѣ: надо его выслать изъ Россіи... Онъ уже былъ разъ замѣшанъ по дѣлу Заповичей и Зорича.

Храповицкій приготовился писать.

— Пиши: Петръ Дмитріевичъ! На донесеніе ваше о случившемся происшествіи у содержащагося подъ стражею иностранца Вульфа съ секретаремъ нижняго надворнаго суда Смирновымъ... Написалъ?

— Написалъ, государыня.

— Пиши дальше: не можемъ мы иного сказать, кромѣ одобренія резолюціи, вами данной, примѣчая, что ежели бы лучшій былъ присмотръ за подстражными, то не могло бы и того случиться. Готово?

— Готово, ваше величество

— Подай.

Храповицкій подалъ написанное. Императрица прочла, обмакнула перо въ чернильницу и крупно подписалась: Екатерина.

Въ дверяхъ показалась полная и красная физіономія Маріи Савишны.

— Что, Савишна.

— Пора чесаться, государыня.

— Иду.

XIII. Изгнанникъ.

Морознымъ зимнимъ утромъ 1790 года изъ Москвы по смоленской дорогѣ ѣхали, одинъ за другимъ, два крытыхъ дорожныхъ возка, и тотъ, и другой запряженные тройкою почтовыхъ.

Неприглядна зимняя ѣзда на лошадяхъ. Неприглядны, однообразны, скучны до тоски открывающіяся глазамъ путника картины. Куда ни обратится взоръ, вездѣ бѣлыя, слѣпящія глазъ, равнины. Овражки, бугорки, горки, жалкій кустарникъ, оголенный лѣсъ, на всемъ этомъ снѣгъ, какъ саванъ мертвеца. Вѣчно мертвая ель чернѣетъ изъ-за хлопьевъ снѣга, какъ болѣзненные струпья на бѣломъ тѣлѣ. Однообразная, тоскливая равнина тянется до самаго горизонта, до края неба, которое тоже смотритъ какою-то тускло-снѣжною пеленою, изъ которой при порывахъ вѣтра сыплется все тотъ же снѣгъ и снѣгъ. Изрѣдка, грубо, какъ-то удушливо каркая, въ холодномъ воздухѣ пронесется ворона, словно и она ищетъ улетѣть куда-нибудь изъ этого снѣжнаго цар-

ства. Стебли засохшаго бурьяна, торчащіе изъ снѣга, кажутся такими жалкими, покинутыми.

Однообразно, тоскливо позвякиваютъ колокольчики подъ дугами коренныхъ. Визгъ полозьевъ отдается въ сердцѣ, словно бы и тѣмъ стало снѣжно и холодно.

Плотно закутавшись въ медвѣжью шубу и надвинувъ почти до глазъ бобровую шапку, скучающими глазами глядитъ на бѣлую равнину изъ передняго возка бѣлокурый мужчина, и въ глазахъ этихъ какъ бы отражается воспоминаніе о другихъ мѣстахъ, о другихъ картинахъ. Рядомъ съ нимъ сидитъ молодая женщина въ богатой куньей шубкѣ, съ головою, плотно укутанною бѣлымъ пуховымъ платкомъ. Красивые черные глаза ея, видимо, заплаканы.

— А ты весной упроси мужа заграницу, на воды,—говоритъ мужчина, украдкой взглядывая на свою спутницу.

— Нѣтъ, мужъ не поѣдетъ, онъ догадается,—грустно отвѣчаетъ женщина.

— Почему же ты думаешь?

— Я его знаю: онъ и то упрекалъ меня этимъ.

— Какъ упрекалъ?

— Онъ говорилъ: ты бы навѣрное, говоритъ, ускакала за своимъ любовниковъ, да только никто тебѣ, говоритъ, паспорта не дастъ.

Читатель догадался, конечно, что это былъ фонъ-Вульфъ и Ляпунова.

По опредѣленію сената, утвержденному императрицею, фонъ-Вульфъ высылался изъ Россіи, съ тѣмъ, чтобъ впредь никогда въ нее не въѣзжать. Ляпунова была въ отчаяніи. Болѣе года она не осушала глазъ, пока ея возлюбленный судился и сидѣлъ подъ арестомъ. Но тогда она хоть надѣялась, что рано ли, поздно ли, а увидитъ его. Теперь же она разставалась съ нимъ навѣки. Ей казалось, что она не перенесетъ этой потери. Какъ ни бдительно слѣдилъ за ней старый, ревнивый мужъ, однако, ей удалось усыпить его подозрительность, и теперь она вырвалась, чтобы проводить своего идола, чтобъ хоть лишній часокъ побыть съ нимъ, видѣть его, слышать его голосъ. Вотъ почему она теперь и ѣхала съ нимъ въ одномъ возкѣ. Но дальніе проводы, лишнія слезы: почти всю дорогу она проплакала.

Въ другомъ возкѣ тоже сидѣли двое, мужчина и женщина,

скорѣе дѣвочка, очень молоденькая дѣвушка. Мужчина былъ полицейскій офицеръ, командированный Ропкинымъ для сопровожденія Вульфа до границы, а дѣвушка—это Дуня Бубнова, воспитанница Ляпуновой.

— А помнишь Крымъ? — снова заговорилъ фонъ-Вульфъ, желая развлечь свою спутницу.

— Да,—отвѣчала она,—развѣ можно это забыть?

— Правда... А здѣсь-то, куда ни глянешь, куда какъ непригложе! Тамъ и теперь, поди, тепло.

— А помнишь, какъ ты доставалъ мнѣ молоденькую чайку?

— Какъ не помнить!

— А я какъ боялась за тебя... И какъ это давно было!— Скоро три года.

Она опять заплакала. Теперь особенно острою показалась ей горечь воспоминаній.

— Не плачь, Машечка,—утѣшалъ онъ ее,—мы не навѣкъ разлучаемся.

— Какъ не навѣкъ?

— А такъ: что бы тамъ ни было, а я побываю у тебя.

— Ахъ, милый, нельзя этого сдѣлать.

— А я сдѣлаю. Развѣ долго купить у кого-нибудь паспортъ, и съ этимъ паспортомъ, подъ чужимъ именемъ, пріѣхать? Все можно. А до того времени мы будемъ переписываться... А тамъ умретъ твой тиранъ...

— Нѣтъ, не бывать тому, онъ двужильный.

— Нѣтъ, Маша, что ни говори, а ему подъ семьдесятъ.

— Ахъ, Ѳедя!—глотая слезы, воскликнула она. — Пойми, мнѣ и на мѣсяцъ тошно разлучаться съ тобой.

Въ заднемъ возкѣ шелъ разговоръ другого рода.

— А мужъ не узнаетъ, что она ѣздила провожать его?— спрашиваетъ полицейскій Дуню.

— Нѣтъ, генералъ уѣхалъ въ Знаменки, — отвѣчала дѣвушка,—въ свое имѣніе.

— А люди не скажутъ?

— Нѣтъ, Марья Дмитріевна закупила ихъ.

— То-то... А то и мнѣ достанется.

Оба молчали. Подъ однообразное позвякиванье колокольчика и скрипъ полозьевъ дѣвушка начала было задремывать.

— Что же, генералъ-то знаетъ все? — снова заговорилъ полицейскій.

— Что такое?—очнулась дѣвушка.

— Генералъ, говорю, знаетъ, что генеральша съ господиномъ барономъ-то?..

— Онъ давно узналъ,—отвѣчала нехотя Дуня.

— И чтожъ, поди, досталось ей?

— Очень досталось... поплакала-таки.

— А барону?

— Барона въ судъ взяли, а теперь вотъ ссылаютъ.

Разговоръ плохо вязался и, наконецъ, порвался совсѣмъ. По сторонамъ все тѣ же однообразныя, скучныя картины зимней природы. Мысль, не отвлекаемая ничѣмъ внѣшнимъ, прячется куда-то внутрь, въ прошлое, въ воспоминанія, въ то, что пережито, что потеряно. Вульфъ чувствовалъ, что и у него на сердцѣ какая-то осадина, тупая, щемящая боль. Эту тупую боль вызываетъ не разлука, а что-то другое, какія-то болѣе сложныя причины, болѣе глубокія: со дна души поднимается вся муть, вся тина цѣлой жизни. Онъ радъ былъ бы, если бы это чувство, чувство внутренней боли, было такое опредѣленное, какъ у его спутницы: у нея острое, но опредѣленное страданіе, она любитъ его и боится потерять; у нея одно жгучее желаніе удержать его. А у него и этого нѣтъ. Онъ опять глубоко чувствовалъ, какъ тогда, въ Крыму, что онъ бродяга; что вся жизнь его была безцѣльнымъ скитаньемъ по свѣту. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Россію? Искать дѣла, карьеры, славы... А что нашелъ онъ? Одинъ позоръ... На время страсть отуманила его голову; въ порывѣ этой страсти ему казалось, что горизонтъ его жизни расширяется до безконечности, что тамъ, гдѣ-то впереди, онъ найдетъ и великое дѣло, и карьеру, и славу. И вдругъ горизонтъ этотъ сузился до размѣровъ «офицерской» камеры въ надворномъ судѣ, а борьба, которой искали его дремлющія силы, нашла свой постыдный исходъ въ борьбѣ съ трусливымъ приказнымъ, съ секретаремъ Смирновымъ!

И вотъ, теперь его выталкиваютъ въ Европу, какъ безполезнаго праздношатающагося...

Что онъ будетъ дѣлать тамъ, откуда самъ же онъ бѣжалъ восемь лѣтъ тому назадъ? Тогда онъ былъ богачъ, теперь почти нищій...

Это бѣлесоватое, мутное небо давило его. На душѣ было холодно. Куда теперь нести тоску одиночества, безцѣльности жизни? Къ отцу, на родину? Да онъ почти и не помнитъ этой родины. И какъ ему показаться на глаза отцу въ роли блуднаго сына? А когда-то отецъ возлагалъ на него большія надежды, посылая его учиться въ Вѣну. А какъ оправдалъ онъ эти надежды? Его выметаютъ изъ Россіи, какъ негодный и вредный соръ. Куда же ему кинуться? Гдѣ преклонить одинокую, уже сѣдѣющую голову? Въ Австрію? Но онъ давно порвалъ съ нею связи, и воспоминанія о школьныхъ годахъ, проведенныхъ тамъ, не вносятъ въ его душу ничего, кромѣ горечи... Пуститься въ совершенно невѣдомый океанъ, на Востокъ, въ Турцію, въ Египетъ? Попытать счастья подъ тропическимъ солнцемъ Африки? Это онъ могъ сдѣлать прежде, но не теперь...

Невдалекѣ, вдоль плоскаго косогорья, раскинулось село. Небольшія черныя избы издали казались накрытыми огромными бѣлыми шапками. Надъ шапками этими вился кое-гдѣ бѣлый дымокъ.

При видѣ села ямщикъ тронулъ возжами, дико вскрикнулъ, и лошади рванулись, чуя близкій отдыхъ.

— Соколики, грабятъ!

Лошади узнали привычный окрикъ ямщиковъ того времени, когда на большихъ дорогахъ, дѣйствительно, грабили, и понеслись, какъ бѣшеныя.

— Не выдай, соколики! Рѣжутъ! Унесите душеньку!

Спутники поняли, что близко была станція, разстанный ихъ пунктъ, и у обоихъ сжалось сердце.

— Вотъ ужъ скоро намъ и прощаться,—нерѣшительно протворилъ Вульфъ,—не будемъ думать о томъ, что мы разстаемся, милая, а будемъ о томъ загадывать, какъ мы опять свидимся.

Ляпунова молчала, только по щекамъ ея тихо текли слезы.

— Не плачь, Маша,—уговаривалъ онъ ее,—а то мнѣ горько будетъ о тебѣ вспоминать... Не плачь, милая! Мнѣ бы хотѣлось, когда ужъ я не буду видѣть тебя, думать, что моя Магіе ждетъ своего Теодора веселенькая, радостная... Помни и помяни мое слово, что мы еще возьмемъ свое...

Она принужденно улыбнулась и утерла слезы.

— Да и неловко плакать при чужихъ,—прибавилъ онъ.

— Хорошо, хорошо, мой дорогой.

Они говорили вообще такъ тихо, что ямщикъ ничего не могъ понять, да онъ и не интересовался тѣмъ, о чемъ господа говорятъ, тѣмъ больше, что почти весь разговоръ ихъ перемѣшанъ былъ французскимъ языкомъ, которымъ и Вульфъ, и Ляпунова владѣли отлично. Ямщика гораздо болѣе занимала мысль, сколько ему дадутъ на водку, а потому, при видѣ станціи, онъ изъ кожи лѣзъ, чтобъ угодить господамъ.

— Эй, соколики, живѣй, чтобы баринъ былъ добрѣй, чтобъ на водку не жалѣлъ, ямщикъ-де соколомъ летѣлъ... Эхъ вы!

Лошади рванули еще и еще, и возокъ быстро подлетѣлъ къ станціонному двору.

Фонъ-Вульфъ и Ляпунова вышли изъ экипажа и направились на крыльцо станціоннаго дома. Къ нимъ подошелъ сопровождавшій ихъ квартальный.

— Долго, господинъ баронъ, вы намѣрены оставаться здѣсь на станціи?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, только пока заложатъ лошадей.

— Такъ приказывать запрягать?

— Прикажите, пожалуйста... Только въ задній возокъ обратныхъ до Москвы.

— А ихъ превосходительство не поѣдутъ дальше?

— Нѣтъ.

— Слушаю-съ.

Ляпунова и не замѣтила, какъ заложили лошадей. Она слишкомъ поглощена была своимъ горемъ, чтобы думать объ этомъ. Но когда прописана была подорожная фонъ-Вульфа, и когда она услыхала, какъ зловѣще на дворѣ зазвякали колокольчики, встряхиваемые нетерпѣливыми конями, сердце ея упало. Она бросилась на шею своему возлюбленному, да такъ и застыла. Съ трудомъ удалось ему вновь одѣть и закутать ее.

Когда Вульфъ направился къ дверямъ, она порывисто перекрестила его и вышла съ нимъ вмѣстѣ. У крыльца стояли двѣ тройки, изъ которыхъ головы одной были обращены къ Москвѣ, другой по направленію къ Смоленску.

Видъ этотъ заставилъ поблѣднѣть Ляпунову, и она чуть не упала въ обморокъ; но фонъ-Вульфъ поддержалъ ее, бережно довелъ, почти донесъ до ея возка и усадилъ, тщательно закутавъ ей ноги.

У воротъ столпились ямщики и посторонніе зрители и въ недоумѣніи смотрѣли на эти невиданные проводы.

Вульфъ поцѣловалъ въ послѣдній разъ свою печальную подругу, тихонько что-то шепнулъ ей, поцѣловалъ Дуню и быстро усѣлся въ свой возокъ, но уже рядомъ съ квартальнымъ.

— Трогай, съ Богомъ!—крикнулъ этотъ послѣдній, и тройка рванулась впередъ.

Вульфъ оглянулся назадъ, ему махали платкомъ. Онъ тоже вынулъ платокъ и сталъ махать.

Но тройка скоро повернула въ сторону, и того маленькаго мелькавшаго въ воздухѣ бѣленькаго платка не стало видно.

XIV. Въ Петербургѣ «стряпають».

Прошло два года.

Фонъ-Вульфъ продолжалъ оставаться за границей. Ляпунова же за это время успѣла сдѣлаться вдовой. Толстякъ «тиранъ» ея умеръ еще въ 1791 году, черезъ годъ послѣ высылки Вульфа изъ Россіи, и теперь Марія Дмитріевна предалась радужнымъ мечтамъ: она надѣялась скоро стать супругою своего обожаемаго барона.

Но какъ это сдѣлать? Ему возвратъ въ Россію запрещенъ, ей же ѣхать къ нему и неудобно, и страшно. Неудобство представляется въ видѣ маленькаго сына Пети, который принадлежалъ, она сама не знала кому, «тирану» ли мужу, или очаровательному барону. Прислуга и всѣ въ домѣ называли маленькаго барина Петромъ Николаевичемъ, ибо законный мужъ мамаши маленькаго Пети былъ Николай Ѳедоровичъ Ляпуновъ, толстый, съ картофельнымъ носомъ генералъ-маіоръ; самой мамашѣ казалось, да и всѣмъ это бросалось въ глаза, что маленькій Петя не похожъ ни на папашу, ни на мамашу; «ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца»; впрочемъ, мамаша очень хорошо знала, на кого похожъ ея Петя, и знала, почему именно. Только три человѣка на свѣтѣ знали это или догадывались: знала, конечно, одна мамаша, и знала навѣрняка; догадывались же—покойный «тиранъ» и фонъ-Вульфъ. Послѣдній потому и засаженъ былъ «тираномъ» въ арестантскую при нижнемъ надворномъ судѣ и обвиненъ въ самозванствѣ.

Какъ же бросить Петю и ѣхать за границу? Оставить его?

Но не на кого: въ домѣ у нея только двѣ молоденькихъ дѣвушки, Маша Лебедева и Дуня Бубнова да цѣлая орава дворни, которая по смерти «тирана» совсѣмъ отъ рукъ отбилась. А ѣхать съ Петей за границу совершенно невозможно, хоть фонъ-Вульфъ и звалъ ее туда настоятельно. Получивъ извѣстіе о смерти старика Ляпунова и о томъ, что его возлюбленная осталась владѣтельницей имѣнія съ 370 ревизскими душами и капитала въ 170.000 рублей, кромѣ брилліантовъ и серебра, и о томъ, что его возлюбленная страстно желаетъ соединиться съ нимъ бракомъ, онъ, не имѣя права въѣзда въ Россію, тотчасъ же прислалъ за ней изъ Силезіи свой экипажъ и своихъ людей съ тѣмъ, чтобъ, покончивъ съ дѣлами, она ѣхала немедленно къ нему, а онъ встрѣтитъ ее въ Митавѣ. Мало того, ожидая ее къ себѣ, онъ тогда же ходатайствоалъ у прусскаго короля о пожалованіи ему «инконата», то есть дозволенія покупать въ Пруссіи имѣнія, и «инкопатъ» вскорѣ же былъ полученъ.

Но Марья Дмитріевна не знала, на что рѣшиться: голова ея шла кругомъ; она и мечтала о блаженствѣ, и плакала, боясь, сама не зная чего, и посовѣтоваться было не съ кѣмъ. Модное французское воспитаніе сдѣлало изъ нея на всю жизнь ребенка. Такова была женщина XVIII вѣка, кукла, а въ то же время и раба въ семьѣ, или тиранка, потому что споконъ-вѣка существуетъ аксіома, добытая исторіей, что всякій рабъ есть тиранъ, а всякій тиранъ есть рабъ.

При всемъ томъ Марья Дмитріевна додумалась, какъ ей поступить.

Она написала императрицѣ самое краснорѣчивое, вѣрноподданнически чувствительное письмо о томъ, чтобы она помиловала фонъ-Вульфа и дозволила ему возвратиться въ Россію, вступить въ русскую службу и жениться на ней, на Марьѣ Дмитріевнѣ.

Довести этотъ вопль любящаго сердца до самой императрицы вызвался одинъ бѣдный офицеръ, облагодѣтельствованный Ляпуновою и уже ѣздившій отъ нея съ порученіемъ за границу къ Вульфу, нѣкто Красовскій, оказавшійся впослѣдствіи негодяемъ самаго низкаго разбора, какимъ онъ, впрочемъ, былъ всегда, хотя Марья Дмитріевна, по своему добродушію, чтобы не сказать просто по глупости, считала его отличнѣйшимъ человѣкомъ.

Красовскій этотъ, по имени и отчеству Андрей Петровичъ, былъ, какъ онъ себя называлъ, «уроженецъ бѣлорусскій»; служилъ прежде въ Тенгинскомъ пѣхотномъ полку, дослужился до прапорщика; потомъ служилъ въ Тобольскомъ полку, гдѣ дослужился до подпоручиковъ, и поступилъ затѣмъ экзекуторомъ въ московскій почтамтъ. Тамъ, кажется, проворовался и со службы выгнанъ. По изгнаніи, жилъ въ Москвѣ, «профитуясь помощью родственниковъ своихъ» и обманами такихъ особъ, какъ мечтательная Марія Дмитріевна.

До чего наивна была Марія Дмитріевна, видно хотя бы изъ слѣдующаго. Когда умеръ ея «тиранъ», то, желая хоть чѣмъ-нибудь угодить своему возлюбленному, она послала къ нему Красовскаго въ Силезію съ письмомъ и презентомъ—500 червонцевъ и богатый куній мѣхъ. Красовскій положилъ червонцы себѣ въ карманъ, и фонъ-Вульфу вручилъ только письмо и куній мѣхъ; о червонцахъ же сказалъ, что ихъ у него украли, и еще у Вульфа выпросилъ себѣ на обратный путь 70 червонцевъ.

И Марья Дмитріевна о немъ же, бѣдномъ, пожалѣла!

— Ахъ, бѣдняжка! Каково же тебѣ было въ чужой землѣ безъ денегъ!

Этотъ-то молодецъ и увѣрилъ Марью Дмитріевну, что почтъ-директоръ Пестель въ немъ, Красовскомъ, души не чаетъ, что онъ познакомитъ его съ графомъ Безбородкою, а тамъ до самой императрицы рукой подать.

И вотъ Марья Дмитріевна отсыпала ему тысячъ около двадцати и отправила его въ Петербургъ «стряпать» и «подмазывать», какъ онъ самъ выражался.

Прошло недѣли двѣ, какъ онъ уѣхалъ, и Марья Дмитріевна лихорадочно ожидаетъ или его самого, или письма отъ него.

— Нѣтъ, онъ обѣщалъ писать о дѣлѣ,—разсуждала сама съ собой Марья Дмитріевна,—надо значитъ ждать письма...

Она подходила къ окну и глядѣла, не идетъ ли почтальонъ по улицѣ. А домъ ихъ наискосокъ отъ почтамта, такъ оно и видно, когда проходятъ почтальоны. Домъ Ляпуновыхъ—богатый, барскій, старинный домъ. Комнатъ много, мебель хорошая, вездѣ свѣтло, чисто, красиво. А Марьѣ Дмитріевнѣ, въ ея вдовьемъ одиночествѣ, этотъ богатый домъ кажется монастыремъ.

— Нѣтъ, не видно почтальона.

Она отошла отъ окна, сѣла на софу и стала раскладывать

карты на кругломъ столѣ, покрытомъ шитою шелками скатертью.

— Ахъ, вотъ сюда бы бубноваго туза... Такъ и есть!

Въ это время изъ передней, а потомъ изъ залы донеслись веселые голоса.

— Марья Дмитріевна! Радость!—кричалъ одинъ голосъ.

— Письмо, Марья Дмитріевна!—кричалъ другой.

Не успѣла Марья Дмитріевна выскочить изъ-за стола, какъ въ комнату влетѣли двѣ молоденькія дѣвушки. Это были ея воспитанницы, бѣдныя дворяночки, считавшія Марью Дмитріевну своею благодѣтельницею, Дуня Бубнова и Маша Лебедева. Дуня была высокенькая, стройненькая, шестнадцатилѣтняя брюнеточка, съ живыми, сѣрыми глазами и капризно-вздернутымъ носикомъ. Маша же, рыженькая, съ необыкновенно бѣлымъ веснусчатымъ лицомъ, была некрасива и смотрѣла болѣе возмужалой.

— Вотъ вамъ письмо! — радостно, чуть не захлебываясь словами, говорила Дуня, показывая письмо.

— Мы все утро ждали почтальона,—перебила ее Маша,— и я первая увидѣла его.

— А я перегнала тебя!—торжествовала Дуня.

— Да! Почти изъ рукъ вырвала письмо, безсовѣстная!— дулась на нее Маша.

Но Марья Дмитріевна, не слушая ихъ препирательствъ, а, торопливо распечатавъ письмо, вся пунцовая отъ волненія, жадно читала его.

«Порадуйтесь, матушка!—писалъ Красовскій.—Дѣло мое, слава вышнему Богу, хотя съ трудностью, но уже началось, и весьма успѣшно стряпается, по причинѣ вамъ извѣстнаго, розданнаго по рукамъ старательства *), и навѣрное въ послѣднихъ дняхъ этого мѣсяца совершенно съ пользою окончится, почему и буду обратно въ Москву скоро. Дѣло мое отъ бумажекъ пуще загорѣлось, нежели отъ березовыхъ дровъ, только по требованію необходимо еще 600 рублей, которые ради самого Бога пришлите на первой почтѣ мнѣ; не сдѣлайте мнѣ остановки и разстройки и не испортите мнѣ дѣла, для того не замедлите, что въ двѣнадцать дней все будетъ готово, и мнѣ нечего будетъ дожидаться, какъ этихъ денегъ, которыхъ я, не имѣя при себѣ, обѣщалъ че-

*) Письмо Красовскаго передается съ дипломатическою точностью; подчеркнуты нѣкоторыя слова самимъ Красовскимъ.

резъ 12 дней имъ доставить. Обо всемъ обстоятельно я сей же день писалъ къ моему другу: пускай онъ порадуется и утѣшится своимъ благополучіемъ!»...

Марья Дмитріевна еще болѣе вспыхнула.

— Это онъ къ Ѳедѣ, къ моему Теодору писалъ,—радостно подумала она,—нарочно эти слова подчеркнулъ, чтобы я знала.

Она продолжала читать:

«Я думалъ въ Москвѣ иначе, а пріѣхавши, здѣсь нашелъ самые вѣрнѣйшіе способы къ полученію желаемаго чрезъ трехъ особъ, которыя всѣ сильны и между собою пріятели и всѣ денежки требуютъ. Вы пришлите черезъ почту, только отдайте вѣрному человѣку на почту отнести. А я стою въ Большой Мѣщанской, во 2-й части, у купца Ильина. До полученія денегъ обѣщаются, чтобъ все было готово, а я, получа деньги, изъ рукъ въ руки перемѣняемся. До скораго свиданія, благодѣтельница. Вашъ усердный и вѣрный слуга Андрей Красовскій. Санктпетербургъ, 13-го мая 1792 года».

— Слава Богу! — радостно перекрестилась Марья Дмитріевна.

— Слава Богу! Слава Богу!—подхватили въ одинъ голосъ барышни.

— Такъ хорошее письмо, Марья Дмитріевна? — спросила Маша.

— Хорошее, хорошее, душечка.

— Ахъ, какъ я рада! Теперь ужъ я слѣдующее письмо перехвачу раньше,—сказала Маша, обращаясь къ Дунѣ.

— Посмотримъ! Старуха на двое сказала,—засмѣялась эта воструха. — А когда, душечка мамочка, вы ждете второго письма?— спросила она свою благодѣтельницу.

— Не знаю, милая... Надо бы ожидать на-дняхъ,—отвѣчала послѣдняя, что-то соображая.—Да, деньги надо завтра же послать.

Съ этого дня молоденькія воспитанницы генеральши Ляпуновой всякое утро поджидали почтальона у воротъ: каждой хотѣлось первой порадовать свою благодѣтельницу. Воструха Дуня пустилась даже на такую хитрость. Завидѣвъ на второй или на третій день почтальона, возвращавшагося въ почтамтъ, слѣдовательно, въ такой часъ, когда ея соперницы, Маши, не было у

воротъ, она подбѣжала къ нему и, сверкая своими жемчужными зубами, смѣло заговорила:

— Вы носите письма къ генеральшѣ Ляпуновой?

— Я, барышня; развѣ вы не знаете?

— Нѣтъ, знаю... Только вы не отдавайте ихъ Машѣ.

— Какой Машѣ, красавица?

— Нашей, Лебедевой, что третьяго дня хотѣла перехватить у васъ письмо къ Марьѣ Дмитріевнѣ.

— Зачѣмъ вамъ это, красавица?

— А я хочу первая обрадовать ее.

— Хорошо, милая... А что же вы мнѣ дадите за это?—улыбался почтальонъ, любуясь дѣвушкой.

— Что? У меня ничего нѣтъ... У Марьи Дмитріевны...

— Что мнѣ Марья Дмитріевна! Вы дайте...

— У меня ничего нѣтъ,—совсѣмъ вспыхнула дѣвушка.

— А поцѣловать дадите?

Дуня засмѣялась и убѣжала... Почтальонъ былъ не дуренъ собой, а все же, ахъ, какъ стыдно!

Черезъ нѣсколько дней почтальонъ, дѣйствительно, показалъ ей письмо тихонько отъ Маши, которую зачѣмъ-то позвала ключница Ѳекла Китовна. Увидавъ письмо, Дуня вся вспыхнула. Но почтальонъ не отдавалъ пакета, лукаво улыбаясь.

— Отдайте,—просила дѣвушка.

— Поцѣлуйте прежде,—шепталъ почтальонъ Меркурій.

— Нѣтъ, прежде отдайте,—настаивала дѣвушка.

— А потомъ поцѣлуете?

— Поцѣлую.

— Честное слово?

— Честное слово.

Но едва хитрячка коснулась пакета своими ловкими, проколотыми иголкой пальчиками, какъ письмо мигомъ очутилось въ ея рукахъ, и она стрѣлой, съ звонкимъ хохотомъ, убѣжала.

— Добро же, воструха! — проворчалъ обманутый донъ-жуанъ.—Не увернешься отъ меня.

Вся запыхавшаяся, толкая Ѳеклу Китовну и Машу, попавшихся въ дверяхъ будуара навстрѣчу летѣвшей шалуньѣ, Дуня съ крикомъ радости вбѣжала въ будуаръ генеральши.

— Еще письмо! Еще письмо!

У Марьи Дмитріевны даже руки задрожали, и строчки письма наскакивали одна на другую...

«Дѣло, къ счастью, течетъ весьма порядочно, какъ лучше требовать нельзя»...

Она взглянула на конецъ письма и только тутъ сообразила:

— А! Восемнадцатаго мая... Онъ еще не получилъ денегъ... Ну, что дальше?

«Только боюсь, чтобъ за деньгами, о которыхъ я писалъ, не сдѣлалось остановки... Умоляю прислать поскорѣе».

— Послала ужъ.

— Ну, что, душечка Марія Дмитріевна, это письмо лучше того?—спросила Дуня, видя волненіе на лицѣ генеральши.

Съ нынѣшняго дня Дуня сама начала понимать, что такое есть «волненіе»...

— Нѣтъ, не лучше—отвѣчала генеральша,—а ужъ слѣдующее должно быть самое хорошее.

— А когда вы его получите?—спросила вдругъ Маша, входя въ это время въ будуаръ.

— Да не раньше недѣли, думаю,—отвѣчала взволнованная вдовушка.

Дуня лукаво улыбнулась, украдкой взглянувъ на свою подругу... «Не видать тебѣ, умница, письма, какъ своихъ ушей»,—сказала она про себя, а у самой сердце точно росло и пухло отъ сладкаго «волненія».

Раньше недѣли дѣвушки и не ждали письма, а потому и не караулили почтальона.

Но, къ вящшему изумленію и огорченію ихъ, черезъ день, когда онѣ обѣ помогали Марьѣ Дмитріевнѣ расчесывать роскошныя ея косы, въ будуаръ, смѣясь и отбиваясь отъ барченка, отъ Пети, хорошенькаго бѣлокураго мальчика лѣтъ трехъ или четырехъ, ввалилась Китовна и торжественно подала барынѣ письмо. Барыня поблѣднѣла отъ неожиданности, а Дуня, вспыхнувъ до слезъ, уронила на полъ гребенку и разсыпала всѣ шпильки... «Пропустила, ахъ!»—сжалось ея сердчишко...

— Проворонила,—коварно шепнула ей Маша.

Марья Дмитріевна почти не понимала, что она читала.

«Дѣло къ окончанію приходитъ. Пожалуйте, не замедлите прислать означенныя деньги на додачу, за которыми теперь

только вся остановка: получу же отъ васъ деньги, немедленно совершу конецъ»...

— Ахъ, все еще не получилъ денегъ!—досадовала Марья Дмитріевна.

— Теперь ужъ навѣрно получилъ, — успокаивала ее Маша,—и скоро, скоро будетъ самое лучшее письмо.

Она опять украдкой взглянула на Дуню. Та казалась огорченною, но уже не за Марью Дмитріевну, а за себя... «Такъ и не видала его... Какой дерзкій!»...

Съ этого момента Маша задумала во что бы то ни стало перехитрить проворную Дуню и посмѣяться надъ нею. Каждое утро она уходила подъ какимъ-нибудь предлогомъ изъ дому: то зайти въ лавочку за шелкомъ для шитья, то въ сосѣдній магазинъ за гарусомъ для подушки, и непремѣнно раньше того часу, когда Дуня выходила встрѣчать почтальона. Вмѣсто магазина она всякій разъ заходила на почту, какъ разъ въ то время, когда почту разсортировывали и раздавали приходящимъ получателямъ.

— Нѣтъ ли письма къ генеральшѣ Лапуновой?—всякій разъ спрашивала она.

— Нѣтъ-съ.

Но черезъ нѣсколько дней ей письмо, дѣйствительно, подали. Схвативъ его, она стремглавъ бросилась бѣжать домой. У воротъ уже стояла ея соперница и ждала больше почтальона, чѣмъ письма.

Маша издали показала ей свой трофей. Дуня вся покраснѣла.

— Откуда ты?

— Изъ магазина, за шелкомъ да за гарусомъ ходила.

— А письмо гдѣ взяла?

— Почтальонъ далъ.

— Гдѣ?—въ голосѣ и на рѣсницахъ Дуни дрожали слезы.

— Тамъ, на улицѣ, около магазина.

— Самъ отдалъ?

— Самъ, знамо, самъ.

Дуня совсѣмъ растерялась, готовая расплакаться.

— И онъ ничего не говорилъ?—со слезами въ голосѣ спросила она.—Не спрашивалъ обо мнѣ?

— Съ какой это стати!—насмѣшливо отвѣчала обманщица.—

Про здоровье Марьи Дмитріевны спрашивалъ и про мое, а о тебѣ и не подумалъ.

Сказавъ это, она шмыгнула въ ворота, оставивъ Дуню въ глубокомъ смущеніи и въ горѣ.. «Это за то, что я обманула его, обѣщала поцѣловать и не далась... Противный!»..

На этотъ разъ, увидавъ письмо, Марья Дмитріевна была вполнѣ увѣрена, что дѣло ея, наконецъ, кончилось, что скоро надо будетъ готовиться подъ вѣнецъ, шить платье, заказывать цвѣты... Въ смущеніи она разломала сургучъ.

«Матушка! Ожидаю отъ васъ присылки для пользы кровопійцевъ, которую, отъ васъ получа, долженъ имъ вручить»...

— Господи! Да когда жъ онъ ихъ получитъ!—въ отчаяніи проговорила она.—Почти двѣ недѣли, какъ послала... Ужъ не пропали ли?

— Зачѣмъ пропадать, матушка,—успокаивала ее случившаяся тутъ Китовна,—вить деньги не то, что письмо, онѣ не скоро ходютъ... А пропасть имъ гдѣ же? На то есть росписка.

Ляпунова продолжала читать письмо, но ужъ съ меньшимъ интересомъ, съ разочарованіемъ.

«Да, матушка, о н и напросились два раза ко мнѣ обѣдать. Что жъ бы, вы думали, эти обѣды съ напитками стоили? Девяносто два рубля»...

— Владычица! И ихъ не разорвало!—воскликнула Китовна, услыхавъ эту сумму.—На троихъ-то!

— Да это съ шампанскимъ, Китовна,—оправдывала Марья Дмитріевна своего адвоката.

— Что жъ! И я шампанскаго давывала вашимъ господамъ, да не по бочкѣ же,—волновалась старая ключница.

«Отговориться никакъ не могъ,—продолжала читать генеральша,—и отъ того я вошелъ въ долгъ. Денегъ у меня почти не осталось расходныхъ. Для того, матушка, прошу прислать, кромѣ 600 рублей, которые обѣщаны въ жертву, еще 200 рублей для заплаты этихъ великолѣпныхъ питерскихъ обѣдовъ и для прогоновъ мнѣ возвратиться въ Москву».

— Бочки бездонныя!—ворчала Китовна.

Марья Дмитріевна продолжала читать про себя.

«Дѣло идетъ исправно и хорошо, лишь только не дѣлаютъ конца для того, пока не получатъ 600 рублей, думаютъ, что я

ихъ обману; получа же оные, изъ рукъ въ руки, размѣняемся; да получу же отъ васъ на первой почтѣ 200 рублей и, расплатясь, пріѣду въ Москву. Къ другу своему я вторично и обстоятельно обо всемъ писалъ и увѣдомилъ его».

Дуня пришла, когда письмо было прочитано. Хорошенькіе сѣрые глазки ея казались заплаканными.

XV. Напрасное ожиданіе.

Время шло, и Марья Дмитріевна со дня на день все ожидала изъ Петербурга рѣшительнаго письма. Но оно не приходило. По разсчету времени Красовскій долженъ былъ получить деньги, какъ тѣ, которыя предназначены для «кровопійцевъ», для «сильныхъ» людей, такъ и тѣ, которыя посланы ему были на прогоны. Марья Дмитріевна не знала, что и подумать объ этомъ.

И ея воспитанницы поджидали письма. Хитрая Маша продолжала каждое утро бѣгать на почтамтъ къ разбору петербургской почты, и Дуня то и дѣло выбѣгала за ворота. Ей такъ хотѣлось отмстить чѣмъ-нибудь обманщику.

Между дѣвушками, бывшими до того въ дружбѣ, поселилась маленькая холодность: Дуня въ чемъ-то подозрѣвала Машу и къ чему-то ревновала.

Черезъ нѣсколько дней послѣ рокового утра, когда ловкая Маша провела свою подругу, заполучивъ письмо на почтѣ, Дуня выглянула за ворота и столкнулась лицомъ къ лицу съ почтальономъ. Дѣвушка очень обрадовалась, но еще болѣе сконфузилась.

— Здравствуйте, Авдотья Никитишна, — ласково сказалъ почтальонъ.

Дѣвушка удивилась, что онъ назвалъ ее по имени. Ей было пріятно узнать, что онъ интересуется ея именемъ, и она еще болѣе покраснѣла.

— Здравствуйте, — отвѣчала она. — Вы къ намъ съ письмомъ?

— Да,—отвѣчалъ почтамтскій донъ-жуанъ, улыбаясь,— только я его вамъ не дамъ.

— Отчего же?

— Оттого, что вы обманщица.

— А зачѣмъ вы прошлое письмо не мнѣ отдали?

— Какъ не вамъ?

— Конечно, не мнѣ, а Машѣ.

Почтальонъ догадался, что какое-то письмо прошло помимо рукъ, и тотчасъ же сообразилъ, какъ ему дѣйствовать.

— Да, правда,—сказалъ онъ,—я отдалъ его Машѣ, потому что она не обманщица.

Эти слова кольнули дѣвушку въ сердце. Она сама не догадывалась, что въ ней заговорила ревность. Хорошенькое личико ея разомъ затуманилось.

— Ну, такъ и отдавайте ей всѣ ваши письма,—быстро проговорила она и убѣжала. Но на сердцѣ у нея было смутно. Она вошла въ домъ и ждала, что вотъ-вотъ принесутъ письмо. Но вошла откуда-то Маша, а письма не было. Не приходилъ и почтальонъ. Дуня догадалась, что письма не было совсѣмъ, и нѣсколько успокоилась.

Изъ словъ дѣвушки почтальонъ понялъ, что ея подруга сама заходила на почту и взяла письмо, которое потому и не попало въ его сумку. А такъ какъ письма къ Ляпуновой, благодаря ея хорошенькой воспитанницѣ, очень стали интересовать его, то онъ сталъ являться къ сортировщику въ самый разборъ петербургской почты, чтобы письма къ Ляпуновой не проходили мимо его рукъ.

Вскорѣ, дѣйствительно, оказалось письмо на ея имя. Почтальонъ взялъ его въ свою суму вмѣстѣ съ другими и направился къ дому Ляпуновой. Но у воротъ никого не было. Онъ постоялъ, никто не выходилъ. Разочарованный, онъ пошелъ прямо въ домъ Въ передней его встрѣтилъ лакей и взялъ письмо. Ни Дуни, ни Маши не было. Дуня сидѣла у себя и вышивала, а Марья Дмитріевна опять гадала на картахъ. Маша же опять отлучилась за какими-то иголками.

Когда вошелъ лакей и подалъ письмо, Марья Дмитріевна уже не обрадовалась, а испугалась. Щеки же Дуни вспыхнули пожаромъ, а въ глазахъ засвѣтилась радость... «Не отдалъ противной Машкѣ».

Вошла и Маша, но, увидѣвъ въ рукахъ генеральши письмо, остолбенѣла. Это замѣтила Дуня и убѣдилась, что почтальонъ не хотѣлъ отдать письмо «противной Машкѣ», а припасалъ его для нея; но она, къ сожалѣнію, не вышла за ворота... «Дура я, дура!»

— Что же вы не читаете, душечка наша?—подошла она къ генеральшѣ.

— Да, боюсь, милая.

— Ну, дайте, я прочитаю.

— Нѣтъ, я сама.

«Дѣло все порядочно устроено,—писалъ адвокатъ,—лишь только съ минуты на минуту дожидаюсь рѣшительнаго конца, который непремѣнно долженъ быть скоро. Только дожидаюсь одного человѣка, мнѣ нужнаго, который изъ Петербурга на нѣкоторое время отлучился. Я къ своему другу два раза писалъ».

Генеральша съ досадой бросила письмо на полъ.

— Кровопійцы!.. Des hommes sanguinaires! *)—волновалась она.—Деньги взяли, а дѣла не дѣлаютъ... Низкіе люди!

Но она все еще не подозрѣвала, что тутъ кроются штуки ея повѣреннаго.

Она опять ждала. Потянулись дни за днями. Повѣренный ея выѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ мая, а теперь уже вторая половина іюня. Она хотѣла ѣхать въ деревню, чтобы туда ждать своего жениха и тамъ съ нимъ обвѣнчаться; но лѣто проходило, а дѣло ея не двигалось впередъ. Она забросила всѣ знакомства, ни къ кому не ѣздила. Домъ ея, дѣйствительно, казался теперь совсѣмъ монастыремъ, и еслибъ его молчаливость не оживлялась голосами двухъ молоденькихъ дѣвушекъ, то это была бы совершенная пустыня: вѣчно спящій въ передней лакей, постоянно молчаливая горничная Аннушка, только Маша да Дуня казались живыми существами.

Теперь между дѣвушками шла скрытая, глухая борьба изъ-за ожидаемаго послѣдняго радостнаго письма. Кто-то обрадуетъ имъ Марью Дмитріевну? Дуня рѣшилась пожертвовать, наконецъ, своей недоступностью и дать поцѣлуй почтальону, тѣмъ болѣе, что онъ ей нравился, лишь бы письмо прошло черезъ ея руки.

— Пускай же тихоня останется съ носомъ,—часто думала она,—а то вонъ какая, съ почтальономъ цѣлуется, а еще говоритъ, что терпѣть не любитъ мужчинъ, притворщица.

И она опять начала выбѣгать за ворота, все же развлеченіе для живой рѣзвушки, которой не сидѣлось на мѣстѣ. И почти всякій разъ она ловила возвращающуюся съ почты свою пріятельницу, теперь же воображаемую ею соперницу.

---

*) Кровожадные люди.

— Изъ магазейна, Марья Семеновна? — спрашивала она ехидно.

— Изъ магазейна.

— Все шелки да гаруса подбираете къ подушкѣ?

— Нѣтъ, за конвовой иголкой ходила, вотъ она,—отвѣчаетъ не менѣе ехидная Маша.

А сама думаетъ съ лукавой усмѣшкой: «дожидайся... получишь послѣ дождика въ четвергъ... я ужъ была на почтѣ».

Разъ какъ-то Дуня опять столкнулась съ почтальономъ.

— Есть письмо?

— Зачѣмъ вамъ, Авдотья Никитишна? Вить вы не хотите отъ меня брать ихъ.

— Нѣтъ, пожалуйста.

— А обѣщаніе исполните?

— Исполню.

— Побожитесь.

— Ей Богу, исполню... Только не отдавайте Машѣ.

— А задатка не дадите?

Дуня со смѣхомъ убѣжала. Въ душѣ она была довольна своею смѣлостью... «вотъ какая я храбрая... Что жъ! Если тихоня цѣлуется отчего жъ и мнѣ не поцѣловаться? Вить это все для благодѣтельницы для Марьи Дмитріевны».

Наконецъ, какъ разъ на Іоанна Предтечу, утромъ, не дождавшись письма, она собралась итти къ обѣднѣ, и только вышла въ сѣни, почтальонъ въ дверяхъ! Она такъ и обмерла и отъ неожиданности, и отъ тайной радости, и отъ страху.

— Авдотья Никитишна! Вотъ вамъ письмо, — сказалъ почтальонъ тихо и нерѣшительно подалъ письмо.

— Спасибо вамъ... мерси.

Не успѣла она опомниться, какъ кто-то обнялъ ее...

Въ какомъ-то туманѣ, вся пылающая, она вырвалась и убѣжала въ комнату. Щеки ея пылали, сердце колтилось...

Она наткнулась на генеральшу и чуть не сбила ее съ ногъ.

— Что ты! Что ты, ополоумѣла?

— Марья Дмитріевна! Письмо! — сказала дѣвушка, задыхаясь.—Вотъ оно... теперь все...

Думая, что въ самомъ дѣлѣ уже все сдѣлано, Марья Дмитріевна также растерялась отъ радости.

— Давай, Дунюшка, скорѣй! Охъ, и обрадовала, и напугала.

Письмо вскрыто. У Дуни подкосились ноги, и она сѣла. Марья Дмитріевна съ жадностью стала читать.

«Матушка! Дѣло мое по сю пору шло весьма хорошо и съ отмѣннымъ успѣхомъ, но теперь остановилось».

Марья Дмитріевна сѣла. И ея ноги подкосились. Краска, покрывавшая было ея щеки, стала уступать мѣсто смертельной блѣдности.

... «Но теперь остановилось, — машинально читала она,— однакожъ, на хорошемъ пути, это потому, что проявились опять требованія, на которыя я не смѣлъ дать обѣщанія безъ воли вашей, зная, сколь много уже стоитъ. Итакъ, теперь мнѣ нечего здѣсь будетъ дѣлать: до времени я рѣшился въ Москву отправиться, и если вы согласитесь на ихъ требованія, то, такъ какъ дѣло ужъ не токмо зачато, но почти уже совершено, лишь только на волоску виситъ, то буде согласитесь еще на потерю, въ мигъ кончится; но объ этомъ надобно весьма вамъ поразмыслить, рѣшиться или нѣтъ; къ тому жъ предстали новыя препятствія... я здѣсь размучился, имѣя дѣло съ людьми весьма... Итакъ, я послѣ этого письма, которое есть послѣднее, самъ черезъ два дня выѣду изъ Петербурга въ Москву и подробно обо всемъ вамъ увѣдомлю и изъясню. Я къ дѣлу прилагалъ всѣ свои силы, въ чемъ васъ послѣдствія дѣла могутъ увѣрить».

Марья Дмитріевна въ раздумьѣ опустила голову.

— Горько. Однако, ничто еще, кажется, не потеряно. Нужны только деньги. Что жъ! Двадцать тысячъ уже пожертвовано, можно и еще: счастье дороже денегъ.

— Только надо его подождать: пишетъ, что уѣзжаетъ. Можетъ, скоро и здѣсь будетъ. Тогда узнаю все, да и денегъ сколько нужно, скажетъ. Нечего дѣлать, надо ждать.

А Дуня, казалось, дохнуть не смѣла. Она чувствовала, что на лицѣ у нея огненные слѣды, что слѣды эти всѣ узнаютъ...

— Ну, Дунюшка, пойдемъ къ обѣднѣ, помолимся,—грустно и задумчиво сказала Марья Дмитріевна.

Дуня встала и машинально пошла за своей благодѣтельницей. Куда дѣвалась ея рѣзвость, озорничество!

И снова потекли дни за днями. Ждали Красовскаго; но онъ не пріѣхалъ. Ляпунова все чаще и чаще стала плакать, особенно, когда къ ней приводили ея Петю... «Былитый онъ!»..

Она уже стала сомнѣваться въ вѣрности Красовскаго. Дуня боялась уже выбѣгать за ворота, но вся ея мысль была тамъ, а чаще всего въ сѣняхъ... Она какъ-то сразу, казалось, возмужала и похорошѣла. Чаще и чаще стала она задумываться и стала какою-то разсѣянною, путала счетъ въ узорахъ, мѣшала цвѣта въ гарусахъ...

— Добрая Дунюшка!—говорила, глядя на нее, Марья Дмитріевна.—Она за моимъ горемъ убивается.

— Я такъ... ничего...

И Дуня бросилась цѣловать свою благодѣтельницу, плакала.

— Письмо! Письмо! — торжественно провозгласила рыженькая Маша.

Всѣ встрепенулись. Марья Дмитріевна поблѣднѣла, но, повидимому, обрадовалась. Дуня побѣжала къ Машѣ.

— Гдѣ взяла письмо?—торопливо спросила она.

— У почтальона... Вотъ еще ломака! Не хотѣлъ мнѣ отдать.

Дуня свободно вздохнула, и сѣрые глаза ея вспыхнули: въ нихъ засвѣтилась радость.

Ляпунова читала: «Долго не писалъ вамъ, матушка, потому что двѣ недѣли былъ боленъ горячкою, которую прервали кровопусканіемъ».

— Такъ вотъ, отчего онъ не писалъ.

«Объ обстоятельствахъ прежняго моего дѣла, за которымъ я сюда пріѣхалъ, доношу вамъ, что тѣ люди, которые прежде заупрямничали кожу содрать по своей привычкѣ, но теперь усовѣстились нѣсколько, хотя немногимъ, стали поблагосклоннѣе; но лишь военныя обстоятельства и прочія, которыя послѣ начатія сего дѣла случились, препятствуютъ и ихъ ничѣмъ какъ терпѣніемъ возможно превозмочь. Если вы захотите потерпѣть нѣсколько мѣсяцевъ, да и должно, для того, что перемѣнить нельзя. Теперь я поздоровѣю и скоро буду и, пріѣхавши, обо многомъ вамъ имѣю, что говорить, того всего на бумагѣ описать невозможно» *).

— Что дѣлать! Надо ждать,—сказала несчастная вдова со вздохомъ.

Но ни конца дѣла, ни своего адвоката она не дождалась: послѣдняго она больше въ глаза не видала.

---

*) Всѣ письма Красовскаго приведены дословно.

XVI. Возвращеніе изгнанника.

Прошло еще два года.

Въ началѣ сентября 1794 года съ митавскаго тракта переѣхалъ черезъ русскую границу какой-то путешественникъ въ небольшой дорожной колескѣ, запряженной тройкой сытыхъ рослыхъ коней.

При прописке вида въ пограничной таможенной конторѣ оказалось, что ѣхалъ въ Москву по торговымъ дѣламъ митавскій купецъ Эвальдъ Эрнестъ Юргенсонъ, видный бѣлокурый мужчина, лѣтъ за сорокъ. На таможнѣ онъ говорилъ по-русски, повидимому, хорошо владѣя этимъ языкомъ. Съ ямщикомъ также говорилъ по-русски.

Видно было, что это богатый купецъ. Когда дорогой, въ какомъ-нибудь селѣ, онъ останавливался на постояломъ дворѣ, чтобъ покормить лошадей или переночевать, то изъ его дорожнаго сундучка появлялись на столъ не простые серебряные ножъ, ложка и вилка, но позолоченные; когда онъ писалъ что-либо на ночлегѣ, то вынималъ изъ того же сундучка хрустальную чернильницу и песочницу въ золотой оправѣ и богатомъ футлярѣ; а когда брился, вынималъ бритвы съ дорогими черенками.

Когда они доѣхали уже до Московской губерніи, то въ Звенигородскомъ округѣ Юргенсонъ завелъ съ своимъ ямщикомъ такой разговоръ:

— Карпъ, а Карпъ! Ты дремлешь?

— А! Что такое?

— Дремлешь, говорю.

— Нѣту, господинъ купецъ, съ чево мнѣ дремать?

— Ну, ладно Карпъ... А ты вотъ что мнѣ скажи: есть у тебя тутъ по дорогѣ, поближе къ Москвѣ, знакомые мужики?

— Есть, какъ не быть? Второй десятокъ ѣзжу.

— Гдѣ же? Въ какомъ селѣ?

— Да хоть бы въ селѣ Перхушкинѣ, Сирота Степанъ.

— А знаетъ онъ Москву?

— Какъ не знать! Что свою ладонь знаетъ: десять лѣтъ ванькой на Москвѣ былъ.

— Славно, зэръ гутъ! Такъ вотъ что, Карпъ: хочетъ онъ заработать лишній рубль?

— Какъ не хотѣть! И я хочу.

— Вотъ что, Карпъ: я хочу его послать въ Москву съ грамоткой впередъ, чтобы мнѣ навстрѣчу выслали хорошую карету четверней. А то въ Москвѣ меня знаютъ богатые купцы, такъ мнѣ стыдно, не годится такъ-то просто въѣзжать, попышнѣе надо, для кредиту.

— Ладно, господинъ, понимаю-ста.

— Ну, такъ вези меня въ это Перхушкино, къ Сиротѣ.

Пріѣхали въ Перхушкино. На счастье, и Сирота былъ дома. Купецъ началъ говорить съ Сиротой.

— Вотъ что, любезный другъ, можешь ты съѣздить въ Москву?

— Для-че не съѣздить, баринъ? Живой рукой.

— Знаешь ты тамъ церковь Николы Столпа?

— Знаю, баринъ, частенько стаивалъ у колоды.

Разговоръ шелъ въ избѣ у Сироты. Юргенсонъ вынулъ изъ дорожнаго сундучка перо и чернильницу, досталъ бумаги и что-то написалъ на ней.

— Такъ малость,—говорилъ послѣ Сирота знакомымъ мужикамъ,—словно мачкомъ посыпалъ.

Потомъ вынулъ изъ того же сундучка восковую свѣчку въ серебряной коробочкѣ, зажегъ эту свѣчку, досталъ палочку сургуча и запечаталъ письмецо своимъ перстнемъ.

— На,—говоритъ, — любезный другъ, катай съ этимъ въ Москву, къ Николѣ Столпу, и отдай тамъ дьячку Алексѣю.

— Ладно, найдемъ.

— Тотъ дьячекъ дастъ тебѣ отписку ко мнѣ, такъ ты ее и привези ко мнѣ въ Сетунь, знаешь?

— Для-че не знать? Сетунь-ту, знаю.

— Въ Сетуни я буду ночевать; спроси тамъ митавскаго купца Юргенсона. Понялъ.

Сирота почесался въ затылкѣ.

— Ну, ужъ это, баринъ, запамятую

— Такъ спроси тамъ: гдѣ тутъ остановился господинъ тройкой съ ямщикомъ Карпомъ.

— Ну, это будетъ поспособнѣе.

На томъ и порѣшили. Сирота поѣхалъ въ Москву, а Юргенсонъ въ Сетунь.

Въ Сетуни они остановились на ночлегъ. Юргенсону отвели

на постояломъ дворѣ особую комнату. Такъ какъ скоро наступилъ вечеръ, то пріѣзжай попросилъ себѣ на ужинъ молока, а послѣ ужина, какъ выражался впослѣдствіи хозяинъ постоялаго двора «все читалъ въ книжку».

Скоро подъ окномъ, выходившимъ на улицу, послышался стукъ.

— Кто тамъ?—спросилъ проѣзжій.

— Изъ Москвы,—отвѣчали подъ окномъ.

— А кого вамъ надо?

— Здѣся остановился господинъ тройкой?

— Здѣсь. А ты кто?

— Я Сирота буду.

— Такъ иди въ избу.

Это былъ, дѣйствительно, Сирота. Войдя въ избу, онъ перекрестился, шибко тряхнулъ волосами, поклонился и полѣзъ за пазуху.

— Вотъ, сударь, дьячокъ прислалъ грамотку.

— Спасибо, любезный.

Прочитавъ записку, проѣзжій сказалъ Сиротѣ:

— Вотъ что, любезный: завтра пораньше поѣзжай ты опять въ Москву, къ дьячку Алексѣю. Онъ тебя проводитъ къ моей сестрѣ, а ты ужъ съ нею пріѣзжай сюда: она хочетъ встрѣтить меня въ каретѣ четверней.

— Ладно, баринъ, все будетъ какъ по-писаному.

— Хорошо, ступай.

— А не будетъ ли, ваша милость, на водочку? Страхъ какъ умаялся.

Проѣзжій далъ ему серебряную монету.

На другой день часу въ двѣнадцатомъ утра, къ постоялому двору, дѣйствительно, подъѣхала богатая карета четверней. На козлахъ рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ Сирота. Изъ кареты выпрыгнула хорошо одѣтая не-то барынька, не-то барышня.

— Прахъ ее знаетъ,—толковали мужики, собравшіеся вокругъ кареты,—должно, барыня.

— Евопая сестра,—пояснилъ Спрота.

Пріѣхавшую провели прямо въ ту половину, гдѣ остановился Юргенсонъ.

— А, милая барышня! — обрадовался этотъ послѣдній.— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — смущенно отвѣчала пріѣхавшая, доставая изъ ридикюля записку.

— Вы отъ Марьи Дмитріевны?

— Да.

— Какъ я радъ! Позвольте васъ поцѣловать.

Онъ поцѣловалъ смущенную дѣвушку и пробѣжалъ записку.

— Чудесно! Наконецъ-то я опять буду въ Москвѣ. Что Марья Дмитріевна?

— Онѣ здоровы, слава Богу.

— А Петя?

— И Петя здоровъ.

— И Дуня, и Китовна? А васъ нечего спрашивать: вы и выросли, и похорошѣли. Ѣдемте же.

Онъ расплатился съ хозяиномъ, съ Сиротою, велѣлъ своему ямщику ѣхать въ Москву, а самъ съ барышнею сѣлъ въ карету и помчался къ Дорогомиловской заставѣ.

— И чудно все это, паря,—толковали оставшіеся мужики,— ни онъ купецъ, ни онъ баринъ.

— Нѣмецкій купецъ, сказываютъ.

— Нѣтъ, паря, тутъ что-то неладно.

— А намъ што? Не начпортъ спрашивать; въ Москвѣ разберутъ.

— Знамо, разберутъ... Вона кака каретина царска.

— Што и говорить! Онъ, може, прынецъ какой, а мы начпортъ!

Карета, въѣхавъ въ Москву и исколесивъ верстъ пять по шумной столицѣ, въѣхала во дворъ дома генеральши Ляпуновой.

На крыльцо выбѣжала Дуня, радостная, сіяющая. Вышла и Китовна.

— Батюшка баринъ! Ѳедоръ Иванычъ! Заждались мы васъ.

Фонъ-Вульфъ, это былъ онъ, со всѣми расцѣловался. Въ этомъ домѣ всѣ его знали, тѣмъ болѣе, что онъ былъ прежде другомъ покойнаго генерала.

Марья Дмитріевна встрѣтила его въ залѣ, да такъ и повисла у него на шеѣ.

— Ѳеди! Теодоръ! Другъ мой! Наконецъ-то.

— Да, больше четырехъ лѣтъ не видались.

— Какое время! Какое ужасное время я пережила!

— А давно государыня соизволила на нашъ бракъ?

Этотъ вопросъ засталъ Марью Дмитріевну врасплохъ. Она смѣшалась, покраснѣла. Но ее выручилъ маленькій Петя. Онъ влетѣлъ въ комнату, таща за собой деревянную лошадь. Увидавъ незнакомаго мужчину, онъ остановился въ недоумѣніи.

— Петичка! Пьеръ, иди поздоровайся съ дядей,—заговорила Марья Дмитріевна,—не правда ли, какой милый мальчикъ?

Что-то неуловимое пробѣжало по лицу Вульфа, когда онъ увидѣлъ этого ребенка.

Почему-то моментально память его перенеслась въ далекое дѣтство. Въ Амстердамѣ, въ домѣ своего отца, онъ часто, каждый день, видѣлъ въ трюмо отраженіе вотъ такого же точно мальчика: мягкіе льняные волосы, необыкновенно бѣлое, нѣжное личико и точно такіе свѣтло-голубые глаза. И какъ молнія пронеслась передъ нимъ вся его кочующая жизнь съ ея треволненіями и несбывшимися надеждами.

Онъ всталъ и приблизился къ мальчику. Онъ хотѣлъ улыбнуться и не могъ. Ребенокъ попятился назадъ, глядя съ боязнью на незнакомца.

— Ахъ, Петичка! Чего ты боишься? Дядя добрый.

Мальчикъ, заворотивъ своего коня, бѣгомъ пустился въ другія комнаты.

— У насъ никто не бываетъ изъ мужчинъ, оттого онъ и дикій такой,—пояснила Марья Дмитріевна,—а не правда ли (она оглянулась кругомъ, въ комнатѣ, кромѣ нихъ, никого не было), не правда,—сказала она тихо:—какъ онъ на тебя похожъ? Вылитой?

— Да,—отвѣчалъ Вульфъ, задумчиво;—я какъ увидалъ его, такъ сейчасъ же вспомнилъ, что я такого же точно мальчика постоянно видѣлъ въ трюмо въ домѣ моего отца.

— Это ты, конечно, себя видѣлъ?

— Да... Однако, ты мнѣ, все-таки, еще не сказала, получила ли ты отъ государыни позволеніе возвратиться мнѣ въ Россію?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, милый—перебила его хозяйка,—я не хочу говорить теперь о дѣлѣ, я такъ рада видѣть тебя.

— Кушать готово, пожалуйте,—заспаннымъ голосомъ проговорилъ лакей Макаръ, появившійся на порогѣ.

XVII. Поиски священника.

На другой день, утромъ, въ переднюю генеральши Ляпуновой вошелъ стройненькій, высокенькій юноша въ мундирѣ сержанта. Мундиръ былъ съ иголочки. Юный сержантъ смотрѣлъ совершеннымъ красавцемъ: сѣрые, веселые, смѣющіеся глаза, густыя, черныя брови дугой, чуть пробивающійся пушекъ надъ верхней губою, капризно вздернутый носикъ, все такъ и сверкало молодостью, свѣжестью.

— Генералъ у себя?—смѣло спросилъ сержантикъ полусоннаго Макара который, какъ говорится, походя спалъ.

— Какой генералъ?—спросилъ онъ, показывая видъ, что стряхиваетъ пыль съ висѣвшаго въ передней платья.

— Генералъ-маіоръ Николай Ѳедоровичъ Ляпуновъ, — пояснилъ хорошенькій сержантикъ.

— Баринъ давно умерши,—отвѣчалъ лакей.

— А генеральша?

— Генеральша у себя.

— Можно ее видѣть?

— А какъ объ васъ доложить прикажете?

— Сержантъ Никитинъ.

— А по какому дѣлу-съ?

— А вотъ по какому: есть у нея лакей, Макаромъ зовутъ, такой лѣнтяй, что походя спитъ. Такъ его велѣно сослать туда, куда онъ телятъ не гоняетъ.

И сержантикъ звонко расхохотался. Ошеломленный Макаръ и руками развелъ.

— Ахъ, барышня!.. Вотъ шутница! А я и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что сержантъ... Вотъ озорница!

Дуня продолжала заливаться. Это была она, наряженная сержантомъ. Ей сшили на-дняхъ хорошенькое сержантское платье; а когда портной, снимавшій съ нея мѣрку, спрашивалъ, зачѣмъ это барышню наряжаютъ сержантомъ, то Марья Дмитріевна сказала ему, что скоро въ дворянскомъ собраніи будетъ костюмированный балъ, и потому она хочетъ одѣть Дуню сержантомъ. Теперь она нарядилась въ этотъ костюмъ, подвела себѣ сажей брови, нѣсколько начернила усики и подшутила надъ соннымъ Макаромъ.

— А что, испугался?—радовалась она.

— Испужаться, барышня, не испужался, а такъ, сразу-то и опѣшилъ малость.

— То-то, собирайся же, сейчасъ ѣдемъ.

— Да я, барышня, готовъ-съ: мнѣ еще вчера въ вечеру крѣпко Китовна наказывала.

Между тѣмъ, у крыльца уже ждали готовыя въ путь экипажи, карета четверней и рессорная коляска тройкой, та самая, въ которой фонъ-Вульфъ пріѣхалъ изъ-за границы. Вскорѣ на крыльцо вышли Ляпунова съ Вульфомъ, Дуня въ костюмѣ сержанта, Маша и Макаръ въ ливреѣ. Марья Дмитріевна и фонъ-Вульфъ сѣли въ карету. Макаръ всталъ на запятки, а Дуня и Маша помѣстились въ колескѣ. Китовна съ Петей стояли на крыльцѣ и смѣялись, глядя на переряженную Дуню, которая дѣлала имъ честь по-военному.

Экипажи двинулись. Вульфъ сидѣлъ молчаливо, съ пасмурнымъ видомъ, а Марья Дмитріевна казалась смущенною.

— Все-таки, лучше бы намъ ѣхать въ Шкловъ, къ Зоричу,— говорилъ Вульфъ, глядя въ окно кареты.

— Ахъ, милый, я незнакома съ Зоричемъ, — возражала Марья Дмитріевна,—да мнѣ и совѣстно.

— Чего же тутъ совѣститься? Я васъ познакомлю.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

— Но пойми, мой другъ, тамъ всего безопаснѣе вѣнчаться: Зоричъ прикажетъ попу, и насъ въ мигъ повѣнчаютъ.

— Да и въ деревнѣ у меня повѣнчаютъ, священникъ свой.

— А люди донесутъ?

— Не донесутъ.

— Да, легко это говорить! Разъ ужъ я посидѣлъ подъ карауломъ, да и высланъ изъ Россіи; а какъ теперь попадусь, такъ и въ Сибирь, пожалуй, угожу.

— Что ты! Что ты! Когда я буду твоей женой, тогда мнѣ легче будетъ испросить у государыни помилованія тебѣ, какъ моему мужу.

— Не знаю, Мари, но все лучше было бы подъ крылышкомъ у Зорича: къ нему полиція не смѣетъ носу показать.

— А какъ же, Теодоръ, ты самъ же говорилъ, что при тебѣ арестовали у Зорича графовъ Заповичей, ихъ любовницу итальянку и Зоричевыхъ карловъ.

— А! То другое дѣло, душа моя: то за фальшивыя ассигнаціи.

— Нѣтъ, какъ хочешь, Теодоръ, а у меня въ деревнѣ не въ примѣръ безопаснѣе.

День былъ прекрасный. «Бабье лѣто» въ тотъ годъ стояло великолѣпное. Широкія полосы сжатаго хлѣба золотились подъ теплыми, яркими лучами солнца. Желтѣющій и краснѣющій лѣсъ поражалъ особенною цвѣтностью: листъ всѣхъ цвѣтовъ, начиная отъ темно-зеленаго и блѣдно-желтаго и кончая багрянымъ, придавалъ рощамъ видъ яркихъ цвѣтниковъ. Одуванчики выглядывали изъ зелени, словно по первовесенью. Всходы озимей представляли изъ себя длинныя полосы зеленаго бархата. Въ воздухѣ, на деревьяхъ и по травѣ тянулись и тихо плыли серебряные нити: это были тонкія нити паутины, предвѣщавшія продолжительную теплую и ясную осень. Высоко-высоко на небѣ звонко перекликались хороводы перелетныхъ птицъ: то съ крикомъ тянулись къ югу на зимовку длинныя нити дикихъ гусей и журавлей — словно серебряные выблескивали на солнцѣ ихъ вытянутыя шеи, широко распластанныя и медленно машущія въ воздухѣ крылья. Гладко укатанная послѣ дождей, совсѣмъ не пыльная дорога гулко отдавала подъ ударами копытъ и шинованныхъ колесъ.

Проѣхавъ верстъ сорокъ, наши путешественники остановились покормить лошадей. Они не заѣхали въ село, а остановились въ одномъ живописномъ перелѣскѣ, на берегу небольшой рѣчки, чтобъ избѣжать непріятности быть предметомъ любопытства деревенскихъ зѣвакъ, а овса съ ними было достаточно, чтобы покормить лошадей.

Макаръ разослалъ подъ старой развѣсистой сосной большой коверъ, вынулъ изъ экипажей подушки, притащилъ кульки съ провизіей и винами, и маленькая компанія усѣлась пировать. Щедрая Китовна насовала въ кульки всего вдоволь: «кокурокъ» съ запеченными въ нихъ яйцами, сыру, колбасъ, коробку сардинокъ, жареную индѣйку, грушъ, яблокъ нѣсколько бутылокъ вина, въ томъ числѣ и шампанскаго; не забыла и небольшой складной дорожный самоваръ со всѣмъ къ нему необходимымъ.

Вынувъ все это, Макаръ, который ожилъ на воздухѣ, началъ

ставить самоваръ, а барышня готовить трапезу. Молодой сержантъ болталъ неумолкаемо.

— Я вынулъ ножи, и нарѣзалъ колбасы...

— Смотри же, Дуня не осрамись въ церкви,—смѣялась Марья Дмитріевна, картинно развалившись на коврѣ.

— Здѣсь, сударыня, нѣтъ Дуни.

— Ахъ, забыла... сержантъ Никитинъ.

— Чево изволите, ваше превосходительство? — струпкой вытягивалась озорница Дуня.

— Не осрамись, говорю, въ церкви.

— Чѣмъ, ваше превосходительство?

— Не подпишись подъ обыскомъ: сержантъ Иванъ Никитинъ руку приложила.

— Нѣтъ-съ, Ваше превосходительство, этого никогда не будетъ.

Фонъ-Вульфъ не могъ не любоваться миловидностью этой бойкой дѣвушки. Какъ охотно онъ промѣнялъ бы на нее свою невѣсту! Послѣ того, что она надъ нимъ продѣлывала, въ душу его засѣло чувство недовѣрія къ этой особѣ: онъ не могъ не возмущаться тѣмъ, что она ложью, обманомъ заманила его въ Россію, точно въ западню. Правда, это она сдѣлала изъ любви къ нему; но этимъ она заставила потускнѣть, какъ тускнѣетъ поверхность зеркала отъ дыханія, его дружеское, довѣрчивое чувство къ ней.

Какъ бы то ни было пиръ вышелъ на славу. Особенное оживленіе трапезѣ придавали неугомонная Дуня и Макаръ. Послѣдній, по своей мѣшковатости и тупости, никакъ не могъ войти въ роль заговорщика, и говоря съ Дуней, постоянно называлъ ее «барышней».

— Какъ ты смѣешь, олухъ, называть меня барышней,— озадачила она его;—я сержантъ.

— Виноватъ, барышня... то бишь сержантъ,—поправлялся Макаръ.

Всѣ смѣялись, и Макаръ приходилъ еще въ большее смущеніе.

Наконецъ, лошади были готовы, и наши путешественники снова двинулись въ путь.

Солнце было еще довольно высоко, когда они пріѣхали въ село Знаменки, имѣніе Ляпуновой. Марья Дмитріевна тотчасъ

же послала за священникомъ, небольшой, но чистенькій домикъ котораго стоялъ въ зелени какъ разъ противъ барскаго дома, недалеко отъ церкви. Къ священнику послана была Дуня, которой наказано было, чтобы батюшка захватилъ съ собой обыскныя церковныя книги, такъ какъ генеральша-де пріѣхала въ свою вотчину вѣнчаться.

Отецъ Ириархъ, сухой, съ живыми сѣрыми глазками старичекъ, явился вмѣстѣ съ Дуней, которая очень забавно изображала изъ себя мужчину, бравируя и голосомъ, и движеніями.

Подойдя подъ благословеніе и познакомивъ отца Ириарха съ женихомъ, Марья Дмитріевна сказала о цѣли своего пріѣзда въ вотчину.

— Благое дѣло, матушка, ваше превосходительство,—сказалъ отецъ Ириархъ,—сказано бо не добро быти человѣку сдину.

— Да, да, батюшка, у меня же хозяйство,—какъ бы оправдывалась генеральша,—а я женщина, сами знаете.

— Какъ же, какъ же, матушка. Ваше же дѣло молодое, и Господь благословитъ ваше благоначинаніе... Такъ угодно будетъ приступить къ обыску?

— Да, батюшка, сдѣлайте милость. Вонъ на столѣ и чернильница.

Отецъ Ириархъ подошелъ къ столу, разложилъ на немъ обыскную книгу, вынулъ изъ кармана футляръ съ очками, досталъ оттуда нѣчто въ родѣ двухъ огромныхъ стеколъ телескопа и возложилъ эти орудія смотрѣнія на свой сухой носъ, который отъ этого сталъ такимъ жалкимъ, точно онъ попалъ подъ колеса. Умостившись около книги и испробовавъ перо на особой бумажкѣ, начертавъ неизбѣжную въ этомъ случаѣ фразу:

Проба пера и чернила,
Какая въ нихъ сила,—

батюшка сталъ что-то писать въ книгѣ, выставивъ номеръ мѣсяцъ и число.

— Какъ прикажете ваше сіятельство записать?—обратился онъ къ Вульфу.

— Баронъ Ѳедоръ Ивановичъ фонъ-Вульфъ.

— Холосты или вдовствуете?

— Холостъ.

— Сколько имѣете лѣтъ отъ роду?

— Сорокъ одинъ.

— Въ какомъ чинѣ изволите обрѣтаться и какого вѣроисповѣданія?

— Римско-католическаго.

— Такъ-съ... А чинъ вашего сіятельства?

— Изъ прусской службы я вышелъ маіоромъ.

— Такъ вы изволите быть иностранцемъ, не россійскимъ подданнымъ?

— Да я иностранецъ.

Отецъ Ириархъ положилъ перо. Онъ былъ въ недоумѣніи. и не зналъ, что ему дѣлать.

— Простите, ваше превосходительство,—обратился онъ къ хозяйкѣ,—я въ затрудненіи.

— Почему же, отецъ Ириархъ?—спросила Марія Дмитріевна дрогнувшимъ голосомъ.

— Не дерзаю-съ, матушка.

— Что же? Вѣдь у насъ свидѣтели!

— Не дерзаю-съ преступить консисторскіе указы, законы-съ... Конечно, я не смѣю полагать, чтобы ихъ сіятельство, такъ сказать, сокрыли...

— Что сокрыли?

— Вступленіе въ бракъ... такъ сказать, въ ихней землѣ... потому ежели... Паче же, матушка, во избѣжаніе сумлѣнія, не благоволятъ ли ихъ сіятельство предъявить свой пачпортъ.

И Марья Дмитріевна, и фонъ-Вульфъ замялись.

— Паспортъ, вы говорите?.. Да... Но, къ сожалѣнію, я забылъ его въ Москвѣ,—видимо, сбивался послѣдній.

— Но помилуйте, отецъ Ириархъ, — вступилась Марья Дмитріевна,—развѣ вы меня не знаете?

— Какъ не знать, матушка? Вы моя госпожа... А только воля ваша... За это меня разстригутъ, въ монастырь на смиреніе сошлютъ, а то и горшее бремя наказанія возложатъ на меня власти, а вы знаете, матушка, у меня дѣти, самъ семь колочусь...

Онъ всталъ и, закрывъ книгу, дрожащими руками всовывалъ свои телескопы въ огромный футляръ.

— Ну, какъ хотите,—холодно сказала Марья Дмитріевна,— мы найдемъ другого священника.

— Дай Богъ вамъ, дай Богъ, матушка,—бормоталъ растерявшійся отецъ Ириархъ;—а я, видитъ Богъ, не могу, не дерзну... указы святѣйшаго правительствующаго синода... не взыщите...

И, робко поклонившись, онъ незамѣтно скрылся за дверью.

XVIII. Опять въ тайной экспедиціи.

Увы! Вмѣсто свадебнаго пира нашихъ героевъ ожидала тайная экспедиція.

Мягкій свѣтъ осенняго солнца ярко освѣщаетъ обширную залу присутствія, играетъ на позолотѣ зерцалъ съ золотымъ двуглавымъ орломъ и на золотой оправѣ очковъ секретаря съ совинымъ взглядомъ, отливаясь серебромъ на сѣдыхъ головахъ трехъ судей тайнаго судилища. Всѣ они въ молчаніи ждутъ ввода подсудимаго. Тихо въ обширномъ судилищѣ. Слышенъ только шорохъ бумаги, производимый секретаремъ, да жужжитъ гдѣ въ углу муха, попавшая въ паутину.

Отворяется дверь, за которою сверкаютъ два штыка, и въ залу входитъ Вульфъ. Онъ держитъ себя съ достоинствомъ, но блѣдность и сѣдина, сверкнувшая на солнцѣ, изобличаютъ, что за послѣдніе дни онъ много пережилъ.

— Подсудимый! Утверждаетесь ли вы на показаніи, даномъ вами на допросѣ у оберъ-полицмейстера Козлова? — равнодушнымъ тономъ спросилъ первоприсутствующій, словно бы онъ говорилъ: «прошу садиться».

— Утверждаюсь,—былъ такой же равнодушный отвѣтъ.

— Повторите оное здѣсь вкратцѣ.

Вульфъ вздохнулъ. Видно было, что все это надоѣло ему, перемучило, и онъ началъ усталымъ голосомъ, монотонно, изрѣдка останавливаясь, чтобы что-то припомнить.

— Въ мартѣ 1790 года, вывезенъ я былъ изъ Россіи, подъ стражею, чрезъ польскую границу, чрезъ форпостъ Толочинской. Генеральша Ляпунова тайно отъ мужа провожала меня до первой станціи. Въ Толочинѣ прожилъ я мѣсяца съ три. Оттуда писалъ къ Ляпуновой о присылкѣ денегъ черезъ почту. Адресовать письмо на имя живущаго на Стрѣтенкѣ

портного, иностранца Еремія. Ляпунова прислала мнѣ сто четыре червонца, лошадей моихъ и нѣкоторыя вещи чрезъ иностраннаго купца Карла Штрема, и при томъ писала, чтобы чрезъ простого Еремія не посылать ей писемъ, а чрезъ камердинера графа Ѳедора Адреевича Остермана-Шмита. Ляпунова должна была мнѣ до сорока тысячъ по векселямъ, которые я возвратилъ ея мужу безденежно, за что Ляпуновъ подарилъ мнѣ пару лошадей, а жена его выдала мнѣ въ той суммѣ росписку. Росписку эту я оставилъ въ прусской Силезіи у капитана Дотолонскаго, который мнѣ пріятель, опасаясь, дабы въ случаѣ, когда захватятъ меня здѣсь со всѣми бумагами, оная не утратилась.

Онъ остановился, какъ бы что-то припоминая. Въ залѣ царствовала мертвая тишина; только слышно было, какъ въ паутинѣ билась муха, а за окномъ гугняво ворковали голуби.

— Получа отъ Ляпуновой деньги, — продолжалъ онъ;—поѣхалъ я въ Силезію и явился тамъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Гойму, и жаловался на шефа вольнаго корпуса и моего командира, барона Шлихтена, въ томъ, что онъ не доставилъ свѣдѣній о моей службѣ къ московскому главнокомандующему, когда меня обвинили здѣсь въ самозванствѣ.

— Свѣдѣніе было доставлено,—поправилъ его секретарь, вскинувъ на него и на судей свой совиный взглядъ.

— Да, точно—подтвердилъ и Вульфъ,—баронъ Шлихтенъ оправдался, представя копіи съ своихъ писемъ въ Россію и отвѣты на нихъ.

— Послѣ того,—продолжалъ онъ, — графъ Гоймъ приказалъ мнѣ остаться въ прусскомъ мѣстечкѣ Гарау и испросилъ у короля позволеніе жить мнѣ въ Пруссіи. Когда я жилъ въ Гарау, то пріѣзжалъ ко мнѣ отъ Ляпуновой офицеръ Красовскій съ письмомъ. Ляпунова писала, что мужъ ея умеръ, и она послѣ него получила въ наслѣдство болѣе трехсотъ душъ, 70,000 рублей денегъ, кромѣ брилліантовъ и серебра, и что она, въ благодарность за возвращенные ей векселя и за претерпѣнное мною, хочетъ выйти за меня замужъ, и что когда получитъ отъ меня отвѣтъ, то, по раздѣлѣ имѣній съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ, пріѣдетъ ко мнѣ, въ Силезію. При этомъ писала, что посылаетъ мнѣ пятьсотъ червонцевъ и куній мѣхъ. Мѣхъ я получилъ, а объ червонцахъ Красовскій сказалъ, что

у него ихъ на дорогѣ украли. Красовскій сообщилъ мнѣ, что ни писемъ, ни портрета моего, которые я къ ней послалъ чрезъ камердинера Шмита, она не получала, и предложилъ мнѣ вести переписку съ Ляпуновой чрезъ брата его, Андрея Красовскаго, секретаря въ витебскомъ городовомъ магистратѣ, но чтобъ я не подписывалъ своего имени, потому что на почтѣ письма распечатываютъ. Красовскаго я отправилъ въ Москву, далъ ему на дорогу семьдесятъ червонцевъ и письмо къ Ляпуновой, въ которомъ писалъ, что если она хочетъ за меня замужъ, то пріѣзжала бы ко мнѣ въ Пруссію, и что я, въ ожиданіи ея, на другой не женюсь. Вскорѣ получилъ я отъ нея письмо, что раздѣлъ ея съ сыномъ конченъ, и ничто не препятствуетъ ей пріѣхать ко мнѣ, и чтобы я приблизился къ границѣ для встрѣчи ея. Поэтому и выѣхалъ я въ Митаву 11-го іюля 1793 года, а въ августѣ послалъ въ Москву своихъ людей и камердинера Карла Гензеля съ кучеромъ Юстомъ на своихъ лошадяхъ, съ паспортомъ изъ Риги, для препровожденія ко мнѣ Ляпуновой...

Въ это время за стѣной послышался стонъ, потомъ женскій хохотъ. Фонъ-Вульфъ остановился. Хохотъ продолжалъ звучать дикими тонами. Секретарь всталъ изъ-за стола и вышелъ, но вскорѣ воротился.

— Съ госпожей Ляпуновой истерика,—сказалъ онъ спокойно.

— Ничего, пройдетъ,—равнодушно замѣтилъ первоприсутствующій,—продолжайте.

Вульфъ, стараясь не слышать хохота и рыданій, продолжалъ.

— Люди мои прожили у Ляпуновой въ домѣ дня три, послѣ чего она отправила ихъ обратно ко мнѣ съ письмомъ, извѣщая, что осталась въ Москвѣ для собранія своихъ денегъ по векселямъ и закладнымъ, и пріѣдетъ ко мнѣ непремѣнно въ январѣ. По полученіи этого письма я писалъ къ королю прусскому, объясняя, что намѣренъ жениться на русской генеральшѣ, вдовѣ, и просилъ о пожалованіи мнѣ инколата, то-есть диплома на право покупать въ Пруссіи деревни, и при томъ просилъ дозволенія носить мундиръ арміи прусской. Король прислалъ мнѣ дозволеніе на все, что я просилъ. Но въ январѣ нынѣшняго года Ляпунова ко мнѣ не пріѣхала, я послалъ къ ней камердинера своего съ оригинальнымъ отвѣтомъ

короля, для удостовѣренія ея въ королевскомъ благоволеніи, и при томъ писалъ, что если она ко мнѣ не пріѣдетъ, то сдѣлаетъ меня передъ королемъ обманщикомъ, и требовалъ отъ нея рѣшительнаго отвѣта.

Онъ остановился и прислушался. За стѣной было тихо, только съ улицы доносилось знакомое протяжное выкрикиванье.

Макъ медовый,
Для сна бѣдовый.

Вульфъ вспомнилъ, что это самое выкрикиванье слышалъ онъ шесть лѣтъ назадъ, когда его первый разъ везли въ тайную экспедицію.

— Въ мартѣ, — продолжалъ онъ, вздохнувъ,—возвратился камердинеръ изъ Москвы и разсказалъ, что вмѣстѣ съ купцомъ Шоу, съ которымъ онъ пріѣхалъ изъ Митавы, онъ стоялъ три дня въ трактирѣ «Царьградъ», гдѣ ихъ обокрали и нѣсколько разъ представляли губернатору. Гензель показывалъ Ляпуновой отвѣтное письмо короля прусскаго, но она не умѣла читать по-нѣмецки, а читалъ ей какой-то лѣкарь. Гензель привезъ мнѣ обратно королевское письмо и письмо отъ Ляпуновой. Она отвѣчала, что намъ въ королевскомъ жалованьѣ нужды нѣтъ потому что она старается исходатайствовать у императрицы милость, чтобъ позволено мнѣ жить въ Москвѣ. Потомъ писала, что я могу самъ пріѣхать, потому что она выпросила мнѣ высочайшее соизволеніе возвратиться въ Москву и на ней жениться. Она просила меня пріѣхать и остановиться въ Сетуни, въ десяти верстахъ отъ Москвы.

— Хорошо, — остановилъ его первоприсутствующій — дальше мы знаемъ. А какъ взяли васъ послѣ того, какъ священникъ не согласился на вѣнчаніе?

— Послѣ отказа священника,—отвѣчалъ Вульфъ,—мы переночевали въ Знаменкахъ, и Ляпунова хотѣла, чтобы я ѣхалъ съ нею обратно въ Москву, но я не соглашался, а хотѣлъ ѣхать обратно за границу. Но какъ у нея былъ одинъ экипажъ, а другой принадлежалъ мнѣ, съ нею же были двѣ дѣвушки, лакей и кучеръ, и всѣмъ имъ въ одномъ экипажѣ помѣститься было невозможно...

— Ну, возможно,—перебилъ его первоприсутствующій;— карета была четверомѣстная... Ну-съ?

— Такъ Ляпунова рѣшилась ѣхать со мною далѣе по петербургской же дорогѣ въ домъ извозчика, который съ нами ѣхалъ, за Клипомъ, въ 35 верстахъ, а въ какомъ селеніи не упомню.

— Въ Городищѣ,—подсказалъ секретарь.

— Да, точно. Мы намѣревались, чтобы мнѣ тамъ остаться, а ей ѣхать съ своими людьми въ обоихъ экипажахъ въ Москву, мнѣ же дожидаться возвращенія моей коляски и потомъ слѣдовать за границу. 12-го сентября пріѣхали мы въ домъ къ извозчику вечеромъ, гдѣ и ночевали, а на другой день извозчикъ имѣлъ надобность остаться дома, а въ проводники далъ намъ своего сына, который въ то время былъ на работѣ. Я остался еще день у извозчика. Между тѣмъ, Ляпунова, потихоньку отъ меня, посылала извозчика искать священника, который обвѣнчалъ бы насъ, и нашелъ такого въ деревнѣ Шошѣ, но онъ не могъ пріѣхать по случаю праздника. Тогда я, не желая больше тамъ жить, упросилъ Ляпунову ѣхать въ Москву. 14-го числа она уѣхала, и разстались съ тѣмъ, чтобы она выхлопотала мнѣ дозволеніе служить и быть русскимъ подданнымъ, а въ случаѣ неудачи, чтобы она пріѣхала ко мнѣ, въ Митаву. Но на другой день пріѣхалъ въ то селеніе вѣдомства московской управы благочинія частный приставъ и, взявъ меня, за стражею привезъ въ Москву, представилъ оберъ-полицмейстеру, а отъ него представленъ къ губернатору, а отъ губернатора я препровожденъ сюда.

Вульфъ кончилъ. Его, видимо, утомило продолжительное показаніе. Солнце довольно высоко поднялось къ полудню и измѣнило картину освѣщенія залы, длиннаго судейскаго стола съ зерцаломъ, которое бросало теперь тѣнь на худое лицо секретаря и ярко горѣло позолотою рамъ и двухглаваго орла.

— Ну, а относительно политическихъ обстоятельствъ?— спросилъ первоприсутствующій, медленно нюхая табакъ изъ дорогой «пожалованной» табакерки.

Вульфъ тряхнулъ головой, онъ чувствовалъ, какъ она отяжелѣла.

— Въ бытность мою сей разъ за границею,—началъ онъ усталымъ голосомъ,—во все время нигдѣ я, кромѣ Пруссіи, не жилъ, ни съ кѣмъ никакихъ относящихся до нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ связей, ни переписокъ не имѣлъ, ниже

когда-либо мысленно занимался чѣмъ-нибудь на вредъ какой-либо націи; въ Россію же осмѣлился въѣхать, по увѣренію госпожи Ляпуновой, что пребываніе мнѣ здѣсь позволено, въ чемъ я ни мало не сомнѣвался и считалъ себѣ за долгъ вѣрить такой особѣ, которая совсѣмъ мнѣ предана и готовилась быть мнѣ супругою.

— Довольно; можете итти.

Вульфъ вышелъ, шатаясь. Въ дверяхъ опять блеснули штыки.

— Ввести генеральшу Ляпунову.

Секретарь вышелъ, а присутствующіе съ улыбкой переглянулись.

— Видно, какъ кошка, влюблена,—бросилъ словцо первоприсутствующій.

— Немудрено, мужикъ ражій.

— А второй разъ влопался,—замѣтили другіе члены.

— Что жъ! И баба сытная...

Дверь отворилась, сверкнули штыки, и въ залу вошла Ляпунова подъ густою, черною вуалью.

— Возьмите мѣсто, сударыня, — любезно сказалъ первоприсутствующій, указавъ на стоящее въ сторонѣ кресло,—и потрудитесь приподнять вуаль.

Ляпунова повиновалась. Красивое лицо ея было заплакано.

— Извините, сударыня, долгъ службы,—еще ласковѣе заговорилъ главный судья,—мы васъ долго не задержимъ. Скажите, пожалуйста, вы утверждаетесь на томъ, что изволили показать оберъ-полицмейстеру?

— Да,—былъ чуть слышный отвѣтъ.

— Прекрасно-съ... Потрудитесь же теперь сказать ваше послѣднее слово.

Не глядя ни на кого, Марья Дмитріевна сказала:

— Я введена въ обманъ... Мнѣ обѣщали высочайшую милость, и я вызвала сюда барона... Когда же онъ узналъ здѣсь, что милость еще не вышла, то изъ страха быть пойманнымъ хотѣлъ возвратиться за границу... Но моя любовь и убѣжденіе къ нему, кое я почитаю пуще самой смерти, отъ того удержало, ибо я отпустить его никакъ не соглашалась... Впрочемъ, я совершенно теперь чувствую тотъ сдѣланный мною дерзновенный поступокъ, который я отважилась сдѣлать противъ высо-

чайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, что свела непозволенную переписку съ изгнаннымъ изъ Россіи человѣкомъ...

— Точно, точно, сударыня.

— Но вся наша переписка состояла въ единственномъ увѣреніи съ обѣихъ сторонъ въ любви.

— Прекрасно, сударыня, это вполнѣ должно облегчить вашу участь.

— Я надѣюсь, господа судьи... Все это я дѣлала единственно изъ непосредственной къ Вульфу приверженности и любви, и для того прошу всемилостивѣйшаго отъ ея величества въ томъ помилованія, ибо самой сіе нѣжное чувство свѣдомо...

Первоприсутствующій крякнулъ и нетерпѣливо завертѣлся въ креслѣ, а секретарь усиленно зашуршалъ бумагами...

— Я осмѣливаюсь утруждать государыню, — продолжала Ляпунова, ничего не замѣтивъ,—дабы мнѣ дозволено было съ Вульфомъ вѣнчаться, ибо я увѣрена, что если онъ удостоенъ будетъ высочайшаго прощенія и будетъ принятъ въ службу, то совершенно самъ ту свою вину заслужить можетъ.

Марья Дмитріевна окончательно пріободрилась отъ любезнаго обращенія съ ней страшнаго судьи, котораго она воображала себѣ въ видѣ заплечнаго мастера, съ орудіями пытки, вздергивающаго ее на дыбу, и послѣднюю свою рѣчь говорила не безъ кокетства: «о, да тайная совсѣмъ не страшна»,—сквозило въ ея повеселѣвшихъ глазахъ:—«а я-то, дура, боялась».

— Да, да, сударыня,—ободрялъ ее первоприсутствующій,—надѣйтесь на матернее милосердіе ея императорскаго величества... Мы васъ больше не смѣемъ задерживать.

И Марья Дмитріевна, торжествующая и гордая, кокетливо поклонившись «милымъ старичкамъ» и опустивъ на лицо вуаль, вышла изъ залы суда королевой.

— А глупешенькая-таки барынька,—улыбнулся страшный судья,—ухъ, какъ глупа!

— А смазливая бабенка,—замѣтилъ другой судья.

— У нѣмца-то губа не дура: зналъ, кого слопать.

— Чай, и на тебя доведись, такъ не въ промахъ бы ударилъ.

— Да, да... Ввести Красовскаго! — скомандовалъ главный «милый старичекъ».

Опять тихо въ тайномъ судилищѣ. Только муха продолжала биться.

— Ишь жужжитъ, окаянная,—замѣтилъ кто-то.

— Да, къ намъ, въ тайную попалась.

Дверь отворилась, и у порога показалась робкая фигура субъекта, повидимому, скромнаго и вкрадчиваго, но по натурѣ хищнаго, способнаго заползать въ чужой карманъ. Это было что-то развинченное или безпозвоночное, такъ легко гнулась его спина.

— Ты Красовскій?—спросилъ первоприсутствующій.

— Красовскій-съ, ваше высокопревосходительство.

— Тебѣ извѣстно, что показываетъ на тебя генеральша Ляпунова?

— Извѣстно-съ, только это поклепъ-съ... Дѣло было такъ-съ, ваше сіятельство: въ 1792 году вознамѣрился я ѣхать въ Польшу для свиданія съ своими родственниками и получилъ-съ паспортъ. Генеральша Ляпунова, которая крестила у меня дочь, узнавъ объ этомъ, просила меня развѣдать объ иностранцѣ Вульфѣ, живъ ли онъ, гдѣ находится и въ какомъ состояніи, и дала мнѣ для доставленія къ нему письмо и денегъ ассигнаціями тысячу сто рублей и купій мѣхъ. Деньги я обмѣнялъ въ Москвѣ на червонные и выѣхалъ 10-го января. Проѣзжая городъ Вепровъ, на постояломъ дворѣ у меня украли деньги изъ-подъ подушки. Вульфа я нашелъ въ польскомъ мѣстечкѣ Сховѣ, гдѣ онъ проживалъ. У него я прожилъ-съ съ недѣлю. Потомъ, повидавшись съ своими родственниками, возвратился я въ Москву въ апрѣлѣ-съ. Вскорѣ, когда я вознамѣрился ѣхать въ Петербургъ хлопотать о мѣстѣ-съ, госпожа Ляпунова объявила мнѣ, что она намѣрена просить государыню о дозволеніи ей для поправленія своего здоровья, а тѣмъ паче-съ отъ притѣсненія ея родственниковъ, выѣхать изъ Россіи въ чужіе края, и просила меня написать такого содержанія письмо-съ, которое я тогда же написалъ-съ. Госпожа Ляпунова просила меня исполнить эту комиссію черезъ петербургскихъ монхъ пріятелей-съ, о которыхъ я ей пересказалъ, увѣривъ ее, что я очень хорошо рекомендованъ отъ почтъ-директора Пестеля графу Безбородкѣ-съ и совершенно надѣюсь все то ея желаніе исполнить-съ. Поэтому, она какъ на проѣздъ мой, такъ равно и на изысканіи случая къ подачѣ того письма передавала мнѣ въ разныя времена до четы-

рехъ тысячъ рублей-съ, а не тридцать тысячъ, какъ она показываетъ, ибо я совершенно могъ бы и большею суммою воспользоваться по хорошему ея ко мнѣ расположенію, но я толикой суммы отъ нея не получалъ. Письмо же къ государынѣ я подать не осмѣлился и, не показывая никому, оное оставилъ у себя, которое и нынѣ у меня находится.

Онъ полѣзъ въ карманъ и досталъ измятый пакетъ, который и положилъ на столъ около секретаря.

— Вотъ оно-съ,—сказалъ онъ, застегиваясь.

— Все?—спросилъ первоприсутствующій.

— Все-съ.

— Можешь итти.

Пріятель Пестеля юркнулъ въ дверь, словно мышь въ нору.

— Жуликъ отъявленный, — замѣтилъ первоприсутствующій,—теперь остаются дѣвочки... Введите Лебедеву, господинъ секретарь... Вѣдь, это совсѣмъ дѣти.

Секретарь вышелъ, и тотчасъ же въ дверяхъ показалось смущенное веснушчатое личико Маши. Она остановилась и потупилась.

— Подойдите, милая, поближе, — ласково сказалъ первоприсутствующій,—не бойтесь, говорите смѣло все, что знаете.

Маша сдѣлала нѣсколько шаговъ и заплакала: слезы такъ и закапали сквозь пальцы, которыми она закрыла раскраснѣвшееся лицо.

— О чемъ же вы плачете, милая? Скажите только все, что знаете о намѣреніи генеральши Ляпуновой тайно обвѣнчаться съ иностранцемъ Вульфомъ.

— Я ничего не знаю,—всхлипывала дѣвушка, — меня Марья Дмитріевна посылала въ Сетунь для встрѣчи Вульфа... я и ѣздила, не посмѣла не поѣхать. она мнѣ какъ мать... потомъ мы всѣ поѣхали въ Знаменки вѣнчаться, а батюшка не согласился... Тогда мы поѣхали въ Городище и тамъ распрощались, мы съ Марьею Дмитріевною, и съ Дунею Бубновою уѣхали въ Москву, а онъ, Вульфъ, остался тамъ. Разговоровъ ихъ я не понимала, потому что они говорили по-французски... Потомъ насъ взяли...

За слезами она не могла больше говорить.

— Перестаньте же плакать, — уговаривалъ ее предсѣда-

тель,—вѣдь все ужъ... Сейчасъ васъ освободятъ, вы тутъ не при чемъ...

— Какъ не при чемъ!—продолжала рыдать дѣвушка.—Я потерпѣла позорное заключеніе... двѣ недѣли... въ тюремномъ замкѣ... Не вѣдая за собою никакого... криминальнаго дѣла... Я дѣвушка благородно-рожденная... я чувствую всю тягость причиняемаго мнѣ безчестія...

— Полно же, милая!—подошелъ къ ней первоприсутствующій.—Идите себѣ съ Богомъ, вы свободны... Господинъ секретарь! Прикажите ее вмѣстѣ съ подругою отправить домой въ каретѣ съ должною честью... Идите же, милая.

Маша вышла вмѣстѣ съ секретаремъ.

— Ну, посмотримъ теперь на сержанта,—улыбнулся первоприсутствующій, нюхая табакъ.

У порога показалась зардѣвшаяся рожица юнаго сержантика. Дуня была все въ томъ же маскарадномъ уборѣ и такая же, какъ и была, хорошенькая.

— А! Здравствуйте, господинъ сержантъ! — невольно разсмѣялся первоприсутствующій. — Какъ поживаете? Какого полка.

Дуня окинула всѣхъ своими большими сѣрыми глазами и, видя добродушныя лица старичковъ, съ любовью, какъ на шалуна ребенка, глядящихъ на нее, невольно улыбнулась, сверкнувъ своими перламутровыми зубами, и эта улыбка какъ бы говорила: «да какіе же они всѣ смѣшные!».

— Ну, господинъ сержантъ, что вы намъ хорошенькаго скажете? А? — допрашивалъ ее «старикашка съ табачнымъ посомъ», какъ послѣ называла его Дуня.—А?

— Поѣхала я съ Марьей Дмитріевной вѣнчаться,—начала подсудимая храбро.

— Вотъ какъ!—озадачилъ ее «старикашка съ табачнымъ посомъ»—А намъ облыжно донесли, что она якобы хотѣла вѣнчаться съ Вульфомъ, что за него хотѣла выйти замужъ, а не за васъ... Вотъ такъ новость!

Дуня не выдержала и разсмѣялась совсѣмъ по-дѣтски. Засмѣялись и строгіе судья.

— Ну-съ, это любопытно,—продолжалъ «табачный посъ,— поѣхали вы вѣнчаться...

— Не я, а Марья Дмитріевна... а меня нарядили сержантомъ,—оправдывалась Дуня.

— Для чего же-съ? Ради машкараду?

— Нѣтъ... чтобы быть мнѣ при брачномъ обыскѣ расписчикомъ.

— И вы были-съ?

— Нѣтъ, батюшка не захотѣлъ.

— И хорошо сдѣлалъ. Ну-съ?

— А насъ взяли въ тюрьму попапраспу... Это для меня попошеніе и безчестіе...

— Ничего, милая дѣвочка, до свадьбы заживетъ... Все-съ?

— Все...

— Немного же... И то правда: хорошенькаго понемножку... Идите же, милая дѣвочка, съ Богомъ: васъ съ подругой отвезутъ домой въ каретѣ... Прощайте!

— Прощайте-съ!—и юный сержантъ скрылся за дверь.

— Сущіе ребята,—улыбнулся первоприсутствующій,—попались, какъ куръ во щи... Въ такомъ духѣ о нихъ и донесеніе слѣдуетъ изготовить государынѣ императрицѣ. А всему причиной эта баба, Ляпунпха, глупа, какъ карандашъ, что ни вели, то и нацарапаетъ, а какую кашу заварила! А объ государынѣ-то что ляпнула, замѣтили?

— Какъ не замѣтить! Еще бы!

— Охъ, глупость, глупость! Не на китахъ, а на ней земля стоитъ...

XIX. Въ кабинетѣ императрицы.

Угрюмый осенній день нависъ надъ Петербургомъ. Тяжелыя, сплошныя облака обложили все небо. Безпрерывный дождь вотъ уже второй день хлещетъ, а западный вѣтеръ, свистя и завывая гонитъ со взморья тучу за тучей, словно бы земля срывалась съ основанія, а опрокинувшееся море разверзало всѣ свои водныя хляби и заливало бѣдную землю. Съ крѣпости то и дѣло слышались пушечные выстрѣлы. Нева поднялась, вздулась и катила свои свинцовыя воды назадъ, вспять отъ моря. По этой вспухшей поверхности рѣки безпомощно трепались суда, лодки, барки съ дровами и сѣномъ, разбиваемыя одна о другую и выбрасываемыя на набережную. Выбившіеся изъ силъ люди, мокрые, иззябшіе, метались по палубамъ, мостамъ и набереж-

нымъ, не зная, за что ухватиться, что спасать, гдѣ спрятаться. Подвалы залиты водой, торцовыя мостовыя вспучились, а вѣтеръ и дождь не унимаются, огромные валы по Невѣ такъ и ходятъ.

Императрица стояла у окна и задумчиво смотрѣла на бушующую Неву, на быстро несущіяся отъ взморья тучи, на безпомощно мечущихся людей. Она была одна въ своемъ кабинетѣ.

— Нелегко бѣднымъ людямъ жить на свѣтѣ... А мы вотъ здѣсь въ теплѣ, въ холѣ и волѣ...

Она отошла отъ окна и приблизилась къ столу, чтобы работать, но потомъ снова задумалась.

Почему-то въ это угрюмое осеннее утро у ея изъ головы не выходилъ образъ того человѣка, котораго за то только, что онъ написалъ непоправившуюся ей книгу, ея сенатъ присудилъ къ смертной казни.

— Къ смерти! Неужели сенатъ сдѣлалъ это изъ угодливости мнѣ?.. Да, это несомнѣнно, это, чтобъ мнѣ угодить...

Она почувствовала, какъ краска разомъ залила ея щеки.

— Какъ же господа сенаторы дурно обо мнѣ думаютъ!

И краска все сильнѣе и сильнѣе заливала ея полное, старчески уже обвисавшее лицо.

— Хорошо, что я замѣнила смертную казнь ссылкою въ Сибирь... И то жестоко... Стара стала, оттого.

Она снова подошла къ окну. Вѣтеръ продолжалъ завывать порывами, и дождь хлесталъ косыми полосами въ стекла.

— Нѣтъ!—она улыбнулась.—Это сенаторы испугались за свою шкуру, вотъ что!.. Недаромъ эпиграфомъ своей вредной книгѣ онъ поставилъ:

Чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяй.

Тихій шорохъ толстой портьеры заставилъ ее обернуться.

— А! Это ты, Платонъ.

Въ кабинетъ, неслышно ступая по мягкимъ коврамъ, вошелъ молодой человѣкъ въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, красивый, ловкій, широкоплечій, съ прекрасными черными, женственно-мягкими глазами. Это былъ Платонъ Зубовъ.

— Что, приняты мѣры для безопасности столицы?—спросила она съ прояснившимся лицомъ.

— Приняты, государыня. Сейчасъ пріѣзжалъ Архаровъ доложить, что вѣтеръ падаетъ, и Нева пошла на убыль.

— Ну, слава Богу... А то у меня все сердце переболѣло за бѣдныхъ людей, шутка ли!

Она подошла къ своему любимцу и, положивъ руку на плечо, взглянула ему въ глаза.

— Скажи, Платонъ, откровенно: не слишкомъ ли я жестоко поступила, сославъ автора этой книги въ Сибирь?—спросила она, указывая на лежавшую на столѣ книгу.

— Нѣтъ, государыня, совсѣмъ не жестоко, а больше, чѣмъ милостиво,—отвѣчалъ Зубовъ,—вѣдь сенатъ присудилъ его къ смертной казни.

— Такъ-то, такъ, мой другъ, — ласково сказала императрица,—а знаешь, что писалъ по этому поводу графъ Воронцовъ, Семенъ?

— Не слыхалъ, государыня.

— А то, что «если-де за книгу такое наказаніе, то что же должно быть за явный бунтъ?»

— Его, государыня, лорды тамъ въ Лондонѣ, избаловали, Питты да Гранвили, оттого онъ и вольнодумничаетъ,—улыбнулся Зубовъ.

— Ты правъ, Платонъ: легко ему оттуда такъ, писать... За явный бунтъ! Да Радищевъ хуже бунтовщика, хуже Пугачева! Онъ хвалитъ Франклина, какъ начинщика, и себя такимъ же представляетъ! *).

— Я помню, государыня, я читалъ его книгу: превредная!

Императрица положила руку на книгу.

— Тутъ разсѣваніе заразы французской! Отвращеніе отъ начальства!.. Авторъ—мартинистъ! **).

— Да, государыня, онъ, дѣйствительно, стоилъ казни.

— А не забудь, мой другъ!—волновалась императрица.— Когда я приказывала разсмотрѣть его дѣло въ совѣтѣ, чтобъ не быть пристрастною, я велѣла объявить, дабы не уважали до меня касающееся, понеже я то презираю! Но, мой другъ, j'aime à dire avec Racine:

Celui qui met un frein à la fureur des flots,
Sait aussi des méchants arrêter les complots.

---

*) «Дневникъ Храповицкаго», 340 (Подлинныя слова Екатерины).
**) Тамъ же, 338.

Soumis avec respect à la volonté sainte,
Je crains Dieu—et n'ai point d'autre crainte *).

Зубовъ молчалъ. Онъ видѣлъ, что государыня взволнована, и не зналъ, какъ отвлечь ее отъ мрачныхъ мыслей, которымъ она въ послѣднее время все чаще и чаще предавалась. Поэтому онъ обрадовался, когда за портьерой услыхалъ голосъ Льва Нарышкина, который говорилъ:

— Ну, Захарушка, говори: слава Богу!

— Что, батюшка, Левъ Александровичъ!—слышался голосъ Захара.—Али вода убываетъ?

— Убываетъ, Захарушка, убываетъ.

— Да вы, батюшка, мокрехоньки!

— Еще бы! Вѣдь поросятъ своихъ спасалъ.

Екатерина улыбнулась. Она ужъ догадалась, что «Левушка» выдумалъ какую-нибудь проказу, чтобъ отвлечь ее отъ хандры, чаще и чаще посѣщавшей старѣющую императрицу.

Изъ-за портьеры показался Нарышкинъ. Онъ былъ, дѣйствительно, промоченъ дождемъ. Съ парика его скатывались капли.

— Ну, матушка государыня,—заговорилъ онъ, вступая въ кабинетъ,—и не чаялъ живу быть.

— Что такъ?—спросила государыня.

— Да поросятъ своихъ спасалъ, матушка.

— Отъ наводненія?

— Что, матушка, наводненія! Отъ княгини Дашковой спасалъ.

— Какъ! И у тебя съ ней ссора изъ-за свиней?

— Нѣту, матушка, какая ссора! То она у брата моего побила свиней, это старая исторія... И стала она съ той поры сушимъ Емелькой Пугачевымъ: чьихъ бы свиней ни встрѣтила, сейчасъ рубить!.. Вотъ какъ сегодня случилось наводненіе, у меня подвальный этажъ и залило водой. А въ подвальномъ этажѣ у меня выкармливались молочкомъ прехорошенькіе голландскіе поросятки, потомки тѣхъ, что зарубила ея сіятельство, двора вашего императорскаго величества штатсъ-дама, академіи наукъ директоръ, императорской россійской академіи президентъ и

*) Дневникъ Храповицкаго, 344. Я люблю повторять за Расиномъ: тотъ, кто ставитъ преграду бѣшенству волнъ, сумѣетъ остановить и заговоръ злыхъ людей. Подчиняясь святой волѣ Господа Бога, я боюсь Его и другого страха не знаю.

кавалеръ, княгиня Екатерина Романовна Дашкова... Охъ, матушка! Дай передохнуть, такой титулъ большой.

— Ну, передохни; никто тебя не гонитъ,—смѣялась императрица.

— Такъ вотъ, государыня,—продолжалъ Нарышкинъ, передохнувъ,—когда это залило у меня подвальный этажъ, мои людишки, спасаючи поросятъ, возьми да и выпусти на дворъ... А сіи глупые и неистовые мартинисты, завизжавъ и поднявъ хвосты, подобно Радищеву, возьми да и убѣги со двора, да прямо къ академіи наукъ... И на счастье, матушка, случись мнѣ въ сей самый моментъ проѣзжать мимо академіи, коли смотрю, бѣгутъ мои поросятки, словно Густавъ III отъ нашего Грейга, а за ними гонятся съ топорами, кто бы ты думала, матушка?

— Княгиня Дашкова?

— Да, матушка, точно, да съ андреевской лентой черезъ плечо, а рядомъ съ нею, съ топоромъ же, Державинъ, Гаврило Романовичъ, коммерцъ-коллегіи президентъ, да такъ страшно оретъ:

Почто меня отъ Аполлона,
Меркурій, ты ведешь съ собой?
Средь пышнаго торговли трона
Мнѣ кажешь ворохъ золотой!

Императрица и Зубовъ смѣялись.

— Какъ увидалъ я это, матушка государыня,—продолжалъ Нарышкинъ все съ тою же серьезною миною,—у меня и духъ заняло отъ страха... Велю кучеру остановиться; выскакиваю изъ кареты, поросятки бѣгутъ прямо на меня; я разставилъ руки, чтобы ловить ихъ, а они узнали меня, я ихъ самъ часто молочкомъ пою, да ко мнѣ; я ихъ сейчасъ же къ себѣ въ карету, и былъ таковъ! Вотъ меня и замочило.

— Не вѣрьте ему, матушка,—послышался изъ-за портьеры женскій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ показалось улыбающееся лицо Марьи Савишны Перекусихиной,—самъ на себя клеплетъ... Это онъ сейчасъ выставлялъ подъ дождь вашу любимую камелію, что въ Эрмитажѣ, его и замочило... И хоть бы камеръ-лакеевъ позвалъ, нѣтъ, самъ все это продѣлалъ.

— Ахъ, Левушка, другъ мой!—съ сердечностью сказала императрица.—Ты меня всегда балуешь.

— Вретъ она, старая вѣдьма!—оправдывался Нарышкинъ.

Но въ этотъ моментъ изъ-за Марьи Савишны выставилось серьезное лицо генералъ-прокурора, и всѣ разомъ примолкли: Перекусихина юркнула за портьеру, а Нарышкинъ отошелъ въ сторону, ворча:

— Ну, эти крючки вракъ не жалуютъ, сейчасъ Шешковскому въ пасть отдадутъ... Душегубы!

Несмотря на всю свою серьезность, Вяземскій при послѣднихъ словахъ улыбнулся.

— Съ докладомъ, Александръ Андреевичъ? — спросила императрица.

— Съ докладомъ, ваше величество.

— А вода убываетъ?

— Убываетъ, государыня,—автоматически отвѣчалъ генералъ-прокуроръ, вынимая изъ портфеля папку съ бумагами.

— Сегодня немного?

— Только одно дѣло изволили приказать доложить сегодня: объ иностранцѣ Вульфѣ и генеральшѣ Ляпуновой, государыня.

— А!.. Это тотъ Вульфъ,—обратилась Екатерина къ Зубову,—что у Зорича съ Зановичами на фальшивыхъ ассигнаціяхъ банкъ метали... Третій разъ молодецъ попадается.

Вяземскій вынулъ опредѣленіе сената, подошелъ къ столу, за которымъ уже сидѣла императрица.

— Что присудилъ сенатъ?—спросила она.

— Слушали, приказали,—безстрастнымъ голосомъ началъ докладчикъ,—первое: иностранца Вульфа за продерзость его въ пріѣздѣ въ имперію нашу, откуда по именному указу нашему былъ высланъ съ запрещеніемъ впредь входить въ границы Россійской державы, держать шесть недѣль въ смирительномъ домѣ и потомъ выслать за предѣлы имперіи, подтвердя, что въ случаѣ подобнаго его дерзновенія подвергнетъ онъ себя строжайшему наказанію.

Императрица наклонила голову. Вяземскій ждалъ.

— Быть по сему... Что дальше?

— Второе,—продолжалъ Вяземскій,—вдовѣ Ляпуновой опредѣлить пребываніе въ монастырѣ женскомъ, покуда она исправится, препоруча имѣть за поведеніемъ ея пристойное наблюденіе.

— Строгонько,—взглянувъ на Зубова, сказала императрица.

Потомъ она глянула на Вяземскаго съ какимъ-то двойствен-

нымъ свѣтомъ въ глазахъ. Онъ очень хорошо зналъ этотъ лукавый свѣтъ и сразу догадался, какая мысль прошла по душѣ его повелительницы. Свѣтъ этотъ являлся въ ея умныхъ глазахъ, когда она хитрила, лукавила. И Вяземскій нашелся, что отвѣчать, особенно же въ присутствіи Зубова.

— Сіе наказаніе, ваше величество, налагается на нее не за влеченіе ея сердца,—сказалъ онъ,—а за то, что она предерзостно воспользовалась именемъ вашего величества.

— Совершенно правда,—согласилась императрица.

— А Нелидова-то, слышали, государыня?—отозвался изъ угла Нарышкинъ,—опять просится въ монастырь...

— Вотъ какъ! Туда ей и дорога,—брезгливо сказала императрица.

— Опять, матушка, хочетъ тамъ жить, dans la maison de demoiselles nobles où elle rapportera son coeur aussi pur, qu'il a été à sa sortie du couvent *),—съ гримасой Нелидовой произнесъ Нарышкинъ.

— Будто бы aussi pur!—пожала плечами императрица.— Да оно у нея никогда не было pur... Еще дѣвчонкой, въ Смольномъ, она была уже кокеткой... Продолжайте, Александръ Андреевичъ.

— Третье, — читалъ Вяземскій, — дворянской опекѣ взять имѣніе Ляпуновой въ надлежащій присмотръ и управленіе на основаніи учрежденій нашихъ и съ тѣмъ, чтобы изъ онаго, во-первыхъ, получала она приличное и достаточное содержаніе, и затѣмъ бы то имѣніе предохранено было отъ разоренія.

— Быть по сему,—подтвердила Екатерина.

— Четвертое,—читалъ Вяземскій, — подпоручика Красовскаго, яко празднаго человѣка и подозрительнаго въ обманѣ, ея, Ляпуновой, обѣщаніемъ стряпать о Вульфѣ, получивъ отъ нея и деньги, выслать изъ столицы въ Полоцкую губернію, гдѣ братъ его жительствуетъ, запретя ему выѣзжать въ обѣ столицы.

— И въ Шкловъ,—сошкольничалъ «Левушка».

— Почему?—спросила императрица.

— А то и Зорича обретъ.

Императрица на это ничего не сказала, а только улыбнулась.

---

*) Подлинныя слова Нелидовой («Дневникъ Храповицкаго», 402). Въ институтъ для благородныхъ дѣвицъ, куда она принесетъ свое сердце такимъ же чистымъ, какимъ оно было при выходѣ изъ него.

— А о дѣвочкахъ никакой резолюціи не положено?—спросила она Вяземскаго.

— Дѣвицы Лебедева и Бубнова тогда же освобождены отъ суда и слѣдствія, ваше величество,—отвѣчалъ онъ и подалъ изготовленное по этому дѣлу высочайшее повелѣніе къ московскому главнокомандующему, князю Прозоровскому.

Екатерина подписала. Вяземскій взялъ бумаги и откланялся. Въ кабинетѣ стало тихо, и Екатерина опять что-то задумалась. Зубовъ, незамѣтно толкнулъ Нарышкина, показалъ на нее глазами.

— Матушка!—заговорилъ Левушка.—А ты скучаешь?

— По комъ?—спросила она.

— По Храповицкомъ, матушка.

Она улыбнулась.

— Право же, матушка, ты по немъ тоскуешь: какъ прогнала его отъ себя, такъ и стала задумываться... Да и въ кабинетѣ у тебя безъ Храповицкаго скучнѣе стало; то ли дѣло бывало при немъ! Сидитъ тутъ да перлюстраціею забавляется...

— Нѣтъ,—серьезно сказала императрица,—я была несправедлива къ Радищеву, а теперь—къ Ляпуновой... Да, тяжело одному быть судьею милліоновъ.

Она встала и подошла къ окну. Нева еще бушевала, но вода пошла на убыль, и пушка стрѣляла все рѣже и рѣже.

ЭПИЛОГЪ.

Подъ пирамидами.

Въ 1799 году, въ Египтѣ, въ разгаръ битвы подъ пирамидами, когда Бонапарте сказалъ свою знаменитую фразу о томъ, что на него и на его войско «съ высоты пирамидъ смотрятъ сорокъ вѣковъ», въ одну изъ палатокъ на перевязочномъ пунктѣ внесли одного раненаго офицера и положили на свободную койку. Ему только что перевязали смертельную рану, нанесенную въ бокъ копьемъ мамелюка.

На другой койкѣ, рядомъ съ этой, лежалъ другой раненый въ забытьѣ. Около него сидѣлъ другой офицеръ съ подвязанной рукой и печально смотрѣлъ въ лицо забывшагося товарища.

— Шведы близко... заходятъ съ той стороны Нейшлота...

къ оружію!—заговорилъ вдругъ по-русски, въ бреду, тотъ, что лежалъ въ забытьѣ.

Вновь принесенный раненый слабо повернулъ голову къ тому, который бредилъ, и простоналъ:

— Господи! Какъ занесло сюда русскаго?

Тотъ, у котораго подвязана была рука, въ изумленіи повернулся къ вновь принесенному.

— Баронъ!.. Это вы?.. Баронъ фонъ-Вульфъ?

— Графъ Зановичъ!—слабо простоналъ только что принесенный.—Какими судьбами?

— Мы съ братомъ въ арміи Бонапарта... Насъ освободили изъ Нейшлота давно, и вотъ...

— Что же братъ?

— Умираетъ... онъ безнадеженъ... бредитъ Россіей... А вы, баронъ?

Фонъ-Вульфъ не отвѣчалъ, онъ потерялъ сознаніе.

— Зоричъ, Вульфъ, Нейшлотъ, пирамиды, Россія... и эта смерть!—схватившись свободной отъ перевязки рукой за голову, тихо застоналъ старшій Зановичъ и упалъ на колѣни около умирающаго брата.

Въ эту ночь ни барона фонъ-Вульфа, ни графа Аннибала Зановича не стало: нашли, наконецъ, гдѣ сложить свои буйныя головы, подъ пирамидами!

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Наносная бѣда	1
Часть первая	—
Часть вторая	123
Авантюристы	199

PG 3467 M8 1914 kn.19-22

Mordovtsev, Daniil Lukich
Polnoe sobranie istoricheskikh romanov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY